

М.М. Фролова

Александр Дмитриевич Чертков

(1789—1858)

Главное архивное управление города Москвы
Институт славяноведения Российской академии наук

М.М. Фролова

Александр Дмитриевич Чертков
(1789—1858)

Издательство Главархива Москвы
ОАО «Московские учебники»

Москва 2007

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА ПРАВИТЕЛЬСТВА МОСКВЫ

Рукопись утверждена к печати Ученым советом Института славяноведения РАН (председатель К.В. Никифоров) и Редакционным советом Главного архивного управления города Москвы (председатель В.А. Маныкин)

Рецензенты д.и.н. Л.В. Горина
д.и.н. В.И. Косик

Арт-директор Г.В. Масленникова
Макет и художественное оформление Н.С. Ворламова

Фотографы В.А. Мочуговский
Б.Х. Рахматуллин

Фролова М.М.

Ф91 Александр Дмитриевич Чертков (1789–1858) — М.: ОАО «Московские учебники и Картолитография»; Издательство Главархива Москвы, 2007. — 592 с.: 182 ил.

ISBN-978-5-7853-0937-1

В книге М.М. Фроловой впервые с такой полнотой и научной основательностью освещается жизненный путь замечательного русского историка и общественного деятеля А.Д. Черткова. Громадное количество фактов, сюжетов, действующих лиц, включенных в повествование, составляет яркое полотно истории России первой половины XIX в., рассказывает о различных сферах русской жизни, идеалах, нравах, духовных поисках русского дворянства.

ISBN-978-5-7853-0937-1

© ОАО «Московские учебники
и Картолитография», 2007.

© М.М. Фролова, 2007.

© Главархив Москвы, 2007

*Моим дорогим близким, маме и мужу,
с глубокой признательностью и любовью
посвящаю*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Историк, нумизмат, библиограф, археолог, создатель уникальной библиотеки, член-корреспондент Академии наук, председатель Императорского Общества истории и древностей российских — вот те основания, в силу которых имя Александра Дмитриевича Черткова (1789—1858) внесено в большинство энциклопедических и справочных изданий дореволюционной, советской и нынешней России. Научное наследие Черткова содержит также работы, посвященные средневековой истории Болгарии и русско-болгарским отношениям в конце X в. Однако, несмотря на успешное развитие отечественного славяноведения во второй половине XX в. и углубление интереса к истории русской исторической науки, эти сочинения ученого были охарактеризованы весьма односторонне и общо, отчего оставались непроясненными вопросы о научном вкладе Черткова в историческую болгаристику России первой половины XIX в. и о его месте в ней. За ликвидацию столь досадного пробела решил взяться автор представляемой книги, стараясь при этом изучить сочинения ученого в контексте современной ему русской исторической

науки, в системе общеевропейских славистических знаний той поры.

По мере углубления в исследование материалов Черткова и о Черткове наше удивление и восхищение ученым непрерывно нарастало. Оказалось, что Александр Дмитриевич не просто нумизмат, а талантливейший основатель русской нумизматики удельно-княжеского периода, не просто археолог, а первый скрупулезный исследователь курганов Подмоскovie, не просто библиограф, а создатель вместе с ученым-археологом П.М. Строевым русской библиографии, что безоговорочно признано дореволюционными историками и всецело подтверждено советской историографией. Собранная им уникальная коллекция книг, рассказывающих о России и славянах по всем отраслям знания и на многих языках, стала знаменательным событием в культурной жизни Москвы, поскольку была превращена в первую публичную бесплатную библиотеку. Его богатые собрания минералов, монет и медалей, этрусских, египетских, русских древностей, старопечатных книг и рукописей стали достоянием Москвы. Кроме того, А.Д. Чертков был назван первым русским этрускологом.

Широта научных интересов ученого, его эрудиция и фундаментальность исследований вызывали бесконечное удивление и уважение его коллег, прежде всего академиков П.И. Кеппена и И.И. Срезневского. За высокие достижения в науке Чертков был избран в число членов многих ученых обществ как в России, так и за рубежом: Одесского общества истории и древностей (1841), Русского географического общества (1845), Археолого-нумизматического общества (1847), Королевского общества северных антиквариеров в Копенгагене (1835), Археологического института в Риме (1838). А в старейшем московском Обществе истории и древностей российских Чертков с 1836 г. исполнял должность вице-президента, а с 1848 г. — председателя.

Столь же успешно Александр Дмитриевич продвигался по иерархической лестнице статской службы, где достиг самых верхних ее ступенек — чина тайного советника (III класс). Причем Чертков отдавал предпочтение самым хлопотным и многотрудным обязанностям: начальника Работного дома в Москве, члена Комитета для разбора и призрения просящих милостыню в Москве, директора Попечительного комитета о тюрьмах, уездного, а затем губернского председателя московского дворянства, почетного попечителя московских губернских гимназий. И можно только диву даваться, как сумел А.Д. Чертков сочетать ревностное исполнение бесчисленных служебных дел с кропотливым таинством постижения прошлого России и славян!

Неутомимость Александра Дмитриевича проявилась и в плодотворной общественной деятельности: он был одним из организаторов в 1833 г. Художественного класса, преобразованного в 1843 г. в Московское учили-

ще живописи и ваяния. Долгие годы Чертков был членом и руководителем Совета Московского художественного общества, направлявшего работу училища. Хотя Чертков и числился на государственной службе как член Совета, но денег не получал, даже напротив, оказалось, что он постоянно вкладывал свои средства в развитие этого учебного заведения. Впрочем, возможность благодетельного меценатства, как и дорогостоящее собирание книг, монет и других древностей, научные занятия историей обеспечивались крупными земельными владениями в Воронежской губернии, в которых Чертков умно и рачительно хозяйствовал. И эта страница в деятельности нашего героя вызывает почтительное уважение.

Но ведь все вышеперечисленные научные, служебные, общественные, предпринимательско-хозяйственные достижения Александра Дмитриевича были сконцентрированы в небольшом отрезке времени — с 1830 по 1858 г., когда он вместе со своим семейством обустроился на жительство в Москве. Честно признаемся, что изучение столь интенсивной и плодоносной деятельности Черткова в московский период жизни сопровождалось постоянным вопросом, как это ему удавалось все успевать делать и столь отменно? Откуда бралась удивительная энергетика Александра Дмитриевича — обаятельного человека, офицера, ученого, чиновника, предпринимателя, общественного деятеля? Ответ мы искали, изучая путешествие Черткова в 1823—1824 гг. по Австрии, Италии, Сицилии, Швейцарии и вникая в настроения, возникавшие в годы его блестящей молодости в лейб-гвардии Конном полку, прошедшейся на значительные события, связанные с Отечественной

войной 1812 г. и заграничными походами русской армии 1813—1814 гг. Интересовал нас процесс обучения наукам юного Александра Черткова, фамильные традиции, отношение к дворянской чести в роду Чертковых.

Поиски вели в архивы: в Отдел письменных источников Государственного Исторического музея, где хранится личный архив А.Д. Черткова, Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ), Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ), Санкт-Петербургский архив Российской Академии наук (СПб. АРАН), Российский государственный исторический архив (РГИА), Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Сал-

тыкова-Щедрина (ОР ГПБ), Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Надо сказать, что каждое посещение архива или библиотеки рождало чувство глубокой благодарности к их сотрудникам — искренним служителям истории — за их всемерную помощь в разысканиях необходимых материалов и сведений о Черткове, его родных, коллегах, о его столь обширной деятельности. Особую признательность автор выражает энтузиастам, работающим в Исторической библиотеке и Отделе письменных источников ГИМ, где к памяти Александра Дмитриевича Черткова относятся очень трепетно, высоко ценя притягательность его столь яркой и разносторонней личности.

ЧАСТЬ I

ГЛАВА 1

В ВОРОНЕЖЕ

Чертковы

«Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие» — в этих словах А.С. Пушкин, сам потомок старинного дворянского рода, великолепно отразил трепетное отношение дворян к памяти о деяниях своих прадедов. Рассказы о доблести и дворянской чести дедов, их возвышении посредством верной службы отечеству лучше всяких нравоучительных романов формировали характер и мировоззрение юных наследников дворянских фамилий. Поэтому прежде чем начать исследование о нашем герое Александре Дмитриевиче Черткове, следует произвести некоторые изыскания о его предках по отцовской и материнской линиям, воспоминания о которых, безусловно, определили и его судьбу.

Известно, что культивируемое в дворянских семьях почитание преданий седой старины было облечено

«Грамотой на права, вольности и преимущественно благородного дворянства 1785 г.», или Жалованной грамотой, данной Екатериной II, в практические формы. Одаряя дворян новыми правами и привилегиями и подтверждая старые, Жалованная грамота потребовала от представителей сословия, столь высоко отделимого от остального населения России, подтвердить свое благородное происхождение, т.е. законность пользования дарованными преимуществами. В каждой губернии возобновлялась дворянская родословная книга, составление и ведение которой было поручено дворянскому депутатскому собранию, представлявшему сведения в герольдию Сената. В эту книгу вносилось «имя и прозвание всякого дворянина, в той губернии именем недвижимым владеющего и дворянство свое доказательствами утвердить могущего»¹. При этом дворяне должны были представить «неопровергаемые доказательства» своего благородного достоинства, которые

рассматривались губернским предводителем дворянства и уездными дворянскими депутатами.

В соответствии с требованиями Жалованной грамоты занялся уточнением и составлением своей родословной и дед Александра Дмитриевича — Чертков Василий Алексеевич. Сохранились его записи об изысканиях своих родовых корней, которые легли в основу его прошения, поданного Воронежскому дворянскому депутатскому собранию. Согласно им дворяне Чертковы происходили от древнего рода и фамилии Ковчegovых, Коробейниковых или Коробовых². В.А. Чертков вел свою ветвь от Василия Черткова, у которого были сыновья Федор, Григорий, Иван, Максим, Сергей. Их имена были названы в грамоте царя Федора Алексеевича от 13 августа 1680 г. к переславль-залесскому воеводе Д.А. Рудакову, по которой они получали выкупную вотчину: «в Переславском уезде Залессаго в Кистемском стану полсельца Красного, Курилова тож с пустошами»³. В дополнение к этому документу Василий Алексеевич предъявил копии своих патентов на чины генерал-майора и генерал-поручика, подписанные рукой императрицы Екатерины II, а также копии с рескриптов Екатерины II и Павла I за свидетельством Харьковского уездного суда о пожаловании его «кавалерскими российскому Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского и Герцогства Шлезвиг-Голстинского Святыя Анны орденами».

25 января 1790 г. воронежский губернский предводитель дворянства и уездные дворянские депутаты собрались для слушания и обсуждения документов В.А. Черткова. Речь также шла о том, в какую часть

родовой книги Воронежской губернии подобает записать род Черткова. Известно, что дворянские родословные книги были разделены на шесть частей: в первую часть вносились роды, которым дворянство было пожаловано монархом; во вторую часть — военное дворянство, приобретенное чинами на военной службе; в третью часть — дворянство бюрократическое, приобретенное чином гражданской службы; в четвертую часть — все иностранные дворянские роды; в пятую часть — дворяне, украшенные титулами как родовыми, так и пожалованными (графы, князья, бароны); и, наконец, в шестую часть — древние благородные дворянские роды, которые могли доказать свою принадлежность к дворянскому сословию в течение 100 лет до момента издания Жалованной грамоты. Никаких юридических отличий между разрядами не наблюдалось, но само дворянство относилось далеко не безразлично к заветной шестой части. Шестой разряд дворянства всегда считал себя дворянами по преимуществу, самыми крепкими столбами государства, а на первые три разряда смотрел как на дворян-выскочек, плебейской крови. Также с некоторым пренебрежением шестая часть относилась к четвертой, в то время как титулованное дворянство всегда пользовалось особым уважением. По итогам заседания дворянского собрания В.А. Чертков был записан в 1790 г. в VI часть родовой книги Воронежской губернии, о чем ему была выдана грамота с подписями и печатью дворянского собрания губернии при внесении им в дворянскую воронежскую губернскую казну 100 руб.⁴ Соответствующие материалы были отправлены в Герольдию в Петербург.

Павел I издал 20 января 1797 г. именной указ Сенату о составлении «Общего гербовника дворянских родов», тем самым окончательно узаконив право на фамильные гербы. Приведем описание герба рода Чертковых из этого монументального издания: «В щите, имеющем красное поле, изображен плывущий по реке Ноев Ковчег зеленый, и на нем посередине зеленый столб наподобие башни, а на носу и на корме золотые львовы головы. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянскою на нем короною, на поверхности которой виден означенный в щите Ковчег. Намет на щите красного и зеленого цвета, подложенный серебром»⁵. В гербе Чертковых присутствует достаточно редкий для гербов элемент — корабль-ковчег, который в таких же красках изображен и в гербе Коробовых или Коробейниковых. Знарок русской геральдики А.Б. Лакиер сообщал, что подобным гербом, по показаниям польских историков и геральдиков, пользовались Нептун и его сыновья, а затем он перешел к Листригону, владетелю Италии. Возможно, что этот герб произошел от сарматов-вандалов, когда они в V в., подплыв к Франции на кораблях под предводительством короля Крока, или Крака, опустошили ее. В Польше его имел род Корабиев, упоминаемый в первый раз в 1120 г. Кроме Чертковых корабль наличествует в гербе еще нескольких дворянских родов: Лобановых, Лобод, Торсуковых и Коробок⁶.

«Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи» также сообщал, что Чертковы служили при дворе стольниками и в иных знатных чинах (задворный конюх, сытного двора подклучник, стряпчий конюх) и жалованы были от госу-

Герб рода Чертковых

дарей в 1616 г. и других годах поместьями⁷. В разряде на 1558 г. «Русской родословной книги» князя Лобанова-Ростовского Василий Чертков показан воеводою в Шацке, а Гаврило Иванович Чертков — воеводою в передовом полку. Один из Чертковых, Василий Григорьевич, в иночестве Варсонофий (ум. 1688 г.), был митрополитом Сарским и Подонским в правление царицы Софьи⁸. Чертковы внесены также в VI часть родовых книг Калужской, Московской и Тамбовской губерний.

Мы не ставим перед собой задачу выявления подробных сведений обо всех ветвях генеалогического древа Чертковых. Отсчет поколений мы начнем с Никиты Федоровича Черткова, прапрадеда Александра Дмитриевича, с которого, по дошедшим до нас источникам, ведется летопись воронежской линии Чертковых. В архиве А.Д. Черткова помимо упомянутых выписок о предках, сделанных В.А. Чертковым, сохранились очень краткие сведения об их службе, почерпнутые, вероятно, из формулярных списков Никиты Федоровича, Алексея Никитича, Василия Алексеевича, Дмитрия Васильевича.

Известия эти, особенно о Н.Ф. Черткове, крайне скудны и отрывочны, но наложенные на контекст истории, они вполне позволяют увидеть то главное, неотъемлемое в жизни каждого из них, что передавалось из поколения в поколение и крепко их связывало: это ясное осознание своего долга дворянина, заключавшегося в ревностном служении Отечеству. Помня о том, как много для русской аристократии значила память о военных подвигах предков, мы позволили себе подробнее остановиться на жизнедеятельности представителей рода Чертковых в XVIII в. и особенно на биографии В.А. Черткова, о котором в современной литературе создано несколько искаженное представление. Следует подчеркнуть, что многие сведения биографического характера здесь приводятся впервые.

У царя Алексея Михайловича в его Конюшенном приказе числилось свыше 40 тыс. лошадей, к которым было приставлено более 600 человек: столовых приказчиков, конюхов стремянных, задворных, стряпчих, стадных и разных ремесленников. «Это были большею частью все люди породыю “честные“, не простые, были пожалованы денежным жалованьем и платьем погодно и поместьями и вотчинами; “пили и ели царское“»⁹. Задворными конюхами были и пятеро братьев Чертковых: Григорий, Федор, Иван, Максим и Сергей (у Лобанова-Ростовского: Григорий большой, Федор, Григорий меньший, Максим, Иван, Сергей). Из детей спальников, дворовых конюхов, а потом сокольников и кречетников официальным порядком стали набирать «охочих людей» в потешные роты для юного Петра. За потешную службу выдавали жалованье. Не миновала участь солдата и **Никиту Федоровича Черткова**, который представлял шестое колено Чертковых.

Император Петр I

«Играя в солдаты, Петр хотел сам быть настоящим солдатом и такими же сделать участников своих игр, одел их в темно-зеленый мундир, дал полное солдатское вооружение... и в рощах Преображенского чуть не ежедневно подвергал команду строгой солдатской выучке»¹⁰. Чтобы подать личный пример дворянам, царь сам проходил службу, но не в старых, а в новых чинах, начав ее бомбардиром и последовательно поднимаясь по лестнице военных чинов. Взрослел Петр, «толпы потешных» превращались в настоящие регулярные полки.

Н.Ф. Чертков осваивал артиллерийскую премудрость в звании бомбардира. Но ему не суждено было разделить радость грядущих побед Петра Великого: он, согласно записи своего внука, В.А. Черткова, «будучи потом гвардии Преображенского полка каптенармусом»¹¹, умер. В опубликованных материалах, относящихся к истории лейб-гвардии Преображенского полка, имя Никиты Черткова встречается лишь

однажды, в списке ротных каптенармусов в «Ведомости и списке Преображенскому полку начальным людям и урядникам»; считается, что этот документ был составлен вскоре по возвращении Петра I из-за границы в 1698 г.¹² К сожалению, нельзя точно назвать ни дату рождения, ни год смерти Никиты Федоровича¹³.

Н.Ф. Чертков был женат на Анне Ивановне, урожденной Кушниковой (1667 г. — 27 ноября 1745 г.), на которую легли заботы по воспитанию сына **Алексея Никитича Черткова** (1692—1737) и дочери Дарьи (1695—1749), выданной замуж за Ивана Наумовича Гойдемейера, Гольднера, или Голдемерова (1675—1735).

Следующее сведение об Алексее Никитиче Черткове — о том, что он обучался в Навигацкой школе, современному читателю, не представляющему общество без разнообразных школ, институтов, университетов, академий, явится лишь простой констатацией факта получения образования. Но чтобы оценить вполне его значимость, нужно погрузиться в реалии той непростой эпохи.

Петр I потребовал от дворян не только обязательной «вечной» службы, которая начиналась с 15 лет и непременно с рядового и от которой могли освободить лишь увечья, тяжелая болезнь или глубокая старость. Государь ввел повинность учиться, ведь новая служба по европейским образцам настоятельно требовала грамотных людей. В создаваемой Петром сети светских школ особая роль отводилась техническим специальным учебным заведениям, самым известным из которых была Навигацкая школа.

Известно, сколько сил и внимания Петр I отдавал созданию боеспособного флота: «Сие дело необходимо нужно есть государству

по оной пословице: что всякий потентат, который едино войско сухопутное имеет, одну руку имеет, а который и флот имеет, обе руки имеет»¹⁴. Первая в России школа «математических и навигацких, то есть мореходных хитростно наук учению...» была открыта по царскому указу от 14 января 1701 г. в Москве в Сухаревой башне: «Сретенскую по Земляному городу башню, на которой боевые часы, взять со всяким палатным строением и с принадлежащею к ней землею под школы математических и навигацких наук»¹⁵.

В новой школе псалтырь и часослов, древние языки уступили место новым наукам. Будучи в Англии в 1698 г., Петр I уговорил профессора Эбердинского университета Э. Фаркварсона (Henry Fargwarson), отличного математика, астронома, геодезиста, специалиста в «навигационных науках», поступить на русскую службу. Андрей Данилович Фарварсон, так его величали в Москве, стал первым преподавателем математического и навигационного обучения в России в Навигацкой школе. Фарварсоном были «приготовлены при Петре едва ли не все русские моряки»¹⁶ — адмиралы К.Н. Зотов, Н.Ф. Головин, Ф.И. Соймонов и др. С Фарварсоном были вызваны еще Степан Гвын (Stephen Gwyn) и Рыцарь Грыз (Richard Gries), о которых впоследствии отзывались худо. В младших классах преподавал Л.Ф. Магницкий (1669—1739), автор первого русского учебника по арифметике с арабскими цифрами (М., 1703), ставшего энциклопедией математических знаний того времени. К Магницкому за его глубокие познания Петр I особенно был милостив: жаловал его деревнями, приказал выстроить ему в Москве дом и даже благословил образом.

В школу было велено принимать сыновей «дворянских, дьячих, подъяческих, из домов боярских и других чинов кто пожелает, из недорослей же лет от 12 до 17», хотя впоследствии принимались даже и 20-летние. В Навигацкой школе учились дети почти всех знатных фамилий России: Волконские, Солнцева-Заякины, Лопухины, Шаховские, Урусовы, Долгорукие... Однако «дворяне страшно тяготились цыфирной повинностью, как бесполезным бременем, и всячески старались от нее укрыться»: дело это было новое и совершенно противоречило вековым привычкам и обычаям. Родители прятали своих чад дома, уменьшали им лета, записывали в монахи, даже представляли их юродивыми. Кроме того, «именно море возбуждало наибольшее отвращение в русском дворянине», подчеркивал В.О. Ключевский. Посланный за границу обучаться навигацким наукам, он «плакался оттуда своим», «прося назначить его хотя бы последним рядовым солдатом или в какую-нибудь “науку сухопутскую“, только не в навигацкую»¹⁷. Но Петр I был неумолим: он внимательно следил за равномерным распределением шляхетства (так в его время именовалось дворянство) между армией и флотом. Борясь со строптивостью дворян, в систематически повторяющихся указах Петр I ужесточал меры взыскания за утайку дворянских детей — недорослей. Монастырям запретили постригать лиц до 30 лет, а за неявку недорослей на службу поместья их и вотчины отписывали на великого государя, а самих ослушников отправляли даже в галерные работы¹⁸. Меры сильные, но в школе не было избытка учеников и добровольно являлись разночинцы, а не дворяне.

Та же беспощадная строгость господствовала и в школе. За прогулы и леность наказывали плетью на школьном дворе. А со знатных дворян за прогулы по указу от 1707 г. взималась значительная пеня: за первый прогульный день — 5 руб., за второй — 10 руб., за все последующие — по 15 руб. Многие не выдерживали тяжелых условий обучения, бежали, их с солдатами возвращали назад и нещадно пороли: «...ученики от школьного учения отбыли самовольно с 1707 г., которых сыскивают солдаты: из недорослей — 9 человек, а всего 54»¹⁹.

А учиться было очень нелегко. Учебный день длился 8—9 часов, а уроки нужно было вы зубривать. Впрочем, методы обучения в школе ничем не отличались от принятых в Европе. «Тяжелая, схоластическая система преподавания и новость русского научного языка до последней крайности затемняли самые простые вещи. Над теми предметами, которые теперь играючи можно передать 13-летнему мальчику, не очень быстрых способностей, взрослый ученик Навигацкой школы убивал несколько месяцев постоянного усердного труда, и нередко в результате оказывалось, что большая часть его знаний состояла из изучения бесполезных фраз, пустых определений...»²⁰. К тому же в первые годы существования школы англичане плохо знали русский язык, и их уроки, естественно, были мало понятны. В школе изучали арифметику, геометрию, геодезию, навигацию, морскую астрономию. В число предметов входила живопись и «рапирное дело».

Главный надзор за Навигацкой школой осуществлял граф Ф.М. Апраксин, впоследствии генерал-адмирал. Срок пребывания в школе

не был жестко установлен и зависел от успехов учеников, число которых постоянно возрастало, и в 1711 г. их стало 500 человек. С открытием в 1715 г. Морской академии в Петербурге, куда из Москвы были переведены все учителя (кроме Магницкого) и ученики, Навигацкая школа превратилась в рядовую цифирную школу, в которую учиться шли по преимуществу дети разночинцев. В 1752 г. она была закрыта.

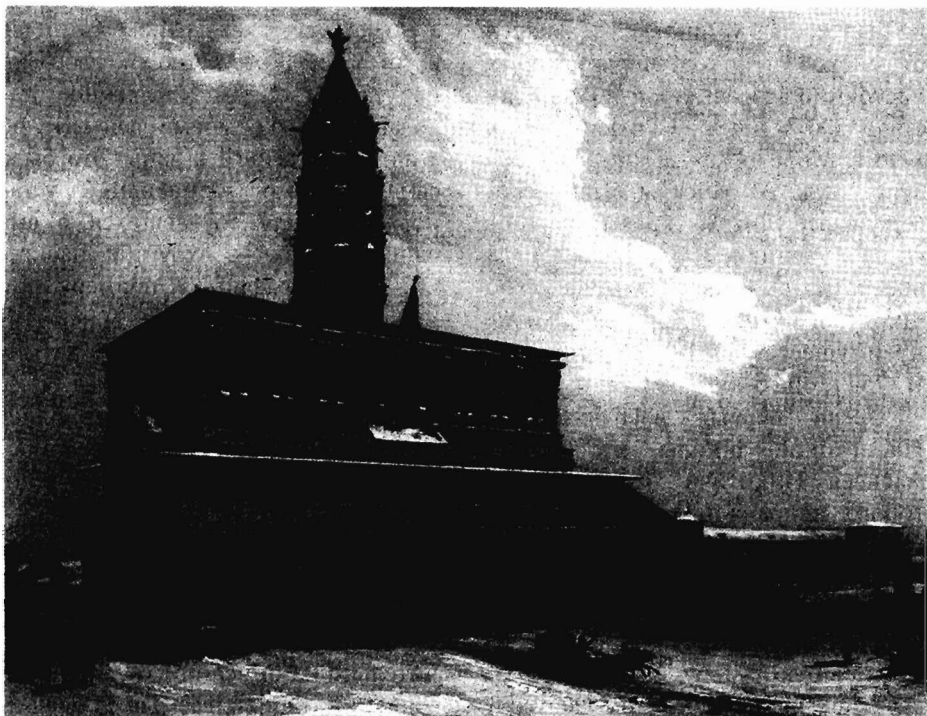
Среди первых воспитанников Навигацкой школы мы видим Алексея Никитича Черткова, которого направили туда в 1702 г., хотя ему исполнилось только 10 лет. А мы помним, что дворянских детей, явившихся на смотр, обыкновенно смотрел сам Петр I, определяя их дальнейшую судьбу. Ученикам раздавались на руки под их расписку книги, учебные пособия, астрономические инструменты, готовальни, циркули, которые частью выписывались из-за границы, частью изготавливались в мастерской при школе. Пособия печатались вначале в Амстердаме, а затем и в Москве, где по повелению государя были отпечатаны географические и морские карты. Исправно служил в школе на уроках огромный медный глобус (7 футов в поперечнике — 2,1 м), сделанный в Голландии в 1650 г. и подаренный царю Алексею Михайловичу. Он был перенесен в Сухареву башню с Ивановской колокольни, а в 1752 г. отправлен в северную столицу.

Итак, Алексей Чертков благодаря хорошей памяти пытливо овладевал тайнами мореходной премудрости и в 1711 г. закончил курс. 12 февраля 1711 г. школяры подверглись осмотру, т.е. экзамену, адмирала Апраксина. На этом смотре был и Алексей Чертков. Он проходил науки «в географии»,

а поскольку за его отцом числился всего один крестьянский двор, то получал от казны порядочное жалованье — «кормовые деньги»: по 3 алтына 2 деньги в день. Это была самая высокая «стипендия», установленная для обучавшихся в высших классах — «круглой навигации и в географии». К примеру, при вступлении в школу в арифметическом классе получали по 1 алтыну (6 денег) в день. Те, кто имел более 5 крестьянских дворов, содержались на собственный счет. По ведомости от 22 ноября 1711 г. было всего 18 знатных особ из 524 учеников²¹.

Но наш рассказ о годах учения Черткова в Навигацкой школе был бы односторонним, если бы все внимание наше сосредоточилось исключительно на описании трудностей и лишений, испытываемых ее учащимися. Помимо новых для Московии знаний, нелегко усваиваемых, воспитанники школы обретали иное мировоззрение, становясь первыми интеллигентами устремленной к постижению западной цивилизации России. Лучшая по тем временам Навигацкая школа была очагом этой новой культуры в Москве. Даже самое здание Сухаревой башни ассоциировалось в сознании москвичей с происходившими переменами. В 1682 г. стрелецкий полковник Л.П. Сухарев, стоявший на страже у Сретенских ворот Земляного города, во время стрелецких бунтов остался верен присяге и сам охранял юного Петра I с его матушкой на пути в село Преображенское и в Троицкую Лавру. По мысли Петра I новые каменные Сретенские ворота «с шатром», расположенные на одном из семи холмов «Русского мира» (так Екатерина II называла Москву), должны были походить на корабль с мачтой; проходящие по второму этажу четы-

Сухарева башня, в которой находилась Навигацкая школа

рехэтажного здания галереи символизировали корабельные шканцы, восточная сторона соответствовала носу, а западная — корме. В честь полковника достроенная к 1701 г. башня стала называться Сухаревой..

В Навигацкой школе была создана обсерватория. Ученики много работали с инструментами для определения высоты светил над горизонтом, вычисления времени по звездам. Часть инструментов изготавливалась учащимися в токарной мастерской школы, где любил работать и сам государь. Непосредственная близость Петра I, главы государства, вместе с ними стоящего за станком и отечески внимательного к ним, не могла не пробуждать в будущих российских мореходах государственное мышление и новое восприятие своего долга дворянина в устремленности служить

Отечеству. Усвоению новых понятий светской культуры способствовали и спектакли, которые ставились в одной из зал башни учениками школы вместе со специально выписанными из Данцига актерами. Царь, стремясь приохотить юношей к удовольствиям просвещенного общества, был частым зрителем этих представлений. Однажды питомцы школы пообещали представить невиданное и неслыханное зрелище и собрали множество зрителей, среди которых находился и Петр I. Но вместо представления выставили на занавесе надпись «Первое апреля» — шутка, воспринятая у немцев. Государь несколько не рассердился, заметив обескураженным зрителем, что это театральная вольность. На галерее Сухаревой башни в адмиральский час и вечером перед зарею играла музыка.

Воспитанники, кончившие курс, рассылались всюду, куда требовались грамотные специалисты при кипучей деятельности царя. Поспособнее и побогаче посылались в науку за границу под именем навигаторов. В 1711 г. А.Н. Чертков в числе лучших выпускников был отправлен в Голландию и Англию для усовершенствования в науках. Питомцы Навигацкой школы, как правило, поступали волонтерами на военные корабли и галеры иностранных флотов для практического изучения мореплавания и служили по пять и более лет, а некоторые из них учились еще в морских школах. В конце 1711 г. в Амстердам съехалось более 50 человек навигаторов, и комиссар князь И. Львов, поставленный для надзора за ними, отыскал владельца частной морской школы и убедил его заниматься с русскими юношами, поскольку в тот год на военные корабли волонтеров брали мало. Вообще, зачастую навигаторы жили весело и шумно, издерживали много денег, а присылка капиталов из России была весьма затруднительна. Львов от шалостей навигаторов приходил в отчаяние. Особенно в Англии молодые дворяне очень быстро «научались больше пить и деньги тратить», о чем доносил наш посланник в Лондоне граф Литта²². «Иные, не имея над собой надлежащего смотренья, возвратились без плода». Таковые привозили домой лишь привычку к роскошной пустой жизни да презрение к родной стране. Вероятно, и А.Н. Чертков был не прочь поучаствовать в бесшабашных застольях навигаторов, однако по прибытии домой он впоследствии оказался вполне дельным моряком, о чем свидетельствует его послужной список.

Далее служба Алексея Никитича восстанавливается по выявленному

нами подробнейшему формулярному списку, который был опубликован в «Общем морском списке». Удивительно, что этот документ остался неизвестным потомкам А.Н. Черткова, в том числе и Г.Г. Черткову (1872—?), внуку Александра Дмитриевича, который задался целью написать историю рода Чертковых. Григорий Григорьевич начал активно собирать материалы, запрашивая прежде всего своих многочисленных родственников о наличии в их домашних архивах каких-либо документов тех далеких лет. В декабре 1913 г. к нему поступили копии нескольких писем А.Н. Черткова. В 1914 г. графиня Е.М. Толстая, дочь М.И. Черткова, приходившегося А.Д. Черткову племянником, прислала фотографии с портретов, которые она унаследовала от своего отца и которые висели у нее в имени, в селе Качарлык Киевской губернии. Эти портреты, писанные масляными красками, были когда-то подписаны карандашом, который со временем на многих портретах стерся. И уже в начале XX в. потомки не знали, кто взирал на них с потемневших и потрескавшихся полотен, поэтому на многих фотографиях с обратной стороны стоит знак вопроса. Может быть, Г.Г. Чертков и преуспел бы в атрибуции портретов, написал бы подробную историю своего рода, но Первая мировая война, кровавый хаос революции в России не дали осуществиться этому замечательному замыслу. Да и сам Григорий Григорьевич Чертков не уцелел. В поисках исторических сведений о роде Чертковых он не успел просмотреть и многотомное издание «Материалы для истории русского флота». В семейном архиве Чертковых, как уже говорилось, имелись поэтому лишь отрывочные сведения об Алексее Никитиче Черткове.

А.Н. Чертков вернулся в отечество в июне 1713 г. В России, как правило, навигаторам устраивали строжайший экзамен, иногда делаемый самим Петром I, и сообразно успехам производили лучших в первый офицерский чин унтер-лейтенанта, а посредственных — в мичмана, до 1733 г. чин не офицерский. Согласно «Ведомости о навигаторах, возвратившихся из-за границы», Алексей Чертков, Семен Зыков и другие, всего 10 человек, по прибытии из-за моря были «написаны мичманами» на корабль «Архангел Михаил» под командой контр-адмирала Н.А. Синявина²³, базировавшийся на Архангельск. Все же двух лет оказалось мало, чтобы постигнуть все тайны морской практики. Однако В.А. Чертков заметил, что его отец, хотя и «написанный мичманом», но «правил должность штурмана». Из Архангельска в 1714 г. Чертков перешел на «Архангеле Михаиле» к Кроншлоту (Кронштадту), и это было первым дальним плаванием российского флота, построенного в Архангельске. Жалованья бывшим навигаторам по ноябрь 1714 г. было положено по 7 руб. на месяц. Но они не представили «сартификатов» и «ныне», т.е. 20 декабря 1714 г., «по разбору Царского Величества написаны матросами. Бьют челом о заслуженном жалованье на 2 месяца мичманского оклада». Однако в помете на ведомости твердо значилось: «Первой статьи матросское»²⁴. По-видимому, дело было в том, что в учебном заведении приобретались лишь специальные знания, которых было недостаточно, чтобы командовать людьми. Для этого будущие офицеры должны были изведать службу с азов. Петр I указом от 26 февраля 1714 г. запретил производить в офицеры дворян, «ко-

торые с фундамента солдат дела не знают»²⁵; по аналогии дух этого указа был распространен и на мичманский чин. И вновь В.А. Чертков, вероятно, основываясь на своих разговорах с отцом, отметил, что «записанный за неимением сартификата в матросы» А.Н. Чертков «правил должность штурманскую, офицерскую»²⁶.

В 1715 г. А.Н. Чертков исполнял должность подштурмана и комиссара, 28 сентября 1716 г. он был уже окончательно произведен в мичманы, 23 апреля 1719 г. — в корабельные секретари²⁷. Замещение вакансий при производстве в первый обер-офицерский и штаб-офицерский чины по указу от 14 апреля 1714 г. осуществлялось путем баллотировки, т.е. тайного голосования, всеми офицерами части или дивизии (для старших офицеров). При Екатерине I такая практика была отменена, поскольку «при выборах бывает много страсти»²⁸.

В кампании 1719 г. Чертков находился уже в первом офицерском звании подпоручика, о чем узнаем из краткого пересказа шканечного журнала корабля «Мальбург», вшедшего с 20 мая по 8 октября, который, к сожалению, не был опубликован. Остается неизвестным, на каком судне в ту навигацию служил Чертков. Но время это было горячее. После неожиданной смерти Карла XII от шальной пули на шведский трон в конце 1718 г. взошла его сестра Ульрика-Элеонора, сторонница сближения с Англией. Переговоры на Аландском конгрессе о мире между Швецией и Россией были прерваны. Петр I, не мешкая, возобновил тактику принуждения Швеции к миру силой. 24 мая после продолжительного боя близ острова Эзель эскадра из 4 кораблей и шнявы под командованием Н.А. Синявина взяла

в плен 3 шведских судна. Петр I назвал эту морскую победу «добрым почином» и учредил в ее честь памятную медаль. В конце июня русский парусный (21 линейный корабль) и гребной флоты подошли к острову Лемланд (Аландский архипелаг). Английская эскадра в составе 14 вымпелов под командованием адмирала Д. Норриса вошла в Балтийское море, чтобы здесь, соединившись со шведской, «уничтожить царский флот». Однако в эту кампанию объединенному флоту Англии и Швеции так и не удалось повстречать на просторах Балтики русские корабли. С «половины сентября» русская эскадра направилась в Ревельскую и Кронштадтскую гавани, причем многие корабли сели на мель, их сняли, но с большими повреждениями. 23 сентября по приходе к берегу отдан был приказ: «Смотреть гг. капитанам над солдатами и матросами, чтоб не продавали с себя мундиру»²⁹.

С 1721 г. А.Н. Чертков — поручик, или лейтенант, и с мая 1721 г. командовал гукором «Ватер-Фалк»³⁰ («Водяной сокол») в кронштадтской эскадре шаутбенахта (контр-адмирала) Т. Гордона, которая прибыла в Ревель. В августе Гордон участвовал в «примерном морском сражении», т.е. учебных маневрах, в присутствии Его Величества. Петр Великий хорошо понимал значение офицерского корпуса и всячески стремился повысить его статус, а офицеры флота пользовались особыми привилегиями. Офицеры принадлежали к высокооплачиваемой части общества. Даже младшие офицеры получали довольно высокое по тем временам довольствие, что обеспечивало им весьма завидное материальное положение. К слову сказать, двоюродный брат Черткова Петр Борисович также свя-

зал свою судьбу с морем: был флота боцманмат, или унтер-офицер. (Его отец Борис Федорович, родной брат Никиты Федоровича, был Сытного дворца подклочник.)

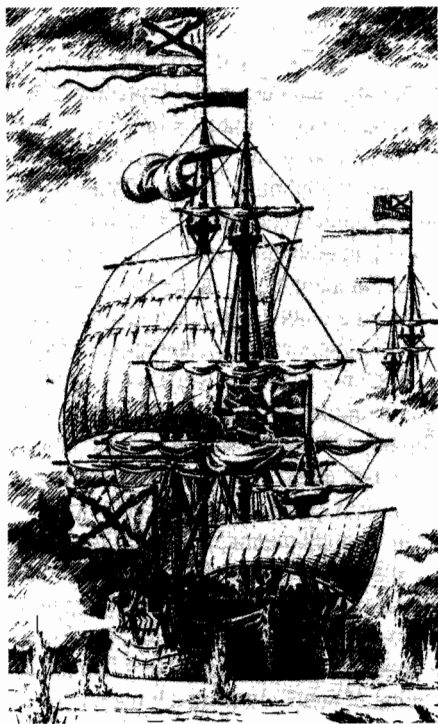
В 1722 г., в мае, Чертков привел от Ладоги к Петербургу яхту, построенную в Казани. В 1724 г., в феврале, он исправлял должность контролера. В августе он поступил на фрегат «Яхт-Хунд» («Охотничья собака». — *голл.*), спуск на воду которого состоялся 2 августа 1724 г. А уже в сентябре был назначен командовать ластовым (транспортным) судном, приготовляемым к плаванию в Голштинию, в город Фленсбург, но «за поздним временем посылка не состоялась». В 1726 г. он служил на фрегате «Стор-Феникс»³¹, находившемся в составе эскадры в практических плаваниях в Финском заливе (между Кронштадтом и Ревелем). В 1727 г. Алексей Никитич был послан на Олонецкую верфь для наблюдения за постройкой прамов (плоскодонных парусных кораблей с сильной артиллерией, которые предназначались для защиты Кронштадта с моря). 5 декабря он был определен в члены комиссии фергеров и кригерехтов³², а 15 декабря произведен в капитан-лейтенанты. В 1728 г. Чертков состоял «шафетром» при погребении корабельного мастера Скляева. Командуя фрегатом «Амстердам-Галей», в 1728 г. Чертков совершал плавание из Кронштадта в Баренцево море до острова Кильдин и обратно. В 1731 г. он состоял заведующим прядильным заводом в Кронштадте. В 1732 г. «по росписанию» он был назначен командовать фрегатом «Эсперанс»³³, но в кампании не был. 13 января 1733 г. по новому штату Чертков

написан в капитаны «полковничьего ранга». В 1734 г. он командовал кораблем «Новая Надежда»³⁴, потом фрегатом «Эсперанс»³⁵.

В 1733 г. в связи со смертью польского короля Августа II Россия вступила в борьбу за «польское наследство». Претендент Франции Станислав Лещинский, тесть Людовика XV, укрылся с 20 тыс. войск (шведские, французские волонтеры и поляки) за мощными стенами Данцига, откуда он мог дожидаться обещанного французского десанта. Четыре с половиной месяца длилась дурно организованная фельдмаршалом Б.Х. Минихом осада города. Русское войско потеряло здесь более 8 тыс. солдат и около 200 офицеров. В апреле 1734 г. сюда прибыла французская эскадра в составе 11 кораблей, но русский флот, пришедший из Кронштадта в составе 14 линейных кораблей, 9 фрегатив и нескольких мелких судов с общим числом пушек 1350, обратил ее в бегство³⁶. В плен был взят 2-тысячный десант. Городу пришлось сдать, Станислав Лещинский бежал во Францию, а польский престол утвердил за собой русский кандидат Август-Фридерик.

В боевых действиях на море принял участие и Алексей Никитич Чертков, о чем сообщает краткая запись в архивной родословной Чертковых. «В 1734 г., командуя фрегатом “Эсперансом”, он находился с эскадрой, возглавляемую адмиралом Гордоном, под Данцигом, осажденным с суши армией графа Миниха». В день прибытия эскадры, 1 июня, Черткову еще «даны были в командование фрегат “Арондель” [50 орудий, 350 человек экипажа], на котором капитан Швинг, и бомбардирское судно “Юпитер” [2 мортиры, 4 пушки, 50 человек экипажа], на котором поручик М. Пальчиков». Черткову

было велено атаковать французский фрегат, стоявший под защитой крепости Мюндель (Вексельмюнде). Сильной и меткой стрельбой он заставил умолкнуть крепостные орудия, а французский фрегат, чтобы избежать гибели, посадил сам себя на мель. Вот как сам А.Н. Чертков описал то сражение. Подойдя к французскому фрегату, «по оном жестоко палили от 4 часов пополудни до 7 часов и оному великий вред учинили, а по нас... из крепости

Фрегат «Эсперанс»

Минды [Мюндель], которая подле самого Данцига, из батареи великую стрельбу учинили. Но однако же нам никакого вреда не учинили, а и с наших кораблей так доставали, что уже по нас и стрелять перестали, и потом как поднят был к нам

от адмирала сигнал, то возвратились во флот благополучно. Только у меня на “Эсперансе” некоторые снасти перебили да бомбардирское судно насквозь пробили ядром, также некоторые снасти перебили, а более вреда никакого не учинили».

Вообще не только этот бой, но и вся эта летняя кампания очень ярко и динамично воспроизведены в письме, чудом дошедшем до нас, хоть и в копии. Это письмо Алексей Никитич Чертков послал своему восьмилетнему сыну Василию Алексеевичу 2 июля 1734 г., на следующий день после возвращения из Данцига в Кронштадт. Через три дня после той баталии, а именно 4 июня, рассказывал далее Алексей Никитич, он и капитан Вильстер с фрегатом «Финикс» получили «ордеры» от адмирала Гордона с двумя бомбардирскими судами «идти немедленно к крепости Минде... для бомбардирования оной».

«...Стали с бомбардирских бросать бомбы в Минду, а мы из своих пушек бить по французскому лагерю, который стоял под Миндою на островку, также по батареям, которые построены были для защищения французских лагерей, которые состоялись не в малом числе войска... Так того дня как по лагерю, так по батареям били, а в Минду бросанием бомб... что Божию милостью так счастливы, что из лагерей неприятельское французское войско выгнали, которые бежали по острову взад и вперед подобно скотине, а французский один фрегат военный в 30 пушек загнали в канал, да военный же в 16 пушек от великого огня ушел взад, а в Минде в то время от бросания бомб учинился великий пожар и горели часов с 6. И так надеемся, что с их стороны от нас набито и ранено многое число, а лагерю их великое учинено от нашей пальбы разорение, отчего с Божию

милостью через неделю оный французский лагерь с ружьем и знамены и со всею амунициею на окорд сдали, потом спустя 2 дня и г. Минду взяли. И сего же июня 16 числа привезли взятые французские войска 2 полка с их штаб- и обер-офицеры, оставшихся со всею их амунициею, и роздали к нам по кораблям, из которых на моем поселено капитаны 1, поручиков 8, солдат 37, итого 47 человек. А сего месяца 16 числа, по сигналу якори подняв, и пошли к Ревелю. А баталия того же дня была от 3 часов пополудни по 9 часов неперестанно в огне, и с одного моего корабля “Эсперанса” послано было к ним 500 пушечных ядер, из которых разве малое число в них не приходило. А от них по нас так сильно и жестоко палили, что перед кораблем, и за кормою, и по сторонам корабля, и между нашими шлюпками так подобно градом усыпали своими ядрами. Однако Всемилостивый Бог своими вседрожайшими щедротами нас сохранил, что ни единого человека не токмо убить, не ранили ни на котором корабле и на судах бомбардирских, только у нас многие снасти корабельные своими ядрами перебили. А к Ревелю пришли июня 29 числа, того же числа от Ревеля пошли в Кронштадт и пришли в крепость сего июля 1-го дня. Приезжай, дружочек мой, с матушкой и с сестрицею Дарьею Никитичною ко мне скорей, чтоб куды не услали. При сем, голубчик мой Василий Алексеевич, буди над тобою милость Божия и мое благословение, и желаю вам здравствовать на многие лета»³⁷.

Семейные предания сохранили лестный отзыв о той далекой кампании, в которой участвовал Алексей Никитич: «Командуя несколькими фрегатами, оказал блистательные отличия во время действий флота при обложении Данцига» и

награжден чином капитана полковничьего ранга. После возвращения флота в Кронштадт по экзаменации Гордона, Сенявина и Гослера, как следует из «Общего морского списка», Чертков, вероятно по здоровью, был аттестован «неисправным».

В 1735 г., чтобы положить конец крымским набегам, жестоко разорвавшим южные земли России в течение столетий, была начата война с Турцией (1735—1739). Когда русские войска стали перемещаться на юг, к Перекопу, А.Н. Чертков также оказался на южном рубеже страны. Согласно сведениям из семейного архива, в 1735 г. он был назначен комендантом крепости Святой Анны, построенной в 1729 г. на Дону при впадении в него речки Васильевки, в 100 верстах от Азова. (Крепость была упразднена в 1761 г.) Здесь в соответствии со стратегическим замыслом фельдмаршала Миниха сосредоточивалась в 1736 г. Донская армия для похода на Азов, который после осады капитулировал 19 июня 1736 г. О конкретном участии А.Н. Черткова в кампании 1736 г. ни в государственных, ни в семейных архивах никаких сведений не сохранилось.

В «Общем морском списке» записано, что Чертков 7 июля 1735 г. был переведен в город Тавров. Но Тавров — это не просто город, это — верфь-фортеция, возведенная по приказу Петра I в 10 верстах от Воронежа в болотистых низовьях реки Воронеж при впадении речки Тавровки. В 1705 г. из-за обмеления и капризов реки Воронеж сюда были переведены из Воронежа верфь и Адмиралтейство, и здесь до 1711 г., т.е. до подписания Прутского мирного договора и возвращения крепости Азов Турции, строились военные суда различного назначения, но в первую очередь для Азовского военно-мор-

ского флота. В 1711 г. суда эти были частью сожжены, частью проданы. В 1723 г. согласно указу Петра I, предполагавшего продолжить борьбу с Турцией за выход в Черное море, были заложены в Таврове 9 больших и 6 малых прамов. Однако вследствие подписания в Константинополе русско-турецкого договора 1724 г. работы были прекращены, а прамы остались на стапелях недостроенными. После десятилетия запустения в 1735 г. тавровская судовой верфь вновь заработала, готова боевые суда для нового похода на Азов. Для укомплектования экипажей Донской военной флотилии из Петербурга и Кронштадта в Тавров прибыли 2 тыс. военных моряков — офицеров и матросов³⁸.

А.Н. Чертков получил в командование большой 44-пушечный прам «Небоязливый». «Прамы — четырехугольные неуклюжие ящики, имевшие двухъярусную батарею и до 40 орудий большого калибра. Но они были знамениты своей неповоротливостью и даже во время малого ветра могли следовать не иначе, как на буксире»³⁹. В августе 1735 г. прам «Небоязливый» перешел из Таврова в Павловск, откуда вышел по направлению к Азову 2 апреля 1736 г. в составе отряда контр-адмирала П.П. Бредаля и 12 мая прибыл к турецкой крепости. 12 и 13 июня 1736 г. «Небоязливый» участвовал в осаде Азова: им было сделано 722 выстрела, 6 человек из экипажа было убито, 17 ранено. В ноябре «Небоязливый» встал на зимовку у Азова, в следующем году он был вытасчен на отмель, поскольку открылась сильная течь в корпусе, который начал гнить. В 1738 г. все большие прамы оказались «неспособны к плаванию» и были разобраны⁴⁰.

9 января 1737 г. Алексей Никитич в письме к родным сообщил: «По

взятии Азова я из оного с порученной мне эскадрой с Дону — 6 малых прамов, 20 каек, 15 старых галер — отправлен прошлого 1736 г. сентября 22 вверх по реке Дону в город Черкасск, в который и прибыли 3 октября, и оные все суда поставлены в линию между Черкасском в протоке, а квартиры нам показаны в крепости Св. Анны, которая от Черкаска отстоит близ 2 верст, где и обретаемся». Может быть, Чертков тогда и был действительно назначен комендантом крепости Св. Анны, как полагал его сын В.А. Чертков. Но не от столкновений с неприятелем, а более от болезней, жажды и голода таяла русская армия в Русско-турецкой войне 1735—1739 гг. Вероятно, подхватил какую-то смертельную хворь и Алексей Никитич, который каждый раз писал домой, что «в беспокойном месте токмо чрез ваши материнские молитвы и чрез милость Создателя нашего Господа Бога живым обретаюся»⁴¹.

18 марта 1737 г. «пополудни в 6 часу во второй четверти в пятницу представился» Алексей Никитич Чертков «в крепости Св. Анны в капитан-полковничьем чине»⁴², — записал его сын Василий Алексеевич. В «Общем морском списке» указано, что А.Н. Чертков скончался в 1737 г. в Азове⁴³. «Умирая и, вероятно, не имея при себе верного человека», Алексей Никитич отдал «находившийся всегда при нем медный складной образ, полученный им при благословении родителей, одному из солдат своей команды с поручением отдать кому-нибудь из наследников». Образ был передан в 1772 г. Василию Алексеевичу, который, по обязанности звания объезжая Азовскую губернию, не миновал и бывшую крепость Св. Анны. Эта семейная реликвия хранилась у Александра Дмитриевича, старшего внука Василия Алексеевича⁴⁴.

Алексей Никитич Чертков был женат на Анне Ивановне, урожденной Львовой. У них было два сына — Василий (1726—1793) и Иван, рожденный в 1728 г. и умерший во младенчестве. Анна Ивановна прожила в супружестве немного: она скончалась 14 апреля, в воскресенье, в 1728 г., на 27 году жизни. Сын Алексея Никитича Василий не пошел по стопам отца, не стал моряком. Да и то сказать, флот при преемниках Петра Великого оказался в пренебрежении. После Екатерины I из соображений экономии было даже запрещено направлять корабли в далекие плавания. В начале царствования Анны флот считали погибающим. Состав опытных офицеров и матросов шел на убыль, а корабли гнили на приколах и более украшали своим видом гавань, чем представляли собой боевую силу. В шведскую кампанию 1741 г. ни один корабль не вышел в море, а в следующем году кое-как снаряженная эскадра не отважилась даже напасть на шведский флот⁴⁵. Кроме того, из-за большого числа рангов штаб- и обер-офицерских чинов и малого количества вакансий по флоту служба эта была менее привлекательна, нежели сухопутная, поскольку едва «жизни человеческой стать может, чтобы через все чины дослужиться до первого ранга капитана», да и опасности морской службы отвращали дворян.

Василий Алексеевич Чертков (1 марта 1726 г. — 24 сентября 1793 г.) родился в С.-Петербурге и рано осиротел. Заботу о мальчике взяли на себя его бабушка Анна Ивановна и тетушка Дарья Никитична. Именно к ним обращался Алексей Никитич после завершения похода на Данциг в 1734 г., прося поскорее привезти к нему его сына, «голубочка сизинького».

Василий Алексеевич Чертков.
ОПИ ГИМ

Несмотря на частое отсутствие по службе военного моряка, Алексей Никитич, пока был жив, усердно пекся о надлежащем образовании сына. 10 февраля 1736 г. он писал из Таврова: «Пишите ко мне обо всем, вначале о Васильюшке, учится ли и что учит, и не ленится ли, и не извольте ему потакать и воли давать, чтобы учился старательно, а не гулял и не ленился, чтоб не был дураком». И далее строго наказывал: «А деньги мастеру за ученье извольте давать по всякой месяц не задерживая. А мастеру извольте говорить непрестанно, чтоб учил хорошенько с прилежанием, чтоб деньги брал не напрасно»⁴⁶. Мы видим, что в воспитании Василия Алексеевича определенно сказывается направление, данное дворянству Петром I и не заглушенное в семье Чертковых. Василий Алексеевич получил прекрасное образование, хотя преемники Петра Великого с меньшей энергией заботились об учении дворян, ко-

торые теперь легче и проще изыскивали поводы и отговорки, чтобы от него уклониться. Статистика удручает. По переписи 1754—1756 гг. оказалось, что чиновников высших I—III разрядов, получивших образование в государственных учебных заведениях, насчитывалось всего 396 человек, или 19,3%⁴⁷, т.е. управленческая элита России середины XVIII в. отнюдь не блистала знаниями. Во второй половине XVIII в. неграмотные дворяне были не редкость. Более того, в 1801 г. правительство Александра I обратило внимание на то, что в полках многие дворяне не знают грамоту.

В царствование Анны Иоанновны был издан указ (9 февраля 1737 г.), установивший порядок проведения смотров детей дворян для выявления степени их подготовленности к государственной службе, практика которых была введена еще Петром I. Устраивались смотры детей, когда им исполнялось семь лет, но тогда их отпускали домой учиться читать и писать, повторно их созывали в 12 лет и тогда уже записывали в различные школы. Но для детей, чьи родители имели не менее 100 душ крепостных, ввели послабление: их опять отпускали домой, чтобы они «со основанием обучены были» читать, писать, катехизису, арифметике и геометрии, что существенно сократило число поступавших в школы. На третий смотр дворянские недоросли должны были являться в 16 лет, причем только в Сенат и Герольдмейстерскую контору в столице или в соответствующие конторы в Москве. После очередной проверки знаний они записывались в гвардию, армейские полки или поступали служить в учреждения. Те из дворян, кто хотел продолжать образование, могли записываться в Кадетский

корпус, Морскую академию и различные школы. В 20 лет, после четвертого смотра, все дворяне должны были назначаться на службу в зависимости от склонностей и полученных знаний, которым отдавалось предпочтение перед выслугой⁴⁸.

В соответствии с указом от 1737 г. Василий Алексеевич, когда ему исполнилось 16 лет, явился на смотр дворянских недорослей, где изъявил желание поступить в Шляхетский кадетский корпус, куда и был принят 7 апреля 1742 г. В тот год туда поступило 78 человек. Это учебное заведение закрытого типа, по образцу существовавшего в Пруссии, было учреждено по мысли одного из сподвижников Петра I, графа П.И. Ягужинского, президентом Военной коллегии графом Минихом в 1731 г. для 200 дворянских детей, по окончании которого они поступали на службу в офицерских или соответственных им гражданских чинах. Сугубо аристократический характер Шляхетского кадетского корпуса был определен уже в его Регламенте 1731 г. и не раз подтверждался в последующих указах правительства. Например, дети малороссийского шляхетства сюда не принимались, поскольку оно в то время не было уравнено в правах с русским и остзейским дворянством.

Э тот корпус пользовался большим доверием дворянства, так что вельможи охотно отдавали сюда своих детей. В него принимали только грамотных детей в возрасте от 13 до 18 лет. Учебная программа была рассчитана на 5—6 лет. Наряду с преподаванием военных, а также «шляхетских» наук (иностранные языки — немецкий, французский, латинский по желанию, танцы, фехтование, верховая езда и т.п.) его программа предусматривала и

изучение юриспруденции: «А понеже не каждого человека природа к одному воинскому склонна, тако ж и в Государстве не меньше нужно политическое и гражданское обучение»⁴⁹. Специализация начиналась в последнем классе: воспитанников учили тем наукам, «к которым склонности, прилежание и понятия показали». Сухопутный шляхетский корпус также сообщал своим кадетам внешний лоск и хорошие манеры, что ставило их высоко во мнении тогдашнего общества, считавшего такое образование не только достаточным, но и совершенным.

Для Шляхетского корпуса императрица Анна Иоанновна пожаловала большой каменный дом с садом и службами на Васильевском острове, принадлежавший прежде любимцу Петра Великого князю А.Д. Меншикову. Это здание было едва ли не лучшим в то время во всем Петербурге. Кадеты жили по 6—7 человек в одной комнате и имели позволение держать при себе сверх казенной прислуги своих крепостных или наемных слуг. Корпус называли «рыцарской академией».

В.А. Черткову учение давалось легко. Он обнаружил успехи «в особенностях в немецком языке и математических науках». В корпусе он был произведен в сержанты в 1748 г. и пожалован в поручики в 1750 г. по окончании курса. В 1750 г. было выпущено 15 воспитанников. Но Черткова оставили при корпусе для обучения кадет, а в следующем году он получил чин армейского капитана. С приходом в корпус в 1750 г. сенатора князя Б.Г. Юсупова, учившегося в Ревельской гимназии, а затем за границей и ставшего главным директором Шляхетского корпуса, многое здесь начало меняться. Юсупов старался как можно ближе

ознакомиться с лицами, имевшими непосредственное влияние на воспитание кадет, и улучшил бытовые условия воспитанников. Война с Пруссией (1757—1763) позволила ему начать замену преподавателей из немцев на русских, в том числе и из своих воспитанников. 16 декабря 1756 г. он также сменил директора Иоганна фон Зигхейма, «тормозившего вообще русские интересы», на генерал-майора А.П. Мельгунова (1722—1788), одного из образованнейших людей своего времени,

Алексей Петрович Мельгунов

окончившего к тому же Сухопутный шляхетский корпус. Он немедленно завел типографию при корпусе в 1757 г. как «необходимое средство для быстрого и надежного введения русского преподавания»⁵⁰.

В 1758 г. В.А. Чертков был повышен в кадетские капитаны (майорс-

кого ранга), что уже было блестящей карьерой, и назначен преподавателем инженерного, артиллерийского и фортификационного искусств и командиром артиллерийской кадетской роты, состоявшей при корпусе⁵¹. Чертков не ограничился одним преподаванием и составил «курс временной и полевой фортификации». Для практических занятий из Петропавловской крепости было отпущено несколько полевых пушек, а в саду силами кадет были устроены небольшие земляные укрепления, которые им приходилось попеременно оборонять и атаковать. Бывали при корпусе карусели, на которых воспитанники имели случай показать свое проворство и ловкость в присутствии государыни Елизаветы Петровны и при великом стечении зрителей⁵².

В.А. Чертков, как отмечает исследователь архива Сухопутного шляхетского корпуса Д.Д. Шамрай, управлял типографией корпуса со дня ее открытия⁵³. Типография корпуса по постановлению Сената была учреждена «для печатания ко обучению находящихся при том корпусе унтер-офицеров и кадетов книг и прочего, к воинским образам принадлежащего». Но Мельгунов и Чертков задумали расширить рамки дозволенного и начать издавать также «общеполезные гражданские книги», которые прежде выходили только из типографии Академии наук, проходя ее цензуру. В октябре 1758 г. бригадир корпуса Мельгунов обратился к князю Юсупову с предложением сформировать цензурный комитет при типографии, чтобы иметь возможность печатать сочинения и переводы книг, которые «не будут противны закону и правительству» и которые вышли из-под пера лиц, причастных к Сухопутному шляхетскому корпусу. Юсупов разрешил

«учредить конференцию: главному быть профессору Гречу и членами: капитан Чертков, капитан-поручик Остервальд и поручик Свистунов».

Мельгунов в том же 1758 г., в ноябре, испрашивал позволение на издание по примеру Академии наук журнала, который получил название «Праздное время, в пользу употребленное». Однако Юсупов не доверил «конференции» типографии целиком цензуру нового журнала, ставшего по существу первым еженедельным частным русским журналом, и непременно требовал последнюю корректуру каждого его листа. Деньги за печатание журнала через Черткова поступали в корпус. Шамрай полагал, что роль Черткова в издании журнала едва ли ограничивалась только этим, правда, определеннее сформулировать отношение Черткова к журналу ему не позволила скудость сохранившихся документов.

При типографии сформировалось, по существу, издательство. Помимо учебных пособий, оригинальных и переводных, было издано немало беллетристической литературы (256 единиц), в том числе произведения Цицерона, Плутарха, Вольтера, Дидро и др.⁵⁴, причем предпочтение отдавалось французской литературе — историческим романам и повестям. За один 1759 г. было издано книг на сумму 10 тыс. руб.⁵⁵. Книги, выпускаемые при корпусе, предназначались в первую очередь его питомцам и преподавателям, ведь и сама система обучения в корпусе была рассчитана на подготовку энциклопедически образованных людей, находящих радость и удовольствие в чтении книг.

Кадеты корпуса имели свободный доступ в дворцовый театр, который так любила «веселая царица» Елизавета Петровна. Она не жалела средств

на постановку спектаклей, обставляемых с чрезвычайной роскошью: «чужестранные послы и вельможи утверждали, что такого шегольского одеяния, богатства театральных атрибутов и актеров хорошей игры в самом Париже на редкость встретишь»⁵⁶. Когда недоставало исполнителей, для участия в представлениях нередко привлекались кадеты. В самом Шляхетском корпусе преподавали поэтику, которая включала в себя сочинение учащимися пьес, и риторiku, т.е. умение исполнять пьесы. Закономерно поэтому появление в корпусе Общества любителей русской словесности, где в праздничные дни или в свободные часы воспитанники читали друг другу как свои сочинения, так и переводы из западноевропейской литературы. «Тут не было ни зависти, ни соперничества, тут было одно наслаждение мысли и души»⁵⁷, — вспоминали современники. В январе 1748 г. под руководством учителя французского языка сыграли трагедию Вольтера «Заира». На святках в 1749 г. кадеты разыграли на сцене Шляхетского корпуса «Хорев», первую трагедию А.П. Сумарокова (1717—1777), произведенного за несколько месяцев перед этим в офицеры, а уже через год, 1 января, ею восхищалась сама государыня Елизавета Петровна в своем театре. И когда в 1756 г. в Петербурге был создан первый публичный русский театр, его директором был назначен Сумароков.

В царствование Елизаветы Петровны Сухопутный шляхетский корпус составлял часть Двора. Воспитанники корпуса в период обучения пропитывались тем «духом классового избранничества своего сословия, который отличал уровень запросов наиболее образованной и европеизированной

дворянской элиты тогдашнего Санкт-Петербурга»⁵⁸.

В Петербурге Василий Алексеевич нашел себе достойную супругу — дочь статского советника Д.И. Семичева Наталью Дмитриевну (1729—1790), с которой обвенчался в 1753 г. Небезынтересно, что ее брат Александр учился в Сухопутном шляхетском кадетском корпусе и в 1761 г. был произведен при корпусе подпоручиком⁵⁹. В 1759 г. в типографии корпуса была напечатана переведенная секунд-ротмист-

в 1782—1787 гг. он стоял во главе Костромского наместничества.

У четы Чертковых, живших в мире и согласии, родилось 11 детей. Но детская смертность в те времена была высока; и радовали родителей, подрастая и набираясь сил, только пятеро: Мария (1753—1770), Дмитрий (1 мая 1758 г. — 1831 г.), Анна (1760—1796), Варвара (1763—1826) и Николай (1764—1838). Забегая вперед, отметим, что Анна была весьма удачно выдана замуж за генерал-лейтенанта Андрея Яковлевича Леванидова, сына влиятельнейшего обер-секретаря Синода Я.Г. Леванидова. (В 1755 г. Я.Г. Леванидов получал 1200 руб. в год, имел 300 душ крестьян)⁶⁰. Николай женился в 1796 г. на Н.А. Хрушовой (1773—1829) и имел 6 детей. О Варваре не сохранилось верных сведений, известно лишь то, что в 26 лет она еще не была замужем. Дмитрий был женат на Е.С. Тевяшовой, и о них вся речь впереди.

12 февраля 1759 г. главным директором Сухопутного корпуса Елизавета Петровна назначила наследника престола великого князя Петра Федоровича, внука Петра Великого и внучатого племянника Карла XII, человека с болезненной психикой и причудливыми интересами. «Елизавета приходила в отчаяние от характера и поведения племянника и не могла провести с ним четверти часа без огорчения, гнева и даже отвращения»⁶¹. Он с детства боготворил прусского короля Фридриха II и мог дни и ночи напролет играть в деревянных солдатиков. Августейший начальник стал проводить большую часть своего времени с кадетами, присутствовал на их занятиях и играх, знал каждого воспитанника в лицо. Для корпуса он был добрым руководителем: его «доношения в Сенат воссоздают впечатляющую картину заботы

Наталья Дмитриевна Семичева.
ОПИ ГИМ

ром А. Семичевым с французского на русский «История гишпанского принца Дон Карлоса» в количестве 600 экземпляров «на собственный издателя кошт». Семичев впоследствии обнаружил склонность более к историческим наукам, что отнюдь не помешало его карьере:

Император Петр III

главнокомандующего о надлежащем материальном обеспечении не только занятий, но и быта учащих»⁶². Так, например, он распорядился, чтобы патенты (т.е. дипломы, свидетельства) на все военные чины печатались в корпусной типографии, а «прибыльными от того деньгами содержать типографию и размножить библиотеку»⁶³. Благодаря Петру Федоровичу расширились возможности типографии корпуса, так как он позволил ей печатать любые книги не только авторов, принадлежавших к этому учреждению, но и сторонних сочинителей за подписью членов «конференции». Он также предписал, чтобы деньги, взимаемые при корпусе за повышение в чинах, употреблялись на содержание кадетского лазарета. По его представлению Елизавета Петровна значительно увеличила отпускаемую на корпус сумму в связи с ростом цен на съестные припасы и фураж. В 1760 г. при корпусе

была учреждена публичная аптека для продажи медикаментов⁶⁴.

Взойдя на трон после смерти Елизаветы Петровны 22 декабря 1761 г., Петр III передал бразды правления в корпусе генерал-поручику И.И. Шувалову (1727—1798) в торжественной обстановке и при параде 14 марта 1762 г., наградив корпусных капитанов фон Фреймана полковником, а Свистунова майором. Чертков повысили в звании несколько ранее: 5 января 1762 г. он был произведен в майоры «подполковничьего ранга», то есть в чин VII класса. Изобильно императорские милости сыпались и на директора корпуса А.П. Мельгунова. Будучи произведенным в 1760 г. в генерал-майоры, в феврале 1761 г. он был повышен в генерал-поручики, награжден орденом Св. Александра Невского, а также пожалован землей и 1 тыс. душ крестьян. Мельгунов ревностно служил Петру III, что впоследствии не могло не сказаться на его судьбе.

18 февраля 1762 г. Манифест Петра III о вольности дворянской освободил дворянство от юридически обязательной службы, что было встречено с понятным восторгом. Если прежде дворяне «отлынивали от службы, прохлаждаясь лежебоками по своим деревням»⁶⁵, то теперь помещики могли беспрепятственно посвятить себя хозяйственной деятельности в своих имениях. Только когда «особливая надобность востребует», возможен был призыв дворян на службу. В 1785 г. Жалованной грамотой дворянству — кодексом прав и привилегий — Екатерина II подтвердила вновь освобождение дворян от обязательной государственной службы, от уплаты податей, от телесных наказаний за какие-либо преступления. Тем не менее

и после 1762 г. служба для большинства дворян оставалась нравственной обязанностью, выражением чести и достоинства благородного сословия. В.А. Чертков, служебное положение которого было вполне завидно, не поспешил удалиться от дел в деревенскую тишь.

В это время И.И. Шувалов, заслуживший в истории имя русского мецената, задумал серьезные преобразования в Шляхетском корпусе. Он намеревался слить его с Артиллерийским, Инженерным и Морским корпусами, дабы воспитанники этих учебных заведений получали одинаковое образование и воспитание, пользуясь равным монаршим вниманием. Но новая императрица Екатерина II остановила эти планы, отстранив Шувалова и вместе с ним многих других прежних вельмож. Сухопутным корпусом она назначила управлять И.И. Бецкого и М.М. Философова⁶⁶, а 7 марта 1765 г. приняла Сухопутный шляхетский корпус под свое непосредственное ведение. Кадетский шляхетский корпус Екатерина II почтила лестным названием «рассадника великих людей России»⁶⁷.

Императрица имела весьма привлекательную черту в характере — она не была злопамятна и мстительна. Сторонники ее свергнутого мужа и его любимцы не оказались в Сибири, и хотя и были удалены от двора, но получили при этом высокие должности. П.А. Румянцев был назначен в 1764 г. губернатором Малороссии, директор Сухопутного шляхетского корпуса А.П. Мельгунов, «активнейший сторонник Петра III во время его недолгого сопротивления захвату власти Екатериной II», остававшийся при нем до самого последнего дня, — военным губернатором Новороссии⁶⁸. В.А. Чертков также следом за своим

бывшим начальником Мельгуновым оказался в далекой Новороссии. И.И. Шувалов «заблагорассудил на время от двора удалиться» и, получив разрешение ехать за границу, вернулся в Петербург только в 1773 г. Вот почему после 25 сентября 1764 г. в Шляхетском корпусе уже не прослеживается документально существование коллективной цензуры — «конференции» при типографии корпуса. С 1765 г. совсем прекратилось печатание литературных произведений, в которых бы упоминались заговоры, восстания, захват власти, уголовные дела иностранных дворов. Но это уже другая история.

Хотя двери Кадетского шляхетского корпуса закрылись за Василием Алексеевичем Чертковым, но его имя навсегда осталось в списках выпускников, которыми неизменно гордилось это славное заведение. Интересно, что в период пребывания в нем В.А. Черткова здесь учились будущие фельдмаршалы П.А. Румянцев, М.Ф. Каменский (закончил в 1756 г.), А.А. Прозоровский (1754), литераторы А.П. Сумароков, М.М. Херасков и многие другие достойные люди⁶⁹.

В «Словаре русских светских писателей...» митрополита Евгения (Болховитинова) указывается, что Василий Алексеевич Чертков в 1761 г. вышел в напольные полки майором и, проходя постепенно армейские чины, в 1764 г. стал бригадиром⁷⁰. Но об этом в архиве его внука А.Д. Черткова и в биографической статье другого внука, А.Н. Черткова, черпавшего свои сведения непосредственно из формулярного списка В.А. Черткова, взятого из Шляхетского корпуса, подобных сведений не имеется.

Итак, в 1764 г. В.А. Чертков был произведен в бригадиры (чин V класса) с назначением обер-комендантом

крепости Св. Елизаветы (г. Елизаветград). При этом ему положили жалованье в 1081 руб. и 600 руб. столовых денег⁷¹. Крепость Св. Елизаветы образно называли «первым основным камнем Новой России в степи». В жалованной грамоте, выданной 11 января 1752 г. сербскому генерал-майору Хорвату, предписывалось создать на отведенных ему землях 2 гусарских и 2 пандурских полка, назвать заселяемую страну Новой Сербией и построить там крепость Св. Елизаветы. Многое, что обещал, Хорват не выполнил, несмотря на выделенные значительные денежные средства. С 1754 по 1762 г. в Новой Сербии обосновалось только 6608 человек украинцев, сербов, македонцев, болгар, волохов, молдаван. В 1763 г. разрешили принимать в Новую Сербию на поселение русских и украинских беглых людей и «всяких народов», а также раскольников (с 1762 г.). В 1764 г. из Новой Сербии, Украинской линии и бахмутских казаков образовали Новороссийскую губернию⁷².

В 1765 г. Чертков был направлен обер-комендантом в город Кременчуг, который с 26 марта 1765 г. стал губернским центром, с назначением первым членом губернской канцелярии с подчинением его управлению всей Новороссийской губернии. Кременчуг, несмотря на выгодность своего положения при Кременчугском броде на Татарском шляхе, был относительно небольшим поселением: в 1773 г. здесь проживало 376 мужчин и 422 женщины. Деятельность Черткова на новой должности следует рассматривать в контексте реорганизации войск и обеспечения надежной обороны южных границ России от набегов крымских татар. Эти задачи был призван решать генерал-аншеф П.А. Румянцев

(1725—1796), в ноябре 1764 г. назначенный Екатериной II генерал-губернатором Малороссии, президентом Украинской коллегии и главным командиром украинских и запорожских казачьих полков и Украинской дивизии. Историк А. Скальковский, изучавший документы Новороссийского края, писал о тех годах: «Я не мог надивиться той быстроте, с какой исполнялись в степи все не только повеления, но даже предначертания правительства»⁷³.

Но еще удивительней, что в этом необжитом краю в крепости Св. Елизаветы была устроена небольшая типография: по представлению Мельгунова для Новороссии из типографии Сухопутного шляхетского корпуса был выделен один станок с минимальным числом обслуживающего персонала. Высшая власть Новороссии, т.е. сам Мельгунов, обладала правом цензуры на месте. В затерянной среди степей крепости возникла своеобразная литературная комиссия, которая занялась изданием произведений словесности. Верные идеям просвещения, Мельгунов и Чертков, находясь в почетной ссылке, попытались возродить былое свое детище, пусть в скромных пока размерах. В числе первых публикаций этой крошечной типографии кроме бланков значатся: «Кафейный дом. Комедия. Печатано Новороссийской губернии в крепости Святыя Елизаветы. 1765» и «Российская азбука», которая не дошла до наших дней. Единственный экземпляр «Кафейного дома» сохранился в Публичной библиотеке в Петербурге. В словаре Н.И. Новикова автором «Кафейного дома» был назван В.А. Чертков, позднее было уточнено, что Василий Алексеевич перевел, а вернее переложил пьесу знаменитого французского писателя

Ж. Руссо «Le caffè» из первого периода его литературного творчества⁷⁴. Подобная практика переделок и заимствований, прежде всего из сочинений прославленных писателей Франции (Расина, Корнеля, Вольтера), которые стали законодателями литературных вкусов, была характерна для русской драматической литературы тех лет. Сам Сумароков, задававший тон театру эпохи Елизаветы, компилировал свои труды, «мозаически лепя стих за стихом из нескольких произведений»⁷⁵.

В.А. Чертков обратился к пьесе Руссо, чьи творения не однажды переводились и печатались на русском языке. Однако, по проницательному наблюдению историка театра в Воронеже З.Я. Анчиполовского, небольшая книжечка Черткова — «едва ли не первая в этом ряду», что «свидетельствовало о вкусе и образованности русского генерала». Далее он добавлял, что «литературные упражнения — занятие весьма необычное для русского генерала даже в “век Фелицы”». Но воронежский исследователь упустил из виду, что В.А. Чертков не просто руководил типографией Сухопутного шляхетского кадетского корпуса, он состоял в ее цензурном комитете, был задействован в издательстве журнала, т.е. в принципе определял издательскую политику типографии, о которой с уважением отзываются исследователи-филологи. С другой стороны, время, когда екатерининские вельможи брались за сочинения, имея перед собой соблазнительный пример в лице императрицы, или, подражая во всем придворному обиходу, устраивали у себя театральные представления, отнюдь не соответствует самому началу правления Екатерины II — все это было позже. В 1769 г. Ека-

терина II начала издавать свой сатирический журнал «Всякая всячина», и сатира ее — «в улыбатальном роде». И только в 1772 г. императрица берется сочинять комедии. Поэтому сочинение В.А. Черткова вернее соотносить с импульсом, полученным от предыдущего царствования Елизаветы Петровны, нежели принимать его за дань моде и веяниям века Екатерины II. К тому же мы не знаем наверняка точное время, год, когда Чертков трудился над своим произведением.

Сюжет «Кафейного дома» весел и назидателен: кавалер Дорант с помощью своего хитроумного слуги заполучил в супруги дочь богатой трактирщицы и 20 тыс. приданого, обманув незадачливого жениха. Осмеивая дворянство, ищущее браков с богатыми мещанками по расчету, комедия выводит и служителя церкви — аббата, завсегда кафе и участника разных проделок. Недолгая судьба творения Черткова, по мнению Анчиполовского, объяснялась недостатком литературного таланта у автора. «Однако сам жанр комедии, к которому обратился Чертков, довольно красочные изображения бытовых сцен, ирония, обращенная на дворян, ищущих пусть недостойных, но богатых невест, все это по-своему примечательно и не чуждо некоторым новейших тенденций в литературе», — заключал воронежский театровед⁷⁶.

Но Шамрай указывал на совсем иные обстоятельства, повлиявшие на судьбу этого произведения. Они были связаны с ужесточением екатерининской цензуры, которая активно поднялась на защиту благонравия в литературе, что вылилось в запрет печатать в первую очередь романы. В 1760-е гг. констатируют явное крушение издательских пла-

нов дирекции Морского кадетского корпуса, в котором также не было выполнено ни одного частного заказа по печатанию романов. Сухопутный шляхетский кадетский корпус вовсе прекратил выпуск романов, хотя в предыдущие 1760—1764 гг. его типография издала «в невиданном дотоле в России количестве» романы в переводе корпусных литераторов, с 1759 г. сложившихся в группу литераторов-переводчиков. При новых цензурных правилах не пропускали даже такие выражения, как «лукавый бог любви», а текст «Кафейного дома» имел отдельные двусмысленные места. В конце 1765 г. с прибытием в крепость Св. Елизаветы Я.И. фон Брандта в качестве начальника края, и следовательно проводника цензурных установок нового царствования, книгопечатная деятельность типографии не просто приостановилась, но и уже вообще не возобновлялась на всем протяжении XVIII в. 1 августа 1774 г. из крепости Св. Елизаветы доносили в Сенат, что «напечатанная “Российская азбука” и комедия “Кафейный дом” и поныне в продажу не вышли». В 1770 г. отчетливо выявилось, что в русской литературе в качестве новинок остаются для чтения только оды, сказки и издания учрежденного Екатериной «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг»⁷⁷. О других сочинениях В.А. Черткова, если таковые и имелись, сведений не сохранилось, хотя в «Сводном каталоге русских книг гражданской печати XVIII в.» высказано предположение, что В.А. Чертков был переводчиком еще одной книги Руссо — «Pièces de théâtre de Mr. Rousseau», Amsterdam, 1722⁷⁸.

Значительным событием для судьбы В.А. Черткова стал Манифест 14 декабря 1766 г. Им было

объявлено о созыве депутатов со всей страны в особую Уложенную комиссию, которой надлежало пересмотреть устаревший кодекс законов — Соборное уложение 1649 г. Событие это, обставленное с замечательной пышностью и размахом, стало целым явлением во внутриволитической жизни России. К тому же звание депутата заключало в себе такие преимущества, какими никто из русских подданных тогда не пользовался. «Депутатам назначено было жалованье, звание их возведено было на небывалую высоту и стало самым привилегированным в России. Они находились под “собственным охранением” императрицы, на всю жизнь, “в какое бы прегрешение” ни впали, освобождались от смертной казни, пытки и телесного наказания»; им даны были для ношения особые золотые медали или значки для ношения на золотой цепи, «которые дворянским депутатам по окончании дела дозволялось вносить в их гербы, “дабы потомки знать могли, какому великому делу они участниками были”»⁷⁹. В.А. Чертков попал в число этих счастливых (примерно 575 человек) и присутствовал на торжественном открытии Уложенной (Екатерининской) комиссии, которое состоялось 30 июля 1767 г. после молебствия в Грановитой палате. До 14 декабря 1767 г. депутаты заседали в Москве, с 18 февраля 1768 г. — в Петербурге. Большое собрание провело за полтора года работы 203 заседания, на которых были обсуждены законы о дворянстве, купечестве и городском населении, вопросы о положении государственных крестьян и всего крестьянства и другие. Работало еще 15 комиссий. Представительнейшее собрание упрочило власть и авторитет Екатерины II, а также способствовало приобрете-

нию русского дворянства к проблемам государственного управления. Мы не ведаем рассуждений Василия Алексеевича по тем проблемам, но факт его членства в Вольном экономическом обществе может несколько пролить свет на образ его мыслей. Созданное в 1765 г., Общество ставило себе целью показать русскому дворянину путь рационализации помещичьего и крестьянского хозяйства и способы повышения уровня агрикультуры в России.

Русско-турецкая война 1768—1774 гг. отозвала В.А. Черткова на юг. Она протекала в очень трудных условиях, поскольку велась в отдаленных, диких местах, стоила громадных жертв людьми и деньгами и сопровождалась народным бедствием — чумой, от Бендер пошедшей до Москвы. Чертков устраивал ежегодно мосты на Днепре для переправы 2-й армии, создавал склады, строил укрепления и формировал войска, пополнял поредевшие полки. Некомплект был чрезвычайно велик, особенно в 1-й и 3-й армиях, достигая в среднем половины штатного состава. В кампании 1770 г. весной 2-я армия, командовать которой императрица поручила генералу П.И. Панину, вследствие разлива рек медленно продвигалась к Бендерам. Осторожный Панин обратил особое внимание на обеспечение сообщений со своей базой Елизаветградом, выстроил ряд укреплений и на каждом ночлеге по примеру Петра I воздвигал редуты. После двухмесячной осады 16 сентября русские войска овладели Бендерами в результате жестокого штурма. В кампании 1771 г. главная роль отводилась именно 2-й армии, доведенной до 70 тыс. человек. Ей надлежало овладеть Крымом. Поход этот увенчался полным успехом, и полуостров был покорен

без особого труда⁸⁰. В.А. Чертков удостоился нескольких лестных отзывов, свидетельствовавших о его «усердии к пользам службы и к соблюдению казенного интереса», от главнокомандующего армией графа П.А. Румянцева, П.И. Панина, князя В.М. Долгорукова.

Добросовестное или даже блистательное исполнение своего воинского долга дворянами в русской истории дело неувидительное. Совсем в ином свете видится деятельность В.А. Черткова после всего лишь одной фразы словаря Новикова, который, сообщая о комедии «Кафейный дом», добавил, что она «была представлена на Елизаветградском театре в 1770 г.»⁸¹. Правда, не ясно, когда занимались постановкой спектакля — до кампании 1770 г. или после взятия Бендер. Василий Алексеевич, еще в стенах Сухопутного шляхетского корпуса усвоив понимание театра как важного инструмента воспитания и мощнейшего средства воздействия на зрителя, в сложнейших условиях Русско-турецкой войны нашел самый верный способ поднятия духа у воинов: он прибег к помощи театра и выбрал именно комедию.

К сожалению, Анчиполовский не заметил всей значимости такого события, как театральная постановка, осуществленная под грохот сражений Русско-турецкой войны, которую он, похоже, также не приметил. Он полагал, что театр состоял из «благородных любителей» — молодых офицеров и чиновников, томившихся в степном захолустье. Энтузиастов поддержал или даже возглавил обер-комендант крепости, без участия которого в ней вообще ничего не могло произойти. Труппа могла выступать или в доме самого коменданта, или в особняке какого-нибудь богача-помещика;

любителя развлечений, не поскупившегося на костюмы, декорации и переделку танцевального зала в театральный, и, наверно, эта труппа, сыграв к немалой радости Черткова и всего «лучшего общества» Елизаветграда «Кафейный дом» и еще 1—2 комедии, распалась. Богач-помещик мог уехать в свою деревню, заперев на замок городской дом, исполнителей главных ролей могли перевести в другой гарнизон. Еще более вероятно, что, став в 1771 г. генерал-майором, Чертков получил новое назначение, и офицеры крепости Св. Елизаветы вновь уселись за свои карточные столы...⁸².

Однако нарисованная картина весьма далека от реалий 1770 г. Знаменитая в конце XVIII в. крепость Св. Елизаветы действительно первая в крае приняла вид города, но какого? В свои лучшие годы она включала в себя небольшую деревянную церковь, казармы и несколько необходимых военных зданий; вот и все, больше в ней ничего не было, не говоря уже об «особняках», а к середине XIX в. крепость Св. Елизаветы совсем исчезла за ненадобностью⁸³. В 1770 г. неоткуда было здесь, в центре сосредоточения русской армии, взяться и благотворителю-помещику. С одной стороны, в этом крае помещичьих крестьян, по данным 1765 г., еще не было. Большую часть населения составляли военнотрудовые, которые вместе с отставными насчитывали 63,69% всего населения провинции. Начавшаяся раздача земель была резко сокращена в 1768—1770 гг. в связи с усилением нападений на переселенцев запорожских казаков, претендовавших на земли Елизаветградской провинции, и вследствие Русско-турецкой войны 1768—1774 гг. Активное переселение помещика-

ми своих крепостных крестьян начнется несколько позднее, после решающих успехов в этой войне. С другой стороны, развернувшаяся война причинила огромный ущерб Елизаветградской провинции. Татары, предприняв в январе 1769 г. последний свой набег, сожгли здесь 150 деревень и увели с собой не менее 20 тыс. невольников. «Огромное дымное облако на 20 миль распространилось в пределы Польши»⁸⁴. Дважды татарская конница приближалась к слабой, с небольшим гарнизоном крепости Св. Елизаветы, но штурмовать ее не решилась. Тут уж не до томления и скуки. Цветущий вид просторы Новороссии обретут гораздо позднее, в XIX в.

В этой театральной истории имеется еще одно весьма важное обстоятельство: Чертков поставил на сцене свою комедию, как мы помним, негласно запрещенную. Почему? Быть может, у него под рукой в тот момент оказалось только его сочинение и он на свой страх и риск осуществил его театральное представление? Или же Чертков действительно потешил свое авторское честолюбие, надеясь, что в условиях войны на это посмотрят сквозь пальцы? А может быть, он попытался отстоять свое авторское право на творчество или на свободу и вольность мыслей, или хотел подчеркнуть свое несогласие и, в какой-то мере, оппозицию властям? Кто знает... Но факт этот замечателен тем, что открывает важную черту в характере Черткова — его способность на решительные и самостоятельные поступки, что явно отклонялось от общего русла верноподданнического поведения вельмож Екатерины II. Впрочем, театральную дерзость, или шалость, или вольность в Петербурге не заметили или пожелали не заметить.

21 апреля 1771 г. Чертков произведен был в генерал-майоры с оставлением при прежних должностях и с подчинением поселенных полков: Молдавского, Черного и Желтого гусарских, Елисаветградского пикинерного⁸⁵ — и сверх того поставлен главным командиром новостроящихся крепостей: Кирилловской, Александровской, Петровской, Никитской, Захарьевской, Григорьевской и Алексеевской, составивших новую пограничную Днепровскую линию, от Азовского моря до впадения в Днепр реки Московки. Генерал-майор Чертков деятельно занялся устройением этих крепостей, основанных инженер-генерал-лейтенантом Деденевым, и привел в особенно отличное состояние первые две, за что в 1774 г. был удостоен ордена Св. Анны 1-го класса, к которому кроме обыкновенного рескрипта за подписью наследника престола, будущего императора Павла I, приложено было собственноручное весьма лестное письмо Его Высочества от 10 ноября 1774 г.:

«Василий Алексеевич! С несказанной радостью исполняю повеление Ее Величества, посылая к вам орден Св. Анны. Вы, я думаю, известны о расположении моем в рассуждении вас, и так прошу быть уверенным, что исполняю собственное желание мое, исполняя повеление Ее Величества. Более того вам скажу, что когда я предложил о вас и хотел только помянуть о заслугах ваших и достоинствах, то, не дав мне времени докончить речи, Ее Величество сама точно так же и теми же словами изъяснилась, как я было начал говорить о вас. При ордене посылаю и письмо по формалитету; и так не удивитесь, если получите два письма вместе. Желая вас сам видеть скорее, остаюсь навсегда вашим благосклонным. Павел»⁸⁶.

Известно, что Павел I удостоил Мельгунова несколькими рескриптами, поскольку любил его, зная его отношение к Петру III, его родителю⁸⁷. Похоже, что подобно Мельгунову Павел I отличал и Черткова.

В начале 1776 г. В.А. Черткова назначили губернатором новоучрежденной Азовской губернии, шефом Луганского пикинерного полка и начальником дивизии, состоящей из поселенных полков: Иллирического, Волошского и Славянского гусарских, Екатеринославского, Луганского и Полтавского пикинерных. Полки эти входили в состав Екатеринославской армии князя Потемкина. При этом Чертков по-прежнему оставался и главным командиром Днепровской линии. Губернская канцелярия помещалась временно в Белевской крепости, а в 1778 г. была перенесена в новопостроенный город Екатеринослав. Небезынтересно, что в Луганский пикинерный полк в апреле 1777 г. получил назначение М.И. Голенищев-Кутузов, будущий фельдмаршал, и прослужил в нем 6 лет. 28 июня 1777 г. он был произведен в полковники. В.А. Чертков за свои труды повышен в генерал-поручики тогда же — 28 июня 1777 г. Через несколько недель 30-летний полковник М.И. Голенищев-Кутузов стал командиром Луганского пикинерного полка, а спустя несколько лет он вывел свой полк в число лучших.

В течение семилетнего управления В.А. Черткова прежде пустынный край буквально на глазах преобразился: были построены города Мариуполь, Нахичевань (у Ростова) и Екатеринослав (в 10 верстах от Новомосковска, но по причине низменного места, заливаемого при весенних разливах Днепра, впоследствии уничтожен),

а также водворены для поселения 75 902 души из крымских греков и армян, малороссийских казаков, великороссийских однодворцев и отставных солдат. Для них выстроено 4304 дома каменных и деревянных, каменных церквей 16 и деревянных 13. Чертков имел обыкновение лично проверять исполнение своих распоряжений на местах, потому постоянно находился в разъездах по вверенному ему в управление обширному, но редко заселенному краю. Забота его о будущем губернии была поистине неуемной. Так, обратив внимание на небольшой лесок в трех верстах от крепости Александровской (ныне г. Запорожье), он повелел на пологих склонах реки Сухой Московки разбить великолепный фруктовый сад в 11 десятинах 18 квадратных саженей⁸⁸, который радовал жителей Александровска до второй половины XIX в., когда нерадением местных властей он пришел в упадок⁸⁹.

Многие военные и гражданские чины Днепровской линии получили в ранговые дачи⁹⁰ изрядное количество земель в Екатеринославской и Таврической губерниях, где основывали деревни. В.А. Чертков также не отказался от наделения землей, хотя его фамилия отсутствует в том списке владельцев, который был опубликован Л.П. Новицким. Впрочем, в нем упомянута его дочь Анна, по мужу Леванидова, которая в 1777 г. владела деревней Водополье в Великом Лугу, где проживало 26 мужчин и 15 женщин, а земли при этом было 6000 десятинах удобной и 5800 десятинах неудобной. Ей принадлежала также Аннинская пустошь — 3000 десятинах удобной, 840 десятинах неудобной земли. Ее муж, генерал-лейтенант А.Я. Леванидов, обладал ранговой дачей — селом Андреевка у реки

Днепр с 341 мужчиной и 288 женщинами, а земли было 12 тыс. десятинах удобной и 2725 десятинах неудобной. Из другой ранговой дачи — деревни Федоровки (4500 десятинах удобной, 1274 десятинах неудобной земли) в 1783 г. он перевел всех крестьян в Андреевку. Однако все эти земли Леванидовых были в 1797 г. проданы тайному советнику М.М. Иваненко⁹¹. Вероятно, отказ от этих дач был обусловлен как назначением в 1796 г. Леванидова на должность воронежского наместника, так и тем, что хозяйствовать на этих диких пространствах было тогда очень нелегко. Степь, густо поросшая ракитником и тырсой (разновидность ковыля), нелегко давалась пахарю. Крестьян было очень мало, и они были неплатежеспособны по крайнему своему изнеможению, страдая от переходов и постоя русской армии во время русско-турецких войн, от бесчинств и грабежей запорожцев, от неурожая, засух, саранчи, наводнений, чумы, которая свирепствовала с 1784 по 1786 г., моровой язвы 1797—1798 гг. Летопись этого края с 1770 по 1806 г. буквально поражает своей горькой безысходностью — голод, большая смертность, всеобщая задолженность.

Страшный бунт Е. Пугачева 1773—1775 гг. ускорил преобразование структуры управления государством. Было подвергнуто основательной перестройке местное управление, которое согласно губернской реформе 1775 г. перешло в руки дворян данной губернии. Однако центральная власть, чтобы сохранить свой контроль над губерниями, ставила над 2—3 губерниями наместника или генерал-губернатора, чьи полномочия были неограниченны. На эти должности назначались вельможи, пользовавшиеся абсолютным

доверием государыни и облеченные от ее имени чрезвычайной властью. Наместник имел в своем полном распоряжении войска, расквартированные на вверенной ему территории.

19 февраля 1782 г. именованным рескриптом Василий Алексеевич Чертков был определен правящим должностью генерал-губернатора Воронежского и Харьковского наместничеств⁹², причем Харьковским наместничеством до него, в 1780—1781 гг., управлял П.А. Румянцев. Своими заслугами В.А. Чертков привлек к себе особое расположение Екатерины II. 24 ноября 1782 г. В.А. Чертков был пожалован орденом Св. Александра Невского⁹³. В июне 1787 г. он принимал Екатерину II в Харькове и был «пожалован бриллиантовым перстнем и 6000 руб. на подъем» во вновь вверенное ему Саратовское наместничество вместо Харьковского, которое отошло под управление князя Г.А. Потемкина (1739—1791), что, впрочем, объяснялось отнюдь не «аппетитами» последнего.

В 1787 г. генерал-фельдмаршал князь Г.А. Потемкин-Таврический являлся генерал-губернатором Екатеринославской и Таврической областей. Ему было крайне необходимо иметь под своим началом именно Харьковское наместничество, «откуда немалая часть легкой конницы наполняется». Еще в 1784 г. Потемкин был назначен президентом Военной коллегии со званием командующего русской конницей. Проведенная им реформа (1783—1786) совершенно преобразила нашу кавалерию, и в очередной Русско-турецкой войне 1787—1791 гг. она действовала успешно и эффективно. Кроме того, создание столь обширной административной единицы требовалось для претворения в жизнь грандиозного замысла Гри-

гория Александровича: вельможа загорелся мечтой возвести среди Новороссии центр, который мог бы поспорить с северной столицей в промышленности и в просвещении. Блистательный князь желал в Екатеринославе построить собор «на аршинчик повыше» собора Св. Петра в Риме, университет, академию музыки и живописи, 12 казенных фабрик, дворцы с садами на площади в 300 квадратных верст! Осуществление плана прекратилось со смертью Потемкина в 1791 г.⁹⁴.

Черткову же надлежало в Саратовском наместничестве устранить многие непорядки, в которых оказались замешаны губернатор, вице-губернатор и другие тамошние чины, о чем сообщалось в многочисленных жалобах и доносах в Петербург⁹⁵. Итак, новая должность, новое назначение. В.А. Чертков поспешил в Воронеж, который стал местопребыванием наместника.

Город Воронеж, основанный в 1585 г. на южной окраине Российского государства как одно из звеньев, призванных обеспечивать охрану южных рубежей России и служить форпостом православия в борьбе с расколом и ересью, процветавшими на вольных казачьих землях, во второй половине XVII в. утратил свое значение города-крепости. Жители его в основном занимались хлебопашеством и торговлей, но экономическое его развитие сильно страдало от близости привилегированных городов, таких как Острогожск и Коротояк, которым было предоставлено право свободного шинкования вином, пивом и медом и куда преимущественно стекался торговый люд, привлекаемый беспощадной торговлей. Воронежу удавалось сохранять свое первенствующее положение разве только потому,

что в нем имел пребывание свяtitель Митрофан, первый епископ вновь открытой епархии (1681 г.). В городе также жили воевода и казачий и стрелецкий голова.

Воронеж удивительно преобразился, когда в конце 1694 г. Петр I принял решение строить здесь флот. Впрочем, новая роль города была недолгой, и с 1710 г., когда корабельные верфи переместились в новую северную столицу России, он заметно обезлюдел и захирел. Пожары довершали дело. Особенно беспощадный пожар 1748 г. истребил все постройки славного времени Петра — более 1000 домов, в том числе и государев дворец, и адмиралтейство, и всю немецкую слободу, и дома вельмож Апраксина, Меншикова и др. Пощадил он лишь Цейхгауз, впоследствии напоминавший воронежцам о былой избранности их города. Воронеж затем отстраивался без всякого плана, его жители не беспокоились о красоте и правильности улиц. Беспорядок был невообразимый, улицы не мостились, и проезд даже в центре города был затруднен во время таяния снегов и дождей. Более долговечный и существенный, как отмечал дореволюционный историк Воронежа Г.М. Веселовский, след от пребывания в Воронеже Петра I, его свиты, мастеров, иноземных купцов остался в измененном быте и нравах местного населения, прежде всего купечества, которое, приняв европейский оттенок, стало резко отличаться от купечества других глубинных городов России⁹⁶.

До Манифеста о вольности дворянства в русской провинции не было светского общества: провинциальные города были совсем незначительны, население их, весьма немногочисленное, принадлежало почти сплошь к низшему классу; ад-

министративных органов было очень мало, и дворяне почти не принимали в них участия — дворянство все было на военной службе. Известный подъем духа у провинциального дворянства был связан с открытием наместничеств. 13 декабря 1779 г. гром 101 пушки возвестил об учреждении в Воронеже центра наместничества с назначением генерал-поручика Е.А. Щербинина (1779—1782), что совершенно преобразило город. Наместники были окружены особенным блеском, для сопутствования им была учреждена почетная стража — «государев наместник... имеет для конвоя своей особы двадцать четыре человека легкой конницы с одним подпоручиком, ему же даются два адъютанта, да дворянство наряжает для почести его молодых дворян с каждого уезда по одному человеку»⁹⁷.

На внешнее представительство наместников отпускались весьма значительные суммы. «Тот блеск, которым окружали себя наместники, вся обстановка напоминали в миниатюре столичную жизнь двора, балы сменялись приемами, маскарады вечеринками. Наместник начальствовал в виде царя. Великолепие его дома, адъютанты, почетные дворяне, богатая прислуга давали некоторое понятие о столице, дворе; балы и вечеринки у него и у других послужили школою — жены, дочери бедных помещиков познали светскость, пристойность, потребности увеличились, и торги, промышленность распространились. Привыкли к вежливости, опрятности; распутство, своеволие уменьшилось, жестокость к подданным смягчилась; стали стыдиться невежества и отдавать детей в училище, вслушиваться, подражать хорошим примерам, а кто видел закорюченое в грубости, тот через 5 лет находил удивительную в нем

перемену»⁹⁸. Все сказанное в полной мере проявилось и в Воронеже, что засвидетельствовал первый историк Воронежа Е. Болховитинов: «...с тех пор Воронеж получил значительное украшение как во внешнем, так и во внутреннем отношении».

Заступив в должность наместника (1782—1793), Чертков энергично продолжил преобразования во вверенном ему крае, начатые Е. А. Щербининым, и прежде всего озаботился внешним обликом своей «столицы». В. А. Черткову пришлось немало потрудиться над претворением в жизнь Высочайше утвержденного в 1774 г. после очередного опустошительного пожара 1773 г. регулярного плана Воронежа. Распоряжение «строиться порядком по новому фасаду и пространнее»⁹⁹ игнорировалось обывателями, предпочитавшими привычное расположение домов в глубине двора, за заборами. Они возобновляли постройки на прежнем месте, не беспокоясь о красоте и правильности улиц. Черткову стоило немало хлопот, приказаний и подчас угроз, чтобы преодолеть «глухую оппозицию» нововведениям преобразовательной эпохи пускавшихся на разные хитрости горожан¹⁰⁰. Для того чтобы провести новые улицы, упорядочить старые, очистить площади и т. п., приходилось переносить не только заборы, дома, но даже и сады. Город застраивался нарядными особняками дворян, которые охотно стали селиться в Воронеже, обретшем новый статус. От дворян не отставало и купечество, о чем писал Е. Болховитинов: «К чести воронежского купечества надобно сказать, что оно доныне наперерыв старается украшать город многими хорошего вкуса зданиями»¹⁰¹.

Эпоха екатерининских преобразований требовала и соответствовавших ей новых архитектурных решений. В. А. Чертков обратился за проектами здания наместнического правления и губернских присутственных мест в Петербург к одному из статс-секретарей императрицы, А. А. Безбородко (1747—1799), с которым он был дружен. Заказ был выполнен известным архитектором Джакомо Кваренги, проекты утверждены самой Екатериной II. В 1914 г. были опубликованы два письма на имя В. А. Черткова. Одно из них послал в Воронеж из Царского Села 5 июля 1784 г. А. Бестужев: «Милостивый государь мой Василий Алексеевич. Планы Воронежского наместничества присутственным местам и другим строениям, по Высочайшему Ее Императорского Величества повелению переделанные архитектором Гваренгием, кои Ее Величество видеть изволили, препровождаю при сем к Вашему Превосходительству». Автор другого — сам Кваренги — сообщал из Петербурга 16 декабря 1784 г. о пересылке шаблонов, «которые Вы пожелали получить». Он беспокоился о том, чтобы «только архитектор, кому поручена постройка, отметил бы мне все его пожелания и все, что ему необходимо. Я очень убежден, что Ваше Превосходительство будете стараться, чтобы мои намерения были хорошо исполнены, и в ожидании Ваших приказаний я остаюсь с полным почтением и уважением покорнейшим и послушнейшим Вашего Превосходительства слугою»¹⁰².

В связи с началом Русско-турецкой войны 1787—1791 гг. и запретом строительства казенных каменных сооружений планы возведения архитектурного ансамбля не были реализованы¹⁰³.

Впрочем, высказаны и иные соображения о причинах отмены строительства, согласно которым проект присутственных мест не удовлетворил воронежского наместника, желавшего утвердить приоритет гражданской власти. Ее символом являлись присутственные места, но они далеко уступали по своей торжественности и монументальности проекту архиерейского двора, также разработанному Кваренги и воплощавшемуся тем временем в жизнь. Попытка Черткова пересмотреть проект Кваренги не удалась, и он прибегнул к традиционной тактике проволочек, чему весьма способствовала и начавшаяся война¹⁰⁴.

Несмотря на данный эпизод, благодаря энергичной деятельности Черткова «Воронеж раньше других губернских городов принял физиономию правильно и красиво отстроенного города». Введение уличного освещения способствовало развитию интенсивного общения и прогулок целыми семьями, прежние тишина и запустение уходили в прошлое. В 1786 г. через реку Воронеж были построены новый мост, который, правда, через три года был снесен разбушевавшейся рекой, и плотина¹⁰⁵. Е. Болховитинов в 1800 г. восхищался: «Вид города из-за реки Воронежа прекрасен и представляет горы, украшенные вышиною церковей и колоколен, а скаты и долины — усыпанные пестротою разных зданий»¹⁰⁶.

Оживление городской жизни сопровождалось появлением в Воронеже целой армии чиновников (170 человек) для обеспечения функционирования наместнического правления и созданных согласно начертанию губернской реформы Палаты уголовных дел, Палаты гражданских дел, Казенной палаты, Губернского магистрата и т.п.

При наместниках на гражданскую службу «на должности ассесоров, советников и председателей стали очень охотно поступать представители из лучших фамилий местного дворянства, чего прежде не бывало и что прекратилось потом с уничтожением наместничеств, когда гражданская служба в губерниях лишилась опять своей величественной обстановки»¹⁰⁷.

Для активизации экономической жизни города и пополнения его казны В.А. Чертков в 1785 г. к прежде существовавшей единственной ярмарке прибавил еще сразу три¹⁰⁸, о чем тогда же было опубликовано в «Ведомостях» обеих столиц.

Век просвещения требовал создания стабильной школьной системы, построенной на новых педагогических правилах. Екатерина II возлагала большие надежды на школьную реформу. «В 60 лет все расколы исчезнут, — говорила она своему статс-секретарю А.В. Храповицкому, — сколь скоро заведутся и утвердятся народные школы, то невежество истребится само собой; тут насилия не надобно»¹⁰⁹. Императрица, ознакомившись с реформой 1774 г. Марии-Терезии в Австрии, пригласила в Россию по рекомендации императора Австрии Иосифа II педагога Ф.И. Янковича де Мириево, православного серба, знавшего хорошо русский язык и имевшего опыт организации школ в Венгрии. После его приезда 7 сентября 1782 г. была образована «Комиссия об учреждении училищ», призванная создать сеть народных училищ «на основании современных педагогических начал», подготовить хорошие учебные книги и надежных преподавателей. Комиссия выработала решение об организации главных (четырёхклассных) и малых (двухклассных) народных

училищ сначала в Петербургской губернии. С открытием в Петербурге в 1783 г. Главного народного училища, директором которого был назначен Ф.И. Янкович, Комиссия потребовала прислать в него для подготовки учителей способных молодых людей: из Александро-Невской семинарии 20 человек, из Московской Духовной академии 20 человек, из Казани, Смоленска, Тверской семинарии по 10 человек. Правда, многие были отосланы назад по слабости знаний. В мае положили вытребовать еще 100 человек и обратились за помощью к генерал-губернаторам с просьбой прислать желающих. В Воронеже наместник В.А. Чертков отыскал только четыре подходящие кандидатуры из духовной семинарии, да Харьковский коллегийум смог представить несколько студентов¹¹⁰.

Проблема развития просвещения в Воронежской губернии через организацию народных училищ встала перед неутомимым наместником. Будучи сам прекрасно образован и имея опыт преподавания, чутко откликаясь на веяния своей эпохи, В.А. Чертков не замедлил изыскать средства и открыть в Воронеже народное училище в 1785 г. В стране в том году действовало всего 12 школ с 38 учителями. В 1786 г. Екатерина II указом от 12 августа повелела открыть главные народные училища в губернских городах России и малые училища — как в губернских, так и в уездных городах. И на имя Черткова поступил указ, в котором государыня особо подчеркивала: «... уверены Мы, что вы изыщите средства заимствовать нужное сих училищ содержание без отягощения казны и без оскудения для других полезных заведений»¹¹¹. В Воронеже уже действующее учебное заведение было преобразовано в Главное народное училище.

Только в 25 губерниях из 50 подготовленные согласно повелению из Петербурга училища распахнули перед детишками свои двери. В тот год количество школ в стране увеличилось до 165 при 393 учителях. Таким образом, В.А. Чертков, оставаясь верным идеалам молодости, и в Воронеже постарался сеять просвещение. Уместно напомнить, что его коллега по Шляхетскому корпусу и единомышленник А.П. Мельгунов также при первой возможности возобновил свою деятельность на ниве просвещения, в частности, открыл в Ярославле сиротский дом и народное училище, основал в Холмогорах мореходное училище, собрал сохранившиеся рукописи на древнем языке народа коми (зырян)¹¹², отослав их затем в Эрмитаж. Современные знатоки воронежской старины А. Акиншин и О. Ласунский полагают, что В.А. Чертков создал народное училище не по собственной инициативе, а по указке петербургских властей. Впрочем, совсем непонятно следующее язвительное их замечание: «Но ведь мог бы и поубавить прыти: никто ведь его не подгонял!»¹¹³. Случись такое, в Воронежском крае существенно сократилось бы количество знаменитостей, кои составили славу Воронежа и ныне «дают хлеб» исследователям.

Училище находилось в ведении Приказа общественно-го призрения, призванного проводить в жизнь идеи филантропии и народного образования. Председателями и попечителями этого приказа являлись наместники и губернаторы. В 1787 г. состоялся первый публичный экзамен учеников, который собрал именитых людей города. Успехи учеников позволили губернатору представить некоторых учителей к наградам. Со-

гласно воронежским архивам, особенно памятны для училища были В.А. Чертков и гражданский губернатор А.Б. Сонцов (ок.1740—1811)¹¹⁴, которые принимали живое участие в становлении училища и его повседневных делах: присутствовали при всех испытаниях, дарили учащимся книги, делали пожертвования, ходатайствовали о наградах учителям и т.д. 17 января 1809 г. Главное народное училище было торжественно преобразовано в Воронежскую губернскую гимназию благодаря хлопотам того же А.Б. Сонцова и директора училища секунд-майора Г.А. Петрова (1796—1819). 19 января губернский предводитель дворянства Д.В. Чертков в честь этого события устроил маскарад и ужин, 21 и 25 января прошли праздники от имени купечества и губернатора¹¹⁵.

В 1785 г. В.А. Чертков наряду с народным училищем организовал и больницу со штатом в 15 человек. Таким образом, в городе к концу XVIII в. явились учителя народного училища и семинарии, врачи, чиновники, интеллектуальный потенциал которых емко выразился в деятельности научного кружка по изучению родного края. В его заседаниях, которые проводились с 1792 по 1806 г., также обсуждались вопросы политики, литературы, искусства, много внимания уделялось изучению энциклопедистов XVIII в. Душой и вдохновителем этого кружка был один из просвещеннейших людей эпохи Е.А. Болховитинов (1767—1837), впоследствии митрополит Киевский и Галицкий¹¹⁶, поэтому в литературе кружок этот называют болховитиновским. Перу Е.А. Болховитинова принадлежало первое описание Воронежа и его окрестностей, ставшее ценным источником для потомков: «Историческое, геогра-

Евгений (Болховитинов), митрополит Киевский

фическое и экономическое описание Воронежской губернии» (1800). Губернатор Сонцов называл его «любителем и ободрителем науки»¹¹⁷.

Ярким, незабываемым событием в жизни воронежцев было появление театра, устроенного в 1787 г. наместником В.А. Чертковым у себя на дому. Театр помещался в двухэтажной зале дома, занимаемого наместником¹¹⁸. В театре была устроена сцена, два яруса лож, партер и парадиз, или «раек», т.е. галерея. Роли в спектаклях исполняли дети Черткова и местная знать, режиссером был вице-губернатор князь Р.И. Ухтомский, отличный знаток театрального искусства и исполнитель первых ролей в драмах и трагедиях. Вначале театр был достоянием избранного круга лиц. Право на вход имели лишь получившие пригласительные билеты. Парадиз наполнялся чиновниками разных присутственных мест, таким образом этот малоимущий класс получил возможность приобщения к театральному искусству¹¹⁹. Е. Болхо-

витинов был одним из самых усердных посетителей театра: «Театр с воскресенья до воскресенья все лучше становится»¹²⁰. О подобных провинциальных театрах «Драматический словарь» сообщал, что «во многих (городах) благородные люди стараются к забаве своей и общей пользе писать и переводить драматические произведения, и заметно, что дети благородных людей и даже разночинцев восхищаются зрением театральных представлений, нежели гонянием голубей, конскими рысканиями или травлею зайцев, и входят в рассуждение о пьесах»¹²¹. И опять вспомним Мельгунова, который в Ярославле также не позабыл организовать у себя домашний театр.

Замечательно о роли В.А. Черткова в судьбе этого театра написал З.Я. Анчиполовский: «Не только репертуар, в конечном итоге существование театра целиком зависело от Черткова. Общественные условия не созрели еще для нормальной жизни сценического искусства в провинции. И для того, чтобы все-таки зажигались по вечерам огни на сцене и перед притихшей в изумлении публикой открывались неведомые страны, рыцарские замки или привычные картины обыденной жизни; для того, чтобы выходили на подмостки актеры в ярких камзолах и кафтанах... для всего этого требовалась инициатива человека, любившего театр и не жалевшего на него ни сил, ни времени, ни денег. Нужны были воля и упорство, чтобы столь обычный при подготовке первого спектакля энтузиазм не погас в течение многих лет...». Театральные представления прекратились с кончиной В.А. Черткова. Вице-губернатор князь Ухтомский «не пожелал обременять себя столь хлопотливым делом. Не подумал он

об устройении сценических зрелищ и потом, когда единолично управлял губерниями — сначала Тверской, затем Новгородской»¹²².

Должность генерал-губернатора оставалась вакантной до 1796 г., когда ее занял зять В.А. Черткова А.Я. Леванидов. Зная о театральных пристрастиях воронежцев, новый наместник пожелал возобновить сценические представления. Была даже произведена перестройка театра, улучшена сцена и приобретен театральный гардероб на сумму более 10 тыс. руб.¹²³ Но 6 ноября 1796 г. скончалась Екатерина II и был объявлен 9-месячный траур. «Контрреформы» Павла I коснулись и екатерининской системы губерний. С упразднением должности воронежского наместника в том же 1796 г. театр и дом наместника остались пусты¹²⁴. К тому же в связи со строгими распоряжениями нового императора губернаторы уже не имели возможности свободно и бесконтрольно покрывать расходы на театральные зрелища из казенных денег.

21 мая 1790 г. ушла из жизни верная подруга Василия Алексеевича Наталья Дмитриевна, женщина редких качеств. Ее похороны были пышными, как и полагалось супруге всесильного начальника края. Таких похорон Воронеж прежде не знал. 23 мая гроб, обитый малиновым бархатом и покрытый богатой белой парчой, под погребальный звон «со всего города» вынесли из наместнического дома в последний путь к Покровскому девичьему монастырю, где Н.Д. Черткова была «погребена преосвященным Иннокентием епископом с отцом архимандритом Самсонием и со всеми соборными и приходскими священниками». Священник Евфимий Болховитинов произнес надгробное слово о «знаменитой боярыне Наталии»¹²⁵.

В 1793 г. В.А. Чертков стал просить увольнения от службы по состоянию здоровья, но Екатерина II милостивым рескриптом пригласила его воспользоваться лишь отпуском в надежде, что отдых, укрепя здоровье, «соделает его способным подвизаться еще для пользы отечества». Переселясь в свое поместье в 20 верстах от Воронежа, 24 сентября 1793 г. в 12 часов поутру на 67-м году жизни, записал Д.В. Чертков, «представился батюшка» Василий Алексеевич Чертков. Хоронили наместника торжественно, и скорбь жителей была искренней. «Гроб был обит малиновым бархатом и серебряным газом обложен, тело с гробом накрыто богатою парчею, кавалерии [т.е. ордена] несли на бархатных подушках по 3 офицера, а как тело несли и после погребения стали в землю опускать, во всех церквах был звон, тож была и пушечная пальба и из мелко-го ружья; зрителей было едва не весь город». Погребение было совершено игуменом Тимофеем Задонским со всеми соборными и градскими священниками¹²⁶. Прах В.А. Черткова покоился в старой теплой церкви воронежского Девичьего монастыря. Сообщение о том, что в советское время могила супругов Чертковых была уничтожена, мало кого удивит.

В Воронеже сохранили добрую память о Василии Алексеевиче Черткове, о его ревностном исполнении должности воронежского и саратовского наместника, что являлось счастливым исключением на общем фоне иных примеров управления в других губерниях. «Звание генерал-губернаторов, уваженное сначала, когда они представляли в себе не губернских правителей, но вельмож, присланных и уполномоченных правительством на время для открытия губерний, — впоследствии приняло

все личные свойства тех, коим было вверено, и в одних превратилось в самовластие, в других пало в бездействие»¹²⁷, — отмечал дореволюционный историк С.А. Корф.

На долю В.А. Черткова выпала реализация многих екатерининских начинаний, связанных с проведением в жизнь реформ 1770—1780 гг. Перед нами неутомимый деятель, который не просто стремился точно и скоро выполнить волю высшей власти. Он и сам мыслил по-государственному, о чем ярко свидетельствуют преобразования и нововведения в Воронеже, в короткое время превратившемся при Черткове в истинную столицу края. И вот еще один штрих, подтверждающий государственный ум Василия Алексеевича. В 1788 г. В.А. Чертков представил Екатерине II проект строительства крепости на реке Большой Узень для охранения соляных промыслов на озере Эльтон от набегов киргизов (тогда — общее название степных кочевников Средней Азии), о чем также сообщают протоколы Государственного совета. Чертежи, смета строительства (35 633 руб.) были утверждены 10 января 1788 г., постройка крепости была закончена в 1792 г.¹²⁸.

В историографии сложилось мнение, что богатство воронежской ветви Чертковых, т.е. прямых потомков В.А. Черткова, явилось следствием политики значительных раздач населенных имений Екатериной Великой, которая 28 июня 1762 г. заняла русский трон в результате «самой веселой и деликатной», «не стоившей ни одной капли крови, настоящей дамской революции»¹²⁹. Вслед за авторитетным дореволюционным историком Воронежа М. Веневитиновым порой повторяется, что при Екатерине «ее любимцы и сановники, Орловы, Панины, Безбородки,

Чертковы, Воронцовы и другие, получили в пределах Бобровского, Новохоперского, Павловского, Острогожского и Валуйского уездов в подарок такие значительные пространства земли, что каждый из подарков послужил основанием нескольких весьма значительных состояний, существующих и до настоящего времени»¹³⁰.

Екатерина II действительно ознаменовала свое вступление на престол весьма щедрой раздачей крестьян: 26 человек получили 17 200 душ. Десяти лицам, в том числе Ватковскому, Протасову, Вырубову, Черткову, было пожаловано по 800 душ, но преимущественно, подчеркиваем, в губерниях, присоединенных при разделе Польши, а не в Воронежском крае. Много это или мало, можно понять при сопоставлении со следующими цифрами: официальные и тайные фавориты «Орлов, Васильчиков, Завадовский, Потемкин... вначале бедные дворяне, едваимевшие средства содержать себя в гвардии, сделались потом богатейшими помещиками, цветом нашей аристократии. Семейство Орловых в 1762—1783 гг. получило 45 тыс. душ, Васильчиков в 22 месяца фавора — 7 тыс. крестьян в России, Потемкин в 2 года — 37 тыс.»¹³¹ и т.п. В.И. Семевский оперирует другими величинами: Захар Чернышев получил 5131 душу мужского пола, граф Орлов с братьями — 24 000 душ, А. Васильчиков — 2927 душ, Потемкин — 21 866 душ, П. Завадовский — 10 837 душ. Екатерина II за 34 года своего правления пожаловала в потомственное владение около 850 тыс. душ обоего пола. Были отданы огромные земельные владения Орловым, Потемкину, Ланскому, Безбородко. Павел I роздал около 600 тыс. душ обоего пола за свое 4-летнее царствование. И лишь император

Александр I прекратил раздачу населенных имений в наследственное владение¹³².

В списке лиц, столь милостиво облагодетельствованных императрицей, имени В.А. Черткова не значится. Среди вознагражденных сторонников воцарения Екатерины II был не В.А. Чертков, а его дальний родственник Евграф Александрович Чертков (ум. 1797), поручик лейб-гвардии Преображенского полка, чье дальнейшее восхождение по служебной лестнице было также стремительным — камер-юнкер, затем камергер, тайный советник.

В.А. Чертков за свою долгую службу не сумел составить обширных земельных владений, он считался мелкопоместным дворянином, владея небольшими имениями в Землянском и Воронежском уездах¹³³. «Людей за ним, по последней ревизии написанных, родовых: в Володимирском и Екатеринославском наместничествах мужеска 35, женска 44; в 2 селах и 1 деревни, купленных в Екатеринославском, Саратовском и Воронежском наместничествах, Воронежской и Землянской округах: мужеска 240, женска 208 в 3 деревнях и 1 селе»¹³⁴. По данным А.Н. Акиньюшина, Чертков купил землю и 200 душ крестьян в Землянском уезде¹³⁵. Наследство же Василия Алексеевича Черткова составило 40 тыс. капитала и 80 душ крепостных¹³⁶. Правда, при жизни он наделил своих детей имениями. В сохранившемся формулярном списке старшего его сына Дмитрия Васильевича (в 31 год), подписанном его отцом, воронежским наместником, сообщалось, что «в Екатеринославском наместничестве на отведенных по указам с дачею планов и межевых книг землях заселены выведенными из дозволенных мест вольными малороссиянами в Новомосковском уезде:

1) станное село Дмитровка: муж. — 178 душ, жен. — 201 душа; 2) сельцо Васильевское: муж. — 156 душ, жен. — 136 душ. Итого: 334 души муж. и 337 душ женск.»¹³⁷. Имение его жены не было указано. За Николаем Васильевичем значилось «мужеска 431, женска 334 в 1 селе»¹³⁸.

Историк В.И. Недосекин первым отметил, что Д.В. Чертков умножил свое богатство за счет земель своей жены, что совершенно справедливо повторил А.Н. Акиншин. Однако ее приданое Недосекин чересчур преувеличил: 200 тыс. десятин земли в Острогожском уезде¹³⁹. По документам, в приданое Авдотье Степановне Тевяшовой дано было 8000 десятин земли¹⁴⁰. После смерти своего отца она осталась единственной наследницей его обширных имений, тогда-то в ее владение поступило крестьян обоего пола 13 950 душ и 200 тыс. десятин земли в Острогожском, Богучарском и Валуйском уездах¹⁴¹.

Очень любопытный документ от 1807 г. был опубликован в юбилейном издании «Воронежское дворянство в Отечественной войне», а именно «Генеральная ведомость, кому именно из помещиков в 13 уездах, Воронежскую губернию составляющих, с владеемых ими крестьян в составление Земского войска по числу душ назначено поставить ратников». По этой ведомости восстанавливается имущественное положение Д.В. Черткова в Воронежской губернии. Статский советник и кавалер Д.В. Чертков имел: в Воронежском уезде — 112 душ, в Валуйском — 558 душ. Кроме того, от супруги и от ее тетки, «бригадирской дочери Прасковьи Тевяшовой» (1727—1799), Дмитрию Васильевичу достались в Острогожском уезде — 7110 душ, Богучарском — 2100 душ, Бирючанском — 81 душа. В этой ведомости однажды назван коллежский советник Нико-

лай Чертков, который имел в селах 284 души¹⁴². Степан Иванович Тевяшов и его состояние и есть источник будущего благосостояния его внука Александра Дмитриевича Черткова.

Когда в журнале «Русский архив» за 1863 г. появилась статья о А.Д. Черткове и его библиотеке, в которой упоминались имена Болховитинова, Успенского, то «Воронежские губернские ведомости» тотчас откликнулись, выразив желание собрать все материалы о замечательных жителях Воронежа прежних лет. Однако о С.И. Тевяшове, деде Черткова, редакция газеты «вовсе не слыхала»¹⁴³. Родословная Тевяшовых, составленная Лобановым-Ростовским, очень напутанна и содержит массу ошибок, на что впервые указали Акиншин и Ласунский. Но они также не избежали неточностей. Вводимые нами документы позволяют более прояснить биографии наших героев и внести новые факты в их жизнеописания, хотя и наша версия, несомненно, будет корректироваться с обнаружением новых сведений.

Тевяшовы

В свое время, а именно в течение XVIII в., фамилия Тевяшовых была одной из самых значимых и влиятельных в Острогожске. Согласно сохранившимся документам и преданиям, род Тевяшовых был еще более древний, чем род Чертковых, восходил к XIV в. В 1382 г. из окружения хана Тохтамыша прибыли на Русь к великому князю Дмитрию Ивановичу три знатных брата, внуки бывшего мурзы Орды-Хозя, постельничего Тохтамыша. В Степенной книге упоминается,

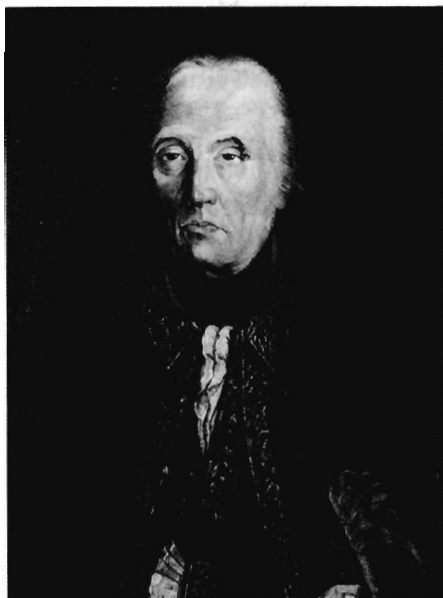
что крещение их в Москве произвело большое впечатление, так как они были в Орде знатными сановниками. Один из них при крещении получил христианское имя Азарий. У него было 2 внука, от одного из них, Вавилы Гавриловича Тевяша, и пошел род Тевяшовых. Первое историческое известие о Тевяшовых встречается в XVI в. В XVII в. они бывали стольниками и воеводами и владели деревнями. Род Тевяшовых внесен в дворянскую родословную книгу, в VI ее часть, и в Бархатную книгу¹⁴⁴. Воронежская ветвь начинается с Ивана Тевяшова (предположительно родившегося в 1660 г.), который в 1693 г. был стольником, через три года, в 1696 или 1697 г., ему велено было принять воеводство в Старом Осколе¹⁴⁵, в 1700 г. он был переведен в Острогжск, пограничное укрепление на южном рубеже России с казацким населением.

Всегородское управление с 1664 г. было отдано в полковую канцелярию Острогжского полка, в административном и военном отношении подчинявшуюся белгородскому воеводе. Власть полковника (административная, военная, финансовая и судебная) на территории полка была поистине огромна: он мог жаловать по достоинству полковых старшин и сотников, раздавать порожние земли и другие угодья по заслугам в потомственное владение, «утверждая пожалования универсалами [грамотами] за подписанием своей руки и приложением своей гербовой печати». Право его было неотъемлемое. Жалованной грамотой от 11 сентября 1669 г. Острогжскому полку, сохранившему верность во время черкасских смут, были впервые даны привилегии: «Всякими промыслы промышленяты и всякими же товарами торговать беспощин-

но, тако ж мельницами и рыбными ловли и всякими угодья владеть и шинки держать, и вино курить и шинковать безоброчно, и с тех промыслов полковую службу служить им без жалованья»¹⁴⁶. В 1671 г. Московское правительство в награду за успешную борьбу острогжских казаков с отрядами Степана Разина освободило казаков от всяких поборов, подтвердив прежние привилегии. А в 1677 г. грамотой царя Федора Алексеевича подтверждено было право свободного винокурения и свободной продажи вина¹⁴⁷.

Несмотря на верную службу казаков, их вольность смущала государей. Петр I, а вслед за ним его преемники на русском троне полномочия полковников постепенно сокращали. После 1700 г. кандидатуры полковников, избираемых в полку, должны были представляться на утверждение царю, что мы и видим в назначении И. Тевяшова. В 1700 г. Острогжский полк был присоединен к другим Слободским полкам «по единственному соизволению государя Петра I и в разных заслугах с прочими причтен, в которых порядок службы и всего установления был сообразно прочим полкам». Грамота от 28 февраля 1700 г. в Острогжский полк дана на имя полковника Ивана Тевяшова¹⁴⁸, поэтому ошибаются историки XIX в., полагая, что в 1700 г. Тевяшов был направлен воеводою в Рьльск¹⁴⁹. В феврале 1704 г. Высочайшим рескриптом Петра I И. Тевяшову «за его к нам, великому государю, к нашему царскому величеству, многия верная службы и радения» указано было принять команду над Острогжским полком, что не означает, как считали воронежские краеведы, перемещения на новое место службы, а является подтверждением продолжения прежней.

Непосильные налоги, изобретаемые петровскими «прибыльщиками», бесконечные мобилизации на строительство воронежского, а затем азовского флота, ужесточение гнета помещиков, попытки сыска беглых на Дону всколыхнули казаков, восстание которых под руководством К. Булавина охватило Слободскую Украину (1707—1708). Оно вспыхнуло в самый напряженный момент Северной войны, когда шведская армия входила в пределы России и начали обостряться отношения с Турцией. Восстание грозило уничтожить основные базы строящегося флота — Азов и Таганрог¹⁵⁰. «В 1707 г. острогожский полковник Тевяшов ходил в верховья Черной Калитвы и посылал от себя сотников с кумпанейщиками в Айдарские, Донецкие и Донские городки... для проведения вора Кондратия Булавина». «1708 года 28 апреля бунтовщики Булавинские в числе 15 тыс. под предводительством Лучки Хохла за рекой Битюком... разбиты высланным против них отрядом под начальством генерала Бахметева, Тевяшова и подполковника Рикмана. Причем отбиты у них стан, обоз, артиллерия, 3 знамени, несколько мелкого оружия и множество лошадей, верблюдов и разного скота и сверх множества убитых взято в плен 143 человека»¹⁵¹. Щедрость Петра I была поистине царской: в феврале 1708 г. Петр Алексеевич пожаловал стольнику Белгородского разряда и черкасскому полковнику И. Тевяшову за верную службу в вечное владение поселения в Острогожском уезде: «Колыбелку, Марок, Переезжую, Солдатку, Гредякин, Ивановку, Воскресенское, Ольховатку, Михайловку, Россошь и слободку Белогорье в Павловском уезде»¹⁵². «Отдана была почти тысяча четвертей земли в Ди-

Полковник Иван Тевяшов. ОПИ ГИМ

ком поле. Тевяшов вместе с вице-губернатором С.А. Колычевым участвовал в межевании границ с Турцией. Ходил с острогожцами в дальние экспедиции. Иван Тевяшов умер в один год с Петром I — в 1725 г.»¹⁵³.

На смену пришел бывший полковой хорунжий, а тогда есаул Иван Иванович Тевяшов-младший (около 1700 — после 1765). В 1726 г. он был произведен в полковники. А 3 июня 1726 г. «полковник Тевяшов сочетался законным браком на девице Авдотье Арсеньевой». Невесту он выбрал очень завидную, она приходилась родственницей Дарье Михайловне (в девичестве Арсеньевой), супруге светлейшего князя А.Д. Меншикова. По воцарении Екатерины I его власть необыкновенно возросла, и он, как констатировал саксонско-польский посланник Лефорт, «всем ворочает». Честолюбивый Александр Данилович задумал женить 11-летнего Петра, внука Петра Великого,

на своей дочери Марии, и ему удалось добиться торжественного совершения помолвки 25 мая 1727 г. Мария получила титул, двор, содержание в 30 с лишним тысяч в год, а сам Меншиков — желанный сан генералиссимуса. Вероятно, и И.И. Тевяшова ожидала в будущем необыкновенная карьера, поскольку к нему явно благоволил всемогущий временщик: пышная свадьба четы Тевяшовых состоялась во дворце Меншикова на Васильевском острове. «По многом веселии забавлялись танцами, в 12-м часу разъехались», — записал один из секретарей канцелярии Меншикова в «Юрнале 1726—1727 гг.»¹⁵⁴. Но увы! Судьба распорядилась иначе: в конце 1727 г. светлейший князь с семейством оказался в Заполярье, в крепости Березов, а полковник Тевяшов с супругой возвратился в свои родные степи, в Острогжский полк.

Тяжелая Русско-турецкая война 1735—1739 гг. разорила земли Слободских полков: проходившие или зимовавшие войска брали провиант, фураж, лошадей, волов, телеги и др. большей частью без платы; казаки привлекались к строительству укреплений Украинской линии, дорог, плотин, к выполнению гужевых и почтовых служб; в итоге землю было обрабатывать некогда, некому и нечем. Жители начали убежать от непомерных повинностей и налогов. Уже весной 1736 г. Миних доносил императрице, что при армии находятся только 2360 казаков вместо 4200. Старый полковник, искусный солдат, дома оставлен, продолжал свой рапорт фельдмаршал, а полковником сделали молодого человека, брата острогжского полковника Тевяшова, и дали ему команду над

казаками; так как старые офицеры обижены, то они над командой такого молодого человека, который никогда неприятеля не видел, только смеются, и от них происходят беспорядки и всякие непристойности. Острогжский полковник Тевяшов в прошлом году в поход не пошел, потому что страдал головной болезнью, а теперь занимается важным делом, лошадей собирает; дело в том, объяснял Миних, что он жену взял из Арсеньевской фамилии, сам богат и патронов имеет. Но из дальнейшего письма графа становится ясно, что не один Тевяшов так поступал. «Прочие гетманы и слободские полковники по домам сидят, хотя полки их в поход идут; сотники и казаки также дома остаются, и только бедные, без связей идут в поход»¹⁵⁵.

В 1732 г., во время царствования Анны Иоанновны, была предпринята первая попытка ликвидировать вольности и привилегии казаков: было приказано сформировать регулярный Драгунский полк вместо Острогжского казачьего полка и перевести в него офицеров из других армейских полков. Елизавета Петровна для коронации в Москве 25 апреля 1742 г. вызвала в первопрестольную столицу депутатов от дворянства всех провинций. Бригадир Лесевицкий, полковники Слободских полков (Харьковского, Изюмского, Острогжского, Сумского, Ахтырского) и старшины были в церемониальном шествии с прочими депутатами разных провинций¹⁵⁶. Поскольку Елизавета Петровна видела свою первейшую задачу в восстановлении государственных институтов и законодательства в том виде, в каком они были при Петре I, то представители от казаков умолили царственную дочь Петра Великого вернуть им былые казачьи права и

привилегии, утвержденные ее отцом. В 1743 г. указом Елизаветы Петровны юрисдикция над казачьими полками определялась «в ведении по военным делам и в произведении чинам по Военной коллегии, судными же и розыскными делами в Белгороде у губернатора», как и было установлено в 1708 г. Восстановленные прежние привилегии с присоединением еще права безоборочного пользования некоторыми земельными угодьями были вновь подтверждены особой грамотой, которая была объявлена 22 ноября 1743 г. бывшему в Острогжске полковнику Ивану Тевяшову с старшинами¹⁵⁷.

Свольностью казацкой удалось справиться только Екатерине II: указом от 28 июля 1765 г. она повелела преобразовать Острогжский казачий полк, честно прослуживший отечеству более 100 лет, в регулярный гусарский полк, казачьи старшины получили дворянское звание, земли и крепостных, а казачьих подсосудков и сродников¹⁵⁸ переименовали в войсковые обитатели с привилегированным положением, с сохранением права беспошлинного винокурения и продажи вина и соли¹⁵⁹. Эта древняя привилегия, а также право безоборочного пользования некоторыми земельными угодьями были окончательно отменены лишь с введением в Воронежской губернии в 1819 г. Высочайше утвержденного в 1817 г. Устава о питейном сборе.

В бумагах графа М.Л. Воронцова (1714—1767), содействовавшего вступлению Елизаветы Петровны на престол, пожалованного в 1744 г. титулом графа и возведенного в должность вице-канцлера, а затем канцлера (1758—1762), имеется прошение служившего «с особой ревностью в Слободском Острогж-

ском полку армейским полковником» Ивана Тевяшова, который, «показав многия в распространении тамошних мест и во умножении того полку заслуги, за старостью и за полученными на разных баталиях ранами отставлен от службы без награждения ранга, и, хотя от Военной коллегии доклад Вашему Величеству и подан, однако ж резолюций еще не воспоследовало. Ныне он поданною в конференцию на Высочайшее имя Вашего Императорского Величества челобитною просит, дабы в рассуждении тех его служб награжден он был чином. Почему конференция приемлет смелость Ваше Императорское Величество чрез сие всеподданнейше представить, не соизволите ли помянутого Тевяшова во уважении того, что младшие пред ним состоят уже генерал-майорами, а паче во уважении его долговременной и ревностной службы, которая Высочайшими грамотами государя Петра Первого засвидетельствована, пожаловать при отставке генерал-майором?»¹⁶⁰. Этот документ не имеет даты, но помещен среди бумаг, относившихся к 1753—1754 гг., поэтому замечание историков Воронежца, что в 1765 г. И.И. Тевяшов уходит в отставку, получив чин бригадира, неверно, а также противоречит и следующим ниже приведенным сведениям.

У Ивана Ивановича Тевяшова был родной брат Степан Иванович (1718—1790)¹⁶¹ и сын Степан, соответственно, тоже Иванович (1735 — до 1790), что внесло определенную путаницу в генеалогию Тевяшовых, составленную Лобановым-Ростовским¹⁶². По архивным документам это было выявлено Акиньшиным и Ласунским. Однако многие историки ошибаются, полагая, что брат

И.И. Тевяшова был последним командиром Острогожского полка. Степан Иванович Тевяшов (брат) с 1734 г. начал командовать Харьковским полком, причем, по мнению историка XIX в. Е.А. Альбовского, ему «пришлось управлять полком в самое тяжелое время, какое он когда-либо переживал»¹⁶³. Грамота императрицы Елизаветы Петровны от 22 ноября 1743 г. о привилегиях в Харьковском полку, подобно той, что получил И.И. Тевяшов для Острогожского полка, была дана на имя С.И. Тевяшова. В 1757 г. С.И. Тевяшов, полковник Харьковского полка, «согласно его челобитью» был «по докладу Военной коллегии, Елизавете Петровне поднесенному, от службы отставлен бригадиром»¹⁶⁴.

Исследователь истории Слободских полков И.И. Квитка следом за сообщением об увольнении полковника Острогожского полка И.И. Тевяшова «в отставку бригадиром» пишет, что сын его Степан Иванович «Военной коллегией пожалован полковником» и при реформе полков в том же чине вышел в отставку¹⁶⁵. Известно, что по уничтожении казачьей службы полковники, вступавшие в гусарские полки, получали звание подполковников, а пожелавшие выйти в отставку сохраняли чин. Следовательно, в отставку в 1765 г. в связи с расформированием Острогожского полка вышел в чине полковника Степан Иванович Тевяшов, сын И.И. Тевяшова.

А прежде Иван Иванович Тевяшов послал своего сына учиться в Харьковском коллегиуме. Полученное образование благотворно сказалось на всей его карьере. За пять лет по вступлении на военную службу С.И. Тевяшов прошел путь от ротмистра (капитана) до полковника. В Семилетнюю войну (1757—1763) он участвовал в походе на

Пруссию¹⁶⁶. Наблюдая за «пробуксовкой» попыток реорганизовать службу казаков, которые встречали нововведения с ропотом и сопротивлением, и предвидя дальнейшие шаги правительства в этом направлении, он составил свой проект усовершенствования службы в казацких слободских полках. О его глубоком знании и интересе к истории украинских полков, их состоянию и переустройстве свидетельствуют собранные им материалы (1732—1783 гг.), которые сохранились в архиве его внука А.Д. Черткова¹⁶⁷.

Полковник Степан Иванович Тевяшов.
ОПИ ГИМ

В 1767 г. его, как и упоминавшегося выше Василия Алексеевича Черткова, избрали от дворянства Слободско-Украинской губернии в состав екатерининской Уложенной комиссии. В Москву он явился 12 июля, но не известно, в каких комиссиях он участвовал. В списке 565 депутатов фамилия Тевяшова значится под № 390¹⁶⁸. Не будем

повторять, сколь значительными привилегиями были наделены депутаты. Если учесть, что в 1767 г. большая часть дворян, призванных Екатериной в Москву для составления проекта нового уложения, не знала грамоты, то мы поймем, как дороги были тогда люди образованные. Умный, прекрасно образованный полковник был немедленно замечен и повышен по службе. В 1768 г. Сенат определил С.И. Тевяшова в Слободско-Украинскую губернию на пост товарища губернатора. Три года спустя Воронежский губернатор Е. Щербинин, также бывший депутатом от дворянства Псковского уезда Новгородской губернии, представил в Сенат свое мнение о переводе С.И. Тевяшова воеводой в Острогужскую провинцию, аттестуя его с самой лучшей стороны. Подчеркивая исключительную порядочность Степана Ивановича («он совершенно чист от всякого поколебания к мздоимству и неправосудию»), указывал на знания им чужестранных языков, что позволило ему в 1766 г. участвовать в создании слободы Рибенсдорф (немецкой колонии) недалеко от Острогужска, на берегу Тихой Сосны. Сенат утвердил перевод¹⁶⁹. В сравнительно небольшой срок существования воеводства в Острогужске (1765—1779) воеводою с 1772 по 1775 г. был Степан Иванович Тевяшов. Затем в 1781—1782 гг. он становится острогужским дворянским предводителем¹⁷⁰.

Таким образом, власть в Острогужске и его округе была сосредоточена у Тевяшовых практически весь XVIII в. С 1652 по 1765 г. было 10 казачьих полковников, последними были Иван Тевяшов, Иван Иванович Тевяшов и Степан Иванович Тевяшов — отец, сын и внук. Затем С.И. Тевяшов был воеводой

с 1772 по 1775 г., а после дворянским предводителем. Служба и самая жизнь Тевяшовых сосредоточена была в Острогужске и около Острогужска — города, приобретшего свой неповторимо удивительный характер в течение XVIII в.

Город-крепость Острогужск, основанный в середине XVII в. на пограничье Русского государства, не отличался особой живописностью. Он стоял на слегка возвышенном левом берегу реки Тихой Сосны и был окружен поросшим тростником болотом. Но стройность плана расположения параллельных улиц и равных по величине кварталов удивляла путешественников уже в конце XVIII в. (Это было обусловлено тем, что прибывавшие украинские переселенцы с семьями — черкасы и русские служилые люди, размещаясь в посаде вокруг крепости, получали в надел усадебный участок определенного размера¹⁷¹.) По мере удаления южных рубежей России Острогужск из пограничного укрепления с казачьим гарнизоном постепенно превратился в провинциальный город со смешанным населением. И главным занятием жителей Острогужска становится земледелие, что отражено в его гербе: «В щите в зеленом поле золотой оржаной сноп, показующий богатые жатвы областей сего города». Удобное географическое положение города, монопольные вольности и привилегии, данные казакам правительством, соседство с Донскою землей, с которой велся торг рыбой, скотом, салом, и другие условия не могли не отразиться благоприятно на достатке жителей этого края, что заметно выделило его среди других пограничных городов-крепостей. Управление городом со временем приняло чисто гражданский характер. В 1779 г. город был причислен

к образованному Воронежскому наместничеству. Первый воронежский наместник Е.А. Щербинин (1779 г.) в своей записке Екатерине II о состоянии доверенного ему края писал об Острогожске как о привилегированном городе: этот город, окруженный валом и рвом, — «самой лутчей из всего новосоставленного Воронежского наместничества, ибо в нем как церковей, монастырей, так и каменного и деревянного обывательского строения довольно... А сверх того бывает в нем три большие ярмонки, на которые из разных городов съезжаются многие число купцов»¹⁷².

В истории небольшого города не значатся особо знаменательные события, но его жители обязательно напомним, что в Острогожске после взятия Азова 16 сентября 1696 г. Петр I встречался с коварным гетманом Украины Мазепой на Майдане, главной площади города, в специально подготовленном шатре. Государь получил от Мазепы в подарок турецкую саблю с драгоценной оправой и щит на золотой цепи, а гетмана одарил шелковыми материями и собольими мехами.

Об Острогожске 1816 г. с особой теплотой вспоминал профессор Петербургского университета А.В. Никитенко: «Замечательный город был в то время Острогожск. На расстоянии многих верст от столиц, в степной глуши, он проявлял жизненную деятельность, какой тщетно было бы тогда искать в гораздо более обширных и лучше расположенных центрах Российской империи. И материальный, и умственный уровень его стоял неизмеримо выше не только большинства уездных, но и многих губернских городов. В нем процветала промышленность. Он торговал овцами, соленым мясом, салом. Купечество ворочало большими капиталами. Большинство зажиточных

помещиков этого уезда проводило часть года в городе, где имело дома. Они, как и все острогожское дворянство, были одушевлены особым корпоративным духом и радели о чести своего сословия. Оттого образ действий их отличался достоинством, мало известным в те времена развращающего крепостничества. О взяточничестве между ними и помину не было. Служившие по выборам были истинными и нелицеприятными слугами общества. Понятно, что при гуманных стремлениях и просвещенных взглядах помещиков и крестьянам по деревням жилось здесь легче, чем где-либо. Землевладельцы не истощали их барщиной и оброками, обращались с ними человечно. А крестьяне, сытые и довольные своей долей, охотно несли свои тяготы и тем, в свою очередь, содействовали благосостоянию господ».

Острогожск прозывался «в крае Воронежскими Афинами. Они [жители] витали в сферах, казалось бы, мало доступных для медвежьего угла, в который их забросила судьба. Их занимали вопросы литературные, политические и общественные. Они препирались не за одни личные интересы, но и за принципы. В них проглядывало стремление к свободе и сознательный протест против гнета тогда всемогущего бюрократизма. У многих, даже купцов и мещан, были коллекции книг серьезного содержания, например: “Юридические сочинения” Юсти, “Конституция Англии” Делольма, “Персидские письма” Монтескье и его же “Дух законов”, в переводе Языкова... сочинения Вольтера на русском языке, которых теперь не сыщешь ни в одной книжной лавке... В обществе толковали о науке, искусствах, обсуждали вопросы внешней и внутренней политики»¹⁷³.

С отменой привилегий и после опустошительного пожара в 1822 г., истребившего две трети города, Острогожск очень обеднел, его умственный уровень понизился и он больше ничем не отличался от самых заурядных уездных городов, не имея уже своего самобытного исторического оттенка¹⁷⁴. Хотя беспристрастный взгляд отмечал, что по своему торговому и промышленному значению и в 1862 г. Острогожск уступал только губернскому городу Воронежу, значительно превосходя все уездные города губернии¹⁷⁵.

Но вернемся в благословенный для Острогожска XVIII в., когда он стал центром Острогожского уезда. В 1781 г. в городе, утопающем в густой зелени, было 12 церквей (10 каменных), 8 каменных колоколен и 1 деревянная, «партикулярных домов генералитетских, бригадирских и штаб- и обер-офицерских и те чины имеющих изрядно построенных 47 (из них каменных 4). В числе коих на середине города, близ площади, несравненно отличается дом с каменными кругом дому службами и с небольшою библиотекою... полковника дворян предводителя Тевяшова, новым образцом и по правилам архитектуры выстроенный: сей дом окружает регулярный сад, которой отменным расположением насаженных по пресpekтам и покрытым аллеям плодовых и прочих деревьев, искусным порядком, цветником и статуями немалое приносит зрению удовольствие, а к тому имеет в себе многие гульбища, беседки и изрядную оранжерею»¹⁷⁶. Впоследствии (1863 г.) в его доме размещался лазарет.

Помимо этого в пригородной слободе Песках Тевяшову принадлежал также дом, отстоявший от Острогожска «к восточной стороне расстоянием в семи верстах», «разделяющийся от немецкой колонии

Рибенсдорф рекою Сосною». Дом построен «по течению оной реки с правой стороны на меловой, нарочито возвышенной горе, при нем увеселительный сад насажен многими разными плодовитыми деревьями и искусно украшен цветниками, при нем для подданных-малороссиян, живущих в самой близости, в слободе, называемой Таволжное, сделана деревянная, преискусной красоты и фигуры церковь Воскресения Господне с хорами, притом повсюду там зрятя еще небольшие домики, по разным местам рассеянные, которые немалую красоту придают и из коих есть весьма приятное зрелище на луга, рощи, меловые над Сосною горы, и на реку, по изменности текущую, и в леса, берега ее отягощающие... Из балкона дома видеть можно три города: Котояк, Острогожск, Ольшанск и многие по степям населенные хутора»¹⁷⁷.

В конце XVIII в. помещики Тевяшovy в Острогожском и смежных с ним уездах, по официальным данным, сообщенным историком В.И. Недосекиным, владели 259 199 десятинами земли, а острогожский городничий Лука Татищев обвинил даже отставного полковника С.И. Тевяшова в том, что он за последние 20 лет незаконно захватил 300 тыс. десятин общественной земли. За ним числилось 13 965 ревизских душ. Для сравнения: к началу XIX в. в 13 уездах Воронежской губернии в руках 60 помещиков (2%) находилось 107 094 крепостных, или 59,1% общего числа владельческих крестьян в губернии, из них самыми крупными были: наследник П.Б. Шереметева — граф Н.П. Шереметев, владевший только в одном Бирюченском уезде имением в 15 226 душ, граф Д.П. Бутурлин (7864 души), граф И.А. Безбородко (6103 души), граф А.Г. Орлов-

Чесменский (2644 души)¹⁷⁸. В других работах исследователей размер присвоенных Тевяшовыми имений поменьше — около 100 тыс. десятин¹⁷⁹.

Работа войсковых земель для их освоения началась с Б. Хмельницкого. К полку приписывались огромные территории, расположенные на правом берегу Тихой Сосны к югу до реки Айдар. В царствование Анны Иоанновны указом от 16 февраля 1735 г. прежнее право занимать земли и прочие угодья было отменено, но «до времени всеми прежде занятыми землями и разными угодьями владеть и в потомственное наследие утверждать, хотя бы на оные и письменных укреплений не было»¹⁸⁰. При Елизавете Петровне казацкая старшина беззастенчиво захватывала общинные и войсковые земли, как правило безлюдные, «садила на них слободы, скликала крестьян и подсосудков», с течением времени усиливала гнет посполитых, постепенно превращая их в крепостных. Жалобы казаков на направленное завладение их землями не переставали приноситься правительству, но они не были услышаны. За казацкой старшиной навечно закрепили захваченные земли вместе с жившими на них крестьянами¹⁸¹. А казацья верхушка между тем начала хлопотать о получении дворянства и об уравнивании чинов с армейскими, что и было сделано Екатериной II.

Тевяшовы, получив от Петра I за верную службу крупные земельные владения, в духе эпохи не уставали их расширять, зазывая, «выкликая» на пустынные земли вольных малороссийских переселенцев и беглых крестьян. И они охотно шли: «Дак за панами было лучше жить, чем за казной». «Паны, — говорили крестьяне, — тоді жаліли», защищали переселенцев, предоставляли им льготы.

В то время как казенным крестьянам жилось тяжело вследствие воинской повинности и разного рода постоев, притеснений гусар, которые «даже жен отнимали»¹⁸². И.А. Соколов ярко изобразил, как происходило это привлечение переселенцев на земли Тевяшова: «Малороссийские казаки из черкас и других мест целыми сотнями верхами, пешком и на возах с семьями и домашним скарбом двигались на Острогожск, где в то время были предержавшие власти. В Острогожске они узнавали о свободных местах для заселения, заручались дозволением и отправлялись по назначению. Но было и так, как рассказывают старые люди: с Острогожска шел большой шлях (дорога) на Дон. На этом шляху, в 65 верстах от Острогожска, был маленький хуторок Развилка (теперь хутор Постоялый). Развилка и все кругом на громадное расстояние земли принадлежали полковнику Тевяшову. При этом хуторе дорога разветвляется: вправо идет на Ольховатку, влево — на слободу Россошь. Тут были устроены несколько землянок и курень; в этих помещениях жили казаки, слуги Тевяшова. У них в курене всегда была водка в бочонках. Едут поселенцы. “Здоровы булы, панове! Куда Бог нэсэ?” — “А хиба не бачитэ, шо шукаем воли”. Слово за слово. Дело слажено. Партия поселенцев препровождается в Ольховатку, или в Россошь, или в другие хутора Тевяшова, где они и водворялись». И все же паны Тевяшовы не смогли угнаться за размахом «наградного жалования» лучших земель Шереметевым, Бутурлиным, Воронцовым, Кантемиру...

В целом, очень мало можно сообщить о Тевяшовых; не вызывает сомнения, что это были суровые воины, которые умело командовали вверенным им Острогожским пол-

ком, искусно ориентируясь в конфликте власти и казаков, предпочитая верную службу государю Петру (в случае восстания Булавина). Но образ жесткого полковника Ивана Тевяшова неожиданно преобразуется, едва только выяснится, что он прекрасно знал латинский и польский языки и увлекался несколько далекими от воинского дела теорией и искусством красноречия. Книги в те времена стоили дорого, и их зачастую не покупали, а переписывали. В собрании рукописей А.Д. Черткова сохранилось восемь «Риторик», написанных в конце XVII в. или в начале XVIII в. скорописью на польском, русском и латинском языках или же польском и латинском языках. Они принадлежали И. Тевяшову, и на двух из них он поставил свою владельческую надпись, причем на томе 7 (№ 266)¹⁸³ — латинской скорописью в стихах: «Эта книга — мой свидетель, мой бог, кто его ищет, имя его будет урожденный Тевяшов, по прозвищу Иоанн» (1716 г.). В это собрание, без сомнения, входят отмеченные именем И. Тевяшова «Лексикон» (№ 258) и «Польские изречения в латинском переводе» (1714 г., № 278). Вероятно, к рукописям, любовно собранным Иваном Тевяшовым, можно отнести и «Словарь польско-латинский» (№ 190), в котором проставлено несколько дат: 1706 г., 1707 г., 1708 г. Наличие его придает библиотеке «Риторик» цельный и заверченный характер.

Продолжил собрание своего родителя и Иван Иванович Тевяшов. «Слова в день тезоименитства... императрицы Елизаветы Петровны», выписки из Псалтыри, пословицы польские и русские, немецкая азбука, «Лекарство от головной боли», «37 псалмов, переведено с немецкой Псалты-

ри... компоновал господин полковник. 1745 года». Данный сборник (№ 271) написан скорописью на русском и польском языках.

Семейная традиция не иссякла на Иване Ивановиче, о чем свидетельствует, в частности, запись на первом листе рукописи «Патерик скитский и азбучный» (№ 33): «Сия книга принадлежит к домовою библиотеке господина полковника Степана Ивановича, его высокородия Тевяшова. 1781 г., августа 15 дня». Рукопись «История о Париже и Вене» (№ 195) также отмечена рукой Степана Ивановича: «Принадлежит сея книга в библиотеку господина полковника Степана Ивановича, его высокородия Тевяшова. 1781 года февраля 19 дня Острогжск». «Гусль доброгласная, соч. Симеона Полоцкого» (№ 248) досталась С.И. Тевяшову от ее прежнего владельца, согласно записи — «бригадира и гвардии майора Василия Дмитриевича Корчмина».

Многие рукописи, вошедшие в коллекцию А.Д. Черткова, имеют происхождение из Острогжска или Слободской Украины. Может быть, С.И. Тевяшов постарался приобрести эти рукописи в свою библиотеку, хотя не исключено, что в этом преуспел его внук А.Д. Чертков: «Зерцало богословия, соч. Кирилла Транквилиона» (№ 321) — «Сия книга... Ивана Ивановича Тевяшова, приказчика ево Бориса Федорова сына Голяцкого, писано 1721 года марта в 17 день». Рукопись «Достойный дворянин» (№ 182) — перевод «из Еразма Роттеродама» с французского языка, сделанный в Харькове в 1770 г. при «новоучрежденных классах наук», содержит посвящение князю Г.И. Вяземскому, прокурору Слободской Украинской губернии. При тех же обстоятельствах

в Харькове в 1770 г. было переведено с немецкого «Краткое описание жизни Фридерика Августа, короля Польского и курфюрста Саксонского» (№ 183) и затем приподнесено губернатору Слободской Украины Е.А. Щербинину. «Космография. Арифметика» (№ 188), судя по записям, совершила целое путешествие по разным коллекциям: принадлежала «Олонецкого уезду Оштинского погоста государеву дворцовому крестьянину... Якову Гуляеву», который подписал эту книгу своей рукой в 1718 г. Затем появилась еще запись: «Сию книгу подорвал инженерной школы ученик Петр Андреев сын Хитров, а подписал я, Ермола Данилов сын Исупов» в Петербурге 31 января 1725 г. И в том же году Ермолай Данилов подарил ее «...Острогжского полку писарю Никите Карпову сыну Алтухову». Запись на рукописи «Наука счастливым быть» (№ 196) гласит: «Сия книга полкового есаула Михаила Пештича: подписал [1]752 году октября 5 дня», и др.¹⁸⁴

В Чертковскую библиотеку перешли многие книги из собрания Тевяшовых, как, например, Библия армянская (Венеция, 1789. — 726 с.), на которой проставлена следующая скрепа: «Из числа книг библиотеки господина полковника Степана Ивановича Его высокородия Тевяшова. Подписал библиотекарь Харьковского коллегиума богословия студент Игнат Губский».

И так, три поколения Тевяшовых были большими книгоочаями, собирателями рукописей и книг, они великолепно владели латинским и польским языками, сын и внук еще прибавили и знание немецкого языка. Владение латынью и немецким языком среди дворян XVIII в. было уникальным явлени-

ем, свидетельством невероятной учености. Поэт М.А. Дмитриев (1796—1866) писал о воспитании дворян старого времени: «Учились читать и писать; в ученье ограничивались этим. Но и то еще одни люди богатые и избранные. Бедные дворяне ничему не учились; привыкали только к хозяйству. Барыни и девицы были почти все безграмотные... Это было исключительным явлением, что мой дед говорил по-немецки и понимал по-французски и что моя бабка умела писать и читала книги. И в этом-то народе, при этом просвещении явились Ломоносов и Сумароков, явилась литература! И после этого говорят, что не бывает чудес!» Далее он уточнил: «Знание немецкого было большая редкость почти до двадцатых годов нынешнего столетия. Когда я был в университете (1813—1817), почти никто не знал по-немецки»¹⁸⁵.

Тевяшов был в дружеских отношениях с видным философом Г.С. Сквородой (1722—1794). В XVIII в. на Украине получили известность странствующие учителя, или, как их называли, «мандранные дяки» (от итал. mandare — посылать). Григорий Саввич Скворода обошел пешком Германию, Италию, Польшу, Австрию, где в университетах слушал знаменитых профессоров. Он преподавал в Переяславской семинарии, Харьковском коллегиуме (1759/60, 1762/63 учебные годы). Преподавал поэзию, потом и правила благонравия, а затем начал скитальческую жизнь. В своих беседах и философских сочинениях он старался пробудить в каждом человеке стремление к самопознанию, совершенствованию своего бытия. Скворода пользовался огромной популярностью среди всех слоев населения. Его называли

«странствующим университетом». «Не чужое воспитание должно быть привито русскому человеку, а свое родное. Нужно его уметь... найти, выработать из нашей же жизни, чтобы снова осмысленным образом его обратить в нашу же жизнь». Сковорода неоднократно останавливался в имениях Тевяшовых. Степан Иванович вел с философом оживленные диспуты, регулярно переписывался, был его почитателем. «Полюбя Тевяшова, Сковорода жил у него в деревне и написал тут сочинение “Икона Алкивиадская“, которое и приписал ему в память признательности своей к дому сему» и в 1776 г. «преподнес гостеприимному и образованному хозяину», надписав: «Высокомилостивому государю Степану Ивановичу господину полковнику Тевяшову»¹⁸⁶.

Подобно своему отцу Степан Иванович был весьма разборчив в выборе невесты и взял себе в жены графиню Марию Францевну Санти (1746—1785), дочь обер-церемониймейстера, тайного советника и кавалера ордена Александра Невского графа Франца Матвеевича Санти (1683 — после 1768). Мы ничего не можем дополнительно сообщить о Марии Францевне, хотя можно составить некоторое представление о ее семье, опираясь на биографию ее отца. Как известно, Петр I охотно приглашал к себе на службу иностранцев, обладавших нужными для России знаниями и умениями. Пьемонтский дворянин из хорошего древнего рода, восходившего к 1417 г., получивший образование в Париже, где изучал историю и науки, «близкие к генеалогии», встретился с русским государем в Амстердаме в 1717 г. Санти в это время находился на службе у ландграфа Гессен-Гомбурга в качестве обер-гофмаршала и тайного советника. Вскоре он при-

Мария Францевна Тевяшова, урожденная графиня Санти. ОПИ ГИМ

был в Россию: «Воистину не ради великого или малого жалованья я сюда в государство приехал, но ради искреннего желания служить толь великому монарху».

В 1722 г. возникло новое государственное учреждение — Герольдмейстерская контора, куда по указу Петра I был определен граф Санти полковником, и «быть ему у дел в товарищах у герольдмейстера». Но по началу ему «забыли» назначить жалованье, которое через несколько месяцев положили в 1200 руб. Новое дело наладить было непросто. Рисование гербов происходило на квартире Санти, а деньги на покупку кистей, дров, свечей, рамок он выделял из своего жалованья. И в сентябре 1722 г. он представил первые опыты своей работы, в том числе и описание герба для государственной печати, которые понравились государю.

Граф Франц Матвеевич Санти

Граф Санти принес с собой французскую теорию геральдики, послужившую основанием для всей дальнейшей деятельности Герольдмейстерской конторы. В следующем году контора из Москвы переехала в Петербург, но помещение, определенное Сенатом, оказалось полуразрушенным. Скучные средства, отпускаемые на нужды Герольдмейстерской конторы и содержание штата, поступали крайне нерегулярно: только за полгода герольдмейстер и его товарищ граф Санти обращались в Сенат пять раз, чтобы раздобыть денег для переезда в новую столицу. В 1724 г. графу Санти прибавили жалованье — 1600 руб. и «дом на квартиру». За составление каждого нового герба дворянам ему было позволено собирать по 2 руб. на краски. На него было возложено ответственнейшее дело — создание генерального герба, т.е. главного российского герба, а также сочинение гербов для русских городов, к чему он подошел ответственно и творчески. Санти развернул де-

ятельность по собиранию сведений, касающихся природы, достопримечательностей, хозяйственной жизни городов, которые были необходимы для сочинения их герольдических символов. В 1727 г. Санти была поручена подготовка проектов новых полковых знамен, однако довести эту работу до конца ему не довелось, и материалами воспользовался граф Миних, под руководством которого изготовлен был сборник городских гербов на знамена полков. «Но стиль, преподанный графом Санти герольдийским живописцам, сохранился надолго, удержанный и последующими лицами, ведущими сочинения русских гербов»¹⁸⁷.

25 июля 1725 г. граф Санти благодаря расположению к нему графа П.А. Толстого был пожалован в церемониймейстеры для коронации Екатерины I. В марте 1726 г. он подал в Верховный тайный совет прошение о даче ему на этот чин патента. 27 марта за подписью Екатерины I он получил искомый документ, из которого явствовало, что «мы графа Сантия для оказанной его в службе нашей ревности и прилежности в наши обер-церемониймейстеры июля 25 дня прошлого 1725 г. всемилостиво пожаловали и учредили, яко же мы его силою сего жалуем и учреждаем, повелевая всем нашим подданным помянутого графа Сантия за нашего обер-церемониймейстера надлежащим образом почитать и признать»¹⁸⁸.

Но в 1727 г. опять же по причине тесного общения с графом Толстым, замешанным в антиправительственном заговоре, Санти без суда и следствия был сослан в Якутск его врагом, всемогущим временщиком князем А.Д. Меншиковым. В 1731 г. графа Санти отправили в Верхотенский округ, откуда в 1734 г. он «был взят в

Иркутск», вероятно самовольно, иркутским вице-губернатором. В Иркутске опальный граф пользовался свободой и даже успел жениться на дочери умершего подьячего П. Татаринова, Прасковье. Послабление по отношению к Санти стало известно в столице. И граф Санти в 1738 г. попал уже в Усть-Вилуйское зимовье, где «тот Сантий и караульные, подпрапорщик и солдаты... живут во всеконечной нужде, понеже в том зимовье, кроме одной юрты, никакого строения нет, да и та де ветхая и без печи... и хлебов печь негде... без печеного хлеба претерпевают великий голод и принуждены иметь себе пропитание весьма нужное, разводя муку на воде, отчего де солдаты всегда больны... а колодник Санти весьма дряхл и всегда в болезни находится, так что с места не встает и ходить не может». Санти перевели в Енисейск, в котором он провел несколько лет, и лишь указом от 28 августа 1742 г. в царствование дочери Петра Великого ему был возвращен прежний придворный чин обер-церемониймейстера¹⁸⁹.

И вновь в 1748 г. его карьера чуть было не оборвалась из-за провала интриг, которые плел лейб-медик Елизаветы Петровны Иоганн-Герман Лесток против канцлера А.П. Бестужева-Рюмина. Последний в свою очередь обвинил Лестока в заговоре с целью устранения его, канцлера, и свержения Елизаветы Петровны. При этом Бестужев-Рюмин попытался пристегнуть к делу и вице-канцлера Воронцова, и других своих недругов, в число коих попал и граф Санти, которого он в насмешку называл «обер-конфузионсмейстером»¹⁹⁰. Для Лестока 1748 год закончился печально: он был лишен прав и имуществ, бит кнутом и отправлен в ссылку в Охотск.

Граф Санти миновал опалы. Но сколь серьезна была возможность нового изгнания, раскрывают некоторые документы из архива Воронцовых, которые почему-то ни разу не были упомянуты биографами Ф.М. Санти. Впрочем, они вообще не сообщали и об этой очередной для графа грозе. В «Допросных пунктах» Ивану Лестоку утверждалось: «граф Румянцев, вице-канцлер Воронцов и обер-церемониймейстер Сантий непрестанно с протчими у тебя съезжаются». Канцлер граф Бестужев-Рюмин предложил на всемилостивейшую апробацию меры наказания лицам, замешанным в кознях Лестока: «...Ничего иного не остается, как над некоторыми изменниками и их мнимыми сообщниками в одно время высокомонаршую Ее Императорского Величества власть для собственной своей и общей государственной безопасности оказать, разослав их вдруг вглубь государства по всевысочайшему благоизобретению... Обер-церемониймейстера Сантия послом в Китай отправить. Правда, такая посылка для всевысочайших Ее Императорского Величества интересов весьма полезна была бы; однако ж не такого шпиона, как Санти, который француско-пруссско-шведской партизан и, как известно, от Далиона потаенно подарки получал, к тому употребить надлежит. И потому не соизволит ли Ее Императорское Величество его лучше в пограничной сибирский город Селенгинск воеводою на место бригадира Якоби (которой при кавалерии не беспотребен быть может) отправить? А на его место, видится, и ни в ком другом нужды нет, потому что он токмо при посольских аудиенциях, которые не часто случаются, следовательно, камергером того ж ранга сия должность тогда

исправлена быть может; а между тем жалованье его, три тысячи рублей на год, в казне Ее Императорского Величества останется»¹⁹¹.

Невзирая на все перипетии и жестокие превратности судьбы, Ф.М. Санти сумел остаться обер-церемониймейстером при Дворе, герольдмейстером при Коллегии иностранных дел. Ему, даже с учетом бурных событий вокруг российского престола, удалось удачно вписаться в верхушку правящего класса Российской империи. К середине XVIII в. в стране насчитывалось только 15 фамилий с графскими титулами, среди которых значились и графы Санти. Хотя «Петр I поставил вообще придворную службу в низший разряд, но после него служба эта поднялась слишком высоко и прокладывала прямую дорогу к значительным государственным должностям, так как пожалование какого-либо почетного придворного звания обращалось соответственно рангу не только в гражданский, но нередко и в военный чин, а сообразно с чином предоставлялась и должность. Ранги же придворных чинов со времени императрицы Анны Иоанновны были слишком повышены»¹⁹². Служившие в России иностранцы обычно получали более высокие оклады, чем русские чиновники. Это объяснялось тем, что государство платило им высокие ставки как специалистам, а также оттого, что иностранцы не имели вотчин. Добиваясь новых рангов и повышения жалованья, они ходатайствовали и о пожаловании им деревень.

Согласно указу 1746 г. иноземцы могли владеть крепостными, но с одним условием — не вывозить их из России¹⁹³. И им запрещалось покупать крепостных до принятия православия.

Не отставал от других и граф Санти, спеша обзавестись землей и крепостными. В 1755 г. годовой оклад его составлял уже 3500 руб., он обладал 27 душами крестьян и 19 гаками земли¹⁹⁴. 5 сентября 1756 г., в день тезоименитства Ее Императорского Величества, времени особой милости к приближенным, граф Санти не был обойден вниманием и был пожалован тайным советником. 14 февраля 1764 г. он был уволен от службы с пожалованием чина действительного тайного советника согласно указу Елизаветы Петровны, которая «всемиловитвейше пожаловать соизволила обер-церемониймейстера Ее Императорского Величества графа Сантия, по всеподданнейшему его прошению увольняя от службы вовсе, в рассуждении долговременной его службы в действительные Ее Императорского Величества тайные советники с производением ему из Статс-канцелярии того же по смерти его годового жалованья, которое он поныне получал»¹⁹⁵. Точная дата смерти графа Санти не известна, но в 1768 г. он был еще жив — в тот год он купил у княгини М.М. Волконской село Жежево Коломенского уезда¹⁹⁶.

Князь М.С. Воронцов набросал в «Биографических заметках» портрет графа Санти: «...пьемонтанец, приехал на службу к Петру I. Был любезным, длинным, худым, носил огромный парик, его обвиняли в скупости и его любили вследствие этого терзать. Был сослан при Анне и выдал свою дочь за богатого купца»¹⁹⁷. Последнее свидетельство неверно. Граф Санти, женатый на П.П. Татариновой (умерла в 1775 г.), имел 2 сына и 4 дочери. Дочерям своим он сумел найти достойную пару: Екатерина (ум. в 1796) была выдана за Н.А. Щербинина, Елизавета (ум. в 1810) — за бригадира М.Д. Бутурлина, Анна — за Н.В. Толстого, Мария — за С.И. Тевяшова.

В 1768 г. родовитый и богатый остро-гожский полковник Степан Иванович Тевяшов появился в столице в качестве депутата Екатерининской комиссии. А депутаты были вознесены на столь недосягаемую и столь многими желанную высоту в своих привилегиях, что и разборчивая аристократия не гнушалась породниться с ними. Вероятно, венчание графини Марии Францевны Санти и Степана Ивановича Тевяшова состоялось в том же 1768 г., так как в следующем году появилась на свет их единственная дочь Авдотья, или Евдокия, названная в честь своей бабушки Арсеньевой.

Детство и юность А.Д. Черткова

В отличие от своего деда и отца Дмитрий Васильевич Чертков не заканчивал учебного заведения, а воспитывался и получал образование под присмотром родителей. Это только при Петре I домашнее обучение дворян рассматривалось как уклонение от государственной службы, а потому строго наказывалось. Спустя 15 лет после его смерти обучение детей дома — право и обязанность дворян, ибо необходимо, чтобы «шляхетство все были обучены и ко употреблению в воинскую и гражданскую службу угодные»¹⁹⁸. Но, с другой стороны, разве не вызывает удивление то обстоятельство, что Василий Алексеевич Чертков, отдавший Сухопутному шляхетскому корпусу без малого 22 года, своих сыновей туда не послал? Вероятно, ответ надо искать в изменениях, произошедших в корпусе под руководством генерал-поручика И.И. Бецкого. Он разрабо-

тал Устав корпуса 1766 г., согласно которому в корпус стали принимать дворян не старше 6 лет и только раз в 3 года, а не как прежде — во всякое время, если только была вакансия, и в любом возрасте. Теперь кадеты должны были обучаться в течение 15 лет, до 21 года, и родители обязаны были дать письменное подтверждение в том, что они не будут требовать своих детей обратно до истечения сего срока даже на каникулы¹⁹⁹. Сухопутный шляхетский корпус теперь мыслился как питомник «новой породы» людей,

Дмитрий Васильевич Чертков

изъятых с детства из патриархальной семьи и поэтому взрошенных, как представлялось, весьма добродетельными, без предрассудков своей среды. Все прежние учебные заведения и заводимые вновь переводились на эту систему. Идеи воспитания детей в отрыве от семьи были восприняты аристократией «как священный завет самого неба»²⁰⁰.

О Дмитрие Васильевиче вообще известно немного. В «Русском биографическом словаре» был опубликован его формулярный список, согласно которому 16 апреля 1771 г. он вступил в службу ротным квартирмейстером в первый гвардейский полк страны — Преображенский. Ему было тогда всего 13 лет. Военная карьера юного воина складывалась довольно удачно: в том же году, 22 апреля, он был произведен в вахмистры, 2 мая — в прапорщики, 22 июля 1772 г. — в подпоручики, 27 марта 1774 г. — в поручики, 6 января 1775 г. — в капитаны, 7 июля 1777 г. — в секунд-майоры, 1 января 1786 г. — в премьер-майоры, 19 июня 1787 г. — в подполковники. Был в походах в Крыму (1782—1783)²⁰¹.

С 1782 г., когда его отец был назначен наместником Воронежской губернии, Дмитрий Васильевич стал бывать в Воронеже, навещая своих родных. На великолепные балы, устраиваемые наместником, съезжалось все местное дворянство, стремясь представить своих прелестных дочерей и, если посчастливится, найти им подходящую партию. Самым завидным женихом не мог не быть сын главы края, на которого заглядывались маменьки и их дочери. В один из своих приездов бравый офицер заметил юную Авдотью (Евдокию) Степановну Тевяшову (1769—1800), единственную дочь «сурового богача» С.И. Тевяшова. Среди барышень она заметно выделялась светскостью манер и особым изяществом, что было следствием воспитания в Санкт-Петербурге. Она возвратилась из северной столицы к своему отцу, похоронив мать, умершую 26 августа 1785 г. в 39 лет, на Лазаревском кладбище Александро-Невской Лавры²⁰². Но боль от потери несколько притупилась, а в сердце возгорелось новое

чувство. И родители не возражали против брака, благословили молодых. 7 октября 1786 г. Дмитрий Васильевич Чертков венчался с семнадцатилетней Авдотьей Степановной Тевяшовой. В приданое ей дано было 8 тыс. десятин земли²⁰³.

Обзаведшись семьей, Дмитрий Васильевич потерял вкус к военной службе и стал хлопотать в 1787 г. об отставке. Его прошение было рассмотрено в Военной коллегии и удовлетворено. Только, согласно указу, данному в Петербурге 19 ноября 1789 г., Дмитрий Васильевич увольнялся не из Преображенского полка, как сообщалось в «Русском биографическом словаре», а из Харьковского легкоконного полка²⁰⁴. Согласно этому «Словарю», Д.В. Чертков затем поступил на статскую службу: 10 марта 1788 г. он был определен советником в воронежское наместническое правление, а 13 июля 1792 г. — председателем 2-го департамента Воронежского Верхнего земского суда.

Молодожены решили поселиться в Воронеже в собственном доме, который был построен в 1792 г. по проекту архитектора И.И. Волкова в конце Малой Дворянской улицы. Домовая Воскресенская церковь придавала строению особое своеобразие. Бог не обделил Дмитрия Васильевича и Авдотью Степановну детьми: 26 августа 1787 г. появилась на свет Наталья (умерла 1789), 26 июля 1788 г. — Марья (умерла 1790). 19 июня 1789 г. во втором часу пополудни родился Александр. В Месяцеслове 1789 г. на белых листах рукою счастливого Дмитрия Васильевича было записано: «в половине первого часа пополудни»²⁰⁵. Однако во многих достаточно авторитетных дореволюционных справочниках, а также в некрологе, написанном П.С. Савельевым и помещенном в

Дом Д.В. Черткова в Воронеже

«Известиях Императорского Археологического общества» годом рождения А.Д. Черткова указан 1791-й²⁰⁶. Эта же дата стоит в документах масонской ложи «Трех добродетелей»²⁰⁷. Но, как оказалось, это была не банальная ошибка. Поразительно, но причина появления второй даты (1791 г.) заключалась в самом Александре Дмитриевиче, который почему-то не знал точный год своего рождения, и это выяснилось при следующих обстоятельствах. В 1850 г. А.Д. Черткову потребовалось подтвердить свое прямое родство с дедом В.А. Чертковым и с отцом Д.В. Чертковым, для чего Московским дворянским депутатским собранием были затребованы сведения из Воронежской Духовной консистории о рождении А.Д. Черткова. Александр Дмитриевич указал, чтобы посмотрели записи в метрических книгах за 1789 или за 1791 гг. 31 мая 1850 г. из Воронежа в Москву был послан ответ: «За 1789 г. в первой части родившихся под № 43 оказа-

лось: Гражданской Палаты Председателя Дмитрия Васильевича Черткова от жены его Евдокии Стефановой родился сын Александр июля 20, а 26 числа крещен протоиреем Федором Прибытковым с притчем. Восприемниками были майор Николай Васильевич Чертков и девица Параскева Иванова Тевяшева дочь»²⁰⁸.

В те времена чадорождению в русских семьях радовались. И вслед за Александром в «1790 г. августа 27 родился Степан, 1791 г. ноября 17 — Катерина, 8 часов утра, 1792 г. 14 ноября — Прасковья, 1794 г. июня 18 — Николай, 1795 г. декабря 12 — Павел (умер 1797), 1796 г. декабря 29 — Иван, 1798 г. мая 2 — Елизавета, 1799 г. октября 5 — Марья». Только многие из детей умерли еще во младенчестве. Наиболее крепкими оказались пятеро: Александр, Екатерина, Прасковья, Николай, Иван и Мария. Однако недолго длилось семейное счастье Дмитрия Васильевича. Его супруга Авдотья Степановна захворала и

умерла 24 мая в 12 часов вечера, «а родилась 1769 февраля 21 и так прожила она 31 год, 3 месяца и 3 дни, а в супружестве препроводила 14 лет, 7 месяцев и 17 дней»²⁰⁹, — скорбно отметил неутешный супруг, который с течением времени не пожелал привести в свой осиротевший дом новой жены.

Смерть Авдотьи Степановны принял близко к сердцу Е. Болховитинов. Ему о том сообщил в Петербург его воронежский друг В.И. Македонец. «Кончина Авдотьи Степановны припомнила мне живее, нежели обыкновенно, смерть покойной моей жены; и я — признаюсь — выронил десятка два слез. Благодарю Бога, что не осталось у меня детей. Это было бы продолжение и продолжение беспрестанное слез, а теперь — *omnia mea tecum porto* [Все мое — при мне]». Странно только, что Н.Е. Северный, бывший учитель воронежской гимназии, при подготовке писем к публикации не сумел распознать, что Болховитинов поминал А.С. Черткову²¹⁰.

Будущность своих детей дворяне старались устраивать с самого рождения. Чтобы обеспечить быстрое продвижение по службе своим чадам, их еще в пеленках записывали в гвардию и армию солдатами, а если удастся, то и офицерами. Мальчик числился в отпуске, а между тем выслуга лет ему шла. Минуя низшие чины и должности, подросток юнцы в 16—18 лет, или, как их принято было называть, — недоросли, начинали свою действительную военную службу в крупных офицерских чинах и сразу получали солидные денежные оклады. «Молодой человек... в двадцать лет имел уже чин майора и даже бригадира, выходил в отставку, имел достаточные доходы, жил барином привольно и заниматься, благодаря воспитанию,

ничем не умел»²¹¹. Начало такой практики положил сам Петр I. Так, в 1715 г. он приказал определить пятилетнего сына своего любимца Г.П. Чернышева — Петра солдатом в Преображенский полк, а семь лет спустя — назначил камер-пажом в ранге капитана-поручика при дворе шлезвиг-голштинского герцога²¹². При Елизавете Петровне этот обычай еще более развился и стал нормой для дворянских детей. Поэтому не мудрено, что в 1795 г. Дмитрий Васильевич Чертков записал своего старшего сына сержантом в лейб-гвардии Измайловский полк. Можно сказать, что он несколько припозднился, поскольку обычно записывали в гвардию двух- или трехлетних малышей. Александру Черткову выдали ордер: «По нуждам твоим позволяется тебе пробыть в отпуску от нижеписанного числа впредь 2 года. По прошествии срока явиться к полку непременно. Марта 28 дня 1795 г.»²¹³.

Кроме того, в 1800 г. Дмитрий Васильевич подал прошение в Воронежское дворянское депутатское собрание, чтобы «рожденные от него дети — сыновья Александр, Николай, Иван и дочери Екатерина, Прасковья и Мария», были внесены в воронежскую дворянскую родословную книгу, в VI ее часть, как и весь род Чертковых. 3 сентября 1800 г. дворянское депутатское собрание постановило: «Внести в ту же VI часть»²¹⁴.

Пора пришла озаботиться серьезным обучением Александра. «Но как тогда учили! — вспоминал легендарный Д.В. Давыдов. — Натурали ребят наружным блеском, готовя их для удовольствий, а не для пользы общества: учили лепетать по-французски, танцевать, рисовать и музыке»²¹⁵. Известный поэт М.А. Дмит-

риев записал о сем предмете более обстоятельно: «Как и чему учили? Во-первых, по-французски; потом (предмет необходимый) мифологии; наконец, un peu de l'histoire et de géographie [немножко истории и географии] — все на французском же языке. Под историей разумелась только древняя; а о средней и новейшей и помину не было. Русской грамматике и закону Божию совсем не учили, потому что для этих двух предметов не было учителей. Домашние учителя грамматики не знали; а сельские священники, происходя постепенно из дьячков, знали только практику церковной службы, по навыку, а катехизиса и сами не знали...»²¹⁶. Действительно, по большей части домашнее образование, особенно в XVIII в., было кратковременным, завершалось, как правило, к 15 годам и сводилось в основном к овладению русской грамматикой, арифметикой, изучению одного или двух иностранных языков, самым общим сведениям о литературе, истории, географии. Оно значительно уступало систематическому курсу гимназии²¹⁷ и в конечном итоге сводилось к тому, чтобы дворянин умел свободно и достойно держать себя в обществе, имел хорошие манеры и превосходно говорил прежде всего на французском языке.

Домашнее воспитание детей в зажиточных дворянских семьях было вверено иностранцам обоюдо пола — гувернерам, гувернанткам, дядькам и бонам. И оно обходилось недешево. «Как саранча иногда кишмя кишит на чьих-нибудь полях, так Россия наводнена французами. Поверите ли, тут едва ли найдется дом, где гувернером для мальчиков или гувернанткой для девочек не являются представители этой нации», «безнравственные

авантюристы, и в каждом богатом доме... у наследника есть наставник-француз, истинный негодяй». «Учителя танцев, конечно, французы, не говоря уже о врачах»²¹⁸. Подобные мнения о французских гувернерах из многочисленных эмигрантов, наводнивших тогда Россию, оставлены многими современниками²¹⁹.

Однако Александру Дмитриевичу невероятно повезло: самый город Воронеж несколько выпадал из общей достаточно безотрадной картины состояния просвещения в стране. Благодаря стараниям его деда, Василия Алексеевича Черткова, в Воронеже уже действовала целая плеяда просвещенных и внимательных педагогов Главного народного училища. П.И. Баргнев упоминал, что из наставников А.Д. Черткова «наиболее достойны памяти француз Мортель и учитель воронежского народного училища Г.П. Успенский»²²⁰.

Гаврила Петрович Успенский (1765—1820) обучался в Севской семинарии, а потом в Петербургском учительском институте, в 1790 г. был назначен учителем. Он преподавал естественную историю (минералогию, зоологию и ботанику), географию и историю, а в старших классах латинский язык, а также заведовал школьной библиотекой. Прекрасно владея немецким и французским языками, он много и увлеченно занимался переводами. В Воронеже он перевел на русский язык пять крупных научных работ. «Училищный комитет Императорского Харьковского университета признал Успенского самым способным к переводу книг и называл его первым по своей части учителем в округе»²²¹. Профессор Тимковский при ревизии главных народных школ в Воронеже познакомился с Успенским. Он

3 А.Д. Чертков (1798-1858).

отзывался о нем в высшей степени похвально, отмечая умение Успенского внушить своим ученикам любовь к наукам, особенно к ботанике, которую они помимо учебников изучали по собственному гербарии. Тогда же Тимковский ознакомился и с научными трудами Успенского, его переводами с немецкого и французского, со «Словарем изобретений и открытий, систем и учреждений», где он сообщал данные об истории и современном состоянии русских учреждений²²². Общее заключение о преподавательской деятельности Гаврилы Петровича было по праву лестное: Успенский «с должной рачительностью соединял в себе нрав добрый и степенный и поведение похвальное. Занимаясь сам с любовью наукой, он умел возбудить в своих учениках большую любознательность и любовь к естественным наукам. Из собираемых как им, так и учениками местных растений он составил для училища по тому времени отличный гербарий»²²³. Может быть, юного Александра Дмитриевича приводили в народное училище, дабы показать ему «собрание естественных произведений из всех трех царств природы», а также «минеральный кабинет», астролябию, электрическую машину и многое другое, за чем, как известно, в 1791 г. ездил в Петербург директор училища капитан Г.И. Деламиль, прежде успешно преподававший в Сухопутном шляхетском корпусе²²⁴.

Обаяние учителя было столь велико, что А.Д. Чертков через всю свою жизнь пронес сильное увлечение естествознанием. В детстве научившись составлять гербарий и препарировать насекомых, в 20-е — начале 30-х гг. XIX в. он собирал коллекции бабочек, насекомых и растений, на итальянском языке описал

флору Острогожского уезда. Широкие познания в области ботаники, минералогии отразились в его сочинении «Воспоминания о Сицилии».

Но естествознание все же отступило на второй план перед основной, подлинной страстью Черткова к родной истории, которую в нем также пробудил его замечательный учитель. Один из учеников Гаврилы Петровича — А.А. Бартев оставил воспоминания о своих ярких детских впечатлениях о его уроках: «Учитель Успенский предметы свои, историю и географию, как равно и космографию, которой сам был и переводчик с иностранного сочинения, преподавал с полною силою красноречия, расхваливая по классу не как учитель, а как бы повествователь: ученики, любуясь его величественною физиономиею, невольно увлекались всеми мыслями его о преподаваемом; он как бы отпечатывал словами своими в сердцах их предметы исторические»²²⁵.

Глубокие знания Успенского и его талант педагога были замечены: после отказа Н.М. Карамзина, которого Совет открывшегося в 1805 г. Харьковского университета избрал ординарным профессором по кафедре русской истории, географии и статистики, именно Г.П. Успенского посчитали достойным занять это место²²⁶. Успенский стал первым профессором русской истории в Харьковском университете (1807—1820 гг.).

В 1809 г. в торжественном собрании Харьковского университета Успенским была произнесена речь, в которой с особой силой прозвучала мысль о том, что «каждому народу нужнее знать древнее и нынешнее состояние своего отечества, нежели других государств». Он отмечал пользу изучения своего отечества, «ибо не знать особенностей, кото-

рые отличают его от других стран, все равно, как быть в самой отчужденной своей иностранцем». Эта мысль, вложенная в юную голову Александра Дмитриевича, стала по сути руководящей нитью его жизни и дальнейших занятий. Успенский указал на необходимость изучения России и ее истории с этнографическими особенностями ее разноплеменного населения²²⁷. «Составленный Успенским опыт повествования о русских древностях был в высшей степени важным явлением в нашей исторической литературе, так как не существовало ученого изложения даже политической истории России, не говоря уже о внутреннем быте, для верного изображения которого необходимо многостороннее предварительное исследование»²²⁸. Именно он стал автором первого систематического исследования о внутреннем быте русского народа, опубликовав «Опыт повествования о древностях русских» (Харьков, 1811). Успех книги у читателей вызвал ее новую публикацию в 1818 г. с уточнениями и дополнениями, и она долго была «в России единственной в своем роде». Только через 80 лет, в 1890 г., вышла в свет книга В.И. Сергеевича «Русские юридические древности». Чтобы яснее представить значимость труда Успенского, надо вспомнить, что в это время еще не было «Истории государства Российского» Карамзина. И еще — из всех членов знаменитого Болховитиновского кружка только Г.П. Успенский удостоился чести быть внесенным митрополитом Евгением (Болховитиновым) в его известный «Словарь русских светских писателей...»²²⁹. П.И. Бартнев имел все основания утверждать, что именно Г.П. Успенский «приохотил своего ученика» А.Д. Черткова «к трудам

и заронил в его душу благотворные искры любви к родной старине»²³⁰.

О французе Мортеле, к сожалению, дополнительных сведений найти не удалось. Вероятно, это был тот редкий случай, о котором писал Ф.Ф. Вигель, сам прошедший через школу французского воспитания развратника-гувернера: «Когда между французами, между эмигрантами, встретится человек благоразумный, просвещенный, скромный, с религиозными чувствами и строгою нравственностью, то надобно говорить об нем как о диковинке»²³¹. Сохранилось лишь два письма Мортеля к А.Д. Черткову в Петербург дружеского характера, в которых он наставлял своего бывшего подопечного беречь здоровье и успокаивал относительно знания французского языка. В 1802 г. тринадцатилетний Александр Дмитриевич, постигая тонкости французского языка, перевел с русского «Похвальное слово Екатерине II» Н.М. Карамзина, которое было написано в первые месяцы вступления на престол Александра Павловича. В 1806 г. Чертков перевел на французский язык хронологические таблицы по истории Франции до 1428 г. Неизвестно, Успенский ли обучал Черткова мастерству перевода, которым сам владел превосходно. Но даже выбор самих сочинений для ученических переводов весьма знаменателен и явно не обошелся без влияния талантливого педагога-историка. Впрочем, может быть, француз Мортель предложил темы, учитывая наклонности своего ученика.

К Александру Дмитриевичу приходили и другие учителя, имена которых можно назвать только предположительно. При знакомстве с биографиями воронежских учителей того периода непременно

отмечаешь, сколь разнообразны были их познания и велик энтузиазм на поприще просвещения. В Главном училище в это время А.П. Зеновьев обучал детей священной истории, пространному катехизису, должности человека и гражданина, чистописанию, правописанию, первой части арифметики, основам латинского языка и рисовальному искусству. П.В. Соколовский (1765—1829), закончивший Петербургскую учительскую гимназию, преподавал математику, естественную историю, русский, французский, немецкий языки, рисование, механику, гражданскую архитектуру. Перевел с французского математические и философские книги, составил франко-латино-русский словарь. Названные учителя были неперменными членами болховитиновского кружка. Педагоги Соколовский, Успенский, Зеновьев, которые также занимались с детьми на дому, в 1799 г. предложили их объединить в один класс под названием «отдельного», т.е. создать группу с углубленным изучением предметов. Новаторство учителей немедленно нашло поддержку у отцов города: воронежский губернатор А.Б. Сонцов выразил педагогам глубокую признательность. Председатель Приказа общественного призрения, губернский предводитель дворянства Д.В. Чертков отметил их поступок как «общественное старание» и рекомендовал «желающих в сей класс отдавать»²³².

Соблазнительно в список учителей Александра Дмитриевича включить еще и знаменитого Е. Болховитинова, что порой можно встретить в статьях о А.Д. Черткове. Если бы это было так, то, поверьте, Бартенев не преминул бы первым об этом объявить. Но, как известно, Болховитинов уехал из Воронежа в 1800 г., когда

Александр Дмитриевичу шел только 11-й год. Маленького внука воронежского наместника в ту пору следовало обучать лишь начаткам знаний, для чего не требовался преподаватель такого уровня и столь обремененный делами. Е. Болховитинов прекрасно знал семью Чертковых и, вероятно, был желанным гостем у них. И может быть, любознательному мальчику позволялось присутствовать при беседах взрослых...

В биографических статьях указывается, что А.Д. Чертков с детства знал французский и немецкий языки, а затем выучил итальянский язык и латынь. Но в «формулярном списке о службе и достоинстве» А.Д. Черткова от 1810 г. (и в другие годы службы в лейб-гвардии Конном полку) в графе об образовании записано: «по-русски, по-французски читать и писать умеет, географии, истории знает». О немецком языке нет упоминаний. Однако в 1828 г. эта графа заполнена иначе: «Российской словесности, математике, языкам французскому и немецкому знает»²³³. Следовательно, немецкий язык Александр Дмитриевич выучил не в Воронеже, а гораздо позднее.

К сожалению, приходится развешивать и давно устоявшееся в историографии мнение о значимой роли С.И. Тевяшова в воспитании своего одаренного внука. Поскольку нами положительно установлено по многим документам, что Степан Иванович ушел из жизни не в 1814 г., а гораздо раньше, до 1790 г., то становятся неверными утверждения о том, что как коллекционер Александр Дмитриевич сформировался под влиянием своего деда С.И. Тевяшова, известного в свое время собирателя древностей, и о том, что собрание рукописей и пе-

чатных книг Тевяшов непосредственно завещал своему одаренному внуку²³⁴. И о Г.С. Сковороде, учителе Тевяшова в Харьковском коллегиуме, юный Александр, таким образом, не мог слышать от своего любимого деда, когда подолгу гостил в его имении²³⁵. Впрочем, рукопись с описанием жизни знаменитого философа Александр Дмитриевич мог найти среди оставшихся от деда книжных богатств.

Мудрым наставникам помогали в их деле книги, которые в доме Чертковых не были случайными гостями. Ю.М. Лотман отмечал для конца XVIII — начала XIX в. достаточное разнообразие русской детской книги, начавшейся с издательской деятельности Новикова. «Здесь и классические произведения — такие, как “Дон-Кихот” или “Робинзон Крузо”, — и литература во многом примитивная: переводы произведений для детей, почерпнутые из немецких и французских дидактических книг. В эту же эпоху входит в детское чтение и другая замечательная книга — “Плутарх для детей” (1771). Плутарх — известный античный прозаик, автор “Сравнительных жизнеописаний” великих людей древней Греции и Рима. Самым обаятельным в глазах детей и подростков становится образ римского республиканца»²³⁶.

Но что читал А.Д. Чертков? Его отец выписывал газеты и журналы, покупал по возможности книги, которые, как правило, надписывал. По этим автографам можно установить, что в книжном собрании его сына сохранились некоторые экземпляры из библиотеки Дмитрия Васильевича: комплект «Московских ведомостей» (№1—56) за 1801 г., журнал «Вестник Европы» (М., № 1—4) за 1804 г., «Опыт повествования о России» И.П. Елагина (М., 1803. Кн. 1—2).

Не вызывает сомнений, что Александр Дмитриевич держал в своих руках издания воронежской типографии. Она была открыта в здании народного училища 14 мая 1798 г. благодаря активному участию гражданского губернатора А.Б. Сонцова, всемерно поддерживавшего знаменитый кружок Болховитинова. Со времени подписания Екатериной Великой (15 января 1783 г.) указа «О позволении во всех городах и столицах заводить типографии и печатать книги на российском и иностранных языках с освидетельствованием оных от управы благочиния» лишь 7 городов воспользовались этой милостью за период с 1783 по 1796 г. Ведь печатание и издание книг в провинциальных городах было сопряжено с большими издержками, заботами и даже убытками. Средства на устройство типографии в Воронеже были взяты из сумм Приказа общественного призрения. В первые 7—8 лет своего существования она смогла принести некоторый доход и выпустила до 30 изданий. После же 1806 г. ее деятельность как-то сразу оборвалась²³⁷.

Выпущенная в свет воронежской типографией литература красноречиво свидетельствует о вкусах и интересах местного общества. Первый изящный томик стихов, басен и эпиграмм известных русских поэтов — Ломоносова, Сумарокова, Хераскова, Княжнина, Дмитриева, Державина, Карамзина и других, названный «Опыт Воронежской губернской типографии» (1798), стал целым событием в культурной жизни Воронежа. «Напечатанная крупным, отчетливым шрифтом на белой плотной бумаге, книга носит явные следы того чувства удовольствия, с каким издатели выпускали в свет первое детище»²³⁸, — не мог не отметить биограф Е. Болховитинова

Е. Шмурло. В начале книги помещено посвящение учредителю типографии — А.Б. Сонцову:

*Достоин Делателя, чтоб первый
плод вкусить,
Так мудрые вещают.
Чему же тем нас научают?
Чтоб опыт сей тебе, наш Сонцев,
посвятить.*

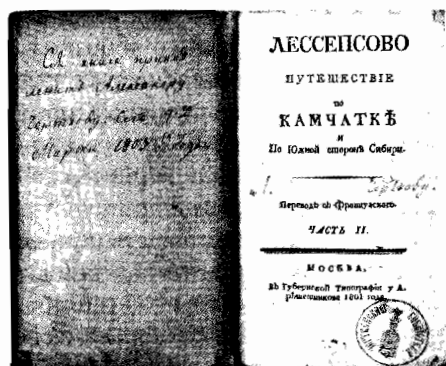
Радость любителям поэзии доставил и второй поэтический сборник — «Подарок музам в новый 1799 год», в котором русские переводы зарубежных поэтов напечатаны вместе с текстами на французском, английском, немецком языках. Следом стали выходить произведения, предназначенные для столь полюбившегося воронежцам театра. А театр для воронезцев стал неотъемлемой частью их жизни. В 1799 г. напечатана была драма «Опыт дружбы», автором которой, как полагают современные исследователи, был член болховитиновского кружка С.В. Юшков²³⁹, взявший события и образы для своего произведения из реальной жизни. Вопросы дружеских взаимоотношений, а также защита права на искреннюю и свободную от социальных уз любовь для 10-летнего мальчика были не столь занимательны, но с возмужанием не могли не взволновать молодого человека. Милые пьесы местного драматурга А. Элина со счастливым концом, несколько нравоучительного характера, не без элементов сатиры приятно заполняли досуг, тем паче что одна из них, «Американец в Европе», была посвящена его отцу, губернскому предводителю Д.В. Черткову, другая — «И ошибки кстати» — близкому другу семейства А.Б. Сонцову. В

начале XIX в. пьесы эти с успехом шли на воронежской сцене.

Воронежская типография печатала также учебники и книги серьезного содержания. В первую очередь она издавала работы своего непосредственного вдохновителя и организатора Е. Болховитинова (5 работ) и членов научного кружка. В 1800 г. в переводе П.В. Соколовского вышло сочинение энциклопедиста Робинета «Философское рассуждение о человеке», что несомненно свидетельствует об интенсивности умственной жизни Воронежа. Размышления автора о единстве животного мира, о тесной связи «духовной и телесной организации человека» основывались на материалистическом миропонимании, и делался вывод о необходимости разумного воспитания человека. Какое впечатление эта работа произвела на пытливого ум Черткова? А вот вышедший в том же году труд Е. Болховитинова «Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии», наверняка, не мог его оставить равнодушным. Сама книга была отпечатана «вполне безукоризненно; по изящности набора и выбору шрифтов, равно как и в корректурном отношении», она не только не уступала петербургским изданиям того времени, но при сравнении, например, с сочинением С.Г. Гмелина «Описание путешествия по России», изданным Санкт-Петербургской академией наук в 1806 г., значительно выигрывала²⁴⁰. Фундаментальное описание родного края, в котором сообщалось и о деяниях его деда В.А. Черткова, должно было наполнять гордостью все существо Александра. Держа в руках объемную книгу, не пожелал ли ее юный читатель и себе славы изыскателя родной старины?

Любимый учитель Г.П. Успенский в 1800 г. перевел и издал «Космографию» Шмида. Рукопись перевода, преподнесенная автором Д.В. Черткову, сохранилась в архиве его сына, правда, под другим, более подробным названием: «Достопамятности из характеров, образа жизни, нравов и обрядов религий иностранных народов и земель, перевод с немецкого подлинника, изданного в 1792 г. Оглавление: 1. Новейшие известия об острове Отагенти (из дневниковых записок Кука). 2. Об образе жизни,

Книга с владельческой надписью А.Д. Черткова. 1803 г.

нравах и обыкновениях готтентотов. 3. Описание Гренландии. 4. О нравах и обыкновениях диких народов в Северной Америке. 5. Внутренность Африки». Дарственная надпись сохраняя навсегда особенное благоволение, оказываемое его высокопревосходительством покойным родителем Вашим к наукам и ко всем в оных упражняющимся, которым счастьем пользовавшись некогда, и я осмелился ныне перевод сей украсить именем Вашим высокородным, именем его сына и достойнейшего великих добродетелей родителя своего преемника. Благоклонное

свидетельствуемой мною живейшей благодарности принятие усугубит во мне то высокопочитание, какое я великим душам оказывать за счастье почитаю, пребывая Гаврило Успенский, в день Св. Пасхи 1800 г.»²⁴¹.

Познавательный интерес к неведомым землям, пробужденный в юном Александре Дмитриевиче его учителем Успенским, утолялся чтением книг о путешествиях, которые стали появляться на российском книжном рынке. Так, четырнадцатилетний подросток уговорил отца купить ему книгу французского консула Ж.Б.Б. Лессепа «Лессепсово путешествие по Камчатке и по южной стороне Сибири», переведенную с французского языка и изданную в Москве в 1801 г. На своем экземпляре Чертков с гордостью написал: «Сия книга принадлежит Александру Черткову. Сего 4-го марта 1803-го года». Брат Иван также получил в подарок книгу Невзорова М.И. «Путешествие в Казань, Вятку и Оренбург в 1800 году» (М., 1803), на которой вывел свое имя «Иван Чертков».

Воронеж был в числе тех редких русских провинциальных городов (Нижний Новгород, Тобольск, Казань), в которых театр собирал зрителей на свои спектакли. Знаток воронежских подмостков З. Анчиполовский полагал, что после упразднения должности наместника, всеильного покровителя театра, в Воронеже были возобновлены спектакли уже в самом конце XVIII в., и играли в нем теперь не только любители, но «и публичные актеры». С ноября 1801 г. в городе стала работать небольшая профессиональная труппа, которая из-за малого состава разыгрывала лишь «комедии, легонькие драмы да простенькие оперы». Развлечений в

Воронеже было немного, и мы вряд ли ошибемся, если предположим, что семейство Чертковых приходило смотреть представления.

Однажды в театре разразился скандал, о коем поведал «старый театрал» А. Бартенев, а так как сведения о театре в Воронеже начала XIX в. весьма мизерны, то все пишущие о Воронеже тех лет поминают тот на шумевший случай. Не минуем и мы его. Итак, зрители-воронежцы, оценившие виртуозную игру актера Петрова, заполнили театр в предвкушении удовольствия от его игры в комедии неизвестного автора «Побег от долгов, или Раскаявшийся мот». Однако занавес все не подымался, публика начала горячиться, губернатор покинул зал, а когда он вернулся и занавес, наконец, медленно пополз вверх, выяснилось, что содержатель театра, этот самый Петров, со всей своей семьей и имуществом сбежал. Оказалось, что он задолжал 10 тыс. руб. разным кредиторам и это была причина «несостоявшейся пьесы и так оригинально исполненной». Правда, в тот злополучный день были даны взамен 2 пьесы, и зрители были удовлетворены, но в городе долго вспоминали об этом. В репертуаре театра Анчиполовский насчитал 37 названий, и собранные вместе «они позволяют говорить о просветительской направленности, о стремлении исправить нрав и облагораживать чувства»²⁴².

Впрочем, учителя, книги и учебники, высоко поднимавшие «идею Отечества и обязательности пользы согражданам», не много бы преуспели в воспитании характера и образа мыслей молодого человека, если бы семейные предания о военной и гражданской доблести Чертковых нравственно не обязывали новое поколение

быть достойным предков. «Ничто не действует в младых душах детских сильнее всеобщей власти примера, а между другими примерами ничей другой в них не впечатлевается глубже и тверже примера родителей»²⁴³. Дмитрий Васильевич личным примером бескорыстного многолетнего служения в качестве воронежского губернского предводителя дворянства оказал огромное воздействие на формирование понимания его сыном Александром долга дворянина.

Как известно, по указу Екатерины II от 14 декабря 1766 г. депутаты от дворян в «Уложенную комиссию» избирались на уездных собраниях, организация и проведение которых были возложены на уездных предводителей дворянства, что привело к возникновению и закреплению института предводителей дворянства. Деятельность предводителей сначала предполагалась временной — на два года, а вскоре по указу от 27 сентября 1771 г. повелено было избирать их по истечении всяких двух лет, не ожидая особенного указа. В «Учреждении о губерниях» 1775 г. срок службы предводителей был продлен до трех лет. «Жалованная грамота» 1785 г., завершившая устройство из дворянства губернии отдельного социума, который получил значение юридического лица, окончательно конституировала предводителей — покровителей и защитников дворян. «Общее свойство всех дел, возлагаемых на предводителей, как на губернского, так и уездных, — гласило законодательство, — есть попечение о пользе дворянства и охранение в сем сословии благоустройства и порядка».

Круг обязанностей предводителей по внутрисословному и административному управлению постоянно расширялся. Помимо руководства дворянским собранием,

составления списков дворян, имевших право участвовать в собраниях и дворянских выборах, наблюдения за ведением родословных книг они осуществляли контроль и за поведением самих дворян. Предводители дворянства отвечали за сохранность и правильное использование общественных капиталов, возглавляли дворянские опеки, им была поручена раскладка рекрутской повинности в помещичьих имениях, земских повинностей (строительство дорог, мостов, позднее — содержание почт и т.п.), контроль за обеспечением населения губернии продовольствием, оказанием медицинской помощи и т.п. Они же в значительной мере были и исполнителями постановлений дворянства, представлявша от лица обществ в правительственных инстанциях, общественных и частных учреждениях. Предводительская должность, созданная для заведования временными делами дворянского общества, превратилась в общеправительственную.

В соответствии с Грамотой 1785 г. «по позыву и дозволению» губернатора дворяне каждой губернии могли «всякие три года в зимнее время» созывать губернское дворянское собрание. На его заседаниях дозволялось присутствовать всем дворянам, но право голоса имели только те из них, которые владели поместьями и были старше 25 лет. Дворянское собрание избирало двух кандидатов в губернские предводители дворянства, из них губернатор назначал губернского предводителя. Одновременно избирались уездные исправники и уездные судьи, а также заседатели в различные полицейские и судебные учреждения. Служащие по выборам дворянства так же, как и государственные чиновники, получали чины.

Первые съезды дворянства были чрезвычайно многолюдными, в них участвовали почти все поголовно дворяне, и их рвение на первых выборах было невероятно: «Каждый за особливую себе честь поставил быть избранным в какую-либо должность»²⁴⁴. Среди однообразия деревенской жизни съезды стали центром приложения сил, первым развлечением. «Но скоро сей жар простыл», дворянство начало «отлынивать от местной выборной службы, и на дворянских выборах число нетчиков начинает прибывать, как было на прежних смотрах дворянских недорослей и в прежних полках»²⁴⁵.

Новый государь Павел I (1796—1801) приказал дворянству возвратиться на государственную службу, которая сделалась вновь обязательной, «а вместе с тем стала страшно тяжелой и несносной». Император провел общую ревизию офицерства армии, и все малолетние офицеры, не явившиеся в свои полки, были из них исключены. Александр Чертков в том числе. Отныне дворян начали принимать на службу в войска не моложе 16 лет в звании юнкера. Стремясь к централизации управления, Павел упразднил институт наместников и «принялся теснить» дворянское самоуправление. Он отменил губернские дворянские собрания и выборы, на выборные должности, даже губернских предводителей, дворянство избирало в уездных собраниях.

Александр I восстановил Жалованную грамоту, но выборная служба в губернии перестала более привлекать дворян. Отчасти это происходило потому, что выборное должностное лицо было обременено бесчисленными заданиями. Предводители дворянства исполняли свои обязанности безвозмездно. К тому же к 1800 г. лишь «малая часть аристократии усвоила образ мыслей, в

соответствии с которым ей следовало служить обществу на подобных постах, а не использовать их для личного обогащения»²⁴⁶. Богатые и знатные дворяне первыми стали пренебрегать сословным управлением: выборная служба оказалась слишком непрестижной. Они устремились «обратно в столицы, ко двору, к цивилизации, к власти, к карьере, наконец, к роскоши, к комфорту»²⁴⁷.

На общем фоне непрерывного уклонения, увольнения, манкирования «лучших элементов дворянского сословия» от выборной службы в провинции заслуживает уважения долгое и бескорыстное служение Дмитрия Васильевича Черткова воронежским губернским предводителем дворянства. С 1 января 1795 г. началась его служба по выбору дворянства. Сначала он был избран совестным судьей, а затем 8 сроков подряд (по 3 года с 1 января 1798 г. по 1821 г.²⁴⁸) избирался губернским воронежским предводителем дворянства, что для Воронежа стало делом удивительным. Приступил он к выполнению обязанностей в царствование Павла I, когда престиж этой должности резко уменьшился. Но Д.В. Чертков сумел удержать обаяние своего поста — «защитника и покровителя» дворянства, о чем нескладно, да искренне-восторженно воспевалось в стихах местного поэта Алексея Де-Лу. Его «Гимн», сочиненный по случаю повторного избрания Д.В. Черткова предводителем дворянства, отмечал характерные свойства личности Черткова.

«30 августа 1801 г. предводителю Воронежского дворянства Дмитрию Васильевичу Черткову, коллежскому советнику и разных орденов кавалеру, А. Де-Лу.

Гимн

*Счастья многих зиждитель!
Знаний, художеств любитель!*

*Чести и долга хранитель!
Славный вельможа Чертков!
Муж! — престола полезный,
Всем подчиненным любезный!
Сирым! Несчастливым! Покров!
Верны друзья справедливы
Столько ж, как друг их, счастливы,
Кои не ищут себе
Кроме как дружбы священной!
В нежной душе восхищенной!
Так возвещают тебе.
И под рукой благотворной!
Глас свой возвыся покорный,
Многия тысячи душ
Днес восклицают нелестно!
Кроткий, как ангел небесный!
О добродетельный муж»²⁴⁹.*

Через три года сочинитель преподнес свое новое приветствие «Его Высочородию коллежскому советнику, орденов Св. Анны 2-й степени, Св. Владимира 4-й степени и Св. Иоанна Иерусалимского Д.В. Черткову на третичное избрание его губернским предводителем дворянства сочинил Алексей Де-Лу.

*...Он счастье льет на нас рекою,
В трудах его содействие зрим
Ко благу, общему покою.
Уже трикратно мы дарим
Ему сердца свои беспечно!
И все уверены сердечно!
В любовь его священной к нам;
Его начальством все довольны;
Спокойны, веселы и вольны!
А дом его? — Веселья храм.
Места, лежащие над Доном, —
свидетели твоих доброт.
Они молчат... Но скромным
тоном
Сей восемьсот четвертый год...
Истории тихонько скажет;
Да пусть она тебя! Покажет
В пример усердия к царю!
Чертков! Ты любишь
добродетель!*

*Ты патриот! Ты благодетель!
Что чувствуешь! То говори!...*²⁵⁰

Дмитрий Васильевич ревностно исполнял свои многочисленные и хлопотные обязанности²⁵¹, радея о процветании края. 23 февраля 1800 г. «за исправность, найденную в делах господами сенаторами при образовании Воронежской губернии», всемилостивейше пожалован орденом Св. Анны 2-й степени. В 1802 г. он был принят в число юстицких кавалеров²⁵² ордена Св. Иоанна Иерусалимского. 31 декабря 1804 г. произведен в статские советники, в 1811 г. награжден орденом Св. Владимира 3-й степени, 26 июня 1818 г. произведен в действительные статские советники. А месяцем ранее, т.е. 27 мая 1818 г., Чертков давал в своем доме «прекрасный бал», на котором танцевал император Александр I²⁵³.

И уходя на отдых после многолетних трудов, Дмитрий Васильевич не преминул позаботиться о воронежском дворянстве, оставив в нем по себе добрую память. Воронежские дворяне так и не осилили обзавестись собственным домом для дворянского депутатского собрания. «Делами по сей части» занимались «в доме губернского предводителя дворянства Д.В. Черткова»²⁵⁴. В 1822 г. он продал свой замечательный особняк воронежскому дворянству за 2/3 его действительной стоимости (80 тыс. руб. вместо 140 тыс. руб. ассигнациями), и впоследствии там располагалась квартира губернского предводителя дворянства с канцелярией Дворянского депутатского собрания. К зданию в 1825 г. была пристроена для дворянских собраний «зала», которая стала самой большой в городе и стоила дворянству до 130 тыс. руб. ассигнациями. Огромная двухсветная зала с 12 колоннами

коринфского ордена, отделанными под мрамор, и хорами буквально ослепляла своим великолепием. Здесь происходили самые значительные торжества — дворянские выборы, вокально-музыкальные вечера, балы. Акустика была изумительная. Во второй половине 1930-х гг. здание было передано областной филармонии. Но во время Великой Отечественной войны оно было полностью разрушено²⁵⁵. Уместно напомнить, что в 1822 г. и зять Д.В. Черткова, П.А. Сонцов, отдал свой дом, бывший дом губернатора А.Б. Сонцова, воронежскому дворянству, и в него была переведена гимназия²⁵⁶.

Мировосприятие Александра Дмитриевича испытывало огромное эмоциональное воздействие от самого местоположения Воронежа. С высоких круч, что дух захватывало, расстилались пред городом дали необъятные, раздольные, небеса над ними разверстывались бездонные, а внизу, прихотливо извиваясь, неторопливо несла свои воды река Воронеж. «Неповторима красота Воронежа, города, возведенного на самой высокой точке местности, взметнувшегося над речной гладью, прекрасной в пространстве», — восторгался воронежский краевед М. Веневитинов. Воронеж, один из красивейших губернских городов, по признанию А.И. Михайловского-Данилевского, флигель-адъютанта Александра I, не мог не произвести впечатления на В.А. Жуковского, который, сопровождая цесаревича Александра Николаевича в поездке по России, побывал здесь в июле 1837 г.: «Город оригинален, на каждом месте вид»²⁵⁷. Да и сами жители были под стать Воронежу, что тонко подметил большой почитатель родного города М. Веневитинов: «Какой-то особенный отпечаток энергии,

поэтичности и созерцательности» был присущ всем местным жителям, что проистекало от умеренности климата, простора степей, богатства рек, прохлады лесов... К этому прибавим громкие предания блестящей эпохи Воронежского края того времени, когда Петр Великий не только строил здесь первый русский морской флот, но и посеял благодарно возросшие семена гражданственности. «Воронежский край одним из первых вступил на поприще просвещения, провинциальной умственной деятельности и дал на этом поприще таких писателей, которые составляют не только местную гордость, но делают честь и всему русскому народу: это историки Е. Болховитинов, Н.И. Костомаров, поэты А.В. Кольцов и И.С. Никитин, Г.П. Успенский, этнограф А.Н. Афанасьев, основатель знаменитой библиотеки А.Д. Чертков, естествоиспытатель Н.А. Северцов, профессора А.В. Никитенко, М.И. Сухомлинов и др.»²⁵⁸.

Самый город с его улицами и домами постоянно напоминал Александру Дмитриевичу о деяниях его деда-наместника. Он имел перед собой действенный пример того, как преобразовательная воля одного энергичного и просвещенного человека может воистину содейть многое.

Александр Дмитриевич мужал и, достигнув 16 лет, стал проситься у батюшки поехать в Петербург для окончания своего воспитания. Настроения начала царствования Александра I чудно передал Ф.Ф. Вигель, находившийся в Москве, но без преувеличения можно думать, что так чувствовали многие: «Все твердили о Петербурге, жилище светозарного ангела [т.е. императора], земном рае, где люди свободны, блаженствуют и трудятся единственно только для добра. Очарование все еще длилось...

Все завидовали тем счастливым, кои, служа в столице, могли участвовать в великих гражданских подвигах, преднамеряемых царем»²⁵⁹. Однако Дмитрий Васильевич сына не пускал, отговариваясь делами по службе воронежского предводителя дворянства. Да и времена наступали такие, что хотелось свое любимое чадо удержать до поры до времени дома.

Из далекого Воронежа внимательно следили за стремительно развивающимися событиями в Европе: там с новой силой разгоралась пламя войны. 18 мая 1804 г. Бонапарт был провозглашен императором Франции под именем Наполеона I, в августе наш посол был отозван из Парижа. В 1805 г. Россия была вовлечена в новую коалицию вместе с Англией, Австрией и Неаполитанским королевством против Франции. Настроения русского общества лаконично передал С.П. Жихарев: «1805 г. 7 сентября. Весь город [Москва] толкует о войне: ненависть к Бонапарте возрастает, между тем как любовь к государю доходит до обожания и доверенность к нему беспредельна»²⁶⁰. А между тем французская армия на континенте одерживала одну победу за другой. 20 ноября (2 декабря) 1805 г. русские и австрийские войска потерпели под Аустерлицем тяжелое поражение, потери были удручающими. Наполеон перекраивал карту Европы. Франция, дабы осложнить положение России, подтолкнула Турцию к войне с ней, которая, отвлекая значительные русские силы, приняла затяжной характер (с 1806 по 1812 г.). Разгромив армию Пруссии одновременно при Йене и Ауэрштадте 14 октября 1806 г., Наполеон подмял быстро и Пруссию: уже через 13 дней император Франции получил ключи от ее столицы Берлина.

Русские войска, которые спешили на помощь своей союзнице, 27 января (8 февраля) 1807 г. у Прейсиш-Эйлау (Восточная Пруссия) встретились с французской армией. Произошло ожесточенное сражение. Жертвы с обеих сторон были огромны, армии отступили. Но при Фридрихсфельде 2 (14) июня 1807 г. Наполеон разбил русско-прусскую армию и подошел к Неману. Потери русских составили до 15 тыс. убитыми и ранеными. 25 июня (7 июля) 1807 г. Наполеон и Александр I заключили в Тильзите мирный договор.

Правительство России, готовясь к неизбежной войне с Наполеоном, нуждалось в деньгах, лошадях и провианте для содержания громадной армии, которую необходимо было еще набрать. Напряженность усиленных приготовлений к войне в полной мере отразилась в жизни воронежского дворянства. В Воронеже, который вошел в число городов, наименее подверженных опасности неприятельских нападений, в апреле 1806 г. было Высочайше повелено устроить запасной магазин на помещение 100 тыс. четвертей хлеба, заготовливавшегося для «ростовских и кавказских линейных магазинов»²⁶¹. Выполнение чрезвычайных правительственных распоряжений легло на плечи Д.В. Черткова, объем обязанностей по службе которого в эти годы неизмеримо возрос.

Численность русской армии, в несколько раз уступавшей французской, решено было срочно увеличить проведением в 1806 г. рекрутских наборов (18 сентября — обычный, по 4 человека с каждых 50 душ, и 11 ноября — дополнительный, по 1 человеку). Но этого было недостаточно. Тогда решились прибегнуть к экстраординарным мерам. 30 ноября

1806 г. Александр I издал манифест о созыве всеобщего ополчения, или, как его тогда именовали, «земской милиции». По инструкции от 4 декабря Д.В. Чертков, как предводитель дворянства, был обязан в течение 8—10 дней подготовить губернское дворянское собрание и общие списки с распределением по уездам отдельным помещикам количества выставляемых ополченцев. В заседаниях губернского дворянского собрания с 17 по 30 декабря 1806 г. были утверждены все списки, избраны земские начальники: командующий губернским земским войском — богучарский помещик действительный статский советник В.И. Лисаневич, уездные начальники, тысячные, пятисотенные, сотенные и комиссары для сбора денег и провианта. Дворяне Воронежской губернии обязаны были дать в ополчение 6592 человек от 179 696 душ — общего количества помещичьих крестьян. Содержание, снаряжение, обмундирование и обучение ратников-ополченцев шло за счет дворян. Дворянам-ополченцам также выплачивалось жалованье. Кроме обязательных взносов делались добровольные денежные пожертвования. Чертков внес дополнительно 330 руб.

Конечно, не обошлось без некоторых инцидентов, но малое количество прошений об отставке и своевременность проведения выборов в земскую милицию доказывают высокий патриотический настрой воронежского дворянства. Подобный дух был разлит повсеместно. Запись Жихарева о Москве тех лет тому пример: «Пожертвования на составление и в пользу милиции начались блистательным образом. Наши коренные вельможи и знатное духовенство показали достохвальный пример, и за ними последовали и продолжают следовать прочие состояния народа:

все наперерыв спешат принести посильные дары свои отечеству, а иной возлагает на алтарь его и последнюю лепту...»²⁶². В августе 1807 г. 177 тыс. ратников были влиты в действующую армию с перечислением в следующий рекрутский набор. С сентября 1807 г. формирование земской милиции было приостановлено, а к 1808 г. последние остатки ее были распушены по домам. 31 декабря 1808 г. дворянству Воронежской губернии была дарована грамота, в которой объявлены Высочайшие признательность и благоволение за ревность и усердие в образовании земского войска²⁶³.

Александр Дмитриевич Чертков очень мучительно переживал свое вынужденное бездействие в далеком от событий века Воронеже. Чувство патриотизма внушалось ему с раннего детства, оно подогревалось общей атмосферой семьи и военными рассказами. Его тянуло в Петербург. Отец все откладывал и откладывал желанную поездку в столицу, и Александр от огорчения даже серьезно заболел. Стремление Дмитрия Васильевича уберечь свое подросшее дитя от ужасов войны владело не им одним. Те же настроения присутствуют в письмах Е. Болховитинова к своему воронежскому другу В.И. Македонцу, у которого был сын почти тех же лет (с 1791 г.). 18 июня 1807 г.: «Слава Богу, что Мишеньке вашему не пришла еще очередь служить. Война кровопролитная! Успехи наши вы в газетах видите». 26 июля 1807 г.: «Поздравляю вас с миром [Тильзитским], которой хотя и не дешево нам достался, но по пословице и худой мир лучше хорошей войны». 20 сентября 1808 г.: «Государь поехал в Эрфурт для примирения Бонапартия с англичанами и шведами. Дай Бог мира! Наскучила уже всесветная война»²⁶⁴.

На помощь молодому человеку, изнывающему в Воронеже, пришел друг семьи воронежский губернатор Александр Борисович Сонцов. Старший его сын Петр Александрович (1785—1850) с 1799 г. служил в Петербурге в лейб-гвардии Конном полку, за храбрость при Аустерлице был награжден орденом Св. Анны 3-й степени и за сражение при Фридланде — орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом. Он, между прочим, был весьма не-

Петр Александрович Сонцов.
ОПИ ГИМ

равнодушен к юной и прелестной Екатерине Дмитриевне Чертковой. Второй сын, Григорий Александрович, с 1807 г. был корнетом того же Конного полка (он умер от раны, полученной в Бородинском сражении). Александр Борисович Сонцов, отправляясь в Петербург по делам служебным, да и проведать сыновей было не лишнее, упросил Дмитрия Васильевича отпустить его сына с ним. Черткову пришлось отступить.

Александра Дмитриевича решено было определить в Министерство внутренних дел к князю А.Б. Куракину (1759—1829)²⁶⁵. Почему? Вероятно, принимали во внимание то немаловажное обстоятельство, что продвижение в гражданской службе шло быстрее, нежели в военной, поскольку гражданских должностей было больше и вакансии открывались чаще. Кроме того, после образования в 1802 г. 8 министерств вместо прежних 12 коллегий между дворянами явилась мода, правда кратковременная, поступать на службу в новые учреждения. Но требовались рекомендательные письма, ходатайства влиятельных особ. Вероятно, Сонцов был в добрых отношениях с А.Б. Куракиным, который недавно заступил на должность министра внутренних дел (с 24 ноября 1807 г. по 31 марта 1810 г.), сменив В.П. Кочубея. А может быть, по мысли Д.В. Черткова, в Александре Дмитриевиче было менее всего от «лихого рубаки» и он более проявлял склонности к мирным занятиям? И вновь вспоминается практичный совет Е. Болховитинова Македонцу относительно его сына в письме из Новгорода от 10 ноября 1805 г.: «Не советую Михайле Васильевичу думать о военных походах. Ведь все кончится тем же, чтобы выйти в статскую службу, но с тою разницею, что он ее до тех пор знать не будет. Если бы я был в Петербурге, то увидел бы его в какую-нибудь министерскую канцелярию, а особливо в Кочубеевскую [Министерство внутренних дел], в коей лучше всех можно поучиться. Но в самом деле, не спешите решить о его состоянии. Пусть пока учится»²⁶⁶.

Ему вторил Д.В. Давыдов, наставляя своего сына Василия, который вдруг передумал поступать в артил-

лерийское училище, как было обговорено дома, а определился в юнкера гвардейской артиллерии, мечтая скорее стать офицером. Денис Васильевич втолковывал своему своему сыну в 30-е годы XIX в., но его слова были бы актуальны и для начала века: «Я слишком знаю, как учатся юнкера, у которых нет времени для основательного учения. Молодому человеку придут ли на ум серьезные занятия, когда он развлекается фрунтовой службой, дежурством и часто арестами, отымающими у него нередко целые недели. К несчастью, одна фрунтовая служба, основания которой не могут не быть изучены служащими в военной службе, иссушает большею частью ум молодого человека, убивая в нем малейший порыв к просвещению. Боже да сохрани тебя от того! В наш век развития ума и сердца обогащение его всеми родами сведений — вот к чему должен стремиться молодой человек, исполненный благородного и не такого, которое полагает все свое счастье в скорейшем достижении чина прапорщика... Горько будет, если в последующих чинах ты остановишься на 10 лет, потому что другие будут превосходить тебя в сведениях и знании своего дела...»²⁶⁷.

Наступила пора выходить из родительского дома. Это было чрезвычайно тяжело для отца, который любил всех детей безгранично, но особенно старшего — Александра. Сборы были, как водится, продолжительными, и Александр Дмитриевич нетерпеливо ждал отъезда: его привлекала новость его положения, а главное — Петербург. День расставания пришел: малыши плакали, отец был расстроен, но не подавал виду. Александр Дмитриевич прощался

со всеми и с каждым и уехал полный волнения и горя²⁶⁸. Прощай, Воронеж, где прошли детство и юность. Впереди вставал Петербург.

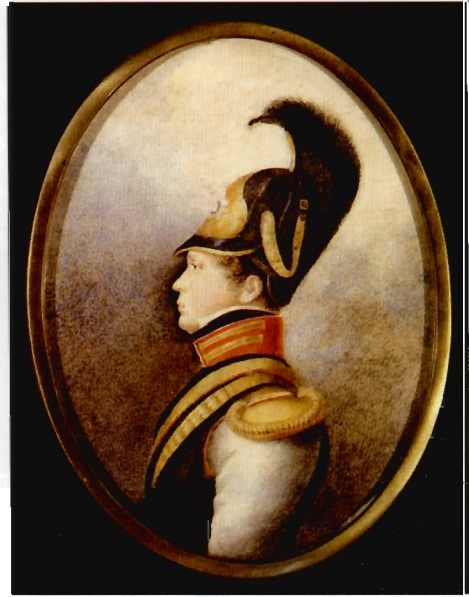
Краткий рассказ о семье и учебе Александра Дмитриевича в Воронеже П.И. Бартенев заключал выводом: «Воронеж дал Черткову лишь доброе направление и любовь к наукам: ни в гимназии, ни в университете он не был и познаниями своими по большей части обязан был себе самому»²⁶⁹. Данное утверждение, слегка изменяясь в выражениях, перекочевывает из одной статьи в другую. Но оно не совсем верно. Чертков, действительно, не учился в воронежской гимназии, да и открылась она только в 1809 г. К тому же гимназии и университеты в России в самом начале XIX в. были совсем не те, в которых училось поколение Бартенева.

Но дело не столько в том, что человек заканчивал, а в том, кто был у него учителем, каким и с какими знаниями и идеями он вышел после этого учения. Г.П. Успенский был яркой, талантливой личностью, педагогом, ученым. Он не просто привил любовь к науке, к истине, к историческим изысканиям, но научил Черткова трудиться, не ожидая приливов вдохновения, приучил именно к систематическим занятиям, к размышлению, анализу и обобщению прочитанного. Он не разрушал впитываемые юным сознанием идущие из семьи «патриархальные» понятия о православной вере, о понимании любви к отечеству через служение ему и государю. Напротив, Успенский укреплял их наставлениями в необходимости быть в своем государстве не чужестранцем, а истинно русским, для чего следовало непременно изучать историю родной страны и своего народа.

Характер и метод преподавания Г.П. Успенского, вероятно, можно соотнести с размышлениями известного издателя Н.И. Греча об образовании, которые достаточно актуальны и ныне: «Беседы с умными и образованными людьми, чтение хороших книг, собственные размышления и литературные опыты принесли мне более прибыли. Я читал многое, с жадностью, вниманием и размышлением, усвоил себе правила языка, понимал требования и указания вкуса и приличия, умел отличить хороший слог от дурного. Главное в воспитании есть образование ума и сердца, а не наполнение памяти. Научите юношу правильно мыслить и судить, внушите ему любовь к занятиям, любовь к наукам, к истине, к изящному, и, если он одарен от природы понятливостью и памятью, ему довольно этого воспитания. Множество предметов учения, разнообразных и противоречащих, доступных только немногим избранным, утомляет и ум, и память учащихся, затмевает в глазах их существенное мелкими подробностями и исчезает по выходе из училища, как дым, оставляя в душе усталость и отвращение к занятиям»²⁷⁰.

Александр Дмитриевич Чертков.
Художник П.Э. Рокштурль. ГИМ

Александр Дмитриевич Чертков в парадной форме
лейб-гвардии Конного полка.
Художник П.Э. Рокштурль. ГИМ

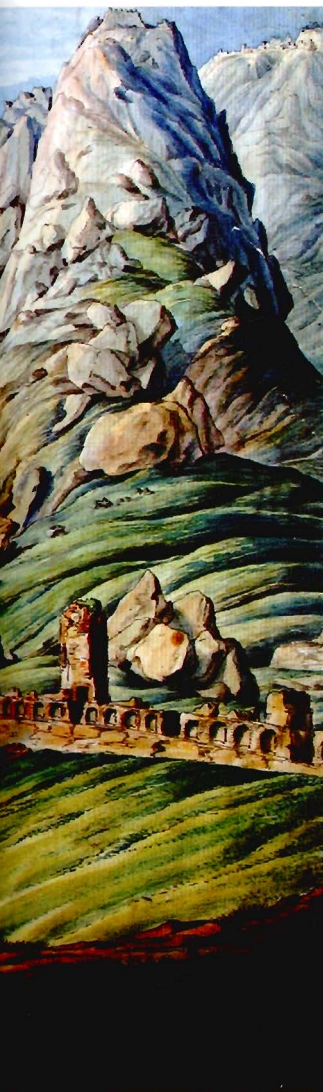
Лейб-гвардии Конный полк в сражении при Фер-Шампенуазе. 13 марта 1814 г.

Театр Таорминский. 1824 г.
Художник Штанге. ГПИБР

Восхождение на вершину Этны. 1824 г.
Художник Штанге. ГПИБР

Лазарони и простолюдины палермские. 1824 г. Художник Штанге. ГПИБР

Палермо. 1824 г. Художник Штанге. ГПИБР

«Райские кущи» Сицилии.
1824 г. Художник Штанге.
ГПИБР

По дорогам Сицилии. 1824 г. Художник Штанге. ГПИБР

Елена Григорьевна Чертова,
урожденная баронесса Строганова.
ГИМ

Николай Дмитриевич Чертков.
Художник П.Э. Рокштуль. ГИМ

Дмитрий Васильевич Чертков.
Художник П.Э. Рокштуль. ГИМ

Мария Дмитриевна Шеплинг,
урожденная Черткова.
Художник П.Э. Рокштуль. ГИМ

Иван Дмитриевич Чертков.
Художник П.Э. Рокштуль. ГИМ

Елизавета Григорьевна Черткова,
урожденная графиня Чернышева.
ГИМ

Александр Дмитриевич Чертков. Конец 1830-х гг.
Художник П.Ф. Соколов

Александрина Григорьевна Муравьева,
урожденная графиня Чернышева

Иван Дмитриевич Чертков

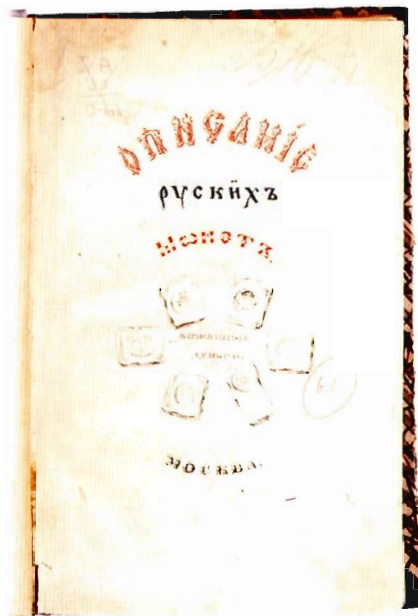

Графиня Софья Григорьевна
Чернышева-Кругликова

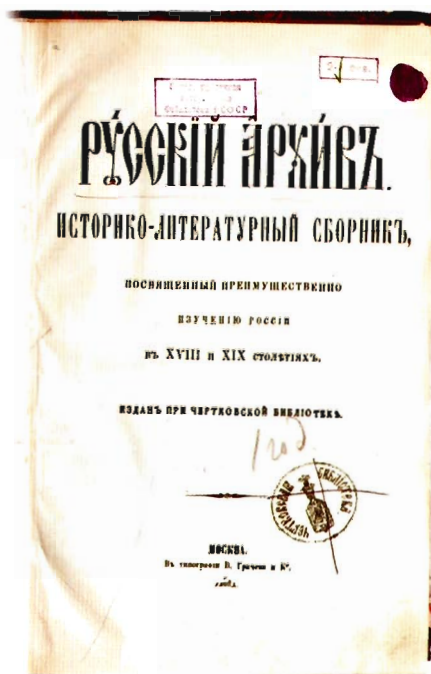
Авантитул книги «Описание войны великого князя Святослава Игоревича...». 1843 г.

Авантитул каталога А.Д. Черткова «Описание русских монет». 1834 г.

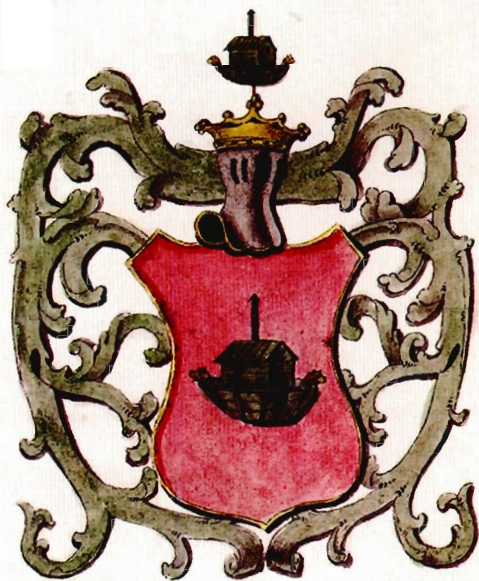

Второй авантитул «Всеобщей библиотеки России». 1845 г.

Титульный лист журнала «Русский архив» с экслибрисом Чертковской библиотеки

Гербъ
Фамилии Чертковыхъ.

Подписаны: Генералъ Поручикъ и Капитанъ Василій
Чертковъ.

Въручено Завѣрительнаго Печата и Печата

Титульный лист книги «О переводе Манассиной летописи...». 1842 г.

№
рѣскынѣѣсѣмабѣзгары

Миниатюры, срисованные с Ватиканского списка Хроники Константина Манассии

Особняк Чертковых на Мясницкой улице

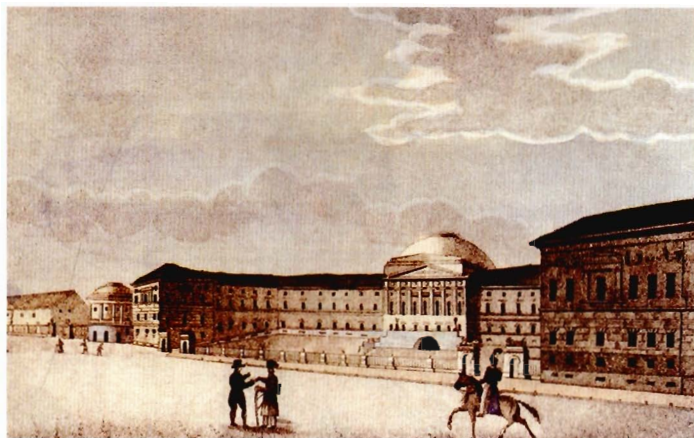
Мясницкая улица

Сухарева башня

Московский университет

Опекунский совет

Российское Благородное собрание

ГЛАВА 2

А.Д. ЧЕРТКОВ — КОННОГВАРДЕЕЦ

Новые впечатления

После затерянного в южных степях Воронежа огромность и великолепие Петербурга должны были ошеломить, подавить на первых порах молодого провинциала, но дружеское внимание Сонцовых — Александра Борисовича и его сыновей Петра и Григория, с которыми Чертков коротко сошелся, его поддержало. Как было обговорено дома, Александр Борисович Сонцов «поместил» А.Д. Черткова в Министерство внутренних дел, куда он был принят 31 января 1808 г. в чине коллегии юнкера. Сонцовы ввели, надо полагать, Черткова и в петербургские салоны, не дав ему затеряться в многолюдстве столицы. Не секрет, что «в Петербурге только две дороги — общество и служба — выводят молодых людей из безвестности, в коей погрязают 9/10 из них. К чести сего

общества... должно сказать, что оно отличалось чрезвычайной учтивостью, то есть ласковою, ни мало не церемонною, строго соблюдаемою взаимною внимательностию... Беда только в том, что французский язык был также первым его условием и сделал его доступным людям, коих не следовало бы в нем видеть: всякого рода иностранцам, аферистам, даже актерам. В гостиных лучшего общества также царил величайшая пристойность: ни слишком возвысить голоса, ни без пощады злословить там не было позволено. Такие вечера не могли быть чрезвычайно веселы, и на них иному не раз приходилось украдкою зевнуть, но в них искали не столько удовольствия, сколько честь быть принятым»¹.

Благодаря благожелательному приему в гостиных Петербурга Чертков скоро справился с естественной

¹ А.Д. Чертков (1798-1858).

робостью новичка и застенчивостью молодого человека, не искушенного в столичной жизни, а также с массой новых нахлынувших впечатлений, но в письмах к родным прорвалось его беспокойство за свое владение французским языком. Еще раз повторим, что «французский язык, коим преимущественно и почти исключительно говорили тогда высшие сословия, был вывескою совершенства воспитания»². Мадам Бутурлина обнаружила несколько орфографических ошибок в письме Александра Дмитриевича. К сожалению, ничего более к этому сообщению Черткова добавить нельзя: что это было за письмо, о чем оно, почему его прочитала Бутурлина? Графиня Анна Артемьевна, урожденная графиня Воронцова (1777—183?), была поклонницей известной французской писательницы де Севинье (1626—1696), доведшей свой слог до изящного совершенства. Бутурлина выучила письма Севинье почти наизусть и «усвоила в обширной своей корреспонденции образцовый письменный слог этой рассказчицы событий двора Людовика XIV». По-русски же Бутурлина писала «с некоторым затруднением»³, но это было тогда в порядке вещей. Бутурлины принадлежали к высшему петербургскому свету, и мнение Анны Артемьевны многое значило. Из Воронежа Александру Дмитриевичу немедленно пришел утешительный ответ его наставника француза Мортеля. Предыдущее свое письмо от 14 января 1808 г. он посвятил дружеским размышлениям о необходимости сохранять здоровье, поскольку это самое главное богатство человека в этом мире. Теперь он успокаивал своего ученика относительно его знания французского языка, авторитетно заверяя его, однако не без легкой язвительности в адрес Бутурлиной,

Графиня Анна Артемьевна Бутурлина

что «старые дамы иногда говорят лишь бы говорить и что не стоит принимать все слишком буквально»⁴.

Между Воронежем и Петербургом установилась оживленная переписка, но до наших дней она, к сожалению, дошла в далеко не полном виде. Впервые расставшись надолго, Александр Дмитриевич и его родные остро переживали разлуку. Дети сильно скучали по своему брату. Чудом сохранившиеся письма из Воронежа наполнены трогательной заботой о здоровье старшего брата; младшие дети сообщали о своих делах, непременно о балах, благодарили за посланные из столицы конфеты, за его портрет. Из дома посылали Александру табак⁵.

Александр Дмитриевич аккуратно отвечал, обстоятельно описывая свое бытие в Петербурге. Да только уцелело всего два письма тех лет, но и они чрезвычайно важны по заключающейся в них информации. В письме от 19 февраля 1808 г.

Чертков подробно расписал свой день. Он обычно вставал в 9 утра и в 10 часов отправлялся в министерство, где находился до 2 часов дня. Затем возвращался домой, откуда вместе с Сонцовыми шел к князю С.И. Салагову, который его очень полюбил. Жена его княгиня Марфа Федоровна наказала А.Д. Черткову приходить к ним обедать каждый день, и если ему случалось не прийти, то весьма его укоряла. Князь Салагов всякий день обедал у себя, и за столом у него каждый раз собирался с десятков офицеров. После обеда Александр играл в бостон с княгиней и мадемуазелями, живущими у нее. В 6 часов, как правило, он отправлялся в театр, но в тот момент, когда писалось письмо, шел Великий пост, поэтому Александр Дмитриевич оставался у князя. Ужинали у князя Салагова по обыкновению в 11 часов и оставались после ужина до полуночи, а иногда и до часу ночи. Александр Дмитриевич также часто бывал или обедал у Щербинина Александра Андреевича, Барчугова (бывшего шефа гусарских полков в Острогжске), Муратова, Овчинникова, Вигеля, «который меня принимает всегда очень хорошо и просит посещать их чаще». Но, несмотря на приветливость новых знакомых, Чертков скучал по дому и ждал с особым нетерпением прихода весны, когда родные обещали навестить его в Петербурге. «А это будет исполнением желаний», — заканчивал Александр Дмитриевич свое письмо⁶.

Из другого письма мы узнаем, что осенью в Петербург приезжали сестры Катерина и Прасковья. После их отъезда Александр долго грустил, а в день расставания он нашел утешение в обществе князя Куракина, на следующий же день — у князя Салагова. Но из объятий меланхоличес-

кого настроения, которое навяли воспоминания, что подчеркивал и размеренный почерк, Черткова внезапно вырвали: вероятно, кто-то из его новых друзей неожиданно зашел и позвал куда-то в веселый водоворот столичной жизни. Начатое письмо следовало закончить, чтобы отправить с оказией, поэтому почерк Александра Дмитриевича резко изменился, строчки потеряли свою стройность, молодой человек буквально на ходу закончил свое послание, быстро перечислив (даже не ставя при этом запятые) своих петербургских знакомых, с которыми он играл в бостон или на днях виделся: «Озерова, Акулина Федоровна, Петр Александрович, Булатова, Кутузова Катерина Михайловна, князь Кудашев. Ничево увез Кат. Аркадьевну, Дерор Акулина Федоровна, дамы Геринг, Щербинина Вера Ивановна, Муратова, Гарденина, Марин»⁷.

Александр Дмитриевич называл в письмах своим родным явно тех людей, которые были им знакомы лично или прежде упоминались. Но кто были они? Не все имена удалось установить, но и выявленные персоналии позволяют приблизительно определить преимущественный круг интересов среды, в которой вращался Чертков. Больше всего времени он проводил в «серьезном обществе» князя Семена Ивановича Салагова (1756—1820). Он был генерал-лейтенантом, сенатором, начальником аудиториата, то есть высшего ревизионного военного суда⁸. Князь был не чужд литературных вечеров, которые проводились по субботам поочередно у Г.Р. Державина, А.С. Шишкова, сенатора И.С. Захарова и А.С. Хвостова, «которых дома и образ жизни представляли наиболее к тому удобств». Туда приглашались и молодые литера-

торы для чтения своих произведений. Об одном таком вечере 16 февраля 1807 г. у Захарова вспоминал С.П. Жихарев, молодой человек не без литературного дара и невероятно заядлый театрал: «Кого не было! Сенаторы, обер-прокуроры, камергеры и даже сам главнокомандующий С.К. Вязмитинов. Гаврила Романович долго и с жаром разговаривал о чем-то с сенаторами, князем Салаговым и Резановым, заседающими в одном департаменте с хозяином дома»⁹. Захаживал ли на эти вечера Чертков?

Умен и образован был Александр Андреевич Щербинин (1791—1876). Несмотря на его юные лета при поступлении на военную службу, начальство не замедлило обратить на него внимание. Он был зачислен по Генеральному штабу. В 1812—1813 гг. был адъютантом генерала К.Ф. Толе, оставил записки о походной жизни. Щербинин впоследствии перевел на немецкий и французский языки многие сочинения из русской военной истории, достиг чина действительного статского советника.

Столь же приятна и увлекательна была беседа с «прелюбезным молодым человеком» Филиппом Филипповичем Вигелем (1786—1856). Он начал службу в Москве, в архиве Коллегии иностранных дел, а затем, желая успешной карьеры, перешел в Министерство внутренних дел, в Петербург. С.П. Жихарев, также приехавший в северную столицу искать себе места и, конечно же, счастья, тотчас же с ним познакомился. Жихарева поразило то, что Вигель, «несмотря на молодость свою... очень сведущ во французской литературе, знает французский язык в совершенстве и пишет на нем свободно»¹⁰. А вот мнение о Вигеле другого авторитетного свидетеля прошлого, очаровательной и проницательной

А.О. Смирновой-Россет: «Он был человек умный, способный... его ум и начитанность делали его приятным собеседником»; он «украсил русскую литературу портретами, хотя в карикатурном виде. У него желчь без злобы и протест против западного напускного образования»¹¹. Брат Ф.Ф. Вигеля Николай в свое время служил в Воронежском полку и в 1804 г. женился на В.И. Тулиновой, завидной невесте из состоятельной воронежской семьи, владевшей самой крупной в городе суконной фабрикой. Она умерла при рождении второго ребенка, любящий муж всего лишь через два года последовал за ней, а их осиротевшие дети воспитывались в Воронеже. Это была еще одна ниточка, которая незримо протянулась между Чертковым и Вигелем.

С каким Мариным виделся Чертков? В Петербурге в это время служили три брата Марина: Сергей (1776—1813), Евгений (1778—1845) и Аполлон (1789—1873). Их отец Марин Никифор Михайлович в 1797—1798 гг. был вице-губернатором Воронежа, в 1800 г. ушел в отставку и жил под Воронежем. Широкой известностью среди современников пользовался Сергей Никифорович Марин благодаря своему блестящему уму, острому языку, своим сатирам, пародиям и эпиграммам. В Воронеже он закончил Главное народное училище и за успехи был награжден книгой. Его учение не завершилось поступлением в Преображенский полк в 14 лет, он пристрастился к литературе и прочел много французских сочинений. Екатерина II знала в лицо красивого, высокого офицера и по его просьбе приняла в гвардию его младших братьев. В страшную ночь на 12 марта 1801 г. Марин командовал временным караулом преображенцев в Михайловском замке. Под Аустерлицем он был

Сергей Никифорович Марин

тяжело ранен в грудь, в левую руку навyleт и картечью в голову, за что получил золотое оружие и был произведен в штабс-капитаны в 1806 г., в следующем году пожалован флигель-адъютантом. Произведен в полковники 6 июня 1809 г. Прямой, временами резкий, Марин был в высшей степени добрым человеком, «прожившим всю жизнь для других». «Пользуясь милостями своего государя, расположением вельмож, он имел дар для просящих его ходатайствования выпрашивать все, что б они законным образом ни домогались, и будучи доброжелателем для всех и каждого, почитал праздником день, в который удавалось ему успеть в своих просьбах». «По уму своему, любезности и остроумию» он «был отлично принимаем во всех знатных домах» и был домашним человеком в доме Нарышкиных и у Воронцовых¹². Марин имел в Петербурге много друзей в лице известных тогда поэтов, литераторов и военных. Среди них был и командир лейб-гвардии Конного полка генерал-майор Янкович Иван

Федорович, сын известного русского педагога Ф.И. Янковича де Мириево.

Евгений Никифорович Марин служил в Конной гвардии корнетом, переведясь из кавалергардов¹³. За сражение под Аустерлицем награжден орденом Св. Анны 3-й степени с бантом. В 1808 г. 29 июня был уволен «за болезнь с чином полковника и с мундиром». Он был франт и шеголь, старательно затягивал свою талию во фраке в «рюмочку», над чем мягко подтрунивали братья. Правда, тонкая талия у мужчин — пушкинское «гвардейцы затяжные» — признавалась за непрменный признак мужской красоты. Евгений Никифорович женился на одной из дочерей воронежского губернатора А.Б. Сонцова, Варваре Александровне, а ее брат Петр Сонцов взял в жены сестру А.Д. Черткова Екатерину, их веселая свадьба состоялась 21 мая 1809 г.

Родители Аполлона Никифоровича в памятном для дворянских недорослей 1796 г., когда Павел I потребовал всех сержантов в полки налицо, не посмели, как Чертковы, послушаться императорского приказа: семилетнего ребенка спешно отправили в Петербург, где он обучался в 1-м Петербургском кадетском корпусе. Впоследствии А.Н. Марин, генерал-лейтенант, стал историографом своего лейб-гвардии Финляндского полка, писал мемуары¹⁴.

Сложнее всего устанавливать женские личности, особенно если названа только фамилия или лишь имя и отчество. Булатова. По-видимому, это Мария Богдановна Булатова, урожденная Нилус. Ее муж, генерал-лейтенант Михаил Леонтьевич Булатов (?—1825), находился в это время в Финляндии, ставшей ареной Русско-шведской войны 1808—1809 гг., в которой Швеция потерпела поражение и уступила России Финлян-

дию. Булатов попал в плен к шведам. Современники признавали, что образование М.Б. Булатовой «превышало обычно даваемое женщинам в то время, и потому в Петербурге она пользовалась уважением и влиянием». Она была религиозна. Строго воспитывала своих трех сыновей, один из них, Александр Михайлович Булатов (1793—1826), впоследствии стал членом «Северного общества».

Бывал Александр Дмитриевич в гостях у Екатерины Михайловны Кутузовой (1787—1826), дочери М.И. Голенищева-Кутузова, будущего фельдмаршала. Познакомился и с ее женихом генерал-майором князем Николаем Даниловичем Кудашевым, за которого она потом вышла замуж. По отзыву знаменитого А.П. Ермолова, он был офицером, «исполненным военных способностей»¹⁵. В Отечественную войну сражался с французами в партизанах и умер от раны, полученной в Лейпцигской битве 4 октября 1813 г. Вероятно, Чертков представлен был и ее матушке Екатерине Илларионовне, «знаменитой своей особенной славой», которая при дворе и свете занимала видное положение. Хотя Александр I не любил Кутузова, ей он всегда оказывал внимание и после Бородинской битвы пожаловал ее в статс-дамы. Княгиня Кутузова жила очень широко и открыто и, как не раз намекал ей в своих письмах муж, обожавший ее, но по делам службы подолгу отсутствовавший, тратила больше, чем позволяли их средства¹⁶. Е.И. Голенищева-Кутузова, женщина чрезвычайно умная, образованная, была «страшная любительница театра, она была другом знаменитой трагической актрисы Жорж»¹⁷.

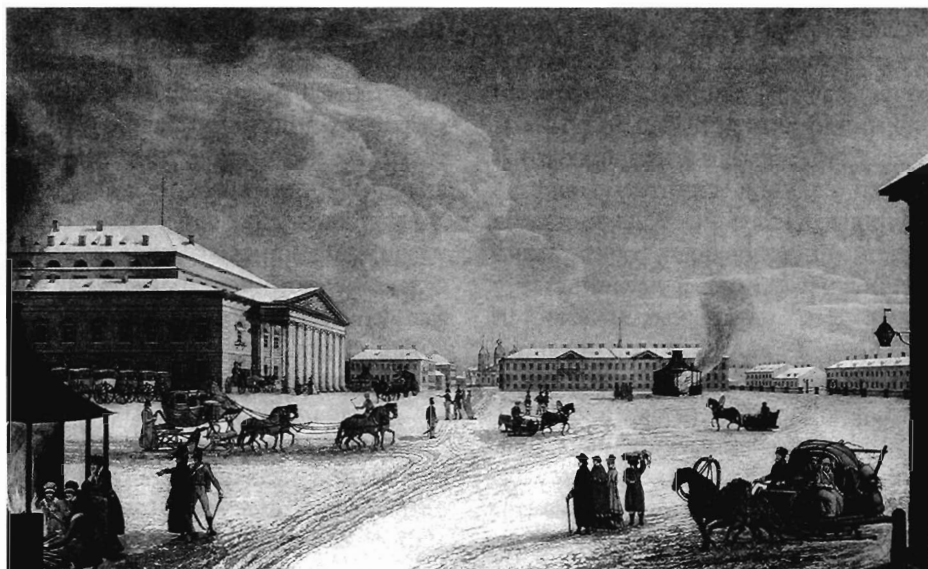
Вечера Черткова заполнял театр. Воронежский театр здесь, в столице, казался просто жалкой пародией на

него. Спектакли императорской русской труппы и французской труппы в Петербурге давали поочередно в великолепном здании Большого Каменного театра, построенного в 1802 г. Подобного театрального здания не было в самом Париже. Декорации, писавшиеся великим театральным художником Пьетро Гонзага, создавали полную иллюзию реальности.

«Несмотря на общее недоброжелательство к наполеоновской Франции, лучшая публика продолжала французский театр предпочитать всем прочим»¹⁸, — свидетельствовал заядлый театрал Вигель, посвятивший не одну страницу своих воспоминаний театральным увлечениям. На содержание французской труппы отпускалось больше всего средств. Она имела самые богатые костюмы, которые далеко превосходили по роскоши гардеробы ведущих европейских театров. Вигель особо подчеркивал, что «трагедия французская в Петербурге высоко вознеслась в 1808 г. прибытием или, лучше сказать, бегством из Парижа, казалось, самой Мельпомены» — французской актрисы Жорж (Маргариты-Жозефины Веймер). Ее выразительная красота в сочетании с блистательным талантом покорили избалованную петербургскую публику. Все тот же Вигель делился своими театральными впечатлениями: «Голова ее могла служить моделью еще более ваятелю, чем живописцу: в ней виден был тип прежней греческой женской красоты... Более всего в ней очаровательным казался мне голос ее, нежный, чистый, внятный; она говорила стихами нараспев, и то, что восхищало в ней, в другой было бы противно. В игре ее было не столько нежности, сколько жара... Везде, где нужно было выразить благородный гнев или

глубокое отчаяние, она была неподражаема. Вместе с Жорж бежал к нам первый парижский танцовщик Дюпор... Сообразуясь с новым вкусом, он начал ставить на сцену одни только анакреонтические балеты... Все мы продолжали любить французские комические оперы; 3/4 петербургской публики из одних афишек только знали, что дают на немецком театре»¹⁹. Он располагался в начале Невского проспекта в доме Кушелева, и его зрительный

кусству. Игра замечательных русских драматических актеров не могла оставить равнодушным зрителя. В эти годы на театральном небосклоне начала восходить звезда молодой актрисы Е.С. Семеновой, которая «с превосходством игры, с благозвучием голоса, с благородством осанки соединяла... красоту именно той музыки, которой служению она себя посвящала»²⁰. На сцене театра появились драмы и трагедии на исторические сюжеты («Марфа Посад-

Большой Каменный театр в Санкт-Петербурге. Начало XIX в.

зал был беден и некрасив, ветхие декорации и тусклые люстры не могли соперничать с роскошью Большого Каменного театра.

Внимание публики, особенно аристократической, к приезжей французской знаменитости повлекло за собой ошутимое пренебрежение к русскому театру. Но успехи русской словесности поднимали его престиж и усиливали интерес к отечественному сценическому ис-

ница, или Покорение Новгорода» Н.М. Карамзина, «Дмитрий Донской» Вл. А. Озерова, «Пожарский» М.В. Крюковского), история отечества начала открываться русскому обществу в своем живом содержании. Театр провозглашал с высоких подмостков через исторические персонажи идею патриотизма, находившую широкий отклик в сердцах дворян, вызывал желание изучать отечественную историю в тесной

связи с познанием национального характера. История воспринималась как выражение идеала и как урок, который предки давали потомкам, дабы отвлечь их от ложных действий.

Постепенно Александр Дмитриевич привыкал к Петербургу. Благодаря своему хорошему образованию и поддержке друзей он не потерялся в светских салонах, исправно входил в служебные обязанности по Министерству внутренних дел. Но чем более он вникал в тонкости дела, тем, по-видимому, более испытывал разочарование от работы, которая скорее всего заключалась в бесконечном переписывании бумаг. В России прочно укоренилось мнение, что личные достоинства дворянина приобретаются только службой, поэтому молодые люди даже из лучших фамилий с серьезным образованием обязательно начинали свою карьеру в министерствах с самых ничтожных должностей и непременно корпели над перепиской. Прислушаемся к сетованиям Жихарева по поводу своей службы в Министерстве иностранных дел: «Занятия по должности! Да это злой сарказм! Я заметил, что в коллегии мелкие чиновники разделяются на два разряда, то есть на таких, которые подобно мне ежедневно ходят к должности и так же подобно мне решительно ничего не делают, и других, которые почти никогда в коллегии не бывают, а между тем имеют постоянные занятия... Ну пусть бы не занимали тех, которые не хотят или не умеют ничего делать; но за что должны бить баклуши мы, грешные, когда у нас есть и добрая воля, и кой-какие способности?... Право, становится скучно и даже досадно: нет в виду никакой выслуги...»²¹.

К тому же, год 1808-й, прямо скажем, был весьма сложным для Министерства внутренних дел и

сопровождался обстоятельствами достаточно неблагоприятными: с одной стороны, война с Англией, правда, лишь формально объявленная, настоящие войны с Персией, Турцией, Швецией, прекращение заграничной морской торговли по условиям Тильзитского мира. «Не было ни кофе, ни виноградного вина в общем употреблении публики: богатые и знатные, конечно, ели и пили, что хотели, но все прочие терпели недостаток в первых потребностях, жаловались, роптали»²². С другой стороны, «зараза, распространявшаяся из Кавказских губерний в Астрахань и Саратов и грозившая Москве, неурожай во многих местах, затруднительная по случаю заразы доставка соли из Элтонского озера, голод в Лифляндии...». А самое главное — неурожай достиг размеров общегосударственного бедствия²³. Даже отчет Куракина за этот год потерян.

Александр Дмитриевич начал заметно тяготиться своей гражданской службой, видя, что его сверстники, «патриотически сочувствуя упадку нашей военной славы в войнах с Францией 1805 и 1807 гг. и предвидя скорый разрыв с нею, спешили вступать в ряды войска, готового встретить Наполеона»²⁴. Тем более что служба в гвардии при Александре I была самой модной, самой престижной дворянской службой, и вообще не служить офицером хотя бы какое-то время для дворянина считалось неприличным. Но далее шел простой расчет. В армии дворянин взбирался по служебной лестнице быстрее в полтора, а то и два раза, нежели на гражданской службе, а с выходом в отставку офицер, если надумает далее служить, получал опять преимущества перед своими сверстниками, подвизавшимися исключительно по гражданс-

кой части. А милые дамы и барышни, чья благосклонность далеко не безразлична, особенно в молодые лета, зачастую нежнее улыбались бравым офицерам, нежели привлекательным молодым людям, но в штатском. Все чаще Чертков взглядывал на великолепные мундиры своих друзей-офицеров, и «воинственное настроение духа» все более овладевало им.

В Петербурге новый 1809 год начался блестящими придворными празднествами, вызванными приездом иностранных гостей. 25 декабря 1808 г. прибыли в Стрельну король и королева прусские, сопровождаемые братом короля, принцем Вильгельмом, и дядей, принцем Августом; здесь они были встречены Александром I. На следующий день царственные гости в сильнейший мороз имели «церемониальный въезд» в Петербург при пушечной стрельбе и колокольном звоне; гвардия была размещена в городе по пути следования высочайших особ до Зимнего дворца²⁵. 6 января, на Крещение, состоялся парад. Обратимся к записям Жихарева, которые относились к 1807 г., но, без сомнения, они верны и для 1809 г., тем паче, что в России испокон веков крещенские морозы славятся своей крепостью. «Несмотря на шестнадцатиградусный мороз²⁶, Крещенский парад был великолепный. В первый раз в жизни вижу столько войска и в таком пышном виде! Торжественное молебствие совершено было придворным духовенством в присутствии государя в нарочно устроенной для того на Неве, противу дворца, Иордани. Я изумился, увидев государя в одном мундире, и не постигаю, как мог он в такой легкой одежде выносить такую стужу, — вот прямо русский человек!»²⁷.

Грандиозность зрелища многих тысяч людей в ярких красивых

мундирах, четко совершавших перестройки в стройных рядах под звуки военных оркестров, мощно воздействовала на воображение и чувства зрителей, исторгала неподдельный восторг, и, может быть, здесь Чертков, находясь среди толп народа, серьезно задумался о военной карьере. Так, граф М.Д. Бутурлин (1807-1887), его дальний родственник, воспитывавшийся в Италии и уже взрослым вновь возвратившийся на родину, вспоминал, как в молодости проездом через Орел он увидел проходивший там по улице драгунский полк в полном составе со взводом трубачей впереди на пегих лошадях. Это было очень эффектно, и у юноши вдруг возникло «не ошущенное дотоле желание поступить в военную службу», хотя отец не сочувствовал этому роду службы, которую он назвал «военный хомут»²⁸.

Гражданская служба могла для Черткова потерять свою привлекательность и в связи с высочайшим указом от 6 августа 1809 г., согласно которому при производстве в чины коллежского асессора (VIII класс) и статского советника чиновники, не закончившие университета, должны были пройти особые испытания помимо соответствующей выслуги лет. Изданная тогда программа таких испытаний оказалась, однако, нелегкой, так как требовала знаний римского права, государственной экономии, статистики и оснований физики. Такая крутая мера стала следствием стойкого нерасположения дворянства к учению, необходимому для служебной деятельности, поскольку можно было достигать «чинов не заслугами и отличными познаниями, но одним пребыванием и счислением лет службы». Университеты, кроме средневекового Виленского (1579) и Дерптско-

В лейб-гвардии Конном полку

го (1802), и гимназии были пусты. Новый закон мыслился как «пону- дительное средство» для дворян к получению образования, «которое уже невозможно было бы обойти, не отказавшись от всякой служебной будущности для своих детей»²⁹. Указ вызвал явное недовольство. «Ка- кой способ имеют бедные дворяне, желающие служить в гражданской службе, учиться языкам, римским правам, философии, физике и проч. По этим экзаменам все места долж- ны быть заняты семинаристами, по- добными Сперанскому»³⁰, — писала В.И. Бакунина. Впрочем, немедлен- но возникшая практика предостав- лений исключения для отдельных чиновников постепенно свела на нет жесткие требования указа.

А может быть, несмотря на доб- рое отношение князя А.Б. Куракина, о котором Александр Дмитриевич сообщал своим родным, и ласковый прием в его доме, в его роскошных чертогах — в бывшем зимнем дворце Елизаветы Петровны на Невском, молодой человек тем не менее почувствовал тяжелую длань своего на- чальника? Князь И.М. Долгорукий в «Капище сердца» писал: «Князь Алексей... был... чрезвычайно горд, надменность его все превышала; впрочем, он то был горд, то слишком приветлив, все зависело от минуты, и такой характер в начальнике не- сносен. Всякий знак его внимания, даже самого благодетельного, был тяжел, ибо он покупался не столько подвигами, званию свойственными, как разными низкими угождениями, кои так противны всякому благород- ному сердцу»³¹. «Умный и ловкий царедворец, Куракин не оставил, однако, после себя доброй славы как человек и государственный деятель, личные выгоды стояли для него час- то на первом плане»³².

Так или иначе, а через год Александр Дмитриевич Черт- ков ушел из Министерства внутренних дел, предпочтя, как и большинство его сверстников, воен- ное поприще. Князь А.Б. Куракин с пониманием отнесся к желанию молодого человека и распорядился о выдаче необходимого документа: «Аттестат дан сей коллегии юнкеру Александру Черткову о том, что он прошлого 1808 г. генваря 31 дня был определен в Департамент внутрен- них дел, вел себя добропорядочно. А сего сентября 23 дня по прошению его из оного уволен» за подписью министра внутренних дел Кураки- на³³. Но данный аттестат, похоже, и не потребовался, судя по тому, что уже 11 сентября 1809 г. А.Д. Чертков был принят в лейб-гвардии Конный полк сразу эстандарт-юнкером, то есть старшим унтер-офицером, ми- новав, таким образом, одну ступень в служебной лестнице. Он не сдавал обязательные при вступлении в полк экзамены (какая авторитетная про- текция!). Остается неизвестным, кто ходатайствовал перед великим кня- зем Константином Павловичем за Александра Дмитриевича. П.А. Сон- цов, уволенный 28 мая 1809 г. за рана- ми в отставку с чином полковника и мундиром? Е.Н. Марин? Скорее, его брат — С.Н. Марин. Именно к нему Е. Болховитинов в письме от 20 июня 1809 г. рекомендовал обратиться Ма- кедонцу при устройстве сына своего на военном поприще: «И так вы ре- шились отпустить Михайло Василье- вича в корпус. По склонности своей он и действительно там выучится сол- датству более, нежели чему другому. Хорошо бы вам попросить Николая

Михайловича [Марина], чтобы он отрекомендовал его детям своим, из коих наипаче Сергей в петербургских обществах известен с уважением. Он и при Дворе близок и может иногда одним словом сделать более пользы, нежели другие»³⁴. А может, кто-то другой просил за Черткова...

Почему Чертков предпочел этот полк? Поскольку сам он ничего о том не писал, то, собрав мнения его сослуживцев на сей счет при их выборе полка, постараемся хотя бы приблизительно ответить на этот вопрос. Обращение же к отдельным страницам истории Конного полка поможет несколько дополнить те отрывочные сведения о Черткове, которыми мы располагаем, и восстановить картину его военной службы.

Русская гвардия была учреждена в начале царствования Петра I из полков Семеновского и Преображенского. Гвардия являлась личной охраной главы государства, отборной частью войска и школой для подготовки командного состава для всех родов войск. Привилегированное положение гвардии, офицеры которой в абсолютном большинстве были дворяне, выражалось в том, что по Табели о рангах офицеры гвардии получали преимущество в два чина перед одноименными чинами в армейских полках. При Александре I служба в гвардии особенно уважалась нашей аристократией, и едва ли было в ней место для лиц других состояний. Служба в гвардии, особенно в кавалерии, требовала гораздо больше расходов, чем составляло офицерское жалованье. Хотя офицерам была положена казенная лошадь, но считалось неприличным не иметь свою: приобретались самые дорогие лошади. Зазорно для гвардейца было сидеть в театре не в первых рядах партера или в ложе.

Да и сама жизнь в Петербурге стоила недешево. А.А. Закревский, переведенный в Петербург и назначенный адъютантом к военному министру Барклаю-де-Толли, в письме к своему другу М.С. Воронцову от 30 июля 1811 г. пенял на страшную дороговизну столицы: «Я нанял квартиру на год и плачу 600 руб. без мебели и без дров; а сии два пункта составляют значительную сумму. Должен купить пару лошадей и дрожки, без чего обойтись нельзя, и совсем должен иметь все свое...»³⁵. Дворяне в гвардии служили фактически за счет доходов от своих имений. В гвардейском корпусе, расквартированном в столице и ее окрестностях, был строгий порядок старшинства, который определял и престижность полка. «На вершине военного Олимпа находились преображенцы, семеновцы, кавалергарды и конногвардейцы, чуть ниже измайловцы, лейб-гусары и лейб-гренадеры, далее — остальные полки по порядку получения прав гвардии»³⁶.

Очень обстоятельно и взвешенно рассказал о ситуации в гвардии того времени Ф.Я. Миркович (1789—1866), впоследствии сенатор, генерал от инфантерии, виленский генерал-губернатор (1840—1844). В 1809 г. он закончил Пажеский корпус и также раздумывал о том, в каком полку продолжить ему службу. «Гвардия состояла тогда из двух дивизий пехоты, дивизии тяжелой кавалерии, дивизии легкой, дивизии пешей артиллерии и одной роты конной и была под непосредственным начальством цесаревича Константина Павловича. Ни штабов, ни дежурств тогда не было, а гвардейский корпус управлялся посредством канцелярии, состоявшей под начальством одного из адъютантов великого князя, полковника Лагоды,

Федор Яковлевич Миркович

при котором находился с десяток писарей. Пехота и артиллерия стояли в Петербурге. Из кавалерийских же полков — одни кавалергарды и Конная гвардия. Прочие же полки размещены были по загородным местам: в Царском Селе, Гатчине, Стрельне, Петергофе. Раздумье брало, куда поступить. Пехоту я не любил, и служба в ней так была обременительна, что человеку некрепкого сложения трудно было ее выносить. Караулы, которые содержала пехота во всех концах столицы, дежурства и непрерывные каждодневные учения просто изнуляли, и кто только мог избегал пехоты. При этом только в двух полках — Преображенском и Семеновском — было тогда более порядочное общество офицеров, состоявшее наполовину из пажей. Государь был шефом обоих полков и особенно их любил. Общество офицеров остальных полков было менее чем посредственное, так что в общественном мнении армейские артиллерийские офицеры стояли выше гвардейских пехотных. В кавалерии отличались обществом только кавалергарды и лейб-гусары, куда поступала вся знатная и богатая молодежь. Желая служить в кавалерии и оставаться в Петербурге, мне пришлось выбирать один из двух полков: кавалергардов или Конной гвардии. Общество офицеров в первом состояло из чванливой знати и богачей, во втором же состоянии офицеров более соответствовало моему. Необходимо было испросить соизволение великого князя Константина Павловича для поступления в его полк, которым он занимался не как шеф, а чисто как полковой командир, входя во все мельчайшие распоряжения. По докладе ему полковником Лагодою о моем желании мне приказано было представиться Его Высочеству³⁷. Младший брат Ф.Я. Мирковича, А.Я. Миркович (1793—1888), в будущем генерал-майор, также избрал лейб-гвардии Конный полк.

Князь А.Н. Голицын свидетельствовал: «Полк этот... был тогда самый блестящий наравне с Кавалергардским... Оба полка, Кавалергардский и Конный, наполнялись цветом московской, петербургской и вообще дворянской молодежи: в них служили люди богатые, хорошо воспитанные, с именами громкими и в то же время знавшие отлично дисциплину, особенно при таком строгом начальнике, каким был великий князь Константин Павлович»³⁸.

Но помимо указанных Мирковичем весомых причин, для Черткова имело несомненную значимость то, что дворяне из Воронежа, его ближайшее окружение, служили именно в Конной гвардии. Это и Сонцовы, и Е.Н. Марин, и В.Г. Муратов (1772—1748), который в 1786 г. в лейб-гвардии Конном полку начал рейтаром и вышел в отставку в 1796 г. секунд-майором. В Петербурге он

добивался назначения на пост вице-губернатора Слободской Украины, который и получил в 1809 г. после настойчивых обращений к высокопоставленным чиновникам.

Впрочем, не только престижность службы в кавалерии определяла выбор Александра Дмитриевича. Надо полагать, что он был хорошим наездником, знатоком и любителем «лошадиного искусства», поскольку «в кирасирских полках всегда обращали внимание на тонкости верховой езды и выездки»³⁹. К тому же, Чертков должен был быть смелым, энергичным и волевым человеком, так как только такой всадник мог полностью подчинить своей власти большое и сильное животное.

Самой главной фигурой в полку был не командир генерал-майор Иван Федорович Янкович (1803—1811), а шеф полка цесаревич Константин Павлович, «который смотрел все: и обучение, и управление, и хозяйство». Сам же командир находился в положении заместителя шефа полка, а власть приобретал лишь в его отсутствие. О великом князе современники сохранили немало воспоминаний, и некоторые мнения представляется уместным привести, дабы ощутить нрав августейшего начальника, к которому следовало приноровиться нашему герою для успешного прохождения службы.

Константин Павлович «желал и быть, и слыть замечательным организатором армии, — писал Е. П. Карпович, — для усовершенствования которой единственным средством считалось тогда постоянное и неутомимое занятие строевыми эволюциями, маршировкой, выправкой, пригонкой амуниции». «В царствование Александра I почти исключительно от Константина Павловича зависели нововведения по всему войску как

Великий князь Константин Павлович

по боевым, так и по хозяйственным вопросам... Врожденное нетерпение и неудержимая его вспыльчивость мешали, однако, ему сохранять хладнокровие и спокойствие. Гневные вспышки поражали всех своей крайностью, и великий князь был грозой учений, смотров, разводов, караулов и парадов... Указания цесаревича, вполне знакомого со всеми мелочами военного быта и полкового хозяйства, оказывались полезны, недаром он слыл по всей русской армии самым способным и самым деятельным организатором»⁴⁰, — утверждал Карпович.

Военный историк А. И. Михайловский-Данилевский констатировал: «Цесаревич Константин Павлович вспыльчив, особенно в молодости был горяч до исступления, но добр и откровенен»⁴¹. Ему вторил П. А. Вяземский: «При всей заносчивости великого князя, он имел много прямоты и благородства»⁴². Н. И. Тургенев, один из деятельных декабристов, впервые

увидел великого князя Константина в Карлсбаде, но желал избежать общения с ним, памятуя о его репутации. «...И я был приятно изумлен, обнаружив, что в частных разговорах вся его запальчивость исчезает, а ее место занимает умеренность и рассудительность. Он, несомненно, был умен»⁴³, — заключал Тургенев.

Заслуживает внимания мнение Н.Н. Муравьева-Карского: «Константин Павлович умен и образован, сердце его доброе; но в нем сильно развито чувство самоуправства. Ему часто случается в минуту запальчивости забываться против офицеров; но он от природы не злобен и, успокоившись, извиняется перед обиженными. Кавалергардские офицеры не любят Константина Павловича, и, наоборот, он их также не жалует, тогда как он в Конной гвардии души не знает. Причиной сему то, что общество офицеров Кавалергардского полка по образованию своему и приличию было выше офицеров Конной гвардии, среди коих постоянно находился шеф их Константин Павлович, тогда как кавалергарды всегда обегали его»⁴⁴. Многие дворяне шли в какой угодно полк, только бы не в Конную гвардию, «любимый и балуемый» полк цесаревича, который, «по слухам, был не только неумолимо строг с юнкерами, но даже иногда и собственноручно с ними расправлялся»⁴⁵. «Но при всей своей строптивости и чудачествах великий князь был любим своими близкими, особенно конногвардейцами. Он тайно помогал своим офицерам, закутившимся, испрашивал им хорошие места по службе»⁴⁶, — заступался за своего бывшего начальника А.Н. Голицын.

Поступление Александра Дмитриевича в лейб-гвардии Конный полк было сопровождаемо неизъяснимо приятными хлопотами. И военный мундир, «составлявший в то время идеал блаженства каждого дворянского недоросля»⁴⁷, завладел всеми чувствами Черткова. Надо было заказывать себе форму согласно «Табели 1802 г. мундирным, амуничным и оружейным вещам» с учетом вносимых уточнений и изменений. Офицерам, находившимся на действительной службе, еще с XVIII в. запрещалось ходить в гражданской одежде: всегда и при всех обстоятельствах они должны были оставаться в военной форме. Форма была парадная, праздничная, обыкновенная, будничная, особая дорожная и летняя.

Как и во всех кирасирских полках, в Конном полку офицеры и солдаты на парады надевали белые суконные колеты, отличаясь красным приборным сукном и вызолоченными пуговицами. Воротник и обшлага у офицеров украшались золотыми петлицами, у эскадрон-юнкеров вдоль погона шел галун. При колете всегда необходимо было носить вышитую золотом лядунку (кожаную сумку для патронов) с прикрепленной на ней Андреевской звездой и опоясываться шарфом с кистями длиной около 27 см. Сам шарф представлял собой сплетенную из серебряной нити сетку длиной около 1,4 м. С парадным мундиром надевали лосины и тупоносые ботфорты с раструбами, с большими каблуками и с нашпоришками, а также каски из черной лакированной кожи с двумя козырьками и плюмажем из черного конского волоса на гребне. Замшевые перчатки, мягко облегающие пальцы, и палаш завершали костюм. Чепраки и чушки были синие. Па-

радная форма надевалась в дни восшествия на престол, коронавания, рождения и тезоименитства Их Величеств и Наследника, в Новый год, в первый день Св. Пасхи и Рождества Христова, на Высочайших выходах во дворце, смотрах, парадах...

В менее торжественных случаях надевался однобортный мундир алого сукна с синим воротником с золотыми петлицами, а вместо погона надевался аксельбант. Мундир носили на учениях и разводах в присутствии высшего начальства, на публичных торжественных собраниях, балах, обедах, официальных молебствиях... Виц-мундир, то есть повседневная форма одежды, был зеленого сукна с воротником того же цвета с красной выпушкой, при котором в будние дни с 1808 г. дозволено было носить такого же цвета суконные панталоны. Сюртук разрешалось носить при посещении театров в обычные дни, на концертах, гуляниях... Офицеры при виц-мундире носили шпагу и черные треугольные шляпы. Для походов полагались также рейтузы из серого сукна, подшитые кожей и с нашитыми вдоль наружного шва 18 пуговицами, и короткие сапоги. 16 июня 1810 г. были введены палаши нового образца (длиной 111 см против прежних 107 см) с медным эфесом и сплошными железными ножами⁴⁸.

2 июня 1812 г. Конный полк, находясь в походе, получил черные железные кирасы, которые были отменены в 1801 г., но введены вновь по указу от 1 января 1812 г. Кираса, проложенная изнутри ватой, предохраняла корпус всадника от ударов и уколов холодного оружия и от пуль, выпущенных с расстояния более 50 шагов. Красавица кираса легко и быстро застегивалась спереди на медную пряжку и запряжник. Впрочем, отвыкшие от них конно-

гвардейцы воспринимали возродившуюся защитную экипировку как кандалы, так как кроме тяжести они были чрезвычайно неудобны для всадников, имевших нестандартный рост⁴⁹. Весила кираса 8—9 кг, высота ее составляла 47 см. Чтобы более не возвращаться к форме, отметим, что она в первой четверти XIX в. неоднократно менялась. Делалось это, по официальной версии, в целях улучшения управления войсками во время боевых действий. Поэтому очень часто изменялись головные уборы и приборные сукна на погонах⁵⁰. В 1814 г. Черткову пришлось заказывать вместо двубортного однобортный колет по 9 вместо 6 пуговиц в ряд, с выпушкой по борту, в следующем году пуговицы на рейтузах заменили красные суконные лампасы, в 1816 г. чемоданы нужно было иметь из серого сукна⁵¹. Косы гвардия обстригла еще в 1807 г. Но офицерам и унтер-офицерам из дворян запрещено было носить усы.

Радость и восторг при получении мундира были полными, и «каждый, кто только испытал подобные минуты, легко может себе представить это счастье». На другой день Чертков присягал в полковой церкви и представлялся Его Высочеству цесаревичу, полковому командиру генерал-майору И.Ф. Янковичу и эскадронному⁵². Александру Дмитриевичу тогда было 20 лет, и он «в военном мундире зажил, как свойственно молодому, пылкому и рассеянному человеку».

С первых дней производства Чертков начал учиться строевой службе — конной и пешей, что было нелегко, так как печатных уставов не было, а ходила в полку по рукам рукописная тетрадь под заглавием «Эволюция Конного полка». Заботились лишь о красивости фронта

и мастерском выполнении различных построений на смотрах. Служба была весьма тяжела: в 9 часов утра надо было быть в манеже у развода, потом происходила манежная езда до 2 часов, конные и пешие учения поэскадронно и полковые, равно и большие парады, выходы при Дворе были частые. Дежурства то по эскадрону, то по конюшне, то по лазарету приходились через два дня в третий. Дворцовый караул наряжался всякий день поэскадронно, и тогда офицеры наряжаемого в караул эскадрона должны были быть непременно в дворцовом манеже, где бывали ежедневные разводы в присутствии государя⁵³. В конце 1809 г. был издан устав о кавалерийской службе, и в полковом приказе от 16 декабря предписывалось, чтобы офицеры выучивали уроки из него наизусть, и сверх того полковой командир 2 раза в неделю обязан был собирать офицеров и проходить с ними изложенные в уставе правила.

Великий князь входил как ближайший начальник во все подробности полкового управления, присутствовал ежедневно на занятиях в полковом манеже, следил за успехами личного состава, объяснял эскадронному командиру методу обучения, проводил каждый день домашние разводы (и горе тому, кто не успевал явиться на развод), отдавал каждый день полковые приказы, подписывая их собственноручно. В отношении наружного блеска Константин Павлович сделал Конный полк как бы образцом для всей кавалерии. Все усовершенствования по кавалерийской службе и самый устав сперва прилагались к Конной гвардии и потом вводились во всеобщее употребление⁵⁴.

Начиная с 1801 г. с осени и до весны полк постоянно пребывал в Стрельне, а на лето выезжал в по-

левые лагеря. Великий князь получил Стрельну во владение в 1797 г. и большую часть лета проводил в ней, занимая сначала дворец Петра I. В 1801 г. начались конногвардейские разводы в Стрельне и караулы от нее. Главный караул был офицерский, караулы на въездах Петербургском, Нарвском и Петергофском — унтер-офицерские. Здесь, в вотчине великого князя, дисциплина и жесткость распорядка в полку достигали предела. К 22 июля — дню тезоименитства императрицы Марии Федоровны — полк уходил в Петербург для несения караульной службы.

Но в 1810 и 1811 гг. полки в лагере не выводились. Конная гвардия лето проводила в Стрельне, где полк находился на траве и где три раза в неделю бывали полковые учения в 4 часа утра. «Развлечение наше в Стрельне заключалось в том, что мы собирались в 6 часов вечера ко дворцу великого князя послушать полковую музыку, лучшую в то время во всем гвардейском корпусе, или отправлялись в Петергоф гулять в саду»⁵⁵. С 29 июля по 16 августа Константин Павлович производил маневры между Стрельной и Петербургом.

С кем Чертков близко сошелся? Трудно сказать. По свидетельству Мирковича, «весь корпус офицеров состоял из так называемых служаков. Фронтальная служба исключительно их занимала. Тут было сборище всех наций: большая часть состояла из немцев и поляков, были и итальянцы, швейцарцы, пруссаки, голландцы, так что, не имея к кому особенно симпатии, мы ни с кем не сдружились и жили в своем тесном кругу. Со всем тем мы никого не чуждались и ежедневно толкались с товарищами в манеже часа три по утрам»⁵⁶.

Отечественная война и Заграничные походы 1813—1814 гг.

«Еще три года, и я буду владыкой вселенной», — заявлял Наполеон в марте 1810 г. «...Все предвещало неизбежную войну. Франция на глазах у всех вела колоссальные приготовления и принимала меры, продиктованные ее ловкой политикой, чтобы собрать под своими знаменами всю Европу и нанести решительный удар последней континентальной державе, которая могла еще бороться против вечных завоевательных устремлений Наполеона. Россия, со своей стороны, тоже не бездействовала»⁵⁷. В 1803 г. в армии было около 12 тыс. офицеров. Накануне войны с Наполеоном — около 14 тыс. Во время Отечественной войны в армии числилось от 15 до 17 тыс. офицеров⁵⁸. В России желание войны было всеобщее. Радовались, что правительство принимало деятельные меры к войне, рекрутские наборы производились с неимоверным успехом⁵⁹.

В 1811 г. показалась на горизонте ужасная, великолепная, блестящая комета с огромным хвостом... Все лето вплоть до осени горела она на нашем небе. О комете простолудины говорили: «Пометет беда землю русскую!» Никогда еще государь не занимался своей гвардией так много, как в 1811 г.: тогда начинались уже усиленные приготовления к войне. Император присутствовал ежедневно в дворцовом манеже на разводе, где он сам учил вступающий в караул батальон. А каждое воскресенье делался так называемый кейзер-парад, который не отменялся и при 10 градусах мороза. Войска выходили без шинелей, выстраиваясь, как пехота,

так и кавалерия, развернутым фронтом. При объезде государя по линии войск все иностранные послы (военные) находились в свите, а французский посол Коленкур обыкновенно впереди всех. «Ненависть к французам возрастала по часам. А должно сказать, что послы Наполеона, Коленкур и Лористон, усердно содействовали к ее распространению своею гордостью, дерзостью, тем, что называется по-французски *atogance*»⁶⁰.

«Зима с 1811 на 1812 г. прошла еще довольно шумно. Балы и эрмижажи при Дворе, балы и собрания у министров и послов следовали непрерывно один за другим. Все плясало, кружилось и веселилось, между тем как военные приготовления делались по всей России. В конце 1811 г. война уже не была тайною и все о ней говорили открыто. Военная молодежь находилась в радостном иступлении. Всякий офицер вострил свой меч и прилаживал кремни к пистолету. Только и речи было, что о войне. Воинственный энтузиазм доходил до высшей степени»⁶¹, — вспоминал Миркович.

Следя за военными приготовлениями Наполеона, русское правительство пыталось разгадать его намерения, из трех возможных направлений ведения боевых действий — петербургского, московского и киевского — наиболее важным считалось первое. В соответствии с этим предположением, как оказалось впоследствии — ошибочным, и были расположены главные силы, а также организован тыл русских войск.

Наступил, наконец, знаменательный 1812 г. Ранней весной «Великая армия» Наполеона начала медленно продвигаться к русским границам. В движение пришли огромные массы войск. Вместе с союзными войсками в марше на восток приняло участие

6 А.Д. Чертков (1798-1858).

около 640 тыс. человек. Хотя война еще не была объявлена, но со всех концов России стягивали войска к западным областям. С февраля начала выступать гвардия: пехота со своей артиллерией по тракту на Гатчино, Псков и Динабург; кавалерия также со своей артиллерией направлена была в Нарву, Гдов, Псков, Динабург в Литву. Обозы полков и офицеров были сокращены до минимума. Конная гвардия выступила в поход 17 марта в составе 4 действующих эскадронов, состоя в 1-й Западной армии в 1-й кирасирской дивизии генерал-майора Н.И. Депрерадовича. Командовал полком полковник М.М. Арсеньев (1811—1819). Запасной 5-й эскадрон вошел в состав Сводно-кирасирского полка, отправленного в корпус генерал-лейтенанта графа П.Х. Витгенштейна (1768—1842), прикрывавший Петербург.

В ожидании тяжелой, продолжительной войны особое значение приобретала подготовка резервов. Во всех полках на базе резервных батальонов и эскадронов создавались особые команды, целью которых было формирование и обучение новых частей⁶². 1 марта такая команда появилась и в лейб-гвардии Конном полку, имея в своем составе 2 обер-офицеров, 16 унтер-офицеров, 110 нижних чинов, 37 нестроевых солдат и 3 трубачей. Должности обер-офицеров занимали штабс-ротмистр Кошкуль и корнет Чертков, который получил этот чин в конце 1811 г. Деятельность команды продолжалась всю войну, а 1 ноября, разросшись в своей численности, она даже была разделена на 2 эскадрона⁶³.

Итак, Чертков остался в Петербурге, чтобы обучать пополнение строевому кавалерийскому искусству. Из северной столицы он внимательно следил

за действиями нашей армии, тяжело переживая утраты родных, друзей, знакомых. Формулярный список А.Д. Черткова отразил данное изменение по службе, однако дореволюционный биограф В. Гарский почему-то не решился написать об этом в своем очерке и вслед за П.С. Савельевым, автором некролога Черткова, повторил неверное утверждение о том, что Чертков участвовал со своим полком в сражениях Отечественной войны 1812 г. Это мнение зафиксировал затем Н. Барсуков, и оно прочно вошло в биографическую историографию о А.Д. Черткове⁶⁴. Более того, недавно появилась новая нелепость, что будто бы в 1812 г. Чертков еще был и в числе организаторов московского ополчения⁶⁵. Он действительно был причастен к московскому ополчению, но только в 1855 г.

В ночь на 12 июня армия Наполеона начала переправу через Неман в районе Ковно. «Время текло, и вести из армии сменялись одна другою... Армии наши соединились в Смоленске, но вскоре оставили и этот древний оплот русского царства. Сердца бились трепетным ожиданием, но не унывали; общая радость, твердая надежда на спасение отечества запылали повсюду, когда назначен был в главнокомандующие армии князь Голицын-Кутузов, за несколько месяцев до того заключивший достопамятный мир с турками в самых затруднительных обстоятельствах». В Петербурге с 27 августа на трех плацах в течение пяти дней шло ускоренное обучение 13 тыс. ратников ополчения, которые вместе с другими войсками прикрывали северную столицу. В день своего тезоименитства (30 августа/11 сентября — перенесение мощей благоверного князя Александра Невского) император получил донесение Кутузова о сражении

26 августа при Бородине, которое «кончилось тем, что неприятель нигде не выиграл ни на шаг земли с превосходящими своими силами». По меткому выражению Ермолова, «французская армия расшиблась о русскую»⁶⁶.

«Вступление Наполеона в Москву побудило правительство принять меры предосторожности на случай движения неприятеля к Петербургу и сделать заблаговременно распоряжения для вывоза из столицы драгоценностей, архивов... Усиливали укрепления Кронштадта, и предполагалось отослать флот в Англию»⁶⁷. Частные люди последовали примеру правительства. Все помышляли об отъезде, заботились об экипажах, покупали барки и всякого рода лодки»⁶⁸.

Положение обосновавшегося в Москве Наполеона и его армии быстро ухудшалось. Оставив московское пепелище, французы поспешно отступали к границе. Однако и после разгрома на Березине Наполеон не считал борьбу законченной. Он поспешил в Париж, чтобы собрать новые силы. В Варшаве в беседе с французским посланником в герцогстве Варшавском Наполеон заявил: «Русские дорого заплатят за свои успехи, которыми они обязаны не себе, а природе»⁶⁹. Наполеон проявил кипучую энергию в деле создания новой армии. Он вызвал часть своего войска из Испании, использовал находившиеся в лагерях под Парижем новые формирования (70 тыс. человек), включил в состав действующей армии национальную гвардию (100 тыс. человек). Наборы новобранцев (140 тыс. солдат) дали возможность сформировать запасные части. Располагая 500-тысячной армией, Наполеон чувствовал себя достаточно сильным. Сведения о лихорадочной подготовке Наполеона к новой войне непрерывно поступали в Россию.

Русское правительство справедливо считало, что поражение «Великой армии» Наполеона не избавляет Россию от опасности нового нашествия.

7 (19) декабря 1812 г. государь выехал из Петербурга в армию. 12 (24) декабря, в день своего рождения, Александр I сказал генералам в Вильне: «Вы спасли не одну Россию, вы спасли Европу»⁷⁰. 25 декабря 1812 г. был подписан виленский приказ Александра I, объявивший о начале Заграничного похода. «Остается еще вам перейти за пределы империи не для завоевания или внесения войны в земли соседей наших; вы идете доставить себе спокойствие, а им — свободу и независимость»⁷¹. Русское общество было единодушно в осознании миссии России: «Все обещают нам счастливый успех в благом нашем намерении — освободить от ига французов все вооружившиеся против нас в прошлую кампанию нации и показать, что Россия не только что могла истребить восставшее против нее ополчение, но адресовать мир и спокойствие всей Европе». «Сколь война сия ни была кровопролитна, но мы охотно желаем еще сражений, чтоб получить твердый и полезный мир для Отечества нашего. Мы оставили Россию и идем теперь в иностранных землях, но не для овладения оными, а для их спасения. Надо даровать мир и спокойствие Европе, говорит нам Государь наш, и мы идем на запад с войною для мира. До сих пор мы сражались для спокойствия нашего Отечества, теперь будем сражаться для спокойствия всей Европы. Надо пользоваться расстройством неприятеля, чтоб не дать ему усилиться. Бог и победа всегда с нами, и мы идем вперед»⁷², — так словами из письма В.С. Норова к отцу можно передать настроение, царившее среди офицеров русской армии.

К концу февраля, то есть за 1,5—2 месяца наступательных действий, русская армия продвинулась от Немана до Одера на 750—800 км, при среднем темпе наступления 15—20 км в сутки, разгромив основные силы находившейся здесь французской армии. По прибытии в Калиш М.И. Кутузов принял решение приостановить у Одера основные силы русской армии, дать им возможность привести себя в порядок после длительного наступления, подтянуть транспорты с боеприпасами, продовольствием, обмундированием, а главное, усилить армию резервами, подходившими из России, — до 180 тыс. человек. При этом передовые отряды и партизаны были переправлены на правый берег Одера. В феврале между Россией и Пруссией был подписан Калишский союзный трактат о совместных действиях против наполеоновской Франции. В марте к этому союзу примкнула Швеция. Фридрих-Вильгельм III увеличил свою армию до 100 тыс. человек. После смерти М.И. Кутузова главнокомандующим союзными войсками был назначен генерал граф П.Х. Витгенштейн. Русская и прусская армии перешли Эльбу. В.С. Норов великолепно передал настроение многих воинов, которые «думали, что участь Наполеона решена и что в сей же год мы будем в Париже. Наполеон потерял полмиллиона лучшего своего войска в России и в Испании; у него остались одни конскрипты⁷³ и слабые испанские полки Рейнского союза; кавалерия и артиллерия его истреблены»⁷⁴. Однако после неудач в сражениях 20 апреля (2 мая) у Люцена, в 20 км к западу от Лейпцига, и 8—9 (20—21) мая у Бауцена, в 50 км к востоку от Дрездена, союзные монархи Александр I и Фридрих-Вильгельм III заключили с Наполеоном Плесвицкое

перемирие на срок с 23 мая (4 июня) до 8 (20) июля, которое было продлено до 29 июля (10 августа).

Сохранились три тетради-дневника А.Д. Черткова на французском языке, которые были переведены и опубликованы к 170-летию юбилею Отечественной войны⁷⁵. В них он заносил впечатления от увиденного во время своего похода из Петербурга в Париж и обратно. Чертков выехал из Петербурга в ночь с 28 февраля на 1 марта 1813 г., чтобы догнать эскадроны, которые отправились «14 февраля в количестве 6, в том числе 2 кавалергардских, 2 нашего полка и 2 лейб-драгунских, подчиненные полковнику К.Ф. Квитницкому» (1782 — после 1840). Эскадроны проходили в день и 7, и 18, и 40 верст, останавливались на отдых в различных населенных пунктах у разных хозяев. Молодые офицеры обедали у местных помещиков, купцов, крестьян, пасторов. Записи первого дневника живо передают смену дорожных настроений и калейдоскоп впечатлений в принципе беззаботного молодого человека, привыкшего подмечать особенности местности и достопримечательности городов и деревень, где ему доводилось останавливаться.

Отмечал он и национальный состав населения мест, через которые следовали эскадроны. Не упускал Чертков вместе со своими товарищами-офицерами при случае и приударить за хорошенькими девушками. Дорожная скука и ни к чему не обязывающие любовные похождения с выпрыгиванием из окошка, сетования на клопов и кошачьи концерты, превращавшие ночи в бессонные, и великолепные купания в многочисленных озерах Пруссии... Чаще всего с Чертковым в приключения пускался Н.А. Татищев, конрет Конной

гвардии из камер-пажей (ум. 1818 г.). Чертков стал участником нехитрых увеселений деревенских жителей. Сильные весенние разливы рек задержали переправу эскадронов, их вынужденное ожидание было скрашено деревенским балом 23 марта, на котором Гретхен, очень хорошенькая горничная в Целцау — усадьбе «Лейминга, толстого дурака, крестьянина без образования, впрочем, достаточно доброго человека», была царницей, и Чертков вальсировал с ней⁷⁶. 27 марта офицеры провели день в курной избе латыша. 30 марта, пройдя 16 верст, они остановились у пастора Раушхофа и после обеда вечером, когда пришел Квитницкий, играли вместе с ним в бостон. 8 апреля в Поневеже (г. Паневежис — Литва), «очень маленьком городишке, очень грязном», Чертков получил приказ отправиться в Вильно, чтобы получить жалованье на все эскадроны.

После ухода французов Вильно с черными скелетами сожженных домов уже не напоминал цветущий город, на улицах которого заносчивая шляхта приветствовала Наполеона, но в нем «можно было найти все, что необходимо». Из Вильно Чертков проследовал в Ковно (Каунас). Этот путь произвел неизгладимое впечатление на молодого офицера, никогда прежде не участвовавшего в сражениях и теперь впервые направлявшегося на войну. «От Вильно до Ковно дорога усыпана одеждой солдат французской армии: обрывками мундиров, касками, шляпами, седлами, обрубками шпаг и сабель и даже трупами лошадей, которые эта армия оставила при отступлении в ноябре, то есть 5 месяцев тому назад... От Вильно до Ковно все деревни и все помещичьи дома сожжены французами, и никто нам не встретился по дороге»⁷⁷. 20 апреля эскадрон идет к Юрбургу (Юр-

бакас), где ему был сделан смотр генерал-лейтенантом И.В. Гладковым (1766—1832), командиром 2-го резервного корпуса, после чего эскадрон переправился на паромах через Неман. Здесь Чертков отрапортовался больным, поскольку «не мог надеть каску из-за своей головы».

Русские эскадроны вступили на земли королевства Пруссия и герцогства Варшавского и сразу почувствовали значительные перемены в настроениях местных жителей. Если прежде Чертков писал о добром приеме, о том, что их хорошо встречали, то после обеда в усадьбе у прусского помещика неподалеку от Ласденена (ныне Краснознаменск, Калининградской обл.) Чертков записал: «В течение всего нашего похода через Пруссию с нами и нашими солдатами обращались далеко не лучшим образом»⁷⁸. Тем не менее Чертков жаждет впечатлений... Он большой любитель и ценитель театра. В Гумбинене (г. Гусев), красивом городе, «где можно найти все, что хочешь», он удивлялся бродячим комедиантам и фокусникам, в Плоцке, «достаточно красивом городе на Висле», куда эскадроны вошли 8 мая большим парадом, на спектакле он довольно повеселился: «Давали польскую пьесу, а затем балет, настоящий танец лошадей»⁷⁹. Из записей создается впечатление, что наш герой — гурман и большой сластена: в городах он всегда отмечал наличие хороших ресторанов, трактиров, кондитерских, где можно было найти мороженое. Тревожно прозвучала лаконичная запись от 4 мая о том, что Дрезден вновь занят французами. И запечатлелись последние беспечные дни движения эскадронов вперед. В Плоцке любопытство молодых людей привело их на берег Вислы, куда вынесло разливом реки

человеческие трупы, совсем черные и неприятно пахнущие. Поляки полагали, что это были французы из Модлинского гарнизона.

16 мая эскадроны прибыли в Калиш, город на реке Просне, который считался одним из лучших в Польше. Поскольку ротмистр П.И. Кошкуль отправился вперед, то эскадроны Конного полка вошли в Калиш во главе с Чертковым. Русская армия была расположена на тесных квартирах в самом городе и его окрестностях, в Рашкове, в Острове и других местечках до силезских границ. 17 мая Чертков слушал концерт на кларнете, который дал полковой священник Белостокского полка. В городе был превосходный сад, где вечером прогуливался Чертков с товарищами. Здесь Черткову пришлось несколько задержаться, так как его сюртук не был еще готов. Нашел он свой эскадрон только 19 мая. Предпоследняя запись дневника относится к 20 мая, когда эскадроны, перейдя границу Польши, вошли в Силезию. Русские офицеры, отобедав в Трембачево у одного пруссака, отправились купаться. В полумиле от этого местечка они обнаружили кабинет натуральной истории, принадлежавший прусскому дворянину. По оценке Черткова, кабинет этот оказался «достаточно хорош»⁸⁰. На 21 мая записи Черткова оборвались, беззаботная походная жизнь без придиричивого и строгого ока начальства закончилась.

Два резервных эскадрона под командованием ротмистра П.И. Кошкуля 30 мая прибыли в свой полк, размещенный в предместье Гроткау. Конный полк был переформирован из 5-эскадронного состава в 6 действующих эскадронов и разделялся на 3 дивизиона. Чертков был определен во 2-й эскадрон полковника

князя Голицына 1-го (Александра Яковлевича, умер от раны в 1813 г. в сражении под Фридландом), вошедший в 1-й дивизион. С ним вместе в эскадроне служили поручики два брата князя Голицыны, Петр и Григорий Яковлевичи, поручик Ильинский и корнеты Лангел, Щерба, Гнездовский и Гельяшевич⁸¹. Смотр кавалерии был произведен 16 июня в деревне Михелау государем императором, изъявившим свое благоволение. Чертков был дежурным по полку 4 июня, 27 июня, 6 июля, 11 июля. Объявлялся строй 11 июля, 13 июля.

«12 июля Его Императорское Высочество имеет выговор всему полку за сегодняшнее учение», — сообщает книга приказов лейб-гвардии Конного полка. О строгости шефа полка вспоминал А.Н. Голицын: «Константин Павлович не любил шутить дисциплиною и формою одежды. Всю кампанию 1813 и 1814 гг. он сам шел со своими полками, а всего чаще находился при Конной гвардии. Все время похода носил он холодную, не на вате шинель, тогда и помину не было о меховых и бобровых воротниках. Он не позволял и офицерам других шинелей, даже не допускал для себя фуфаяк и курток шерстяных под мундир и другим не любил позволять такие поблажки, а офицерам запрещал строго. О калошах и долгих, подбитых байкою сапогах также помину не было. Курить во время похода позволялось, впрочем, тогда курили только солдаты, а офицерское курение было в моде только в легкой кавалерии, а кирасиры были франты чопорные и чистенькие. Сам великий князь курил сигары уже после, в Варшаве, и то только дома»⁸².

Употребив время перемирия на приведение в исправность своих войск, в июле Александр I осматривал поочередно все расположенные

Император Александр I

в Силезии русские корпуса. 16 июля состоялся парад в его присутствии⁸³.

Во время Плесвицкого перемирия, в августе, к России и Пруссии присоединилась Австрия. Союзным монархам пришлось уступить требованиям фельдмаршала австрийской армии К.Ф. Шварценберга, назначив его главнокомандующим Богемской (Главной) армии, хотя М.Б. Барклай-де-Толли, который сменил Витгенштейна на посту главнокомандующего, был более талантливым военачальником. В распоряжение австрийского фельдмаршала поступили русские и прусские войска Богемской армии. Лейб-гвардии Конный полк, командовал которым граф Милорадович, в составе 1-й кирасирской дивизии под командованием генерал-майора Н.И. Депрерадовича и «под высшим начальством цесаревича» вошел в резерв Богемской армии. Союзники располагали 554 тыс. войск при 1383 орудиях, разделенных на три армии.

Главная, или Богемская, армия, прикрывавшая Вену, имела 235,2 тыс. человек при 672 орудиях (из них 75,4 тыс. русских, 49,3 тыс. прусских и 110,5 тыс. австрийских войск)⁸⁴.

10 августа началось наступление Богемской армии. Шварценберг предполагал сначала направиться к Лейпцигу, но, получив сведения, что в Дрездене находится только слабый корпус маршала Сен-Сира (25 тыс. человек), союзники немедленно изменили первоначальное направление с целью овладеть Дрезденским укрепленным лагерем. Около полудня 13 августа император Александр I и прусский король вместе с князем Шварценбергом обозревали Дрезден с высоты у селения Рекниц. Встал вопрос: штурмовать ли Дрезден немедленно или дождаться подхода остальных войск союзной армии? Шварценберг, который, по-видимому, был склонен проявлять доблесть лишь в отстаивании своих привилегий, а не на поле боя, настаивал на завершении сосредоточения войск. Александр I имел противоположное мнение, но, проявляя деликатность, на этот раз совершенно неуместную, не пожелал обострять отношения с главнокомандующим в самом начале похода и предоставил ему действовать по своему усмотрению⁸⁵.

Наполеон, таким образом, выиграл целые сутки для своевременной поддержки Сен-Сира. Как всегда, действуя в сложной обстановке быстро и решительно, он с основными силами двинулся на помощь осажденным, направив при этом корпус Вандама в тыл Богемской армии с целью заблокировать ее в Рудных горах. В то же время Богемская армия ничего не подозревавшего Шварценберга сильно растянулась на марше, и к утру 14 августа к Дрездену подошло лишь 76 тыс. человек. Уже вступив в

бой с Сен-Сиром, союзники получили известия о подходе основных сил Наполеона, которое вызвало настоящий переполох у командования. «То место, где стояли монархи со штабом своим, уподоблялось шумному народному совещанию». Шварценберг издал приказ о приостановке наступления до 4 часов дня. «Неожиданно» выяснилось, что в случае неудачи штурма Дрездена союзной армии, в которой запасы продовольствия уже были на исходе, придется отступить через Рудные горы по труднопроходимым дорогам, в отрыве от путей снабжения. В итоге от штурма было решено отказаться. Однако этот приказ не был доведен до войск, и с наступлением 4 часов пополудни они возобновили наступление. Через 2 часа Наполеон, собрав силы, перешел в контратаку и отбросил союзников. Тем не менее, ввиду сосредоточения подкреплений, они решились не отступать, а продолжить штурм на следующий день.

В ночь на 15 августа поднялась буря и пошел сильный дождь. Союзные войска провели ужасную ночь под открытым небом, в грязи и холоде, при остром недостатке продовольствия. Днем дождь с сильным ветром продолжались. Люди, лошади и орудия вязли в грязи, пороховые заряды промокли. Кажется невероятным, но, несмотря на такую обстановку, никто не догадался отдать приказ об отмене атаки. (Очевидно, каждому хотелось заставить кого-то другого взять на себя эту неприятную задачу.) Союзники вновь построились в боевой порядок. Центр под начальством Шварценберга и Барклая был расположен в 2 линиях, резервы составили 3-ю линию. Скрытые туманом и проливным дождем уланы и кирасиры Мюрата бросились на австрийскую пехоту⁸⁶, стоявшую на левом флан-

ге союзников, и, воспользовавшись затруднениями союзной артиллерии из-за разразившейся сильной грозы, смяли растянутые войска австрийцев и нанесли поражение австрийской коннице. За Плауэнским оврагом положили оружие 4 полка австрийской армии. На правом фланге французам также удалось потеснить русских. Такое развитие событий вызвало панику в стане союзников. Шварценберг настоял на немедленном отступлении в Богемию через Рудные горы, оставив на поле боя до 20 тыс. человек убитыми, ранеными и пленными. Потери французов составили 13 тыс. человек.

Отступление расстроенной и изнуренной армии началось среди непроницаемого мрака при сильном вихре и дожде, в грязи по колено; только слышны были вопли раненых и ругательства, раздававшиеся на всех европейских языках⁸⁷. При отступлении по дурным после двухдневного ненастья дорогам союзники, и в особенности австрийцы, понесли большой урон в людях и обозах. Решительно отличалось положение дел в русской артиллерии, о чем не без гордости сообщал Александр I графу Аракчеву: «При гибельном отступлении от Дрездена, преследуемые по пятам французами, мы прошли через непроходимые горы с 500 орудий, не потеряв ни одного...»⁸⁸.

Наполеон приказал генералу Вандаму занять город Теплиц (Теплице) в Богемии. В свою очередь Барклай-де-Толли, никогда не терявший, в отличие от своих более спесивых коллег, способности рассуждать здраво, отправил туда же отряд графа А.И. Остермана-Толстого. 17 августа русские заняли Кульмские высоты и отразили первый натиск французов. Однако после упорного боя, длившегося до

полудня, из-за усиливавшегося превосходства подходивших сил неприятеля русским пришлось отступить. Александр I послал на помощь весь резерв кавалерии. Атаки лейб-гвардии Уланского и Драгунского полков опрокинули французскую пехоту. На правое крыло русских позиций подоспела 1-я кирасирская дивизия. Ночь прекратила «рвение свежих наших войск». За исключением кавалерийской атаки в конце битвы, в течение 6 часов сражалась исключительно одна пехота в количестве 12 тыс. человек против постепенно усилившегося неприятеля (до 19 тыс. человек). Успех был добыт дорогой ценой: потери русских достигли 6 тыс. человек. В донесении граф Остерман-Толстой писал: «...приспели кирасирские полки 1-й дивизии, и правое крыло мое стало неодолимо...»⁸⁹.

18 августа весь корпус Вандама был окружен подошедшими за ночь союзными войсками. В центре, у Пристена, во второй линии были сосредоточены 1-я и 2-я кирасирские дивизии. Гренадеры Раевского и войска 2-го пехотного корпуса с Легкой гвардейской кавалерийской дивизией, поддержанные 1-й кирасирской дивизией под личным начальством великого князя Константина Павловича, атаковали стоявшие против них дивизии Мутона-Дюверне и Филиппона. Войска последнего немедленно стали отступать, солдаты Мутона-Дюверне держались дольше, но потом также отошли к горам. Победа была полная и совершенная. Противник потерял 11 тыс. человек, в плен было взято около 12 тыс., союзникам достались 84 орудия и весь обоз. Сам Вандам со штабом был взят в плен. При Кульме чудеса храбрости и стойкости проявили дивизии А.И. Остермана-Толстого, Д.В. Голицына, Н.Н. Раевского,

М.А. Милорадовича. Подлинным героем Кульма стал А.П. Ермолов.

Прусский король, свидетель подвига русских войск, в порыве благодарности приказал наградить всех солдат и офицеров, бывших в строю 17 августа, орденом Железного креста, учрежденным незадолго до этого. Русские герои тут же, прямо на поле сражения, из трофейных кирас, металлических обшивок зарядных ящиков стали изготавливать подобия этого ордена. Впрочем, приближенные Фридриха-Вильгельма III напомнили своему королю, что в самой Пруссии лишь единицы награждены им, а тут сразу почти 12 тысяч русских гвардейцев представлены к такому отличию. 4 декабря указом прусского короля было уточнено, что русские воины награждаются не орденом Железного креста, а просто Кульмским крестом, на котором отсутствовал вензель Фридриха-Вильгельма III и дата «1813». Награды нашли своих героев позднее: только в мае 1815 г. из Пруссии было отправлено в Россию 11 563 креста, в том числе 443 офицерских (покрытых черной эмалью)⁹⁰. При раздаче крестов на параде гвардии в Санкт-Петербурге в отданном графом Милорадовичем приказе от 24 апреля 1816 г. было сказано: «Да умножат сии новые знаки отличия на груди вашей число тех, которые трудами и кровью приобрели вы в битвах за спасение отечества, за славу имени русского и свободу Европы»⁹¹.

За Кульмское дело Чертков был пожалован орденом Св. Анны 3-й степени и Кульмским крестом, а в грамоте о награждении отмечено, что во время Кульмского сражения «отличную храбростию своею ободрял подчиненных к поражению неприятеля»⁹². Младшая, 3-я, степень

ордена Св. Анны, самый младший из всех российских орденов на то время, носилась в виде небольшого, красной эмали крестика в кругу также красной эмали на эфесе или в чашке холодного оружия и выдавалась только за военные отличия⁹³. В ходе Отечественной войны число награжденных Анненским орденом было настолько велико, что в целях экономии было решено изготавливать знаки этой степени из недорогого металла, томпака, причем награжденный получал лишь знак и прикреплял его к уже имеющемуся у него холодному оружию. В 1813 г. в армию был послан 751 такой знак, в следующем еще больше — 1094⁹⁴.

Гвардию берегли, и Кульмское сражение стало для Черткова первым боевым крещением. О чем он думал, что чувствовал он, летя в атаку на французов? И вновь обратимся к письмам Норовых, которые донесли до нас мысли офицеров. «Правда, что трудно в походе, но когда же и служить, как не теперь. Как можно думать о спокойствии и о жизни, когда дело шло до спасения Отечества! Тот день, в который я в первый раз был в сражении, был самый счастливый для меня в жизни. Любовь к Отечеству, вера и честь — вот о чем помышлял я ежеминутно и часто даже не замечал падающие около меня ядра», — писал В.С. Норов своим родителям из Вильны в 1812 г., сообщая о своем первом (так как «до гвардии не доходило дело») сражении под Красным 4—6 ноября, ставшем одним из завершающих эпизодов в разгроме армии Наполеона в России⁹⁵.

В Кульмском сражении 17 августа никаких войск, кроме русских, не было в огне, а 18 августа русские составляли большую часть союзной армии. Память о Кульмском сражении, как горячо надеялись в XIX в.,

не умрет в веках ввиду необыкновенного мужества русских войск и потому, что этот успех дал другой оборот войне⁹⁶. Это была первая победа над французами, при которой лично присутствовал Александр I, поэтому Кульмское сражение до конца жизни государя оставалось для него любимым воспоминанием.

Победа при Кульме имела особо важное значение для подъема духа армии, испытавшей поражение под Дрезденом и затем расстроенной беспорядочным отступлением. В 1816 г. Чертков специально пометил, что в Праге воздвигнут монумент умершим там 45 русским офицерам, раненым под Кульмом⁹⁷. На поле сражения под Кульмом возвышались 3 памятника, впоследствии поставленные монархами союзных держав, войска которых участвовали в разгроме Вандама. Закладка памятника состоялась 17 сентября 1835 г. в присутствии Николая I, императора Фердинанда и прусского короля.

Под влиянием неудач под Дрезденом Австрия заколебалась и была даже готова выйти из коалиции. Но победы под Кульмом и на реке Кацбах укрепили союз. 28 августа (9 сентября) в Теплице союзники подписали новый союзный договор, подтверждавший их готовность продолжать борьбу с Наполеоном. Но союзным войскам пришлось преодолевать постоянную нужду в провизии. В 1813—1814 гг. войска получали продовольствие в натуре, а денег на сей предмет вовсе не отпускали в полки. На Австрию была возложена обязанность доставлять все необходимое своим союзникам. Однако австрийское интендантство, несмотря на сделанные им огромные заготовки, не могло удовлетворить потребности Главной армии;

а страх, наведенный отступлением союзников после дрезденского поражения, заставил австрийцев приостановить подвозы. Значительное число российско-прусских войск, собранных в Силезии, истощило эту страну. Недостаток жизненных припасов, последствие плохих распоряжений австрийского интендантства, подал повод к грабежам и насилиям. Нередко случалось, что сухарные фуры отставали от войска, 4-дневный провиант в ранцах истощался и жизненные припасы по необходимости добывались силой⁹⁸.

В лагере под Теплице, вблизи недавнего поля битвы, 23 августа Конная гвардия участвовала в параде. В приказе по Конному полку значилось: «Его Императорское Величество, к сожалению своему, вынужден заметить господам эскадронным командирам, кроме генерал-майора Арсеньева, что во вчерашнем бывшем параде люди были неопрятно одеты, лошади весьма худо обвьючены и не в белых крестах, равно и замечено Его Императорским Величеством, что люди отступают от формы, имея французские уздечки и на концах оных ремни»⁹⁹. Войска простояли здесь до 25 августа, затем направились к Дрездену. Но так как Наполеон избегал сражений, вскоре опять вернулись в Богемию. Конная гвардия встала лагерем при селении Перуце и только 23 сентября двинулась к Лейпцигу, где Наполеон собрал свою армию в 200 тыс. человек и надеялся не допустить соединения всех союзных сил, нанеся поражение подошедшей к 4 октября Богемской армии (130 тыс. человек). В Лейпцигском сражении, которое было названо впоследствии «Битвой народов», принял участие и Конный полк. В формулярном деле Черткова записано: «октября 4, 5 и 6 числа при г. Лейпциге».

Лейпцигская битва проходила в сложных погодных условиях. В ночь со 2 на 3 октября сильная буря срывала кровли домов, ломала деревья и разразилась страшным ливнем, погасившим бивачные огни. 4 октября было дождливо и мрачно. 5 октября с утра и до вечера почти беспрестанно шел дождь¹⁰⁰. 4 октября пошли в бой войска Барклая-де-Толли, но Наполеон отбил наступление союзников. Успех окрылил Наполеона, и он решил сам нанести удар в центр Богемской армии, проведя мощную атаку четырьмя кавалерийскими корпусами Мюрата. Катастрофа казалась неминуема: пехота союзников была смята, артиллерия во многих местах опрокинута. Но навстречу французской кавалерии была послана из резервов тяжелая конница, частью которой являлась и Конная гвардия. Огонь 300 орудий генерала И.А. Сухозанетта остановил порыв французов. Неукротимая атака неприятеля обратилась в отступление, и обе стороны не произвели ничего решительного¹⁰¹.

5 октября и союзники, и французы ожидали подхода резервов. Союзники к вечеру имели около 306 тыс. человек (русских — 127 тыс.). У Наполеона было 185 тыс. человек. Вечером Наполеон направил предложение о мирных переговорах, но союзники отклонили его. 6 октября упорное сражение возобновилось и продолжалось весь день. Положение сторон мало изменилось к вечеру того дня. Союзники включили в активные действия всего 200 тыс. человек, не трогая 100-тысячный резерв. В ночь на 7 октября Наполеон отдал приказ отступить, стремясь вывести из-под удара свои главные силы. От неожиданности союзники даже растерялись и не сразу атаковали отходивших французов. При вступлении войск союзников

Лейпцигское сражение («Битва народов»). Октябрь 1813 г.

в предместьях Лейпцига к командованию обратилась депутация города с просьбой не начинать уличных боев, дать по возможности французам уйти из города. Однако когда совет монархов потребовал капитуляции, Наполеон отказался. Союзники пе-

решили в наступление и штурмом овладели городом. Наполеон, потеряв 2/3 своих сил, отошел с 70 тыс. за реку Эльстер. Сражение было кровопролитнейшим: потери союзников составили 53 600 человек, из них свыше 22 тыс. русских воинов¹⁰².

После Лейпцигского сражения Наполеон так и не смог оправиться, что позволило союзникам решить перенести театр военных действий во Францию, разделив силы на три армии. Первую, или Главную армию, при которой находились союзные монархи, возглавлял князь Шварценберг. Марш-бросок Богемской армии к Рейну был задуман Шварценбергом с таким расчетом, чтобы австрийские войска предупредили прочих союзников во Франкфурте-на-Майне; император Франц должен был торжественно вступить в этот древний императорский город прежде императора Александра, тем самым приобретая статус главы коалиции. Александр I со свойственной ему ловкостью расстроил расчеты австрийского князя. Русско-прусская кавалерия, получив новые маршруты, двинулась усиленным маршем к Франкфурту. 24 октября Александр прибыл в этот город, сопровождаемый более чем 7500 всадников. На другой день государь принял императора Франца как хозяин, встретил его у заставы и провожал его оттуда до собора. Большинство войск, выстроенных по улицам, составляли русские кирасиры. 25 октября был для конногвардейцев знаменательным днем, поскольку Александр I, принимая австрийского императора в его старинных владениях, отбитых у Наполеона, облачен был в мундир Конной гвардии, впервые одев кавалерийский мундир с момента восшествия на престол. В приказе цесаревича Константина Павловича подчеркивалось, что «такое особенное благоволение к сему полку» должно быть доведено до всех его чинов и что «лейб-гвардии Конный полк, чувствуя сделанное ему государем императором отличие, исполнит в полной мере мое ожидание,

не пощадя во всех случаях излитием последней капли крови»¹⁰³.

Союзная главная квартира находилась во Франкфурте более месяца. На это время город сделался средоточием политических дел Европы и наполнился съехавшимися со всех концов Германии принцами. Конная гвардия встала около Франкфурта, где вместе с другими войсками участвовала в парадах, учениях и смотрах, производимых Александром I в присутствии знаменитых иностранных особ. 19 ноября только один лейб-гвардии Конный полк участвовал в параде в присутствии генерал-фельдмаршала князя Шварценберга.

Между союзниками возникли разногласия. Австрия и Англия готовы были прекратить войну. Меттерних считал нужным сохранить империю Наполеона в противовес России. Россия и Пруссия требовали продолжения войны до окончательного разгрома наполеоновской Франции. По настоянию Австрии Наполеону еще раз были предложены сравнительно благоприятные условия мира. Император медлил. Но, убедившись в невозможности сформировать и вооружить новую большую армию, он дал согласие на проведение конгресса в Мангейме. Однако было уже поздно. Союзники, прождав достаточно долго, отказались от переговоров. Началась новая кампания.

25 ноября 1813 г. Конная гвардия вышла из Франкфурта и до 1 января 1814 г. находилась в постоянном переходе из одного города в другой. 6 декабря участвовали в параде, состоявшемся у города Людвигсбурга, перед его величеством королем Вюртембергским, в присутствии которого 9 декабря полк имел учение. 11 декабря Конная гвардия прошла парадом Штутгарт, 12-го находилась

в Тюбингене, 22-го парадом вошла в город Фрейбург, в окрестностях которого простояла до 30 декабря. 1 января 1814 г., в годовщину переправы через Неман, перейдя Рейн по мосту у Базеля, Конная гвардия церемониальным маршем прошла мимо государя на дороге к Базелю и вступила во Францию. Погода переходу не благоприятствовала: шел дождь, смешанный со снегом, и дул пронзительный ветер. Войскам были даны строжайшие указания о дружественном обхождении с французами и о соблюдении дисциплины. В приказе Баркляя-де-Толли от 16 декабря 1813 г. значилось: во Францию «мы вступаем не для мщения врагам России или завоеваний, но единственно для приобретения общего спокойствия, самими французами столь желанного и чрез так долгое время императором Франции нарушенного...» Через 2 дня для вящей убедительности был отдан новый приказ подобного содержания: «Храбрые воины! Вы победили всех, и вам остается довершить победу над одним властолюбием повелителя Франции, даровать свету мир и с признательностью его возвратиться в недра любезнейшего отечества... Мы должны уверить обитателей ее, что одна честь ведет нас к ним. Храбрость и великодушные были всегда первейшим достоинством воинов»¹⁰⁴.

С 31 декабря 1813 г. начинается 2-я тетрадь Черткова, где он достаточно обстоятельно день за днем заносил свои впечатления от пройденного пути, состояния населения, городов и деревень, через которые прокатывался вал войны. Удивительно, но русский офицер, дворянин не только увидел бедность крестьян, зафиксировав ее на страницах своего дневника, но и попытался вникнуть

в причины их бед. Любопытно, что Чертков непременно отмечал для себя языковые особенности жителей, делал замечания этнографического плана. Тон и характер его наблюдений изменился, что несомненно свидетельствовало о переменах в самом Черткове, испытывавшем воочию горечь поражения, тяжесть отступления, боль утрат своих товарищей, немыслимые прежде тяготы бивачной жизни, голод и холод, ярость атак... Историческая ценность этой тетради обусловлена еще и тем, что о походах 1814 г. почти не сохранилось дневников русских офицеров.

И так, 1 января 1814 г. Чертков констатировал: «Во время марша сегодня мы прошли через владения 3 различных государств: ночевали в курфюршестве Баден, или точнее в Германии, обедали в Швейцарии, а пришли ужинать во Францию. Между прочим, во время обеда швейцарцы не снимают шляп»¹⁰⁵. В Базеле, где русские офицеры обменяли свои бумажные рубли на дукаты и талеры, Чертков отметил наличие довольно хорошей кондитерской и 2—3 библиотек. 2 января был сильный мороз, эскадрон Черткова отдыхал в Мёрнахе, где крестьяне-католики говорили еще на плохом немецком, были бедны и имели очень жалкий вид. 3 января через 7 лье, в деревушке Алондоне, крестьяне-протестанты говорили на наречии, близком к французскому. «В этой стране нет высоких гор, но зато она вся покрыта холмами и пригорками, так что во время всего похода приходилось постоянно то спускаться, то подниматься; склоны, однако, довольно пологие», — записал свои наблюдения Чертков после утомительного дня. И закончил: «Край довольно лесист».

4 января, проделав 7 лье, эскадроны пришли ночевать в деревню у местечка Виллара. Мэр деревни имел библиотеку, и офицеры воспользовались ею, так как, сокрушался Чертков, «нам нечего было читать». В этой части Франции «почти не видно было молодых людей и очень мало тех, которые уже были призваны в национальную гвардию и дезертировали в то время, когда страна была оккупирована союзными войсками». 6 января, совершив 2-часовой переход под дождем и ужасным ветром, эскадроны прибыли в маленькую деревушку Конбержон, полностью разоренную и разрушенную пехотой, жители которой покинули свои жилища. 7 января прибыли в Везуль, город довольно жалкий, по мнению Черткова, но в то же время имеющий 2 библиотеки. 10—11 января был очень сильный мороз, затем снегопад с пронзительным ветром, а в домах, где они останавивались, даже не было печей. Такую Францию никто из русских офицеров себе не представлял. Как замечал А.И. Михайловский-Данилевский, «квартиры наши во Франции были самые невыгодные; дома французов строятся не для зимы, а для лета, и потому холод в горницах их был для нас, привыкших к теплу, нестерпим... Жителей Франции мы нашли несравненно на низшей степени образованности, нежели немцев, а потому удивление почти всех наших офицеров, надеявшихся, по внушениям своих гувернеров, найти во Франции Эльдorado, было неописано при виде повсеместных в деревнях и в городах бедности, неопрятности, невежества и уныния»¹⁰⁶.

Чертков вновь и вновь поражался бедности французских крестьян и их жилищ в тех департаментах, через которые они проходили. «К их

каменным домам можно приложить старую поговорку — «Внешность обманчива»; так как снаружи они имеют еще кое-какой вид, но когда в них входишь, то с трудом находишь угол, где можно расположиться. Большая часть их не имеет пола, в других положена лишь каменная плита, и комнаты очень неопрятные, печи расположены в середине комнаты и вместо тепла дают только дым. Крестьяне не имеют даже свечей: комнаты освещаются лампадами; вместо сапог и башмаков они носят сабо». Мэры, управлявшие деревнями, по отзывам жителей, были хуже сеньоров, которые были до революции, поскольку всячески притесняли их и грабили. Чертков обратил внимание на высокие налоги, которые платили крестьяне. Они взимались даже с каждого окна и двери. В общем, заключил Чертков, местные жители очень были недовольны правительством и особенно Наполеоном, «который был виновником всех их бедствий»¹⁰⁷.

После нескольких дней отдыха Конная гвардия вновь двинулась в путь. 17 января, входя в город Лангр, Чертков обратил внимание на римскую дорогу, по которой они прошли. 20 января, пройдя Бар-сюр-Об, полк расположился на биваках, а Чертков с Жадовским «остались в некоем подобии комнаты, совсем разбитые, но все-таки провели ночь спокойнее, чем на биваках». Чертков констатировал здесь же: «Весь день и следующую ночь шло сражение в 2 лье от нас»¹⁰⁸, то есть при Ла-Ротьере. 20 января 1814 г. русские войска выбили французов из Ла-Ротьера и принудили Наполеона отступить к Лемону, в результате чего открывалась дорога на Париж. Военные историки иногда называют два сражения — 17 января и 20 января — боем при

Бриенне. Через два дня стали известны подробности битвы, и Чертков не удержался и занес сведения об этой победе в свой дневник: «В результате позавчерашнего сражения взято 56 пушек, около 5000 военнопленных, была разбита 70-тысячная армия под командованием самого Наполеона». Записи в дневнике Чертова от 17, 20 и 22 января определенно указывают на то, что он в сражениях 17 и 20 января не участвовал, поэтому отметка в его формулярном списке о том, что он принимал участие в деле при Бриенне 20 января, неверна. Весьма непонятно, почему эта запись вообще появилась в формулярном списке Чертова, ведь все резервы, то есть русская и прусская гвардия, под начальством великого князя Константина Павловича и генерала от инфантерии Милорадовича стояли в 10 верстах от Ла-Ротьера и в 16 от Бриенна.

22 января эскадроны остановились на отдых в деревне Моролль, где не было ни хлеба, ни других съестных припасов, но нашли вино. Здесь офицеры-конногвардейцы были расквартированы вместе с егерями, лейбгвардейскими Литовским и Финляндским полками и кавалергардами. «Наши солдаты вынуждены были находиться на этом подобии биваков весь день», — отметил Чертков.

Проходя деревню за деревней, Александр Дмитриевич все более и более поражен нравом и бедности их жителей. «Французские крестьяне носят балахоны или рубахи из грубой белой или голубой ткани, они их надевают под одежду. В хижине они всегда ходят в шляпах... даже во время обедов; жители городов употребляют пудру, а большая часть крестьян завязывает свои волосы в большие хвосты». О деревне Клеры 30 января появляются следующие

строки: «Здесь начинаются деревянные дома, или точнее говоря, их подобие, состоящее из нескольких балок, расположенных довольно далеко одна от другой, промежутки которых заполнены глиной или известью, смешанной с рубленой соломой. В самых больших из них имеется лишь одно окно, в других вовсе нет ни окон, ни печей, ни пола — вот то, что французы называют своей “прекрасной Францией”¹⁰⁹».

31 января Конная гвардия, выйдя в поход в 4 часа утра, в 11 часов вступала в город Труа, полагая, что путь на Париж уже открыт. Великий князь хотел было устроить парад, однако, к его большому неудовольствию, император полк не увидел. Чертков добавил: «и хорошо сделал», так как «наши солдаты в своих старых мундирах и наши деревенские лошади представляли собой жалкое зрелище». В деревне Павильон конногвардейцев поразили действия баварских войск, которые, «не удовлетворившись полным опустошением и разграблением бедных жителей этой деревни», без всякой надобности «осквернили даже местную церковь». Командир полка генерал-майор М. А. Арсеньев (1780—1838) приказал солдатам ее вычистить. В дневнике Чертков постоянно констатировал разорение местных жителей, чинимое также и австрийскими войсками, от которых французы прятались по лесам. Этнографические наблюдения Чертова сопровождались сопоставлениями с русскими реалиями. Чертков обратил внимание, что «крестьяне не имеют печных горшков, самые бедные из них нуждаются в хлебе, имея 1—2 ломтя в хижине. Тот хлеб, что нам дали в этой части Франции, был совсем черный, и даже наши лошади не съели его ни крошки. Вот они,

французы, которые пришли к нам в Россию; несмотря на их так называемое отвращение к черному хлебу русских крестьян, мы нигде во Франции не могли найти белого хлеба, даже в самых больших городах, как Труа, Лангр и т.д. Только нескончаемые муки голода могли заставить нас взять несколько ломтей их абсолютно кислого хлеба»¹¹⁰.

Поражение, которое нанес Наполеон сильной Силезской армии Блюхера 2 февраля, и нерешительность, двуличие Австрийского кабинета заставили русских несколько раз то отступить от Труа, то опять приближаться к Сене. С 5 до 14 февраля Конная гвардия отступала до Лангра среди опустошенной страны и ночевала на биваках. Солдаты и офицеры страдали невероятно все это время, так как были сильные морозы. Только 14 февраля получили квартиры в Бренне, сделав 10 часов перехода. Чертков отправился с В.К. Кноррингом-младшим (1784—1864) в Лангр, где они очень хорошо пообедали у генерал-лейтенанта Н.М. Бороздина (1777—1830), командира 1-й Драгунской дивизии. 16 февраля Конный полк выступил в поход, так как Главная армия союзников перешла в контрнаступление. 28 февраля Чертков вместе с Татищевым в деревне Нинвиль получили довольно хорошую квартиру, но не было корма для лошадей. С 1 по 6 марта полк проходил через полностью разрушенные деревни, где осталось мало жителей и нечего было есть. Затем вся армия расположилась на биваках на виду у неприятеля. О кампании 1814 г. Ф.Я. Миркович вспоминал, что «в продолжение нашего похода во Франции мы большей частью останавливались на биваках, что довольно было трудно. В зимнее время года хотя снегу почти

не бывает, но холодно, сыро, ветры сильные. Продовольствие было скудное, и трудов и лишений было много. Иногда нас ставили по деревням»¹¹¹.

13 марта началось движение союзников к Парижу. Они располагали для этой цели 170 тыс. войск. В тот же день произошел случайный для обеих сторон двойной бой у Фер-Шампенуаза. Сражение при Фер-Шампенуазе, по мнению военных историков XIX в., представляет интересный, даже блистательный пример победы, одержанной с ходу, без всякой предварительной подготовки, «исключительно конницею над многочисленной пехотой с довольно значительной кавалерией»¹¹². Французские маршалы Мармон и Мортье (17 тыс.), проходившие через Фер-Шампенуаз, маленький городок в Шампани на дороге из Витри через Сезанн в Париж, на соединение с Наполеоном, неожиданно встретили кавалерийский отряд генерал-лейтенанта П.П. Палена¹¹³, шедший в голове корпуса Евгения Вюртембергского — авангарда Главной армии. Кавалерия пошла в атаку, которая была остановлена артиллерийским огнем. Подоспевшая пехота и конная артиллерия из корпуса Евгения Вюртембергского вступили с французами в перестрелку. Между тем Барклай-де-Толли, слыша сильную канонаду в авангарде, приказал лейб-гвардии Драгунскому и Уланскому полкам идти на помощь. Он также хотел послать в бой 3-ю кирасирскую дивизию, но находившийся тогда при нем генерал Н.И. Депрерадович (1767—1843) указал, что эта дивизия по отдаленности не могла подоспеть вовремя, и просил дозволения идти в дело со своими 4 полками, со времени перехода за Рейн еще ни разу не бывшими в огне.

«На полных рысях понеслась 1-я кирасирская дивизия к месту битвы и нашла корпуса французских маршалов отступающими эшелонами к Соммесу». Дойдя до селения Конантре, французы пытались удержать натиск прибывшей дивизии, но напрасно. Кирасиры ворвались в ряды неприятеля и дезорганизовали их сопротивление. Два раза выставленные против русской кавалерии кирасиры Бордесуля были опрокинуты. Французская «Молодая гвардия» неоднократно пыталась выстроить каре, два из них были изрублены, генерал Жамен был взят в плен, а уцелевшие солдаты скрылись в ущельях Конантре, где обошедший их авангард Палена, нагнав панический страх, совершил всеобщий разгром. Конница французов хотела остановить неустойчивые атаки русских кирасир, но была, в свою очередь, смята. Бросая оружие, зарядные ящики и обозы, устилая дорогу убитыми, бежали французы к Фер-Шампенуазу, преследуемые нашими войсками. Разверзшиеся небеса бурей с градом, порывистым ветром увеличили бедственное положение неприятеля¹¹⁴. К.Н. Батюшков описывал Н.И. Гнедичу это сражение так: «На пути мы встретили несколько корпусов, прикрывавших столицу, и под Fer-Champenoise их проглотили. Зрелище ужасное! Вообрази себе тучу кавалерии, которая с обеих сторон на чистом поле врезывается в пехоту, а пехота густой колонной, скорыми шагами отступает без выстрелов, пуская изредка батальный огонь. Под вечер сделалась травля французов. Пушки, знамена, генералы — все досталось победителю. Но и здесь французы дрались как львы»¹¹⁵.

В ходе сражения было взято более 40 орудий: кавалергардами — 6 стволов, конногвардейцами — 6, кирасирами Его Величества — 3,

Сражение при Фер-Шампенуазе.
Скульптор Ф.П. Толстой

лейб-гвардии уланами — 6, лейб-гвардии драгунами — 2, войсками графа Палена — 20. В приказе от 29 марта 1814 г. Барклай-де-Толли отмечал: «Первая кирасирская дивизия и полки лейб-гвардии Драгунский и Уланский в сражении 13 числа с.м. при Лафершампенуазе оправдали совершенно ту уверенность, которую каждый имеет к сему благоустроенному войску при первом на него взгляде. Они, под предводительством Его Императорского Высочества Константина Павловича истребив целые колонны пехоты, овладев значительным числом артиллерии и разбив всю неприятельскую кавалерию, приобрели тем себе неоспоримое право на преимущественное присвоение победы, в сей день одержанной...»¹¹⁶.

В начале боя со стороны французов сражалось около 17 тыс. человек с 68 орудиями против 5 700 человек кавалерии Палена с 36 орудиями. С приходом резервов число союзных войск возросло до 12 тыс. человек с 94 орудиями. Из них только 4 тыс. вюртембергских и австрийских войск. Всего французы потеряли около 11 тыс. человек, из них 6 тыс. было взято в плен, орудий было отбито и найдено на поле сражения 75.

Потери союзников составили 2 тыс. человек. Сражение при Фер-Шампенуазе, значительно ослабив французские войска, облегчило союзникам покорение Парижа. В продолжение всего периода войн с 1792 по 1814 г. кавалерия, как писал М.И. Богданович, никогда не одерживала столь блистательного успеха¹¹⁷.

Чертков записал о бое лишь следующее: «Наш полк был на левом фланге Союзной армии. В 5 часов вечера мы атаковали французскую батарею и, опрокинув войска, которые ее защищали, захватили пушки. Наша армия одержала в этот день решающую победу, и корпус маршала Мортье отступил, мы больше не сомневались в возможности быть в Париже, что и осуществилось спустя несколько дней»¹¹⁸. Поручик Чертков был пожалован орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом. Орден Св. Владимира 4-й степени с бантом — боевая офицерская награда — высоко ценился в русской офицерской среде. Его можно было получить лишь за личную храбрость и воинское умение в сражении. Младшая 4-я степень ордена Св. Владимира в виде небольшого крестика красной эмали носилась на черно-красной ленте с бантом тех же цветов¹¹⁹.

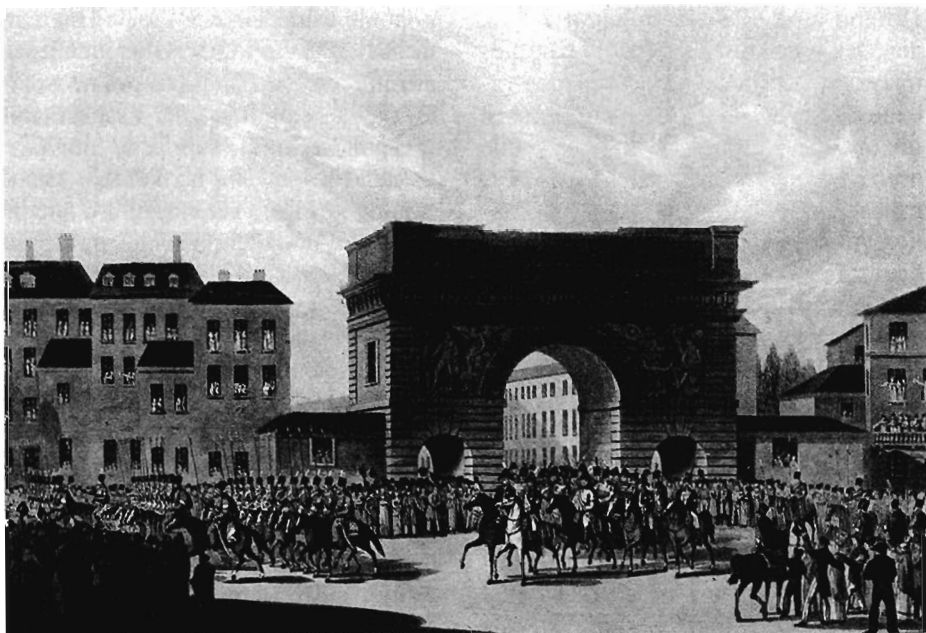
На другой день, 14 марта, в четвертом часу утра войска двинулись к Парижу. Париж — город, который почитался столицей мира, «который в течение веков давал уставы во вкусе, в модах и в просвещении, в котором хранились сокровища наук и художеств и который вмещал в себе все утонченные наслаждения жизни»¹²⁰. Михайловский-Данилевский вспоминал: «Погода во все время благоприятствовала, и мы обыкновенно выступали при первых лучах солнца. Государь в сопровождении прусского

короля, сыновей его, графа Платова, фельдмаршала князя Шварценберга, английского посла Каткарта несколько раз в день объезжал Гвардейский и Гренадерский корпусы, приветствовал генералов и полковых начальников, которые все почти его воспитанники, ибо образовались в гвардии пред его глазами. Громкие и сердечные восклицания «Ура!», барабанный бой и музыка возвещали прибытие Его Величества к каждому полку»¹²¹.

17 марта Париж отстаивали большей частью чужеземцы — поляки. Успех под Парижем был куплен дорогой ценой: союзники потеряли 18 (30) марта 8,4 тыс. человек (в том числе русские — 6 тыс.). В день сражения у Монмартрских высот гвардия, расположенная за Пантеоном и Роменвилем, находилась в резерве, хотя у Черткова в формулярном деле записано: «во время сражения 18 числа при Париже». 18 марта в полковом приказе Конной гвардии значилось: «Завтрашнего числа поутру, к 7 часам, полку быть в совершенной готовности для вступления в Париж в наилучшей чистоте»¹²². «Везде кипела усиленная деятельность, везде воины, прошедшие из конца в конец Европу, чистили одежду, оружие, конскую сбрую, офицеры примеривали лучшие мундиры», — описывал Михайловский-Данилевский тот памятный вечер. «Тайное предчувствие говорило каждому, что война прекращена, и каждый переносился мысленно в отечество свое. В эту минуту торжествовала Россия; общая радость превратилась в безмолвие; у многих видны были на глазах слезы...»¹²³.

19 марта император Александр I в сопровождении союзных ему государей вступил в столицу Франции. Небозримые толпы народа наполняли улицы, кровли и окна домов. Шествие продолжалось более четырех часов.

Вступление союзных войск в Париж. 19 марта 1814 г.

Сначала шли австрийцы. Французы же были поражены необыкновенной красотой русских Гвардейского и Гренадерского корпусов. «Все, что можно сказать о русских резервах, — свидетельствовал генерал-лейтенант маркиз Лондондери (1778—1854), впоследствии член Палаты лордов, — останется ниже действительности. Когда подумаешь о трудах, перенесенных этими людьми, из коих многие, прибыв от границ Китая, в короткое время прошли пространство от Москвы до Франции, исполняешься чувством ужаса к необъятной Российской империи»¹²⁴. Конная гвардия, войдя в Париж через ворота Сен-Мартен, двинулась по бульварам, через площадь Людовика XV (площадь Согласия), причем русские кирасиры заканчивали торжественное шествие. На Елисейских полях войска прошли церемониалом перед союзными монархами, после чего

Конная гвардия заняла отведенные ей казармы Военной школы близ Марсова поля, где также разместились кавалергарды и лейб-гвардии Финляндский полк. «Несколько дней спустя кавалергарды и пруссаки отправились в Версаль, а Конная гвардия и лейб-гвардии Казачий полк остались в Военной школе». Офицеры имели право выбора: жить в казармах или в городе. Чертков предпочел обосноваться в городе, он и Татищев получили квартиры в доме г-на Маргере, улица Сент-Андре, № 35. Через месяц им была предоставлена квартира на другой улице — Августинцев, № 15.

Деньги были розданы по повелению Александра Павловича чуть ли не накануне в размере двойного и тройного жалованья за все три кампании 1812, 1813 и 1814 гг. «Все разбрелось, не приходило в казармы и на квартиры по несколько дней сряду. Остава-

лись при должности только дежурные офицеры. И тут-то вздумал великий князь произвести ученье своему Конногвардейскому полку на третий день вступления. Ему захотелось показать любимый полк свой в блестящем виде французским маршалам. Посылают накануне приказ в полк: никого из офицеров нет. Никто не приходил и к утру. Наконец в 11 часов по приказу полк выезжает, но перед эскадронами всё вахмистры да унтер-офицеры. Великий князь вне себя кричит, мнет шляпу, говорит, что все офицеры по возвращении — под арест на 2 недели. В Париже-то! Узнав про это, император, призвав брата, усоветил его и приказал всех выпустить»¹²⁵, — вспоминал А.Н. Голицын.

«Странную картину являл в то время сей большой город. Врагов, вступивших в него с оружием в руках, большая часть населения столицы приветствовала как освободителей, и это в то время, когда в мире еще гремела слава французов... Правда, сложившиеся обстоятельства объясняют (если не оправдывают) заблуждения, охватившие умы парижан. С одной стороны, все устали от войны; с другой — победители всеми возможными средствами старались заставить забыть о своей победе. В то время император Александр, несомненно, проявил благородные и прекрасные черты характера; напрасно было бы искать в истории другой пример такого великодушия и благородства со стороны победителя»¹²⁶. Александр I «вступил в Париж не при проклятиях и оскорблениях, а при радостных восклицаниях жителей вражеской столицы. Впрочем, возгласы и восторги ветреных, легкомысленных французов менее, нежели ничего»¹²⁷.

Однако жизнь русской армии в Париже не была сплошным вихрем удовольствий и ярких впечатлений.

Н.Н. Муравьев писал: «Во все время пребывания нашего в Париже часто делались парады, так что солдату в Париже было более трудов, чем в походе. Победителей морили голодом и держали как бы под арестом в казармах. Государь был пристрастен к французам, и до такой степени, что приказал парижской национальной гвардии брать наших солдат под арест, когда их на улице встречали, от чего произошло много драк, в которых большею частью наши оставались победителями. Но такое обращение с солдатами отчасти склонило их к побегам, так что при выступлении нашем из Парижа множество из них осталось во Франции. Офицеры также имели своих притеснителей. Первый был генерал [барон Ф.В.] Сакен, который был назначен военным губернатором Парижа и всегда держал сторону французов. Комендантом Парижа сделали графа Л.П. Рохешуара, флигель-адъютанта государева. Он был родом француз и в числе тех, которые в революцию оставили отечество свое под предлогом преданности к своему изгнанному и неспособному королю, но в сущности, как многие судили, с единственною целью миновать бедствия и труды, которые соотечественники их переносили для спасения Франции. Рохешуар делал всякие неприятности русским офицерам, потому и не терпели его. Он окружился французами, которых поддерживал и давал им всегда преимущества над нашими, так что цель государя была вполне достигнута: он приобрел расположение себе французов и вместе с тем вызвал на себя ропот победоносного своего войска»¹²⁸.

Наступила уже Страстная неделя. Александр I пожелал говеть. Последовал приказ по армии, воспрещавший офицерам и солдатам

посещение на это время театров, шумных народных собраний и всяких публичных увеселений. 29 марта, на Пасху, с раннего утра русские войска были расставлены по улицам и по площади Людовика XV. Прекрасная весенняя погода придавала более блеску торжеству. Государь в сопровождении прусского короля, объехав войска, прибыл на площадь, на которой русские священники служили молебен. Государь и все окружавшие его преклонили колена на месте, где за 20 лет до того пролита была кровь французского монарха¹²⁹. Александр I в беседе с князем А.Н. Голицыным так передал впечатление о том молебствии: «На то место, где пал кроткий и добрый Людовик XVI, я привел и поставил своих воинов; по моему приказанию сделан был амвон; созваны были все русские священники, которых только найти было можно; и вот, при бесчисленных толпах парижан всех состояний и возрастов, живая гека томба наша вдруг огласилась громким и стройным русским пением... Все замолкло, все внимало!...

Торжественная была эта минута для моего сердца; умилителен, но и страшен был для меня момент. Вот, думал я, по неисповедимой воле Провидения из холодной отчизны Севера привел я православное мое русское воинство для того, чтоб в земле иноплеменников, столь недавно еще нагло наступавших на Россию, в их знаменитой столице, на том самом месте, где пала царственная жертва от буйства народного, принести совокупную, очистительную и вместе торжественную молитву Господу. Сыны Севера совершали как бы тризну по королю французском. Русский царь по ритуалу православному всенародно молился вместе со своим народом

и тем как бы очищал окровавленное место пораженной царственной жертвы. Духовное наше торжество в полноте достигнуло своей цели; оно невольно втолкунуло благоговение и в самые сердца французские»¹³⁰. Гром русских пушек раздался по Парижу. Конная гвардия имела парады 19 апреля на Марсовом поле, когда Константин Павлович лично раздал награды отличившимся при Фер-Шампенуазе, 22 апреля на Карусельной площади в присутствии нового короля Франции Людовика XVIII и 18 мая на Марсовом поле перед самым выходом войск из Парижа.

В то время как многие просто беззаботно наслаждались парижской жизнью, Чертков изучал ее, стараясь не пропустить ничего важного. Несколько страниц дневника Александр Дмитриевич посвятил описанию Парижа, дворца Пале-Рояль, известного своими ресторанами и увеселительными заведениями («Этот дом — подробная и истинная картина того, к чему приводит разгул страстей»), Отеля Дье, одной из старейших больниц Парижа, основанной в VII в. при соборе Нотр-Дам, церкви Инвалидов. Как завзятый театрал, Чертков не преминул побывать на представлениях во всех 8 театрах города, в которых спектакли начались на второй день по вступлении войск в Париж. Наблюдая в его жителях великую страсть к театру, Чертков удивился отсутствию элементарной нумерации мест на билетах, что порождало между зрителями ссоры, которые часто заканчивались свиданиями в Булонском лесу. Вкусив ожесточение боя и остро почувствовав ценность бытия, Чертков советовал благоразумно покинуть зал, «ибо человеческая жизнь столь коротка, что бессмысленно дать себя убить из-за места в театре»¹³¹.

Чертков, как русский человек, не принимал ту легкость парижан, с которой они превратили после революции капуцинский монастырь в цирк Франкони, где демонстрировалось искусство верховой езды, вольтижировки лошадей. «Прошло уже 20 лет с того времени, как, волею случая, на месте церкви находится конюшня. Разные времена, разные нравы! А старинную церковь на улице Больших Августинцев, сломав купол, превратили в рынок, где продают мясо, птицу и т.д.»¹³². Поразила Черткова красота бульваров и улиц, проложенных при Наполеоне, но вместе с тем он отметил, что многие улицы столицы узки, большинство из них грязны и темны из-за находившихся на них семи- и восьмизэтажных домов. Записал Александр Дмитриевич откровенное признание разговарившегося с ним француза, что большая часть французских священников совершенно не умеет писать.

Протягивали Черткова и лавки букинистов на набережных, где можно было дешево купить прекрасные книги. Он приобрел «Физический словарь» Бриссона — 3 тома, один с таблицами, все — за 10 франков и «Медали в царствование Людовика XV» в четверть листа — за 1 франк, что несомненно свидетельствовало об интересе Черткова к нумизматике. Париж запомнился Черткову не только своими бульварами, театрами, радушием парижан к русским офицерам, веселым их характером, разнообразием увеселений, а также богатейшими в то время музеями, куда были собраны Наполеоном сокровища искусства всей Европы. Чертков не смог забыть французской гильотины на площади Грев, где был построен эшафот. Чертков и его товарищи, заплатив 2,5 франка с

человека, могли видеть из окна соседнего дома, как был гильотирован молодой человек, осужденный за изготовление фальшивых монет¹³³.

18 (30) мая был заключен мир, возвешенный громом орудий. Через 4 дня, 21 мая, Конный полк выступил из Парижа обратно в Россию. По Франции кавалерия шла форсированными переходами и достигла берегов Рейна на 16-й день. Весь длинный обратный путь в 3139 верст полк совершил в 5 месяцев. Третья тетрадь Черткова охватывает период с 20 мая до 8 августа, время возвратного движения русской армии по Европе. Страницы дневника заполнены краткими впечатлениями офицера о дворцах, садах, театральных представлениях, библиотеках и музеях, а также нравах и обычаях жителей городов, через которые проходила Конная гвардия. Заслуживают внимания замечания Черткова, раскрывающие его эрудицию и знания истории. Так, по дороге из Реймса в Шалон, близ деревни Шелль он видел место лагеря Аттилы, вождя гуннского союза племен, который был разбит в 451 г. римскими войсками. Если интересующий Черткова город оставался в стороне от маршрута его эскадрона, то вместо вечернего отдыха он отправлялся туда на экскурсию, а затем нагонял свой полк. Создается впечатление, что в его полку немного было офицеров, так же горячо интересовавшихся всем важным и любопытным на своем пути. И не всегда, вероятно, можно было так спокойно оставить свой эскадрон. Но начальство благоволило к Черткову. Так, он осмотрел вместе с двумя братьями Мирковичами Реймс, где они провели 2 дня. 19 июня полк остановился на квартирах в Бетигейме, а Чертков направился в Вюрцбург, чтобы обозреть дворец, сад

и крепость. 12 июля вместе с Татишевым и А.А. Эссенем¹³⁴ Чертков посетил Потсдам. Во дворце Сан-Суси офицеры бегло осмотрели дом, сад прусского короля и выдающегося полководца Фридриха II Великого (1712—1786). В памяти Черткова осталась его библиотека, содержащая лучших французских авторов времени этого великого человека, его прекрасная картинная галерея и картина Рафаэля «Иисус».

Во всех французских городках, через которые проходил Конный полк: Шалон, Бар-ле-Дюк, Туль и др., были свои театры. В Нанси, «преlestном городе», пока там стоял полк, каждый день давали спектакли. 11 июня в Форт-Луи (старая крепость в руинах на острове) полк по понтонам перешел Рейн. Упоминал Чертков и о превратностях службы, и о непростой дороге домой. 12 июня Конная гвардия прошла Эттлинген и Дурлах, остановившись на отдых в деревне Грёингем, откуда Чертков по прекрасной тополиной аллее отправился в Карлсруэ, где на него произвели впечатление английские сады, разбитые вокруг довольно жалкого, по его мнению, дворца — резиденции великого герцога Баденского. Герцог Баденский содержал зверинец, «и то, что носит это название, состоит из четырех обезьян, пяти фазанов и бобра!». «Зато поели мороженого», — не без удовольствия закончил Чертков свою запись в тот день. А 14 июня Конная гвардия вынуждена была вернуться, чтобы пройти парадом перед ее величеством императрицей Елизаветой Алексеевной (супруга Александра I, урожденная принцесса Луиза Баден-Баденская) и вновь проехать через города Дурлах и Эттлинген, что в общей сложности составило 14-часовой путь¹³⁵. А.А. Закревский жаловался Ворон-

цову: «Я в страшной досаде... от смотров; целый день должен сидеть верхом для проходящих войск»¹³⁶.

26—28 июня маршрут эскадронов проходил через лесистые Тюрингские горы. Если в первый день перехода Чертков восхищался красотой пейзажа — места подвигов доблестных старинных немецких рыцарей, то в последующие дни 10-часовые ежедневные переходы по крутым высоким горам оставили воспоминания тяжести похода. 29 июня не принес облегчения, поскольку русские всадники страдали от жары, «тем более неприятной, что должны были идти в полдень одетыми в кирасы; нам грозил парад в Йене перед великой герцогиней Марией Павловной»¹³⁷, что, к счастью, не состоялось. Чертков представлял себе Йену красивым городом и был бесконечно разочарован, увидев «жалкое местечко». И все же парад имел место 1 июля, после чего эскадроны проделали 10-часовой переход.

Вступив в Саксонию, Чертков отметил, что здешний климат был холоднее, чем во Франции и даже в герцогстве Баденском и Вюрцбурге, где в начале июня русские воины уже ели очень спелые вишни, а в Саксонии они были еще совсем зеленые. Чертков записал также, что они не имели к столу ни огурцов, ни зеленого гороха, а что касается арбузов, то их не нашли нигде во время всего зарубежного похода. «И после этого так хвалят климат других стран: в этом отношении наша южная Россия во многом их превосходит!» 3—4 июля Чертков оставался в Лейпциге, куда специально приехал раньше вместе с Голицыным и Д.Н. Дуровым¹³⁸. Но город не поразил Черткова своей архитектурой. Он посетил его знаменитые книжные базары и кладбище

Иоганнескирхе, на котором покоились «русские генералы и офицеры, убитые здесь или умершие от ран, полученных в битве, которая развернулась под стенами этого города и стала наиболее кровопролитной в этой войне: они умерли за отечество и за царя — смерть, достойная каждого русского»¹³⁹.

14 июля лейб-гвардии Конный полк торжественно вошел парадным маршем в Берлин через Бранденбургские ворота, на которые уже водрузили колесницу, отбитую у французов в Париже. Чертков провел в Берлине несколько дней, догнав свой полк лишь 24 июля. Берлин, «очень славный город, построенный в современном стиле», понравился ему своими широкими улицами, великолепными местами для гуляний, двумя театрами, банями на Шпрее, напротив дворца, «которые превосходят даже парижские». Удивился русский путешественник простоте убранства Малого дворца, где обычно проживал король, и отсутствию в некоторых комнатах паркета. После переправы через Вислу на пароме 4 августа Чертков только записал маршрут движения своего полка через города, которые ныне входят в Польшу, Литву, Латвию, Эстонию, а затем через Псковскую и Петербургскую губернии до Петербурга. Вероятно, за время пути не случилось ничего достойного внимания. 14 октября в Красном селе Конный полк удостоился посещения императрицы Марии Федоровны и 18 октября вступил в Петербург через триумфальные ворота, пройдя церемониальным маршем мимо графа Барклай-де-Толли. Полк разместился в своих казармах. Но память о триумфе русского оружия над войсками Наполеона участники Заграничных

походов, в том числе и Чертков, который был награжден медалью за взятие Парижа 1814 г., пронесли через всю жизнь. Каждый год они отмечали 19 марта — победоносное вступление русских войск в Париж.

Петербург 1815—1822 гг.

И вновь началась привычная служба в Конном полку, который теперь состоял из 6 действующих эскадронов и 1 запасного. В начале века отпуск и любая отлучка с места службы были крайне затруднены. Впервые отпуск военнослужащим был разрешен в 1809 г., а в 1815 г. были изданы правила об отпусках, согласно которым с 1 сен-

Вид Конногвардейского манежа в Петербурге

тября по 1 апреля, но не более 4 месяцев, мог предоставляться отпуск с разрешения командующего армией или отдельным корпусом. Не требовалось теперь особого монаршего позволения, государю представляли лишь сведения об ушедших в отпуск офицерах. В кавалерийском полку могли отпускать одновременно только 3 штаб-офицеров и 7 обер-

офицеров, если при этом оставались в полку не менее 7 и 38 офицеров соответственно. Правом предоставления отпуска в 28 дней обладали все корпусные командиры¹⁴⁰. При первой же возможности Чертков отпра- сился в отпуск на 3 месяца к своим родным, с 5 января 1815 г., и явил- ся в полк в срок. За время службы А.Д. Чертков приобрел уважение своих товарищей и начальства чест- ностью и скрупулезной аккуратнос- тью в отношении денег, которые ему доверяли в полку. Неудивительно, что 18 июня 1815 г. Чертков был из- бран полковым казначеем по резуль- татам выборов всеми офицерами, в этой должности он оставался в 1816 г. Последовало по открытии вакан- сий и положенное повышение: 18 августа 1816 г. Чертков был пожало- ван штабс-ротмистром, 25 октября 1819 г. — ротмистром. 12 декабря 1816 г., в день рождения государя, было увеличено жалованье офице- рам от прапорщика до полковника включительно: вторжение Наполео- на разорило многих помещиков, после 1812 г. жизнь в России сильно вздорожала и служить на одно казен- ное жалованье стало трудно¹⁴¹.

В 1815 г., по причине бегства На- полеона с острова Эльба, русская гвардия 1 июня должна была вновь двинуться в поход к западным гра- ницам империи, но была вскоре приостановлена, так как участь На- полеона была решена в битве 6 июня 1815 г. при Ватерлоо. 1 августа полк расположился в местечке Аванте и по восстановлении Бурбонов 1 сен- тября выступил обратно. 17 октября прибыл в Петербург.

В первых числах декабря 1815 г. государь возвратился в Петербург после вторичного продолжительного отсутствия. Александр I «начал показывать себя вновь взыскатель-

ным и строгим: всем гвардейским и другим военным офицерам запретил носить гражданское платье, находя- сие вредным для дисциплины»¹⁴². Ужесточение дисциплины шло бок о бок с усилением плац-парадности, которая развивалась в русской армии со времен Павла I. Александр I уна- следовал от своего отца истую страсть к парадам. Августейшее пристрастие встречало осуждение в среде боево- го офицерства, чьи дни были теперь заполнены бесконечными учениями, парадами. Мнение о боеготовности полка определялось в результате ин- спектирования его именно на смотре и параде. От выгоды впечатления зависела карьера офицеров. Даже це- саревич Константин Павлович кри- тически относился к петербургским фрунтовым увлечениям, которы- ми увенчались многолетние войны с Наполеоном. Характерны сообще- ния Закревского из Петербурга: 1 ноября 1816 г. — «У нас всякий день разводные ученья гвардии», 9 января 1817 г. — «У нас, кроме ученья, ниче- го нового нет»¹⁴³.

Общегвардейские парады прохо- дили в начале лета и осенью. 19 марта 1816 г. состоялся парад в память взя- тия Парижа, которым командовал сам государь. Полковой праздник Кон- ной гвардии, 25 марта, непременно сопровождался парадом. Обязатель- ны были парады войск на Крещение, когда «все полки кавалерии соби- рались на Исаакиевской площади. Полк за полком, имея кавалергардов впереди, по приезде государя шли на Дворцовую площадь и становились на ней густыми колоннами лицом к Дворцу. Когда церковная процессия проходила мимо войска, все штан- дарты спешивались и при адъютанте и 2 офицерах пристраивались к ней и следовали на иордань, где распо- лагались кругом ее на всем времени

Празднование 2-й годовщины вступления русских войск в Париж. 19 марта 1816 г.

водоосвящения. После штандарты возвращались к полкам, и парад оканчивался церемониальным маршем». На Пасху (1816, 1817, 1819 гг.) войска расставлялись кругом всей Исаакиевской площади и по улицам, примыкавшим к ней. Первый церковный парад происходил в 1815 г. в присутствии государя. Конногвардейский полк был выстроен на Исаакиевской площади спиной к Сенату и правым флангом к Исаакиевскому собору. После молебна государь посетил казармы полка. Конногвардейцам постоянно приходилось демонстрировать свою великолепную выучку не только в верховой езде, но

и в умении печатать шаг и вытягивать носок. В приказе великого князя Константина Павловича сообщалось о церковном параде 25 марта 1815 г., «в котором полк очень был опрятно одет, амуниция в совершенном порядке, люди чрезвычайно выправлены... маршировали очень хорошо, не уступая даже пехоте!»¹⁴⁴.

О том, скольких трудов стоила великолепная выучка, вспоминал барон фон Каульбарс, мечтавший о Конной гвардии и наконец поступивший в полк в 1816 г. По приезде шефа полка из Варшавы Конная гвардия была срочно переведена в Стрельну, где Константин Павлович разместился

в своем дворце. Он лично «производил учения и особенно усердно готовил эскадроны для парада, назначенного в Петергофе 22 июля. Более всего беспокоил его прием и отвод штандартов, и он лично наблюдал и проверял, чтобы все делалось строго по уставу, и редко проходил день, чтобы командовавший взводом офицер не попадал на несколько дней на гауптвахту. Когда празднество 22-го в Петергофе окончилось и в особенности когда развод удостоился благодарности государя Александра I, великий князь совершенно изменился, вся его нервность пропала, он сделался любезен со всеми и даже с улыбкою смотрел сквозь пальцы на шалости, которые юнкера позволяли себе даже в его присутствии»¹⁴⁵.

В начале июня 1817 г. проводились кавалерийские учения¹⁴⁶, а в конце месяца в Петербург прибыли их королевские высочества принцесса Шарлота, нареченная невеста великого князя Николая Павловича, и принц Вильгельм Прусский. 23 июня Конной гвардией было произведено учение на Семеновском плацу при государе, 30 июня на Семеновском плацу был большой парад всей гвардии. В день бракосочетания Николая, 1 июля, все офицеры находились у выхода из Зимнего дворца¹⁴⁷. После столь напряженного лета Чертков получил разрешение на 4-месячный отпуск с 28 сентября 1817 г.

В мае 1818 г. Закревский сообщал: «У нас делаются страшные приготовления к принятию прусского короля, и парадов разного рода будет довольно»¹⁴⁸. 19 июня Двор переселился в Царское Село, а 22 июля состоялся торжественный въезд прусского короля Фридриха-Вильгельма III и наследного принца Вильгельма в Петербург, в котором начались празднества: смотры, парады, при-

емы, балы, катанья по островам, посещения институтов. 5 июля король выехал из Петербурга в Гатчину, а затем в Берлин. Для празднования 5-летней годовщины Отечественной войны в Москву, где должен был быть заложен храм Христа Спасителя и открыт памятник Минину и Пожарскому, двинулись 4 сводных полка гвардии, в которые вошли первые эскадроны кавалерийских полков. Императорская фамилия отбыла из Петербурга, и город сразу же опустел. Оставшиеся гвардейцы тут же почувствовали ослабление в дисциплине, что отразилось на строгости формы: «все ходят в рейтузах»¹⁴⁹. В Петербург Александр I возвратился только в конце декабря 1818 г.

В летнее время полки гвардии было положено каждый год выводить в лагерь для приучения войска к сему роду службы. Но только с 1819 г. постоянным местом лагеря было назначено Красное Село. Лагерные занятия были следующие: в 6 часов утра все офицеры присутствовали при чистке лошадей, в 9 часов все штаб- и обер-офицеры должны были находиться у развода в полной форме, в 4 часа все штаб-, обер- и унтер-офицеры и вахмистры собирались у штандартного караула для принятия пароля и лозунга, в 6 часов все офицеры были при чистке лошадей. В 9 часов вечера в полной форме находились у зари. Лагерные занятия всегда оканчивались маневрами, производившимися у Красного Села. План весь зависел от личного распоряжения шефа и изменялся каждый год. Конная гвардия размещалась в слободе Павловской. Тут сначала производились учения полковые, затем дивизионные, и, наконец, государь производил учение всей кавалерии и оканчивал лагерь маневрами, после чего Конная гвардия возвращалась в Стрельну¹⁵⁰.

К столь подробным описаниям служебных занятий конно-гвардейцев, показывающим, что гвардейская служба представляла собой труд, и весьма нелегкий, можно только добавить несколько слов о военной форме. Она была необыкновенно красива и составляла предмет гордости каждого офицера. Но при своем великолепии конногвардейская парадная форма была чрезвычайно неудобна, поскольку стесняла движения и сидеть в ней не доставляло удовольствия. Бесподобные белые рейтузы из лосиной кожи надевали влажными, чтобы они идеально облегли фигуру. Барон Велио вспоминал о караулах в Зимнем дворце у императрицы Марии Федоровны: «Наша кирасирская форма с ее лосинами, ботфортами очень мучительна, мы к вечеру часто изнемогали и рады были вздохнуть свободно в трубной, где солдаты обедали и воздух был далеко не удовлетворительным, но все же можно было несколько отдохнуть»¹⁵¹. В гвардии начала проводиться унификация не только формы, но даже и внешности солдат. В лейб-гвардии Преображенский и Кавалергардский полки стали подбирать рослых светло-русых солдат, в Конный и Семеновский — брюнетов, а в Павловский в память об августейшем начальнике — курносых блондинов, в лейб-гвардии Кирасирский Ее Величества — рыжих. До 1823 г. лейб-гвардии Конный полк был на лошадях разных шерстей, с 1823 г. ему назначено было иметь только вороных лошадей.

Это служба. А что вне ее? Чем заполнен досуг офицера? Продолжал ли Чертков столь же интенсивно прежнюю светскую жизнь? Заграничные походы одарили русских офицеров богатыми впечатлениями неизведанной жизни. И большой свет переменялся. «Быть неутоми-

мым танцовщиком, в разговорах с дамами всегда находить что-нибудь для них приятное, в гостиных при них находиться неотлучно — все это перестало быть необходимостью. Требовалось более ума, знаний, маленькое ораторство начинало заступать место комплиментов»¹⁵².

Время это было поистине удивительно. Был разбужен интерес русского общества к прошлому своего отечества. «В начале 1812 г. все принялись было у нас за русскую историю, тогда беспрестанно выходили сочинения по сей материи, журналы завалены были историческими изысканиями, а в обществе говорили и спорили только об отечественной истории как о науке модной»¹⁵³. Война 1812 г. возвысила мнение русских о самих себе и о своем отечестве. Патриотический порыв молодых дворян, прошедших военными дорогами по многим странам Западной Европы и познакомившихся воочию с порядками других народов, выразился и в глубоком желании познать историю своего отечества, а также древнюю историю Греции и Рима, классических образцов демократических республик. Многие офицеры, осознав недостаточность своих знаний, взялись за книги. Известный декабрист князь С.П. Трубецкой вспоминал, что «члены “Союза Благоденствия” понимали, что действия их на отечество не могут быть полезными, если они не будут иметь верных и подробных сведений о состоянии его и не приобретут познаний в науках, имеющих целью усовершенствование гражданского быта государств». Профессор К.Ф. Герман (1767—1838) с 1817 г. читал декабристам курс политэкономии. «Вскоре государь потребовал сведений от полковых командиров о тех офицерах, которые слушали курс, и по хорошему о них отзыве нашел

очень странным это необыкновенное явление и несколько раз повторял слова: «Это странно! Очень странно! Отчего они вздумали учиться?»¹⁵⁴.

Посещал ли Чертков какие-нибудь лекции — не известно. Но его воронежские учителя, в первую очередь незабвенный Г.П. Успенский, привив вкус к историческим изысканиям, научили его самостоятельной работе с книгой. Самообразование в течение всей его жизни сделалось основным источником пополнения знаний. И несомненно, что подобные настроения, разлитые в обществе лучших русских офицеров, стимулировали и усердие Черткова при изучении родной старины. В его архиве сохранились многочисленные тетради, куда он, памятуя мудрые наставления Успенского, вносил пространные выписки и комментарии к прочитанным книгам и журналам. Сколько таких тетрадей на самом деле было заполнено Чертковым, не известно. Но из дошедших до нас самая ранняя, начатая в мае 1816 г., тетрадь «Notes sur l'histoire de la Russie» («Записки по истории России») характеризует ее автора как уже вполне состоявшегося специалиста со своим мнением по многим спорным вопросам в истории России. Несмотря на строго указанную тему тетради, записи Черткова включали сведения и о славянах, причем имелось очень много выписок, посвященных непосредственно болгарам — их происхождению, языку, а также поселению в Бессарабии болгарских и сербских колонистов.

Из этих заметок явствует, что Чертков предъявлял жесткие требования к трудам, претендовавшим называться историческими сочинениями. Он порицал авторов исторических сочинений за «невы-

держанность», то есть ненаучность изложения, которое часто наполнялось вымыслами, а не было сведено с летописями. Он не одобрял отсутствия карт в книгах и дат в повествовании, ссылок и указаний о месте нахождения манускриптов, сведения из которых приводятся в книгах. По отдельным замечаниям Черткова выявляется его весьма гибкая и разумная позиция по ведущейся в те годы дискуссии о развитии русского литературного языка — основы национальной культуры. Чертков находил рациональное зерно в критике президентом Российской академии адмиралом А.С. Шишковым «великих охотников до иностранных слов, кои легко могут быть заменены русскими»¹⁵⁵. С другой стороны, Чертков был противником иной тенденции — слишком испещрять свой слог славянскими словами, которые «в нашей русской литературе со времен Тредиаковского никто не употребляет». «Есть люди, которые, вмешав в нынешние наши русские слова несколько славянских речений и переиначив некоторые слова... воображают, что из сего выходит высокий слог; но, по моему мнению, они очень ошибаются, ибо никто не заставит нас в XIX столетии (ни даже сама Академия) писать тем штилем, которым писали наши предки»¹⁵⁶.

Чертков улыбался, встречая «порывы излишней чувствительности» при изложении истории России авторами начала века, подчеркивая не без удовольствия, что «благодаря просвещению теперь сие вышло из употребления». Чертков допускал возможность сентиментальности в описаниях путешественников, «лишь бы только исторические сочинения были бы от оных избавлены»¹⁵⁷. Качество исторического труда сильно

теряло в его глазах при обнаружении им множества фактических ошибок, например в труде И. Богдановича, «уважаемого творца “Душеньки”». Чертков подчеркивал при этом, что «можно быть хорошим поэтом и дурным историком»¹⁵⁸. Александр Дмитриевич был наделен определенным лингвистическим чутьем. Он внимательно следил за научной дискуссией о происхождении русского языка, который сравнивали с латинским языком, с греческим, с санскритом, «и действительно находили с ними некоторое сходство. Все сие служит к подтверждению, что все языки происходят из одного общего источника и должны иметь между собой некоторое сходство»¹⁵⁹. Не получив специального филологического образования, Чертков тем не менее всегда с подчеркнутым интересом относился к подобным изысканиям.

Чертков понимал, сколь велико было значение хорошего исторического сочинения в воспитании подрастающего поколения. В своих заметках он особо выделял подобные книги, как, например, «Твердость духа некоторых россиян» (СПб., 1803): «Желательно матерям семейств предписать чтение сей книги своим детям, из коей они узнают не только свойства великого духа наших соотечественников, но научатся с малолетства почитать бессмертного Петра»¹⁶⁰. Напротив, Чертков резко порицал произведения наемного пера, площадное марание «единственно для наполнения желудка» (например, «Суворов и казаки в Италии». Перевод с немецкого. М., 1802)¹⁶¹.

В этой тетради, начатой в 1816 г., однако, не помещены выписки из монументальной «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина (1766—1826), первые восемь томов которой появились как раз в

Александр Дмитриевич Чертков.
Начало 1820-х гг. Художник П.Э. Рокштуль. ГИМ

эти годы — в 1816—1817 гг. Не может быть, чтобы это сочинение, составившее целую эпоху в исторической науке тех лет, было пропущено Чертковым, тем паче, что, как явление грандиозное, оно было встречено не только восторженно, но и породило критику, о которой в работах советского периода столь любили писать. Хочется вспомнить отповедь П.А. Вяземского на замечания историка Н.Г. Устрялова: «Прежде нежели ловить ошибки в труде Карамзина, оцените сей труд, потому что он еще не довольно оценен и постигнут в народе... Есть всему время; время критики придет и должно прийти, да выто, дурачье, не суйтесь вперед, чтобы выказывать свои полужнания, полумысли, полудогадки! Карамзин — наш Кутузов Двенадцатого года: он спас Россию от нашествия забвения, воззвал ее к жизни, показал нам, что у нас отечество есть, как многие узнали о том в Двенадцатом году... Ваши замечания не заставят народ полюбить свою историю, а без любви кому

нужда и в ваших критических воззрениях, будь они и справедливы, и светозарны. Все, что не вовремя, все то нелепо»¹⁶². Выписками из «Истории государства Российского» наполнена не одна тетрадь Черткова, но эти тетради появились позднее. Забегая вперед, следует отметить, что Чертков, воздавая должное труду Николая Михайловича, всегда в своих исследованиях отталкивался от его достижений в историографии. В целом, тетрадь от 1816 г. свидетельствовала о регулярных кабинетных занятиях Черткова и о той высокой планке профессионализма, с которой он подходил к оценке трудов по истории.

Углубляясь в исследования исторического прошлого своего отечества, Чертков стал активно пополнять свою библиотеку, и не только книгами, но и рукописями. Так, в его коллекции появился «Хронограф редакции 1512 г.», купленный 30 июня 1817 г. в Петербурге у Плавильщикова¹⁶³. И может быть, однажды вечером, раскрыв свежий номер журнала «Сын отечества» за 1817 г., он внимательно прочитал «Предложение об учреждении русского национального музея» Ф.П. Аделунга. Академик объединил в первом разделе музея — «Литература и искусство» — библиотеку, собрание рукописей, карт и планов, собрание статуй, бюстов, барельефов, картин, рисунков и гравюр. Библиотека, по мнению автора, должна была заключать в себе «сколь возможно полное, систематическим порядком расположенное собрание всех книг, напечатанных на русском и иностранных языках о России»¹⁶⁴. Идея грандиозная! Но возможно ли, под силу ли одному человеку ее осуществить?

Поиск и покупка нужных книг по истории России сопровождалась приобретением старинных русских

монет. Советский историк А.И. Немировский считал, что Чертков еще в Воронеже под влиянием Успенского начал собирать древнерусские монеты¹⁶⁵. Сам же Чертков заметил как-то, что в 1833 г. он привел в порядок свою коллекцию древнерусских копеечек, собираемую им в течение 20 лет¹⁶⁶, то есть приблизительно с 1813 г., а не ранее. Интерес к нумизматике, отмеченный уже в Париже, превратился в научное коллекционирование, которое требовало, помимо определенных знаний и навыков, весьма ощутимых капиталовложений, поскольку до 1820 г. Черткову приходилось платить по 50 руб. ассигнациями «за обыкновеннейшие и даже полустертые московские и тверские медные монеты». «Столь они были тогда редки, — писал Александр Дмитриевич, — что почти, можно сказать, они не существовали в наших нумизматических собраниях. Пулы других княжений были совсем не известны, кроме Смоленского, изображение которого сохранилось в одной немецкой книге». В начале 40-х гг. XIX в. Чертков констатировал отрядные изменения для собирателя: «Устройство шоссе между Москвой и Тверью есть эпоха появления такого множества тверских и московских пул, что их уже можно было покупать по рублю и даже 50 коп. ассигнациями за каждое. Ныне начатые шоссе по разным направлениям от Москвы (во Владимир, Рязань, Тулу, и проч.) доставили нам не только уже много пул обоих великих княжений, но даже и удельных. Будем надеяться, что железная дорога между обеими столицами кроме бесчисленных выгод другого рода для Северной России обогатит и русскую нумизматику теми монетами, которые до сих пор хранятся в земле»¹⁶⁷.

В архиве Черткова сохранилась тетрадь, в которую были внесены отрывочные заметки и выписки о русских монетах, каталогах русских медалей Беляева, барона С.И. Шодуара (1817 г.). В мае 1822 г. у Черткова в его коллекции насчитывалось «539 медалей, 392 копейки, а также 1993 монеты золотые, серебряные, медные и прочие»¹⁶⁸. Однако груды монет надо было превратить в настоящую коллекцию. Но как? Никаких пособий, справочников, хронологий не существовало. Насущная потребность классифицировать свою коллекцию заставила Черткова проделать колоссальную работу: он разобрал неясные, полуистертые надписи, отождествил монеты с княжествами и князьями и создал каталог, да какой! Опубликованный позднее, он получил высочайшую оценку у специалистов. «Каждый нумизмат, занимавшийся монетами удельно-вечевого периода, знает, какую трудность представляет определение монет XIV—XV вв.: надписи кратки, нередко имя князя стоит без отчества или встречается ряд монет с одинаковыми именами князей, но, несомненно, разных княжеств, затем несовершенство чекана и разные другие причины, заставлявшие прежних нумизматов во многих случаях становиться в тупик или давать ни к чему не пригодные объяснения. Все такие затруднения были в значительной степени побеждены Чертковым, ставшим, таким образом, руководителем в разработке нумизматики удельно-вечевого периода»¹⁶⁹, — писал замечательный ученый А.В. Орешников (1855—1933) в самом конце XIX в. Следовательно, уже в те годы у ротмистра лейб-гвардии Конного полка А.Д. Черткова выявился дар научного исследования, систематизации

и обобщения при обширнейших познаниях русской истории и нумизматики. Впрочем, неизвестно, сколь серьезно сам в то время Чертков рассматривал свои опыты в исторических изысканиях, как увлекательный научный досуг или...?

Книги, монеты, история... Но в эти годы русское общество было охвачено предчувствием важных событий в своей собственной стране. Государь даровал конституцию Польше. В России также ждали грядущих перемен и размышляли о возможном содержании будущей русской конституции. Печатались статьи и произносились речи «о политической свободе как о последнем и прекраснейшем даре божьем»¹⁷⁰. Бичевалось крепостное право. Критиковались заводимые жесткой рукой военные поселения. Возникали первые декабристские организации, плодились масонские ложи. О декабристах, о «Союзе Благоденствия» и о Черткове мы будем говорить особо, но позднее. А здесь коснемся вопроса о его причастности к масонству.

С 1810 г. было формально разрешено масонство. «Оно понравилось своею новизною; любопытство, дух братства, произведенный тогдашними обстоятельствами и пришедший к нам из Германии, многих людей привлекали к нему... Вся сила его сосредоточилась в Петербурге», — засвидетельствовал Вигель¹⁷¹. Появилась таковая организация и в Конном полку. Ф.Я. Миркович вспоминал, что сперва надо было быть принятым в главной ложе «Соединенных друзей», из нее поступить в частную полковую ложу, в которую назначался старшиной один из масонов. В Конной гвардии ротмистр Сарачинский был назначен старшиной в ложу, получившую название «Северные друзья», в воспоминаниях Н.Н. Муравьева-Карского —

7 А.Д. Чертков (1798-1858).

«l'Ordre militaire», в других документах — «Военная верность»¹⁷². Она была немногочисленной — не более 10 офицеров. Прием в ложу был, по мнению Мирковича, театрально комический. В конце процедуры неопит должен был произнести присягу в сохранении глубокой тайны относительно всего, что будет происходить в собрании ложи. После присяги надевали на него масонский фартук, и провозглашенный масоном новый член общества обходил всех присутствующих для братского лобызания. Старшина Сарачинский собирал свою ложу не более одного раза в месяц, и это собрание не имело другой цели, как покутить. Устраивался богатый ужин по подписке, за которым все предметы имели особые названия, например, бокалы назывались пушками, вино — порохом. Речей за столом никогда не было. Так и кончались эти таинственные заседания, которые всегда много интересовали людей, не принадлежавших к ложе. Отношение же Мирковича было двойственным: он полностью соглашался со Столыпным и Орловым, которые «с жаром и очень основательно говорили против масонства», как это было за обедом в Вильно (28 мая 1812 г.), куда направлена была гвардия в преддверии войны с Наполеоном. Но Миркович «должен был молчать и с досады кусал себе губы», а с другой стороны, продолжал принимать участие в масонских работах¹⁷³. Н.Н. Муравьева-Карского, например, в эту ложу звал поручик князь Андрей Борисович Голицын (в 1817 г. флигель-адъютант, в 1819 г. ротмистр, полковник, в 1828 г. генерал-майор), у которого одно время собирались члены масонской ложи Конного полка. Впоследствии он слышал от настоящих масонов, что эта ложа была шутовс-

кая¹⁷⁴. Был ли Чертков членом этой ложи — не известно.

В 1814 г., когда русские войска вступили в Париж, множество офицеров приняты были в масоны и свели связи с приверженцами разных тайных обществ¹⁷⁵. Гораздо позднее, по возвращении из Франции после 1815 г., в стране наблюдалось оживление масонской деятельности, появление новых лож и увеличение численности их членов. Увлечение масонством было повальным, друзья, товарищи по полку звали в тайные общества. Взаимоотношения в светском обществе, литература — все насыщено было символикой вольных каменщиков. Прежде чем вступить в масонскую ложу, кандидаты проходили длительную проверку, состоящую из 3 ступеней. Кто-то из масонов должен был предложить «профана» к принятию в Орден вольных каменщиков. По прошествии двух недель все члены ложи клали в специальную урну белые или черные шары. В случае положительного итога голосования происходила 3-я ступень — посвящение. Поддавшись веяниям времени, Чертков вступил в ложу «Трех добродетелей» 26 мая 1819 г. в качестве ученика. Он был посвящен по рекомендации сослуживца флигель-адъютанта князя Ан. Б. Голицына, который в 1819 г. являлся первым надзирателем ложи, и ему Чертков был поручен¹⁷⁶. Почему Чертков так поздно, только в 1819 г., вздумал стать масоном? Почему он выбрал именно эту ложу?

Ложа «Трех добродетелей», основанная в ноябре 1815 г., в отличие от других лож, употреблявших французский или немецкий языки, перешла в конце 1816 г. на русский язык, что делало ее привлекательной в глазах многих, на что, например, указывал П.И. Пестель, обос-

новывая свой переход в эту ложу¹⁷⁷. В 1817—1818 гг. сам государь Александр I посетил ложу «Трех добродетелей»¹⁷⁸. В нее желал быть принятым А.С. Пушкин¹⁷⁹. К участию в ложе пытались приохотить и других молодых поэтов: ее заседания посещали Н.И. Греч, К.Ф. Рылеев, членами ложи должны были стать Н.И. Гнедич, К.Н. Батюшков¹⁸⁰. Знак ложи «Трех добродетелей» — якорь. Зеленая муаровая лента означала надежду на осуществление идеально-нравственных целей ордена¹⁸¹.

Историю ложи «Трех добродетелей» не обошли своим вниманием многие известные ученые, такие как А.Н. Пылин, Т.О. Соколовская, Н.М. Дружинин, М.В. Нечкина, поскольку в нее входило множество лиц, принимавших участие в движении декабристов: князь С.Г. Волконский, князь П.П. Лопухин, князь И.А. Долгорукий, князь С.П. Трубецкой, М.И. и С.И. Муравьевы-Апостолы, Н.М. Муравьев, А.Н. Муравьев, Ф.П. Шаховской, П.И. Пестель и др. В своих трудах Нечкина доказывала, что «Союз Спасения» был независим от масонства. А.И. Серков выявил эволюцию ложи «Трех добродетелей». Он твердо заявил, что «внутри нее происходил процесс вычленения собственно декабристских идей, процесс формирования состава организации первых русских революционеров»¹⁸². Однако к моменту вступления в нее Черткова ложа претерпела сильные изменения. Она потеряла характер масонского союза военной молодежи, преимущественно из рационалистически мыслящих офицеров гвардии, что прежде резко отличало ее и от мистической сосредоточенности ложи «Умирающего сфинкса», и от столичного клуба «Соединенных друзей»¹⁸³. Подотчетность масонства правительству, из-

Александр Дмитриевич Чертков.
Начало 1820-х гг. Художник П.Э. Рокштуль. ГИМ

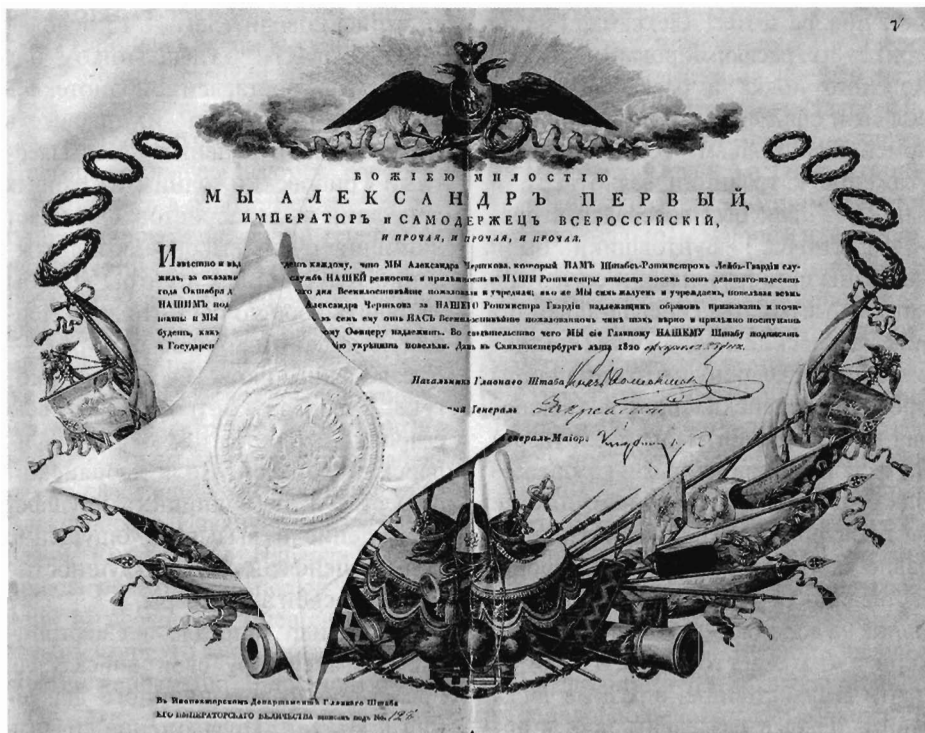
менение направленности масонства в целом, смена руководства ложи в декабре 1818 г. обусловили отказ декабристов от первоначального плана подчинения своим целям вольного масонства и выход их из ложи «Трех добродетелей». С весны 1819 г. были отменены выборы должностных лиц в ложах, а руководители стали назначаться Советом «Великой провинциальной ложи», где декабристы не имели влияния. В 1820—1822 гг. число членов ложи «Трех добродетелей» сократилось до 24 человек, из гвардейцев осталось лишь пять человек, из декабристов ее посещал только К.Ф. Рылеев. После 1820 г. масонство переродилось из религиозно-нравственного учения, либерального в своей основе, в замкнутое мистическое общество. «Вольные каменщики от поисков идеала, от исканий модели совершенного общества, в основе которого лежали связанные с просветительством идеи

самосовершенствования, перешли исключительно к работам, направленным на приближение к Божественной сущности посредством постижения символов и познания сути Священного Писания»¹⁸⁴. Может быть, поэтому масонские работы не стали привлекательными для Черткова? Уже в протоколе заседания от 13 декабря 1820 г. записано, что он «вовсе перестал посещать ложу». 22 декабря 1820 г. уточнялось, что Чертков «давно перестал посещать работы ложи»¹⁸⁵.

Александр I рескриптом на имя управляющего Министерством внутренних дел графа В.П. Кочубея (1819—1825) 1 августа 1822 г. потребовал «все тайные общества, под какими бы названиями и именованиями они ни существовали, как-то: масонских лож или другими, закрыть и учреждение их впредь не дозволить, а членов оных обязать, что они вперед никаких масонских и других тайных обществ составлять не будут, и, испотребовав от воинских и гражданских чинов объявления, не принадлежат ли они к каким тайным обществам, взять с них подписки, что они впредь принадлежать к ним не будут; если же кто такового обязательства дать не пожелает, тот не должен остаться на службе»¹⁸⁶. Впрочем, Т.О. Соколовская была уверена, что официальный список, включавший 517 офицеров-масонов, содержал далеко не все имена, хотя отобрана была подписка даже от великого князя Михаила Павловича, как командира 1-й Гвардейской бригады¹⁸⁷. Чертков также не преминул подписаться¹⁸⁸. О тайной приверженности Черткова к масонам в последующие десятилетия ничего определенного сказать невозможно. Однако в его библиотеке имелось довольно книг масонского содержания, описания

которых в знаменитом его каталоге были изъяты цензором М.Т. Каченовским в 1832 г., и в настоящее время запрещенные в прошлом листы хранятся в отделе «Истории книги» Государственной Публичной исторической библиотеки¹⁸⁹.

А теперь снова обратимся к делам лейб-гвардии Конного полка. 25 октября 1819 г. Чертков был произведен в очередное звание ротмистра. Полковым командиром вместо генерала Арсеньева, получившего армейскую кавалерийскую дивизию, осенью 1819 г. был назначен А.Ф. Орлов (1786—1861), с 1813 г. адъютант великого князя Константина Павловича, с 1817 г. — генерал-майор. По словам Н.Н. Муравьева-Карского, он не имел большого образования, но был человеком «с пронизательным умом, молодец собою и силач»¹⁹⁰. А.Ф. Орлов был на два года старше своего брата Михаила, известного декабриста, «такой же из себя богатырь и красавец, такая же открытая и талантливая натура, но уже умом и жестче сердцем. Не портя своей карьеры вольнодумством, напротив — искореняя его и в подчиненных, он, в противоположность брату, быстро и без задержек шел в гору, давно уже был генерал-адъютантом и пользовался дружеским расположением великих князей». Николай I был обязан успешным подавлением восстания декабристов преданности и решимости А.Ф. Орлова: он первый из полковых командиров явился со своим полком на Сенатскую площадь и первый повел его в атаку на каре мятежников¹⁹¹. Вигель писал о братьях Орловых: «Завидна была их участь в юности; завиднее ее не находил я. Молоды, здоровы, красивы, храбры, богаты, но не расточительны, любимы и уважаемы в первых гвардейских полках, в которых служили, отлично

Грамота о получении чина ротмистра А.Д. Чертковым. 25 октября 1819 г. ОПИ ГИМ

приняты в лучших обществах, везде встречая нежные улыбки женщин, — не знаю, чего им недоставало... Только у Алексея был совсем русский ум: много догадливости, смышленности, сметливости; в Михаиле почти все заимствовано было у Запада: в конституционном государстве он равно блистал бы на трибуне, как и в боях; у нас под конец был он только что сладкоречивым, приятным салонным говоруном»¹⁹².

1820 год был богат на выступления и в России, и в Западной Европе. Крестьянские волнения нарушили спокойствие в 13 губерниях России, а Семеновский полк — в Петербурге, создав в столице надолго обстановка тревоги, нервозности и чрезмерной бдительности. В начале 1820 г. вспыхнуло восстание в Испании, в июле 1820 г.

началось восстание в Неаполитанском королевстве, затем в Португалии военное восстание против жестокой тирании английского генерала Бересфорда, управлявшего Португалией в качестве регента, через несколько месяцев, в феврале 1821 г., — в Греции против турок, а в марте 1821 г. вспыхнула революция в Пьемонте. Руководящие нити этих движений сосредоточивались в руках тайных обществ — в испанских хунтах, в вентах итальянских карбонариев, в гетериях греческих патриотов. Наиболее яркие и победоносные движения возглавлялись военными. Особенно сильное впечатление должна была произвести неаполитанская революция, которая прошла в организованной форме бескровного, «праздничного» переворота.

2 ноября 1820 г. Александр I издал приказ о расформировании Семеновского полка и раскассировании солдат и офицеров его по различным армейским полкам. (Однако скоро уважение к традиции взяло верх, и в 1823 г. полк был воссоздан в прежнем статусе.) Бунтовщики были наказаны шпицрутенами и сосланы в каторжные работы. Генерал-адъютант А.А. Закревский в записке от 21 октября 1820 г. подчеркнул, что командиры прочих гвардейских полков (исключая весьма немногих) не были уверены в своих подчиненных и каждый из них «страшился, чтобы у него того же не произошло». «Происшествие сие, равно как и события во всей Европе, заставляют обращать особенное внимание на военных»¹⁹³. Гвардейский же корпус «окружает государя, находится почти весь в столице, и разные части оно, не быв разделены, как в армии, большим пространством, тесно связаны и в непрерывном сношении между собой», — отмечал генерал-адъютант И.В. Васильчиков, предлагая императору проект об устройстве военной полиции при гвардейском корпусе, который был утвержден Александром I 4 января 1821 г.

«Полиция сия должна быть так учреждена, чтоб и самое существование ее покрыть большой непроницаемою тайною». Современный читатель по аналогии с современными учреждениями сразу себе представляет создание густой сети тайных агентов. Но вот смета задуманного мероприятия: «смотрителей для наблюдения за офицерами, которые должны иметь все способы, чтобы свести связи и посещать публичные места и частные общества, где бываю офицеры, — 3 человека. Сумма в год на 1 человека — 3 тыс. руб. За всеми нижними чинами — 9 человек. Сумма в год на 1 человека — 600 руб. Всего вмес-

те с письмоводителем — 15 человек (40 тыс. руб.)»¹⁹⁴. Начальником над ними был поставлен библиотекарь Гвардейского штаба и правитель Канцелярии о раненых небезызвестный Грибовский, одним из первых донесший на декабристов. Обращает внимание очень высокое вознаграждение услуг тайных агентов. «Чтобы заставить хорошо служить этих мерзавцев, надо им хорошо платить», — писал Васильчиков. И все же, как могут 12 человек контролировать всю гвардию, а трое из них — весь офицерский корпус!? Но в дворянском обществе и эти «шпионы» внушали отвращение и вызвали ощущение сгущающейся тяжести и «душности» политической атмосферы.

Александр I предложил австрийскому императору свои войска для подавления революционного движения в Италии. Предложение сначала было принято. В 1821 г. весь гвардейский корпус был выдвинут к западной границе, чтобы оттуда направиться в Италию. «Итальянский поход» русских войск в 1821 г. преследовал также цель «проветрить вольный дух» в армии после возмущения в Семеновском полку в 1820 г. Однако Австрия сама справилась с национально-освободительным движением в Италии. В марте 1821 г. австрийские войска разгромили взбунтовавшуюся армию Неаполя, а в апреле того же года были подавлены возмущения в Пьемонте. В России возможность новой войны с неаполитанцами не была встречена с сочувствием. «Никто не знает в точности: куда и зачем идут войска наши. Вообще думают, что сиими действиями хотят устрашить и успокоить Европу. Может быть, сия неизвестность усиливает неудовольствие, которое, как говорят, везде заметно. Движение армии нашей остановлено, но гвардия почти вся уже выступила. Гово-

рят, хотят ее промять»¹⁹⁵, — записал Н.И. Тургенев в своем дневнике.

Конная гвардия в полном составе выступила 6 мая из Петербурга и, пройдя через Новгород, Старую Руссу и Торопец, остановилась в городе Велиже. 21 августа главнокомандующий генерал от инфантерии барон Сакен произвел ей парад, а 22 августа — конное учение. Осенью полк перешел в Бешенковичи, местечко в Минской губернии. Сюда же собрался весь гвардейский корпус и много армейских полков для участия в параде 18 сентября и больших маневрах на следующий день в присутствии Александра I. Накануне парада цесаревич Константин Павлович отдал приказ по Конному полку: «Так как полк 14 месяцев не имел счастья видеть государя, то завтрашним смотром должен непременно старанием своим заслужить милостивого его внимания»¹⁹⁶. По окончании маневров, бывших весьма удачными, гвардейский корпус просил государя принять обед от всех чинов корпуса (800 кувертов). В этом великолепном обеде участвовали и по 10 лучших солдат с каждого эскадрона и батальона. Император принимал угощение, «находя сердечное для себя удовольствие быть в кругу своих войск», но, заметив ежегодные «прибавления роскоши сих угощений», которые «не только стоят больших издержек и могут быть чувствительны для недостаточных офицеров, но и неприличны воинам», порекомендовал, чтобы впредь обед был простой солдатский, состоял из двух или трех блюд и проходил не в роскошно построенных шалашах, но под обыкновенным холщевым навесом¹⁹⁷.

Конный полк вернулся на зимние квартиры в Велиж, оставив нужных людей в Витебске для караулов. «Жили очень весело; часто ездили в Витебск, где был хороший театр, и

много танцевали на балах в городе и у окрестных помещиков»¹⁹⁸. 27 мая 1822 г. полк выступил из Велижа и 30 июня был встречен государем на 16-й версте большой дороги, ведущей из Царского Села в Красное. Конногвардейцы прошли мимо императора церемониальным маршем и направились к Стрельне, где расположились на летнее стояние. При прохождении через Гатчину императрица-мать угостила офицеров чудным обедом.

Ротмистр Чертков, которому 19 июня 1822 г. исполнилось 33 года, желал поскорее получить звание полковника¹⁹⁹, чтобы выйти в отставку и иметь больше досуга для научных занятий. Но в первую очередь хотелось путешествовать. Подобные настроения были характерны для офицеров тех лет. Так, И.Г. Бурцов, человек возвышенной души, благороднейшего сердца, большого ума и редкого образования, член «Союза Спасения» и «Союза Благоденствия» мечтал: «Буду только всевозможно стараться поскорее добиться до полковников. И тогда дам волю своему воображению — пушусь в разные концы света»²⁰⁰. Александр Дмитриевич стал усердно хлопотать о повышении. В штаб-офицерские чины во всех войсках гвардии и армии производили не иначе, как на вакансии по старшинству и избранию начальства или за отличия по службе. При этом требовалось командовать ротой не менее двух лет подряд, быть не старше 50 лет, состоять на действительной службе в офицерских чинах не менее 10 лет и прослужить в чине капитана для производства по старшинству — не менее 6 лет, для производства за отличие — не менее 4 лет. Часто это являлось непреодолимым препятствием для дальнейшей служебной карьеры офицера в чине капитана, так как штаб-офицерских должностей было в несколько раз

меньше обер-офицерских. Чертков тогда командовал 7-м резервным эскадронам. Мы помним, что в 1813 г. полк был реформирован в 7-эскадронный состав, однако число полковников не было увеличено и 2 старших ротмистра командовали эскадронами, в том числе, как правило, 7-м. Ему на парадах быть не полагалось и в нем, похоже, движение по служебной лестнице совсем останавливалось: командиров запасного эскадрона метко прозвали «вечными ротмистрами»²⁰¹.

Генерал-адъютант (с 1820 г.) А.Ф. Орлов (с 1821 г. командир 1-й бригады Гвардейской кирасирской дивизии с сохранением звания командира полка) был в добрых отношениях с Чертковым, отлично понимал его и пытался со своей стороны споспешествовать: «...мы верного ничего не имеем насчет производств по дивизиям, все говорят, и никто на мои сильные по сему предмету возражения не отвечает; ты у меня просишь совета, мой друг; с прискорбием тебе скажу, что об общей пользе и суждения свои не делай, потому что начальство лучше знает, что выгодно или нет, а я ничего не предвижу; в чем могу только тебя уверить, что во всех случаях моей жизни буду тебя любить как теперь люблю, с чувствами благодарности за ревностную твою службу и привязанность ко мне, и всегда найдешь ты во мне друга. Витебск. 1 января 1822 г. А. Орлов»²⁰². Чертков выпросился в отпуск, который ему охотно подписал Орлов: «...уволенного в отпуск в Воронежскую губернию на 28 дней ротмистра Черткова считать в оном с сего числа [22 февраля 1822 г.], в отсутствие его командовать запасным эскадронам ротмистру Захарчевскому». Несмотря на то что в послужном списке Черткова было отмечено, что он только 2 года был полковым казначеем, однако он так или иначе продолжал быть связан-

Алексей Федорович Орлов

мым с полковыми деньгами: 8 февраля 1822 г. Чертков отчитался: «Честь имею при сем представить в полк 1940 руб. ассигнациями, принятые мной из кабинета Его Императорского Величества на выдачу нижним чинам именных денег за 2/3 сего года»²⁰³.

Между тем А.Ф. Орлов изыскал возможность посposпособствовать Черткову, переведя его в другой эскадрон, хотя подобные перемещения воспринимались как нежелательные. Им был издан замысловатый приказ: «Вследствие Высочайшего повеления и по предписанию начальства рекомендуется гг. командирам 6 действующих эскадронов приготовить свои эскадроны к выступлению в поход. Так как по положению в случае похода надлежит иметь в запасном эскадроне 1 штаб-офицера, то и рекомендуется принять на законном основании г-ну полковнику князю Голицыну 6-му эскадрон запасной, а ротмистру Черткову эскадрон полковника князя Голицына, коим о принятии и сдаче рапортовать в полк»²⁰⁴.

И вот долгожданный чин, наконец, получен: Высочайшим приказом от 14 июля 1822 г. Чертков был произведен из ротмистров в полковники. Не успев отметить столь важное событие, Александр Дмитриевич начал хлопотать о выходе в отставку. Подавать прошение об отставке в мирное время полагалось в период с 1 сентября до Нового года. «По Высочайшему приказу минувшего ноября в 18 день [1822 г.] сего полка полковника Черткова, уволенного от службы за болезнью с мундиром, из полку выключить. Эскадрон полковника Черткова именовать 2-м вакантным»²⁰⁵. Отставка считалась со дня подачи соответствующего прошения, хотя приказ выходил значительно позднее. Не следует буквально воспринимать указываемую причину «за болезнью», поскольку в то время эта мотивация была самая распространенная, обыденная и надежная. В получении от полкового лекаря необходимого медицинского свидетельства никаких препятствий не было. Правом носить мундир в отставке (с 1802 г.) награждались отличившиеся офицеры, то есть те, которые прослужили беспорочно в офицерских званиях не менее 10 лет, не быв под арестом, судом. Однако с 1807 г. отставники не имели права носить при мундире эполеты²⁰⁶.

В 1822 г. Александр Дмитриевич вместе с братом Иваном прошли баллотировку в петербургском Английском клубе, куда попасть было очень трудно из-за того, что вакансий открывалось мало, а комплект был всего 350 членов. Кандидатов предлагали с большим разбором один раз в год. Членство в Английском клубе означало «иметь светское положение», а для холостяков, особенно живущих летом в городе, клуб был истинным кладом. Стоимость билета была очень высокой — 35 руб. в год.

Александр Дмитриевич возобновлять свой билет в клубе перестал с 1825 г.²⁰⁷

А.Д. Чертков стал готовиться к путешествию. Ничего более конкретного о зиме 1822 г. и весне 1823 г. сказать нельзя за неимением каких-либо сведений. Наконец сборы в дорогу были завершены, и 2 августа 1823 г. Чертков выехал из Петербурга, в котором становилось слишком неуютно и скучно. В 1822 г. в Петербурге была тройная полиция, а именно: генерал-губернатора, Министерства внутренних дел и графа Аракчеева, но что она не принесла пользы, это доказал 1825 год. Карточная игра распространилась тогда в Петербурге среди общества до невероятной степени. Михайловский-Данилевский записал: «Конечно, из 100 домов в 90 домах играют, и хотя в сем году круг моих знакомств сделался весьма обширен и я часто выезжал, но не видел, чтобы где-нибудь занимались чем-либо другим, кроме карт. Если приглашали на вечер, то это значило играть, и едва я успевал поклониться хозяйке, карта уже находилась в моей руке... Я думаю, что сие происходило частью от недостатка в образовании, вообще приметного в России, ибо когда воспитание кончается в 17 лет, то какого запаса идей и познаний и какой страсти к наукам можно ожидать у людей в возмужалые лета, частью же оттого, что из разговоров изгнаны были все политические предметы; правительство было подозрительно, и в редком обществе не было шпионов, из коих, однако же, большая часть была известна. Иные из них принадлежали к старинным дворянским фамилиям, были украшены орденами и носили камергерские ключи»²⁰⁸. Александр Дмитриевич Чертков больше не возвращался надолго в северную столицу, наезжая сюда иногда лишь по делам службы.

ГЛАВА 3

ЗАРУБЕЖНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ 1823—1825 гг.

А.Д. Чертков и П.И. Кеппен

Около двух лет длилось путешествие Александра Дмитриевича Черткова по Европе. Свои впечатления и размышления об увиденном он частично заносил в «Журнал моего путешествия по Австрии, Италии, Сицилии, Швейцарии и проч. в 1823—1825 гг.». На этот раз свои путевые заметки Чертков вел на русском языке, и они сохранились в его архиве. В историографии сложилось достаточно единодушное мнение, что Александр Дмитриевич в Италии, Швейцарии, Австрии изучал только живопись, архитектуру, археологию, знакомился с библиотеками и частными коллекциями¹. Нельзя не согласиться, что эти задачи сами по себе уже значительны и предполагают усиленные занятия. Но цель, которую преследовал Чертков в данной поездке, была гораздо шире. Описание городов, где он бывал, природы,

которой он любовался, всегда любопытны, и тем не менее не они заполняют страницы журнала. Своему путевому дневнику Чертков поверял мысли о государственном устройстве Австрии, Италии, Швейцарии, раздумья о причинах процветания и нищеты населения этих стран, свое видение путей преодоления экономической отсталости Италии и Сицилии. Он стремился разузнать побольше о практике и формах благотворительности, знакомился с системой просвещения. А помимо этого Чертков по усвоенному еще в детстве правилу не мог не удержаться, чтобы не записать хотя бы несколько строк о своих наблюдениях нравов и обычаев жителей посещаемых стран. Жалко, что Александр Дмитриевич практически не вносил в журнал содержание своих бесед с повстречавшимися на его пути интересными людьми.

Свое путешествие по Сицилии Чертков издал особой книгой в двух томах — «Воспоминания о Сицилии» (М., 1835—1836), куда вошли многие его размышления относительно государства, правительства, законов, экономики, нравов жителей острова. «Журнал моего путешествия...» и сочинение «Воспоминания о Сицилии» имеют еще ту ценность, что из них мы можем получить информацию о воззрениях Черткова напрямую, поскольку он нигде более не высказывался столь откровенно.

Чертков взял с собой за границу двух слуг, или, как тогда говорили, дворовых людей, имя одного из них — Андрей Васильев². Собравшись в длительное путешествие по чужим краям, Чертков не мог не провести своих родных, поэтому его путь из Петербурга в Европу пролегал через Воронеж. Не мог он миновать и Москву, куда приехал 13 августа 1823 г., а на следующий день уже спешил в свой родной город. Чертков заглянул на несколько дней в слободу Ольховатка Острогожского уезда, откуда 7 сентября снова заехал в Воронеж попрощаться. 20 сентября Чертков прибыл в Киев. Впрочем, «мать городов русских» не вызвала у путешественника особого восторга. В Киево-Печерской лавре Александр Дмитриевич «без всякого желания ходил за монахом, как вдруг взглянул направо — увидел доску с надписью Нестор и проч». «Тут я остановился и с почтением смотрел на останки сего великого мужа. Без тебя, думал я, смотря на него, не знали бы мы, как начиналась наша империя, кто были наши князья, откуда пришли наши предки»³. С собой в поездку Чертков захватил 15 книг, которые хотели у него отобрать на австрийской таможне. Среди них «История» Карамзина, «Минералогия», «Гео-

логия» на французском языке и др. Но не придирчивость австрийских служащих, а медленность передвижения по стране сильно действовала на нервы русского человека, так спешившего путешествовать, поэтому в тетради появилась запись: «...но убийственнее всего медленная немецкая езда»⁴. Занося в журнал свои впечатления о Вене, ее музеях, библиотеках, театрах, экипажах, мостовых, освещении улиц, углубляясь в историческое прошлое города, Чертков не преминул подчеркнуть, что до римлян здесь жили славяне (венды). И это свидетельствует о его прочном интересе к славянству.

В Австрии Черткова поразила шпиономания. По его наблюдению, иностранцев, приехавших в Вену, тотчас окружали шпионы. «Правление Австрии»⁵ весьма кротко, но не пользуется доверенностью своих подданных и потому находится в необходимости все подсматривать, примечать, шпионствовать. Причина сего очевидна: Австрийская империя... составлена из столь разнородных частей: миллион богемцев, не весьма хорошо к ней расположенных, миллион венгров и славян, в Венгрии живущих, не любящих ее, миллион поляков и италианцев, илирийцев, моравов. Все сии народы, жаждущие иметь собственное правление, не терпят Австрии». Черткову не откажешь в проницательности, но это суждение не могло появиться только в результате добросовестного изучения достопримечательностей Вены, да и времени у него было не так много — около полутора месяцев, с начала октября до 16 ноября 1823 г. Чертков должен был встречаться с людьми, которые очень хорошо знали сложную национальную ситуацию в Австрийской империи и могли

об этом компетентно рассказать, но только в доверительной беседе, учитывая полицейский контроль. «Журнал» же нашего путешественника не называет ни одного имени. И только из переписки Черткова с академиком П.И. Кеппеном (1793—1864), а точнее из письма Черткова от 12 мая 1848 г.⁶, выяснилось, что они виделись в Вене осенью 1823 г. Это сообщение стало ключом, с помощью которого удалось раскрыть многие обстоятельства пребывания Черткова в столице Австрии, да и вообще в этом путешествии.

Итак, в Вене Александр Дмитриевич Чертков повстречался с Петром Ивановичем Кеппеном, выдающимся и всесторонним знатоком славянской филологии первой четверти XIX в., членом известного кружка канцлера Н.П. Румянцева. В 1821 г. П.И. Кеппен по поручению Румянцева выехал в Австрию. Его путешествие по европейским славянским землям и знакомство благодаря рекомендательным письмам друзей и покровителей, в том числе и Ф.П. Аделунга, со славянскими учеными составили важнейшую страницу в развитии славяноведения в России. Именно встречи и общение с учеными, писателями и общественными деятелями различных славянских народов составляли, повторяем, одну из главных задач этой поездки Кеппена. Петр Иванович был первым русским ученым, лично познакомившимся в 1822 г. в Нови-Саде с замечательным чешским историком П.-Й. Шафариком. В марте Кеппен посетил Вену, где свел знакомство с видным славянским ученым Е. Копитаром, служившим в Венской придворной библиотеке. В Праге Кеппен встречался с чешскими учеными Й. Добровским (1753—1829), С.-Б. Линде и В. Ганкой и с чувством

Петр Иванович Кеппен

«истинного счастья» спешил сообщить об этом крупному знатоку славянской филологии А.Х. Востокову в письме от 12 июня 1823 г.: «Добровский внушает к себе почтение, о Ганке я не имел такого понятия, которое теперь только получил в Праге. Он мастер своего дела, а об Линде говорить нечего»⁷. Вернувшись в Россию, Кеппен стал издавать в 1825 г. журнал «Библиографические листы» — первый международный библиографический журнал, в котором он публиковал разнообразные сообщения о западнославянском мире⁸.

Одновременно Кеппен сопровождал в качестве ментора отставного поручика А.С. Березина (1800—1824), воспитанника Пажеского корпуса, которому «история, живопись и музыка доставляли пламенное удовольствие». Молодой человек мечтал о пополнении своих знаний, поэтому вышел в отставку и отправился в путешествие по западноевропейским странам, желая за три или четыре года основательно изучить историю каждого государства. Договор между Березиным

и Кеппеном был заключен 22 мая 1821 г., и согласно ему Березин обязывался платить Кеппену по 933 руб. серебром ежегодно и взять его на свое иждивение⁹. Березин оказался любознательным и очень симпатичным юношей. 9 сентября 1823 г. Петр Иванович писал В.М. Перевощикову, профессору русской словесности в Дерптском университете: «...6 недель был в разлуке с А.С. Березиным, которого знакомство мне со дня на день становится приятнее. Рекомендую Вам его *très fortement* [очень сильно] на случай его пребывания в Дерпте, куда он думает отправиться»¹⁰. Летом 1822 г. Кеппен вместе с Березиным разъезжали по Венгрии, где Березин «с картой в руках проверял и исправлял превосходный труд Липского», по Трансильвании, Срему (историческая область на севере Балканского полуострова). Везде красоты природы занимали отставного поручика, и он сам выбирал точки, с которых ехавший вместе с ними «ландшафтный живописец» г-н Мон зарисовывал пейзаж; таким образом «составился драгоценный портфель». Осенью они вновь возвратились в Вену, где рисунки были «отделаны отличным живописцем Купельвизером»¹¹. Чертков не раз с огромным удовольствием рассматривал эти пейзажи, слушая пояснения и рассказы Березина. Идея Березина брать с собой в поездку художника показалась Черткову весьма привлекательной и плодотворной, поскольку и он решил прибегнуть к ней в своем путешествии по Сицилии. Ведь тогда не было фотоаппаратов.

Русские путешественники коротко сошлись благодаря общим научным интересам. Правда, Кеппен и Чертков могли быть знакомы еще по Петербургу.

Кеппен в 1816 г. был одним из учредителей Вольного общества любителей российской словесности, деятельность которого привлекла внимание и Александра Дмитриевича, не преминувшего обзавестись Уставом общества. Он вполне мог посещать заседания этого Общества, хотя и не стал его членом. Кроме того, Петр Иванович опубликовал в 1819 г. библиографический сборник «Обозрение источников для составления российской словесности» (СПб.), мимо которого не мог пройти Чертков, воодушевленный идеей строгого комплектования своей библиотеки изданиями о России.

Из России П.И. Кеппен взял с собой палеографические копии со славянских рукописей, которые не вошли в его книгу «Список памятникам, служащим к составлению истории художеств и отечественной палеографии» (СПб., 1822). Он надеялся «их дополнить по рукописям венских и вообще австрийских библиотек и воспользоваться указаниями здешних знатоков славянских памятников древности»¹². Кеппен писал Востокову 1/13 октября 1823 г.: «Здешние славяне настаивают, чтобы я издал палеографические таблицы», и затем Петр Иванович прибавлял, что он и сам думал — «в свободное время... не худо бы заняться, наконец, сим предметом»¹³. Однако издание этих рукописей не осуществилось, так как требовались значительные суммы для гравировки, которые мог предоставить только Румянцев. Но граф умер 6 января 1826 г. Через много лет в том замечательном письме в Петербург к Кеппену, о котором мы говорили, Чертков вспоминал: «...кроме ученого достоинства этой таблицы, она мне напомнила одну из приятнейших эпох моей жизни, именно пре-

бывание ваше и мое в Вене. Я очень помню, что вы тогда мне и покойному Березину показывали подобную ей таблицу...»¹⁴. Когда Е. Копитар увидел эти копии рукописей, то он стал звать знаменитого слависта Й. Добровского в Вену, чтобы посмотреть на них¹⁵. Может быть, именно Кеппен лично познакомил Черткова с Копитаром, а также рассказал ему о своих впечатлениях и встречах с другими славянскими учеными. Много лет спустя, в августе 1835 г., Петр Иванович писал Черткову о том, что его сношения с Веной не прекратились. Копитар и Ганка остались его корреспондентами. К тому же в Вене в русском посольстве служил секретарем шурин Кеппена Аделунг¹⁶. Умное и интересное общение, изучение богатства музеев и библиотек, упоение живописными окрестностями Вены сочетались с истинным наслаждением от посещения театра. В Вене в это время гастролировала великолепная итальянская труппа под руководством самого Россини.

В конце ноября 1823 г. дороги путешественников разошлись: материальные трудности Березина заставили Кеппена отказаться от дальнейшей совместной поездки. Кеппен продолжил свои научные изыскания в Германии и вернулся в Россию весной 1824 г., а Чертков вместе с Березиным, который взял с собой из Вены живописца Купельвизера, уехали в Италию. Но встречи Черткова с Кеппеном не прошли бесследно, положив начало их многолетнему научному сотрудничеству. Следует обратить внимание и на то, что Александр Дмитриевич волею судеб оказался у истоков, у начала целой «эпохи» установления и развития живых и благотворных связей между славянскими и российскими учеными, принес-

ших «особенно сильные и богатые плоды» во второй половине 30-х — первой половине 40-х гг. XIX в. Роль энергичного посредника между ними успешно выполнил Кеппен.

В Италии Чертков стал спрашивать славянские рукописи и книги в библиотеках, архивах и музеях посещаемых им городов и местечек, о чем просил и Петр Иванович¹⁷. При покупке старопечатных славянских книг Чертков, как можно проследить по материалам «Библиографических листов», руководствовался советами Кеппена¹⁸. Так, он приобрел «Глаголическую книгу» 1635 г. (один экземпляр находился в Ватиканской библиотеке, второй — у Бобровского), «Болгарские молитвы», изданные в 1651 г., «Краинские стихотворения»¹⁹. Из переписки графа Румянцева и Кеппена выясняется, что Чертков по рекомендации Копитара купил «Краинскую Библию», изданную Трубером, за 150 или 160 руб. «Библии сии, изданные протестантами, были истребляемы католиками; как их, так и других краинских книг уцелело весьма немного с того времени, как австрийское правительство более и более старалось устранить протестантизм, преследуя оный в своих провинциях», — писал Кеппен. На что Румянцева мгновенно отреагировал: «Кто таков г-н полковник Чертков, о котором рассказываете мне, что купил Библию, изданную Трубером? Не почитаете ли Вы возможным у него ее купить, обо мне не упоминая?»²⁰. Внимание именитых ученых-славистов Кеппена и Копитара к неизвестному пока в научных кругах отставному полковнику говорит о многом.

Следует отметить, что Чертков целенаправленно искал болгарские манускрипты. В библиотеке монастыря Св. Мартина, крупнейшего

на Сицилии, Александр Дмитриевич спрашивал по заданию Кеппена, существовала ли здесь рукопись в виде свертка на болгарском языке. Кеппен особо выделял болгарский язык среди других славянских, поскольку о нем даже ученые-слависты в то время имели весьма слабое представление²¹. Несколько позже в своем знаменитом издании «Библиографические листы» Кеппен поместил специальную статью о болгарском языке, где высказал пожелание о том, чтобы «были собраны и изданы все известия о языке болгарском и памятники, служащие для составления истории оногo»²². О болгарском народе, его истории и современном состоянии широким слоям русской общественности было известно совсем немного: фрагментарные отрывки в исторических сочинениях В.Н. Татищева, И.Н. Болтина, М.М. Шербатова, Н.М. Карамзина да достаточно скудные и противоречивые сведения о современном болгарском народе в русской периодической печати. С описанием европейских владений Турецкой империи русский читатель был знаком в основном по западноевропейской литературе²³. Вследствие дефицита информации в конце 20-х гг. XIX в. нередко высказывалось мнение, что «задунайские славяне все перевелись и что там не слышны больше славянские звуки»²⁴. В 1828—1829 гг., во время Русско-турецкой войны, перед взором русских солдат и офицеров предстала широко болгарская земля. Для многих впоследствии известных деятелей русской культуры, таких как А.Д. Чертков, А.Ф. Вельтман, А.С. Хомяков и др., это событие оставило глубокий след в памяти и сказало на их дальнейшей деятельности.

В Венеции Чертков с Березиным пробыли с 4 по 28 декабря. Осматривая достопримечательности горо-

да, Чертков пронизательно отметил главное в его экономике: «Венеция без торговли также, что Россия без пахотной земли»²⁵. В Венеции он предвкушал обогатить свое книжное собрание славянскими изданиями, поскольку «с давнего времени здесь находилась типография для славян греческого исповедания, так и равно для славян-католиков». Но надежды оказались напрасными. «Сколько я ни старался сыскать здесь книг славянской печати, нашей или глаголической, сколько ни спрашивал у всех книгопродавцев, антиквариюв, сколько ни бегал по рынку, где продают старые книги, но все тщетно и ничего не мог сыскать. Иные из духовных католической веры, родом из Далмации, имеют несколько глаголических книг, но не соглашаются продавать оных, ибо говорят: с тех пор, как последний типографщик славянский Феодосей умер, нам негде уже купить другие»²⁶. По приглашению русского консула Чертков и Березин отстояли молебен в греческой церкви. Чертков отметил, что греки не позволяют служить в церкви по-славянски, хотя у них есть иеромонах Владиславич, знающий по-славянски, ибо он родом далмат²⁷.

Из Венеции русские путешественники отправились в Рим. Ехали 13 дней по 12 часов в сутки, с семи утра до семи вечера. Чертков предупреждал, что ночью по Италии нельзя ездить, «ибо рискуешь быть зарезану»²⁸. Итальянские хлебопашцы поразили Черткова своим трудолюбием и удивительно рациональным использованием каждого клочка земли, который доставлял им одновременно дрова, вино и пищу. «Они, кажется, не принадлежат к одной нации с городскими жителями: сии последние ленивы, беспечны и целый день проводят на улице и ничем не занимают-

ся». Многодневные наблюдения над горожанами Италии, которые в больших городах целый день сидели в кофейных домах, а в малых толпились на большой улице, проводя вечера в театрах, привели Черткова к выводу, что «праздность есть главнейшая причина нищенства и воровства на итальянских дорогах, ибо человек, привыкнув к праздности, скорее решается просить милостыню или красть, чем приняться за работу. Великое число иностранцев, приезжающих дышать прекрасным воздухом Италии и смотреть на остатки древностей, есть одна из причин лености жителей здешних городов»²⁹. В одном из писем к родным Чертков отметил, что большая часть крестьян в Италии не имела ни лошадей, ни волов, несколько ударов мотыгой им было достаточно, чтобы подготовить свое поле, и этого вполне хватало, чтобы прокормить свою семью. «Но если извиняю крестьянина за его леность, поскольку немного усилий требуется, чтобы существовать счастливо на свой манер, я не извиняю никогда правительство, что оно не пытается стимулировать активность класса буржуа, что сторицей вознаградится... и в Италии под ее прекрасным небом появятся прекрасные фабрики, как в Англии... Ведь вся Италия — это громадный виноградник, а хорошего вина не встретишь: оно из Франции; Англия одевает всю страну, Россия из своих замороженных краев посылает в Италию зерно... Правда, что все зависит от правительства, а не от климата»³⁰.

Вечный город, куда русские путешественники приехали 8 января 1824 г., поразил Черткова величием исторического прошлого и убожеством современного бытия. «Город, производивший целые поколения героев, бывший властелином Все-

ленной, повелевавший царями и престолами, по единому мановению коего покорялись целые страны и целые царства преставали существовать, колыбель доблестей гражданских и военных... Что ты теперь? Жилище монахов, попов, нищих и кастратов»³¹. О знаменитых римских древностях Чертков замечает, что не столько нашествия готов и вандалов их разрушили, так как они были еще целы в начале VII в., сколько «собственное невежество жителей и небрежение правительства уничтожило все сии великолепные памятники Рима»³². Чертков писал своим родным, что здесь он снимал пять прекрасно меблированных комнат с тремя кроватями — для себя и своих двух людей в великолепном дворце, принадлежащем Н.Н. Демидову (1773—1828), русскому посланнику во Флоренции. Апартаменты находились в бельэтаже с балконом, выходившим на самое красивое место города, за них Александр Дмитриевич заплатил 200 руб. ассигнациями. Обед Черткова и стол его людей с вином и десертом стоили 5 руб. ассигнациями в день. В Риме было множество иностранцев, много русских и особенно англичан, приехавших сюда для «спекуляции»³³.

Немало времени Чертков провел в Ватиканской библиотеке, отсутствие печатного каталога которой привело любознательного русского исследователя в недоумение: «Нельзя ничего знать о важности и редкости ее: известно, что она не столь богата известными книгами, как манускриптами»³⁴. Библиотекарь А. Май предложил посмотреть Черткову, разыскивавшему славянские рукописи, уже хорошо знакомую ученым хроникой Константина Манасии в переводе на славянский язык,

украшенную миниатюрами. Незадолго до посещения библиотеки Чертковым, а именно зимой 1823 г., с нее для графа Румянцева была снята копия и срисованы миниатюры. По словам А. Мая, граф «намеревался подарить изданием оной рукописи русскую историю»³⁵.

То же огорчение ожидало Черткова при посещении другой библиотеки — «Angelina», в которой хранилось 60 тыс. томов и около 2 тыс. манускриптов. Там он ничего не смог добиться: на его достаточно неопределенный запрос показать нечто редкое, примечательное из славянских рукописей, он получал всегда один ответ: «Может и есть, но нужно знать имя автора, и тогда я Вам найду то, чего Вы желаете». Расстроенный Чертков вздыхал, сетовал на ужасный беспорядок, на то, что библиотекари не знают, что у них сохраняется³⁶, и уходил ни с чем.

Не меньше хлопот доставляло Черткову его увлечение минералогией. Он выяснил, что в окрестностях Рима находят много редких минералов, но купить их нельзя из-за отсутствия лавок, где бы их продавали. Надо было самому их добывать, что, конечно же, требовало много времени и немалых трудов. К сожалению, из записей Черткова трудно понять, решился ли автор на столь нелегкое предприятие. Чертков познакомился с итальянскими профессорами Монтичелли (Monticelli) и П. Карпи (P. Carpi). Последний подарил русскому путешественнику 15 «примечательнейших образцов мрамора». Вечерами Чертков также не имел возможности скучать. Послы Франции и Австрии часто давали балы, некоторые англичане и именитые жители Рима тоже устраивали вечера. Каждую неделю у Демидова, который ту зиму проводил в Риме,

шли спектакли на французском языке. В городе было 5 театров, которые ставили спектакли каждый день³⁷.

Путешествие по Сицилии

Сицилия в планах Черткова занимала особое место, поскольку, похоже, он с самого начала задумал свою поездку на остров оформить книгой — «Воспоминания о Сицилии». «В продолжение целой зимы в Риме» он списывал «все, до этого острова касающееся, как из древних, так и новых авторов, в одну путевую тетрадь, разумеется, с указанием на страницы и главы». Вероятно, что уже тогда у Черткова возникла мысль сопроводить свой рассказ иллюстрациями, поэтому по примеру Березина он пригласил с собой в странствия по Сицилии немецкого художника Штанге, чтобы тот запечатлел достопримечательности острова, его изумительную природу.

Нельзя не согласиться с историками А.Немировским и О.Г. Трусевич, которые, в целом охарактеризовав сочинение Черткова, отнесли его к «широко распространенному в 20—30-е гг. XIX в. жанру литературы, в котором научные взгляды излагаются в форме путевых заметок». Они также обратили внимание на «неслучайность» в выборе самого маршрута путешествия: Чертков поехал не в революционную Францию или торгово-промышленную Англию, а на юг Италии³⁸, экономическая ситуация которой, по мысли Черткова, была во многом схожа с проблемами аграрной России.

Прежний компаньон Черткова А.С. Березин, увлекаясь историей

искусств и теорией музыки и задумав заняться «классификацией древних памятников ваяния», задержался в Риме. Он избрал для посещения Сицилии и восхождения на ее знаменитый вулкан Этна самый благоприятный месяц — август. Но судьба была к нему безжалостна: он умер в Агригенте в 1824 г. от лихорадки, которой переболели также и его спутники: живописец Купельвизер и слуга. Здешние католики не хотели уступить место на своем кладбище. П.И. Кеппен, завершая скорбную летопись жизни своего молодого друга, восклицал: «Какой благородный россиянин не станет благословлять свое отечество за терпимость, с каковою прилично погребаются, так же как и к отечественной службе определяются, все вообще христиане, какого бы они исповедания ни были»³⁹. В 1835 г. Кеппен задумал вновь написать о столь замечательном молодом человеке и поэтому попросил Черткова прислать ему в Петербург письма Александра Сергеевича, которые затем он намеревался передать сестре покойного⁴⁰. Уезжая из Рима ранней весной 1824 г., Чертков не предполагал, что простился с А.С. Березиным навсегда.

На Сицилию Черткова действительно манило скорее не любопытство просвещенного путешественника. Привлек его контраст между воспеваемым благоденствием острова в древности и ужасающей нищетой его населения в современном Черткову времени, в причинах чего он старался разобраться сам и раскрыть их со всей очевидностью перед своим будущим читателем. Черткова поразило прежде всего обилие католических духовных лиц на Сицилии и их убийственное равнодушие к бедам ее жителей. Он выяснил, что на Сицилии проживает 1 780 тыс. человек, но только 300 тыс. из них «при-

надлежат к производящему классу». В Палермо почти «каждый третий человек населения есть духовный, два жителя должны снискивать насущный хлеб, чтобы поделиться или отдать большую часть третьему, не производящему, но имеющему привилегию жить праздно и утешать кормящих его обещанием, что он испросит им прощение их грехов».

Каждый день, проведенный на острове, приносил Черткову новые впечатления, и от страницы к странице критика католических монахов становилась все резче: «Святые отцы блаженствуют на счет ближнего в такой земле, где нищета повсеместна. А народ нищенствует и с каждым днем более и более погружается в бездну невежества в ожидании будущих благ, обещанных его проповедниками». Наконец, русский путешественник вынес свой нелицеприятный приговор католической религии: «Если бы суеверное исполнение мелочных обрядов католической религии делало людей лучшими, то, без сомнения, жители Италии и Сицилии должны бы быть добродетельнейшими и счастливейшими из смертных. В какой другой земле бывает более процессий? Какая страна так богата монастырями? Где видим более статуй и стоящих перед ними грешников, с умилением испрашивающих отпущения грехов своих? Ни в каком христианском государстве не бывает более убийств и грабежей на дорогах, как в Италии. Нигде бедность не имеет менее пристанищ общественных, нигде она не представляется в отвратительнейшем виде. Клятва, произнесенная пред престолом Всевышнего в соблюдении супружеской верности, нигде так легко не нарушается... Если же мы, хотя немного, захотим вникнуть в основное правило

веры, исповедуемой в Италии, то скоро найдем причины всех беспорядков общества. Когда грубому и необразованному человеку с самых юных лет его вперяют, что одно слово Папы может совсем освободить его от всех содеянных им преступлений, когда купленная индульгенция может разрешить его грехи... то какая нравственная сила в состоянии остановить человека на пути злодеяния? И что значат все обряды и ежедневное строжайшее их выполнение без божественной нравственности Св. Писания?» (С. 62, 63).

Как католицизм предстал перед Чертковым на Сицилии в своих крайних формах, так и скудность жизни населения находилась на пределе представлений внимательного русского путешественника: «Между простым народом бедность в высшей степени: дети лет до 15 ходят полунаги, а иногда совсем голые... Неоспоримо, что во всех странах света более находится бедных, чем богатых, но такого множества нищих я нигде не видел во всей Италии. Их здесь даже более, чем в Неаполе, и нищета представляется в отвратительном виде... Здесь подаяние не есть уже произвольная добродетель. Это просто необходимость, и какое каменное сердце откажет в нескольких тари [мелкая монета] этим несчастным, лишенным покрова Палермского правления?» По просьбе Черткова художник Штанге изобразил сицилийских лазароне (нищих), даже для пущей убедительности одного нищего нарисовал совсем без одежды, правда, повернув его к зрителю спиной. Но не бичевание язв сицилийского общества увлекает Александра Дмитриевича, а поиск положительного выхода из сложившегося тяжелого положения народа: «Уничтожив 2 или 3 монастыря в городе и

обратя строения их в мануфактуры для бедных... конечно, можно было бы не только прокормить всех здоровых сицилийских нищих, но еще содержать богадельню для больных и покрытых ранами» (С. 57).

Обостренность чувств и сопереживание неустроенности в жизни народа Сицилии, благожелательное вникание в причины бедствий острова и размышления о способах изменения данного положения в лучшую сторону — это свойства личности Черткова, его мировоззрения. В Сицилию устремлялись многие русские путешественники, но восприятие острова и его достопримечательностей было у всех, как водится, разное. Взгляд А.С. Норова, в 1822 г. посетившего остров, скользил мимо сущности обитания местного населения. Над цифрами он не раздумывал, просто констатируя: «В одном Палермо и принадлежностях [окрестностях] насчитали мне до 70 монастырей. В числе 1 600 тыс. жителей полагают 47 тыс. духовенства». Он не мог не заметить лохмотьев нищеты на Сицилии, однако он от них отмахивался: «Но ничего не может быть неприятнее докучливой толпы нищих, которые в одно мгновение окружают со всех сторон приближающийся экипаж как свою добычу. Это те же сцены, как и в Неаполе. К ним трудно привыкнуть»⁴¹. Норов с большим удовольствием описывал клубы, казино, театры, природу.

Черткова берет оторопь при виде тех затей, которыми тешились сицилийские князья-землевладельцы. Один из них, Палагония, декорировал свою загородную дачу фигурами уродов — «безобразность, отвратительность этих изваяний выше всякой меры». Число их доходило до 500, самых гадких монстров после

смерти князя уничтожили. Другой князь, ди Буттера, в особом павильоне своего сада, разделенном на кельи, поместил восковые фигуры монахов в натуральную величину, изобразив их за чтением, гуляющими, ведущими беседы, лежащими... «По крайней мере, восковые монахи не живут на счет земли и бедных жителей Сицилии», — заключал Чертков. Норов, например, также не преминул поведать своим читателям о страшилищах, добавив: «Я думал, что нахожусь в жилище какого-нибудь злого чародея... Меня более заняли прекрасные виды из окон на живописные скалы, сады и рощи, окружающие сей хаос здания», — и только. Для П.В. Анненкова, путешествовавшего по Сицилии в 40-х гг., Палермо явилось страничкой из «Тысячи и одной ночи»: «И все тут поощряет воображение: то капуцины ставят под подземелье высушенные тела умерших, то владелец дачи украшает ее изображениями чудовищ или обращает в кукольный монастырь траппистов⁴². Трепет сказочной, романтической жизни в городе и народе, который в нашем веке знает употребление кинжала, сохраняет обычай отмщения»⁴³.

Чертков же заставляет своих читателей задуматься о социальной ответственности состоятельного гражданина перед обществом, о его долге перед своим народом: «Князя ди Буттера и Палагония ясно доказывают своими страшными выдумками, что сицилийские князья богаты лишними деньгами для удовлетворения дорогостоящих причуд, но что они, к сожалению, не имеют ни вкуса, ни просвещения для того, чтобы употребить остаток своих доходов на что-нибудь лучшее и полезнейшее для их отечества, которое нуждается теперь в заведениях для наук

и художеств» (С. 48). Чертков также упрекал богатых землевладельцев, которые большей частью жили в Неаполе, в том, что они не заботятся о своих поместьях, не разводят тонкошерстных овец, хотя «прекрасный климат и малочисленность острова много этому способствуют» (С. 65).

От критики частных лиц Чертков переходит к бездействующему правительству, не радевшему о развитии на острове промышленности, торговли, сельского хозяйства, для чего следовало устраивать дороги, шоссе, мосты, которых не было в Сицилии. По утверждениям минералогов, горы Сицилии «весьма богаты медью, свинцом и даже серебром; ни правительство, ни частные владельцы никогда не заботились о разработке этих металлов». При сарацинах много было плантаций сахарного тростника. «Если климат позволяет разводить сахарный тростник, если одно переделывание сырца в рафинированный сахар обогащает наших петербургских фабрикантов, если приготовление сахара даже из свеклы доставляет большие выгоды, то для чего вы перестали разводить тростник?» — вопрошал Чертков (С. XXX). Он выказал себя сторонником протекционистских мер со стороны государства, воочию наблюдая их положительное действие на слаборазвитую экономику России.

Таможенный тариф 1816 г., в противоположность тарифу 1810 г., резко повысившему пошлины на ввозимые в Россию товары для ограждения русской промышленности от иностранной конкуренции, напротив, основывался на принципах свободной торговли. Тариф 1819 г. шел еще дальше в этом направлении, что привело к быстрому наводнению русского рынка иностранными промышленными товарами. В силу необходимости

в 1822 г. правительством был введен новый, протекционистский тариф, на который возлагались надежды на поощрение развития промышленности в России. Полностью одобряя проводимый министром финансов Е.Ф. Канкриним экономический курс, Чертков в его свете рассматривал развитие сахарной промышленности на Сицилии: в первые годы производители местного сахара должны были бы «продавать сахар дороже привозного, потому что большие суммы потребовались бы на плантации, строения, машины и проч. В эти-то годы мудрое правительство должно принять их под свою эгиду, возвысив пошлину на привозной сахар или дать им денег заимообразно без процентов». Разведение хлопка и производство «хлопчатой бумаги» при некотором содействии правительства могло бы приносить Сицилии «те же миллионы, которые обогащают пашу египетского» (С. 74—75).

Чертков задавал принципиальные вопросы правительству Сицилии, но они обращены были в сторону России, что было понятно вдумчивому читателю: «Но неужели правительство Неаполя не хочет видеть, что Сицилия не может оставаться одна в оцепенении, когда все вокруг ее идет быстрыми шагами вперед по широкому пути промышленности, искусств и образованности? Что чем народ просвещеннее, тем он не только богаче, счастливее, но и приверженнее к стране, государю, ею владеющему?» (С. 69). До тех пор, пока правительство не поймет этого и не начнет действовать, удел Сицилии, полагал Чертков, печален: «Суеверие, предрассудки, невежество, повсеместное господство духовных, несоразмерное число монастырей и монашествующих, отсутствие всякой промышленности, неимение сообще-

ний — все это дает ей совсем сходство с Европой средних веков» (С. 70).

Обращение к античной истории подчеркивало удручающее состояние сицилийцев и в плане гражданственности: «Римляне сходились греться зимою на солнце в Форум, на улицы и, греясь, рассуждали о делах республики, о важных происшествиях, и каждый из них, член правления, имеющий голос, мог и должен был подать свое мнение... А нынешним итальянцам о чем разглагольствовать?» (С. 60). Руины античной архитектуры при сравнении с современными Черткову постройками еще более усиливали этот контраст. «В Джирженти [Агригенте] уцелевшие остатки греческого зодчества гордо выказывались перед домиками нынешних жителей и представлялись произведениями рук гигантских в сравнении с малостью строений теперешних сицилийцев» (С. 150).

Но где искать верный образец отношения правительства к проблемам своей страны и ее народа? Чертков его видел в Англии. Он сравнивал Англию и Испанию, два резко полярных пути которых привели к столь же различным итогам. Испания, обогатившая своим золотом Европу, «теперь представляется удивленному взору пустынею, наполненною нищими, раздираемою крамолами, без промышленности, без денег, без малейших устройств гражданских. Англия продвигалась вперед не добыванием благородных металлов, но просвещением жителей, покровительством промышленности, устройством гражданских мудростию законов». Русский путешественник приводил примеры английской предприимчивости и бездеятельности сицилийцев. Так, в Марселе англичане имели свою контору для закупки вин Сицилии.

Переделав вина, купленные ими за низкую плату, они отсылали их в Англию и даже весьма часто в сам Неаполь под названием мадеры. И как результат: «Неаполитанское золото безвозвратно отсылается в Лондон, Англия богатеет и просвещается, а Сицилия беднеет и остается в невежестве» (С. 76). «История всех народов в мире суть большею частью летописи их эгоизма или иначе желания блага своему отечеству за счет других государств. Вся разница состоит только в средствах более или менее чистых, но самое желание, конечно, есть врожденное чувство каждого гражданина», — заключал Чертков (С. 126).

Изучение пороков и бедствий сицилийского общества вовсе не вытеснило интерес Черткова к музеям и библиотекам, которые оказались полным отражением состояния просвещения на острове: «Музей в монастыре Св. Мартина в Палермо, расположенный в 5 нечистых комнатах, — это род кладовой, в которую монахи собирали все, что они выпрашивали у палермских жителей. Вот славный Музей Палермо, так нам расхваленный» (С. 34). В конце путешествия, обогатившись опытом посещения здешних музеев, Чертков пришел к выводу: «В Сицилии слово «музей» означает всегда хранилище предметов, выходящих из обыкновенного круга жизни полуобразованного человека» (Ч. 2. С. 148). В плачевном состоянии находились памятники античности и средневековья, на что было больно взирать просвещенному путешественнику. Но где найти средства для их поддержания и реставрации? Чертков, присмотревшись к экономике острова, отметил, что «богатые доходы епископа простираются до 60 тыс. скудо (300 тыс. руб.). Желательно

было бы, чтобы король неаполитанский хотя бы 1/3 часть этой суммы приказал употреблять на поддержку памятников древнего Агригента, приходящих в разрушение, и на открытие множества других, находящихся под землею» (С. 159).

Многое в характере Александра Дмитриевича раскрывается из описания его восхождения на вершину вулкана Этна. В хорошую погоду, в конце лета и начале осени, оно не представляло никаких затруднений и считалось приятнейшей прогулкой. Однако Чертков здесь оказался в мае, когда вулкан был еще скован льдом и покрыт глубоким снегом, а самый кратер был скрыт густыми облаками, поэтому восхождения в подобное время, как правило, не предпринимались. Но Чертков был настойчив в своем намерении. Целую неделю он терпеливо ждал солнечной погоды. Дождавшись, он отправился вместе с проводниками к вершине на лошадях. Но миль за 9 до нее туристам пришлось вылезти из седел, так как лошади, идя по глубокому снегу, совсем выбились из сил и могли переломать себе ноги. Запасясь прочными палками, Чертков и его спутники, увязая в снегу по колено, рискуя покалечиться на горной тропе, в течение 5 часов поднимались наверх. Но, увы! Густое, черное дождевое облако покрыло всю вершину Этны, так что путники не только не смогли насладиться видом острова с вершины горы, который так прельщал всех путешественников, но даже не могли видеть друг друга на расстоянии нескольких шагов. Продрогшие до костей, в мокрой одежде, они повернули назад. «Как восхитительно в продолжение 4 часов быть перенесену как бы магическим жезлом из льдистой

Лапландии в вечно зеленые долины Катании! Я не в силах описать, что происходило со мною на возвратном пути с вершины Этны. Чувства мои были так живы, так скоро следовали одно за другим, так избыточествовали каким-то тихим наслаждением душевным, что я даже и сам не могу дать себе полный в них отчет. Это было что-то неземное» (С. 189). Одна из акварелей, снятых во время этого нелегкого восхождения, воочию убеждает в необыкновенном энтузиазме Черткова, поскольку похоже, что именно он, первым взобравшись на очередную возвышенность, радостно приветствует с высоты своих спутников, осторожно и, можно сказать, меланхолично бредущих в глубоком снегу друг за другом к заветной цели.

Страть коллекционера и на Сицилии не отпускала Александра Дмитриевича. «Богатое собрание ваз находится в Музее неаполитанского короля, Ватиканском и у некоторых частных людей в Италии». У одного из местных знатоков Сицилии, г-на Полачи, обладателя коллекции в 200 сицилийских ваз и автора двух диссертаций, Чертков купил несколько таких ваз с изображениями и, заказав для них особые ящики, надеялся довести в целости до Мессины, а оттуда уже без затруднения они могли быть «пересланы водою в Россию». Не скупился он и на приобретения минералов: радостью покупки нескольких прекрасных кристаллов Чертков делился со своими читателями. Но и тут не обошлось без неожиданностей. В Катании он не нашел ни одного торговца «произведениями естественной истории». Быть близко от Этны и не иметь нескольких геологических образцов?! «Тут любителю

природы остается только одно из двух: собирать самому минералы, рассеянные по всей обширности огнедышащего вулкана, что довольно трудно и требует много времени, или положиться на слова какого-нибудь каменщика, который вас снабдит множеством валунов» (С. 157, 159). Разочарование с минералами ожидало путешественника не только на Сицилии, но даже в Риме и Флоренции.

Чертков записал много наблюдений этнографического характера. Примечательно его едкое замечание, которое не вошло в книгу, относительно меню сицилийцев, раскрывающее также и гастрономические вкусы русских путешественников. «Мы не видели ни капусты, ни репы, ни моркови, ни редьки, ни огурцов, ни салата, ни даже свеклы и картофеля, одним словом, никаких овощей, которые столь обыкновенны даже в северных странах: сеют одни бобы, и то не для себя, а кормят ими лошадей. Питаются сами одной pasta, т.е. макароны и прочая гадость из теста»⁴⁴. Наблюдения Черткова позволили ему прийти к выводу: «Натура делает все, люди не хотят ничего, кроме пасты и монахов; одним словом, рай земной, обитаемый нищими монахами и ленивцами. Если бы неизвестно было, что Сицилия принадлежит Фердинанду, то, право, можно бы было подумать, что они не имеют государя, ибо нигде не видно ни правительства, ни власти, ни войск... Можно ее принять за обширный монастырь, ибо только и видишь одних монахов. Как у нас ребенок 7 лет играет деревянною саблею... или бьет в барабан, так и здесь ему дают четки и образки, едва он начинает владеть руками»⁴⁵. «Из этой прекрасной страны можно было сделать вторую Швейцарию с

климатом Греции и пальмами Востока», — заключал Чертков. 9 мая 1824 г., проведя на острове 49 дней, он возвратился в Неаполь.

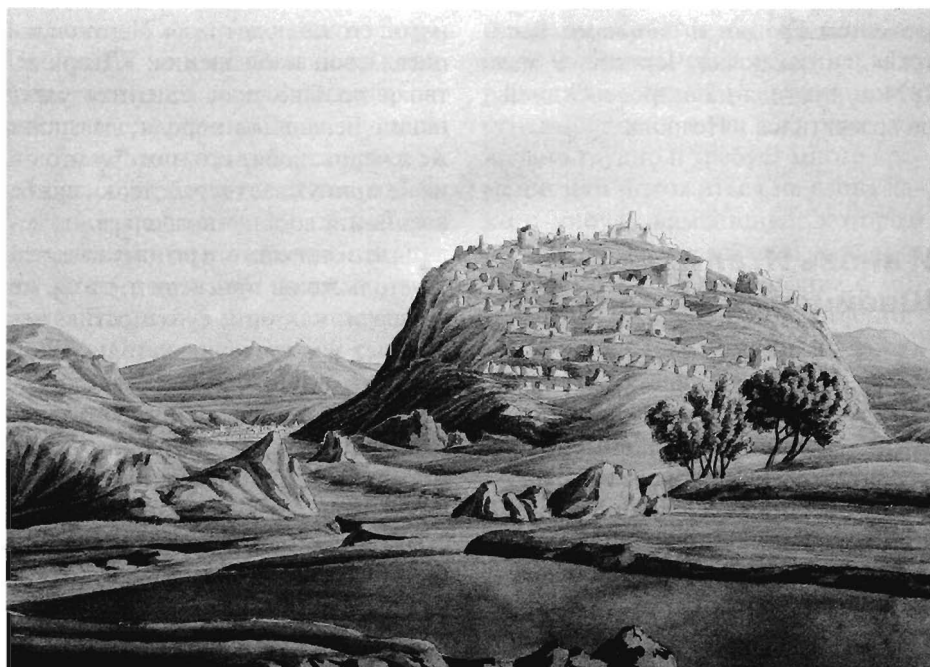
И вновь Италия, Швейцария, Италия

В Неаполе наш пытливый путешественник безуспешно нарушал покой служителей в королевской библиотеке «Vergonica» и библиотеке «Vrancassiana». Впрочем, в королевской библиотеке ему пообещали показать какую-то русскую грамоту, но найти ее надеялись лишь через месяц, столь показательный порядок царил у них в хранилище⁴⁶. Образцовый хаос заправлял и в минералогическом собрании университета, расположенном в красивых шкафах обширной залы. Удивление Черткова сменилось на негодование, когда он узнал, что надлежащий порядок был нарушен перед посещением университета австрийским императором. «Стыдно профессорам в XIX в. располагать богатый кабинет для того, чтобы лучше бросился в глаза невеждам»⁴⁷. Тщательно составленная коллекция ученого Монтичелли, собранная на Везувии и в его окрестностях в продолжение 18 лет, понравилась Черткову, и он ее рекомендовал «начитанному любителю минералогии»⁴⁸.

В Неаполе Чертков пытался проанализировать, почему здесь в 1820 г. неожиданно легко и быстро победило восстание и была провозглашена конституция, а затем буквально через несколько месяцев в два-три дня было сломлено сопротивление войск конституционного правительства и

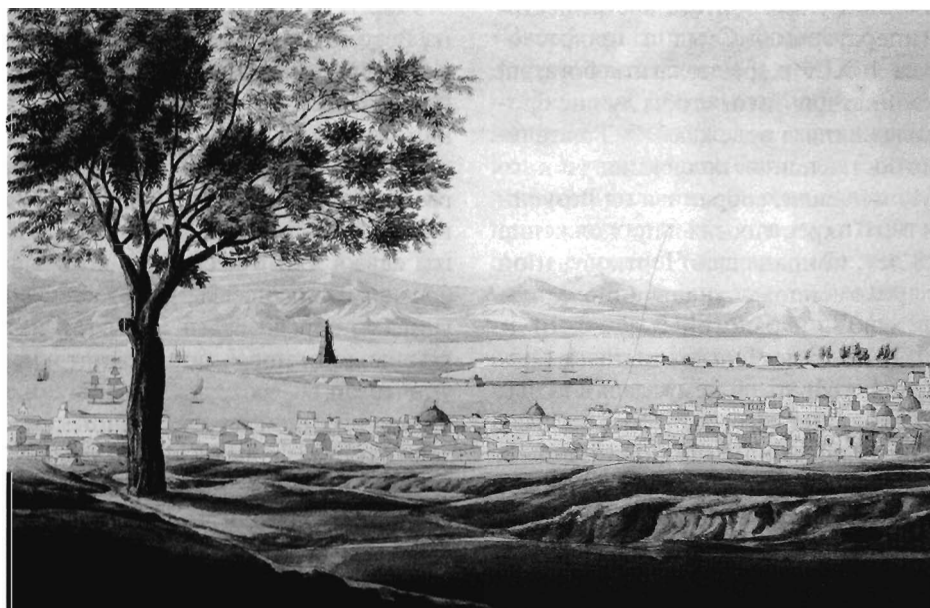
народ его не поддержал. Чертков записал свои наблюдения: «Дворянство и вообще просвещенная часть нации ненавидят короля; лазарони же и чернь любят его, потому что он их не принуждает к работе, к службе военной и вообще позволяет им делать, что они хотят, и потому еще, что он столь же не просвещен, столь же суеверен, как они: с точности исполняет все суеверия католической религии, присутствует при процессиях, говорит наречием простого народа, восстановил опять множество монастырей и возвратил им их имения... Если бы строгое выполнение суеверий и обрядов католической веры делало людей лучшими, то, конечно, все итальянцы были бы добродетельнейшими людьми во всем мире, но, к несчастью, опыт многих столетий доказывает, что именно в Италии было всегда больше убийств, более воровства на больших дорогах, более распутства, более разврата... нежели во всех прочих странах не католической Европы: вот новое доказательство, что все зависит от законов гражданских»⁴⁹.

Чертков не преминул подняться на Везувий, а 14 июня он воротился в Рим, с тем чтобы отправиться во Флоренцию. Длительные переезды, внимательный взор пытливого чужеземца, наблюдения и дорожные размышления, невольные сравнения виденного: «...а наши имеют в год едва 4 или 5 месяцев, в которые должен пахать, сеять, жать, косить, убирать, перевозить и пр., счастливы еще, если морозы не захватят и не уничтожат все их труды. У нас мужику пропитание и существование выходит кровавым потом; здесь он, так сказать, шутя и для препровождения времени производит все свои работы: стоит только бросить горсть зерен, и потом жатва является на поле...»⁵⁰.

Из альбома «Воспоминания о Сицилии». 1824 г. Художник Штанге. ГПИБР

М. М. Фролова. Александр Дмитриевич Чертков (1789—1858)

Во Флоренции в библиотеке Mediceo-Laureniana, имеющей около 10 тыс. манускриптов, Черткову показали Вергилия, Пандекты Петиниановы, найденные в Амальфи, Птолемею географию со многими картами. Чертков списал некую славянскую рукопись на пергаменте, написанную глаголицей. Славянские манускрипты находились в отделении Востока, и списанная рукопись была помечена как армянский манускрипт. «Может быть, в числе прочих восточных есть еще славянские рукописи, ибо ни один из библиотекарей не знал сего языка», — отметил Александр Дмитриевич⁵¹.

Ливорно, Пиза, остров Эльба, вновь Ливорно. «Здесь нет дворян, князей, вельмож и, так сказать, только два класса людей: купцы и работники; здесь заслуги ничто и одни лишь деньги в почете. Здесь слово «отечество» не имеет никакого значения; здесь все во всей силе слова настоящие жиды: всякий лишь думает о своем выигрыше, всякий занят предполагаемым им оборотом и употребляет всю свою силу, все напряжение своего ума, дабы получить больше денег, одним словом, это настоящий торговый город. Ливорно не имеет ни одного сада публичного, ни одного места, обсаженного деревьями, где можно было [бы] гулять во время несносных летних жаров»⁵².

В Генуе Чертков пробыл 8 дней, осматривая город с 10 до 2 часов и с 5 до 8 часов вечера. Русский гость с особым пристрастием осматривал госпитали, дома призрения, школу для глухонемых, странноприимные дома, и не только в этом городе. Он не упустил возможности посетить ботанический сад и музей натуральной истории маркиза Дуразо, в котором высокие, до потолка, шкафы были наполнены без всякого поряд-

ка и системы. Нередко сталкиваясь с подобным явлением, Чертков уже спокойно констатировал, что хозяин расположил экспонаты более для глаз и украшения стен, нежели для служения науке⁵³.

Чертков любовался Туринном, а мысли его все равно возвращались к России, к жарким спорам о вреде и необходимости заимствований у иностранцев. Изведав холод зимой в Турине, где у местных жителей не было ни печей, ни теплой одежды, Александр Дмитриевич заметил: «Но таков всегда человек: он лучше переносит неприятности, к коим привыкает с младенчества, чем решится переменить свой образ жизни и перенять что-нибудь лучшее у иностранцев; сверх того, итальянцы никогда почти не оставляют своего отечества, даже весьма редко ездят в другие части Италии, и потому теперь жизнь северных народов им совсем неизвестна»⁵⁴. Чертков посетил музеи, библиотеки, университет, а также госпитали, воспитательный дом для сирот и бедных детей. Для чего зарубежному туристу посещать места скорби и людского несчастья? Ответ может быть однозначен: Чертков изучал чужой опыт благотворительности. Он ищет, ищет ответ на вопрос, как преобразовать общество, как превозмочь нищету и убожество нравов. В Турине он заметил отсутствие фабричного производства, что способствовало «одностороннему развитию экономики, основанной на невыгодной для туринцев торговле шерстью, т.е. сырым продуктом, с англичанами, которые затем ввозят в Турин шерсть в виде сукна и прочих шерстяных изделий, за кои надобно гораздо больше платить денег, чем нежели государство получает за проданную шерсть». Чертков попытался заглянуть в будущее города,

в котором предвидел неминуемые беды от столь недальновидной позиции властей. «Государство достаточно имеет число населения для того, чтобы обрабатывать свои поля, но, прибавляясь ежегодно по известной статистической пропорции, через 100 лет будет иметь излишнее число рук, несообразное уже с числом ее полей, чем тогда сии люди будут питаться? Они соделаются тягостью государству и народу»⁵⁵.

Иные земли, люди, законы, нравы ожидали Черткова в Швейцарии. Женева, Лозанна, Берн, Цюрих. Маленькая страна с населением менее 2 млн человек была конфедерацией самостоятельных государств — кантонов, в каждом существовали свои меры длины, веса и т.д., при проезде через кантон взимали пошлины. Чертков внимательно всматривался в условия жизни людей и в самих жителей, поскольку их государственное устройство было особым. Он скрупулезно заносил в свой журнал сведения о функциях и составе Совета представителей народа — верховного и законодательного органа власти в Женевском кантоне. Отметив про себя, что высшие классы в других странах более просвещены, тут же поправился, подчеркивая, что подобное сравнение неверно, поскольку в Швейцарии «сии высшие классы не существуют, но уверительно можно утверждать, что ни в каком народе средние и нижние классы людей не имеют одного столько, как в Женеве». Русский путешественник обратил внимание на значительное число бесплатных школ и училищ, в которых детям дают лучшее воспитание, «от сего происходит множество учителей, наставников и мадамов, у нас находящихся из Женевы». Но не только знаменитые ученые, сделавшие себе имена в Европе, такие как Лефорт,

Руссо, Боннет, Сессюр, Делюк и прочие, ярко свидетельствуют о просвещении городка, имеющего 20 тыс. жителей, сколько женщины, «коих просвещение столь далеко отстоит во многих странах Европы от мужского». Здесь в общей массе они ничем не отставали от мужчин. В размышления о воздействии хорошего образования на общество вписываются наблюдения Черткова о том, что «отличных личиков не видно», впрочем, «любезность, хороший тон в обществе, приятные разговоры, милое обращение, по-моему, не только заменяют немую неподвижную красоту лица, но весьма часто ее превосходят»⁵⁶. Благотворное влияние просвещения сказывалось и на нравах в Женеве и Лозанне, которые «столь непорочны, что молодые девицы ходят одни без матерей в 10 часов вечера по темным аллеям, и никто не смеет их обидеть, даже сказать мимоходом какую-нибудь шутку на ее счет»⁵⁷.

Пробыв 8 дней в Женеве, 17 августа Чертков приехал в Лозанну, чтобы полюбоваться красотой прославленного озера, чьи окрестности напоминали просвещенному путешественнику о знаменитых людях: Вольтере, Боннете, Некере, Руссо, Галлере и проч., в разные времена и в разные эпохи живших здесь, привлеченные очарованием озера. Чертков не был бы Чертковым, если бы не свел знакомство с профессором зоологии Шаванном, который показал русскому путешественнику два больших собрания минералов, из которых одно расположено по методу Нану и другое — по Лернеру, собрание минералов из Сибири, подаренное Лагарпом⁵⁸.

20 августа /1 сентября дорога, ведущая из Лозанны в Берн, бежала вдоль полей, на них весело зеленел овес, хлеба стояли несжатые. Вспо-

миналось милое отечество, в котором в эту пору поля уже опустели. Когда Чертков увидел, что на прелестных берегах Цюрихского озера растет виноград, хотя здесь бывают морозы в 25 градусов и ниже, то для него это было новое доказательство, что он может расти и в России⁵⁹. В Швейцарии Чертков надеялся увидеть хваленую чистоту, о которой так много читал. Но страна оказалась ничем не чище, чем Германия, правда, в сравнении с Италией Швейцария «покажется очень чистой, но ведь Италия не входит в общий счет, говоря о европейских государствах, ибо она есть нечистойшей земля в целой Европе (исключая, может быть, Турцию)»⁶⁰.

В Берне Чертков осмотрел хороший кабинет минералов пастора Виттенбаха, где названия были написаны на латыни, и собрание поменьше, расположенное по Лернеру, — профессора Мейснера⁶¹. В Лозанне Чертков нашел Чаадаева, в Люцерне — Шеппинга с женой и Юсупова, в Шафгаузене — князя Сергея Голицына⁶². Это, пожалуй, единственная запись в «Журнале», где вскользь упоминались имена русских путешественников, с которыми Чертков повстречался в Европе.

Если П.Я. Чаадаева не надо представлять нашему читателю, то о бароне Оттоне Дмитриевиче (Оттон-Густав) Шеппинге (1790—1874) ему ничего не известно. Барон ничем особым и не прославился, но в нашем повествовании он будет упоминаться как муж сестры Александра Дмитриевича Черткова, Марии. Шеппинг происходил из знатных курляндцев, приходился родным племянником графу П.А. Палену. Многие к нему не чувствовали расположения. Так, 24 сентября 1803 г. поэт Марин писал своему другу М.С. Воронцову (1782—1856): «Этот мальчик явля-

ется каждый день и вьется Суворову [князь А.А. Суворов] в душу. Я его, право, не люблю: он слишком доволен собою»⁶³. А.С. Пушкин также не жаловал Шеппинга, судя по его стихам: «Послание к князю Горчакову» («Питомец мод, большого света друг...»; 1819), «Чаадаеву» («В стране, где я забыл тревоги прежних лет...»; 1821). Впрочем, другие современники, например П.И. Бартнев, «вопреки шуточному отзыву Пушкина» отмечали в Шеппинге «многостороннюю образованность» и считали его человеком «вполне достолюбезным»⁶⁴. Военная карьера барона протекала весьма успешно: был флигель-адъютантом Александра I, с 1817 г. он был полковником Кавалергардского полка, в 1819 г. стал помощником начальника штаба Гвардейского корпуса, с сентября 1824 г. вышел в отставку генерал-майором «с мундиром и пенсией». Последуем теперь за А.Д. Чертковым в его путешествии далее.

В Гофвиле, в 2 часах езды от Берна, располагалась школа земледелия Фелленберха. В особом трехэтажном доме жили воспитанники из графов, князей, дворян лучших фамилий, среди которых Чертков встретил и русского князя Константина Суворова. В другом доме жило 60 бедных воспитанников, каждый из которых стоил ежегодно Фелленберху 80 франков (т.е. одежда, кушанье, белье, сапоги и проч.). Он принимал и 8-летних учеников, которые оставались у него до 20-летнего возраста: первые годы они ему стоили денег, но зато во 100 раз вознаграждали его впоследствии, «ибо они работали его поле», вероятно, поэтому каждый воспитанник должен был пробыть в школе не менее 4 лет. «60 сильных молодых здоровых и получивших уже теоретическое познание в экономии

работников весьма много могут принести пользы в таком устроенном заведении, каково в Гофвиле»⁶⁵, — завершил свои записи Чертков.

«Увеселений, балов, собраний, театра здесь почти никогда не бывает; извечная расчетливость народов германского происхождения, их хладнокровие и в особенности строгое наблюдение обрядов реформаторского исповедания — причина сему и малой людности всех вообще жителей городов Швейцарии». Женщины крайне редко посещают «малые дружеские собрания», — записал свои наблюдения русский путешественник. «И ничего нет страннее, как собрание нескольких мужчин: все дело состоит в курении табака и в молчаливой прогулке взад и вперед по комнате. Они даже весьма редко садятся, и хозяин обыкновенно на 15 человек приготовляет 4 или 5 стульев. Хороших женских лиц не видал: стыдливы и неловки в обращении, ибо никогда не бывают в обществе с иностранцами. Да и своих сограждан также редко видят»⁶⁶, — продолжал свои записи Чертков. «Замечено, что протестантская вера, столько способствующая развитию всех путей, ведущих к просвещению, науке и истинному предопределению человека, не совсем способна к произведению сильных вдохновений поэзии, живописи и вообще изящных искусств: она делает добрых, мирных граждан, хороших отцов семейств, трудолюбивых искателей истины, вселяет нравственность, распространяет просвещение, но не имеет ничего такого, что могло [бы] воспламенить воображение, разгорячить рассудительные головы швейцарцев и подвигнуть их к чему-нибудь, выходящему за пределы их мирной, расчетливой жизни»⁶⁷. Из Швейцарии Чертков удалился вновь в Италию: Милан, Болонья, Флоренция.

Флоренция. Прибыв 12 октября 1824 г., Чертков провел всю зиму в этом городе.

Интереснейшее общество здесь ему составил итальянский ученый Себастьян Чиампи, который в 1825 г. возвратился во Флоренцию из Варшавы, где был несколько лет профессором филологии, и знал отчасти польский язык. Он интересовался русской историей, опубликовал книгу о взаимоотношениях Польши и России с Италией, а также труд о неизданных итальянских документах о Дмитрие Самозванце. П.И. Бартенев (а за ним и другие) указывал, что именно под влиянием С. Чиампи А.Д. Чертков увлекся историей Италии и ее археологией⁶⁸. Немировский добавлял, что общение с Чиампи помогло Черткову овладеть итальянским языком. Кроме того, он полагал, что «именно в ходе бесед с Чиампи Чертков начинает понимать, какой богатый материал по истории России могут дать итальянские архивы»⁶⁹. Однако все было, как мы уже понимаем, далеко не так.

Знакомство русского путешественника и итальянского ученого состоялось только в 1825 г., когда Чертков свое изучение Италии и ее памятников, музеев и архивов уже завершал, поэтому к заслугам Чиампи никак нельзя причислить формирование научных интересов Черткова. Иное дело, Чертков нашел в Чиампи ученого, обладавшего массой познаний о загадочном народе этрусков, на землях которого ныне располагалась Флоренция. Еще на Сицилии год назад Чертков рассматривал этрусские надписи и отметил сходство этрусского письма с «руническими буквами, в употреблении бывшими у славян Балтийского моря». Для себя он тогда же записал: «Весьма интересно бы было сравнить те и другие между собой»⁷⁰. Общение же со знающим специалис-

том, к тому же симпатизировавшим славянам и, вероятно, очень милым человеком, быстро переросло во взаимную привязанность, которая сохранялась многие годы. Впоследствии не без содействия Черткова Чиампи был избран членом-корреспондентом московского Общества истории и древностей российских. А в тот год Чиампи, найдя в Черткове благодарного собеседника, делился с ним своими познаниями об этрусках. И, вероятно, они исходили вместе вдоль и поперек ближайшие развалины этрусских городов (Пистойя, Фиезоле).

Флоренцию избрали своим местом жительства воронежские соседи Чертковых Бутурлины, перебравшись сюда из Петербурга в 1817 г. для поправления здоровья графа Дмитрия Петровича (1763—1829). Здесь они купили старинный четырехэтажный дворец — Палаццо Никколини. Около 1825 г. Анна Артемьевна, та «старая дама», которая сделала замечание юному Александру Дмитриевичу относительно его французского языка, со своими дочерьми и старшим сыном перешли в католичество. Чертков пытался вскрыть причины притягательности католицизма для Бутурлиной, княгини Волконской и других русских дворянок и дать ответ на страницах своей книги «Воспоминания о Сицилии»: «Вера в том состоянии, в каком она теперь находится в Сицилии, состоит большей частью из соблюдения наружных форм, в мелочных исполнениях предписаний правил и в совершенной уверенности, что Папе дана свыше безусловная власть разрешать преступления, какого бы они рода ни были. Вот от чего она так привлекательна для приезжающих в Италию путешественниц... вот почему они так часто принимаются и покидают исповедуемую их родителями, предка-

Граф Дмитрий Петрович Бутурлин

ми и соотечественниками [веру] в Риме, где перемены веры обыкновенно случаются при посредстве раздушенных аббатов. Как часто мы об этом соболезновали!»⁷¹.

Граф и его младший сын Михаил остались верны православию. Д.П. Бутурлин имел даже домовую церковь. Он, крестник императрицы Екатерины II, закончил Сухопутный кадетский корпус, был адъютантом у Г.А. Потемкина, директором Императорского Эрмитажа. Дмитрий Петрович обладал обширной начитанностью и феноменальной памятью, позволявшей ему цитировать наизусть латинских и французских классиков, что делало его превосходным собеседником. В Московском пожаре сгорела его библиотека, наполненная книжными редкостями, но он сумел собрать новую в 33 тыс. томов, которая, впрочем, через 10 лет после его смерти, с 1839 г. продавалась с аукциона в Париже фирмой Сильвестр. Граф покупал картины, писал французские стихи, с огромной любовью занимался

Николай Иванович Тургенев

садоводством. Доходы от воронежских и калужских имений позволяли Бутурлиным жить безбедно под южным небом Италии⁷². Они весьма полюбили Черткова и звали его «le Voronégien» (воронежец)⁷³.

Чертков обычно не записывал в «Журнал» о своих встречах с соотечественниками. Из переписки П.Я. Чаадаева и Н.И. Тургенева, также странствовавших в это время по Европе, становится ясно, что Чертков весьма коротко был с ними знаком, что подтверждает и «Дневник» Тургенева за 1824 г. И это очень ценное для нас свидетельство. Николай Иванович Тургенев (1789—1871) учился в Московском университете, затем в Геттингене, одном из важнейших центров европейского просвещения, где окончательно выработался в нем убежденный враг крепостного права и всякого насилия. Его карьера складывалась весьма успешно: в августе 1816 г. он служил статс-секретарем Государственного совета,

с 1819 г. — управляющим III отделением Канцелярии министра финансов. В 1818 г. опубликовал книгу «Опыт теории налогов». Расстроив здоровье чрезвычайным трудом, Тургенев в апреле 1824 г. уехал лечиться за границу, получив отпуск на неопределенное время с сохранением всего содержания и с производством в действительные статские советники. В ближайшем будущем его ждал министерский пост, предназначенный ему государем. Но он был видным деятелем декабристского движения, членом Коренного Совета — руководящего органа «Союза Благоденствия» и «Северного общества». В январе 1826 г., находясь в Эдинбурге, Тургенев узнал, что привлечен по делу декабристов как бывший член «Союза Благоденствия». Но он не поспешил в Россию. Не явившись на призыв Верховного уголовного суда, Тургенев был приговорен к смертной казни, замененной Николаем I пожизненной каторгой. Возвращаться на родину при таких обстоятельствах Николай Иванович не думал. В 1856 г. он был восстановлен во всех правах.

На современников Тургенев имел влияние неотразимое. Он был хром, лицо его было серьезным и строгим. О Тургеневе писали: «Что меня в нем поражает — это властность, которую он естественно берет над другими; чувствуешь его превосходство, но нисколько этим не оскорбляешься: оно внушает лишь преданность»⁷⁴. «Он искренне, усердно любил Россию, уважал своих соотечественников... Он просто был человек с основательными познаниями, с благими намерениями и несбыточными мечтами... Он не скрывал своих желаний, и хотя ясно видел, что ни один из нас серьезно не может разделять их, не думал за то досадовать»⁷⁵. Сам

Тургенев с сожалением признавался, что нелегко сходился с людьми. «Но мне никогда не иметь друга! Это делает и меня вообще холодным ко всем без исключения, одна Россия занимает мое сердце, все помышление». Размышляя в Петербурге о жизни в чужих краях, он с горечью констатировал (25 декабря 1822 г.): «Я живу здесь, как нельзя более, в трактире; ни с кем не знаком; ни с кем, вероятно, знаком не буду, ибо по мере дальнейшего моего здесь пребывания число моих знакомых не увеличивается, но уменьшается»⁷⁶.

С таким сложным, незаурядным человеком Черткова свела судьба во Флоренции. Однако дневник Тургенева за 1824 г., по сравнению с прежними годами, читать скучновато, в нем почти нет сокровенных высказываний на политические или экономические темы. В тот год Николай Иванович чрезвычайно мучился своим желудком и серьезно страдал от вынужденной диеты, описанию которой уделено чрезмерное внимание. К тому же он часто лишь по обязанности путешественника описывал картины, скульптуру, церкви, дворцы, музеи, кабинет натуральной истории, сопровождая записи восклицаниями: «Богатство живописи здесь ослепляет!» Но для нас важно, что в этих экскурсиях, почти ежедневных, всегда совершаемых со специальной литературой в руках, Тургенева неизменно сопровождал Чертков. С ним он вечерами отправлялся в театр, ходил в библиотеку, ездил на приемы к Н.Н. Демидову, обедал, курил трубку у камина в его комнатах... Александр Дмитриевич свозил своего соотечественника в Фиезоле, но развалины этрусского города не произвели на Тургенева особенного впечатления. «Вероятно, под землю существует более сих ос-

татков», — заметил он скорее равнодушно. Однажды Тургенев «сделал с Чертковым порядочный моцион: пошли к его учителю Рарри, очень далеко и в каком-то захолустье». Чему учился Чертков? Как-то в музее обратив внимание на то, что на некоторых древних печатях «литеры выпуклые» и сделаны так же, как и те, что служат для печатания, Чертков, по мнению Тургенева, «справедливо удивлялся, что древние были столь близки к открытию книгопечатания и что между тем оно оставалось неизвестным несколько столетий»⁷⁷.

Но ведь не только рукотворные красоты Флоренции занимали Черткова и Тургенева! Хотя, к слову, не все русские путешественники прилежно изучали и восторгались памятниками Флоренции. Волконская, «а значит, и Дурновы» за 6 месяцев своего пребывания в ней не удосужились побывать в знаменитом Палаццо Питти. «Странные люди! Хоть бы для того посмотрели, чтобы сказать, что видели»⁷⁸, — заключал в недоумении Тургенев. Так о чем же беседовали во время своих длительных прогулок по Флоренции или сидя у пылающего камина Чертков и Тургенев? Известно, что Тургенева «беллетристика и искусство... интересовали мало: он был человек по преимуществу политический, государственный, в высокой степени одаренный чувством равновесия и меры... Вместе с твердостью и неизменяемостью убеждений в душе Николая Ивановича жила несокрушимая любовь к правосудию, к справедливости, к разумной свободе — такая же ненависть к угнетению и кривосудию. Человек с сердцем мягким и нежным, он презирал слабость, дряблость, страх перед ответственностью. Грубость, неуважение к человеческой личности, жестокость

возмущали его несказанно...»⁷⁹. О содержании задушевных разговоров наших вдумчивых соотечественников во Флоренции можно только догадываться. И лишь однажды (6/18 ноября) Николай Иванович записал, что, предпочтя общество Черткова чтению, «проболтал с ним до 10 часов о взяточниках в России и, возвращаясь домой, думал, что отсутствие из России имеет ту большую выгоду, что не видишь дураков и взяточников, с которыми обязан даже быть в сношениях в России»⁸⁰.

Проведя 50 дней во Флоренции, Тургенев стал помышлять об отъезде. «Должен, ибо неохотно оставляю ее. Здесь я привык и мне не скучно. Главный ресурс для меня здесь из людей — Чертков. С ним бывал здесь я более всего... Но пора ехать! В Неаполь зовет солнце и намерение побывать в Сицилии»⁸¹. Не Чертков ли подсказал Тургеневу мысль о посещении этого дивно-го острова, где воочию можно было наблюдать впечатляющие последствия дурного правления? В верности предположения убеждают и высказывания Тургенева много лет спустя: «Прекрасно восстановив свои силы в Карлсбаде, я отправился на зиму в Италию и доехал до Сицилии. Эта чудесная страна и в особенности ее население живо интересовали меня. Каким бы мог стать сей остров с такими жителями при другом правительстве!»⁸². И последнее доказательство. Решимость Александра Дмитриевича оформить свои соображения относительно Сицилии в специальной книге, что, видимо, не раз обсуждалось с Николаем Ивановичем, явно запечатлелась в следующей записи Тургенева 5/17 ноября: «Мне сегодня, лежа в постели, пришло на мысль выдать мое путешествие по Италии. Мож-

но бы сделать маленькую книжку; описать некоторые картины, статуи, говорить о благосостоянии Тосканы и [описать] причины оно-го, находящиеся в правительстве. Коснуться Германии; говорить о важных переменах в Пруссии, как-то: о конскрипции, о новом устройстве крестьян, (о крестьянах в Италии) — и в доказательство, что институциями многое, если не все, сделать можно, привести новое устройство почт в Пруссии: доказательство мелкое, но сильное. Говорить о причинах, по которым Италия, несмотря на обработанность и благосостояние многих ее частей, являет[ся] мертвою. Но когда писать это?»⁸³. Как видим, замысел и направленность содержания предполагаемых книг у Черткова и у Тургенева поражают своей схожестью.

На наш взгляд, под влиянием бесед с Чертковым о его впечатлениях об Италии и ее населении в дневнике Тургенева появилась запись 17/29 октября: «Правду пишет Angelis в *Revue Européenne*, что, несмотря на множество путешественников, народ в итальянской земле весьма мало известен. Здесь иностранцы живут с памятниками, с произведениями искусства, с природою — и со своими земляками. До итальянцев им, как будто, и дела нет!»⁸⁴. Ни прежде, ни после Николай Иванович более не рассуждал о жителях сей чудной страны на страницах своего дневника.

Об этих днях во Флоренции Тургенев сообщал Чаадаеву: «Будучи в Италии, смотрю на картины и т.п. — что же здесь иначе делать? Но не могу сказать, что это меня очень занимало. Ал. Дм. Чертков может засвидетельствовать Вам рвение и усердие, с которыми я таскался по церквям и монастырям Флоренции, чтобы видеть картины, фрески и пр. Самое лучшее в этих походах было для меня общество

Черткова, и он более остался в моей памяти, нежели Вазари, St. Giovanni и даже великий Микель Анж, которого он так не жалует. Если Чертков еще во Флоренции, то скажите ему от меня усерднейший поклон»⁸⁵.

Последние итальянские записи Черткова посвящены отнюдь не красотам страны. Русский путешественник настойчиво продолжал изучать важный опыт организации человеколюбивых заведений. При монастыре церкви Делла Санта Анунциата находилось обширное здание для принятия сирот: одни только увечные и больные содержались «в оной, а прочие по мере поступления в оное отдаются крестьянам, живущим в окрестности столицы. Крестьяне получают небольшую сумму для их воспитания. Дети-сироты, живя таким образом за городом, дышат здоровым воздухом и исподволь приучаются быть со временем опытными хлебопашцами. Девочкам дают при замужестве их 25 здешних скудей (около 140 руб.)»⁸⁶.

И вот вывод, к которому пришел Чертков в конце своего путешествия: «Италия теперь почти в таком же точно положении, как была Греция при императорах; нынешние итальянцы, как древние греки сей эпохи, гордятся всем сделанным их предками, всеми произведениями их искусств и наук, великими делами, сделанными ими на сей классической земле, одним словом, всем им доставшимся от их предков; не только не подаются нимало вперед с прочими народами Европы, но день ото дня более и более отстают от них во всех частях просвещения, так что, если сие продолжится, скоро сравняются с нынешними греками. Да и чтобы вывести их из сей апатии, сего рода дремоты, нужно великое усилие, какой-нибудь большой политический переворот, ибо они столь уже глубо-

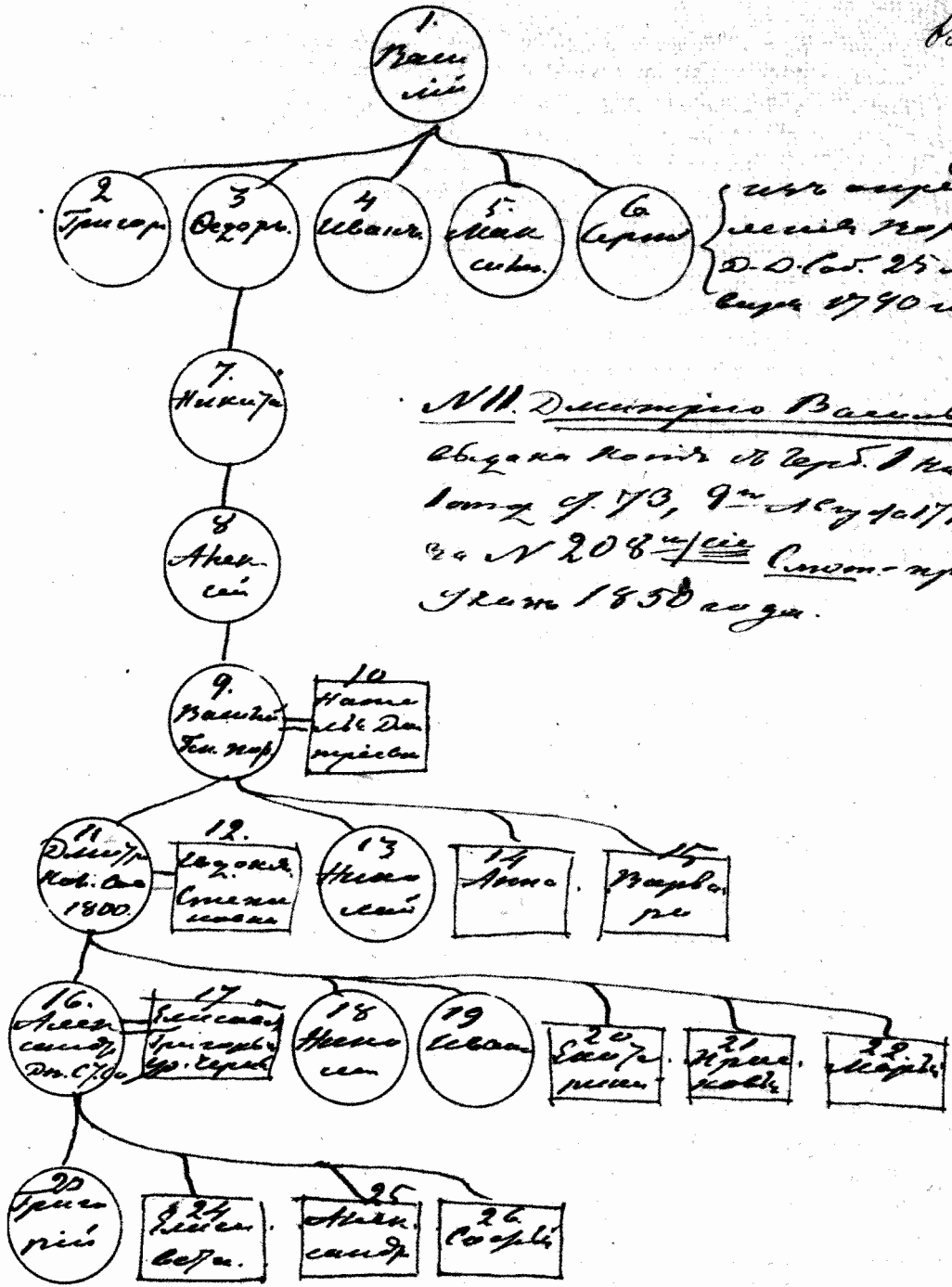
ко заснули, что нужно необычайный exproion, чтобы их разбудить, и впрочем, столь приятно il dolce far nicerte⁸⁷ под голубым небом Авзонии! Они уже потеряли всю деятельность, всю энергию новых народов, и Италия, как устаревшая красавица, живет только воспоминаниями побед, ею одержанных в молодые лета»⁸⁸.

С толь же суровы суждения Черткова о театре: «В здешние театры никакой иностранец не может ехать более одного раза, да и то надобно необыкновенное терпение, чтобы досидеть до конца: пиеса дается одна и та же в продолжение нескольких месяцев. Талантов отличных как по игре, так и по пению здесь нет (исключение Велути). Костюмы редко бывают сообразны с пиесою... Вот положение здешних театров и итальянской музыки, о коих я столь много наслышался в России, но, как говорит наша старая пословица: хороши Бубны за горами, переехав же оные, получаешь настоящую [картину] о положении вещей: ни здешние нравы, ни образ мыслей итальянцев вообще, ни здешние публичные увеселения, ни образ жизни, ни характер жителей — ничто не симпатизирует с ними. И русский, конечно, ни за что на свете не согласится провести жизнь свою здесь, не быв побужден к сему службою, или здоровьем, или какими-нибудь семейными причинами, но, вспоминая историю Рима, очаровательное положение и прекрасное голубое небо Неаполя, климаты Генуи, Пизы, памятники древностей, искусства и науки Флоренции и всей Италии, всегда будут привлекать мыслящих путешественников в сию классическую землю»⁸⁹. 12 апреля 1825 г. Чертков выехал из Флоренции в Болонью и через Моравию, Силезию (Форштад, Вишау), Вену (23 апреля/5 мая) заторопился домой в Россию⁹⁰.

Родословная рода Тягуновы

№ 15

все сыновья
сестры
Д. Д. Кол. 25
внук 1790

М. Давыдовна Васильева
внучка Павла Фед. сына
сын 9. 173, 9^м сына 1790
№ 208^м / Смирнов - сын
умер 1858 года.

Матриарх Афанасий Фед. сын
№ 9. переименован 1790 года, за коротким
именем Давыдов, и Богородицево
присвоено Деву. С. Патриарх.

№ 15

ГЛАВА 4

ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ

В Орле

В 1825 г. Чертков после двух-летнего отсутствия вернулся в Россию. Лето он провел в слободе Ольховатка Острогожского уезда. Брат Николай, подполковник Ольвиопольского гусарского полка, в который он был переведен в 1820 г. из ротмистров Кавалергардского полка, взяв четырехмесячный отпуск, в это же время жил неподалеку, в слободе Россоши. В 1825 г. он получил от отца «право на владение Россошью». Необходимые бумаги из Воронежа Дмитрий Васильевич отослал в Петербург, «где оно [право] было [в] Петербургской гражданской палате в 1-м департаменте явлено»¹. Не вызывает сомнения, что подобное «право на владение Ольховаткой» было передано Дмитрием Васильевичем и старшему сыну, только документы не сохранились; поэтому по возвращении из зарубежного пу-

тешствия Александр Дмитриевич начал обустраиваться в Ольховатке.

Неподалеку от Ольховатки располагалось имение Марьевка, которое было отдано в качестве приданного Марии Дмитриевне Чертковой, вышедшей замуж в сентябре 1823 г. за барона Отго Дмитриевича Шеппинга. Во время путешествия по Европе Шеппинга увлекла мысль о переустройстве Марьевки в образцовое хозяйство. В Саксонии он закупил мериносовых овец и, оставив молодую жену в Дрездене в добром здравии, сам доставил животных в острогожские степи. Похоже, что Мария Дмитриевна вслед за супругом вернулась в Россию, но не стала разделять его хлопот по устройству Марьевки, а отправилась принимать воды в Тифлис, куда в конце сентября засобирался и Шеппинг. С бароном у Александра Дмитри-

евича сложились очень добрые отношения, он его в письмах к сестре Екатерине Дмитриевне называл «брат Шеппинг».

Екатерина Дмитриевна проживала в это время в Орле, поскольку ее мужа Петра Александровича Сонцова, до того бывшего вице-губернатором (1815—1816, 1817—1820) и губернатором (1820—1824) Воронежа, назначили орловским гражданским губернатором (1824—1830), пожаловав чином действительного статского советника и орденом Св. Анны 1-й степени. Петр Александрович, по отзыву М.Д. Бутурлина, был добрейшим человеком². Александр Дмитриевич очень любил сестру и ее семью, не забывая в письмах к ней передавать теплые слова ее мужу, сыну Митеньке и двум своим племянницам, Евдокии и Александре³. В Орел, к дочери, частенько приезжал погостить Дмитрий Васильевич Чертков, который, как мы помним, продал свой дом в Воронеже воронежскому дворянству. Дмитрий Васильевич давал иногда обеды, на которых бывал и М.Д. Бутурлин: «Как теперь вижу почтенного этого старичка в рыжеватом парике, светло-сереньком, вроде пиджака, сюртуке и с добродушной его улыбкой. Когда он зимовал в Москве, его осыпали театральные артисты просьбами быть то посаженным, то крестным отцом, от чего он редко отказывался»⁴.

И именно сюда, в Орел, на зиму из своих имений приехали в 1825 г. члены дружного семейства Чертковых: Александр Дмитриевич, Николай Дмитриевич, Мария Дмитриевна с супругом. Причем Николай Дмитриевич, «домовой отпуск» которого закончился, задержался в кругу родных долее из-за болезни. Сохранилась справка, выданная в январе 1826 г., о том, что Чертков «одержим болез-

ненными припадками: хроническим кровохарканьем и сильною болью в груди, сопряженною с изнурительной лихорадкой»⁵.

Только Иван Дмитриевич не смог отлучиться из Петербурга — служба. 28 января 1826 г. он был произведен в полковники. Вообще Иван Дмитриевич начал службу в 15 лет, поступив коллежским секретарем к воронежскому гражданскому губернатору, затем он перешел в Арзамасский конно-егерский полк прапорщиком, причем исполнял должность адъютанта при шефе своего полка генерал-майоре И.А. Хрущове (1774—1824), сыне А.И. Хрущова, бывшего коменданта Воронежа⁶. Иван Алексеевич был Чертковым далеко не чужим человеком. Его сестра, Наталья Алексеевна Хрущова, вышла замуж, как мы помним, за Николая Васильевича Черткова, а их сын Алексей Николаевич Чертков (1797 — после 1842) в 17 лет поступил служить прапорщиком в Арзамасский полк под начало своего родного дяди. Его примеру позже последовал и младший брат Дмитрий Николаевич (1802—1851)⁷. Сам генерал-майор И.А. Хрущов выбрал себе в жены юную Прасковью Дмитриевну Черткову, их венчали 7 февраля 1812 г. Но семейное счастье было слишком коротким, 29 мая 1813 г. она умерла⁸.

Кампания 1814 г. украсила мундир И.Д. Черткова орденами Св. Анны 3-й степени и Св. Владимира 4-й степени с бантом. В 1816 г. он был адъютантом генерал-лейтенанта графа П.П. Палена, в 1820 г. — генерал-адъютанта И.В. Васильчикова, командовавшего Гвардейским корпусом, в 1822 г. — генерала от инфантерии князя П.М. Волконского, начальника Главного штаба Его Величества. 27 ноября 1826 г.

Чертков стал адъютантом у великого князя Михаила Павловича, начальника военно-учебных заведений. Иван Дмитриевич первым из братьев решил последовать настоятельным советам старшей сестры Екатерины Дмитриевны и обзавестись семьей. Он женился в июле 1826 г. на баронессе Е.Г. Строгановой (1800—1832), в которую был страстно влюблен граф Матвей Юрьевич Виельгорский (1794—1866), заслуживший впоследствии известность как меценат и

Граф Матвей Юрьевич Виельгорский

покровитель ученых, художников и особенно музыкантов. Елена Григорьевна, вероятно, отвечала графу взаимностью, и они были помолвлены, но по неизвестным причинам свадьба их не состоялась. Баронесса предпочла Ивана Черткова, а Виельгорский так и остался холостым⁹. Через год у Ивана Дмитриевича родилась дочь Александра (1827—1896), потом появились сыновья Григорий (1828—

1884) и Михаил (1829—1905). В 1830 г. родилась девочка, которую назвали в честь матери, но она недолго прожила. В 1832 г. при рождении дочери Софии (1832—1837) Елена Григорьевна умерла. Иван Дмитриевич сумел воспитать достойных сыновей, прибавивших славу фамилии Чертковых.

Но вернемся в лето 1825 г. Пока не наступили холода, Александр Дмитриевич Чертков, как и подобало отставному полковнику, наслаждался свободной жизнью в своей Ольховатке, над чем он слегка подтрунивал в письме от 24 июля 1825 г.: «...мои дни проходят в совершенном однообразии: все, что я делал вчера, я делаю в точности и сегодня, т.е. я веду жизнь философа, который ест, пьет, спит, купается, совершает верховые прогулки»¹⁰. На вечере, устроенном Николаем Дмитриевичем у себя в Россоши в сентябре, Александр Дмитриевич познакомился поближе с помещиками этой округи. Он скучал по сестре и отцу, но полагал, что сможет добраться до Орла лишь в конце октября, поскольку из-за дождей, как обычно, море разливанное на дорогах его не пустит. Но, на удивление, погода установилась прекрасная. Николай уже в середине октября уехал, а Александра задержали дела: не было закончено размежевание его земель, и он решил воспользоваться последними солнечными деньками, подаренными природой.

Правда, Чертков сетовал, что ему не пишет Шеппинг из Одессы и из-за границы нет ни слова. От кого он ждал письма? Новостей каких-либо он сообщить не мог, так как «мы живем в полном неведении того, что делается в нескольких верстах от нас: Ольховатка, Россошь, Марьевка — вот наша сфера, вот наш политический мир... и наше существование здесь

Барон Отто Дмитриевич Шеппинг

словно эпизод из жизни наших предков. И тот день, когда я отсюда уеду, будет самым счастливым днем в моей жизни»¹¹, — заканчивал Чертков свое письмо сестре Екатерине 12 октября 1825 г. Дорогой он вынужден был захватить на несколько дней в Воронеж, пребывание в котором повергло его в ужас: новые знакомые, возобновленные старые знакомства, презентации, дурное жилье, отсутствие экипажа, «знаменитая грязь¹² в моем родном городе... Как католики должны пройти чистилище, чтобы попасть в рай, так и я должен был миновать Воронеж, чтобы попасть в Орел и увидеть своих дорогих близких»¹³.

В Орле А.Д. Чертков, по свидетельству Бутурлина, «принялся усердно за латынь под руководством учителя местной гимназии», «незвизирая на свои тогда почти 40 лет»¹⁴. Когда Александр был ученического возраста, родители посчитали, что латинский язык их сыну будет без надобности. В конце XVIII в. среди

дворян распространилось представление, что латинский язык нужен только для лекарей и семинаристов¹⁵, хотя достопочтенные В.А. Чертков и С.И. Тевяшов прекрасно знали латынь. И их внук Александр Дмитриевич также овладел древним языком во всей полноте, что позволило ему перевести сведения о балканских войнах киевского великого князя Святослава в X в. из византийской «Истории» Льва Дьякона. Новый перевод потребовался потому, что изданный в 1820 г. русский перевод Д.П. Попова Черткова не удовлетворил из-за обнаруженных им ошибок и неточностей. И в дальнейшем Чертков много и плодотворно работал с источниками на латинском языке, выискивая известия о славянах.

Александр Дмитриевич в Орле узнал о кончине императора Александра I, траур по которому на целый год был объявлен 19 ноября 1825 г. Через Сонцова получили известие о выступлении гвардейских полков 14 декабря на Сенатской площади. Черткова и его ближайших родственников аресты не коснулись. Но на торжественную коронацию нового императора Николая I в Москве в Успенском соборе Кремля 22 августа — 17 сентября 1826 г. Чертков не поехал.

Лето 1826 г. у Александра Дмитриевича прошло в хлопотах по устройству Ольховатки: продолжались работы по разграничению земель, которые вновь задержали его отъезд на зиму в Орел. Он решил построить новый дом, план которого доставили ему только в сентябре. Будущая усадьба устраивала своего хозяина во всех отношениях: строительство должно было обойтись недорого, в доме было 7 комнат, не считая прихожих, и он был снабжен всем необходимым¹⁶. Однако Чертков несколько лукавил, когда писал родным, что его жизнь в

Ольховатке скучна, пуста... Он изучал флору и насекомых в Острогжском уезде и составил им каталог. В его имении проживал доктор Карл Карлович Шуберт, который разделял интерес Черткова к естествознанию и с которым Чертков вел оживленную переписку в течение многих лет (1827—1835). Растения и насекомых, которые Чертков и Шуберт не могли определить по имеющимся у них изданиям, Чертков отправлял к профессору Петербургского университета Н.П. Щеглову для установления их видовой принадлежности. Профессор Щеглов был хорошо известен в среде любителей естественной истории. В 1824 г. он начал издавать научный журнал с несколько длинным названием «Указатель открытий по физике, химии, естественной истории и технологии», который сразу обратил на себя внимание ученых и всех, кто был неравнодушен к наукам. В 1825 г. из-под его пера вышла весьма содержательная книга «Хозяйственная ботаника» о полезных и вредных растениях России с чертежами и раскрашенными рисунками, за которую автор получил от императора бриллиантовый перстень. Впрочем, Александр Дмитриевич не доверял безоговорочно мнению столичного знатока и не раз просил Карла Карловича подтвердить правдоподобность некоторых названий растений, атрибутированных Щегловым¹⁷.

Удивительно, что в 1829 г., даже вернувшись в действующую армию во время Русско-турецкой войны 1828—1829 гг. и будучи чрезвычайно обремененным службой, Чертков выкраивал время для своего увлечения. Сохранилось несколько писем Черткова к Шуберту из Умани, где тогда были расквартированы резервы 2-й гусарской дивизии. 11 мая 1829 г. Чертков

сообщал о том, что в последнем журнале Щеглова он обнаружил каталог растений, экземпляры которых они с Шубертом послали профессору прошлым годом. Чертков их скопировал и отослал в Ольховатку. Он просил Шуберта, если у того будет время, «продолжать нашу коллекцию растений в этом году и все, что вы считаете стоящим, отослать Щеглову». Что же касается насекомых, Александр Дмитриевич советовал собирать только редких и достойных для коллекции, так как «обычных, часто встречающихся у нас уже достаточно в Ольховатке». В Умани, как Чертков успел заметить, климат очень хороший, «можно было бы собрать много растений и насекомых, но я слишком занят по службе»¹⁸. Чертков посылал Шуберту в Ольховатку медикаменты и газеты, заботился, чтобы туда приходили свежие немецкие газеты¹⁹. Впоследствии, когда Чертков, женившись, со своей семьей поселился в Москве, уже домашние обстоятельства часто не пускали его в Ольховатку, куда он всегда рвался всей душой. Из Москвы в Острогжский уезд тогда посылались семена растений (в 1830 г.), просьбы сделать по весне сборы растений и насекомых (в 1833 г.). Чертков беспокоился, в порядке ли его коллекция насекомых, не портится ли она. Шуберт аккуратно выполнял задания Черткова, посылая ему из Ольховатки собранные коллекции. Желая поощрить Шуберта и отметить пользу его занятий наукой, Чертков в 1832 г. небезуспешно хлопотал для него о дипломе Академии наук²⁰.

Сам Александр Дмитриевич 3 марта 1826 г. был избран в почетные члены Московского общества испытателей природы. Это было, похоже, первое научное общество, куда он

Григорий Иванович Фишер фон Вальдгейм

пожелал вступить, и его деятельность заслуживает нашего внимания. Московское общество испытателей природы было основано в 1805 г. по инициативе профессоров Московского университета, среди которых наиболее влиятельным был зоолог и палеонтолог Г.И. Фишер фон Вальдгейм (1771—1853). Основной задачей, которую ставило перед собой Общество, было изучение естественных наук и прежде всего природы родной страны. Однако не перед всяким желающим Общество гостеприимно распахивало двери. Согласно его Уставу требовалась рекомендация кого-либо из членов Общества, «которому известны познания кандидата»; к тому же надо было представить Обществу какое-нибудь «рассуждение» или быть автором сочинения, известного в ученом свете, и получить при баллотировке не менее 3/4 голосов. Сочинения членов Общества

могли быть изложены на русском, латинском, французском, английском, итальянском или немецком языках. Членский взнос равнялся 30 руб. в год, что составляло примерно от 10 до 25% годового оклада профессора или преподавателя²¹. Столь высокий взнос служил препятствием к расширению состава Общества, и со временем сумма взноса была снижена. К слову, об изменении Устава в сторону большей доступности Общества безуспешно хлопотал М.Ф. Орлов, который был избран в его члены в 1831 г. Почетными членами избирались лица, оказавшие Обществу крупную материальную или организационную услугу, а также ведущие русские и иностранные ученые. Вначале предполагалось провести всестороннее и детальное изучение Московской губернии, но Общество вскоре начало организовывать снаряжение экспедиций и экскурсий для сбора зоологических, ботанических и минералогических коллекций и выявления природных богатств в различных областях страны. Ботанические коллекции, присылаемые в дар Обществу, научно обрабатывались, а результаты этой работы публиковались, что способствовало накоплению ценного материала по состоянию зеленого царства России и созданию ботанико-географических очерков. С 1818 г. Общество от казны ежегодно получало 10 тыс. руб.²². Составление Чертковым ботанических и энтомологических коллекций шло в русле развития и потребностей естествознания России 20-х гг. XIX в.

В архиве Черткова хранится его сочинение «Описание флоры Острогского уезда», которое вполне подтверждает серьезность занятия ботаникой нашего героя. Интересно сочинение также и тем, что Алек-

сандр Дмитриевич написал его на итальянском языке. Историк Немировский высказал предположение о том, что предпочтение, которое Чертков оказал итальянскому языку, можно рассматривать как своеобразную дань его путешествию по Италии. Впрочем, не исключена и такая возможность, что это описание Чертков подготовил специально для какого-нибудь итальянского любителя или профессионала-ботаника. И вполне вероятно, что это сочинение могло быть зачитано Чертковым на заседании Общества испытателей природы, чтобы узнать компетентное мнение его членов о проделанной работе, благо, что выбор языка оставался за докладчиком.

В журнале Общества за 1829 г. рассказывалось об успехах энтомологии в России, о том, что ею увлеченно занималось около 50 человек, проживавших в различных губерниях страны, включая Сибирь. Среди них мы находим и имя Черткова. В 1828 г. он прислал директору Г.И. Фишеру «насекомых Воронежа»²³. С 26 мая 1836 г. Чертков являлся постоянным членом комитета, управлявшего делами Московского общества испытателей природы. К нему нередко обращались за финансовой поддержкой, например, для издания на русском языке журнала «Вестник естественных наук»²⁴. В Кратком отчете о трудах Общества, «читанном 28 декабря 1855 г. по случаю его 50-летнего юбилея», имя А.Д. Черткова значится среди лиц, которым выражалась особая признательность «за неоднократные повторения взносов или большую значительность»²⁵.

Президентом Московского общества испытателей природы приглашали быть преимущественно попечителей Московского университета и попечителей Московского

учебного округа. Но реальным руководителем Общества являлся его вице-президент, которым долгие годы (до 1852 г.) был профессор естественных наук Г.И. Фишер фон Вальдгейм. Он приехал в Москву в 1804 г., стал директором Музея Московского университета и президентом Императорской Московской медико-хирургической академии. Последняя была «обязана ему почти всем своим существованием, а Россия отменными медиками. Богатый кабинет натуральной истории, расположенный теперь в залах академических, — неоспоримо собственное создание этого доброго, благородного ученого европейского мужа»²⁶. Он издал учебники по зоологии и минералогии, описание ископаемых животных, насекомых и минералов, находимых в России. Фишер занимался также изучением библиографии и тополитографического искусства. Эрудиция Г.И. Фишера покорила Черткова, и он с удовольствием принял научные консультации профессора в составлении своего минералогического кабинета. Чертков также оказывал профессору разные услуги. Так, в начале весны 1834 г. Чертков попросил Шуберта собрать редкие растения для Г.И. Фишера фон Вальдгейма. В том же письме в Ольховатку он сообщил московские новости, в частности, о том, что М.А. Максимович, который был очень хорошим ботаником, переведен в университет Киева, но молодой Фишер [А.Г. Фишер, ставший после отца вице-президентом Общества испытателей природы (1853—1872)] остался в Москве и «преподает ботанику в университете; мы можем спокойно легко спрашивать его мнение по поводу незнакомых растений, так как я его хорошо знаю»²⁷.

Между Чертковым и Г.И. Фишером, ставшим частым и приятным гостем в доме Александра Дмитриевича, установились очень теплые отношения, питаемые любовью к науке и сохранившиеся до конца дней почтенного профессора. В декабре 1840 г. Чертков писал жене, которая гостила у своей сестры Софьи Григорьевны Чернышевой-Кругликовой в Яропольце, что у него в комнате Фишер и его племянник доктор К.И. Ренар разбирают вместе с ним раковины, так как «нынче воскресенье и мне не нужно ехать в присутствие. Все дети здоровы, и они все у меня внизу и смотрят на раковины»²⁸. В 1851 г. Чертков, выполняя просьбу прекрасного знатока книг С.А. Соболевского, писал ему, что Фишер очень стар и почти лишился зрения, а порой даже забывал, что говорит. Александр Дмитриевич попросил Григория Ивановича подарить ему книгу, которую разыскивал Соболевский, если у Фишера остались экземпляры этого издания. Фишер, который был всегда рад услужить Черткову, пообещал поискать летом книгу на даче, где у него хранилась часть библиотеки. Учитывая немощь ученого старца, Чертков поручил дело доктору Ренару, который заверил, что сделает все, что может²⁹. Каталог Чертковской библиотеки воочию убеждает, что Александр Дмитриевич не переставал приобретать книги по естествознанию, например, в его «Всеобщей библиотеке России» (1838) даже выделен специальный раздел «Естественная история Российской империи» (Отделение VI), куда вошли 83 сочинения.

Таким образом, интерес к естествознанию, пробужденный замечательным воронежским педагогом Г.П. Успенским, активно прослеживается по записям А.Д. Черткова

в течение всей его жизни. Тесное общение со знаменитым ученым Г.И. Фишером шло в контексте непрекращающейся увлеченности Черткова естественными науками. Это следует иметь в виду, встречая многократно повторяющееся в биографиях А.Д. Черткова достаточно поверхностное утверждение, что, «лишь временно занявшись науками естественными под влиянием своего сближения с Г.И. Фишером фон Вальдгеймом и избрания в члены Общества испытателей природы, Чертков с его помощью составил себе большой минералогический кабинет, собирал коллекцию бабочек и описывал флору Острогожского уезда, но вскоре всецело посвятил свое время русским древностям»³⁰.

Женитьба

В 1827 г. ввиду назревавшей войны России с Турцией Чертков оставил на время свои научные занятия и вступил 15 июля 1827 г. в чине полковника в эрцгерцога Фердинанда (бывший Изюмский) полк. Эрцгерцог Австрийский Фердинанд был назначен шефом Изюмского полка 4 февраля 1826 г.³¹ Полк квартировал тогда в Орловской губернии в городе Ливны и входил в состав 2-й гусарской дивизии, которая была переведена в 1826 г. из Саратовской в Орловскую губернию. «По близости ее расположения к Москве и по заманчивому ее мундиру начали стекаться в нее молодые люди хороших фамилий и батюшкины сынки с состоянием»³², — свидетельствовал М.Д. Бутурлин. Военный историк С.В. Волков пишет, что с 1816 г. из

Граф Михаил Дмитриевич Бутурлин

отставки разрешалось принимать на вакансии только в тот полк, где прежде служил данный офицер, и только при отсутствии таковой его брали временно в другой³³. Вероятно, лейб-гвардии Конный полк не имел вакансий, но и в эрцгерцога Фердинанда полк Чертков был зачислен сверх комплекта в третий дивизион. Может быть, учли пожелание Александра Дмитриевича, который, видимо, хотел быть ближе к своим родным и к Ольховатке. К сожалению, документы Изюмского полка, архив которого ныне находится в Российском государственном военно-историческом архиве, за период 1827—1829 гг. не сохранились. Многие детали из службы Черткова поэтому можно восстановить лишь на основе его писем и воспоминаний М.Д. Бутурлина, правда, они писались графом на склоне лет и не избежали неточностей.

Чертков намеревался в начале января 1828 г. приехать дней на 15 в Москву, а затем, смотря по обстоятельствам, и в Ольховатку заехать,

навестить К.К. Шуберта³⁴. Но в Москве он оказался только 23 января, причем приехал в компании с Бутурлиным. Вначале они остановились в гостинице Шора на Кузнецком мосту, а затем Чертков переехал к своему отцу, «жившему в доме на углу Столешниковского переулочка и Петровки, на дворе против церкви Рождества Богородицы в Столешниках». Бутурлин поселился у своих родственников графов Чернышевых³⁵, занимавших тогда дом князя Гагарина, что на Знаменке. Был ли Александр Дмитриевич представлен семейству Чернышевых Бутурлиным в этот раз, или он познакомился с графом Чернышевым и его очаровательными дочерьми прежде — неизвестно. Бесспорным остается одно, что нашему герою очень приглянулась Елизавета Григорьевна Чернышева. Ее отец, граф Григорий Иванович Чернышев (1762—1831), олицетворял собой «офранцузенных екатерининских вельмож; он был очень любезен в обществе, свободно писал французские вирши и довольно плохо знал русский язык»³⁶. Граф Чернышев — «это один из самых любезных людей в свете — умный, острый, приветливый; а как образован, какой дар слова!» — отзывался Жихарев³⁷. При Александре I граф Чернышев занимал почетное, но мало обязывающее положение обер-шенка. Но в тайной масонской организации «Капитуле Феникса», которая объединяла в себе все крупнейшие аристократические фамилии России, Г.И. Чернышев занимал видное место канцлера и именовался «Рыцарем Луны». «Капитул Феникса» руководил многочисленной сетью масонских лож и был недоступен для наблюдения правительства.

От брака с Елизаветой Петровной Квашниной-Самариной (1773—1828), умной и добродетельной ма-

терью, у Григория Ивановича было 6 дочерей и сын. Чернышевы жили раздольной барской жизнью, позволившей при обширных имениях графа в черноземных губерниях — Орловской, Рязанской и Воронежской. В орловском имении Тагино³⁸ у них был свой хороший крепостной оркестр, который, по словам Бутурлина, «мог бы с честью занять место в любом столичном театре», а дочь капельмейстера в 1840-х гг. проживала в доме у Черткова. В Тагино имелся домашний художник, собственный доктор, особый штат учителей и т.д. Зимой и летом концерты, кавалькады, фейерверки, танцы и другие развлечения, на которые был горазд веселый хозяин, пронеслись непрерывной чередой. На семейные праздники в тагинских конюшнях стояло до 500 лошадей многочисленных гостей, живших у графа по несколько дней подряд. В обратную дорогу им непременно еще вручали корзины, полные персиков, абрикосов из роскошных усадебных оранжерей.

Дочери графа Чернышева были воспитаны в правилах патриархальной традиции и были очень привязаны к семье. Они получили домашнее воспитание под руководством гувернантки мисс Ивенс, которая привила им интерес к английской литературе. Знание английского языка свидетельствовало, по замечанию Ю.М. Лотмана, о более высоком, чем средний, уровне образования. В целом образование молодой дворянки было, как правило, более поверхностным, чем юношей. Она должна была владеть одним-двумя иностранными языками, уметь танцевать и держать себя в обществе, а также приобрести навыки рисования, пения и игры на каком-либо музыкальном инструменте и знания самых начатков истории, географии

и словесности. С началом выездов в свет обучение прекращалось³⁹. Сестры Чернышевы принадлежали «к основному типу увлекающейся эмоциональной натуры»⁴⁰.

Необыкновенно хороши собой были из них графиня Елизавета (третья дочь) и Вера Григорьевна. «Графиня Елисавета Григорьевна напоминала собой чисто восточный тип... У нее были большие, кофейного цвета глаза, правильные и тонкие античные черты лица на матово-смугловатом фоне, темные, но не совсем вороного крыла волосы, роста она была среднего, но превосходно сложена, приемы живые и отрывистые, но грациозна во всех движениях и даже в походке. С ранних лет она была невероятно худа и оставалась таковой до смерти. Экцентрических выходок было у нее немало; никакой, впрочем, аффектации в них не было, и они очень потешали ее друзей и даже более и более привязывали их к этой оригинальной женщине. Натура была пылкая и любящая, горячий друг своим друзьям, стояла за них горой перед кем бы то ни было, и таковой осталась до конца. Не смолчит она никогда, если кто-нибудь в ее присутствии из знакомых или незнакомых проронит какой-нибудь неодобренный или иронический намек насчет кого-нибудь из ее друзей... Чудное было создание, но многими непонятое!.. Кузина моя Лиза одарена была замечательно обширным сопрано, тщательно обработанным уроками петербургского маэстро Сапиенца... и мы певали вместе по целым почти дням»⁴¹, — вспоминал Бутурлин.

«Лиза для сердца, чувств своих и ума — совсем ангел». — «Лиза и мила, и добра. Сыщите ей хорошего жениха. Я бы за Орлова ее выдал. С ним и больная жена была счастлива.

Лишь бы он хорошо влюбился, остальное устроится»⁴², — рассуждали в своей переписке от 1825 г. два брата, А.Я. и К.Я. Булгаковы, московский и петербургский почт-директоры. П. Бартенев вспоминал, что московский почт-директор Булгаков был и общим вестовщиком: «при полной сдавленности тогдашней печати» он выполнял роль информационного источника. В 1825 г. Е.Г. Чернышева хотела выйти замуж за вдовца сенатора графа Григория Владимировича Орлова, но он умер в 1827 г. Печаль ее добавила еще большую горечь в неожиданные бедствия ее семьи.

В те годы многочисленная семья Чернышевых оказалась в эпицентре декабристских событий. О петербургской трагедии Чернышевы узнали от орловского генерал-губернатора П.А. Сонцова, который сам приехал в Тагино. А через несколько дней, 20 декабря 1825 г., на глазах всего дружного семейства Чернышевых был арестован находившийся в четырехмесячном отпуске Н.М. Муравьев, муж старшей дочери Чернышевых Александрины. С ее матерью тут же случился первый паралитический удар. Еще не пережит был ужас произошедшего, как 23 декабря приехал фельдъегерь и за графом Захаром Чернышевым, ротмистром Кавалергардского полка, с сентября числившимся в четырехмесячном отпуске.

Никита Михайлович Муравьев, один из главных идеологов декабристского движения и лидеров «Северного общества», был автором одного из основных конституционных проектов декабристов. «Этот человек один стоил целой академии», — писал о нем хорошо его знавший М.С. Лунин, его двоюродный по матери брат. Он был человеком высокообразованным и чрезвычайно скромным; любовь и уважение к

науке он сохранил до самой смерти. Приговором Верховного уголовного суда Н.М. Муравьев был осужден к «смертной казни отсечением головы». Указом 10 июля 1826 г. Николай I повелел: «Капитана Никиту Муравьева по уважению совершенной откровенности и чистосердечного признания лишить чинов и дворянства, сослать в каторжную работу на 20 лет и потом на поселение». 11 декабря 1826 г. Никита Муравьев вместе с братом Александром был отправлен на каторгу.

Александрина Григорьевна Муравьева, несмотря на беременность, кинулась вслед за мужем сначала в Петербург, а после долгих ходатайств перед Николаем I, позволившим ей разделить участь своего мужа, и далее, в холодную Сибирь. Она оставила трех малюток на бабушку Екатерину Федоровну Муравьеву: младенца-сына, который вскоре умер, и двух дочерей. Тайком от всех, чтобы проститься со своим братом и зятем, вместе с Александриной Григорьевной и Екатериной Федоровной, матерью братьев Муравьевых, поехали до Ярославля сестры София, Наталья и Вера Чернышевы. «Одной Елизавете Григорьевне пришлось отказаться от этого утешения: надо было кому-то оставаться дома при убитых горем стариках-родителях»⁴³. 2 января 1827 г. вслед за мужем уезжала в Нерчинские рудники и А.Г. Муравьева без надежды когда-либо свидеться, так как по постановлению Комитета министров «невинная жена», последовавшая за мужем в Сибирь, должна была оставаться там до его смерти. Александрина Григорьевна умерла в 1832 г. на Петровском заводе.

Ротмистр Кавалергардского полка Захар Чернышев, как член «Северного общества», был осуж-

ден по VII разряду и приговорен к лишению чинов и дворянства и к четырем годам каторги. Бутурлин подчеркивал: сестры «смотрели на опозоренных брата и зятя как на жертвы самодержавного произвола и сочувствовали (без трезвого анализа) идеям, целью которых было, как они воображали, благо отечества»⁴⁴.

Атмосфера в семье была гнетущая. «Мать лежала в параличе, а растерявшийся от моральных потрясений отец бродил по дому, едва замечая, что происходило вокруг него... Охваченный приливом мистических настроений, он окружил себя масонскими символами, ежедневно ложился в гроб и навсегда отрекся от своей прежней веселости; его сознание оковало тяжелое и холодное безразличие; только мысли о детях бросали согревающий луч на его последние, обрывавшиеся дни»⁴⁵. Графа не взбодрил и знак благоволения Николая I, который год спустя препроводил ему Александро-Невскую ленту. «Годичный срок был предпочтен, вероятно, из деликатной осторожности, дабы эта царская милость, оказываемая человеку, ничем не отличившемуся по службе, не показалась бы чем-либо вроде того, что он этим хотел «doger la pillule» [позолотить пилюлю]»⁴⁶. Описывая «мрачную картину той эпохи» для Чернышевых, М.Д. Бутурлин, впервые соприкоснувшийся со столь безмерным и неожиданным горем, от всей души соболезновал: «Сердце замирало, глядя на это беззащитное и как бы осиротевшее прежде времени семейство»⁴⁷.

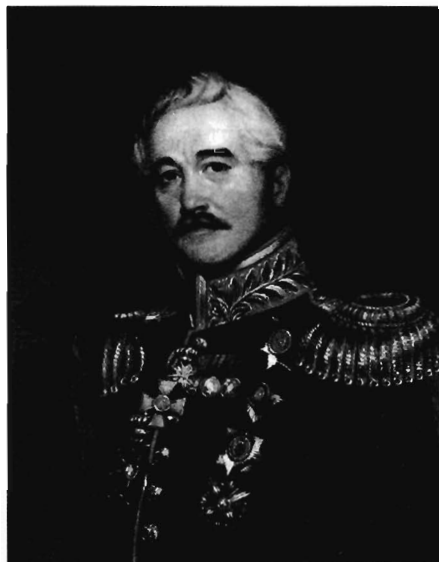
Всем домом и имениями Чернышева в то время заведовал старый его друг и сосед по орловскому имению Я.Ф. Скарятин (1781—1850). Ему также пришлось изрядно поволноваться за своих старших сыновей:

на следствии была названа фамилия «Скарятин», и командир 2-го пехотного корпуса генерал-адъютант князь А.Г. Щербатов, их непосредственный начальник, прислал в Петропавловскую крепость двух братьев, в одних чинах служивших. Григория сразу отпустили, а с Федором разбирались. Оказалось, что Федору Скарятину (1806—1835), фанер-юнкеру Нарвского драгунского полка, о декабристах говорил близкий родственник Чернышевых Федор Вадковский (1800—1844)⁴⁸, при этом нарушая все правила, так как юнкеров в Общество принимать не позволялось. Но дело обошлось, и Скарятин повелено было выпустить 20 апреля 1826 г., вменив арест в наказание, и отдать под строгий надзор своего дяди, генерал-адъютанта князя А.Г. Щербатова. Впоследствии Федор Скарятин был адъютантом у московского генерал-губернатора князя Д.В. Голицына, друга и родственника князя А.Г. Щербатова. Про Ф.Я. Скарятин говорили, что он был способным молодым человеком и мастерски писал масляными красками. Полковника и орловского коннозаводчика Якова Федоровича Скарятин Чертков знал еще в Петербурге по ложе «Трех добродетелей». Личность Скарятин была известная: он участвовал в убийстве Павла I: «Я дал свой шарф, и его задушили»⁴⁹.

В тот тягостный для Чернышевых период в их семью вошел Александр Дмитриевич Чертков. Бутурлин присутствовал, когда в феврале 1828 г. на масленицу Чертков сделал предложение Елизавете Григорьевне⁵⁰ и был с ней помолвлен незадолго до смерти ее матери, которая, предчувствуя свой скорый земной конец, завещала, чтобы из-за траура по ней не откладывалась свадьба. Графиня Чернышева скон-

чалась в ночь с 15 на 16 февраля. 20 февраля 1828 г. П.А. Вяземский писал жене из Москвы: «У Чернышевых торжество дочерней любви, доведенной до высшей степени! Как заботливо ухаживали они несколько лет за больной матерью, так же ухаживали и за умершею: сами ее вымыли, одели, положили в гроб, пока он стоял в доме, читали день и ночь псалтырь над нею, ласкали, целовали ее с нежностью, любовью, как живую. Выше, чище, глубже чувства быть не может. Старик очень слаб. Вообще этот дом в эти дни казался святынею несчастья. Старуха Самарина⁵¹, которая потеряла в дочери настоящую мать, старуха Вадковская, полуумершая, полуживая, Катерина Федоровна Муравьева: союз смерти, болезней и Сибири, которая предстояла тут невидимо, — все это составило зрелище раздирающее. В ту самую минуту, как гроб выезжал от церкви, прошла мимо толпа колдодников в оковах»⁵².

Чертков постоянно был рядом. Его деликатное присутствие поддерживало и ободряло. В письме от 21 февраля Александр Дмитриевич сообщал родным в Орел о смерти графини и о том, что отношения между ним и Елизаветой Чернышевой определились, что он принял на себя ответственность за ее семью в столь трудный час для нее. Однако старый граф просил держать все в секрете. Предполагалось, что граф с домочадцами приедет по весне в имение Скарятин, где состоится свадьба. Сам Чертков намеревался уже отбыть в Орел, но командующий 2-м корпусом, куда входила 2-я гусарская дивизия, генерал от инфантерии князь А.Г. Щербатов, на обеде которого был Чертков, предложил последнему новую отсрочку. Князь Щербатов близко к сердцу принимал горести Чернышевых и рад был со-

Князь Алексей Григорьевич Щербатов

действовать этому семейству. К слову, его родная сестра Наталья Григорьевна была замужем за Я.Ф. Скарятиным. Чертков просил Сонцова сообщить о неожиданной отсрочке своему непосредственному начальнику командиру 1-й бригады генерал-майору Х.Ф. Солдейну (иначе Солдаену), бывшему сослуживцу Черткова по лейб-гвардии Конному полку. В войне 1828—1829 гг. Солдейн стал бригадным генералом 4-й гусарской дивизии. Чертков в этом письме также передавал привет Будбергу Карлу Васильевичу (1774—1829), генерал-лейтенанту с 1826 г., командовавшему с 1824 г. 2-й гусарской дивизией⁵³. Бутурлин, припоминая свои частые нарушения дисциплины, не раз с благодарностью восклицал: «Генералы наши Будберг и Солдейн были отцы, а не командиры — мир праху их!»⁵⁴

Чертков не знал обо всех формальностях, которые предписывалось соблюсти офицеру, вступающему в законный брак. При подаче

офицером заявления о его желании вступить в брак командир полка обязан был решить вопрос о пристойности брака, так как невеста офицера должна быть «доброй нравственности и благовоспитанна», принималось во внимание и общественное ее положение. Если командир одобрял заключение брака, то он представлял свое мнение командиру дивизии, который и имел право дать окончательное разрешение⁵⁵. Но так как Александр Дмитриевич был полковником, то его просьба о позволении ему взять в жены Е.Г. Чернышеву за подписью начальника 2-й гусарской дивизии генерал-лейтенанта Будберга должна была быть послана в Варшаву великому князю Константину Павловичу, генерал-инспектору всей кавалерии, с приложенным к ней письменным согласием графа Чернышева и его дочери. 19 марта 1828 г. Чертков отправил образец такого документа своему будущему тестю с напутствием, что надо переписать бумагу слово в слово, оставив место для подписи великого князя, и самим расписаться на отмеченном в черновике месте. Чертков умолял невесту сделать это как можно скорее, так как без этого письма просьба о женитьбе недействительна. 25 марта он все еще не получил от графа всех бумаг и проявлял уже некоторое беспокойство⁵⁶. «Свидетельство», столь нетерпеливо ожидаемое женихом, было оформлено графом Чернышевым 26 марта⁵⁷.

Наконец, 4 апреля 1828 г. пакет с документами был отправлен из Орла в Варшаву. Генерал-лейтенант барон Будберг писал в отношении: «Гусарского эрцгерцога Фердинанда полка полковник Чертков имеет желание вступить в законный брак с дочерью действительного тайного советника, двора Его Императорс-

кого Величества обер-шенка графа Чернышева девицею Елизаветою, почему, представляя свидетельство о согласии невесты и родителя ее, имею счастье испрашивать на таковой брак соизволение Вашего Императорского Высочества»⁵⁸. В Варшаве документы были получены 24 апреля. На следующий день великий князь рассмотрел поступившие бумаги. Может быть, на мгновение он отвлекся от кипы дел, ждущих его резолюций, вспомнил свой любимый лейб-гвардии Конный полк, в котором начинал военную службу юный Чертков, его старательность и ответственность, любовь и уважение к нему его сослуживцев, нахмурил брови, прочитав фамилию Чернышевых... и, окунув перо в чернильницу, поставил: «Я позволяю».

Тем временем, как хлопотали о бумагах, Чертков заручился обещанием Бутурлина сопровождать его в Москву на свадьбу. Михаил Дмитриевич уверял, что он был «самым близким к сердцу ее [Елизаветы Григорьевны] после родного ее брата и после зятя Муравьева». Граф писал, что Елизавета Григорьевна, известив его «о неожиданном предложении Александра Дмитриевича, добавила, что одна из причин данного ею согласия было дружеское им оказанное мне внимание»⁵⁹. Чертков мог вволю говорить о своей чудесной невесте только с Бутурлиным, который тем более был желанным собеседником, что сам в это время пылко мечтал о Вере Григорьевне Чернышевой.

В письме от 25 марта 1828 г. Чертков писал Елизавете Григорьевне о том, что лето обещало быть очень напряженным, поскольку он уже получил задание закупить до 1 октября слишком большое количество лошадей. Александр Дмитриевич пред-

полагал, причем без всякого удовольствия, что эти закупки целиком поглотят его время. А пока дни его в Орле текли весьма размеренно: утро он имел обыкновение проводить у себя за чтением книг и журналов и курением или за дружеской беседой, если к нему заглядывали его товарищи по службе. В 2 часа он отправлялся к сестре, где оставался до 9 часов вечера, затем возвращался к себе и вновь читал до 11 часов. Два или три раза в неделю Чертков верхом ездил к Пашковым. Скорее всего, речь идет о командире Павлоградского гусарского полка полковнике Е.И. Пашкове и о его жене Ольге Алексеевне, которая, по отзыву Бутурлина, была ангелом-хранителем юнкеров полка, поскольку ее ходатайства не раз смягчали «милитарный педантизм ее супруга». Пашков же был «влюбленным мужем», и поясной портрет его супруги «неразлучно сопутствовал Егору Ивановичу во всех походах и висел в его палатке или на квартире»⁶⁰. Пашковы были милейшими людьми. Но мысли Александра Дмитриевича неизменно вращались вокруг предстоящего торжества. Чертков сообщал своей невесте, что уже представил свою просьбу об отпуске в 28 дней для женитьбы, хотя еще и нет разрешения на брак от великого князя Константина Павловича⁶¹.

23 апреля 1828 г., накануне дня ангела невесты, а родилась она 26 апреля 1805 г., Чертков приехал в Москву и погрузился в приятные хлопоты и приготовления к венчанию, которое состоялось «в приходе Знамения что на Знаменке» 9 мая, «в день Св. Николая, между 9 и 10 часами вечера, так же, как и у Кругликовых» — у старшей сестры Елизаветы, Софьи Григорьевны (1799—1847)⁶². Ее муж, Иван Гаврилович Кругликов (1787—1847), с 1812 г. корнет лейб-

гвардии Гусарского полка, в 1819 г. стал полковником, 14 января 1826 г. вышел в отставку с чином действительного статского советника, а 23 января 1826 г. «сделан был шталмейстером Высочайшего Двора». В 1835 г. он окончательно вышел в отставку, но это будет потом. А пока Чертков заказал портрет своей жены, но Елизавета Григорьевна была им недовольна. Чертков, с одной стороны, досадовал, что в Москве нет хороших художников, а с другой — понимал, что лицо жены столь своеобразно, что схватить, передать его очарование было трудно⁶³. В июне молодожены отправились в Ольховатку, где Чертков приводил в порядок свою библиотеку, распаковывал ящики с минералами...⁶⁴

Русско-турецкая война 1828—1829 гг.

14 (26) апреля 1828 г., после отказа Порты удовлетворить очередной русский ультиматум, царь подписал манифест о войне. В начале мая 1828 г. русские войска, перейдя Прут, заняли почти без сопротивления Дунайские княжества. 20 мая Турция официально объявила войну России. 2-я гусарская дивизия, где служил Чертков, входила в состав 2-й армии. Согласно первоначальному плану ведения войны на Балканах 2-я гусарская дивизия не включалась в состав действующей армии⁶⁵. Но непредвиденные трудности и неожиданно большие потери в русских войсках от пребывания в нездоровой местности заставили командование ввести дополнительные силы. Полк эрцгерцога Фердинанда

выступил поэтому в поход 10 августа и 12 сентября вместе с полками 2-го пехотного корпуса (25 тыс. человек) подошел к крепости Силистрия, сменив 10-тысячный корпус генерала Л. Рота, направленный к Шумле⁶⁶. Силистрия, древняя византийская крепость Доростол, а тогда одна из лучших турецких крепостей, находилась в центре оборонительной Дунайской линии и обеспечивала контроль над южным берегом Дуная.

К сожалению, Чертков в отличие от войны 1813—1814 гг. не вел дневниковых записей. Согласно формулярному списку, он был «утвержден командиром резервных эскадронов» своего полка и принимал активное участие в «отражении сильных неприятельских вылазок 23 (или 25) сентября, 16 и 29 октября»⁶⁷. Впрочем, сохранились некоторые письма, которые Чертков отправлял юной супруге по пути в полк. Они позволяют уточнить данные его формулярного списка. Из Киева 21 сентября он написал бодрое письмо Елизавете Григорьевне, в котором твердо заверял, что их расставание будет недолгим, поскольку успехи русской армии несомненны: Варна «в отчаянном положении и вот-вот сдастся, русские войска пойдут на Константинополь». В Киеве у Черткова не было точных сведений, где находился его полк: у Силистрии или у Джуржи. Впрочем, «при приближении к театру военных действий обстановка прояснится»⁶⁸, — с уверенностью заключал он.

Из Бердичева, в котором он пробыл четыре дня, Чертков 23 сентября сообщил Елизавете Григорьевне, что наконец-то он узнал точное местоположение своего полка, который стоял под Силистрией. В Бердичеве остались резервные эскадроны дивизиона, больные

и жены военнослужащих. Чертков сообщал о плачевном положении 100 женщин, последовавших за своими мужьями. Им не позволено ехать далее границы. В основном это «поручицы, ротмистрши, лекарши и др.». Чувствуется, что эти строчки в письме Черткова появились как явный отголосок домашних препинаний, в которых он в этот раз сумел решительно настоять на своем и оставить молодую супругу, рвавшуюся за мужем в поход, дома. Чертков подчеркивал, что из всех этих дам он был знаком лишь с одной — с полковницей Екатериной Сергеевной Купфер, женой командира его полка. Именно она, получив письмо от мужа, сообщила Черткову ценную информацию о том, что полк стоит лагерем у Силистрии и будет там находиться до тех пор, пока крепость не будет взята, а в скором ее падении и причем без больших усилий со стороны русских полковник Купфер не сомневался.

Чертков, узнав точный маршрут, отправился в путь в компании еще двух офицеров. Полковнику позволялось иметь свою коляску или бричку. Чертков сожалел, что не был осведомлен о том раньше в Тагино, иначе он захватил бы большой багаж. В Бердичеве Чертков пополнил свои продовольственные запасы, закупив вина, рома, свечей, крупы, муки, кофе, сахара, которых было не достать далее. Он не преминул найти там и книжный магазин, в котором купил несколько книг, дабы скрашивать скуку бивуачной жизни⁶⁹. В Балте 28 сентября Чертков задержался на один день, чтобы получить прогоны, т.е. деньги на проезд. От Кишинева до Дуная осталось проехать еще 200 верст. В Кишинев Чертков прибыл 30 сентября. Здесь со дня на день ожидали взятия

Варны. Погода еще не совсем испортилась, дождь шел временами. Чертков переживал, что он находится уже 15 дней в пути, а все еще не в полку⁷⁰. Александр Дмитриевич отправлялся в путь на рассвете и до вечера проезжал 30—40, иногда до 50 верст. В полдень останавливались на обед и давали отдых лошадям. 5 октября, проезжая через Болград, Чертков не смог не записать свои впечатления о нем. «Болград — это главный город колонистов Бессарабии: они состоят из всех наций — немцев, болгар, молдован. В Бессарабии живут еще албанцы, русские, украинцы, евреи, валахи и др.»⁷¹. 10 октября Чертков только въехал в Галац — город, захваченный русскими войсками во время этой кампании⁷², поэтому участвовать в вылазках 23 (25) сентября, как то отмечено в его послужном списке, он никак не мог.

В конце сентября 2-й корпус в составе 3 дивизий обложил Силистрию, но не мог предпринять никаких активных действий до прибытия осадной артиллерии. Лишь в середине октября прибыли 62 осадных орудия. Подошел также из-под Шумлы 7-й пехотный корпус. Но время для штурма было упущено, русские войска продолжали осаду. В конце октября началась бомбардировка крепости. Но 22 октября ясная погода сменилась: пошел дождь, затопил долины и низкие места так, что нельзя было не только рыть траншеи, но и перевозить орудия. Вечером 22 октября поднялся ветер и началась метель, дотоле невиданная в здешнем краю. Редуты и землянки занесло «глубоким снегом и оледенело морозом». По воспоминаниям М.Д. Бутурлина, под Силистрией личный состав размещался в палатках, и из-за внезапно наступивших заморозков, жестоких метелей

и глубокого снега русским войскам пришлось несладко. «Пехотные солдаты копали для нас за ничтожную плату землянки с вырытой трубой для внутренней топки и с крышей из хвоста»⁷³. Хотя осаду крепости продолжать было невозможно, но, исполняя в точности предписание главнокомандующего от 22 октября не снимать орудий с батарей в ожидании лучшей погоды, генерал от инфантерии граф Ланжерон (1763—1831) вывез только 8 орудий, а из остальных продолжал обстрел.

Нестерпимая стужа, наступившая после 23 октября, увеличивалась. Дороги занесло снежными сугробами. На Дунае начал появляться лед в огромных глыбах, перевозка грузов по нему прекратилась. Войска имели продовольствие только на 2 дня, фуража также оставалось только до 26 октября. В столь затрудненных обстоятельствах предполагалось и стесненное положение турецкого гарнизона (15 тыс. человек при 269 орудиях), и, отчасти рассчитывая на падение духа неприятеля вследствие сдачи Варны 29 сентября (11 октября), граф Ланжерон после двухдневной бомбардировки 23 октября вступил в переговоры. Поверенный паши отвечал нашему парламентеру, что они имеют фирман от султана, «не принимая никаких предложений, погибнуть в развалинах Силистрии». Ввиду нарушения снабжения войск русское командование вынуждено было снять осаду Силистрии. 27 октября 2-й корпус под командованием генерала от инфантерии Довре, сменивший заболевшего князя Щербатова, начал движение на зимние квартиры⁷⁴.

2-й пехотный корпус расположился в Валахии. Жилья в этой бедной стране было далеко не достаточно для размещения всех войск.

Расквартировать удалось лишь офицеров, штабы и полковые канцелярии, и то в чрезвычайной тесноте. Солдатам же ничего не оставалось делать, кроме как опять рыть землянки⁷⁵. Скупые строчки послужного списка не расскажут о реальных трудностях войны, о том бедственном положении, в котором оказались русские войска. Не столько неприятельское оружие, сколько разного рода болезни, между которыми самыми грозными являлись чума и злокачественная лихорадка, нещадно косили ряды войск. Разительным примером громадных потерь мог служить 2-й пехотный корпус, лишившийся 2/3 своего состава⁷⁶. Некоторые полки остались в составе 200—300 человек, были изнурены и нуждались в продолжительном отдыхе.

Чтобы живее представить себе условия войны, необходимо послушать знатока Валахии И.П. Липранди, который так описывал характерные для нее жилища: это плетень, обмазанный глиной, выбеленный и всегда разделенный сенями на 2 половины, пол глиняный, в окнах вместо стекол пузырь. Стены их довольно тонки, могут промерзнуть. Эти жилища зимой холодны, в ненастное время сыры. Употребляемые во многих местах землянки в этом отношении еще хуже. Можно судить о влиянии подобных жилищ на русского солдата, особенно в климате, где так резки переходы от знойных дней к холодным ночам и от жаров весны, лета и осени к сырости, пронизывающим ветрам и измороси. В северной части Валахии вреднейшие места для здоровья — Кишинев, Каралаш, Измаил и др. Левый берег Дуная низмен, болотист и трудно проходим. Разливы Дуная начинаются в апреле и продолжаются нередко до середины лета. Вода, оста-

ваясь после разливов в низменных местах, наполняет в жаркое время атмосферу левого берега вредными испарениями, вызывает падеж скота⁷⁷. Это пространство неизбежно служит всегда сборным местом для войск, предназначенных к войне с Оттоманской Портой. Здесь еще до сближения с неприятелем подрываются физические и нравственные силы войска. Ряды пустеют от эпидемий. После летних кампаний вся армия должна была переходить сюда на зимние квартиры, в местность, лишенную чистой и здоровой воды.

Пример М.Д. Бутурлина вполне подтверждает вышесказанное. Не доходя до Дуная, он заболел «упорной местной лихорадкой» и вынужден был оставаться при лазарете в селении Слободзее. «Оправившись», он присоединился к полку, расположившемуся у Силистрии. Однако в конце октября к графу снова пристала хворь. В селении Каралаш Бутурлин, «к неопишуемой радости», встретил Черткова, который приютил больного «в своей молдаванской мазанке, открытой доступу всем зефирам, где я то и дело затыкал окна пузырьными клочками вместо отсутствующих стекол от валившего хлопьями снега». Мучимый лихорадкой, Бутурлин отправлен был затем с подвижным лазаретом в Бухарест⁷⁸. Чертков также недолго пробыл в Каралаше. 14 ноября 1828 г. из Ясс поступил приказ, согласно которому Чертков был направлен в Бердичев для сформирования двух эскадронов⁷⁹.

Кампания 1828 г. закончилась неудачно. Уроки ее и опасные изменения расстановки сил в восточном кризисе не в пользу России заставили царское правительство выработать новый операционный план и назначить нового

главнокомандующего 2-й армией — И.И. Дибича. Русской армии, чтобы избежать третьей военной кампании, предстояло предпринять массированное наступление в Восточной Болгарии и, овладев крепостями Силистрией и Шумлой, переправиться через Балканский хребет. В случае, если турки и тогда не согласятся на русские требования, решено было продолжать поход в направлении Константинополя. Особое внимание было обращено на резервы: первое пополнение войск резервами назначалось в местах зимнего расположения их к 1 марта, а второе — к 1 августа 1829 г. После кампании 1828 г. во 2-й гусарской дивизии недоставало 322 человека и 306 строевых лошадей⁸⁰.

В декабре 1828 г. Чертков получил разрешение на отпуск в 28 дней, чтобы свидеться со своей семьей, и по его истечении он должен был вместе с другими офицерами явиться в Бердичев — бригадную квартиру. Ему предстояло сформировать 8 новых эскадронов и переправить их по весне в Валахию⁸¹. 30 декабря 1828 г. из Тагино Чертков писал К.К. Шуберту, что уезжает в Бердичев и его жена непременно хочет следовать за ним, хотя она ждет ребенка и поездка тем опаснее, что появление первенца ждали в конце февраля — начале марта. Никакие уговоры и доводы не действовали на Елизавету Григорьевну, в этот раз она настояла на своем⁸². По случаю перемещения резервов 2-й гусарской дивизии из Волынской губернии в Киевскую, в Уманский повет, 5 эскадронов «были направлены не на местечко Бердичев, а на город Умань» (7 января 1829 г.). В Умани у Чертковых 8 марта 1829 г. родилась дочь, названная в честь своей матери Елизаветой.

Радость родителей умерялась тревогой за малышку, поскольку

Графиня Софья Григорьевна Чернышева-Кругликова

она все время болела. К Чертковым приехала сестра Елизаветы Григорьевны Софья Григорьевна Кругликова. «Можно ли быть добрее, внимательнее, как она», «только одна в мире Софья Григорьевна, только одна»⁸³ — так писали о ней Давыдовы: Василий Львович (1792—1855), один из основателей «Южного общества», хозяин знаменитого имения Каменка, где часто собирались декабристы, и его супруга Александра Ивановна (1802—1895). А.И. Давыдова, не раздумывая, поехала вслед за мужем в Сибирь, но ей пришлось оставить на попечение родных и близких шесть детей, которые родились до вынесения приговора. Двух ее дочерей взяла на воспитание С.Г. Чернышева, дальняя родственница В.Л. Давыдова. Теперь Софья Григорьевна, движимая нежной заботой о сестре Елизавете, очень помогла ей в первое время после рождения дочери. Елизавете Григорьевне действительно приходилось очень тяжело «в этом ужасном,

по определению Софьи Григорьевны, городе». К тому же Елизавета Григорьевна почти не видела своего мужа, который был постоянно в разъездах, а если и находился в Умани, то к нему беспрестанно обращались офицеры и солдаты. Но она не роптала, поскольку сама выбрала свой путь, только жалела своего бедного Александра в этом шквале невыносимой службы⁸⁴.

Зима была суровая, а весна 1829 г. — дождливая. Только в конце апреля установилась хорошая погода, дороги просохли, и можно было двинуть осадные средства и войска к Силистрии. В мае 1829 г. полки 2-го пехотного корпуса под командованием генерал-адъютанта Палена перешли Дунай у села Каралаш. Вновь началась осада крепости Силистрия, которая на этот раз не могла устоять и была сдана турецким гарнизоном 18 июня. Однако 2-й гусарской дивизии не довелось присутствовать при ее капитуляции: 24 мая после получения сведений о начавшемся наступлении турок к Варне она скрытно покинула свои позиции под Силистрией и двинулась к Праводам. Чертков не участвовал в походе своего полка за Балканы. 11 мая он сообщал Шуберту из Умани, что эскадроны почти укомплектованы лошадьми, «но людей не хватает, и мы не знаем, когда пойдем в Молдавию. Мы уже отправили 100 человек с лошадьми»⁸⁵. На время болезни генерал-майора Шварца, командующего резервной бригадой 2-й гусарской дивизии, Чертков, как старший по чину, с 6 июня 1829 г. вступил в командование бригадой. 20 июня 1829 г. в письме из Умани в Орел Чертков писал, что он был так занят по службе, что у него не оставалось даже свободного мгновения. «Это может засвидетельствовать Софи, которая провела здесь несколько недель» и

уехала в мае. Почти все эскадроны были уже сформированы и должны были быть отправлены в Турцию 1 июля. Генерал от инфантерии граф Толстой, управляющий Главным штабом Его Императорского Величества по военному поселению, и генерал от кавалерии граф И. О. Витт (1781—1849), начальник южных военных поселений, командир резервных войск, произвели смотр эскадронов, остались весьма довольны и благодарили Черткова и его офицеров. На один день в Умань заезжал брат Николай, но Александру не удалось его повидать, так как был за 50 верст от города по надобностям службы⁸⁶.

Напряжение должности сказалось серьезно на самочувствии Черткова, да и объем работы по укомплектованию резервных эскадронов был практически весь выполнен, поэтому Александр Дмитриевич позволил себе обратить внимание на свое здоровье. 20 июня генерал от кавалерии граф Витт доносил генералу от инфантерии графу Толстому: «По случаю расстроенного здоровья и слабости груди командующего резервными эскадронами Гусарского эрцгерцога Фердинанда полка полковника Черткова имею честь покорнейше просить Ваше Сиятельство о назначении его состоять по кавалерии впредь до получения облегчения от болезни». 27 июня Толстой временно уволил Черткова от службы⁸⁷. Но хворь не покидала, и Черткову вскоре пришлось подать в отставку. Высочайшим приказом от 22 июля 1829 г. Черткова уволили, но без мундира. Подобное решение Александр Дмитриевич стал энергично опротестовывать, в чем его поддержал выздоровевший командующий резервной бригадой 2-й гусарской дивизии генерал-майор Шварц, бывший его начальник. Он ходатайствовал в уважение прежней

отличной службы о дозволении Черткову носить в отставке мундир, при совокупляя, что в 1822 г. Чертков был уволен в отставку из лейб-гвардии Конного полка с мундиром⁸⁸.

Дело разрешилось в конце концов положительно. 2 августа из Умани Чертков писал Шуберту, что ему обещали увольнение и он надеялся приехать и повидать его в Ольховатке в сентябре. «Я вас очень благодарю за растения, которые вы собрали за это лето. Моя жена себя хорошо чувствует, так же как и малышка, которой сегодня сделали прививку»⁸⁹. 14 августа был объявлен Высочайший приказ по резервным войскам, согласно которому А.Д. Чертков был уволен за болезнью с мундиром. 2 сентября в бригадной квартире в Умани за подписью генерал-майора Шварца Черткову выдали паспорт «на свободное проживание, где он пожелает, во всех российских городах»⁹⁰. 2(14) сентября был подписан Адрианопольский мирный договор. Россия, отказываясь от территориальных приращений на Балканах, получала всю дельту Дуная, что позволило ей в будущем контролировать дунайскую торговлю. На Кавказе, возвращая Турции крепости (Карс, Баязет и Эрзерум), она закрепляла за собой часть Ахалцихского пашалыка с крепостями Ахалцих, Ацхур и Ахалкалаки (ныне часть Грузии), «равно и весь берег Черного моря от устья Кубани до пристани Св. Николая включительно» (включая Анапу и Поти). Греция, Сербия, Молдавия и Валахия получали автономию. Седьмая статья договора обязывала Порту обеспечить полную свободу судоходства в Черном море и проливах для российских кораблей, что благотворно сказалось на экономическом развитии Причерноморья⁹¹.

В домашнем кругу

Чертковы провели осень 1829 г. в Ольховатке, заехали в Тагино, в Орел, а на зиму засобирались в Москву, в которой и решили обосноваться. На первое время они подыскивали просторную квартиру «в доме 2-го класса чиновника Г.П. Высоцкого». Начал упорядочиваться и семейный уклад: по маю на лето выезжали в Ольховатку, а на зиму вновь возвращались в Москву, как и было заведено между московскими помещиками. Мария Дмитриевна Шеппинг с супругом, избравшим Москву для жительства, также следовали этому порядку⁹². Осенью 1830 г. эпидемия холеры, распространившаяся в Москве, остановила Чертковых в Орле. Указ о карантине был издан 23 сентября, а 6 декабря карантин официально был снят. Все вещи Чертковых уехали в Москву, и Александр Дмитриевич предполагал, что его дворовых людей с вещами вряд ли из Москвы выпустят. В Орле они виделись только с семьей Кочубей, которые приходили проведывать больного отца Черткова, жившего у своей старшей дочери Е.Д. Сонцовой. 1 апреля 1831 г. Дмитрий Васильевич Чертков скончался.

9 ноября 1830 г. в Орле состоялась свадьба графини Веры Григорьевны Чернышевой и Фрица Палена, как называл его Чертков. Федор Петрович Пален (1780—1863), действительный тайный советник, был посланником в Вашингтоне, Рио-де-Жанейро, Мюнхене. Он дважды исполнял должность новороссийского генерал-губернатора. Вместе с Дибичем и Орловым Пален заключал Адрианопольский мир с Турцией 1829 г. В 1832 г. Ф.П. Пален стал членом Государственного совета.

На свадьбе присутствовали семейства Скарятиных, Тепловых, генерал Давыдов и генерал Ермолов⁹³.

В 1827 г. А.П. Ермолов, знаменитый герой Отечественной войны, уволенный в отставку и ставший орловским помещиком, проживал в небольшом деревянном домике в Орле. После смерти отца (1832 г.) Ермолов, принятый на службу в звании члена Государственного совета, продал родовое имение Лукьянчиково, Мценского уезда, в 18 верстах от Орла, и поселился в Москве, в деревянном доме на Пречистенке, позднее приобрел каменный дом на Пречистенке, близ пожарного депо. Он имел подмосковное имение Осоргино⁹⁴. Назначенный членом Государственного совета, Ермолов не захотел принять участие в его заседаниях, обычно подавал мнение «с большинством голосов» и иногда даже притворялся спящим. А 14 марта 1839 г. по его прошению, еще более раздражившему государя, был «уволен в отпуск до излечения болезни». Николай I показывал ему наружные знаки благоволения и в день открытия Кульмского памятника пожаловал ему высочайший в империи орден Св. Андрея Первозванного⁹⁵. Сложно сказать, сколь тесно общались Ермолов и Чертков, только дочь Александра Дмитриевича Софья вышла замуж за сына Алексея Петровича Ермолова — Севера, о чем подробнее будет рассказано ниже.

В генерале Давыдове, поднимавшем бокалы за здоровье молодоженов Пален, хотелось бы видеть знаменитого поэта Дениса Васильевича. В то время он часто приезжал в гости в Орел к своему другу и двоюродному брату А.П. Ермолову. Мать Алексея Петровича Ермолова Мария Денисовна Давыдова приходилась родной

сестрой отцу Дениса Васильевича Давыдова — Василию Денисовичу. Его женой, а следовательно матерью прославленного партизана, была Елена Евдокимовна Щербинина, отец которой генерал-поручик Е.А. Щербинин был первым наместником Воронежа. Но семейство Давыдовых было многочисленным. И это мог быть его брат, генерал-майор Давыдов Лев Васильевич (1792—1848), который заведовал 1-м Московским кадетским корпусом. Двоюродный их брат полковник В.Л. Давыдов был осужден по первому разряду, что означало «каторжную работу вечно», а после сокращения срока 22 августа 1826 г. — двадцать лет каторги. Сам поэт-партизан не разделял «крайностей» с юных лет, но до самой кончины его отличали вольномыслие, неприятие произвола и деспотизма.

Семья у Черткова разрасталась: после Елизаветы 17 июля 1831 г. родилась Софья. Ее крестили «в Покровской, что в Кудрине, церкви» 26 июля, а восприемниками были ближайшие родственники — И.Г. Кругликов, муж Софьи Григорьевны, и Е.Д. Сонцова. Александр Дмитриевич присмотрел в Москве славный особняк, который был приобретен 12 августа 1831 г., — «гвардии штаб-ротмистрша Александра Сергеевна дочь Салтыкова продала отставному полковнику Александру Дмитриевичу сыну Черткову и наследникам его крепостной своей на белой земле каменный дом со всяким в нем жилым и нежилым строением и садом... состоящий в Москве в Мясницкой части... а взяла 125 тыс.»⁹⁶. После надлежащего ремонта 20 ноября 1831 г. семья въехала в великолепный дом⁹⁷. «Уже 8 дней мы живем в новом доме, который я купил», — сообщал Чертков

Грамота о внесении А.Д. Черткова в Дворянскую родословную книгу Московской губернии. ОПИ ГИМ

28 ноября 1831 г. Летом 1832 г. Чертков не смог приехать в Ольховатку, так как его супруга ждала ребенка, так как его супруга ждала ребенка, так как его супруга ждала ребенка и врачи не рекомендовали уезжать далеко от Москвы. Несказанно родители обрадовались появлению у них 19 ноября 1832 г. сына, названного Григорием в честь отца Елизаветы Григорьевны. 27 ноября младенец был крещен в церкви Иоанна Предтечи, что на Лубянке, восприимниками были «Двора Его Императорского Величества действительный статский советник граф Иван Гаврилович Чернышев-Круликов и умершего тайного советника графа Г.И. Чернышева дочь девица Надежда Григорьевна Чернышева»⁹⁸. В июне 1833 г. семейство Черткова с тремя детьми, двумя боннами-англичанками и русской няней, с прислу-

гой и т.д. отправилось в Ольховатку на лето⁹⁹. 7 марта 1834 г. появилось на свет последнее дитя у Чертковых — дочь Александра. Приезды Александра Дмитриевича в Ольховатку стали редки, поскольку зависели от пошатнувшегося здоровья жены¹⁰⁰.

Прочно обустроиваясь в Москве, Александр Дмитриевич пожелал быть записанным в Московскую дворянскую родословную книгу, о чем подал прошение 14 января 1833 г. «...по всегдашнему моему в Москве жительству и состоящему за мною недвижимому имению Клинского и Дмитровского уездов и дому в Москве». Он также представил копии документов своего деда В.А. Черткова, в соответствии с которыми Чертковы были внесены в VI часть Воронежской родословной книги, а также

выписки из решений Воронежского дворянского депутатского собрания. 23 марта 1833 г. полковник и кавалер А.Д. Чертков был внесен в VI часть дворянской родословной книги Московской губернии. «И просимая грамота его дворянству ему выдана и копии с доказательством представлены в Герольдию»¹⁰¹.

В 1846 г. Александр Дмитриевич подал прошение о внесении своего сына Григория в VI часть дворянской родословной книги Московской губернии, что и было сделано 13 сентября, а 14 ноября Московское дворянское собрание отправило о том донесение в Герольдию Правительствующего Сената. Однако на процессе оформления документов сказалось удивительное стечение обстоятельств. Дело в том, что в Москве в первой половине XIX в. проживал еще один Дмитрий Васильевич Чертков (1763—1835), генерал-майор, сын брата известного Евграфа Александровича Черткова, «пособника восхождения на престол Екатерины II», который вел свою родословную от Петра. У этого Д.В. Черткова было два сына: Василий Дмитриевич и штабс-капитан, с 1821 г. в отставке, Александр Дмитриевич (1800—1858), женатый на княжне С.П. Мещерской. 22 февраля 1832 г. этому А.Д. Черткову было по его прошению выдано свидетельство о внесении его в VI часть дворянской родословной книги Московской губернии, в том же году был записан и его старший сын Дмитрий (7 ноября 1832 г.). А вот и еще одно поразительное совпадение: в 1846 г. он пожелал внести туда и других своих детей: Василия, Андрея, Юлию, Любовь и Анну. Слушая рапорты из Москвы о прошениях двух Александров Дмитриевичей Чертковых и рассматривая доказа-

тельства их дворянства, Герольдия, наконец, заметила противоречие: герб одинаков, происхождение фамилии одинаковое, а вот предки, от которых в семействах ведется счет поколениям, разные — Василий у нашего героя и Петр в другом случае. Из Санкт-Петербурга указом от 30 июня 1848 г. было повелено Московскому дворянскому собранию разобраться и составить точную родословную рода Чертковых¹⁰².

12 ноября 1848 г. Московское дворянское депутатское собрание, рассмотрев документы и доказательства обоих Чертковых, определило, что от рода Чертковых «происходят две совершенно особые ветви: первая, от родоначальника Василья, — семейство генерал-поручика Василия Алексеевича и сын Дмитрий, получивший 9 августа 1799 г. за № 208 копию с герба, внук Александр и правнук Григорий, которые внесены в VI часть дворянской родословной книги Московской губернии определением собрания 1833 г. и 1846 г.; другая ветвь, от родоначальника Петра, — семейство генерал-майора Дмитрия Васильевича, получившего копию с герба 11 февраля 1798 г. за № 23, сын Александр, который внесен в VI часть родословной книги по Московской губернии в 1813 г. и 1832 г., и потому и представить на благоусмотрение Правительствующего Сената Герольдии, что за различием сих ветвей и противуречия в родословных не состоит. Для видимости же приложить при донесении и родословия по обеим ветвям рода Чертковых». Рапорт в Петербург отправили 23 ноября 1848 г.

Однако в северной столице, где в 1850 г. проживал штабс-капитан А.Д. Чертков со своим сыном Д.А. Чертковым, камер-юнкером

двора Его Императорского Величества, надворным советником, дело приняло совершенно неожиданный для нашего Александра Дмитриевича поворот, причем весьма неприятный. Указом от 30 марта 1850 г. по департаменту Герольдии за № 2212 Правительствующий Сенат, признав законность внесения семейства генерал-майора Д.В. Черткова в VI часть дворянской родословной книги Московской губернии, не утвердил, однако, решения Московского дворянского депутатского собрания о внесении нашего Александра Дмитриевича и его сына Григория в столь почитаемую дворянами VI часть, поскольку не были представлены документы «о происхождении от означенного Василья потомков его». А так как А.Д. Чертков «состоял на действительной военной службе в чинах до полковника и состоит по гражданской части, где произведен в 1843 г. в действительные статские советники», то его с сыном Григорием следовало внести «по собственным заслугам во II часть родословной книги». Представляете, какой чувствительный удар по дворянской родовой чести, достоинству и гордости вдруг получил Александр Дмитриевич!

Срочно были посланы в Воронеж запросы о необходимых документах, подтверждавших древнее и славное происхождение этой ветви Чертковых. И Герольдия изменила свое прежнее решение, постановив 14 ноября 1850 г. за № 9120 внести А.Д. Черткова с сыном Григорием в VI часть дворянской родословной книги Московской губернии, о чем с несказанным удовлетворением 8 декабря 1850 г. слушали в Московском дворянском собрании, возглавляемом губернским предводителем дворянства Александром

Дмитриевичем Чертковым¹⁰³. К сказанному можно еще добавить то, что отставной штабс-капитан А.Д. Чертков являлся действительным членом Московского художественного общества, Советом которого в это время руководил наш герой А.Д. Чертков. Отставной штабс-капитан Чертков пожелал выйти из Общества 11 декабря 1853 г., уплатив недоимку за 1851—1853 гг. в 90 руб.¹⁰⁴.

«Чернышевские дела»

Черткову в эти годы пришлось взвалить на себя бремя запутанных денежных дел семьи графа Г.И. Чернышева и решительное отстаивание прав на майорат, на который покусился было член Следственного комитета по делу декабристов генерал-адъютант А.И. Чернышев, получивший в 1826 г. титул графа, с 1827 — сенатор. В 1828 г. он был назначен товарищем начальника Главного штаба и управляющим Военным министерством, а в 1832—1852 гг. был военным министром. Из всех писавших о Черткове только историк Немировский обратил внимание, что Александр Дмитриевич успешно отстаивал интересы семьи Чернышевых от притязаний «вешателя» Чернышева, чем приобрел симпатии петербургского и московского общества¹⁰⁵.

Первоначальным своим богатством графы Чернышевы были обязаны тому, что в 1710 г. Петр I устроил свадьбу одному из своих денщиков, Г.П. Чернышеву (1672—1745), с юной Е.И. Ржевской¹⁰⁶ (1693—1747), причем дал в приданое за невестой 4000 душ крестьян. Рождавшимся сыновьям государь щедро жаловал

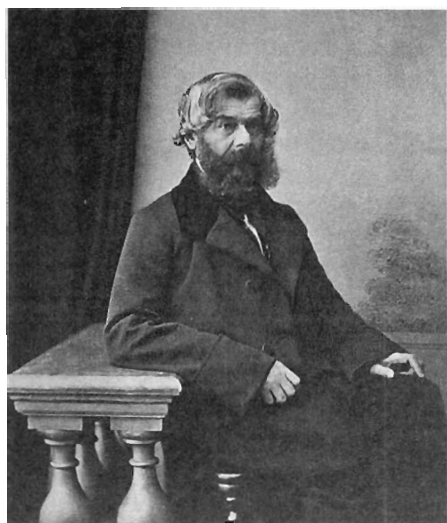
на зубок деньги и деревни. Императрица Елизавета Петровна, старшая следовать своему великому родителю, продолжала оказывать этому семейству особое благоволение. В 1742 г. Чернышев получил графский титул, доходные поместья и сделался одним из первых русских богачей. Третий избратьев Чернышевых, граф З.Г. Чернышев (1722—1784), генерал-фельдмаршал при Екатерине II, не имел детей, но оставил учрежденный им 2 января 1774 г. «чернышевский майорат» своему младшему брату И.Г. Чернышеву. Екатерина II утвердила это завещание, и богатства графов Чернышевых сосредоточились в руках Г.И. Чернышева, который был родным племянником учредителя майората. В фамильный майорат вошли лучшие земли графа З.Г. Чернышева — подмосковное имение Ярополец и могилевское «графство» Чечерск¹⁰⁷, имевшие 4,5 тыс. душ крепостных и 84 тыс. десятин угодий, а также мучные и крупчатые мельницы, лесопилни, сукновальни, заводы кирпичные, винокуренные, поташные, «стеклянные» и «железные».

Граф Г.И. Чернышев был большим чудачком и мотом, и хотя не успел спустить своего огромного состояния, однако весьма быстро чрезвычайно расстроил свои дела. Количество долгов (до 2 млн руб.) далеко не равнялось стоимости его собственного имени. Правительство старалось спасти разоренные имения знатных дворянских фамилий, беря их в опеку, пока законом Николая I от 1837 г. не было запрещено учреждать попечительства по делам частных лиц, какого бы они ни были дворянского происхождения. Над Чернышевым по повелению Павла I была учреждена опека, которая, рассмотрев его долги, нашла, что

они большей частью несправедливы. Ввел в долги Чернышева банкир Сутерланд, получивший от него деньги на уплату долгов и не заплативший их по назначению. Опека существовала до 1806 г., но Чернышев, несмотря на постоянные выплаты по долгам, получал ежегодного чистого дохода 75 тыс. руб. «Предшественники Екатерины, как и она сама, как и сын ее, возводя кого-нибудь на высокую степень, давали ему средства не только поддерживать блеск даруемого ему титула, но даже разливать его на своих потомков»¹⁰⁸, — заметил Ф.Ф. Вигель относительно графа Чернышева. Едва освобожденный от опеки, Чернышев сделался должен чуть ли не вдвое более, чем прежде. Но полученный от отца майорат, основанный дядей, оставался неприкосновенным¹⁰⁹.

Единственный сын графа Чернышева, наследник громадного родового майората и графского титула, Захар Григорьевич (1797—1862), ротмистр Кавалергардского полка, был привлечен по делу декабристов. Он стал членом тайного общества в мае 1825 г., причем ему было сообщено, что цель общества «со временем ввести конституцию в государстве». Только встретившись осенью в Тагино со своим двоюродным братом Ф.Ф. Вадковским, Чернышев узнал, что Общество «в случае несогласия царствующего государя на его требования» решило «употребить противу его военную силу и даже уничтожение царствующей фамилии». В Петропавловской крепости («посадить на гауптвахту, содержать хорошо») Чернышев, получив конкретные вопросы Следственного комитета, во всем чистосердечно сознался: «Узнав, что вступили в сие общество многие люди, которых познания и дарования природные гораздо более и превосходнее моих, полагая, что они

Захар Григорьевич Чернышев

имели в виду улучшение правительства и благосостояния империи, одна любовь к Отечеству побудила меня вступить в их тайное общество».

Император Николай I полагал, что «Чернышев мало виноват и по характеру еще менее годился в заговорщики». Но, давая откровенные показания, Чернышев сохранял чувство собственного достоинства и независимость поведения, что, полагает, и погубило его. Особенно напортила ему его резкость в отношении «высочки» А.И. Чернышева, которым овладела подлая мысль стать обладателем чернышевского майората, крупнейшего состояния почти в 9 тыс. душ крепостных. А.П. Ермолов саркастически заметил: «Одежда жертвы всегда и везде поступала в собственность палача». Член Следственного комитета А.И. Чернышев стал немедленно «набиваться в родственники» к подследственному З.Г. Чернышеву. Увидев Захара Григорьевича в Следственном комитете, он патетически

воскликнул: «Comment, cousin, vous êtes coupable aussi?» («Как, кузен, вы тоже виновны?») «Coupable, peut-être, mais cousin — jamais!» («Виновен, может быть, но кузен — никогда!») — остроумно парировал З.Г. Чернышев¹¹⁰. По решению Верховного суда Захар Чернышев был лишен чинов, графского титула и приговорен в каторжные работы на 4 года, хотя многие члены республиканского филиала отделались обыкновенным дисциплинарным взысканием.

По случаю коронации Николая I срок каторги Чернышеву был сокращен до 1 года; в начале 1827 г. он был отправлен в Иркутск, а в мае 1828 г. местом его поселения был определен Якутск, но уже 27 декабря того же года благодаря хлопотам родственников Чернышев был назначен рядовым в Нижегородский драгунский полк на кавказский театр Русско-турецкой войны 1828—1829 гг., куда и был доставлен 9 апреля 1829 г. «Захар Чернышев вместе с прочими декабристами сделались любимцами солдат за их глубокую религиозность и ту безропотность, с которой они несли заслуженную ими кару», — свидетельствовали очевидцы. Полковой командир Н.Н. Раевский был искренно расположен к Чернышеву и даже получил неприятности по службе за послабления декабристам, но «нельзя было надивиться суровости жизни, какую вел Чернышев: он жил в солдатской палатке, носил солдатскую шинель толстого сукна, не имел особого стола...». В кампанию 1829 г. Чернышев «неоднократно оказал опыты отличнейшего мужества». Он бросился в атаку во главе своего дивизиона и был ранен в грудь пулей навывлет. В 1830 г. Чернышев был произведен в унтер-офицеры, затем в прапорщики и подпоручики. Став офицером в 1833 г., он получил право на отпуск.

Сестры Чернышевы не забывали своего единственного брата. Время сохранило лишь немногие из писем, которые донесли до нас сердечную теплоту и тревогу искренно любящих сестер о своем брате. Елизавета Григорьевна 29 июля 1828 г. из Ольховатки написала Захару Григорьевичу, что она грустит, так как в первый раз осталась без своих близких, и ждет с нетерпением 26 августа, когда окажется в Тагино, но опять же ненадолго, поскольку Александр до 1 октября ремонтирует [закупает лошадей для резервных эскадронов] и затем должен догнать вовремя свой полк в Молдавии. Елизавета Григорьевна желала за ним последовать. Федор Скарятин вернулся на службу в Уланский полк, который был расквартирован в Петербурге, но в то время участвовал в кампании против турок, он сделался уже офицером и получил Георгиевский крест. Вся гвардия находилась в Турции, кроме Конной гвардии, корпусов Бороздина, Щербатова и других. Военных не осталось ни в Воронеже, ни в Орле, ни в Курске, ни в Рязани, «все полки идут к Турции». Сестра пишет, что думает о Захаре все дни и никогда не забудет, как они в последний раз виделись и чего это ей стоило. Александр ей поручил сказать Захару, что он его очень нежно обнимает. «Он тебе не пишет, так как очень занят, но из Тагино напишет тебе очень длинное письмо. Как это печально, как подумаешь, что это письмо найдет тебя только через 2 или 3 месяца и что получу твой ответ только через 4 или 5»¹¹¹.

28 апреля 1834 г. из Москвы Чертков пишет Захару Григорьевичу: «Кругликов мне поручил, дорогой Захар, передать вам 3000 руб. ас[сигнациями]. Я вам их посылаю сегодня с курьером. Из его последнего письма я его ожидаю завтра

или послезавтра вместе с Софьей. Надежда вернется через несколько дней: она уехала со Скарятиними. Пален стал тайным советником. Мои домашние чувствуют себя хорошо, я желаю от всего моего сердца, что вы здоровы. Преданный вам А. Чертков. Жена моя попросила передать, что ждет с огромным нетерпением ваш приезд»¹¹².

В 1834 г., будучи у сестры С.Г. Чернышевой-Кругликовой в селе Яропольце, З.Г. Чернышев обвенчался со своей свойственницей Екатериной Алексеевной Тепловоной, дочерью сенатора А.Г. Теплова (ум. 1826 г.) от его второго брака с Е.Г. Кругликовой, сестрой графа И.Г. Чернышева-Кругликова. 17 января 1837 г. Чернышев был уволен в отставку поручиком с обязательством безвыездно жить сначала в Ярополецком имении своей сестры, С.Г. Чернышевой-Кругликовой, а потом в Тагине. А.Д. Чертков не переставал хлопотать об улучшении участи Захара Григорьевича. В одном из писем он сообщил своей жене, что 26 ноября 1839 г. обедал у князя Дмитрия Владимировича Голицына, московского генерал-губернатора, и «отдал ему записку о Кикине и о Захаре. Он обещал сделать все, что может». В 1841 г. Чернышеву разрешено было поступить на службу секретарем орловского дворянства, а в 1846 г. он был переведен в Москву, причем сам граф А.А. Закревский, московский военный генерал-губернатор, находил, что З.Г. Чернышев может быть освобожден от надзора полиции. По вступлении на престол Александра II Чернышеву в 1856 г. возвращено было графское достоинство в числе других милостей и разрешено было уехать за границу, так как здоровье его жены, которая часто болела, давно уже требовало этого. Дети их умерли

во младенчестве. Граф З.Г. Чернышев скончался в Риме в мае 1862 г. и похоронен рядом с женой на римском кладбище. Чернышев был «человеком редкой скромности, мягкий и детски незлобивый, в семье был горячо любим, всегда весел, одинаково со всеми любезен и приветлив»¹¹³.

Ослабевший от потери и невзгод, чувствуя приближение своего земного конца, граф Г.И. Чернышев обеспокоился за судьбу майората. А.Д. Чертков поднял семейные архивы Чернышевых и стал энергично отстаивать право его дочери Софьи, в замужестве Круликовой, на родовое имя и майорат: «Если во всей фамилии графов Чернышевых останется одна только та персона, у которой мужского пола наследника не будет, то по смерти его должна получить имение сие старшая его дочь или ближайшая и старшая в роде наследница, с тем чтобы недвижимые имения, будет замужем, принял на себя [муж], и наследников своей фамилии, и герб графов Чернышевых. Граф Захарий Григорьевич (в 1774 г.), делая завещание свое, имел в виду единственный род графов Чернышевых, сделавшийся и по графскому достоинству, и по гербу совершенно отдельным родом от прежнего рода Чернышевых, от коего произошедшие лица не могли иметь никаких прав на название графов, ни на герб графов Чернышевых за верную службу графа Григория Петровича и пролитую им кровь...

Граф Александр Иванович Чернышев возведен в графское достоинство в 1826 г. и никаких прав на наследство графа Захара Григорьевича имений, пожалованных ему за важные его услуги, иметь не может, ибо... [если бы] покойный фельдмаршал граф Захарий Григо-

рьевич почитал род Чернышевых, тогда существовавший, своим родом, то, конечно, назвал бы его; но напротив того, об нем не упоминается. В 1742 г. возведен в графское достоинство Григорий Петрович. Граф Григорий Иванович надеется, что заслуженных кровию предков его прав и имения не лишатся ни он, ни дети его, и, вручая судьбу свою и детей своих в руки высших государственных сановников... он уверен, что каждый из них по прозорливости своей и непоколебимой справедливости не попустит, чтобы обремененному бедствиями и скорбями семейству нанесен был еще новый и решительный удар»¹¹⁴.

2 января 1831 г. в 7 часов утра в Орле старый граф умер¹¹⁵, и вопрос о наследовании возобновился с новой силой. Умелые ходатайствования Черткова и других членов дружной семьи, мощное общественное мнение не позволили совершиться беззаконию. А.И. Чернышев не добился вожделенного имения. 14 января 1832 г. мнением Государственного совета действительному статскому советнику И.Г. Кругликову дозволено было принять герб, титул и фамилию его тестя, действительного тайного советника графа Г.И. Чернышева, и именоваться впредь потомственно графом Чернышевым-Кругликовым. По свидетельству С.Н. Бибиковой, дочери А.Г. Муравьевой (урожденной Чернышевой), к фавориту Николая I светлейшему князю А.И. Чернышеву все Чернышевы относились с презрением и говорили даже, что он из крепостных, хотя последнее ничем и нельзя было доказать. Когда в один из приездов государя в Москву князь явился было на правах родственника в дом Чернышевых, его не приняли, хотя в то время подобный поступок в отношении всесильного военного минис-

тра и любимца государя мог повлечь за собой большие неприятности.

Не вошедшие в майорат имения графа Чернышева были опутаны такими долгами, что при разделе каждая из наследниц едва получила бы тысячу рублей годового чистого дохода. Чертков в Яропольце, где собралась все члены семейства Чернышевых, предложил отложить раздел на некоторое время, чтобы «употреблять все доходы имения без исключения на zapлату процентов по займам в Опекунском совете». Мера эта была единогласно одобрена. Управление имениями (Орловским: село Тагино с деревнями; Болховским: с деревней Липовка; Елецким: в слободах Засосенской, Анненской, Екатерининской; Воронежским: Задонского уезда село Скорняково; Рязанским: село Пустотин) было поручено А.Д. Черткову.

15 сентября 1831 г. на его имя была составлена доверенность, подписанная всеми сестрами Чернышевыми: «...Всё оставшееся после покойного родителя нашего движимое и недвижимое имение принять в полное хозяйственное ваше распоряжение и управление, требовать от управляющих все сведения на счет всяких хозяйственных заведений, доходов...»¹¹⁶. Из представленных А.Д. Чертковым счетов и бумаг по управлению наследным имением Г.И. Чернышева выясняется, что доходы во все время управления от «продажи хлеба, за лошадей и вало-сена, травы, жнитво и отаву, сады и бахчи, мельницы, оброку» с 1832 по 1836 г. не только не уменьшились, но увеличились (с сентября 1830 по сентябрь 1831 г. доход составлял 80 413 руб. 84 коп.; в 1835 г. — 173 761 руб. 63 коп.). Заплачено долгов в Опекунский совет 327 805 руб., частным заимодавцам — 176 500 руб. Всего — 504 306 руб. 34 коп. 30 июля

1835 г. состоялся предварительный раздел имений, была проведена жеребьевка, в результате которой достались: графу Палену — Пустотин; генерал-лейтенанту Н.Н. Муравьеву, мужу Натальи Григорьевны (1806—1888), — Скорняково; Черткову — одна часть Тагино (Сеньково); Надежде Григорьевне (1813—1853), вышедшей в 1838 г. замуж за князя Г.А. Долгорукова, — другая часть Тагино (Подольены).

В 1837 г. окончательно совершен был раздел имения графа Чернышева¹¹⁷. Еще 31 марта 1835 г. Чертков писал И.Г. Чернышеву-Кругликову, что желает «только окончить елико возможно скорее сии несносные для меня чернышевские дела и обрести в награду за все 4-летние хлопоты и заботы желаемое... душевное спокойствие и быть в состоянии употребить утро, ныне мною исключительно посвящаемое на переписки и разъезды по чернышевским делам, на что-либо для меня полезнейшее и приятнейшее». Чертков намеревался отправиться весной 1836 г. в чужие края, поэтому просил Палена или Муравьева принять на себя полное распоряжение этими делами. Однако Александру Дмитриевичу не удалось избавиться от этого бремени в тот год, и в Западную Европу он отправился со своим семейством только в 1838 г. Во все время своего управления Чертков старался не допустить и малейшей ссоры между наследницами, умея искусно гасить едва возникавшие трения или недовольства¹¹⁸. У него также хранились все фамильные документы и разные бумаги графа Г.И. Чернышева, к разбору которых он приступил в 1839 г. А.Д. Чертков обнаружил среди них 6 писем императора Александра Павловича и императрицы Марии Федоровны, а также тетрадь, которые он отправил

графу Бенкендорфу «согласно Высочайшему постановлению о предоставлении высшему начальству всех тех рукописей, которые могли касаться до сношений особ Императорского Дома с их подданными»¹¹⁹.

Особняк на Мясницкой и его обитатели

Чертковы возвратились из заграничной поездки в конце лета 1839 г. Александра Дмитриевича ждали служебные дела в Москве, а его супруга отправилась в Тагино, где проживал в то время ее брат З.Г. Чернышев с супругой. Ему и всем в Тагино Чертков передавал привет¹²⁰. Тагинский дом, по воспоминаниям Бутурлина, был крайне оригинален. «К первоначальному одноэтажному и небольшому деревянному дому пристраивались постепенно, по мере надобности, анфилады комнат и коридоров с обоих боков, без всякой симметрии и единства наружной архитектуры», а внутри он был «лабиринтом для новоприезжего, но лабиринтом, уютным для жильцов». Весело проходило время в Тагино, несмотря на то что посторонних никого не было. Бутурлин незлобливо подтрунивал над сестрами: «Когда пыл их немного охладел, то милые мои кузинушки обратили свой энтузиазм на лорда Байрона, с сочинениями которого их познакомил впервые г. Слоан [наставник М.Д. Бутурлина, англичанин, католик]. (Все они отлично знали по-английски.) Об этом поклонении британскому барду А.Д. Чертков говаривал, что у добрых-де людей висит в изголовье икона, а у графинь Чернышевых —

портрет лорда Байрона»¹²¹. Твердо воспитанному в православной вере Черткову были не присущи колебания в конфессиональных убеждениях, коими грешили многие дворяне и особенно дворянки его времени. Его младшие братья были под стать ему.

Об Иване Дмитриевиче Черткове (1796—1865), шталмейстере при Дворе Его Императорского Величества с 1833 г., действительном статском советнике, сохранилось свидетельство архиепископа Леониды. Иван Дмитриевич весьма любил вино и веселье, хотя и тосковал

Иван Дмитриевич Чертков

по обожавшей им супруге баронессе Е.Г. Строгановой, умершей в 1832 г. Последние годы он жил в Петербурге очень уединенно, почти затворником, причащался каждую неделю. В спальне у него стоял гроб. Он завел всенощное чтение Псалтири и вознамерился иметь при доме в Чернышевском переулке домовую

церковь. Церковь была малая, но «порядочно отделана». «Привычка к набожности от раннего детства привела-таки к благому концу», — заключал его духовник. На похоронах Черткову были отданы военные почести¹²², поскольку 1 декабря 1835 г. Ивану Дмитриевичу был пожалован орден Св. Георгия 4-й степени за 25-летнюю беспорочную службу в офицерских чинах.

Современники отмечали, что дочери графа Григория Чернышева, известного оригинала и чудака, отличались большой чудачливостью. Рассказывали про них, что «на балу, который московское дворянство давало в честь приезда государя, две из них появились, натягивая вместо перчаток белые шелковые чулки и обмахиваясь рожком для надевания туфель вместо веера. Одна из них, кажется, Наталья Григорьевна (Долгорукая)¹²³, приехала на бал в Зимний дворец в валенках, говоря, что там полы холодные, и уверяла государыню, что она терпеть не может придворных балов, потому что на них всегда убийственно скучно».

Елизавета Григорьевна Черткова не менее поражала своим внешним видом. Будучи еще молодой женщиной, она «почему-то начинала усваивать наклонности, привычки и отчасти туалеты почти что старушечьи», — досадовал Бутурлин. Она одевалась неизменно в какой-то черный гладкий балахон вроде рясы, носила на голове турецкую феску. Она курила трубку и хотя обладала чудным голосом и брала до замужества уроки пения у известных московских учителей, «не иначе певала как вполголоса даже при близких ей людях», что приводило Бутурлина в отчаяние. «Ее комната была полна попугаями, которых она кормила орехами. Она была очень добрая женщина, но

по-своему. Заботясь обо всех, она о своих детях совсем забывала»¹²⁴.

Из писем Александра Дмитриевича предстает пред нами образ заботливого, нежного и умного отца, внимательного, любящего и одновременно снисходительного к слабостям своей молодой супруги мужа. Елизавета Григорьевна не была стеснена в своих действиях и любила подолгу гостить у родных в Тагино, в Яропольце, оставляя детей на попечение супруга. Усадьба Ярополец еще при графе З.Г. Чернышеве была превращена в великолепное имение сановного вельможи, украшенное псевдоготическим замком, регулярным садом «с першпектами и куртинами», каналами и каскадами, галереями и оранжереями, зверинцами и беседками. Современники, знавшие этот дворцово-парковый ансамбль с регулярной и вместе с тем затейливо-парадной планировкой, с изысканным благоустройством парка, называли его русским Версалем¹²⁵. Здесь граф принимал свою «благодетельницу» Екатерину II. Роскошная усадьба располагала 6 тыс. десятин земли с 1260 душами мужского пола. Время здесь протекало незаметно и весьма приятно.

Лишь в минуты острой необходимости Чертков взывал к Елизавете Григорьевне: «Мне завтра самому надобно ехать в город [в Москву], а может быть, и дальше к Уварову, а ты знаешь, что кому-нибудь из нас, т.е. отцу или матери, надобно оставаться с детьми и не препоручать их единственно наемным глазам. В этом состоит как мой, так равно и твой долг. В случае какого несчастья, например пожара, конечно, отец или мать скорее спасет дитя наше, чем наемный самый лучший человек, и долг и обязанность матери никогда и ни в каком случае

не могут быть заглушены приятными беседами и веселостями. Так я думаю, да и ты, кажется, до сих пор так же думала. Решительно я тебя покорно прошу воротиться нынче же назад в Курово и не позволяю ехать в деревню с г. Левашовой. Посылаю коляску и 4 лошади с кучером. Вторник. 7 часов утра»¹²⁶. К сожалению, на письме не стоит дата, но можно предположить, что оно было отправлено в Яропolec из имения Чертковых Курово, что на реке Уче, недалеко от села Пушкино, в декабре 1840 г., поскольку это письмо находится среди других писем, написанных Елизавете Григорьевне в Яропolec в декабре 1840 г. Александр Дмитриевич очень переживал за своих детей, когда они заболели. Он буквально сворачивал свои служебные занятия, чтобы непременно находиться при захворавшем ребенке, особенно если болел его Гриша¹²⁷.

Следующее письмо Александра Дмитриевича, от 5 декабря 1840 г., настолько интересно, поскольку раскрывает его взгляды на воспитание и образование детей, что хочется его привести без особых сокращений: «Все неудовольствия и споры между нами происходят единственно оттого, что ты не имеешь ко мне доверенности. Почти всегда, получив от тебя полное согласие действовать, как я найду лучшим по какому-нибудь, впрочем, довольно важному предмету, ты опять начинаешь вмешиваться в оный и таким образом парализуешь совершенно мои действия. Не говоря о других предметах, я здесь укажу тебе на самое важное, на воспитание наших детей. Долго не мог я тебя убедить в необходимости иметь гувернантку для них. Наконец, в 1838 г. в Риме ты мне решительно объявила, что соглашаешься на сие, и по приезде нашему в Москву что совершенно возлагаешь на меня попечение об их

воспитании, теперь что я один буду располагать. Но это ни к чему не повело, ибо, едва мы возвратились в Москву, ты опять просила меня подождать брать гувернантку и захотела препоручить обучение наших детей французскому языку Софье Александровне Евстакио. Хотя я совсем был уверен, что она по молодости и неопытности своей не может сделать с успехом, но дабы не противоречить тебе, я согласился исполнить твое желание. Таким образом прошел еще год безвозвратный (а Лизке скоро будет 12 лет); по возвращении из Курова ты мне вновь сказала, что согласна на взятие гувернантки, и опять предоставила мне [в] полное распоряжение воспитание наших детей. Я старался всеми силами найти и, как мне кажется, нашел такую, которая, по собранным сведениям, могла оправдать данное ей мною доверие. Вот уже полтора месяца, как я ежедневно наблюдаю все ее действия и решительно по совести и как перед богом не вижу ничего дурного ни в ее обращении с детьми, ни в ее познаниях.

Как бы наши мнения о воспитании ни были различны, но верно согласишься, что я люблю детей столько же, как и ты, и сверх того по летам моим и приобретенной опытности весьма часто вижу дело лучше тебя. Я даже несколько раз слышал, как ты сама при мне говорила посторонним, что я «примерный отец», следовательно, если бы ты имела ко мне доверенности, то почему не допустишь меня без прекословия располагать воспитанием так, как я найду полезнее для детей, и уже более не мешать моим распоряжениям? Что касается вообще до воспитания, то тут нет середины: детей наших надобно прилично воспитать дома, под родительскими глазами, или отдать в публичное заведение. Последнего,

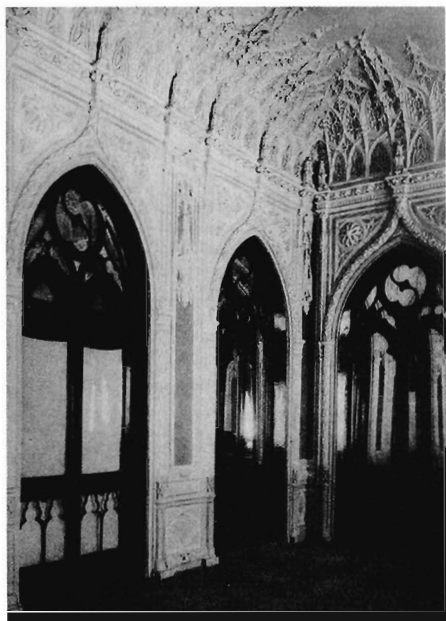
вероятно, ни ты, ни я не согласимся сделать, следовательно, надобно их обучать дома, а для этого, конечно, нужна гувернантка и со временем гувернер. Так делается в мире и иначе быть не может, ибо для обучения детей нужен навык и метода, приобретаемые десятками лет этой опытности в этом важном деле. Я как отец обязан по духовным и гражданским законам пешись об образовании наших детей, располагать оным и ничего не шадить для их воспитания, дабы сделать из них граждан полезных для нашего отечества и вселить в них уважение к нашим законам, а через все это составить их будущее счастье.

Сверх того, во второй половине XIX в. требуется от воспитанников уже несравненно более познаний, чем в то время, когда я был воспитан в Воронеже. В мои лета и отжив уже мой век, мне остается только одно желание, чтобы воспитание наших детей [было] сообразно состоянию и времени, в котором мы живем. Пребывание твое в Яропольце совсем зависит от твоей воли: если тебе там весело и приятно (в чем я не сомневаюсь), то можешь продлить оное. Но поездку в Петербург в нынешний год, кажется, нельзя будет сделать: она будет стоить, по крайней мере, 2000, а мне непременно надобно отдать 12 декабря Салтыкову 50 000 и Дизарну в январе около 200 000. Между тем я совсем не знаю, где мне можно занять эти деньги. Но поездка с Бобринской в 10 раз дешевле, ближе и удобнее»¹²⁸.

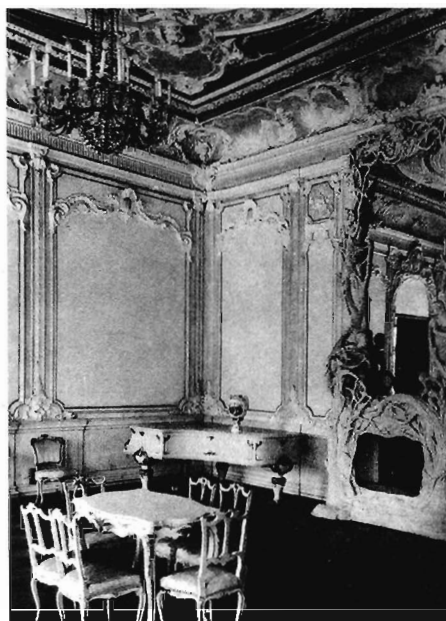
С 1834 А.Д. Чертков занимался благоустройством своих владений в Москве, и в первую очередь замечательного дома. Мы позволим себе обратиться к статье Н.С. Датиевой, специально исследовавшей материалы, связанные с историей особняка № 7 по Мясницкой. В 1844 г. к се-

верному фасаду здания был пристроен двухэтажный объем с просторным «готическим залом» площадью 30 кв. саженей, рассчитанный на прием большого числа гостей. Готический стиль был данью хозяина эстетике романтизма, охватившего Западную Европу и Россию. Великое воздействие на общество, увлекшееся готикой, оказали замечательные исторические романы Вальтера Скотта, чей писательский талант высоко ценил Чертков. Н.В. Гоголь также отметил, что «могущественным словом Вальтера Скотта вкус к готическому распространился быстро везде и проникнул во все...». Сам Александр Дмитриевич, много путешествовавший, признавался: «...как много мне нравятся готические храмы. В зданиях же древних [греческих] и новых времен одни лишь условные формы и, следовательно, почти всегда наружность одинакова, за исключением весьма немногих»¹²⁹. Готические элементы вносили в интерьер XIX в. «непривычные краски, изысканные, утонченные формы, многообразной ассоциативностью своей как бы побуждавшие к некоему мысленному путешествию во времени и пространстве»¹³⁰. «Готический зал» в доме Черткова «был перекрыт зеркальным сводом, стены прорезаны большими окнами со стрельчатыми арками. Обрамление окон, межоконные простенки, карнизы и основание свода покрывает изысканная лепная поверхность, созданная по мотивам английской готики стиля Тюдоров». Лепные работы, поражающие своим высочайшем уровнем, были выполнены Дылевым, одним из известнейших петербургских лепщиков, работавшим на восстановлении Зимнего дворца после пожара 1837 г.

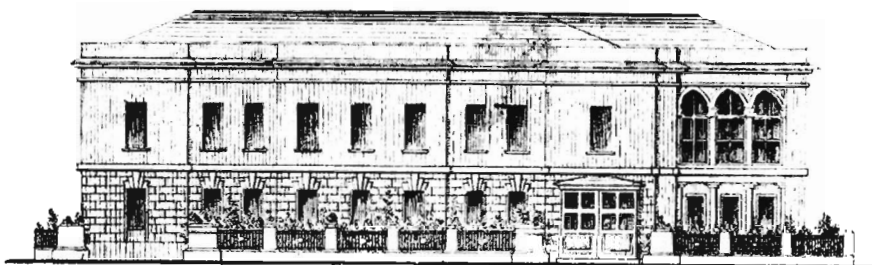
Не менее красива была гостиная на первом этаже, отделанная в «мав-

Готический зал

Белый зал

Дом Чертковых на Мясницкой улице в 1840-х гг.

ританском» стиле. Ее лепка имитирует мотивы восточного орнамента, арабские надписи. «Ковровая изукрашенность стен и потолка, мелкая прорисовка орнамента по характеру напоминают испанскую Альгамбру. Колористическая гамма типична для арабо-испанского зодчества — локальные, насыщенные красный,

синий, зеленый, золотисто-желтый тона». Изрядный сад, раскинувшийся за особняком, стал сокращаться по мере наступления на него города. Чертков задумал устроить зимний сад, пристроенный к центральной части дворового фасада. В сентябре 1854 г. в Москву из оранжереи подмосковного имения Курово было от-

Дом Чертковых на Мясницкой улице. 1850-е гг.

правлено 40 цветочных горшков: «гардении, камелии, розыны месячные, бегонии, лаврус-кипусы, мертусы, миндальные, лавровые, ландушные дерева»¹³¹. Много и со вкусом занимался строительством в своих московских владениях Григорий Александрович Чертков. 7 апреля 1859 г. он получил разрешение «по сломке строений построить вновь каменное трехэтажное здание жилое с нежилым подвалом», два каменных двухэтажных жилых здания с нежилыми подвалами, каменный подъезд с балконом к главному зданию. В 1860 г. он построил теплицы и новое помещение для зимнего сада, в 1870 г. — возвел оранжерею¹³². Благодаря его стараниям особняк превратился, по определению М.Д. Бутурлина, «в великолепный палаццо»¹³³.

С годами здоровье Елизаветы Григорьевны стало ухудшаться. В письмах Александра Дмитриевича начали появляться сообщения

о ее болезнях. В 1845 г. он сообщал М.П. Погодину о том, что его жена «очень страдает от ревматизма»¹³⁴. 26 декабря 1846 г. он писал, что его супруга сильно кашляет и совсем не выходит из дома¹³⁵. Все чаще Александр Дмитриевич брал длительные отпуска, чтобы сопровождать своих дорогих близких в далеких поездках. «По совету врачей для излечения жены и дочери моих они должны пробыть некоторое время в теплом климате, именно на южном берегу Крыма. Долг мужа и отца налагает на меня обязанность проводить моих больных до сих местопребываний, нашед им там помещения, и устроить их там, чтобы они были совершенно обеспечены в отношении их здоровья и средств жизни в отдаленном и безлюдном краю. Вследствие этого я прошу покорнейше Ваше Сиятельство исходатайствовать мне 4-месячный отпуск в Орловскую, Воронежскую и Таврическую губернии»¹³⁶, —

обратился Чертков к генерал-губернатору Закревскому с письмом 11 июня 1849 г. В начале мая 1850 г. Чертков вновь взял 4-месячный отпуск, чтобы отправиться со своим семейством на южный берег Крыма. Он приступил к своим служебным обязанностям только 3 октября.

Начало 1850 г. принесло особую радость в дом А.Д. Черткова: его старшая дочь Елизавета Александровна, фрейлина Двора Ее Императорского Величества, 24 февраля сочеталась браком с поручиком князем А.Н. Голицыным (1830—1911) в домово́й церкви князей Голицыных. Князь Александр Николаевич был сыном генерал-лейтенанта Н.Я. Голицына (1788—1850), командира 2-й бригады 1-й Кирасирской дивизии, сослуживца Александра Дмитриевича по Конной гвардии. Выйдя в отставку 25 января 1836 г., Николай Яковлевич стал придерживаться редко нарушаемого установленного им порядка: лето он проводил в своем имении, селе Ро́ща (Калужская губерния, Тарусский уезд), а зиму — в Москве, где «жил соответственно своему званию и состоянию, но круг его интимных знакомых был довольно ограничен: сам был домосед и в гости ни к кому не ездил». Был приятелем А.П. Ермолова. По-видимому, отношения между Чертковым и Голицыным также не утратили своей теплоты. Бутурлин, сосед Голицына по имению своей супруги Знаменское-Игнатовское, посвятил князю, большому оригиналу, не одну страницу своих воспоминаний. «Добрейшего и большей прямоты души человека, как он, трудно было встретить; в житейских же своих привычках он был методичен и пунктуален до крайности».

Николай Яковлевич жил скромно, «и единственный значительный

его расход состоял в содержании псовой охоты, доведенной, впрочем, до редкого совершенства, но стоившей ему чуть ли не 20 тыс. руб. в год»¹³⁷. Князь Голицын был женат на своей пятиюродной сестре В.Д. Голицыной (1801—1850). Их единственный сын Александр служил в Царском Селе в Лейб-гусарском полку. «Прекрасное образование, данное ему родителями, спасло его от увлечений гвардейской молодежи, а сближение с А.Д. Чертковым дало ему умственную пищу. По примеру тестя Александр Николаевич начал также собирать книги, но исключительно

Князь Николай Яковлевич Голицын. ГИМ

на языках иностранных, так называемая *Rossica*, руководясь мыслью, что как ни пристрастны европейцы в суждениях о нашем отечестве, но, глядя со стороны, они нередко знают ее с таких сторон, изучение которых у нас затруднительно»¹³⁸.

В 1852 г. примеру старшей сестры последовала Софья Александровна,

отдавшая руку и сердце свое Северу Алексеевичу Ермолову (1824—1894). Их венчание происходило в домовый церкви московского военного генерал-губернатора, должность которого тогда исполнял граф А. А. Закревский. А. П. Ермолов никогда не был женат, а имел детей от разных связей: Виктора (от черкешенки Сюйды), Севера и Клавдия (от черкешенки Тотай) и Николая, которые получили от Александра II права законных детей. Дочь Саниат (София), «оставшаяся в мусульманстве», вышла замуж за горца Махай-оглы¹³⁹. Север Ермолов закончил Артиллерийское училище в 1845 г. прапорщиком и был направлен в Кавказскую гренадерную артиллерийскую бригаду, принимал участие в боевых действиях, за что награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом. В 1849 г. он был переведен в лейб-гвардии 1-ю конно-батарейную артиллерийскую бригаду адъютантом к генерал-адъютанту графу Закревскому. 30 апреля 1852 г. министр Императорского Двора князь П. М. Волконский сообщил родителям новобрачных, что, «соизволяя сей брак», Его Императорское Высочество государь наследник цесаревич изволил отозваться: «Очень рад за обоих»¹⁴⁰.

На очереди была последняя дочь, Александра Александровна, которая впоследствии вышла замуж за ротмистра Винтулова. Но ее здоровье всегда внушало опасение домашним. По свидетельству Бутурлина, с самого детства она была «тщедушная, бледненькая и как бы предвещала, что ей недолго быть жилицей сего мира»¹⁴¹. Осенью 1852 г. Александр Дмитриевич отправил дочь и жену на длительное лечение в Западную Европу. 16 октября из Москвы он слал вогонку наставления своей жене: «... я не буду спокоен до тех пор, пока не узнаю, что вы в теплом климате,

я потому прошу тебя не медлить ни минуты, буде паспорт Жонио готов... Оставаясь же долее в Петербурге, болезнь ее [Саши] должна усиливаться по причине холода... Я очень боюсь, что Кикина будет тебя просить ее обождать, но Сашино здоровье не позволяет делать... В первый день вашего отъезда я не знал, что делать и за что приняться, так все напоминало в пустом доме ваше отсутствие. Я был совсем один во всем этаже, а потому и просил Mr. Jonio перейти с верха в твои комнаты, по крайней мере я теперь слышу хотя вдалеке человеческие голоса. По утрам Гриша приходит брать уроки у Mr. Jonio в угольной комнате, и это также для меня хорошо. Дочери часто меня посещают и 2 раза в неделю обедают, и я к ним 2 раза езжу. Хожу пешком и вообще здоров»¹⁴².

Александр Дмитриевич скоро совсем заскучал в огромном доме и сам стал собираться в путь. В 1853 г., 4 марта, Чертков обратился к московскому генерал-губернатору с просьбой об отпуске. «По совету медиков мне необходимо пользование заграничными минеральными водами. В удостоверении чего представляя при сем медицинское свидетельство, я имею честь покорнейше просить Ваше сиятельство исходатайствовать мне разрешение воспользоваться 6-месячным отпуском для отъезда к минеральным водам в Германию и для свидания с женою и дочерью в Италию, с выдачею на проезд туда и в обратный путь установленного заграничного паспорта»¹⁴³. С Александром Дмитриевичем собрался в поездку и сын его, коллежский регистратор, служащий в Московском дворянском депутатском собрании депутатом дворянства Дмитровского уезда¹⁴⁴. Из писем известного актера

М.С. Щепкина своей супруге и историку М.П. Погодину узнаем, что в Баден-Бадене 30 июня 1853 г. он виделся с Чертковыми. Щепкин великолепно передал атмосферу курорта: «Я здесь закружился, народу масса страшная, русских многочисленных, и я очень часто в кругу их, а горы, а виды, а воздух, а форели, просто беда!» 10 июля он сообщал: «Черткову поклонюсь, а она [Елизавета Григорьевна] сегодня уехала в Швейцарию к своей сестре на неделю»¹⁴⁵. В Париже Чертковы предполагали прожить некоторое время, однако на третий день их приезда по столице пронесся слух, что «волнения снова приготавливаются неугомонными фобургианами [от фр. faubourgs — население рабочих предместий] Сен-Жакского квартала»¹⁴⁶, и Александр Дмитриевич поспешил увезти свое семейство от ненужных испытаний. Вместе с сыном он вернулся в Москву 20 сентября 1853 г., а жена и дочь Саша еще оставались в Италии. Зимой 1854 г. Александр Дмитриевич «так простудился, что почти 3 месяца был болен». С нетерпением он ждал возвращения Елизаветы Григорьевны и Александры летом 1854 г.

В 1857 г. Чертков последний раз посетил Рим, получив предварительно разрешение «выехать в отпуск для поправления расстроенного здоровья за границы к минеральным водам в Карлсбад и Рим» сроком на 1 год. «Ты хочешь знать, как я нашел Рим после 20-летнего отсутствия? Он все тот же, но я уже не тот, как был прежде. Нет уже прежнего энтузиазма и взгляда на предметы, да к тому же в последнее наше здесь пребывание все семейство было около меня, а теперь нас только трое... Встаю в 7 часов, пью кофе один или с Мг. Расоп, ибо Гриша и Саша встают позже. Потом отправляюсь покупать книги на аукционы и воз-

вращаюсь домой к 4 часам. И обедаю вместе с детьми. К обеду приходит к нам Голицын, Сологубы, иногда и Паве», — писал Чертков из Вечного города 19 ноября/1 декабря 1857 г. «А.Д. Чертков сначала расхаживал здесь в фуражечке и в шинельке, точно на Мясницкой, а теперь купил себе питорскую¹⁴⁷ шляпу, все старые книги покупает и занимается нумизматикой», — сообщал художник М.И. Скотти скульптору Н.А. Рамазанову из Рима в феврале 1858 г.¹⁴⁸.

Смерть жены (25 мая 1858 г.) была тяжелым ударом для Александра Дмитриевича. Усилившиеся затем «старческие немощи приблизили его к гробу, который и принял многотрудное тело 10 ноября 1858 г.»¹⁴⁹. Отпевание состоялось в четверг 13 ноября в 10 часов утра в приходской церкви Св. Иоанна Предтечи, что на Малой Лубянке. Супругов похоронили на Ваганьковском кладбище в Москве¹⁵⁰, но их могила не сохранилась.

Об Александре Дмитриевиче Черткове, его жене и сыне оставил свои воспоминания С.М. Загоскин, сын директора Оружейной палаты, литератора М.Н. Загоскина. Молодой человек, приятель Григория Александровича, смотрел на почтенных его родителей, как часто бывает у нового поколения, несколько снисходительно и не без определенной критичности. Чудачества аристократок Чернышевых, а также Черткова, о которых с умилением и симпатией сообщается представителями их круга, были непонятны и удивительны человеку, выросшему в доме, чье благополучие целиком зависело от жалованья главы семьи. Кроме того, одной из ведущих тем в творчестве М.Н. Загоскина было осмеяние аристократизма и претензий на него. Тем ценнее для нас рассказ Загоскина, сообщающий о быте пос-

ледних лет жизни Александра Дмитриевича, что он позволяет увидеть нашего героя в ином ракурсе.

«Пожилый, умный, ученый, Чертков приобрел себе известность как нумизмат... Он обладал прекрасной библиотекой, в которой проводил почти весь день и даже иногда спал. Александр Дмитриевич был добрейший старик, но крайне рассеянный. Мысли его постоянно где-то витали, и даже нередко он не узнавал в лицо своих знакомых. Посвящая много времени своим служебным и научным занятиям, он мало находился со своим семейством, забегая только довольно часто к своему сыну, имевшему помещение рядом с библиотекой отца. Случалось, что, одетый дома в халат, он вбежит к сыну, увидит несколько приятелей его, никого не узнает, свистнет и как-то особенно шелкнет языком и убежит; подобные набегу повторялись несколько раз в день. Старик не любил общества, мало выезжал и только поневоле как предводитель дворянства принимал множество лиц, имевших до него какую-либо надобность».

«Жена его, женщина весьма образованная, начитанная и добродетельная, любила тихую семейную жизнь в кругу своей многочисленной родни и близких друзей, из числа которых одно из первых мест занимал Н. В. Гоголь. И хотя она часто выезжала в свет, сопровождая своих дочерей, но выезды эти были для нее сущим наказанием. Во всех своих действиях она была довольно оригинальна и даже одевалась как-то странно: она носила почти всегда черное узкое платье, похожее на какой-то кафтан и подпоясанное металлическим кушаком, на котором висел кинжал кавказского изделия, костлявые пальцы ее рук были унизаны сверху донизу кольцами и та-

лисманами. Будучи близорукою, она носила очки. Неимоверно быстрая и суетливая в своих движениях, она имела вместе с тем вид серьезный, задумчивый и озабоченный и была, подобно своему мужу, очень рассеянная. Несмотря на прожитое ею в то время полу столетие, ее худое, смуглое, оригинальное лицо сохраняло какую-то прелесть и что-то поэтическое и крайне симпатичное»¹⁵¹. «И как ни разны были ее характер, вкусы и привычки с мужниными, она ценила мужа вполне и силилась при всяком случае возвысить его в мнении общества»¹⁵², — добавлял Бутурлин.

«Дом Черткова на Мясницкой, — продолжал свой рассказ Загоскин, — большой и прекрасный, представлял сочетание богатства с полнейшей безалаберностью: во всех приемных комнатах царил замечательный беспорядок, причиной которого был сам хозяин, любивший перемещаться из одной комнаты в другую. Он жил в своей библиотеке, находившейся в нижнем этаже дома, и вдруг спальня его оказывалась в большой гостиной, а рабочий кабинет чуть не в официантской; через несколько времени он снова избирал себе другое помещение, вследствие чего в кабинетах валялись бумаги, папки, книги и прочие принадлежности занятого, ученого человека. Из зала нередко устраивалось что-то вроде присутственного места, где происходили заседания разных ученых обществ, в которых участвовал хозяин дома»¹⁵³. Однако эти странности, вызывающие улыбку, а может быть, недоумение, появились у Александра Дмитриевича, на наш взгляд, как следствие его одиночества в опустевшем доме и бесконечного его преодоления: старшие дочери покинули родительский кров, обзаведясь собственными семьями,

супруга и младшая дочь подолгу пребывали за границей. Единственный сын также вырос.

«Чертков, как предводитель дворянства, считал долгом дать зимою один бал, но и тот не отличался особою роскошью, а только суматохою и теснотою по милости множества приглашенных гостей, часто не знавших друг друга в лицо и даже неизвестных самим хозяевам, так как приглашения посылались большею частью дворянам Московской губернии, знакомым и незнакомым Черткову. Одним словом, на эти балы собирались, как говорится, «la ville et les faubourgs» [город и пригороды]. Хозяин дома нередко скрывался где-то в толпе гостей, из которых многие, не зная лично хозяйки, гуляли по комнатам, опустошали буфет и ужинали точно так, как на каком-либо публичном бале, не выдав в глаза хозяев дома», — писал Загоскин.

«Распорядителем танцев на этих балах был 20-летний сын Черткова Григорий Александрович, или, как все его звали, Гриша. Маленький, худенький, смугленький, с довольно большим горбатым носом, живыми огненными глазами и чрезвычайно быстрыми, подвижными, как будто эластичными манерами, он походил на какого-то мальчика из гуттаперчи; но за этим мальчиком усердно ухаживали маменьки, усматривая в нем блестящую партию для своих дочерей, они почти все поголовно вздыхали о нем и таяли от чарующего пронзительного его взгляда, производившего то же самое действие и на многих замужних женщин, забывавших ради «Гриши» седьмую заповедь»¹⁵⁴, — свидетельствовал его приятель Загоскин.

Бибикова с удовольствием рассказывала: «Григорий Александрович Чертков пользовался колоссальным

Григорий Александрович Чертков

успехом у дам и любил вытворять всевозможные шутки, что тогда в Москве сходило с рук. Над такими шалунами смеялись и даже поощряли. Так, он однажды побился об заклад с товарищами, что в Большом театре во время представления пробежит по борту лож первого яруса. И действительно во время какого-то парадного спектакля в присутствии грозного генерал-губернатора Закревского, нарядной публики и дам из крайней ложи выскочила стройная фигура в обтянутом до последней степени трико огненного цвета и, ловко лавируя среди напуганных зрителей, пошла вдоль борта лож. За ней устремилась переполошившаяся театральная полиция, тоже перебегая из ложи в ложу в надежде поймать проказника и лишь увеличивая переполох. Впоследствии, будучи адъютантом при московском генерал-губернаторе, в отместку за его строгость и придирчивость Чертков перебил

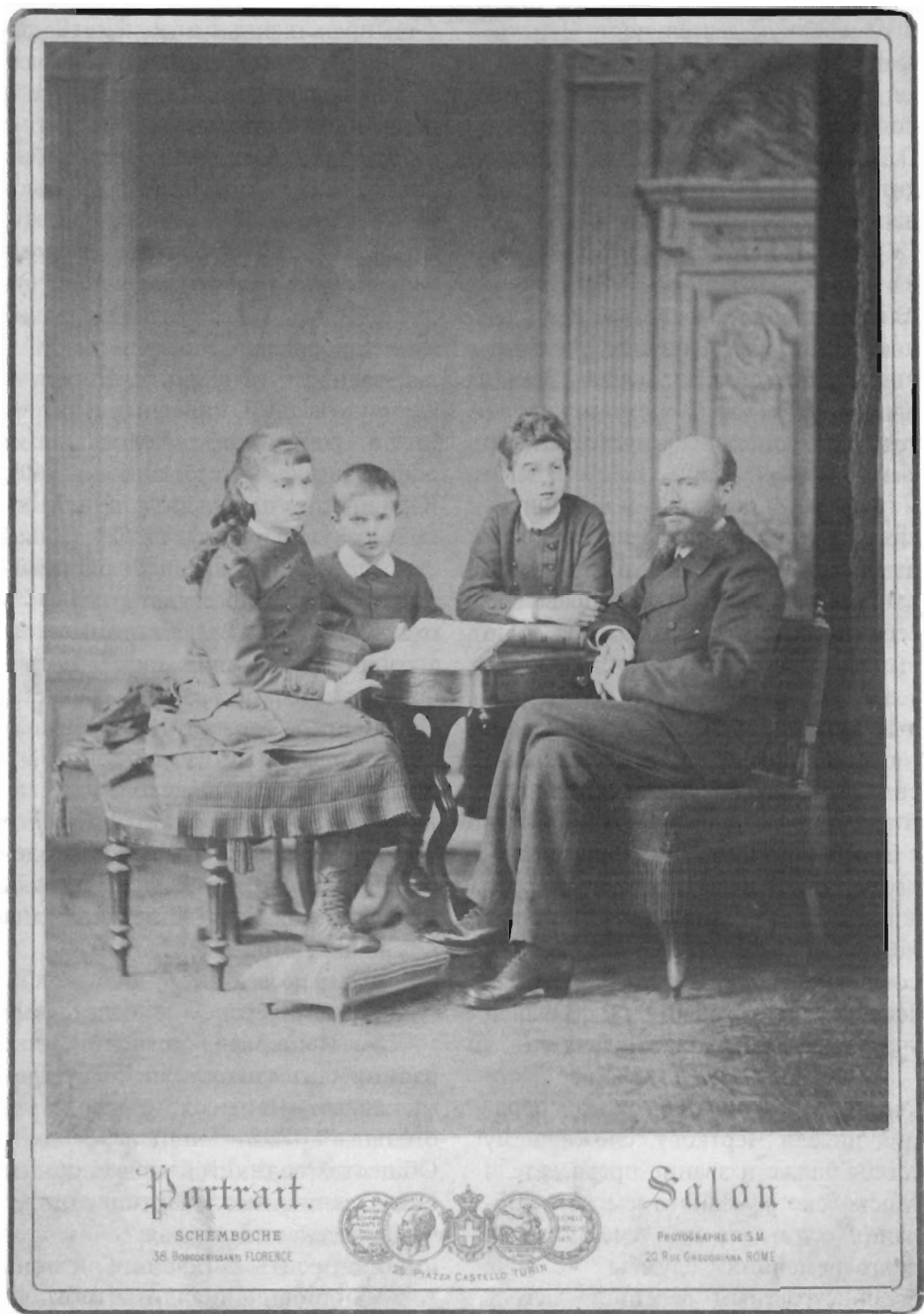
камнями стекла в окнах его дома. Но подобные проказы не помешали ему на всех занимаемых им впоследствии должностях выказывать строгую добросовестность и усердие и заслужить всеобщее удовольствие».

В памяти других Григорий Александрович также остался «первенствующим львом в московском обществе» в конце 50-х — начале 60-х гг. Князь В.М. Голицын свидетельствовал: «Красавец собою, богатый, превосходный танцор и пожиратель дамских сердец, он долгое время был предметом пламенных желаний всех салонных маменек и тетюшек, стремившихся его уловить для своих дочек или племянниц. Но это не имело успеха, ибо он женился впоследствии на своей двоюродной сестре Софье Николаевне, дочери Н.Н. Муравьева-Карского, вторым браком женатого на графине Наталье Григорьевне Чернышевой»¹⁵⁵. Венчание состоялось 8 января 1865 г. В следующем году, 27 сентября, в Париже у них родилась дочь Александра, в 1868 г., 26 июля, в Москве появилась на свет Вера, в 1872 г., 2 мая, родился Григорий. Он крещен был в приходской церкви Иоанна Предтечи, что на Лубянке. Через 11 лет, 29 сентября 1883 г., немолодые родители были бесконечно счастливы, когда у них благополучно родился четвертый ребенок — Александр, восприемниками при крещении которого были его старший брат Григорий Григорьевич Чертков и сестра Александра Григорьевна¹⁵⁶. 24 марта 1885 г. Александр III соизволил пожаловать дочь Г.А. Черткова, девицу Александру Григорьевну, во фрейлины к императрице¹⁵⁷.

Г.А. Чертков подобно своему отцу имел длинный послужной список. В 1849 г. он «в службу вступил к статским делам в канцелярию москов-

ского гражданского губернатора», произведен в коллежские регистраторы в 1851 г., определен почетным директором Клинских богоугодных заведений в 1852 г., избран депутатом по Дмитровскому уезду Московской губернии для составления и продолжения родословных книг в 1853 г. В 1855 г. Г.А. Чертков поступил в московское ополчение, затем в Стрелковый батальон Императорской Фамилии, в 1859 г. перешел адъютантом к московскому генерал-губернатору генерал-адъютанту С.Г. Строганову. В 1860 г. Григорий Александрович был произведен в штабс-капитаны, назначен мировым посредником, Высочайше утвержден в звании директора Московского тюремного комитета в 1861 г.¹⁵⁸, произведен в капитаны в 1862 г. В 1863 г. капитан Чертков был уволен от службы по домашним обстоятельствам из лейб-гвардии Стрелкового батальона Императорской Фамилии. Г.А. Чертков был избран при участии 590 человек в выборные для введения нового общественного управления в Москве в 1863 г., в число которых вошел и полковник С.А. Ермолов, муж его сестры Софьи. Позднее Григорий Александрович, надворный советник, был три трехлетия предводителем московского уездного дворянства, в 1875 г. пожалован в должность шталмейстера (чин III класса) с оставлением в занимаемой должности предводителя дворян Московского уезда¹⁵⁹.

В архиве Чертковых сохранилось коллективное письмо дворян Московского уезда с 58 подписями, в котором было выражено искреннее сожаление о том, что, несмотря на их «усиленные просьбы», Г.А. Чертков в 1878 г. ушел с занимаемой должности предводителя дворян Московского уезда. Вспоминали с признательностью и уважением

Григорий Александрович Чертков и его дети

плодотворную деятельность Черткова по Московской дворянской опеке, его теплое и добросовестное отношение к сиротам из дворян. Князь П.П. Трубецкой, ставший предводителем дворян Московского уезда, напоминал в письме от 24 января 1878 г. о том, что он с 1861 г. «лично близко познакомился» с Григорием Александровичем в связи «с деятельностью по крестьянским учреждениям и по земским делам». Князь подчеркивал, что Чертков оставил в уезде «столь тесную нравственную связь и такое хорошее о себе воспоминание». Григорий Александрович, взволнованный коллективным изъятием чувств «сотоварищей», отвечал им: «Я с гордостью позволяю себе припомнить, что на мою долю выпало счастье быть представителем уездного первопрестольного, колыбельного дворянства в такое время, когда крупно бились все живые силы русского народа, когда мы все, горя, имели сердца и когда наравне с былыми великими временами отечественных войн Москва во всеоружии стояла на страже самых дорогих исторических интересов»¹⁶⁰. Так высоко и пафосно оценивал Чертков значение реформ 60-х гг. XIX в. и участие в них московских дворян.

23 декабря 1878 г. гласные Московского уездного земского собрания писали Черткову, сложившему с себя также и звание председателя Московского уездного земского собрания, о том, что он в течение своей долговременной службы «вполне беспристрастным ведением дела в Земском собрании и искренним и горячим отношением к земскому делу много содействовал успеху его занятий». С письмом, которое подписали 18 человек, был передан Черткову колокольчик как «атрибут звания председателя» и как «воспоминание

о тех нравственных отношениях, которые в течение многих лет связывали Московское уездное земское собрание и его председателя»¹⁶¹.

Григорий Александрович подобно своему отцу не отказывался участвовать в деятельности многих обществ, перечень названий которых раскрывает его интересы и увлечения. Он был избран в действительные члены Императорского Общества любителей садоводства (1860)¹⁶², Комитета акклиматизации животных и растений в Императорском Московском обществе сельского хозяйства (1860), Юридического общества при Московском университете (1868), Общества любителей древней письменности. Являясь председателем отдела охоты в Обществе любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, Г.А. Чертков вложил «значительные пожертвования на устройство этого отделения на Московской политехнической выставке в 1872 г.». Его усердие было по достоинству оценено: Г.А. Чертков был пожалован медалью в память 200-летия со дня рождения Петра I¹⁶³.

Чертков был «учредителем, основателем и создателем» Императорского Общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты. В 1895 г. вице-президент Общества великий князь Николай Николаевич писал Черткову о том, что в заседании 15 мая 1895 г. решили просить согласия Григория Александровича на то, чтобы на жетоне приза имени Г.А. Черткова, как основателя и почетного члена Общества, можно было изобразить герб Чертковых¹⁶⁴. В телеграмме от 1 января 1898 г. великий князь Николай Николаевич, поздравляя Черткова с 25-летним юбилеем

Общества, подчеркивал, что Общество «до сих пор верно хранит традиции, положенные Вами в его основание». На юбилейном обеде великий князь «поднимал бокал за здравицу» Черткова¹⁶⁵. Общество не раз награждало Черткова за выращенных им породистых собак, отмечало похвальными отзывами его стаю гончих.

Обострение Восточного кризиса привело Черткова в 1876 г. в действительные члены Православного миссионерского общества под покровительством Ее Императорского Величества государыни императрицы Марии Александровны. В 1879 г. Обществом попечения о раненых и больных воинах во время Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. ему был выдан знак красного креста.

Таланты Григория Александровича в области охоты были замечены, и в 1880 г. ему повелели быть в должности егермейстера, а через три года, 15 мая 1883 г., он был пожалован егермейстером Высочайшего Двора, 14 мая 1896 г. — обер-егермейстером, т.е. он получил чин II класса. Министр Императорского Двора граф И.Д. Воронцов-Дашков, 19 декабря 1883 г. выражая Григорию Александровичу свою признательность, отмечал: «Во время управления Вашим превосходительством императорской охотой в устройстве оной произошли разные преобразования, которые исключительно лишь заботами и трудами Вашими доведены до блестящих во всех отношениях результатов. Несмотря на значительное увеличение в то время всем чинам охоты содержания, расходы по вверенной Вам части не только не превышают расходов прежнего времени, но даже представляют экономию по сравнению с ними»¹⁶⁶. Бибикова авторитетно добавляла: «Никогда в царс-

кой охоте еще не было того порядка, как тогда, когда начальником ее был Чертков. Вступая в исполнение своей службы, он собрал своих подчиненных и сказал им, что увеличивает им жалованье (чуть ли не втрое), но строго будет преследовать воровство. Служащие были этим недовольны. Очевидно, воровство, процветавшее в широких размерах в то время в придворной части, было выгоднее всяких прибавок. Но Чертков строго следил, чтобы раз отданное приказание исполнялось, и при нем хищения достигли своего минимума».

Во всех своих должностях Григорий Александрович Чертков отличался «усердием, добросовестностью и везде заслуживал полное уважение всех лиц, бывших с ним в каких-либо отношениях»¹⁶⁷, — свидетельствовал С.М. Загоскин. В 1881 г. Александром III Черткову был пожалован орден Св. Владимира 3-й степени, в 1883 г. — орден Св. Станислава 1-й степени, в 1888 г. «в награду отлично-усердной службы» орден Св. Анны 1-й степени, в 1899 г. Николай II наградил Григория Александровича Черткова орденом Св. Владимира 1-й степени.

DA
20
0-61

Уртинъ, М. Дунинъ

1207
121

О П И С А Н І Е ДРЕВНИХЪ РУССКИХЪ МОНЕТЪ.

Es giebt kein größeres Vergnügen für den forschenden Geist, als wenn er da Licht werden sieht, wo er vorher Dunkel sah!

Горенъ въ предисловіи къ своимъ идеямъ.

61

12888
12881/21

Л

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФИИ С. СЕЛИВАНОВСКАГО.
1834.

ЧАСТЬ II

ГЛАВА 1

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А.Д. ЧЕРТКОВА

«Надобно рассматривать писателей в отношении к их времени, иначе приговор наш будет всегда неверен»

М.А. Дмитриев¹

Нумизматика

Литературную и научную известность А.Д. Черткову принесли две книги, почти одновременно изданные им в Москве, — «Описание древних русских монет» (1834) и «Воспоминания о Сицилии» (1835). Чертков, как мы помним, начал серьезно интересоваться нумизматикой приблизительно с 1813 г. С годами его коллекция монет и медалей несравненно увеличилась: в 1833 г., когда он привел ее в систематический и хронологический порядок, одних только «древнерусских копеечек» в ней насчитывалось до 3 тыс.². Александр Дмитриевич «для себя, для своих собственных нужд, чтобы иметь возможность классифицировать свои монеты», составил рукописный каталог, причем довольно давно, «лет 15 назад». Он думал его опубликовать, но желал приступить к делу только после представления своего труда на суд авторитетных ученых, и прежде всего известного нумизмата академика Ф.И. Круга (1764—1844).

Круг, по мнению Черткова, был единственным специалистом, который мог подтвердить правоту его суждений или указать на их ошибочность. Похоже, что Александр Дмитриевич был знаком с Кругом еще в 20-е гг. XIX в. и нередко с ним консультировался. Именно так можно понять фразу из письма Черткова к ученому-востоковеду академику Х.Д. Френу (1782—1851), когда Чертков откровенно признавался: «Будучи лишь обычным любителем, я всегда опасался выражать свое мнение без предварительного одобрения вашего ученого друга». Однако в Москве никто из историков не занимался русской нумизматикой, и Черткову пришлось уступить «настоятельным просьбам» нескольких любителей-нумизматов, которые «не имели иных возможностей систематизировать свои коллекции». Даже в милицейском кабинете Общества истории и древностей российских царил полный хаос, и на протяжении тридцати лет никто не знал, как навести там

порядок³, — перечислял Чертков мотивы, побудившие его в 1834 г. напечатать свой рукописный каталог.

Атрибуция русских монет XIV—XV вв. была очень трудным делом. Плохо читаемые, часто несохранившиеся или искаженные резчиками штемпелей легенды содержали лишь имена князей. До Черткова были попытки классифицировать монеты данного периода: «Князь Щербатов в 1780 г. делил древние русские монеты на: а) неизвестные без надписи, б) неизвестные с татарской надписью, в) неизвестные с татарской и русской надписями, д) неизвестные с одной русской надписью, е) известные. Карамзин немного продвинулся вперед, разделив монеты на 4 типа: 1) с изображением зверей без надписи, 2) с татарской надписью, 3) с русской и татарской надписью, 4) с одной русской надписью». Описывая столь незавидное положение дел в русской нумизматике, Чертков ярко охарактеризовал и качества, которыми должен был обладать истинный коллекционер-ученый. «Наружность древних русских монет не может открыть нумизмату времени их сделания, ни ценности, ни часто названий: они малы и столь дурного штемпеля, что, имея десятки экземпляров одной и той же, иногда едва возможно прочесть надпись, собирая по 2 и по 3 уцелевшие буквы. Тщетно станем искать пояснений в летописях, грамотах... Все безмолвствует и весьма мало положительного. Любитель русских монет, с усилием и помощью многих экземпляров прочитав в надписи княжеское имя без малейшего указания на время, место и ценность, дополняет все прочее собственными выводами. Без руководств и опытности, приобретаемой десятками лет терпения и труда, он утомляется от напрасной

пытливости и перестает собирать мелкие, полустертые, никем не исследованные денюжки. Да и как расположить, в какой привести порядок сих представителей избытка наших предков? Вот отчего, без сомнения, столь мало собраний русских монет, и те во мраке неизвестности: должно иметь к ним *страсть*, чтобы преодолеть множество затруднений»⁴. Однако одной только подлинной страсти было мало, чтобы «безгласную грудку денюжек» заставить заговорить. Кропотливая и регулярная работа с монетами, удивительная систематичность мысли и строгий научный подход, глубочайшие познания в палеографии и истории, сопряженные с тонкой научной интуицией, позволили Черткову впервые выделить и правильно описать некоторые классы монет, соответствующие основным центрам русской чеканки. Он первым применил в русской нумизматике историко-географический принцип, разработку которого начал Френ в книге о монетах Золотой Орды (1832 г.). «Невозможно было избрать себе образец лучше и точнее, ни удачнее подражать избранному», — с удовольствием подчеркивал рецензент журнала «Библиотека для чтения»⁵.

Александр Дмитриевич, отождествляя монеты с княжествами и князьями, описал 434 монеты, но смог поместить в каталоге изображения только 336 из них, хотя и это далось не просто. Дело в том, что он не владел восточными языками, да и в Москве не было таких профессионалов, которые могли бы помочь разобрать арабские легенды на монетах. Чертков обратился было к Н. Коноплеву, доктору-востоковеду словесного отделения Московского университета, единственному человеку, кто знал в

Москве арабский язык, но тот признался, что не может дешифровать ни одну надпись. Черткову пришлось поэтому посоветовать московскому литографу оставить пробел на рисунке монет с арабскими легендами. Александр Дмитриевич полагал поступить следующим образом: приехав по своим делам в Петербург, заодно обратиться за помощью к Х.Д. Френу, который был «известен своей услужливостью в отношении всего, что касается пропаганды науки», и затем только отгравировать арабские надписи. Те же немногие арабские и татарские надписи, которые были все-таки скопированы и отгравированы в каталоге монет, не поддавались, по словам Френа, чтению и переводу. Чертков предполагал подобное, поэтому и приостановил гравировку своих монет с восточными легендами.

«Описание древних русских монет» было снабжено научными примечаниями, родословной некоторых московских князей, указателем имен, названий предметов и таблицами веса монет. Чертков упомянул, что он составил «палеографическую таблицу видоизменения букв на деньгах: в отсутствии верных признаков ими можно иногда определить древность монеты»⁶. Сразу вспоминается его знаменательное общение с П.И. Кеппеном в Вене в 1823 г. и палеографические таблицы ученого, которые он так и не опубликовал. Свою таблицу Чертков также удерживался до времени обнародовать. Вообще Александр Дмитриевич сам весьма скромно очерчивал круг задач, им преследуемых: «Издавая “Описание древних русских монет”, у нас собранных, мы не осмеливаемся принять на себя решение всех нумизматических вопросов. Пусть оно заохотит собирателей, более знающих и со средствами об-

ширными, обнародовать редкости, у них скрытые, и выводы, ими сделанные. Единственное наше желание: содействовать по мере сил и разума успехам русской нумизматики, а через то и истории»⁷.

Чертков поручил издание своего каталога опытному археографу П.М. Строеву (1796–1876), который был известен своей щепетильностью в отношении порученной работы и книг в частности. Так, он заведовал несколько лет библиотекой графа Ф.А. Толстого, который стал его

Павел Михайлович Строев

другом и благодетелем, составил каталоги славяно-российских рукописей и старопечатных книг его библиотеки. Работа Строева с Чертковым также сблизила ученых. Строев вспоминал о книге «Описание древних русских монет»: «Я нянчился с ней как с своим детищем, вынянчил и сдал; что он предложил мне в возмездие за труд, я принял с благодар-

ностью, и теперь, мне кажется, мы не в худых отношениях. Пользуюсь его приязнью и гостеприимством»⁸. Домашние дела сильно отвлекли Черткова от научных занятий, о чем свидетельствует его письмо к П.М. Строеву от 7 августа 1834 г. из Яропольца: «Здесь столько дела и безделья, что я даже до сих пор не удосужился съездить в свою деревню, в 15 верстах от Клина находящуюся. Две свадьбы, раздел имения, приезд брата жены моей и будущего зятя Муравьева, разъезды по соседям, званные обеды и даже spectacles de société, разумеется, в саду на французском языке. Препоручить достать 5 экземпляров изображений монет для Цензурного комитета никак не могу, ибо, собираясь наскоро из Москвы, совершенно не знаю, куда засунул готовые гравюры и куда положил ключи от комода и бюро, но в конце сего месяца я надеюсь совсем возвратиться на жительство в Москву, а потому прошу покорно обождать еще недели 2 и быть уверены, что неисправность сия с моей стороны невольная»⁹.

По выходе каталога из типографии Чертков отправил 10 октября 1834 г. 5 экземпляров в Петербург к неперемому секретарю Академии наук П.Н. Фусу (1798—1855), с тем чтобы он раздал книги академикам Ф.И. Кругу, Х.Д. Френу, А.М. Шегрену (1794—1855), оставив, естественно, один экземпляр себе и представив экземпляр каталога для конкурса Академии наук на Демидовскую премию. Этот конкурс был учрежден камергером П.Н. Демидовым в 1831 г., когда он обязался вносить в Академию ежегодно по 20 тыс. руб. на присуждение четырех наград по 5 тыс. руб. каждая. Неутомимый Строев посоветовал Черткову послать свою работу в Академию наук на этот конкурс. Черт-

ков, хотя и сомневался в правильности своего поступка, но согласился со Строевым из двух соображений: узнать мнения ученых Петербурга по некоторым сомнительным моментам в русской нумизматике, по которым в Москве не к кому было обратиться за консультацией; и второе, в случае получения премии Чертков хотел «обратить ее на издание либо русской летописи, либо другого произведения, посвященного русской истории, по выбору Академии». Чертков изложил все эти обстоятельства Х.Д. Френу, который, получив каталог Черткова и внимательно изучив его, немедленно написал в Москву. Между учеными с тех пор установилась оживленная переписка, из которой выявляются многие подробности исследований Черткова по нумизматике. В своем первом, очень обстоятельном письме от 12 февраля 1835 г. Александр Дмитриевич просил петербургского академика, чтобы тот в свою очередь сообщил П.Н. Фусу его пожелания относительно Демидовского конкурса. Френ отметил это разъяснение в письме Черткова красным карандашом¹⁰.

В отчете Императорской Академии наук были выделены достоинства книги Черткова «Описание древних русских монет» и специфика нумизматических изысканий, требующих «более внимания и терпения, нежели где-либо». «Точность его в описании подробностей, совестливость в приведении даже мелочей... заслуживают большую похвалу, потому что без этих подробностей книга была бы совершенно бесполезна любителям монет... его описания хотя и коротки, но ясны, извлекаемые им выводы обыкновенно верны и удовлетворительны. Таково вообще суждение, которое Круг произнес о сочинении Черткова. По части русско-татарских монет суждения

принадлежат Френу». Ученый мир России высоко оценил нумизматический труд А.Д. Черткова: в 1834 г. Академия наук удостоила его половинной Демидовской премии (2500 руб.). «Автор, как домогавшийся при сем состязательстве не столько возмездия, сколько чести и поучения, узнав частным образом предварительно, что труд его, вероятно, увенчается призом, письменно объявил Френу, чтобы премия была употреблена на издание в свет» какого-либо труда по истории или литературного памятника¹¹. На деньги премии, от которой отказался Чертков в пользу Академии, Ф.И. Круг предложил издать Евангелие, написанное в XVI в. в Новгороде для посадника Остромира, родственника великого князя Изяслава. Еще в 20-х гг., по словам Кеппена, западнославянские ученые ожидали щедротами канцлера Румянцева издание Остромирова Евангелия как важного памятника древнерусской письменности. Чертков, получив от Френа протокол заседания Академии наук, «тысячу раз его благодарил» за такое известие, подчеркивая, что «нельзя выбрать лучшего»¹². В 1837 г. Кеппен писал историку М.П. Погодину: «Весьма теперь рад тому, что А.Д. Чертков доволен, что на его деньги издадут Остромирово Евангелие»¹³. Академик А.Х. Востоков в 1842 г. подготовил его к печати, причем был отлит особый церковнославянский шрифт, передававший палеографический характер подлинника по возможности верно.

Граф С.С. Уваров, президент Академии наук (1818–1855) и министр просвещения (1833–1849), уведомил Черткова о том, что он «по желанию Вашему имел счастье поднести Его Императорскому Величеству экземпляр “Описания древних русских монет”». Государь

император, приняв сию книгу благосклонно, Высочайше повелел мне объявить Вам за таковой полезный труд всемилостивейшее Его Величества благоволение» (2 октября 1834 г.)¹⁴. Современному читателю следует сообщить, что объявление «Высочайшего благоволения» являлось весьма весомым средством поощрения, поскольку на один год сокращало срок, установленный для получения чинов и орденов за выслугу лет.

«Описание древних русских монет» было сразу отмечено критикой, учеными, любителями и пользовалось долгое время большой популярностью и уважением, о чем свидетельствуют многочисленные благожелательные отзывы и упоминания в аналитических трудах¹⁵. В рецензии, помещенной в журнале «Библиотека для чтения», было особо подчеркнуто то удивительное обстоятельство, что в Москве «часто появляются такие книги, которые создаются только в настоящих ученых атмосферах... Тем похвальнее для А. Черткова! Тем хуже для наших официальных антиквариев! Простому любителю обязаны мы первую истинно отлично выполненную книгу на русском языке об отечественной нумизматике, тогда как богатые этого рода собрания публичных заведений остаются неизданными»¹⁶. П.М. Строев, доброжелательно приветствуя на страницах «Телескопа» книгу Черткова, высказал пожелание, «чтоб автор издал и описание монет царей русских (до Петра Великого), коими не менее изобилует его собрание»¹⁷. «Он заставил наши старые, стертые, обрубленные и изувеченные денешки, до сих пор бывшие безгласными, заговорить, какого они роду и племени и какое их имя...»¹⁸. «Кроме внимательности к разным признакам заметим еще выработан-

ную им мысль о распределении наших древних денег по княжествам. Чертковым начался ряд наших ученых нумизматов»¹⁹, — констатировал в 1867 г. И.И. Срезневский, ученый с европейской известностью.

Замечательный русский нумизмат А.В. Орешников, полностью разделяя это заключение, писал в 1896 г.: «“Описание древних русских монет” Черткова может быть названо первым серьезным нумизматическим каталогом, так как труды его предшественников — князя Щербатова, Бахмейстера, Мальчина, Бекетова и др. — не представляют никакого значения для нумизматики, и “Описание древних русских монет” Черткова... до сих пор не утратило своей ценности, даже несмотря на труды, появившиеся после него, из коих некоторые, например все издания Сонцова и Брыкина, по точности определения и описания, по добросовестности передачи монет в рисунке, не говоря про исторические примечания, не могут выдержать никакого сравнения с трудом Черткова. Отличительные качества его труда — осторожность в определении имен князей, чеканивших монеты, избавившая его от многих ошибок, в которые впали его преемники, и остроумие, помогшее ему сделать классификацию огромной, не разобранной до него массы монет, которая в своих главнейших частях и принята всеми последующими нумизматами... за что память о нем, как о нумизмате-археологе, останется навсегда достойною искреннего уважения и благодарности. Труд Черткова указал путь последующим нумизматам...»²⁰. Отмечая 50-летие со дня смерти ученого, А.В. Орешников вновь повторил свою высокую оценку научным достоинствам и объективности труда Черткова, который «до сих пор служит настольной книгой, как научное произве-

дение... оставившее далеко за собой труды своих предшественников»²¹.

Видный советский археолог А.В. Арциховский характеризовал Черткова как осторожного и остроумного ученого, правильность научных заключений которого относительно монет многих княжеств XIV–XV вв. была подтверждена позднейшими находками²², в чем с ним соглашался и Г.А. Федоров-Давыдов. Кроме того, Федоров-Давыдов подчеркнул, что в период после издания каталогов Черткова и до появления работы Орешникова нумизматические исследования и каталоги Шодуара, Шуберта, Рейхеля, Сонцова, графа Чапского и др. не ушли далеко от «Описания древних русских монет» Черткова²³. Историк И.Г. Спасский, считая, что Орешников придавал исключительно большое значение систематизационной работе А.Д. Черткова, утверждал, что на фоне неприглядного положения вопроса о древнерусских деньгах в исторической литературе того времени четко намеченная Чертковым сложная система денежного хозяйства феодальной Руси выглядела «как откровение»²⁴. Впрочем, если Орешников отказывал в определенной научности трудам предшественников Черткова, то Спасский, напротив, старался смягчить данный вывод, утверждая, что появление каталога Черткова было подготовлено развитием любительского собирательства и большой работой по осмыслению и систематизации собранного материала в предшествующий период, выразившейся в каталогах конца XVIII — начала XIX в.²⁵

Появление каталога Черткова возбудило внимание прессы к проблемам русской нумизматики. В 1835 г. «Санкт-Петербургские ведомости» констатировали, что «в

России вообще гораздо менее занимаются составлением каких бы то ни было коллекций, нежели в чужих краях», приписывая это «особенной склонности русских к развлечениям и к шумным удовольствиям». Впрочем, такую «странность» газета объяснила затем более правдоподобно: «Хотя любовь к нумизматике пробудилась у нас недавно, но цены на монеты редкие уже неимоверно высоки в сравнении с ценами на подобные же монеты в иностранных землях... составление полного кабинета для частного человека весьма затруднительно; то нельзя не пожелать, чтобы и у нас по примеру иностранных земель был со временем учрежден Публичный нумизматический кабинет». Было названо 12 имен петербургских нумизматов, среди которых один почтенный Круг более 40 лет собирал монеты, коллекции остальных только начали составляться, и, как правило, из монет более позднего периода. В Москве автору статьи были известны только Бекетов и Чертков²⁶.

Однако при издании каталога Чертков, как уже отмечалось, не смог преодолеть трудности при изображении тех монет, где имелись арабские надписи. Таких монет в его коллекции было много. Френ сначала (в 1835 г.) порекомендовал точно скопировать и выгравировать непонятные надписи без их перевода. Чертков вынужден был признать, что в Москве после смерти художника, который зарисовывал все растения из его гербария, другого такого было не сыскать. Чертков сохранил все камни, на которых были выгравированы монеты, поскольку они еще могли хорошо послужить для оттисков. Он рассчитывал после получения соответствующих указаний Френа относительно этих надписей поместить их на оставленные

пустые места в изображениях монет и выпустить еще несколько экземпляров каталога с монетами, имевшими надписи на арабском и татарском языках. «Эти надписи находятся на монетах, на которых отсутствует имя князя на русском языке. Возможно, они более древние и могли принадлежать первым русским князьям, начавшим чеканить монету». На это предположение Чертова обратил внимание Френ, отчеркнув в письме карандашом соответствующий абзац. Чертков надеялся, что, прочитав арабскую надпись, можно будет понять, какому князю она принадлежала или «на худой конец к какой эпохе»²⁷. В 1837 г. в Москве все так же никто не мог сказать даже, где начало, а где конец восточной надписи на 8 монетах, которые Чертков намеревался поместить в прибавление к своему каталогу. За содействием Александр Дмитриевич обратился к Френу²⁸, и его замечания были включены в «Прибавление первое» (1837) к «Описанию древних русских монет», где были описаны еще 52 монеты, а изображены 50.

Трудно удержаться, чтобы не напомнить читателю о Христиане Даниловиче (Христиане-Мартине) Френе, «умнейшем арабисте, основателе и князе восточной нумизматики». Выходец из Германии, «иноземец, усыновленный Россией, Френ был русский по сердцу, по ревностной службе». Профессор Московского университета М.П. Погодин отмечал в нем «дружеское расположение именно к русским ученым, молодым и старым, искреннее желание им пользы, что о многих иностранцах сказать нельзя». Пропустив через свои руки около 3 миллионов монет, лежавших в мешках, гудах, Х.Д. Френ создал нумизматическую коллекцию Ази-

Христиан Данилович Френ

атского музея Российской Академии наук, «сделал восточную нумизматику одной из главных вспомогательных наук истории Востока, а не бессистемным описанием редких монет, как прежде». Министр Уваров, узнав о кончине Френа, назвал его одним «из светильников высокой науки», одним «из тех ученых, поколение которых истощилось»²⁹.

Чертков часто покупал восточные монеты, найденные в земле вместе с русскими, поскольку продавцы не желали отдавать одни без других. Их он посылал Френу, надеясь, что тот выберет чего-нибудь замечательное, что отсутствует в Академии (например, 5 июня 1836 г. он отправил монет на 100 руб., 22 июня того же года — арабских монет на 500 руб. и т.п.). В 1835 г. Чертков отослал в Петербург 3 монеты, которые он купил в Агригенте, в Сицилии. На них были надписи на латыни и на арабском языке, и принадлежали они, по мнению

Черткова, норманнам, захватившим Сицилию. Чертков предположил, что билингвизм этих монет может пролить свет и на соответствующий билингвизм в русской нумизматике, который встречается на более поздних русских монетах³⁰.

Френ, уважая труды Черткова и понимая настоящую потребность подключения к ним специалиста-востоковеда, как-то поделился с Чертковым своим намерением однажды вновь вернуться в эту область русской нумизматики. Чертков с жаром поддержал эту мысль, присовокупив, что если к Френу присоединится и его ученый друг Круг, то русская нумизматика будет полной. Чертков в свою очередь предлагал Кругу помощь в разыскании для него русских монет, так как в Москве найти требуемую монету было несравненно легче, чем в Петербурге, а также услуги в обмене монетами из своих коллекций³¹.

Александр Дмитриевич отметил в одном из писем к Френу, что воздействие «Описания древних русских монет» на московскую публику выразилось в том, что число любителей русской нумизматики возросло. Среди них был Н.Г. Головин, который с 1835 г. собрал приличную коллекцию и стал просить Черткова описать те экземпляры, которые не были еще опубликованы³². Их описание (15 монет) и изображение (20) составили «Прибавление второе» (1838). Радуюсь такому доброму началу и желая, чтобы число собирателей отечественных древностей умножалось более и более, Чертков же первый предупредил и о возможных огорчительных последствиях этого увлечения: «К несчастью русской нумизматики, промышленности не замедлила уже воспользоваться этим похвальным направлением. В кон-

це прошлого года появилось у нас много фальшивых древних русских монет, которые промышленники по причине высоких цен на некоторые монеты бесстрашно стали чеканить и выпускать в свет». Одесский историк Н.Н. Мурзакевич вспоминал, что А.Д. Чертков и граф С.Г. Строганов (1794–1882), попечитель Московского учебного округа (1835–1847), наперебой покупали новоявленные монеты, платя за них большие деньги. Чертков первым заметил подделку, а появление «золотых монет с именем наших князей XIV и XV ст. еще более вызвало подозрение. Ни летописи, ни история наша нигде не упоминают о золотых монетах этого времени». Чертков отослал сомнительные монеты с арабскими или татарскими легендами в Петербург, поскольку он полагал, что подделать арабскую надпись было гораздо труднее, нежели русскую. Френ подтвердил догадки Черткова. В «Прибавлении втором» к каталогу он поместил некоторые выписки из письма к нему Френа от 10 мая, решительно открывающие обман. Вывод был однозначен и малоутешителен: «Постыдное ремесло, которым начали у нас заниматься подделыватели древних русских монет, вероятно, возбудит в полной мере ваше негодование, оно может даже каждого лишить охоты собирать русские древности»³³.

И последствия не замедлили сказаться, о чем красноречиво свидетельствуют строки из письма к Черткову из Петербурга историка И.П. Сахарова в октябре 1841 г.: «Здесьние нумизматы, хотя люди добрые, но все живут в ссоре, подозревая друг друга в новодельности». Впрочем, продолжение этого письма внушало определенный оптимизм: «Ваше драгоценное собрание мне очень много помогло в моих

изысканиях. Вы это скоро увидите в книге, которую по выходе перешлю на ваш суд. Это первенец моих занятий по русской нумизматике. Прошу принять тогда с снисхождением. Наконец, я уговорил Лисенко печатать хотя отдельными брошюрами свои наблюдения»³⁴.

Однако с Г.А. (Г.И.) Лисенко (ум. 1842), петербургским нумизматом, в Москве произошла неприятная история, которая опорочила его имя. Он продал графу Строганову уникальную монету, но через некоторое время была обнаружена (Чертковым?) ее новодельность. Строганов и Чертков тут же разорвали с Лисенко отношения. Последний жаловался преподавателю Московского университета М.П. Погодину (7 октября 1841 г.), что Чертков не удостоил его своим посещением, хотя он и оставил в его доме записочку. «При всех неудачах нашей нумизматики я все-таки чту г-на Черткова как русского барина, обратившегося к благородному делу без спекулятивного Шодуаровского ума»³⁵, — писал он.

«Монеты без каталога — зарытое в землю сокровище», — совершенно справедливо воскликнул Н.Н. Мурзакевич, желая узнать у Черткова, составлен ли каталог нумизматической коллекции графа Строганова, которая значительно умножилась новыми приобретениями³⁶. Александр Дмитриевич при встречах с коллекционерами и со страниц своих каталогов неоднократно взывал: «Сколько нумизматических собраний исчезло и исчезает без малейшей пользы для отечественной археологии! Каталоги монет, хотя краткие, необходимы: без них не может составиться Полная русская нумизматика!» Он сетовал: «Недавно Москва лишилась еще богатого собрания русских

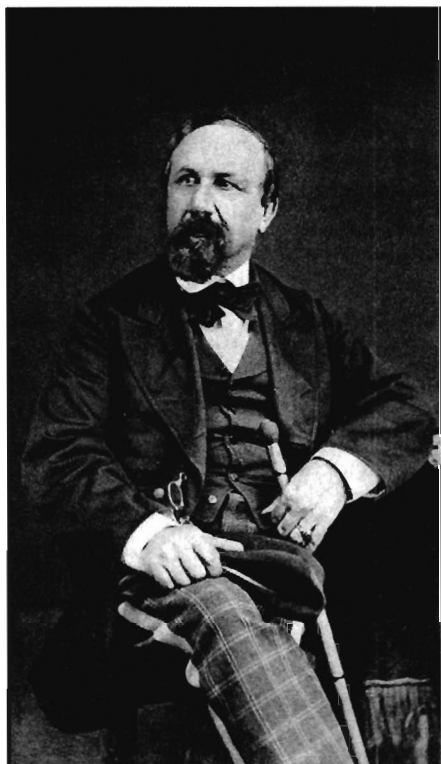
монет покойного П.П. Бекетова³⁷. Так точно и по другим предметам нашей археологии: мы пренебрегаем объяснением памятников нашей прежней гражданственности и утверждаем решительно, что их никогда не было»³⁸. Чертков не ограничился только страстными призывами ко всем любителям русской нумизматики «издать описания их кабинетов, и предпочтительно тех денег и пул, которые еще не известны». Столкнувшись со многими трудностями при создании и печатании рисунков монет и наконец найдя искусного художника К.Я. Тромонина, имевшего свою литографию, он рекомендовал его «с полной уверенностью, в особенности тем, которые живут в Москве или приезжают сюда на зиму». В «Прибавлении третьем» (1842), в котором было описано и изображено 60 монет, Чертков специально поместил изображения медных, серебряных и золотых монет «царского периода», дабы продемонстрировать искусство художника-литографа, который сумел передать даже материал монет. При этом ученый намеренно отступил от принятого им замысла. «Мы до сих пор не описывали ни одной царской монеты нашего собрания, полагая несравненно полезнее для русской нумизматики издавать сперва описание всех известных монет древнейшей эпохи, т.е. княжеских, великокняжеских и вообще чеканенных до принятия московским великим князем царского титула. Золотые монеты наших царей (до Петра Великого) никем еще не были исследованы»³⁹. Мурзакевич писал Черткову: «Мастерство г-на Тромонина удивительно. Дай Боже ему побольше работы, которая бы более развила такой талант. Даря ученый свет и еще новыми Вашими открытиями, Вы дарите и добрым художником... Все

без исключения хвалят принятый Вами способ издания монет. Только вот вопрос: не дорого ль обходится эта ученая роскошь? При случае и я бы попробовал таким образом издать нечто из эллинских монет...»⁴⁰.

Собиратель книжных редкостей И.М. Остроглазов в конце XIX в. отмечал, что «Описание древних русских монет» давно считалось «библиографическою ценною редкостью», так как было издано в ограниченном числе экземпляров, в особенности весьма редко попадалось «Прибавление третье». В его библиотеке находился подносной экземпляр в сафьяновом переплете, золотообрезной. На всех выпусках значилась надпись Черткова: «И. Бодянского. 14/XI 1842. Москва, от сочинителя»⁴¹.

Во второй половине XIX в., когда стабильного нумизматического центра в Москве еще не было, коллекционеры монет собирались вокруг Д.П. Сонцова (1812—1875), нумизмата, археолога и собирателя древностей, перу которого принадлежало несколько важных исследований. Он получил хорошее образование в Пажеском корпусе, состоял адъютантом при графе Паскевиче, а позднее при московском генерал-губернаторе князе Голицыне и затем при князе Щербатове. В начале 60-х гг. было образовано Общество любителей русской нумизматики, куда вошли А.В. Брыкин, Д.П. Сонцов, А.С. Уваров и др. В отличие от Петербургского Археолого-нумизматического общества, ставившего своей целью изучение античных, восточных и западноевропейских монет и медалей, оно обратило свое внимание на русские нумизматические древности⁴². Но в историографии осталось неотмеченным,

Дмитрий Петрович Сонцов

что Дмитрий Петрович Сонцов был родным племянником Александра Дмитриевича Черткова, сыном его сестры Екатерины Дмитриевны⁴³, которого с детства увлекли дядины рассказы о монетах, о древностях. Столь же благотворным было влияние Александра Дмитриевича и на другого племянника. Барон Дмитрий Оттович Шеппинг (1823—1895), сын сестры Черткова Марии Дмитриевны, составил себе имя как архивист, этнограф, фольклорист. Он вступил в Общество истории и древностей российских, когда оно возглавлялось А.Д. Чертковым. Д.О. Шеппинг печатал свои работы в изданиях ОИДР, Московского Археологического общества и др. И Д.П. Сонцов, и барон

Д.О. Шеппинг были названы в честь своего славного деда Дмитрия Васильевича Черткова.

А вот Григорий Александрович Чертков не унаследовал любви отца к кропотливым нумизматическим исследованиям, но его вклад в развитие русской нумизматики был иного рода. В 1861 г. он издал на свои средства сочинение А.П. Бутковского «Нумизматика, или История монет древних, средних и новых веков», а в 1874 г. пожертвовал знаменитое собрание монет своего отца городу Москве. Этот щедрый подарок положил основу коллекции Исторического музея⁴⁴. В 1888 г. Чертков передал в дар музею 15 портретов, «писанных масляными красками», и от имени Правления Императорского русского исторического музея историк И.Е. Забелин (1820—1908) принес «глубокую благодарность» Григорию Александровичу «за столь значительное пополнение портретной коллекции музея»⁴⁵. В том же 1888 г. император Александр III «разрешил принять принесенные» Чертковым «в дар Императорскому Эрмитажу 81 штуку расписных ваз, найденных в Этрурии и Апулии»⁴⁶, за что Григорию Александровичу была также выражена благодарность.

Итак, сочинение А.Д. Черткова «Описание древних русских монет» с тремя «Прибавлениями» помимо безусловной научной значимости воодушевило нумизматов в обработке своих коллекций, подняв уровень их организации и изучения на более высокую ступень. А.Д. Чертков еще тогда поставил одну важную задачу: он считал необходимой публикацию каталогов коллекций русских монет. До сих пор эта мечта А.Д. Черткова не претворилась в жизнь⁴⁷.

«Воспоминания о Сицилии»

В 1835 г. А.Д. Чертков привел в порядок свои письма, написанные из Сицилии⁴⁸, и напечатал первый том книги «Воспоминания о Сицилии» с атласом рисунков в 30 листов, а в 1836 г. издал второй том. В письме от 20 сентября 1835 г. цензор П. Корсаков уведомил автора об одобрении к печати рукописи «Воспоминаний о Сицилии» и добавил лично от себя: «Давайте нам побольше таких сочинений, как Ваше, и должность цензора будет истинно приятной: с нетерпением будем ждать выхода книги Вашей, чтобы еще раз прочитать ее»⁴⁹.

Новая книга Черткова была благожелательно встречена критикой. Для Москвы, подчеркивал С.П. Шевырев, преподаватель Московского университета, появление книги Черткова с альбомом рисунков стало «приятным, совершенно новым явлением в истории изданий нашей столицы... К рисункам приложена книга объяснительного текста, написанная с отчетливостью ученого, любящего изыска, и с верностью просвещенного очевидца, который, не увлекаясь страстью мечтать и преувеличивать, обыкновенным недостатком путешественников, передает все, как видел и как есть на самом деле. Этот рассказ внушает доверенность читателю. К путешествию приложена вместо предисловия краткая история Сицилии, составленная из ученых источников... Приятно и утешительно среди нашего общества встретить человека не только с образованием истинным, но и с бескорыстной любовью к ученому труду, не охлаждаемую прочной не-

зависимостью состояния, человека, который так ревностно предается занятиям ученым и не щадит даров фортуны для исполнения предприятия, полезного науке и искусству и уверяющего нас в собственных наших силах и возможности сделать со временем что-нибудь достойно европейское: пример, к сожалению, не часто встречающийся среди нашего общества, питающего иногда апатию к предметам ученым»⁵⁰.

В журнале «Библиотека для чтения» подчеркивалось: «Автор говорит только то, что сам он видел в Сицилии, рассказ его жив, одушевлен мыслью и чувством, о древностях говорит он языком опытного знатока, о современном достоянии края — как просвещенный наблюдатель»⁵¹. «Коротко ознакомься не только с новейшими сочинениями о Сицилии, но и с древними греческими и латинскими классиками, он все свои исторические сведения почерпает из самого источника, что в русской литературе относительно истории древностей принадлежит к весьма достохвальным исключениям... Историческая и археологическая часть его творения заслуживает одобрения не столько по причине обогащения науки новыми разысканиями и счастливыми открытиями, сколько более потому, что автор здесь с ревностно и воодушевлением обработал доселе только изредка посещенную его соотечественниками область науки», — с похвалой отмечалось в отчете Академии наук, помещенном в «Журнале Министерства народного просвещения». Автор указывал, что для ученого сообщества сочинение Черткова не несло открытия, но «оно ново на том языке, на котором он пишет, и для той публики, которая может читать его лишь на этом языке»⁵².

А.Ф. Вельтман в своих записках отметил, что Сицилия стала привлекательнее всех земных стран для русского любопытства, поскольку появилось целых два описания путешествий по этому острову: у Норова подробнее описаны природа и древняя история этих мест, Чертков смотрел внимательнее на быт людей среди счастливой природы. Сочинение Александра Дмитриевича заставило Вельтмана также порассуждать о причинах нищеты и богатства. Он полагал, что при щедрой природе, требующей мало рук для своего возделывания, есть только два пути спасения народа от впадения в мертвое состояние: воинственность и торговля. Мудрое правительство избирает последнее, как благотворное и не нарушающее ничего мира средство, которое сближает людей взаимными потребностями⁵³.

Однако рецензент из апрельского номера (26 апреля 1836 г.) «Северной пчелы» усомнился, что письма о Сицилии изданы в том же виде, как были написаны во время самого путешествия. В доказательство он насчитал на первых 50 страницах книги более 30 имен разных писателей «всех веков и всех народов». «Стало быть, или автор знает тысячи книг наизусть, или письма изданы не в таком виде, в каком писаны во время самого путешествия»⁵⁴. «Северная пчела», газета политическая и литературная, выходила в Петербурге трехтысячным тиражом, громадным по тем временам. Ее редакторами и издателями были с 1831 г. Ф.В. Булгарин и Н.И. Греч, сумевшие монополизировать петербургскую журналистику⁵⁵.

Чертова задело недоумение критика по поводу обилия цитат в его книге, и он составил достаточно обстоятельный ответ на подобные сомнения: «Первые страницы моей

книги заняты не письмами из Сицилии, а краткой историей острова (более 30 стр.), статьей, написанной мною в Москве тогда, как я решился печатать свое путешествие. И тут-то именно находятся цитаты из Фалканда, Филиста, Эфора, Нибура... И я смело могу его [рецензента] уверить, что этих имен он не найдет в письмах... Приготовляясь объехать Сицилию с покойным Березиным, мы в продолжение целой зимы в Риме списывали все, до этого острова касающееся, как из древних, так и новых авторов, в одну путевую тетрадь, разумеется, с указанием на страницы и главы. Эту тетрадь мне стоило только развернуть в Агригенте, Сиракузах и проч., чтобы узнать все подробности истории этих городов. Думаю, что и другие путешественники, желающие посетить классическую страну, поступают подобным же образом, чтобы предварительно узнать историю тех мест, через которые будут проезжать... Сверх того, объезжая Сицилию, стоит только взять с собою одно сочинение Фазелло, чтобы знать все, что древние нам передали об этом острове». Со своей стороны, Чертков не преминул поддеть газетчика: «...рецензент не любит цитат, но, вероятно, согласится, что в “Краткой истории Сицилии” они необходимы, да и в самих письмах при рассказе исторического происшествия без них обойтись нельзя. Кто поверит мне, что некогда процветал многолюдный и богатый город на таком месте, когда теперь покрыто песком и волнами морскими, если я не укажу на свидетельство Диодора или Полибия?» — вопрошал Александр Дмитриевич.

Критика Чертковым современного положения острова вызвала у специфически осторожного рецензента завуалированное порицание,

при этом он явно сумничал, отметив, что в целом замечания Черткова «не кубичны». И далее продолжал: «Причину бедности автор ищет в многочисленности духовных; едва ли это настоящая причина сицилийской нищеты. Укажем почтенному автору на письма о Сицилии Бюссиера, помещенные в “Revue des deux Mondes”. Бюссиер прежде всего нападает на гражданское управление, потом на полицейскую часть как на два первых источника государственного благосостояния. Чертков нигде об этом ничего не говорит, хотя иногда употребляет слово “правительство”, слово весьма неопределенное, собирательное и потому не ясное при рассуждении о положительных фактах». Сравнив названные две книги, рецензент «Северной пчелы» категорично заключал, но не в пользу Черткова: «Можно ясно видеть различие между путешественником, который только смотрел, и путешественником, который наблюдал все подробности. Если книга Черткова не богата рассуждениями и взглядами, то богата описаниями».

Александр Дмитриевич на это отвечал: «Опровергать ли мне еще обвинения г-на рецензента в том, что замечания мои о Сицилии *не кубичны* и что я ищу бедности жителей во многочисленности духовных, тогда как некто Бюссиер нападает на гражданское управление, и в этом-то состоит, по мнению рецензента, различие между путешественником, который только смотрит, и тем, который наблюдал в подробности? Не знаю, почему в простом моем рассказе о Сицилии г-н рецензент ищет чего-то *высокоматематического*? Если же я полагаю многочисленность духовных одною из причин бедности в Сицилии, то ведь уничтожение этой многочис-

ленности, конечно, зависит от гражданского установления, следовательно, мое мнение совершенно сходно с мнением Бюссиера, да и сверх того, укажу на многие части моей книги, где я именно приписываю неустройства Сицилии гражданским постановлениям. Причины бедности очень хорошо изложены в моей книге». И Чертков скрупулезно, постранично перечислял: «...стеснительные законы хлебопашества, с. XXX, упадок земледелия, с. 103, запрещение вывоза хлеба, с. 104, правительство не заботится о разработке металлов, с. XXX, оно не поощряет мануфактур, народной промышленности, с. XXXI, 126, и не покровительствует торговле, с. XXXI, Сицилия не имеет сообщений, мостов, шоссе, даже обыкновенных проселочных дорог, с. XXXI, 66, 70, 86, 87, отказ от построения шоссе, с. 68, 69, по числу нищих в Палермо мало богаделен, с. 58, неаполитанские министры не пекутся о благе Сицилии, с. 70... остров не защищен от нападений корсаров, с. XXXI, 128, 140, невежество, отсутствие промышленности, с. 70, министры не обращают внимание на Сицилию и держат богатых сицилийских помещиков в Неаполе, с. 66, 103, 104, они не хотят, чтобы заводили плантации сахарного тростника на острове, с. 74, а между тем Сицилия платит миллионы за привозной сахар, с. 75, дурное управление гражданское описано в разных местах книги, с. 102, 103 и др. Англия сравнена с Сицилией, и весьма ясно сказано, что только “просвещение, покровительство промышленности, устройство гражданское, мудрость законов могут доставить государству силу и богатство”, следовательно, уничтожат нищету. Разве все это не во власти правительства? А как же можно сказать после этого, укорить,

что я ищу причины нищеты только в одной многочисленной духовной?» В заключение Александр Дмитриевич посчитал позволительным для себя «сделать почтенному рецензенту вопрос: читал ли он вообще разбираемую им книгу?».

Рецензент «Северной пчелы» не смог не пройти ехидным словом относительно «портфеля с видами, приложенного к письмам», хотя Чертков заранее просил извинения у своего читателя в том, что рисунки все несовершенно. «Трудность найти в Москве отличных артистов, хороших рисовальщиков, даже посредственных литографов слишком известна каждому. Мы еще долго не будем иметь заведений подобных литографии Энгельмана в Париже и др. известных городах Европы». Александр Дмитриевич указывал еще на такую важную причину, которая заключалась в том, что даже «лучшему московскому художнику, не бывшему никогда в Италии, почти невозможно понять и исполнить на деле действия южного ландшафта, перспективы Сицилии, эффекта полуденного солнца на всех освещаемых им предметах, теплоты и тона, разливаемого чистейшим эфирным воздухом южных стран». Но Чертков очень хотел, чтобы русский читатель хотя бы отдаленно получил представление о столь чудесном острове, его древних храмах, пещерах, природе, и о нищете его жителей. Именно поэтому он издал атлас, в который вошли 35 картин, лист с изображением 28 монет, а также подробнейшая карта Сицилии. Рисунки были напечатаны в соответствии с полиграфическими возможностями того времени в черно-белом варианте. Часть альбомов была раскрашена, но цвет ненамного улучшил эти литографии, слабое отображение акварелей, созданных во время незабываемого

путешествия Черткова по острову. С.П. Шевырев, прекрасно зная возможности литографических заведений Москвы, оценил усилия Александра Дмитриевича, специально подчеркнув в рецензии: «Должно удивляться, как при скудости художественных средств Чертков умел победить многие препятствия и довольно удачно исполнить предприятие, которого исполнение казалось совершенно невозможным в нашей столице»⁵⁶.

Впрочем, о несовершенстве рисунков в изданном альбоме, которое трудно было не заметить, можно было писать по-разному. Отчет Академии наук, например, тактично обратил внимание на неудовлетворительность их исполнения: «Весьма жаль только то, что рисунки, может быть, сами по себе хорошие и верно снятые с природы, весьма посредственно литографированы, а еще хуже раскрашены». Однако акцент рецензента был сделан совершенно на иное: особо подчеркивалось то, что Академия наук была «уверена, что истинное ученое образование в России много выиграло бы от того, если бы пример автора нашел подражание»⁵⁷.

Рецензент «Северной пчелы», разделяя вполне «горестные жалобы» Черткова на недостаток в Москве художников, тем не менее съязвил, что литографы «не пощадили великолепных картин природы и великолепных произведений человека, пощажённых временем. Московские литографы неумолимо самого времени». Столичный критик посоветовал московскому автору издавать вторую часть «Воспоминаний о Сицилии» без картин, не дожидаясь «счастливой встречи с художником, имеющим талант и опытность в исполнении». «Она от этого ничего не потеряет, как первая часть ничего бы не потеряла, если бы вышла без рисунков», — выносил

свой беспощадный приговор рецензент «Северной пчелы».

Черткова упрекнули в высоких ценах на его книгу, которая в магазине у А.С. Ширяева стоила 30 руб. монетой или 25 руб. ассигнациями с раскрашенными картинками; на русской бумаге — 50 руб. монетой или менее 48 руб. ассигнациями и, наконец, на английской бумаге Ватмана — 60 руб. монетой, т.е. 51 ассигнациями. Автор поспешил разъяснить: «Цена моему Путешествию с атласом есть именно та, чего стоит издание и комиссия за продажу книги. За одну раскраску картин я платил по 30 руб. асс[игнациями] с экземпляра, а бумага Ватмана продается в Москве по 46 коп. каждый лист». Чертков сообщал также для сравнения цены на известные книги русских путешественников: Норова — 25 руб. (без атласа), Муравьева, Лисянского — по 35 руб., Сарычева — 40 руб., Беллинсгаузена — 50 руб., Коцебу — 75 руб., Литке — 125 руб. (с атласом), Крузенштерна — 240 и проч. Причем все перечисленные книги были не раскрашены, и некоторые «не составляют и половины картин атласа “Воспоминаний”». «После этого можно ли назвать цену “Воспоминаний” “ужасной”?» — спрашивал Чертков. «Издатели путешествий, подобных моему, очень хорошо меня поймут, а у читателей, не посвященных в таинства журналистики, я прошу извинения за исчисления всех этих мелочных подробностей, касающихся только до меня одного; но, предпринявши издание не для выгод, я необходимо должен оправдаться пред журнальною публикою»⁵⁸.

Чертков весьма переживал, что его книгу подали в столь невыгодном свете в таком популярном издании, и стал прила-

гать все усилия, чтобы парировать удар критики и разъяснить публике возникшие упреки. Написав 29 мая 1836 г. свой ответ на статью в «Северной пчеле», он просил Кеппена доставить его Гречу и попросить поместить его в той же газете, а не в журнале «Сын отечества», который издавал тот же Греч. Предвидя возможное нежелание Греча немедленно напечатать его возражения, уязвленный автор ищет другие варианты контакта с широкой публикой. Незаслуженные придирки критики и стремление восстановить свое доброе имя автора поколебали душевное состояние Черткова.

Он без приглашения, нарушая светские приличия, приехал к редактору журнала «Современник» А.С. Пушкину, находившемуся тогда в Москве. Это был, как известно, последний приезд поэта в Москву. С Пушкиным Чертков не был знаком прежде, но состоял в родстве через супругу. Он привез экземпляр «Воспоминаний о Сицилии» и свой ответ «Северной пчеле». Александр Сергеевич, шутиво говоря в письме к жене о своей популярности в Москве как издателя журнала, подтрунивал над Чертковым и его волнением: «Не побранить ли мне его en bon parent [по-родственному]?». Чертков не замедлил пригласить известного поэта к себе в гости на обед, но если не задались отношения сразу, так и в дальнейшем все, казалось, было против этого. Пушкин писал: «...приезжаю — а у него жена выкинула. Это нам не помешало отобедать очень скучно и очень дурно»⁵⁹. И все же договоренность с Пушкиным была достигнута, о чем Чертков сообщал Кеппену: «Если же Греч не согласится тут же ее [статью] напечатать, то Пушкин обещал мне поместить ее в первом номере его журна-

ла»⁶⁰. Содействие А.С. Пушкина не понадобилось: ответ А.Д. Черткова на критику был помещен 16 июня 1836 г. в «Северной пчеле». Развития отношений между Чертковым и Пушкиным в сторону задушевного сближения не последовало: слишком короток оказался московский визит Александра Сергеевича, как и короток был отпущенный до дуэли срок жизни поэта.

Однако все вышеизложенные обстоятельства были абсолютно неизвестны исследователям, поэтому и появились истолкования соответствующих замечаний А.С. Пушкина в письмах к жене в неверном свете. Так, советский историк А.А. Формозов посчитал, что Чертков просто домогался внимания со стороны Александра Сергеевича как знаменитости в литературном мире. «Нет сомнения, что для Пушкина Чертков — лишь случайное светское знакомство, скорее докучное, чем интересное»⁶¹. А.И. Немировский был более близок к истине: он полагал, что Чертков искал такого рецензента для своей книги, который «сохранил бы верность поруганным идеалам начала 20-х годов», которыми была насыщена книга и которые могли «в лучшем случае показаться анахронизмом» в 30-е годы. «И выбор его остановился на Пушкине, которого вся Россия знала как певца вольности... Поэт, видимо, не успел прочитать подаренной ему книги, что можно заключить по неправильной передаче ее заголовка»⁶². О. Ласунский писал, что А.Д. Чертков встречался в московских салонах с Пушкиным и подарил ему свои «Воспоминания о Сицилии»⁶³.

И последнее, что хотелось бы добавить к вопросу об отношениях Черткова и Пушкина. В жизни они сошлись, по-видимому, од-

нажды, хотя опосредованно соприкасались не раз. Семья Александра Сергеевича в 1803—1807 гг. проживала в Большом Харитоньевском переулке в доме, принадлежавшем графу Л.Ф. Санти, родному брату бабушки А.Д. Черткова⁶⁴. 18 февраля 1831 г. Пушкин обвенчался с Н.Н. Гончаровой, соседкой графа Г.И. Чернышева по имению Ярополец⁶⁵, которое после его смерти унаследовала его старшая дочь графиня С.Г. Чернышева-Кругликова.

Второй том «Воспоминаний о Сицилии» существенно отличается от первого. Из него автор удалил свои замечания относительно состояния промышленности и сельского хозяйства, положения жителей острова, повествование утратило свою эмоциональную насыщенность и напряженность. Продолжение книги составляли уже не размышления, а описания достопримечательностей, которые повстречал русский путешественник по пути, и рассказы о дорожных приключениях, без которых не обходится ни одно странствие. Некоторое «упрощение» этой части обязано, надо полагать, не столько «благодарной» критике, сколько очередному ужесточению цензуры.

Цензурное ведомство находилось при Министерстве народного просвещения до 1863 г. Цензура внутренняя для книг, печатаемых в России, была поручена университетам; цензурные комитеты составляли их профессоры и магистры. Печатную продукцию, ввозимую из-за границы, просматривал Комитет цензуры иностранной. Высшей инстанцией было Главное управление цензуры, в которое входили: товарищ министра народного просвещения, представители Министерства внутренних дел, Министерства иностранных дел, духовного ведомства, управляющий III

Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии, попечитель Санкт-Петербургского учебного округа, президент Академии наук и Академии художеств. Устав о цензуре, принятый в 1828 г., в отличие от «чугунного» устава 1826 г. с его 230 параграфами, обладал более мягкими и гибкими формулировками, отчасти роднившими его с уставом 1804 г., — «но не для стеснения свободы мыслить и писать, а единственно для принятия пристойных мер против злоупотребления оной». Он состоял из 47 параграфов и оставался в силе вплоть до введения 12 мая 1862 г. Временных правил о печати.

Министр просвещения граф С.С. Уваров ставил перед цензурой первоочередную задачу: «умножать, где только можно, число умственных разрушительных европейских идей. Он подчеркивал, что «разврат нравов приготавливается развратом вкуса». Доля цензоров была незавидна. В 1830—1840-е гг. участились выпады других ведомств против цензуры Министерства народного просвещения. Цензоры получали выговоры, подвергались аресту и заключению на гауптвахте, если проглядели опасные или вредные для государственного или нравственного бытия страны книги, статьи, пассажи, выражения... Министру народного просвещения в таких случаях приходилось пускаться в переговоры с шефом жандармов, защищать цензоров от сыпавшихся со всех сторон нападок перед императором.

В 1848 г., когда все европейские монархи ужаснулись революционным событиям в Австрии, Уваров великолепно точно охарактеризовал щепетильный труд цензора: «Обязанность цензоров можно сравнить с обязанностью таможенных досмотр-

щиков: те и другие не должны пропускать в общественный оборот того, что воспрещает закон. Но таможня имеет дело с вещами осязательными; цензура — с идеями и образом мыслей... Следить дух сочинителя, применяясь к различным событиям и обстоятельствам, чрезвычайно затруднительно... Чтоб здесь проникнуть в намерения сочинителя, цензору нужно быть одарену всезнанием; можно ли требовать от него, требовать с справедливостью, чтоб он умел всегда угадывать каким-то чутьем, кого именно и какое событие разумеет автор; чтоб он отличал безошибочно общие типы слабостей и пороков людских от неблагородных косвенных и скрытых намеков на всевозможные личности?... Характер нашего века — повсеместное брожение умов, недовольных настоящим, и стремление к непрестанному изменению. Этот характер во всей силе обнаружился на Западе... Положение цензора самого благонамеренного и умного очень щекотливо. Одно лишь счастье, одна удача, руководствующие цензора в действиях, которых нельзя ни на минуту отложить, охраняют его безопасность. Как определит он черту между излишним и потому раздражающим недоверием к писателю и чрезмерною доверчивостью к его чистосердечию?... В деле цензуры все зависит гораздо более от навыка и, повторяю, от удачи, чем от соблюдения преданных предписаний»⁶⁶.

Министр просвещения обратил особое внимание на периодическую печать, державшую выступать за пределы благопристойности и даже простирающую свои «покушения к важнейшим предметам государственного управления и к политическим понятиям, поколебавшим едва ли не все государства в Европе». В 1836 г. было

запрещено на некоторое время учреждать новые периодические издания, запрещено одному лицу быть ответственным редактором двух периодических изданий. Книги и периодика специального содержания теперь имели свою собственную цензуру при соответствующих министерствах и ведомствах (Министерстве финансов, военном, внутренних дел, шефе жандармов, почтовом департаменте и т.д.). Умножение специальных цензур все более стесняло компетенцию Министерства народного просвещения как

Граф Сергей Семенович Уваров

главного и самостоятельного руководителя цензуры⁶⁷, что загромождало путь новым сочинениям. Следует еще добавить, что для второй части «Воспоминаний о Сицилии» был назначен другой цензор, профессор Московского университета по кафедре латинского языка и римских древностей И.М. Снегирев, который слыл цензором очень трусливым и потому придирчивым. В частности, он возразил против многих мест в «Графе

Нулине» и других произведениях А.С. Пушкина, которые затем пропускались царем. Однако опыт и чрезвычайная осторожность не помогли и ему, и в 1855 г. он был уволен от службы, пропустив книжку, в которой упоминалось о Н.И. Новикове⁶⁸.

В 1837 г. во второй раз Академия наук присудила А.Д. Черткову Демидовскую премию. Но он заранее в письме к Френу от 10 октября 1837 г. объявил о своем желании «предоставить премию для издания какого-нибудь сочинения по части русской истории». Академия наук, усматривая из сего распоряжения, что автор «домогается не столько возмездия за свой труд, сколько одной чести», определила на этот раз упомянуть в «Отчете Императорской Академии наук» о его прекрасной книге с почетным отзывом, но «употребить премию в пользу нынешнего же конкурса», так как средства на него оказались недостаточными⁶⁹. 11 января 1836 г. Уваров преподнес «Воспоминания о Сицилии» и «Первое прибавление к описанию древних русских монет» императору, который их благосклонно принял. Попечитель Московского учебного округа препроводил 2-ю часть книги «Воспоминания о Сицилии» министру народного просвещения и о полученной от него благодарности уведомил автора 19 марта 1838 г.⁷⁰.

Любопытно, как люди разных поколений, воззрений воспринимали «Воспоминания о Сицилии» А.Д. Черткова. В 1841 г. либеральный литератор П.В. Анненков совершил по Сицилии подобное путешествие, имея под рукой сочинение Черткова: «“Путешествие по Сицилии” очень хорошо, верно и дельно. Жаль одного: все он упрекает ее Англией и представляет ее в пример, как должно работать и извлекать выгоду из

своего положения! Эти сожаления, что Сицилия не Великобритания, несколько тщетны. Уж Господь Бог затем и создал Сицилию, чтобы она была Сицилией!»⁷¹. Революционный демократ Н.Г. Чернышевский выделял эту чертковскую работу, подчеркивая, что она отличалась замечательными достоинствами⁷².

Издатель каталога Чертковской библиотеки П.И. Бартенев под выходными данными «Воспоминаний о Сицилии» посчитал нужным поместить свои размышления об участии писателя-ученого и его творений в России. Его горькие слова о незавидной доле сочинений, по своему характеру далеких от легкой, развлекательной литературы, звучат весьма актуально и в теперешней демократической России. «Печальна судьба русского человека, серьезно и самостоятельно занимающегося наукой. Для кого работает он, кто прочтет и оценит его? Он трудился много лет, перебрал многие томы, восходил до источников, внимательно изучал разнообразные свидетельства древних; но книга его вышла, и во всем отечестве едва нашлось 100 человек, перелиставших ее. Это происходит оттого, что начитанность и книжное просвещение слишком неровно распределены у нас. Мы имеем людей, по образованию не уступающих умнейшим людям Запада, но большинство публики не любит серьезного чтения...»⁷³. И тем не менее сам Бартенев предпринял издание журнала «Русский архив» и столкнулся с теми же проблемами. Вероятно, Петр Иванович подобные мысли высказывал в своих письмах к барону М.А. Корфу, который заведовал одно время Императорской публичной библиотекой в Петербурге. Корф на это Бартенеvu отвечал: «...и если “Русский архив” доселе

еще мало расходуется в публике, то такое странное явление я все еще более приписываю малой его известности, нежели какому-нибудь прискорбному равнодушию. По крайней мере, русскому сердцу приятно себя этим утешать. Впрочем, к дальнейшему утешению можно еще прибавить, что это собственно не журнал, а книга, сохраняющая навсегда свои достоинства и свой интерес, книги же расходятся не днями, а годами, и иногда даже в позднейшую эпоху более, чем в современную»⁷⁴. Словно в подтверждение его слов к Бартенеvu стали поступать просьбы о присылке изданий А.Д. Черткова, например, от редактора «Воронежских ведомостей» Н. Курбатова (15 ноября 1864 г.), от Д.П. Сонцова, который осведомлялся и о втором томе «Воспоминаний о Сицилии», отсутствовавшем в его библиотеке, и др.⁷⁵.

Археология

В XVIII в. районом археологических исследований в России была Сибирь с «куриозитетами» таинственного Востока. XIX век ознаменовался развитием античной археологии в Причерноморье. Правда, в погоне за эффектными находками крайне небрежно были раскопаны сотни курганов. Обращено, наконец, было внимание и на древности центральных губерний России. И первым археологом, проведшим научные раскопки подмосковных курганов, стал А.Д. Чертков. В 1838 г. граф Н.А. Толстой, желая расширить свои хозяйственные постройки строительством новых зданий, приказал срыть некоторые из 16 курганов, расположенных в его имении Верхогрязье под Звениго-

родом (на 250 саженьях⁷⁶ в окружности, от Москвы – в 42 верстах, от Звенигорода – в 5 верстах, от реки Москвы – в 1,5 верстах расстояния). Чертков, узнав о том, срочно поспешил туда, и под его наблюдением были произведены раскопки 4 могильников. Ученый написал о результатах обширную статью «О древних вещах, найденных в 1838 г. в имении Н.А. Толстого», сопроводив ее рисунками предметов из курганов в натуральную величину. Чертков отметил, что «некоторые из вещей столь искусно сделаны, что могут служить украшением и в нынешнее время. Супруга графа приказала вызолотить один браслет и носит его теперь на руке»⁷⁷. Благодаря этой работе ученого «стали известны науке изящные семилопастные височные кольца», которые, как оказалось впоследствии, «были типичны для племени вятичей»⁷⁸. Видный советский археолог А.В. Арциховский высоко оценил деятельность Черткова как археолога, подчеркнув, что раскопки в селе Верхогрязье были им произведены «с точностью, предвосхищающей многие требования позднейшей археологической методики; точно описаны формы насыпей, их структура и положение костяков, вещи разделены по погребальным комплексам»⁷⁹.

Издание статьи не положило конец археологическим изысканиям Черткова, но о них, к сожалению, практически неизвестно в современной историографии. Ученый прекрасно понимал, что случайные раскопки не могут дать полновесных результатов, получаемых при систематическом исследовании курганов. Впрочем, поскольку неожиданные находки древностей нельзя было исключить, то Чертков всецело поддерживал «прекрасную мысль», горячо обсуждаемую с Кеппеном в переписке 1840 г., «напечатать несколько

тысяч экземпляров с наставлениями, как поступать с вырытыми вещами в пространной России, и приглашением доставлять в Академию наук: таким образом... составился бы Национальный музей древностей, и они не пропадали бы без пользы и в совершенной неизвестности»⁸⁰.

Желание выяснить, какому народу принадлежали найденные в раскопе 1838 г. вещи, не оставляло Черткова, и он внимательно следил за успехами и результатами археологии как в России, так и за рубежом. В 1839 г. необычайный разлив Западной Двины в Остзейских губерниях размыл часть берега, и открылись «человеческие остова с украшениями». Профессор Дерптского университета Ф. Крузе по Высочайшему повелению исследовал их и описал. В книге, вышедшей в 1842 г. на немецком языке, он доказывал, что курганы и добытые вещи, изображение которых было приложено к изданию, принадлежали варяго-руссам. Черткова поразило как необыкновенное сходство этих древностей с находками в звенигородских курганах, так и то, что «в лифляндских курганах гробницы помещены в 3 и 4 яруса, как в Звенигороде». Работу Крузе Чертков рассматривал «как прекрасное начало описания подобным же образом остальной древней Руси». «И тогда мы действительно узнаем, – считал ученый, – все пути, по которым варяги разезжали в VIII и X вв. по России»⁸¹. Между прочим, из речи почтеннейшего историка И.Е. Забелина, произнесенной по случаю 80-летия Императорского Общества истории и древностей российских, выясняется, что ОИДР выдало «известному исследователю ливонских курганов профессору Крузе пособие для публикации его разысканий»⁸².

Об удивительном сходстве археологических находок на берегах Москвы-реки и Западной Двины А.Д. Чертков в письме от 3 октября 1844 г. сообщил Л.А. Перовскому, который после своего назначения министром внутренних дел (1841—1852) сохранял и должность товарища министра Императорского Двора. А в Министерство Императорского Двора и уделов, которое, как известно, объединяло ряд разнородных по назначению структур, как-то: дворцовые конторы, Театральную дирекцию Императорских театров, Императорскую Академию художеств, Эрмитаж, — входила и Археологическая комиссия. Важно отметить, что Л.А. Перовский тоже увлекался археологией, а с 1850 г. стал заведовать Комиссией для исследования древностей. Чертков вместе с письмом к Перовскому отослал в Петербург металлический веночек: «Сличение древностей, найденных на Двине и в Московской губернии, одинаковое место их открытия (всегда на берегу реки или моря), одни и те же типы могильных курганов», совпадение положения останков в них «ведет (по крайней мере, до сих пор) к заключению, что посылаемая древность [металлический веночек] принадлежала норманнам, варяго-руссам». Перовский в декабре 1844 г. сообщил, что древнее украшение по распоряжению императора было передано для хранения в Эрмитаж⁸³.

Как становится ясно из переписки Черткова с П.И. Кеппеном и Л.А. Перовским, Александру Дмитриевичу удалось убедить Н.А. Толстого, владельца имения в селе Верхогрязье, в необходимости продолжить археологические раскопки остальных 12 курганов по весне 1845 г. И в письме от 21 декабря 1844 г.

Чертков ставил в известность министра о своих исследовательских планах: «При разрытии я буду лично находиться и, взяв с собой рисовальщика из Москвы, постараюсь составить план всех курганов и сделать рисунки положений, в которых будут открыты остовы со всеми на них находимыми вещами. Может быть, мы тут найдем какую-нибудь вещь, могущую нас навести на настоящую эпоху сооружения 16 высоких могильных курганов на берегу Москвы. По крайней мере, мы постараемся, сколько от нас будет зависеть, следовать прекрасному примеру, всем нам поданному и описанному в “Журнале Министерства внутренних дел”» (в статье «Открытие Царского кургана близ Керчи». 1837. № 8)⁸⁴.

Несмотря на весьма дурную погоду, поездка Черткова принесла любопытные результаты. Чертков писал Перовскому: «Проливной дождь не допустил меня разрыть более 7 курганов, и не было никакой возможности производить далее изыскания, все ямы при вскрытии наполнились водою и даже нельзя было просеять, как бы следовало, земли для отыскания там мелких вещей, которые по всей вероятности должны в ней находиться. Из числа 7 остовов 5 решительно не имели никаких украшений, а остальных двух найдены: браслеты, перстни, металлические жгуты, ожерелья из сердоликов и горного хрусталя» — вещи, подобные доставленным Чертковым прошлой зимой в Петербург. «Серьги и к ним большие подвески, бубенчики, останки украшений от кушака и даже волосы»⁸⁵, — продолжал перечисление ученых.

А.Д. Чертков затем составил подробный отчет. Очень интересным оказалось захоронение во втором, самом большом кургане, имевшем

в окружности 105 аршин (74,67 м). В нем был найден остов «на глубине 5 или 6 аршин в оригинальном, но только не распростертом положении, как все остальные скелеты». Чертков пояснял: «Ребра, позвонки, ручные, ножные и все остальные кости, составляющие полный человеческий скелет, находились в беспорядке около черепа, на пол-аршина и меньше расстояния от него». Сметливые крестьяне, которые «копали курган», быстро рассеяли недоумение Александра Дмитриевича: «Барин! Этот покойник был зарыт стойком». Чертков тогда вспомнил, что «норманны сажали иногда умерших на стулья и в этом положении насыпали над ними могильные курганы». Ученый не преминул дать ссылку на исследование, где об этом писалось (Suhnn's Geschichte der Dänen, I Band, 1-te Adsteilung. S. 168). Однако никаких вещей при этих останках не было обнаружено. «В этом же кургане на пол-аршина вправо найден был другой остов, в том правильном положении, в каком и теперь кладут покойников. Подле ушей — серьги, и у каждой — по 3 подвески. Часть волос, находившихся под этими подвесками, сохранилась совершенно, и даже белокурый цвет нимало не изменился»⁸⁶, — удивлялся Чертков.

С крупное описание хода археологических раскопок и находок, впрочем, не решало главную задачу, которую ставил перед собой Чертков, принимаясь за изучение курганов. Он стремился ответить на вопросы: «Какой народ насыпал эти могильные курганы? Какой народ жил до водворения славян на пространстве Московской губернии?» Историкам было известно, что здесь проживали в древности финские племена, в том числе меря и му-

рома. Но Чертков был уверен, что не эти народы насыпали курганы, поскольку «все финские племена, жившие по Балтийскому морю и имевшие сношение с просвещенными народами, никогда не выходили из полудикого состояния. Они едва существовали, влача бедную жизнь среди лесов и болот, и всегда принадлежали другим сильнейшим и более их образованным народам: на севере — шведам и немцам, а у нас платили дань руссам». Найденные при раскопках вещи, по мнению Черткова, определенно указывали на «народ, у которого искусства были на гораздо высшей степени, чем даже у нынешних финнов». Кроме того, «финские племена не ознаменовались в истории ни воинскими предприятиями, ни обширной торговлей, ни значительным искусством в построении судов», а все курганы в Московской губернии, которые видел Чертков, располагались по берегам судоходных рек и речек: «...в Коломенском уезде — на Оке, в Московском и Звенигородском уездах — по реке Москве и их притокам»⁸⁷. Единственным народом, который «разъезжал на своих челноках» в VIII—XI вв. «по всем рекам, текущим в России», «держа путь с севера на юг», были, по глубокому убеждению Черткова, только варяги-русы. О них сообщалось в летописях, о знаменитых их разбоях на Волге и Каспийском море свидетельствовал Массуди и другие арабские писатели. Чертков произвел сличение вещей, найденных в звенигородских курганах, с древностями, которые исследовал профессор Крузе: «...большие кольца на шее (обручи наших летописей), венцы на голове, браслеты, зарукавья, перстни, кольца, крестик, бубенчик, ожерелья». Сходство было неопровержимым.

Точное описание Чертковым раскопок в селе Верхогрязье в 1838 г. и изображение предметов привлекли внимание многих ученых, а талантливый нумизмат-ориенталист П.С. Савельев (1814—1859) по поводу древностей сделал интересное наблюдение: «Все вещи медные примечательны для нас, потому что имеют одинаковую форму с серебряными ожерельями, запястьями, витыми жгутами, бляхами и бубенчиками восточной фабрикации. Очевидно, что они имели одинаковое назначение и готовились на один вкус; но трудно определить, арабы ли подделывали свои изделия на вкус жителей России, в подражание их медным вещам, или последние делали медные украшения на манер арабских»⁸⁸. Чертков поместил замечания Савельева в новую статью о своих раскопках 1845 г. Археологи XX в. — А.В. Арциховский, Б.А. Рыбаков, В.В. Седов — склонялись признать плодотворной мыслью о влиянии художественных изделий арабского Востока на происхождение семилопастных височных колец вятичей⁸⁹.

Чертков был истинным ученым, и он попытался для выяснения вопроса о принадлежности захоронений прибегнуть к самым последним достижениям мировой археологии: к использованию химического анализа. К этому времени было выявлено, что древние греки при чеканке медных монет и отливке статуй и других изделий из меди не добавляли цинк. Римляне начали применять цинк только во времена императора Октавиана Августа (43 г. до Р.Х. — 14 г.). Относительно медных вещей, находимых в Северной Европе, благодаря химическим анализам было установлено, что самые древние вещи не содержали цинка. Но он всегда находился «в тех северных древностях, которые

современны IX и X вв.». Исходя из этих результатов, Чертков обратился к Р.Г. Гейману (1802—1865), профессору химии Московского университета, с просьбой сделать химический анализ нескольких медных обломков из звенигородских курганов. Оказалось, что в них цинка не было, следовательно, делал вывод Чертков, «наши звенигородские древности относятся к отдаленной эпохе». Более он не мог ничего добавить, так как не было другого полевого материала, с помощью которого он мог бы точнее атрибутировать свои находки, и не изобретены были еще более совершенные методы датировки древностей. Ведь Чертков стоял в самом начале изучения археологических памятников Подмосковья.

Чертков отослал отчет об экспедиции 1845 г. и находки в Петербург. Ответ от Перовского (5 октября 1845 г.) не заставил себя ждать: «С особенным вниманием и удовольствием прочитал я составленную записку о древностях, найденных в Звенигородском уезде, и рассматривал приложенные к ней вещи и рисунки. Считаю приятным долгом изъявить вам особенную признательность мою за сообщение этих крайне любопытных вещей и ученых сведений, я буду иметь счастье представить то и другое государю императору по возвращении Его Величества из поездки»⁹⁰. Перовский выполнил свое обещание: «Его Императорское Величество Высочайше повелевать соизволил передать эти вещи для хранения в московскую Оружейную палату, а Вашему превосходительству изъявить благодарность. Древности препроводил к обер-гофмейстеру князю Урусову»⁹¹.

Со второй четверти XIX в. в Академии наук в тесной связи с этнографией начала развиваться этническая антропология. В Анатомическом ка-

бинете Академии стала создаваться коллекция черепов для их антропологического изучения, энтузиастом которого был академик К.М. Бэр (1792–1876), замечательный ученый в области зоологии, геологии, анатомии и физиологии, географии и эмбриологии. Черткова поэтому просили прислать черепа в Петербург для их «определения физиологом – единственного средства узнать, к какому племени человечества принадлежал покойник». Александр Дмитриевич приказал своему камердинеру забрать все черепа из имения Толстого, однако слуге выдали только четыре. Чертков передал эти 4 черепа через П.И. Кеппена К.М. Бэру и А.Ф. Миддендорфу (1815–1894), академику по зоологии с 1852 г. Физико-математическое отделение Академии наук, в котором велись исследования не только по математике, астрономии, геодезии, географии, физике, химии и технологии, но и по зоологии, ботанике, анатомии и физиологии, известило Черткова о том, что кости, обнаруженные при раскопках в Звенигороде, переданы в Музей анатомии⁹². Чертков благодарил Кеппена за присланный протокол заседаний отделения и выражал надежду, что «может быть, эти черепы и поведут к какому-нибудь результату насчет разрытых мною курганов»⁹³.

В августе 1845 г. П.И. Кеппен пригласил Черткова стать членом создаваемого видными учеными и путешественниками Русского географического общества (с 7/19 октября 1845 г.), целью которого было «собрание и распространение как в России, так и за пределами оной возможно полных и достоверных сведений о нашем отечестве». Интересно, что идея о его образовании была впервые обсуждена на обеде, данном в честь путешественника А.Ф. Миддендорфа, в 1843–1844 гг.

совершившего знаменитую научную экспедицию по Восточной Сибири и вернувшегося в Петербург 20 марта 1845 г.⁹⁴ Председателем Общества стал великий князь Константин Николаевич, а помощником председателя – генерал-адъютант, вице-адмирал граф Ф.П. Литке. Обществу было даровано по 10 тыс. руб. серебром ежегодно из государственного казначейства. Ежегодные взносы членов (не менее 10 руб. или единовременно 100 руб.) и пожертвования частных лиц являлись немаловажным источником денежных средств. Предложение Кеппена было принято Чертковым: «С величайшею готовностью доставляю Вам единовременный взнос 100 руб. серебром, ибо слишком высоко умею ценить цель трудов подобного Общества для России». Он также прислал свои работы для библиотеки Общества, прибавляя: «Всеми зависящими от меня средствами готов всегда содействовать общепользным видам Географического общества»⁹⁵. Чертков стал действительным членом Общества по отделению этнографии России, в котором состояли в 1846 г. кроме него еще 3 члена – В.И. Даль, Н.И. Надеждин и В.Ф. Одоевский. Члены Русского географического общества весьма заинтересовались результатами звенигородских раскопок, поэтому Чертков велел снять копии с рисунков и заново описал вещи, которые он на время взял из Оружейной палаты. Эти копии затем были посланы в Русское географическое общество⁹⁶.

Впрочем, звенигородские находки возбудили большее внимание в Археолого-нумизматическом обществе, которое было учреждено в 1846 г. в Петербурге. Его возглавил президент Академии художеств герцог Максимилиан Лейхтенбергский (1817–1852), владевший богатой коллекцией монет. Естественно, что Черткова удостоили

избранием в члены Общества незамедлительно⁹⁷. Однако вначале Общество «ограничивало круг своих занятий классической археологией и нумизматикой нового времени, преимущественно стран Западной Европы», хотя в определение его цели входило и «ознакомление мировой научной общественности с памятниками древности, найденными на территории России». Такая направленность объяснялась отчасти тем, что почти все находки того времени относились к античному миру, а русские древности были малоизвестны. К тому же, руководство Археолого-нумизматического общества и подавляющая часть его петербургских членов были иностранцами, поэтому даже статьи в его журнале «*Mémoires de la société archéologique et de numismatique de St.-Petersburg*» писались исключительно на немецком и французском языках, при этом явно игнорировался §9 «Статутов Археолого-нумизматического общества», в котором заявлялось о том, чтобы статьи, касающиеся «собственно до России», всегда писались на русском языке или на него переводились. На это обстоятельство было обращено внимание, и 26 октября 1849 г. Высочайше был утвержден новый устав Общества, которое также получило новое название: «Императорское археологическое общество». Секретарем для ведения русской корреспонденции был выбран П. С. Савельев. Под его редакцией стал выходить журнал на русском языке «Записки Санкт-Петербургского Археолого-нумизматического общества» — параллельно с «*Mémoires*».

Доклад Черткова «Описание найденных в Звенигородском уезде древностей в 1838 и 1845 гг.», прочитанный на заседании Археолого-нумизматического общества 11 мая 1848 г. на русском языке, явился, кроме того, одной из значимых вех, приведших

к зримым переменам в работе Общества. Статья московского ученого вошла в первый том русского издания Общества. Материалы о древних вещах, найденных в Звенигороде, чрезвычайно заинтересовали Б. В. Кене, немецкого археолога и нумизмата, члена Берлинского археологического общества, приехавшего в Россию. Его познаниям воздали должное, и он стал секретарем Археолого-нумизматического общества в 1846 г. Кене посчитал необходимым перевести обширную статью Черткова на французский язык, чтобы опубликовать в издании Академии наук для ознакомления и иностранных ученых⁹⁸.

Чертков вновь и вновь возвращался к вопросу об атрибуции своих находок. Он сопоставлял их с древностями, найденными в Саксонии, Мекленбурге, Померании и по Рейну. Сходство предметов утверждало его в высказанной им прежде мысли, что они могли принадлежать норманнам, известным во всех странах своими пиратскими разбоями, хотя и не исключал возможной принадлежности их славянам. Чертков также склонялся признать мнение Кене о датировке находок VIII—XI вв. правильным.

Статья Черткова и изданные им рисунки звенигородских находок длительное время служили ориентиром для ученых и любителей-археологов. Так, в 1855 г. «при селе Тихвинском, Авдотьино тож», в Бронницком уезде Московской губернии, на высоком берегу речки Северки было раскопано 10 курганов по приказанию С. Д. Нечаева (1792—1860), члена Общества истории и древностей российских. Село это находилось в ведении Комитета для просящих милостыню, президентом которого и являлся сенатор Нечаев. Находки очень сильно напоминали вещи из звенигородских кур-

ганов, поэтому срисованы были только те предметы, изображения которых отсутствовали на таблицах у Черткова: «...серп, серебряная вещица с ушком и 4 глухих кольца с одной нарезкой»⁹⁹. Трудно сказать, какое участие в этом деле принимал Чертков, но снаряжение экспедиции вряд ли его не коснулось, тем более что он был деятельным членом Комитета для просящих милостыню, о чем будет рассказано чуть позже. И может быть, что при осмотре имения, некогда принадлежавшего Н.И. Новикову, а теперь, в 1847 г., подаренного Комитету, Чертков отметил наличие курганов, на исследование которых не требовалось уже особого разрешения владельца. Служебные дела, увеличившиеся в связи с Крымской войной, скорее всего не позволили ему лично наблюдать за ходом раскопок, но находки Александр Дмитриевич наверняка держал в своих руках.

Труды А.Д. Черткова и его познания были оценены европейской научной общественностью. В 1835 г. он принял приглашение стать членом Общества северных антиквариев в Копенгагене. В 1838 г. Чертков был удостоен звания члена Археологического института в Риме, основанного Нибуром и Бунце-ном¹⁰⁰. По просьбе итальянских коллег Чертков «принял на себя доставление известий о находимых древностях в Крыму и на берегах Черного моря, известий, которыми весьма дорожат римские ученые». Будучи обязательным человеком, Чертков по возвращении из Италии в Москву в 1839 г. отослал в Рим переводы всех трудов, изданных в России о богатых археологических находках в Крыму, в первую очередь под Керчью¹⁰¹.

В 1864 г. были опубликованы две любопытные статьи А. Гатцука, действительного члена Московского археологического общества, в которых

сообщалось, что после смерти Черткова при разборе его бумаг обнаружены особые литографические таблицы с рисунками некоторых древних вещей из его коллекции в натуральную величину, изображенных «со всеми наростами от окиси и земли, т.е. в точно таком виде, как они были добыты из земли». Они не сопровождались пояснениями относительно происхождения данных артефактов, но было понятно, что все это готовилось к изданию. На одной таблице были изображены предметы, сделанные из бронзы, которые «по стилю и работе принадлежат к так называемым этрускам», — зеркало, целая булавка, бляха, род ложечки... а также камень с вырезанными клеймами, состоящими из слов, изображенных церковнославянскими буквами. Гатцук не смог объяснить, почему «эта русская вещь помещена между этрусскими». Думается, ответ следует искать в идее Черткова, что предками славян были этруски. На другой таблице были изображены: медный топор, каменный редкой формы молоток, наконечники стрел — медный листовидной формы, трехгранные, плоские, а также из обсидиана, из пицита... Гатцук полагал, что часть предметов Чертков добыл из раскопанных им курганов в селах Курове, Черкасовой Горе в Дмитровском уезде. Следовательно, Александр Дмитриевич производил археологические раскопки и в своем имении. Его личная коллекция пополнялась и предметами, поступавшими от коллег. Так, в 1841 г. Фишер фон Вальдгейм подарил топор и наконечники стрел, найденные при рытье канала в Клинском уезде близ деревни Загорье у реки Сестры¹⁰². Таким образом, Александр Дмитриевич не порывал с археологией до конца дней своих, и вероятно, намеревался подготовить к публикации новые работы.

Въ др. уясненіи и сѣмъ
въ кривыхъ звукахъ. Срезъ
въ мзв. 11 отд. Ак. наукъ, V
л. 108, стол. 100.

Въ одномъ рукт. Сборника
XVII в. въ Новг. Соф. Библі
подъ заглавіемъ: Книга св.
Юана Дамаска и проч. ска
но: "Х" (буква тридцата въ Сесе
и фавитъ) ради Толкуъ, а гл.
голетъ гугниво!" мзв. Ак. наукъ
IV, л. 92. Вотъ это дело!

Г в Латинскомъ азвѣкъ нѣтъ
носавиха звуковъ. Микшчъ,
мзв. Акад. IV, л. 61. Литовская
раздѣляется на 2 партіи: нѣмо
и нѣтѣт носавос а, а верхнее нос
вое и. тамъ какъ нѣтъ носавиха зву
въ Литов. аз. ... вовсе изгнаны на
словъ и предъ шипящими: s, sz, ź (с
ш), то вѣ этикъ суграхе, вѣ нѣ
партіи, сѣмѣнѣт честное а, вѣ нѣ
но нѣ и. Литовскъ говоритъ wäszas - кр
ѣта - чико; žâsis - зубъ, вѣ. anzas, wa
микшч. л. 82. но по нѣтѣт

ГЛАВА 2

СЛАВИСТИКА

Путешествие в Италию

С начала 1840-х гг. тематика научных публикаций Черткова существенно расширилась. К исследованиям в области нумизматики, археологии, библиографии органично присовокупилась работа по истории Болгарии. Как мы помним, Чертков начал интересоваться болгарскими древностями еще в 20-е гг. XIX в. Близкое знакомство с П.И. Кеппеном еще более обострило внимание любознательного исследователя к прошлому болгарского народа. В Москве, превратившейся к этому времени в один из центров славистических исследований, накопление и углубление сведений о Болгарии становится одним из ведущих направлений в его занятиях. Однако мощный импульс взялся за перо Александр Дмитриевич получил во время своей поездки в Италию в 1838–1839 гг., в резуль-

тате которой появились на свет две замечательные книги — «О переводе Манассиной летописи на словенский язык, по двум спискам: Ватиканскому и Патриаршей библиотеки, с очерком истории болгар» (1842) и «Описание войны великого князя Святослава Игоревича против болгар и греков в 967–971 гг.» (1843).

В новое путешествие по Италии Александр Дмитриевич отправился со всей своей семьей и прислугой, заказав для этого специальную карету «в размерах дилижанса» у славившегося тогда московского каретника Мякишева. Этот экипаж столь успешно, без малейших повреждений, выдержал дорогу туда и обратно, что А.Д. Чертков посчитал своим долгом опубликовать в газете свою благодарность фабриканту. В солнечную Италию тогда же поехали и сестры Елизаветы Григорьев-

ны – С.Г. Кругликова-Чернышева и В.Г. Пален. В те дни в путешествие по Европе отправились многие москвичи, прежде всего сам московский генерал-губернатор князь Д.В. Голицын с семейством, почетный попечитель Московского учебного округа граф С.Г. Строганов, преподаватели Московского университета М.П. Погодин, С.П. Шевырев и многие, многие другие. Вообще осень 1838 г. отличалась необычайным стечением русских в Италии, что, вероятно, объясняется запланированным посещением этой чудесной страны наследником престола Александром Николаевичем, который прибыл в Рим со своим наставником поэтом В.А. Жуковским в конце 1838 г. (4/16 декабря). Василий Андреевич имел полезную привычку вести дневники, многие из которых впоследствии были опубликованы. Из этих кратких записей узнаем о его близком знакомстве с Чертковым. Прославленный поэт был частым гостем у М.Ю. Виельгорского, у которого 17/29 декабря он застал Черткова. О том он отметил кратко: «Разговор». О чем они беседовали, нам не дано знать, но явно тема была для них важна и серьезна. Во время своего пребывания в Вечном городе до 31 января/12 февраля 1839 г. Василий Андреевич непременно виделся с Чертковым, то обедая у него, то приглашая его к себе, то встречаясь с ним у своих знакомых, например у З.А. Волконской¹. Княгиня Волконская (1792–1862), перейдя в католичество, жила в Риме на своей собственной новой вилле, которая привлекала к себе художников, музыкантов и писателей. А дорога к ней шла мимо церкви Св. Климента, где почивали мощи св. Кирилла, почитаемого православными славянами за своего первоучителя.

На это обстоятельство обращал внимание профессор Московского университета С.П. Шевырев, который в 1829–1832 г. сопровождал Волконскую в путешествии по Италии в качестве гувернера ее сына. Он и в этот свой приезд был частым гостем ее вечеров. В Риме Жуковский много времени проводил с Н.В. Гоголем, осматривая город, вечерами слушая его главы из «Мертвых душ».

Имя Гоголя не исчезает со страниц дневника Жуковского, часто встречаясь рядом с именем супруги Черткова Елизаветы Григорьевны, которая была с Николаем Васильевичем очень дружна. Гоголь был носаст, у красавицы Е.Г. Чертковой также был большой, но изящный нос. Сопоставление этих носов давало Гоголю повод к разным шуткам. У Чертковых он держал себя открыто и добродушно и не стеснялся читать свои произведения. Дружба с Гоголем усилилась, когда Е.Г. Черткова вместе с другими ухаживала за умирающим в Риме от туберкулеза графом Иосифом Михайловичем Виельгорским. Еще ребенком он был взят вместе с А.В. Паткулем в товарищи или соученики к наследнику Александру Николаевичу, когда тот «начал серьезно учиться наукам». Однако между Иосифом Виельгорским и великим князем не возникло симпатии. Виельгорский был слишком серьезен, вечно рылся в книгах, «жаждал науки». Придворная жизнь для него была тягостна. Погодин, познакомившись с ним в Риме, был изумлен простотой и естественностью Виельгорского. Михаил Петрович писал, что «не встречал человека до такой степени безыскусственного» и очень удивился, «найдя его в высшем кругу, между воспитанниками Двора». Юноша серьезно занемог, его посла-

ли в Рим на зиму лечиться, но климат и врачи не помогали, и Погодин с сожалением отмечал нездоровый румянец на щеках Виельгорского². В Риме «на руках Елизаветы Григорьевны Чертковой и Гоголя увял этот прекрасный цветок» в 22 года³, — записала А.О. Смирнова-Россет.

Чертковы уехали в Москву, Гоголь остался в Риме и переписывался с Е.Г. Чертковой. Известно, что на первом представлении «Ревизора» в Москве Гоголь сидел в ложе у Чертковых. Когда автора стали вызывать, он пригнулся к полу и ползком выбрался из ложи. Какое же было удивление Чертковых, когда, приехав домой, они застали у себя Гоголя, «храпящим на диване»⁴! Николай Васильевич познакомил с Чертковыми своих сестер, и они вместе с матерью гостили у Чертковых в их воронежской Ольховатке. Дочь Чертковых Софья Александровна (Ермолова), полюбив Гоголя с раннего детства, вспоминала о нем с трогательным умилением: «Мы, дети и подростки, всегда радовались, когда он к нам приходил. Было в нем что-то обаятельное. Чудесные глаза, проницательные и в то же время кроткие и добрые, то задумчивость, то шутовство производили впечатление неизгладимое»⁵.

Но вернемся в Рим, где 23 января/4 февраля 1839 г. начался карнавал. Несмотря на дождливую погоду, впечатления были столь яркие, что многие из русских путешественников даже отложили свой отъезд, в их числе Жуковский и великий князь. Чертковы затем отправились в Неаполь. В марте в Рим прибыл М.П. Погодин и месяц прожил в квартире Н.В. Гоголя, который вместе с Шевыревым показывал ему Рим. Московские ученые не могли не посетить знаменитую Ватиканскую библиотеку.

Немало поразило Погодина, что в ней они не только получили доступ ко всем славянским рукописям, но им позволили даже сделать выписки. В родной Москве не так-то легко было получить искомый манускрипт в Синодальной библиотеке. В Ватиканской библиотеке русскому историку предложили ознакомиться с рукописью болгарского перевода византийской хроники Константина Манассии. Сама хроника, писанная в стихах в XII в., «довольно известна, и мы в ней не найдем ничего нового в отношении к нашей истории», — впоследствии подчеркивал Чертков. Она представляет собой краткую, в целом традиционную всемирную историю от сотворения мира до 1081 г. Между 1335 и 1340 гг. по приказу болгарского царя Ивана Александра (1331—1371) хроника была переведена на болгарский язык. Но поскольку в ней недостаточно была освещена соседняя для Византии Болгария, то болгарский переводчик добавил некоторые сведения о прошлом своей страны, дописывая их на полях рукописи кинноварью (глоссы). Ватиканский список болгарского перевода состоял из 206 пергаментных листов, а главное, был украшен 69 миниатюрами.

Погодин вместе с Шевыревым, внимательно рассматривая драгоценную рукопись, обнаружили, что несколько глосс содержали известия о русской истории, «подтверждающие Нестора». «Надо бы их списать», — внес в дневник Погодин. Шевырев также сделал выписки из Ватиканского списка, важные в литературном отношении и «которые более привлекают патриотическое внимание русского». О Ватиканском списке и о значимости летописных заметок болгарского переводчика для истории России

Михаил Петрович даже информировал министра народного просвещения России в двух своих письмах — из Рима и Неаполя. Последнее с воспроизведением некоторых глосс, сообщавших о походах великого князя Святослава в Болгарию, было сразу опубликовано в журнале министерства в 1839 г.⁶ Столь исключительное внимание к данному памятнику и к его глоссам становится понятным в свете ведшейся в то время острой научной полемики со «скептической школой», заявлявшей о «баснословности» истории древней Руси и славянских народов.

В начале апреля москвичи собирались уж покидать Рим, как вдруг узнали, что 4 апреля сюда вновь приехали Чертковы, к которым они немедленно поспешили. Но Чертковых, которые не были домоседами, едва нашли — взаимная радость, обмен новостями, впечатлениями о поездке, приглашения на следующий день вместе отобедать у гостеприимного семейства. Однако Погодин и Шевырев уже торопились из Вечного города, и Чертков, отложив светские дела, отправился вместе с коллегами в Ватиканскую библиотеку. Здесь Александр Дмитриевич вновь увидел Ватиканский список хроники Манассии, знакомый ему по прежнему посещению библиотеки в начале 20-х гг. Теперь он взглянул на него по-иному, имея за плечами немалый научный багаж и опыт. К тому же он сам, спустя почти тысячу лет после описанных в глоссах событий, вновь в составе русского войска участвовал в осаде крепости Доростол-Силистрия. Профессора Московского университета рассуждали о «пиитическом слоге» перевода и ценности летописных заметок болгарского переводчика для истории России. Миниатюры списка, по мнению Шевырева, не отличались

изяществом, хотя сохранили яркость красок. Степан Петрович отметил, что на миниатюрах списка «русские в одежде своей нисколько не отличны от болгар и греков», поэтому нельзя согласиться с М.К. Бобровским, профессором из Вильно, в 1820 г. описавшим Ватиканский список, в том, что миниатюры интересны с точки зрения изучения русских костюмов XIV в.⁷ Чертков внимательно слушал рассуждения своих коллег и затем объявил им, что решил заказать копии миниатюр, которые относились к русской истории. Кроме того, в отличие от своих спутников он заинтересовался и теми глоссами, которые рассказывали о прошлом Болгарии.

9 апреля 1839 г. Погодин и Шевырев уехали из Рима⁸. А Александр Дмитриевич старательно скопировал все глоссы болгарского переводчика, предполагая продолжить с ними работу в Москве. В Ватиканской библиотеке работал в это время чешский историк Ф. Палацкий (1798—1876), списывавший для известного чешского слависта П. Шафарика статью о «жизни св. Кирилла, философа и изобретателя словенской азбуки». Палацкий в свое время изучал славянские рукописи Ватиканской библиотеки и также не мог пропустить болгарский перевод летописи Константина Манассии, который он описал в 1837 г.⁹ От него Чертков узнал о существовании еще одного списка перевода хроники Константина Манассии, хранившегося в Синодальной (Патриаршей) библиотеке и получившего затем название — Синодальный или Московский список¹⁰. Но кто сообщил Палацкому о Московском списке, Чертков не указал. Может быть, составляя биографию чешского слависта Й. Добровского (1753—1829), Палацкий наткнулся в его записках и на сведения

о Московском списке. Известно, что в бытность свою в Москве (с 25 октября по 7 января 1793 г.) Добровский тщательно осмотрел славянские манускрипты Синодальной библиотеки и списал весь каталог славянских рукописей¹¹. Чешский ученый также знал о существовании Ватиканского списка, хотя сам его не видел.

На обратном пути в Россию Чертковы с детьми в начале лета побывали также во Флоренции. Осенью 1838 г. «они мелькнули только, торопясь к югу». Но на этот раз они оставались там с неделю. М.Д. Бутурлин вспоминал: «Итальянские археологические памятники и прочие редкости были по части любимых Александром Дмитриевичем занятий, но все это было ему хорошо известно из первого путешествия по Италии». Тем не менее он «захотел вторично обозреть со мною местные примечательности и домогался отыскать старого своего знакомого, каноника Себастьяна Чиаппи, члена-корреспондента ОИДР. После долгих розысков мы узнали наконец, что Чиаппи поселился в маленькой своей вилле в 2 верстах» от Флоренции. «Бывший профессор Виленского университета представлял уже собою жалостную моральную развалину: он впал в детскую манию открывателя и продавца мнимого древних, оригинальных картин». Но он узнал, однако же, Александра Дмитриевича и «пустился с нами в разговор отчасти литературно-исторический, вооружаясь резко против папской супремации [от польск. — преобладание, главенство, верховенство], о коей он теперь пред русскими слушателями мог говорить не стесняясь». На прощание он поднес «по экземпляру двух вышедших в печать первых томов своего весьма дельного биографического сло-

варя о всех итальянцах, бывших в политических, научных и прочих сношениях с Польшей и Россией с давних до настоящих времен». Однако русские гости «вынесли оттуда тяжелое впечатление».

«Возвращаясь от Чиаппи в город по хребту холмов, — продолжал свой рассказ Михаил Дмитриевич, — Александр Дмитриевич возобновил разговор о разных археологических открытиях и сообщил мне между прочим, что найдено было недавно ученым нашим Строевым во французском городе Реймсе древнее рукописное Евангелие¹², писанное частью кирилловскими и частью глаголическими буквами, и над которым французские короли присягали будто бы в старину при их коронации. Чертков предполагал, что Евангелие это было завезено туда княжною Анною, дочерью великого князя Ярослава». Известие это очень заинтересовало Бутурлина. Во время этой прогулки с Чертковым граф впервые узнал о существовании «Слова о полку Игореве». «До какой степени я был тогда невеждою в русской археологии!»¹³ — сокрушался он на склоне лет своих.

Чертков любил беседовать с антикварием Фр. Ингирами, известным своими изысканиями и изданиями этрусских древностей, с домашним ученым Бутурлиных Миллиарини. От Миллиарини он получил заинтересовавшие его сведения о весьма удачных раскопках римских и этрусских древностей в горном городке Фиезоле. Чертков и Бутурлин посетили во Флоренции библиотеку рукописей, называемую «Лауренцианою», где между прочих редкостей они «рассматривали пергаменную хартию мнимого Флорентийского Вселенского 8-го собора о соединении

обеих церквей в 1439 г. за подписью и печатью изменника Москвы и всея Руси митрополита Исидора»¹⁴.

Уезжая из Флоренции, Чертков препоручил Бутурлину заказать копию с одной старинной картины, которая представляла прием великим герцогом Тосканским Фердинандом II Медичи послов царя Алексея Михайловича В.Б. Лихачева и дьяка И. Фомина, отправленных в дипломатическую миссию в 1659 г. По словам Бутурлина, картина висела, «забытая и покрытая вековой пылью», «в длинном, верстовом почти, коридоре», проходящем через крыши домов и через реку Арно от дворца Питти до Палаццо Веккио (первоначальной резиденции медичийских государей, где в XIX в. расположились Министерство иностранных дел и зал заседаний палаты депутатов). Чертков же описывал этот широкий коридор как галерею, в которой помещены были прекрасные картины, статуи и другие драгоценности, представляя собой богатейшее собрание древностей и произведений изящных искусств. Этот переход был закрыт для посторонних, для его посещения следовало получить особое разрешение. Проходя по нему, Александр Дмитриевич задержал внимание на упомянутой картине. Она показалась ему весьма ценной с исторической точки зрения, так как точно передавала одеяния московских дипломатов и их внешность. В последнем Чертков был твердо уверен, так как картину окружали портреты местных особ, написанные в пору расцвета живописи в Италии. Чертков счел картину достойной внимания Общества истории и древностей российских и тут же просил Бутурлина найти акварелиста и сделать копию с нее серыми красками в уменьшенном виде. Примечательно,

что в прежнее свое пребывание во Флоренции осенью 1824 г. Чертков вместе с Н.И. Тургеневым не раз посещал этот музей и, стало быть, видел это полотно, однако тогда оно не вызвало никакого интереса. Так точно и многие другие русские путешественники проходили мимо. Из опубликованных дневниковых записей В.А. Жуковского мы узнаем, что в 1833 г. он вместе с А.М. Горчаковым, будущим канцлером, в то время поверенным в делах во Флоренции, и князем Кантакузином, направляясь в галерею Питти через переход, украшенный историческими картинами, также «между прочим заметил принятие русских посланников Иоанна Васильевича»¹⁵, ошибаясь при этом в имени царя, решив, что послы были отправлены Иваном IV.

Рисунок с картины Бутурлин вручил Александру Дмитриевичу по приезду своем в Москву в 1840 г., и впоследствии он находился в публичной Чертковской библиотеке. Годы спустя, чтобы материально поддержать разорившегося М.Д. Бутурлина, сын Черткова поручил графу перевести с итальянского на русский язык документы XVII в. из Флоренции, относившиеся к посольству Лихачева и Фомина и к предыдущему посольству Чемоданова и Посникова. Часть флорентийских бумаг «с разрешения и за скрепою местного начальства» была в свое время приобретена Александром Дмитриевичем, другая — Григорием Александровичем в 1867 г. в память об отце и из желания пополнить его труды. Составился большой том, и обедневший граф получил хорошие деньги¹⁶.

Материалы московского посольства 1659 г., как и все другие статейные списки, или «поденные записки послов при иностранных дворах»,

хранились в Московском архиве Коллегии иностранных дел. Известно, что первый статейный список принадлежал русскому посланнику В. Племянникову, ездившему в 1518 г. к германскому императору. Но при Петре I они были заменены дневниками путешествий. Статейные списки, безусловно, представляли огромный интерес для историков, на что обращал внимание А.Д. Чертков в своей новой работе «Описание посольства, отправленного в 1659 г. от царя Алексея Михайловича Фердинанду II, великому герцогу Флоренции» (1840). Указывая на «неразработанность рудников наших статейных списков» [т.е. большого объема документов], он подчеркивал их значение не только как бесспорно ценных исторических источников, но и как «наших исторических мемуаров», «в которых действующие лица говорят языком им свойственным и в каждой их строке проявляются чувства и мнение наших предков». Однако нужен был немалый навык, чтобы читать скоропись XVI–XVII вв., а никаких пособий по палеографии в то время не существовало.

Отсутствие публикаций статейных списков и других документов по истории России являлось, по мнению Черткова, причиной того, что в России все еще не появилось «образцовых исторических романов» по типу Вальтера Скотта. Знаменитый шотландский писатель не затруднялся представить описываемую эпоху точно в том виде, в каком она действительно существовала, и заставлял своих героев чувствовать, как чувствовали его предки, и говорить точно тем языком, который сохранился в древних хартиях, поскольку «в Англии и Шотландии все рукописи, касающиеся до средних веков», были давно уже изданы. Чертков

вопросал читателей: «И можем ли мы иметь исторические романы вроде Вальтер-Скоттовского, не издав предварительно рукописей, из коих мы должны узнать обычаи и поверья той эпохи, которую хотим описать?» Движимый мыслью поспешествовать здесь литературе, Чертков и опубликовал материалы посольства В.Б. Лихачева, предоставленные ему начальником архива А.Ф. Малиновским (1762–1840).

Работа с текстом документа привела Черткова к выводам, которые вносили существенные коррективы в дискуссию о развитии русского языка. «До сих пор общественное мнение в отношении к иностранным словам, вкравшимся в наш язык, — писал ученый, — состоит в том, что они хлынули на Русь особенно в царствование Петра Великого. Внимательное чтение статейных списков убедит каждого, что некоторые из этих слов уже вошли в наш язык гораздо прежде, и может быть, во времена Грозного и Бориса». Исследуемая Чертковым рукопись была написана разговорным языком, и в нем, специально подчеркивал историк, не встречались «библейские выражения и обороты, напоминающие перевод церковных книг».

В книге «Описание посольства...» Чертков высказал также свое мнение, весьма отличное от тех, которые сталкивались в разгоравшейся полемике о деяниях Петра Великого в первую очередь между славянофилами и западниками. Славянофилы, т.е. члены известного московского кружка, в который входили А.С. Хомяков, Ю.Ф. Самарин, И.Д. Беляев, братья Константин и Иван Аксаковы, исповедовали, в частности, идею об особом, отличном от стран Западной Европы пути развития России. Они резко осуждали деятельность

Петра Великого, которая, по их мнению, насильственно прервала органическое развитие России, оторвала ее от родных источников жизни, лишила национальных черт. Западники, в числе которых оказались вместе с В. Г. Белинским и А. И. Герценом историк Т. Н. Грановский, юрист К. Д. Кавелин, напротив, отзывались о Петре восторженно, но также все реформы приписывали только ему одному, его талантам, личной воле, инициативе и настойчивости. Труды М. П. Погодина, который был ярким приверженцем «охранительных взглядов», также содержали апологию Петра и его реформ.

Чертков первый из историков призвал тщательнее рассмотреть и изучить время царствования Алексея Михайловича, отца Петра I, поскольку, как он доказывал, все реформы великого преобразователя были подготовлены в предыдущее правление и являлись их закономерным следствием. Более того, Чертков представил время Алексея Михайловича «настоящую эпоху возрождения России» после времен самозванцев и внутренних смут. По «предмету государственного управления и внешнего могущества» были положены «все благие начала, которые потом при сыне его Петре Великом получили еще более развития и поставили Россию на степень первенствующих держав Европы». Чертков развернул перед читателем зримую картину впечатляющих достижений России в области совершенствования законодательства, управления государством и заботы о нравственности и просвещении его жителей (запрет на игорные дома, откуп на карты, кабаки, замена смертной казни на ссылку, основание московской Славяно-греко-латинской академии, организации театра,

трех ботанических садов, аптек...). В царствование Алексея Михайловича оживилась торговля, заработали заводы, фабрики, производилась разведка руд, приглашались иностранные специалисты для развития промышленности и искусства. Активна была дипломатия царя, который отправлял посольства в Голландию, Данию, Швецию, Польшу, Испанию, Францию, Венецию, Флоренцию, Англию и другие страны.

Чертков подчеркнул, что Алексей Михайлович первый из русских царей должным образом приступил к созданию регулярной армии взамен неэффективного дворянского ополчения. Им были сформированы гусарские, пикинерные, драгунские полки, 8 полков регулярной пехоты. Он сам осматривал заведенную им артиллерию и часто устраивал смотры своим полкам. Он организовал первые военные поселения; полки Харьковский, Изюмский, Ахтырский, Сумской, Острогжский стали надежной защитой южных рубежей от нападений крымских татар. Для пушей убедительности Чертков предложил сравнить территориальные приобретения, доставленные России обоими монархами. Петр Великий после кровопролитнейших войн с Турцией, Персией, Швецией и Польшей, продолжавшихся во все время его царствования, «получил Ингерманландию, Эстляндию, Лифляндию, малую часть Карелии и город Выборг». В этот список Чертков не включал Дербент и Баку, отметив, что считает успехи того времени на Кавказе непрочными. Не совсем точен он был и далее. «Царь Алексей Михайлович, — писал историк, — приобрел всю плодороднейшую Малороссию [только левый берег Днепра], княжество Северское, Киев, Чернигов, Смоленск, Дорогобуж, всю

обширнейшую область от Днепра до Путивля. Он присоединил к России все земли Башкирские [это произошло при Иване IV] и те, на которых кочевали калмыки. Пространная и хлебородная полоса земли, ныне составляющая Харьковскую губернию и часть Воронежской, была заселена слободскими полками и сделалась достоянием Русского царства, оградив навсегда Москву от набегов крымских татар». Чертков напоминал читателю о грандиозных предприятиях Хабарова, Дежнева, которые продвинули границы русского государства далеко на восток, приобретая и земли по течению Амура.

Вывод, который сформулировал Чертков, был для своего времени просто новаторским: «У нас до сих пор еще мало оценены деяния Алексея Михайловича, и ни один историк не взглянул на них с настоящей точки зрения. Это происходит частью оттого, что мы не имеем полной истории деяний сего монарха, но больше по той причине, что после него царствовал Петр Великий. Этот исполин XVIII столетия своим гением совсем затмил все великие начинания царя Алексея Михайловича. Нам и теперь еще часто кажется, что все преобразования начаты одним только Петром, между тем как очень многое в отношении к просвещению, гражданственности и увеличению России получило уже прочное основание при родителе его»¹⁷. Однако статья Черткова, опубликованная в журнале Общества истории и древностей российских, была не в состоянии развести спорящие стороны славянофилов и западников, которые в запальчивости дискуссии не были готовы услышать его взвешенные доводы. Только много позже историк С.М. Соловьев (1820–1879),

член ОИДР, придерживаясь принципа закономерности исторического развития, в многотомном труде «История России с древнейших времен» (1851–1879) рассматривал правление Алексея Михайловича как переходный этап к преобразованиям начала XVIII в.

Здесь следует внести некоторые уточнения. Декабрист А.О. Корнилович (1800–1834) в статье «Известие об успехах промышленности в России, и особенно при царе Алексее Михайловиче», напечатанной в журнале «Северный архив» (1823. Ч. 5), также указывал на органическую связь петровских преобразований с правлением его отца. Он подчеркивал, что царствование Алексея Михайловича было «самым блестящим в нашей истории XVII в.», но оно было слабо изучено, поскольку, по его мнению, «историки полагали всю славу правителей в воинских успехах». Корнилович также интересовался статейными списками, о чем мы узнаем из его письма к П.М. Строеву от 9 ноября 1823 г. Корнилович сожалел, что во время своего пребывания в Москве не воспользовался случаем, чтобы «извлечь из статейных списков того, что касается до прибытия и отъезда иностранцев из России». Он намеревался издать «Опыт истории путешествий по России» и сетовал на то, что не обладал отечественными сведениями, зато в иностранных сочинениях у него не было недостатка¹⁸. Читал ли Чертков статью Корниловича, общал ли ему Строев об изысканиях последнего, неизвестно. Однако и советские историки Б.Б. Кафенгауз и А.Г. Грумм-Гржимайло, опубликовавшие сочинения и письма А.О. Корниловича в 1957 г., не ведали о работе Черткова «Описание посольства...», как не знал о ней

и С.С. Волк в 1975 г., который в принципе повторил вывод своих старших коллег: «Отказываясь признать внезапность и неподготовленность реформ Петра, Корнилович намного опередил официальную историографию, которая лишь через 50 лет в трудах С.М. Соловьева приблизилась к такому пониманию вопроса»¹⁹.

Журнал «Отечественные записки» несколько раз благодарил автора книги «Описание посольства...» за его труд и настоятельно советовал своим читателям обратить на него внимание. Рецензент подчеркнул, что Чертков напечатал статейный список с более верной рукописи, чем в «Древней Российской Вивлиофике» Н.И. Новикова (№ 4), и снабдил книгу «весьма дельным предисловием». Но содержание опубликованного источника, в котором «как в зеркале» можно «увидеть отражение старого времени», журнал предлагал воспринимать с позиции ведущейся полемики между западниками и славянофилами, его он обращал в оружие против защитников русской старины. «С какой же любовью должны мы смотреть на каждый факт, в котором осуществилось торжество европейской жизни над азиатским коснением России, и как же мы должны ценить колоссальные заслуги Петра Великого!»²⁰. Редактор журнала «Маяк» также благожелательно рекомендовал публике не пропустить новую работу Черткова, оказавшего «истинную услугу для отечественной словесности»²¹.

В 1843 г. Чертков написал статью «Описание путешествия или посольства, отправленного от датского короля к царю Иоанну Грозному», вероятно, дал ее на рассмотрение Погодину, и тот, как водится, затянул с возвращением рукописи²². Но о дальнейшей судьбе этой работы Черткова ничего пока сказать нельзя.

«О переводе Манассиной летописи...»

По возвращении в 1840 г. в Москву Чертков попытался отыскать Московский список болгарского перевода летописи Константина Манассии, но тщетно. Александру Дмитриевичу пришел на помощь П.М. Строев. Еще в 1817–1818 гг. он вместе с молодым одаренным ученым К.Ф. Калайдовичем (1792–1832) провел археографическую экспедицию по библиотекам монастырей Центральной России. В ходе разысканий в Синодальной (Патриаршей) библиотеке Калайдович выявил также и список болгарского перевода летописи Константина Манассии. Первое известное описание Московского списка находится в письме Калайдовича к графу Н.П. Румянцеву от 25 марта 1825 г., причем список был отмечен в числе довольно любопытных рукописей Синодальной библиотеки. Ученый тогда работал над составлением ее каталога, который, по его глубокому убеждению, «откроет новый свет в древней нашей литературе, покажет непрерывный ряд памятников славянских с самого IX в. до XVIII в.». К сожалению, каталог не был закончен из-за болезни автора²³.

В 1829 г. была образована Археографическая экспедиция при Академии наук, и Строев, как один из ее активнейших деятелей, продолжил разыскания, которые теперь охватили монастыри и библиотеки восьми губерний страны. В 1832 г. Павел Михайлович вновь обследовал Синодальную библиотеку. Несмотря на то что «Карамзин и другие ученые кое-что позаимствовали из нее, — писал Строев секретарю Академии

Константин Федорович Калайдович

наук П.Н. Фусу, — но и мне посчастливилось уже сделать изрядные находки. Рукописей в ней более 900, а потому и работы довольно»²⁴. Однако и он не закончил обработку «собранной им обильной жатвы ценных манускриптов»²⁵ и не издал научного каталога. Но именно Строев, как знаток фондов этой библиотеки, узнав о неудачах Черткова, подсказал последнему, как найти Московский список²⁶. Оказывается, «летопись премудрого Манассии» находилась «в одном сборнике, на кожаном переплете которого был выставлен титул “Вопросы и ответы”, и два номера на голубом поле: 20/38». Отсутствие каких-либо помет, указывающих на то, что в сборник был включен список болгарского перевода, и не позволило Черткову, не однажды просмотревшему каталог библиотеки, обнаружить летопись Манассии. Повидимому, из-за этого обстоятельства о Московском списке не знали и

многие другие специалисты, например А.Х. Востоков. Он проанализировал копию с Ватиканского списка, сделанную Штрэндманом по заказу графа Румянцева, но она содержала только начало и конец подлинной рукописи. Востоков в письме к графу от 27 сентября 1824 г. настаивал, чтобы списали весь манускрипт, не выпуская места, которые, по оценке Штрэндмана, нелюбопытны для историка, но, как полагал Востоков, могут быть весьма «любопытны и поучительны для грамматика и для антиквария». Ученый считал необходимым издать копию с Ватиканского списка, только он сожалел, что работа была выполнена не в «надлежащей точности». О Московском списке того же болгарского перевода хроники Константина Манассии Востоков ни словом не обмолвился в своем известном «Описании русских и словенских рукописей Румянцевского музеума» (1842)²⁷.

Объектом исследований А.Д. Черткова теперь становятся вопросы средневековой истории и культуры Болгарии, ее связей с Киевской Русью и Византийской империей. В 1842 г. вышла его книга «О переводе Манассииной летописи на словенский язык, по двум спискам: Ватиканскому и Патриаршей библиотеки, с очерком истории болгар», через год — «Описание войны великого князя Святослава Игоревича против болгар и греков в 967—971 гг.». Если труды Александра Дмитриевича Черткова по нумизматике, библиографии, археологии и этрускологии получили высокую оценку в историографии, данную маститыми учеными, то о книгах Черткова по истории Болгарии в специальных работах, посвященных истории российского славяноведения, в лучшем случае лишь упоминали. Так, советский

славист С.А. Никитин отметил только, что Чертков в отличие от других историков того периода, например от С.Н. Палаузова (1818—1872), который не ставил каких-либо общих принципиальных вопросов, а дал лишь сводку фактического материала, поднял важный вопрос о происхождении славян. Никитин подчеркнул, что Чертков опирался на солидный материал греческих и латинских источников, но в трактовке славянского этногенеза допустил ряд ошибок, прежде всего в отождествлении славян с фракийцами Балканского полуострова²⁸.

Именно это последнее замечание, немного уточненное, перешло в статью В.А. Дьякова и А.С. Мыльникова «Об основных этапах истории славяноведения в дореволюционной России»: «...мысль Черткова о тождестве древнейших балканских славян с фракийцами — слабо аргументированная гипотеза, возникшая ввиду неточных этимологических толкований и некритического использования текстов»²⁹. Н.К. Голейзовский в своем очерке о Черткове заметил, что «Описание войны великого князя Святослава...» было проникнуто идеей славянского единства, хотя и отмечено влиянием норманнской теории. Он указал также, что «свойственная Черткову осторожность иногда уступала место гипотезам и догадкам, что приводило его, например, к поискам предков славян у этрусков и древних римлян»³⁰.

На фоне в принципе беглых оценок Черткова как болгариста приятное исключение представляет небольшая статья болгарского историка Е. Дросневой, сделавшей тонкие замечания о его творчестве. Она отметила, что интерес Черткова к прошлому Болгарии родился и вырос из интереса к истории и древ-

ностям российским, что ученый широко использовал в своей работе метод сопоставительного анализа источников. Дроснева остановилась на некоторых, по ее мнению, славянофильских идеях Черткова и, проанализировав взгляды ученого относительно происхождения протоболгар, пришла к выводу, что Чертков воспринял и далее развил точку зрения Г.Ф. Миллера, А.Л. Шлецера, И.Г. Стриттера, М.Т. Каченовского — представителей «академического направления» в русской историографии³¹. Впрочем, такого направления в русской исторической науке не было. В работах других болгарских авторов, в которых рассматриваются вопросы изучения истории Болгарии в сочинениях русских и западноевропейских ученых, имя А.Д. Черткова встречается в лучшем случае лишь в перечне фамилий историков первой половины XIX в., иногда называются его основные труды по болгарскому средневековью³². Это происходит прежде всего оттого, что данный раздел научного творчества Черткова остается до сих пор неисследованным.

История отечественного славяноведения давно уже стала мощным направлением в современной историографии. Особенно интенсивно на протяжении многих лет она разрабатывается Л.П. Лаптевой, основательно изучающей историю славистики в Московском университете. А.Д. Чертков, никогда не преподававший в нем, не удостоился внимания современного ученого, тем паче что профессиональные интересы Лаптевой лежат в области богемистики. Однако, как мы стараемся показать, две монографии Черткова, посвященные прошлому Болгарии, явились важной ступенью в становлении болгаристики в Рос-

сии, поставив эту ветвь раскидисто-го древа исторической науки на прочную научную основу.

Сочинения Черткова по истории Болгарии следует также рассматривать в непосредственной связи и в контексте с процессом национального возрождения болгарского народа (конец XVIII в. – 1878 г.). Болгария потеряла свою государственность в самом конце XIV в. и пребывала с тех пор под тяжким турецким игом в составе огромной империи Османов. Начавшийся в конце XVIII в. кризис в Турецкой империи привел в первой половине XIX в. к подъему национально-освободительного движения у сербов и греков, которые с оружием в руках отвоевывали свою независимость; и благодаря активной военной и дипломатической помощи России на карте появились полунезависимое Сербское княжество и Греческое королевство. Болгары также мечтали избавиться от пятивекового рабства, однако в отличие от своих соседей, греков и сербов, они позднее вступили на путь консолидации и формирования нации. Замедленность этого процесса была обусловлена многими причинами, одной из которых являлась эллинизация болгарского населения под влиянием церкви, главенства греческого языка в образовании, административной и хозяйственной деятельности.

Но после создания в 1830 г. Греческого королевства, провозгласившего идею о возрождении на Балканах «Великой Греции», наследницы Византийской империи, мирный ход эллинизации болгар стал энергично форсироваться греками, что привело к новым конфликтам в стране, теперь уже между болгарами и греками. Активную эллинизаторскую политику по отношению к

своей болгарской пастве принялась проводить и Константинопольская (греческая) патриархия, соотносящая свою надежду на восстановление великолепия Византийской империи с провозглашенной внешнеполитической доктриной королевства Греции – «Мегали идеи». Началось активное вытеснение церковнославянского языка из богослужения и замена его греческим, создавались препоны в развитии учебного дела у болгар на родном языке, даже запылали костры из славянских книг... Поэтому одной из важнейших задач Болгарского возрождения в 30–50-е гг. XIX в. было внедрение и распространение национального просвещения болгарского народа, пробуждение его национального самосознания. Немалая заслуга в том принадлежала русским ученым, прежде всего Ю.И. Венелину (1802–1839). За ним следовал Чертков и его сочинения по истории Болгарии, поэтому его имя заслуживает постоянного внимания.

В 1829 г. вышла в свет удивительная книга Ю.И. Венелина «Древние и нынешние болгары в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам». Преподавателя Московского университета М.П. Погодина поразила смелость и новизна идей Венелина о том, что славяне прежде VI в. жили под другими именами. Михаил Петрович отметил, что никто из историков, воспитанных в строгом правиле Шлецеровой критики, не думал о народе до появления его в летописи и не смел от VI в. оглядываться и искать славян ранее³³. Он был столь покорен «ребячески чистой душой» Венелина и его «мечтами о булгарах», что издал его книгу за свой счет. По признанию Погодина, именно его сближение с Венелиным много

содействовало развитию его любви к славянам. Одно только в то время огорчало Погодина, что студенты не покупали книги Венелина³⁴.

Но как переменялось все, когда Венелина и его истинно эпохальный труд для Болгарского возрождения открыли для себя сами болгары — сначала те, что проживали в России. На них это сочинение произвело необыкновенное действие. Многие из них (В. Априлов, Р. Жинзифов и другие) прежде стыдились признаться в том, что они — болгары и выдавали себя за греков. Ю. Венелин силой своего таланта и пламенной любви к славянству доказал в первую очередь именно самим болгарам, сколь прекрасна их народность и великолепна их история, но как печальна их участь теперь под гнетом турок, при греческом духовном засилии и удручающем положении народного просвещения. Следует заметить, что Венелин сам не ожидал от своих изысканий такого эффекта именно в болгарской среде, поскольку предназначал их прежде всего для людей науки. Пробужденное национальное самосознание представителей болгарской эмиграции заставило действовать их на ниве просвещения своего обездоленного народа. Одесский торговец В.Е. Априлов (1789—1847), бывший ревностным эллинофилом и являвшийся в 1828—1830 гг. членом греческого училищного настоятельства в Одессе, теперь вместе с богатыми болгарскими купцами Н. Палаузовым, Хр. Мустаковым и др. создал попечительство по сбору средств для постройки в Габрово светской школы нового типа, ставшей образцом для создаваемых в Болгарии новых учебных заведений вместо так называемых «келийных» начальных школ.

Но школам требовались книги, и прежде всего по истории своего отечества. Издания на болгарском языке были большей частью буквари, грамматики и богослужебные книги. Болгарские эмигранты, теперь ставшие деятелями Болгарского возрождения, ожидали от Ю. Венелина написания столь необходимого им труда, но осуществлению этих планов помешала его ранняя кончина. После смерти Венелина никто в России не занимался прошлым болгарского народа, на что обратил внимание А.Д. Чертков³⁵ и что также послужило дополнительным стимулом в его работе над книгами по истории Болгарии. Надо заметить, что Венелин высоко ценил Черткова, считая, что он не просто принадлежит к истории славянской филологии, но находится «в ее первой главе»³⁶, хотя у него не было еще соответствующих печатных работ.

Довольно смутное представление о турецких болгарях отмечалось и в самой России, даже у людей, прошедших университетский курс, о чем откровенно поведал Николай Никифорович Мурзакевич (1806—1883), желанный гость Черткова. Закончив Московский университет, он в 1831 г. поступил в Ришельевский лицей в Одессе и прослужил в нем 27 лет. В Ришельевском лицее ученики из болгар появились только в 1832 г., поскольку прежде болгарские семейства Одессы предпочитали посылать своих детей учиться в греческое коммерческое училище. В своей автобиографии Мурзакевич писал: «Болгары с 1833 г. стали обращать на себя мое внимание. Имея в 3-м классе гимназии трех братьев Мутевых, случайно спросил, какой они нации, отвечали: болгаре. Привыкнув с университета считать болгар потомками болгар волжских,

следовательно мусульманами, обратился к лучшему из них, Дмитрию: каким языком пишут у вас и читают? — Почти таким, как и русские! На другой урок они принесли мне печатные церковнославянские книжечки и этим разрушили мое понятие о их татаро-турецком происхождении и, напротив, убедили в славянском нашем единоплеменстве»³⁷.

Эти-то книжечки, большей частью буквари, грамматики и богослужбные книги, заинтересовали Мурзакевича, и он составил им каталог, опубликованный в статье «Нынешнее состояние просвещения у болгар» (1838 г.). В ней он также писал о вытеснении славянского языка со стороны греков и о запрете турецкого правительства заводить высшие училища, что должно было бы привести к упадку болгарского языка, если бы не усилия некоторых патриотов по организации болгарских школ и переводу на болгарский язык и публикации учебников. Мурзакевич подчеркивал, что в ученном отношении эти издания не имеют значения, но для просвещения болгар они чрезвычайно важны. Со страниц авторитетного «Журнала Министерства народного просвещения» он призвал соотечественников к содействию в распространении просвещения в болгарском народе³⁸, чему сам всегда горячо способствовал.

Узнав о решении Общества истории и древностей российских опубликовать Московский список болгарского перевода летописи Константина Манассии, за что взялся было О.М. Бодянский, экстраординарный профессор кафедры истории и литературы славянских наречий в Московском университете, Н.Н. Мурзакевич справлялся у Черткова: «Если Вам не будет в тягость, я бы смел... просить об изложении

содержания летописи. Нет ли в ней чего нового для истории болгар? В Одессе много живет болгар, истинных любителей своей отчизны, и потому содержание труда Манассии было бы для них небезынтересно»³⁹. Чертков поэтому, работая над монографиями по истории Болгарии, ставил перед собой не только чисто исследовательские задачи исключительно в научном плане, но и не забывал о нуждах своей потенциальной болгарской читательской аудитории, что в определенной мере сказалось в его книгах, которые были написаны менее эмоционально, чем сочинения Венелина, но отнюдь не бесстрастно и равнодушно.

История и исторические исследования превращались в действенное оружие в борьбе за самосознание болгарского юношества, и потому такой самоотверженный борец за свободу своего отечества, как кумир болгарской молодежи Г.С. Раковский (1821–1867), в своей активной политической и публицистической деятельности изыскивал время и возможность для занятий историей своего отечества. Особенно продуктивным периодом в этом отношении было недолгое пребывание Раковского в Одессе (1858–1859), публичная библиотека которой славилась своими книжными богатствами, накопленными благодаря заботе ее неутомимого библиотекаря Мурзакевича. Усердие Раковского было весьма плодотворно и принесло богатую жатву: тогда было написано большинство его трудов исторического, этнографического и филологического характера. Он корректировал и дописывал поэму «Лесной путник» («Горски пътник»), опубликовал книжечку с очень длинным названием «Указатель или руководство...»⁴⁰, включавшую этно-

графический материал, подготовил к печати значительную работу «Несколько слов об Асене I, великом болгарском царе, и о его сыне Асене II» («Няколко речи о Асеню Първому, великому царю българскому, и сину му Асеню Второму»), наметил план будущих исследований по истории своего народа.

Вероятно, здесь он познакомился с трудами Черткова и приобрел для своей библиотеки его сочинения и по истории Болгарии. В тексте работы «Несколько слов об Асене I...» имеется множество указаний на хорошее знание монографии московского историка «О переводе Манассиной летописи...». Работы Венелина, который для болгарина середины XIX в. был гораздо больше, чем просто историк, в знак особого почитания выделены Раковским в описи библиотеки в особый раздел⁴¹. О Раковском написаны сотни работ, проанализированы его исторические сочинения, которые, как отмечают современные исследователи, оказывали мощное воздействие на его современников, хотя и были наполнены «смещением недоказанных исторических гипотез со здравым смыслом»⁴². А вот источником, откуда болгарский революционер черпал вдохновение для своих оригинальных концепций, которые воодушевляли его соотечественников, были труды Венелина и Черткова, что прежде ускользало из поля зрения исследователей и на что также будет обращено внимание в нашем повествовании.

После столь длительного вступления, которое ближе познакомило нас с некоторыми проблемами болгарского общества первой половины XIX в., обратимся теперь непосредственно к книге «О переводе Манассиной летописи...». Чертков

дал первое обстоятельное источниковедческое исследование Московского списка болгарского перевода хроники Константина Манассии, выполнив его на высоком профессиональном уровне. Он точно описал весь памятник, определил время его создания — 1345 г. (согласно приписке попа Филиппа в конце сборника) и обстоятельства его появления в России. Чертков абсолютно точно установил по надписи на полях рукописи «Арсений», что этот сборник был «привезен монахом Арсением Сухановым с Афонской горы, из Хилендарского монастыря, и передан в 1655 г. патриарху Никону»⁴³. Все последующие исследователи Московского списка лишь полнее освещали путешествие знаменитого русского монаха⁴⁴. Чертков высказал верное предположение о существовании некогда оригинала болгарского перевода с греческого языка и поднял вопрос о времени его выполнения, но он ошибся, полагая, что перевод был сделан в XII в., а не между 1335 и 1340 гг.⁴⁵, как было затем правильно установлено. Неточен он был и в датировке Ватиканского списка, но при этом верно определил последовательность снятия с оригинала перевода сначала Московского, а затем Ватиканского списков и место их изготовления — в Тырнове, столице Второго Болгарского царства.

Чертков не мог не задуматься об источниках глосс в болгарском переводе, которые делали его особенно ценным. Ученый считал, что они были составлены исключительно на основе несохранившихся болгарских летописей. «Все, что мы знаем о соплеменном нам народе, взято из византийских известий. Греки находились почти всегда в непрерывных войнах с болгарам, даже покорили

на время всю страну; можем ли мы после этого безусловно верить их рассказам о делах болгар? Вот почему и краткие замечания словенского переводчика для нас должны быть драгоценны»⁴⁶, — утверждал Чертков. Только в 1922 г. М. Вейнгард доказал, что болгарский переводчик брал фактический материал из византийской хроники Зонары (XII в.), с чем согласились многие ученые (Ю. Трифонов, Й. Иванов, В.Т. Сиротенко)⁴⁷. Болгарский историк И. Дуйчев, издавший в 1963 г. текст памятника, восстановил в историографии мнение, что для написания глосс болгарским переводчиком наряду с византийскими привлекались «некоторые неизвестные ныне домашние источники»⁴⁸.

В ходе работы с текстом списка 1345 г. Чертков предпринял сопоставление славянского перевода с русскими летописями, а именно, с Никоновским сводом XVI в. Историк убедительно показал, что многие фрагменты Никоновского свода идентичны соответствующим местам Московского списка: «В Никоновскую летопись были внесены не только целые главы и периоды, но и десять глосс хроники Константина Манассии, некоторые из которых были отчасти изменены, а другие списаны слово в слово»⁴⁹. Как известно, во второй половине XVIII — первой половине XIX в. успешно продвинулись исследования по изучению русского летописного богатства. Так, Никоновская летопись, впервые введенная в научный оборот В.Н. Татишевым, была опубликована А.Л. Шлецером и С. Башиловым в 1767–1792 гг. Причем Шлецер, как писал Чертков, «никак не мог постигнуть, из какого источника взяты некоторые вставки в Никоновской летописи». Но посте-

пенно выяснялись источники этого памятника. П.М. Строев обнаружил, что в него были включены выдержки из византийской хроники Георгия Амартола (IX в.). В разработку данного вопроса внес лепту и Чертков. Он «нашел еще одного византийца, который послужил источником для наших летописей вместе с Георгием Амартолом»⁵⁰. Сейчас окончательно установлено, что болгарский перевод хроники Константина Манассии вначале являлся источником для Русского хронографа 1512 г., который в свою очередь был использован составителем Никоновского свода⁵¹.

Чертков скрупулезно изучил текст 26 глосс Московского списка, которые сопоставил также с выписками из Ватиканского списка. Раскрывая их содержание, он создал развернутые картины тех исторических событий, о которых предельно сжато сообщали глоссы. Для этого ученый использовал огромный материал, извлеченный из сочинений Феофана, Константина Багрянородного, Скилицы-Кедрина, Зонары, Льва Дьякона, Никиты Хониата и других византийских хронистов. Александр Дмитриевич был хорошо знаком с описанием событий болгарской истории в русской летописной традиции, а также в трудах итальянского историка М. Орбини (СПб., 1722), Й. Раича (Вена, 1794–1795), византолога и издателя византийских хроник Ш. Дюканжа и других авторов. Характер известных в то время источников определил и направления исторических исследований А.Д. Черткова: в его сочинениях, как, впрочем, и в трудах его предшественников и современников, наиболее полное освещение получила военно-политическая история средневековой Болгарии, ее сложные отношения с Византийской империей и Киевской Русью. Комментируя

гlossы, ученый сумел также поставить очень важные, принципиальные для истории Болгарии проблемы и предложить свое решение.

Первые три glossы позволяли судить о приходе в VII в. на Балканский полуостров, где проживали славяне, протоболгарской орды во главе с ханом Аспарухом, и вновь возбудить вопрос о происхождении болгарского народа. Правда, сначала в научных баталиях того времени шпаги скрещивались в основном по проблеме определения этноса орды хана Аспаруха. Мнение, что орда Аспаруха состояла из славян (Й. Раич, И.Н. Болтин, М.М. Щербатов, В.Н. Татищев), оспорили западноевропейские ученые А.Л. Шлецер, И.Х. Энгель, Й. Тунманн, К. Цейс, предложившие свою концепцию турецко-татарского их происхождения. Этот взгляд разделяли русские историки Н.М. Карамзин, М.Т. Каченовский, Х.А. Шлецер и др. Нашла своих сторонников и точка зрения академика Х.Д. Френа: он считал, что протоболгары состояли из «разноименных поколений турецких, финских и впоследствии даже славянских». Об этом же писали В. Григорьев, П.И. Кеппен, М. Гастев. Ю. Венелин талантливо и яростно воскресил концепцию о славянском этносе протоболгар, одновременно наполнив ее своими оригинальными воззрениями. Сторонниками этой идеи стали П.Г. Бутков, Н.В. Савельев-Ростиславич, Ф.Л. Морошкин и др. Чертков принял в полемике живейшее участие. Тщательно изучив сведения византийских историков, которые относили протоболгар к гуннам, он пришел к верному выводу, что протоболгар нельзя отождествлять со славянами. Как и известный чешский ученый П.Й. Шафарик, Чертков

считал, что они, как и волжские булгары, были угро-финским народом⁵². (Ныне же общепризнанным является вывод о тюркском или тюрко-алтайском происхождении протоболгар⁵³.) Сопоставлением социально-экономического быта славян-земледельцев и протоболгар-кочевников, их нравов, религиозных верований, личных имен правителей ученый убедил своих читателей в том, что это были два совершенно разных этноса, обоснованно доказав неславянское происхождение протоболгар.

Основание болгарского государства было заложено победой хана Аспаруха над византийцами и подписанием мирного договора с императором Константином IV в 681 г. Особое место в исследованиях Черткова заняла проблема образования Первого Болгарского царства и вопрос формирования болгарской народности. Сторонники Энгеля и Венелина, говоря о протоболгарах Аспаруха как о предках болгарского народа, считали их происхождение либо татарским, либо славянским. При этом они не обращали внимания ни на сравнительно небольшую численность подвластных хану Аспаруху протоболгар, ни на факт заселения Балканского полуострова славянами задолго до появления там протоболгар⁵⁴. Они также не рассматривали процессы этногенеза, имевшие место на Балканах в VII—IX вв. Авторитетное мнение Шафарика об ассимиляции немногочисленной орды хана Аспаруха славянами, начавшими селиться на Балканах еще с V в., нашло своих сторонников в России — А.Д. Чертков, М.П. Погодин, А.Ф. Гильфердинг, М. Дринов. Только Чертков, показывая процесс слияния двух этнических компонентов (славян и протоболгар) в единый

народ при доминирующей роли славянского элемента, считал славян автохтонным населением — «туземцами» Балкан. (Как установлено современными исследователями, в формировании болгарского народа приняли участие три этноса: подавляющее большинство славян ассимилировало местное фракийское население и пришедшую в конце VII в. протоболгарскую орду.) Кроме того, в отличие от предшествующей историографии в лице И. Стриттера, Й. Раича, а также Шафарика, которые представляли протоболгар давними врагами славян, Чертков выявил, что протоболгары установили мирные, союзнические отношения со славянами⁵⁵. Это положение, разделяемое большинством современных историков⁵⁶, было новым для русской историографии и оказалось тогда не принятым современниками. Вероятно, благодаря данным воззрениям Чертков с легкой руки М. Дринова (1838—1906), профессора Харьковского университета, болгарина по происхождению, был зачислен последующей историографией в число единомышленников Венелина или в число сторонников теории, согласно которой современные болгары являлись прямыми потомками древнейшего населения Балкан — фраков, которая также развивалась в работах польского историка И. Лелевеля и болгар Раковского, П. Берона⁵⁷.

Чертков, одним из первых применив к изучению истории Болгарии сравнительно-исторический метод, полагал, что в Киевской Руси исторические процессы формирования и развития государства были аналогичны тем, которые имели место в Болгарии. «На соединение болгар с южными славянами должно смотреть с той же точки, как на варяг, призванных к северным славянам. То,

что случилось в VII в. на Дунае, было повторено в IX в. у Финского залива, и в обоих местах возникли великие славянские державы. Ничтожное число болгар, прибывших в Мисию⁵⁸, в сравнении с огромным народонаселением славенским, скоро совершенно соединилось с туземным»⁵⁹. Ученый полагал, что от протоболгар в болгарском народе XIX в. не осталось прямых следов. Благодаря кропотливому труду современных лингвистов удалось обнаружить остатки протоболгарского языка, претерпевшие серьезные фонетические изменения. Сам протоболгарский язык, по мнению болгарского историка В. Бешевлиева, исчез после XII в. вместе с растворением протоболгарских элементов в славянской массе⁶⁰. Завершение славянизации протоболгар, по мнению Черткова, знаменовалось появлением славянских имен в среде протоболгарской знати.

Время вспомнить осмысленные русской исторической наукой теории завоевания французских историков О. Тьери и Ф. Гизо. Русское государство, отмечали такие историки, как Погодин, в противоположность средневековым западноевропейским государствам, которые начинались с завоевания, т.е. с насилия (Франция, Германия), родилось, напротив, из мирного, добровольного и всенародного призвания варяжских князей, поэтому на Руси отсутствовали исторические причины социальных потрясений, что подразумевало существование сильного и прочного государства с предначертанием прекрасного будущего. Чертков полностью разделял такое толкование теории французских ученых. Но вот что очень важно: устанавливая тождество государственнообразовательных процессов в России и Болгарии, он тем самым

11 А.Д. Чертков (1798-1858).

не просто возвеличивал Болгарское царство, а утверждал неминуемость продолжения болгарской государственности и ее жизнеспособность в веках. Взгляд на историю Болгарии через призму теории французских историков, предложенный Чертковым, был оценен и взят на вооружение историками А.Ф. Гильфердингом (1831—1872) и М. Дриновым. Но какую диаметрально противоположную интерпретацию получило это сопоставление в сочетании с иным истолкованием взаимоотношений славян и протоболгар хана Аспаруха, например, на страницах книги А.Ф. Гильфердинга «Письма об истории сербов и болгар». Разделяя взгляд Шафарика, что мисийские славяне были покорены силой протоболгарской орды, Гильфердинг подчеркивал, что «Болгария была единственная из славянских держав, основанная на завоевании». Именно оно предопределило судьбу «несчастливого государства Болгарского с его неестественно скорым и неровным возрастом, с его падением, которое совершилось с такою страшною быстротою, с таким явным отпечатком роковой необходимости, единственно действия внутренних причин»⁶¹. Киевского князя Святослава Гильфердинг изобразил как «орудие низвержения Болгарии», которое произошло по «не случайному, кажется, избранию судьбы». Святослав, считал историк, прошел по Болгарии «как божья кара». Книга Гильфердинга, таким образом, обосновывала закономерность уничтожения Болгарии как государства.

Как могли восприниматься подобные сочинения болгарскими читателями, жаждающими прочитать о прошлом своего отечества такие слова, которые аргументированно поддержали бы их в желании обрес-

ти церковную и государственную самостоятельность? Известны негативные отзывы некоторых видных деятелей Болгарского возрождения, таких как Л. Каравелов (1834—1879), Хр. Ботев (1847—1876), на сочинения Шафарика, Гильфердинга. В одном из своих писем болгарский поэт и публицист Р. Жинзифов (1839—1877), после окончания Московского университета проживавший в Москве, предупреждал своего друга М. Дринова, полностью разделявшего воззрения Шафарика, что их соотечественники, болгары, вероятно, отрицательно встретят книгу Дринова «Происхождение болгар...»⁶².

Раковский своими пылкими работами выступал, естественно, резко против такого мрачного взгляда на прошлое болгарского народа, которого и в будущем согласно этой теории также ничто хорошее не ожидало. Тем паче что его настоящее действительно было неприглядным: турецкое иго и засилье греческого духовенства, подавление любой общественной инициативы со стороны административной и церковной властей. Раскрывая тайны происхождения болгар, Раковский со всей страстностью своей природы доказывал, что болгары являлись чисто славянским народом, предки которого пелазги признаны самым древним населением Балканского полуострова, что в средние века болгары создали мощное государство и имели славную историю, что в течение веков они боролись с турецкими завоевателями, что болгары несправедливо доведены до современного состояния и что теперь они имеют полное основание на удовлетворение своих прав в обретении вновь своего государства. Книги Венелина и Черткова были той твердой опорой, которая позволяла

опровергать и отвергать пессимистический взгляд на Болгарию. Никто, кроме Раковского, не смог так решительно и блестяще превратить свои сочинения, которые безмерно льстили национальному самолюбию ультрапатриотической реставрацией истории, в действенное оружие в борьбе за самосознание болгарского народа, за высвобождение его от губительной грекомании. Поэтому исторические сочинения Раковского столь радостно приветствовали его соотечественники: «Теперь приверженцам Шафарика, Карамзина и Гильфердинга остается ловить ветер и всем тем, кто думал, что болгары есть самое последнее семя рода человеческого»⁶³. Присылались и более восторженные отзывы: «Слава и благодарность за ваши дорогие труды, которыми вы срываете темную завесу с болгарского народа. Живите, новый Венелин!»⁶⁴.

В летописных глоссах болгарского переводчика XIV в., изученных А.Д. Чертковым, нашли место многие выдающиеся события, произошедшие за несколько веков существования Первого Болгарского царства от его образования до падения под византийское владычество (681–1018). Особенностью научного подхода Черткова к исследованию истории Болгарии являлось то, что он более доверял глоссам болгарского переводчика, чем сведениям византийских авторов, и не довольствовался ролью простого пересказчика событий, извлеченных из византийских источников. Дополняя русскую историческую науку многими важными фактами из болгарского средневековья, например, участием болгар в разгроме арабов в 717–718 гг., он поставил под сомнение правильность датировки ряда событий болгарского средневековья, сообщил

о замеченных им противоречиях в хронике Скилицы-Кедрина, например, относительно указания времени смерти болгарского царя Петра (927–970). Ученый попытался, и не безуспешно, выяснить причины, вынудившие хана Телерига (768–777) искать убежище в Византийской империи. Полнее, чем это было до него, рассказывая о войнах хана Крума (803–814), Чертков возбудил не решенный в его время вопрос о преемнике Крума, доказывая, совершенно справедливо, что это был хан Омуртаг (814–831). Чертков много занимался выяснением правильного написания имен болгарских правителей (например, Омуртаг: у Черткова, как и в глоссе, – Муртаг, но не Криртагон, Муртагон, Мартагон и т.п.). Рассказывая о почти непрекращающихся военных действиях Самуила (976–1014) против Византии, ученый подробно остановился на причинах, обусловивших завоевание Болгарии византийцами в XI в., и т.д.

Описание восстановления болгарской государственности в результате успешного восстания болгарского народа под руководством Петра и Асеня в 1186 г. завершает исследование Черткова. Сведения о восстании Петра и Асеня, о первых годах Второго Болгарского царства русский читатель первой половины XIX в. мог почерпнуть из книг И. Стриттера (1770, 1775), М. Орбини, Й. Раича. Такие историки, как Савельев-Ростиславич и Шафарик, ограничились упоминанием, что восстановлением своей государственности Болгария была обязана двум братьям Петру и Асеню⁶⁵. Но А.Д. Чертков не только впервые глубоко изучил восстание и по-новому расставил многие акценты, но поставил и успешно решил вопросы, касающиеся причин, вызвавших широ-

кое народное движение, этнической принадлежности его участников и союзников освободительного движения, подчеркнул его массовость, что не было разработано в русской историографии первой половины XIX в. Основные выводы ученого и освещение процесса перерастания стихийных народных волнений в восстание, руководимое Петром и Асенем, созвучны заключениям исторической науки наших дней.

Рассказ Черткова о событиях 1186 г. пронизан весьма злободневным для современных ему болгар политическим звучанием. Историк, думается, преднамеренно обошел молчанием период византийского господства после падения Первого Болгарского царства, подчеркнув только, что угнетенное положение болгарского населения исподволь подготовило почву для восстания. «Воспоминание прежней самобытности и стольких побед, над греками одержанных, любовь к отечеству и стремление к воссозданию подавленной славянской народности» способствовали, по мнению Черткова, началу движения. Немаловажное значение имел географический фактор, так как восставшие земли были «отделены от собственно греческих провинций огромными горами Ема и Родопа»⁶⁶. Понятно, что выделенные Чертковым мотивы могли стать весьма актуальными и в середине XIX в.

Следует специально отметить, что ученый сознательно выпустил из повествования некоторые моменты, которые бросали нежелательный свет на освободительное движение болгар (например, эпизод пренебрежительного и даже оскорбительного приема византийским императором Петра и Асеня). Известно, что в «Истории» Никиты Хониата эти события трактуются

тенденциозно. Чертков же рисует Петра и Асеня как потомков прежних болгарских царей и «по рождению, и по испытанной храбрости», обосновывая законность власти Петра в новом болгарском государстве. Подобные рассуждения Черткова показывают его убежденность в праве болгарского народа на самостоятельное развитие и искреннее желание ученого помочь исторически обосновать это право. Знаменательно, что Чертков завершает изучение болгарской истории конца XII в. моментом прихода к власти третьего брата — Калояна (1197—1207), когда, по его мнению, Болгарское государство вступило в новую стадию своего развития, отмеченную внешнеполитическими успехами, территориальным расширением границ, подъемом и расцветом всей Болгарии.

Исследования Черткова болгарской истории, несомненно, стояли на более высоком уровне, чем у предшествовавших ему ученых. Широкое применение сравнительно-исторического метода, а также критический подход к источникам позволили Черткову внести коррективы в заключения, бытовавшие в историографии, выявить спорные моменты в оценках и предпринять попытки их уточнения, по-новому осветить многие события истории Болгарии, вовлечь в научный оборот ряд новых фактов. Изложение Черткова отличается не только большей полнотой в раскрытии исторических событий средневековой Болгарии, нежели у современных ему историков, но и прогрессивной позицией в их оценке. С развитием исторической науки были затем уточнены некоторые положения в отношении источников болгарских глосс, перевода неясных фраз, в свете новых данных переосмыслены сведения первых глосс о

заселении Балканского полуострова славянами и протоболгарами. И вместе с тем можно присоединиться к выводу советского историка В.Т. Сиротенко, что «А.Д. Чертков дал удовлетворительное объяснение болгарских глосс»⁶⁷.

Подчеркнем еще раз, что А.Д. Чертков впервые ввел в научный оборот Московский список хроники Константина Манассии, увидев в нем важный источник по истории Болгарии. Он не только способствовал популяризации болгарского перевода хроники Манассии, но также наметил пути его изучения в будущем с точки зрения филологии, истории и искусствоведения. Чертков призывал специалистов-филологов обратить внимание на болгарский перевод, штрихами отмечая некоторые интересные моменты палеографии и стилистики рукописи. И цель была достигнута. Через несколько лет, в 1847 г., появилась работа П.С. Биллярского (1817–1867), посвященная чисто филологическим проблемам в изучении Московского списка.

Чертков впервые воспроизвел образцы почерков Московского и Ватиканского списков, а также репродукции с рисунков, сделанных по его заказу с миниатюр Ватиканского списка, а именно: крещение руссов, вступление Святослава в Дристру (Доростол), сражение русских с болгарами, вступление Цимисхия в Преслав, сражение русских и византийцев под Дристрой. (В подарочных экземплярах книги миниатюры были раскрашены.) Несмотря на определенную неточность рисунков, снятых с оригинала, именно они познакомили многих ученых, не имевших возможности побывать в Ватиканской библиотеке, с художественными особенностями миниатюр

Ватиканского списка, о чем писал чешский историк К. Иречек (ему не удалось видеть рисунков Манассиной летописи в красках, и он знал их только по репродукциям в книге Черткова)⁶⁸. Гильфердинг использовал миниатюры в своих трудах⁶⁹. А.Д. Чертков выдвинул идею о публикации как текста болгарского перевода, так и миниатюр Ватиканского списка, хотя в его время она не была претворена в жизнь.

Имя А.Д. Черткова как первого исследователя Московского списка хроники Константина Манассии и его глосс, как первого издателя шести миниатюр Ватиканского списка и образцов почерков обоих списков упоминается в работах ученых второй половины XIX – начала XX в.: М. Дринова, К.Ф. Радченко, А.Н. Попова, В.С. Иконникова, П.А. Сырку, В. Ягича, В.В. Стасова, Ф.А. Терновского, болгарских историков Ю. Трифонова, П.Т. Гудева, Й. Иванова, Б. Филова и др. М. Дринов отмечал важность намерения Черткова издать миниатюры Ватиканского списка хроники и полагал, что только преждевременная смерть Александра Дмитриевича помешала осуществлению задуманного⁷⁰. А такой талантливый ученый, как П.И. Прейс (1810–1846), столь высоко оценивал знание Чертковым болгарских рукописей, что почти приравнивал его в этом к А.Х. Востокову⁷¹.

Опираясь на результаты своих изысканий, Чертков сделал вывод о богатстве древней славянской письменности и высоком уровне средневековой культуры славян: «...если в начале XIII в. наш церковный язык достиг уже такой красоты, что его сравнивают с греческим, то эта изящность не могла родиться вдруг в XII столетии, и для достижения ее, особенно когда книгопечатание не было

изобретено, а рукописи были редки и дороги, конечно, нужно было немалое время». Он был уверен в том, что перечень тех рукописей, которые стали известны к 40-м гг. XIX в., далеко не полон, что много рукописей, хранящихся в разных библиотеках, ждут своих исследователей. Последовательно и решительно Чертков оспаривал мнение сторонника «скептического» направления в русской исторической науке М.Т. Каченовского (1775—1842) о том, что «все славяне и в особенности наша Русь находились в каком-то полудиком состоянии до XIV в.»⁷². Убедительным доказательством, опровергавшим выводы Каченовского, являлся славянский перевод стихотворной греческой хроники.

Труд «О переводе Манассиной летописи...», по сути дела, — первая удачная попытка написания средневековой истории Болгарии, что было немедленно замечено современниками Черткова. Так, в рецензии журнала «Отечественные записки» подчеркивалось: «Это уже не то, что громкие возгласы о высоком состоянии современного просвещения у болгар, весьма наивно подкрепляемые известием о переводе на болгарский язык “Ста четырех историй” и “Истории Кайданова” и многоречивыми филиппиками против всех тех, которые осмеливаются обнаружить сомнение в быстрых успехах самостоятельной болгарской образованности: это не более не менее, как история древнего сильного царства болгар, весьма отчетливо, с указанием на источники рассказанная по поводу слова о Манассиной летописи, в которой довольно подробно изложены многие обстоятельства продолжительных войн болгар с греками... Факты изложены с большой ясностью и определенностью: автор

сличал показания летописцев греческих и сверял их с уцелевшими известиями славянскими»⁷³. Впрочем, сам Чертков оценивал свой труд гораздо скромнее, поэтому он в книге «О переводе Манассиной летописи...» обратился к ученому миру России с настоятельным призывом написать подробную историю Болгарии.

О книге доброжелательно общались журналы «Современник», «Маяк», «Отечественные записки», «Библиотека для чтения», «Журнал Министерства народного просвещения»⁷⁴. Некоторые авторы рецензий продолжили язвительную полемику по сложному и спорному вопросу происхождения протоболгар. «Отечественные записки» с особенным удовольствием заметили, что «любовь нашего археолога к славянскому миру и его древностям... не пробудила в нем охоты поддерживать те несбыточные и неосновательные гипотезы, которые недавно еще так вскружили голову и до сих пор еще имеют удовольствие нравиться некоторым отчаянным славянофилам: нисколько не разделяя неукротимой страсти их ославянить все, что только имело какое-нибудь отношение к славянскому миру, он, напротив, совершенно отделяет болгар от славян и на основании значительных исторических доказательств прямо утверждает, что болгары до водворения их в Мизии не имели решительно ничего общего со славянами»⁷⁵.

«Библиотека для чтения», считая, что Чертков принадлежит к славяновосторженной школе изыскателей, отметила также, что автор «в некоторых местах не соглашается с оракулами этой школы Шафариком и Венелиным, которым хотелось обратить в славянство весь мир; которые доказали, что сербские крали гораздо поважнее Александра

Македонского, а Гомерова Илиада далеко уступает Краледворской летописи...». Рецензент поиронизировал над автором, предлагая обвинять не Цимисхия в разрушении планов Святослава, а «негодяя и разбойника Курю. Не убей он Святослава, наш герой пришел бы опять на Дунай и мечом своим перевернул всю историю Европы. Но все это не отнимает ученого достоинства у труда. Книги, подобные сочинениям “О переводе Манассиной летописи” и “Описание войны великого князя Святослава”, служат материалом, который употребляет по-своему ученая критика, принимая дельное, отвергая мечтательное. Уважение к труду всегда останется участью каждого важного труда, несмотря на несовершенства, которые везде пристаю́т к делам человеческим»⁷⁶.

С.А. Бурачек, редактор журнала «Маяк», сожалел, что Чертков «не смог сбросить с себя вериг скандинавомании относительно древней Руси, чухономании относительно древних болгар, славяномании относительно прогулки словаков с Дунайской земли в наше отечество и вообще гердеромании относительно мирного, уступчивого, непредприимчивого характера славян». «Много повредила Черткову вера в переселение народов и славян из-за Дуная в Москву, Казань, Новгород... вера в финство или монгольство болгар», — считал Бурачек и далее продолжал: «Откажись Чертков от всяких дрожжей и заквасок немецких теорий, от веры в скандинавство варягов, в чухонство болгар и в распад всех славян из-за Дуная, он по своей обширной учености, неутомимости, критическому уму, обширности средств принес бы величайшую пользу древней русской истории, о чем всетерпеливая, миролюбивая,

угнетаемая всеми немецкими теориями история древнего славянства всеусердно умоляет его, принося ему глубочайшую благодарность за этот, впрочем, весьма любопытный и полезный труд»⁷⁷.

Книга «О переводе Манассиной летописи...» 27 марта 1843 г. была поднесена императору Николаю I министром народного просвещения С.С. Уваровым. В своем представлении Уваров писал: «По просьбе вице-президента московского Общества истории и древностей российских А. Черткова имею счастье всеподданнейше представить Вашему Императорскому Величеству экземпляр изданного им сочинения “О переводе Манассиной летописи...” Сочинитель этого ученого рассуждения, известный уже превосходными трудами своими об отечественной истории, приобрел сим произведением новое право на признательность исследователей славянских древностей. До сих пор единственным списком перевода летописи Манассии на церковный язык считался неполный, хранящийся в Ватиканской библиотеке. Открытие Чертковым по указанию Палацкого и Строева полного и древнейшего списка в Патриаршей библиотеке в Москве составляет несомненную услугу славянскому ученому миру. В уважении сего, всеподданнейше испрашиваю дозволения объявить Черткову за его издание Высочайшее благоволение Вашего Императорского Величества». 30 марта 1843 г. Уваров известил А.Д. Черткова о том, что такое благоволение было объявлено⁷⁸.

В тот же день Уваров обращался к В.Д. Олсуфьеву (1796–1858), гофмаршалу Двора государя наследника цесаревича Александра Николаевича: «По просьбе вице-президента

ОИДР Черткова имею честь препроводить при сем к Вашему превосходительству экземпляр изданного им сочинения “О переводе Манассиной летописи...” и покорнейше прошу о представлении оно-го Его Императорскому Высочеству государю наследнику цесаревичу от имени автора»⁷⁹. Сочинение Черткова было представлено цесаревичу 3 апреля 1843 г., и он благодарил автора за подношение⁸⁰.

Александр Дмитриевич Чертков через П.И. Кеппена послал экземпляры своего нового сочинения петербургским академикам Х.Д. Френу, Ф.И. Кругу, П.Н. Фусу, М.И. Броссе, А.М. Шегрену, Н.Г. Устрялову, А.Х. Востокову. Они в свою очередь просили Кеппена засвидетельствовать автору книги «О переводе Манассиной летописи...» совершенную признательность за такой роскошный дар. Ф.И. Круг поручил Кеппену передать Черткову свое высшее мнение о его труде, о том, что он «с полным удовольствием читал критические примечания, как по предмету хронологическому, так и в других отношениях». Кеппен в ответ заметил, что Чертков давно достоин приглашения принять участие в трудах Академии и избрания в число ее членов. Круг объявил, что он сам в этот же день напишет представление по этому предмету. Составленная Кругом бумага была подписана также Кеппеном и Френом и подана на общее собрание. Впрочем, было уже получено предварительное одобрение на избрание Черткова, и министр народного просвещения также не возражал. Кеппен предлагал Черткова в почетные члены, однако он уточнял, что Чертков, как истинный ученый, скорее всего может быть избран в члены-корреспонденты: «Надобно нам будет иметь еще

сотрудников»⁸¹ (7 декабря 1842 г.). В итоге всех этих приятных хлопот неприменный секретарь Академии известил Черткова: «Императорская Академия наук, желая засвидетельствовать пред публикою то истинное уважение, которое она питает к полезным трудам Вашим на поприще отечественной истории и древностей, по случаю происходившего в 30 день декабря прошлого 1842 г. публичного своего собрания единодушно избрала Вас в число своих членов-корреспондентов»⁸². Из Петербургской Академии наук прислали Александру Дмитриевичу диплом на латинском языке⁸³.

«Описание войны великого князя Святослава Игоревича...»

Следующая монография Александра Дмитриевича «Описание войны великого князя Святослава...» (1843) органически была связана с предыдущей, внося важный вклад в разработку истории войн киевского князя Святослава в Болгарии и в исследование сложной проблемы русско-болгаро-византийских отношений второй половины X в. Новое исследование А.Д. Черткова по содержанию и структуре многопланово и сложно. Дошедшие до нас источники о войнах Святослава в Болгарии противоречивы и отрывочны. Чертков первым в русской историографии, успешно применяя метод критического сопоставления источников, попытался переосмыслить сведения византийских хронистов Льва Дьякона (X в.), Скилицы-Кедрина (XI в.), Зонары (XII в.) и

«Повести временных лет» о походах Святослава в Болгарию, что позволило ему дать обоснованный разбор такого важного источника, как «История» Льва Дьякона, авторитет которого как «современника и часто очевидца описываемых им происшествий» был прежде непререкаем. В конце XIX в., когда велась полемика по поводу достоверности известий византийских авторов, Чертков в заслугу ставилась «смелость усомниться в правильности некоторых мест в “Истории” Льва Дьякона, воспринимавшейся как лучшей и правдивейшей среди ей подобных»⁸⁴. В современной историографии первые замечания, сделанные Чертковым по тексту «Истории» Льва Дьякона, были подтверждены и развиты⁸⁵.

В то же время, в отличие от многих историков XIX в., доверявших больше византийским хроникам, он широко привлекал материалы русской летописи, подчеркивая ее значимость для всестороннего исследования походов киевского князя на Балканы и доказывая ее достоверность. С этим мнением впоследствии не соглашался русский историк Д.И. Иловайский: «Чертков дал слишком много значения известиям русской летописи, между тем как она для этой войны представляет лишь немногие данные, заимствованные из греческих источников, но искаженные баснями и собственными домыслами»⁸⁶. Однако сообщения русской летописи о балканских походах Святослава признаны достоверными в современной историографии. В основу повествования летописи, которая в принципе не противоречит показаниям греческих источников, положены не только народные предания, но и «местный письменный источник», в котором была отражена история событий 964–972 гг.

и который был дополнен некоторыми «книжными» сообщениями⁸⁷.

Прежде чем обратиться к изучению событий, развернувшихся на Балканском полуострове в конце 60-х гг. X в., Черткову необходимо было уточнить хронологию болгаро-византийского и русско-болгаро-византийского конфликта этого времени. Чертков следует хронологии, сообщаемой летописью, согласно которой в 967 г. начался поход Святослава в Болгарию, 968 г. датируется оборона Киева от печенегов, 969 г. — смерть княгини Ольги, 971 г. — русско-византийская война, а 972 г. — гибель Святослава на Днепровских порогах. Этой хронологии придерживались кроме А.Д. Черткова Н.М. Карамзин, Н.А. Полевой, затем С.М. Соловьев, А.Ф. Гильфердинг, Н.П. Ламбин, Н.Д. Знойко, Е.А. Белов, а в советской историографии — И. Лебедев, В.В. Мавродин, М.В. Левченко, А.Н. Сахаров⁸⁸. Однако существует и другая датировка походов Святослава в Болгарию. Многие историки основываются на сообщениях византийского хрониста Скилицы, в соответствии с которыми события выглядят следующим образом: разрыв мирных отношений между Болгарией и Византией произошел в 967 г., Святослав прибыл на Дунай в 968 г., нападение печенегов на Киев пришлось на начало 969 г., возвращение русского князя в Болгарию произошло в этом же 969 г. (В.Н. Златарский, Ф.И. Успенский, М.Л. Тихомиров, П.О. Карышковский, С.А. Иванов).

Многие суждения Черткова, высказанные по ходу исследования (например, относительно причин болгаро-византийского конфликта, характера выступления византийского императора Никифора II Фоки

(963—969) к пограничным болгарским городам), были дальнейшей разработкой известных в русской историографии сюжетов и не потеряли своей научной значимости и сейчас. Впервые Чертковым был поставлен и изучен вопрос о значении 15 кентинариев золота (около 455 кг), которые привез в Киев к Святославу посланник византийского императора Никифора Фоки патрикий Калокир «с поручением привлечь князя к походу на Болгарию». Карамзин, которого смутило известие о столь солидном количестве золота, а также Полевой просто ограничились сообщением о передаче Святославу денег. Чертков же на убедительных примерах из истории Византии показал, что 455 кг золота не являлись для императора баснословной суммой. Война византийцев с Болгарией, как совершенно справедливо отметил историк, обошлась бы Никифору Фоке гораздо дороже. Рассчитав обычную плату византийскому воину за год, Чертков выдвинул гипотезу, что это была часть обещанной платы, точнее задаток⁸⁹.

Предположения А.Д. Черткова были хорошо известны в русской дореволюционной историографии, в частности С.М. Соловьеву, И.Е. Забелину, А.Ф. Гильфердингу, М. Дринову. В статье русского историка Н.Д. Знойко, в которой разбирались свидетельства Льва Дьякона о плате воинам Святослава, были использованы числовые подсчеты А.Д. Черткова. Н.Д. Знойко считал, что после удачного похода на Восток дружина Святослава была вправе «продавать свои услуги по дорожной цене»⁹⁰. Советский историк П.О. Карышковский соглашался с мнением Черткова, что 455 кг золота, или 15 кентинариев, не могли составлять всю обещанную плату за поход русского войска на Балканы и что «эта

сумма не покажется слишком большой, если сравнить ее, например, с тем, что Никифор Фока назначил Афонской лавре ежегодную плату в 240 тыс. солидов (около 990 кг золота)»⁹¹.

В историографии XX в. широко распространено мнение, высказанное впервые А.Д. Чертковым, что под 15 кентинариями следует понимать аванс (задаток) Византии воинам Святослава (М.В. Левченко, В.Т. Пашуто)⁹². Авторы многотомного издания «История на България» придерживаются точки зрения, что Калокир отправился в Киев со многими подарками и золотом. Предположение, что 15 кентинариев были не чем иным, как подарком русскому князю, было высказано впервые К. Иречком⁹³. Интересно мнение А.Н. Сахарова о том, что 15 кентинариев было роздано русским с целью убедить их отказаться от нападения на византийские владения в Крыму и Северном Причерноморье⁹⁴. В то же время во многих работах, посвященных истории походов Святослава в Болгарию, довольно неопределенно пишется о значительной сумме денег, врученной киевскому князю, или это известие вовсе опускается⁹⁵. Таким образом, мы видим, что единого мнения по вопросу о назначении 15 кентинариев в литературе не сложилось. Нет единогласия и по вопросу о намерениях византийского императора Никифора Фоки по отношению к Болгарии и к Святославу. Неясна во многом и миссия Калокира.

Согласно византийским авторам, Святослав принял предложение Византии двинуть свое войско на Балканы. По Льву Дьякону, оно имело 60 тыс. человек, «не считая находившихся при охранении тяжестей ополчения». А.Д. Чертков обратил внимание на сложность

подсчетов числа русских воинов и уязвимость данных Льва Дьякона. Цифровые расчеты Льва Дьякона, по мнению Черткова, нелепы, а данные о численности русского войска, содержащиеся у византийского хрониста Скилицы, фантастичны. Согласно последнему, под Аркадио-полем сражалось 308 тыс. воинов, а под Доростолом – 330 тыс. Сомневаясь в показаниях Льва Дьякона и Скилицы, Чертков подверг критике и выводы А.Л. Шлецера. Он упрекнул его в том, что тот полностью доверял «сказкам» Скилицы-Кедрина и включил в свой рассказ огромные цифровые данные византийского историка без всяких комментариев, хотя и неискушенному читателю, по мнению Черткова, видна была предвзятость этих показаний византийского хрониста⁹⁶. Он оспаривал и известия византийских хронистов о больших потерях русского войска, которые предполагали достаточную многочисленность дружины Святослава, что в русской историографии (Ломоносов, Елагин, Татищев, Эмин, Стриттер, Карамзин) принималось безоговорочно. Чертков на это весьма разумно заметил: «Подобные заблуждения могут перейти и к будущим нашим историкам, ибо самое ложное показание, повторяясь беспрекословно в продолжение сотни лет, весьма часто обращается в аксиому». В материалах об огромной численности русского войска во главе со Святославом Чертков видел в первую очередь определенную тенденциозность греческих историков, стремившихся возвеличить победы византийцев над неприятелем, якобы значительно превосходившим войско империи в количественном отношении. Он предпринял попытку установить примерное число ратников, сражавшихся во время

балканских походов Святослава, опираясь на данные об известных походах на Царьград русских во главе с Аскольдом и Диром, Олегом, Игорем и применив метод исторических аналогий, разработанный Б. Нибуrom. Необходимо заметить, что балканские войны Святослава, как и предыдущие походы киевских князей на Константинополь, Чертков рассматривал, опираясь на положение так называемой норманнской теории, широко распространенной в конце XVIII–XIX вв.

Чертков применил очень оригинальный и весьма плодотворный подход для разрешения вопроса о численности русского войска. Поход Святослава в Болгарию был предпринят по воде, поэтому Чертков поднял вопрос о средствах передвижения русского войска (кораблях) и тесно связанную с этим проблему обеспечения войска в пути. Сколько нужно ладей, чтобы доставить 60-тысячное воинство киевского князя к берегам Дуная? Пополнение продовольствием в дороге Чертков считал невозможным, так как вынужденные остановки способствовали бы нарушению фактора внезапности нападения на Болгарию. Кроме того, отмечал историк, оба берега Днестра в 50 км ниже по течению от Киева и берег Черного моря от лимана до Дуная были заняты враждебными руссам печенежскими племенами. Далее Чертков всесторонне рассматривал все известные в его время материалы о грузоподъемности кораблей норманнов в связи с их назначением (боевые или транспортные суда), почерпнутые из исследований западноевропейских ученых. Он мягко иронизировал: «Если верить византийским источникам, то русские, прибывшие в Болгарию на ладьях, имели такое число воинов,

которое и в наше время английский флот на всех своих линейных кораблях едва ли может перевезти в неприятельскую землю». Данные Льва Дьякона о 60 тыс. русских ратников в Болгарии в 967—971 гг., а тем более цифры Скилицы-Кедрина очень завышены, — заключал Чертков. Чтобы установить реальное количество русских воинов, Чертков обратился к русской летописи. В ней был зафиксирован известный ответ Святослава греческим послам: «Есть нас 20000», который был тут же прокомментирован летописцем, указавшим, что киевский князь «прибавил 10 тыс., поскольку в наличии было лишь 10 тыс. человек»⁹⁷. Показание «Повести временных лет» о 10 тыс. в войске Святослава, по мнению Черткова, было вполне сопоставимо с количеством воинов и кораблей Аскольда и Дира в 860 г.

Итак, в результате рассмотрения материалов летописи, использования данных западноевропейских историков о норманнских военных предприятиях, логических рассуждений о материальном обеспечении передвижения войска Святослава и т.д. Чертков пришел к выводу, что данным русской летописи о 10-тысячном русском войске на Балканах следует отдать предпочтение. Одни историки (Дринов, Гильфердинг, Иречек, Белавенец) согласились с Чертковым⁹⁸. Другие (Забелин, Погодин, Иловайский, Багалеи, Соловьев), признавая явную завышенность известий Льва Дьякона, или опускали цифру о численности русского войска, или с оговорками писали о 60 тысячах⁹⁹.

В современной исторической науке более распространено мнение о 60-тысячном войске Святослава, состоявшего из дружины князя — профессиональных воинов, и ратников,

набираемых от сельских и городских общин Руси (Б.Д. Греков, М.Д. Приселков, М.В. Левченко, В.В. Мавродин и др.)¹⁰⁰. Но в то же время существует иная точка зрения (Ф.И. Успенский, М.Н. Тихомиров, Д.С. Лихачев), которая в основном приближается к выводу Черткова о 10-тысячном войске киевского князя¹⁰¹.

Святослав без труда подчинил Болгарию, но вскоре к нему пришло известие, что печенеги осадили Киев. Князю срочно пришлось идти на выручку своей столице, что стало окончанием первого похода в Болгарию. Чертков считал, что Святослав оставил часть войска и свой флот в Болгарии. Во время его отсутствия если не вся завоеванная Болгария, то, по крайней мере, ее часть была занята русскими, с чем соглашались М.В. Левченко, А.Н. Сахаров и др.¹⁰². Возвратившись вновь в Болгарию, Святослав вступил в противоборство с новым византийским императором Иоанном Цимисхием (969—976). Суждения Черткова об активной роли русской и византийской дипломатии во время балканских войн Святослава, о заключении предварительного мирного договора, о причинах отсутствия охраны Балканских проходов, о том, что киевский князь отозвал в Дристру русские гарнизоны из других болгарских городов и крепостей, были повторены и в современной литературе.

Весной 971 г. Цимисхий застал врасплох русский гарнизон Преслава, который тем не менее быстро приготовился к сражению, выстроившись перед городом. Отсутствие конницы у русских, как и значительный перевес сил предопределили успех византийцев. Лев Дьякон сообщал, что в первый день было убито до 8500 русских воинов, Кедрин полагал, что в первом бою участ-

вовало всего 8500 русских, а Зонара сокращал число сражавшихся руссов до 8000. Во второй день, по словам византийских авторов, погибло еще 8 тыс. воинов, а остальные ушли со Сфенкелом к Святославу. Чертков считал, что число 8 тыс. не отражало действительность, а поставлено наугад. Историк доказывал, что сражение состоялось у города Преслава, находившегося при выходе из проходов Балканского хребта. Подчеркивал, что это якобы не Великий Преслав, известный у греков как Мегаполис, а Малый. Этот город представлял собой «род крепостицы» и не мог вместить столь сильный гарнизон. К тому же основные силы, по мнению Черткова, находились в Македонии и при Дристре, где был и Святослав. По мнению Черткова, царский дворец, видимо, представлял собой «деревянное небольшое сооружение, типа путевого домика». Такое представление о царском дворце у Черткова сложилось под впечатлением его пребывания в Болгарии во время Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Это воспоминание о «неказистости домов даже турецких пашей, напоминавших украинские мазанки», привело историка к выводу, что во времена Святослава в этой местности просто не было сколь-нибудь значительных сооружений¹⁰³.

Византийские авторы отмечали, что в неравной схватке с превосходящим по силе противником вместе с русскими воинами пали и болгарские. Закономерно встает вопрос о взаимоотношениях Святослава с болгарами во время его походов. Сравнительно долгое время преобладало мнение, что киевский князь огнем и мечом прошел по всей Болгарии, преодолел силой оружия сопротивление населения, кровавым террором навязал им не только свою

власть, но и заставил их помогать ему в войне с Византией. Считалось, что Святослав захватил в плен болгарского царя Бориса II (970–971), а византийский император в освобожденном от русских Преславе «ласково принял» последнего (М.М. Щербаков, И. Стриттер, позднее А.Ф. Гильфердинг, С.М. Соловьев, М.П. Погодин, К. Иречек, М. Дринов, Д.И. Иловайский, Ф.И. Успенский, В.Н. Златарский и т.д.). Чертков впервые в русской исторической науке выделил факты, говорящие о дружеских, союзнических отношениях болгар и русских. Руссы, писал историк, не тронули царских сокровищ, что сделали потом византийцы, и не лишили болгарского царя Бориса знаков царского достоинства. Болгарские воины вместе с русскими сражались под Аркадиополем и Преславом. Эти данные навели Черткова на мысль не только о дружественных отношениях болгар и русских, но и вероятном союзе между ними. Только в 30-е гг. XX в. болгарский историк П. Мутафчиев впервые сделал положительный вывод о русско-болгарском союзе в период походов Святослава на Балканы¹⁰⁴. В работах М.Н. Тихомирова, М.В. Левченко, П.О. Карышковского, А.Н. Сахарова была затем представлена развернутая картина лояльных взаимоотношений обеих сторон и выдвинуты предположения о характере и форме русско-болгарского союза¹⁰⁵.

Об упорных сражениях под Дристрой, о ее длительной осаде сообщают только византийские источники. В летописи этих сведений нет. Чертков подробно осветил все сражения византийцев с русскими, выделяя факторы, которые помешали воинам Святослава в той или иной битве одержать верх. Используя свои знания Болгарии, Чертков

даже составил карту последнего боя Святослава и Цимисхия, проецируя на местность рассказ византийских авторов. Впоследствии эта карта была использована, правда, без всякого комментария и ссылок на ее автора, в статье И. Лебедева¹⁰⁶.

Гибелью Святослава на Днепровских порогах закончилась бурная эпоха его княжения. В одном из примечаний к своему труду Чертков писал о замечательной находке, попавшей в рыбацкий невод на Днепровских порогах в начале XIX в. Это был серебряный сосуд, наполненный монетами императоров Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия, которые были, по его убеждению, частью добычи русской дружины, возвращавшейся на родину, «взъем имене много у Грекъ и полонъ бешисленъ». Появлению этого замечания предшествовало письмо президента Академии художеств А.Н. Оленина (16 октября 1840 г.): «Не имея чести лично быть знакомым Вашему превосходительству, но наслышась от моего досуяго и любезного художника академика Ф.Г. Солнцева о любви Вашей к отечественным древностям, я нимало не усумнился поручить Солнцеву просить Вас, милостивый государь, о дозволении срисовать для будущего издания Древностей Российского государства изображения великого нашего князя Святослава Игоревича... Я не обманулся в моем предположении и вместо одного рисунка получил по благосклонности Вашей не токмо облик великого князя Святослава Игоревича, но и противоборствующего ему царя Цимисхия...», а также «дозволили срисовать для меня прием наших послов во Флоренции в 1660 г. Не в замене сих драгоценных подарков, но единственно для Вашего любопытства я при сем пре-

провождая некоторые опыты, мною сделанные, из “Сына Отечества”, 1814, № 2 [статья, где дается описание облика Святослава по Льву Дьякону]... Сей сосуд, попавшийся в рыбацкий невод в Днепровских порогах лет 30 тому назад, мне подарен был покойным Н.Ф. Хитрово. В нем были найдены монеты византийских царей Н. Фоки и Цимисхия и сверх того медный складной ключ с греческой надписью “Глас Господень на водах вопиет, глаголя”¹⁰⁷.

Длительное время господствовало мнение, что Святослав, «образец великих полководцев, не есть пример великого государя, ибо он славу побед уважал более государственного блага и характером своим, пленяя воображение стихотворца, заслуживает укоризну историка». Данное высказывание Н.М. Карамзина легло в основу последовавших вариаций на тему «Святослав — вождь бродячей дружины, последний варяжский князь, но не строитель русского государства» (С.М. Соловьев, Н.Д. Знойко, А.Ф. Гильфердинг, Д.И. Иловайский, И.Е. Забелин, Н.А. Полевой, Б. Федоров, М.П. Погодин, С.В. Бахрушин, А.Е. Пресняков и др.). Чертков же доказывал, что после того как князь обосновался в Преславце, «обыкновенный набег на Болгарию для получения добычи» превратился в великое предприятие Святослава, имевшее целью «перенести владычество русских с хладного севера на берега Черного моря и на плодородные равнины Болгарии, Фракии и Македонии». В описании Черткова Святослав в конечном итоге выступал мудрым, дальновидным правителем. Историк, как мы видим, отступил от традиционной точки зрения на походы Святослава, что было отмечено в свое время и критикой¹⁰⁸. Для русской исторической науки та-

кой взгляд на походы киевского князя на Балканы был нов и неожидан.

Далее Чертков позволил себе заведомую вольность, пускаясь в «мечтания»: «Последствия этого важнейшего происшествия X в. могли быть столь неисчислимы для Руси и в особенности для всех южных словен, что теперь трудно представить себе даже приблизительный очерк всего, что могло произойти от счастливого исполнения великого подвига киевских руссов». Согласно Черткову: «1) Россия из державы почти азиатской X в. превратилась бы в европейское государство... Все элементы эллинской образованности... были бы переданы очень рано руссам и словенам..., народу восприимчивому и не растленному нравственно, подобно византийцам... Миллионы прибалтийских славян не были бы онемечены и навсегда исключены из числа великого словенского народа. 2) К руссам присоединились бы все прочие южные словены, а также германские словены, моравы, чехи, поляки и др. 3) Такая монархия занимала бы 2/3 Европы, немцы были бы ословенены, и многие, многие миллионы людей сохранились бы в Европе... папы не могли бы влагать меч в руки фанатиков... для расширения своей власти. 4) Словене не принадлежали бы, как теперь, 14 разным властям, из которых 8 смотрят на них как на неприятелей... 5) Немецкая империя... никогда бы, вероятно, не существовала, и... императоры не могли бы уничтожить огромного количества словен. 6) Руссы... не допустили бы перехода турков из Азии в Европу... 7) Огромная словенская империя занимала бы большую часть Европы — от устьев Эльбы, границ Баварии, Тироля, Италии, Адриатики, Мореи, Егейского моря, Боспора до Камчатки, Америки, Монгольских и Кир-

гизских степей...; она состояла бы из одних элементов, одного говора, одной веры. 8) И Малая Азия могла также слиться с руссами, ибо и там находились элементы воссоединения в одно целое всех словен»¹⁰⁹.

С толь фантастические заключения вызвали незамедлительную критику. С.М. Соловьев по этому поводу заметил, что «историк не имеет права рассуждать о том, что могло быть», хотя соглашался с тем, что «утверждение Святослава в Болгарии, успехи его в войне с греками могли иметь важные следствия для новорожденной Руси»¹¹⁰. Подчеркнем, что и здесь А.Д. Чертков имел последователей. А.В. Александров, сотрудник «Маяка» в 1840-х гг., в книге «Современные исторические труды в России», направленной главным образом на защиту «славянской школы» (единомышленников Ю. Венелина), выступая против норманизма Черткова и его взглядов на этногенез протоболгар, высоко оценил концепцию Черткова относительно возможных политических последствий исторической ситуации, которая сложилась бы, если бы Святославу удалось победить византийского императора Цимисхия и «объединить Россию и Болгарию в одно государство»¹¹¹. В.З. Завитневич также был убежден в грандиозности планов Святослава. Его рассуждения о том, что в случае успехов русского князя славяне были бы объединены под одним скипетром, что сама Византия могла бы иметь иную, более счастливую судьбу, что историческая судьба Восточной Европы была бы другой и, в частности, «злополучный “восточный вопрос” не давил бы страшным кошмаром на всю Европу», напоминают

суждения А.Д. Черткова¹². В работах некоторых советских авторов (В.В. Мавродина, С.В. Бахрушина, А.Е. Преснякова) имеется тезис о намерении Святослава создать огромную славяно-византийскую державу¹³. В настоящее время пишут о более скромных задачах, которые стремился решить Святослав своими походами на Балканы, — упрочить позиции русских в нижнем течении Дуная для обеспечения выгодной торговли Киевской Руси с европейскими государствами.

Монография Черткова долгое время оставалась «единственным русским научным трудом, посвященным балканским войнам 967–971 гг.», что констатировалось в 1907 г. Н.Д. Знойко, в 1951 г. — П.О. Карышковским¹⁴. Большая часть источниковедческих наблюдений Черткова была воспринята последующей историографией, ко многим положениям его анализа событий балканских походов Святослава возвратились в современной исторической науке. Заслуга ученого состоит в том, что он впервые включил в свое повествование болгарские реалии конца X в.

«Описание войны великого князя Святослава...» было сразу же замечено критикой. Рецензия в «Журнале Министерства народного просвещения» сообщала краткое содержание книги, выделяла вывод автора о возможных последствиях похода Святослава в случае победы над византийцами и особо останавливалась на доказательствах мысли о 10 тыс., а не о 60 тыс. воинов в дружине киевского князя. «Отечественные записки» отметили, что Чертков, занимаясь историей и древностями «не как суетный, поверхностный аматер [дилетант], но как ученый-исследователь, одушевленный любовью к своему

предмету, любовью, доходящей до страсти... выказал чрезвычайную начитанность, исторический такт, столь нужный каждому разыскателю древних событий, запутанных разногласными сказаниями летописцев, каждому археологу, воссоздающему прошлую жизнь по немым ее памятникам». В рецензии перепечатаны мысли Черткова относительно возможного создания славянской сверхдержавы в случае успеха Святослава, однако ее автор заметил: «Мы, со своей стороны, благодарны Провидению за все, что было, есть и будет, позволяем себе сделать только одно заключение: если бы это было так, как думает почтенный автор, то не было бы оно так, как было [на самом деле]. Впрочем, мы имели уже случай не раз говорить, что нам кажутся бесполезными в исторических выводах всякие если бы». «Современник» подчеркнул, что сочинение Черткова принадлежит «к разряду тех исторических трудов, которые доставляют истории высокое достоинство. Подобные критические исследования очищают ее от произвольных толкований и праздных рассказов... Издание Черткова самое роскошное. Оно вполне соответствует достоинству ученого труда его»¹⁵.

Новое свое сочинение Чертков преподнес в знак своего «душевного почтения» министру народного просвещения Сергею Семеновичу Уварову. Еще один прилагаемый экземпляр, писал Чертков, «я покорнейше прошу поднести Государю Императору, если мое сочинение будет найдено Вами достойным этого высокого счастья»¹⁶. 4 января 1844 г. Уваров официально объявил о благоволении императора¹⁷. На следующий день, 5 января, он в личном письме к Александру Дмитриевичу поздравил и с царской милостью,

и с Новым годом. В следующих строках Сергея Семеновича нельзя заподозрить обычную светскую любезность: «В приятной надежде свидеться с Вами я наперед обещаю себе все удовольствие беседы Вашей»¹¹⁸.

Книгу «Описание войны великого князя Святослава Игоревича...» Чертков отослал в северную столицу П.И. Кеппену, П.А. Плетневу, К.М. Бороздину, П.А. Ширинскому-Шихматову, В.Н. Панину и др. Панин, получив экземпляр книги, взялся за перо, дабы отблагодарить автора. Но, открыв книгу, не смог оторваться, пока не прочел ее всю. Она «бросает столь яркий свет на древнюю историю южных славян. Предмет этот так занимателен...»¹¹⁹. 6 апреля 1844 г. князь П.А. Вяземский писал Шевыреву: «Сын мой просит меня из Константинополя прислать ему “Описание войны великого князя Святослава Игоревича”, изданное Чертковым. Я безуспешно искал этой книжки в здешних лавках...» Чертков вручил Погодину экземпляр своей книги, которую тот немедленно отправил Вяземскому¹²⁰.

Однако вскоре Чертков вновь возвратился в своих исследованиях к киевскому князю Святославу, вернее к уточнению местоположения того загадочного Белобережья, где Святослав, заключив договор с Иоанном Цимисхием, решил перезимовать, поскольку Днепровские пороги были заняты печенегами. Чертков считал, что князь при этом потерял напрасно полгода, так как «печенеги смогли собрать воинов и придумать средства к преграждению пути, да и малое число руссов должно было уменьшиться как от лишений всякого рода, так и от того, что все руссы, оставшиеся в живых, были ранены». Чертков пытался объяснить дей-

ствия Святослава тем обстоятельством, что князь надеялся собрать новое войско из вольных ватаг руссов, которые обитали на островах и по побережью Черного моря, и весной, разбив печенегов, не только возвратиться со славой на Русь после 4-летней войны, но, может быть, предпринять что-нибудь и против Византии¹²¹. Эта гипотеза в глазах Черткова получила новое подтверждение благодаря сообщениям арабского писателя XIV в. Шеймса-эдина Димешки, изданным Френом, о 7 островах, на которых жили руссы-разбойники. В исторической науке не существует единого мнения, объясняющего длительную задержку Святослава в Белобережье и его настойчивое желание возвращаться в Киев только на ладях.

«Благосклонный и лестный отзыв первых ученых о замечаниях на перевод Манассиной летописи» дал смелость Черткову представить на их же суд рассуждение «О Белобережье и 7 островах, на которых жили, по словам Димешки, руссы-разбойники». Чертков специально велел переписать сочинение «в половину листа, дабы можно было на сторонах, оставленных в пробеле, поместить все те замечания, которые угодно будет сделать» на его предположения¹²². Ф.И. Круг, получив рукопись Черткова, свидетельствовал ему свое почтение и пообещал заняться статьей после отчета о Демидовских премиях¹²³. Кеппен со своей стороны добавлял: «Рукопись Ваша ныне находится у Ф.И. Круга. Могу сказать, что он предубежден в пользу Вашего труда и с удовольствием изъявил готовность почитать Ваше исследование до представления его в Академию»¹²⁴. Но Круг умер. Его бумаги, в числе которых находилась рукопись Черткова

«О Белобережье», поручено было разработать А.А. Кунику (1814—1899)¹²⁵, кандидату философии Берлинского университета. В 1839 г. он появился в Москве и был рекомендован Погодину, в журнале которого «Москвитянин» были напечатаны его первые работы по истории. В 1844 г. Куник был определен в Академию наук адъюнктом по классу русской истории, впоследствии он стал академиком, старшим хранителем милицейского кабинета Эрмитажа.

Куник был так же, как и Чертков, сторонником норманнской теории. Он, в частности, полагал, что название «варяго-русы» принадлежало не отдельному народу, а означало военное сословие, обитавшее по шведскому поморью, и только такое племя могло отправиться в русские реки, соединяя на короткое время отдельные финские и славянские племена, и образовать сильное государство от Балтийского моря до Понта Эвксинского¹²⁶. Куник вернул рукопись «О Белобережье» со своими замечаниями, которые были восприняты Чертковым настолько благожелательно, что он поспешил встретиться с молодым ученым. Следует отметить, что Чертков всегда со вниманием, без раздражения уязвленного самолюбия относился к умной критике, стараясь всегда узнать мнение авторитетных специалистов перед изданием своих сочинений. «Я весьма благодарен госп[одину] Кунику за все его замечания и весьма бы желал с ним лично познакомиться. Нельзя ли ему ко мне приехать обедать в субботу? Мне бы весьма хотелось бы с ним поговорить о предмете, как вижу из его замечаний, весьма ему знакомом»¹²⁷, — писал Чертков Погодину. Последний также заинтересовался работой Черткова «О Белобережье», но, взяв

рукопись, несколько задержался с прочтением. Чертков, желая быстрее подготовить свою работу к печати, просил коллегу: «Если вы прочли мое маранье, то возвратите мне... вместе с замечаниями г-на Куника»¹²⁸. Статья Черткова была опубликована в 1845 г. в «Журнале Министерства народного просвещения»¹²⁹. Между прочим, А.А. Куник, встав во главе Русского отделения библиотеки Академии наук (1858—1899), основал в нем Славянский фонд и много внимания уделял сбору сочинений иностранцев о России. Когда Историко-филологическое отделение Академии наук предложило Кунику начать подготовку сборника исторических памятников древней болгарской письменности, то он посчитал нужным начать сборник изданием перевода «Летописи Манассии»¹³⁰.

В поисках предков славян

Затем последовали сочинения, посвященные проблеме происхождения славян. Решая вопросы происхождения протоболгар и формирования болгарского народа, А.Д. Чертков затрагивал и проблемы этногенеза славян. В историографии его времени в этом отношении не существовало ясности: одни производили славян от даков, гетов (И. Гаттерер), балтийских венетов (Л. Гебгарди), другие славянами считали скифов, сарматов, вандалов, аваров, герулов и т.п. (Й. Раич, Ю. Венелин). Б. Нибур, Н. Фрере и некоторые другие западноевропейские ученые полагали, что праотцами славян являются пелазгофракийские народы. Чертков стал

активно собирать материалы, которые бы пролили свет на проблему этногенеза всего славянского мира. Его личный экземпляр «Библиографических листов», издававшихся в 1825–1826 гг. П.И. Кеппенем, хранит в себе следы пробужденного уже в те годы интереса Черткова к вопросу о происхождении славян, к передвижениям пелазгов в Европе.

О длительности и общей направленности источниковедческой работы Черткова свидетельствуют также сохранившиеся в архиве многочисленные тетради ученого: «Выписки из исторических трудов и источников по истории словен, Македонии и Словарь словенских географических названий», «О древнем пребывании словен за Дунаем, о переселении на север, самое древнее житие в Индии», «Выписки для истории предков словен за Дунаем», «Выписки из исторических трудов и источников о словенах», «Древнейшее происхождение словен из Азии. Древнее их пребывание в придунайских странах. Переселение их отсюда на север Европы», «Выписки из печатных и рукописных источников о словенах»¹³¹.

Чертков считал, что славяне, как и многие другие народы, вышли из глубинных районов южной Азии, пришли в Малую Азию и заняли огромную территорию, «начиная от границ Армении и Колхиды до Эгейского моря и от южных берегов Понта до самой Сирии», а в Европе заселили Фракию, Эпир, Иллирию, Македонию, Грецию, Морею, все острова Эгейского моря, Италию и Сицилию. Их ближайшими соседями были греки, а в первой половине XIX в., как уже говорилось, угроза для болгар быть эллинизированными была весьма нешуточной. Чертков поэтому, характеризуя взаимоотношения предков славян –

пелазгов и фракийцев – с греками, наделял последних самыми негативными чертами, изображая их «хитрыми, бездомными, бедными, пронырливыми, которые не только тысячами оставляли отечество, но всегда всеми средствами старались жить за счет варваров и угнетать их сколько могли»¹³². Непрекращающиеся нападения греков на свободлюбивых пелазго-фракийцев привели в конечном итоге, по мнению ученого, к Троянской войне. «Это была не обыкновенная война за клочок земли или ничтожное местечко, а брань на жизнь или смерть между племенами фракийскими и эллинскими»¹³³. Троя пала, изгнанные греками со своих исконных земель пелазго-фракийцы стали переселяться в Европу: одна волна устремилась на Балканы, другая – в Италию. Наступление Рима принудило миролюбивых славян «удалиться на северо-восток, где они отодвинули на крайний север финские племена». С отходом с берегов Балтики и из недр Германии немецких народов, устремившихся на Рим, славяне стали заселять эти освобождающиеся земли. С конца V в. наблюдалось, согласно Черткову, движение славян вспять, назад в земли своих предков, когда они начали переходить Дунай и вторгаться в пределы Византийской империи. На Балканах их встречали «единокровные народы», что обеспечивало успех этих славянских походов¹³⁴. Отдельные положения его концепции – отождествление фракийского населения Балкан со славянами – стали органичной частью его суждения о складывании болгарской народности¹³⁵.

Первый развернутый доклад А.Д. Черткова об этногенезе славян был сделан 2 мая 1842 г. на заседании Общества истории и древностей

российских. Надо полагать, что он был встречен с интересом и одобрительно, поскольку затем ученый целиком отдался изучению проблемы происхождения славян. А.Д. Чертков задумал написать обстоятельную «древнейшую историю славян», которой еще не было ни в западно-европейской, ни в русской историографиях. Чертков изучал вопрос во всех подробностях и широко, привлекая современную литературу. Он осведомлялся у Погодина в январе 1843 г., нет ли у того сочинения Фалмераера «о Греции и живущих там теперь словенах»¹³⁶. В 1845 г. он извещал академика Я.И. Бердникова (1793—1854) о ходе работы над своей «Историей», заметив, что «труд огромный». «Много уже и написано, но много и остается написать. Зимую по служебным моим занятиям не имею никакой возможности трудиться. Остается одно лето, т.е. наше северное трехмесячное лето. Но увы! В нынешнем году и этим не могу воспользоваться: необходимо должен съездить в Орловскую, Воронежскую и даже Таврическую губернии для осмотра моих имений, где я не был уже более 7 лет. Вот и последняя надежда рушилась на работу в нынешнем году; но что же делать? Надобно покориться обстоятельствам»¹³⁷, — сокрушался Александр Дмитриевич, понимая, что не скоро он предается наслаждению научного творчества.

Эпиграфом к новому обширному труду, который был задуман как серия последовательно выходящих книг, Чертков взял высказывание слависта В. Суворецкого: «Мы до сих пор не имеем, несмотря на все исследования, никакого положительного известия о происхождении только словенского народа, именно оттого, что в изысканиях по это-

му предмету не хотели отступить от обыкновенного пути». В 1851 г. вышло в свет сочинение Черткова «О переселении фракийских племен за Дунай и далее на север, к Балтийскому морю, и к нам на Русь». Характеризуя свой труд в письме к известному библиофилу С.А. Соболевскому, ученый подчеркивал: «Это, собственно, очерк истории даков, или готов, как протославян и может быть напечатан отдельно, ибо составляет полную историю одного племени»¹³⁸. Новый труд высоко оценил академик И.И. Срезневский: «Вспоминая о важности Ваших исследований, не могу не вспомнить о превосходной второй главе Вашей древнейшей истории первобытных славян, изданной в 1851 г. Конечно, для многих она служит и долго будет служить руководством при освещении славян вообще, и между прочим, и в отношении к истории языка. О себе лично я осмелюсь сказать, что чем более изучаю я эту главу, тем больше удивление полноте соображений и ясности взгляда, не говоря уже об обилии пособий, Вами впервые указанных и очевидно необходимых»¹³⁹.

Следом были опубликованы книги: «Фракийские племена, жившие в Малой Азии» (1852), «Пелазго-фракийские племена, населявшие Италию и оттуда переселившиеся в Ретию, Венделикию и далее на север до реки Майна» (1853), «О языке пелазгов, населивших Италию, и сравнение его с древлесловенским» (1855), «Продолжение опыта пелазгийского словаря» (1857). Первые три книги, в которых развернута была история и культура пелазго-фракийских племен, служили своеобразным прологом к основной работе Черткова — дешифровке письма этрусков, которых он считал ветвью пелазго-фракийцев, населявших Малую Азию

подобные предметы, на которых были сделаны надписи. В одном из писем (1840) Чертков справлялся у академика Х.Д. Френа, не занимаясь ли кто из ученых Петербурга чтением этрусского письма¹⁴⁰.

Издание факсимиле в 1841 г. немецким ученым Р. Лепсиусом (Lepsius) Евгубинских (Игувиенских) таблиц, найденных в 1444 г. в подземном склепе в городе Губбио, некогда античном полисе Игуви, и Оских надписей дало новый импульс этрусским штудиям и позволило ученым, не пересекая Альпы, заниматься попытками их прочтения. Примечательна едкая и умная ирония Черткова по отношению к вышедшему в 1849 г. в Берлине 2-томному сочинению двух немецких ученых, Ауфрехта и Кирхгофа, — 600 страниц в мелкую печать, а немецкий текст был испещрен латынью, составлявшей «неотъемлемую принадлежность сочинений, признанных по их наружности за глубоко ученые». «Неужли богатый немецкий язык не имеет выражений, могущих заменить всю эту латынь?» — задавался вопросом Чертков и далее продолжал: «Не хотят ли западные ученые из каждой науки составить нечто вроде таинств Изида посредством языка, непонятного для профанов? Но ведь наука и просвещение должны быть уделом всех и каждого, а не одной касты, посвященной в таинства»¹⁴¹.

Неудачи в чтении этрусского письма Чертков объяснял также тем, что ученые брались за него, не выяснив как следует истории народа. «Узнав происхождение самого народа, нетрудно уже будет избрать и настоящий путь, по которому должно следовать для открытия неизвестного языка». Чертков поэтому вначале представил доказательства, что «сла-

вяне происходили по прямой линии от пелазгов и что они были известны древним под именем пелазго-фракийских племен». Ученый прекрасно показал значимость открытия «пелазгийского языка, т.е. искусства читать и понимать его», что «могло бы озарить новым светом глубокою первоначальную древность народов и поприще, на котором действовали пелазги, первобытные просветители нашей части света. Оно дало бы совершенно другой вид всей древности, обыкновенно теперь начинаемой с эллин и Рима».

Чертков завершил предисловие к книге «О языке пелазгов...» удивительными словами, которые вполне раскрывают пред нами целостный образ ученого: «Мы совершенно уверены, что наш опыт перевода некоторых слов пелазгийских весьма неудовлетворителен и подвержен многих замечаний. Но в предмете, о котором написаны тысячи огромных рассуждений и который все-таки остается непроницаемой тайной, всякая попытка, открывая путь к крепко замкнутым дверям, заслуживает благосклонного снисхождения. Явятся новые исследователи, более нас ученые и которые одарены большею проникательностью в лингвистических трудных изысканиях, — и дело, может быть, пойдет своим путем»¹⁴². Чертков успел издать объяснения слов из надгробных надписей Этрурии, надеясь в следующих прибавлениях представить разбор слов из Евгубинских таблиц и Оских надписей.

Кеппен, получив труд «О языке пелазгов...», благодарил автора и удивлялся, что Чертков успевал заниматься столь глубоким исследованием: «Для меня это тем непонятнее, чем менее мне самому удастся доделать»¹⁴³. Срезневский, получив

экземпляры исследований Черткова, сейчас же их передал членам Отделения русского языка и словесности Академии наук. «Нет сомнения, — писал он автору, — что и они, равно как и все истинно русские сподвижники в деле успеха русского взгляда и направления в науке, примут и этот свежий плод Вашей неутомимой деятельности с тем же сочувствием, как приняли все прочие, что и на их собственных трудах отразится влиянием сильным и общепользным»¹⁴⁴.

Новые сочинения А.Д. Черткова вызвали неоднозначные отклики критиков. «Известия Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности» поместили рецензии с положительной оценкой, где работа «О фракийских племенах, живших в Малой Азии» названа важным трудом¹⁴⁵; о книге «Пелазго-фракийские племена, населявшие Италию» писали: «Разнообразие соображений оживлено мыслию проникнуть в родственность рассматриваемых народов с племенем славянским и обставлено огромным множеством фактов, частью вовсе не известных. Для древней географии славян это пособие необходимо»¹⁴⁶. В рецензии, опубликованной в «Русской беседе», В.Н. Лешков заметил, что «можно спорить с автором, но должно к спору приготовиться с такой же начитанностью, такою же ловкостью приемов, такою же любовью к предмету изысканий. Общее впечатление, производимое обширным трудом Черткова, помещенным в книжках “Временника” X, XIII, XVI, XVII и далеко не оконченным в XXV-ой, — это впечатление говорит в пользу мысли автора»¹⁴⁷.

И.И. Срезневский подчеркнул, что, «уже очистив себе путь разбором показаний исторических, г-н

Чертков обратился к языку памятников и в новом своем исследовании представил заключения, выведенные из разбора древних надписей, — грамматические и словарные, в которых старался не пропустить ни одного из вопросов сравнительного языкознания. Труд огромный!» Идея о родстве этрусков и славян разрабатывалась не только А.Д. Чертковым. Срезневский констатировал, что «ученый словак Я. Коллар с 1841 г. занялся поисками следов славянс-

Измаил Иванович Срезневский

кой стихии в Италии и в 1853 г. издал свой огромный труд», где «сообщил свои домыслы о всем, что в памятниках древней Италии можно считать славянским... К числу немецких трудов в том же роде прибавилось» в 1856 г. сочинение Е. Гушке¹⁴⁸. В то же время книги Черткова подверглись критике Н.Г. Чернышевского. Он отрицал выводы и методы, ко-

торыми историк руководствовался, ставя ему в вину «богатство цитат и сличений... стремление смешивать обширные рассуждения о фактах, ставших общими местами в науке, с произвольными толкованиями... пренебрежение к строгому филологическому разбору сближаемых собственных имен»¹⁴⁹. Одесский историк Н.Н. Мурзакевич мудро замечал: «В греческих, римских, византийских, немецких писателях он неутомимо отыскивал потемненные невежеством или исковерканные умыслом имена и дела славян. Пытливость и догадки о древности и повсеместности славян на юге Европы Чертков простирает до того, что в этрусках и древнейших римлянах видел следы первых славян. Кто знает, может быть, беспристрастная и внимательная проверка его выводов с натурой указанных народов когда-либо и в чем-либо подтвердится»¹⁵⁰.

Предложенная Чертковым схема перемещения славянских племен в глубокой древности оказала большое влияние на знаменитого певца болгарской свободы Г.С. Раковского, на его взгляды относительно миграции болгар. Благодаря обыкновению Раковского составлять планы задуманных им сочинений мы имеем возможность увидеть отправные вехи его концепции. Один из проектов предполагаемой им грандиозной работы предваряет текст его исследований в книге «Показалец...» («Указатель...»). Развернутая схема намечаемой работы сохранилась в личном архиве революционера и опубликована в наши дни. Пункты указанных планов в общем повторяли положения теории Черткова о перемещении славян и о последовательности смены их названий в дошедших источниках. (Переселение

народов из Азии в другие части света; первые эллинские переселения в страну, названную после Греция; найденные здесь эллинами пелазги и их места поселения; пелазго-этруры; пелазго-иллиры и т.п.) Раковский был одним из редких историков, разделивших также тезис Черткова о том, что движение славянских племен шло не с севера, «из русских пустынь», на юг, а с юго-востока к северо-западу¹⁵¹.

В рассуждениях Раковского и Черткова имелось много противоречий, но неукоснительно соблюдался принцип о равнозначности, если не превосходстве славян в сравнении с греками. Чертков неустанно подчеркивал, что предки славян — пелазги были «рассадниками первобытного просвещения в Европе», что «эллина получили буквы от пелазгов». Предки славян — этруски научили римлян азбуке, от них римляне заимствовали свое богослужение, постройку храмов, музыку, одежду, гражданские постановления и т.п.¹⁵². Болгарский бунтарь Раковский (которому зачастую не столь важно было скрупулезное восстановление хода военных действий, например, того же князя Святослава против греков) извлекал из сочинений Черткова доказательства для разрушения складывавшихся в историографии стереотипов относительно жизнеспособности болгарского государства. Не просто благожелательность, но явно выраженная в сочинениях Черткова искренняя поддержка устремлений болгарского народа к своей государственности не могла не импонировать Раковскому, да и всем болгарским читателям. Солидность и фундаментальность научных исследований Черткова придавали его сочувствию делу просвещения и освобождения болгарского народа

особую значимость. Его «мечтания» об иной судьбе всего славянского мира, о свободной и процветающей Болгарии не могли оставить равнодушными болгар, укрепляя их дух и веру в свои силы и в историческое право на независимость.

Во второй половине XIX в. против «фракийской теории» (тезиса об автохтонности славян на Балканском полуострове) выступили М. Дринов и К. Иречек¹⁵³. М. Дринов указывал, что она покоится на шаткой основе, на неясных данных топонимики и этнонимики, которые якобы славянского происхождения.

Хотя метод сравнения языка известного с родственным неизвестным, т.е. поиск сходных созвучий, вполне оправдал себя при дешифровке многих письмен и языков, но в расшифровке этрусского языка он оказался непригодным именно из-за неясности его происхождения. Этрусский язык пробовали прочитать с помощью эфиопского, санскритского (1860), дравидского (1904, норвежец Стен Конов), албанского. В 1911 г. в Ревеле Г. Трусман выдвинул предположение, что не славяне, а балто-славяне являются родственниками этрусов, следовательно, и балтийские языки — литовский, латышский, исчезнувший прусский могут помочь разгадать язык этрусов. Но Трусману было «отказано в опубликовании работы в академическом издании», поскольку бесчисленные поиски ключа к этрусским письменам сильно подорвали всякое доверие к любым попыткам найти его. В 1935 г. Ф. Мессершмидт подводил итоги многовековых усилий этрусологов: «Проблема находится ныне еще в более запутанном состоянии, чем ранее»¹⁵⁴. Сочинения Черткова поэтому были преданы забвению, и не только, как мы видим,

из-за этимологизирования ученого, за которое его критиковали. К тому же в конце XIX — первой половине XX в. господствовало, как известно, гиперкритическое отношение к античным источникам.

В настоящее время благодаря интенсивным раскопкам и лингвистическим исследованиям подтверждается надежность античной исторической традиции. И отношение к трудам А.Д. Черткова об этногенезе славян было частично пересмотрено. Ученый был назван первым русским этрусологом. В статье В.Ф. Ивочкина и А.И. Немировского подробно разбирается точка зрения Черткова на происхождение этрусов, которая «гораздо ближе к взглядам современных ученых», чем модная со времен Б. Нибура теория ретийского происхождения.

Советские историки подчеркивали, что А.Д. Чертков затронул широкий круг вопросов, связанных с этрусской культурой и искусством, проявив глубокие познания, однако в сочинении «О языке пелазгов» попытка Черткова выявить и объяснить словарный запас праязыка пелазгов с помощью русского языка «приводит его к ряду необоснованных сопоставлений и совершенно анекдотичным толкованиям собственных имен». В то же время современные историки указывали, что «общие вопросы древнейшей письменности и проблем языкового родства решаются Чертковым с прозорливостью, удивительной для его времени». Немировский сделал очень справедливый вывод: «Курьезы, которых у Черткова было множество, не умаляют его бесспорных заслуг в разработке проблемы происхождения этрусов». «Устанавливая родство пелазгов с фракийцами, он поставил этрусский вопрос на широкую исто-

рико-лингвистическую почву и во многом предвосхитил взгляды современных исследователей»¹⁵⁵.

Следует отметить, что в наши дни нередко можно встретить попытки отождествления этрусков со славянами и даже примеры чтения этрусских надписей с помощью современного русского языка¹⁵⁶. Нынешние изыскатели также тшятся доказать, что этрусски (как их называли римляне) или тиррены (как их назвали греки) или расены (как они сами себя называли) были праславянами, и этрусское письмо расшифровывается на основе сопоставления надписей, найденных на территории расселения восточных и западных славян и исполненных так называемым «письмом типа черт и рез»¹⁵⁷. Таким образом, в последний период научного творчества Чертков выступает с широкими славистическими исследованиями. Сложность поднимаемых в них вопросов еще не позволяет сделать окончательный вывод о плодотворности всех предположений ученого — это дело будущего. Однако поиски прародины славянских народов, выяснение их передвижений в глубокой древности, а также исследование прошлого даков (славян, по мнению Черткова) и их взаимоотношений с Римом и греками стимулировали разработку этих сюжетов и в дальнейшем.

В целом, исторические сочинения А.Д. Черткова конкретны, проблемами теории своей науки он не занимался, что затрудняет поиски ответа на вопрос, к какому течению в историографии принадлежал Чертков. Критический запал исторических сочинений Черткова, в центре которых стояли проблемы истории болгар и этногенеза славян, был в основном направлен против Византии и греков, которые, по мнению ученого, были яркими врагами сла-

вян и постоянными их противниками. Подобные акценты были весьма актуальны ввиду проявившегося стремления у болгар к развитию национального просвещения и противостояния эллинизации. Несмотря на искренние симпатии к «соплеменникам», в трудах Черткова нет свидетельств гипертрофированной любви ко всему славянскому и ему удается во многом сохранять объективность изложения, хотя публицистические нотки нередко проникали на страницы его исследований. У Черткова, в отличие, например, от Погодина, не заметно стремления объяснять исторические события фатальными обстоятельствами, он пытался выявить глубокую причинно-следственную связь между ними.

Однако «уложить» исторические взгляды Черткова строго в рамки какого-либо течения исторической мысли России первой половины XIX в. довольно сложно. По его сочинениям более прослеживаются общие типологические черты романтизма, которому были присущи принцип историзма, признание важности всех этапов национальной истории, прежде всего средних веков, которые ранее квалифицировались просветителями как время темное и невежественное, внимание к историческим источникам. Свои надежды романтики в отличие от просветителей XVIII в. возлагали на просвещенный народ. Романтизму были присущи определенные слабости: идеалистическая трактовка исторического процесса, почти полное игнорирование его социально-экономических факторов, преувеличение роли личности в истории, восприятие нации в ее социально недифференцированном виде¹⁵⁸.

Следует остановиться на досадной ошибке, вкравшейся в указа-

тель содержания журнала «Отечественные записки» за 1839–1848 гг., составленный В.Э. Боградом (1985). А.Д. Черткову приписывается здесь авторство книг по географии¹⁵⁹, написанных, как явствует из титульного листа, кандидатом философии А. Чертковым. Звание данного автора, выбор региона, тематики, даже место издания сочинений (Санкт-Петербург) — все это не соответствует научным званиям, интересам А.Д. Черткова, который, как правило, печатал свои труды в Москве. В личном архиве ученого сохранились автографы всех его опубликованных работ, но нет черновиков указанных книг по географии, более того, в фонде А.Д. Черткова отсутствуют даже подготовительные материалы к подобным «Географиям». Таким образом, исключается принадлежность книг по географии перу историка. Скорее речь должна идти о простом совпадении имен авторов, повлекшем за собой эту ошибку, впрочем, весьма несущественную, если сравнить с тем совпадением имен представителей двух ветвей рода Чертковых, изложенным в предыдущей части, которое заставило изрядно поволноваться нашего Александра Дмитриевича.

А.Д. Чертков и болгарское просвещение

Сочинения Черткова по истории Болгарии были хорошо известны в среде болгарской эмиграции и болгарских землях Турецкой империи. Немалая заслуга в распространении сведений о кни-

Николай Никифорович Мурзакевич

гах Черткова и самих его книг среди болгар принадлежит неумолимому рателю болгарского просвещения Н.Н. Мурзакевичу. Будучи преподавателем в Ришельевском лицее в Одессе, Николай Никифорович «с большой пользой для себя и своих слушателей» — болгар, «истинных любителей своей отчизны», пользовался результатами «этой важной книги» «О переводе Манассиной летописи...». «Дай бог Вам здоровья для... подобных новых трудов»¹⁶⁰, — писал он в своем письме Александру Дмитриевичу. Мурзакевич сначала познакомил с книгой одесских болгар, о чем он 15 февраля 1843 г. сообщал, в частности, в Москву слависту О.М. Бодянскому: «Книгу А. Черткова распространяю между здешними болгарами. Хватают наперерыв»¹⁶¹. Чертков щедро одарил своей книгой Одессу: Мурзакевич сообщал, что ее получили все гимназические библиотеки Одесского

округа¹⁶². «Болгары с восторгом приняли труд Ваш. Пошлю в Бессарабию: там живет более 60 000 болгар, пускай там читают историю своего народа, знают и Ваше имя»¹⁶³.

О книге «Описание войны великого князя Святослава Игоревича...» Мурзакевич писал: «Важным трудом Вашим Вы наполняете значительный промежуток в нашей древней истории; я с большою пользою для себя и моих слушателей воспользуюсь результатами ученых Ваших исследований. Болгары же с неизъяснимою признательностью произносят дорогое для них Ваше имя. 3 экземпляра книги я раздал, а 3 послал в самую Болгарию. Если милость Ваша будет, то присылка еще 10 или 12 экземпляров была бы кстати. Постоянные и скорые пароходные сообщения и эти экземпляры отвезли бы в разные болгарские училища»¹⁶⁴.

Передавая Черткову отзывы болгар на его книги, Мурзакевич прикуплял, что после Венелина они признают Черткова «двигателем своего просвещения и национальности»¹⁶⁵. Примечательно в этом плане письмо видного болгарского просветителя В.Е. Априлова к А.Д. Черткову от 16 марта 1844 г.: «Долгом считаю благодарить Вас за оказываемое болгарам внимание в литературных трудах, коими Вы даруете ученый свет. Соотечественники мои узнают, что у них есть доброжелатели, на коих можно положиться». Он продолжал: книги «О переводе Манассиной летописи», «Описание войны великого князя Святослава» — «очень интересны для болгар, из них они могут изучить свою историю. Желание мое — чтобы Габровская школа имела сих книг, и как я не могу расстаться со своими экземплярами, то покорнейше прошу одолжить для нее чрез И.Н. Денкоглу [болгарского купца]

по экземпляру; если же воля Ваша будет наградить и некоторых других школ, то я не премину исполнить Ваше приказание именем Вашим»¹⁶⁶. В личную библиотеку Априлова Чертков пересылал не только упомянутые книги, но и свои нумизматические каталоги¹⁶⁷.

О том, сколь высоко болгарским читателем была оценена книга Черткова «О переводе Манассиной летописи...», мы узнаем из письма болгарского студента Московского университета Г.И. Бусилина (ум. 1845 г.), адресованного кметам, т.е. настоятелям, одного из лучших в Болгарии того времени Карловского училища. Бусилин, мучительно переживая за свой народ, бедам которого сопутствовало его глубокое невежество, желал быть полезным своим соотечественникам, находясь вдали от родины. Следя за успехами в деле просвещения, воздавая честь и хвалу кметам, он писал, что именно учреждением училища они воздвигали себе памятник, поскольку благодарные потомки будут вечно помнить их усердие к просвещению и образованию народа. «Но чтобы не остались бесполезными эти училища и ваши труды не пропали напрасно, необходимо» было, по убеждению Бусилина, выбрать учителей, достойных этого звания, и создавать библиотеку, наполняя ее книгами, нужными для учителя и учеников. Он сколько мог собрал необходимые книги на русском языке и отослал их в Стамбул для последующей рассылки в болгарские училища. Для Карловского училища он отобрал 3 книги: «Перевод Манассиновой летописи» (75 грошей), «Первая, седьмая и страстная неделя» (75 грошей) и «Беседы о Божественной литургии»

(10 грошей). «Среди этих книг самая достопримечательная есть Манасиева летопись с краткой историей Болгарии, — подчеркивал Бусилин. — В ней мы увидим, какими были наши праотцы и какими стали мы, их чада. Как они любили свое отечество! Сколько пролили крови, когда сильные неприятели хотели отнять у них пядь земли! Можем ли мы с этого момента впредь, прочитав историю своих праотцев, быть достойными их детьми, если не постараемся жить и радеть о своем просвещении, как и они?»¹⁶⁸. Бусилин призывал своих соотечественников глубоко изучать отечественную историю, приобретающую особое политическое звучание в период борьбы за национальное просвещение.

Многочисленные факты перепечатки отдельных фрагментов из сочинений Черткова подтверждают, что его книги нашли живой отклик у болгар. В журнале «Любословие», открывшем эру болгарской журналистики, в 1844 г. К. Фотинов (1790—1858) опубликовал описание славянских рукописей Ватиканской библиотеки, взятое из книги Черткова «Описание войны великого князя Святослава»¹⁶⁹. В. Априлов в книге «Денница новоболгарского образования» поместил литографии миниатюр перевода хроники Константина Манассии, а в другой работе, обращая внимание своих читателей на «перевод Манассиевой рукописи болгаролюбца г-на Черткова и на истинно ученое сочинение “О войне великого князя Святослава...”», призывал своих соотечественников к благодарности ко всем ученым, которые трудятся на благо болгарского народа¹⁷⁰. Болгарская исследовательница Е. Дроснева обнаружила, что сочинения Черткова значатся в сохранившихся описях библиотек

болгарского купца И.Н. Денкоглу и общественно-политического деятеля и историка С.Н. Палаузова¹⁷¹.

Но судьба монографий Черткова в самой Болгарии второй половины XIX в. была не столь счастлива, как, скажем, исторических сочинений Ю.И. Венелина, позже Д.И. Иловайского, что в большой степени объясняется историческими воззрениями ученого. Однако взгляд Черткова на походы Святослава в Болгарию воплотился в художественную версию событий конца X в., а именно в повесть А.Ф. Вельтмана «Райна, королева болгарская», которая была опубликована в журнале «Библиотека для чтения» (1843. Т. 59). Она приобрела огромную популярность в среде болгарской эмиграции и в Болгарии, поскольку появилась даже в двух переводах на болгарский язык, сделанных Е. Мутевой и Й. Груевым. Романтическая и пылкая натура Вельтмана, частого гостя Черткова и активного члена Общества истории и древностей российских, на заседаниях которого неоднократно выступал Чертков с сообщениями о своих научных изысканиях, не могла не увлечься яркостью, динамичностью, трагичностью картин походов русского воинства Святослава в Болгарию. Александр Фомич сам прошел Русско-турецкую войну 1828—1829 гг., и как напоминание о том его московская квартира представляла собой некую смесь Востока и Запада: персидские ковры на всяком шагу, чубуки с янтарями, оттоманки (мягкие диваны с подушками), картины с изображениями битв южных славян с турками... Да и сам хозяин курил с утра до ночи дорогой турецкий табак из деланных черешневых и жестяных чубуков¹⁷². Чертков легко убедил коллегу в верности своего видения

событий балканских походов киевского князя, отличного от общепринятой в русской историографии концепции: первого похода — как завоевания Болгарии по приглашению византийского императора, второго — как войны руссов и болгар против Византии. Имеются совпадения точек зрения Черткова и Вельтмана и на другие спорные вопросы.

Мало известно о другой, не менее существенной стороне деятельности Черткова — о его контактах с представителями Болгарского возрождения. Первая половина XIX в. — это лишь начало установления широких культурных русско-болгарских связей, поэтому появления в Москве болгар были еще редки и единичны. Через Одессу в Москву и Петербург едут болгары: радетель просвещения своего народа Х.З. Княжеский, архимандрит Рильского монастыря Стефан Ковачевич, воспитанник Ришельевского лицея Д. Мутев. Мурзакевич взял на себя роль посредника в установлении отношений в первую очередь с московскими учеными. Уверенный в неизменном расположении Черткова ко всем подвижникам просвещения, одесский историк непременно направлял следующих через Москву болгар в гостеприимный дом на Мясницкой. Он также снабжал их рекомендательными письмами и к М.П. Погодину, О.М. Бодянскому и просил москвичей познакомить болгар со «всеми теми, которые могут быть полезны для соплеменников»¹⁷³.

В 1846 г. заботам Бодянского и Черткова Мурзакевич поручил Хаджи Захария Княжеского, кончившего курс в Одесской духовной семинарии и принявшего русское подданство. Мурзакевич охарактеризовал Княжеского как

«доброе человека, поведения честного и ревнителя славянства, известного в Болгарии своей грамотностью по маленьким брошюркам, изданным Обществом английских миссионеров». Теперь он сам желал освоить книгопечатное дело в московской Синодальной типографии и по возвращении на родину устроить там издательство. Княжеский, по мнению Мурзакевича, мог сообщить москвичам «об успехах болгарской книжности и о болгаршине основательнее», чем те, которые «уже нечто им пересказывали»¹⁷⁴.

Княжеский также «хотел выпросить для предполагаемых им училищ несколько полных собраний всех учебных книг, употребляемых в наших гимназиях», с чем и приехал в Петербург. Список книг ему помог составить Ю.Ф. Самарин (1819—1876), добрый приятель А.С. Хомякова и К.С. Аксакова, служивший тогда в Министерстве юстиции. Но Княжеский не имел возможности видаться с министром народного просвещения графом С.С. Уваровым, поэтому попросил А.Д. Черткова, также оказавшегося по делам в Петербурге, «взять на себя доставление списка кому следует и приложить свои старания и ходатайства»¹⁷⁵. Чертков 17 января 1846 г. обратился с письмом к Уварову, зная, что тот был в дружеских отношениях с графом Н.А. Протасовым, обер-прокурором Св. Синода, и передал ему просьбы болгар о присылке для продажи русских церковных книг в Константинополь в русское консульство. Чертков напомнил Сергею Семеновичу о том, что в его бытность в Москве в гостях у Черткова хозяин имел честь показать ему издававшийся в Смирне журнал для болгар, который печатался «на средства англи-

чан, старавшихся посредством его действовать на мирных, но еще малопросвещенных болгар» с целью усилить свое воздействие в этом регионе. Журнал этот, издаваемый «под влиянием англичан каким-то безграмотным Фотиновым»¹⁷⁶, был прислан из Одессы уязвленным до глубины души Мурзакевичем, который восклицал: «Пускай Бодянский полюбуется возрождающеюся грамотностью безграмотных... Этим же Фотиновым издана преглупая “География” по-болгарски. В ней говорится о Пруссии, Англии и проч. И наравне с турками, персианами — о русских. Каково!» Мурзакевич сожалел о чрезмерной осторожности в отношении с болгарами, чрез которую «утрачивается всякое влияние на преданную нам единовенную массу, в то время как англичане потихоньку и влекут к себе»¹⁷⁷.

Чертков разделял беспокойство одесского профессора о культурной экспансии англичан на фоне бездействия России, о чем снова писал Уварову. «Иностранцы, иноверцы англичане или североамериканцы, лютеране, методисты, кальвинисты, пропагандисты и проч. и проч. издерживают деньги, заводят типографии, печатают книги на нашем церковном языке, издают журналы, и все это для привлечения на их сторону единовенных нам словен, а мы даже не ссужаем их готовыми православными книгами, за которые они еще предлагают платить ту сумму, которую назначат». Чертков заканчивал свое письмо рекомендацией З. Княжеского и выражал уверенность, что Уваров не оставит его своим покровительством¹⁷⁸. Министр народного просвещения сообщил письмо «по принадлежности» обер-прокурору Св. Синода, о чем уведомил Черткова 26 января 1846 г.¹⁷⁹. В Министерстве

народного просвещения и Св. Синод за помощью в снабжении учебниками и книгами болгарских школ обращались и другие болгары: Н. Геров, А. Экзарх, Н. Стоянович. С 1846 по 1852 г. из России было отправлено в Болгарию около 2 тыс. книг¹⁸⁰.

Архимандрит Рильского монастыря Стефан Ковачевич с дозволения Синода ехал в Москву и Петербург хлопотать об «испрошении пособий на счет учреждения типографии церковной в Рильском монастыре»¹⁸¹. С рекомендательными письмами Мурзакевича приехал в Москву воспитанник Ришельевского лицея Д. Мутев, «человек добрый и образованный». Знакомство с ним, как писал Мурзакевич, было бы не бесплодно и для науки. Болгарин из Одессы С.Н. Палаузов, после занятий славистикой под руководством О.М. Бодянского выдержав экзамен на степень кандидата философского факультета Московского университета в 1845 г., искал теперь место в Азиатском департаменте, а А.Д. Чертков «был так добр», что дал ему «по этому случаю рекомендательное письмо к Льву Григорьевичу Сенявину»¹⁸², сослуживцу Черткова по Конной гвардии, с которым он прошел Заграничные походы 1813–1814 гг. Находили помощь у Черткова, без всякого сомнения, и соотечественники, направляемые к нему Мурзакевичем. Бывший профессор богословия в Ришельевском лицее архимандрит Порфирий, несколько лет путешествовавший с ученой целью по Востоку, по пути в Петербург остановился в Москве. «Отцу Порфирию нужно будет некоторые справки в Патриаршей и Синодальной библиотеках»¹⁸³, — сообщал Николай Никифорович Черткову с надеждой на его посредничество.

А.Д. Чертков задумал создать библиотеку, «посвященную познанию России и славянства в историческом, археологическом, литературном и других ученых отношениях» — знаменитую Чертковскую библиотеку. Если в каталоге его библиотеки 1838 г. не было ни одного названия на новоболгарском языке, то во «Втором прибавлении» 1845 г. указано уже 6 изданий: Новый завет, переведенный с греческого Петром Сапуновым (Бухарест, 1828); Новый завет, переведенный Неофитом Рыльским (Смирна, 1840); «Краткая священная история и краткий катехизис», переведенные с русского языка студентом Одесского лицея Н. Геровым (Одесса, 1843), и др. Они в основном вошли в каталоге в раздел «редких сочинений»¹⁸⁴. «Краткую священную историю...» Герова прислал в Москву В. Априлов¹⁸⁵. Он дарил Черткову и свои сочинения, в которых активно использовал материал из работ Александра Дмитриевича по истории Болгарии. На книге «Денница новоболгарского образования» В. Априлов написал: «Милостивому государю Александру Дмитриевичу Черткову в знак истинного почитания. 2 февраля 1842 г., Одесса. От сочинителя»¹⁸⁶. Чертков сопроводил выходные данные этой книги пространной аннотацией: «Словене, живущие под игом Оттоманской Порты, кажется, несчастнее наших германских собратий. Если эти последние были в таком множестве онемечены и олатынены, то задунайские теперь еще часто принимают мухаммедановскую веру, делаются турками, волохами и греками и, что всего хуже, стыдятся называть себя болгарами. Чтобы противодействовать этому несчастному направлению, происходящему от фанатизма турок, но более всего

от невежества самих болгар, просвещеннейшие из них, в том числе многие из живущих в Одессе, завели на свой счет в Болгарии 12 училищ и напечатали нужные для них книги. Можно теперь надеяться, — продолжал ученый, — что болгары просветятся и вспомнят, что в IX, X и последующих столетиях они составляли великое южно-словенское царство, простиравшееся от Черного до Адриатического моря и от Карпат до Адрианополя... Не подвержено ни малейшему сомнению, что великое племя южных словен, именно болгары, занимает с незапамятных времен все обширное пространство от Дуная до Егейского моря и Мореи; а если где живут греки и турки, то это пришлецы, водворившиеся тут уже в исторические времена между туземцами славянами»¹⁸⁷.

Но большинство книг было доставлено Черткову Мурзакевичем: болгарский Новый завет и календарь (12 февраля 1843), в 1845 г. — болгарская карта, изданная в Страсбурге в 1843 г. В 1844 г. одесский историк писал Черткову об ожидании новостей, которые должен был привезти из Болгарии один из его слушателей, проживший там целый год и по поручению Мурзакевича собиравший топографические, этнографические, палеографические сведения и материалы. Он вез также несколько рукописных и печатных книг¹⁸⁸. Однако сам поиск и доставка болгарских книг были делом весьма нелегким. Так, о Болгарском Евангелии в переводе Сапунова Николай Никифорович хлопотал целых 2 года. Строгий запрет, наложенный на данное издание Константинопольским патриархом, перевел его в разряд редких¹⁸⁹. Книжные посылки часто не доходили. В 1845 г. Мурзакевич писал Черткову о гибели в декабре

у Дунайского устья корабля, на котором находились и заказанные им болгарские книги, что заставляло повторять запрос¹⁹⁰. В Москву из Болгарии через Мурзакевича приходили не только книги, но и газеты и журналы. Одесский профессор переслал Черткову «хотя не новые [т.е. известные ранее], но любопытные, кажется, сербские инкунабулы, которые достались из Болгарии»¹⁹¹. В принципе, сербские издания Чертков получал большей частью из Вены от известного книготорговца Венедикта, специализировавшегося на продаже славянских книг¹⁹².

Как-то в 1844 г. Мурзакевич, покупая для Черткова «книги XVI или XVII вв.», выторговал 20 руб., на которые заказал скопировать «неважную в ученом значении, но примечательную как первый опыт в отечественном бытописании» «Историю славяно-болгарскую» болгарского монаха Паисия (1762) со старинного списка, имевшегося у болгарского купца и радетеля просвещения В. Априлова (Жеравненский список). Ныне известно около 60 списков и вариантов переработки рукописи. Ее автор, Паисий Хилендарский (1722–1773), напоминая своим соотечественникам о былом величии Болгарии и стремясь пробудить национальное самосознание болгарского народа, первым сформулировал программу задач, стоящих перед складывающейся болгарской нацией: распространение образования и просвещения в болгарских землях через национальные школы и литературу, за что он высоко почитается и в современной Болгарии. Чертков, оценив патриотический пафос этого произведения, решил опубликовать «Историю славяно-болгарскую» как

первую работу по истории Болгарии, написанную болгаринном. Однако «заботы по должности губернского предводителя дворянства в Крымской войне, преклонные лета, а за ним упадок сил постепенно ослабили деятельность некогда веселого, бодрого и добродушного старца»¹⁹³. После смерти Черткова Мурзакевич, который не располагал необходимыми для этого средствами, предложил Бодянскому напечатать ее сначала в «Чтениях Общества истории и древностей российских», а затем сделать до 600 экземпляров особых оттисков, для чего Мурзакевич изготовил список со своего манускрипта буква в букву. Он готов был заплатить за особые оттиски и бумагу.

Со смертью Черткова болгарский раздел его библиотеки не угас. Интерес к болгарским изданиям вполне разделял библиотекарь Чертковской библиотеки П.И. Бартенев. Он живо интересовался болгарскими делами и был в добрых отношениях с болгарскими, обучавшимися в Москве. Частым гостем у него был уроженец Жеравны Савва Вылчев Филаретов (1825–1863), который полюбился ему своей «скромностью и застенчивостью, характерной для отроков, но которая удивительна в человеке, которому за 30». Филаретов, проучившись год в Константинополе в Патриаршем училище, поступил в Московский университет при материальной поддержке И.Н. Денкоглу. Он не только держал Петра Ивановича в курсе болгарских событий, но и снабжал его болгарскими изданиями, принимая участие в составлении некоторых из них¹⁹⁴. В 1863 г. Бартенев обратился к С. Филаретову, состоявшему на русской службе секретарем в русском представительстве в Константинополе (Стамбуле), с приглашением «быть посредником между

12 А.Д. Чертков (1798–1858).

Вами и болгарскими издателями книг и журналов и стараться, насколько возможно, своевременно доставлять сведения о книгопечатании у болгар». Филаретов на первый случай собрал все болгарские книги, находившиеся у него под рукой, и переписал их заглавия. В составлении каталога книг принял живое участие болгарский общественный и политический деятель Н. Геров (1823—1900), который, приняв русское подданство, в 1857—1877 гг. являлся вице-консулом России в Филиппополе (Пловдиве), а как раз в то время гостил в Константинополе. Он также с охотой обещал содействовать, чем только сможет. При Чертковской библиотеке работал студент филологического факультета Московского университета болгарин Райко (Ксенофонт) Жинзифов. Он хорошо разбирал почерк Герова, помогая Бартеневу при работе над составленным в столице Османской империи каталогом болгарских книг.

17 января 1861 г. именно к Бартеневу обратился попечитель Московского учебного округа генерал-адъютант Н.В. Исаков, к которому в свою очередь адресовался директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел Н.П. Игнатъев (1861—1864) с просьбой прислать в департамент 10 экземпляров журнала «Братский труд». Этот журнал издавали болгары, обучавшиеся в Москве, с целью ознакомить русскую публику с языком и бытом болгар, а своих соотечественников с бытом России и своим положением в ней. 10 мая Бартенев получил за доставленные журналы 10 руб. серебром, чтобы затем выдать их одному из авторов — Жинзифову¹⁹⁵.

В Чертковской библиотеке сохранились работы видных деятелей Болгарского возрождения Л. Каравелова, Н. Герова с их автографами.

Так, Чертковской библиотеке подарен Н. Геровым первый выпуск его «Болгарского словаря» («Българский речник») с посвящением. Проставлена печать Чертковской библиотеки на сочинении Г.С. Раковского «Указатель или руководство...» («Показалец...»), а также на политической брошюре, ратующей за создание независимой от Константинопольской патриархии болгарской церкви, «Глас единого българина», авторство которой приписывается Г.С. Раковскому. Коллекция новоболгарских книг Чертковской библиотеки хорошо отражает достаточно специфический характер болгарской книжной продукции тех лет: в основном учебники (буквари, грамматики), педагогические и богослужебные книги, переводные и оригинальные, а также политические брошюры¹⁹⁶. Бартенев, работая над выпуском нового каталога Чертковской библиотеки, поместил сочинения о славянах и на славянских языках в VI отделение каталога, которое так и не увидело свет. В настоящее время издания на болгарском языке из Чертковской библиотеки размещены по разным хранилищам Государственной публичной исторической библиотеки.

Важной стороной научной деятельности А.Д. Чертова было поддержание связей с зарубежными славистами. Русская и советская историография достаточно широко осветила вопрос об отношениях с зарубежными славянскими коллегами таких ученых, как М.П. Погодин, О.М. Бодянский, И.И. Срезневский, В.И. Григорович и др. Но о контактах А.Д. Чертова со славянскими учеными в работах нет сведений. Может быть, потому, что он не вел активной переписки с учеными из западных

славянских земель. Но из отдельных упоминаний становится ясно, что Чертков был лично знаком с чешскими учеными Е. (В.) Копитаром, Ф. Палацким, В. Ганкой, возможно, и с П.Й. Шафариком, сочинение которого «Славянские древности» Чертков очень высоко ценил: «Это настольная книга для каждого мыслящего словенина»¹⁹⁷. Так, по рекомендации Копитара Чертков покупал в Вене славянские книги, в Риме в 1839 г. Чертков встречался с Ф. Палацким¹⁹⁸. В. Ганка через Бодянского передавал «почтительные поклоны» московским друзьям и, в частности, А.Д. Черткову. В своих письмах он интересовался тем, что «поделывают наши московские друзья Погодин, Чертков, Хомяков, Шевырев, Киреевский, Елагин, Панов и т.д.? Ничего не слышать о них, а мы так часто о них вспоминаем» (23 марта 1850 г.). 30 января 1851 г. Ганка добавлял: «Прошу вас передать мой почтительный поклон А.П. Елагиной, Петру Васильевичу [Киреевскому], Василию Алексеевичу [Елагину], Александру Дмитриевичу Черткову, С.Д. Нечаеву, Н.В. Бергу, Н.А. Рингельману, М.П. Погодину, Вигелю, Хомякову, Шевыреву»¹⁹⁹.

Но переписка с учеными из западнославянских земель после революционных событий 1848 г. в Западной Европе, о чем подробнее мы еще будем говорить, практически сошла на нет. Есть свидетельство того, что Чертков знал содержание писем Ганки, отправленных в Москву. Через Погодина Чертков получал чешские книги («посылаю Вам 200 руб. асс[игнациями] за богемские книги и за билет на сочинения Пушкина»)²⁰⁰, а также был в курсе дел Шафарика. В 1840 г. Чертков захворал и не выходил из дома, поэтому сохранилась записочка, в которой

он уведомлял Погодина: «Посылаю Вам обратно 2 письма Шафарика и 100 руб. Я нездоров и вот уже неделю как сижу дома»²⁰¹. В свою очередь Чертков помогал чешскому ученому материально, пересылая ему через Погодина деньги²⁰².

Очень важный для исследователя материал предоставляют аннотации, которые А.Д. Чертков писал к каждой книге, поступавшей в его библиотеку. Они свидетельствуют о том, что он был хорошо осведомлен о развитии науки, литературы у славянских народов Габсбургской империи, о борьбе славян за право обучать своих детей в школе на родном языке и т.п. Чертков специально останавливал внимание свое и своих читателей на обстоятельствах, при которых у зарубежных славян издавались книги. Как правило, эти книги включали длинные «списки пренумерантов», либо называли их число. Александр Дмитриевич подчеркивал, что книги славянских авторов печатались не иначе, как на деньги, собранные с подписчиков, и отрадно ему было, что их количество все время росло. У ученого поэтому крепло убеждение, что теперь «язык словен, живущих под владением Австрии, не может быть искоренен немцами, подобно языку поморян, полабов, ободритов и проч.»²⁰³. Думается, что отношения А.Д. Чертова с зарубежными славистами были теснее, чем это кажется на первый взгляд. И дальнейшие поиски новых документальных свидетельств, надемся, подтвердят этот вывод.

ГЛАВА 3

ИМПЕРАТОРСКОЕ ОБЩЕСТВО ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССИЙСКИХ

Вице-президент

Александр Дмитриевич Чертков активно трудился в Обществе истории и древностей российских при Московском университете (ОИДР) с 1833 по 1857 г. как действительный член, вице-президент, председатель Общества. Далее констатации этого биографического факта авторы всех статей о Черткове не шли. О его деятельности в ОИДР за долгие 24 года можно узнать из опубликованных протоколов Общества, переписки его членов, архива ОИДР, который хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Вся научная деятельность Черткова находилась в тесной связи с работой в ОИДР, в ходе которой проявились его разносторонние способности, воплотившиеся в исследованиях по нумизматике, археологии и славяноведению.

Одно из старейших в России исторических обществ (1804–1929), созданное специально для «все-возможно точного» издания российских летописей, ОИДР с начала 1830-х гг. стало превращаться в серьезный научный исторический центр. Новые, более широкие задачи Общества сформулировал П.М. Строев: «Общество истории должно извлечь, привести в известность и если не самому обработать, то доставить другим средства обрабатывать письменные памятники нашей истории и древней словесности»¹. Оживление издательской деятельности сопровождалось более регулярным проведением заседаний, становившихся все более интересными, поскольку решение текущих административно-хозяйственных дел уступало место обсуждению докладов и сообщений. Благопри-

Алексей Федорович Малиновский

ятные перемены были связаны с заступлением в должность секретаря Общества (1825 — март 1833) профессора Московского университета по кафедре латинского языка и римских древностей, а также этнографа, собирателя и исследователя фольклора, археолога И.М. Снегирева. С 1830 по 1836 г. в Обществе председательствовал начальник главного управления архива Коллегии иностранных дел Алексей Федорович Малиновский (1762—1840).

Общество старалось объединить ученых, любителей, коллекционеров не только Москвы, но также привлечь к сотрудничеству людей, увлеченных историей, со всей России и установить контакты с зарубежными учеными, прежде всего славянскими. По уставу 1816 г. число действительных членов ОИДР не должно было превышать 30 человек. Ими становились люди, «известные в ученом свете сочинениями или от-

личными сведениями из российской истории и древностей», но большая их часть «для вящего успеха в делах» должна была жить в Москве. В члены-соревнователи (т.е. «сочувствующие») избирались по письменному представлению действительных членов лица, которые могли быть полезными Обществу «доставлением разных сведений касательно предметов, коими Общество занимается», и число их было не ограничено. В составе ОИДР предполагались также почетные члены и благотворители. Общество до 1836 г. существовало исключительно за счет взносов его членов и добровольных пожертвований, а также содержалось «процентами с капитала, вырученного продажей издаваемых Обществом трудов своих и обращающегося в Московском Опекунском совете»². И тем не менее этих средств не хватало, что существенно сдерживало выпуск печатной продукции ОИДР.

Вступить в Общество истории и древностей российских Александр Дмитриевич предложил П.М. Строев, оценивший глубину и серьезность знаний Черткова в нумизматике, поскольку именно в это время Чертков готовил свой нумизматический каталог к печати. Строев письменно предложил кандидатуру Черткова самому Обществу. К сожалению, это письмо в бумагах ОИДР не сохранилось. А.Д. Чертков был принят в действительные члены ОИДР в 1833 г., на заседании 25 февраля³. Он сразу же активно включился в работу Общества и на следующем заседании (18 марта 1833 г.) был избран в комитет (писатель М.Н. Макаров, М.П. Погодин, А.Д. Чертков), созданный по предложению председателя ОИДР А.Ф. Малиновского «для приведения в известность сумм Общества». 28 ноября 1834 г. после тща-

Диплом об избрании А. Д. Чертков в действительные члены Общества истории и древностей российских. ОПИ ГИМ

тельной проверки всех документов, поступивших от секретаря и казначея Общества, комитет представил отчет о доходах и расходах ОИДР⁴. Чертков принял на себя рассмотрение присылаемых в ОИДР сочинений и старался привлечь к работе Общества новых членов, чьи взносы пополняли бы его скудный бюджет. Так, по предложению Черткова в действительные члены Общества были избраны единогласно А.С. Хомяков (27 апреля 1835 г.), поэт Ф.Н. Глинка, любитель-нумизмат барон Де-Шодуар (18 октября 1837 г.).

Как человек очень ответственный, Чертков никогда не отказывался от выполнения поручений хозяйст-

венно-административного плана, обеспечивавших нормальное функционирование Общества. Но ОИДР привлекало его тем, что можно было на его заседаниях вынести на научное обсуждение разрабатываемые им темы и услышать мнение профессионалов. А.Д. Чертков активизировал нумизматическую тематику Общества. 4 декабря 1833 г. им было читано «Рассуждение вообще о монетах русских и их признаках и потом в частности о московских, тверских и рязанских», 10 февраля 1834 г. он предложил к обсуждению «Замечания на некоторые значительнейшие российские монеты». После одобри-

тельных отзывов сочленов Общества «автор принял на себя издание сего сочинения особою книгою». 27 апреля 1835 г. заслушали доклад Черткова «О пяти русских деньгах XV в.». Некоторые из этих сообщений были опубликованы в «Трудах и летописях ОИДР»⁵. «Признавая отличные знания» Черткова в нумизматике, члены ОИДР поручили ему разбирать все поступающие в Общество медали и монеты, а также составлять их описания. 11 апреля 1834 г. «последовали приношения: от купеческого сына Д.И. Тихомирова из Спасска Рязанской губернии 17 серебряных монет и одна медная. Рассмотрение оных монет и описание принял на себя А.Д. Чертков», и на следующем заседании ОИДР, 12 мая, он доложил о выполненной работе, сообщив, что не нашел среди них «ни одной редкой и замечательной» монеты.

Для исполнения предложения министра народного просвещения «об надлежащей оценке всего хранящегося в библиотеке и музее Общества» был составлен так называемый Комитет ценителей (М.Н. Макаров, А.Д. Чертков и П.А. Муханов). На Черткова возлагалась обязанность оценивать в рублях все монеты и медали, доставляемые в ОИДР. 27 апреля 1835 г. члены Комитета сообщили Обществу, что книги, рукописи, монеты и медали, пожертвованные райским купцом А.Т. Бахрушиным, оценены в 2 тыс. руб. ассигнациями.

1836 год принес благотворные изменения в жизни ОИДР. 22 февраля 1836 г. пост председателя Общества занял попечитель Московского учебного округа граф С.Г. Строганов, накануне принятый в почетные члены Общества (21 декабря 1835 г.). Временным, а потом и постоянным вице-президентом ОИДР большинством голосов был избран

А.Д. Чертков, «призванный замещать председателя Общества, бывавшего по долгу службы в частых отлучках из Москвы». Бумаги на утверждение к министру поступили 14 марта 1836 г., 24 марта «министр приказал утвердить»⁶. (Во время длительного отсутствия Черткова с 1838 г. и до октября 1839 г. вице-президентом ОИДР был избран С.Д. Нечаев). Чуть позже, в 1837 г., С.П. Шевырева, секретаря ОИДР с 1833 г., сменил М.П. Погодин. Новый председатель решительно взялся за активизацию деятельности Общества. Буквально на следующем заседании, 7 марта, Строганов предложил Обществу «составить особый комитет, который принял бы на себя сообразить занятия Общества с суммами, у него хранящимися, и сказать свое мнение как по сему предмету, так касательно новых ученых занятий, которые могли бы [быть] предприняты сообразно с целью Общества. В члены сего комитета единогласно назначены Чертков, Погодин, Муханов».

М.Т. Каченовский (1775—1842), один из старейших и заслуженных деятелей ОИДР, член-корреспондент Академии наук (1833), с 1831 г. декан словесного отделения Московского университета, а с 1837 г. его ректор, заявил о своем желании оставить должность библиотекаря ОИДР, в обязанности которого входило хранить не только книги, рукописи, но и монеты. По предложению председателя Строганова и по просьбе всех членов Общества А.Д. Чертков «принял на себя учебное заведование кабинетом монет и медалей, принадлежащим Обществу, равно как и продолжение издания каталога оным». Общество изъявило Каченовскому свою признательность за многолетнее исполнение должности библиотекаря и просило

Граф Сергей Григорьевич Строганов

Михаил Тимофеевич Каченовский

его о сдаче кабинета монет и медалей Черткову, а самой библиотеки — библиотекарю университета П.И. Артемову⁷. Чертков не замедлил приступить к изучению нумизматической коллекции Общества. Восточные монеты были отправлены им на рассмотрение к академику Х.Д. Френу⁸, который составил им особый каталог, причем Френ нашел не просто много редких монет, но даже «до тех пор не описанные». 18 ноября 1839 г. Чертков сообщил, что минц-кабинет им окончательно разобран. За этими простыми словами скрывается утомительный и кропотливый труд — очистить, рассмотреть и рассортировать монеты, сложенные в груды. Даже Френ, такой истово-неутомимый ученый, признавался, что «нередко эта материальная работа убийственно действовала на дух его», но поддерживало его «утешительное чувство оказать немаловажную услугу науке извлечением из мрака неизвестных памятников,

которые могут служить важным материалом для историка и археолога»⁹.

Чертков также «предложил обмениваться лишними экземплярами монет русских, а равно и монетами иностранными с минц-кабинетом университета», хранитель которого Е.Ф. Корш получил такое же поручение со стороны графа Строганова¹⁰. В 1840 г. за приведение в порядок всех монет и медалей Общество изъявило вице-президенту свою благодарность за проделанную работу¹¹. Чертков неизменно продолжал разбирать все вновь поступающие в ОИДР монеты и медали, составляя им реестр. Эти обязанности сохранились за Чертковым до самого конца его пребывания в ОИДР. Коллекция монет Общества непрерывно росла благодаря щедрости дарителей, желавших способствовать изучению истории своего отечества. В 1840 г. соревнователь А.Т. Бахрушин передал 276 серебряных и 14 медных монет, которые основательно рассмотрел Чертков. Алек-

Михаил Петрович Погодин

сандр Дмитриевич указал Обществу на необходимость должным образом разместить увеличившуюся коллекцию и представил чертежи шкафов для собрания монет и медалей. Когда в марте 1844 г. первый шкаф был приготовлен, то и сам председатель Общества Строганов вместе с Чертковым перекладывал монеты во вновь приготовленный для них шкаф.

Заступая в должность, новое руководство ОИДР обыкновенно выясняло наличие материальных средств, которыми оно располагало для выпуска печатной продукции. С целью «сообразить занятия Общества с суммами, у него находящимися», в 1836 г. был избран очередной Особый комитет, куда вновь вошли М.П. Погодин, А.Д. Чертков, а также П.А. Муханов. Комитет должен был представить разработанный план издания летописей и других источников¹². Исходя из сути деятельности ОИДР, основной задачей которого было издание материалов по русской истории, члены комитета настаива-

ли на издании летописей даже в тех случаях, когда имелся лишь один их список. Было предложено печатать Киево-Печерский Патерик, свод летописей, составленный историком Н.С. Арцыбашевым (1773—1841), продолжить издание «Русских достопамятностей», единственная книжка которых вышла в 1815 г. В ней были опубликованы некоторые рукописи из публичных и частных библиотек, например, «Правда Русская» со списка XIII в., «Окончание книги Степенной» и др. В своем отчете комитет предложил выпускать помимо летописей особый ежемесячный журнал для «скорейшего распространения сведений о действиях Общества... и скорейшего сообщения публике прочтенных статей». Однако недостаток денежных средств заставил сократить издательские планы и «оставить до будущего» этот журнал¹³. Благодаря ходатайству президента Строганова 12 июня 1837 г. ОИДР получило статус императорского и ежегодное финансирование в 5 тыс. руб. Прежде ОИДР располагало средствами, которые складывались из случайных приношений и членских взносов. С получением государственной субсидии экономические затруднения были в основном преодолены, а тематика занятий Общества расширилась. С 1837 г. стал выходить «Русский исторический сборник», отразивший в целом работу ОИДР (всего 7 томов в 22 книгах), а также было выпущено две части «Русских достопамятностей». Таким образом, так называемый Особый комитет, в который входил и А.Д. Чертков, успешно выполнил поставленные перед ним задачи.

Для наблюдения за изданиями ОИДР был назначен Постоянный комитет. Его членами единогласно были избраны А.Д. Чертков, П.А. Муханов, С.П. Шевырев и М.П. Погодин¹⁴.

Главным редактором стал М.П. Погодин, секретарь ОИДР. Члены комитета обязаны были просматривать статьи, рекомендованные членами Общества к печати, и высказывать свое мнение. Чертков не раз обращал внимание членов ОИДР на необходимость издания той или иной рукописи. По его предложению, например, во 2-й части «Русских достопамятностей» (1843) был напечатан «Памятник древнерусского права, по харатейному списку ОИДР»¹⁵, который включал в себя «Правду Русскую», «Судную Ярославу грамоту», «Узаконения Константиновы» и др. Чертков также предлагал издать текст болгарского перевода летописи Константина Манассии по списку 1345 г., хранящемуся в Синодальной библиотеке¹⁶, о котором мы уже рассказывали выше.

В те годы ученые Общества много занимались археологическими изысканиями. Погодин разобрал архив и опубликовал незавершенные труды польского историка З. Доленги-Ходаковского (ум. в 1825 г.), предпринявшего в 1820–1821 гг. на средства правительства поездку по Северу России и раскопавшего несколько курганов. Чертков своими исследованиями звенигородских курганов, описание которых было помещено в журнале ОИДР, вновь привлек внимание к задаче археологического изучения курганов и городищ. О курганах, находящихся в Подольском уезде при селе Молоди, сообщил бывший московский гражданский губернатор В.Д. Олсуфьев, теперь гофмаршал Двора наследника цесаревича Александра Николаевича, в своем письме к Черткову, которое было зачитано 5 марта 1840 г.¹⁷

Кандидат Московского университета В.В. Пассек составил обширнейший план археологических рас-

копок в степной полосе России, от Дуная до Забайкалья, и предложил его в 1837 г. ОИДР на обсуждение. Но на его реализацию у Общества не было средств. Не вызывает сомнения, что энтузиазм молодого изыскателя, масштабность и продуманность его программы нашли полное понимание со стороны Александра Дмитриевича. Общество выделило Пассеку 500 руб. на путешествие. ОИДР субсидировало и издание профессором Ф. Крузе его исследования о «ливонских курганах», о чем мы уже упоминали ранее¹⁸.

26 апреля 1841 г. Пассеку поручили составить обозрение древних курганов и гробниц, любопытных вещей, истуканов, рассеянных по степям полуденных губерний, для отправки сведений в Америку. Там был создан Вашингтонский Национальный институт, и его секретарь Маркое предлагал ОИДР установить научные связи с американскими учеными, для того чтобы, как указывалось в протоколах ОИДР, «познакомить ученых других частей света с нашими русскими древностями, которые имели бы какое-нибудь отношение к древностям американским»¹⁹.

В.В. Пассек, который был одаренным статистиком, фольклористом и этнографом, несмотря на разницу в годах, сдружился с А.Д. Чертковым, став неперенным гостем в его доме. Любопытно, что его отец, В.В. Пассек, трижды подвергался аресту: первый раз — за сочинение вольнолюбивых стихов, призывавших к сокрушению самодержавия и истреблению царского рода, второй раз — за распространение запрещенной литературы и по поводу подозрения в заговоре против Павла I и в третий раз (будучи амнистированным Александром I) — за противоправительственную переписку был сослан в Сибирь, где провел более 20 лет²⁰.

Юный Пассек был в свое время весьма дружен с А.И. Герценом, на двоюродной сестре которого был женат. Хотя между ними и возникло различие в воззрениях (Пассек, по мнению Герцена, «от славянофильства дошел до ортодоксности и даже до ненависти к Западу»), Герцен продолжал ценить «в этом человеке всегда высокое благородство души, чистоту жизни, с которой он проламывался сквозь ужасные несчастья и недостатки». В 1842 г. молодой ученый умер от туберкулеза. Сердечное сочувствие к несчастью семьи показала жена А.Д. Черткова, с которой чета Пассеков сблизилась за последние 2 года. Елизавета Григорьевна, по отзыву молодой вдовы Т.П. Пассек (1810—1889), — «женщина, исполненная чувства и благородства». Герцен, относившийся весьма нетерпимо и язвительно ко всем, кто не разделял его убеждений, оставил удивительные строки о Елизавете Григорьевне. «Говоря об этом дне [прощания с покойным В. Пассеком], я не должен пропустить лицо, поразившее меня изяществом всего существа своего. Черткова (Елизавета Григорьевна, урожденная графиня Чернышева, т.е. Чернышевых в самом деле, а не военного министра), сначала она поразила меня удивительно благородной и выразительной наружностью, в ней видна аристократическая кровь, это одна из героинь Вальтера Скотта, высокая, худая, не в первой молодости, грациозная и *hehr* [возвышенная], как говорят немцы. Но потом она меня удивила образом участия: ни непрерывных слез, ни банальных утешений, ни перешептыванья, ни жестов, ничего — спокойное, глубокое участие, без слов, но ясно звучащее в этой группе, составленной из мертвеца и его

приятелей, хлопочущих около него, и жены в отчаянии, и детей испуганных. Эта женщина была похожа на те явленные образа богородицы, которые виделись прежними святыми и которые сходили примирительной голубицей между богом и человеком. Эта женщина была артистическая необходимость в этой группе, без нее картина была бы *surchargée* [перегружена] черного и безнадежного. Вот и моя дань аристократии, в ней именно важнейшую долю изящной формы и изящных форм надо отнести чистой, благородной крови и нравам истинной аристократии»²¹. В следующем году у Т.П. Пассек родилась дочь, крестным отцом новорожденной стал А.Д. Чертков. Он подарил своей крестнице серебряную вазу²². Но несчастья не оставляли семью Пассеков — вскоре новорожденная девочка умерла...

Огромной заслугой Черткова явилось получение «дозволения» Святейшего Синода в том, чтобы члены ОИДР не только брали рукописи из московских Синодальной и Типографской библиотек, но и допускались «для изучения оных в самые библиотеки»²³. Препятствия в пользовании библиотеками для ученых стали выглядеть, мягко скажем, странными, особенно после открытия свободного доступа в подобные хранилища за рубежом, в ту же Ватиканскую библиотеку в Риме. 17 января 1841 г. Чертков обратился к обер-прокурору Святейшего Синода Н.А. Протасову: «Граф Николай Александрович. От имени Императорского общества истории и древностей российских, уполномоченный желанием всех его членов, беру смелость прибегнуть к Вашему сиятельству с просьбою о том, чтобы Вы благоволили предписать начальствам Синодальной и Типограф-

ской библиотеки о всевозможном содействии членам Общества при доставлении просимых рукописей на основании § 4 Высочайше утвержденного устава (Для сего Общество посредством высшего начальства своего имеет собирать из всех архивов, какие есть в государстве нужные для сего сведения, также из монастырей и казенных библиотек требовать будет книг или рукописей под расписку председателя Общества, который обязывается в целости взятое возвратить, определяя именно время на чтение такового сочинения нужное). Кроме того, Чертков считал необходимым «также исходатайствовать у Св. Синода разрешение, чтобы члены Общества по усмотрению председателя или вице-президента могли быть допускаемы в Синодальную и Типографскую библиотеку для изучения рукописей и употребления их с пользою для истории отечества». 16 апреля того же года был получен положительный ответ графа Протасова²⁴. Благодаря этому источниковая база исследований ученых членов ОИДР существенно расширилась, а настроение их улучшилось.

Много внимания Чертков уделял библиотеке ОИДР, которая пополнялась рукописями, книгами за счет добровольных пожертвований. С уходом Каченовского, т.е. с 7 марта 1836 г., в должности библиотекаря сменилось несколько человек: сначала П.И. Артемов, которому было поручено составлять каталог поступавшим книгам, затем хранитель университетского нумизматического кабинета Е.Ф. Корш и впоследствии П.М. Строев. На заседании 18 ноября 1839 г. Чертков поднял вопрос о приведении библиотеки в надлежащий порядок. Решено было особым циркуляром «просить членов Общества о доставлении находящихся у них

книг»²⁵. Постановили также, чтобы члены ОИДР держали у себя книги и рукописи не более трех месяцев. Чрезвычайную важность, учитывая возраставший поток книг для ОИДР, имело составление каталога библиотеки, на чем весьма настаивал вице-президент. 8 марта 1841 г. А.М. Кубарев, Д.Н. Дубенский и П.И. Иванов приняли на себя труд рассмотреть прежний и составить новый каталог рукописям и печатным книгам, но не выполнили этого обязательства. Поэтому 27 сентября 1841 г. выбрали библиотекарем Строева, чтобы он озаботился о скорейшем сочинении ученого каталога. Однако каталог не появился и через полтора года, и 31 января 1843 г. члены Общества вновь потребовали от Строева завершить эту работу, так как без каталога пользоваться библиотекой было невозможно. Наконец, в 1845 г. новый каталог был составлен²⁶. Библиотека ОИДР приняла предложение Императорской публичной библиотеки обмениваться книгами²⁷. Участие Черткова в делах библиотеки Общества не ограничивалось лишь организационными вопросами. Как член ОИДР он дарил его библиотеке все свои печатные труды. Кроме того, судя по документам из архива Черткова, он покупал для нее книги в своих зарубежных поездках, в том числе и редкие²⁸.

Как следует из протоколов ОИДР, активная работа Черткова не раз отмечалась в Обществе. Так, на заседании 3 ноября 1840 г. члены ОИДР по предложению президента С.Г. Строганова «засвидетельствовали торжественно глубочайшую благодарность вице-президенту за неусыпное попечение его об успешном ходе дел Общества в продолжение его годовичного председательства, за приведение в порядок

минц-кабинета и содействие по устройству библиотеки»²⁹.

Весьма активной была и собственно научная деятельность Черткова. О своих исследованиях в области нумизматики, археологии, русской истории он часто делал сообщения на заседаниях Общества³⁰. Возвратившись из поездки по Италии, Чертков принес в ОИДР копию с подлинной картины, отысканной им во Флоренции в палаццо Питти, представляющей принятие в 1659 г. Великим герцогом посольства, отправленного к нему от царя Алексея Михайловича, и «снимки с рисунков летописи Константина Манассии на нашем церковном языке, хранящейся в Ватиканской библиотеке, и замечательных по происшествию изображенными на оных Святослава с болгарам и крещение руссов». Материал вызвал интерес у коллег, и Чертков решил взяться за описание русского посольства во Флоренцию и объяснение картин Ватиканской летописи³¹. 8 марта 1840 г. им было «читано обозрение царствования царя Алексея Михайловича, служащее введением к его [Черткова] описанию посольства Лихачева и Фомина во Флоренцию»³².

Как известно, в эти годы продолжало успешно развиваться славяноведение. В ОИДР также много внимания уделялось исследованиям по славянской проблематике³³. В духе времени выступил и Чертков с изысканиями по истории средневековой Болгарии. Он неоднократно сообщал на заседаниях Общества свои наблюдения над летописью Манассии. 26 марта 1840 г. впервые им было «читано исследование о болгарском переводе летописи Константина Манассии, хранящемся в Ватиканской библиотеке и заключающем известия о некоторых русских происшествиях»;

30 ноября 1840 г. «читано примечание его к описанию похода Святослава на болгар и болгарской летописи Константина Манассии»³⁴, которой древнейший список найден в здании Синодальной библиотеки»; 25 октября 1841 г. был сделан доклад о списке перевода Манассиинной летописи, найденной в Патриаршей библиотеке; 30 ноября того же года было заслушано продолжение исследования Черткова об этой летописи. Как мы уже знаем, изучение Чертковым болгарского перевода в списке 1345 г. воплотилось затем в две большие монографии о средневековом прошлом болгарского народа. Они также были напечатаны в «Русском историческом сборнике»³⁵ и стали значительным событием в русской дореволюционной болгаристике. Автор высказал пожелание, чтобы текст болгарского перевода хроники был опубликован. 3 ноября 1840 г. на очередном заседании Шевырев вызвался на этот труд, полезный для славянской истории и словесности. Секретарю было поручено найти квалифицированного переписчика³⁶. Возвратившийся из своей командировки (1837–1842) по землям зарубежных славян в Австрийской империи и Пруссии О.М. Бодянский задумал издание исторических памятников, и взор его не мог не упасть на данную рукопись. Знаменитый Шафарик также всецело одобрил эту идею. Однако Бодянскому не удалось осуществить своего намерения, как не смогли издать этот список изучавшие его П.И. Прейс (1810–1846), П.С. Билярский (1817–1867), А.А. Куник (1814–1899).

ОИДР за долгие годы своего существования не обзавелось собственным помещением для проведения заседаний, хранения своей библиотеки и минц-кабинета. Около 9 лет библиотека располагалась в

помещении Общества российской словесности, затем, размещенная в особых шкафах, в 1835 г. переместилась в зал университетского совета, где проходили и заседания ОИДР. При переездах, как водится, возникали определенные неурядицы. И вот, наконец, 3 ноября 1840 г. Строганов объявил, что для заседаний ОИДР назначается особая зала, в которой могут прилично быть помещены и все собрания Общества: книги, рукописи, монеты и вещи. 1 февраля 1841 г. обсудили порядок переноса вещей, принадлежащих Обществу, в комнату, указанную Строгановым. 31 января 1842 г. вице-президент предложил поместить в зале ОИДР 3 древних каменных изваяния, доставленных В. Пассеком. Пригласили архитектора и поставили эти скульптуры в оконных нишах. Но с 28 ноября 1842 г. эта комната назначена была также для заседаний членов Временной комиссии Отделения русского языка и словесности³⁷.

В 1849 г. одесский историк Н.Н. Мурзакевич посетил заседание ОИДР. Его поразило то, что Общество находится в маленькой комнатке. «Кроме двух шкафов, наполненных незначительным количеством монет и книг, я ничего не нашел... В 35 лет, кажется, можно иметь хороший музей. Вот что значит не иметь своего уголка. Известное дело, что вещи, книги и проч., часто передаваемые от одного секретаря другому, портятся, теряются...» И вновь в мае 1850 г. по распоряжению попечителя Московского учебного округа В.Н. Назимова Обществу предстояло переместить свои дела, книги, бумаги в назначенное для него временное помещение³⁸. Минц-кабинет ОИДР находился вместе с минц-кабинетом университета. По мере

развития и обогащения нумизматического собрания ОИДР хранители университетской коллекции стали рассматривать его как собственность университета, но впоследствии это собрание ОИДР было передано в Исторический музей³⁹.

26 ноября 1840 г. умер один из учредителей ОИДР, начальник архива Министерства иностранных дел А.Ф. Малиновский. М.П. Погодин забеспокоился, ведь появилась вакансия на хорошее место, которое он прежде всего прочил для себя. Затем стал уговаривать А.Д. Черткова, но опередил Погодина князь М.А. Оболенский (1805–1873)⁴⁰, который был назначен главой архива МИДа.

ОИДР настолько активизировало свою деятельность в начале 40-х гг. по сравнению с предыдущим периодом, что у многих его членов стало создаваться ощущение возникновения нового явления: «Все члены, движимые одной чистой любовью к нашей русской отечественности, сосредоточились в таком единстве согласия, что при всей многообразности и многочастности своих действий составляют из себя одно целое, новое, лучшее и совершенное. Общество в духе единства великодушно и благородно содействует ученым изданиям и предприятиям всякого рода, служащим в пользу отечественной русской истории»⁴¹, – с чувством сообщал публике П.И. Иванов, директор московского архива Министерства юстиции. Впрочем, ничего идеального не может быть, и последующие события, к сожалению, раскрыли всю иллюзорность и поспешность подобных впечатлений.

Вторая половина 40-х гг. XIX в. оказалась для ОИДР временем перемен. Секретарь Общества М.П. Погодин длительное время находился в Петербурге (в надежде получить

место преподавателя истории при цесаревиче), и заседания Общества не проводились, о чем сожалел Чертков, так как все бумаги ОИДР хранились у его секретаря⁴². В 1845 г. Погодин отказался от должности секретаря Общества, но при этом посоветовал, что оно его, Погодина, так мало награждало, хотя он сделал в свое секретарство так много. Члены Общества спокойно внимали речам Михаила Петровича, хотя знали, что он печатал свои труды за счет Общества и даже получал плату за корректуру. Но тот неосторожно приписал в заслугу себе и чужие труды (Строева), и собрание взорвалось, обнаруживая истинные чувства членов Общества друг к другу. Небезызвестно, что Общество объединяло очень разных людей, несходных по своим общественным и политическим воззрениям, но соединенных любовью к историческим изысканиям. Личные несогласия вскрывались, как правило, в моменты кризисные. Бурное собрание завершилось выбором на место секретаря О.М. Бодянского (1808—1877), хотя претендовали на него еще П.М. Строев и А.Ф. Вельтман.

«Можно надеяться, что новый секретарь поведет дело честно и правдиво, откроет средства и укажет другим дело. Секретарь есть душа Общества!»⁴³ — приветствовал 6 февраля 1845 г. из Петербурга историк И.П. Сахаров избрание Бодянского. Он рекомендовал Осипу Максиминовичу: «Выбирайте людей и вековые сочинения»⁴⁴. Новый секретарь попытался, и не без успеха, перестроить работу в ОИДР, сделав ее более интенсивной. На заседании Общества 6 февраля 1845 г. он предложил пересмотреть его устав и сделать в нем поправки: «Если нет хорошего устава, то действия Общества всегда будут шатки и произвольны». Каждому

Осип Максимович Бодянский

действительному члену был препровожден экземпляр устава с тем, чтобы к следующему заседанию, намеченному на 3 марта, были предъявлены в письменном виде суждения, что именно «находят они необходимым и полезным для внесения в новый устав». Предполагалось, что после одобрения устава всеми членами на общем собрании Строганов представит его министру народного просвещения «для испрошения Высочайшего утверждения». 3 марта 1845 г. только 8 человек изложили свои соображения относительно устава, но предложений Черткова среди них не было. «Не в уставе состоит дело, а оно зависит от нас самих. Очень ошибаются те, которые думают, что при изменении устава родится вдруг неожиданная деятельность», — делился с Погодиным своими мыслями Чертков⁴⁵. В результате дальше избрания особого комитета, куда вошли Строев, Вельтман и Морошкин, дело не пош-

ло. (Устав ОИДР, составленный в 1811 г. и незначительно переработанный в 1816 г., регламентировал деятельность ОИДР вплоть до 1893 г., хотя было предпринято несколько попыток его изменения в 1848, 1877 и 1887 гг. Впрочем, и Устав 1893 г. принципиальных отличий не имел, разве что увеличилось число действительных членов – с 30 до 100 человек.)

Бодянский по поручению Строганова составил расписание заседаний Общества с октября 1845 г. по сентябрь 1846 г., напечатал приглашительные билеты. Кроме того, о каждом предстоящем заседании Общества было решено троекратно публиковать объявления в «Московских ведомостях» в последнюю неделю месяца. Заседания проводились по 9 раз в год. Издание «Русского исторического сборника» было прекращено, Погодина попросили вернуть в Общество еще не отпечатанные, но одобренные для напечатания статьи. И Бодянский стал редактором нового периодического журнала с новой программой – «Чтения в ОИДР», который стал выходить регулярно. Бодянский, являвшийся экстраординарным профессором кафедры истории и литературы славянских наречий в Московском университете, наполнил свои «Чтения» славянской проблематикой настолько, что Мурзакевич в своем письме к нему даже слегка посетовал: «Чтения получаю исправно, исправно их и просматриваю. Честь и хвала вам, доброду и бескорыстному подвижнику. Только и паки молю вас, не забывайте и старины великорусской»⁴⁶.

Б лагодаря Бодянскому число почетных членов Общества пополнила плеяда славянских ученых: Д.И. Зубрицкий, историк из Львова, чешские ученые В.В. Ганка, Ф. Палацкий, Ф.Л. Чела-

ковский, И. Юнгман, поэт, ученый и критик словак Я. Коллар, польский историк В. Мацеёвский и др. Список почетных членов Общества украшали имена князя Сербии Александра Карагеоргиевича, митрополита Черногорского Петра Петровича Негоша. Книгообмен с зарубежными коллегами доставлял Обществу массу хлопот из-за таможенных проблем: приходилось поручать председателю ОИДР «вытребовывать» пакеты с книгами, приходящими из-за границы. Вовлечение в орбиту новых членов и существенное оживление связей с прежними повлекло умножение «таможенных» затруднений, которые ОИДР попыталось устранить. На заседании 28 сентября 1846 г. под председательством Черткова решено было просить графа Строганова об «исходатайствовании у высшего начальства предписания московской таможне, чтобы по примеру Общества испытателей природы отпускать в ОИДР получаемые из-за границы книги без досмотра как в таможне, так и в Канцелярии московского гражданского губернатора»⁴⁷.

27 марта 1848 г. по истечении трехлетнего срока на место секретаря вновь был единогласно (кроме одного) избран О.М. Бодянский. Однако отношение к личности Осипа Максимовича у многих членов ОИДР было не столь однозначным. Так, Погодин стал явно недолго любить секретаря ОИДР. Шевырев утешал Погодина: «Ты слишком сердит. Общество действительно раздражает. Я это по себе знаю»⁴⁸. У Погодина не складывались взаимоотношения и со Строгановым: «Много сделал он мне зла, много испортил крови! Не смею называть его злым человеком, а начинаю верить в астрологию. Верно, родились мы с ним противниками, иначе

не могу объяснить его гонений и придинок...»⁴⁹. «Кому от кого, а мне от Строганова житья нет! Хоть в Петербург переезжай»⁵⁰, — жаловался Погодин. И это неприязненное восприятие друг друга повело к непредвиденным событиям осенью 1848 г.

ОИДР занималось в это время печатанием в «Чтениях» «Записок» английского посла XVI в. Дж. Флетчера, изданных в Англии в 1591 г. Подлинник и перевод путешествия в Россию Флетчера, сделанный чиновником московского архива Министерства иностранных дел Д.Н. Гиппиусом, поступил от князя М.А. Оболенского, директора архива. Оболенский написал и предисловие. В заседании 27 сентября 1847 г. Общество одобрило издание «Записок»⁵¹. Оно было предпринято на основании статьи цензурного устава, разрешающей печатать без извлечения предосудительных для России мест все, что пишется и писалось о ней до водворения Дома Романовых. Граф Строганов лично разрешил «Записки» Флетчера, хотя в них «невыгодно говорилось об Иоанне IV, Федоре и о разных обрядах нашей церкви, что, впрочем, давно уже было напечатано в “Записках” Бера».

Но не следует забывать, что дело происходило в 1848 г., когда всеобщий торговый, промышленный и финансовый кризис 1847 г., породивший безработицу невиданных ранее размеров, «картофельная болезнь» и губельный неурожай зерновых культур не на шутку всколыхнули Европу. Кровь, пролитая в ходе революционных беспорядков на площадях и улицах Франции, Италии, Австрии, Пруссии, гулким эхом отозвалась в России: охранение государства потребовало естественного ужесточения внутренних порядков.

В Москве с 10 сентября по 7 октября находился министр просвещения граф С.С. Уваров. Он посещал лекции профессоров Московского университета, обзвевал гимназии и другие учебные заведения древней столицы, стремясь уловить настроения молодежи в связи с событиями в Западной Европе. 20 сентября в полном собрании университета со многими посторонними посетителями, приглашенными министром, начались труднейшие испытания в знаниях студентов. Но вначале Уваров произнес краткую речь, в которой он выразил желание познакомиться ближе со студентами и при непосредственном общении получить представление об объеме, в каком преподаются науки, и о духе всего учения. 16 лет тому назад Уваров сделал первый подобный опыт в этих же стенах университета, который удался сверх его ожидания. И на этот раз несколько напряженных дней экзаменов вполне убедили министра в высоком уровне подготовки учащихся⁵². В докладе царю Уваров сообщал успокоительно: «...по моему замечанию и по мнению многих уважительных наблюдателей общий дух как будто утвердился и брожение умов утихло при виде европейских событий. Этот оборот в понятиях обнаруживается более менее во всех классах общества. Кажется, что умы, устрешенные внешними ужасами, ближе сомкнулись вокруг народных начал и учреждений... Отвращение к печальным явлениям в Западной Европе можно назвать всеобщим»⁵³.

Напряженные дни бывали приятно скрашены вечерним отдохновением. Краткие записи преподавателя университета И.М. Снегирева дают нам некоторое представление об этих вечерах. 24 сентября 1848 г. на вечер у камергера М.А. Окулова,

директора Первой московской гимназии, были приглашены министр С.С. Уваров, А.Д. Чертков, директор Оружейной палаты М.Н. Загоскин, М.П. Погодин, композитор Верстовский, ректор Московского университета Д.М. Перовшиков и пр. Пели цыганки и плясали, потом ужин, возвращались уже в 2 часа ночи. 4 октября на вечер к министру Уварову пришли Чертков, Погодин, Н.И. Железнов, экстраординарный профессор Московского университета по кафедре сельского хозяйства, но при этом пили чай⁵⁴.

Может быть, под звон гитары или в одной из личных бесед, которые граф имел с преподавателями университета, «Шевырев и Погодин, некогда ухаживавший за Строгановым, теперь представили министру, как неблагоприятно в данную минуту печатать Флетчера и как дурно делает Строганов, допуская это. Уваров приказал остановить печатание и довел это до сведения государя». Министр распорядился вырезать из всех экземпляров «Чтений» статью Флетчера, затем эти статьи следовало «вручить Строганову и запечатать». Действительные члены ОИДР, получившие уже данный номер журнала на своем очередном заседании, обязаны были также возратить извлеченные из журнала страницы с этим переводом. Сенатор Лебедев указывал на давнюю вражду Уварова и Строганова. По его мнению, попечитель Московского университета, лстя московскому юношеству и лаская свое самолюбие, «принял мысль молодых ученых о национальном направлении науки и дал молодежи более свободы, нежели следовало, а дал это единственно потому, чтобы показать, что он независимее от министра, чем думают. Этот бунт попе-

чителя, беспрестанно выражавшийся в сношениях на бумагах, кончился увольнением графа Строганова»⁵⁵.

«Дело Флетчера» повлекло за собой и вынужденную смену в руководстве ОИДР. О.М. Бодянскому было предписано оставить должность секретаря Общества, С.Г. Строганов покинул пост председателя. «Строганов, по выражению Гоголя, нагадил Уварову, Уваров – Строганову. Это в порядке вещей на святой Руси... Но за что погибла книга Флетчера? За что пострадал секретарь Общества Бодянский, которого велели удалить в Казань? За что парализовано Общество, оказавшее немало услуг науке?» – вопрошал потрясенный профессор Петербургского университета А.В. Никитенко⁵⁶.

Современные историки выдвигают несколько версий при объяснении «флетчеровской истории», которые основаны на дневниковых записях О.М. Бодянского и на воспоминаниях Ф.И. Буслаева (1818–1897), профессора Московского университета, в свое время сопровождавшего семью графа Строганова в двухлетнем путешествии по Италии и Германии. По мнению Буслаева, которое полностью разделяет историк В.В. Иштуин, ОИДР и его секретарь Бодянский пострадали из-за графских распрей: попечитель Московского учебного округа и председатель ОИДР С.Г. Строганов «провалил» проект устава университетов, предложенный министром просвещения С.С. Уваровым, а тот «флетчеровским делом» возвратил «графский должок». Бодянский же ставил в эпицентр событий только себя, сообщая об интригах «Погодина, Шевырева, Снегирева, Перовшикова с клеветы», которые настроили против него Уварова в бытность его в Москве осенью 1848 г.,

обратив внимание на публикацию «Записок» Флетчера в тот момент, когда в Европе бушевали революционные страсти. Советский историк Л.Н. Алексашкина возвела данное происшествие в ранг проявления политических репрессий, осуществляемых правительством по отношению к общественным и научным объединениям. Общество, по ее мнению, свернуло свою деятельность, почти прекратив издательскую работу и прервав связи со своими зарубежными членами. Профессор Московского университета Л.П. Лаптева полагает, что одними лишь личными взаимоотношениями флетчеровская история не исчерпывается, что в государстве, где вместо закона царит произвол самодержца, «графская свара свидетельствует о бесправии русских периодических изданий и о тяжелой общественной ситуации, в которой развивалось русское славяноведение вплоть до 60-х гг. XIX в.»⁵⁷. На наш взгляд, «флетчеровская история» обнажила и личное соперничество, и амбиции, вылившиеся в неблагоприятные поступки как сильных мира сего, так и некоторых действительных членов ОИДР, не жаловавших своего председателя и секретаря. Погодин и Шевырев действительно умело использовали накаленную политическую атмосферу в Западной Европе и естественное стремление императора Николая I оградить Россию от ее влияния и выставили печатание «Записок» английского посла как крайне вредное и опасное деяние. А сколь независимы и самостоятельны были средства массовой информации в конституционных странах – вопрос особый.

Строганов вышел в отставку. «Утренние приемы прекратились, и кабинет его опустел, редко, редко, кто являлся к нему, из тех немногих,

которые действительно почитали и любили его, а не униженно преклонялись, заискивая его милостей»⁵⁸. Бодянский не желал покидать Москву, ссылаясь на вредность климата для его здоровья повсюду, кроме Москвы, хотя ему было строго предписано занять кафедру в Казанском университете вместо магистра В.И. Григоровича. Однако попечитель Казанского учебного округа ходатайствовал об оставлении Григоровича при Казанском университете. Хлопотал о том же и Григорович, который поспешил заверить Бодянского, что на его место не претендует и тотчас же вернется из Москвы в Казань, и обещание свое сдержал. Сам Бодянский писал к Уварову, чтобы его оставили в Первопрестольной. Графу Строганову удалось выхлопотать прощение для Бодянского, который через год вновь возвратился в Московский университет на прежнее место профессора кафедры истории и литературы славянских наречий. А Флетчера издал в 1867 г. в Лондоне Герцен. Е.В. Барсов, секретарь ОИДР, свидетельствовал, что Общество в царствование Александра II неоднократно ходатайствовало об издании сочинения Флетчера, но безуспешно⁵⁹.

Председатель ОИДР

Удар был столь неожидан, что деятельность ОИДР на некоторое время застыла. 18 ноября 1848 г. Шевырев спрашивал Погодина: «Не понимаю, что Чертков не собирает собрание... Пора бы. Это дело вице-президента, и на нем ответственность»⁶⁰. Может

быть, Александр Дмитриевич надеялся, что со временем страсти улягутся, но напрасно. Только 27 ноября 1848 г. состоялось новое заседание Общества, на котором его председателем единодушно был избран А.Д. Чертков. За него отдали свои голоса даже преподаватели университета, хотя заседание проходило в присутствии попечителя Московского учебного округа Д.П. Голохвастова (1847—1849), и с большой долей вероятности можно было ожидать избрания председателем ОИДР именно его. Это обстоятельство с удивлением подчеркивал А.М. Кубарев, преподаватель римской словесности в Московском университете в 1826—1839 гг. Секретарем стал профессор русского права в Московском университете И.Д. Беляев⁶¹.

Члены Общества, несмотря на свои личные разногласия, постарались выказать поддержку Александру Дмитриевичу. Кубарев вопрошал Погодина: «Когда в Общество? Если секретарь уведомит через газеты, то извините меня, если не буду. Газеты не читаю. Итак, уведомите билетом. Много, много нужно говорить, и твердо, и решительно и принять деятельные меры. Грех нам оставлять Александра Дмитриевича без всякого с нашей стороны содействия. Надо помочь ему в Геркулесовом труде очистить Авгеасово стойло»⁶². «Мне жаль Черткова, который принял президентство в такой запутанности дел, что хоть брось все», — писал в Петербург Кубарев, и он был прав.

В ОИДР пришел долговой реестр из типографии о значащемся на Обществе ошеломляющем долге в 6269 руб. 65 коп. 18 декабря 1848 г. Беляев довел до сведения Общества, что он не получил еще никаких дел и вещей по ОИДР от бывшего секретаря. Та же ситуация была и с делами

по библиотеке ОИДР. Из Синодальной конторы пришло отношение с требованием вернуть 6 рукописей, которые взял Бодянский. Снегирев оставил примечательную запись о том заседании в дневнике: «П. Строев подал было просьбу об увольнении его, но Погодин остановил ее и взял к себе в карман. Разные партии обнаруживали себя в словах»⁶³. На заседании был составлен «комитет для приведения в ясность экономических дел» Общества, и на 1 января 1849 г. выявился огромный долг ОИДР типографии в 7674 руб. 66 коп. Было определено ежегодно уплачивать типографии по 700 руб. из государственной субсидии, что неминуемо сократило издательские возможности Общества.

Сложно было руководить Обществом, особенно в тот момент, когда оно скорее походило на растревоженный улей. Неоднозначным было и отношение многих членов Общества к Черткову. Историк из Петербурга И.П. Сахаров, если судить по его письмам к Черткову, искренне восторгался нумизматическими и библиографическими каталогами Черткова. Но, с другой стороны, в 1843 г. Сахаров признавался Кубареву: «Хотел было я напечатать разбор книги Черткова о Манасиной летописи, да убоился страха ради иудейского. Надобно было поднять все, а за это легко добудешь себе зло. Точно так же остановил и разбор каталога Востокова». На что Кубарев резко отозвался из Москвы: «Разбирать Черткова нечего бояться. А разве только пошадить его, потому что это занимающийся барин. Востокова также шадить бы не должно, особенно за недоглядки». Сахаров решил приостановить на время публикацию своей критики, узнав, что «Строев занялся каталогом Востоко-

Иван Петрович Сахаров

Алексей Михайлович Кубарев

ва». «Пускай он [Строев] выпишет из Востокова все ошибки, тогда лучше будет бить Строева. Лучше до времени молчать». При таком «расположении» к известному петербургскому ученому Востокову, а не только к Черткову, удивительно, как в это же время они спокойно обращаются к Черткову за его каталогом книг. И Чертков, который всеми своими силами поддерживал научные изыскания, отослал в Петербург к Сахарову все свои книги⁶⁴, хотя недоброжелательность Сахарова, вероятно, была ему не новость.

К сожалению, Сахаров был придирчив только по отношению к своим коллегам, поскольку сам он, издавая собранные им песни, сказания, былины, мог не только изменить или выкинуть что-либо из текста, например, песен, но даже не останавливался и перед фальсификацией, публикуя как фольклорные записи былины собственного сочи-

нения⁶⁵. Авторитет Сахарова в научных кругах упал уже к 50-м гг. XIX в. Современники объясняли подобную неаккуратность при публикации недостатком в образовании, поскольку Сахаров закончил медицинский факультет, а в истории он был «в полном смысле самоучка»⁶⁶.

Гроза, разразившаяся над Бодянским, не вызвала и капли сочувствия в некоторых его коллегах, например в том же И.П. Сахарове, прежде восхвалявшем деятельность Бодянского, но к 1848 г. бывшем уже с ним в натянутых отношениях. Не любил Бодянского и Кубарев, но, несмотря на всю предвзятость, из его письма к Сахарову осязаемо предстает картина положения дел в ОИДР. 17 января 1849 г.: «Неистовый Бодянский привел в такое замешательство Общество своим глупым журналом, что Общество не знает, где найти Геркулеса, чтобы очистить это Авгиево стойло. Но этого

мало... От него требуют отчета — не дает... Требуют книг, которых он набрал несколько десятков на имя Общества в разных общественных местах, — отвечает: не дам. Требуют оригиналов для продолжения печатания многих начатых писес [т.е. статей] — отвечает: возвратил по принадлежности... И после всего он ругается над Обществом и думает, что Общество должно его умоливать, чтобы он опять принял на себя продолжение издания трудов его...» Через полгода, 17 ноября 1849 г., мало что изменилось: «Не отвечает ничего. И дел не сдает. А секретарь без него не принимает»⁶⁷.

На Черткова давили члены Общества, такие как Кубарев, чтобы он принял жесткие меры по отношению к Бодянскому, чего Чертков не просто избегал, но не допускал. По роду своей деятельности в качестве уездного, а потом и губернского предводителя московского дворянства ему не раз доводилось улаживать семейные и общественные конфликты. Он всегда стремился погасить ссору, отыскивая приемлемые варианты для враждующих сторон. И в ОИДР, когда многие рвались «добить» Бодянского, Чертков упорно сдерживал ретивых. 3 декабря 1848 г. Погодин записал: «Обедал у Черткова, с которым тоже мудрено сладить, ибо не растолкуешь»⁶⁸. Лишь постепенно деятельность ОИДР удалось наладить. Отступала со временем и обида Строганова и Бодянского. В марте 1850 г. почетный член ОИДР Строганов возвратил 4 ключа от шкафа, стоящего в зале заседаний Общества, и 3 ключа от столов с медалями, хранящимися в библиотеке Московского университета. Данные ключи были переданы Черткову на хранение⁶⁹. В 1851 г. Строганов уведомил ОИДР, что он отправил по принадлежности разные

рукописи, взятые им в бытность его председателем Общества, и что будет ставить в известность ОИДР по мере отсылки имеющихся у него других рукописей по минованию надобности в них⁷⁰. Весной 1851 г. из Московской Синодальной типографской конторы поступила просьба о необходимости возвращения рукописи, содержащей Житие Бориса и Глеба, которую все еще держал у себя Бодянский⁷¹. В 1852 г. Строганов в своей петербургской конторе продал 75 экземпляров «Чтений» и прислал в ОИДР полученные деньги, за что Общество выразило свою благодарность. В 1855 г. Бодянский прислал свою книгу «О времени происхождения славянских писем».

Трудности в возобновлении работы ОИДР были сопряжены не только с громадным долгом типографии, с оскорбленным самолюбием бывшего секретаря, с хаосом в бумагах, но и с тем, что Общество лишилось драгоценного права собственной цензуры. Первая попытка ее упразднения имела место в 1840 г.⁷², но тогда ОИДР удалось отстоять свое право. Теперь же все издания Общества стали подвергаться «рассмотрению общей цензуры на основании существующих правил и был назначен сторонний цензор Московского цензурного комитета В. Флеров»⁷³. В России, предпринявшей решительные меры для «сохранения спокойствия и ограждения умов от разрушительного влияния революционной заразы», было учреждено сразу до 20 различных цензур. Д.П. Бутурлин (1790–1849), в свое время предлагавший закрыть университеты, со 2 апреля 1848 г. стал председателем «особого секретного комитета для высшего надзора за исправлением печатанных в России сочинений» и, по свидетельству А.В. Никитенко, «действует так, что стано-

вится невозможным что бы то ни было писать и печатать»⁷⁴. «Мы вступили воистину в “морозную полосу” мрачного семилетия [1848—1855]»⁷⁵, — подчеркивал Н.А. Энгельгардт.

Был решен вопрос об издании нового журнала, названного «Временником ОИДР». После скандала Мурзакевич спрашивал Погодина: «“Чтения” получили конец, который я предвидел. Жалко приостановки полезного издания. Кто теперь их будет продолжать, разумеется, в другом виде?»⁷⁶. На заседании ОИДР 18 декабря новый секретарь согласно со своими научными занятиями предложил план для нового издания, каждый выпуск которого должен был состоять из 3 отделов: исследования; исторические материалы, преимущественно по истории внутренней жизни России, законодательства и государственного управления, и 3-й раздел — «смесь», с мелкими статьями по истории. Однако, чтобы избежать лишних неприятностей, сочинений иностранцев о Московском государстве на страницах «Временника» представлено не было⁷⁷. План был принят к руководству. Был восстановлен редакционный комитет, избираемый для каждого тома «Временника», куда, как правило, входили Беляев, Погодин и Шевырев (для 6-й книги — Беляев, Погодин, Максимович, затем также Соловьев, Хомяков).

Первая книжка нового издания не могла не задержаться с выходом в свет. В начале 1849 г. члены ОИДР (Кубарев, Погодин и др.) разбирались с «наследством» Бодянского, запрашивая у типографии корректуры набранных статей: за них следовало платить, а кроме того, «пиесы», начатые еще до цензуры, предстояло отправить для получения «одобрения и соизволения министра»⁷⁸. 3 мая 1849 г. было зачитано письмо, в котором

бывший секретарь Бодянский потребовал вернуть ему уже отпечатанные материалы для «Чтений». За бумагу, печатание он собирался платить в три приема, намереваясь покрыть все расходы к осеннему заседанию ОИДР. Члены ОИДР положительно решили вопрос и препроводили копию типографского реестра для оплаты Бодянскому. По требованию Бодянского также обещали пометать те статьи, что были им корреktированы. Но в письме к Сахарову от 17 ноября 1849 г. Кубарев вновь возмущался: «Итак все то, что было приготовлено в прежнее секретарство, лежит теперь под спудом и долго ли пролежит — Бог весть... Говорить и напоминать нельзя. Есть некоторые мелкие душонки, которые смотрят семо и овамо, и Анупис (по-вашему, холуй) кричит, что де “лежачего не бьют”. Прошу убедить этого человека, что не должно же и того допускать, чтобы лежачий всем плевал в глаза»⁷⁹.

Приспосабливаясь к новым условиям, «Временник» приобрел историко-юридическое направление, публикуя юридические памятники, к которым цензорам было сложно придаться. Благодаря такому отбору материалов, «Временник» выходил практически без препятствий⁸⁰. Как это происходило, демонстрирует письмо историка М.А. Коркунова, отправленное 12 августа 1855 г. из Петербурга Погодину: «По моей справке оказывается, что статья г-на Беляева дозволена к печатанию, за исключением нескольких слов, а другой [статьи], о “Временнике” Общества, вовсе и не получали в Главном цензурном комитете»⁸¹. Всего вышло в свет 25 книг «Временника». 28 марта 1849 г. «Временник» был представлен императору и наследнику⁸². Об этом издании ОИДР лестно отзывались современники. Исто-

рик А.Н. Попов (1821–1877) писал: «Богатство заключающихся во “Временнике” исторических памятников нисколько не уступает “Чтениям”»⁸³. Высокую оценку «Временнику» дал Н.Г. Чернышевский, который также ничем его не отличал от «Чтений»: «...трудно и перечислить, сколько важных исследований по русской истории, сколько драгоценных материалов для нее напечатано в “Чтениях” и “Временнике”. Повторяем, нет человека, занимающегося русской историей, который бы не чувствовал уважения и благодарности к Московскому Обществу истории и древностей»⁸⁴. Прислушаемся к мнению историка И.Е. Забелина: «Случайное обстоятельство – перевод и издание Флетчера – прервало достославный ход “Чтений”, но прервало уже не ослаблением и застоєм деятельности, а только иным ее направлением. “Временник” прерывает почти на 10 лет “Чтения” весьма почтенным стремлением выяснить историю так называемого Московского государства и с этой целью предлагает в обширном размере архивный материал, по преимуществу историко-юридического содержания»⁸⁵. В публикацию многих документов в новом журнале внес свою лепту и Чертков, поделившись сокровищами своего рукописного собрания (в книге 5-й – «Семейные письма XVII столетия», в книге 16-й – «Список с рядной записи 7196 [года 1687/88]», в книге 24-й – «Сотная выпись Дмитрова 1624 г.» и др.).

В 1848–1857 гг. заседания членов ОИДР созывались регулярно, по 6–7 раз в год, когда после летнего отдыха члены ОИДР собирались в Москве, но они переместились из маленькой комнаты Московского университета в гостеприимный дом Черткова. На заседани-

ях в уютной обстановке, может быть, великолепного «готического зала» не только обсуждались организационные вопросы, но и выслушивались по 2–3 доклада, научные сообщения, поэтому говорить, что деятельность Общества свернулась, абсолютно неверно. В Общество по-прежнему присылали рукописи, книги, монеты, медали, древние вещи, с благодарностью принимаемые в ОИДР, сочинения сторонних авторов, которые также не оставляли без внимания. По просьбе Императорского Археологического общества ОИДР пересылало в Петербург поступающие в него статьи нумизматическо-археологического содержания. В Общество обращались за помощью в исходатайствовании дозволений от местных властей на археологические раскопки в Чернигове, на поиски древних рукописей в монастырях, церквях, архивах Полтавской и сопредельных с ней губерний и т.п. Где реально можно было подействовать энтузиастам изучения прошлого родного края, Общество никогда не отказывало: Чертков, его председатель, писал письма в нужные инстанции и просил. В ОИДР вступали новые члены, среди которых И.Е. Забелин, А.Н. Афанасьев, А.С. Клеванов (1826–1883), профессор Нижегородской семинарии иеромонах Макарий, профессор Московской духовной академии Смирнов.

На заседании 5 марта 1849 г. собравшиеся действительные члены ОИДР рассуждали о сочинении нового устава Общества для представления на Высочайшее утверждение. Был выбран комитет, куда вошли Погодин, Шевырев, Морозкин, Спасский, Беляев. 5 мая 1851 г. окончательный проект устава был одобрен и подписан всеми членами ОИДР, пришедшими на заседание (17 чело-

век, отсутствовало 8 человек). Проект устава был препровожден к министру народного просвещения для представления на утверждение к императору. Но министр народного просвещения и в этот раз не усмотрел особой надобности в утверждении нового устава⁸⁶.

В 1853 г. Общество активно стало готовиться к предстоящему празднованию 50-летия своего создания, когда 14 апреля 1804 г. оно было принято под высочайшее покровительство Александра I. Было решено составить историю ОИДР, а поему обратились к членам Общества доставить не позднее 1 августа 1853 г. сообщения о своих ученых и литературных трудах с указанием выходных их данных, а также известные им биографические сведения о скончавшихся членах Общества. Была одобрена программа юбилея. Но он не состоялся из-за непредвиденных осложнений в Крымской войне. Разрешены были только столетние юбилеи, в частности юбилей Московского университета. Члены ОИДР выразили свои патриотические настроения в тематических докладах и статьях. На страницах «Временника» появилась серия публикаций материалов о победоносных русско-турецких войнах прошлого.

Необходимо сказать и о славянской проблематике в деятельности Общества за это время. Мятежный 1848 год в империи Габсбургов отозвался в России запретом научных контактов русских ученых с зарубежными славянскими коллегами, о чем члены ОИДР подписывали специальное обязательство⁸⁷. В 1830—1840-е гг. русское правительство стремилось остановить заметные проявления в обществе сочувствия к освободительным движениям среди славянских народов

Австрийской и Османской империй, опасаясь вызвать дипломатические осложнения и поколебать и без того расшатанный принцип легитимизма, который был принят по предложению французского дипломата Ш.М. Талейрана на Венском конгрессе (1814—1815). 30 мая 1847 г. по Высочайшему повелению был разослан попечителям учебных округов циркуляр Министерства народного просвещения, в котором деликатно, но твердо осуждалось перенесение идеи панславизма, рожденной в конце XVIII ст. в Богемии, из области литературной в политическую. Вначале она усилила стремление к изучению языков и всех памятников славянского племени, но не долго оставалась в мирных пределах науки. Согласно этой теории, все народы славянского происхождения, рассеянные по Европе и подвластные разным скипетрам, должны когда-либо слиться в одно целое и составить единое славянское государство. А поскольку из всех славянских государств одна лишь Россия сохранила и пронесла через века государственную самостоятельность и в XIX в. была мощной державой, то роль объединителя славянства предназначалась по праву ей. В России апологетом этой идеи являлся Погодин.

С.С. Уваров прекрасно знал историю вопроса и современное ему состояние «общего славянства, в действительности не существующего». В циркуляре он четко обрисовал путь России как в историческом прошлом, так и в будущем без славянских народов, «ныне простирающих к нам руки и молящих о покровительстве не столько по внушению братской любви, сколько по расчетам мелкого и не всегда бескорыстного эгоизма». Министр просвещения обращался к преподавателям русского

языка и русской словесности, русской истории, истории русского законодательства, которым «предпочтительно пред другими принадлежит возбуждение духа отечественного не из славянства, игрою фантазии созданного, а из начала русского, в пределах науки, без примеси современных идей политических. Университет, — полагал Уваров, — без сомнения, истребит влиянием своим необдуманные порывы некоторых из прежних его питомцев, отделивших себя от общих исторических мнений не столько по какому-либо убеждению, сколько по легкомыслию и добродушной мечтательности»⁸⁸.

После 1848 г. наступил вынужденный перерыв в научных командировках в западнославянские земли русских ученых, посылаемых по линии Министерства народного просвещения. Кроме того, по справедливому мнению В.А. Францева, общение ученых потеряло тот интенсивный характер, который наблюдался в 30–40-е гг. XIX в., в связи с тем что русские ученые все меньше и меньше нуждались «в руководительстве и указаниях своих бывших учителей, а зачастую становились выше их в разработке отдельных вопросов». К тому же время выдвигало на сцену ученой и литературной жизни новых людей, с новыми взглядами, убеждениями и задачами. Погодин, посетивший Прагу в 1856 г., тонко уловил эти перемены: «Прага — совсем не то, что было за 20 лет: какое-то общее расслабление, не только что успокоение. Старики устарели и забились по углам... С молодежью связь у них как будто прервалась. Не заметно никакого стремления, не только восторга, как было прежде; а казалось бы, обстоятельства благоприятствуют национальному движению гораздо больше, чем тогда»⁸⁹.

Связи ОИДР с зарубежными учеными-славистами резко сократились, но не прервались. В этом нас убеждают как архивные материалы, так и опубликованные протоколы заседаний Общества. Как следует из документов ОИДР, его издания, несмотря на запрет, продолжали высылаться иностранным членам ОИДР: в декабре 1848 г. годовой выпуск «Чтений» — П. Шафарику, в марте 1849 г. — Шафарику и Д.И. Зубрицкому⁹⁰. Отметим, что после смерти Николая I в 1855 г. славянские связи заметно оживились. В 1856 г. были отправлены 23 книги «Временника» чешскому историку В. Ганке. Секретарь Беляев дипломатично объяснял, что «до сего времени не находились средства к этому»⁹¹.

В ОИДР поступили книги из Белграда в январе 1851 г., от Чешского национального музея в ноябре 1851 г., от В. Караджича в декабре 1849 г. и Д.И. Зубрицкого в 1853 г. Правда, книги и рукописи Зубрицкого на 9 месяцев были задержаны в цензурном комитете Московской таможни⁹². Кроме того, сохранилась традиция избрания в ОИДР славянских деятелей науки и культуры. Почетным членом ОИДР стал чешский ученый К.Я. Эрбен (1856 г.)⁹³. Став попечителем Варшавского учебного округа, действительный член ОИДР П.А. Муханов стремился укрепить контакты польских ученых с московским Обществом истории и древностей российских. В 1852 г. он предложил избрать в члены ОИДР четырех варшавских ученых: А. Пржездзецкого, барона Эд. Раствовецкого, Фр. Собещанского и И. Поплонского, причем в подтверждение их ученых трудов доставлены были в ОИДР сочинения упомянутых историков. Однако Общество согласно своему уставу не могло иметь действительных членов «сверх комплекта»,

а вакансий не было, и поэтому польских ученых в уважении их трудов избрали в соревнователи Общества⁹⁴. В следующем году Муханов переслал в ОИДР книги Мацеёвского.

В то же время в начале 50-х гг. появляется новая форма сотрудничества ОИДР с зарубежными славистами: наряду с научными контактами с отдельными учеными постепенно утверждаются связи с зарубежными научными обществами и организациями. Так, в 1851 г. установились связи с Обществом югославянской истории в Загребе, которое, в частности, просило прислать представителя ОИДР на Славянский съезд в Белград или Варшаву для решения вопроса, какое из славянских наречий следует признать общим литературным славянским языком. Сербское научное общество в Белграде, желая быть в сношениях с ОИДР, выслало также свои труды в 1851 г., в ответ были отправлены издания Московского общества. Письмо от 24 августа 1852 г. в адрес ОИДР наглядно раскрывает, сколь непростое это было дело: необходимо было срочно, на следующий день, доставить «в контору “Москвитянина” 2 экземпляра “Временника” всех книжек, которые вышли. Есть случай отправить их в Югословенское общество в Загребе и в Сербское общество в Белград, куда давно нашим Обществом определено передать по экземпляру “Временника”, но куда до сей поры мы не имели случая отправить»⁹⁵. В конце 1854 г., весной и осенью 1856 г. Сербское общество присылало свои издания и благодарило москвичей за их книги. В 1856 г. с Верхнелужицким обществом наук в Герлице установились научные контакты и налажился обмен изданиями. Московское общество пожертвовало свои издания в Афинскую публичную библиотеку по ее просьбе, предварительно согласовав

список отправляемых книг с Министерством народного просвещения (13 февраля 1854 г.)⁹⁶.

Славянская тематика не исчезла ни со страниц «Временника», ни из вопросов, обсуждаемых на заседаниях ОИДР. Причем тон славистическим занятиям членов ОИДР задавал сам председатель Общества, активно разрабатывавший в это время гипотезу о прародине славян. Еще в 1842 г. он читал в ОИДР доклад «О жительстве предков словен до Р.Х. в Задунайских странах»⁹⁷. Во «Временнике» были опубликованы исследования Черткова, посвященные проблемам славянского этногенеза⁹⁸. На заседаниях ОИДР выступали со своими исследованиями, посвященными истории, филологии славянских народов, А.Н. Афанасьев, Ф.И. Буслаев, М.П. Погодин, И.Д. Беляев, чьи работы увидели свет на страницах «Временника»⁹⁹. П.А. Бессонов опубликовал сборник болгарских песен, который в течение многих лет был основным источником изучения болгарского фольклора. В ОИДР в 1851, 1852 гг. передавал рукописи покойного Ю.И. Венелина его родственник соревнователь Общества И.И. Мольнар, и они немедленно поступали на рассмотрение в редакционный комитет. Болгарский историк С. Палаузов дарил свои труды Обществу и присылал свои статьи, которые читались в заседаниях и рекомендовались к печати. Увидела свет на страницах «Временника» его работа «Синодик болгарского царя Бориса» (Кн. 21). В действительные члены ОИДР был принят А.Ф. Гильфердинг, передавший Обществу списанные в Венском архиве 10 латинских грамот, относящихся к истории сербов при доме Неманей, которые были рекомендованы к печати. Во «Временнике» помещено было исследование В.И. Григоровича «Южнославянские памятники XV сто-

летия». Таким образом, «Временник» отразил интенсивный интерес русских ученых к прошлому славянских народов. Вместе с тем следует отметить, что в 50-е гг. XIX в. в многообразном комплексе славистических исследований заметно усиливается внимание к истории южных славян.

30 ноября 1854 г. из отношения попечителя Московского учебного округа члены ОИДР узнали о Высочайшем Его Императорского Величества благоволении московскому Обществу истории и древностей российских «как отличившемуся наиболее в настоящее время своими полезными трудами». Председатель ОИДР Чертков стал ходатайствовать о награждении секретаря И.Д. Беляева, чья деятельность как редактора обеспечила Обществу такой успех (25 декабря 1854 г.)¹⁰⁰.

29 марта 1857 г. под председательством А.Ф. Вельмана было созвано чрезвычайное заседание Общества, на которое съехалось 19 действительных его членов. Оно явилось прямым следствием столь нашумевшей драки, возникшей на заседании Московского художественного общества 14 января, которая привела к отстранению Черткова от управления его Советом (о чем будет рассказано позднее). Александр Дмитриевич подал в ОИДР прошение, в котором просил сложить с него обязанности члена ОИДР в связи с отъездом за границу «для поправления своего здоровья», что и было удовлетворено 29 марта. Стараниями О.М. Бодянского президентом ОИДР опять был избран граф С.Г. Строганов. К нему была немедленно отправлена депутация — Вельман, Бодянский, Соловьев, Беляев, Ундольский. Граф принял это звание при условии, если Бодянский согласится снова стать секретарем ОИДР и

Александр Фомич Вельман

соответственно редактором «Чте-ний» (их издание возобновилось с избранием Строганова)¹⁰¹. Как и полагалось, Вельман отослал протокол министру просвещения на утверждение. Но Бодянский не стал дожидаться ответа из Петербурга и через «Московские ведомости» сообщил об очередном заседании ОИДР. Вельмана, как старшего из действительных членов Общества, не поставили даже в известность, что его чрезвычайно возмутило, и он подал заявление о выходе из членов ОИДР¹⁰². При переизбрании секретаря Погодин предложил наградить Беляева, несмотря на то, что Общество уже изъявляло ему свою признательность за труды по изданию «Временника». Но Бодянский воспротивился этому, припомнив, что 9 лет назад ему подобная признательность не была выражена. Впоследствии он изменил свое отношение к Беляеву, но в тот момент не мог переступить

через свои вновь вспыхнувшие обиды. Тогда же Бодянского спросили, будет ли завершено начатое во «Временнике» печатание книги «Пчела» — сборника назидательных изречений, анекдотов, рассуждений, составленного в Византии в XI в. и переведенного в Киевской Руси не позднее XII—XIII вв. Осип Максимович, не желавший продолжать не им начатое издание, жестко отвечал: «Но навязывать редактору [т.е. ему, Бодянскому] издание, которого оснований он не разделяет, это можно ли?»¹⁰³.

Внимательный анализ обстоятельств смены руководства ОИДР в 1848 г. и в 1857 г. не позволяет говорить о существовании «определенного джентльменского соглашения» относительно поста президента Общества между Строгановым и Чертковым, как полагал Немировский¹⁰⁴.

Таким образом, в период 1848—1857 гг. Общество, справившись с известными трудностями, успешно продолжало свою работу, несмотря на «темную восьмилетнюю ночь», которая многих повергла в бездействие. И на посту председателя ОИДР Чертков проявил себя как незаурядный руководитель. Он сумел усмирить, прекратить несогласия в ОИДР после «флетчеровской истории» во имя общего дела. Мнения его отличались благоразумием, и он всегда старался держаться середины, избегая крайностей. Славянская тема в ОИДР не исчезла, и во «Временнике» постоянно публиковались различные исследования по проблемам славяноведения. ОИДР переходило к новой форме сотрудничества с научным славянским миром: от контактов с отдельными зарубежными учеными к установлению отношений с научными обществами и организация-

ми. Сложно поэтому согласиться с Л.П. Лаптевой, которая утверждает, что ущерб, нанесенный славяноведческой науке перерывом в секретарстве Бодянского, был невосполним. Она вторит обиженному Бодянскому: «Общество на веки веков попятилось назад...» Но бывший секретарь сам тут же и объяснил причину сего, которая заключалась не столько в перемене секретаря: «На место “Чтений” является “Временник”... В год не более 2-х книжек, если только и то удастся, потому что Общество подчинено уже общей цензуре»¹⁰⁵. К тому же можно привести слова Лаптевой о том, что «славяноведение в России только зарождалось, проходило начальный этап своего становления и развития. Интересующихся славянством было крайне мало, буквально единицы, а специальных журналов не существовало вообще. Критика нередко отрицательно отзывалась о работах по славянским сюжетам, хотя, как правило, и сама плохо в них разбиралась. Не было такой атмосферы и научной среды, которая поддерживала бы стремление изучать славянство. Ситуация изменилась после реформ начала 60-х, когда выросло новое поколение славистов — учеников Бодянского, Григоровича, Срезневского»¹⁰⁶.

«Ученая деятельность Общества в выборе предметов» всегда «зависела от произволения членов и потому всегда оставалась в руках случайности. Однако и случайные работы, доставляемые Обществу, в своей совокупности необходимо выражали направление и вкусы ученых занятий своего времени»¹⁰⁷, — говорил в своей речи, посвященной 80-летию ОИДР, его председатель замечательный историк И.Е. Забелин.

Александр Дмитриевич Чертков с 1834 г. обладал также званием члена Общества любителей российской словесности (1811—1930), главной целью которого являлось исследование истории литературы и языка. «Самые блестящие его собрания» были в 1818 г., когда Александр I и весь его двор находились в Москве. Тогда в заседаниях Общества принимали участие приехавшие из Петербурга В.А. Жуковский, К.Н. Батюшков, Ф.Н. Глинка, А.Ф. Воейков и др. Однако с начала 30-х гг. XIX в. его деятельность неуклонно затухала. Известный поэт и литератор М.А. Дмитриев видел главную причину в том, что ОЛРС, «не будучи закрыто, не будучи уничтожено», «упало», перестало существовать в самой личности председателя. После А.А. Прокоповича-Антонского, который умел направлять работу его членов и «умел из малых денежных средств Общества извлекать многое», председателем стал Ф.Ф. Кокоскин, литератор, директор московских театров. С него и начались, по мнению Дмитриева, «безурядицы». Он не умел «направлять мнения членов, думал более о наружном блеске собраний». При избрании в председатели М.Н. Загоскина в Общество стали «принимать в члены всякого, кого ни предложат», в то время как прежде обращали внимание не только на способности, «но и на общественный и нравственный характер предлагаемого в члены, помня, что иногда один человек может повредить целости настроения и согласию всего Общества». Избрание попечителя университета А.А. Писарева в председатели, по мнению Дмитриева, свидетельствовало уже о том, что Обществу

нужна была «поддержка, в которой прежде оно не нуждалось». При нем «пошли одни парады в Обществе». Торжественное заседание, проведенное в 1830 г. «с музыкой, с арфой», поглотило все денежные средства Общества, истраченные на свечи и угощение. Собрания с той поры и прекратились¹⁰⁸.

Титанические усилия к оживлению Общества, которые прилагал выбранный в 1833 г. его секретарем Погодин, оказались в конечном итоге напрасны. Если в 1831 г. Общество ни разу не собиралось, то в 1833 г., несмотря на полное равнодушие М.Н. Загоскина к своим обязанностям председателя, Михаилу Петровичу удалось провести 3 заседания и принять 15 новых действительных членов и 3 сотрудника. В следующем году Общество также пополнилось новыми лицами, но с июля 1835 г. его заседания прекратились вновь на целый год. Избрание в 1836 г. Строганова в председатели Общества не помогло оживить его деятельность. В отчете Московского университета за 1837 г., при котором Общество состояло, объявлялось, что оно по «совершенному недостатку капитала не могло предпринять никаких ученых или литературных действий». Последний секретарь Общества любителей российской словесности Шевырев неудачу выводил из отсутствия денежных средств: «Восстановить Общество хорошо, да надобно Обществу иметь капитал, а у него всего 200 [руб.] ассигнаций. На свечи неостанет. К тому же нужна поддержка. В ком найти ее?» В 1849 г. пытались заполучить в председатели сенатора С.Д. Нечаева, но он отказался. И деятельность Общества замерла на целых 20 лет¹⁰⁹.

ГЛАВА 4

ЧЕРТКОВСКАЯ БИБЛИОТЕКА

«Библиография (книгописание), или основательное познание о книгах, составляет существенную часть истории народного просвещения, но она не только показывает состояние и постоянное распространение наук вообще — она образует вкус к хорошим сочинениям»¹.

«Всеобщая библиотека России...»

В активе общественной деятельности А.Д. Черткова — его библиотека, богатейшая коллекция книг по русской истории, археологии, этнографии, географии, статистике, искусству, религии, праву, по истории и географии славянских народов. Особую ценность представляли в ее собрании старопечатные книги. Эта библиотека — целое событие в культурной жизни до-революционной Москвы.

А.Д. Черткову досталась неплохая библиотека от отца и деда, С.И. Тевяшова, собравших довольно много книг, как русских, так и иностранных. Александр Дмитриевич в течение всей жизни постоянно пополнял ее, «возымеv патриотическую мысль составить такую библиотеку, в которой бы находились все пособия для изучения нашего отечества в самом широком смысле»². О необходимос-

ти подобной библиотеки говорили многие ученые и любители отечественной истории, особенно на волне патриотического подъема после 1812 г. Об этом высказывались, как мы помним, в 1817 г. Ф.П. Аделунг, в 1821 г. фон Рихман, обладатель богатой библиотеки, «собранной с великими трудами и издержками»³. Но до А.Д. Черткова никто не только не приступал к осуществлению подобного грандиозного предприятия, но даже и не ставил себе такой цели — ни частные лица, ни государственные учреждения. Да и сам Чертков, несмотря на свои значительные денежные возможности, энергию и пламенное желание, весьма сомневался в успехе: «Собрать все, что когда-либо и на каком-либо языке писано о России, долго казалось нам предприятием неудобноисполнимым. Между тем, книги покупались,

¹ А.Д. Чертков (1798-1858).

библиотека с каждым годом увеличивалась так, что мы, наконец, начали уверяться в возможности исполнения нашего плана»⁴.

С этой целью Чертков неоднократно ездил за границу, где «открывал новые источники, находящиеся на всех европейских языках и славянских наречиях у писателей, по какому-либо поводу говоривших о России»⁵. Примечательны описания его хождения, нет, — бегания по книжным развалам, лавчонкам, книгопродавцам, антикварам, распродажам везде, куда бы только он ни приезжал, с одной целью — отыскать редкую книгу, особенно старопечатную, манускрипты. За нужной книгой, например, К. Мюллера «Этрусски» (1828), ставшую «библией этрускологии», Чертков пускался в вояж: Вена, Дрезден, Франкфурт и другие города Германии⁶. Он тщательно отыскивал ценные книги, которые «не только в России, но и за границу сделались библиографическими редкостями»⁷. Кроме того, он «роздал приказы книгопродавцам и комиссионерам о доставке книг. Кольчугин, Зайцевский и другие торговцы старыми книгами работали сильно, библиотека Черткова ежедневно увеличивалась новыми приобретениями...»⁸.

Увлечшись исследованием истории зарубежного славянства, Александр Дмитриевич несколько изменил свой первоначальный план сбора книг лишь по истории России и начал активно комплектовать библиотеку изданиями, посвященными славянским народам. Поиск книг сопряжен был с определенными трудностями, но не менее сложно было и ввезти в Россию печатные издания, приобретенные в чужих краях. На страже стоял Устав о цензуре, Высочайше утвержденный

22 апреля 1822 г. и ужесточенный в мае 1850 г. мнением Государственного совета «О предупреждении ввоза из-за границы запрещенных книг». Сохранилась переписка Черткова с Комитетом иностранной цензуры в Петербурге, рассмотревшим список 70 книг, привезенных Чертковым в 1854 г. из своей поездки по Европе. Александру Дмитриевичу, несмотря на свою известность ученого, пришлось вступать в объяснения по поводу купленных им книг: «Вот уже около 40 лет как я собираю библиотеку из книг на разных языках, но исключительно относящихся до России... Собирая эту библиотеку, я имел в виду доставить нашим ученым необходимые пособия для истории и описания нашего отечества, потому что большая часть из этих книг на иностранных языках не только у нас, но и за границую сделались библиографическими редкостями. Они не находятся даже в библиотеке Московского университета, но в нашем Историческом обществе весьма часто наши ученые обращаются для необходимых им справок в мою библиотеку. С этой целью я и теперь, находясь нынешним летом за границею, купил в Вене несколько таких книг, частию для себя и частию для библиотеки Общества истории и древностей российских»⁹.

46 сочинений было найдено вполне позволительными; «6 сочинений, запрещенных для публики», были возвращены «под узаконенную подписку в не передаче оных посторонним лицам», и задержаны 18 иностранных книг, еще не известных цензуре, «при всем уважении к благонамеренной и истинно полезной цели, с каким Ваше превосходительство изволили их приобрести»¹⁰. А вот и сама подписка А. Д. Черткова: «Дана мною подписка

Сергей Александрович Соболевский

сия Комитету цензуры иностранной в том, что вышеуказанные сочинения приобретены мною в чужих краях лишь для собственного моего употребления и что я оных никому из посторонних лиц передавать не буду (Voyage en Russie, Tartari et Turque par E.D. Clarke. Paris, 1812. 2 vol. Tableau de la mer Baltique par Catteau Colleville. Paris, 1812)¹¹ («Путешествие по России, Татарии и Турции» Е.Д. Кларка). После специального ознакомления книги были переданы Черткову через московского гражданского губернатора, но две из них оказались подлежащими безусловному запрещению, при котором такие книги «не могли быть возвращены без всеподданнейшего испрошения на то Высочайшего соизволения». Чертков писал А. Красовскому, что книга Alfred de Musset. Premières poesies. 1828–1835 (Paris) была куплена его дочерью, а сочинение Histoire religieuse des peuples slaves par C.V. Krasinski (Paris, 1853) (История религии славянских народов Красинского) Чертков

не читал, так как приобрел его в последний день отъезда из Парижа¹². Но если говорить откровенно, то строгости цензуры были вполне закономерны и вызывались объективными причинами, поскольку книги эти были исполнены враждебности по отношению к России. Они и изданы были во Франции, которая в то время проводила антирусскую политику. В Париже обрели убежище польские эмигранты после подавления восстания 1830–1831 гг. «Отель Ламбер», аристократическая часть польской эмиграции, возглавляемой князем А. Чарторыйским, беспрестанно подстрекал своих соотечественников к бунту. А жалобы польской эмиграции, ее вопли ненависти в адрес России находили благоприятную почву именно в этой столице Европы.

Александр Дмитриевич встречал деятельное сочувствие своим планам создания библиотеки в лице многих своих знакомых, таких же, как и он, увлеченных библиофилов, предложивших свои услуги в поисках нужных книг. Среди них С.А. Соболевский (1803–1870), «уставший скиталец по белу свету», англоман, друг поэтов и художников всего мира, приятель Пушкина. Соболевский писал Черткову: «В нынешнюю мою поездку за границу нередко случалось мне жалеть, что при мне не было Вашего каталога: я много встречал книг, а особливо книжонок об России, которых, помнилось, у Вас нет и из коих я многие оставил потому только, что они не входили в круг моего собрания. Торговля старыми книгами, следование за аукционами, за продажными библиотеками сделались ныне на многих пунктах Германии, Англии и Италии делом таким постоянным и добросовестным, что я желал бы следующего:

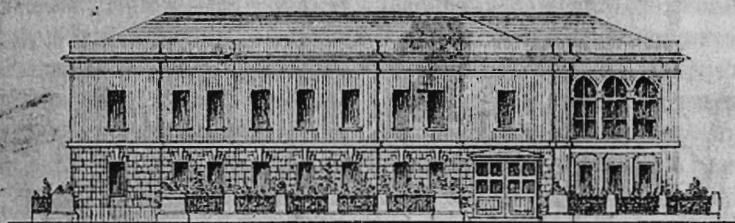
видеть список иностранных ваших книг, напечатанный мелко и убористо на немногих листах. Рассылкою этого списка Вами скоро могло бы быть достигнуто пополнение этой части Вашего прекрасного собрания». Соболевский рекомендовал Черткову книготорговцев в Лейпциге, в Берлине, в Лондоне, в Париже, в Вене, но предупреждал, что «они все не весьма совестливы ни на счет цен, ни на счет полноты экземпляров, особенно вне Англии, где старые книги вообще дешевле, чем on the continent» [на континенте]¹³. В 1851 г. Сергей Александрович прислал из Мадрида редкие испанские книги, которые стали первыми в библиотеке Черткова на этом языке. Александр Дмитриевич был приятнейше обрадован, что и в далеком Мадриде вспомнили о московском библиофиле. Соболевский всегда охотно выполнял поручения Александра Дмитриевича, разыскивая и присылая ему просимые книги, в свою очередь Чертков с готовностью находил и отправлял Соболевскому требуемые им издания. Книги — основной предмет внимания их переписки¹⁴.

Одесский историк Н.Н. Мурзакевич неизменно хлопотал о библиотеке Черткова. Он предложил ее владельцу воспользоваться услугами продавца старопечатных книг Пискарева, который торговал в Одессе¹⁵. Содействие, оказываемое библиофилами друг другу, было просто необходимо, поскольку в то время существовали зачастую непреодолимые преграды в книжной торговле даже в пределах России, на что жаловались многие ученые в своих письмах. В 1846 г. И.П. Сахаров сообщал из Петербурга О.М. Бодянскому: «Чтения были в продаже. Здесь их спрашивают — взять негде. Наши

книгопродавцы как мертвые трупы, существуют только своими изданиями». На что Бодянский ему отвечал в том же духе: «Журнал наш в нашей столице идет больно ходко... Его спрашивают в Питере и получают в ответ многозначительное “нет!”». То же самое и с нами здесь в рассуждении изданий петербургских».

Чертков широко обменивался книгами, каталогами, всегда стараясь помочь своим коллегам в приобретении того или иного нужного сочинения. И ему многие авторы с благодарностью подносили сочинения своего пера, о чем сообщают дарственные надписи на книгах из его собрания. К Черткову в 1845 г. обращались его добрые знакомые из Петербурга академик Кеппен и генерал от инфантерии Шуберт с просьбой прислать книги М.А. Оболенского, вышедшие в Москве, поскольку в Петербурге невозможно было достать его сочинения¹⁶. Чертков также неизменно посылал свои сочинения в Петербург академикам Х.Д. Френу, Ф.И. Кругу, П.Н. Фусу, А.И. Шегрену, Н.Г. Устрялову, М.И. Броссе, А.Х. Востокову, А.Н. Ленину. Не забывал он и Москву, даря свои произведения библиотекам ее учебных заведений: сохранились письма с благодарностью из Московской духовной семинарии, из Московской 3-й реальной гимназии за 10 книг и др.¹⁷. Профессор кафедры русского языка, словесности и истории в университете Гельсингфорса Я.К. Грот (1812—1893) благодарил московского ученого «за обогащение возникающей здесь русской библиотеки сочинениями столь несомненного достоинства и притом столь замечательными в типографском отношении»¹⁸. В архиве историка есть письма с просьбой о присылке книг

ВТОРОЕ ПРИБАВЛЕНЕ
КАТАЛОГА КНИГЪ
БИБЛИОТЕКИ
А ЧЕРТКОВА

МОСКВА.

1844.

Авантитул «Всеобщей библиотеки России»

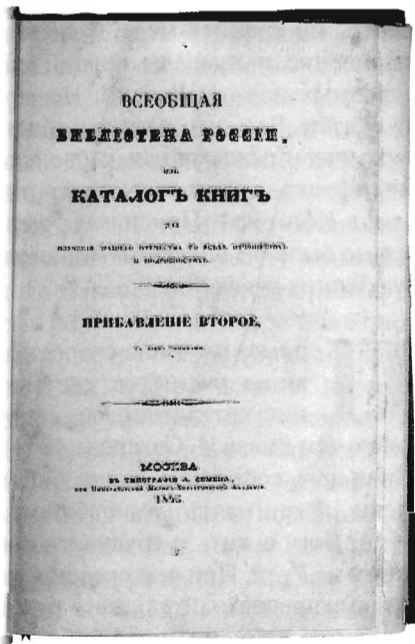

и обмене от профессора из Петербурга Я.Я. Рейхеля, с просьбой прислать каталог от епископа Филарета¹⁹. Александр Дмитриевич делал и более щедры и ценные подарки: он преподнес Румынской академии наук лист славянской рукописи, писанной на пергаменте в Румынии в начале XVII в.²⁰. На книги Черткова и после смерти автора не прекращался читательский спрос, о чем убедительно свидетельствуют письма к библиотекарю Чертковской библиотеки П.И. Бартеневу с просьбой о присылке как отдельных произведений ученого, так и полного издания его трудов²¹.

Уникальность этой библиотеки великолепно осознавалась коллегами Александра Дмитриевича уже при его жизни. Так, в октябре 1841 г. И.П. Сахаров писал из Петербурга, восторгаясь библиотекой: «Да сохранится она в роды родов — со всеми библиографическими сокровищами. Еще не было подобного предприятия у нас — собрать о России все, что было писано — и, вероятно, долго не дождется повторения. Желаю вашей библиотеке прочности и умножения. С прискорбием смотрю теперь на уничтожение двух частных библиотек в С.-Петербурге — Солокадзиева и Кастерина. Первый собирал несколько лет и помер, ничего не сделавши, второй, собравший до 800 истинно библиографических редкостей — книг старопечатных с 1721 г., — решился все продать — от одной только усталости собирать более. Кастерин²² — купец; ему еще можно простить эту усталость, но вы не можете себе представить, что сделали с библиотекой графа Румянцова!»²³. Как известно, созданный в Петербурге после смерти графа Н.П. Румянцова общедоступный музей, в котором были собраны рукописи, книги, мо-

неты, этнографические и минералогические редкости, в 40-е годы XIX в. «впал в совершенное запустение».

«Кому принадлежит полнейшее собрание книг о России? Какой академии, какому университету, какому ученому обществу?» — риторически вопрошал М.П. Погодин читателей, сообщая со страниц «Москвитянина» о библиотеке Черткова²⁴. Только барон М.А. Корф, вступив в 1850 г. в управление Императорской публичной библиотекой, поставил перед собой одной из главных целей «соединить в ней все, что когда-либо и на каком бы то ни было языке напечатано о России по всем отраслям внутренней и внешней ее жизни, образовав при ней специальное отделение “Rossica”». «Государю императору благоугодно было удостоить эту мысль особенного покровительства, и вследствие того из Эрмитажа и других придворных библиотек передано в Публичную все, чего еще в ней не было. Присоединившиеся к сему щедрые приношения наших ученых установлений и многих частных лиц, обмена и, наконец, весьма значительные покупки на собственные средства библиотеки сосредоточили в ней богатства, которые ставят ее, как я смею думать, на первое в ее специальности степеню. При всем том мы никак не можем похвалиться, что у нас собрано было уже все по этой части существующее»²⁵, — делился с Чертковым своими проблемами новый директор в 1853 г. Между библиотеками установился постоянный книгообмен. Императорская публичная библиотека в уважение достоинств и заслуг А.Д. Черткова на поприще просвещения и библиографии избрала его своим почетным членом (1850 г.). В благодарность Чертков прислал в нее по одному экземпляру своих сочинений, а также несколько

Титульный лист «Всеобщей библиотеки России». М., 1845.

изданий, «напечатанных у западных славян глагольским шрифтом»²⁶. Чертковская библиотека состояла в обмене книгами и с библиотекой Румянцевского музеума²⁷:

Активное комплектование научной библиотеки вызвало настоятельную необходимость составления каталога. В 1838 г. ученый начал издавать «Всеобщую библиотеку России, или Каталог книг для изучения нашего отечества во всех отношениях и подробностях» с соблюдением всех правил библиографического описания того времени. К изданию было приложено «Первое прибавление» каталога, включавшее «Описание книг, вновь приобретенных». Через семь лет появилось «Второе прибавление». Всего в каталоге насчитывалось 4701 название книг, касавшихся русской истории, статистики, политики, минералогии...

Следует подчеркнуть, что Чертков лично работал над составлением каталога своей библиотеки. Прежде чем отправить приобретенную книгу на полку, он прочитывал ее, делал краткую характеристику, которую почти всегда заносил в каталог, хотя бы в двух-трех словах. Александр Дмитриевич не без внутренней гордости замечал, что он имел редкое право сказать, что его библиотека состоит «не только из собранных, но вместе с этим прочтенных книг». Часть его заметок вошла затем во «Второе прибавление каталога», при этом автор «при книгах, которые подавали» ему повод, считал просто необходимым «высказать собственное мнение в отношении к древнейшей истории словен. Этот предмет столь мало еще исследован, что невольно налагает обязанность на каждого мыслящего писателя изложить свое мнение». Во «Втором прибавлении» он усовершенствовал справочный аппарат, дополнил десятью точными и подробными указателями, или, как их тогда называли, росписями, среди которых были указатели имен сочинителей, переводчиков, издателей — в целом более двух тысяч фамилий. Этот материал мог послужить, по мнению Черткова, основой для полного словаря писателей. Кроме того, как неоспоримое свидетельство богатства собрания, он приложил к этому изданию три копии — с глаголической рукописи на пергаменте и двух славянских старопечатных книг XVI в., привлечших его своим необычным шрифтом и приобретенных им в Венеции²⁸.

Об аннотациях с уважением отзывался в своем письме к автору академик П.А. Плетнев (1792–1865), ректор Санкт-Петербургского университета: «С любопытством и жадностью я немедленно пробежал это

собрание материалов, без которых не только изучающие историю России, но и просто русские литераторы всегда будут бродить во тьме. Не могу постигнуть, как Вы успеваете обнимать и приводить в исполнение столько ученых предприятий — и с таким совершенством во всех отношениях. Можно сделаться самым ученым и начитанным человеком даже по одним Вашим коротеньким заметкам на книги. Не так легко достать русские книги... Вообразите мое отчаяние. Я отправил помощника здешней университетской библиотеки для отыскания самого каталога Вашего (1838 г.) и Первого к нему прибавления. Он изъездил весь город, побывал во всех книжных магазинах, лавках и лавчонках, и везде был один ответ, что этих книг не имеется. И так от Москвы до Петербурга для книг такой же неудобовыносимый переезд, как до Пекина»²⁹. Плетнев попросил экземпляр каталога Черткова для университетской библиотеки. Однако Чертков напечатал каталоги в небольшом количестве (ч. 1 — 200 экземпляров, ч. 2 — 100 экземпляров) и за 7 лет «все раздал знакомым и приятелям», «ученым людям и обществам», а спрос по-прежнему был велик³⁰. Александр Дмитриевич сожалел, что «так мало напечатано, но тогда казалось, число слишком достаточное для частного каталога. Самое неприятное, что теперь должен отказывать тем людям, которых я привык давно любить и уважать»³¹.

Кеппен писал: «Признаюсь, каталог Ваш пробудил во мне библиографические мои страсти. Хвала Вам, почтеннейший Александр Дмитриевич, за такой благой дар нашему отечеству! В особенности интересуется меня этнографическая часть, ибо с некоторого времени этот предмет

меня занимает и я желал бы определить, по крайней мере, численное отношение и пределы жилищ разнородных племен России. Не могу не сказать Вам, что вскоре пойдет в распылку превосходная словенская библиотека славного нашего знакомца Копитара. Признаюсь, желательно было бы видеть эту библиотеку в Ваших руках»³².

Пример Черткова скорее подвигал ученых к составлению каталогов своих собраний, о чем писал И. Сахаров в 1841 г.: «Зная цель собирания вашей библиотеки и занимаясь сам библиографией, могу судить о трудности собраний на Руси. При сем представляю Вашему превосходительству³³ первое отделение каталога своей библиотеки. Мое собрание состоит из 162 рукописей. Со временем надеюсь допечатать еще три отделения»³⁴.

К.М. Бороздин (1781—1848), печатильщик Петербургского учебного округа (1818—1833), с 1833 г. — сенатор, знаток русской истории, обладатель богатой библиотеки, которая поступила в Румянцевский музей, заслуженно оценив каталог Черткова, предложил его автору грандиозный проект плана по созданию единого каталога всех библиотек России. «На первый раз можно бы довольствоваться московскими книгохранилищами, например, Московского университета с его обществами, Духовной академии, архива МИД, также частными. После можно обратиться в Петербург... Такой труд был бы совсем монументальный и сделался [бы] необходимой настольной книгою каждого занимающегося Россией»³⁵. Чертков, вероятно, весьма аргументированно доказал невозможность осуществления подобной идеи без издания ката-

логов частных библиотек, поскольку в ответном письме Бороздин согласился со справедливостью доводов Черткова. Он возмущался тем, что до сих пор (1842 г.) «каталог первой нашей библиотеки [Императорской публичной] не только не напечатан, но и не кончен. Без сомнения, Вы оказали важную услугу изданием каталога Вашей библиотеки, еще более мы благодарны Вам за описание Вашего собрания древних русских монет; Вы, можно сказать, первый сообщили умственное движение по части нашей нумизматики; Бог Вас благословил хорошим состоянием и одарил обширными познаниями; кто же, кроме Вас, может исполнить теперь мою мечту?»³⁶. Трудно удержаться, чтобы не привести мнение академика А.В. Никитенко о постоянном корреспонденте А.Д. Черткова К.М. Бороздине: «Я не знаю человека с более благородным сердцем. Он не учился систематически, но читал много и, что чудо между нашими дворянами и администраторами, размышлял еще более. Он имеет обширные познания в русской истории, которую изучал как патриот и вместе как философ. Ум его возвышен. Поэтическая фантазия нередко уносит его из области нашей мертвой и горестной действительности в чистую, светлую область идей... Он ждет для России лучшего порядка вещей и, любя ее превыше всего, превыше самого себя, со смирением несет тягости общественные».

Академик Я.И. Беренников писал в 1845 г.: «“Всеобщая библиотека России” блистает европейской отчетливостью, как алмаз, в толпе подобных книг, которые у нас, как и многое, любят издавать как попало. Ею и каталогами Строева рукописей и старопечатных книг положено твердое основание

русской ученой библиографии»³⁷. Его мнение полностью совпадало с оценкой И.И. Срезневского, который подчеркнул, что Чертков стоял у истоков русской библиографии³⁸. При составлении обзора русской литературы в 1845 г. В.Г. Белинский посчитал, что хороших книг серьезного содержания в России выходило по крайней мере втрое больше, нежели чем книг по части легкой литературы. Особенно радовало критика видимое усиление литературы по русской истории, среди которой он отметил Второе прибавление к «Всеобщей библиотеке России»³⁹. Не менее высокая оценка дана труду Черткова советским библиографом Н.В. Здобновым: «Благодаря огромному материалу и высокому качеству его обработки чертковский каталог до сих пор сохраняет значение одного из важнейших библиографических пособий по истории и географии СССР»⁴⁰. Каталог Черткова, по отзывам специалистов, и до сих пор не утратил своей ценности и наряду с указателями Ламбиных и Межова служит надежным помощником в работе библиографов⁴¹.

Чертков продолжал думать над изданием нового каталога своей библиотеки. К нему поступали просьбы о присылке его первых каталогов, из которых у него осталось только четыре экземпляра Первого и ни одного Второго. Из письма к С.А. Соболевскому от 1851 г. мы узнаем, что Чертков намеревался издать «полный каталог всего, что он собрал, т.е. все, что помещено в первых двух каталогах и что приобретено с 1844 г.»⁴². Книг у Александра Дмитриевича с 1844 г. набралось довольно. Летом 1851 г. Чертков «желал бы очень исполнить это», «если служебные занятия, семейные дела и общественные обязанности мне

Петр Иванович Бартенеv

дозволят. Хлопот и занятий много, а времени очень мало. Летом менее бывает служебных занятий, но вот два лета сряду я должен был провезти на южном берегу Крыма по болезни жены, а составлять каталог в отдалении от библиотеки — невозможно⁴³. Он так и не сумел претворить в жизнь свое намерение, свободного времени уже не нашлось.

По воспоминаниям современников, А.Д. Чертков всячески поощрял интерес к прошлому России и славянских земель, находя высокое наслаждение в содействии по возможности в жизни свое намерение, свободного времени уже не нашлось. Он очень дорожил собранием книг «на церковнославянском, русском, немецком, французском, даже голландском и испанском языках, посвященных познанию России и славянства в историческом, археологическом, литературном, нравописательном, медицинском и других ученых отношениях», коллекцией греческих древностей,

русских монет, но в доступе к ним никогда никому не отказывал. Все, кто любил историю, пользовались его книгами, а московские ученые не только работали в его библиотеке, но и брали книги на дом. Однако библиотека помещалась в жилых комнатах старого, не совсем удобно расположенного дома, и поэтому не всякий ею мог пользоваться. Отстроить для нее особое помещение было заветной мыслью Александра Дмитриевича. Занимала его также и иная идея. Из письма П.А. Бессонова к М.П. Погодину явствует, что многие москвичи: «Лобков, Уваров, Чертков, Соболевский давно уже говорили и говорят, что, если бы в Москве [была] публичная библиотека, они бы уступили свои»⁴⁴. Но только один Александр Дмитриевич приложил реальные усилия к ее созданию. Сам он не успел воплотить свою мечту в жизнь, но его сын Григорий Александрович, выросший «посередине книг», стал достойным преемником своего отца, по духовному завещанию предоставившего свою библиотеку в полное распоряжение сына⁴⁵. И бесценное книжное собрание не исчезло, как исчезла, скажем, тщательно подобранная, в 25 тыс. томов библиотека Соболевского, который сам всегда смотрел на распыление ценных библиотек как на преступление, ничем не оправдываемое. Его книжное собрание было продано его наследниками за 25 тыс. талеров лейпцигскому книготорговцу Листу, пустившему его с аукциона. И такая печальная участь постигала многие замечательные коллекции, когда их создатели умирали, а детям или наследникам они были ненужны и обременительны.

Родительское счастье Александра Дмитриевича заключалось в том, что не только сын, но и дочери разделя-

ли понимание общественной значимости этого уникального книжного собрания. В Москве в 1863 г. дочери А.Д. Черткова — Е.А. Голицына, С.А. Ермолова, А.А. Винтулова — подписали документ, по которому их брат Г.А. Чертков в случае «неженитьбы и бездетной его кончины по духовному своему завещанию отказывает нам всю свою родовую и благоприобретенную недвижимость и движимость, а библиотеку свою с принадлежащими к ней собраниями и мебелью жертвует в пользу г. Москвы; то на содержание той библиотеки мы... добровольно обязываемся выплачивать единовременно Московской городской думе 100 тыс. руб. серебром каждая из нас по равной части»⁴⁶.

Москвичам памятна Чертковская библиотека, открытая в 1863 г. в специально построенном Григорием Александровичем Чертковым здании. «В память моего отца, посвящавшего свои досуги занятиям ученым, я приспособил эту библиотеку к общественному пользованию и с 1863 г. открыл ее для бесплатного чтения»⁴⁷. Согласно желанию А.Д. Черткова библиотека должна была быть не только публичной, но и бесплатной. В Москве на тот период не было ни одной бесплатной библиотеки, даже в университетской приходилось платить. Исключением являлись клубные библиотеки, самая богатая из них принадлежала Английскому клубу, но сам доступ в клуб требовал значительной платы. Любопытно, что эту библиотеку привел в надлежащий порядок и составил ее систематический каталог С.А. Соболевский⁴⁸. Таким образом, радость познания книжной премудрости прежде была предоставлена исключительно состоятельным людям. С открытием первой бесплатной публичной Чертковской биб-

лиотеки отворился широкий доступ всем желающим вкусить ее бесценных книжных сокровищ.

Но прежде была проведена огромная работа Петром Ивановичем Бартевым (1829–1912), ставшим в 1859 г. заведующим Чертковской библиотекой. Григорий Александрович долго и тщательно подбирал кандидатуру главного хранителя, пока старинный приятель А.Д. Черткова С.А. Соболевский не указал ему на Бартева. И они не ошиблись. Следует особо подчеркнуть: Чертковской библиотеке невероятно повезло, что она оказалась в надежных руках этого удивительного труженика — «человека ума оригинального, великого любителя и знатока русской истории XVIII–XIX вв., ревностного генеалога, неутомимого библиографа...», «разностороннего исследователя редкого трудолюбия», который воистину дал ей вторую жизнь. Все хозяйственные и технические нужды библиотеки также находились под бдительным оком Петра Ивановича. Григорий Александрович Чертков воспользовался драгоценной помощью искусственного в библиографическом деле Соболевского в руководстве по подготовке нового аннотированного каталога. В письме от 15 ноября 1859 г. Соболевский уведомлял Бартева, что он изрезал, разделив по названиям, два прежних каталога Черткова и собственноручно наклеил на особые листы, «что заняло около 10 дней прилежных усилий». Соболевский писал: «За эту работу я считаю себя вправе на возмездие. Возмездие это должно состоять в том, что Вы точным исполнением моих советов в будущем не обратите труда моего в труд напрасный...» Письмо содержало многочисленные практические рекомендации,

следование которым должно было превратить «Роспись книг Чертковской библиотеки» в образцовый научный каталог. «Вообще я замечу, что напечатание каталога необходимо сделать до открытия самой библиотеки. Потом можно будет издавать по мере приращения библиотеки прибавления. При этом напечатании должно сохранить из благодарности к основателю и порядок, им принятый, и систему, которой он следовал, и замечания, им сделанные»⁴⁹, — советовал опытнейший знаток библиографии. В 1863 г. П.И. Бартнев выпустил каталог Чертковской библиотеки в трех томах, включавший более 9500 названий. Он бережно отнесся к труду создателя первого каталога, сохранив все его примечания и отметив их на полях книги инициалами собирателя, а на вновь поступившие книги написал некоторые аннотации сам. Каталоги Чертковской библиотеки стали образцом для библиографических работ, настольной книгой «для проверки числа страниц», полноты текста и целостности таблиц и «рисунков в приобретаемых изданиях», — подчеркивал известный библиограф Н.Ф. Бокачев. Они «были моими постоянными руководителями в новом и для меня трудном деле выбора книг» для библиотеки⁵⁰.

В сентябре 1859 г. Бартнев докладывал Г.А. Черткову, что он разобрал 45 коробов и 1 ящик с книгами; остались неразобранными и неописанными 7 коробов. В течение осени 1859 г. и зимних месяцев он предполагал перевести на карточки печатный каталог, описать книги из неразобранных коробов, за исключением рукописных портретов и ландкарт, чтобы затем приступить «к изданию в свет каталога в виде книги, который должен сделаться

одним из существенных приобретений русских ученых литератур»⁵¹. «Библиотека была описана и размещена по способу, принятому в библиотеке Британского музея и вводимому нынче Петербургской публичной. Имелось 3 росписи [каталога] книг: перечневая [инвентарный] — по месту нахождения книг, в тетрадах; азбучная [алфавитный] — для немедленного отыскания их; предметная — в которой вся библиотека описана по отделениям и статьям»⁵². Вскоре заведена была еще «хозяйственная роспись» для новых книг с краткими аннотациями (картотека новых поступлений). Всего в декабре 1863 г. в Чертковской библиотеке насчитывалось 9504 сочинения в 17 300 томах, к январю 1864 г. находилось уже 10 312 сочинений на церковнославянском, русском, немецком, итальянском, французском, голландском, испанском языках XVI—XIX вв. Обычно забывают упомянуть и славянские языки — сербский, болгарский, чешский...

Владелец библиотеки Г.А. Чертков приглашал в 1863 г. ученых и литераторов, а также «своих знакомых и лиц, известных библиотекарю П.И. Бартневу, кому угодно, посещать библиотеку 3 раза в неделю». При этом в объявлениях, помещенных в московских и петербургских газетах, уточнялось: «От 11 до 3 часов утра по понедельникам и средам обыкновенно занимаются в библиотеке чтением, а по пятницам можно только осматривать ее достопримечательности» — редкости и рукописи⁵³. В 1865 г. число читателей не превышало 12 человек в день. Эта скромная цифра совершенно справедливо объяснялась Бартневым тем, что «Чертковская библиотека содержит в себе исключительно книги, касающиеся одной России, тогда как главный спрос в настоящее время на

сочинения юридические и по наукам естественным»⁵⁴. Через год количество читателей заметно увеличилось, как писал Бартенев 21 ноября 1866 г.: «Ныне ходят читать по 30 и более человек в понедельник, среду и субботу, т.е. втрое больше против прежнего». Однако библиотека не могла быть открыта ежедневно, «пока не отпечатается каталог»⁵⁵, — добавлял Петр Иванович.

Библиотека располагалась в правом крыле дома Чертковых на Мясницкой, окнами выходя на Фуркасовский переулок (д. 7), в прекрасном здании в два этажа с верхней обходной галереей и «подвальным помещением, где находились кладовые и духовые печи, отопливающие все здание. Свет и тепло были в изобилии. Для предотвращения здания от возможности пожара связи, колонны делались железными, а пол был выложен каменной мозаикой, как в Почтамте». Помещению придавали воздушную легкость и новую эстетику чугунные колонны, на которые опиралось перекрытие второго этажа, которое могло иметь, как полагает Н.С. Датиева, стеклянную кровлю на металлическом каркасе для лучшего освещения коллекций, демонстрировавшихся в галерее. Принцип светового фонаря был широко распространен в архитектуре общественных зданий — в музеях, библиотеках, пассажах и т.п.⁵⁶

Читатель, оставив верхнюю одежду при входе и ознакомившись с висевшими здесь правилами пользования фондами и каталогами, поднимался по каменным ступенькам роскошной лестницы и через чугунные двери, сквозь которые открывался вид на залы библиотеки, попадал внутрь. В зале А, главном помещении, в простенках между окнами было расположено 32 шкафа с 13 тыс. книг. В зале Б храни-

Экслибрис библиотеки
Александра Дмитриевича Чертова

Экслибрис библиотеки
Григория Ивановича Чертова

лись в больших шкафах рукописи (до 300), на столах были разложены географические атласы и иллюстрированные издания большого формата. В залах В и Г помещались шкафы с древними вещами, утварью, иконами и монетами. Здесь же в особых ящиках содержалось собрание русских монет. Имелся небольшой энтомологический кабинет. Старинный комод черного

дерева с рисунками на белой кости заключал в себя древние греческие и римские монеты. Здесь же висела копия портрета А.Д. Черткова кисти Зарянки, под которым на чугунной подставке размещены были в виде горки этрусские вазы, привезенные Александром Дмитриевичем из Италии. В зале Ж⁵⁷ можно было любоваться большим собранием минералов. Был выставлен также камень в деревянной раме, покрытый египетскими иероглифами, но их значения никто не знал⁵⁸. Обширный зал Д был предназначен для чтения. Посредине в нем стоял овальный стол с креслами, а вдоль стен высились 11 шкафов со старопечатными книгами. Позднее, при увеличении количества читателей, появились отдельные столы с креслами. У среднего окна читатель мог видеть мраморный бюст основателя библиотеки работы Н.С. Пименова. По стенам развешаны были портреты, по большей части деятелей и вельмож Екатерининского века, а также Наполеона I, А.П. Ермолова, графа З.Г. Чернышева и др. Грудной портрет П.П. Палена, работы знаменитого Доу, принес в дар барон О.Д. Шеппинг⁵⁹. Впоследствии портреты вместе с библиотекой были переданы в Исторический музей⁶⁰. Читатели сами искали нужные книги по азбучному каталогу и «бросали свои требования в нижний этаж здания, откуда подъемная машина доставляла книги для чтения». Заказы исполнялись немедленно. Кроме того, был образован «особый отдел для поиска и справок», т.е. библиографический отдел.

Сложившаяся при жизни А.Д. Черткова система приобретения книг не только сохранилась, но и получила дальнейшее развитие. Книготорговец Н.И. Крашениников предложил свои услуги Г.А. Черткову «без посторонней рекомендации, тем более что Вы

знаете мою личность сами, а равно и занятия мои: я собирал несколько лет разные сочинения для библиотеки Александра Дмитриевича, надеюсь и Вам заслужить и быть по возможности сил моих полезным в доставлении книг всякого рода, а что действительно знаю свое дело, так за меня ручается моя 30-летняя... книжная торговля»⁶¹. Г.А. Чертков присылал книги из Парижа и Петербурга. Похоже, что заботой о библиотеке прониклись многие члены этого семейства, поскольку Г.И. Чертков, двоюродный брат, снабжал ее некоторыми изданиями из своего собрания, о чем свидетельствуют сохранившиеся на книгах экслибрисы Г.И. Черткова.

Бартенева внимательно следил за книжным рынком. К тому же слава и популярность Чертковской библиотеки непрерывно росли, поэтому развивались и ее связи: происходил обмен дублетными экземплярами с Императорской публичной библиотекой, библиотеками Академии наук, Киевского университета, покупались книги у частных лиц. Г.А. Чертков для пополнения своей библиотеки редкими изданиями обращался непосредственно к книготорговцам зарубежных стран. Сохранилось письмо в архиве Бартенева, посланное из Лондона 17 сентября 1863 г., с сообщением о выполнении заказа на требуемые книги на английском языке из разряда путешествий иностранцев, в частности англичан, по России, а также с предложением снабжать как Чертковскую библиотеку, так и других любителей книг огромной столицы не только английскими изданиями, но и книгами на других языках, кои в Лондоне имелись почти все⁶².

Историки Э.В. Шульгина и М.М. Черниловская в обстоятельной

статье «А.Д. Чертков и история его библиотеки» сделали весьма тонкое наблюдение о том, что «Чертковская библиотека явно находилась под покровительством научной общности Москвы» и что «ученые считали за честь передать рукопись или книгу в библиотеку»⁶³. Действительно, Чертковской библиотеке в дар передавались собрания от графа А.В. Мусина-Пушкина, князя В.Ф. Одоевского, Ю.Ф. Самарина, И.И. Бибикова, М.М. Евреинова, М.А. Корфа, Н.Н. Муравьева-Карского, И.П. Липранди и др. В 1864 г. В.Д. Арнольди, урожденная Свербеева, принесла в дар бесценную тетрадь рукописей М.Ю. Лермонтова. Но нам кажется, что причины, побуждавшие отдавать в Чертковскую библиотеку рукописные или книжные сокровища, были глубже, и проистекают они из размышлений о том, что уникальные коллекции должны принадлежать не частному лицу, а отечеству, о чем позднее, в 1873 г., писал Г.А. Чертков в Московскую думу. Кроме того, предпочтение, оказываемое именно Чертковской библиотеке, заключалось в том, что основательность, с которой была предпринята ее организация, также внушала современникам уверенность в ее долговечности и надежности. Академик Я.К. Грот 11 сентября 1864 г. из Петербурга с горечью написал Бартеневу: «Карамзинская библиотека – увы! – не существует! Ваши слова о русской жизни, к сожалению, слишком справедливы. Наступит ли когда лучшее время?» Сам же Грот, отмечая «прочное положение» Чертковской библиотеки и особо подчеркивая это обстоятельство в письме, просил ее библиотекаря принять ящики со своими рукописями. «Теперь я могу быть спокоен: как скоро будет опасность, я препровождаю их к Вам»⁶⁴.

Любопытны сведения о материальных затратах Г.А. Черткова на содержание библиотеки: она ему обходилась «в 5000 руб. серебром, из коих 2800 руб. идут на жалованье библиотекаря П.И. Бартенева и остальные 2200 руб. на его помощника, сторожей и на приращение библиотеки»⁶⁵. Добрые отношения Бартенева с Г.А. Чертковым зиждились на безусловном доверии: «Вы изволили отпускать по 5000 руб. в год в полное мое распоряжение, и хотя записная книжка ведена мною постоянно... но я должен Вам глубокою благодарностью за... доверие, которое, как позволяю себе надеяться, оправдано приращениями библиотеки в эти 13 лет моего управления»⁶⁶. Их взаимоотношения наполнены теплотой и чуткостью, о чем свидетельствует такое сугубо домашнее предприятие, как покупка в 1869 г. Бартеневыми швейной машинки. Петр Иванович не препятствовал своей жене в выборе, но предлагал обратиться к Черткову, который помог бы выбрать лучшую машинку, так как «он на это великий искусник»⁶⁷.

По количеству редких изданий и книжному богатству с Чертковской библиотекой кроме Императорской публичной библиотеки в Петербурге с ее превосходным отделением «Rossica» могло поспорить только известное собрание А.С. Уварова, создателя Исторического музея. Но оно хранилось в его имении Поречье и было доступно лишь редкому гостю. После 1918 г. его перевезли в Исторический музей, а ныне оно находится в фондах Исторической библиотеки.

Уникальная ценность Чертковской библиотеки заключалась не только в ее книжном богатстве и многочисленных раритетах, но и в обильном рукописном фонде, дра-

гоценном источнике по истории России. «Пользуясь историческими сокровищами Чертковской библиотеки, Петр Иванович мог расширить круг своих научных работ», — признавал внук Бартенева⁶⁸. «Кульг факта, культ документа, сложившийся у Бартенева уже в начале его научной деятельности, постепенно выработал в нем представление о том, что единственно полезное, научно (и общественно!) необходимое поле творчества — это разыскание и введение в оборот конкретных документов прошлого»⁶⁹. В 1863 г. на основе рукописного собрания Черткова П.И. Бартнев предпринял издание журнала «Русский архив», в котором были напечатаны ученые труды по русской старине, а также многие из рукописных материалов Чертковского собрания⁷⁰. Петр Иванович позднее любил говаривать, что издание возникло и велось «в память и по мысли А.С. Хомякова», который оказал на него в молодости значительное влияние. Данное утверждение впоследствии стало более известным и, естественно, повторяется в энциклопедиях и справочниках⁷¹. Но в письме от 27 июля 1866 г. к Григорию Александровичу Черткову Петр Иванович сообщал: «“Русский архив” не только окупается, но и дает мне небольшой доход. С 38 подписчиков в феврале 1863 г. дошло до 850... Мысль об издании такого сборника Ваша, и я с признательностью вспоминаю о том»⁷². Барсуков также отмечал, что «с 1863 г. по мысли владельца начат при библиотеке “Русский архив” и при нем печаталось новое, дополненное издание предметного каталога»⁷³. Впрочем, не столь важно, по чьей инициативе был рожден этот замечательный журнал, главное — он

появился, и появился при Чертковской библиотеке. И на первых порах в течение целого года Чертков его финансировал.

Первые номера «Русского архива» за 1863 и 1864 гг. открылись статьями Бартенева о почтенном собирателе библиотеки Александре Дмитриевиче Черткове и его детище, которые явились первыми полными биографическими очерками о А.Д. Черткове. Петр Иванович хотел приложить к статье его гравированный портрет. В Москве это было сделать довольно трудно, ибо не было граверов. Бартнев просил согласия Г.А. Черткова заказать в Париже 1000 экземпляров портрета с фотографии, какую он сам выберет⁷⁴. 21 марта 1866 г. он писал Г.А. Черткову: «На счет портрета Вашего батюшки время еще не ушло, его можно приложить к каталогу, и если позволите, то и к “Русскому архиву” будущего года. Я бы постарался приготовить другую библиографическую статью о нем с выдержками из его ученой переписки»⁷⁵. Но, увы, она так и не появилась.

«**Р**усский архив» заметили сразу и откликнулись любители русской старины отовсюду. А. Ивановский в письме к Бартневу от 6 мая 1864 г. писал: «Чертковская библиотека и сосредоточенная в ней Ваша деятельность столь известна по всей России и столько возбуждает сочувствие и благодарность за сосредоточивание и обнародование исторических материалов, что в моих похвалах не нуждаются ни владелец библиотеки, ни его сотрудник. Но как библиотекарь Императорской публичной библиотеки не могу не заявить перед Вами, милостивый государь, о моем искреннем желании посредством издаваемого Вами “Архива”, заинтере-

совашего не только библиографов и библиоманов, но даже и государственных людей, передавать к общему сведению о хранящихся в Императорской публичной библиотеке материалах к отечественной истории...»⁷⁶.

Русский дипломат М.А. Хитрово, находясь в Битоли (Османская империя), просил своего отца возобновить абонемент на «Русский архив» и поклониться П.И. Бартеневу. Он обещал в будущем написать Бартеневу о найденных им здесь славянских рукописях, «теперь за множеством дел решительно некогда»⁷⁷. Н.П. Барсуков 15 сентября 1864 г. благодарил Бартеневу за присылку «Русского архива» и прибавил: «Меня крайне удивляет, что “Русский архив” печатается в таком ограниченном количестве экземпляров, через это в Петербурге было доставать его чрезвычайно затруднительно»⁷⁸. За 6 лет круг подписчиков расширился почти в 6 раз. «Успех “Русского архива” неразрывно связан с библиотекой: следовательно, низкий поклон и глубокая благодарность владельцу библиотеки»⁷⁹, — писал Петру Ивановичу в 1866 г. В.Я. Брюсов, одно время работавший с Бартеневым. Он образно сравнил «Русский архив» с Эйфелевой башней среди подобных ему изданий: «Он перерос все эфемерные журналы нашего века и, словно какая-то Эйфелева башня, высоко поднял свою голову над гребнями никлых зданий»⁸⁰. О журнале и его бессменном издателе повествует интересная монография А.Д. Зайцева «Петр Иванович Бартенев» (М., 1989).

Популярность Чертковской библиотеки была поистине огромна. Знаточи называли ее знаменитой. Благодаря заботам П.И. Бартенева, ее бессменного библиотекаря, она

превратилась в «действительный центр духовной деятельности, где появлялись во множестве не только москвичи, но и посещавшие Москву соотечественники и иностранцы»⁸¹. Ею пользовались при жизни и после смерти А.Д. Черткова известные писатели и ученые: В.А. Жуковский, М.П. Погодин, Н.Н. Мурзакевич, Л.Н. Толстой, П.А. Бессонов — разве всех перечислишь! Записочка Р. Жинзифова, болгарского студента, работавшего в библиотеке, Бартеневу без точной даты (среда, 12 часов утра) рисует будни библиотеки: «В библиотеке все благополучно. Для успокоения своей совести вчера, т.е. во вторник, заходил в библиотеку посмотреть на солдат, как они ведут себя в масляные дни, и нашел их в исправности. В настоящую минуту занимающихся 5 человек, в числе их Безсонов. Часов в 10 приходил воронежский книготорговец Лашкин и подписался на “Архив” с уступкою 10%»⁸².

А какое огромное влияние Чертковская библиотека оказала на своих читателей, и ставших впоследствии именитыми, и оставшихся незамеченными в ярком созвездии знаменитостей века. Известный библиограф Н.Ф. Бокачев вспоминал: «...желание собрать библиотеку появилось у меня в 1868 г. в Москве под впечатлением прочитанных в Чертковской библиотеке книг и виденных в ней древностей, рисунков, гравюр...»⁸³. Особо ничем не прославившийся в истории купец Маклаков, «вышедший из простонародья и уважавший книжное дело», был частым посетителем Чертковской библиотеки. Он, увлекшись собиранием книг, часто осведомлялся здесь о том, какие книги ему следовало покупать для пополнения своей библиотеки. Он составил ее опись и задумал передать свое отличнейшее

собрание в Путивль, откуда был родом, и устроить там общенародную читальню по примеру Чертковской⁸⁴.

В 1871 г. обстоятельства службы потребовали от Г.А. Черткова переезда «на жительство» в Петербург, и соответственно ожидалась продажа его московского дома, которая состоялась в апреле 1873 г. Вся усадьба была куплена за 350 тыс. руб. Н.А. Гагариной⁸⁵. Чертков забеспокоился о библиотеке: «Пока я жив, судьба ее обеспечена, но подобного рода собрания, кажется мне, не должны оставаться в руках частных лиц, и я желал бы вполне сделать ее достоянием общественным»⁸⁶. Он решил передать ее в собственность города Москвы и обратился к городскому голове Москвы И.А. Лямину: «...Отец мой жил в Москве, служил ей в течение многих лет и принимал близко к сердцу благоустройство ее во всяком смысле. Поэтому я вменяю себя в долг принять решение относительно будущего положения моего книгохранилища: обратиться в Московскую городскую думу с заявлением, не признает ли она за благо принять Чертковскую библиотеку в собственность г. Москвы с тем, чтобы она сохранила название свое (в память отца моего) и, не раздробляясь... принадлежала на вечные времена Москве и постоянным бесплатным доступом к ней удовлетворяла бы распространяющуюся у нас потребность отечествоведения, коего отец мой был усердным сподвижником»⁸⁷. Вместе с библиотекой Чертков жертвовал и шкафы, в которых размещались книги, и о чем его затем запрашивали из Думы.

Вначале на заседании 23 декабря 1871 г. «Общая дума, выслушав предложение Г.А. Черткова о передаче им в собственность Москвы

принадлежащего ему книгохранилища, славящегося по всей России собранными в нем сокровищами по отечественной истории и словесности, и видя в этом драгоценном приношении выражение особого доверия жертвователя к общественному городскому управлению, положила: 1) просить гг. городского голову и сословных старшин выразить лично жертвователю горячую благодарность Московского городского общества за приношение, 2) принять библиотеку в собственность города с сохранением за ней навсегда имени: “Городская Чертковская библиотека” в память покойного родителя жертвователя»⁸⁸.

Но вскоре выяснилось, что в Москве на тот период не было здания, «ни наемного, ни принадлежавшего городу», которое можно было бы приспособить для постоянного размещения пожертвованной библиотеки. Чертков, входя в положение Московской думы, на которую неожиданно свалились заботы по ее устройству, решил уступить городу свой собственный флигель, в котором тогда помещалась библиотека, на один год бесплатно. Он затем согласен был отдать его внаймы городу на длительный срок, не менее 12 лет. Особняк на Мясницкой был в 1871 г. еще не продан, а Чертков в то время только рассматривал возможные варианты относительно судьбы своего дома и здания библиотеки.

Но время шло, на дом Черткова нашелся покупатель, а вопрос о размещении библиотеки как-то не решался. В газете «Московские ведомости» подчеркивалось, что приношение городу не сопровождалось со стороны жертвователя никакими стеснительными условиями. Тем не менее этот щедрый дар не столько обрадовал, сколько озадачил тог-

дашнее городское управление, опасавшееся лишних расходов. Московская Общая дума приняла дар Черткова, хотя злые языки утверждали, будто и о принятии был возбужден вопрос, как это язвительно отмечалось в прессе⁸⁹.

В этой ситуации как нельзя более кстати оказалось предложение директора московских Публичного и Румянцевского музеев В.А. Дашкова разместить Чертковскую библиотеку в здании этих музеев. Ей выделялось отдельное помещение с особой вывеской «Московская городская Чертковская публичная библиотека». К тому же поскольку в Московском публичном музее предполагался «особый отдел русских и касающихся Российской империи книг под заведованием особого библиотекаря из специалистов по этой части, то обогащение этого и без того многотомного музейного отдела таким еще отличным собранием, как Чертковское, было бы истинным благодеянием для всех занимающихся отечественной историей и литературой». Г.А. Чертков уполномочил Ю.Ф. Самарина передать Комиссии о принятии Чертковской библиотеки в собственность города следующее: «Против временного помещения пожертвованной им библиотеки в Румянцевский, впредь до приискания для нее постоянного помещения и с оставлением за городом права во всякое время потребовать ее обратно из музея в свое распоряжение, он ничего не имеет». Чертков далее продолжал: «В интересах публики я вынужденным нахожусь согласиться на предложение Комиссии поместить библиотеку в течение 5 лет в Публичный музей, но не иначе как получив от Общей думы формальное удостоверение в том, что в продолжение 5 лет для

Городской Чертковской библиотеки будет устроено отдельное помещение в здании городского ведомства и что, коль скоро в этот срок не будут выполнены условия, выраженные в письме моем от 23 декабря 1871 г. на имя городской головы и вполне принятые Общей думою, библиотека в полном своем составе и целости возвращается в собственность мою или моих наследников»⁹⁰.

В марте 1873 г. Чертковская библиотека, количество томов в которой возросло с 1863 г. более чем в два раза, была принята специальной комиссией в следующем составе: названий 10 331 в 17 622 книгах, брошюр — 4095, дефектов и дублетов, книг, изданий, оттисков, тетрадей и брошюр, не значащихся по каталогам, — 4246 экземпляров, рукописей, внесенных в каталог, — 426, сверх того без описи: сундук со свертками разного времени, 19 папок с бумагами, принадлежавшими А.Ф. Малиновскому, бумаги М.П. Полуденского и разных автографов — 174. Кроме книг и рукописей принято: печатного систематического каталога, изданного Бартевым, — 352 экземпляра; алфавитный перечень Чертковской библиотеки в 2 ясеневых ящиках и для рукописей — в особом ящике; систематический каталог на карточках в 28 коробках; алфавитный каталог библиотеки в 7 коробках в 1 ящике⁹¹. Городской Чертковской библиотеке выделялось ежегодное содержание от Московской городской думы в размере 4 тыс. руб. Из них 3 тыс. отпускалось на содержание библиотекаря, его помощника и одного нижнего служителя и 1 тыс. руб. — на пополнение библиотеки⁹².

Чертковской библиотекой после передачи стал заведовать Е.В. Барсов (1836–1917), хранитель рукописного

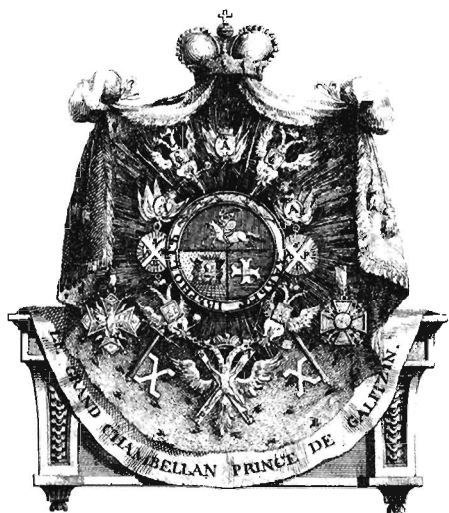
Князь Александр Николаевич Голицын

собрания Румянцевского музея. Петр Иванович Бартенев тяжело расставался с библиотекой, в которую он вложил столько труда, столько сил душевных, о чем он поделился с Г.А. Чертковым: «Граф Перовский пишет мне, что я похож на губернатора, у которого насильно отняли любимого питомца. Это напоминает мне Ваш отзыв в первое наше свидание, когда Вы назвали библиотеку четвертою своею сестрою»⁹³.

Прошло немного времени, и судьба библиотеки неожиданно приняла совершенно новый оборот. «По высокой мысли Его Императорского Высочества Государя наследника Цесаревича Александра Александровича предположено учреждение в Москве особого Музея Цесаревича Александра, в котором... имеется в виду сосредоточить все памятники и воспоминания нашей отечественной истории и народной старины, чтобы сохранить на вечные времена в памяти отдаленного потомства все достопримечательные

события истекшего тысячелетия России. Чертковская библиотека, принесенная в дар г. Москве, по составу своему и по основной цели ее собирателя вполне согласуется с назначением, которое Государю Наследнику Цесаревичу угодно было указать создаваемому ныне Музею его имени, и она послужила бы несомненно одним из драгоценнейших приобретений и украшений этого средоточия народной славы и отчизноведения...»⁹⁴. С согласия Г.А. Черткова и по просьбе Городской думы Чертковская библиотека была передана в 1887 г. во вновь организованный Исторический музей с тем единственным условием, чтобы библиотека оставалась в собственности города в случае, если музей прекратит свое существование или будет переведен из Москвы в другой город⁹⁵. К Чертковскому собранию была присоединена еще великолепная библиотека, «собранная с необыкновенной тщательностью князем А.Н. Голицыным» (зятком Александра Дмитриевича), чей портрет, писанный маслом, также был передан в Исторический музей. Библиотека Голицына отличалась «как внутренним достоинством, так и превосходно сбереженною внешностью книг. Владелец собирал ее по плану и указаниям А.Д. Черткова, но кроме того присоединил богатый запас мемуаров и сочинений по всеобщей истории Европы»⁹⁶. Мы не ошибемся, если к этому списку дарений, шедших из дружного семейства Чертковых, Голицыных, мы присокупим и библиотеку Н.Н. Муравьева-Карского, которую в том же 1887 г. в Исторический музей пожертвовала его дочь А.Н. Соколова, родная сестра супруги Г.А. Черткова. Муравьев-Карский заботливо подбирал издания по военному делу и военной истории, а также сочинения французских мыслителей и писателей, «пред-

Экслибрис библиотеки
Александра Николаевича Голицына

ставлявшие необходимый материал для объяснения русской истории и литературы XVIII в.»⁹⁷.

После поступления в Исторический музей Чертковская библиотека практически прекратила свое самостоятельное существование. Она дробилась и делилась неоднократно. В 1912 г. ценнейшие манускрипты и грамоты (244 ед.), книги кирилловской печати XVI–XVIII вв. (771 ед.) вошли в образованный тогда Отдел рукописей, для которого в музее было оборудовано специальное помещение. В Отдел письменных источников отошел весь архивный материал: письма и дневники государственных и общественных деятелей, ученых, писателей, архив семьи Чертковых, Муравьевых, Чернышевых, отдельное собрание автографов государственных лиц и писателей. В 1945 г. рукописи писателей XVIII–XIX вв. были переданы в Государственный Литературный музей г. Москвы⁹⁸.

В 1938 г. «по постановлению партии и правительства» была организована Государственная публичная историческая библиотека, куда в числе других собраний частично поступила и Чертковская библиотека, заложившая основу богатых фондов ГПИБ по истории дореволюционной России⁹⁹. Но и здесь завещанный Чертковым принцип «неделимости фонда» также соблюдается неполностью, что объясняется структурой фондов библиотеки. Наиболее ценные издания XVI–XVIII вв., книги петровского времени, русской гражданской печати, раритеты XIX в., издания с автографами В.А. Жуковского, Н.М. Муравьева, В.И. Даля, П.А. Вяземского, К.Ф. Калайдовича, К.С. Аксакова, П.И. Бартенева и др., лучшие экземпляры книг самого Черткова собраны в Отделе редкой книги. И все же, несмотря на все эти неоднократные деления, Чертковская библиотека не исчезла, ее основной раздел, «самый большой и значительный, — книги на русском, славянских и других европейских языках, — сохранился в целости, и именно эта часть бывшей Чертковской коллекции известна теперь как «Чертковская библиотека»¹⁰⁰. В ней фрагментарно сохраняется даже расстановка книг, которая была принята при Черткове.

В Исторической библиотеке, которая по праву считает себя преемницей Чертковской библиотеки, ведется научная работа по исследованию этого уникального фонда, выявляются экземпляры с государственными или владельческими надписями. Результаты ее были достойно представлены на выставке в 1998 г., посвященной 135-летию открытия Чертковской библиотеки.

И хотя каталог последней выставки, составленный М.А. Стручевой, не был издан, но его материалы были сполна использованы в нашей работе. Говорят, что вещи долго сохраняют память о своих прежних владельцах, поэтому книги, прошедшие через руки Черткова, человека столь щедро одаренного природой, и прочитанные им, верно, источают удивительную благожелательность, которой так славился Александр Дмитриевич.

Весьма часто встречается в историографии заблуждение, согласно которому изменение научных интересов Черткова можно проследить по последовательно выходившим в свет сочинениям: «Первоначально А.Д. Чертков начал изучать итальянские древности и описал их в книге “Воспоминания о Сицилии”. Потом он занимался естественными науками, составил себе минералогический кабинет, собирал бабочек и флору. Вскоре Чертков пристрастился к русской нумизматике и, наконец, к русским и славянским древностям. Имея часто надобность делать справки во многих книгах и прочитывать материалы для своих ученых работ вне дома, по недостатку собственной библиотеки Черткову приходилось тогда долго отыскивать требуемых книг по московским библиотекам... Тогда ему пришла в голову патриотическая мысль собрать в одно место все русские и иностранные книги, необходимые для изучения древней и новой России во всех отношениях и подробностях, и тем облегчить труды историка, статистика и литератора по приисканию отечественных материалов и источников»¹⁰¹. Но законы развития науч-

ного интереса и творчества гораздо сложнее, нежели чем представляемый эволюционный путь, от одного к другому, в чем можно убедиться на примере А.Д. Черткова.

И еще. Заслуги Черткова в разработке многих разделов исторической науки бесспорны, что засвидетельствовано его современниками, подтверждено дипломами русских и зарубежных научных обществ, а также учеными, принявшими от Черткова эстафету исследований. Поэтому приводит в некоторое недоумение мнение современного историографа московского Английского клуба Буторова, заявившего: «А ведь Чертков был вполне обыкновенным московским барином, а вовсе не ученым-историком»¹⁰². Ах, если все были бы такими «обыкновенными московскими барями», как бы изменилась в России жизнь, а с другой стороны, какими бы тогда были истинные ученые?

Закончить наш рассказ о замечательной Чертковской библиотеке и ее замечательном собирателе Александре Дмитриевиче Черткове хочется проникновенными словами ее талантливого библиотекаря Петра Ивановича Бартенева: «Одаренный редким талантом постоянства в работе, он до конца жизни не покидал ученых занятий и продолжал обогащать свою библиотеку новыми приобретениями. Но когда он скончался, памятником его любви к родной старине и неутомимого трудолюбия осталась ученая, отборная библиотека, которая служит в сущности одной мысли — познанию России»¹⁰³.

А.Д. Чертков и его современники

Успешно двигаясь по служебной лестнице, являясь активным членом многих ученых обществ Москвы и Петербурга, А.Д. Чертков имел обширнейший круг знакомств, но восстановить его во всем объеме не представляется возможным. Живя в Москве, члены, например, Общества истории и древностей российских не нуждались в систематической переписке, об их взаимоотношениях можно догадаться по фразе, случайно оброненной в дневнике, если он велся, из переписки, возникавшей в случае перемещения из столицы, или по другим косвенным данным, извлеченным из воспоминаний людей, оказавшихся в орбите их общения. Эти свидетельства помогают составить представление о личности Александра Дмитриевича, его человеческих качествах.

Дом Черткова на Мясницкой всегда был открыт для ученых и литераторов. Современников, особенно незнатных фамилий, привлекала простота в обхождении четы Чертковых. Проезжая через Москву в славянские земли Австрии и Пруссии, будущий академик И.И. Срезневский (1812–1880) в своем дневнике записал: «7 октября 1839 г. Сегодня же я буду, может быть, обедать у Черткова, нумизмата и друга всех литераторов: по субботам у него литературные обеды и В.П. Андросов». На следующий день он записал свои впечатления от обеда: «Чертков проживает 100 000 руб. в год, умен, образован, хочет казаться ученым¹⁰⁴ и покровителем учености. Андросов – его домашний приятель, и я был принят хорошо. Тут были, кроме нас, Снегирев, Маслов, Моршкин и Погодин с женою и детьми. Все богато и все просто. Жена

Черткова – женщина очень образованная, много путешествовала, из знати, что, впрочем, вовсе не видно, мила собою, еще милее в обращении. Она так проста и обходительна, что жену Погодина выбежала встретить в залу и потом провожала в переднюю. И как хорошо убран дом: мраморы, картины, древности и редкости всюду. Обед был довольно простой, но со вкусом приготовленный; после обеда все вольно курили в гостиной сигары, расположась, как кто хотел»¹⁰⁵.

Елизавета Григорьевна Черткова

Общество истории и древностей российских прочно связало А.Д. Черткова с Михаилом Петровичем Погодиным и его другом Степаном Петровичем Шевыревым, убежденными монархистами, которых выставляли весьма в неприглядном свете их идейные противники – «западники», высоко ценимые в советской историографии. Сенатор

К.Н. Лебедев дивился тому, что Шевырев, «профессор с большими сведениями», мало пользовался уважением в университетской среде. Бартенев охарактеризовал Шевырева как «великого трудолюбца, идеалиста, строго-православного и многостороннейше образованного».

Достаточно объективно, на наш взгляд, о Погодине написал в своих «Записках» литератор Н.В. Берг: «Погодина вообще в городе не любили. Как это устроилось, что он имел так много неприятелей и недоброжелателей, этот почтенный человек и патриот, — бог весть, только устроилось. Главным основанием тут лежала его чрезвычайная расчетливость, скупость, которая имела свое законное происхождение: Погодин родился крестьянином графа Ф.В. Ростопчина (был сыном крепостного, отпущенного на волю в 1806 г.), видел кругом себя довольно долгое время нужду и бедность, с необычайным трудом выбрался на ту дорогу, которой искала его душа, — дорогу большего и высшего образования, нежели среда, в какой сначала он вращался... Имя Погодина как собирателя — знатока всякой старины сделалось известным в Москве всем и каждому... Популярность Погодина (несмотря на пустые толки, которые о нем ходили и которым масса верила) была в эпоху, нами изображенную, — чрезвычайна. Это имя было известно не только у нас, но и за границей, особенно в землях славян: в Праге, Белграде, Софии. Он везде был свой... Он мог собрать к себе, по тому или другому поводу, решительно всю Москву, если бы в этом была надобность... К нему ехал всякий, даже недруг... И этот самый, мелочно-скупой и расчетливый человек, вдруг расшибался, становился щедр, давал деньги

небогатым людям на издания хороших сочинений или издавал их сам; не то помогал беднякам, и всегда негласно... Его оценили, когда его не стало. Все поняли, что Погодиным, в том смысле и значении, какое он имел для Москвы и отчасти для славянских земель, быть не так легко, как это казалось со стороны; что для этого недостаточно иметь большой дом и большой сад»¹⁰⁶.

Точная дата знакомства Александра Дмитриевича и Михаила Петровича не известна, а жене Черткова Елизавете Григорьевне преподаватель Московского университета был представлен 21 июня 1831 г. «К Чертковым. Очень мило и просто. У него прекрасное собрание монет, и он знаток». «Познакомился ближе с Чертковыми, которые своею простотою очень понравились». «Обедал у Черткова, у которого нахожу беспрестанно драгоценности. Прекрасный человек “franc loyal”». Чертковы часто приглашали Погодина к себе обедать, и однажды он очутился у них на званом обеде «в сюртуке [т.е. почти в домашней одежде] между графом Бутурлиным и прочими». В другом месте дневника Погодина читаем: «К Чертковым. Меня очень любят они, и мне совестно уже, когда она провожает так далеко». Чертков и Погодин часто беседовали о Круге и других сподвижниках исторической науки. О задушевных отношениях, установившихся между ними, свидетельствует и то, что Елизавета Григорьевна, опечаленная кончиной в Сибири своей сестры, своим горем делилась с Михаилом Петровичем¹⁰⁷. Чертков часто давал балы. Погодин писал: «Бегу на бал у Черткова» или: «Вечером бал у Черткова»¹⁰⁸. С Шевыревым Чертков познакомился осенью 1832 г., когда тот вернулся из трехлетнего пребывания в Италии.

Цензором 2-й части сочинения Черткова «Воспоминания о Сицилии» в 1836 г. был назначен Иван Михайлович Снегирев (1793–1868), профессор по кафедре латинского языка и римских древностей в Московском университете, прослуживший 25 лет в Цензурном комитете. Снегирев и в дальнейшем оставался цензором трудов Черткова, зачастую сам привозя подписанные к печати рукописи. Иван Михайлович, по отзывам современников, даровитый пересмешник, лицедей, вел дневник, из которого можно узнать, когда и к кому он приезжал обедать, кого он встречал из знакомых, но крайне редко он записывал предмет беседы. При публикации часть незначительных, по мнению редакторов, записей, таких как: «Был у Черткова» или «Обедал у Черткова», опущена, что несколько исказило картину довольно оживленных взаимоотношений двух ученых¹⁰⁹. У Чертковых Снегирев стал частым гостем с 1 октября 1836 г.: «Обедал у А.Д. Черткова, который подарил свой каталог монет... Его семейство нашел я очень любезным, а обращение его добродушным, он казал мне разные древности русские».

Чертков принял живое участие в осуществлении Снегиревым дорогостоящего проекта по изданию «Памятников московских древностей». 9 апреля 1837 г. председатель ОИДР и его члены предложили Снегиреву описывать московские древности, исходя из пожеланий министра внутренних дел Блудова, высказанных в письме к московскому генерал-губернатору князю Голицыну. 26 апреля Снегирев представил план работы. Летом, 30 июля, Снегирев обедал у Черткова на даче в Сокольниках, где встретился с графом С.Г. Строгановым и познакомился с любителем

нумизматики генерал-лейтенантом Ф.Ф. Шубертом. Строганов посоветовал историку продолжать описание московских древностей, хотя еще не был получен положительный ответ московского военного генерал-губернатора. Граф заметил также Снегиреву, который был и цензором, что цензоры очень строги. 1 октября на заседании ОИДР Иван Михайлович читал начало своего введения, т.е. историю Москвы до XV в. Голицын, присутствовавший на заседании, одобрил план изложения истории Москвы, равно и мнение председателя ОИДР о необходимых расходах до 3000 руб., писцу – 600 руб., рисовальщику – от 1000 до 1500 руб. ежегодно. Князь просил о том, чтобы издание было напечатано «с типографской роскошью, с рисунками» и обещал дать 5000 руб. на один год, а также предложил, чтобы по выходе первой книги, отпечатанной на казенный счет, открыть подписку, «которая без отягощения казны и частного лица вознаградила бы труды и издержки»¹¹⁰.

Чертков со своей стороны старался помочь Снегиреву издать его полезный труд во всем объеме: сразу же по возвращении из Западной Европы 16 сентября 1839 г. он возобновил с Д.В. Голицыным переговоры «о приведении в исполнение издания московских древностей». На обеде 26 сентября у Голицына Снегирев читал свое сочинение о столице XVII в., и хозяину услышанные страницы рукописи весьма понравились. Он высказал автору свое желание слушать продолжение, а главное, обещал обратиться к министру внутренних дел за выделением денежного пособия «для подкрепления» столь успешно начатого дела. Чертков, выступая посредником между историком и генерал-губернатором, 4 октября

1839 г. откорректировал составленную Иваном Михайловичем записку для Голицына об исходатайствовании пособий для сочинения и издания описания московских древностей. «Для большей важности» Голицын предложил ОИДР утвердить эту работу. На очередном обеде у Черткова (14 октября) гости, среди них Фишер и Солнцев, толковали об издании первой книги, о ее содержании и иллюстрациях. После чтения Снегиревым своей статьи о чертеже Москвы при царе Михаиле Федоровиче на заседании ОИДР 18 ноября 1839 г., которую Строев нашел в высшей степени любопытной, Чертков вызвался поискать у себя старинные планы Москвы и доставить Снегиреву. Думается, не без серьезной поддержки со стороны Черткова Голицын решился вместе с московским издателем Семеном опубликовать работу Снегирева, предложив вариант получения средств на это предприятие, и готов был принять к себе на службу Снегирева чиновником по особым поручениям. По совету Черткова Снегирев для Голицына написал проспект издания «Московских древностей», предварительно показав текст Черткову 27 января 1840 г., который его одобрил. Чертков не выпускал из виду эту проблему и в заседаниях ОИДР рассуждал об издании рукописи. Наконец, Александр Дмитриевич привлек к решению проблемы Снегирева московского гражданского губернатора И.Г. Сенявина, имевшего в Петербурге хорошие связи. Устроенная Чертковым совместная поездка в Оружейную палату столь расположила влиятельного чиновника к Снегиреву (28 апреля 1841 г.), что и он взялся хлопотать. Был найден удачный ход: посвятить замечательное издание Его Величеству. 5 ноября

Сенявин и Чертков специально заезжали к Снегиреву, чтобы зачитать ему представление князя Д.В. Голицына государю об исходатайствовании позволения на такое посвящение. Первые тетради великолепного издания, достойного Москвы, увидели свет в 1842 г., а Снегирева с легкой руки Черткова стали звать на обеды и к Сенявину. Чертков, зная о стесненных материальных условиях Снегирева и памятуя, что материальная обеспеченность дает спокойствие духа, столь важное в работе, помогал не только с изысканием средств для работы Снегирева над книгами и их изданием, но также посылал ему, например, дрова (3 сажени) в трудном для Ивана Михайловича 1841 г.

Москва 30—40-х гг. XIX в. памятна своими блестящими салонами и кружками, служившими «выражением господствовавших в русской интеллигенции литературных направлений, научных и философских взглядов». Они были также прекрасной школой для начинающих молодых людей, которые на этих вечерах знакомились со всем, что «тогда было выдающегося в русской литературе и науке», получали «доступ в самое лучшее общество, где им было хорошо и свободно благодаря удивительной простоте и непринужденности, царившей в доме и на вечерах». Самыми известными литературными салонами были салоны А.П. Елагиной, Свербеевых, литературные вечера по понедельникам у Ф.Н. Глинки, четверги Вельтмана, субботы у Ростопчиной, чтения у Н.Ф. Павлова, собрания у Погодина...¹¹¹. Этот ряд следует продолжить включением в него «сходок», по общему выражению Кеппена, у Черткова по субботам, о чем в историографии как-то неизвестно. У Александра Дмитриевича по субботам собирались

в основном любители и знатоки истории, к нему приезжали с удовольствием и его добрые знакомые. О литературных обедах у Черткова писали в своих дневниках Погодин, Срезневский, Снегирев, прекрасные впечатления о них сложились у Кеплена. Судя по записям дневника Снегирева, к Черткову по субботам приезжали академик Ф.Г. Солнцев, В.П. Андросов, добродушный Ф.Л. Морошкин, Фишер с Р.Г. Гейманом, М.Ф. Орлов, М.П. Погодин, барон М.А. Корф, князь М.А. Оболенский, «короткий приятель Пушкина» П.А. Муханов, П.М. Строев, И.О. Шиховский, Ф.Н. Глинка, Н.Ф. Павлов, П.И. Иванов, В.В. Пассек, А.Ф. Вельтман...

Каждый из названных гостей Черткова заслуживает отдельного развернутого повествования. Например, художник Ф.Г. Солнцев 9 мая 1830 г. по Высочайшему повелению получил командировку в Москву и в другие русские города «для срисовывания старинных предметов». Еще в 1828 г. по инициативе А.Н. Оленина, президента Академии художеств, сделаны были опыты литографии рисунков для полного издания «Русской старины в памятниках церковного и гражданского зодчества». Это издание было осуществлено в 1846–1853 гг. Император Николай Павлович с этой целью пожертвовал из собственных средств колоссальную сумму в 100 тыс. руб. и приказал возложить труд издания на особый комитет под председательством графа С.Г. Строганова, куда входили директор Оружейной палаты М.Н. Загоскин, помощник его Вельтман, Строев, Погодин и Шевырев, а также художник Солнцев во время его нахождения в Москве. Было издано 7 томов. Вероятно, не без влияния московских впечатлений в 1835 г. Солнцев отклонил устоявшуюся в

Академии художеств «античную» программу на получение звания академика и предложил свою. Он решил соединить в одном изображении предметы древнерусского и древнегреческого искусства и представил в акварели свидание князя Святослава Игоревича с византийским императором Цимисхием на Дунае¹¹².

Василий Петрович Андросов (1803–1841) — человек благородный, независимый, и, похоже, эти качества немало мешали его успехам в свете. После окончания курса в Московском университете он возглавлял журнал «Московский наблюдатель», как статистик сотрудничал в «Московском вестнике», был помощником директора Земледельческой школы и издателем очень дельного журнала для овцеводов. Он занимался собиранием материалов для истории цивилизации в России. Любовь к отечеству у него выражалась не столько в похвале хорошего, сколько в осуждении дурного. Он принадлежал к редкому типу людей, «которые принимали бы так горячо к сердцу всякое самое неважное оскорбление, нарушение прав человеческих». В обществе с короткими знакомыми он был весел, остер и иногда колок. Андросов хорошо знал Пушкина¹¹³.

О поразительной творческой энергии А.Ф. Вельтмана, его необыкновенной работоспособности писал Погодин: «Он принадлежит к числу тех московских типических тружеников, которые работают с утра до вечера в своем кабинете, никуда и никогда почти не выходят из дому, кроме случайных необходимостей, не знают никаких на свете удовольствий и всецело преданы делу. Подражателей им желать бесполезно, ибо могут ли найтись охотники корпеть над письменным столом или за книгами часов по 15-ти в день?». С 1842 г.

он являлся помощником директора московской Оружейной палаты, известного романиста М.Н. Загоскина, а в 1852 г., после его смерти, заступил на должность директора Оружейной палаты, в 1854 г. избран был членом-корреспондентом Академии наук. «Сам Вельтман был человек в высшей степени милый и симпатичный, с открытой физиономией, как-то оригинально вскакивал с дивана при появлении всякого гостя, бежал к нему навстречу, раскрыв объятия, усаживал, заводил беседу. Был, что называется, душа человек... Ум его был в постоянной работе: он все что-нибудь выдумывал, открывал»¹¹⁴.

Большая часть гостей Чертковских суббот состояла в Обществе истории и древностей российских, и их беседа неминуемо затрагивала его работу и касалась истории. Часто хозяин показывал своим гостям египетские древности, состоящие в скарабеях, идолах и разных символических знаках, найденных в гробницах. «В другой раз Чертков казал римские древности и этрусские вазы, найденные в гробницах, каталог своих книг»¹¹⁵.

У Черткова сложились добрые отношения с Петром Ивановичем Кеппеном. Кеппен обосновался в Крыму, купив там имение в Карабаге (Ялтинский уезд). Крым очаровал и покорило его. Он приглашал Черткова к себе в гости в свою «приморскую хижину». Питая к Александру Дмитриевичу искреннее уважение, он затем возымел идею назвать его своим соседом. Петр Иванович сообщил о продаже генерал-лейтенантом М.М. Бороздиным за 280 тыс. руб. своего имения Карасам, которое находилось в 3 верстах от Карабага. Кеппен спешил заверить, что непременно будет уступка и немалая, и приглашал своего московского друга летом или в начале осени

поехать вместе в Крым и осмотреть его. Может быть, Александр Дмитриевич «надумает и устроит себе имение поблизости от его Карабага, около которого можно разместить еще несколько владений». «Местность и владельцы (татары) мне известны, подумайте и скажите мне свое мнение», — продолжал уговаривать Петр Иванович. Сам он объездил южный Крым и готовил к изданию собранный материал, для чего граф М.С. Воронцов (1782—1856), новороссийский генерал-губернатор (1823—1853), отпустил 5000 руб.¹¹⁶. Не раз в своих письмах Кеппен приглашал Черткова в Крым, надеясь, что рано или поздно он уговорит его там поселиться¹¹⁷. В 1841 г. Чертков с семейством был в Крыму, но неизвестно, заезжал ли он к своему стародавнему знакомому. В 1845 г. Чертков вновь отправился в Таврическую губернию и взял с собой книгу Кеппена о древностях Крыма и карту южного берега, составленную также его петербургским другом¹¹⁸.

Ученые обменивались трудами. Черткову всегда было важно мнение Кеппена о своих книгах, к которому они непременно посылались на отзыв. Но с 40-х гг. петербургский академик отошел от славистических изысканий и, будучи занятым в Министерстве государственных имуществ статистическими и административными работами, посвятив себя статистике — «возделыванию сего еще не обработанного у нас поля»¹¹⁹, не считал для себя возможным вдаваться в критический разбор сочинений по древней истории. Тем не менее он с удовольствием читал исследования своего московского друга, в частности, «О Белобережье и Димешкиных островах, на которых жили руссы», и соглашался с его выводами¹²⁰. Долгие годы через верного Кеппена Чертков

поддерживал связи со многими петербургскими учеными.

Кеппен также часто прибегал к содействию Черткова в своей работе. Так, он решил напечатать собранные и обработанные им сведения о губерниях России — Ярославской, Владимирской, Костромской... В Москве Кеппен тщетно обращался в Депутатское собрание (5 декабря 1840 г.), и только вмешательство Черткова, поспешившего выполнить просьбу старинного приятеля, позволило ему получить необходимые сведения по Московской губернии (21 февраля 1841 г.). В письме от 22 октября 1843 г. Кеппен вспоминал ласковый прием и одолжение, оказанные ему Чертковым при проезде через Москву. Непринужденная и одновременно ученая атмосфера литературных обедов любителей истории в доме на Мясницкой столь впечатлила Кеппена, что он пожелал устраивать два раза в месяц такие же «сходки» статистиков и русских вояжеров у себя. Кеппен приглашал своего московского друга обрадовать его своим посещением¹²¹.

В апреле 1836 г. Кеппен направил сына известного химика, академика А.И. Шерера, проезжавшего через Москву в Нижний Новгород, к Черткову. А.А. Шерер объехал Англию, Францию, Германию и Швейцарию и, как когда-то Чертков и Кеппен, пожил в Вене. Молодой человек доставил почтенному хозяину истинное удовольствие своей беседой, и он познакомил своего петербургского гостя с москвичами: Масловым, Андросовым, Глинкой, Павловым, Мухановым и т.д. Шерер поселился в двух шагах от Черткова, и они часто виделись. Внимание и хлебосольство Черткова, услуги, оказанные им от всего сердца, так поразили Шерера, что по возвра-

щении своем в Петербург он не раз благодарил Кеппена за то, что тот рекомендовал его Черткову. «Как бы мне желалось и самому воспользоваться Вашим гостеприимством!» — восклицал Кеппен¹²².

«Такого радушия, как у этого благородного барина, готовности служить советами, библиотекою я никогда более не встречал, — вторя письму Кеппена, вспоминал одесский историк Н.Н. Мурзакевич. — Дом его, кабинет, он сам в сюртуке с накидкою по нему халата, разбросанные статуэтки, книги, книжки, книжечки по столам и стульям. Нигде так приятно и полезно не проводил я времени, как в гостеприимном доме Черткова»¹²³. Николай Никифорович Мурзакевич (1806—1883) после окончания Московского университета осел в Одессе. Там он в 1831 г. получил место в Ришельевском лицее, где и прослужил 27 лет. Первая его работа была посвящена описанию собственной коллекции античных монет, что послужило причиной знакомства ее автора во время поездки в Москву в 1835 г. с С.Г. Строгановым и А.Д. Чертковым. Мурзакевич восхитился коллекцией русских монет Черткова, которая показала ему единственной в своем роде. Чертков пригласил его на заседания Общества истории и древностей российских. «Этому Обществу я признателен за то, что оно, после митрополита Евгения, первое меня поощрило к занятиям по отечественной истории»¹²⁴, — вспоминал с благодарностью Мурзакевич, ставший в 1836 г. его действительным членом. В 1837 г. одесский историк, в судьбе которого принял сердечное участие Александр Дмитриевич, некоторое время жил у него в доме: «Я живо помню благосклонный и радушный прием Ваш, коим был обласкан в Москве»¹²⁵.

Чертков стремился содействовать карьере молодых способных ученых. Так, в 1841 г. он предложил Мурзакевичу свое посредничество у Строганова в случае желанья одесского историка переехать в Москву¹²⁶. Николай Никифорович постоянно сетовал на то, что устраненный от круга занятий собственно по русской истории, особенно для него любимой, он «поневоле хлопотал над иноверческою стариною»¹²⁷. Ожидая решения московского попечителя, Мурзакевич тем временем привел в порядок музей основанного им в 1839 г. по примеру ОИДР Одесского общества истории и древностей. Он радостно сообщал Черткову о строительстве помещения для Общества и его музея и библиотеки в Одессе. «Музей для публики будет доступен в назначенные дни. Пора выказывать ученые сокровища для поучения желающих»¹²⁸. Однако условия, которые в конце концов предложил Строганов, оказались крайне невыгодны. В то же время граф М.С. Воронцов, узнав о готовящемся переезде Мурзакевича и вполне оценив его подвижническую деятельность в Одесском обществе истории и древностей, сделал ему очень лестное и выгодное предложение: занять место библиотекаря в городской библиотеке с высоким окладом, квартирой и с сохранением места в лицее (1843 г.). Отчаяние Мурзакевича своими дружескими письмами и советами успокоил Чертков, и Мурзакевич остался в Одессе. Впоследствии, в 1846 г., Мурзакевич обращался за ходатайством Черткова перед Уваровым в предоставлении возможности съездить на год за границу поучиться¹²⁹.

А перемена места службы В.В. Григорьева, закончившего Санкт-Петербургский университет и с 1838 г. занимавшего кафедру восточных языков в Рише-

левском лицее, удалась. Чертков, оценив знания молодого человека, в частной беседе изъявил желание, чтобы Григорьев остался в Москве навсегда, заняв при университете кафедру истории или восточных языков. В таком духе Чертков убеждал С.Г. Строганова не упускать Григорьева. М.П. Погодин же прочил его на свое место. Молодой ученый, по окончании своего магистерского испытания в 1843 г. получил от графа подобного рода приглашение. Однако на тот момент ему пришлось отказать от лестного предложения, поскольку он был обязан прослужить в Одессе еще год. В.В. Григорьев глубоко и искренне благодарил за радушие, с каким принял его Чертков в Белокаменной, за участие и расположение, которым его удостоил московский историк. Год минул, и Григорьев вновь прибегнул к помощи Черткова в переводе его из немилой ему Одессы в Москву¹³⁰. Но Уваров не утвердил прошение. В конце концов, не без трудностей Григорьев получил место преподавателя восточных языков в Петербургском университете.

О своей работе, планах и нуждах Мурзакевич на протяжении долгих лет неизменно сообщал Черткову, встречая в нем внимание и искреннюю поддержку: «В Одессе придумал ученую роскошь — читал в лицее отдельно русскую древность. Когда всюду читают греческую и римскую, почему ж в России не хотят знать свою — пора, давно пора изучать собственное, родное. Молодая Одесса очень бедна учеными пособиями, и преимущественно для русской истории»¹³¹. Мурзакевич желал доставить материалы по русской истории студентам лицея и обращался к Черткову за помощью, чтобы авторы были

бы столь благосклонны и подарили свои работы Одессе¹³².

Николай Никифорович был, как и Чертков, страстным библиофилом, но из-за ограниченности денежных средств не мог позволить себе личное книжное собрание. Он избрал иной путь. «Не имея способов составить собственную библиотеку сообразно желаниям, хочу улучшить городскую, и потому детски радуюсь всякому ее приращению»¹³³. Свои болгарские книги он передал в Одесскую городскую библиотеку, которую принял весьма в плачевном состоянии. В 1843 г. Мурзакевич писал о любимом своем детище, что библиотека «уже красуется 18 названиями разных болгарских книг», среди которых была очень редкая книга, изданная в 1806 г. Софронием Врачанским. «Хочу при библиотеке составить отделение чисто славянское: в него войдут все попадающиеся мне в руки книги болгарские, сербские, чешские и всякие другие. Да будет одесская книжница рассадницею славянства»¹³⁴. С просьбой о присылке дубликатов славянских книг он обратился к Черткову, Бодянскому, Погодину и другим москвичам, а также к Шафарику и Ганке. Чертков посылал для обогащения библиотеки сначала Ришельевского лицея, затем Одесского общества любителей истории и древностей и, наконец, городской библиотеки не только свои книги¹³⁵, но и других авторов, например редкие издания князя Оболенского. С другой стороны, Чертков способствовал сближению Мурзакевича со многими «нужными» и благожелательными людьми, например, с тем же Оболенским, который в свою очередь снабдил Одесское общество и его секретаря Мурзакевича всем изданием графа Румянцева: «А это для нас не безделица»¹³⁶. Мурзакевич

обращался к М.П. Погодину, секретарю ОИДР, с просьбой о присылке изданий ОИДР. Но «от Погодина никак ничего не дождешься...». И Чертков старался выполнять заказы, поступавшие из Одессы¹³⁷. Мурзакевич составил и издал систематический каталог книжного собрания Одессы, которое только за первые 5 лет его заведования удвоилось. Улучшение работы библиотеки немедленно отразилось на количестве посетителей: с 400 человек в 1843 г. до 2659 человек в 1848 г.¹³⁸, что свидетельствовало об эффективности усилий нового библиотекаря по превращению ее в подлинный центр просвещения.

Мурзакевич, чье подвижничество на стезе просвещения в Одессе, городе эмигрантов и купцов, равнодушных в то время к искусству и науке, заслуживает восхищения, в трудные минуты признавался Черткову: «Кроме моей коллекции, в Одессе не имеется [собраний книг и монет]. У меня покупаю все порознь и за дорогую цену. Когда бедность вынудит меня продавать свою коллекцию, Вам первому предложу покупку»¹³⁹. На протяжении всей своей жизни Николай Никифорович сохранял неизменную признательность Александру Дмитриевичу: «Вы благодушно приняли участие в судьбе моей и в расширении круга моих занятий. Вы все это делаете охотно именно от свойственной Вам благосклонности...»¹⁴⁰.

Плодотворность деятельности каждого ученого общества воплощается в его печатной продукции. И Николай Никифорович предпринял роскошное издание «Записок Одесского общества истории и древностей», что достигалось неимоверными усилиями с его стороны — неизменного на протяжении многих лет редактора. Мурзакевич пригласил

московских коллег принять в нем участие. Чертков первым откликнулся, прислав для еще неизвестного журнала Одесского общества свое исследование «О походе Святослава в Болгарию и числе его войск»¹⁴¹. Он также содействовал ознакомлению ученой публики с новым журналом, тем самым поддерживая полезное начинание одесского старателя. Расширение круга подписчиков и ныне является первоочередной задачей любого печатного издания. Чертков поэтому всегда брал на себя труд в распространении и других журналов, например «Москвитянина». Собираясь в Петербург, Александр Дмитриевич уверял Погодина в том, что он употребит «все старания для помещения хотя бы нескольких билетов на единственный наш московский журнал». Однако реально оценивая свои возможности и читательский спрос, он отказался взять 100 билетов, оставив у себя только 20¹⁴².

Александр Дмитриевич Чертков был коротко знаком со многими талантливыми писателями и поэтами, среди которых нельзя не назвать имени В.А. Жуковского. С ним он встречался на праздничных обедах, приемах, во время заграничных путешествий; Жуковский был непрременным гостем у Чертова на Мясницкой. Во время поездки В.А. Жуковского вместе с наследником-цесаревичем по России 23 июля 1837 г. он приехал в Москву и оставался в ней до 8 августа. Дни были заполнены посещениями соборов, Оружейной палаты, осмотрами достопримечательностей и, конечно же, обедами, зваными вечерами, на кои так славна и щедра была Москва. Мелькают фамилии московской знати и ученых мужей, среди которых всегда присутствует Чертков. Жуковский отметил

прекрасный бал у Погодина после обеда на Девичьем поле, а также вечер в Сокольниках 3 августа в связи с прибытием в Москву императрицы. Общество довольно характерно для Москвы: ее генерал-губернатор князь Д.В. Голицын, князь С.М. Голицын, лейб-медик М.А. Маркус, М.Ф. Орлов, Боратынский, князь М.А. Оболенский, Вельтман, сенатор А.А. Башилов, Шевырев, Давыдов, Кикин, Новосильцевы, Виельгорский, граф Бобринский, Погодин, П.В. Нащокин (друг Пушкина, «ума необыкновенного и доброты несказанной»), Андросов, Чертков, Булгаков и другие. Цыганское пение и пляски украшали вечер¹⁴³.

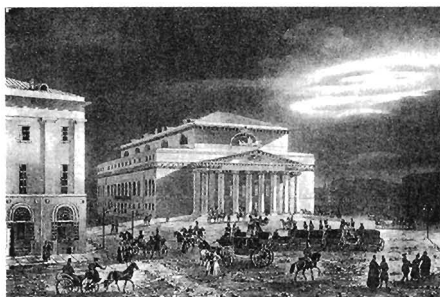
Когда в 1841 г. в последний раз Жуковский был в Москве, «все московские поэты восторженились от радости, как будто с возвращением его в Москву возвратилось прежнее время светлого вдохновения». Его приезд был истинным праздником для всего литературного сообщества Москвы. Обедом и вечерам не было конца. Всякому хотелось видеть у себя и угостить знаменитого гостя, воспитанника и певца Москвы. 20 января А.Д. Чертков дал обед в честь Жуковского, на который были приглашены Свербеев, Хомяков, Глинка, Шевырев, Орлов, Дмитриев, Погодин; на другой день был «великолепный ужин у Хомякова с невиданной стерлядью, спаржею и дичиною в перьях, с лучшими винами»¹⁴⁴.

Чертков сохранил любовь к театральному действу, и первый и любимый артист московской публики М.С. Щепкин вспоминал: «А.Д. Чертков всегда дарил меня вниманием»¹⁴⁵. Александр Дмитриевич был и большим ценителем серьезной классической музыки, о чем становится известно из воспоминаний одаренной пианистки Клары-Жозефины

Шуман (1819–1896), жены композитора Роберта Шумана, когда она с мужем приехала в 1844 г. в Россию на гастроли (февраль–май). Записки немецких музыкантов были переведены на русский язык и почти полностью опубликованы. Но поскольку мы стараемся как можно более подробно поведать о А.Д. Черткове, то рассказ четы Шуман, без сомнения, заслуживает нашего внимания.

Начало широкой европейской славы К. Шуман относилось к концу 1830-х гг. Серьезность ее репертуара (Бах, Бетховен, Шуберт, Мендельсон, Шопен, Шуман), строгость и вместе с тем романтическая задушевность исполнения очаровывали слушателей. «Ее талант восхитил меня, — писал Лист в 1838 г., — законченное техническое мастерство, глубина и правдивость чувства и всегда благородное самообладание — вот что ее главным образом отличает». В Петербурге, где ценили произведения Р. Шумана лишь редкие музыканты, внимание публики было сосредоточено на его жене. О гастрольях в столице России Р. Шуман записал: «Мы здесь уже четыре недели. Клара дала четыре концерта и играла у императрицы; мы завязали отличные знакомства, повидали много интересного... Мы сделали одну коренную ошибку: слишком поздно прибыли сюда. В столь большом городе требуется множество приготовлений. Здесь все зависит от двора и знати, печать и газеты оказывают лишь небольшое влияние. К тому же все кругом словно бешеные от итальянской оперы... Вот и получилось, что на первых двух концертах зал не был полон, на третьем, однако, публики было много, а четвертый (в Михайловском театре) оказался самым блестящим. В то время как у других артистов, даже у Листа, внимание

Большой театр в Москве

публики все время убывало, у Клары оно постоянно усиливалось, и она могла бы дать еще четыре концерта, если бы не наступила Страстная неделя, а кроме того, нам следовало думать о поездке в Москву...»¹⁴⁶.

Супруги Шуман запаслись рекомендательными письмами в Москву. Одно из них, от 15 марта 1844 г., с весьма неразборчивой подписью сохранилось в архиве Черткова: «На днях отправляется в Москву пианистка Клара Шуман, урожденная Вик, с целью дать там несколько концертов. Виртуозка эта, известная отличными музыкальными дарованиями и приобретшая уже европейскую известность, с большим успехом дала здесь несколько концертов, играла при дворе и имела счастье удостоиться благосклонного внимания высочайших особ. Вполне ценя блестящий талант Клары Шуман-Вик, я вменяю себе в приятный долг обратиться к Вашему превосходительству с покорнейшею просьбою — не оставить употребить благосклонное содействие Ваше к успешному приему в Москве этой замечательной артистки, оставаясь впрочем уверенным, что образованная московская публика, отличающаяся особенною любовью к искусствам, не откажет ей в радушном внимании»¹⁴⁷.

14 А.Д. Чертков (1798-1858).

28 марта Шуманы прибыли в Москву и устроились в отеле «Дрезден». «О таких дорогах у нас в Германии не имеют никакого представления. Не просто ухабы, а ухабы аршинной глубины, проваливаясь в которые, теряешь надежду выбраться оттуда». Москва поразила путешественников: «Все интересовало нас в Москве, так как все здесь было очень своеобразно. Москва — единственный в своем роде город, во всей Европе нет ничего подобного». 3 апреля супруги «сделали много визитов, но мало кого застали». На следующий день в «Московских ведомостях» появилась статья «Госпожа Клара Вик-Шуман», в которой сообщалось о приезде «великой художницы» в Москву, чье «имя гремит уже несколько лет в музыкальном мире Европы», и о ее супруге Р. Шумане, «одном из самых превосходных музыкантов и самых оригинальных композиторов нашего времени»¹⁴⁸.

4 апреля поутру чету Шуман посетил предводитель дворянства Чертков, без деятельного участия которого гастроль немецких музыкантов оказались бы менее успешными. Об этом красноречиво свидетельствуют записи: «Он тепло отнесся к нам, и мы ему очень обязаны. Дело в том, что сезон здесь уже прошел, большая часть дворян уехала в свои имения, а те немногие, которые пока еще оставались в городе, не имели денег и уже не интересовались концертами. В России все зависит от моды! Считается модой бывать в концертах до Пасхи, и для такого рода развлечения выделяют определенную сумму денег. Но после Пасхи, если бы даже с небес спустился сам Господь Бог, у него бы ничего не вышло... Чертков взял большое количество билетов и сам распространял их; он людей прямо за волосы вытащил».

Среда 17/5 апреля. «Днем мы поехали к Сергею Голицыну, к которому у нас была рекомендация от принца Ольденбургского, но от этого визита никакого проку не было. Наоборот, мне это стоило пары перчаток, а Роберту 3 рубля серебром (за экипаж); по-видимому, Голицын пригласил нас лишь для того, чтобы сказать “добрый день”. И это именитые москвичи?... Вечером пошли в Большой театр. Красивое, большое, великолепно освещенное здание, но публики очень мало. Каждое посещение Кремля обогащало и вдохновляло творческое воображение Роберта. Позже мы осматривали зал Благородного собрания. Он великолепен и вмещает, как петербургский, 3—4 тысячи человек. Но он отделан еще более аристократично, нежели петербургский... 19/7 апреля мы обедали у Фишера фон Вальдгейма. Суббота 20/8 апреля. Нам нанесли визиты Аматы (виолончелист), Ш. Марку (виолончелист) и Чертков. Последний приходил обычно в день концерта, чтобы оплатить взятые им билеты... Вечером я дала свой первый концерт в Малом театре. Слушателей было немного, но теплый прием публики служил для меня в известной мере вознаграждением. Публика меня восторженно встретила, и одна красивая дама, мадам Киреева, даже прислала мне букет цветов. В антракте за кулисы пришли Щербатов, Чертков и многие другие...

Мне бросилось в глаза, что великосветские дамы меня здесь не посещали. Мадам Сенявина все время писала о том, как бы ей хотелось выразить свое восхищение моей игрой и просила, чтобы я к ней заехала. Я была изумлена и немало огорчена, так как не привыкла к этому; в самых крупных городах знатные дамы не считали ниже своего достоинства

меня посещать, а здесь ни одна из них меня этим не удостоила. Позже И.И. Рейнгардт (пианист и педагог) объяснил мне, что в Москве не принято посещать артисток. Здесь этого никогда не делают... Однако некоторое время спустя, когда мы устроили у себя утренний концерт и пригласили всех великосветских дам, — все они пришли...

Вторник 23/11 апреля. Обедали у Черткова — великолепный стол, очень добрая, приветливая хозяйка дома; впрочем — весьма оригинальная. Она носила очки и курила после обеда сигары, так же как и ее сестра княгиня... Здесь я познакомилась также с графиней Бобринской. После обеда мы посетили господина фон Штрика — директора Сиротского дома. Это была милейшая чета, украсившая наше пребывание в Москве. Супруги Штрик помогли нам пережить многие неприятности, связанные с неудачным сезоном и общей пресыщенностью москвичей музыкой, хотя публика, посещавшая мои концерты, принимала меня всегда очень тепло... Суббота 27/15 апреля. В час дня я дала свой второй концерт в зале Дворянского собрания. Публики было больше, чем на первом концерте, но все же мало... 29/17 апреля я обедала у графини Бобринской. Она мне очень понравилась. Графиня подарила мне очень милые безделушки для детей... 1 мая/19 апреля вечером *soirée* у мадам Сенявиной. Большое аристократическое общество. Я играла много и хорошо, хотя в соседней комнате мужчины разговаривали и играли в “винт”. В заключение *soirée* мадам Сенявина устроила небольшую лотерею, проявив несомненный вкус. Я довольно много выиграла. 2 мая/20 апреля в час дня мы устроили у себя

matinée. Было 30–40 приглашенных; среди них и дамы из высшего общества, и, как мне казалось, они пришли охотно. Концерт мы начали квинтетом, который всем особенно понравился. После квинтета я сыграла несколько пьес соло, а в заключение вместе с Рейнгардтом вариации Роберта... Воскресенье 5/23 апреля в час дня мой последний концерт в Дворянском собрании. Публика восторженная, но ее мало... 8/26 апреля выехали из Москвы»¹⁴⁹...

Гостеприимный дом Черткова был открыт для московских и иногородних ученых людей до неприятных событий 1857 г., когда радушный хозяин в результате произошедшего в нем скандала был вынужден уединиться, о чем будет рассказано в главе, посвященной Училищу живописи и ваяния. Бартенев, работая над биографией Александра Дмитриевича, имел возможность осведомиться о нем у многих хорошо знавших его современников.

Аккумулируя их воспоминания и свои личные раздумья о герое своего очерка, Бартенев записал: «...крепкое сложение, правильная жизнь и умное распределение времени давали ему возможность разнообразно трудиться. Под строгою наружностью таилось много душевной энергии и сильное пламя любви к своему делу...

Сосредоточенный, молчаливый, порою чудной на вид, он скромно, но постоянно и неуклонно следовал по однажды избранному пути, так что многие его знакомые, встречаясь с ним в светских кружках, вовсе и не подозревали в нем многосторонней учености»¹⁵⁰.

ГЛАВА 5

УЧИЛИЩЕ ЖИВОПИСИ И ВАЯНИЯ

Первые успехи

«Зимой 1832 г. московская полиция была обеспокоена тем, что на Ильинке в квартире художника А.С. Ястребилова по вечерам регулярно собиралось 10–12 человек. И каждый раз при этом глухо занавешивалось окно». Словно захватывающий детектив зачинается история Училища живописи, ваяния и зодчества в первом фундаментальном исследовании о нем советского искусствоведа Н.А. Дмитриевой¹. Хорошо владея архивными и некоторыми опубликованными в XIX в. материалами, она тем не менее была вынуждена в силу известных идеологических канонів своего времени замалчивать многие существенные стороны организации этого учебного заведения, отчего начальная история Училища живописи, ваяния и зодчества представлялась совсем в ином виде. Мо-

тив подозрительности и реакционности властей, которым спустя семь лет после восстания декабристов якобы всюду мерещились заговоры и тайные революционные общества, с пристрастием введенный автором в повествование, и в дальнейшем вдохновенно развивался многими советскими историками. Кроме того, от публикации к публикации множилось фактические неточности и появлялись новые ошибки. Но главное, писавшие об Училище живописи, ваяния и зодчества исказили весь механизм его становления, утверждая, что его двигающей силой вопреки нежеланию властей явилась группа передовых московских художников, сумевших в сытой и лениво-барской Москве все-таки привлечь к себе внимание меценатов. Сознательно или по элементарному неведению затушевывалась и ума-

лялась деятельность истинных организаторов училища: московского военного генерал-губернатора князя Д.В. Голицына, первых директоров Художественного класса, петербургских и московских радетелей — вероятно, так происходило оттого, что все они принадлежали к правящему сословию России.

Мы постараемся восстановить канву событий тех лет и внести исправления в их отражение в вынужденно «кривом зеркале» советской историографии и рассказать о создании Училища живописи и ваяния, более обращая внимание на деятельность нашего героя — Александра Дмитриевича Черткова. Архив Художественного класса в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), вводимый существенный пласт документов из Центрального исторического архива Москвы (ЦИАМ) и фонда Черткова в Государственном Историческом музее, сообщения печати 30—50-х гг. XIX в. о Художественном классе, многие из которых прежде не были выявлены или же в предыдущих исследованиях редактировались в соответствии с «руководящими указаниями партии», помогают заново написать историю Художественного класса, преобразованного впоследствии в Училище живописи, ваяния и зодчества. После 1917 г. — это Высшие художественно-технические мастерские (Вхутемас), ныне — Московский государственный художественный институт им. В.И. Сурикова, который давно поменял свой прежний адрес. Имя славного училища вновь просияло в организованном замечательным художником И. Глазуновым новом учебном заведении — Российской академии живописи, ваяния и зодчества, разместившейся в прежнем великолепном здании училища

Егор Иванович Маковский

на Мясницкой, — улице, также обретшей свое исконное название.

Истоки Художественного класса весьма обыкновенны, но при этом в них отразились потребности времени и развития искусства и просвещения в России. Согласно распространенной в XIX в. официальной версии, с разрешения начальства в Москве в 1832 г. любители и художники стали устраивать рисовальные вечера под названием «Натурного класса», где упражнялись в искусстве преимущественно сами учредители. Первоначальная мысль учреждения этого кружка принадлежала полковнику Ф.Я. Скарятину². «Мелочи» и подробности, воссозданные по воспоминаниям Е.И. Маковского (1802—1886), художника-любителя и собирателя гравюр, наполняют эту схему дыханием жизни и вносят определенные поправки.

Маковскому как-то посоветовали попробовать писать с натуры, и он обратился к классному (т.е. дипло-

мированному) художнику А.С. Ястребилову. Тот в свое время обучался в Академии художеств, а в Москве зарабатывал тем, что писал образа для церкви, портреты карандашом и давал уроки рисования и живописи. Небезынтересно, что в литографии Ястребилова на Ильинке были выполнены некоторые таблицы с изображением монет к книге А.Д. Чертова «Описание древних русских монет» (1834). Ястребилов и Маковский были людьми женатыми, и квартиры они занимали небольшие. Необходимое помещение согласился было выделить в своей обширной квартире Н.А. Майков, отец поэта А.Н. Майкова, но в это время он неожиданно понес большие убытки в своем литографическом заведении на Тверской, и ему было не до класса. Тогда Маковский и Ястребилов обратились к Ф.Я. Скарятину, страстному, а главное, богатому поклоннику искусства. Его очаровательная жена училась рисованию у Ястребилова. Федор Яковлевич в свое время посещал натуральный класс в Петербурге и с восторгом принял мысль о создании такого же в Москве. Он дал 100 руб. для первоначального обзаведения необходимыми принадлежностями. Но Скарятин был еще, кроме того, и адъютантом военного генерал-губернатора Москвы князя Д.В. Голицына, поэтому его ходатайство о дозволении открыть в Москве Натурный класс немедленно увенчалось успехом. Князь Дмитрий Владимирович Голицын был высоким ценителем и знатоком искусства, и при нем «многие благие начинания зародились и приобрели силу».

По совету Ястребилова за 30 руб. в месяц сняли освободившийся номер в доме на Ильинке, 14 (дом не сохранился), против церкви Николая Большой крест, в котором жил и сам Ястребилов. Заказали лампы,

Иван Петрович Витали

столы и т.п., наняли натурщика, банщика от Каменного моста Федора, «которого стоило большого труда уговорить стоять натурой», он очень сомневался, «не бесчестно ли это будет»³, и зимой 1832 г. класс начал свою работу.

Класс объединил 12 человек любителей живописи, в основном профессиональных художников (В.С. Добровольский, Ф.Ф. Кинель, И.Т. Дурнов и др.). Посетители Натурного класса должны были вносить каждый месяц по 15 руб. ассигнациями и имели право приводить с собой одного товарища без платы. Скульптор И.П. Витали, воспользовавшись этим условием, первым стал брать на рисовальные вечера своего ученика И.К. Бианки. Ястребилова избрали казначеем, правда, месяца через три он от должности отказался, и обязанности казначея взял на себя художник А.С. Добровольский. Учителей не было, учились друг у друга. С восторгом вспоминал

Е.И. Маковский об этих художественных вечерах: «Народ был молодой, живой, весело работали и весело отдыхали: рассказы, анекдоты из петербургской академической жизни, остроты и шутки так и сыпались. Вообще, собрания эти представляли род клуба»⁴. Лучше всех, по отзывам Маковского, рисовал Скарятин. Каждые две недели выставлялись работы – рисунки, скульптура.

Московский генерал-губернатор Д.В. Голицын не переставал интересоваться судьбой Натурного класса, получая информацию от своего адъютанта, и в конце первого года существования класса пожелал видеть плоды трудов его членов. Была устроена выставка, для чего специально сняли две комнаты в Купеческом клубе на Ильинке. Это была первая художественная выставка в Москве. Князь Дмитрий Васильевич с удовольствием рассматривал рисунки Маковского, живопись Дурнова, акварели Добровольского. А затем он обратился к собравшимся художникам, с надеждой ожидавшим его благосклонного отзыва: «Господа, вы до сих пор делали денежные взносы, имели расходы. Я постараюсь рекомендовать вам членов, людей со средствами, которые охотно согласятся для поощрения и поддержания доброго дела приносить посильные жертвы». Выставка воочию раскрыла полезность начинания, что быстро оценил Д.М. Львов, почетный попечитель Дворцового архитектурного училища. Он предложил Натурному классу 500 руб. ассигнациями в год с тем, чтобы лучшие ученики подведомственного ему учебного заведения тоже имели возможность посещать занятия. Количество учащихся вскоре столь увеличилось, что стала ощущаться потребность в более просторном помещении для класса,

а средства, хоть и «усилились» благодаря взносу за учеников-архитекторов, были явно недостаточными.

Князь Голицын, сочувствуя благому начинанию и понимая значимость художественного образования для Москвы, не оставил Натурный класс без поддержки: благодаря его личному участию отыскались желающие спонсировать класс. Но подлинными энтузиастами распространения в обществе художественного образования явились отставной генерал-майор М.Ф. Орлов, полковник А.Д. Чертков и полковник Ф.Я. Скарятин⁵. С Ф.Я. Скарятиным читатель уже имел возможность познакомиться по ходу повествования, имя М.Ф. Орлова также встречалось на страницах нашего исследования, но желательно напомнить еще несколько сведений из его биографии.

Михаил Федорович Орлов (1788–1842), горячий сторонник организации тайных обществ, активнейший член «Союза Благодетности», отошел «от дел» после своей женитьбы и не принимал участия в выступлении на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. Он был освобожден от сурового наказания благодаря заступничеству своего брата А.Ф. Орлова⁶, но отнюдь не прощен. С 1831 г. Михаилу Федоровичу было позволено проживать в Москве, где он купил и великолепно отделал себе большой дом на Пречистенке. «Положение его было затруднительно. С одной стороны, правительство смотрело на него как на либерала, либералы находили, что он слишком легко наказан сравнительно с другими декабристами. Энергичный и честолюбивый Орлов чувствовал необходимость делать дело, выразить себя, искал занять высшие правительственные должности и принужден был ограничиваться обществен-

Михаил Федорович Орлов

ной жизнью да устройством своего дома и состояния. Он окружил себя небольшим кругом знакомых и проповедовал там свои теории, главное лицо по талантам и странностям занимал в этом кругу Чаадаев»⁷, — писал А.И. Герцен.

Скучавший без значимой должности, Орлов загорелся предложением Голицына помочь Натурному классу, поскольку идеи просвещения народа были ему дороги и отнюдь не умозрительны. Можно вспомнить, что, будучи назначенным начальником штаба 4-го пехотного корпуса в Киеве, в 1819 г. он устроил ланкастерскую школу для солдат и привел это заведение в такую степень совершенства, «что видеть его и не восхищаться оным были бы две совершенно несовместимые идеи», — писали современники.

Итак, Орлов, Чертков и Скарятин, «желая дать Натурному классу более прочное основание», «составили особые правила к постоянному изучению живописи и скульптуры»,

которые были единодушно одобрены на организованном ими собрании подписчиков 25 мая 1833 г. На том же собрании Орлов, Чертков и Скарятин были выбраны директорами Художественного класса, как теперь стали называть преобразованный Натурный класс. Затем, 5 июня 1833 г., вновь выбранные директора обратились к Д.В. Голицыну, «испрашивая его дозволения на открытие публичного Художественного класса в виде опыта на 4 года». 18 июня 1833 г. Орлов, Чертков и Скарятин получили благоприятный ответ князя⁸.

Проект устройства Художественного класса и организации Общества членов-подписчиков для его финансовой поддержки вместе с сопроводительным письмом московского губернатора были переданы министром Императорского Двора князем П.М. Волконским на рассмотрение Академии художеств. Ее Совет на своем заседании 6 июля нашел учреждение это не только полезным, но и заслуживавшим во всех отношениях внимания и одобрения правительства. «Академия, впрочем, полагает, что [так как] учреждение сего класса предназначается для опыта на 4 года, то едва ли нужно ныне Высочайшее утверждение проектированных правил, тем более что время указать может улучшения, в сем учреждении необходимые». Вследствие такого отзыва министр допустил учреждение Класса, но решил пока не докладывать императору и не просить об окончательном утверждении Общества⁹. Получив 16 июля 1833 г. позволение от князя П.М. Волконского, московский генерал-губернатор письменно известил учредителей Общества о том и о переименовании Натурного класса в Художественный. Новое общество,

Василий Степанович Добровольский

Иван Трофимович Дурнов

на средства которого предполагалось открытие Художественного класса, не получило какого-либо официального названия. Его действительные члены именовались просто членами-подписчиками Художественного класса, что отражало самую суть их содействия делу. Вначале их было всего 16 человек, включая и первых директоров. Они должны были вносить по 250 руб. ассигнациями в год, и каждый имел право присылать 2 учеников какого бы то ни было сословия, не исключая и крепостных. Ученики, не являвшиеся крепостными, платили по 150 руб. в год. Не были поставлены возрастные ограничения для учеников, оставался неопределенным и срок обучения в Художественном классе.

С 1 июня 1833 г. Художественный класс начал работать, несмотря на то что его документы все еще находились в высших инстанциях. Очевидно, что в положительном ответе никто и не сомневался. Преподавате-

лями стали И.Т. Дурнов (1802–1847), В.С. Добровольский (1789–1856) и его брат А.С. Добровольский (1791–1844), закончившие в свое время Академию художеств. Класс скульптуры начал вести И.П. Витали (1794–1855), впрочем, он не смог уделять много внимания преподаванию, поскольку был просто завален заказами, а затем и вовсе переехал в Петербург. Учителям положили неплохое жалованье в 500 руб., а помощник директоров, которым стал А.С. Добровольский, пользовался еще и бесплатной казенной квартирой¹⁰. Следует отметить, что для В.С. Добровольского и И.Т. Дурнова преподавание в Художественном классе являлось хорошей «подработкой», так как Дурнов имел место учителя рисования в Архитектурном училище при Московской дворцовой конторе, а В.С. Добровольский служил помощником экзекутора Оружейной палаты.

Художественный класс взял принцип обучения художников, принятый

в Академии художеств. В нем было 5 отделений: рисовальное с оригиналов, с гипсовых голов и фигур, с натуры, живописное и скульптурное. На первых порах скудость средств не позволяла сразу обеспечить класс надлежащим оборудованием и учебными пособиями. Директора старались собрать репродукции художественных произведений, по которым сразу начали преподавать. Особенно недоставало гипсовых фигур для второго возраста воспитанников. Директора считали, что «натура, как бы она ни была хороша сама собою и искусно поставлена, недостаточна для развития понятия о идеальном совершенстве». Вкус и чувство прекрасного у учащихся «рождаются от созерцания и изучения всех бессмертных творений и передаются уму учеников не столько через холодные советы опытности, сколько чрез виденное явление возвышенной и идеальной красоты пред проницательным взором и пламенным воображением юношества»¹¹.

Пожар 4 сентября 1834 г., возникший в доме камергера Шипова на Лубянке, в котором была снята более обширная квартира для занятий в связи с увеличением количества учащихся, уничтожил и эти мизерные приобретения. Особенно горевали о потере единственной статуи Фавна, пожертвованной И.П. Витали. Ее прежде «берегли и изучали со тщанием и любовью», над ней «работали попеременно все ревностные ученики». В Москве имелись лишь дурно выполненные гипсовые фигуры, от которых «истинный художник отвращается с негодованием и с невольным ропотом».

И тогда директора решились обратиться за помощью в Академию художеств, на выставку которой в первый раз уже были посланы про-

изведения учеников Художественного класса. Написали и в Общество поощрения художников. Его председатель П.А. Кикин, статс-секретарь императора по приему прошений, еще 16 февраля 1834 г. первым вступил в переписку с директорами московского класса, предложив им посильное содействие Общества¹². Внимание со стороны Академии художеств и Общества поощрения художников превзошло скромные ожидания москвичей: Художественный класс был просто осыпан дарами. «Совет Академии художеств, поставляя приятно для себя обязанность обратить внимание на успехи Московского художественного класса и заботливость управляющих оным и преподавателей, как в доказательство оно, так и для содействия означенному классу в дальнейшем преуспевании, положил: подарить» прекрасный картон, снятый Рафаэлом Менгсом со знаменитой Галатеи Рафаэля Санцио Урбинского, «по части скульптуры: статуи Оратора, так называемого Гладиатора и анатомии Фишера, 5 голов и несколько кистей и слепков», 10 живописных работ воспитанников Академии¹³. Общество поощрения художников также прислало несколько статуй (Аполлона Бельведерского, Минервы, Юпитера), несколько картин и до 5000 литографий и эстампов. Последние предназначались для продажи, с тем чтобы Художественный класс получал 20% выручки. Дары из Петербурга, наполнившие «пустыню классов», были оценены в 10 785 руб. Общество поощрения художников вновь подтвердило прежнее обещание о своем покровительстве достойным ученикам класса.

Художественному классу оказывал свое покровительство почетный президент князь Д.В. Голицын,

который изъявил готовность жертвовать ежегодно по 1000 руб. Класс лично посетил министр Двора князь П.М. Волконский и пообещал свое содействие в окончательном юридическом оформлении по окончании четырехлетнего «испытательного срока». Граф С.Г. Строганов взял под свое покровительство ученика М.А. Кашинцева и обещал поддерживать его семейство до тех пор, пока он «образует свой талант и сможет пеших о своих родных». Кашинцев, снабженный письмами директоров класса, получил самый приятный и лестный прием в Академии художеств. Граф В.А. Бобринский пожертвовал на 3 года по 2 тыс. руб. на новое помещение для класса. Несомненно, что благосклонное покровительство и внимание П.М. Волконского и Д.В. Голицына к рождению нового учебного заведения привлекло новых членов-подписчиков, благодаря чему было существенно увеличено жалование преподавателям — до 1000 руб., а помощник директоров стал получать 1500 руб. ассигнациями в год.

После пожара в доме Шипова для занятий была обустроена новая, более просторная квартира, снятая в бывшем особняке князя Ю.В. Долгорукого на Никитской. В ней было оборудовано новое освещение, появились ширмы, столы, подиумы, расставлены подаренные Петербургом вещи и т.п. «Художественные классы могут от сих пор быть посещаемы учениками всех и самых высших сословий»¹⁴. И это благодаря Бобринскому. Вот как описывал Художественный класс И. Тучнин: «В начале поступления моего класса меня поразил своей торжественной обстановкой: по широкой парадной лестнице входишь в верхний широкий коридор, уже тут на стене до по-

толка видишь огромную картину аллегорического содержания; отсюда входишь в дверь-арку и видишь алебастровыми фигурами наполненную мраморную залу, очень высокую, 12 аршин от пола до потолка; от двери арки поперек залы до окон 4 толстые мраморные колонны, не доходя до потолка аршина два, поддерживают поперечные широкие карнизы. Пройдя мимо этих колонн, у стены от двери до окна налево дверь в копировальную комнату с картин масляными красками. Середина этой огромной мраморной залы наполнена в 2 ряда фигурами: Аполлон Бельведерский, Венера Медицейская, Демосфен, анатомическая фигура без кожи и др.»¹⁵. Интерьер Художественного класса затем был дополнен картинами из собрания генеральши Альбини, преимущественно итальянской школы¹⁶.

70 учеников «без всякого принуждения», добросовестно занимались рисованием и живописью единственно из любви к искусству. Класс посещало 37 учеников, посылаемых по бесплатным билетам от членов-подписчиков, и 33 ученика, вносящих за себя плату по 5 руб. в месяц. Одно время, по признанию директоров Художественного класса, «возле возникающей школы учеников составлялась еще высшая школа учителей: артисты [т.е. художники], рассеянные по лицу Москвы», ежедневно посещали Художественный класс. «Скарятин, артист зрелостью дарований и поэт силою воображения, умел соединить в одном стремлении наших художников, слишком привыкших к одиночеству». Но он потерял страстно любимую им жену, начал хворать и уехал в Италию. Через полгода, в 1835 г., во Флоренции его не стало¹⁷. (В письмах и записях П.А. Вяземского сообщается: 15 июня 1833 г. из Петер-

бурга — «Бедная Скарятин-Озерова плоха»; 27 августа 1833 г. — «Вдовец Скарятин отправился на последнем пароходе, но не знаю куда»¹⁸; «12 апреля 1835 г. приехал во Флоренцию. Отпевание Скарятин»¹⁹.)

Отсутствие Ф.Я. Скарятин сказало на усердии московских художников, которые перестали «нечаянно, из любопытства» заходить в Художественный класс, чтобы полюбоваться его успехами. Только Тропинин, который, впрочем, не был членом Натурного класса, не забывал дорогу в Художественный класс, охотно дая свои советы мастера начинающим художникам. Поэтому говорить, что московские художники образовали Художественный класс, представляется совершенно неверным. Инициатива создания Натурного класса, действительно, принадлежала им, но, когда это предприятие стало приобретать реальные контуры учебного заведения, в котором акцент был поставлен на преподавание первооснов профессии, а не на постижение тайн искусства, они утратили к нему интерес.

20 июня 1835 г. состоялось первое экстраординарное годичное собрание участников подписки для Художественного класса, который (вновь повторяем) щедростью В.А. Бобринского был устроен в прекрасных апартаментах. Князь Д.В. Голицын также удостоил это собрание своим посещением. По стенам были развешены рисунки учеников Художественного класса в последовательном порядке по годам, наглядно демонстрируя рост мастерства учащихся. Сотрудникам «Московского наблюдателя» было особенно приятно видеть во всех этюдах с натуры «физиономию русского с ее особенным характерным выражением, которая как-то неволь-

но сказывается вашему глазу и внутреннему чувству! Идеал изящного — в Греции, в Италии, но физиономия русских с ее ярким колоритом... здесь у нас, в сердце России: за ней сюда идите, художники! В ней начало своего народного искусства!»²⁰.

Директорами Художественного класса Орловым и Чертковым был представлен отчет за учебный 1834/35, столь насыщенный событиями год. Состоялось торжественное вручение первой в истории Художественного класса награды, присужденной Академией художеств ученику Е.И. Маковскому за рисунок с натуры. Серебряную медаль вручал Маковскому сам президент Художественного класса московский генерал-губернатор князь Голицын. 23 ученика были отмечены за успехи: С. Шеколдин — похвальным листом и живописным ящичком за успехи в рисовании и живописи, похвальным листом 1-го достоинства — 4 человека, похвальным листом 2-го достоинства — 10 человек, изъявлением благодарности — 7 человек.

А.Д. Чертков доложил подробно о расходах (12 848 руб. 67 коп.) денежных средств, поступивших в кассу класса (13 221 руб. 72 коп., из них плата за обучение самих учеников собиралась до 1305 руб. в год). Все имущество Художественного класса деньгами и вещами составило 12 408 руб. 5 коп., из них, отметим еще раз, 10 785 руб. приходилось на дары из Петербурга. Директора с удовольствием выражали полную признательность учителям Художественного класса и искреннейшую благодарность за просвещенное благодатное покровительство со стороны Академии художеств и Общества поощрения художников в Петербурге. Где тут проявление антагонизма

между Академией художеств и Художественным классом, который, по мнению Дмитриевой, зародился уже в это время и давал о себе знать на всем протяжении их истории?²¹

Отчет отразил намеченную директорами обширную программу дальнейшего развития Художественного класса, превращения его в школу живописи и ваения, ничем не уступающую Академии художеств в Петербурге. Предполагалось распространить художественное образование на все сословия России, обучать живописи женщин и детей в их свободные часы, пригласить «в сотрудники все таланты, разбросанные по городам, и дать каждому из них свое особенное постоянное занятие». Директора желали «открыть новые средства», чтобы Художественный класс превратить в такой центр, где художники смогут получать заказы от публики, исполнять и продавать их «легчайшим образом». Орлов высказал мысль о приглашении «какого-либо таланта с европейской известностью», и тогда будут заложены начала оригинальной московской школы живописи и ваения. Директора специально назначили постоянные дни заседаний, на которые просили приходить членов-подписчиков, пожелавших обсудить и «обработать» перспективы развития класса. И как результат тех совещаний появились в протоколе заседаний от 22 июня 1835 г. скупые строки записанного решения: «Устроить класс для дам и детей, учредить библиотеку, в коей будут и эстампы»²².

В отчете не раз, но не явно звучала надежда на становление оригинальной московской школы живописи, которую лелеяли в мечтах директора Художественного класса. «Московский наблюдатель» высказался более определенно: «Предчувствуют ли, что, может быть, здесь таится зародыш

нашего национального вкуса к живописи? Не в Москве ли, в сердце всех народных чувств, в хранилище преданий исторических, должен этот зародыш раскрыться с особенностью русской физиономии?»²³.

Итак, Художественный класс явно «взошел в общий состав отечественного художественного образования и занял в общей системе свое скромное, но полезное место». Его директора, Орлов и Чертков, с уверенностью смотрели на будущее своего детища, считая, что его ученики через свои труды дойдут до высших степеней мастерства, что класс откроет им путь известности и славы.

Первый праздник искусств

В начале 1836 г. Москва принимала знаменитого гостя, поразившего Европу картиной «Последний день Помпеи». Карл Брюллов возвращался в Петербург через Москву, которая чествовала художника со всем присущим ей размахом и хлебосольством. Здесь он встретил многих своих знакомых, в частности, преподавателя Художественного класса И.Т. Дурнова, который учился вместе с ним в Академии художеств. Брюллов никогда прежде не бывал в Первопрестольной, и она полюбила его своими древними памятниками и особенной живописностью. Он «делал каждодневные прогулки по Кремлю», часто поднимался на колокольню Ивана Великого, где, обращаясь к друзьям, «словесно рисовал десятки ярких исторических картин»²⁴.

Торжества в честь художника следовали одно за другим. «Брюлло-

Карл Брюллов

ва честили и праздновали в Одессе обедами и тостами; теперь празднуют его в Москве», — уведомлял А.И. Тургенева П.А. Вяземский. Особенно многолюден был званый обед 28 января 1836 г. в стенах Художественного класса, устроенный по инициативе Орлова и Черткова по случаю дня ангела Брюллова по предварительному совещанию членов Московского художественного класса и нескольких любителей художеств по подписке (25 руб. с человека). Обед замыслился как особое выражение чувств восхищения талантом художника и гордости за его триумф в Европе. К 4 часам пополудни на пир съехались любители живописи, члены-подписчики, артисты, художники, но главное — тут были учителя и ученики Художественного класса. Самые лучшие их работы были развешаны по стенам и вместе с копиями античных статуй, торжественным великолепием мраморной залы создавали удивительную атмосферу величия искусства.

Вскоре появился Брюллов. В 5-м часу начался обед, в продолжение которого играла музыка. Шумный разноголосый говор воодушевленных гостей стих, когда первый тост, «которым начинаются все тосты русские и соединяют мысли всех присутствующих», был провозглашен за государя императора. «Боже, царя храни!» — прогремело в зале. Тост за виновника пира был пропет известным московским певцом баритоном Н.В. Лавровым. Автор слов величания остался неизвестным, хотя впоследствии стихи приписывались Е.А. Баратынскому. Брюллов был тронут, он плакал и обнимал своих соотечественников. Восторженные, возвышенные чувства владели собравшимися. И граф В.А. Мусин-Пушкин под влиянием столь прекрасной минуты «тут же дал свободу своему человеку, который оказывал большие успехи в рисовании» и обещал вырасти в художника²⁵. Этим крепостным был И.П. Липин, обучавшийся на деньги графа в Художественном классе. Его рисунки были отмечены в Академии художеств в 1834 г. изъявлением благодарности.

По окончании обеда поэт А.С. Хомяков с бокалом в руке предложил Брюллову тост в память того, кем основано заведение, — раздалось глоса: «В память Федора Яковлевича Скарятина!» Затем, улучив минутку расположения, первый артист города М.С. Щепкин «прочел несколько комических сцен и одушевил собрание чувством веселья. Все были счастливы»²⁶. Это был совершенно новый праздник для Москвы, это был праздник высокого искусства, что почувствовали все собравшиеся в зале Художественного класса.

На склоне дней своих Е.И. Маковский вспоминал об этом торжественном обеде, отмечая, что он запо-

нился доблестным поступком графа Зубова: на радости и в честь Брюллова он дал вольную своему крепостному Липину. Егор Иванович оговорился, называя Липина человеком графа Зубова, а не графа В.А. Мусина-Пушкина²⁷. Маковский особо обращал внимание на то, что экстраординарность подобной щедрости графа может быть полностью оценена лишь в контексте горестного перечисления случаев нежелания помещиков освобождать своих талантливых крепостных, несмотря на настойчивые просьбы благожелателей.

Любопытно, как переосмысливался обед в честь Брюллова в Художественном классе в советской историографии. В фундаментальной монографии Э.Н. Ацаркиной о К.П. Брюллове подлинный восторг гостей и хозяев Художественного класса принял некий обобщенный характер и распространился на все пиршества, посвященные Брюллову в Первопрестольной. «На них присутствовали лучшие артисты, поэты, музыканты, художники Москвы. Здесь горячо обсуждались вопросы развития национальной культуры, назревшие проблемы искусства и даже решались судьбы крепостных художников Художественного класса...». Впрочем, автор писала, соглашаясь с духом своего времени: «В Брюллове русское общество видело передового художника, верящего в силу национальной культуры, способной отразить прогрессивные идеи эпохи. Его приезд в Москву, где так недавно николаевские жандармы жестоко расправились с ее лучшими людьми, окрылил москвичей, вселяя надежды на победу света над тьмой. Жизнеутверждающее искусство мастера, проникнутого гуманизмом, несло бодрость и веру в человека. А это было главное, в чем нуждалась загнанная в

подполье Николаем I просвещенная Москва. Отсюда фанфары и литавры хлебосольных москвичей»²⁸.

К сожалению, программное обличение «глухих лет николаевской реакции» довлеет и над современными работами. Не пропадает непонимание подлинных настроений Москвы 30-х гг. XIX в. и вообще ее традиций, а также просто элементарное незнание реалий в отношении того же Художественного класса. А самое главное, что исследователи просто не желают замечать, — это то, что во время торжественного обеда 28 января 1836 г. в одной зале Художественного класса, за одним столом собрались люди разных сословий, общественного положения и достатка, что ученики класса, не исключая и крепостных, сидели вместе с титулованной знатью, со своими помещиками-крепостниками, с артистами, журналистами, литераторами. Не было спеси и чванливости на этом подлинном празднике искусств, на котором только и возможны искренние слезы и взлеты благородства и щедрости, мощно выразившиеся в одарении человека свободой, волей и без всяких выкупов.

Совсем иной дух царил на торжествах, устроенных в честь Брюллова в Академии художеств. Был загодя выработан особый церемониал для проведения празднеств. Впервые в истории Академии художнику оказывали столь пышный прием. Восторг учащихся, носивших Брюллова на руках, был неподделен и искренен, а вот слез у Брюллова не появилось. Не было у собравшихся и общего чувства единения во славу искусства, не родилось, не возникло. Да и самое начальство с высокими гостями скоро, с окончанием официальных церемоний, покинуло залы Академии художеств...²⁹.

На грани исчезновения

Праздники скоро кончатся, и продолжатся будни с их неумолимыми проблемами. Четыре года быстро пролетели. Несомненно, успехи Художественного класса были существенными. В 1836 г. во второй раз были посланы произведения учащихся Художественного класса на выставку в Академию художеств, и вновь они заслужили лестный отзыв и награды Академии. Совет Академии наградил серебряными медалями 2-й степени С. Шеколдина за успехи в живописи и М. Муратова за успехи в рисовании; а также изъявил признательность Академии К. Бушину, Ф. Болдину, К. Бодри и «персиянину Муменову». Сверх того Бушин и Болдин были рекомендованы директорам Художественного класса «в особенное внимание, как подающие о себе надежды»³⁰. Благодаря ходатайствам Орлова и Черткова, которые были поддержаны князем Голицыным, Совет Академии художеств «нашел справедливым признать гг. художников Алексея и Василья Добровольских и Ивана Дурнова как учредителей Московского художественного класса академиками» без выполнения ими соответствующих программ³¹.

Но в 1837 г. при возобновлении подписки на шестилетний срок организаторы Художественного класса столкнулись с явным «охлаждением в усердии членов». Как правило, в обозрениях истории Художественного класса трудности 1837 г. вспоминаются мимоходом: «С окончанием срока подписки Общество клонилось к совершенному разрушению, но Орлов поддержал оное собственными средствами, составив с согла-

сия нескольких членов временный комитет с Чертковым и Хомяковым. Между тем в том же 1837 г. открылась новая подписка на 6 лет и дела класса подвинулись с новым успехом»³².

Однако протоколы заседаний, позволяющие явственно увидеть истинное состояние Художественного класса в тот период, рисуют совсем другую картину и обнажают катастрофичность сложившейся ситуации. В историографии, к тому же, остался совершенно неизвестным судебный процесс между директорами Художественного класса и подполковником И.А. Маховым. Дело заключалось в следующем. В 1833 г. класс, как мы помним, помещался в доме камергера Шипова на Лубянской площади (№ 124), но было решено найти новое помещение «по случаю распространения его [Художественного класса] занятий и умножавшихся учеников». Чертков и Орлов приискали квартиру в неотделанном доме купчих Калугиной и Ершовой, бывшем доме князя Ю.В. Долгорукого (на углу ул. Никитской и пер. Брюсовского), и наняли ее на два года за 3 тыс. руб. в год. 21 июля 1834 г. заключили договор, по которому директора уплатили 1500 руб. за полгода, но началом срока найма считалось 1 сентября, к которому квартира должна была быть отремонтирована и сдана в приличном виде. Однако к 1 сентября квартира не только не была отделана, но даже не была освобождена от постояльцев, и «машинист Гармут оставался в ней до 8 ноября 1834 г.».

Между тем в доме Шипова 4 сентября случился пожар, и чтобы не прекращать занятия и склонившись на просьбы Калугина, распорядившегося домом и уже получившим от директоров деньги, согласились временно занять другое помещение,

гораздо меньшее, с платой 120 руб. в месяц. Здесь Художественный класс находился до 1 июня 1835 г., и за минувший учебный год было заплачено Калугину под расписку 1125 руб. Директора пребывали в полной уверенности, что прежний договор о 2-летнем найме квартиры начнет действовать с 1 июня 1835 г., когда класс переедет в прежде оговоренное обширноепомещение,закотороедиректора уже уплатили 3 тыс. руб. согласно договору. Директора сами произвели ремонт, затратив 1472 руб. 50 коп. Но, когда все было готово, вдруг обнаружилось, что этот дом заложен подполковнику Махову, выкуплен не был, и по решению Московской Гражданской палаты Махов становится владельцем дома, хотя и временным, начиная с 24 июня 1836 г.

Махов обратился в Тверскую часть «о понуждении директоров класса как к платежу следовавшей будто ему суммы с июня 1834 г., так и к очищению квартиры по истечении 2-годового срока к 1 сентября 1836 г., не уважая нарушений со стороны Калугиной и Ершовой», т.е. того, что они не позволили классу занять помещения вовремя. Затем 1 сентября 1836 г. Махов объявил, что за квартиру ему следовало платить не 250 руб. в месяц, а 500 руб., и на это пришлось пойти директорам, которые также оплатили и починку 4 печей (160 руб.). Гражданская палата в январе 1837 г. решила дело в пользу Махова. Художественному классу ничего не оставалось делать, как подать жалобу в Гражданскую палату с просьбой о его пересмотре. В ожидании нового судебного решения Чертков предложил Орлову и Добровольскому прекратить все расходы и нанять более дешевую квартиру, в которой бы могли разместиться картины,

слепки и др. Данная мера позволила бы сэкономить по 500 руб. арендной платы в месяц, выплачиваемых Махову, а к тому же и по 100 руб. в месяц, шедших на дрова для отопления обширнейшего помещения. Но мнение Черткова не было уважено, и деньги на расходы собирались с членов-подписчиков «мимо» него. На первом же заседании членов-подписчиков Чертков вновь повторил свои соображения собравшимся: Орлову, Добровольским и Дурнову. И вновь они были проигнорированы. Тогда 23 марта 1837 г. Чертков изложил свое мнение на бумаге, попросил внести его в протокол заседания и стал настаивать на экстраординарном собрании всех членов-подписчиков, находившихся в Москве, для обсуждения этого вопроса³³.

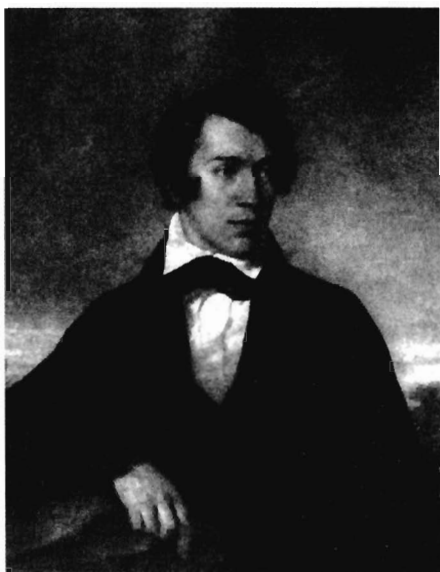
На особое заседание 17 апреля 1837 г. Орлов и Чертков специальными извещениями пригласили всех членов-подписчиков, но из них приехало лишь несколько (не считая учителей класса): Н.Г. Щербатов, Я.Ф. Скарятин, А.С. Талызин, А.С. Хомяков, А.С. Пущин и В.И. Мещерский. Директора, напомнив о приближении конца 4-летней подписки, сообщили об успехах класса и продемонстрировали несколько рисунков и картин его учеников. Было оглашено письмо Голицына о признании учителей Художественного класса академиками. Все присутствовавшие единодушно выразили высокое мнение о трудах и пользе, уже принесенной и доказанной Художественным классом. Директора затем «дonesли Обществу, что многие члены не внесли следуемых с них денег (недоимки составили 7439,25 руб.³⁴) и что от сей неисправности в уплате происходят все затруднения класса... В наличности же» у Черткова находилось

340 руб., у Орлова — 750 руб. Охлаждение в усердии многих подписчиков было явное, и на заседании с горечью констатировали, что класс не соберет достаточных денег для продолжения своих действий.

Исполняя решение Московской Гражданской палаты, Голицыну пришлось издать повеление об освобождении квартиры, теперь занимаемой классом, и уплате Махову 3141 руб. 60 коп., которое и стало главным пунктом повестки собрания. На заседании решительно постановили защищать законные права Художественного класса посредством апелляции в Сенат, а также «очистить теперь занимаемую квартиру перемещением на вновь нанятую»³⁵. Процесс с Маховым целиком лег на плечи Черткова. Дело закончилось только 8 декабря 1845 г., когда Правительствующий Сенат разрешил его в пользу Художественного класса³⁶. Сколько же сил, энергии, нервов, денег потратил Чертков на его благоприятный исход?!

На том заседании было также предложено обратиться к Голицыну, чтобы он благоволил обратиться на класс внимание правительства, «столь великодушно покровительствующего всем полезным заведениям». Собравшиеся выразили готовность внести взнос по 250 руб., предположили, что и князь Голицын не откажется от денежного соучастия. Участники заседания, исходя из опыта предыдущих лет, полагали, что удастся собрать не более 3 тыс. руб., и если граф В.А. Бобринский решится продолжать прежнее пожертвование по 2 тыс. руб. в год на помещение Художественного класса, то средства возрастут до 5 тыс. руб. Но несмотря на решимость собравшихся членов сохранить класс, ситуация была действительно тяжелая. Поэтому все же решили прекра-

Алексей Степанович Хомяков

тить на время действие Общества и «сим самым все должности по классу», т.е. директоров и их помощника. Для приведения в порядок всех дел и поручений, для очищения счетов был составлен особенный комитет, куда вошли директора М.Ф. Орлов, А.Д. Чертков и А.С. Хомяков, известный философ, славянофил. Хомяков в юности своей в Париже брал уроки живописи масляными красками и рисовал с моделей, нередко с натурщиц³⁷. При Комитете был оставлен письмоводитель, единственный, кому сохранили жалованье.

В заседании одобрили предложенные Чертковым, Орловым и Хомяковым суровые меры: нанять помещение за самую малую плату, и если класс не состоится, то вернуть Академии художеств и Обществу поощрения художников вещи, ими пожертвованные. «Член А.С. Добровольский предложил Обществу, чтобы сии вещи отданы были ему в вознаграждение за труды его в

звании помощника директоров, на что ни один из присутствующих членов не объявил свое согласие»³⁸. Орлов доложил, что нанял квартиру по 24 августа в доме Кожевниковой против Страстного монастыря. Владея средствами членов, прибывших на заседание 17 апреля 1837 г., Комитет приступил к поддержанию класса, а также к восстановлению Общества членов-подписчиков. Князь Д.В. Голицын обещал свое покровительство и свои средства.

3 мая 1837 г. вновь встретились те же ревностные члены Общества, правда, вместо Щербатова был Н.Г. Вяземский. Комитет отчитался о своих действиях по упразднению дел прежнего Общества и представил свои соображения для составления нового общества на тех же условиях и с той же целью. Члены Комитета доложили: по приблизительном исчислении расходов при строгой бережливости сумма может достигать до 7 тыс. руб. в год и необходимо собрать хотя бы 28 человек, платящих по 250 руб.³⁹. Художественный класс было решено возобновить еще на 6 лет с 1 августа 1837 г., и была объявлена новая подписка. Условия подписки остались прежними. Но директора рассчитывали и на особые пожертвования от частных лиц или сословий. Впрочем, было оговорено, что «ежели по подписке окажется до 30 человек, то класс возымеет свое действие, в противном случае класс и самая подписка считаются несостоявшимися. Деньги при подписке не получают, а подписчики платят их тогда, когда соберется комплект вышесказанных 30 членов»⁴⁰. Решение об открытии подписки было утверждено на заседании 3 мая 1837 г., но тогда собрать нужное количество подписчиков не удалось: москвичи на лето разъехались по своим имениям и дачам.

При сохранении прежних правил приема и обучения в Художественном классе следует отметить появление одного очень важного пункта, емко характеризующего членов Комитета и атмосферу Художественного класса. Этот параграф гласил: «Ежели по истечении одного года успехи какого-либо ученика окажутся удовлетворительными и между тем состояние его не позволит продолжать плату по 150 руб. в год, то начальство класса имеет право дать ему аттестат, по коему слагается с него обязанность платить по 30 руб. в треть и дозволяется продолжать учение по 5 руб. в месяц. В сей разряд поступают все те вольные ученики, кои в прошлое четырехлетие оказали отличные успехи». Это-то при острой нехватке средств!

Новое собрание удалось провести только 30 декабря 1837 г. Чертков представил отчет о деньгах, находившихся у него в кассе, и объяснил, что деньги эти нужны для продолжения тяжёлого дела с Маховым в Сенате. Далее Орлов, Чертков и Хомяков сообщили, что нашли только 18 подписчиков (включая и их самих), но некоторые подписались на две и более части. Всего собрали 5500 руб., учителя изъявили тогда согласие продолжать свои занятия за половинную цену, т.е. за 600 руб. Притом Комитет выразил надежду на увеличение средств, ведь многие из возможных подписчиков еще не прибыли в Москву, поэтому решено было приступить к образованию класса и нанять новую квартиру в доме г. Эйнброд, что находился между Тверской и Большой Дмитровкой против церкви Алексея митрополита, поскольку квартира, которую Орлов снял для Художест-

венного класса, была столь мала, что занятия живописью были на время прекращены.

Ожидания и надежды вполне оправдались. И 19 февраля 1838 г. члены Комитета, управлявшего делами класса, — М.Ф. Орлов, А.Д. Чертков и А.С. Хомяков испрашивали у князя Голицына разрешение на существование класса еще на 6 лет, так как число членов-подписчиков оказалось достаточным для продолжения занятий. Список благотворителей был приложен: «князь Д.В. Голицын — 500 руб., М.Ф. Орлов — 500, граф В.А. Бобринский — 500, князь В.И. Мещерский — 250, Е.В. Новосильцева — 500, А.С. Хомяков — 250, А.Д. Чертков — 250, граф В.А. Мусин-Пушкин — 250, князь Н.А. Касаткин-Ростовский — 250, Д.Д. Пономарев — 500, А.С. Талызин — 250, граф А.И. Гудович — 250, И.А. Мальцов — 250, П.И. Шелашников — 500, граф Мих. Ю. Виельгорский — 250, граф Матвей Ю. Виельгорский — 250, надворный советник П.В. Голубков — 250, В.А. Жуковский и Д.И. Свербеев — 250, Е.Н. Дмитриева-Мамонова — 500, Н.А. Небольсин — 250, фабрикант К.В. Прохоров и фабрикант А.М. Матвеев — 250 руб.»⁴¹.

Д.В. Голицын, который подписался на 500 руб., с удовольствием дал свое согласие на это прошение: «Утверждаю и выдать по моей подписке 1000 рублей»⁴². Чертков уехал в Западную Европу и на заседании 17 апреля 1839 г., когда подводился итог деятельности Комитета, членом которого он состоял, не присутствовал. Комитет объявил, что в Общество вступило 29 человек, что давало надежду на новое, более прочное существование Художественного класса. Небезынтересны финансовые отчеты Комитета. С 1 марта 1837 г. по 1 марта 1838 г. было собрано всего

3310 руб. 58 коп. монетой, издержано 5199 руб. 3 коп., класс остался должен 1888 руб. 47 коп. С 1 января 1838 г. по 1 января 1839 г. класс имел в сборе 10 651 руб. 19 коп., издержал 9778 руб. 29 коп., остался должен 1015 руб. 57 коп. Из старых недоимок прежнего Художественного класса осталось не собрано 4764 руб. 25 коп. По малому числу собравшихся на заседание членов решили отложить выборы директоров до первых чисел января 1840 г., назначить на это же время новую выставку трудов учеников и «воспользоваться многочисленным стечением публики в столицу»⁴³.

Сухие строчки протоколов, внося важные уточнения, могут ли выразить весь драматизм момента, когда решалась судьба класса. И будущность класса была целиком в руках Орлова и Черткова, а затем и Хомякова: как они сумеют вывести класс из финансового тупика, хватит ли им на то сил и энергии, действительности убеждения при привлечении новых и удержании старых членов-подписчиков? Впрочем, Н.А. Рамазанов приписывал благоприятный исход неумолимым хлопотам одного В.С. Добровольского, якобы благодаря которому класс не закрылся в самом своем начале. Кроме того, Рамазанов также относил на счет В.С. Добровольского тот факт, что граф В.А. Бобринский «сверх платы как член Общества жертвовал в продолжение 3 лет по 2000 руб. ассигнациями в год»⁴⁴. Благодарение графа — это его щедрый отзыв на обращение князя Дмитрия Владимировича Голицына к дворянам Московской губернии поддержать материально столь важное для Москвы начинание — Художественный класс, к которому он проявлял сугубое внимание, и что, конечно, не являлось заслугой Добровольского. В отличие от Н.А. Ра-

мазанова дореволюционный историк А.А. Благовещенский свои симпатии целиком и полностью переносил на А.С. Добровольского, другого брата. Сообщая о «кончине» Художественного класса задолго до завершения подписки, а также и об истощении казны Общества, Благовещенский в то же время бездоказательно обвинил Художественный класс в том, что он якобы задолжал художнику до 2,5 тыс. руб.⁴⁵ А.С. Добровольский получал 4 года установленное жалованье, заметим, весьма приличное, — по 1500 руб. асс. как помощник директоров; затем некоторое время он получал его в половинном объеме (600 руб.) и несколько месяцев, как и другие преподаватели, он его практически не получал, что было, подчеркиваем, согласовано на чрезвычайных заседаниях. Правда, и занятий не было, поскольку на лето ученики в основном разъезжались, да и малый объем снятой Орловым квартиры не позволял проводить полноценного обучения. Кроме того, Добровольский пользовался казенной бесплатной квартирой при Художественном классе. Ни о каких других исключительных заслугах перед Художественным классом по сравнению со своим братом и Дурновым в протоколах Училища не сообщается.

Учителя действительно достойны уважения, поскольку согласились некоторое время работать бесплатно, а затем за половинную плату. Но класс был сохранен только благодаря активным действиям, связям, положению в обществе, высокому авторитету и деньгам Орлова, Чертова и Хомякова при всемерной поддержке Д.В. Голицына, московского генерал-губернатора, который всегда старался спасти «полезные» учреждения. Так, например, известное Московское общество сельского

хозяйства основало первую в стране Земледельческую школу, которая стала обучать первых в России агрономов. Но эта школа к 1832 г. стала «клониться к упадку», хотя средства (частные, а не казенные) были потрачены уже немалые (с 1825 по 1832 г. — до 32 тыс. руб.). Число учащихся соответственно сократилось с 82 до 54 человек. На помощь пришел только Д.В. Голицын. Он купил для школы большой каменный дом в 1833 г. и хлопотал немалую государственную субсидию, доказав исключительную для государства важность начинания. Министр финансов Канкрин по достоинству оценил высокую значимость для России Земледельческой школы. И в 1835 г. по его уже ходатайству на постройку опытного хутора и зданий при Земледельческой школе императором было разрешено отпустить из казны одновременно соответственно 162 тыс. руб. и 98 тыс. руб., а на содержание Земледельческой школы и хутора стало поступать соответственно по 25 тыс. руб. и по 10 тыс. руб. в год.

О картинной галерее в Москве

Упомянутый выше А.С. Добровольский доставил немало хлопот и беспокойства Орлову и Черткову помимо его откровенно заявленных на памятном заседании претензий на имущество Художественного класса, оказавшегося на время в отчаянном положении.

Грандиозная программа развития Художественного класса, составленная Орловым и Чертковым, предусматривала создание на его базе в будущем картинной галереи и выста-

вок художественных произведений. Отсутствие денежных средств откладывало это важное деяние на неопределенный срок. Приезд в Москву К. Брюллова активизировал разговоры-пожелания о необходимости открыть здесь художественную галерею. Наблюдая явный интерес к Художественному классу со стороны московского общества, проявленный во рвении богатой знати в финансовой его поддержке, А.С. Добровольский задумал взяться за реализацию проекта картинной галереи в Москве, о чем сообщил московскому генерал-губернатору, председателю Художественного класса Д.В. Голицыну. Предприятие это было несомненно полезное, и князь выразил готовность содействовать ему. Но сам художник вначале имел весьма смутное представление о способах претворения красивой идеи в жизнь, поэтому он не стал утруждать генерал-губернатора сомнительными рассуждениями. Когда мысли обрели более конкретные формы, Добровольский напечатал статью в «Московском наблюдателе» (1836 г.) с предложением открыть в Москве картинную галерею и выставку художественных произведений.

Автор статьи недвусмысленно давал понять читателю, что он уже заручился поддержкой со стороны Общества поощрения художников и что ему сам К.П. Брюллов обещался помочь и выставить в галерее некоторые свои творения. Экспозиция галереи, развивал далее свои надежды Добровольский, «составится из картин», которые «не откажет прислать Академия художеств и петербургские художники», московские художники «поставят себе приятной обязанностью споспешествовать своими трудами, чтобы ознакомить публику». Обладатели частных

коллекций не преминут представить свои картины, «желая выказать их достоинства и ценность и тем самым дать поживу своему самолюбию. Уже получено разрешение московского генерал-губернатора на показ 74 картин из коллекции генеральши Альбини», которые, как мы помним, украшали Художественный класс. «Все, что было сокрыто и разбросано по обширной Москве, будет соединено вместе, в порядке расставлено и удобно освещено».

С оставив таким образом картинную галерею, Добровольский далее предположил, что со временем здесь будут производить и продажу картин, а любителям и любительницам, занимающимся живописью, будет дозволено в отдельных комнатах копировать картины известных мастеров. При желании родителей будет организован и класс для детей. Добровольский допускал и печатание каталогов галереи. «В галерее во всякое время для посетителей разных званий и сословий по мере возможности будет введен тон высшего общества и сохранятся все приличия, принятые светскостью. Для простого народа будут назначены особенные дни в неделе и приняты должные меры, чтобы ничто не могло нарушить благочиния».

Добровольский отдавал себе отчет в том, что многое из того, что он предлагал, дублировало намерения и цели Художественного класса, в котором он не только преподавал, но и был помощником директоров, поэтому он дипломатично оговаривал, что его галерея должна идти рука об руку с заведением Общества Московского художественного класса, почему он «утруждал господ членов сего Общества... и любителей изящного оказать содействие и вспомоществование подписке; все

желающие записаться по знакомству с ними могут к ним и адресоваться и получить билеты», прочих же он отсылал прямо в Художественный класс, при котором он проживал⁴⁶.

6 июня 1836 г. А.С. Добровольский направил прошение главноначальствующему в Москве в отсутствие Голицына генералу от инфантерии графу П.А. Толстому, где испрашивал разрешение «приступить к началу подписки, дабы по удобности теперешнего для меня времени иметь возможность изыскать все возможные способы и приготовить все нужное к октябрю нынешнего года, в которое время желал бы открыть галерею и выставку художественных произведений»⁴⁷. Граф Петр Алексеевич предложил С.Г. Строганову, попечителю Московского учебного округа, познакомиться со статьей художника и высказать свое мнение. После лестного отзыва Строганова Толстой разрешил Добровольскому открытие подписки и уведомил о том министра внутренних дел графа Д.Н. Блудова (1785—1864), который в свою очередь выяснил мнение министра Императорского двора Волконского и председателя Общества поощрения художников обер-гофмаршала К.А. Нарышкина. Волконский изъявил согласие на передачу в будущую картинную галерею, когда она будет утверждена правительством, произведений из собрания Академии и работ отдельных художников. Но полагал, что Академия не сможет принять участия в издательской деятельности, которая будет зависеть от учредителя и достоинств издаваемых сочинений. Нарышкин же считал, что предприятие Добровольского слишком многосложно, чтобы можно было ожидать успеха во всех отношениях. Он полагал, что копирование картин удобнее было бы предоставить в рас-

поряжение директоров Московского Художественного класса⁴⁸.

Поддержка московских и петербургских властей предполагаемого предприятия Добровольского встретила директоров Художественного класса, которые ведали о неосновательности, самомнении и амбициях автора, а также понимали и то, что он в конечном счете замахивался на подчинение себе Художественного класса и его собственности. Плохо скрытое стремление Добровольского к прямому обогащению открывалось при знакомстве с финансовой стороной проекта, которую автор доработал позже и представил Голицыну 4 января 1837 г. в особой записке «Дополнительные мысли об учреждении в Москве картинной галереи и при ней выставки художественных произведений». Мы остановим ваше внимание лишь на некоторых пунктах этого любопытного документа. «2). Действительные члены вносят единовременно не менее 1 тыс. руб., или в течение 5 лет внося в начале каждого года по 250 руб. серебром, и получают постоянный билет в галерею, 3 лотерейных билета на ежегодную художественную лотерею... Действительный член имеет право сверх того прислать в Художественный класс одного ученика... 8). Временный билет на один год будет стоить 10 руб., хотя цена может быть изменена... 20). Капитал галереи составляется, исключая взносов от постоянных действительных членов и участвующих членов, пожертвованием любителей искусства, деньгами, картинами... от художников — их трудами. В состав оного входят все вещи, принадлежащие Художественному классу... 22). Предпринявший учреждение галереи в вознаграждение за первую мысль, а главное, за пожертвование и постоянные труды поль-

зуется пятою частью доходов Общества и на капитал оно имеет право постоянного действительного члена. 23). Ему поручается управление галереей под надзором 3 директоров, выбранных из числа постоянных членов Общества. 24) Из сих 4 лиц составляется управление галереи и за их подписью представляются все отчеты и ведется переписка»⁴⁹. Вот так.

В начале Орлов и Чертков пытались воздействовать на Добровольского, доказывая несбыточность и мечтательность проекта, предлагавшего чрезвычайно полезное, но совершенно нерентабельное предприятие. Добровольского убеждали в том, что он не имел ни достаточного веса в обществе, ни «достаточно приманчивого таланта в искусствах, чтоб успеть в своем предприятии». Директора полагали, что следовало сначала упрочить положение Художественного класса, к которому благоволили московские власти в лице князя Голицына, и к нему затем присоединить галерею картин и выставку художественных произведений. Слова директоров не возымели действия на их помощника. Взывали к рассудку Добровольского его близкие друзья, но все было тщетно. Слепление художника было полным.

Добровольский, будучи помощником директоров Художественного класса, нарушая обязательную служебную субординацию и не ставя свое прямое начальство в известность, 31 марта 1837 г. подал очередное прошение Голицыну, в котором испрашивал разрешение на открытие подписки на галерею и выставку. Финансовые проблемы Художественного класса для него были не секрет, но он утверждал, что посредством своей подписки он оказывает свои «услуги на поддержание

Художественного класса». Добровольский также просил от правительства ежегодную поддержку ни много ни мало в 15 тыс. руб.

Это прошение переполнило чашу терпения директоров. Орлов схватился за перо и написал письмо Д.В. Голицыну. Он разобрал по пунктам проект Добровольского, доказав некомпетентность автора и его алчность. Михаил Федорович поделился горьким четырехлетним опытом существования Художественного класса: сколь трудно было набрать реальных членов, постоянно участвующих в делах Художественного класса и платящих по 250 руб. асс. Однако эти взносы должны были составить неприкосновенный капитал Общества, и только доходы с него могли быть употреблены на содержание галереи. Кроме того, Добровольский предполагал на эти же цели пустить и деньги, вырученные от продажи «временных билетов» стоимостью в 10 руб., которые давали право их обладателю посещать галерею в течение года. Причем художник был настолько самонадеян, что в смету расходов по галерее он включил сумму, которую только предполагал получить от 200 или 300 членов. «Но 2 или 3 тыс. руб. не хватит даже на отопление галереи в зимнее время!» — восклицал Орлов. Согласно проекту, Добровольскому принадлежало право распоряжаться всеми деньгами, поступающими в кассу галереи. Он также претендовал и на капитал Художественного класса, кипел возмущением Орлов. Сверх того, статьи проекта «облекают его в высшую власть, не зависящую ни от кого, и делают его полным и совершенным распорядителем и галереи, и музеума, и Художественного класса, и всех собранных сумм». В завершение Орлов

писал, обращаясь к Голицыну: «Не угодно ли будет Вам спросить также мнение товарища моего Александра Дмитриевича Черткова или какого-либо другого лица, пользующегося Вашей доверенностью»⁵⁰.

3 марта 1838 г. из канцелярии Московского генерал-губернатора было получено официальное разрешение на продолжение Художественного класса, а Добровольский, считая себя оскорбленным несправедливостью и утеснениями, вначале попытался получить с Голицына деньги, которые князь намеревался предоставить для учреждения галереи как член-подписчик. Но внимательно изучив дело, Дмитрий Владимирович отказался в нем участвовать. Тогда в сентябре 1838 г. Добровольский решил на основании устава Академии художеств, поскольку он был признан уже академиком, испросить разрешение «на устройство в Москве заведения под названием “Художественный класс” для художественного образования детей свободных сословий и при оном картинной галереи и выставки художественных произведений». Голицын отвечал Добровольскому, что московские власти препятствий чинить не будут, в случае если его средства окажутся достаточными для учреждения подобного заведения⁵¹.

В северной столице продолжали интересоваться судьбой картинной галереи. Голицын уведомлял министра внутренних дел, что проект Добровольского неисполним из-за отсутствия у его автора капитала, успех же в открытой добровольной подписке сомнителен, но московские власти препятствовать ему не будут⁵². Мнение Голицына вполне разделяли в Академии художеств и в Обществе поощрения художников. Тем не менее Блудов продолжал

считать, что мысль об учреждении в Москве картинной галереи весьма полезна и если Добровольский доработает свой проект и найдет источники денежных средств, то Министерство внутренних дел готово оказать ему «всякое законное покровительство и содействие»⁵³.

Находящаяся в Центральном историческом архиве Москвы, в фонде канцелярии генерал-губернатора Москвы, переписка по поводу учреждения картинной галереи осталась, к сожалению, неизвестной для специалистов. О сем предприятии Добровольского поэтому или пишут довольно общо и расплывчато⁵⁴, или обрушиваются на московские власти «образца 1836 г.», несправедливо коря их в том, что они не поддержали в должной степени этот замечательный проект не менее замечательного его создателя и организатора Добровольского⁵⁵.

И еще несколько слов о А.С. Добровольском. Истинное его лицо убедительно раскрыла Н.А. Дмитриева, оспаривая высокое мнение о нем Благовещенского как о самом инициативном и деятельном организаторе Художественного класса. В архиве Училища живописи, ваяния и зодчества сохранилось «порядочное количество прошений, жалоб и откровенных доносов на директоров, преподавателей, в том числе и на собственного брата». В последующие годы, а именно в 1842—1843 гг., как показывают его прошения на имя Голицына, он добивался нового назначения на должность помощника директоров, хотя М.Ф. Орлов возложил эти обязанности на В.С. Добровольского, что сильно обидело Алексея Степановича. В преобразованном в 1843 г. Художественном классе подобной должности уже не существовало, но А.С. Доброволь-

ский настаивал на ее восстановлении. А.С. Добровольский желал себе награды — ордена Анны 3-й степени, даже заготовил для Голицына «проект представления в Совет Санкт-Петербургской Академии художеств о награждении его сим орденом»⁵⁶, требовал возмещения убытков и потерь, жаловался на грубые притеснения, несправедливости и т.п. В протоколе от 23 марта 1843 г. читаем: «Совет считает нужным внушить г-ну Добровольскому, чтобы он на будущее время от излишней переписки воздержался и сохранял в сношениях своих достоподобное приличие»⁵⁷. Пример с устройством художественной галереи, которого не коснулась в своей монографии Дмитриева, убедительно подтверждает ее правоту и дополняет портрет Добровольского.

Новые надежды

В 1839 г., с 12 по 17 апреля, проводилась выставка произведений Московского Художественного класса, который вновь поменял свой адрес и теперь располагался в доме профессора Павлова на Большой Дмитровке. Для класса было чрезвычайно важно, что ее посетил сам министр Императорского Двора П.М. Волконский и изъявил свое удовольствие и благодарность М.Ф. Орлову и преподавателям. В «Московском наблюдателе» появилась заметка о выставке, в которой сообщалось о произведениях учеников Художественного класса, вызвавших наибольшее внимание. Назывались портреты молодого художника К. Горбунова, которые «отличаются удивительным сходством с оригиналами, в них уловляет-

ся жизнь, а не только черты лица»; портреты Бодри, Бархмана, прекрасные ландшафты Никольского, Муменова — «природного персиянина уже в совершенных летах, занимающегося живописью по страсти», Бушина и др. Мнение журнала было однозначно: в зале Художественного класса были выставлены произведения не ученические, а мастерские, и не простых ремесленников, а талантов, подающих надежды. Со страниц журнала прозвучала надежда на появление в Москве своей Академии художеств: «Боже мой! В какое бы короткое время и сколько бы явилось талантов!»⁵⁸.

О выставке 1839 г. вспоминал и Рамазанов, который привез преподавателям Художественного класса из Академии художеств дипломы на звание академиков. Он был представлен М.Ф. Орлову как скульптор, оканчивающий курс в Академии художеств. Орлов, указывая на все выставленное, скромно заметил, что это только «передняя Академии». На что гость хотел было ответить, что скорее парадная лестница, но «язык мой, не сложенный для комплиментов, не повернулся»⁵⁹. Искусствовед Дмитриева отмечала, что при том же порядке обучения, что и в Петербургской Академии, при той же методе, в Москве в Училище зарождается, на первых порах еще робко, тяготение к жанру, к изображению простых людей и простой обстановки, того, что повседневно окружает. Это еще не жанр, добавляет исследователь, но некоторая переходная ступень от портрета к жанру, картины без развивающегося действия, без сюжета⁶⁰.

С 3 по 6 сентября 1839 г. в Художественном классе была проведена выставка лучших работ учеников. Самым желанным ее посетителем

стал московский генерал-губернатор Голицын, который незадолго перед тем вернулся из своего длительного пребывания за границей. Он был неожиданно приятно удивлен увиденным. «Я был знаком с классом и знал, чего можно было ожидать от каждого из лучших учеников. Но каково было мое удивление, когда я увидел на самом деле успехи класса в течение одного года». По его признанию, он тут же «на месте» «взял твердое намерение и поставил себе в священный долг поручить класс покровительству Того, Который назначен судьбою покровителем всего высшего и полезного в России».

На выставке в Академии художеств работы учеников Художественного класса удостоились внимания государя императора и его одобрения, которое было передано Обществу Советом Академии. На своем заседании 15 декабря 1839 г. Совет постановил удостоить звания свободного неклассного художника питомцев Художественного класса К. Бодри, К. Бушина, Н. Иванова и П. Андреева, объявить похвалу от Академии за старание и успехи И. Орлову, П. Мохову и С. Сударикову, а всем учащимся в Художественном классе выразить удовольствие Академии, поставив при том на вид, что «желательно было бы видеть во всех рисунках школы более строгости и правды, что же касается до механизма рисования, то чистота и отделка хороши»⁶¹.

Князь Голицын, не сомневаясь в благосклонности государя к трудам Художественного класса, решил немедленно воспользоваться столь счастливым обстоятельством, чтобы «утвердить и увековечить это полезное заведение». Он предложил устроить в Москве более или менее самостоятельное художественное заведение. Он думал достигнуть за-

мысленной им цели тройким способом. Первый вариант предполагал включить Художественный класс в число обществ, получавших пособие от правительства. При этом его статус не изменялся, но решались финансовые проблемы и служашие класса обеспечивались содержанием. Второе предложение было более перспективным, но зато требовало и больше денежных вложений. Оно состояло в том, чтобы учредить в Москве отделение Императорской Академии художеств, соединив в одно целое существовавшее тогда Архитектурное Дворцовое училище с Художественным классом под управлением вице-президента. И наконец, согласно третьему варианту предполагалось учредить в Москве отделение Академии художеств и при нем сохранить Художественный класс с помещением и пособием от правительства, «наподобие ученых вольных обществ», образованных при Московском университете. В заключение доклада, который был представлен на Высочайшее воззрение в декабре 1839 г., Голицын писал: «С моей стороны, Всемилостивейший Государь, я надеюсь также не остаться праздным при совершении столь полезного подвига и могу обещать содействие некоторых благотворительных особ, которые, конечно, не откажутся сократить издержки правительства пожертвованием прилично отделанного дома для помещения нового художественного учреждения, которое по сие время не существовало в Москве и коего отсутствие есть истинный недостаток в просвещении народном».

В последовавшей затем переписке с министром Императорского Двора на запрос Волконского, каких издержек потребует от казны образование Художественного класса

при каждом из трех предлагаемых способов, Дмитрий Владимирович в отношении от 3 декабря 1840 г., сообщив информацию о необходимых финансовых средствах, добавлял: «Ежели бы я следовал собственному моему влечению, то избрал бы из всех предположений третье, которое заключает в себе более полный объем предмета и устраивает в Москве не только высшее художественное образование, но также первоначальное художественное учение. Но в нынешнем положении вещей это

Князь Петр Михайлович Волконский

предположение, по мнению моему, несколько преждевременно, оно останется целью, к которой должно будет стремиться, когда новые успехи дадут нам на это неоспоримое право»⁶². Впрочем, несмотря на поддержку Волконского, дело Художественного класса некоторое время оставалось без видимого движения.

Переломным в истории Художественного класса стал 1842 год. С одной стороны, он принес классу первые

тяжелые утраты: 18 марта 1842 г., в годовщину взятия Парижа, из жизни ушел его деятельнейший директор М.Ф. Орлов. Класс лишился неутомимого организатора и авторитетного защитника в тот момент, когда вновь вставал вопрос о его будущем. Положение было такое же критическое, как и в 1837 г. 25 августа 1842 г. в журнале заседаний появилась запись: «...В настоящее время класс лишен способов к удовлетворению самых необходимых потребностей... по 1-е число сентября числится долгу 4749 руб. 33 коп. Всего потребно для класса – 5149 руб. 33 коп.»⁶³.

Достижения Художественного класса за неполные десять лет были столь впечатляющими, что в его судьбу решительно вмешался московский генерал-губернатор, ставший, по существу, его настоящим спасителем. Д.В. Голицын отношением от 22 августа 1842 г. просил московского гражданского губернатора И.Г. Сеньявина (1801–1851) принять на себя звание члена Совета Художественного класса и пригласить в члены его Временного совета людей, которые изъявят на то свое согласие. Сеньявин послал письма к А.С. Хомякову, А.Д. Черткову, вице-губернатору П.П. Новосильцеву, директору Архитектурного училища М.Д. Быковскому, В.В. Суровщикову и почетному гражданину купцу 1-й гильдии А.И. Лобкову. Статский советник Суровщиков являлся членом Попечительского совета заведений общественного призрения и попечителем уездных богоугодных заведений Московской губернии. Лобков, обладая большими материальными средствами, никогда не отказывался участвовать «в деле добра», жертвуя значительные капиталы на богадельни и благотворительные заведения. 3 декабря

1842 г. Временный совет начал свою работу по упрочению положения Художественного класса.

В том же 1842 г. благодаря действенной помощи Голицына, в том числе и материальной (400 руб.), на выставку в Академию художеств были посланы работы воспитанников Художественного класса, и они «увенчались новым одобрением государя императора и лестным отзывом Академического Совета», который признал Художественный класс «первейшим и лучшим из всех русских заведений сего рода». За это время Художественный класс «успел уже простереть полезное влияние свое и на развитие искусства внутри России. Ученики его посланы были учителями в разные учебные заведения: Иванов — в Рязанскую гимназию, Щеколдин — в Полтавский кадетский корпус, Бушин — в Иркутскую гимназию; Богословский, Герц, Кондаков, Ершов и Медведев получили места учителей в казенных заведениях, зависящих от попечителя Московского университета Строганова»⁶⁴. Затем «Липин, Трифонов, Беляев и Филицын получили звания свободных художников, а Горбунов отличен Академией, признавшей его вторым номером между всех своих учеников по этюду, писанному на сентябрьскую треть прошлым 1842 г. Наконец, братья Борхманы получили от Его Величества короля Прусского в 1842 г. золотые медали в Берлине»⁶⁵. В 1839 г. звание свободных художников получили К. Бодри, К. Бушин, Н. Иванов, П. Андреев, в 1840 г. — И. Орлов, в 1841 г. — Косинский; звание учителя рисования — Щуровский, в 1842 г. серебряные медали 2-й степени получили И. Орлов, М. Мохов и В. Штырляков⁶⁶.

1843 год стал судьбоносным для Художественного класса и Художест-

венного общества. Журнал заседаний Совета за этот год содержит 50 протоколов, к одному только январю относится 8 из них⁶⁷. Обсуждали проект устава и положение о Художественном обществе в Москве, составление которых было поручено Хомякову и Быковскому. Художественный класс принимал новое именование Школы художеств, что уже реально отражало действительную сущность этого учебного заведения. Школа художеств находилась в ведении Художественного общества, которое по уставу должно было управляться президентом, избираемым на 3 года, и Советом из 7 директоров, который созывался бы в первую среду каждого месяца.

Была составлена приблизительная смета расходов Художественного класса: издержки за наем квартиры для Школы художеств — 1500 руб., отопление — 700 руб., освещение — 300 руб., жалованье профессорам — 2000 руб., писмоводителю (он же бухгалтер, библиотекарь и смотритель за вещами) — 250 руб., канцелярские расходы — 200 руб., натурщикам и сторожам — 500 руб., на покупку гравированных образцов, гипсовых отливок и проч. — 550 руб.; итого — 6000 руб.⁶⁸ Авторы проекта предполагали получать от казны для Общества 5000 руб. в год, остальные средства намеревались добирать за счет взносов действительных членов — по 30 руб. в год, с вольноприходящих учеников — 15 руб. в год. Существенным сокращением взноса от действительного члена — с 250 до 30 руб. — рассчитывали привлечь большее число радетелей художественного образования, да и монаршая милость, на которую уповали, не могла не быть притягательной и не сказаться на количестве желающих вступить в преобразованное общество.

Наконец, 22 апреля 1843 г. вместе с проектом устава было подано прошение на имя московского генерал-губернатора, в котором подробно рассказывалось о рождении, трудностях существования и несомненных успехах Художественного класса, прилагались сведения о выпускниках класса, которые нашли себе применение в учебных заведениях страны, получили звания свободных художников. Комитет Художественного класса взывал через посредничество Голицына о покровительстве со стороны императора в виде ежегодного пособия в 5 тыс. руб. Комитет прекрасно отдавал себе отчет, что данной суммы было недостаточно для всех расходов Общества⁶⁹, но не дерзал просить большего, надеясь на отзывчивость любителей искусств, которых привлечет в члены Художественного общества монаршая милость и внимание.

23 апреля 1843 г. Голицын представил Волконскому прошение о позволении учредить в Москве Художественное общество с включением в его состав существующего там Художественного класса. Московский генерал-губернатор просил также исходатайствовать у государя как утверждение Устава Московского Художественного общества, так и ежегодное денежное пособие в 5 тыс. руб. И уже 10 мая устав Общества был передан на рассмотрение и заключение вице-президенту Академии художеств Ф.П. Толстому.

Это ходатайство увенчалось успехом, и с согласия императора Художественный класс был преобразован в 1843 г. в Училище живописи и ваяния, которое поступало под покровительство монарха и в ведомство Министерства Императорского Двора. А по уставу, утвержденному царем 1 октября 1843 г., все должностные

лица: члены Совета, письмоводитель и учителя — считались состоящими на действительной государственной службе. Волконский, препровождая к Сенявину устав, объявил, что «Его Императорское Величество, желая доставить Московскому Художественному обществу наибольших способов к успешным действиям, все милостивейше изволил назначить с 1 января будущего 1844 г. 6000 руб. серебром и что Его Величество изволил надеяться, что члены Общества употребят все старания к приведению оною в цветущее состояние»⁷⁰.

5 декабря состоялось чрезвычайное собрание членов прежнего общества при Художественном классе, на котором была объявлена монаршая милость. Приглашены были многие москвичи, почитатели художественного просвещения. В комнатах, залах Художественного класса по уже сложившейся традиции были развешены картины, акварели, рисунки, эскизы — произведения его учеников, которые воочию свидетельствовали о стремлении к художественному образованию жителей Москвы всех сословий. В этих работах отобразилась живописная история успехов и развития класса. Они приносили честь ученикам за их дарования и успехи, учителям — за доброе направление. Гости с удовольствием рассматривали картины художников Мохова, Штырлякова, Бодри, Горбунова, Орлова и др. «Московские ведомости» писали: «Приятно было заметить народное направление возникающего в Москве искусства, сюжеты из русской жизни, черты национальной физиономии. Эти попытки самородного искусства у нас представляли много надежд и обещаний»⁷¹.

Собрание почтил своим присутствием исправлявший должность военного генерал-губернатора князь

А.Г. Щербатов. Председательствующий И.Г. Сенявин произнес речь, в которой кратко была изложена история возникновения Художественного класса, отмечены заслуги его директоров Ф.Я. Скарятин, М.Ф. Орлова и А.Д. Черткова, а также и первых преподавателей, ставших затем академиками, — А.С. и В.С. Добровольских и И.Т. Дурнова. Собрание почтило «память покойных двигателей полезного дела» и засвидетельствовало свою признательность А.Д. Черткову и А.С. Хомякову, «которых рвение никогда не ослабевало». Десятилетний опыт Московского художественного класса, устоявшего против всех невзгод, показал, что потребность к художественному образованию в сердце России несомненно существует. Слова Сенявина, обращенные к собранию, прекрасно отражают настроение большинства членов Московского Художественного общества: «Все просвещенные народы мира имеют счастье наслаждаться у себя изящными произведениями искусства, выражающими их народный дух и характер. Были прекрасные усилия некоторых внести в наше искусство народные стихии. Но в этом отношении всего более может содействовать Москва, где и физиономия народа, и памятники древности, и исторические воспоминания — все, все призывает искусство изящное к новому раскрытию. Переняв через северную столицу сокровища западного художественного образования, Москва может быть назначена к тому, чтобы дать ему свой национальный характер. В талантах у нас нет недостатка, как доказал 10-летний наш опыт при ограниченных средствах». Сенявин продолжал: «Красота русского народа, его живописная грация и пластическая сила прославлены нашими поэтами и ожидают резца ваятелей

и кисти живописца. Русская природа вмещает в себя все климаты мира, яркие краски севера, мягкие перебивы красок природы южной. Для ландшафтного мастера у нас есть все переходы от зимнего холодного неба севера до знойного неба полудня, — а наша живописная Москва, раскинувшаяся такими картинами по своим холмам и скатам, не ждет ли своих народных живописцев? Будем надеяться, что прекрасное дело художественного образования, нами теперь вновь начинаемое под Высочайшим покровительством, примет у нас скоро, из сердца России возбудит сочувствие повсюду, принесет плоды благотворные и что наше Художественное общество из Московского делается Обществом всей России»⁷².

5 декабря 1843 г. был зачитан и принят Устав МХО. По Уставу управление делами Московского Художественного общества, в ведение которого поступало Училище живописи и ваяния, поручалось Совету МХО. Его председатель и 9 членов избирались на 3 года в собрании Общества. Члены Совета и председатель могли быть избраны вновь на следующее трехлетие. Каждый член Совета кроме участия в голосовании при решении дел нес на себе одну из обязанностей по выбору Совета: по наблюдению за Училищем, выставкой художественных произведений, литографическим заведением, по письменным делам, по хозяйственному распорядку, по денежным оборотам и т.д. На время отсутствия председателя один из членов Совета — старший по чину — занимал его место. Совет собирался в первых числах каждого месяца и составлял протокол своих рассуждений и положений. По делам, требовавшим немедленных распоряжений, председатель созывал собрание Совета по своему усмотрению.

нию. Все дела Совета решались большинством голосов. При их равенстве голос председателя был решающим. Определения Совета признавались действительными за подписью председателя и 3 членов Совета, а когда председатель бывал в отсутствии, то за подписью 5 членов Совета.

Согласно положениям нового Устава из действительных членов Художественного общества были выбраны 9 членов Совета МХО, в состав которого вошел и Чертков. Он набрал 23 балла (Сенявин и Новосильцев – по 22 балла, М.Н. Голицын – 20, Шевырев – 18, Суровщиков, Быковский – по 17 баллов, Лобков – 16 Хомяков – 14). Баллотировались также М.Н. Загоскин – 11, М.А. Окулов – 8 и другие, но они не прошли⁷³. На заседании 22 декабря 1843 г. были определены обязанности членов Совета согласно изъявленному ими желанию. Черткову решено было предоставить надзор за счетоводством и правильным составлением отчетов по денежным оборотам, которые должны быть представляемы в том числе и министру Императорского Двора. Новосильцеву (в 1845 г. вместо него выбран почетный член МХО граф Бобринский) поручили письменное дело, Лобкову – должность казначея, Суровщикову – хозяйственную часть, М.Н. Голицыну (в 1845 г. вместо него вошел Н.Ф. Павлов) – заведование литографическим заведением, Шевыреву – ученую корреспонденцию, Быковскому (в 1846 г. был выбран московский обер-полицмейстер И.Д. Лужин) – художественную часть, Хомякову – наблюдение за выставкой училища. Для рассуждений по делам Общества и Училища Совет постановил собираться каждый месяц после 1-го числа в понедельник в доме, занимаемом Училищем⁷⁴. Высокий

Иван Дмитриевич Лужин

рейтинг Чертков сохранил до конца своего пребывания в Совете. Так, на выборах 6 апреля 1852 г. за Черткова было подано 15 голосов (ср.: за И.Д. Лужина – 15, Н.Г. Рюмина – 14, П.П. Писемского – 3, С.П. Шевырева – 1)⁷⁵.

Хлопотная, но приятная кампания по организации Московского художественного общества и его органов управления завершилась 31 декабря торжественным собранием. Сам митрополит Московский Филарет намеревался присутствовать на совершении молебствия по случаю торжественного провозглашения начала работы нового Совета, но из-за болезни его приезд не состоялся. Архипастырь прислал свое благословение Московскому художественному обществу и Училищу – икону Спасителя. В тот день были торжественно и единогласно избраны первые почетные члены МХО (они освобождались

15 А.Д. Чертков (1798-1858).

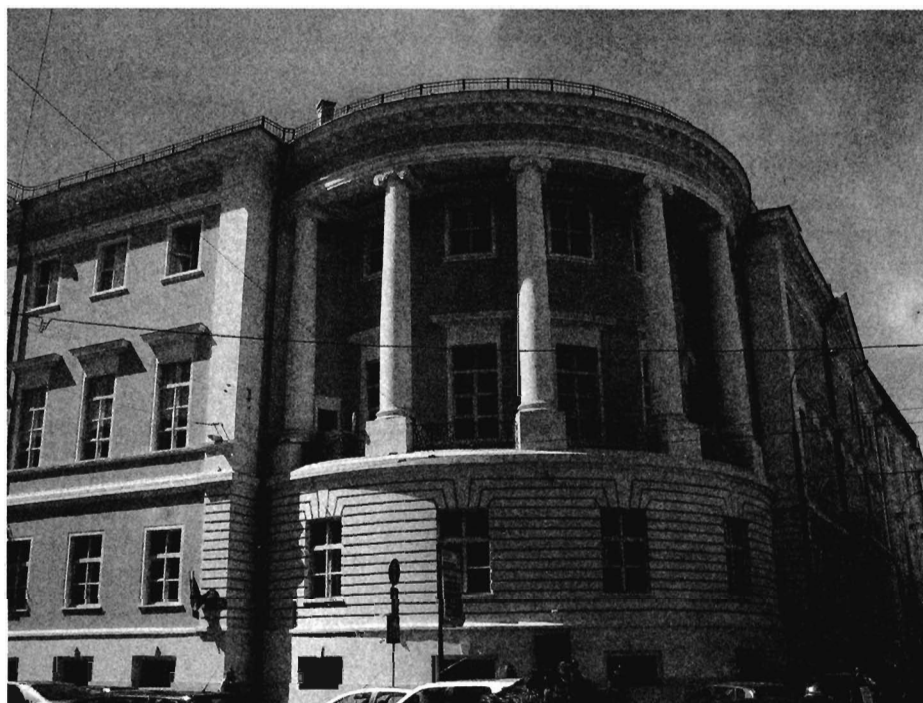
от уплаты обязательных ежегодных взносов) — Д.В. Голицын, И.Г. Сенявин, А.Д. Чертков⁷⁶, А.С. Хомяков, как оказавшие важную пользу Обществу ревностным содействием процветанию класса, а также академики А.С. и В.С. Добровольские, И.Т. Дурнов и В.А. Тропинин, который «без всякой обязанности из особого усердия постоянно посещал класс и содействовал своими советами в его успехах»⁷⁷. Всего в декабре 1843 г. было баллотировано и принято 70 новых членов МХО. Это был небывалый успех после 10 лет напряженных усилий, направленных на то, чтобы набрать для Художественного класса бескорыстных благотворителей — членов-подписчиков.

Председателем Московского Художественного общества приглашали быть Д.В. Голицына. После смерти князя Голицына, с 26 апреля 1844 г. председателем стал его старинный друг генерал от инфантерии князь А.Г. Щербатов (1776—1848). Новый генерал-губернатор Москвы (1848—1859) граф А.А. Закревский (1783—1865) в торжественном годичном собрании 13 марта 1849 г. сначала был единогласно избран действительные члены, а потом на текущее трехлетие — в председатели Общества. Заместителем председателя стал в 1843 г. И.Г. Сенявин. Он вскоре был назначен товарищем министра внутренних дел и переехал в Петербург. Но Сенявин не забывал Училища, «с ревностью действовал» на его пользу, исполняя поручения Совета Московского Художественного общества в северной столице. Когда он приезжал в Москву, то непременно обозревал Училище и принимал личное участие в занятиях Совета. Таким образом, вскоре на Черткова, как старшего по чину, легло общее руководство Советом:

его должность в документации обозначалась как «заступающий место председателя». Все письменные дела МХО находились под его наблюдением. За Чертковым сохранялся надзор за ведением бухгалтерии Общества. К его обязанностям относилось и наблюдение за сбором сумм, поступавших от «наемщиков дома, принадлежащего Училищу», и от членов Общества. Чертков составлял проекты годового бюджета Училища. Начиная с 1847 г. бумаги в адрес МХО писались уже на имя Александра Дмитриевича⁷⁸. Без преувеличения можно сказать, что деятельность Совета до 1857 г. — это деятельность А.Д. Черткова, исправлявшего должность председательствующего.

Заботы Совета Московского Художественного общества

Первой мыслью Совета Московского Художественного общества с А.Г. Щербатовым во главе было прочное обзаведение собственным зданием для Училища. Не вызывает сомнения, что одним из инициаторов данного решения выступил Чертков, для которого всегда был характерен «капитальный» подход к делу: по его предложению в 1836 г. для московского Работного дома был куплен чудный дворец князя Юсупова, прежде арендованный Попечительным советом заведений общественного призрения в Москве. Так было и со зданием для Депутатского собрания, о чем мы расскажем несколько позже. Итак, Совет «озаботился расши-

Дом Училища живописи, ваяния и зодчества на Мясницкой улице

рением помещения и исправлением зал, и в видах обеспечения навсегда помещения Училища через предстательство министра Императорского Двора с соизволения государя императора [Училище] приобрело в собственность дом тайного советника П.И. Юшкова посредством занятой на то суммы в сохранной кассе на правах 37-летних займов»⁷⁹. Еще М.Ф. Орлов (в феврале 1840 г.) снял просторную квартиру для класса в известном особняке на Мясницкой, который был построен для И.И. Юшкова в конце XVIII в. по проекту замечательного архитектора В.И. Баженова и который пощадил страшный пожар 1812 г. Здание, ставшее памятником эпохи зрелого классицизма, выделялось особой монументальностью и красотой ионической колоннады. Однако его

внутренняя отделка так и не была завершена. Рамазанов не раз в своих очерках шутливо замечал, что огромный дом до вселения в него художников пугал своей мрачной пустотой суевренных прохожих, полагававших, что там обитали злые духи и ведьмы. Его владелец П.И. Юшков, испытывавший серьезные финансовые затруднения, вынужден был сдавать внаем пригодные помещения. Но эта мера не смогла поправить вконец расстроенные дела П.И. Юшкова. Дом был описан за долги, и Московское Художественное общество решило его приобрести, поскольку здание чрезвычайно устраивало и своими размерами, и удобством размещения в центре Москвы, да притом в непосредственной близости от дома старейшего и деятельнейшего своего члена А.Д. Черткова.

Купчая была оформлена 29 декабря 1844 г. во 2-м департаменте Санкт-Петербургской палаты гражданского суда. За трехэтажный дом с прилегающим земельным участком посредническая комиссия, учрежденная по долгам Юшкова, взяла от Училища живописи и ваяния 35 тыс. руб. В собственность Училища перешли, помимо трехэтажного здания с полуподвалом, каменный двухэтажный квартирный корпус⁸⁰ и флигель. С 1845 г. стали заниматься ремонтом и приспособлением вновь приобретенного дома и флигелей к нуждам Училища. Кроме того, за 1845—1856 гг. были сооружены многочисленные хозяйственные постройки, как-то: сарай, дворничья, каменные погреба, колодец, ретирады и помойные ямы. Внутреннему двору был придан более опрятный вид: его нивелировали, частью вымостили, а также разбили садик. Впрочем, заботы о благоустройстве дома Училища редко оставляли Совет Художественного общества все последующие годы.

Как работал Совет? Судите сами: в 1844 г. было оформлено 56 протоколов заседаний, в 1846 г. — 81, в 1847 г. — 88, в 1848 г. — 67 протоколов и т.п., хотя в Уставе было задекларировано проводить одно заседание в месяц. Как правило, на Совет приезжали гораздо чаще, иногда и дважды в неделю. Что более всего занимало умы членов Совета? Извечный вопрос: как раздобыть денег, поскольку государственной субсидии хватало лишь на самое существование Училища, но нужно было думать и о перспективах его развития. Требовались немалые денежные вложения, чтобы претворить задуманное в жизнь и превратить Училище живописи и ваяния в настоящий центр художест-

венного образования. Рассчитывать на плату учеников было решительно невозможно: в 1844 г. занималось 112 учеников, из них 75 посещали Училище от имени действительных членов бесплатно, 37 учеников платили по 15 руб. Совет поэтому пришел к естественному выводу, поскольку «средства не велики, но они могут возрасти умножением числа чинов [т.е. членов из служащего, прежде всего, дворянства — чиновников] и добровольными пожертвованиями; если бы каждый член Общества принял на себя обязанность приобрести Обществу других двух членов — тогда силы наши непрерывно умножались бы»⁸¹. Чертков привлек в действительные члены прежде всего своих родных братьев — генерал-майора Н.Д. Черткова и шталмейстера И.Д. Черткова, сестру — баронессу М.Д. Шеппинг и ее мужа барона О.Д. Шеппинга. 18 апреля 1854 г. баллотировался в действительные члены его сын Г.А. Чертков, набрав 12 шаров⁸². По рекомендации А.Д. Черткова в действительные члены МХО баллотировался граф С.С. Уваров, а также генерал-лейтенант Н.А. Лангель, сослуживец и искренний приятель А.Д. Черткова, назначенный в 1846 г. в Воронеж губернатором⁸³.

Благодаря воздействию на общественное мнение через прессу и личной агитации членов Совета успех был значительным: в 1844 г. действительных членов было 115 человек, в 1845 г. их стало уже 129 человек, а почетных членов — 17. Интересно проследить за динамикой роста количества действительных членов: число их некоторое время постоянно увеличивалось и максимума достигло в 1849 г. — 175 человек, затем цифра начала заметно снижаться, и в 1854 г. осталось только 86 человек, хотя число

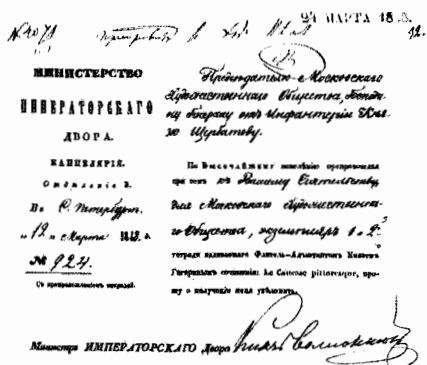

почетных членов постепенно нарастало до 22 человек. Не просто было привести желающих в Общество, но труднее оказалось их удерживать. Убыль действительных членов была частично естественной, за смертью, но в основном — по желанию, которое у многих становилось настойчивей с каждым годом, что объясняется прежде всего явным оскудением дворянства. Многие действительные члены переставали платить определенные уставом Общества взносы. С них пытались

из которых 4 перешли в Императорскую Академию художеств. К 1 января 1850 г. — 133 ученика. В 1855 г. их было уже 213 человек⁸⁴.

Чертков всей душой радел о процветании Училища. Он постоянно выискивал такие меры, которые вели бы к возрастанию его материальных средств. Так, на заседании 19 февраля 1845 г. он, сообщая о бюджете Училища (из 6666 руб. 1 1/4 коп. было пока израсходовано 670 руб. 92 1/2 коп.), «ревнуя о выгодах Общества», предложил «отослать в Московскую сохранную казну 4000 руб. для приращення процентов, разделяя капитал на 4 билета, дабы в случае надобности можно было взять обратно часть капитала, не извлекая из обращения всей суммы». С подобным предложением Чертков выступал и позже — в 1851, 1852, 1854 гг.⁸⁵

Огромным облегчением было для Училища живописи и ваения прекращение тяжёбного дела с подполковником Маховым, возникшим, как мы помним, еще в 1836 г. 21 февраля 1846 г. Чертков довел до сведения Совета, что дело о деньгах, взыскиваемых Маховым с Художественного Общества за наем в его доме для Художественного класса квартиры (4847 руб. 33 коп. и убытков 4200 руб.), получило совершенное окончание и решением Правительствующего Сената Махову отказали в его иске. Чертков представил счет издержанным им по этому делу деньгам. Поскольку хранящейся в Московской сохранной казне по билету от 19 сентября 1838 г. суммы в 590 руб. и с накопившимися на нее процентами недоставало на покрытие всех издержек, то Александр Дмитриевич, не желая обременять Общество, принял излишек в 217 руб. 75 коп.

Сопроводительное письмо министра Императорского Двора о передаче МХО сочинения князя Гагарина. ЦИАМ.

взыскивать недоимки, что приводило к обоюдному напряжению.

Но уменьшение рвенія у господ действительных членов никоим образом не отразилось на росте числа учеников, жаждавших заниматься в Училище. В 1845 г. было 122 ученика, к 1 января 1849 г. стало 135, в течение 1849 г. прибыло 22. Убыло 24,

на себя. Совет воспринял очердное пожертвование Черткова «с признательностью»⁸⁶.

Совет Художественного общества неустанно заботился о пополнении Училища копиями с картин, эстампами, книгами для появившейся библиотеки. Он старался выделить из «своих слабых средств» деньги на приобретение хороших образцов произведений искусства. Много надеялись, и не без основания, на щедрость Академии художеств, Министерства Императорского Двора, частных лиц, благожелателей Училища, что подтверждает сохранившаяся переписка о приобретении и получении учебных пособий, литографий, гравюрных альбомов, статуй, античных слепков. Академия художеств не прекращала жертвовать копии с полотен знаменитых живописцев. Не оставалось Училище и без непосредственного внимания своего августейшего покровителя⁸⁷. Так, например, 5 мая 1850 г. император пожаловал копию с картины Тициана «Вознесение Богоматери», написанную академиком Яненко в величину оригинала. Огромную картину поместили в первый зал Училища, о чем Чертков с благодарностью сообщал в Министерство Императорского Двора⁸⁸.

Училище жаловали своими визитами высокопоставленные гости, в том числе министр Императорского Двора князь П.М. Волконский, министр народного просвещения граф С.С. Уваров. В 1847 г. Училище посетил президент Академии художеств герцог Максимилиан Лейхтенбергский. Он был избран в 1844 г. почетным членом Московского Художественного общества. Особого его внимания удостоились картины свободного художника И. Орлова⁸⁹. По свидетельству преподавателя Училища Ф.С. Завьялова, «герцог был

очень доволен Училищем, благодарил, рисунки народных сцен с натуры моего ученика Григорьева велел принести во дворец к Марье Николаевне»⁹⁰, своей супруге, дочери государя Николая Павловича. В мае 1854 г. во время краткого пребывания в Москве великая княгиня Мария Николаевна, ставшая президентом Академии художеств, изыскала возможность, чтобы посетить Училище. Она отозвалась о его успехах в самых лестных выражениях, приобрела несколько картин, а художника А.К. Саврасова пригласила в Петербург для написания видов своего имения Сергиевка.

В 50-е годы Чертков получил разрешение для художников на снятие копий с портретов герцога Лейхтенбергского, его супруги великой княгини Марии Николаевны, генерала-фельдмаршала князя Волконского, в 1855 г. — на заказ портретов государя императора Александра Николаевича. В 1856—1858 гг. Совет озаботился приобретением по подписке копий с лучших произведений итальянских и испанских мастеров, снятых академиком Михайловым. Чертков хлопотал о возможности для учащихся «беспрепятственно снимать виды столицы». 2 июня 1855 г. в ответ на просьбу Черткова обер-полицмейстер Москвы препроводил 50 дозволенных свидетельств на имя академика Мокрицкого и всех перечисленных в запросе Черткова художников и воспитанников Училища на снятие в Москве и ее окрестностях замечательных видов⁹¹. Совет пытался добиться права беспошлинного ввоза из-за границы красок и других художественных принадлежностей.

Преподаватели Училища живописи и ваяния

Важной заботой Совета МХО стал вопрос о преподавательских кадрах. С изменением положения Художественного класса и превращением его в Училище прежнего состава преподавателей оказалось вскоре недостаточно. Братья Добровольские и Дурнов по-прежнему оставались единственными преподавателями Училища. Количество же молодых людей, пожелавших изучать искусство, существенно возросло.

Карл Иванович Рабус

анатомии». С марта 1844 г. пейзажную живопись в Училище преподавал известный в Москве «видописец» и перспективист К.И. Рабус (1800–1857). В числе его учеников был А.К. Саврасов. Вакансию учителя архитектуры и орнаментов сначала занимал академик А.Т. Дурнов, младший брат И.Т. Дурнова, с 1852 г. — А.С. Мюллер (1813–1855), участвовавший в строительстве обсерватории на Пулковской горе, с 1855 г. — А.П. Попов.

22 апреля 1844 г. скончался А.С. Добровольский. Перед лицом смерти забываются все обиды и недоразумения. «Благодарные ученики на руках своих несли гроб своего учителя от церкви Св. Флора и Лавра на Мясницкой до Ваганьковского кладбища... Если со временем этот малый рассадник произведет у нас что-нибудь достойное и славное на поприще искусства, как мы надеемся, — тогда помянем добром имя этого человека»⁹², — писал «Москвитянин».

Члены Совета, задумав повысить престиж Училища и профессионализм его воспитанников, желали для высшего отделения пригласить преподавателя живописи не много не мало, а с европейской известностью. В свое время об этом мечтал еще М.Ф. Орлов. В 1844 г. место преподавателя живописи предложили А.А. Иванову, который работал в Италии над грандиозным полотном «Явление Христа народу» (1837–1857). Художник не смог принять приглашение, но порекомендовал Ф.С. Завьялова в качестве профессора живописи и Н.С. Пименова — профессора скульптуры, добавив: «Лучше этих двух я никого не знаю». Но Училище живописи и ваяния не исчезало из его дум, что следует из его писем к Шевыреву: «Я тоже хочу быть полезным Рисовальному классу. Не знаю, достанет

Для более широкого образования учеников «в число преподаваемых предметов на первый раз была введена пейзажная живопись, изучение перспективы, архитектуры с орнаментами,

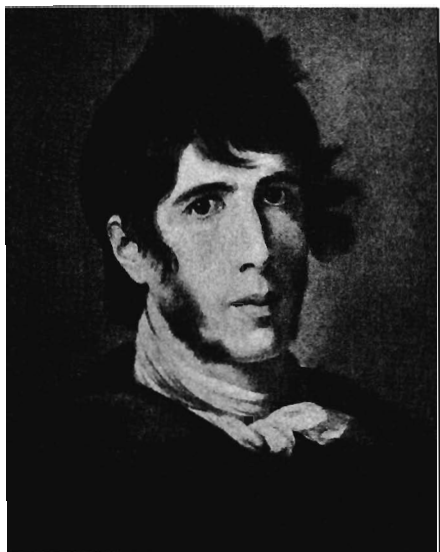
Николай Александрович Рамазанов

ли сил и здоровья, а я чувствую, что могу поднять его выше. Покамест при случае я соглашу здесь послать Рисовальному классу гравюры и 2—3 лучшие статуи в алебастре»⁹³.

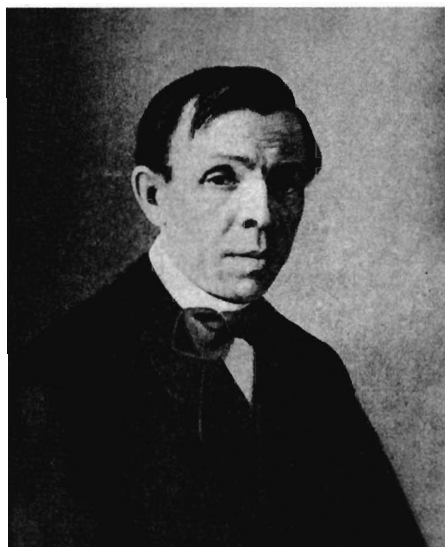
Совет МХО пригласил художника Ф.С. Завьялова (1810—1856), довершившего свое образование в Италии, впоследствии профессора исторической и портретной живописи. Условия, предложенные художнику, были весьма и весьма привлекательны: жалованье 1200 руб. серебром в год, приличная квартира с отоплением и мастерская. В 1844 г. он начал работать преподавателем живописи в высшем отделении Училища. Ставился вопрос о «необходимости приобретения» для Училища профессора ваяния. 19 мая 1846 г., вернувшись из Петербурга, Чертков объявил, что он беседовал со многими петербургскими академиками и любителями изящного искусства относительно желаний Московского Художественного общества иметь

для Училища хорошего ваятеля. Управляющий канцелярией Министерства Императорского Двора тайный советник Панаев и многие другие предложили в ваятели Н.А. Рамазанова (1817—1867), недавно вернувшегося из академической командировки в Италию. Члены Совета, поразмыслив, решили просить И.Г. Сенявина выяснить, не пожелает ли он поступить в Училище живописи и ваяния и на каких условиях⁹⁴. В 1847 г. открылся, наконец, и класс ваяния. По указанию нового преподавателя Рамазанова были немедленно приобретены в Академии гипсовые головы и статуи общим счетом 20, которые стоили 364 руб. 93 коп.⁹⁵. Об этом упоминает Завьялов в письме от 1 марта 1847 г. к своему другу в Петербурге Рамазанову: «Очень рад, что, наконец, придут статуи, а то у нас все Германик да Германик, нехотя оГерманимся. При получении статуй постарайтесь соблюсти возможную осторожность, формовщика поищем»⁹⁶.

У Завьялова не сложились отношения с В.С. Добровольским и некоторыми членами Совета МХО, хотя он искренне хотел «сделать что-нибудь хорошее, настоящее Училище, рассадник благородных искусств». Но художник настроил против себя И.Г. Сенявина, который решительно потребовал его уволить, поскольку считал, что «успехи учеников Училища по части живописи в течение последних лет... вовсе не соответствуют тем ожиданиям, каких Общество имело право объявить». Только А.Д. Чертков и Н.Ф. Павлов (1805—1864) попытались возразить Сенявину и убедить Совет не торопиться с применением жестких мер. Чертков, в частности, предлагал «пригласить Завьялова в заседание Совета и сделать ему замечания», «дать ему неко-

Михаил Иванович Скотти

Сергей Константинович Зарянко

торое время на исправление всего, Советом в отношении к нему замеченного», и «наконец, если все это не подействует, то тогда только приступать к удалению его из Училища»⁹⁷. Но остальные члены Совета не смели перечить Сенявину, и на место Завьялова был в 1848 г. приглашен академик М.И. Скотти (1814–1861). В 1847 г. в общем собрании Академии художеств прозвучало лестное заключение Академического Совета о его таланте, благодаря которому Скотти был поставлен «в ряд лучших акварелистов в Европе»⁹⁸. Члены Совета МХО выразили свое доверие Скотти: «Мы вполне надеемся на нового наставника и ожидаем самых благих последствий от многосторонней художественной деятельности его при Училище»⁹⁹. Скотти проработал в Училище до 1855 г., когда его прошение об увольнении было удовлетворено. Он тепло распрощался со своими учениками и уехал в Италию.

В связи со смертью старейшего преподавателя рисунка И.Т. Дурнова в 1847 г. по настоятельной просьбе В.С. Добровольского на временную должность помощника преподавателя в оригинальных и гипсовых классах был принят в Училище ученик П. Десятков, недавно получивший звание свободного художника. Вскоре вакансия Дурнова была замещена классным художником Е.Я. Васильевым, приглашенным по рекомендации Скотти из Петербурга, но Десятков так и остался преподавать в Училище, в 1858 г. он был возведен в звание академика. В отношении Е.Я. Васильева Совет МХО уже в 1849 г. в своем отчете обратил внимание «на усердие», с которым он «преподавал рисунок в двух гипсовых классах, и на те значительные успехи, которые в столь короткое время были сделаны его учениками»¹⁰⁰. Васильев имел громадное влияние на учеников, для которых двери его квартиры были всегда открыты.

Он всегда старался помогать беднейшим воспитанникам, и у него постоянно жили несколько учеников¹⁰¹. В 1855 г. «в уважение принесенной им пользы обучением в Училище живописи и ваяния» Васильев, преподаватель исторической живописи, был возведен в звание академика.

Очень любили уроки А.Н. Мокрицкого (1810—1870), с 1851 г. преподавателя портретной живописи вместо В.С. Добровольского, оставившего Училище из-за расстроенного здоровья. Мокрицкий увлекательно рассказывал о великих мастерах, о живописных местностях и знаменитых картинах. Его «отличным и даровитым учеником» был И.И. Шишкин (1831—1898), который весьма прилежно занимался в Училище с 1852 по январь 1857 г., затем он поступил в Академию художеств. В 1856 г. в Училище стал преподавать С.К. Заряно, который пользовался большим успехом как портретист.

Однако вначале Московскому Художественному обществу с трудом удавалось удерживать у себя даровитых наставников, так как по Уставу 1843 г. положение лиц, служивших при Училище, было крайне неопределенным и не давало никаких преимуществ. Они считались в действительной службе, но их должностям не было присвоено классов, поэтому преподаватели и письмоводители не могли ждать дальнейшего повышения по службе, оставаясь в чинах, которые были приобретены на прежнем месте. В конце 1844 г. Совет МХО нашел «уважительным войти к министру Императорского Двора об исходатайствовании Высочайшего разрешения, дабы преподавателей в Училище считать по должности в IX классе, а письмоводителя — в XII классе для «законного поощрения». Кроме того,

обнаружилась настоящая необходимость введения двух новых должностей, о которых не было прописано в уставе. Это должности директора по хозяйственной части и инспектора Училища, которым был присвоен VIII класс. И в дальнейшем Совет, во главе которого стоял Чертков, поднимал вопрос о предоставлении преподавателям права на пенсии и о повышении классов должностей. Устав 1860 г. повысил классы должностей (§ 89): «Секретарь Совета, инспектор и 4 старших преподавателей по назначению Совета Общества по должности и мундиру состоят в VII классе; прочие же преподаватели искусств и наук — в VIII классе; смотритель классов и письмоводитель канторы — в XII классе». Пенсия, однако, им не назначалась. Те же положения были зафиксированы и в Уставе 1866 г.

«Какая смесь одежд и лиц...»

Художественный класс, а затем его продолжение — Училище живописи и ваяния — с первого дня своего существования стал учебным заведением демократического характера. Социальный состав его учащихся резко отличался от Петербургской Академии художеств. По уставу 1833 г., возобновленному в 1837 г., в Художественный класс, как мы уже отмечали, принимали учеников без сословных различий, свободных и из податных сословий, в том числе из крепостных, и им давалось одинаковое образование. Кроме того, несмотря на бесконечные финансовые трудности, директора Художественного

класса старались изыскивать возможность принимать бедных молодых людей без платы, записывая их на имена тех членов-подписчиков, которые, уплачивая взнос, тем не менее не присылали учеников. Таким образом обучались в Художественном классе М. Станчинский, Пуговочников, П.Г. Алмазов, Г. Шапорин и др.¹⁰². Однако аттестат на звание свободного, или некласного, художника Императорская Академия художеств выдавала только тем, кто, будучи удостоен таким званием Советом Академии, представлял к утверждению годовому Общему собранию Академии документы о своем свободном состоянии. Директорам Художественного класса приходилось хлопотать об освобождении из податного состояния своих питомцев и получении необходимых свидетельств от соответствующих обществ (мещанских, цеховых, купеческих), например, для П. Андреева, Н. Иванова и др.

Благотворно было действие Художественного класса на судьбы воспитанников из крепостных. Директора, внимательно следя за успехами учеников и радея о престиже класса, немало содействовали освобождению способных воспитанников от крепостной неволи. Когда в 1836 г. Академия художеств отметила Ксенофонта Бушина и он был ею рекомендован «в особенное внимание, как подающий о себе надежды», директора Художественного класса возбудили дело о его освобождении от крепостной зависимости. Причем в успешном его решении «принимал милостивое участие» князь Д.В. Голицын. В 1838 г. графиня Бобринская отпустила на волю своего крепостного К. Бушина¹⁰³, а в 1839 г. вольноотпущенный К. Бушин был удостоен Советом Академии худо-

жеств звания свободного некласного художника.

Столь же благосклонна была судьба к В.И. Штырлякову, хотя поначалу на ходатайство Комитета Художественного класса Вл. Шеншин отвечал, что «при всем желании» своем «содействовать к успехам Штырлякова» он «не имел полного права располагать им без дозволения матери» своей¹⁰⁴. Помещице все же пришлось уступить под тактичным натиском руководства Художественного класса. И в письме от 26 августа 1842 г. в Академию художеств И.Г. Сенявин рекомендовал Штырлякова, автора картины «Пасха», для получения звания свободного художника.

Отпускные свидетельства Н. Иванова (1834 г.) и А.П. Суравегина (1837 г.) не позволяют однозначно заявить, что они явились прямым результатом ходатайств директоров Художественного класса. Иванов, может быть, получил свою свободу у штабс-капитана П.Е. Бурцова прежде, до решения поступать в Художественный класс. А может быть, именно высказанное желание учиться в Художественном классе сподвигло его помещика не чинить препятствия. А вот генерал-лейтенант сенатор В.И. Каблуков выдал отпускную именно потому, что Суравегин имел «желание определиться в Московскую рисовальную школу для учения живописному художеству»¹⁰⁵.

Художественный класс способствовал освобождению К.А. Горбунова (1822–1893), одаренного крепостного чембарской помещицы Владыкиной, который благодаря полученной в его стенах подготовке смог поступить в Академию художеств. В Петербурге за Горбунова перед помещицей хлопотал К.П. Брюллов. Но только письмо знаменитого поэта и наставника

цесаревича В.А. Жуковского «сильно подействовало на его барыню»¹⁰⁶.

В 1836 г., как мы помним, на торжественном обеде, посвященном К. Брюллову, ученик Художественного класса И.П. Липин получил вольную от своего помещика. Но этот случай был особенным, он не потребовал энергичных усилий со стороны директоров и вступления в длительную переписку. Действительно, получение нужных документов, дающих освобождение из подневольного состояния, было весьма непростым делом. Оно требовало настойчивости, определенного такта и дипломатичности, не говоря уже о хорошем знании всех тонкостей юридической процедуры. Интенсивная переписка по делу И.П. Орлова, государственного крестьянина Тверской палаты государственных имуществ, ведшаяся больше года, — прекрасное тому подтверждение¹⁰⁷. «Мирской увольнительный приговор», выхлопотанный директорами Художественного класса, позволил И. Орлову быть возведенным в звание свободного неклассного художника в 1840 г., а в 1842 г. он получил серебряную медаль второго достоинства.

Трудно указать точное количество воспитанников Художественного класса, которые были освобождены из крепостного состояния благодаря его директорам. Так, в 1839 г. князь Д.В. Голицын в проекте преобразования Художественного класса в казенное учебное заведение, поданном Николаю I, к полезной его деятельности относил также и тот факт, что «трудами Общества» освобождены от крепостничества трое его учеников, а «другие скоро ее [свободу] получат»¹⁰⁸. Сухие строки вряд ли могут вполне раскрыть, что значило для крепостного человека не только

иметь возможность постигать таинства живописи наравне со свободными, но и уповать, что он сможет круто изменить свою судьбу, увидеть выход из бесправного своего состояния и через высокое искусство обрести свободу. Добрая традиция Художественного класса, практика разнообразной поддержки учеников (бесплатное обучение бедных юношей, посещавших занятия от имени членов-подписчиков, не имевших своих учеников; заступничество за молодых людей из крепостных перед их помещиками для получения вольной; предстательство перед соответствующими учреждениями для освобождения из податного состояния способных учащихся; сокращение платы за обучение способным ученикам) не только была сохранена в Училище живописи и ваяния, но и значительно расширена благодаря увеличению финансовой мощи Совета и повышению его статуса.

В проекте Устава 1843 г. параграф о приеме в Училище без сословных ограничений вызвал в Академии художеств энергичные возражения. Известно, что двери Петербургской Академии были наглухо закрыты перед крепостными. Обучение крепостных людей в Академии художеств, хотя и воспрещенное Уставом от 1764 г., допускалось до 1817 г. «по послаблению тогдашнего начальства Академии». В начале 1817 г. президентом Академии художеств был назначен А.Н. Оленин, и многое изменилось к лучшему, начиная с содержания воспитанников, но за счет исключения всех учащихся крепостного состояния, прием которых в Академию прекратили. Основанием к этому воспрещению «правительство имело пример образованнейших народов, не допускавших к изучению художеств людей не свободного

состояния... Смешение свободного и несвободного состояния учеников в Академии порождало между ними разного рода буйств, безнравственность и даже, как показал опыт, из крепостных, учащихся художествам, почти ни один не остался порядочным человеком. В Академии некоторые из них делали успехи, но не быв награждаемы наравне со свободными и не получая от господ увольнения, когда чувство изящного в них развивалось и когда они видели, что единственно зависимое их состояние препятствует им пользоваться преимуществами, предоставляемыми художникам, эти несчастные предавались отчаянию, пьянству, и даже было, к несчастью, очень много примеров, что они посягали на собственную жизнь...»¹⁰⁹.

Князь Волконский писал московскому генерал-губернатору: «Совет Академии, руководствуясь своими узаконениями, полагает, что люди крепостного состояния не должны быть допускаемы к обучению художествам, и если нужно сделать изъятие в их пользу по Московскому Художественному обществу, то сие допустить можно не иначе, как по формальному обязательству помещика, что в случае удостоения Академией художеств принадлежащего ему ученика к награде серебряной медалью или званием художника он получит увольнение из крепостного состояния... Вследствие сего покорно прошу Ваше превосходительство по объяснению с членами Художественного общества уведомить меня, можно ли надеяться, что помещики согласятся давать помянутые обязательства?». Дмитриева, приводя этот отрывок, делала однозначный вывод о том, что «Министерство Двора решительно воспротивилось такому неслы-

ханному положению», т.е. приему в Училище крепостных¹¹⁰. Но позиция Волконского была много гибче и разумнее, чем выстраданная непреклонность Академии художеств. Князь Волконский со своей стороны находил возможным допустить к обучению художествам в школе Московского общества людей крепостного состояния, полагая, что из них могут явиться отличные таланты. Он, правда, добавлял, что право получения медали и звания свободного художника на них распространяться не может, пока они будут находиться в крепостном состоянии¹¹¹.

В Устав образуемого Училища пришлось внести соответствующие изменения, добавив, что крепостные могут быть приняты в Училище только при наличии письменных обязательств помещика или податного общества дать «вольную» в том случае, если ученик будет награжден Академией серебряной медалью или удостоится звания свободного художника. Но по правилам Академии художеств нельзя было награждать учащихся, если они находились в податном состоянии. И было подчас весьма сложно разорвать этот заколдованный круг. Тем не менее Совет Московского художественного общества, формально соблюдая устав, постоянно его нарушал, принимая в Училище людей крепостных, весьма невнимательно спрашивая с них нужные справки и разрешения. Успех таких воспитанников на выставках в Академии художеств побуждал Совет МХО пускаться в длительную зачастую переписку с разными ведомствами, прибегать к начальственной помощи своего председателя – московского военного генерал-губернатора, дабы освободить способного ученика из податного состояния или крепостной неволи.

Ученикам Училища часто грозили еще и рекрутские наборы. 2 апреля 1846 г., например, в Совет поступило прошение ученика натурального класса московского мещанина А. Колесникова, находившегося на первой рекрутской очереди, об оказании ему вспомоществования к поставке рекрута за себя. Совет рассмотрел просьбу Колесникова, который по своим успехам и прилежанию, а также и похвальному поведению подавал большие надежды и мог со временем сделать честь Училищу. Совет поэтому постановил оказать посильную помощь¹¹². Не стоит забывать, что А.Д. Чертков уже несколько сроков служил московским уездным предводителем дворянства, неоднократно был членом Рекрутского присутствия и мог основательно споспешествовать в этом деле. Следует подчеркнуть, что именно к Черткову обратился с аналогичной просьбой освободить от рекрутского набора одного из своих учеников профессор Московского университета М.П. Погодин. «Рекрутский набор бывает по средам, и я завтра непременно поеду сам, чтобы сделать что могу. Но дело в том, что помещик, как и Вам известно, может отдавать кого захочет без очереди и мы не смеем вмешиваться в дела помещика. Кто такой этот Жеребцов? Как зовут, где живет? Чин его, отчество. Может быть, я его знаю, и тут можно бы действовать просьбою»¹¹³, — немедленно откликнулся Чертков.

Извечная бедность большинства учеников вынуждала их уезжать надолго на заработки, чтобы хотя бы несколько месяцев поучиться в Училище, поэтому многие находились в нем почти по 10 лет. В.Г. Перов очень ярко рассказал об учениках, спешащих в начале сентября «под наш общий воспитательный кров в

Училище живописи и ваяния. Все мы сходились, съезжались почти в один день не только из разных углов и закоулков Москвы, но, можно сказать без преувеличения, со всех концов великой и разноплеменной России. И откуда только у нас не было учеников!.. Были они из далекой и холодной Сибири, из теплого Крыма и Астрахани, из Польши, Дона, даже с Соловецких островов и Афона, а в заключение были и из Константинополя. Боже, какая, бывало, разнообразная, разнохарактерная толпа собиралась в стенах училища!.. Ни к кому больше не шел так стих Пушкина, как к нам, тогдашним ученикам:

*Какая смесь одежд и лиц,
Племен, наречий, состояний...*

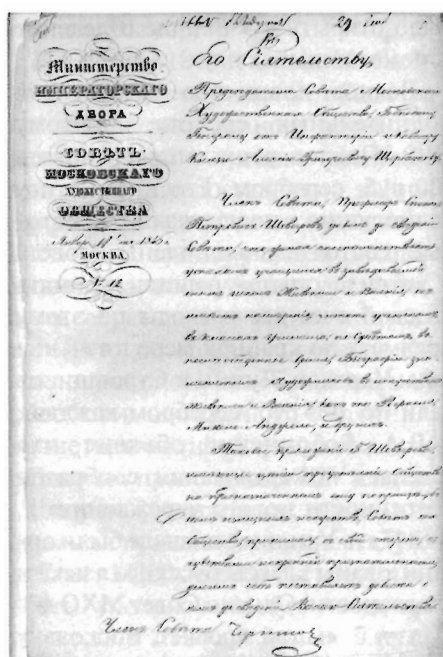
Действительно, каких, каких наций не было между нами!.. Были тут черные, как обгорелая головешка, болгары и хвастливые поляки, пронырливые евреи, неповоротливые и словно вечно дремлющие хохлы, донские и уральские казаки, утратившие свой, когда-то необузданный, казачий нрав. Были между учениками робкие крестьяне, заносчивые дворяне, смиренные монахи и молчаливые попы, учился даже отставной военный генерал, молодой князь угасающей фамилии и немецкий барон по фамилии фон Эйслер... Не видал я только между учащимися татар и бродячих цыган».

Но изменился состав Совета, ушел из него последний директор Художественного класса А.Д. Чертков, и отмеченные особенности Училища стали быстро исчезать при одновременном ужесточении правил приема и обучения в нем (Уставы 1860 г., 1866 г.). На сохранении демократической сущности учебного заведения настаивали многие, в их числе Зарянка, о чем он писал в Совет МХО: «Мне кажется, эта

доступность нашего Училища для самых беспомощных сословий есть такое прекрасное преимущество, которое оно должно сохранить навсегда. Притом опасаясь, чтобы утрата этой хорошей доступности... подвергнет опасности самое существование Училища, которое не может рассчитывать на значительное количество учеников достаточного состояния, потому что при господствующем в современном обществе взгляде на искусство достаточные родители, которым открыты другие пути к образованию детей, едва ли решатся дать им исключительно художественное воспитание»¹¹⁴. Перов, живописуя учащихся прежнего Училища, однозначно заключал: «Все эти разнообразные, разноплеменные жрецы искусства не могли бы числиться учениками в Школе живописи теперь, при новом уставе [1866 г.], который допускает для поступления в школу только возраст от 12 до 18 лет»¹¹⁵. (По уставу 1860 г. — с 15 до 18 лет).

В соответствии с уставом 1843 г. Совет Московского художественного общества в основном не вмешивался в учебный процесс, предоставляя известную свободу преподавателям, однако со своей стороны всячески содействовал прогрессивному развитию Училища в целом. В программу обучения первоначально не входили общеобразовательные предметы. Но «обратив внимание на учеников, Совет нашел, что Училище привлекает к себе преимущественно низшие слои народа, так что 3/4 из них были из податных сословий. Люди эти приходили в классы часто без обуви и приличной одежды, всегда без малейшего научного приготовления, с одним только неясным сознанием таланта,

помраченного предрассудками, грубостью нравов и понятий. Но чтобы облагородить этот талант, заведение ничего не предлагало молодому человеку, кроме специальных занятий искусством, от этого и само художественное развитие страдало и было неполное»¹¹⁶. Сознвая их необходимость, еще директора Художественного класса А.Д. Чертков и М.Ф. Орлов, а затем и Совет Художественного общества во главе с Чертковым предпринимали попытки расширить круг преподаваемых наук.

Прошение Совета МХО князю А.Г. Щербатову. ЦИАМ.

В отчете за 1845 г. указывалось, что необходимо «учредить классы для общего образования учеников, создать собрание костюмов русского народа как древних, так и новых, равно и других народов, славнейших в истории»¹¹⁷. В этом же отчете с удовлетворением было отмечено, что

Совет добился разрешения на чтение в Училище лекций С.П. Шевырева по истории итальянской живописи. Лекции имели успех, поэтому Совет Художественного общества пришел к мысли об «устройстве при Училище отделения вспомогательных наук, потому что сведения в истории, мифологии, русской словесности, также знания иностранных языков до того необходимы всякому художнику, что без них едва ли он может легко достигнуть степени совершенства». Для устранения столь существенного недостатка в ноябре 1847 г. положено было открыть в Училище отделение вспомогательных наук.

Всякое новшество требует дополнительных средств, поэтому Н.Ф. Павлов решил пожертвовать 300 руб. серебром. Его инициативу единодушно поддержали некоторые состоятельные члены Совета и «в виде опыта» решили принять на свой счет все расходы по этому предмету по крайней мере в течение года: Чертков, Лужин и Суровщиков дали по 100 руб. серебром каждый, а В.А. Бобринский объявил, что «сделает пожертвования сообразно потребности нового учреждения»¹¹⁸. В 1847 г. в Училище вначале были организованы классы русского языка и словесности. Однако Совет МХО допустил большой просчет, поскольку получил одобрение только своего председателя князя Щербатова, но не испросил чрез министра Императорского Двора Волконского Высочайшего соизволения на введение классов русского языка и словесности и даже не поставил петербургские инстанции в известность.

Кроме того, внедрение реформы пришлось на мятежный в Западной Европе 1848 г. Власти России предприняли решительные меры для сохранения спокойствия и ог-

раждения умов от разрушительного влияния революционной заразы. В области образования, например, министр народного просвещения С.С. Уваров ввел жесткие препоны с целью ограничить доступ к знаниям широких слоев населения России. Может быть, поэтому и министр Императорского Двора «не нашел возможным тогда допустить это нововведение». Рамазанов писал, что в то время преподаватели, художники обязаны были подписками не давать никаких своих записок ученикам¹¹⁹. Это сообщение перекликается с утверждением историка Н.Н. Мурзакевича, что в том же 1848 г. и члены ОИДР давали подписки не иметь научных контактов с зарубежными славянскими учеными.

И только после манифеста Александра II в 1856 г. Совет МХО вновь поднял вопрос о введении отделения вспомогательных наук при Училище и разработал его программу. Высочайшим повелением от 31 декабря 1857 г., сообщенным министром Императорского Двора графом В.Ф. Адлербергом (1790—1884), дозволено было ввести в Училище преподавание наук: священной истории, русского языка, географии и истории, мифологии, археологии, теории и истории искусств, которые повелено было «преподавать в объеме, необходимом только для развития круга понятий молодых художников и преимущественно в применении к искусству, но с тем, однако же, чтобы Училище не превратилось в обыкновенное учебное заведение». Для доставления средств к содержанию отделения вспомогательных наук Высочайше было разрешено учредить при Обществе должность 4 почетных сореволюционеров из купеческого со-

словия с правом считаться на государственной службе и носить мундир VIII класса. Они освобождались от службы по городским выборам, с тем чтобы каждый из них вносил ежегодно в Общество сумму не менее 500 руб. Эта мера принесла весьма значительную пользу, без нее не было бы никакой возможности ввести науки, ибо на добровольные пожертвования или пособие правительства нельзя было рассчитывать¹²⁰. Как правило, к этому прибавляют, что преподавание наук было введено в Московском училище на два года раньше, чем в самой Академии художеств.

По заведенному в Училище порядку для того, чтобы лучше следить за развитием учащихся и возбуждать в них рвение к искусству, ежемесячно преподаватели при наблюдении со стороны Совета проводили экзамены. Лучшие рисунки особо размещались в конференц-зале, и с разрешения Совета начиная с 5 февраля 1845 г. «отличившимся успехами и доброю нравственностью ученикам» присуждались награды и денежные поощрения. В тот год Совет в первый раз от себя выдал похвальные грамоты 17 ученикам, готовальни — 6 ученикам, живописные ящички со всеми принадлежностями получили 4 ученика, и по 4 дюжины карандашей было роздано 3 ученикам. С 1844 г. берет свое начало добрая практика материальной поддержки недостаточных воспитанников Училища. С марта 1844 г. 8 человек получали ежемесячно жалованье по 7 руб. серебром, а свободный художник И. Орлов — 14 руб. серебром. В следующем году подобное «жалование» ученикам Совет отменил как не соответствующее Уставу, но, как правило, не отказывал во вспомоществовании нуждавшимся способным воспитанникам,

если преподаватели подавали о том свои ходатайства. Особенно часто пособиями от Совета пользовались ученики Рамазанова. Так, в 1849 г., желая поощрить ученика скульптурного отделения С. Иванова по «беспомощному его состоянию», Совет выдал ему 60 руб. серебром (в 1854 г. 27-летний С.И. Иванов (1828—1903) был удостоен звания академика за статую «Мальчик в бане»). В 1846 г. Н.Ф. Павлов пожертвовал 30 аршин сукна для 10 беднейших и достойнейших учеников Училища, в 1849 г. он повторил свое благодеяние, но в большем размере¹²¹.

По Уставу 1843 г. Совет Московского Художественного общества был лишен драгоценного права награждать своих лучших учеников медалями, предоставлять звания некласного и класного художника III степени, звания учителя рисования в гимназиях и уездных училищах. Вновь обратим внимание читателя на то, что удостоенные серебряной медали учащиеся освобождались от крепостного и податного состояния. Звание же класного художника предоставляло право на чин XIV класа, в котором утверждался выпускник Академии при поступлении на службу. Совет МХО должен был посылать работы учеников на суд Академии художеств и ожидать от нее наград. Так, Завьялов справлялся в письме к Рамазанову от 1 марта 1847 г.: «Что-то делают наши картинки в академии; если еще время, то проси кого следует для Худякова и Горбунова звания свободных художников»¹²².

Пересылка в Петербург живописных и скульптурных произведений сопряжена была с большими неудобствами, бывали случаи, и неоднократно, что вещи, отправляемые в Академию,

портились во время дороги и, выставленные в таком виде на экзамен, не могли дать верного представления о трудах учеников. К чести Академии художеств следует сказать, что в те годы она редко отказывала в наградах присылаемым работам. И если такое случалось, как, например, в 1843 г., когда Совет не признал 12 рисунков с натуры заслуживающими даже похвал, то немедленно в Москву были посланы для примера рисунки, сделанные учениками Академии в 7 уроков по 2 часа каждый¹²³. Только в период с 1858 по 1863 г. Академия художеств стала заметно скупее, чем ранее, на присуждение медалей и звания свободного художника, и то по настоятельному ходатайству Закревского, полагавшего, что достижение звания свободного художника доставалось воспитанникам Училища слишком легко.

В 1846 г., стремясь приобрести право удостаивать звания художника, Совет предпринял завуалированный, но неудавшийся ход. В Академию художеств пришло письмо за подписью председателя Совета МХО князя Шербатова, в котором сообщалось о просьбе гравера К.Ф. Гастинга, прусского подданного, о допущении его выдержать испытание по своему искусству в Московском Художественном классе, чтобы затем ему было выдано свидетельство на звание художника. Академия художеств ответила твердым отказом¹²⁴.

В 1848 г. Совет попытался обрести право давать малые серебряные медали и звания учителей рисования, добиваясь, таким образом, некоторых привилегий для учеников Училища при поступлении на службу, но получил заведомый отказ: «Просимого преимущества ученикам означенного Училища дать нельзя и не должно, поелику право для занятия

мест рисовальных учителей приобретается только званием и успехами в искусстве и не иначе, как по испытаниям в Академии»¹²⁵. Да, 1848 год был неудачным для многих инициатив Совета МХО. Следствием такого положения Училища было то, что более подготовленные ученики оставляли Москву и на последние средства переходили в Академию, лишая Московское училище права и чести называть их своими воспитанниками. Например, из числа учеников Училища, отправившихся в 1849 г. в Петербург для представления трудов своих, были признаны неклассными художниками П. Медведев, М. Васильев. В отчете за 1849 г. приведены имена питомцев Училища, с успехом занимавшихся в Академии: В. Романов, А. Лебедев, Н. Удалов, И. Кабанов, В. Худяков, П. Иков; из них первые два получили серебряные медали 2-го достоинства. В 1849 г. Академия художеств наградила серебряной медалью 2-го достоинства Г. Новаковича, И. Матвеева и девушку Софью Сухово-Кобылину, похвалой — В. Астрахова, удостоила звания рисовального учителя в гимназиях В. Пукирева и О. Харитонов. В 1855 г. звание неклассного художника получили 24 человека (самое большое количество за период с 1842 по 1864 г.), среди которых Н. Неврев, В. Пукирев, И. Летунов, а преподаватель Васильев был возведен в академики. Замечательный успех Московского училища живописи и ваяния!

Итак, до поры до времени приходилось мириться с самой скромной ролью — приготавливать учеников для Императорской Академии художеств, что, безусловно, несколько сдерживало самостоятельное развитие Училища. Важные перемены в России позволили Совету в ноябре 1862 г. вновь ходатайствовать о

даровании Училищу права давать звание учителя гимназии, малую серебряную медаль и звание неклас-сного художника. В 1863 г. Училищу живописи и ваяния было, наконец, предоставлено, право давать малую и большую серебряные медали. Но Совет МХО стремился и далее как можно более сравняться в правах с Петербургской Академией художеств. Ища способ пойти навстречу просьбе Совета МХО не роняя достоинства Академии художеств, правительство прибегло к решению, которое было предложено Д.В. Голицыным еще в 1839 г. 7 февраля 1865 г. министр Императорского Двора Адлерберг уведомил о том, что Училище живописи и ваяния преобразуется в Училище живописи, ваяния и зодчества, так как к нему присоединяется упраздненное Дворцовое архитектурное училище со всем его имуществом (мебелью, библиотекой, учебными пособиями и др.). Реформированное Училище стало ежегодно получать из казны не 6 тыс. руб., а 12 тыс. руб. По Уставу 1866 г. Училищу были предоставлены точно такие же права, какими пользовалась Академия художеств, при награждении своих воспитанников, окончивших курс учения в Училище живописи, ваяния и зодчества¹²⁶. Это была настоящая победа и действительное признание.

Выставки, лотереи, чествования

Праздником и одновременно настоящим экзаменом для будущих художников становились выставки их работ, которые сопровождалась лотереями.

Они существенно пополняли бюджет Училища и были «якорем спасения» для многих его питомцев. В марте 1845 г. в течение двух недель действовала с успехом первая выставка Училища живописи и ваяния, на которой было представлено 196 произведений. Из них 135 было обращено в лотерею, принесшую как выгоды казне Общества, так и средства (862 руб.) учащимся на их содержание, на «приобретение известного художника» Ф.С. Завьялова и «устроение его мастерской» и введение лекций по истории итальянской живописи. С 29 декабря 1846 г. по 20 января 1847 г. вновь прошла выставка работ учащихся. 29 работ были отобраны на выставку в Академию художеств, 247 – представлены на лотерею, разыгранную 4 мая 1847 г.¹²⁷.

14 ноября 1848 г. Чертков предложил на обсуждение Совета мысль об открытии при Училище, «для большего сближения с оным как членов Общества, так и Московской публички вообще», выставки художественных произведений с лотереей, назначив ее на последнее числа декабря, как время более удобное для публички. К этому времени Москва наполнялась дворянами, спешащими со своими семействами из имений для участия в очередных дворянских выборах, да и ради вереницы балов и развлечений. Положили об этом просить членов Совета, принявших на себя заведование Училищем: Н.Д. Лужина, С.П. Шевырева, В.А. Бобринского и Н.Ф. Павлова¹²⁸. В январе 1849 г. выставка и лотерея содержали в себе ученических работ: 30 портретов с натуры, 5 пейзажей с натуры, 2 перспективы с натуры, 6 акварелей, 51 копию, итого – 94 картины и 51 скульптуру.

Совет очень желал, чтобы преподаватели Училища были сами деятельными художниками, чтобы Училище окружено было их мастерскими, чтобы их собственный пример возбуждал дух учеников. Выставка, приуроченная к торжественному годовичному собранию 9 апреля 1850 г., была, наконец, украшена произведениями художников-преподавателей — М.И. Скотти, Н.А. Рамазанова, К.И. Рабуса. С этого времени публика стала ближе знакомиться с Училищем и «заявлять ему полное свое сочувствие». И выставки были уже не случайным явлением, а почти постоянным публичным экзаменом, на котором выставлялись на суд москвичей труды учеников. В эти годы были подготовлены многие ученики, которые со временем сами заняли место преподавателей в Училище и с честью ему служили: академики П.А. Десятков, А.К. Саврасов, С.В. Иванов, профессор В.В. Пукирев¹²⁹ и другие.

Шестая выставка Училища, прошедшая в сентябре 1851 г., по мнению «Москвитянина», стала «московским происшествием». «Никогда еще не была она так богата и примечательна, успех очевиден к удовольствию друзей искусства, посетители толпами ходят по залам». Остро была подмечена автором заметки одна важная особенность той выставки, что «между купечеством и средним сословием явилось множество охотников, которые наперерыв друг перед другом раскупают произведения». По окончании выставки предполагалась лотерея, билеты (3 тыс.) которой были разобраны. Один только граф С.С. Уваров, удостоивший своим посещением выставку, взял 50. В статье не без мягкого юмора описывается приподнятое настроение воспитанников Училища: «Уче-

ники, разбогатев сверх ожидания, возвеселились духом и возрадовались, расхаживают по залам в шелковых пальто и, ободренные, запасясь средствами, приготавливаются к новым работам. Честь и слава учителям — гг. Скотти, Рабусу, Рамазанову и проч. Благодарность попечителям класса!»¹³⁰. Последующие выставки были столь же успешны: седьмая выставка прошла в ноябре—декабре 1852 г., восьмая — в апреле—мае 1854 г., девятая выставка состоялась в январе—феврале 1856 г. Лотерейные вещи, как правило, быстро раскупались, что свидетельствовало как о растущем мастерстве учащихся Училища, так и о все большем интересе к русскому искусству московской публики, прежде пополнявшей свои собрания произведениями западноевропейских мастеров.

Училище охотно предлагало свои залы и для всех известных русских и иностранных художников, которые желали знакомить московскую публику со своими работами. В 1848 г., с 27 сентября по 7 октября, «от 10 часов утра до 3 пополудни» в его стенах с небывалым успехом прошла выставка знаменитого мариниста И.К. Айвазовского. Она «привлекла в течение десяти дней такое стечение посетителей всех сословий, какого в Москве давно не припомнят». По окончании выставки И.К. Айвазовский позволил ученикам Училища снять копии с его видов, что «содействовало много развитию в них вкуса к пейзажной живописи». Среди копиистов был ученик А.К. Саврасов¹³¹. «В огромных залах бывало тесно от толпы. По праздничным дням устали считать посетителей. Однажды досчи-

тались до 12 000... Заметим, что теснота толпы, движение любопытных перед вами много мешали наслаждению. Надобно было сесть спокойно перед ландшафтами... погрузиться в эти чудные игры цветов воздушных, в эти брызги солнца, в это море с его отливами голубыми, синими, зелеными и желтыми, с его кручами и всплесками... Нам весело, нам славно, что у нас есть такой художник», — восторженно писал С.П. Шевырев. Воспользовавшись выставкой, ученики Училища также представили здесь свои скульптурные и живописные работы¹³².

В марте 1851 г. Айвазовский вновь доставил москвичам удовольствие любоваться картинами морской стихии. Успех этой выставки был разделен с художником Ф.И. Иорданом (1800—1883), представившим свою гравюру с «Преображения» Рафаэля. Совет Академии, сравнивая все лучшие эстампы с картины «Преображения», признал, что «работа Иордана превосходит их точностию рисунка и выражением и, без сомнения, принадлежит будет к лучшим памятникам гравировального искусства».

В честь Айвазовского и Иордана 19 марта был устроен обед в зале Училища живописи и ваяния. «Веселый пир нам, москвичам, не редкость, но такие праздники, как сегодня, редки и у нас; они оставляют по себе долгую память», — в первом приветственном слове говорил профессор Московского университета Т.Н. Грановский. С речами выступали М.П. Погодин, К.Н. Рабус, С.П. Шевырев, поэты читали свои приветственные стихи. Взволнованная речь Иордана подкупала своей искренностью: «...ваш радушный прием, почесть беспримерная, вами нам оказываемая, преисполняет сердца наши живейшею к вам благодарностью... Но я помо-

лодел среди вас снова. Готов начать еще работу на 20 лет. Сколько добра вы сделали мне!.. Когда я работал над своей гравюрой, откуда получал я слова поощрения, участия? Из Москвы! Когда я окончил ее, кто поздравил меня от души с окончанием? Москва! Когда приуныл дух художника, кто согрел? Москва! А теперь, какого внимания вы удостоили меня? Вы предложили вашу почетную хлеб-соль». Знаменитый гравёр обратился к молодым художникам и ученикам: «Юные друзья мои, берите пример с меня, трудитесь, учитесь, не смущайтесь никакими препятствиями, боритесь храбро с нуждою и будьте уверены, что рано или поздно, а труд получит награду: в России за Богом молитва, за Царем служба, за соотечественниками усердие не пропадают». «Здравия и благоденствия и во всем благопоспешения нашей матушке Москве, православной, первопрестольной, щедрой, гостеприимной, нашей доброй красавице матушке Москве!», — пожелал в заключение художник.

В ответном слове Айвазовский сказал: «Москва производила на меня всегда сильное впечатление своими оригинальными видами. Но никогда не был я поражен ею так живо, как в нынешнее мое пребывание. Это живописнейший город во всей Европе. Отныне я буду изображать ее со всех сторон и года через два, может быть, успею представить что-нибудь достойное вашего внимания...» Айвазовский подарил одну из своих картин («как слабую тень моей благодарности») в память об этом незабвенном дне и пообещал первый свой досуг посвятить Художественному классу — написать для него картину, которая была бы достойна занять место между его произведениями.

Затем воздали честь преподавателям Училища. Погодин напомнил, что день этот есть день вступления русских войск в Париж в 1814 г. На празднике искусства зазвучали речи во славу русского царя и русского оружия. Все гости разошлись среди взаимных приветствий, благодарений, поздравлений. Праздник удался в полной мере¹³³. В «Московских ведомостях» подметили: «Слезы, которые навертывались на глазах одного, и огонь, который сверкал во взорах другого, их прерывавшийся от чувства голос показали нам еще сильнее, чем сами слова, какое глубокое значение имело для них это приветствие Москвы»¹³⁴.

День устройства праздника — 19 марта — был для Черткова особенным — это день вступления русских войск в Париж. И хотя Александр Дмитриевич возглавлял Совет Московского Художественного общества и как радушный хозяин должен был бы чествовать славных художников на обеде, но он в записке объяснил М.П. Погодину причину своего отсутствия: «...нынче 19 марта, т.е. тот день, в который мы 37 лет тому назад вступали победителями в Париж. Граф Арсений Андреевич пригласил обедать нынче у него с малым остатком тех сослуживцев, которые еще остались в живых от сотни тысяч, вступивших в 1814 г. в столицу Франции»¹³⁵. В «Московских ведомостях» подсчитали, что «в Москве между военными, гражданскими и отставными осталось только 40 человек, награжденных медалью за взятие Парижа». 37-я годовщина победоносного вступления союзных войск в Париж собрала их на торжественном обеде, данном московским генерал-губернатором А.А. Закревским. «Вечером музыкантами полков 16-й пехотной дивизии,

2-го учебного карабинерного полка и артистами Императорского театра дан был концерт в пользу инвалидов. Театр был полон»¹³⁶.

В 1850 г. Училище посетил уже приобретший заслуженную известность художник П.А. Федотов (1815—1852), сам уроженец Москвы, воспитанник Первого Московского кадетского корпуса и Петербургской Академии художеств. Воспользовавшись продолжительным пребыванием Федотова в Москве (с февраля по июнь), Совет поспешил пригласить его принять участие в выставке: «Училище вменяет себе в особенную честь быть посредником в знакомстве Москвы с таким даровитым художником. Нам приятно видеть, что Училище является деятельным рассадником для молодых, вновь открывающихся дарований в искусстве и гостеприимным средоточием для всякой художественной деятельности в древней столице»¹³⁷. И в апреле на очередной выставке ученических работ в Училище, где, как уже отмечалось, впервые были представлены произведения и некоторых его преподавателей, посетители толпились перед картинами и эскизами гостя столицы художника П.А. Федотова. «Мои картины производят фурор», — взволнованно отмечал Павел Андреевич¹³⁸. В мае была устроена выставка работ Федотова в художественной галерее А.Ф. Ростопчина, который открыл в январе 1850 г. для публичного осмотра свое богатейшее собрание живописи. Радушные Москвы, сердечное гостеприимство ее жителей благоприятно подействовали на художника. Уезжая в Петербург, он в письме к Погодину благодарил в его лице «всю грамотную Москву за ласковый прием». В 1854 г. работы Федотова вновь собирали благодарную публику в зале Училища.

Выставки, лотереи... Но постоянно действующей картинной галерее при Училище живописи и ваяния так и не удалось организовать, как того желали и о чем мечтали директора Художественного класса. Не было денег. В 1846 г. Совет предлагал членам МХО приобрести замечательную художественную коллекцию князя Долгорукого посредством выпуска акций. Требовалось 300 человек, а согласилось только 18. Московский архитектор Е.Д. Тюрин в 1850 г. предлагал Совету МХО купить его коллекцию стоимостью в 100 тыс. руб. серебром и открыть залы для публики. Сам он предполагал остаться при ней пожизненным хранителем. Ответ не мог не быть отрицательным¹³⁹. Создание художественного музея в Москве в тот период разоряющееся дворянство не осилило, а купечество московское только начинало приобретать вкус к искусству.

Но, главное, было создано Училище живописи и ваяния, которое превратилось не только в замечательный художественный центр страны, но и становилось средоточием общественно значимых явлений в жизни Москвы, что совершенно ускользнуло от внимания исследователей его истории. Здесь состоялись памятные обеды в честь К.П. Брюллова, И.К. Айвазовского и Ф.И. Иордана. Именно Училище, «как приют изящных искусств», было признано московской творческой общественностью достойным местом для торжественного чествования князя П.А. Вяземского и в его лице всей русской поэзии и словесности. Белокаменная столица с восхищенным восторгом встречала Вяземского не только как старейшего литератора, но и как русского паломника, поклонившегося в

Иерусалиме Гробу Господню и встретившего на Святой земле Христову Пасху. 21 октября 1850 г. в Училище съехались литераторы, преподаватели Университета, художники, артисты, почитатели и друзья Петра Андреевича Вяземского. Впервые на таком обеде присутствовали дамы, знакомые князя Вяземского, а также дамы-писательницы. Сердечное чествование П.А. Вяземского в стенах Училища живописи и ваяния имело своим закономерным результатом желание князя стать действительным членом Московского Художественного общества. И 1 апреля 1851 г. в торжественном собрании МХО по предложению члена Совета Шевырева Петр Андреевич был единогласно выбран в его члены¹⁴⁰.

26 ноября 1855 г. в зале Художественного класса был дан обед в честь 50-летней службы любимого московской публикой актера М.С. Щепкина. На нем присутствовало около 300 человек – профессора, художники, литераторы, актеры, купцы, любители и почитатели таланта Щепкина. В ответ на задушевные приветствия Щепкин сказал: «Сегодняшний день... имеет для меня великое значение. Да послужит он моим собратам и товарищам по искусству блестящим свидетельством того, как почтен честный и добросовестный труд, как признает и ценит общество истинную любовь к искусству»¹⁴¹.

Однако кульминацией праздника стал тост К.С. Аксакова. В начале он поблагодарил Погодина за провозглашенный им тост за здоровье его отца С.Т. Аксакова, старейшего драматурга и друга юбиляра, который не смог присутствовать на празднике. Этот тост Погодина был принят присутствовавшими «со столь единоклассным восторгом».

Далее К.С. Аксаков, стоя «с бокалом в руке посередине праздничного стола», продолжал: «Выражение общественного сочувствия, *общественного мнения* драгоценно, и отец мой ставит его выше всего. Я не могу лучше отвечать на ваш тост, столь для меня драгоценный, как предложив тост: в честь *общественного мнения!*». «Две секунды продолжалось молчание и раздалось криком и громом рукоплесканий. Все встали со своих мест, чокались, обнимались, незнакомые знакомились с Константином; ни музыкой, ни тостом в честь искусства и театра не могли унять хлопанья и крика». Сообщение о тосте по настоянию графа Закревского было запрещено печатать, в Петербурге описание юбилея вызвало тревогу и служило «предметом сильных разговоров». К.Д. Кавелин полагал, что «Аксаков поторопился тостом»¹⁴². Сенатор Лебедев, напротив, записал: «Честь и хвала Москве за ее смелые начинания!»¹⁴³

Роковая драма в доме Черткова

Училище живописи и ваения, как мы помним, располагалось в непосредственной близости от роскошного особняка, который занимал А.Д. Чертков, бессменный председательствующий Совета Московского Художественного общества. Немудрено, что весьма скоро Совет стал собираться не в здании Училища, а в гостеприимном доме А.Д. Черткова, где обсуждения велись неспешно и за чашечкой чая. Но времена менялись, и накал общественных страстей поколебал спокойствие заседаний Совета.

14 января 1857 г., вечером, на очередном заседании Совета Московского Художественного общества в доме Черткова и под его президентством случилось из ряда вон выходящее событие, наделавшее много шума в Москве и описанное даже в заграничных газетах. Профессор Московского университета С.П. Шевырев и граф В.А. Бобринский поспорили, и столь горячо, что в ход пустили кулаки. Шевырев был сильно избит своим противником. Степан Петрович сам потом описал эту историю. «Когда заметили ему некоторые неловкости в рассказе, он выпустил вскоре другую редакцию, но из обеих открывается, что рьяность одного наткнулась на буйство другого и получила свое», — записал в своем дневнике О.М. Бодянский¹⁴⁴. Мы постарались собрать рассказы об этом происшествии разных людей, чтобы понять, как и из-за чего разгорелся спор. Вот как описывал эту драку Шевырев после некоторых исправлений. Он сидел в тот памятный вечер по правую руку вице-президента. Заседание после чаю началось чтением письма от преподавателя Рамазанова. Обсуждение дел, как водится, не мешало вольной беседе. Коснувшись злоупотреблений, бывших в управлении железных дорог, граф Бобринский воскликнул: «А, грабить — это по-русски!» Шевырев возразил, что злоупотребления бывают и у других просвещенных народов. Граф стал ругать все русское, Шевырев пытался ему возражать, что еще более раздражало графа, и он накинулся на Шевырева, дал ему пощечину и побил. Однако те «неловкости» в возникшем споре, о которых пожелал не вспоминать Шевырев, поскольку они носили сугубо личный характер, меняют многие обстоятельства случившейся драки. Некоторые из них обнаруживаются в воспомин-

нениях П.И. Бартенева: «Бобринский начал говорить, что нам нечего послать на Парижскую всемирную выставку, кроме сеченой задницы русского мужика. “Граф, Вы говорите не по-русски”. Тогда Бобринский подошел к нему и назвал низкопоклонником, заполучившим себе в жены незаконнорожденную племянницу генерал-губернатора¹⁴⁵. “А ты сам-то кто такой? Ведь твой отец незаконнорожденный”, — и с этими словами нанес ему удар по щеке. Тогда высокорослый силач повалил тщедушного профессора и стал топтать его ногами». Бартенев оправдывал несдержанность Шевырева тем, что Степан Петрович приехал на заседание усталый после дневной работы, а граф был только что из-за сытного обеденного стола¹⁴⁶.

Из рассказа Б.Н. Чичерина начинщиком драки также выходит не граф Бобринский, а Шевырев: «Шевырев возражал очень резко и упрекнул Бобринского в недостатке патриотизма. Тот отвечал дерзостью. Тогда Шевырев, воспламенившись, подскочил к Бобринскому и дал ему пощечину. Бобринский был человек атлетического сложения, он бросился на Шевырева, повалил его на пол и так его отколотил, что тот слез в постель». Шевырев полагал, что граф Бобринский был в нетрезвом состоянии. Неприятная история тотчас облетела город. Уже через час у постели пострадавшего Степана Петровича сидел посланный от графа Закревского полицмейстер П.Н. Замятин с поручением успокоить и осведомиться о здоровье. Кто только в те дни не посещал больного: все знаменитости медицинского факультета, дамы, попечитель Московского университета Е.П. Ковалевский. Москва, по убеждению Шевырева, таким образом демонстрировала свое неприятие слов

графа¹⁴⁷. И.М. Снегирев с возмущением записал в свой дневник: «Это мерзко. Порывы самоуправства не должно поощрять, да не горше что будет»¹⁴⁸. Чичерин же удивлялся, что не только не произошло дуэли, «но публично исколоченный профессор писал и пускал по городу самые пошлые письма, в которых, рассказывая происшедшее с ним несчастье, объяснял, что чувствует себя вполне удовлетворенным тем вниманием, которое ему оказывали...»¹⁴⁹.

Очень любопытные подробности были сообщены Е.Д. Щепкиной, женой актера М.С. Щепкина, в письме своему сыну в Рим (24 января 1857 г.): «На этих днях собралась компания у Черткова разных, и спор зашел о том, что хотят сделать, чтобы господские люди были вольными. Против этого ораторствовал очень горячо Шевырев, но Бобринский, богач который, отозвался Шевыреву: “Да вот, — говорит, — Степан Петрович, что за дело вам. У меня есть 12 тысяч, и я всех готов отпустить”. А Шевырев говорит: “У меня есть 300 душ, я на женино имя купил”. — “Вашей жене нельзя иметь на свое имя, она дочь побочная Голицына”. Шевырев не вытерпел и говорит: “Она почтенная женщина”. А Бобринский и говорит: “На счет, что она почтенная женщина, я чести ее от нее не отымаю, будет и почтенная женщина, но права все-таки не имеет покупать на свое лицо”. А Шевырев, не говоря ни слова, да вдруг и отколол: “Ваша жена вот, например, с вами не живет, и вы у себя имеете любовницу”. Бобринский говорит: “На чем вы можете, на шпагах или на пистолетах, очистить бесчестья?”. Шевырев отвечает: “Ни на том, ни другом не могу, я мирный христианин”. Бобринский как стоял, так и оттолкнул кулаком — тот и полетел, а Бобринский, сделавши свое

дело, и пошел. Ходит, только Шевырев, когда опомнился, побежал за ним и насилу, как говорят, достал, в шею толкнул; когда оглянулся, что это Шевырев, схватил его как маленького ребенка под мышки и пошел его таскать. Кто хочет подойти, Бобринский кричит: «Не подходите, и всем будет то же». Но неизвестно, как его отняли. Но когда привезли его домой, то сейчас пьявками его обложили. Военному губернатору не хотелось, чтобы вдаль пошло, велел как-нибудь уладить келейно; но,

Степан Петрович Шевырев

кажется, этого нельзя, ибо они обо всем рассказали всем, и теперь все только и говорят. Но Бобринскому велено в деревне жить, а в Москве не быть, а что будет с Шевыревым — неизвестно, а что может с ним случиться — битая посуда два века живет. Хорошие глаза — все переморгает. Как хотите, так и судите»¹⁵⁰.

В биографической литературе о Черткове достаточно неопределенно и туманно сообщается об этой дра-

ке, вероятно, потому, что не известны ее описания. Поэтому можно встретить самые неожиданные ее толкования, как например, в статье Н.С. Датиевой. Она трактует эту драку как выражение противостояния между западниками и славянофилами, от идейной борьбы которых Чертков, человек большого ума и таланта, стоял, по ее мнению, в стороне. Однако зимой 1857 г. был невольно втянут в это противоборство¹⁵¹.

Графу Закревскому не удалось замять дело. 14 февраля 1857 г. он уведомлял Черткова: «Генерал-губернатор князь Долгоруков сообщил мне, что Государь император по получении сведений о ссоре, происшедшей в доме Вашего Превосходительства между призванными к заседанию в Совете Московского Художественного общества сего Совета графом Бобринским и профессором Шевыревым, между прочим Высочайше повелеть соизволил: предложить Вашему Превосходительству оставить звание члена Московского Художественного общества и, кроме того, объявить Вам, что Его Величество с прискорбием узнал, что упомянутый случай произошел в Вашем доме и что Вы не приняли мер к прекращению ссоры, имевшей столь неприятные последствия, за что и сделать Вам замечание»¹⁵². В тот же день, 14 февраля, из правления московского военного генерал-губернатора пришло отношение в Совет МХО, уведомляющее о том, что «Государь император по случаю происшедшей между членами Совета графом Бобринским и профессором Шевыревым ссоры Высочайше повелеть соизволил графа Бобринского исключить из числа членов Художественного общества», что было немедленно исполнено 16 февраля.

Александр Дмитриевич по получении писем от Закревского постарался облечь свой уход из Совета МХО в приличные формы: «Желая будущим летом отправиться за границу для поправления своего здоровья, я не могу более принимать участие в делах Совета Московского Художественного общества, а потому покорнейше прошу сделать распоряжение об увольнении меня из списков оною Общества». На этом заявлении А.А. Закревский, не колеблясь, написал: «Исключить из списков. 21 февраля 1857 г.». На заседании 24 февраля членам Совета МХО, столь неожиданно и заметно поредевшего, осталось лишь оформить свершившееся: «Согласно положенной на прошении А.Д. Черткова резолюции Его Сиятельства, председателя Общества, Его Превосходительство из списков членов исключить и в этом звании более не числить»¹⁵³.

Государь «решил графу В.А. Бобринскому удалиться в свою деревню и не выезжать в Москву до разрешения, Шевырева уволить из Университета с полной пенсией и сослать на житье в Ярославль»¹⁵⁴. Баргенов свидетельствовал, что «это приказание было отменено по заступничеству фрейлины А.А. Акуловой». 8 мая 1857 г. Щепкина подтвердила: «...насчет Шевырева все кончено, он остался в Москве, едет в свою деревню на лето»¹⁵⁵.

Генерал-адъютант А.А. Закревский 6 марта 1857 г. строго предписал проводить заседания Совета МХО впредь не иначе, как в назначенной для того зале Училища живописи и ваяния. 21 апреля 1857 г. в торжественном заседании «по случаю окончания срока служения в звании члена Совета Ф.И. Прянишникова, по выбытии из сего звания А.Д. Черткова,

С.П. Шевырева, графа В.А. Бобринского и за смертью П.П. Писемского собрание... большинством голосов избрало» членами Совета Ф.И. Прянишникова, князя Д.И. Долгорукого, А.И. Казначеева, А.И. Тимашева-Беринга, И.Д. Лорис-Меликова, К.Т. Солдатенкова¹⁵⁶.

Кем был Александр Дмитриевич для Училища, раскрывают строки из письма секретаря Совета Художественного общества А.Г. Собоцинского, писанные по поводу похорон Черткова в 1858 г.: «...старшие из наших учеников и художников несли его гроб и ордена до самого кладбища. Конечно, тут не было никакого приказания, а это был просто благородный порыв молодых людей, умеющих ценить справедливые заслуги. Из всего, что окружало его при великолепной обстановке жизни, у гроба плакали только его крестьяне да ученики нашего училища...»¹⁵⁷.

Но фамилия «Чертков» не скоро исчезла из списков действительных членов Московского Художественного общества. Г.А. Чертков, сын А.Д. Черткова, 27 сентября 1859 г. в торжественном собрании был избран в Совет МХО. Памятью о многолетнем труде своего отца по созданию Художественного класса и преобразованию его в Училище живописи и ваяния, Григорий Александрович также стал его меценатом: «Желая поощрить даровитейших учеников, я назначаю в пособие им по 600 руб. серебром, но с тем, чтоб из суммы этой 540 руб. расходовались ежемесячно на троих лучших воспитанников заведения по выбору гг. преподавателей, а 60 руб. выдавались бы по усмотрению инспектора другим бедным ученикам, нуждающимся в пособии. Пожертвование я намерен продолжать до тех пор, пока буду состоять в звании

члена Совета. Доводя о сем до сведения Совета Общества, я покорнейше прошу оный сделать зависящее распоряжение о выборе достойных учеников, которые бы своими успехами и поведением заслуживали это поощрение. 1 февраля 1860 г.»¹⁵⁸. Инспектором Зарянко были рекомендованы для получения ежемесячного пособия в 15 руб. В Следзинский, имевший две серебряные медали 2-го достоинства и одну 1-го достоинства, И. Севрюгин, получивший за свои скульптурные работы серебряную медаль 2-го достоинства и серебряную медаль 1-го достоинства, и М. Борецкий, награжденный за пейзажную живопись медалью 2-го достоинства.

В 1868 г. Совет Московского Художественного общества по случаю 25-летия Училища с уверенностью отмечал, что «Училище уже так поставлено, что не может упасть». С глубокой признательностью в Училище вспоминали о лицах, которым «Общество обязано своим существованием, поддержкою и успехами, к ним мы причисляем: князя Д. В. Голицына, графа А. А. Закревского, М. Ф. Орлова, И. Г. Сенявина, А. Д. Черткова и И. Д. Лужина. Эти лица не могут и не должны быть забыты в истории нашего Общества, им преимущественно оно обязано тем, что оно есть»¹⁵⁹.

Полагаем, что для любознательного читателя будут любопытны некоторые итоги. С 1848 по 1868 г. в Училище поступило 726 человек, выбыло 589, в 1868 г. училось 137 человек (столько же, как и в 1849 г.). Удостоены наград 298 человек, из них звания академика — 18 человек, степени профессора — 2 человека, Высочайшего подарка — 1, второй золотой медали — 1, первой серебряной медали — 19, второй серебряной медали — 83, звания классного художника — 5, звания

неклассного художника — 118, звания учителей гимназии — 36, звания учителей в уездных училищах — 30, благодарности Академии — 3, похвального отзыва Академии — 2. В течение 25 лет поступило в казну Общества 443 748 руб. 47 коп., в том числе полученного пособия от правительства 168 500 руб. Для сравнения: на содержание Художественного класса с 1833 по 1843 г. было издержано 75 тыс. руб.¹⁶⁰, эти деньги — исключительно частные пожертвования.

Любое дело живо и полнокровно, когда действуют энергичные, полные энтузиазма и воодушевления люди, питаемые мыслью о пользе и важности затраченных сил, средств и времени. Уходят они, и часто разваливается, рушится и исчезает рожденное ими предприятие. К счастью, с Училищем живописи, ваяния и зодчества этого не случилось. Училище благодаря прежним заботам Совета Художественного общества настолько было обеспечено материально и настолько заручилось расположением к нему властей и публики, что охлаждение и равнодушие членов Совета к жизни Училища в конце XIX в. не поколебало его положения. В докладной записке от 24 мая 1895 г., составленной князем А. Е. Львовым, сообщалось, что Московское Художественное общество мало-помалу сократилось и свелось к Совету Общества. Но деятельность и участие последнего в делах Училища ограничивались лишь «периодической уплатой членских взносов и упорным отказом от всяких дальнейших обязанностей, хотя бы присутствия на годичных собраниях Общества, благодаря чему по окончании срока служения члены Совета выбирают на новые сроки тем же Советом... и лица, близко стоявшие к делу,

знают, какие усилия требовались, чтобы собрать этот Совет»¹⁶¹. В 1896 г. А.Е. Львов был назначен на впервые официально вводимую должность директора Училища.

Странно, как можно, владея материалами протоколов Совета Московского Художественного общества первой половины XIX в., утверждать, как это делает Н.А. Дмитриева, что о его деятельности «в эти годы можно говорить лишь условно: собственно, все непосредственное руководство Училищем лежало на преподавателях». К сожалению, эта необъективная, как, мы надеемся, нам удалось показать, точка зрения прижилась в литературе. Дмитриева апеллировала к мнению В.Г. Перова, который в «Рассказах художника» действительно отметил, что «Общество не только никогда не входило в дела Училища, но даже никогда и не собиралось десятою долей полного состава своих членов»¹⁶². Однако это замечание художник обронил, описывая представление ученикам Училища нового преподавателя С.К. Зарянку в 1856 г., который после приветственных слов сообщил, что он приглашен Московским Художественным обществом. Вполне понятно, что, будучи учеником, Перов многое не знал, не замечал и судил обо всем с запальчивостью юности и с нигилистических позиций своего времени. Широко известна его едкая критика учителей Училища, его обвинения как в бездарности преподавателей, так и в ложности, рутинности самой системы преподавания, из-за чего Училище, по его мнению, произвело не много дельных художников. И хотя оспаривать авторитетное мнение Перова, высокочтимого в советском искусствоведении «обличителя социальной несправедливости», было

весьма неосмотрительно, Дмитриева тем не менее не смогла полностью согласиться со столь жесткой точкой зрения и весьма убедительно опровергла предвзятое суждение знаменитого художника о преподавателе С.К. Зарянке и его методике преподавания. О.Я. Лясковская также полагала, что Училище живописи и ваяния до 1860-х гг. «по постановке преподавания во многих отношениях значительно опередило Академию художеств»¹⁶³. К тому же Перов, ставший преподавателем Училища в 1871 г., переносил реалии своего времени, когда действительно Совет и МХО стали устраняться от активного участия в руководстве делами Училища, на предыдущие годы, когда Совет, выбираемый в годичных собраниях большинством членов МХО, был действенным. А многие торжественные и чрезвычайные собрания МХО посещали его председатели – московские военные генерал-губернаторы князь Щербатов и граф Закревский.

Из нелицеприятных рассказов Перова о своих наставниках и несведущий читатель понимал, сколь непросто, далеки от дружелюбности были взаимоотношения многих преподавателей Училища. Разгорелась распря между М.И. Скотти и А.Н. Мокрицким, заставившая последнего подать в Совет бумагу, в которой он просил разделить учеников между преподавателями. Между Мокрицким и Зарянкой также не сложилось взаимопонимания, скульптор Рамазанов «преследовал то одного из них, то другого, а иногда и обоих вместе»¹⁶⁴. Смягчал конфликты преподавателей в те годы все тот же Совет МХО.

Начальная история Художественного класса и Училища живописи

и ваяния убеждает, как отнюдь не просто организовать и наладить деятельность учебного заведения без государственного финансирования, без мощной поддержки меценатов и активного интереса со стороны доброжелательной публики. «Никто, кроме членов Общества, не хотел вникнуть в самую сущность дела и понять, что дарование развивается учением, временем, посильными и неусыпными трудами, что нельзя ожидать произведений мастерских от учеников, пришедших в класс часто без обуви и одежды, всегда без малейшего приготовления, без малейшего понятия об искусстве, с одним только неясным сознанием внутреннего, живого, но не обработанного таланта, угнетенных бедностью, предрассудками, с грубостью нравов и понятий»¹⁶⁵, — не без горечи писал князь Голицын в 1839 г. в своей докладной записке Николаю I.

Существование Художественного класса полностью зависело от наличия состоятельных людей, добровольно пожелавших поддержать его. Рвение их часто слабело, когда экономическая ситуация в стране или личные обстоятельства истощали их кошельки. Но ведь за свою благотворительность первые члены-подписчики, проникшиеся пониманием полезности для Отечества подобного учебного заведения, не получали никаких реальных благ, если иметь в виду конкретные материальные выгоды в нынешнем представлении. Это были люди с особым душевным складом и воспитанием. Позднее (с 1858 г.) привлечение к делам Училища купцов-благотворителей сопрягалось с существенными поощрениями для них со стороны властей.

Вся история Училища удостоверяет, что оно взрастало под внимательным, доброжелательным оком представителей власти, в первую очередь московского генерал-губернатора князя Д. В. Голицына, который сначала помог возникнуть Художественному классу и в решительные моменты не раз спасал его от исчезновения. Министр Императорского Двора князь П. М. Волконский и Академия художеств со своей стороны старались всячески поддержать рождавшийся Художественный класс и какого-то особого антагонизма в отношении к московскому «сопернику», который «старательно» подмечала советская историография, не питали. Кроме того, Совет МХО той поры состоял из представителей высшей администрации Москвы: гражданский губернатор (Сенявин), вице-губернатор (Новосильцев), обер-полицмейстер (Лужин), московский губернский предводитель дворянства (Чертков), что несомненно ускорило и облегчало решение многих вопросов по Училищу. Большую часть членов Совета МХО связывали не только служебные и деловые отношения, но и узы душевного знакомства. Взаимоотношения Черткова, Хомякова и Лужина, например, во многом определялись тем, что они были сослуживцами по лейб-гвардии Конному полку.

Глубоко неправы те исследователи, которые полагали, что группа художников при некоторой поддержке меценатов смогла бы создать деятельное учебное заведение при равнодушии властей, не говоря уже о противодействии оных. Художники в те времена были отнюдь не самодостаточны, нередко губя талант в бесконечных поисках пропитания. «Что было бы нам без

Царя? Наши ученые журналисты о нас никогда ни слова. Выстроится ли Храм Бога, Дворец ли Императора — как по шучьему велению, напишется ли лик Бога, где надо [иметь] и голову, и сердце, и науку, — им все равно, дальше водевильного куплета они не понимают... Давно у нас мебельщик играет важнейшую роль, нежели художник», — писал Завьялов в 1852 г. из Петербурга своему старинному другу Рамзанову в Москву. Завьялов как раз получил заказ написать образ Александра Невского для наружной стены часовни на Николаевском мосту и радовался, что «цена за это будет уже приличная!»¹⁶⁶.

В 1832 г. художники собрались ради собственных интересов, ради повышения своего мастерства, своего профессионализма. Орлов и Чертков, не будучи сами художниками, придали этому начинанию общественный и одновременно государственный резонанс, превратив Художественный класс в учебное заведение для просвещения широких народных масс. Московские художники, кроме трех, оставшихся преподавать за плату, в большинстве своем скоро забыли сюда дорогу. Участие Орлова и Черткова в судьбе Художественного класса не ограничилось только спонсорской деятельностью и формулированием задач и целей нового учебного заведения. Класс, а затем Училище не смогли бы продержаться и дня, если бы не их, директоров, Совета МХО, постоянная о них забота, выразившаяся не только в материальной поддержке и в беспрестанных поисках источников денежного вливания, но, главным образом, в повседневной работе — кропотливой, часто невидимой, естественно, безвозмездной — по организации и налаживанию учебного

процесса, обеспечению его всем необходимым, начиная от дров для отопления до покупки здания для Училища, учебных и художественных пособий, книг, что создавало самую возможность для его питомцев творить, рождая новую московскую школу в русском искусстве.

При Орлове и Черткове Художественный класс функционировал как учебное заведение с широкими демократическими устоями, которые сохранились и в преобразованном Училище живописи и ваяния, несмотря на определенные ограничения Устава 1843 г. С уходом Черткова из Совета Московского Художественного общества демократические традиции Училища подверглись определенному пересмотру. Таким образом, и один Чертков после смерти Орлова выступал как своеобразный оплот широких демократических основ нового учебного заведения.

В заключение хочется привести добрые слова об Училище живописи, ваяния и зодчества, высказанные в более поздний период его деятельности, но отражающие самую суть надежд и желаний его устроителей. «Жизнью веяло от этой молодой, простой и своеобразной школы... Во всех важнейших проявлениях русской жизни Москва выражается гигантски... Да, Москва свое возьмет и в школе живописи», — писал И.Е. Репин П.М. Третьякову¹⁶⁷.

«Московская школа выполнила все горячие ожидания, она сделалась истинным рассадником лучшего, нового русского искусства, самостоятельного, национального»¹⁶⁸, — делал вывод В.В. Стасов.

ЧАСТЬ III

ГЛАВА 1

НА СТАТСКОЙ СЛУЖБЕ

Работный дом

После ухода в отставку с военной службы Александр Дмитриевич Чертков не долго довольствовался спокойной жизнью в семейном кругу, в тиши своего кабинета и в ученом окружении разных московских обществ. Его воспитание не позволяло ему со стороны взирать критическим взором на жизнь города и его нужды. Деятельная и неравнодушная натура Черткова привела его вновь на службу, на этот раз гражданскую. Но выбрал он не престижное местечко, а организацию, на которую была возложена многотрудная задача преодоления нищенства в Москве.

Основной массив специальных исследований проблемы нищенства на Руси и опыта создания работных домов за рубежом и в России появился в конце XIX в., когда нищенство буквально захлестнуло страну. В работах горячих сторонников действенной помощи бедствующему населению — О. Буксгевдена, В.И. Герье, С.В. Сперанского,

Н. Несмеянова и других — обосновывались требования новых форм и методов борьбы с этим ужасным злом и звучала жесткая и справедливая критика в адрес московского Работного дома, который, будучи созданным в 1836 г. и рассчитанным на 300 человек, не мог уже справляться с нищенством. С передачей в 1893 г. Работного дома в руки Городской управы, увеличением его площадей, иной организацией работ для призреваемых его эффективность резко возросла: в 1901 г. в него поступило 17 600 человек. Нарекания в адрес Работного дома, звучавшие в конце века, автоматически переносились и на предыдущий этап, о котором, впрочем, упоминали лишь вскользь. Например, С.В. Сперанский не смог на фактическом материале проанализировать деятельность Работного дома за первые годы его существования, поскольку он не располагал его отчетами за 1839–1877 гг.¹

В советской историографии эта тема почти не привлекала внимания.

16 А.Д. Чертков (1798-1858).

Однако в конце XX в. Россия вновь столкнулась с проблемами нищенства, безработицы, детской беспризорности, возрастающей преступности, о которых успели забыть в СССР за годы относительного благополучия. Необходимость воскрешения благотворительности и борьбы с нищенством встала перед современным обществом с новой силой, поэтому появились более объективные работы о частной и государственной благотворительности и милосердии в дореволюционной России и в ее древней столице Москве. Но эти публикации, как правило, построены на печатном материале царской России, в котором относительно московского Работного дома содержатся в основном данные конца XIX и начала XX в. За первую половину XIX в. имеются лишь скудные, отрывочные сведения, не раскрывающие объективную картину его работы, допускаются многие неточности². Весьма часто авторы трудов о рабочих домах смешивают все периоды их деятельности без различия и учета изменений экономической и внутриполитической ситуации в стране и, рассматривая их вне конкретного исторического контекста, скоропалительно приходят к общему отрицательному выводу о «неудаче трудотерапии»³. Однако внимательное изучение опубликованных отчетов Комитета для разбора и призрения просящих милостыню в Москве, государственных постановлений по данному вопросу, анализ выявленных архивных сведений позволяют понять содержание, структуру, схему действий Работного дома и самого Комитета, в которых принимал активное участие А.Д. Чертков.

Проблема нищих и нищенства в полный рост встала пред русским государством в XVIII в., когда церковь

подверглась секуляризации и была уже не в силах с ней справиться. Еще в конце XVII в. государство перестает смотреть на нищих как на явление, касающееся исключительно церкви. В 1682 г. царь Федор Алексеевич в короткое свое царствование издал весьма примечательный указ, согласно которому «велено построить 2 шпитальни или богадельни... чтобы впредь по улицам бродящих и лежащих нищих (меж которыми многие притворные воры, и всем здоровы, и работать могут) не было... И то дело самое доброе и богоугодное». В этом документе впервые проводилась мысль о необходимости разбирать причину нищенства каждого человека индивидуально, а с другой стороны были предложены некоторые средства к искоренению этого явления через распространение в народе образования и профессиональных навыков (учить детей наукам и ремеслам: суконному делу, золотому и серебряному, часовому, оружейному делу, печатать медными досками и т.д.). Мысль об использовании принудительных работ для искоренения профессионального нищенства жидилась на опыте западноевропейских стран⁴. В царствование Петра I вследствие введения рекрутской повинности особенно умножилось число мнимых нищих, до того встречавшихся лишь в небольших количествах. Распоряжения Петра Великого и его преемников до Екатерины II носили в основном репрессивный характер (нищих, уличенных в нищенстве во второй и третий раз, — «робят, бив батогами, посылать на суконный двор и к мануфактурам», а «баб отсылать в шпингауз»⁵), так как вера в святость нищих исчезла и их уже рассматривали как тунеядцев, обманщиков и потенциальных правонарушителей.

Указ об учреждении губерний 1775 г. предусматривал создание системы приказов общественного призрения для организации социальной помощи всем нуждающимся категориям населения. Одновременно с больницей в Москве предписывалось учредить богадельню, работный и смирительный дома для «ленивцев мужского пола». «Как между тем оказывается в здешнем городе множество молодых лет ленивцев, приобывших лучше праздно шататься, прося бесстыдно милостыни, нежели получать пропитание работою, то для таковых, дабы прекратить им средства к развратной праздности, учредить работные дома под ведомством же здешней полиции, заняв для сего состоящий за Сухаревою башнею прежде бывший карантинный дом, в котором и содержать мужского пола ленивцев, употребляя оных для пиления дикого камня на казенные и партикулярные строения за надлежащую плату, также и другие работы по рассмотрению вашему...»⁶. Работный и смирительный дома вскоре слились и превратились в колонию принудительного труда, на основе которой впоследствии функционировала тюрьма. При Александре I в борьбу с профессиональным нищенством включились общественные учреждения.

Экономический кризис в России после нашествия Наполеона заставил задуматься над устранением нищеты и нищенства не только правительство, но и передовых людей из дворянского общества. В их числе был и Дмитрий Васильевич Чертков, ставший одним из инициаторов формирования в Воронеже в 1818 г. Попечительного комитета по примеру образованного 16 июля 1816 г. Попечительного комитета Императорского Человеколюбивого об-

Император Николай I

щества в Петербурге. Воронежский Попечительный комитет состоял из 25 человек, представлявших три сословия: дворянство, духовенство и мещанство, под председательством преосвященного Елифания, епископа Воронежского и Черкасского, и гражданского губернатора Н.П. Дубенского. Губернский предводитель дворянства Д.В. Чертков внес единовременно 300 руб. и обязался платить по 200 руб. в год; вице-губернатор П.А. Сонцов (муж сестры А.Д. Черткова), чьи доходы были гораздо скромнее, вложил 50 руб., и ежегодный взнос его составлял 100 руб.⁷.

Правительство Николая I уже само старалось шире вовлечь общественность в борьбу с нищенством, поощряя лиц, готовых добровольно жертвовать на это дело труд и деньги. В изданный в 1829 г. статут ордена Св. Анны был даже включен пункт, согласно которому орден жаловался и тому, «кто займется устройством

нищих и представит о том основательное и полезное обществу и для них самих предположение»⁸. В 1832 г. в Москве было утверждено «Положение для управления заведениями общественного призрения», согласно которому для этой цели создавался Попечительный совет под руководством гражданского губернатора, губернского предводителя дворянства и городского головы и под председательством военного генерал-губернатора. Тогда же было принято решение учредить работный дом, но по многим обстоятельствам он не был открыт. Однако 1834 год настоятельно потребовал от московских властей активных действий. В тот год в Москву стеклось «чрезмерно много» бродяг, которые вследствие неурожая и дороговизны пришли без документов в столицу искать занятий и, не находя их, обращались к прошению милостыни. Их отправляли на места жительства, даже и беспаспортных, на основе их собственных показаний по специальному разрешению Государственного совета⁹.

Снаплывом нищих полиция едва справлялась, поэтому на особом совещании 17 августа 1834 г. военный генерал-губернатор, гражданский губернатор, вице-губернатор признали необходимым в качестве временной меры устроить в Москве заведение для помещения празднующихся и просящих милостыню. Дело это поручили гвардии полковнику А.М. Львову, адъютанту Д.В. Голицына. Согласно правилам, им разработанным и одобренным начальством, в строениях старой Екатерининской больницы должно было разместиться 100 человек, задержанных полицией. На их питание полагалось в сутки по 20 коп. ассигнациями. Львов «вслед-

ствие словесного приказа» занял 5 корпусов в Екатерининской больнице и «исправил их починкою». Он также приобрел необходимую посуду, кровати и т.д., потратив на обзаведение 532 руб. 84 коп. В штат по обслуживанию нового заведения входили: смотритель — тайный советник Иванов с жалованьем в год 800 руб.; экономом — отставной прапорщик Черняев с жалованьем в год 180 руб.; 2 писаря (по 240 руб.), унтер-офицер, хлебник, кашевар (по 120 руб.) и 4 рабочих (по 84 руб.). На годовое жалованье служащим шло 2156 руб. В год «на содержание бедных и чиновников заведения с прислугою» нужно было потратить 9456 руб., «столько же потребно на освещение, отопление и другие надобности». 30 октября 1834 г. Львов получил 4 тыс. руб. ассигнациями на расходы по заведению¹⁰.

Однако этой меры оказалось настолько недостаточно, что постановили нанять не менее как на 6 месяцев еще один дом, могущий принять 100 нищих, но расположенный в другой части города, «для удобнейшей присылки забираемых полицией людей». В каждом доме назначался попечитель, состоявший под началом главного попечителя. Лица «сии должны быть избраны из чиновников», известных «честностью, правилами и усердием к общей пользе». Московский военный генерал-губернатор Д.В. Голицын, всеми уважаемый и любимый, умел найти толковых людей и убедить их поступить к нему в чиновники¹¹. По долгу службы возглавляя Попечительный совет заведений общественного призрения, он пригласил Черткова стать сотрудником этого учреждения. Очень похоже, что этот выбор был далеко не случаен. Может быть, в частных беседах с сановни-

Князь Дмитрий Владимирович Голицын

ком Александр Дмитриевич делился своими мыслями относительно возможностей преодоления нищенства, к которым он пришел не вдруг.

Еще в 1814 г., прогуливаясь по Парижу, он намеренно заворачивал в заведения благотворительного характера. В России была известна обширная программа Наполеона по борьбе с нищенством. Проблему эту он получил в наследство от Французской революции, в ходе которой вместе со многими другими социальными институтами была сметена и сложившаяся в XVIII в. система приютов для нищих. В 1807 г. Наполеон заявил министру внутренних дел Франции: «Нищенство есть предмет самый важный. Надо распорядиться, чтобы всякий нищий был прибран. Но забирать их для того, чтобы сажать в тюрьму, и жестоко, и безрассудно: надо брать их с такой целью, чтобы научить трудом снискивать себе пропитание. Для этого не довольно учредить одно или несколько

благотворительных заведений в роде общих мастерских... Тут надо действовать в широких размерах, требуется миллионов десять франков... Должно жить так, чтобы после себя оставить след, за что потомство благословило бы нашу память»¹². Но задуманное не было претворено в жизнь в полном объеме, а с падением Наполеона и вовсе погребено. К тому же новоучрежденные приюты стоили дороже, чем предполагалось, производимые в них работы приносили не много пользы, большинство нищих были малоспособны к труду, и сюда стали принимать «клиентов» всякого рода — больных, идиотов, целые семьи, находившиеся в нужде, даже публичных женщин и арестантов. Империя оставила после себя 37 таких приютов с 30 тыс. нищих¹³.

В Париже Чертков со вниманием осмотрел известный госпиталь Отель Дье, где получали медицинскую помощь лица обоего пола и где санитарно-гигиенические условия были столь удовлетворительны, что никогда не бывало болезни, называемой госпитальной горячкой. Русский офицер вызнал, что госпитали и приюты в Париже обходились правительству весьма недешево: в 7–8 млн франков в год. В путешествии по Европе в 1823–1825 гг. Чертков также самым подробным образом изучал опыт зарубежных стран, посещал богадельни, больницы, учебные заведения для детей-сирот, работные дома. В своем сочинении «Воспоминания о Сицилии» он посчитал нужным поделиться своими мыслями на этот счет и предложил в качестве одной из мер искоренения множества нищих на Сицилии правильное устройство работных домов. И вот спустя почти 10 лет Черткову представилась возможность на практике осуществить свои идеи.

14 октября 1834 г. именованным Высочайшим Его Императорского Величества указом он был определен членом Попечительного совета заведений общественного призрения в Москве и попечителем Работного дома с оставлением в чине полковника. 24 октября 1834 г. Чертков был назначен начальником контроля для отчетности по заведениям, подведомственным Попечительному совету. С конца октября, пока не было открыто второе здание Работного дома, для размещения нищих стали искать вакантные места в богоугодных заведениях Москвы. Попечитель Екатерининского богадельного дома камергер Талызин ответил 26 ноября 1834 г., что у него не только свободных мест нет, но «до 12 человек превышает уже комплект». Схожая ситуация сложилась в тот год по богадельням Мещанского и Купеческого обществ. Князь С.М. Голицын, возглавлявший комитет Человеколюбивого общества, очень резонно пояснил свой отказ принять нищих в подведомственных ему учреждениях: «Как в партиях бродяг и нищих обоего пола вообще виден народ здоровый и нестарых лет, могущий заниматься вспомогательными работами и вспомогательным трудом, то такие люди не только призрения не достойны в богадельнях, но заслуживают особенного рода наказания употреблением по работам и рукодельям в Смирительном или Рабочем доме»¹⁴.

Радение Черткова, его искренняя заинтересованность в работе Попечительного совета заведений общественного призрения в Москве были вполне оценены его председателем Д.В. Голицыным. 11 июня 1835 г. он предложил Совету «впредь до покупки здания и устройства Работного дома... предоставить начальство над временным заведением

Дом московского военного генерал-губернатора

для праздношатающихся и просящих милостыню людей», которое в тот момент находилось в старом здании Екатерининской больницы, «г-ну попечителю Работного дома и члену оного Совета полковнику Черткову». Александр Дмитриевич должен был принять «сие заведение» от А.М. Львова. 24 июня Черткову «словесно сообщили» об этом решении, и он немедленно приступил к его исполнению, приняв от Львова канцелярские книги, документы и остаточную по 1 июля сумму 621 руб. 91 коп. асс. Согласно ведомости, с 16 сентября 1834 г. по 7 июля 1835 г. во временное заведение для праздношатающихся и просящих милостыню в Москве поступило 1602 человека (530 мужчин и 1072 женщины), убыло 1505 человек и осталось к 8 июля 97 человек. Смотритель Иванов представил Черткову подробную «ведомость на все имущество сего заведения», которым он оставался заведовать и впредь¹⁵.

За два года Московский попечительный совет провел значительную подготовительную работу по устройству Работного дома, разработал проект положений об управлении им, и в 1836 г. его председатель князь Д.В. Голицын представил проект на Высочайшее усмотрение. По утверж-

дении 11 августа 1836 г. императором распоряжения Комитета министров Приказ общественного призрения учредил в Москве Работный дом, на первый раз для содержания 200 человек. Из сумм Московского приказа общественного призрения, которые составлялись из средств, отпускаемых правительством и пожертвованных благотворителями, было выделено на его ежегодное содержание 40 тыс. руб. Непосредственное заведение Работным домом принадлежало Попечительному совету¹⁶, а его начальником стал А.Д. Чертков, взявшийся за это «скромное, чуждое мирского блеска и гласности» дело. О характере деятельности Черткова и о Работном доме можно получить представление из его устава, который составлялся при активном участии Александра Дмитриевича, уже приобретшего практический опыт.

Работный дом начинался с очень важного, но чрезвычайно тяжелого дела — с разбора поступавших в него нищих, на котором, как правило, присутствовал и Чертков как начальник учреждения. По уставу в Работном доме должны были помещаться: а) лица обоего пола, совершенно убогие, кои работать могут и сами добровольно туда приходят; б) лица, не имеющие пристанища, кои присылаются туда по распоряжению местного начальства; в) праздношатающиеся, пойманные в прошении милостыни и могущие прокормиться. Эти присылались по распоряжению местной полиции. Принимаемые нищие, вымытые в бане и получившие чистую одежду, проходили освидетельствование врачей заведения. За содержание в Работном доме нищих из крестьян взыскивалась плата с их помещиков или, для государственных крестьян, с общин по 12 руб. асс. в месяц. Если в числе праздношатающихся находи-

лись люди, принадлежавшие к классу почетных граждан, чиновников или дворян, то до учинения в отношении их распоряжения Губернского правления они в доме занимались «приличными» работами, без возложения на них работ исправительных...

Призреваемые делились на три разряда: испытуемых, испытанных хорошего поведения и испытанных поведения ненадежного. При призреваемых последней категории находился воинский караул. Поступившие в 1-й разряд через полгода по усмотрению начальства дома переводились соответственно во 2-й или 3-й разряды. Работа по Работному дому (приготовление пищи, шитье одежды, обуви, мытье белья, топка печей и др.) производилась призреваемыми 2-го разряда, тяжелый труд возлагался на 1-й и 3-й разряды. В Работном доме начальство старалось обучать своих подопечных таким работам, которые могли бы принести им пользу и по выходе из заведения. Добровольно приходящим дозволялось заниматься тем, к чему они изъявляли желание. Как правило, они занимались «шипанием шерсти, портным и сапожным мастерством, размоткой бумаги [т.е. хлопчатобумажной пряжи] и шитьем белья», всякого рода рукоделием. Вне дома они переносили тяжести, очищали дворы, возделывали огороды и сады, осуществляли и другие земляные работы. Для 3-го разряда устанавливались исправительные работы, например, на ступальной мельнице¹⁷, приспособленной для перемалывания крупы или муки. Работы 1-го и 3-го разрядов производились исключительно в пользу заведения. Призреваемые 2-го разряда за свою работу получали 1/4, 1/3 или 1/2 цены выполняемой работы, поэтому, как

показала практика, не было отбоя от желающих потрудиться.

Обращалось особое внимание на нравственность призываемых. В воскресные и праздничные дни все ходили на службу в домовую церковь, а в Великий и Успенский посты говели. Увольнение призываемых 2-го разряда на собственное пропитание происходило после 6 месяцев пребывания в Работном доме при условии, если человек показал на опыте свое трудолюбие и знание ремесла, если приобрел некоторую сумму, откладываемую из заработанных им денег. Выпуск из 1-го и 3-го разрядов был запрещен, кроме как на поруки. Люди дурного поведения и беспорядочной жизни, находившиеся в Работном доме не менее года и не оказавшие никакого успеха в исправлении своей нравственности, отсылались в Губернское правление для принятия в отношении их особых мер, как правило, отправки в тюрьму или на каторгу. Начальство Работного дома не только старалось приискивать места и работу для отпускавшихся на волю подопечных, но продолжало и впредь им покровительствовать. Принимались пожертвования от благотворителей в пользу всего заведения, в пользу призываемых 2-го разряда, для всех вообще или для некоторых в особенности. Приношения в пользу призываемых 1-го и 3-го разрядов решительно запрещались¹⁸.

Работный дом не следует путать с Рабочим домом, который вместе со Смирительным домом располагался на Стромьинской улице и имел церковь Всех скорбящих радости. В Рабочий дом направляли людей за недоимки, правда, впоследствии таких людей стали помещать и в Работный дом, но они не составляли главного контингента

его обитателей. Рабочий и Смирительный дома находились в ведении Попечительного комитета о тюрьмах, который имел одной из своих задач выкупать оказавшихся в беде людей на капитал, составленный из сумм, выделяемых государством для этого Комитета, и посторонних пожертвований. Страдальцы в Смирительном и Рабочем домах каждый раз с волнением ожидали 19 ноября, дня кончины учредителя Попечительного общества о тюрьмах Александра I, поскольку Московский тюремный комитет, «благоговев к священной памяти в Бозе почивавшего Государя Императора», ежегодно ознаменовывал этот день освобождением лиц, содержащихся за казенные недоимки, и облегчением участи остальных заключенных.

Работный дом в Москве открылся в здании под № 24, напротив Юсуповского дворца в Большом Харитоньевском переулке. В 1801 г. этот дом приобрел князь Н.Б. Юсупов (1750—1831), сенатор, член Государственного совета, и устроил в нем театр. В 1825—1828 гг. строение было расширено за счет пристройки дополнительных корпусов. Князь Юсупов любил блеснуть своим богатством и роскошью, он собирал картины, статуи и бронзу, в обширной его библиотеке находились очень редкие издания¹⁹. В его великолепных чертогах «царили и своевольничали вкус, мода и роскошь», здесь гремела музыка, давались причудливые балы, обеды, спектакли. Но судьба нередко поражает своими непредсказуемыми поворотами. И вот уже в 1833 г. наследники князя отдали чудный дворец с двором и остатками сада внаймы правительству. Но когда число призываемых стало возрастать, то плату за наем дома Чертков счел довольно ощутительной, и он предложил Со-

вету выкупить его у владельцев. Это решение было одобрено²⁰. Чертков «по препоручению князя Дмитрия Владимировича в исполнение Высочайшего повеления приобрел покупкою в Москве дом покойного действительного тайного советника князя Юсупова, устроил в оном для призрения нищих работное заведение на 400 человек; соорудил при оном церковь» Происхождения честных древ Животворящего креста Господня «на экономическую сумму и был начальником сего заведения до поступления оного в конце 1839 г. в ведение Комитета просящих милостыню; вместе же со сдачею Работного дома сдал около 20 тыс. руб., сбереженных строгою экономию от расходов»²¹, т.е. Чертков просто не воровал.

Следует особо обратить внимание на то, что Чертков действительно желал комплексно и глубоко подойти к разрешению проблемы нищенства и отвращения горемык от пагубного образа жизни. Он призвал благотельную помощь церкви, которая, взывая к заблудшим душам, наставляла и укрепляла их на новом пути. Поэтому Чертков постарался построить церковь при Работном доме буквально в первые годы существования сего заведения. Заметим, что при Смирительном и Рабочем домах храм во имя Богоматери всех скорбящих радости был возведен только в 1850 г., несмотря на то что в течение 20 лет этот вопрос периодически поднимался.

Московский генерал-губернатор князь Голицын, заботливый начальник Москвы, не преминул доложить государю «об отлично усердной службе» его «высокоблагородства». Дмитрий Владимирович передал Черткову, что «государь император по положению Комитета министров 4 июля 1838 г. Всемилос-

тивейше удостоил Вас Высочайшего своего благоволения»²².

Здание Работного дома имело 3 этажа и было разделено на мужское и женское отделения, при нем имелись мужская больница и квартира для смотрителя. На 2-м этаже размещались огромные светлые залы с койками — бывшие парадные апартаменты Юсуповского дворца, в которых оставались изразцовые печи, колонны, хоры, статуи. Из описания, сделанного в 1863 г., видно, что, несмотря на специфический характер заведения, в нем сохранялась княжеская роскошь.

В 1837 г. в Работном доме находили кров и пропитание 77 мальчиков, 13 девочек, 11 572 мужчины и 2245 женщин. Расход за год составил 112444 руб., стоимость здания — 500 000 руб.²³. В Работном доме к 1 января 1839 г. состояло обоего пола нищих 297. В течение года прибыло 2569 человек, убыло 2433 человека. К 1 января 1840 г. состояло 433 человека²⁴.

Однако деятельности только одного Работного дома было явно недостаточно для удовлетворительного решения проблемы нищенства в древней столице. 12 октября 1838 г. Николаем I было утверждено «Положение о Комитете для разбора и призрения просящих милостыню в Москве», представленное Д.В. Голицыным. В него были внесены некоторые изменения и дополнения, дабы согласовать этот проект с уже утвержденным положением о подобном Петербургском комитете. По закону 1838 г. президент Московского комитета назначался императором. Московским военным генерал-губернатором избирались вице-президент и 5 членов из дворян, известных своей опытностью в подобных установлениях и знанием правитель-

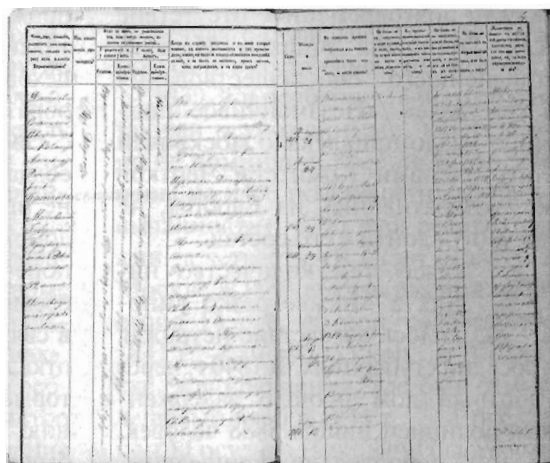
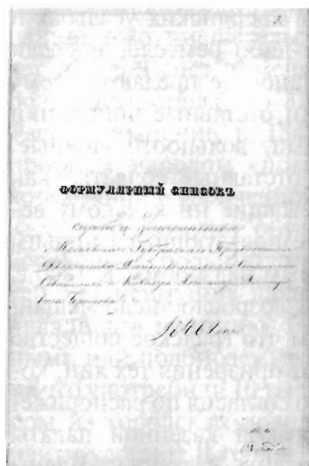
ственной части; и не менее 5 членов назначались из почетного купечества и именитых горожан, «снискавших в обществе особое уважение своей благотворительностью и стремлением к общей пользе». Кроме того, «для вспомоществования в действиях Комитета и исполнения его поручений» привлекалось 17 агентов из купеческого сословия, по одному агенту от каждой части города. Все лица, работавшие в Комитете, не получали никакого жалования по этой должности, но считались состоявшими на действительной службе. Заседания собирались 2 раза в неделю или чаще, если президент усматривал в том надобность. Работный дом передавался в ведение Московского комитета с сохранением устава в неприкосновенности. Комитет находился под начальством и управлением президента Попечительного общества о тюрьмах, т.е. министра внутренних дел.

Комитету предстояло в первую очередь выяснить число нищих в Москве, поскольку имелось лишь смутное представление, что оно «должно быть велико, и вероятно, значительнее, нежели где-либо в России». Местоположение Москвы в самой густонаселенной, но не самой плодородной области страны и притом, однако, обыкновенная здесь дешевизна продовольствия, большое количество человеколюбивых учреждений, старинная набожная благотворительность жителей, открытая свобода приписываться к столичному гражданству весьма способствовали появлению немало числа нищих и безработных. Комитет обязан был отличить в бескрайнем море люмпенов «истинное бедствие от одной его личины, скрывающей нередко развратное тунеядство», вникая в действительное положение людей, прибегающих

к прошению подаяния; находить средства к надежному обеспечению участи людей, впавших в неблагоприятные обстоятельства, и деятельными распоряжениями стараться обращать от праздности и лени к труду честному и полезному; наблюдать за состоянием Работного дома; в особенности изыскивать способы, чтобы доставить малолетним детям такое воспитание, которое утвердит их в правилах доброй нравственности и отвратит от соблазнов бродяжничества. В уставе Работного дома проводилась идея индивидуализации нищих, которая была закреплена и развита в законе 1838 г. Он предусматривал разностороннее обследование причин их бедности, праздности и попрошайничества.

Задачи, которые поставил перед собой Комитет, были трудны и сопряжены с огромным напряжением физических и нравственных усилий со стороны его членов. Прежде всего было необходимо выявить «коренные причины нищенства и войти в соображение способов к пресечению самих источников сего зла». Московский комитет поэтому, как, впрочем, и петербургский, не смог закончить свою деятельность к 1840 г., как намечалось, а превратился, в соответствии со старым российским принципом, из временного в постоянный...

Первоочередными мероприятиями Комитета были разбор поступивших к нему нищих и оказание им необходимой помощи. Из нищих выделялись прежде всего те, кто не имел паспортов и видов на жительство, то есть, как правило, беглые крестьяне. Эти нищие отсылались в распоряжение Губернского присутствия. Оставшиеся нищие делились на 4 категории:

Формулярный список А.Д. Чертова. ЦИАМ

1) лица, кои по старости, дряхлости и болезни не могли отыскивать себе пропитание, — их отсылали в богадельни, в богоугодные заведения; 2) трудоспособные, ввавшие в нищенство по сиротству, временной болезни и не имеющие возможности найти работу, — Комитет старался приискать им занятие или место на частных или казенных фабриках и заводах; 3) нищие-профессионалы, их помещали в Работный дом для исправления работой; 4) нищие случайные. Комитет оказывал помощь для отправки их на родину, для выправки паспорта. При Работном доме было учреждено особое сборное отделение для нищих, в котором они временно находились до распределения Комитетом по категориям²⁵.

Закон рекомендовал принимать по отношению к нищим все меры помощи. И только исчерпав их и убедившись в их недостаточности, Комитет мог принимать репрессивные меры в виде заключения в Работный дом или удаления из Москвы. В случае если средств, предоставленных в распоряжение Комитета и Работ-

ного дома, для призрения нищих оказывалось недостаточно, Комитет мог просить военного генерал-губернатора о высылке тех из них, кто был приписан к другим городам и государственным селам. Имена вновь прибывших нищих сверяли с ранее уже бывшими в Комитете, и если такие нищие находились, то они подвергались обследованию: не по своей ли вине или привычке обратились опять к сему занятию²⁶.

Президентом Комитета для просящих милостыню был назначен 17 ноября 1838 г. сенатор С.Д. Нечаев²⁷ (1792—1860), обер-прокурор Святейшего Синода, действительный тайный советник, писатель, действительный член Общества истории и древностей российских. Он так понимал задачи этого Комитета: «Спасти от привычки и соблазнов бродяжничества неопытную юность и придумать средства к ослаблению беспрестанного притока просящих подавание в сей столице — вот предначертанный нам подвиг». Но к деятельной работе Комитет приступил только во второй половине

1839 г.: долговременное отсутствие Д.В. Голицына лишало Нечаева «главнейшего споспешествования в сем деле». «Незаманчивое поприще» мало привлекало москвичей стать членами Комитета. Чертков же, возвратившись из Европы, не преминул войти в его состав.

А между тем количество нищих в Москве резко умножилось вследствие неурожая в соседних губерниях. В 1840 г. через Работный дом прошло задержанных полицией нищих 5888 человек, из них добровольно пришедших, не имевших пристанища, — 80 человек, а всего вместе с 433 призреваемыми, которые оставались в конце 1839 г., было 6321²⁸. К началу 1841 г. осталось 90 человек. Нищих из других губерний — 2000 человек, из них 500 из Тульской губернии, наиболее пострадавшей от неурожая. Большую часть иногородних нищих отправили на их родину, оказав пособие одеждой, обувью, «кормовыми деньгами», нередко давались и подводы. Кто не хотел ехать домой, оставались в Работном доме от 3 до 4 месяцев, где приучались к труду и отпускались затем прилично одетыми, с некоторым запасом денег. Детей, очутившихся в стенах Работного дома, учили чтению и письму²⁹.

Интересен социальный состав нищенствующих в Москве: отставных солдат — 359, солдаток — 1284, московских мещан — 428, мещанок — 644, крестьян государственных — 420, крестьянок — 435, крепостных крестьян: мужчин — 780, женщин — 741. В 1841 г. через Работный дом прошло 9703 человека, к 1 января 1842 г. в нем осталось 831 человек. На материале 1841 г. члены Комитета проанализировали состав нищенствующих в Москве. Менее всего нищих встречалось среди дворовых людей, которые

проживали в дворянских усадьбах и знали какое-либо ремесло, и среди цеховых. «Наиболее предаются сему образу жизни отставные чиновники с семействами, вольноотпущенные, солдатки и отставные солдаты, как не принадлежащие ни к какому ведомству и не пользующиеся ничьим попечительным надзором». К 1840 г. среди нищих возросло число мещан, в связи с тем что градское общество отказалось от призрения тех лиц, которые без его согласия по распоряжению Московской казенной палаты были приписаны к городу. Члены Комитета справедливо делали вывод о том, что количество нищих из мещан будет возрастать, ибо одних женщин, отпускаемых на волю, записывалось таким образом в московское мещанство ежегодно от 700 до 1000, и уже в 1840 г. их стало более 18 тыс. Наибольшее число нищих встречалось среди пожилых людей: женщин от 40 до 60 лет и мужчин от 60 до 70 лет. Среди задержанных был очень низкий процент грамотных — только 445 человек, среди них всего 61 женщина, т.е. доля грамотных среди мужчин, прошедших через Комитет, составляла 1:5, среди женщин — 1:58. Низкий процент грамотных среди женщин и соответственно меньшая востребованность на рынке труда, по мнению членов Комитета, немало способствовали тому, что нищенствующих среди женщин замечалось гораздо больше, чем среди мужчин³⁰.

Наблюдая среди нищих значительное количество больных людей, Комитет устроил несколько больниц: при Работном доме на 100 кроватей, в старом здании Екатерининской больницы также на 100 кроватей. За 1840 г. в этих больницах лечилось 1008 человек, из которых 108 человек умерло. Кроме того, людей, страдающих глазами

заболеваниями или требующих операционного вмешательства, Комитет на свой счет помешал в другие больницы города (до 323 человек). Распространение в 1841 г. между простым народом «повальных лихорадочной и горячечной болезней» заставило Комитет обустроить еще «особенную больницу на 200 кроватей для неимущих людей, которые являлись в полицию, будучи больными или подбираемые на улицах», на что употребили 10 тыс. руб. серебром из городских доходов. Быстро найти удобное и теплое помещение для больницы было трудно, и члены Комитета приняли оптимальное решение: лучшие комнаты в Работном доме освободили для больничных кроватей, а нищих мужского пола перевели в нанятый соседний дом «гораздо простее». Прислуга и сами сиделки определялись из призреваемых, а в помощь врачу Работного дома Горвицу были приглашены сторонние медики, которые до окончания эпидемии без всякой платы лечили больных. В лечебнице с февраля по июнь 1841 г. пользовались медицинской помощью 1181 человек, из которых 228 человек умерло. Высокая смертность проистекала оттого, что многие были доставлены в Работный дом на последних стадиях болезни и врачи были уже бессильны спасти их.

Многим бедным людям была оказана помощь на дому и бесплатно выданы лекарства, так как мест в лечебницах не было. Эпидемии в течение этих двух лет убедили членов Комитета в необходимости по образцу Петербургского медико-филантропического общества учредить в Москве общество врачей и аптекарей для такого рода помощи. Кроме того, для лучшего санитарного обеспечения обитателей Работного дома были вырыты дополнительные

колодцы, построены более удобная прачечная с сушильной, а также русские бани в достаточном количестве.

1839-й и особенно 1840 год были такими неурожайными, каких давно не помнили в России. В Москве цены на хлеб подскочили «до чрезвычайности» — 40 руб. ассигнациями за четверть. (К слову сказать, в Москве в 1840 г. куль ржаной муки стоил 14 руб. 40 коп. серебром; в 1841 г. — 10 руб. 53 коп., в Тобольске, для сравнения, где был самый дешевый хлеб в 1841 г., — 1 руб. 70 коп.) Государь Николай I быстрыми и действенными мерами пресек возможность голода в стране, а также распорядился отпустить значительные денежные средства на покупку хлеба, который раздавали или продавали беднейшим слоям населения по низким ценам. Только для Москвы, например в 1840 г., был выделен 1 млн руб. ассигнациями, еще 1,5 млн руб. собрали московские купцы³¹. «Гибельные неурожай» 1839 и 1840 гг. подали мысль Комитету по примеру великого князя киевского Владимира³² организовать питание для неимущих людей. Отставным солдатам, не имевшим мест в богадельнях, и семейным людям раздавались специальные билеты на питание. Это ответственное дело поручили особому комитету под председательством С.Д. Нечаева, приступившему к работе в праздник Преображения, 6/19 августа 1839 г., в который отмечалось и рождение дочери Николая I, великой княгини Марии Николаевны. Такой способ вспомоществования многих уберег от нищенства, с одной стороны, а с другой — уменьшил «общее, особенно сохранившееся в купечестве, обыкновение раздавать без различий всякому просящему денежную милостыню — обыкновение, соб-

лазняющее многих к употреблению сего пособия во зло от легкомыслия и дурных навыков».

С октября 1839 г. было открыто четыре обеденных стола; с начала 1840 г. члены Комитета, наблюдая увеличение повальных болезней у простого народа, справедливо связывали это с недостаточным питанием, поэтому постановили увеличить количество ежедневных порций до 1 тыс., прибавив еще три обеденных стола. Всего действовало семь таких столов: в Лефортове, близ Смоленского рынка, у Сухаревой башни, за Яузой, близ Серпуховских ворот, в Сущевской части, за Москвой-рекой. Известие о помолвке наследника-цесаревича «послужило ко внушению единодушного желания не лишать такого пособия до нового урожая». С августа месяца количество столов сократилось до пяти, но из-за дороговизны хлеба они вновь были продлены, до лета 1841 г. За 1840 г. была роздана 499 761 порция, из которых 61 588 получили отставные воины. Всего Комитет израсходовал за год более 28 тыс. руб. серебром, или до 100 тыс. руб. ассигнациями. Каждая порция обходилась около 6 коп. серебром. В советской же историографии Комитету приписали взимание с нищих за каждую порцию по 6 коп. серебром, что просто извращало смысл всех его действий³³.

В 1841 г. члены Комитета постановили к 1 мая, к началу полевых работ, закрыть столы, но прибытие в Москву императора с сыном Александром и его супругой Марией Гессен-Дармштадтской, нареченной в России Марией Александровной, побудило их продолжить благотворительные столы еще на месяц, чтобы общее воодушевление не было омрачено неудовольствием людей из-за прекращения действия

«благодатных для них заведений». Почетный гражданин Москвы купец Страхов также обязался целый месяц кормить нуждающихся: раздавать по 100 порций в день и особо по 50 порций отставным воинам, не имевшим мест в богадельнях³⁴.

Следует отметить, что организация благотворительных столов в Москве, чистота, порядок в помещениях, добротность и обильность блюд сильно поражали москвичей, многие из которых до этого были настроены весьма скептически. Известное предубеждение, например, поэта Ф.Н. Глинки при ближайшем ознакомлении с несколькими такими столами сменилось неподдельным восхищением деяниями москвичей. Из рассказа Глинки «Обед, какого не бывало» современный читатель понимает, что эти обеды устраивали не для «показухи», характерной приметы поведения российского чиновничества во все времена, а для оказания настоящей помощи из искреннего чувства глубокого сострадания и беспредельного уважения к несчастным людям.

Столы были застелены белыми скатертями, оловянная посуда была зеркально чистая. Кушаний раздавалось вдоволь. Вот обычное, что особо подчеркивал Глинка, меню обедов: «очень вкусные щи» из белой капусты с говядиной или рыбой в постный день, хорошая гречневая каша с постным маслом, по кружке квасу, иногда по куску калача и по фунту прекрасного хлеба на человека. Вероятно, Глинка специально отведать некоторые блюда, чтобы самому убедиться в качестве пищи, которая, по его заключению, была простая, но здоровая и сытная. Его также удивила тишина в помещениях, в которых за 2–3 часа насыщались до 350 человек. На глазах посетителей

(вроде Глинки или членов Комитета) со страждущими происходили разительные перемены. «...Они вошли чиннехонько, уселись и сидели смирнехонько. Что это за женщины, полоумные, что ли? Они смотрят тупо, могильно. Через час они ожили. Они поели. Они были голодны... Голодные сердиты. Европа боится голодных... Но у нас в России приводит к этому [накрытию столов] совсем другое чувство... Это чувство — милосердие (коренное, заветное чувство, не подчиненное мелочным расчетам, почти инстинктивное, но благородное, святое!)»³⁵ — вот что еще раз почувствовал здесь и пожелал донести до широкой публики Глинка. Его поэтическая натура воспела эти столы в стихотворении «Москва благотворительная»³⁶. Вероятно, что и замечательное и хорошо нам известное стихотворение «Москва» («Город чудный, город древний»), опубликованное в первом номере «Москвитянина» за 1841 г., явилось плодом тех же впечатлений и вдохновений. Благодаря именно сочинениям Глинки и в других городах России прознали о великодушии москвичей. Вот отклик сотрудников журнала «Отечественные записки» в Петербурге: «Щедрые как никто, когда надобно накормить алчущего, напоить жаждущего, одеть нагого, мы, русские, крепко *молчим* о наших подвигах благотворительности... Боже мой! Что бы заговорили французы, если бы в Париже появилось такое хлебосольство и радушие, какими достойно славилась и теперь славится Москва белокаменная! Верьте, что на стогнах и торжищах, словесно и письменно разблаговестили б они о благотворительности *великой* своей нации»³⁷.

По примеру Москвы начали заводить подобные столы в некоторых

других городах, где ситуация с продовольствием не была столь напряженной, но Министерство внутренних дел поспешило запретить их, справедливо рассматривая организацию общественных столов как крайнюю меру, допустимую только в случае сильного голода, «иначе такие столы ведут к тунеядству и усилению вредного нищенства»³⁸.

Беспремерная отзывчивость многих московских купцов, тем не менее, не спасала Комитет от нехватки средств для широкой благотворительности в трудные для многих бедняков годы. Комитет стал организовывать ежегодные концерты в пользу нищих, которые отличались небывалым стечением публики. Для концерта 1841 г. избрали обширный зал Купеческого собрания, дабы подчеркнуть признательность московскому купеческому сословию «за многочисленные и многообразнейшие пожертвования». Концерт, в котором исполнялись произведения Бетховена, Моцарта и др., открывался стихотворением Ф.Н. Глинки «Москва благотворительная», музыку к которому сочинил А.А. Алябьев еще в 1840 г. Соло «в этой пиесе, составленной с оркестром и хором, пожелал петь» замечательный певец Московского театра Лавров, но концерт тогда не состоялся, а певец вскоре умер. И вот год спустя артисты Бантышев, Бобовский, Титов, Дюбюк, Савицкая и капельмейстер Иоганнис, воодушевшись, предложили Комитету безвозмездно свои услуги для организации концерта. Алябьев на стихи С.И. Стромиллова написал «Песнь на смерть Лаврова», которая была исполнена вторым номером. Два сочинения, посвященные непосредственно московским событиям, были необыкновенно горячо восприняты

публикой, которая потребовала повторить их несколько раз³⁹.

В те годы Комитет снабжал топливом около 1 тыс. человек, прежде всего те семьи, где были малолетние дети. Некоторых молодых людей определили на военную службу, других — в учебные заведения. В 1840 г. 31 невеста получила в приданое по 200 руб. асс., причем члены Комитета удостоверялись в добропорядочности жениха. Заботились и о воспитании бедного люда, для чего печатались небольшие брошюры нравственного содержания⁴⁰.

По доброй воле приходящих искать себе работы и пристанища под ведением Комитета в 1842 г. было немного — 39 человек, что достаточно объективно объясняли члены Комитета: однообразная пища в Работном доме, постоянное занятие трудом, запрещение бродяжничать и употреблять хмельные напитки имели мало привлекательного там, где нетрудно достать прошением милостыни не только необходимое, но часто и избыточное. В Работном доме старались приучать бывших нищих к порядочной жизни, постоянно занимая их посильной работой, в первую очередь на нужды самого заведения: по кухне, прачечной, уборкой двора, а также шитьем одежды, обуви, размоткой бумаги, прядением льна, щипанием шерсти. Знавшие ремесла работали по сторонним заказам. Для чиновников и канцелярских служащих была организована переплетная мастерская, кроме того, они занимались чтением духовных книг для прочих призреваемых и обучали грамоте детей. Их также подряжали переписывать казенные бумаги, студенческие лекции, т.е. Комитет старался раздобыть для своих подведомственных «вообще всякую заказную сподручную работу». В летнее

время возделывали огород на земле, отведенной без платы агентом Комитета фабрикантом Константиновым. С огорода получили овощей на сумму до 300 руб., хотя, как признавались члены Комитета, было довольно трудно удержать всех работающих на земле «без поползновения к побегу»⁴¹. И хотя в те годы наблюдалось значительное падение производства, рост безработицы и, как следствие, сокращение количества заказов, тем не менее от трудов призреваемых в Работном доме в 1840 г. было выручено до 2500 руб. серебром. Несмотря на значительное количество нищих в Работном доме (временами до 900 и до 1000 человек), никаких беспорядков ими не учинялось и не наблюдалось никаких признаков неповиновения. Исправительное отделение почти всегда пустовало.

И так, за 2 года и 5 месяцев Комитетом было разобрано более 16 500 поступивших в Работный дом нищих, и на каждого составлялось большое количество документов. Число только исходящих бумаг доходило до 20 тыс. Подробные ведомости о разделении нищих по губерниям, по возрасту, полу, званию, о распределении их по ведомствам, богадельням, больницам, а также ведомости о денежных поступлениях, о расходах и приходах и т.п. прилагались к каждому отчету Комитета. Призрение нищих в 1839—1842 гг. обходилось Комитету ежегодно в 160 тыс. руб. асс. Благодаря щедрым пожертвованиям членов и агентов Комитета (в основном купцам), неизвестным благотворителям Комитет мог существенно расширить сферу своих действий. Кроме денежных средств в Работный дом поступали приношения в виде церковных принадлежностей, тканей, съестных припасов.

Комитет всегда руководствовался правилом: соединять необходимую строгость против испорченности нравов с должным вниманием к людским слабостям и бедствиям. В течение этих лет, несмотря на неурожай, безработицу и высокие цены на продовольствие, нищенство в Москве не доходило до «действительного отягощения для жителей», а пропитание бедных людей бесплатными обедами сумело предохранить их «от горестной необходимости прибегать к мирскому подаянию». Сношения Комитета с разными ведомствами, обществами и помещиками, к которым отсылались обратившиеся к нищенству люди, позволяли надеяться, что на местах к бедствующим людям будут относиться более внимательно и предусмотрительно. Обнадеживающим следствием усиленных действий Комитета явилось то, что в те годы в Москве стало «не видно нищих. Они встречаются только при церквях во время богослужения»⁴².

Деятельность А.Д. Черткова в Комитете не осталась незамеченной монархом: «Черткову, члену Попечительного совета заведений общественного призрения в Москве, в воздаяние 15-летней беспорочной службы вашей Всемиловнейше пожаловали Мы вам в 22 августа 1841 г. Знак отличия беспорочной службы для ношения на Владимирской ленте»⁴³.

К «Знаку отличия беспорочной службы» за 15, 20, 25, 30, 40, 50 лет, который был установлен Николаем I в день своего коронавания, 22 августа 1827 г., могли представлять только министр и главнокомандующий. «Знак носился ниже орденов и медалей, на мундирном фраке — на левом отвороте между второй и третьей петлей.

Как и ордена, этот знак дозволялось изображать на своем гербе и печатях». С мая 1859 г. этот знак стал даваться только за выслугу не менее 40 лет⁴⁴.

Газета «Московский городской листок» опубликовала извлечения из отчета Московского комитета для разбора и призрения просящих милостыни за 1846 г. В течение этого года полиция доставила в ведение Комитета до 2876 человек. Между ними больных было немного, около ста, но дряхлых и увечных — не менее 1/5 всего количества. Среди больных женщин было в 2 раза больше, чем мужчин. Члены Комитета, вникая в историю каждого человека, стремились выделить причины нищенства. Вывод их был неутешительный: у большинства этот образ жизни был следствием развратной, праздной жизни и пристрастия к хмельным напиткам, а также отсутствия родных и знакомых в Москве, ужасающей безграмотности (из 1425 человек мужского пола знали грамоту только 328, а у женщин только 29 из 1799 человек). Поддерживали нищенство также неурожай, дороговизна продовольствия. Коренных жителей Москвы и Московской губернии среди нищих было 1 на 700, число изумительно малое по сравнению с тем, что было известно о других странах и столицах в Европе, особенно в неурожайные годы. Первое место в России в этом отношении занимала Тверская губерния, затем Смоленская, Могилевская, Тульская, Калужская. Из Рязанской, Владимирской и Витебской губерний пришло менее всего нищих. Было отмечено значительное число (17) чиновников и канцелярских служителей. Но появились и первые успехи: из 3227 человек, поступивших в Комитет, оказалось

задержанных по несколько раз со времени учреждения Комитета, т.е. за 7 лет его существования, не более 500 человек и почти столько же задержанных во второй раз. Прочие более 2000 человек замечены были в нищенстве в первый раз⁴⁵.

В 1846 г. Комитету было разрешено установить кружки для приношений на содержание нищих и убогих в заведениях Приказа общественного призрения, что свидетельствует о явном уменьшении щедрых денежных вливаний со стороны благотворителей — купцов. И тем не менее Комитет проявлял редкую энергию для привлечения пожертвований, о коих непременно сообщалось в прессе. В 1847 г. Работный дом получил по духовному завещанию Лопухина целое имение Тихвинское Бронницкого уезда Московской губернии в 347 десятин⁴⁶. В 1852 г. купец Соколов пожертвовал 2 тыс. руб. на выкуп должников из тюрьмы, 2 тыс. руб. — на приданое бедным невестам и 2 тыс. руб. на богадельню⁴⁷.

В то же время в Петербурге нищенство продолжало все более и более распространяться, и 4 августа 1852 г. был издан сенатский указ об уменьшении нищенства в столице, который предписывал неуклонно преследовать нищенство в городах, посадах, селениях, по ярмаркам, на больших и торговых дорогах. Было строжайше запрещено выдавать паспорта престарелым и увечным крестьянам, женам и вдовам, не имевшим взрослых сыновей, малолетним крестьянским детям, солдатским и рекрутским женам, которые по слабости здоровья или увечью не могли работать. Губернские попечительные комитеты о тюрьмах и их уездные отделения должны были руководствоваться при разборе нищих правилами, которые были утвержде-

ны в 1837 г. для Петербургского комитета о разборе нищих⁴⁸.

В Москве же открытое нищенство как будто несколько ослабевало: в 1851 г. поступило в Комитет 2227 человек, на 450 человек меньше, чем в 1850 г., и втрое менее против прежних лет⁴⁹. Из них большая часть состояла из пришедших в столицу уроженцев Волоколамского и Верейского уездов, затем шли выходцы из 34 губерний, Бессарабской области и Царства Польского. Были нищие из Петербургской, Лифляндской, Архангельской, Ставропольской и Астраханской губерний, привлеченные молвой о богатстве и нищелюбии московских обывателей.

И так, благодаря энергичной заботе членов Комитета Работный дом предоставлял кров, пропитание, одежду, медицинскую помощь, посильную работу, доброе слово и нравственное наставление своим обитателям, всеми своими действиями «возвышал положение бедных».

Но достигнутые за годы результаты оказались непрочными. К началу 60-х гг. положение в Работном доме изменилось: в дни реформ, потрясших до основания Россию, число коек в больнице заметно уменьшилось, захворавших стали отправлять в тюремную больницу, плата за работу была отменена и стали бежать от работы там, где прежде «каждый искал, просил занятий, и подавай только дело, а рук на любое мастерство с избытком!». Резко ухудшились качество пищи, санитарное состояние помещений Работного дома и его призреваемых. Теперь им строго воспрещалось без дела проникать в большой старинный сад с куртинами, где по расчищенным дорожкам прогуливалось исключительно начальство с детьми и гостями⁵⁰. Именно с

этих пор у Работного дома появилась на редкость стойкая худая слава. В Комитет пришли иные люди, которые в новых экономических условиях не смогли удержать деятельность Работного дома на прежней высоте, правда, и количество нищих в Москве возросло неизмеримо.

Опытность А.Д. Черткова, приобретенная в Комитете для просящих милостыню, а также его отзывчивость к делам благотворительности и готовность работать позволили рекомендовать его в 1841 г. и в Попечительный о тюрьмах комитет. Его заседания проходили в доме генерал-губернатора Голицына, который часто засиживался допоздна, решая непростые его дела. В поле деятельности этого комитета входили Губернский тюремный замок, Внутренняя городская тюрьма для содержащихся за долги, Замок для пересыльных, арестантская при частных домах больница на Воробьевых горах, Смирительный и Рабочий дома. Председатель Попечительного о тюрьмах общества генерал-адъютант А.Х. Бенкендорф отношением от 3 ноября 1841 г. уведомил Голицына, а тот в свою очередь Черткова, что «государь император по всеподданнейшему докладу 23 октября утвердить Вас соизволил в звании члена московского попечительного о тюрьмах комитета... Приглашаю принять участие в заседаниях здешнего комитета, при чем препровождаю лист на сбор денежных пожертвований и билет на вход в места тюремного заключения»⁵¹.

Задачи Тюремного комитета были почти сходные: забота о помещениях для арестантов, о снабжении их продовольствием, одеждой, бельем и обувью, призрение больных, нравственное исправление преступников, организация их труда (шитье одеж-

ды, белья и обуви, картонные и переплетные работы). Комитет оказывал помощь освобождавшимся из-под стражи, а также семьям заключенных или сосланных на каторгу. Малолетних обучали грамоте, и ни один арестант не оставлял Москву, не побеседовав со священником. Наш неполный рассказ о деятельности А.Д. Черткова как начальника Работного дома и члена Комитета для разбора и призрения просящих милостыню в Москве, а также члена Попечительного о тюрьмах комитета, затем его директора хочется завершить особым уведомлением на его имя, в котором приведена выдержка из письма Александра II министру внутренних дел С.С. Ланскому от 9 августа 1856 г.: «Сергей Степанович! Усматривая из представленного мне Вами отчета о действиях в минувшем 1855 г. Общества попечительного о тюрьмах и состоявшего при нем Комитета для разбора нищих, что труды сих благотворных учреждений сопровождаются желанным успехом, поручаю Вам объявить особенное мое благоволение вице-президентам, председателю, директорам и директриссам Общества и членам Комитета»⁵².

Читателю может показаться нудным данный раздел о Работном доме с его бесконечными цифрами и невеселыми подробностями. Однако именно он раскрывает реальную степень гуманности всего русского общества предреформенной России, на которую мы со школьных лет привыкли взирать с осуждением за ее якобы реакционность, убогость, отсталость. Эталоном прогресса в историческом бытии нам всегда представляли ведущие страны Западной Европы, в первую очередь Англию. Да и наш герой Александр Дмитриевич Чертков смотрел на нее

как на пример, достойный подражания буквально во всем — в конституционном строе, промышленном развитии, в просвещении. 30–40-е годы XIX в. для Англии, как и для России, были «голодными», да только решали данные страны проблему бедствия своего населения по-разному.

В 1601 г., как известно, английская королева Елизавета I облекла благотворительность английского общества в закон, согласно которому приход, низовая единица администрации, за счет местных налогов обязан был содержать постоянно проживавших в нем бедняков, если они лишались источников существования. В 1834 г. этот стародавний закон был преобразован английской промышленной буржуазией, впервые дорвавшейся до власти (причем благодаря реформе избирательной системы, проведенной с помощью английского народа в 1832 г.), в Закон о бедных. Выдача привычного пособия согласно новому постановлению полностью прекращалась, а учреждались работные дома. Жутью веяло от этих английских работных домов, «заботливо» продуманных наиболее состоятельными гражданами «прогрессивной» Англии. Сюда принудительно помещали всех, кто по старой памяти обращался за общественной помощью, — безработных, стариков, сирот и даже нетрудоспособных. Здесь был установлен суровый режим, напоминавший более тюрьму, семьи безжалостно разделяли: жены разлучались с мужьями, отцы и матери — с детьми. Всех, и сырых и убогих, заставляли заниматься тяжелой, оупляющей работой (дробление камней, развеивание канатов на пеньку), которую не оплачивали. За изнурительный труд работный дом предоставлял только постель и скудную

еду; это было существование на грани голода. Сущность закона 1834 г. в том и состояла, чтобы бедняк предпочел любые условия труда получению «общественной помощи», поскольку жизнь в работном доме была просто невыносимой. В ряде местностей эти дома брали штурмом и сжигали, правительство применяло военную силу. Многие критиковали этот страшный закон. Банкир М. Аттвуд сравнил его со злодеяниями времен норманнского завоевания. Будущий премьер-министр Англии Б. Дизраэли назвал его «посягательством на гражданские права» и надругательством над социальными обязанностями государства⁵³. А писатель Ч. Диккенс описал тюремную атмосферу детского приюта в романе «Оливер Твист». Но закон оставался в силе.

Итак, «отсталая крепостническая Россия» вместе с ее «царем-ретроградом» предпочла, однако, глубоко гуманные и человеколюбивые меры в преодолении нищеты и нищенства. Работный дом в Москве воплощал в себе умное и гибкое сочетание помощи государства и благотворительности его состоятельных подданных — дворян и купцов-фабрикантов. Работный дом той поры являлся наглядным проявлением подлинной социальной ответственности государства и богатых его граждан. При этом благотворительность была облечена в формы, отнюдь не унижающие человеческое достоинство попавших в нужду соотечественников.

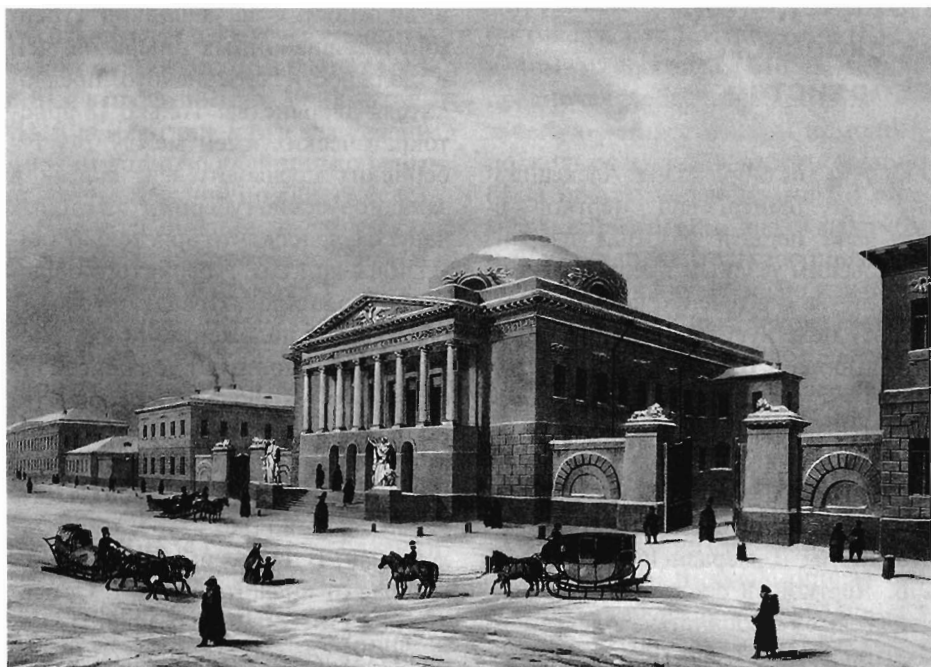
Предводитель московского дворянства

22 октября 1835 г. Александр Дмитриевич Чертков в первый раз был избран московским уездным предводителем дворянства и в течение почти 20 лет нес эту нелегкую ношу по дворянским выборам. В 1838 г. и 1841 г. он вновь избирался на 3-летний срок предводителем дворянства Московского уезда Московской губернии; с 1844 по 1855 г. — являлся губернским предводителем московского дворянства. Для сравнения: его отец, Д.В. Чертков, 8 сроков служил воронежскому дворянству, Александр Дмитриевич — 7. О выборах 1853 г. оставил записи И.М. Снегирев: «14 января. Морозно. Я ездил на выборы в Благородное собрание, где выбрали мы в губернские предводители опять А.Д. Черткова, а в секретари И.П. Фаворского. 15 января. Выборы кончены. Граф А.А. Закревский приехал закрыть их. Из собрания все поехали в Чудов монастырь, где пресвященным Феофилом приведены были к присяге избранные предводители уездные. Назидательное слово говорил священник от Воскресенья в Барашах. Я ездил к предводителю дмитровскому Трегубову, у которого был А.Д. Чертков с сыном, граф М. Толстой, С.П. Фонвизин и пр.»⁵⁴.

Как мы помним, многотрудная, хотя и почетная должность губернского предводителя мало соблазняла состоятельных и знатных дворян, и уже в начале XIX в. ее старались избежать: рюриковичей и гедиминовичей, потомков бояр и окольничих, имена которых красуются в родословной книге 1682 г., едва ли не чаще можно было встретить

в должностях начальников губерний и дивизионных генералов, чем в должности губернского предводителя дворянства. Только 18 аристократических имен между 249 губернских предводителей, считая и западнорусские губернии, в которых чаще случалось, что аристократ становился во главе губернского общества дворянства⁵⁵. Правда, по своему особенному положению Москва являла иной пример. От должности губернского предводителя дворянства не отказывались именитые москвичи: генерал-майор князь А.И. Лобанов-Ростовский (1797—1800), князь П.М. Дашков (1802—1807), генерал-лейтенант В.Д. Арсеньев (1809—1817), генерал от инфантерии П.Х. Обольянинов (1817—1832), граф А.И. Гудович (1832—1841), тайный советник Н.А. Небольсин (1841—1844).

Александр I и Николай I стремились преломить уклонение дворянства от службы по выборам. Закон 1831 г. прямо называл участие дворян в своем корпоративном собрании их *обязанностью*, от которой они могли освобождаться только вследствие законных причин, например, по достижении 60-летнего возраста. Тогда же местная служба по выборам была уравнена в правах и наградах с общей государственной службой. Для губернского предводителя еще в 1818 г., «дабы поставить звание это на степень должного уважения», был установлен V класс должности, а по положению 1831 г. губернский предводитель был повышен в IV класс, т.е. уравнен с губернаторским. Теперь он утверждался в должности не губернатором, как уездные предводители, класс должности которых также был повышен в VI, а самим императором по представлению Министерства внутренних дел⁵⁶. Прежде должность

Здание Опекунского совета

предводителя была безвозмездна, и это обстоятельство также не способствовало притоку ее искателей. С 1831 г. не возбранялось назначать денежное пособие предводителю, но этого почти никогда не случалось. Лучше было выбрать богатого собрата, в гостеприимном доме которого всегда можно было найти и радушный прием, и вкусный обед, чем бедного, которого бы пришлось содержать на счет дворянства. Делать же предводителям какие-либо приношения в благодарность за служение запрещалось⁵⁷.

Вышедшие в 1832 и 1842 гг. первое и второе издания «Свода законов Российской империи» зафиксировали весьма широкий круг обязанностей губернского предводителя дворянства — от хозяйственных до инспекторских и полицейских: участие в составлении смет и раскладок земс-

ких повинностей, приеме поставок провианта для армии, аттестации местных дворян, поступавших на государственную службу (при этом учитывались их нравственный, образовательный уровень и их благонадежность), информирование властей о лицах, распространявших «зловредные слухи», и т.п. Он должен был вместе с дворянскими депутатами рассматривать доказательства на дворянство, осуществлять наблюдение за составлением родословной книги. Установление опекунства над несовершеннолетними сиротами, престарелыми и «явными расточителями» своих имуществ и надзор за точным исполнением его также были в ведении предводителя дворянства. Один перечень комитетов и комиссий, в которых он был занят, свидетельствует о причастности его в той или иной форме почти ко всем сферам местно-

го управления и хозяйства. Губернский предводитель как первое после губернатора лицо в губернии заседал в комитете по земским повинностям, в губернском рекрутском присутствии, в продовольственной, строительной, дорожной, посреднической по размежеванию земель комиссиях, в губернских комитетах — мануфактурном, общественного здоровья, тюремном, коннозаводском, в попечительстве о гимназиях и других менее важных и временных органах.

Компетенция предводителей продолжала расширяться, охватывая все больший круг вопросов местного управления. Зачастую поручения начали исходить от ряда ведомств и не фиксировались в изданиях «Свода законов». Это побудило МВД, в ведении которого находилась дворянская корпорация, заняться упорядочением предводительских функций. Циркуляром от 15 декабря 1847 г. министр предложил губернским предводителям сообщить об обязанностях, которые возложены на них помимо зарегистрированных в «Своде законов». Сводная ведомость предводительских обязанностей состояла из нескольких десятков пунктов. Особыми циркулярами, разосланными в январе 1850 и в мае 1852 г., МВД уведомило губернаторов, что по Высочайшему соизволению оно признало нецелесообразным загружать предводителей поручениями (всего перечислено 38), которые не предусмотрены законом или «неприличны их званию»⁵⁸. Но сложившуюся практику трудно было остановить. Так, по распоряжению гражданского губернатора Москвы князь Н.А. Шерbatов 9 февраля 1855 г. уведомил Черткова о реформе Губернского статистического комитета и предложил стать его членом, содействуя «комитету не только свои-

ми трудами и посредничеством, но и денежными пожертвованиями... Зная, сколько Ваше превосходительство всегда готовы споспешествовать видам правительства, имею честь покорнейше просить Вас принять посредничество в действиях статистического комитета». На что Чертков отвечал, что уже состоит в звании члена этого комитета по должности губернского предводителя дворянства. Формулярный список А.Д. Черткова наглядно свидетельствует об изрядной нагрузке, выполняемой им в течение многих лет в должности сначала уездного, а затем губернского предводителя московского дворянства.

Как официальный представитель правящего сословия в губернии он мог оказывать влияние на подбор чиновников, особенно на должности, замещавшиеся по выборам дворянства, и на направление их деятельности. Особое значение этой должности состояло и в том, что предводитель мог от имени дворянства губернии и от себя лично сноситься со всеми властями вплоть до императора. Циркуляром от 18 февраля 1832 г., составленным МВД по повелению Николая I, губернские предводители уведомлялись, что они должны, «наблюдая за ходом дел, нуждами и состоянием края, доводить до Высочайшего сведения всякую полезную мысль, всякое предложение о мерах для искоренения злоупотреблений или устранения неудобств». Непосредственный доступ к царю давали предводителям и «Высочайшие приемы», на которых они присутствовали или в силу присвоенных им придворных званий (многие из них имели довольно высокие чины придворного ведомства), или по особым приглашениям, как лица «высшего света». Например, в бумагах Черт-

29 Febr. 1849.

Уведомление
Помещикам Московского Губернского Предводителя
Дворянства

С. Николаевский Вяземский
и др.

1852.

Губернские Предводители
Дворянства

С. Николаевский Вяземский
и др.

Губернские Предводители
Дворянства

С. Николаевский Вяземский
и др.

Уведомление об избрании А.Д. Черткова
в губернские предводители московского
дворянства. ЦИАМ

кова лежит приглашение на его имя
к Высочайшему обеденному столу
5 апреля 1849 г. Губернские предво-
дители выступали и как некая кон-
тролирующая местную админист-
рацию инстанция, независимая от
губернских властей⁵⁹.

Наряду с законами предводители
руководствовались и секретными
предписаниями и циркулярами. Они
касались главным образом взаимо-
отношений помещиков и крестьян и
были направлены как на пресечение
крестьянского недовольства, так и
на ограничение явных злоупотребле-
ний помещиками своей властью,
которая была практически беспре-
дельной, единственное ограниче-
ние состояло в запрещении работ по
воскресениям и в праздничные дни.
В 1833 г. помещикам было дозволе-
но употреблять домашние средства

наказания и исправления по свое-
му усмотрению, лишь бы только не
было увечья и опасности для жиз-
ни. Помещикам предоставлялось
право отдавать своих крепостных в
рекруты и удалять навсегда из име-
ния с предоставлением их в распо-
ряжение губернского правления.
Они могли сами управлять своими
крестьянами, могли управлять ими
через управляющих или же отдать в
аренду. Не были точно определены
и обязанности помещика продо-
вольствовать крестьян в голодные
годы. Наказания, которым судебные
места подвергали помещика за жест-
окости против крестьян, были при
отсутствии соответствующего зако-
на нередко весьма снисходитель-
ны, особенно по сравнению с теми,
которым подвергались крестьяне
за неповиновение и сопротивление
помещичьей власти.

Николай I двумя рескриптами
на имя министра внутренних дел
в 1826 г. ставил дворянству в непре-
менную обязанность «христианское
и законное обращение с их крестья-
нами». Вместе с тем на предводители-
лей дворянства была возложена обя-
занность наблюдать за отношением
помещиков к крестьянам. Предво-
дители обязаны были «наведываться
без огласки» и «без всякого письмен-
ного производства об обращении по-
мещика с их крестьянами», а земские
исправники обязаны были сообщать
им обо всех случаях превышения
помещиками своих полномочий.
Предводитель должен был убедить
помещика изменить свое поведение,
а если его усилия не достигали цели,
то ему следовало сообщить об этом
факте губернским властям, в резуль-
тате чего имение помещика могло
быть взято в опеку⁶⁰.

Из Министерства внутренних
дел 30 сентября 1842 г. поступило

секретное уведомление, сохранившееся в архиве А.Д. Черткова, в котором Высочайшим повелением на губернских предводителей дворянства и жандармских штаб-офицеров возлагалось производство следствий об убийстве помещиков их крестьянами. Данное распоряжение не отменяло ведения следствия полицией, однако предводители дворянства и жандармы играли несколько иную роль: они должны были «разыскать, не были ли причиною покушения на жизнь помещика дурное управление или жестокое обращение его с крестьянами его». Результаты следствий поступали: полицейского — в суд для осуждения виновных в убийстве, а жандармского — в Министерство внутренних дел для принятия мер реагирования⁶¹.

В Центральном историческом архиве Москвы, в фонде канцелярии Московского губернского предводителя дворянства (Ф. 380) и фонде предводителя дворянства Московского уезда (Ф. 383), уцелели в вихре революций лишь некоторые материалы из множества архивных дел⁶². Среди них немало материалов о жестоким обращении помещиков с дворовыми людьми или о содержании дворовых людей в плохих условиях. Особо умело разрешенные трудные случаи были даже зафиксированы в послужном списке Черткова. В 1836 г. по поручению московского военного генерал-губернатора Александр Дмитриевич «произвел следствие о жестоком обращении штабс-ротмистра Подгаецкого и жены его с дворовыми людьми». Данное дело пришлось «взять на особый контроль», так как отец одной из крестьянских девушек, пострадавших от «барского гнева», каким-то образом смог подать свою жалобу наследнику престола цесаревичу Александру.

В ноябре 1837 г. Чертков на месте произвел дознание среди крестьян помещика Цветкова, но значительного притеснения и жестокого обращения со стороны последнего не открылось. Тем не менее жалобы крестьян в некоторых маловажных предметах, впрочем, Чертков не уточнял, в каких, оказались справедливыми. В полном согласии с 3-м пунктом Высочайшего рескрипта от сентября 1826 г. Чертков, сделав должное внушение Цветкову, обязал его подпиской о гуманном обращении с крепостными⁶³.

Сохранился черновик записки Черткова к императору от 2 ноября 1850 г., где говорилось о пяти заседаниях в Депутатском собрании по поводу жестокого обращения помещика Бурцова со своими крестьянами. Дворовые и крестьяне жаловались на своего помещика гражданскому губернатору (1847), военному генерал-губернатору (1849), обер-полицмейстеру (1850). В течение 4 лет Бурцов не выполнял указаний властей и данного им обещания продать имение. Крестьян своих он ссылал в Сибирь, отдавал в солдаты, отчего его имение пришло в упадок. Два предводителя производили секретное дознание. Чертков настаивал на наложении опеки на имение Бурцова и решительно заявлял, что промедление с окончательным приговором может лишь усилить беспорядки в имении: Бурцов и прежде был нрава буйного, находился под судом за неприличное для офицера поведение, был уволен без награждения чином и 28 лет находился под надзором полиции⁶⁴. В 1851 г. прошло дело по секретному отношению генерал-губернатора о нетрезвой жизни чиновников города Дмитрова.

Чертков разбирал и семейные неурядицы. Например, он улаживал многолетнюю ссору, возникшую

между неким Цветаевым и его женой и до того бывшую в рассмотрении Управы благочиния, и настолько преуспел на этом поприще, что они всё предали забвению и согласились впредь жить мирно и честно. 17 октября 1848 г. Александр Дмитриевич, занимаясь разрешением конфликта между супругами Каринскими, убедил обоих к миролюбивому окончанию ссоры: жена согласилась раздать трем дочерям равные части одного из двух имений, записанных на ее имя. Детям также предоставили возможность в присутствии обоих родителей и Черткова объявить, у кого из родителей они желают остаться⁶⁵. В 1845 г. Черткову было поручено секретным предписанием уладить скандал в семье титулярного советника князя А.А. Голицына, который требовал развода с неверной супругой (графиней Кутайсовой), но чтобы дети оставались с ним⁶⁶. Обязанности предводителя дворянства блюсти подведомое ему сословие простирались вплоть до еженедельного свидетельствования в Губернском правлении дворян, подозреваемых в расстройстве умственных способностей. В 1836 г., когда Чертков, будучи предводителем дворянства Московского уезда, замешал отсутствовавших губернского и рузского уездного предводителей, эта дополнительная нагрузка была особо учтена в его личном деле.

Столь же тяжелую эмоциональную нагрузку уездному предводителю приходилось выдерживать во время рекрутских наборов. И.С. Аксаков, впервые присутствовавший при отборе воинов в 1855 г., охарактеризовал его как «зрелище довольно отвратительное», которое «утомляло» его «нравственно донельзя». «Представьте себе, — делился он впечатлениями, — тесные, грязные

комнаты, набитые голыми людьми, ждущими своего приговора, присутствие, в которое ежеминутно входят эти голые люди, большей частью нечистые и нередко покрытые ранами... Дом присутствия и сам двор осажден толпами; из них многие для придания себе смелости совсем пьяны... Женщины воют, воют, голосят и причитывают...»⁶⁷.

В случае призыва бессрочноотпускных и находящихся в отпуске нижних чинов, как это было, например, в 1848 г., после Манифеста 14 марта, возвестившего о смутах во Франции, Германии и Австрии, по просьбе императора которой в 1849 г. наши войска двинулись «на погашение мятежа», губернский предводитель дворянства вместе с начальниками губернии должен был оказать действительную помощь оставшимся семействам призванных воинов до их возвращения. Дряхлых и увечных членов их семейств следовало принять на попечение Приказа общественного призрения. Московское дворянство отпускало безвозмездно семена на посев и по 30 фунтов хлеба в месяц на пропитание престарелым и малолетним, бесприютным же давало помещение и дрова на отопление.

Став губернским предводителем московского дворянства, Чертков повел его дела с присущей ему во всем основательностью и фундаментальностью, прежде всего в отношении прочного, на века, устроенного материальной базы. Мы уже видели, что долговечность Училища живописи и ваяния была во многом обеспечена покупкой собственного здания. Так было и со зданием для Работного дома, так было и со зданием для Депутатского собрания. Военный генерал-губернатор Голицын неоднократно возбуждал вопрос о «перемещении Депутат-

ского собрания из-за тесноты из присутственных мест». Кроме того, уникальный архив московского дворянства, не располагавший в течение 70 лет надлежащим помещением, подвергался частой порче, в том числе и от огня. Наконец было решено снять для Депутатского собрания особое здание, но старания прежнего губернского предводителя Н.А. Небольсина были тщетны из-за недостатка финансовых средств.

В январе 1844 г. московские дворяне в ходе своих уездных дворянских собраний выразили согласие на повышение крестьянских повинностей на 0,5 коп. с души для получения суммы в 1500 руб., чтобы арендовать подходящее здание. Но Министерство финансов не утвердило новую раскладку. Через некоторое время после вторичной дополнительной раскладки дело было улажено. Тем временем Черткову, избранному губернским предводителем, пришел в голову новый план — купить отдельный дом для Депутатского собрания, о чем он доложил собранию предводителей и депутатов 13 декабря 1844 г. Было получено разрешение на заем недостававшей суммы в Опекунском Совете с рассрочкой на 36 лет. Выбор Черткова пал на трехэтажный дом гвардии ротмистра А.Е. Мерлина не только из-за удачного расположения в центре Москвы на Тверской улице, умеренности цены — 40 тыс. руб. серебром, но в первую очередь из-за того, что его первый этаж, куда намеревались перевести архив, имел прочные каменные своды, надежную защиту от огня. Чертков, будучи сам серьезным историком, особо подчеркивал непреходящее достояние архива для будущих исторических изысканий, поскольку в нем находились документы почти всех дворянских родов Российской

империи — до 18 тыс. родословных дел, ничего подобного в других губерниях и не было. 15 декабря 1845 г. московское дворянство праздновало новоселье в новом доме⁶⁸.

В 40-е гг. XIX в. особое беспокойство вызывало состояние как Российского благородного собрания, так и его великолепного здания. Как известно, Российское благородное собрание, дворянское сословное учреждение, было открыто в Москве в 1783 г. по инициативе попечителя Опекунского совета М.Ф. Соймова и князя А.Б. Голицына исключительно как развлекательное заведение, куда «люди свободные съезжались наслаждаться приятностями общежития». Его членами могли быть потомственные дворяне (мужчины и женщины). Во главе Собрания стояли 12 выборных старшин, каждый год их состав обновлялся на одну треть. В 1784 г. Собрание приобрело дом бывшего московского генерал-губернатора князя В.М. Долгорукова-Крымского, перестроенный архитектором М.Ф. Казаковым и после 1812 г. чудно восстановленный его учеником А.Н. Бакаревым. В 1810 г. в члены Собрания вступил император Александр I и присвоил ему название «Российского». В те времена его балы затмевали своей роскошью и блеском даже петербургские. Во время Великого поста в залах Собрания прекращались публичные увеселения, разрешалось только проводить концерты и музыкальные вечера.

1812 год нанес Благородному собранию значительный урон, от прежней роскоши обстановки уцелело лишь столовое серебро, вывезенное заблаговременно из Москвы, да капитал в 60 тыс., сохраняемый в Опекунском совете, которого, впрочем, не хватило на ремонт пострадавшего от француз-

зов здания. Старейшины обратились к российскому дворянству с призывом жертвовать деньги на восстановление здания, с этой целью распространялись лотерейные билеты. Но собранная сумма оказалась весьма недостаточной. В числе жертвователей был и Д.В. Чертков, купивший годовой билет за 80 руб. и внесший дополнительно еще 300 руб.⁶⁹. Только щедрость императора Александра I позволила закончить отделку особняка.

Основным источником дохода Собрании были членские взносы и деньги, собираемые с посетителей и со зрителей на хорах. Книги для записи членов Российского Благородного собрания составлялись ежегодно, они велись отдельно для мужчин и для дам и девиц. Мужчины платили за членские годовые билеты по 50 руб., дамы — по 25 руб., а девицы — по 10 руб. Посетительские билеты стоили по 5 руб. (для сравнения: стоимость деревянного дома определялась во многих случаях в 100 руб.). Но этот источник постоянно сокращался, поскольку после 1812 г. уменьшилось количество проживавших в Москве дворян, да и на зиму могли себе позволить приехать уже не все желающие. Если в 1817 г. число членов Собрания превышало 1 тыс., то впоследствии оно уменьшилось до 300. В 1817 г., во время пребывания Императорского двора в Москве, было дано 6 грандиозных балов, на которые съезжалось до 1440 персон. В 1818 г. дивные балы продолжались, но уже в кредит. Кроме того, здание Российского Благородного собрания стало рассматриваться как принадлежность всего российского, а не только московского дворянства.

С 1844 г. началась эпоха заметно-го упадка Российского Благородного собрания, когда у него почти единс-

твенной статьей дохода были средства с отдаваемых внаймы подвальных лавочек. Само изумительное здание Собрания настоятельно требовало основательного ремонта. Московский генерал-губернатор князь Шербатов созвал старшин на совещание. Чертков прямо заявил, что в столь трудных обстоятельствах единственная возможность поправить положение Собрания — это решительно ходатайствовать о передаче здания в собственность только московского дворянства, которое найдет средства привести его вновь в цветущее состояние. Предложение Александра Дмитриевича было принято, но получило реальное движение только в 1848 г., когда письмом графа А.А. Закревского государь передал на рассмотрение в Комитет министров, а затем в 1849 г. повелеть соизволил: «Дом, занимаемый Российским Благородным собранием, считать собственностью дворянства Московской губернии. Во внимание к тому, что блаженной памяти императору Александру Павловичу в 1810 г. благоугодно было означенное собрание именовать “Российским благородным собранием”, именовать оному и впредь»⁷⁰.

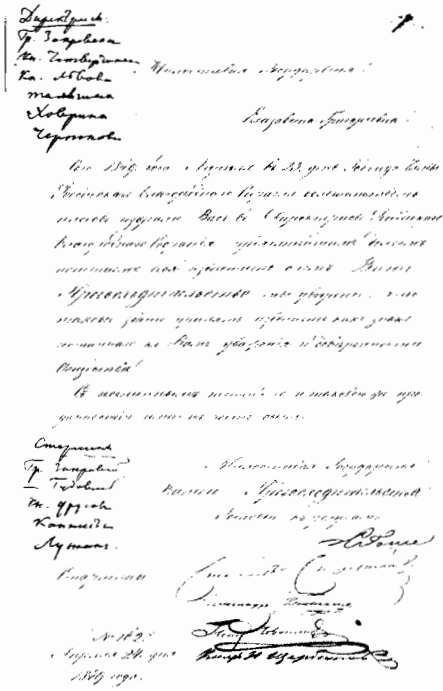
У Чертковых, меж тем, подрастали дочери, и Елизавете Григорьевне пришлось вывозить своих барышень на балы. 23 апреля 1849 г. она была избрана в директриссы Российского Благородного собрания, что было засвидетельствовано подписями директоров: графа Закревского, князя Четвертинского, князя Львова, Талызина, Ховрина, Черткова⁷¹. Директриссы осуществляли те же функции, что и старшины Благородного собрания, но только по отношению к его женской половине.

Однако, несмотря на все старания дворянской администрации

Москвы, былой славы балам было уже не вернуть. У москвичей остался в памяти только знаменитый маскарад 25 февраля 1849 г. в доме московского генерал-губернатора. Его душой была ослепительная красавица Аграфена Федоровна Закревская (1799–1879), которая учредила

нец, совсем были прекращены за отказом посещать их со стороны юных дебютанток из дворян. Только раз, 6 апреля 1860 г., как будто бы сделав последнее усилие, московское дворянство устроило с благотворительной целью вечер с живыми картинками в залах Благородного собрания. Гвоздем этого вечера была большая картина “Лесной царь” из поэмы Жуковского, где был изображен лес и скачущий всадник с ребенком. Всадника изображал тогдашний gros lot [крупный выигрыш] московского дворянского общества Г.А. Чертков»⁷².

Должность уездного, а особенно губернского предводителя дворянства требовала и широкой благотворительности с его стороны. Призывая московское дворянство подписываться на различные газеты, журналы и книги, жертвовать на сооружение памятников Г.Р. Державину, Н.М. Карамзину в Симбирске, Ивану Сусанину в Костроме, И.А. Крылову, князю Д.М. Пожарскому, на постройку храмов, в пользу жителей Кузнецка, Петропавловска и других мест, пострадавших от пожаров, погоревших крестьян Бронницкого уезда, в пользу сербского народа и церквей, пострадавших в 1848 и 1849 гг. от восстания мятежных венгров, Чертков первым, подавая пример, вносил деньги. Некоторые особенно весомые и значимые пожертвования отмечались государем. Так, в 1846 г. Чертков в числе прочих дворян — помещиков Московской губернии удостоился императорского благоволения, объявленного московскому дворянству, за проявленное им желание содержать 13 воспитанников из бедных дворян (по одному от каждого уезда) во Втором московском кадетском корпусе (55 тыс. руб. серебром). Хотя

Извещение об избрании Е.Г.Чертковой в директриссы Российского Благородного собрания. ЦИАМ

целый комитет для устройства бала: обер-полицмейстер И.Д. Лузин председательствовал, членами были Чертков, Загоскин, Вельтман. Бал был великолепный, костюмы разных эпох и народов — времен Людовика XIV, средних веков, греки, испанцы, молдаване, русские костюмы... С конца 50-х гг. XIX в. «балы в Дворянском собрании ежегодно падали и опускались, нако-

предложение об устройстве в Москве Второго кадетского корпуса, сделанное великим князем Михаилом Павловичем, было Высочайше утверждено в конце 1837 г., но только 6 декабря 1849 г. это учебное заведение было открыто. Его разместили в знаменитом Лефортовском дворце, переданном в Военное ведомство в 1835 г. В 1850 г. оказалось необходимым пожертвовать дополнительный капитал на содержание 13 воспитанников, увеличив сумму до 65 тыс. руб. И это благодеяние не осталось незамеченным государем, который вновь объявил свое благоволение московскому дворянству и лично А. Д. Черткову. В 1850 г., 21 марта, через начальника Штаба военно-учебных заведений Чертков получил благоволение наследника-цесаревича, на которого после смерти великого князя Михаила Павловича была возложена обязанность главного начальника всех военно-учебных заведений: «...Его Императорскому Высочеству весьма было приятно узнать о приглашении Вами кадет Второго московского кадетского корпуса на танцевальный детский завтрак, бывший 5 марта в Благородном собрании»⁷³.

С меценатством непосредственно связаны и обязанности А. Д. Черткова в должности почетного попечителя московских гимназий, специально учрежденной в 1828 г. с целью привлечь средства дворянства к делу народного образования. Для современного человека сочетание этих слов малопонятно, да и поле деятельности неизвестно. Чтобы прояснить обязанности почетного попечителя московских гимназий, следует обратиться к соответствующим параграфам Устава гимназий и училищ уездных и приходских, состоявших в ведомстве университетов:

Петербургского, Московского, Казанского, Харьковского, от 8 декабря 1828 г.⁷⁴. Почетный попечитель гимназий, избираемый дворянством, утверждался царем по представлению министра народного просвещения. Звание почетного попечителя гимназий могли носить только лица, занимавшие высокие должности по дворянским выборам: губернские и уездные предводители, совестные судьи, депутаты дворянства.

В Москве в середине XIX в. имелось четыре гимназии, причем в Третьей реальной гимназии преподавался технический курс наук. Обязанности по данной должности мы продемонстрируем на примере Первой московской гимназии. Почетный попечитель осуществлял вместе с директором гимназии общий надзор за ее деятельностью, но сам он не делал никаких распоряжений, только сообщая о своих замечаниях директору. Он приглашался в собрание Совета гимназии, где занимал первое место, однако не именовался председателем, а также в собрания Университетского совета для обсуждения вопросов, связанных с гимназиями. Два раза в год на особых собраниях, устраиваемых в гимназии, зачитывался отчет о ее управлении. На них присутствовали почетные попечители других учебных заведений и губернский предводитель дворянства, которые могли предъявлять свои замечания о состоянии гимназии ее директору и ее почетному попечителю.

Почетный попечитель и директор гимназии вместе составляли смету суммы, необходимой на содержание гимназического пансиона, для открытия и существования которого попечитель обязан был изыскать нужные средства. Ему поручался и главный

надзор над пансионом. Директор не мог без согласия почетного попечителя принять или уволить учителей или кого-либо из работавших в пансионе, а также исключить учащихся за проступки или неуспеваемость. Шнуровая книга прихода и расхода проверялась почетным попечителем вместе с директором в конце каждого месяца, на ревизию почетному попечителю предоставлялся и годовой отчет. Поставка одежды, съестных припасов, учебных пособий и прочих вещей на крупные суммы производилась подрядами с разрешения директора и почетного попечителя.

Составление сметы на значительные ремонтные работы зданий гимназии и пансиона осуществлялось университетским или губернским архитектором и директором с участием почетного попечителя. В 1852 г. было решено не просто произвести капитальный ремонт зданий Первой московской гимназии, имевших с 1819 г. лишь «легкие ремонтные исправления», но полностью их перестроить и возможно лучше приспособить для учебного заведения. С этой целью предложено было подвести под одну крышу спальни, классы, библиотеку, кабинеты, столовую, гардероб, больницу с аптекой; заменить пришедшую в негодность мебель и множество хозяйственных вещей новыми, пополнить кабинеты, приобрести целые коллекции и необходимые инструменты и построить в гимназии храм. При всей бережливости осуществление этого проекта потребовало до 79 тыс. руб., 12 тыс. из которых были пожертвованы частными лицами и пошли преимущественно на сооружение храма и постройку чугунной лестницы⁷⁵. Известно, что только на одну окраску крыш зданий Первой московской гимназии

в апреле 1857 г. Чертков пожертвовал 500 руб. серебром, а в июне — 300 руб. серебром на ремонт крыш 4-й гимназии, за что ему была изъявлена признательность Министерства народного просвещения⁷⁶.

Директором Первой московской гимназии с 1830 по 1852 г. был Матвей Алексеевич Окулов, штатский генерал, что было в то время большой редкостью, камергер. Человек светский и влиятельный, известный всем аристократам Москвы, Окулов

Здание Первой московской гимназии на Волхонке

привлекал к себе общие симпатии представительной наружностью, изящными манерами, остроумным и приветливым обращением со всеми. Детей он любил искренно и пользовался всяким удобным случаем, чтобы выразить свою любовь к ним (в день его рождения и день именин все пансионеры — до 200 человек — получали от него по пакетику конфет и других сладостей, он посылал им билеты в театр и др.). Имея в своем ведении не только губернские гимназии, но и уездные и начальные училища всех городов Московской губернии (а до 1 января 1838 г. и все московские училища), он не мог часто посещать Первую гимназию и бывал в ней преимущественно во время

экзаменов или посещения гимназии почетными посетителями. Ведение дел в гимназии Окулов предоставлял инспектору, но на заседаниях Педагогического совета он обыкновенно присутствовал и руководил занятиями Совета, на которые приходил и почетный попечитель Чертков.

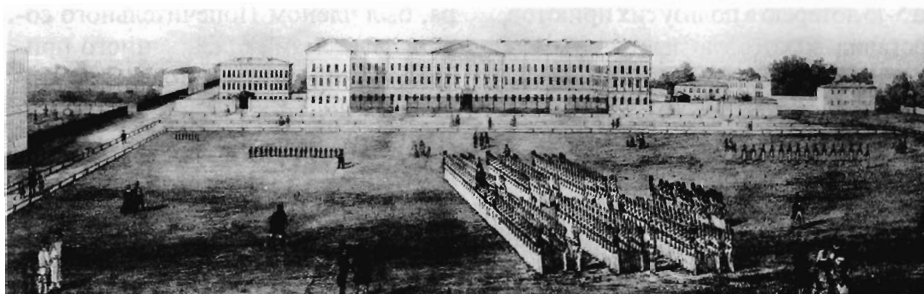
В присутствии почетных попечителей гимназии, ее директора и инспектора ученики всех классов (кроме выпускного 7-го класса, у которых экзамены проходили в июне с 1836 г.) обязаны были держать экзамены по окончании летних каникул. Такое время было выбрано специально «ввиду того соображения, что сим наилучше будут побуждаться молодые люди не терять времени и не забывать выученного». Проведение экзаменов рассматривалось современниками как весьма важное мероприятие, поэтому на них присутствовали не только особо назначенные для этой цели профессора Московского университета (М.Т. Каченовский, И.И. Давыдов, П.С. Щепкин, М.Г. Павлов, Н.И. Надеждин, А.Г. Фишер, М.П. Погодин и др.), но и высшая администрация города. На экзамен 7-го класса по Закону Божьему приезжал иногда сам митрополит московский Филарет. О характере и примерном порядке проведения экзаменов в гимназии можно получить представление из дневниковых записей преподавателя Московского университета И.М. Снегирева. Правда, он описывал экзамен 22 ноября 1836 г. в Московском сиротском доме, но существенных отличий в процедуре проверки знаний у учащихся скорее всего не было. Московский сиротский дом состоял под покровительством императора, и в нем обучалось 100 мальчиков — сыновей потомственных, личных дворян и приказных служителей. Одни воспи-

танники готовились к поступлению в землемеры, другие — в гражданскую службу, а третьи — в гимназии. Описываемый экзамен происходил «ввечеру» в присутствии московского генерал-губернатора Д.В. Голицына, гражданского губернатора Н.А. Небольсина, членов попечительного совета Черткова, Талызина, Новикова и секретаря И.Ф. Калайдовича, губернского предводителя дворянства А.И. Гудовича, директора гимназии М.А. Окулова. «Делали экзамен из математики в 3-м классе, в истории, географии, при князе Д.В. Голицыне из русского языка, законовения, русской истории»⁷⁷. Испытания по требованию устава должны были заканчиваться торжественным актом, на котором учителя, а иногда и ученики в присутствии почетных посетителей «произносили приличные торжеству речи», раздавались награды отличному ученикам — книги или похвальные листы за печатью гимназии и подписями почетного попечителя, директора, инспектора, старших учителей — и аттестаты завершавшим курс учения и провозглашались фамилии удостоенных перевода в следующий класс.

Выбранный дворянством Московской губернии почетным попечителем московских губернских гимназий в первый раз весной 1836 г., Чертков в течение 22 лет пекся о нуждах просвещения Москвы и лишь на склоне дней своих (21 октября 1858 г.) подал попечителю Московского учебного округа прошение об увольнении от службы с дозволением носить в отставке военный мундир⁷⁸.

Однако мы будем абсолютно неправы, если утвердимся в мысли, что благотворительность А.Д. Черткова щедро изливалась лишь на дворянское сословие, к которому он

Воронежский Михайловский кадетский корпус

имел честь принадлежать. Многие акции помощи бедным жителям столицы не обходились без его активного участия, только в то время об этом шумно не кричали. 2 марта 1842 г. в Москве открылась детская больница на Малой Бронной улице в собственном здании на 100 кроватей благодаря энергичной деятельности ее попечителя, губернского предводителя дворянства, тайного советника и сенатора Н.А. Небольсина и образованного для этой цели комитета, членом которого являлся и Чертков. В больницу принимались дети преимущественно бедных родителей всякого звания, не исключая и крепостных, до 12-летнего возраста, в любое время днем и ночью. Дети бедных родителей принимались бесплатно по предъявлению свидетельства о бедности от приходского священника или полиции. Лекарства также отпускались бесплатно. В фонд больницы поми-

мо пожертвований частных лиц поступили также средства, вырученные от устроенных Комитетом концерта (1841) — 1702 руб. 90 коп. и маскарада (13 февраля 1842 г.) — 2557 руб. 52 коп.⁷⁹ Краткое описание славного маскарада, веселившегося в залах Благородного собрания, помещено было в «Москвитянине», который подчеркивал благотворность соединения участия в благотворении с приятностью развлечения⁸⁰. В Москве, Петербурге постоянно проводились различные лотереи, балы с лотереей в пользу детских приютов столиц. Чертков был не только в числе их устроителей, но по долгу службы и деятельнейшим распространителем билетов среди состоятельных и сострадательных москвичей. Так, в 1842 г. московский гражданский губернатор, «получив от г-жи попечительницы С.-Петербургских детских приютов 1 тыс. билетов

17 А.Д. Чертков (1798-1858).

на 5-ю лотерею в пользу сих приютов, доставил некоторую часть оных» к Черткову для предложения дворянам Московского уезда⁸¹.

Маскарады, балы с лотереей, музыкальные вечера в пользу бедных проводили, как правило, в залах Дворянского собрания. В конце апреля 1847 г. здесь представлены были «Шарады в живых картинках с разговором и пением» в постановке В.А. Вонлярлярского. «Для слова “столица” Ф.Н. Глинка наскоро написал маленькую драматическую сценку, в которой играют слова “сто” и “лица”; время действия: начало Москвы, где исторические лица — столетний Георгий, первый житель Москвы, и Бухал, вещий человек, предсказывающий значение Москвы в будущем, в заключение чего сцена представляет видение Кремля, иллюминированного á la 1-е генваря 1847... 1-я шарада: Воздух, в двух картинках... Представитель лица Земли — девица Дюклу — была суха, посему некто удачно заметил, что это земля после семилетнего голода. Огонь, дочь А.Д. Черткова, недурна, Вода, Нарышкина, очень мила, но Воздух, в летящем положении, особенно удачен — Корсакова, очень легкая и милая фигурка, осветилась удачно, эта одна картина вынудила дружные аплодисменты. “Столица” потеряла дурным резонансом залы и плохой обстановкой, к общему неудовольствию теснота ужасная, 2600 человек, более половины ничего не видели, но цель затеи была достигнута: чистого приобретения в пользу бедных оказалось 6 тыс. серебром»⁸².

Впрочем, благотворительность была присуща всем Чертковым. Иван Дмитриевич Чертков, служа при Дворе в должности шталмейсте-

ра, был членом Попечительного совета заведений общественного призрения, Комитета попечительства детских приютов, почетным членом Демидовского дома призрения трудящихся, почетным членом Опекунского совета в Петербурге, управляющим Вдовьим домом, Мариинским межевым училищем и Александринским сиротским домом.

А какой поистине щедрый дар принес генерал-майор Николай Дмитриевич Чертков своему родному городу Воронежу! В 1836 г. он пожелал пожертвовать на строительство кадетского корпуса в Воронеже 1,5 млн руб. и 1000 душ крестьян. Подобных подарков во всей России было немного: в 1803 г. Демидов пожертвовал 300 тыс. руб. и 3578 душ крестьян на устройство высшего училища в Ярославле, в 1835 г. полковник в отставке Бахтин после своей смерти завещал на устройство в Орле кадетского корпуса, носившего его имя, 1,5 млн руб. и 2700 душ крестьян. Но Н.Д. Чертков, начав службу в 1813 г. и заслужив знаки отличия «грудью на поле сражения», приняв участие в 5 кампаниях, полагал, что кадетское училище не может быть названо его именем, «дабы его имя не стало наравне с великими именами императоров Петра, Павла и Александра», и ходатайствовал о присвоении училищу названия «Михайловское» в честь великого князя Михаила Павловича.

14 сентября 1837 г., в праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, Н.Д. Чертков торжественно совершил закладку здания училища в присутствии великого князя Михаила Павловича и многих военных и гражданских чиновников. В 1843 г. он получил назначение на должность попечителя Михайловского Воронежского

Золотая медаль, поднесенная Н.Д. Черткову воронежским дворянством

кадетского корпуса с правом присутствовать во время бытности его в Воронеже в Строительной комиссии. Чертков особенно интересовался устройством корпусной церкви. В 1843 г. он выразил желание принять на себя издержки по устройству изящных балясин с позолотой (на сумму около 1500 руб. сер.) в решетке на хорах церкви вместо предположенных по смете балясин простых, которые «вовсе не соответствовали великолепию церкви».

В 1845 г. перед торжественным открытием Михайловского кадетского корпуса начальник Штаба военно-учебных заведений генерал-майор Ростовцев доложил великому князю Михаилу Павловичу: «Воронежский кадетский корпус превосходит во всем Орловский и все кадетские корпуса в России своей прочной, добросовестной и тщательной отделкой»⁸³. Директором корпуса по предложению Н.Д. Черткова был назначен полковник А.Д. Винтулов (1799–1856), вскоре произведенный в генерал-майоры. Это был «человек замечательно умный», воспитанный

на либеральных идеях декабристов, которых считал «товарищами своей юности». Его женой была А.П. Сонцова (1815–1850), племянница Николая Дмитриевича, «одна из превосходных женщин своего времени»⁸⁴. А сам Николай Дмитриевич стал почетным попечителем училища. Но Н.Д. Чертков был меценатом до конца: он обеспечил содержание и обучение в стенах корпуса еще 70 детей из бедных дворянских семей. Дружное семейство Чертковых немало сделало для пополнения библиотеки корпуса литературой по истории, филологии, праву, статистике, географии, естественным и непременно военным наукам. Однако бурные события революции и особенно Великая Отечественная война не пощадили ее сокровищ. Сохранилось только 213 книг, на некоторых из них имеются владельческие записи, указывающие на прежнюю принадлежность книг членам семьи Чертковых, в частности А.Д. Черткову⁸⁵.

В 1840 г. в честь Н.Д. Черткова была выбита золотая медаль (она хранилась у Г.А. Черткова), а также

последовало соизволение императора на поднесение Н.Д. Черткову адреса от воронежского дворянства и гравирование его портрета. Работа была поручена одному из первых граверов в Европе академику Н.И. Уткину, который прославил свое имя мастерскими портретами Екатерины II, Суворова, Державина, Карамзина, Пушкина... Впоследствии бюст Н.Д. Черткова, которого в Михайловском корпусе особо почитали, был помещен на главной площадке Корпуса против выхода, а к 25-летию юбилею училища был написан его большой портрет в золоченой раме. В 1887 г. при посещении Михайловского кадетского корпуса император Александр III, прочитав надпись под бюстом Н.Д. Черткова о том, что тот пожертвовал 1 500 000 руб. и 1000 душ крестьян на основание в Воронеже кадетского корпуса, заметил: «Порядочный куш! Вот истинно русский дворянин!»⁸⁶.

Внимательное ознакомление с формулярным списком Александра Дмитриевича Черткова позволяет увидеть некоторую странность при его повышении в чинах: в 1841 г. он был пожалован в статские советники, а уже в 1843 г. — в действительные статские советники. Объяснение подобного ускоренного производства было обнаружено в соответствующих документах.

Согласно указу от 11 марта 1839 г. дворяне, перешедшие из военной службы в гражданскую, представлялись к производству в чин действительного статского советника тогда, когда их сверстники будут произведены в генерал-майоры (чин того же IV класса). Чертков, как и люди его круга, внимательно следил за продвижением своих знакомых и друзей по служебной лестнице. Его сверстники уже давно получили чин

генерал-майора, а примеры пожалования в действительные статские советники отставных полковников Дунина, члена ревизионной комиссии местных законов западной губернии, и Куприянова, костромского губернского предводителя дворянства, (о чем «припечатано в № 211 “С.-Петербургских ведомостей” 1835 г. и в № 15 “Русского инвалида”») дали Черткову смелость надеяться на продвижение в чиновнопроизводстве. Пожалование воронежского губернского предводителя дворянства Тулинова из отставных майоров в статские советники еще более утверждало Черткова в справедливости его стремления⁸⁷.

Послужной список у него к тому времени был весьма солидным. Чертков в чине полковника находился в действительной военной службе 2 года 6 месяцев, в гражданской, в должности московского уездного предводителя, — без малого 6 лет. Чертков был почетным попечителем московских губернских гимназий два трехлетия и членом Попечительного совета призрения в Москве более 6 лет, причем «две последние должности по Высочайше утвержденному расписанию положены: первая в V, а последняя — в IV классах», т.е. давала законное право на получение чина действительного статского советника. Московское дворянство в Губернском собрании в январе 1841 г. вновь избрало Черткова в почетные попечители гимназий и московские уездные предводители на новое трехлетие и выдвинуло его кандидатуру в числе 2 кандидатов в губернские предводители московского дворянства.

Чертков обратился к своему непосредственному начальнику, и московский гражданский губернатор

И.Г. Сенявин отправил представление московскому военному генерал-губернатору Д.В. Голицыну об исходатайствовании для Черткова искомого чина. Тот в свою очередь писал к министру внутренних дел генерал-адъютанту графу А.Г. Строганову (1839—1841), к которому вслед за тем отправил свое разъяснение и Чертков, сообщая подробно о своей службе и недавних примерах подобного повышения в чинах. Голицын, особо не надеясь на быстрый отклик Строганова, решил подстраховаться и 12 января 1841 г. сам написал отношение на имя князя И.В. Васильчикова (с 1838 г. — председатель Государственного совета и Комитета министров) об исходатайствовании чина действительного статского советника московскому уездному предводителю дворянства полковнику Черткову «за деятельную и полезную его службу по многим разным частям и в сравнении с его сверстниками по военной службе, которые не только получили IV класс, но уже произведены в генерал-лейтенанты». «Он не только усердную службу своею обращал всегда на себя особенное внимание начальства, но и приобрел лестное для себя доверие и уважение публики. Хотя я вместе с тем просил письмом графа А.Г. Строганова, чтобы он вошел с особым докладом о Черткове к государю императору во избежание замедления в ходе этого дела сего по обыкновенному порядку через Комитет гг. министров, но, не будучи уверен в исполнении таковой просьбы моей, я счел за нужное обратиться к Вашему сиятельству с покорнейшею моею просьбою об оказании Вашего содействия к исходатайствованию означенной награды г-ну Черткову и ускорению хода дела по сему предмету в

Комитете гг. министров, ежели туда поступит об нем представление от графа Строганова. Я надеюсь, что Вы примете в этом ближайшее участие»⁸⁸. Хлопоты Голицына увенчались успехом, но лишь наполовину: А.Д. Чертков был пожалован 23 сентября 1841 г. в статские советники.

Через год московский военный генерал-губернатор князь Голицын вновь ходатайствовал о награждении Черткова «за отлично-усердную службу и ревностное исполнение возложенных на него начальством многих важных поручений» чином действительного статского советника. Голицын пояснял, что Чертков в чине полковника на службе по военному и гражданскому ведомствам был более 9 лет: «2 года и 5 месяцев в военной и 7 лет в гражданской службе, считая сию последнюю с 14 октября 1834 г., со дня назначения его в члены Попечительного совета заведений общественного призрения в Москве и попечителем Работного дома, и как по существующим постановлениям чин полковника соответствует чину коллежского советника, а выслуга из сего последнего в статские советники полагается 4 года, то посему для Черткова срок выслуги на получение чина статского советника кончился еще 16 мая 1836 г., следовательно, за настоящим пожалованием его в статские советники пять лет службы его, дававшие ему право на получение означенного чина, совсем потеряны». Вследствие сего Голицын, принимая в уважение отличное усердие и ревность Черткова, «заслуживающие всякого поощрения и особенного внимания начальства», просил Черткову «в вознаграждение означенной 5-летней службы... чин статского советника с 16 мая 1836 г.».

Уведомление о награждении А.Д. Черткова
орденом Св. Анны 1-й степени. ЦИАМ

В связи с новым поворотом дела встал вопрос, к какому разряду следовало причислить А.Д. Черткова. По «Положению о порядке производства в чины по гражданской службе» от 1834 г. предусматривалось разделение чиновников на 3 разряда: 1) окончивших курс наук в высших учебных заведениях, 2) окончивших курс наук в средних учебных заведениях, 3) «не имеющих аттестатов ни тех, ни других из означенных учебных заведений». Были поэтому установлены разные выслуги лет из VI в V класс: для чиновников первого разряда — 4 года, второго — 6 лет, третьего — 8 лет. Гражданский губернатор Москвы решительно отвечал на запрос из Министерства внутренних дел, что хотя Чертков не имел ученого

аттестата, но его следовало причислить в чиновники первого разряда «по следующим уважениям: во-первых, что он известен учеными трудами его и сочинениями, из коих за «Описания древних русских монет» он удостоился получить Монаршее Благоволение и от Императорской Академии наук Демидовскую премию, а два новые сочинения его, поднесенные Государю Императору: «Воспоминания о Сицилии» и «Прибавление к описанию древних монет», удостоены Его Величеством благосклонного принятия, во-вторых, что он избран в действительные члены Императорского Общества истории и древностей российских, на основании § 9 Устава Общества, а в апреле 1836 г. избран единогласно в вице-президенты сего Общества, в январе 1841 г. избран также единогласно в действительные члены Одесского Общества истории и древностей; сверх того он по 3 выборам находится в звании почетного попечителя московских гимназий и состоит членом Императорского Московского общества испытателей природы и иностранных: Королевского Копенгагенского северных антиквариетов и Римского археологического института».

В своем письме в МВД князь Голицын присовокупил, что он вполне разделяет мнение московского гражданского губернатора, «тем более что одно уже единогласное избрание г-на Черткова в вице-президенты ОИДР доказывает ученую его известность и полезные труды» (выделено в документе). Новый министр внутренних дел Л.А. Перовский (1841–1852) вполне согласился с этими доводами: «Принимая в рассуждение, что статский советник Чертков состоял в чине полковника более 9 лет, что он уже с 1836 г.,

как почетный попечитель гимназий, занимает должность V класса и что хотя не имеет ученого аттестата, но представленных московским военным генерал-губернатором доводов, по моему мнению, нельзя не признать уважительными, я со своей стороны полагал бы возможным ходатайство князя Голицына о предоставлении Черткову старшинства в чине статского советника со дня выслуги им в чине полковника 4-летнего срока повергнуть на Высочайшее усмотрение Государя императора. Имею честь представить о сем в Комитет гг. министров».

Но в Комитет министров также поступил отзыв военного министра А.И. Чернышева от 24 июня 1841 г., «по коему Черткова следует отнести к III разряду, потому что, во-первых, он не имел аттестата о науках и, во-вторых, что в делах Штаба Гвардейского корпуса нет сведения, что он при определении в Гвардию и при производстве там в офицеры выдержал установленный экзамен». Комитет министров, признавая справедливость ходатайства князя Голицына «о назначении Черткову старшинства в настоящем чине по сроку, установленному для чиновников 1-го разряда, в уважение ученых трудов его, признал нужным к разрешению означенного ходатайства иметь по сему предмету и мнение министра народного просвещения». Министр народного просвещения граф С.С. Уваров в своем заключении от 27 марта 1842 г. поддержал мнение Перовского. В выписке из журнала Комитета министров от 31 марта и 14 апреля 1842 г. говорилось, что «Комитет, разделяя заключение министра народного просвещения, что Чертков по уважению полезных трудов его, доставивших ему ученую известность, может быть

причислен по чинопроизводству к числу чиновников 1-го разряда, полагал: на отдачу Черткову старшинства в чине статского советника со дня выслуги 4-летнего срока, установленных для чиновников 1-го разряда, испросить Всемилостивейшего Его Императорского Величества соизволения. Государь Император на сие Высочайше соизволил. Комитет в заседании 14 апреля определил: сообщить о том министру внутренних дел к исполнению, а министру народного просвещения для сведения выписками из журнала»⁸⁹.

8 октября 1843 г. А.Д. Чертков за ревностную службу и особые труды Всемилостивейше был пожалован в действительные статские советники. За добросовестное служение непосредственное начальство Черткова стало хлопотать о награждении его орденом Св. Анны 1-й степени, о чем просил 15 января 1847 г. гражданский губернатор московского военного генерал-губернатора, который в свою очередь писал министру внутренних дел. 5 февраля 1847 г. последний ответил Закревскому: «Я не замедлю всеподданнейше представить Государю Императору при первом удобном к тому случаю». 11 апреля 1848 г. он сообщал Закревскому: «По всеподданнейшему представлению моему о постоянно-усердной службе московского губернского предводителя дворянства действительного статского советника Черткова Государь Император Всемилостивейше пожаловать его соизволил кавалером ордена Св. Анны 1-й степени, о чем состоялась Высочайшая грамота в 11 день текущего апреля». Московский военный генерал-губернатор с удовольствием известил Черткова о награде 15 апреля 1848 г.⁹⁰ 19 апреля 1851 г. граф А.А. Закревский поздравлял Черткова с очередным повышением в

тайные советники: «Государь Император по всеподданнейшему докладу ходатайства моего о награждении Вашего превосходительства за отлично-ревностное и полезное служение Ваше изволил пожаловать Вас в тайные советники»⁹¹.

А.Д. Чертков и Московское ополчение в Крымскую войну

Крымская война (1853–1856) оказалась тягостным бременем для России, потребовав от властей и народа напряжения всех сил и финансов. Хлопот у губернского предводителя дворянства значительно прибавилось, впрочем, дать перечень всего объема обязанностей и забот Черткова в связи с войной не представляется возможным, да и нужно ли утомлять исчислением повседневных, мелких и не очень мелких мероприятий, которые возникали в непредвиденных развотах данной войны.

26 октября 1853 г. Николай I подписал манифест об объявлении войны Турции⁹². Первые успехи русской армии и флота — выигранные ими сражения при Синопе и Башкадыкларе на Кавказе, встреченные в Москве церковными молебнами, пушечным салютом и иллюминацией, внушали надежду на скорую победу в войне. 1 ноября начался первый набор рекрутов: население должно было поставить по 10 человек с каждой тысячи ревизских душ. В прежние призывы требовали по 4–5 рекрутов с тысячи. Со своей стороны в ноябре 1853 г. московское дворянство обязалось поставить для войск 6-го пехотного

корпуса 540 подъемных лошадей со всей необходимой упряжью. Чтобы не дожидаться окончания сбора пожертвований, оно заняло у своего губернского предводителя А.Д. Черткова 18 тыс. руб. ценными бумагами и немедленно заключило договоры с подрядчиками⁹³. 16 января 1854 г. в Экзерциргаузе (Манеже) состоялись торжественные проводы 16-й пехотной дивизии, выступившей из Москвы «вслед братьям 6-го пехотного корпуса».

Однако отвага русских солдат не была подкреплена успехами российской дипломатии. 15 марта английская королева Виктория объявила России войну. На следующий день, 16 марта, за Англией последовала и Франция, к которым присоединилось и Сардинское королевство. 8 апреля 1854 г. англо-французский флот, еще в конце декабря 1853 г., нарушив международную конвенцию о проливах, вошедший в Черное море, предпринял бомбардировку Одессы. В водах Балтики в марте 1854 г. появился английский флот под командованием вице-адмирала Ч. Нейпира, а в начале июня к нему присоединилась французская эскадра.

Чертков предложил московскому дворянству разделить бремя правительства в чрезвычайных военных расходах. 2 мая 1854 г. состоялось собрание уездных предводителей и депутатов под председательством губернского предводителя. Чертков произнес речь: «Я не буду, милостивые государи, распространяться о предмете нашего нынешнего совещания. Он вам всем известен и столь близок к сердцу каждого из нас! Осмелюсь только прибавить, что если 1812 год был знаменит в летописях нашей истории жертвованиями и беспредельною верноподданническую преданностью в Бозе почиваю-

щему блаженной памяти императору Александру Павловичу, то эпоха, которой мы теперь свидетели, еще знаменательнее и важнее 1812 года. Тогда мы защищали престол и отечество, теперь к этим священным словам для каждого из нас присоединяется еще третье, не менее священное. Это защита нашей православной веры и освобождение 10 миллионов нам единокровных и единоверных христиан, страдающих более четырех веков под нестерпимым игом изуверов-магометан. Все края нашего любезного отечества уже доказали и ежедневно доказывают, сколь много они сочувствуют нынешним великим событиям. Несомненно, и благородное московское дворянство в нынешний день скажет на самом деле их безграничную верноподданническую преданность к возлюбленному императору, благополучно царствующему великому государю Николаю Павловичу. Приемлю честь покорнейше просить вас, милостивые государи, пожаловать за уездные столы, где почтеннейшие мои товарищи будут иметь честь предложить вам мнение, составленное по крайнему нашему разумению. Оно окончательно будет зависеть от вас, ибо изменить его, добавить, умножить, увеличить — совершенно это зависит от вашего благоусмотрения»⁹⁴.

Собрание постановило жертвовать в течение войны на военные издержки из своих доходов по 50 коп. серебром в год с каждой ревизской души. Дворяне, владевшие в Москве домами, решили вносить по 50 коп. серебром с каждых 150 руб. оценочной суммы недвижимости. По расчетам выходило, что московское дворянство будет собирать по 200 тыс. руб. в год⁹⁵, т.е. 1/10 своих доходов, так же

как и петербургское дворянство. Однако на деле вышло не совсем так. Не только мелкопоместные, но и обладатели сотен душ оказались не в состоянии выполнить взятое на себя обязательство. Например, в Подольском уезде в 1856 г. было собрано 4477 руб., а 7299 руб. оставались в недоимке. Среди московских домовладельцев числилось немало недоимщиков, несмотря на обходы домов и публикации их имен в «Ведомостях городской полиции»⁹⁶.

Через Москву к месту назначения двигались воины, которых необходимо было принять и обеспечить им беспрепятственное продвижение по губернии. Так, московский военный генерал-губернатор Закревский, получив сообщение о прибытии по железной дороге 28 августа 1854 г. 2-й гвардейской пехотной дивизии с лейб-гвардии 2-й артиллерийской бригадой, направляющихся к западным границам империи («генералов — 3, штаб- и обер-офицеров 263, нижних чинов 13 842»), предупредил о том Черткова: «Во время следования войск через другие губернии местное дворянство всегда угощало их на свой счет. Я прошу Вас предложить дворянству Московской губернии об угощении чинов как в самой столице, так и при дальнейшем следовании до границы губернии»⁹⁷. Всего московским хлебосольством воспользовалось 93 359 человек.

Труды и старания А.Д. Черткова по заслугам были отмечены. 14 октября 1854 г. Д.Г. Бибииков, министр внутренних дел (1852–1855), извещал Александра Дмитриевича: «Государь император в ознаменование монаршего благоволения к общему участию благородного дворянства Московской губернии в пожертвованиях на военные надобности и в содействии

распоряжениям правительства при передвижении войск и обеспечении семейств нижних чинов Высочайше изволил пожаловать Вас кавалером ордена Св. равноапостольного князя Владимира 2-й степени»⁹⁸.

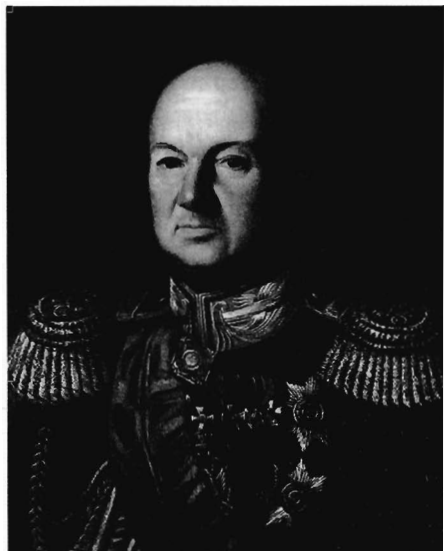
Итог 1854 г. был неутешителен: «...наши берега повсеместно атакованы, наши порты блокированы, наша территория подверглась вторжению, наш самый близкий союзник [Австрия], забыв недавно оказанные нами ему услуги, парализовал наши операции, заставив ограничиться обороной, и в конце концов объединился в союз с нашими противниками»⁹⁹, — начинал свой безотрадный отчет министр иностранных дел К.В. Нессельроде. Среди тревожного и напряженного состояния, в котором находились все слои общества, 29 января 1855 г. последовал Высочайший Манифест о формировании Государственного подвижного ополчения. Необходимость в нем была вызвана острым недостатком обученного запаса для регулярных войск, хотя за 1854 г. было проведено три рекрутских набора (486 823 человека). Ополчение должно было призвать до 364 420 рядовых и 5630 офицеров¹⁰⁰. Правительство также старалось придать войне национальный характер. Но по многим причинам ополчение 1855—1856 гг. не заслужило чести оставить по себе памяти на страницах истории, подобной ополчению 1812 г. В 1855 г. на театр военных действий подошло лишь 4 ополчения: Курской губернии (в августе), несколько дружин Орловской, Калужской и Тульской губерний. Об этом мало писали в последующие годы, да и в статьях современных авторов не содержится исчерпывающий объем сведений по тому или иному ополчению¹⁰¹.

Правила о составе и устройстве ополчения подробно были означены в особом «Положении»: «Государственное подвижное ополчение» призывалось по чрезвычайным обстоятельствам на временную службу. Все без исключения губернии империи должны были быть готовы выставить в ополчение определенное число ратников, в нем должны были принять участие все сословия империи, кроме купцов, плативших подушную подать, колонистов, по особым повелениям освобожденных от всякого рода военной службы, и евреев. Ополчение разделялось на «дружины» (батальоны), каждая из которых состояла из 4 рот. В одну дружину назначалось ратников, барабанщиков, горнистов: строевых 1018 человек, нестроевых 51 человек и 19 строевых офицеров. Каждая дружина должна была иметь 1 врача. Всего в дружине было 1089 человек. В действительности на 334 дружины и 6 конно-казачьих полков было всего 32 врача. Дружина должна была иметь обоз с 4 патронными ящиками, 11 других повозок, 33 лошади.

Начальника ополчения губернии и офицеров должны были выбрать дворяне всей губернии, которые приглашались в город на экстраординарное собрание. Требования, предъявляемые для командного состава дружин, были очень высокими и жесткими. В начальники ополчения избирали двух кандидатов, «с отличием бывших в военной службе», из которых один утверждался царем. В Москве, как только получен был манифест, «общий голос нарек» начальником Московского ополчения героя Отечественной войны генерала от артиллерии А.П. Ермолова, хотя все понимали, что это избрание было бы неприятно Николаю I. Однако и в Петербурге всеми произносилось имя Ермолова. По сему пово-

Алексей Петрович Ермолов

Граф Арсений Андреевич Закревский

ду сенатор Лебедев записал: «Думают предложить кандидатов: А.П. Ермолова, М.Н. Муравьева, графа С.Г. Строганова, князя И.Л. Шаховского. Замечательно, что из 4 кандидатов только Муравьев может быть действительным начальником. Ермолов и Строганов в немилости»¹⁰². Граф В.Н. Панин (1801–1874), министр юстиции, в беседе с Лебедевым «очень интересовался московскими толками, а главное, ему хотелось знать о Ермолове. Очевидно, его в Петербурге боятся и положительно думают, что он мечтает о главном командовании». Московский гражданский губернатор Капнист и губернский предводитель дворянства Чертков были поставлены в известность непосредственным своим начальником Закревским о мнении официального Петербурга, что продиктовало их действия на собрании дворянства Московской губернии.

На второй неделе поста 1855 г., 12 февраля, в торжественной обста-

новке открылась экстраординарная сессия Московского дворянского собрания. Огромная бальная зала Дворянского собрания «кишела народом», галерея была полна дам, которые пришли посмотреть баллотировку. В помещении стояло 13 столов, по числу уездов Московской губернии. За главным столом, покрытым красным сукном, находился предводитель губернского собрания А.Д. Чертков. Дневник В.С. Аксаковой дает представление о накаленной атмосфере выборов начальника Московского ополчения: «В субботу в 11 часов гражданский губернатор Капнист прочел манифест, его прослушали в совершенном молчании, затем он сказал несколько слов об уверенности Государя в усердии дворян. То же молчание. Тут тотчас Чертков стал приглашать дворян в собор и таким образом помешал, может быть, на этот случай невинно, исполниться намерению некоторых тотчас после речи губернатора

провозгласить Ермолова как начальника ополчения. Все отправились в собор. Затем Чертков представил правила выборов. Многие не согласились с правилами. Начался спор... Во главе интриги стоял Чертков да, вероятно, и все власти, не желавшие допустить выбора Ермолова». Много шумели и спорили... Как явствует из дневника О.М. Бодянского, Закревский через сына Ермолова, служившего у него адъютантом, «предупредил» Алексея Петровича, «что де, вероятно, он откажется от выбора в начальники ополчения, на случай, если бы его выбрало московское дворянство». Ермолов отвечал генерал-губернатору: «Не знаю, можно ли избирать меня по носимому мною званию, но если я буду удостоен избрания московского дворянства, я не должен уклоняться от службы наравне с каждым дворянином»¹⁰³. «Сильное и желчное» письмо Ермолова, появившееся в Дворянском собрании 14 февраля, переписывалось и ходило по рукам. Иван Аксаков «приписывает страшные интриги, что баллотируются Чертков, Трубецкой, Волков... Но какая подлость подымать интриги против выбора Ермолова. Какая дерзость сметь тягаться с ним! Вероятно, впрочем, тут есть интрига полицейская»¹⁰⁴. Аксаковой вторит П.И. Бартенев: «Говорят, самому предводителю дворянства А.Д. Черткову хотелось быть выбрану в начальники Московского ополчения. Но партия его, слишком немногочисленная, только возбудила против себя негодование: у всех на устах было имя Ермолова»¹⁰⁵.

Противопоставление Ермолова и «низкого», по гневным записям Аксаковой, Черткова достаточно необоснованно. Дело в том, что на дворянских

выборах официальный представитель власти Чертков выполнял распоряжения генерал-губернатора Закревского, между прочим, друга, по замечанию Аксаковой, Ермолова. Да и Ермолов и Чертков были не просто очень старинными знакомыми: помимо того, что между их детьми был заключен брак, без участия Ермолова не проходило ни одно из семейных торжеств (свадьбы в семействе Чертковых, Чернышевых, на которые собирался очень узкий круг близких людей — Давыдовы, Скарятини, Ермолов).

И все же. Давайте взглянем на сведения выдвижения кандидатов на должность начальника ополчения по уездам Московской губернии:

Московский уезд — Ермолов, Строганов, князь Трубецкой;
Коломенский — не подал;
Дмитровский — Ермолов, Строганов;
Волоколамский — не подал;
Можайский — Ермолов, Чертков;
Звенигородский — Ермолов, Строганов;
Серпуховский — не подал;
Рузский — Строганов, Ермолов;
Верейский — Ермолов, Строганов, Чертков;
Клинский — Ермолов, Строганов, Чертков;
Бронницкий — Ермолов, Чертков;
Подольский — Ермолов, Строганов;
Богородский — Ермолов, Строганов, Чертков¹⁰⁶.

По свидетельству В.С. Аксаковой, в Звенигородском уезде сильно действовал Самарин, поэтому уезд, по ее утверждению, единодушно предложил Ермолова. Но неумолимые документы показывают, что она ошибалась. Итак, «15 февраля 1855 г. дворянство Московской губернии занималось избранием посредством

баллотирования кандидатов в начальники Московского губернского ополчения из представленных от уездов кандидатов, а именно генерала от артиллерии А.П. Ермолова, который получил избирательных шаров 200, неизбирательных 9, и генерала от кавалерии графа С.Г. Строганова, который получил избирательных шаров 137, неизбирательных 72, а представленные кандидатами генерал-лейтенант князь П.И. Трубецкой и тайный советник А.Д. Чертков от баллотирования отказались»¹⁰⁷. Убедительная победа Ермолова произвела взрыв общего восторга: зал оглушился криками «Ура!». Дамы, находившиеся на хорах, кричали, хлопали, махали платками. Некоторые из бывших в собрании тотчас поскакали к Ермолову с известием об избрании и поздравлениями.

Однако А.П. Ермолов был избран начальником ополчения не только в Московской губернии, но и еще в трех: Петербургской, Смоленской и Калужской. 26 февраля министр внутренних дел Д.Г. Бибииков официально уведомил Закревского об утверждении Ермолова начальником Московского ополчения. Граф Панин успех выбора в Москве Ермолова «приписал неумению Закревского». Сенатор Лебедев понимал обстоятельства гораздо глубже и основательней: «Закревский сделал что мог, и выбор опального есть выражение оппозиции. Доказательством служит выбор его же в Петербурге и не выбор его в его деревне в Орле, когда императора Николая не было уже на свете. По-видимому, военные действия могут получить огромное развитие, и тогда имя Ермолова, в Москве и за Москвой очень громкое, будет произнесено первое в дни опасности. Алексей Петрович стар, тяжел и, конечно, во многом

поотстал, но его еще станет на время опасностей; да и притом тогда бывают нужны не только сила, сколько доверие, а доверие толпы, массы к Ермолову весьма сильно»¹⁰⁸.

Однако Ермолов недолго был в ополчении. «Ермолов не занимается ополчением: ясно, что он не думает остаться начальником его. Что же это все значит?» — с недоумением вопрошала в своем дневнике В.С. Аксакова (31 марта 1855 г.). Еще в 1852 г. Алексей Петрович не раз горестно замечал своему другу графу М.С. Воронцову, кавказскому наместнику, главнокомандующему кавказскими войсками (1844–1854): «...сам я давно уже кончил политическое существование, и людей моих лет воскрешать бесполезно и, смею думать, едва ли благоразумно»¹⁰⁹. Незначительный повод послужил к уходу Ермолова с должности. По Положению об ополчении при его начальнике назначался только один адъютант. Это «бывшему главнокомандующему казалось не довольно почетным: он просил определить к нему еще хоть одного адъютанта. Военный министр не умел доложить так, чтобы ничтожное желание старого героя было исполнено. Старик обиделся и поступил так же неловко и круто. В письме своем он просил уволить его как неспособного к начальствованию над ополчением. К капризу его, как и прежде случилось, не снизили, и он тотчас был уволен от ополчения. 29 мая 1855 г. в приказе по Московскому ополчению он объявил об отставке. После этого опять все замолкло о Ермолове»¹¹⁰.

После выбора начальника губернского ополчения на той же февральской сессии московского дворянства 1855 г. приступили к выборам начальников 12 дружин и офицеров. В начальники дружин избирались

дворяне, имевшие чин не ниже майора. Согласно § 26 «Положения» офицеры для дружин избирались дворянством из среды своего сословия, преимущественно из находившихся в отставке военных офицеров или служивших прежде в строю гражданских чиновников. При недостатке таковых дозволялось избирать офицеров из гражданских чиновников, не служивших прежде в строю. 30 марта вышло дополнение о том, что выбор в офицеры ополчения чиновников не из потомственных дворян, но из дворян личных и других сословий допускался только в случае, если не было других кандидатур и когда чиновники эти сами пожелают вступить в ополчение. По примеру 1812 г. отставные штаб- и оберофицеры принимались в ополчение в тех же чинах, с которыми были уволены в отставку.

Однако патриотический пыл в 1855 г. был значительно слабее, чем в Отечественную войну 1812 г., когда дворянство некоторых губерний, например Новгородской, поголовно пошло в ополчение. Не увлеклось тогда, в 1812 г., общим потоком патриотического движения только прибалтийское дворянство — особенно лифляндское: оно отдало в ополчение престарелых, слабосильных и болезненных крестьян, почти голых и босых, и поставило старых, негодных лошадей¹¹¹. В 1855 г. в дворянской среде Москвы царили совсем иные настроения, о коих красноречивые свидетельства оставлены в записках современников. «Выбор Ермолова, — писала в своем дневнике В.С. Аксакова, — один оживит значение ополчения, которое само по себе не возбуждает почти вовсе сочувствия. Все на него смотрят как на удвоенный рекрутский набор, в который включены и дворяне...

И что за ополчение, когда ведутся переговоры и соглашаются на самые унижительные и преступные уступки, потеряв уже стыд, уже согласились на ограничение интереса, даже уничтожение нашей власти на Черном море! Чего же ждать после этого. Какой может быть энтузиазм при ополчении. Кто поручится, что не велят сдать Севастополь и не отдадут Крыма и пр.? Все тяготы войны, все трудности и опасности остаются те же и даже с каждым днем увеличиваются, но отнят дух, одушевлявший всех, отнята уверенность в пользе этих трудов и жертв, отнято сознание, что не даром они приносятся, а за святое дело, за веру и братьев, от которых теперь уже отказались, принявши условия [мирного договора]». Мнение Веры Сергеевны относительно ополчения с течением времени не поменялось: «Никто из порядочных людей не хотел идти в Московское ополчение. Каждый отделялся от ополчения, как мог. Но в других некоторых губерниях приняли как-то простодушно, поверивши одному слову: «ополчение», вспомнили прежнее, в 1812 г., и самые лучшие люди поспешили стать в ряды ополчения»¹¹². Еще откровеннее высказывания у А.И. Кошелева: «Шли в ополчение только те дворяне, которые с приличием не могли от того уклониться; а кого освобождали лета, здоровье и особенные семейные обстоятельства, те с едва скрываемою радостью отказывались от чести и долга защитить свое отечество»¹¹³.

Редкие примеры действительного воодушевления среди москвичей лишь подтверждают общее «отлынивание» дворян и перемены, произошедшие в сознании новых поколений дворян относительно своего гражданского долга. Так, С.М. Загоскин, сын известного пи-

сателя, с радостью записавшийся в ополченские списки, полагал, что все московские дворяне испытывали те же чувства, что и он. Однако его вступление офицером в ополчение было встречено сослуживцами по Московскому архиву с определенным недоумением, и его примеру никто не последовал. И.С. Аксаков за свой порыв оправдывался перед своими же близкими: «И я не могу своему вступлению в ополчение придать серьезный характер: мне это является больше прогулкой, путешествием, новым столкновением с жизнью; впрочем, это оттого, что правительство и общество отняли у него серьезный характер». Сенатор Лебедев отмечал, что для москвича ополчение «не дело патриотизма, а наем». Московские дворяне, как выражался А.П. Ермолов, набирали офицеров «для своих баши-бузук» из толпы иверских прикладных чиновников¹¹⁴, и Ермолов словами Белинского «на французском диалекте» называл их также «la band des voleurs» (шайка воров). «Милиция московская, — продолжал далее Лебедев, — дело второстепенное». Она же сформирована, особенно относительно офицеров, очень дурно». А с другой стороны, словно оправдание Московского ополчения, — его же запись о впечатлении от резервной дивизии из Москвы. «Это около 25 тыс. человек с генералом А.А. Обручевым; но в каком положении? Не видав этих людей, трудно поверить, до какой степени истощения должны быть доведены и рекрутские участки, и запас: это какой-то сброд и сбор безмундирных... А корпус офицеров еще того хуже»¹¹⁵. Ермолов не занимался ополчением и выражался о нем с порядочным презрением. Тем не менее в Петербурге утверждены были решительно все

офицеры Московского ополчения — и выбранные, и охотники — отставные и служащие гражданские чиновники. В «Инвалиде» за 6 апреля был помещен соответствующий приказ.

В конце XIX в. появился ряд статей, в которых упоминалось, что, несмотря на патриотические заявления и адреса, среди дворян мало кто желал идти по своей воле офицерами в ополчение, а потому многие дворяне являлись на выборы с врачебными свидетельствами о своих мнимых болезнях. В ряды ополчения попали лишь те безгласные или бедные дворяне, которые не смогли увильнуть от этой обязанности. Много нужно было умения уездным предводителям дворянства, чтобы набрать для дружин полное число офицеров. Военному делу пришлось обучать не только ратников, но и офицеров, поступавших на службу из чиновников¹¹⁶.

Второй призыв в ополчение охватил весь Заволжский край. 26 августа 1855 г. в Симбирске проходили выборы в дворянском собрании. Предводитель Сызранского дворянства В.Д. Давыдов, под началом которого служил известный общественный деятель Ю.Ф. Самарин, отзывался об остальных офицерах ополчения очень жестко: они были взяты из подонков общества, которые наполняют все присутственные места в виде мелких чиновников; эти люди, чувствуя, что по их качествам они в канцеляриях далеко не пойдут, массою бросились служить в ополчение в надежде сперва получить хотя бы денежное вспомоществование от дворянства, а там со временем или сложить где-нибудь кости, или получить более прибыльное местечко. Большая часть помещиков доставила для ратников материальные вещи в весьма жалком виде. В течение сентября и октября дружина форми-

ровалась, обучалась, экипировалась и пополнялась недостающими офицерами; но к несчастью, эти вновь поступавшие офицеры в основном были выходцами из самого жалкого состава присутственных мест: все это являлось оборванное, голодное, пьяное и требующее вспомоществования тем или другим способом. Большая часть помещиков, вступивших сначала по выбору в ополчение, разошлась, и, кроме некоторых ротных командиров, дружина была наполнена этой новоприбывшей шушерой, которая делала только помеху, а не помогала в этом трудном деле. Горько и стыдно было за этих офицеров ввиду отличного поведения ратников¹¹⁷. Офицеров также не доставало и в Вятском ополчении, зимовавшем около Владимира. В дружины были откомандированы армейские офицеры¹¹⁸.

Похоже, что только Владимирское ополчение на этом грустном фоне являло пример настоящего выполнения долга дворянами: из 164 набранных офицеров 110 оставили службу только по расформированию ополчения, 40 уволились по болезни, 5 умерло. Впрочем, и среди владимирских дворян нашлось двое — только двое! — уклонившихся от службы: один по болезни, которой никогда не страдал, и второй, по летам не подходивший под набор, но вступивший в него за другого, за что получил изрядный куш. Оба эти случая были известны владимирцам, и они подняли их на смех, выразив сословное презрение.

Набор же рядовых ополченцев был не так затруднителен, хотя он совпал по времени с очередным рекрутским набором по 10 человек с тысячи (с 15 февраля по 15 марта 1855 г.). Впрочем, И.С. Аксаков высказывал иное мнение: в ратники шли с такой

же неохотой, как и в рекруты, стремясь «с таким же усилием избавиться от ратничества». Ратники должны были быть не моложе 20 и не старше 45 лет, ростом не ниже 2 аршин 2 вершков (151 см) и здоровые. Набирали по 23 человека с тысячи ревизских душ; набор проводился в присутствии уездного предводителя дворянства, начальника дружины и уездного лекаря. Набор не очень сильно отличался от рекрутского: так же проявилось желание сбыть в ополчение слабых, немощных крестьян, плохих работников в хозяйстве. Желание отдать в дружины людей нравственно порочных также практиковалось повсюду, поэтому во всех дружинах оказалось немало людей, с которыми много приходилось хлопотать ротным командирам¹¹⁹.

Неопытность, а возможно, и нечистоплотность командиров ополчения имели следствием значительные злоупотребления поставщиков, что самым плачевным образом отразилось на материальном обеспечении войск¹²⁰. Ружья поступали старые, кремневые, годные только для драки прикладами. Таким образом, за некоторыми исключениями, формирование ополчения в 1855 г. не представляло собой утешительной картины.

Но вернемся к Московскому ополчению, в котором в конце мая сменился начальник. На место бездействовавшего Ермолова пришел генерал-адъютант граф С.Г. Строганов, переведенный из начальников Нижегородского ополчения и взявшийся за дело «очень шибко и круто». И.С. Аксаков писал из Серпухова своим родным 29 мая: «Дружинные начальники все подняли громкий вой по причине скверного качества вещей, доставляемых» гражданским губернатором И.В. Капнистом,

который был председателем Комитета Московского губернского ополчения. (К. Н. Лебедев писал о Капнисте, что тот «ни разу не объехал губернии и ленив до крайности»¹²¹.) «Вступился Строганов, пошли неприятности, ссоры, обе стороны раздражились и, как водится в подобных случаях, обе дошли до несправедливостей... Губернатор, для которого это дело может иметь неприятные последствия и [он может быть] подвергнут взысканию нескольких сот тысяч рублей, настаивает на приемке вещей и присылает особых чиновников для сдачи; с обеих сторон придирчивость и мелочность. Чувствуется, что дело идет уж не только о годности вещей». Строганов также «требовал к себе всех назначенных дворянством чиновников, вытребовал к себе списки дворян, присутствовавших на московских выборах и неслужащих; говорят, он хочет об них представить государю. Все ополчения готовы, кроме московского: везде народ честный и порядочный, кроме московского», — сообщал родным И. С. Аксаков 22 июня. А 5 июля, т. е. накануне выступления Серпуховской дружины, Аксаков писал Кошелеву: «Трех вновь назначенных офицеров Строганов убедил подать в отставку. Что это за офицеры! Решительно и буквально верно — от Иверской. Просто грех было назначать таких людей и поручать им крестьян! Граф Строганов так и косит: 7 человек из одной нашей дружины выгнал вон; откуда наберет он новых — не знаю»¹²².

Записи О. М. Бодянского, бывшего секретаря ОИДР, рассказывают следующее: Строганов, поставленный на место Ермолова, нашел Московское ополчение «весьма в худом состоянии по всем

частям». С этим он отправился в Петербург, но не был принят государем. Строганов говорил Бодянскому еще в конце июня, что «имел сильную схватку с Чертковым в Дворянском собрании (каким-то, заметьте, родней его по жене)»¹²³. Похоже, что со временем отношения Строганова и Черткова стали прохладными, вероятно, на них повлияла внезапная отставка графа в 1848 г. в Обществе истории и древностей российских, когда его место председателя занял Чертков. Бодянский отметил, что Строганов упрекал Черткова: «Так-то Вы сдержали свое слово, данное еще государю Николаю Павловичу, когда представлялись ему в Петербурге тотчас после воззвания к ополчению, — “не пошадим ничего за царя и отечество, кровь и имущество свое принесем в жертву на алтарь за них, лишь бы только жила Россия”. А теперь какую кровь принесли Вы ему? Из-под Иверской всех негодяев, мошенников, словом, отребие мира собрали и поместили в офицеры по ополчению! Более 20 человек я уже собирался выгнать, лучше пусть командуют унтер-офицеры этими молодцами, из коих каждый кровь с молоком, по косой сажени роста и т. д.»¹²⁴.

12 июля 1855 г. Александром II был сделан выговор предводителю московского дворянства А. Д. Черткову и всем членам Комитета за несоответственный выбор офицеров ополчения. «Что-то скажет Москва? По полученному письму это произвело там общий говор. Мне кажется, Чертков не виноват, и едва ли выговор не направлен против графа Закревского. Покойный государь сердился за выбор Ермолова, в чем Закревский вовсе не виноват; а виновата, если виновата, многочисленная толпа московских либералов»¹²⁵, — размышлял сенатор Лебедев, хорошо знавший московс-

кие перипетии. Но в формулярные списки А.Д. Черткова, имеющиеся в его личном архиве, в делах Училища живописи и ваяния и в документах других учреждений, выговор не был занесен, вероятно, потому что заполнение формулярного списка было, как правило, связано или с представлением к повышению, к наградам, или с перемещением на новое место службы, чего в последующие годы не случилось.

Чертков подготовил докладную записку, где подробно разъяснялись обстоятельства дела, и в августе 1855 г. представил ее А.А. Закревскому: «Дворянство Московской губернии на основании Высочайшего подтвержденного положения о государственном ополчении положило “выбор начальников дружин и офицеров производить поуездно”, каковой выбор и был произведен под председательством уездных предводителей на том основании 201-й и 209-й ст. Устава о выборах. Это определение всего дворянства Московской губернии подписано 14 февраля всеми прибывшими на выборы дворянами. На представления дворянства, сделанные на уездных выборах, и на избрание на оных дворян на службу губернский предводитель не имеет права возражать и вообще делать какие-либо замечания. А закон ему только повелевает, получа от уездных предводителей списки об избранных, препровождать их к начальнику губернии без малейшего с его, предводителя, стороны замечания или опровержения на счет избрания лиц, все это было в точности исполнено в предписанный 8-дневный срок (§ 41 Положения о государственном ополчении)».

Чертков далее продолжал: «В отношении же лично ко мне, я по моему званию во время уездных выбо-

ров находился за губернским столом и не избирал ни одного из офицеров, ибо долг мой состоял в наблюдении только за порядком и благочинием происходившего в Дворянской зале. Списки избранных дворян по § 28 Положения о государственном ополчении должны быть от начальника губернии препровождены к г-ну министру внутренних дел и от него в Военное министерство для утверждения. Потом получены и Высочайшие приказы о зачислении всех избранных в ополчение дворян и чиновников, ибо ни Военное министерство, ни дворянство Московской губернии не имели решительно в виду никаких уважительных причин исключению от поступления в ополчение.

Что же касается до некоторого числа избранных в ополчение чиновников, то выбор их был произведен на точном основании § 26 Положения о государственном ополчении. Все эти чиновники по представленным ими указам об отставке или формулярным спискам были одобрительного поведения и все “способны и достойны”. О тех из них, которые находятся на службе, были получены от начальства письменные свидетельства о их способностях и о поведении, приличном званию дворянина». Чертков указывал на то, что в продолжение двух лет с начала войны «много отставных из военной службы (и множество молодых дворян) уже поступили в ряды наших воинов, а также в Стрелковый полк императорской фамилии. Полное число всех офицеров Московского государственного ополчения составляет 241 (по 19 в каждую дружину и сверх того 12 дворян для хранения провианта и фуража и 1 адъютант)».

Весьма примечательны следующие цифры, которые привел Чертков: «Всех же дворян, участвовавших в выборах, было 209. Но из сего числа необходимо исключить военнослужащих, сенаторов, почетных опекунов, председателей палат, судей, некоторых предводителей и депутатов дворянства, которым лета их или болезненные припадки не позволяют поступить в военную службу, и всех тех, кои по причинам, изложенным в Уставе о выборах, § 95, также освобождены от службы. Таковых можно положить приблизительно не менее 70, исключая которых из числа участвовавших на выборах дворянства, остается только 139 для полного укомплектования всех 12 дружин, заключающих 241 офицера. Следовательно, если бы и все 139 изъявили желание вступить в ополчение, то и тогда недоставало бы до полного комплекта 102 офицера, но для выбора 139 дворян в ополчение непременно должно было представить в Военное министерство просьбу каждого из них о желании вступить в ополчение, и дворянство Московской губернии не имело право их избрать без собственного их согласия. Доказательством сему может служить заочно избранный и известный Вашему сиятельству гвардии поручик Новиков, имеющий до 5 тыс. душ, холостой и 25 лет от роду, который не был утвержден на службу в ополчение потому единственно, что не согласился подать просьбу на поступление в оное.

Что московское дворянство старалось, сколько это зависело от него, об избрании достойных служить Государю императору офицеров, тому доказательства — списки при сем прилагаемые: а) тех, коих оно избрало из среды своего сословия и

б) список тех дворян одного Московского уезда, которые не были на выборах и к кому уездный предводитель отнесся письменно, но отзывы их и до сих пор еще не получены. И в прочих 12 уездах Московской губернии сделаны были точно так же распоряжения, как и в Московском уезде, и я также о согласии их вступить в ополчение сведений не имею», — констатировал Чертков.

«Господин начальник Московского ополчения уведомил меня, — продолжал Александр Дмитриевич пояснять обстоятельства дела, — что во вверенном ему ополчении недостает 25 офицеров. Дворянство на губернском съезде не только избрало полное количество всех офицеров по § 11 Положения, но принуждено было отказать многим, желавшим поступить на службу, по причине полного укомплектования дружин офицерством. Теперь недостающее число офицеров происходит от того единственно, что из числа избранных и утвержденных Высочайшим приказом многим (кажется, 30), как некоторые сами мне говорили и даже писали, г-н начальник ополчения приказал подать в отставку. Все почти эти офицеры не имеют никакого состояния и лишились для поступления в ополчение тех мест, которые они до того занимали в гражданской службе, а вместе с тем и жалованья. Многие из них обременены семействами и теперь решительно претерпевают крайнюю нужду, так что не имеют насущного хлеба.

Губернский Комитет ополчения, узнав о некомплекте офицеров, препроводил к начальнику ополчения 46 просьб, поданных дворянами после экстраординарного собрания дворянства, о желании их вступить в ополчение. В числе этих 46 лиц были и такие, которые служили с

честью в военной службе. Но г-н начальник ополчения возвратил их просьбы при отношении от 25 июня в Комитет, уведомив оный, что он в этих офицерах находит «недостойно поступить на службу в ряды Московского ополчения», за исключением 5, и опять относился ко мне о недостатке офицеров в дружинах». В архиве Черткова сохранилось то самое уведомление графа Строганова от 25 июня 1855 г., в котором он сообщал в Комитет Московского губернского ополчения о возвращении «ведомости о лицах, изъявивших желание поступить на службу в Московское ополчение по закрытии экстраординарного собрания»¹²⁶. Изгнанные и изгоняемые горе-офицеры стали искать защиты у губернского предводителя дворянства. Прапорщик дружины № 112 И. Н. Поморцев обратился к Черткову с прошением, в котором сообщал, что «в феврале 1855 г. по приглашению Вашего превосходительства» он был зачислен в ополчение, но «не получил пособия на обмундировку, назначенного дворянами бедным офицерам». После объявления 25 июня в «Московских ведомостях», в котором офицеры ополчения призывались к месту своей службы, Поморцев вместе с подпоручиком В. П. Тереховым 28 июня, в срок, явились к начальнику дружины № 112 подполковнику Дурову, но без обмундирования, на которое у них не было денег. К месту службы прибыли еще 7 таких же вновь утвержденных Высочайшим приказом от 12 июня офицеров, которые не имели положенной экипировки. Дуров зачитал им предписание начальника ополчения Строганова, в котором говорилось, что «явившимся вновь утвержденным офицерам пособия, назначенного дворянами, не выдавать и сделать строжайшее испы-

тание или предложить» им подавать «в отставку за болезнью». Поморцев просил Черткова исходатайствовать ему пособие на обмундирование, свидетельство о бедности прикладывалось. О том же просил и подпоручик Терехов, подчеркивая, что у него жена и четверо маленьких детей и что он находится в самом бедственном положении. Чертков препроводил их просьбы в Комитет государственного ополчения Московской губернии для рассмотрения. Вероятно, им была оказана денежная поддержка, поскольку в августе 1855 г. Терехов вторично обращался к Черткову за денежным вспомоществованием¹²⁷.

После столь решительных мер со стороны Строганова ситуация с офицерами приобрела дополнительные осложнения, на что указывал Чертков: «Все мои старания и просьбы к московским дворянам о пополнении некомплекта офицеров в ополчении, а также и сами письменные приглашения всех уездных предводителей губернии до сих пор остались, к сожалению нашему, без последствий, ибо все дворяне и отставные офицеры, зная положительно, что уже до 70 лиц не были удостоены чести быть принятыми, опасаются подобной же участи».

А. Д. Чертков пытался защитить честь московского дворянства: «Я излагаю Вашему сиятельству все эти мелкие подробности единственно потому, дабы Вы не изволили приписать недостаток офицеров ополчения уклонению московского дворянства от службы Его Императорскому Величеству. Ваше сиятельство изволите знать, что 2 предводителя и несколько депутатов от дворянства также вступили в ряды ополчения. И если мне дозволено говорить о себе, то осмелюсь приба-

вить, что я сам, желая подать пример дворянству, благословил на службу Государю императору единственного моего сына, которого, как известно Вашему сиятельству, слабое здоровье не позволяло стать до сих пор в ряды храбрых защитников нашего отечества. Я сам был представлен от нескольких уездов кандидатом для поступления в Московское государственное ополчение и, невзирая на мои лета, конечно, с радостью принял бы на себя предназначаемое мне кандидатство дворянством, если бы не был уверен, что два лица, также назначенные кандидатами, гораздо достойнее меня, а потому я и принес за губернским столом дворянству глубочайшую мою благодарность за величайшую честь и доверенность, коими оно меня удостоило», — докладывал Чертков.

«Мы сказали, — с волнением продолжал Александр Дмитриевич, — в излишней верноподданнических чувств к в Бозе почивающему великому государю нашему, что мы не пожалеем ни достояния нашего, ни детей наших, ни собственной жизни при нынешнем трудном положении нашего отечества. Как же после священных для нас слов московское дворянство могло не стараться всеми средствами, от него зависящими, наполнить ополчение хорошими офицерами? Ваше сиятельство, как непосредственный наш начальник, изволите почти всех нас знать лично и, конечно, можете быть беспристрастным свидетелем всегдашней верноподданнической готовности нашей исполнить в точности Высочайшую Его Императорского Величества волю».

Отстаивая задетое достоинство московского дворянства, Александр Дмитриевич боролся и за свое честное имя: «...в Высочайшем прика-

зе я имел несчастье подвергнуться выговору Его Императорского Величества за произведенный выбор офицеров в Московском ополчении. Желание оправдать себя как верноподданного перед государем императором через милостивое посредничество Вашего сиятельства... побудило меня осмелиться представить Вам в сей докладной записке, какое участие и право я имел и имею на выбор офицеров, а также и общее мое и дворянства пламенное желание и неравнодушие достойнейших, и затем дальнейшую мою участь поручить благосклонному представительству Вашего сиятельства»¹²⁸.

В начале сентября 1855 г. Александр II, направляясь в Крым, остановился на несколько дней в Москве. 5 сентября 1855 г. он писал князю М.Д. Горчакову: «Посреди сих тяжких обстоятельств сердцу моему было отрадно в родной Москве встретить заветный, радушный прием»¹²⁹. А.Д. Чертков поспешил оправдаться перед государем, в чем его, несомненно, поддерживал А.А. Закревский. Докладная записка Черткова вместе с отношением московского военного генерал-губернатора была передана генерал-адъютанту графу А.Ф. Орлову «для всеподданнейшего доклада». По слушании дела Александр II «изволил отозваться: что тайному советнику Черткову не должно было ограничиваться одним наблюдением за порядком и благочинием в зале Дворянского собрания, но, будучи избранным дворянством в губернские предводители, чтобы служить доказательством общего их к нему доверия, ему следовало внушить дворянству всю важность обстоятельств, по коим призывалось государственное подвижное ополчение, и все дурные пос-

ледствия, которые могли произойти от несоответствия выбора офицеров, руководить и наблюдать за уездными предводителями дворянства, чтобы выбор и назначение офицеров были сделаны согласно цели и служебного порядка»¹³⁰. Этот жесткий ответ императора был оперативно сообщен А.Д. Черткову через графа Закревского генерал-адъютантом А.А. Катениным, товарищем военного министра, 2 сентября 1855 г.

Что на это можно было возразить? Реакция государя вполне закономерна. Падение Севастополя Александр II в тот момент рассценивал как начало новой военной кампании, которая потребует мобилизации всех усилий государства и общества. Однако с трудом верится в то, что ситуация с подбором офицеров Московского ополчения сильно изменилась, если бы губернский предводитель дворянства энергичнее агитировал на выборах. Сумел бы он переломить общий настрой москвичей? Сенатор Лебедев засвидетельствовал, что осенью 1855 г. государь был вообще недоволен Комитетом Московского ополчения. «Уже прежде сделал предводителю дворянства выговор, а теперь губернатора Капниста переместил в сенаторы (с огромного оклада на меньший) и вообще дал почувствовать дворянству свое неудовольствие»¹³¹.

Что же касается самого А.Д. Черткова, то он действительно не лукавил в выполнении долга дворянина: ни деньгами не поскупился, ни усердием, да и своего единственного сына он отпустил на войну. Известно, что для покрытия расходов, сопряженных с призывом Подвижного ополчения, открывалась подписка для добровольных денежных пожертвований в собраниях дворянства, а для остальных сословий москвичей

по предложению Закревского она проводилась в городских думах и ратушах. Пример, как всегда, подавал губернский предводитель А.Д. Чертков, который добровольно положил для покрытия расходов по Московскому губернскому ополчению тысячу рублей серебром¹³². Но требуемая сумма на пособие нуждающимся офицерам и на ополчение на этот раз собиралась в Москве с большим трудом. Уже в 1854 г. сенатор Лебедев нашел в Москве «много неудовольствий с патриотическими пожертвованиями: дамы ездят по домам, купцов берут за бороды, подчиненным приказывают жертвовать!»¹³³. И.С. Аксаков вторит ему 2 апреля 1855 г.: «Закревский свирепствует по-прежнему», силой «выбивая» добровольные пожертвования для ополчения. По сравнению с тульским дворянством, которое богато наделило своих ополченцев, назначив офицерам огромное жалованье и подъемные деньги, московское дворянство, сетовал И.С. Аксаков, «так плохо распорядилось и так скудно»¹³⁴. В течение года, до 5 марта 1856 г., различными лицами было внесено 21 961 руб. 64 коп. Гораздо значительнее были пожертвования московского купечества. С начала войны до 3 сентября 1855 г. купеческое общество сдало 925 тыс. руб.¹³⁵. Скромная щедрость дворянства объяснима в связи с общим процессом неуклонного оскудения этого сословия, да и жизнь в Москве за время войны сильно подорожала: цена ржаной муки выросла на 50%, пшеницы — на 75%, гречневой крупы — на 97%, картофеля — на 92%. В Москве сильно ощущалось расстройство финансов, а также упадок торговли и промышленности (кроме производства предметов военного снаряжения и обмундирования).

Кроме того, Чертков поставил 1 подводку из своего имения для 2-го перевозочного парка, состоящего из 1100 пароконных подвод Москвитинской, Тульской, Калужской и Владимирской губерний. Генерал-адъютант Витовтов, инспектировавший этот парк, «нашел оный во всех отношениях отлично устроенным». «Государь император, принимая в соображение краткость времени, в которое приведена в исполнение монаршая воля об устройстве парка, и видя в том новое доказательство тех похвальных чувствований, которыми проникнуто дворянство и все сословия, и также неутомимое усердие и ревность начальств, с особенным удовольствием всемилоостиво соизволил изъяснить Высочайшее благоволение всем принимавшим в этом деле участие», о чем 17 мая 1855 г. был извещен министром внутренних дел граф Закревский, а 22 мая — Чертков¹³⁶.

На известие о вступлении в войну Англии и Франции в дружину семье Черткова немедленно отреагировали: уже 19 марта 1854 г. Александр Дмитриевич обратился с просьбой о переводе своего зятя, поручика гусарского Его величества короля Виртембургского полка князя Голицына, в действующую армию, в один из полков, расположенных в Молдавии и Валахии. Однако в ходе войны переводы в войска, приводимые и приведенные в военное положение, были воспрещены, и перевод зятя Черткова не состоялся, о чем сообщил генерал-адъютант Катенин 25 марта 1854 г. Чертков побеспокоил и своего старинного друга графа Орлова, который с крайним сожалением также сообщил об отказе военного министра и добавил, что при всей своей «готовности сделать угодное Вам я не смог в настоящем

случае успеть в исполнении желания Вашего превосходительства»¹³⁷.

Сын Александра Дмитриевича Григорий Александрович Чертков записался с благословения своего отца в Подольскую дружину № 115, где начальником был выбран барон Л.Л. Боде, прежде служивший в гвардии и бывший помощником у директора Оружейной палаты М.Н. Загоскина. Понятно, что эту же дружину избрал приятель Г.А. Черткова М.Н. Загоскин, желавший иметь «хорошего и вежливого начальника». Григорий Александрович был затем назначен «дружинным адъютантом и посему надел не шпагу, а саблю и шпоры». Приехав в скучный, грязный Подольск, молодые люди поселились вместе в одной квартире и зажили общим хозяйством. Загоскин, человек среднего достатка, отмечал, что, несмотря на богатство, Чертков не был ни расточителен, ни прихотлив, и потому он смог жить с ним на половинных издержках. Все офицеры Подольской дружины были или из отставных военных, или из мелких чиновников низших присутственных мест и не отличались ни воинскими, ни гражданскими, ни просто человеческими доблестями за некоторыми исключениями.

В Подольске был произведен прием ратников, которых обучали маршировке, ружейным приемам и разным построениям. В мае, к великому огорчению Черткова и Загоскина, произошла смена начальника дружины, поскольку барон Боде, получив отпуск, заболел тифом в своем имении и скончался. На его место был назначен граф А.Ф. Ростопчин, но офицерам «его личность была не симпатична». Хорошее образование, большая начитанность и не лишенный остроты разговор графа «делали из него по временам забавного

собеседника», но молодым людям становилось не по себе, когда Рос-топчин принимался лично за учение ратников, которое сопровождалось «неистовым его ревом и хождением его здорового кулака по ратническим физиономиям, зубам и затылкам»¹³⁸.

С наступлением лета дружина попала под покровительство московского генерал-губернатора Закревского, проживавшего близ Подольска в своем великолепном имении Ивановском, живописно расположенном на крутом склоне реки Пахры. «Совместная жизнь для меня с Чертковым, — вспоминал впоследствии С.М. Загоскин, — была весьма приятна, потому что мы были старые приятели, почти ровесники и хорошо знали друг друга». За неделю до выступления дружины в поход начальник ополчения Строганов приехал в Подольск и произвел ей смотр, но, будучи преимущественно гражданским деятелем, он не был пристрастен к военному делу, и потому смотр оказался непродолжительным¹³⁹.

18 августа 1855 г. император получил донесение о выступлении 198 дружин государственного подвижного ополчения первого призыва в назначенное время и изволил «с истинным удовольствием относить полный успех этого дела к общему усердию и испытанной преданности всех сословий». Но 27 августа после геройской, 349-дневной, «неслыханной в летописях защиты» Севастополь было решено оставить. И 29 августа, когда развалины героического города погасли, в него вошел неприятель.

Дружинные офицеры были глубоко потрясены и искренне сожалели, что «помощь ополчения при обороне Севастополя оказалась излишнею, а сама служба наша почти уже бесцельною». Прибыв в Киев

Александр Дмитриевич Чертков. 1850-е гг.

после 2-месячного утомительного странствия, Московское ополчение получило приказ продолжать дальнейший поход к Одессе. Григорий Чертков отпросился в отпуск в Москву. Через 28 дней он вернулся, хотя были случаи, когда взявшие отпуск офицеры под разными предлогами не возвращались в свое ополчение¹⁴⁰. Если путь до Киева Московское ополчение проделало практически без потерь, то по дороге к Одессе холера, свирепствовавшая на юге России, похитила немало ратников. Граф Строганов, проводив ополчение до Одессы, отправился в Москву, передав дела старшему из дружинных начальников графу И.П. Толстому.

Александр Дмитриевич Чертков напряженно следил за передвижением Московского ополчения, затем он выхлопотал для сына новое назначение, о чем был официально уведомлен: «...представление о переводе

сына Вашего из Московского ополчения во Владимирское получено ныне в Военное министерство, и перевод этот объявлен в Высочайшем приказе по государственному подвижному ополчению 16 ноября 1855 г. А. Катенин»¹⁴¹. Новым командиром Григория Александровича Черткова стал его тезка князь Г.А. Щербатов (1819–1881), сын бывшего московского военного генерал-губернатора А.Г. Щербатова. Не вызывает сомнения, что добрые отношения, которые у А.Д. Черткова сложились в свое время с князем А.Г. Щербатовым, поддерживались и с его сыном. Кроме того, А.Д. Черткова и Г.А. Щербатова связывала и совместная работа, например, в Совете Московского художественного общества, членом которого Г.А. Щербатов стал в 1845 г. В 1850 г. он был переведен помощником попечителя в Петербургский учебный округ, где с 1856 по 1858 г. являлся его попечителем. При формировании Владимирского ополчения князь решил своим примером воодушевить крестьян и сам записался в Гороховещкую 122-ю дружину. Сначала его назначили командиром первой роты, а с 29 июня 1855 г. вместо уволенного по болезни полковника П.И. Языкова он был произведен в начальники 122-й дружины. Следует особо подчеркнуть, что князь Щербатов оставался им до расформирования дружины, преодолевая трудности военной службы вместе со своими крестьянами-ополченцами. На свои деньги Щербатов купил штуцеры для роты и во время похода немало средств потратил для материального обеспечения своей дружины. Александр Дмитриевич постарался поэтому своего единственного сына поместить под начало человека не просто близкого, но наделенного еще столь высокими душевными

качествами. Через некоторое время Г.А. Чертков поступил в ординарцы к командующему Средней армии, в состав которой вошли три ополчения: Владимирское, Нижегородское и часть Вологодского.

6/18 марта 1856 г. был заключен Парижский мир к великой радости ополченцев, проводивших зиму в полном бездействии и нетерпеливо ожидавших возобновления кампании или возвращения на родину. Александр II 15 апреля 1856 г. издал указ, в котором было обращение и к ополченцам: «Ныне положен конец войне... идите с миром, ратники земли Русской, возвращайтесь к домам, семействам вашим и прежним вашим занятиям и обязанностям, продолжая быть для сословий, из коих вы были призваны, примером того порядка и повиновения, которым вы отличались постоянно в рядах Государственного Подвижного Ополчения». Хотя ополчение не принимало активного участия в военных действиях, однако убыль в его рядах была значительна. Из 11 408 ратников, например, Пензенского ополчения домой вернулось немногим более 5 тыс. человек, остальные или умерли, или находились на излечении в лазаретах¹⁴². Среди причин высокой смертности отмечалось влияние климата (особенно в тех дружинах, которые были расположены на берегу Азовского моря), плохие одежда и обувь (бессовестные подрядчики), недостаточная гигиена, отсутствие хороших хлебопеков и кашеваров, непривычка ополченцев к боевой жизни.

К великой радости родителей целым и невредимым вернулся домой Григорий Александрович Чертков, который 14 апреля 1856 г. был переведен в 4-й резервный батальон Стрелкового полка Императорской Фамилии.

Елизавета Григорьевна Черткова. 1850-е гг. ОПИ ГИМ

В прекрасном особняке Чертковых стало заметно тише, поскольку полученный от императора выговор не мог не отразиться на служебной карьере А.Д. Черткова. Тем не менее на очередных дворянских выборах (4–21 января 1856 г.) дворяне Московской губернии в кандидаты на место губернского

предводителя и на должность почетного попечителя московских губернских гимназий на новое трехлетие опять (в восьмой раз!) избрали Черткова, выразив ему таким образом свое доверие. Однако Александр II не разделял мнение дворянской корпорации Москвы и утвердил губернским предводите-

лем московского дворянства второго кандидата — гвардии полковника П.П. Воейкова, исполнявшего в предыдущее трехлетие (1853—1856 гг.) обязанности верейского уездного предводителя дворянства. Черткову оставили менее значимую должность почетного попечителя московских губернских гимназий, что и было утверждено императором 21 апреля 1856 г.¹⁴³

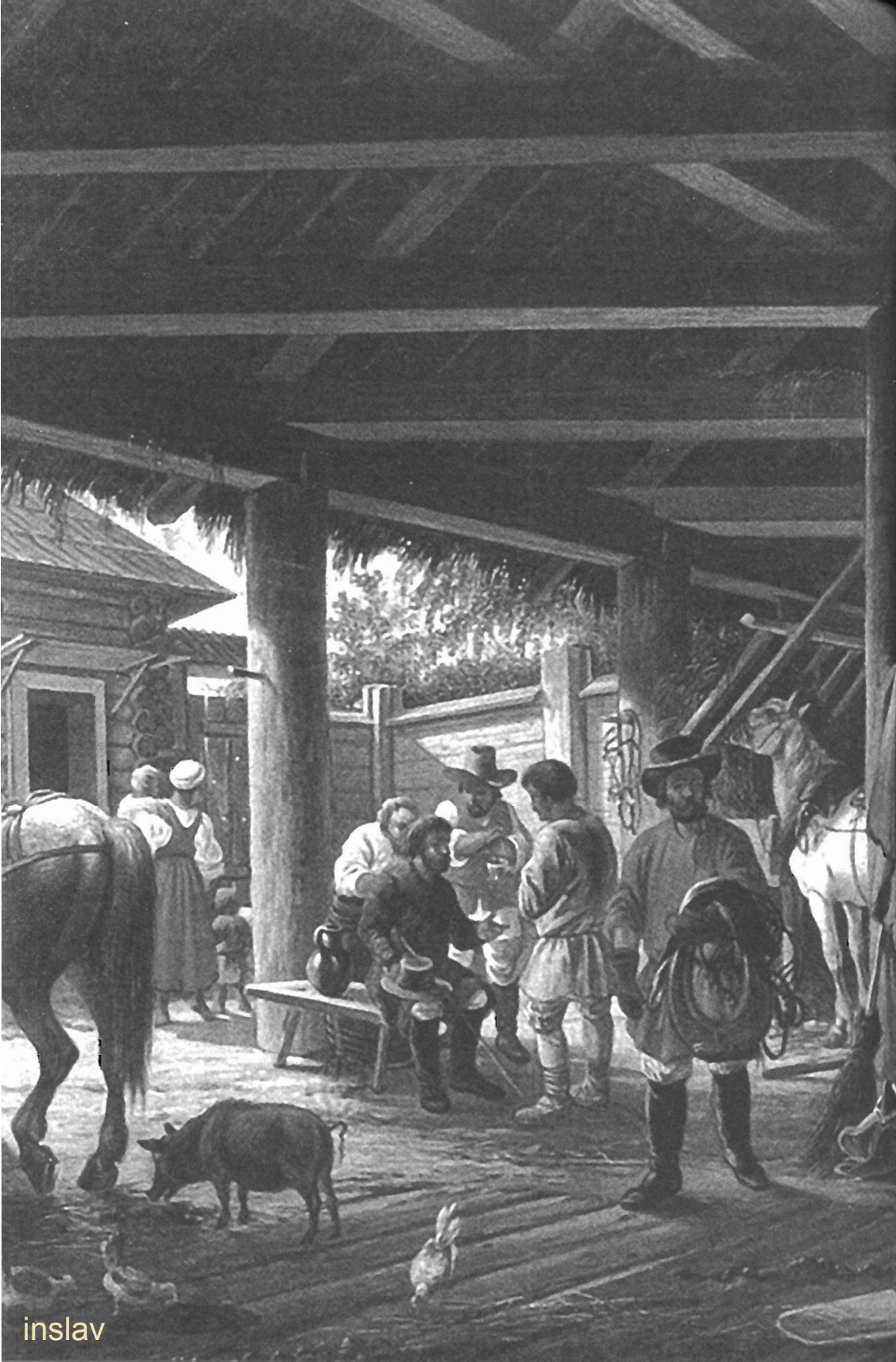
Несмотря на бесславный Парижский мир, Александр II не мог не отметить наградами патриотические жертвования и усилия гражданского населения. «В память минувшей войны 1853—1856 гг. Высочайше учреждена 26 августа 1856 г. для военных и гражданских чиновников всех ведомств, дворян и купечества бронзовая медаль, которая по примеру таковой же медали 1812 г. носится на груди. Следующую Вашему превосходительству основанную на Высочайше утвержденных правилах медаль на Владимирской ленте препровождаю при сем к Вам для ношения по учреждении», — сообщал граф Закревский А.Д. Черткову. Памятной медалью был награжден и Григорий Александрович Чертков. В октябре 1856 г. в связи с коронацией Александра II А.Д. Чертков получил золотую коронационную медаль 2-го разбора¹⁴⁴.

Занимая высокое положение в чиновничьей иерархии России, Александр Дмитриевич был задействован во многих торжественных церемониях, связанных с коронацией Александра II в 1856 г. в Москве. В числе особ III класса он был назначен для держания шнурового балдахина, который в день коронации должны были нести над императрицей Александрой Федоровной. Александр Дмитриевич приглашался на репетиции 15 августа в Оружейную палату, 21 августа в Георгиевский зал Кремлевского дворца, 23 августа в Кремль (шествие

из Кремлевского дворца в Успенский собор), 24 августа в Тронный (Андреевский) зал. 26 августа состоялось торжественное венчание Александра II на царствование¹⁴⁵, а 27 августа Черткова пригласил новый московский губернский предводитель дворянства П.П. Воейков для принесения вместе с ним в Кремлевском дворце всеподданнейшего поздравления императору с поднесением хлеба-соли. 31 августа во время торжественной церемонии перенесения императорских регалий из Тронного зала в Грановитую палату Чертков был назначен при большой императорской короне ассистентом, а 7 сентября он участвовал еще в одной торжественной церемонии — перенесении императорских регалий из Грановитой палаты в Оружейную¹⁴⁶. Григорий Александрович Чертков находился в составе войск гвардейских и гренадерских корпусов, собранных в Москве «по случаю святейшего коронования Их Императорских Величеств».

Уже описанная нами драка, произошедшая между Шевыревым и графом Бобринским 14 января 1857 г. на заседании Совета Московского художественного общества в доме Черткова, повлекла за собой новый выговор императора А.Д. Черткову, исключение из числа членов Московского художественного общества и его Совета. Последнюю свою должность почетного попечителя московских губернских гимназий Александр Дмитриевич Чертков исполнял почти до самой своей кончины, подав 21 октября 1858 г. прошение об увольнении от службы с дозволением носить в отставке военный мундир. Место почетного попечителя московских губернских гимназий оставалось вакантным вплоть до новых дворянских выборов.

ГЛАВА 2

А.Д. ЧЕРТКОВ — ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ

Тонкорунное овцеводство

Проступая к новой главе, мы, как правило, возвращаемся в 20-е годы XIX в. Вот и сейчас мы начнем наш рассказ с имущественного раздела 1829 г. Дмитрий Васильевич Чертков, не чувствуя в себе более силы нести бремя управления своими обширными земельными владениями, населенными крепостными крестьянами, — 181 200 десятин земли и 13 034 души мужского пола по 7-й ревизии, решил их разделить между своими детьми, что и свершилось 2 января 1829 г.: «...я, как родитель, пекущийся более о благе детей своих, заблагорассудил в жизнь мою и теперь при сем полюбовном разделе предоставить в общий раздел не только оную 7-ю часть, следуемую мне из имения покойной жены моей, а их родительницы, но сверх того и мною самим благоприобретенное...».

Взрослые сыновья и дочери Дмитрия Васильевича подписались волю своего отца «сохранить свято и ненарушимо». Они также обещались: «...никогда... о переделе сего имения просить не будем, но никаких споров нетерпимых в родственных связях заводить не станем, что и утверждаем собственным подписом нашим, обязуясь при том каждый и каждая со своей части, равно и наследники наши, вносить родителю нашему на пропиток ежегодно по смерти его по 12 500 руб.». Раздельный акт был утвержден Орловской палатой Гражданского суда 8 ноября 1829 г.

Александрю Дмитриевичу достались в Воронежской губернии: слобода Ольховатка Острогжского уезда (1947 душ мужского пола) с хуторами Марченковым (358 душ), Гирловом (45 душ), Неровным (103 души), Шапошниковом

(604 души) — итого 3057 душ; деревня Дегтярная (912 душ) и хутор Иванов (456 душ) Валуйского уезда. В Московской губернии Александр Дмитриевич стал владельцем села Семеновское (52 души) с деревнями Костино (41 душа), Насонова (21 душа), Сальково (22 души), Нестерцово (26 душ) в Дмитровском уезде, а в Клинском уезде деревни Обушково (33 души), следовательно, всего 195 душ и 3710 десятин земли. Эти приобретения в Московской губернии Дмитрий Васильевич совершил в 1806 г., купив поместья у генерал-майора Н. В. Кретьова, которому их за год до этого, в 1805 г., в свою очередь продал Ф. А. Пушкин¹.

Как уже упоминалось, право на владение Ольховаткой Дмитрий Васильевич передал своему сыну Александру еще прежде. И по возвращении в 1825 г. из чужих краев Александр Дмитриевич стал самостоятельно хозяйствовать в Ольховатке. Ознакомившись с сельским хозяйством Западной Европы в ходе Зарубежных походов 1813—1814 гг., многие русские офицеры пожелали ввести тамошние аграрные порядки и системы в своих имениях. Общий послевоенный кризис, больно ударивший по помещикам, и благоприятное изменение рыночной конъюнктуры в связи с прекращением континентальной блокады и неурожаями в западноевропейских государствах, увеличившими спрос на русский хлеб, способствовали активизации не только предпринимательских усилий многих помещиков, но и дискуссий в русском обществе о переустройстве сельского хозяйства на новой научной основе, с внедрением машин и улучшенным севооборотом. Согласно записям в «Журнале моего путешествия по Австрии, Италии, Сицилии, Швейцарии и проч.

в 1823—1825 гг.» Чертков выступает апологетом развития промышленности и рационализации сельского хозяйства при покровительстве государства. Но одно дело быть путешественником, внимательно вглядывающимся в экономику иностранных государств и подающим советы, что следовало бы сделать, например, в Италии или на Сицилии, чтобы превратить их в изобильный край. Совсем по-другому оборачивалось дело, когда самому нужно было строить свое хозяйство, тем паче, что к 1825 г. экономическая ситуация в России резко изменилась.

Вплоть до начала 1820-х гг. экспортные цены на хлеб, сало, лен и пеньку были достаточно высокими, чтобы вполне окупать крупные затраты сельскохозяйственных предпринимателей. С 1820 г. цены в Лондоне, Гамбурге и русских вывозных портах начинают неуклонно и стремительно падать. Такое явление имело место и в Европе, и в США. Увеличение хлебных излишков привело к понижению цен не только в портах, но и во внутренних русских губерниях. Оправившись после разорительных войн, финансовая система России снова вступила в полосу кризиса. В июне 1825 г. министр финансов Е. Ф. Канкрин писал: «Внутреннее положение промышленности от низости цен на хлеб постепенно делается хуже, я, наконец, начинаю терять и дух. Денег нет». Н. Н. Муравьев в комментариях к переводному сочинению Тэера «Об основаниях рационального сельского хозяйства» (1830 г.) признавался, что он сам был поклонником английского многополья, но практические опыты в современных условиях разубедили его в выгодности подобной реформы: «При существующей дешевизне хлеба в России не должно помышлять о введении плодопеременных систем

Граф Егор Францевич Канкрин

хозяйства... самое важное и, можно сказать, едва ли преодолимое препятствие состоит в бессмыслии и нерадении наших работников и в недостатке хороших управителей и помощников, отчего никогда убытков своих на заведение не вознаградишь и наконец от всего отступишься»². Только со второй половины 30-х гг. аграрный кризис начал сменяться постепенным оживлением экономики.

Интенсификация зернового хозяйства, требующая серьезных материальных затрат, в тех условиях не давала желаемой капиталоотдачи. Более того, несколько позднее, в 40-х гг. ситуация с хлебом была просто абсурдной. Несмотря на то что некоторые губернии России терпели нужду в продовольствии, в других районах страны никто не хотел его покупать, хоть цена на него там была столь низка, что элементарно не вознаграждала труд земледельца. В 1844 г. в Острогожском уезде за четверть ржи предлагали только

2 руб. А.Д. Чертков, не называя фамилии, писал, что один помещик приказал весной по посеянному осенью хлебу сеять овес, затем скосить оба хлеба и продавать в виде сена, считая, что за него он выручит больше. Помещики с каждым годом вынуждены были сокращать посевы колосовых растений. Хлебобородная земля обращалась в степь³.

Чертков был поставлен перед необходимостью изыскать пути увеличения прибыльности своего имения. Острогожский уезд изобилует сенокосными угодьями, был богат выгонной землей, обширными лугами, леса занимали только 7,5% его пространства. Население, на 96% состоящее из малороссов, или украинцев (самый «украинский» уезд в губернии), в основном занималось хлебопашеством, и хлеба был значительный избыток, хотя уезд в пределах черноземной Воронежской губернии выделялся низким почвенным плодородием. К тому же он был наименее населен: 28 человек на квадратную версту (ср. в Бирюченском уезде — 46 человек). Но Ольховатка, раскинувшаяся весьма удобно в 75 верстах на юг от Острогожска, при впадении речки Ольховатки в речку Черную Калитву, была одной из многолюднейших слобод Острогожского уезда. К тому же она была очень выгодно расположена на перекрестье дорог из Кубани и Северного Кавказа в центральные районы страны. Каждое воскресенье здесь шумели базары, и трижды в год сюда на ярмарки съезжались из окрестных и дальних мест. На ярмарках продавалось большое количество лошадей, рогатого скота и овец с последующим отгоном их в Москву и другие города.

Александр Дмитриевичу пришлось долго ломать голову: сама природа да практический опыт

Граф Петр Александрович Толстой

соседей-помещиков и своих родных подсказали ему одно из решений — разведение тонкорунных овец. Развитие фабричной промышленности потребовало больше шерсти, и притом высокого качества. Цены на шерсть в 1825 г. и в последующие годы были столь высоки, что стоимость земли в степных районах утроилась. Владельцы земли начали употреблять всевозможные усилия для разведения овец, не щадили огромных издержек и не оставались в накладе. В помощь начинающим овцеводам в 1824 г. пензенский помещик И.В. Сабуров издал «Краткое руководство к разведению тонкорунных овец». В Воронежскую губернию эти животные были впервые завезены помещиком Бирюченского уезда Гардениным в 1809 г. Как уже упоминалось, в 1825 г. Шеппинг, муж сестры Черткова, в Саксонии купил мериносов и привез их с собой в имение Марьевку, намереваясь завести у себя овчарню⁴.

Данное направление в животноводстве было всецело поддержано ведущими государственными деятелями. В 1826 г. согласно желанию министра финансов Е.Ф. Канкрин в Московском обществе сельского хозяйства было организовано новое, 5-е отделение для содействия распространению тонкорунного овцеводства. 18 ноября 1832 г. Императорское Московское общество сельского хозяйства «в уважение к трудам господина полковника и кавалера А.Д. Черткова, содействующего успехам сельского хозяйства в России, избрало его в своем годичном собрании своим действительным членом»⁵.

Московское общество сельского хозяйства (МОСХ) родилось в 1817 г. в разоренной французами Москве, в доме графа П.А. Толстого или, по другой версии, в доме графа С.И. Ггарина в семейных дружеских беседах о благе отечества, «еще отягченного последствиями вторжения врага»⁶. В них приняли живейшее участие князь Д.В. Голицын, Д.М. Полторацкий, Н.Н. Муравьев — крупнейшие земельные собственники. Их уже не удовлетворяла деятельность петербургского Вольного экономического общества, которую находили слишком теоретичной и «литературной». Заинтересованные в непосредственном улучшении своих собственных хозяйств, они задумали создать такое общество, которое стало бы истинным центром по руководству рационализацией сельского хозяйства при творческом соединении российской традиции и западноевропейской новации. «Не увлекаясь слепым пристрастием ко всему иноземному... применять полезные изобретения государств, прославившихся в хлебопашестве, к нашему климату и кряжу земли», — вот основные цели,

Дмитрий Маркович Полторацкий

Князь Сергей Иванович Гагарин

которые провозглашал устав МОСХ. Плодотворная идея сочетания теории с практикой нашла свое претворение в единогласно одобренном предложении Д.М. Полторацкого об учреждении под Москвой экспериментальной фермы, где бы опытными путем проверялись новейшие агрономические мысли, и в инициативе Муравьева об учреждении при Обществе Земледельческой школы для подготовки приказчиков помещичьих имений. Д.В. Голицын был избран президентом, а П.А. Толстой — вице-президентом Общества⁷. Однако «той пружинкой, которая приводила в движение все дела Общества и обеспечивала его успех», стал его секретарь С.А. Маслов (1793—1879). 4 января 1819 г. императором были утверждены права Общества, его устав, проект школы земледелия, дано единовременное пособие в 10 тыс. руб. и выделена земля для хутора⁸, что было исходатайствовано министром финансов Канкриним. Он

относился к сельскому хозяйству с любовью и считал, что правительству следовало оказывать особое покровительство Московскому обществу сельского хозяйства на пользу всей России. Благодаря ему МОСХ стало получать ежегодные пособия на содержание Земледельческой школы и опытного хутора.

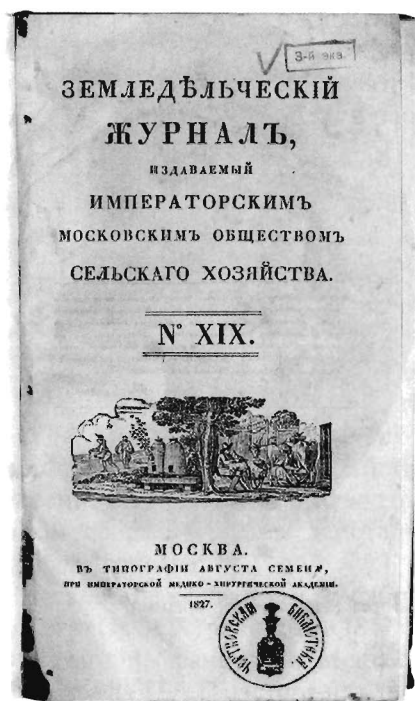
МОСХ очень быстро установило прочные связи с отечественными и зарубежными экономическими обществами и учреждениями, а также со многими известными предпринимателями и учеными. «Земледельческий журнал» при прекращении выпуска «Трудов Вольного экономического общества» по праву превратился в центральный орган российской агрономической мысли, на страницах которого велась оживленная дискуссия по поводу самых разнообразных новшеств в сельском хозяйстве, привлекавшая помещиков из различных областей и регионов страны, которые делились своим

18 А.Д. Чертков (1798-1858).

опытом, критиковали, советовали. В 1822 г. была открыта Земледельческая школа — первое сельскохозяйственное учебное заведение в России, подготовившее до реформы 1861 г. около 700 агрономов. Душой МОСХ в течение первых 25 лет был его президент князь Д.В. Голицын, который своим примером старался показать, что возведение сельского хозяйства в степень науки и приложение сил своих на этом поприще достойно образованных людей высшего сословия. Сам он, будучи на лечении в Вене, брал уроки физиологии растений и сельского хозяйства у профессора Виттмана, хотя был уже генерал-лейтенантом⁹. К сожалению, огромная роль Общества в развитии сельского хозяйства и промышленности дореволюционной России еще в полной мере не осознана и не оценена, полной его истории еще не существует.

Хотелось бы обратить внимание читателей на одно весьма символическое обстоятельство. Московское общество сельского хозяйства обрело свою жизнь в тот момент, когда в августе 1817 г. императорская семья, двор и гвардия (2 пехотных и 2 кавалерийских сводных полка) находились в Москве по случаю торжественного празднования 5-летия победы в Отечественной войне 1812 г. и закладки храма во имя Христа Спасителя. Осенью 1817 г. при известии о даровании Польше конституции как реакция на предполагаемую национальную измену Александра I возник так называемый Московский заговор с планом царевубийства, на которое вызвались Якушкин, Никита и Артамон Муравьевы. После пяти или шести дней споров большинство членов тайного общества высказались против царевубийства¹⁰. Знаменательное совпадение, не правда ли, что, когда одна

Титульный лист «Земледельческого журнала» с экслибрисом Чертковской библиотеки

часть дворян, мечтая о лучшей судьбе своей родины, «хватается за нож», другая, не менее их ратуя за благо России, учреждает плодоносное Общество с долгой и благотворной для страны судьбой.

Но вернемся к нашим овцам. Развитие нового направления было обеспечено обильными монаршими щедротами. В 1828 г. Сабуров указал на необходимость правильной сортировки шерсти, вследствие чего в следующем году был открыт в Москве Сортировальный комитет, на который по ходатайству Д.В. Голицына было ассигновано Канкринным 128 тыс. руб. Задача комитета состояла в подготовке в России сортировальных мастеров для тонкорунных шерстей. Обществу овцеводов был

дан штат с ежегодным ассигнованием из казны 10 тыс. руб. Стал издаваться специальный журнал для овцеводов, выписывались из-за границы мериносовые племенные стада, проводились консультации¹¹.

В 1835 г. Московским обществом сельского хозяйства была устроена первая выставка мануфактурных и хозяйственных произведений. «Для меня приятно узнать, — с удовлетворением заявил император Николай I, посетивший 18 мая выставку, — что в Москве многие с успехом занимаются земледелием. Это самый важный предмет в государстве. Пора обратить на эту часть особое внимание, и я надеюсь, что впредь она пойдет лучше». Он повелел 20 июля 1835 г. через министра финансов объявить усердным членам, сотрудникам и другим лицам, наиболее участвовавшим в трудах и стремлениях Общества к улучшению сельского хозяйства, Высочайшее Его Величества благоволение, которое, как мы помним, сокращало срок, установленный для получения чинов и орденов за выслугу лет, на один год. 2 сентября 1835 г. прошло заседание Московского общества овцеводов, посвященное выбору членов Общества, достойных этой награды. 12 октября 1835 г. президент Общества князь С.И. Гагарин произнес речь по случаю объявления его членам Высочайшего благоволения. Он подчеркнул, что тонкорунное овцеводство обратило на себя внимание многих членов Общества и быстро достигло больших успехов, поставляя на отечественные фабрики высококачественную шерсть. В работе «Отделения для размена мыслей об улучшении овцеводства в России» при МОСХ принимали особенное участие присутствовавшие тогда в Москве члены: С.И. Га-

гарин, Ф.В. Самарин, Н.А. Дивов, В.Н. Ладомирский, А.Д. Чертков, Ф.М. Бранденбург и фабриканты В.Н. Рыбников и А.Т. Тарасенков. В специальном отношении к Черткову от 18 ноября 1835 г. Д.В. Голицын выразил «чувство совершенной» своей «признательности за постоянное ваше участие в заседаниях и совещаниях нашего Общества»¹². 20 декабря 1835 г. состоялось торжественное собрание Московского общества сельского хозяйства в память его 15-летия и по случаю открытия мраморного бюста Д.В. Голицына, выполненного академиком Гальбергом. На нем присутствовало более 80 членов и посетителей.

В 1835 г. у А.Д. Черткова в слободе Ольховатка имелось 800 шпанских и 500 простых овец. У его брата Ивана в слободе Михайловка Богучарского уезда было 1900 овец, у Николая в слободе Россошь — 800 шпанских и 3000 простых овец. Местные помещики из-за значительной удаленности ярмарок в основном сбывали шерсть на месте разным скупщикам или везли ее в июне на ярмарку в Острогожск всегда в грязном виде. Только из имения И.Д. Черткова шерсть ежегодно отправлялась в Москву, где она и продавалась напрямую фабрикантам¹³. Дело было прибыльным, предприятие И.Д. Черткова, существовавшее с 1832 г., наращивало производительность, на нем ежегодно сортировалось и перемывалось от 500 до 1000 пудов, а в 1846 г. — 1316 пудов шерсти¹⁴. Кроме того, в 1832 г. Иван Дмитриевич стал членом общества акционеров, которое образовалось для того, чтобы выкупить фабрику «гарусных произведений и чесаной шерсти» у вдовы ее организатора — американского купца Кофена и «продолжить и усилить уже сделанные опыты в сем роде». Фабрика была

расположена в 4 верстах от Москвы в селе Перово. В это акционерное общество помимо И.Д. Черткова вошли со своими капиталами А. Протасов, П.П. Новосильцев, В.П. Толстой, Скарятин, купцы И. Буркарин, А. Претр и другие. 21 июля 1832 г. министр финансов Канкрин сообщил князю Голицыну, что устав «общества по той фабрике» утвержден¹⁵.

Неурожайный 1839 год нанес ощутимый урон отарам овец. Недостаток корма заставлял многих хозяев продавать тонкорунных животных на убой, а повальные болезни почти наполовину уничтожили овчарни юга России¹⁶. Но трудности с течением времени преодолевались. В связи с 25-летним юбилеем МОСХ отмечалось, что тонкорунное овцеводство теперь не только обеспечивало сырьем русские суконные фабрики, но и представляло уже весьма важную статью экспорта на несколько миллионов рублей в год, обогащая южные губернии¹⁷.

В 1849 г. «Воронежские губернские ведомости» писали, что самые известные овчарные заводы находятся в деревне Дегтярной помещика Черткова — 4290 голов испанской породы. Шерсть сбывалась на Троицкой ярмарке в Харькове, а также в Чернигове, в Москве и на Нижегородской ярмарке. Шерсть овец, разводимых в южной полосе Острогожского уезда, по реке Калитве и ее притокам, отличалась превосходным качеством, поэтому купцы предпочитали этих овец другим. Тонкорунное овцеводство лучших пород (английских и испанских) особенно было развито в следующих имениях: у А.Д. Черткова в слободах Ольховатка и Россошь в Острогожском уезде, а также в его землях в Богучарском и Валуйском уездах; в поместьях сестер Александра Дмитриевича —

Е.Д. Сонцовой (деревня Петровка и слобода Александровка) и М.Д. Шеппинг (слобода Марьевка). В этом списке имелось еще всего три фамилии — Фирсовых, Станкевича и Кукулевских. Всех овчарных заводов в 1866 г. было до 78, породистых овец — 155 317, простых — 138 744¹⁸. В центрально-черноземном районе (в Воронежской губернии, в частности) в 40—50-е гг. XIX в. имела место отчетливая тенденция к снижению поголовья лошадей и рогатого скота. Абсолютное количество овец в 40—50-е гг. несколько возросло, при этом число обыкновенных овец сократилось на 4,1 %, а тонкорунных же увеличилось на 12,4%¹⁹.

Многочисленные служебные дела и серьезные научные исследования поглощали много времени и существенно сковывали предпринимательскую инициативу А.Д. Черткова. И тем не менее он не только занимался разведением овец и торговлей шерстью, но пытался и сам из своего сырья производить шерстяные ткани. К 1849 г. в селе Курово Московской губернии он выстроил водяную мельницу с сукновальным инструментом, которая к концу века уже превратилась в шерстоткацкую фабрику с 190 рабочими, производившую изделий на сумму 270 тыс. руб.²⁰.

Сахарная промышленность

Еще новость для Острогожского уезда — сахарные заводы А.Д. Черткова. В начале XIX в. в Россию ввозился заморский тростниковый сахар. Дальний путь его доставки, а также полная монополия английских купцов на торгов-

лю сахаром делали его весьма дорогим товаром; когда же по условиям Тильзитского мира Россия присоединилась к континентальной блокаде, цены превысили все разумные пределы. Тем не менее еще зимой 1746 г. немецкий химик А.С. Маркграф делал доклад в Королевской Академии наук в Берлине о своих опытах и изложил метод добывания сахара, совершенно тождественного с «индейским», из растений, а особенно из свекловицы. Но этим изобретением тогда пренебрегли. Через несколько десятилетий академик Ахард, разбирая сочинения своего учителя Маркграфа, нашел это открытие и стал внедрять его в производство. Наполеон оценил значимость нового дела и начал развивать сахарную промышленность во Франции, приводя в неистовое негодование англичан, предвидевших гибель своей монополии. После возвращения к власти Бурбонов англичане вновь наводнили весь мир своим сахаром и «втоптали было в грязь» новую промышленность, ибо без охранительных пошлин «при неусовершенствовании производства» она была еще не в силах с ними соперничать.

В 90-х гг. XVIII в. русский генерал Е.И. Бланкеннагель, узнав о возрожденном открытии Маркграфа и способе Ахарда по статье в одной из гамбургских газет (!), взялся устроить первый в России свеклосахарный завод. От ручной хренотерки и жернового пресса, глиняных горшков путем проб и ошибок он перешел к винтовым прессам. После пятилетних усилий Бланкеннагель начал производить свой сахарный песок и через тульского губернатора дважды представлял царю рафинированный сахар и спирт, вырабатываемый на патоке. В 1802 г.

Егор Иванович Бланкеннагель

правительство послало профессора Рейса осмотреть завод и производство и уведомить о видах и надеждах сей промышленности в будущем. В 1803 г. последовал именной указ к тульскому губернатору Иванову, согласно которому, «признавая полезность нововведения, из казны выдавалось заимообразно на 20 лет 50 тыс. руб., в уплату коих по истечении первых 10 лет вносить по 5 тыс. руб. ежегодно и проценты на остальные. В первые 10 лет проценты за него будут выдаваемы из Кабинета». Было также дозволено продавать выделяемый Бланкеннагелем спирт, до 1000 ведер в год, по вольным ценам в разных губерниях.

Царская благосклонность к новому источнику благосостояния сельских хозяев, затруднения в сбыте земледельческих продуктов в средней России, непомерная цена тростникового сахара (до 90 руб. за пуд), а также книга, которую вскоре написал профессор Рейс о сахарном

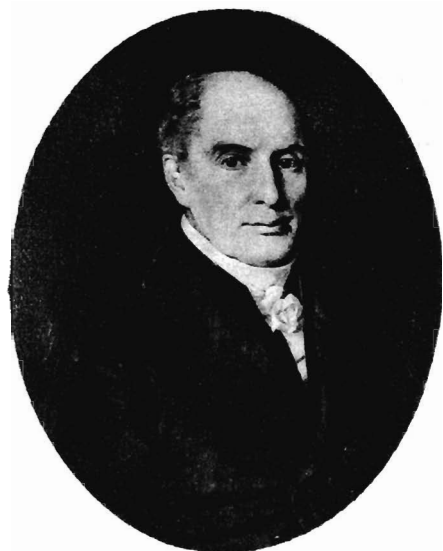
заводе и выгодах, обратили на себя внимание некоторых просвещенных помещиков. И в 1809 г. многие стали просить о позволении завести свеклосахарные заводы с правом выкуривать спирт, готовить ликеры. Однако охотников до спиртокурения оказалось среди первых сахарозаводчиков больше. Только И.А. Мальцов²¹, друг Е.И. Бланкеннагеля и его преемника А.И. Герарда, в 1809 г. устроил завод в Брянском уезде и как опытный фабрикант при пособии мастеровых и личных знаний получил хороший доход. Но война 1812 г. отвлекла общественное внимание от сахарной промышленности. Мальцов наращивал свои железные и стекольные производства, отливал оружие и ядра против французской армии и готовил стекло в разбитые окна послепожарной Москвы.

В России свеклосахарное дело стало активно пропагандировать Московское Общество сельского хозяйства. В 1822 г. на его заседании Мальцов читал статью о свеклосахарном производстве по итогам 12-летнего опыта, дал отчет о своем заводе, перечислил выгоды от свеклосахарного завода как для него, так и для крестьян и рассказал о благотворном влиянии этого предприятия на самое земледелие, а также вызвался без платы принимать учеников на свой завод. Его поддержал и Герард. Из их школы выходили хорошие сахаровары. А.Д. Боборыкин, А.Н. Бахметев, Д.А. Давыдов, А.М. Дурнов, Нейдгарт, Н.Н. Муравьев последовали Мальцову. Д.А. Давыдов потратил огромный капитал на выпуск из Франции, где сахарная промышленность начала усиленно развиваться, мастера Терона, а также доставку цилиндрических и гидравлических прессов. Однако большие капиталовложения зачастую не давали до-

статочных процентов, напротив, при малейшей ошибке или неудаче заводчики терпели убытки. Новый импульс был дан очередной статьей Мальцова в «Земледельческом журнале» (1827 г., № 19) «Подробное описание свекловично-сахарного завода с планом». Он привел не только подробную смету своих доходов от выделывания сахара, но даже план и описание завода. Для большего убеждения он устроил при опытном хуторе Общества небольшой завод. Это вновь побудило многих последовать его примеру. Возникли заводы Тучкова, барона В.М. Котца, графа А.А. Бобринского, М.П. Глебова, Н.П. Шишкова, П.А. Муханова и других.

Не остался в стороне и А.Д. Чертков. О выгодах сахарной промышленности он со знанием дела рассуждал еще на Сицилии. Во время Русско-турецкой войны, даже будучи чрезвычайно занятым по службе, Чертков продумывал перспективы развития своего хозяйства. Летом 1829 г. он решил послать мальчика на обучение к Боборыкину на его фабрику по производству сахара и готов был заплатить за его обучение требуемые 300 руб.²², что было совсем не дешево. Впрочем, Александр Дмитриевич не спешил заводить производство, не вникнув детально во все его технологические процессы. Московское Общество сельского хозяйства, всячески поощряя развитие свеклосахарных заводов, значительно облегчило ему эту задачу. Благодаря Обществу производился интенсивный обмен мыслями, идеями, накопленным опытом, исчезла мелочная корыстолюбивая таинственность при заводах, которые стали открытыми для всех и всегда принимали учеников.

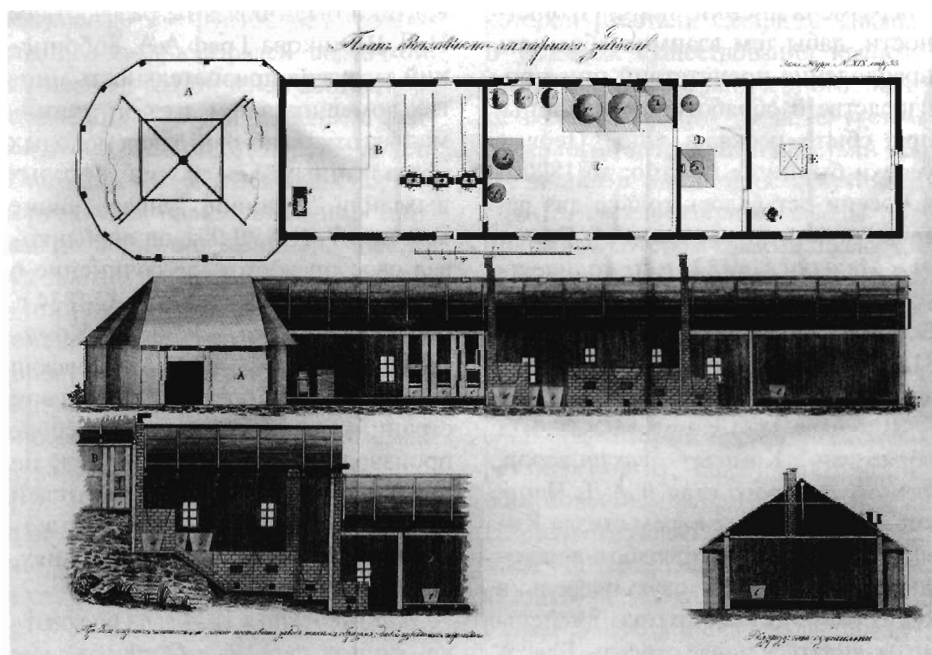
В 1833 г. на очередном заседании МОСХ при рассуждении о свеклоса-

Иван Акимович Мальцов

Граф Алексей Алексеевич Бобринский

План сахарного завода И.А. Мальцова

Николай Петрович Шишков

харной промышленности в России было предложено образовать в Москве особый Комитет сахароваров «для предупреждения ошибок при заведении свеклосахарных заводов и для размена мнений, знаний и опытности, дабы тем взаимно облегчать преодоление препятствий при производстве и обработке свекловицы, при сбыте песка и т.п.». Первые успехи были уже налицо: до 1820 г. в России оставалось только два реально действующих завода, у Герарда и Мальцова, в 1833 г. их количество увеличилось до 15. Завод графа Бобринского в 1833 г. переработал 31 929 четвертей свекловицы и имел выручки 259 012 руб. 60 коп.²³

В январе 1834 г. при МОСХ был образован Комитет сахароваров, членом которого стал и А.Д. Чертков. На первом же своем съезде Комитет эффективно проработал некоторые вопросы, в первую очередь, в каких районах России может успешно развиваться новая отрасль. Благодаря наблюдениям, методом проб и

ошибок было выявлено, что сажать сахарную свеклу в Тверской губернии невыгодно. Заводы в Твери и Москве, а некоторые и в Калужской губернии «погасли» уже к 1844 г. Интересно отметить, что еще в 1852 г. в России из 22 свеклосеющих губерний значительное количество заводов работало в районах, где дальнейшие промышленные посевы сахарной свеклы прекратились: в Тульской губернии – 28, Калужской – 12, Минской – 11, Пензенской и Тамбовской по 10. Чтобы облегчить устройство заводов, комиссионерами Комитета были избраны семящик Гольст, мастера медных дел Суворцев и Савельев, оптик Пристлей. Для «устранения притеснений» при продаже сахара был избран комиссионер от Комитета сахароваров купец И.Б. Гофман, который имел большие обороты и исполнял свое дело добросовестно и в большом масштабе. Правильной отчетностью на производстве и многими улучшениями заводчики были обязаны разработкам Н.П. Шишкова. Граф А.А. Бобринский заслужил признательность многих помещиков тем, что он принимал без отказа на свой завод молодых образованных людей, из которых выходили хорошие управляющие заводами²⁴. Д.А. Давыдов опубликовал свое превосходное сочинение о возделывании свекловицы. С 1834 г. стали издаваться «Записки Комитета сахароваров». Но и московская пресса охотно предоставляла свои страницы для дискуссии о способах производства сахарного сиропа, не пугаясь оттолкнуть своих читателей сугубо специальными рассуждениями авторов о химических реакциях, прессах, печках, вымочке...

А.Д. Чертков в 1834 г. в Ольховатке основал первый в Острогжском уезде сахарный завод, на котором

были использованы передовые достижения свеклосахарного производства, в частности изобретенный Д.А. Давыдовым способ холодной вымочки. Значимость открытия была столь существенна, что созвали даже экстраординарное собрание Комитета в 1834 г., а его директор С.А. Маслов учредил на собственные средства маленький завод в самой Москве для испытания изобретения. 24 января 1838 г. на заседании Комитета свекловаров было читано донесение Н.Г. Гирша о ходе работ на содержимом им на аренде свеклосахарном заводе А.Д. Черткова в Воронежской губернии, на котором было переработано 18 тыс. берковцев свекловицы прессом и получено холодильного сиропа по 33 1/2 фунта с берковца²⁵, т.е. около 8,3% по массе²⁶. Это очень высокие показатели. Н.П. Шишков на своем заводе в селе Спешнево Рязанской губернии, считавшемся образцовым, после многих усовершенствований, им произведенных, получал до 24 фунтов белого продажного сахара горячей вымочкой. А в первый год он из-за неопытности имел из четверти не более 6 фунтов песка, желтого от перегрева. Для Шишкова сахарный завод стал тем источником благосостояния, который позволил его хозяину, выплатив все долги, превратить свое имение в отлично благоустроенное без обременения крестьян, так как за их дополнительный труд они получали плату наравне с вольнонаемными²⁷. Впоследствии в среднем добывали по 18 фунтов сахара с берковца.

В 1839 г. Комитет свекловаров провел четыре публичных заседания, отметил существенный рост числа свеклосахарных заводов — до 158. Благодаря МОСХ русские свекловары избежали многих напрасных денежных трат. Своевре-

менная экспертиза специалистами Комитета многих разрекламированных в европейских странах методик получения, очищения сахарного сиропа, и даже в тех случаях, когда были выданы патенты на изобретения (привилегия Столла), уберегла их от сомнительных нововведений. На заседаниях свекловаров критически рассматривались все изобретения, которые изобильно появлялись в те годы. Чертков не экспериментировал, у него из-за службы просто не хватало времени, чтобы подолгу находиться в своих достаточно отдаленных от Москвы воронежских имениях. Но он всегда внимательно следил за достижениями отрасли и по возможности стремился внедрять их у себя.

Со временем нарабатывался опыт в свеклосахарном деле и обозначались основные рекомендации сахароварам, выявлялись сопутствующие этому производству изменения качества жизни крестьян той местности, в которой работали сахарные заводы. В условиях существования крепостного права и ограниченного рынка вольнонаемного труда, с учетом психологии и традиций крестьян все заводчики в один голос советовали строить свеклосахарные заводы при имении, в котором практиковалось и хлебопашество. В противном случае просто не будет успеха: «надеяться все делать наймом — это отчаянный способ». Ловкость французов нельзя было сравнить с ловкостью малороссиянина, который прежде несколько раз перепортит, пока привыкнет к обыкновенным фабричным приемам. Но редкий из крестьян захочет быть на заводе более месяца, а таким образом каждый месяц должна была повторяться суматоха, неизбежная при перемене этой пестрой толпы. Судя по тому, что Чертков строил при своих

сахарных заводах и овчарнях казармы для рабочих, т.е. общежития, ему удавалось сочетать труд вольнонаемных рабочих и своих крестьян.

Для успешной работы завода необходимо было иметь сырье, которое получали двояким способом: покупкой и с собственной плантации. В Воронежской губернии в 1844 г. выделялось несколько заводов по количеству посева свекловицы — графа Кушелева, С.А. Горяинова и А.Д. Черткова, каждый из которых засевал от 400 до 500 десятин свеклы²⁸. Помещики также покупали свекловицу у крестьян, причем цена ее за 25 лет развития сахарных заводов увеличилась с 60 коп. за четверть до 150—250 коп. за четверть в 1847 г. Подсчитано, что в тот период с 5 десятин, засеянных свекловицей, получали более дохода, нежели со 100 десятин, засеянных яровым хлебом.

Сахар сам по себе предмет ценный, а по скорости оборота он имел значение почти наличных денег, и приготовление его доставляло непосредственную пользу уже тем, что «разливало» деньги в сельском быту. Учреждение свеклосахарного производства во многих случаях скрепляло отношения между помещиками и крестьянами. Крестьяне уплачивали свой оброк свекловицей и различными работами при заводе, но заводчик еще приплачивал им за выращенную ими на своих полях свекловицу. В пользу крестьян шло 2/3 заводских издержек, они получали плату за свекловицу, заводскую работу, извоз дров и сахара, за кости для фильтрации сахарного сиропа и пр. Кроме того, сахарный завод способствовал развитию скотоводства. Животные получали питательный и дешевый корм в виде остающейся после получения сока мезги, которая почти всеми заводчиками раздавалась

крестьянам даром. Ботва свекловицы также служила превосходным кормом. Дополнительное удобрение при возделывании свекловицы вело к повышению плодородия почвы, истощенной посевами зерновых.

Появление свеклосахарного завода помогало крестьянину обеспечить себя материально, не удаляясь от своего семейства в поисках денег и, как отмечал С.А. Маслов, «не делаясь пролетарием или бездомным бобылем, от которых кружится голова у английских, французских и германских министров» (а через 50 лет закружилась голова и у российских...). Заводские работы содействовали также умственному развитию крестьян, обогащая их техническими знаниями; заметно улучшалось нравственное состояние крестьян, пробуждались трудолюбие и предприимчивость, чему самым ярким свидетельством было сокращение потребления водки. Разумное сочетание хлебопашества со свеклосахарной промышленностью в имении было верным путем обогатить крестьян, находившихся при этом заводе, не говоря уже о доходах самого помещика.

К сожалению, мы не располагаем полными сведениями о развитии, скажем, Ольховатки в первой половине XIX в., но и немногие данные позволяют сделать вывод о качественном изменении жизни слободы. В 1849 г. здесь была выстроена еще и рафинадная фабрика. Завод был также расширен и оснащен новым оборудованием. На место примитивного завода-сарая и оборудования в виде терок, простых и грубых рычагов для отжатия сока, глиняных горшков для варки и отцеживания через холстяную ткань, каким представал сахарный завод в рисунках и описаниях Мальцова в 1827 г., встало капитальное здание завода, выстро-

енное из кирпича, где работы производились огнем в медных котлах и сок добывался 15 гидравлическими прессами. Чертков блестяще решил проблему с топливом, которое требовалось в огромных количествах: в степную Ольховатку с 1843 г. стали привозить не дрова из дальних мест, а каменный уголь из Луганска.

В 1856 г. Ольховатский завод был одним из самых крупных сахарных предприятий в Воронежской губернии. В то время самыми большими и лучшими заводами в России считались заводы графов Бобринских: в Киевской губернии им принадлежало 3 завода, где работы производились паровыми установками, самым прогрессивным методом, и было по 12 гидравлических прессов, в Тульской губернии также имелся завод с паровыми установками и с 15 прессами. В 1849 г. Ольховатский сахарный завод принес 62 тыс. руб. прибыли. Чертковым было выдано в долг Ольховатскому крестьянскому обществу 9700 руб. и крестьянам на покупку быков — 10 103 руб. Средний доход в год с ольховатского имения составил 153 094 руб.²⁹ В 1857 г. свекловицы было собрано 26 569 берковцев. С 1 берковца получено сахарного песка 18 фунтов, всего — 11 956 пудов сахара. После выплат за доставку в Москву, акцизов, страховки завода и т.п. Чертков получил чистого дохода 52 606 руб. «Для получения такого количества песка, какое своевременно может переработать завод (до 50 тыс. берковцев), необходимо иметь покупную свеклу, за которую вместо назначенной прежде цены 1 1/2 руб. ассигнациями за берковец, не интересующей поставщиков, нужно положить примерно вознаграждающую труд, т.е. не менее 50 коп. серебром за берковец, тогда только будут желающие ставить

[поставлять свеклу], и завод увеличит доход в год не менее 7 1/2 тыс. руб. серебром», — записал Чертков в своих бумагах по Ольховатскому заводу³⁰.

Наращивая производство сахара, Чертков предоставлял не только выгодные занятия для жителей Ольховатки, которых в 1856 г. было 5868 человек обоего пола, но и заботился об их просвещении. Комитет распространения всенародной грамотности, возникший в 1845 г. при Московском Обществе сельского хозяйства, был ему в помощь. Он деятельно пропагандировал необходимость для народа грамотности и соединенного с нею религиозно-нравственного образования не только мужского, но и женского населения. Чертков открыл и содержал частную школу, где учились 76 мальчиков и 8 девочек. В слободе Россошь, которая отошла ему в 1852 г., также была устроена частная школа, где учились 16 мальчиков и 4 девочки. Александр Дмитриевич вовлекал в благотворную деятельность и своих родственников. В 1838 г. муж его сестры, генерал-майор Шеппинг, построил в своем имении Марьевка небольшой свеклосахарный завод, производивший работы огнем и 3 гидравлическими прессами. В его школе обучалось 25 мальчиков³¹.

Однако устройство школ помещиками Воронежской губернии в своих имениях было скорее исключением, чем правилом: в 1856 г. на всю обширную Воронежскую губернию имелось всего 7 таких школ. В предреформенные годы членами дворянского губернского Комитета по устройству быта помещичьих крестьян были собраны цифры, сообщавшие о состоянии народного образования в губернии, т.е. об отношении числа грамотных к остальному населению. Грамот-

ных помещичьих крестьян в Острогожском уезде было 684 человека (на 52 человека мужского пола приходился 1 грамотный). В Коротоякском уезде было всего 43 человека грамотных. В Землянском уезде 1 грамотный приходился на 485 ревизских душ. В Бирюченском уезде был самый высокий показатель грамотных крестьян по Воронежской губернии — 2226 грамотных, т.е. на 21 человека мужского пола приходился 1 грамотный. Это объяснялось тем, что 2/3 помещичьих крестьян принадлежали графу Шереметеву и князю Юсупову, они «находились на оброке и вообще весьма зажиточны и имели больше средств для обучения детей своих»³².

Повышение благосостояния крестьян Ольховатки и распространение грамотности ярко выразились в их стремлении освободиться от крепостной зависимости, которое в то время возможно было путем выкупа при наличии согласия помещика. Надо специально подчеркнуть, что Чертков не чинил препятствий своим крестьянам к освобождению, хотя такое отношение встречалось не часто. Последовательный противник крепостного права Н.И. Тургенев обращал внимание на то, что многие помещики «из тщеславия противятся освобождению даже тогда, когда за него платят золотом»³³. Известно, что Чертков в 1831, 1834, 1841 гг. отпускал своих крепостных на волю. В ноябре 1849 г. Чертков подсчитал, что с ольховатских крестьян, откупившихся на волю с 1842 по 1849 г., было получено 65 060 руб. и 42 795 руб. — с дегтярских.

В расположенной в 40 верстах от города слободе Дегтярная Валуйского уезда, где Чертков владел 9 тыс. десятин земли, в 1842 г. был также построен из кирпича небольшой

свеклосахарный завод на 10 тыс. берковцев, оснащенный 3 гидравлическими прессами. За 10 лет при нем возникли казарма для рабочих, мастерская, костопальня, подвал для свекловицы. В первый год его работы доход составил 13 172 руб. В слободе были выстроены также дегтярный завод и молотилка. Вообще слобода Дегтярная интересна в том плане, что в ней поселились раскольники (секта ветковцев) — более 1000 душ мужского пола. Весь Дон, изобилующий раскольниками, почитал эти места краем особенного благочестия. Дегтярная же славилась своим женским монастырем³⁴. В 1856 г. в ней проживало 1630 человек³⁵. А в целом и в начале XX в. в Валуйском уезде промышленность была мало развита, ограничиваясь бондарным и тележным производством.

Но за цифрами порой мудрено разглядеть конкретные изменения в судьбе отдельного крестьянина, произошедшие в результате одного появления сахарного завода. Однако благодаря прославившемуся в веках внуку крестьянина из Ольховатки, крепостного помещика А.Д. Черткова, — Антону Павловичу Чехову мы имеем возможность убедиться в благотворности влияния сахарного завода на примере жизненного пути Егора Михайловича Чехова (1798—1879). В раннем возрастемышленного мальчика по приказу помещика стали обучать грамоте. В 1834 г. его определили на построенный сахарный завод сначала рабочим, а затем приказчиком. Ему доверяли выполнение различных поручений по заводу. Отходами от сахароварения, которые А.Д. Чертков отдавал своим крестьянам даром, Чехов откармливал своих и хозяйских бычков для продажи. Он часто выезжал по коммерческим делам Черткова в

Приазовье, в Ростов, где устраивались грандиозные ярмарки, на которые пригонялись стада крупного рогатого скота и лошадей, привозилось большое количество товаров. Из Воронежа на Ростов гужевой тракт шел через Ольховатку. Чехов и сам торговал солью, сушеной рыбой, скотом. У него также появились надежные связи с богатым купеческим миром Приазовья.

Чертков не только не запрещал, но и всячески поощрял своих крестьян в предпринимательской и торговой деятельности. «Дед Чеховых... был на редкость цельной, независимой и своеобразной личностью. Даже одевался он не так, как другие, а всегда соединял жилет и брюки посредством пуговиц в одно целое, представляя собою как бы подвижную бронзовую статую», т.е. еще тогда «изобрел» привычный нам комбинезон. В 1841 г. Егор Михайлович решил выкупить себя и свою семью из 6 человек на волю, внося за каждого по 700 руб. «Ненасытная жажда свободы заставила нашего деда, — писал М.П. Чехов, — выкупиться на волю задолго до всеобщего освобождения крестьян. На выкуп дочери Александры у него денег не хватило, и, прощаясь с помещиком, он убедительно просил его не продавать ее на сторону, а подождать, пока у него будут деньги и он сможет выкупить и ее. Чертков подумал, махнул рукой и сказал: “Так уж и быть, бери ее в придачу”»³⁶.

Указанная цена выкупа внушает определенные сомнения. Например, в 1849 г. А.И. Кошелев, рачительный помещик и самый богатый из славянофилов, отпустил по добровольной сделке 200 душ дворовых, определив выкуп по ценам продажи людей или по стоимости рекрутской квитанции. Мальчик 15 лет платил 150 руб.

серебром, мужчины от 20 до 30 лет — 300 руб. серебром. Если дворовый был обучен ремеслу, цена повышалась до 420 руб. Князь В.А. Черкасский установил цену за волю для своих крепостных от 60 до 100 руб. серебром, причем выкупался весь двор в рассрочку на два—три года без земли, но с правом пользования угодьями за половину оброка³⁷.

Несмотря на очевидные блага, приносимые российской сахарной промышленностью, ее беспрепятственное развитие на просторах российского рынка не могло не споткнуться о корпоративные интересы петербургских предпринимателей, чьи рафинадные заводы (первые возникли в Петербурге в 1817 г.) работали на привозном сырье, доставляемом Англией. Прежде столичные заводчики торговали привозным сахаром и рафинадом практически монопольно, назначая произвольные цены. После 1812 г. в Москве платили 1 руб. 20 коп. за фунт рафинада (1 фунт = 1/40 пуда = 409,5 г). С 1820 г. несколько лет — по 20 руб. за фунт. Новоявленная свеклосахарная русская промышленность была ими встречена с вполне понятной неприязнью. Петербургские сахарозаводчики, зорко следившие за действиями конкурентов, при самых первых шагах Московского общества сельского хозяйства по организации свеклосахарных заводов стали им всячески препятствовать. Имея сторонников и на бирже, и за зелеными столами в департаментах, они к тому же смогли убедить графа Канкринна, умного и дельного финансиста, принявшего охранительную таможенную систему для развития отечественных мануфактур, в том, что с заведением в России свеклосахарных заводов уменьшатся таможенные доходы с привозного сахара. Это

опасение граф высказал в большом заседании МОСХ в августе 1826 г. «Канкрин при всем обширном уме своем худо верил в будущие судьбы железных дорог и сахарной промышленности»³⁸, — отмечал всзнающий П.А. Вяземский. Но возражения графа не остановили действий Общества: в своем «Земледельческом журнале» оно постоянно печатало материалы о пользе свеклосахарной промышленности. На эти статьи в «Коммерческой газете», издававшейся при Министерстве финансов, помещались противоречащие заметки.

Однако привоз иностранного сахарного песка не только не уменьшился, но даже увеличился, несмотря на умножение сахарных заводов. Граф Канкрин, видя это, повысил в 1832 г. пошлину на привозной сахар с 2 руб. 50 коп. (в 1823 г.) до 3 руб. 15 коп. за пуд. При этом он не переменил своего предубеждения относительно отечественной сахарной промышленности. В 1834 г. Маслов представил Канкрину номер «Земледельческого журнала» с уведомлением об учреждении Комитета сахароваров, на что граф сказал: «Вот одно из самых глупейших предприятий русских дворян — это сахарная промышленность»³⁹. Впрочем, граф Канкрин, наблюдая, что при увеличении числа сахарных заводов в России (в 1840 г. до 200) привоз иностранного сахарного песка удвоился против 1822 г., в 1842 г. снова повысил пошлину на ввозной сахар до 3 руб. 80 коп. за пуд. Рафинеры Петербурга так и не смогли разубедить его в пользу разумной охранительной системы для развития национальной промышленности.

Со вступлением в должность министра финансов Ф.П. Вронченко (1780—1852), имевшего репутацию «гносного и подлого хама, способст-

вовавшего много ко вреду России в царствование императора Николая»⁴⁰, петербургские рафинеры скоро уверили его, будто на Кубе, откуда сахарный песок через Англию поступал на их заводы, были большие ураганы, истребившие сахарные плантации, и потому можно опасаться нехватки сахара в России. Они добивались разрешения на привоз из Англии в Петербург сахара-сырца по одинаковой пошлине с товарным сахаром (по 3 руб. 80 коп.) при условии доставлять необходимое сырье для переработки исключительно для петербургских рафинадных заводов. Вронченко, «не понявший тонкости обмана», представил дело в нужном свете, и просьба была Высочайше утверждена. Мнимый ураган повторился и в 1846, 1847 гг. Милость, оказанная петербургским рафинерам, доставляла им до 579 тыс. руб. серебра в год выгоды от одинаковых пошлин с песка и сахара-сырца. Кроме того, они потребовали установить акциз — налог на русский свекловичный сахар.

Директор Комитета сахароваров и бессменный секретарь Московского общества сельского хозяйства С.А. Маслов при полной поддержке членов Комитета в 1847 г. выступил в защиту отечественной сахарной промышленности. В шести статьях он рассказывал о развитии свеклосахарной промышленности, о трудностях и несомненных ее успехах, о благе, приносимом сахарными заводами не только заводчикам, но и крестьянам, и делал далеко идущий вывод о том, что «наши черноземные губернии относительно свеклосахарного производства могут заменить нам заатлантические колонии Англии и Франции»⁴¹. Секретарь МОСХ не сумел поместить свои «письма» в журнале Общества, поскольку цензор при тогдашней стро-

Степан Алексеевич Маслов

гости цензуры просто не осмелился пропустить их в печать. Но их позволили напечатать в «Московском городском листке», издававшемся при канцелярии генерал-губернатора⁴². Приводимые Масловым цифры развития российской промышленности не напрасно заставили забеспокоиться прежних монополистов в Петербурге: «Бланкеннагель в 1803 г. произвел до 300 пудов песка, Мальцов в 1822 г. — до 700 пудов и, может быть, столько же и Герард, в 1846 г. только один комиссионер Комитета Гофман с 42 заводов продал песка и лумпа [сахара-сырца] 68 470 пудов». Вронченко поручил агенту Министерства финансов в Москве Самойлову составить проект правил для налога на «туземный», т.е. отечественный, сахар. Члены Комитета сахароваров просили Маслова переговорить с Вронченко в пользу сахарных заводов. Вронченко при разговоре твердо заявил: «Надо стеснить эту промышленность. Стали уж привозить из внутренних губерний

свекловичный песок в Петербург. Петербургским рафинерам невыгодно стало посылать рафинад на мало-российские ярмарки и на юг»⁴³.

В архиве Черткова сохранился черновой вариант «Записки о стеснительном положении, в которое приведены будут помещики, если утвердится проект наложения пошлины на туземный сахар». Записка не датирована, но явно она относится к 1846—1847 гг. В ней авторы, к коим относился и Чертков, указывали на то обстоятельство, что сахарные заводы возникли в России благодаря лишь усилиям самих помещиков, без всякого пособия и поощрения казны (последние 2 слова Чертков дипломатично зачеркнул). С 1824 по 1844 г. привоз в Россию сахара увеличился вдвое — с 1 038 278 пудов до 2 133 587, но вырученные от его продажи суммы составили 8 411 352 руб. серебром в 1824 г. и всего лишь 7 860 483 руб. в 1844 г., т.е. развитие русского сахароварения не позволило взвинчивать цены на привозной сахар. Забегая несколько вперед, отметим, что цены благодаря именно развитию отечественного сахароварения имели тенденцию снижаться, делая сахар доступным широким слоям населения России. А в Крымскую войну, когда порты были закрыты, цена на сахар не повысилась ни на рубль. Ситуация прямо противоположная той, что имела место в России в начале XIX в. с установлением континентальной блокады.

По просьбе нескольких рафинеров, большей частью иностранцев, предполагалось ввести налог на русский сахар. По мысли авторов «Записки», мера эта была «вредная для развития этой отрасли и бесполезная для казны, потому что предполагаемый акциз с туземного сахара по настоящему числу и объему заводов

будет ничтожен, между тем, он остановит дух предприимчивости хозяев и желание их даже при местных удобствах устраивать вновь свеклосахарные заводы». Эти заводы, «кроме заводов графов Бобринских, были весьма небольшими. Многие заводы уничтожены в Московской, Калужской, Пензенской и других губерниях, а из существующих заводов сколько идут дурно и убыточно или от неопытности в деле, или от недостатка мастеров, преимущественно оттого, что заводчики по обстоятельствам службы не могут жить постоянно в деревнях, а должны вверять свои капиталы и все заводское производство посторонним людям, подвергаясь обманам и недочетам.

Рафинадные приморские [т.е. балтийские] заводы единственно полезны их хозяевам и небольшому числу работников, тогда как свеклосахарные туземные заводы разливают вокруг себя благосостояние на земледельцев, которые, сами возделывая для заводов на полях своих свекловицу, получают за нее чистые деньги, до 2 руб. за четверть, именно в то время, когда надобно им платить подушные подати, а при том они доставляют к заводу кости, дрова, формы, отвозят в Москву и другие города сахар. Число работников на свеклосахарных заводах потребно в 10 раз более, нежели на рафинадных, и это доставляет земледельцам зимние заработки в своих селениях. В Черниговской, Харьковской, Курской, Воронежской и других черноземных губерниях на имениях, где устроены свеклосахарные заводы, подушных недоимок нет. Сверх того и казенные крестьяне, например в Харьковской губернии, выплачивают накопившиеся на них недоимки. На свеклосахарных заводах в Воронежской губернии начали употреб-

лять каменный уголь, покупаемый на Луганских казенных разработках. На одном заводе А.Д. Черткова в Острогжском уезде, южном безлесном краю, ежегодно сжигают до 150 000 пудов этого угля, привозимого на пароволовых подвозах из Луганска. Этот провоз независимо от ценности самого материала доставляет значительные заработки малороссам и служит к бездоимочной уплате подушных денег. От переработки свеклы остается много мезги, которая дает возможность откармливать в продолжении зимы значительное количество скота, не употребляя муки, овса и сена. Дальнейшая разработка каменного угля, принося выгоды казне, будет благодетельна для всего края».

Правительство при уменьшении пошлин на привозные вина не наложило, однако ж, ни одного акциза на русские виноградные вина, что привело бы, по мнению авторов «Записки», к уничтожению отечественных виноградников. «Напротив, правительство всеми зависящими от него средствами поощряет эту важную ветвь туземной промышленности, выдает награды, раздает земли в лучших частях нашей империи, содержит казенные сады и особых чиновников... Такие благие меры правительства не будут ли в явном противоречии с акцизом на свекловицу и сахарную промышленность. Непредусмотрительность последствий от налога порадует одних иностранцев. В 1844 г. туземный песок продавался по 18, 19, 20 руб. ассигнациями за пуд». К «Записке» был приложен список сахарозаводчиков: в Москве – князь С.И. Гагарин, Ф.В. Самарин, граф В.А. Бобринский, И.Д. Лужин, князь В.И. Мещерский, А.Д. Чертков, И.Ф. Воейков, Н.А. Небольсин,

Д.Н. Свербеев, А.А. Скалон, Н.А. Дивов, С.Д. Нечаев, Тучков, граф Корсаков, А.Н. Бахметев, А.М. Дурнов, В.И. Шеншин; в Воронеже – Тулинов, Горайнов, Шеппинг, граф Кушелев, Корсун; в Курске – Сонцов⁴⁴.

В этой борьбе победили петербургские предприниматели. Только настойчивость графа П.Д. Киселева, министра государственных имуществ (1837–1856), помешала утвердить некоторые пункты правил предполагаемого акциза, которые существенно сдерживали бы деятельность отечественных заводов. 25 февраля 1848 г. был утвержден Устав об акцизе со свеклосахарного производства, при этом в нем были приняты заниженные нормы производительности предприятий, что несколько облегчало положение заводчиков. В новом Уставе от 30 ноября 1863 г. нормы выработки были установлены по показателям прочно устроенных крупных заводов, введен был вместо разнообразного однообразный размер акциза с сахарного песка.

Конкурентная борьба ускорила неминуемое разорение маленьких заводов, особенно тех, которые были расположены в менее благоприятных условиях северных и центральных губерний. Да и организованы они не всегда были так, чтобы иметь перспективы развития. Не у всякого помещика имелся оборотный капитал, нужный для своевременного усовершенствования производства. Лишь большие предприятия, вооружившись паровой энергией, вступили в соперничество с «рафинированными магнатами» Балтики. Разорению мелких предпринимателей способствовал и российский климат с частыми засухами и ранними морозами, губившими урожаи свеклы. 1840 и 1841 годы стали губительными для многих заводов вследствие

увеличения численности насекомых, поедавших свекольные листья, а в 1841 г. другой бич – мошка, неоднократно уничтожавшая всходы свекловицы, совсем лишила многие заводы сырья. Из 164 заводов, существовавших до 1840 г., закрылось около 35, что показывало, как слаба была в целом сахарная промышленность, несмотря на все старания Комитета. Годы 1848, 1849, 1850-й также были очень неурожайными для свекловицы. В 1848 г. завод А.Д. Черткова в Дегтярной слободе бездействовал. Завод его брата генерал-лейтенанта И.Д. Черткова в селе Устье также стоял.

Подстерегали и другие неожиданные напасти. Сахарный завод А.Д. Черткова в Дегтярной сгорел 20 ноября 1850 г. Пламя моментально охватило все здание, уничтожив сахарного песка, патоки и других материалов на 15 тыс. руб. серебром. Александр Дмитриевич, собрав необходимые свидетельства из Воронежской губернии за подписью своего старинного приятеля воронежского военного генерал-губернатора Н.А. Лангеля, просил министра финансов о даровании ему «законной льготы от платежа положенного акциза»⁴⁵.

Но, несмотря ни на что, дело было столь прибыльным, что не переставало расти количество заводов, изменявшихся качественно. В 1851–1852 гг. работали 380 заводов, из которых паровых было 77, огневых – 303. В списке губерний, где успешно действовали сахарные заводы, Воронежская губерния занимала лишь 7-е место по количеству изготавливаемого сахара. В девяти ее уездах 14 заводов, из которых только один был паровой, производили 53 тыс. пудов сахара. Для сравнения: лидировавшая Киевская губерния в своих 11 уездах имела 77 заводов,

в том числе 36 паровых, выпуская 370 тыс. пудов сахара. Неуклонный рост заводов на густонаселенной Правобережной Украине объяснялся тем, что здесь находились более крупные земельные владения и помещики не испытывали недостатка в сырье. Кроме того, сахарная свекла является трудоемкой культурой, поэтому ее было выгодно сажать в тех районах, где плотность населения превышала 50 человек на 1 кв. км⁴⁶.

В Воронежской губернии при отличном качестве чернозема в южных уездах и при существовании многих нераздробленных имений можно было ожидать рост количества свеклосахарных заводов, но этого не произошло. Внимание хозяев в Валуйском уезде было обращено преимущественно на овцеводство и посев пшеницы, которая сбывалась в Бердянске и Мариуполе, в Бобровском уезде — на коннозаводство, дававшее хорошие доходы, в Острогожском уезде — на выделку подсолнечного масла и т.п. У многих помещиков не хватало капитала на постройку завода. Да и плотность населения была гораздо ниже⁴⁷.

Число свеклосахарных заводов

Губернии	1844 г.	1845 г.	1848 г.	1849 г.	1850 г.
Киевская	43	43	70	71	73
Воронежская	12	18	27	15	14

После смерти бездетного Николая Дмитриевича Черткова (14 ноября 1852 г.) братья Александр и Иван поделили его наследство между собой поровну и полюбовно. А состояние было немалым: оно оценивалось в 1 520 502 руб. 96 коп. серебром. Основное его богатство состояло в 55 004

десятинах 1840 саженьях земли и 6251 душе мужского пола по 9-й ревизии (1851 г.). Правда, Александр и Иван Дмитриевичи согласно завещанию брата отпустили на волю 155 человек дворовых и крестьян. Особенной ценностью в лесостепной Воронежской губернии обладали леса: лес строевой и полустроевой занимал 269 десятин, дровяной лес — 727 десятин, лозы — 270 десятин. Приносили неплохой доход винный завод и питейный дом, ярмарочные места, рыбная ловля, 2 мельницы, кирпичный завод, маслособойка, амбары, конный завод с 417 породистыми лошадьми, овчарни, на которых содержалось также 10 258 шпанских овец и 6090 ягнят. После Николая Дмитриевича остались дома в Царском Селе, Воронеже и Москве, стоимость которых составляла соответственно 8000, 4000 и 4000 руб. серебром. Все движимое имущество — денежные капиталы по именным билетам на сумму 725 093 руб. 96 коп. серебром, а также зерно, сено, крупный рогатый скот в 688 голов, мелкий рогатый скот, пчелы и т.п. — делилось между Александром и Иваном Дмитриевичами просто пополам. При разделе недвижимости, более сложном и щепетильном, братья, надо отдать им должное, были деликатны и внимательны друг к другу, максимально учитывали интересы двух сторон. Раздельный акт был окончательно согласован 11 января 1854 г., а утвержден 29 января того же года Московской гражданской палатой.

Львиную долю доходов приносила слобода Россошь с хуторами, где по 9-й ревизии числилось 5462 души при 49 508 десятинах. Александру Дмитриевичу досталась ее северная часть (2488 душ) с хуторами Подгорным при речке Черная Калитва (432 души, 2070 десятин), Осаульским (133 души, 665 десятин), Новопосто-

ялым (65 душ, 385 десятин). Всего — 3118 душ. Он стал владеть также селом Лыченцы и деревней Пески Переяславль-Залесского уезда Владимирской губернии. Эти земли в 1803 г. по купчей перешли к Дмитрию Васильевичу Черткову от его родного брата Николая Васильевича, в 1811 г. они были отданы Николаю Дмитриевичу. Таким образом, Александр Дмитриевич прибавил к своим владениям еще 27 502 десятины 920 сажень земли и 3147 «ревизских мужеского пола душ с их женами, вдовами, девками и с рожденными от них после 9-й ревизии обоюга пола детьми, с пасынками, внучатами, приемышами и со всеми их семействами». Еще прежде, 24 февраля 1850 г., Н.Д. Чертков подарил своему старшему брату хутор Архипов в Острогжском уезде — 460 душ при 4600 десятинах земли⁴⁸. Из особенно ценных и памятных вещей Николая Дмитриевича Александр Дмитриевич получил Всемилоостивейше пожалованную золотую, бриллиантами украшенную табакерку с портретом императора Николая I, медаль, поднесенную от воронежского дворянства, и серебряную вызолоченную кружку.

К Ивану Дмитриевичу соответственно отошло 27 502 десятины 920 сажень земли и 3104 ревизские души: часть росошского имения с хутором Ольховиковом, «что ныне слобода Николаевка (561 душа), хуторами Висицким (169 душ), Скорорыбом при колодце (217 душ), Маловатским (977 душ), Козиным (40 душ), Самойленковым (219 душ), Песчано-Репьевским (161 душа) с заводами конским и мериносовых овец, а также имения Чернивские⁴⁹ (под Москвой, в Подольском уезде), Устенские (село Устье с деревнями Еманчею и Ивановкою, Катенское тож, под Воронежем), дача в Пет-

ровском парке (в Москве, за Тверской заставой, на полевой стороне, за № 22), дача в Царском Селе на Волконской улице и каменный дом в Воронеже близ ц. Чугунной, Московской части, 22-го квартала, под № 311»⁵⁰. Воронежский историк А.Н. Акиншин привел другие цифры, сообщая, что при этом разделе А.Д. Чертков получил 5462 человека крестьян и 49 508 десятин⁵¹. А это, как мы показали, исходя из документов по разделу наследства Н.Д. Черткова, являлось не долей А.Д. Черткова, а представляло собой все имение Росошь в целом.

С хлопотами по управлению хозяйством слободы Росошь на Александра Дмитриевича перешла забота и о замечательной Крестовоздвиженской церкви, которая была построена полковником И.И. Тевяшовым в царствование Петра I. К 1762 г., несмотря на непрестанные усилия Тевяшовых по устройству, украшению и поддержанию церкви, она стала маловместительной (ведь население Росоши росло) и начала ветшать. В 1769 г. была построена двупрестольная церковь с деревянной колокольней. В 1834 г. новый кирпичный храм с четырехколонными портиками и большим куполом, начатый еще Д.В. Чертковым, был достроен его сыном Николаем Дмитриевичем. Старую церковь он велел разобрать, половина леса была перевезена в хутор Лизиновка, в котором престол был освящен в честь Св. Стефана Сурожского — в память деда, Степана Ивановича Тевяшова. А из другой части на хуторе Николаевка была устроена новая церковь с престолом, освященным в честь преподобной мученицы Евдокии, имя которой носила мать Н.Д. Черткова Евдокия Степановна. Александр Дмитриевич

также успел внести свою лепту в устройство Крестовоздвиженской церкви. Священник из Россоши о. Андрей Соколов пришел в Москву пешком поклониться ее святыням. Он обратился к новому помещику с просьбой оказать помощь при сооружении каменной колокольни. Чертков его радушно принял и заказал проект архитектору Буренину. Возможно, речь идет о П.П. Буренине, который работал в Яропольце с жалованьем 1200 руб. в год⁵². В нижнем этаже устремленной ввысь новой каменной колокольни, которая лишь немногим уступала по высоте колокольне Митрофановского монастыря в Воронеже, был сооружен храм в честь благоверного князя Александра Невского, имя которого носил А.Д. Чертков. Сын его, Г.А. Чертков, пожертвовал 700 руб. на устройство иконостаса, а также ценные ризы и стихарь, вытканые из нити чистого серебра⁵³.

Обосновавшись со своим семейством в Москве, А.Д. Чертков стал приводить в порядок и свои московские имения и обзаводиться новыми. Как мы помним, от родителя ему досталось село Семеновское с деревнями Сальковой и Насоновой в Дмитровском уезде, имевшие земли — 675 десятин и крепостных по 9-й ревизии — 100 мужчин и 115 женщин. В Семеновском находилась православная церковь, был пруд, в 1859 г. здесь насчитывалось 18 дворов, 60 мужчин и 80 женщин. Деревня Салькова располагалась на речке Кузминке, в 1859 г. здесь было 6 дворов, в которых проживало 25 мужчин и 37 женщин. Деревня Насоновая с прудом была самой многолюдной — 19 дворов, в которых жили 81 мужчина и 81 женщина⁵⁴. В 1841—1843 гг. Чертков возвел в Семеновском новый каменный дом стоимостью

в 14 819 руб. В 1846 г. он занялся постройкой скотного двора и хозяйственных строений — 4000 руб., в 1847 г. 2000 руб. ушли на «страховку скотного двора, мельницы и делание кирпича; паточный подвал». Похоже, что здесь Чертков построил кирпичный завод. В 1849 г. он получил доход от имения в 29 468 руб. Из Семеновского крестьяне за установленную плату везли дрова в Москву, в господский дом на Мясницкой.

Однако семья Черткова предпочитала проводить лето, уезжая из пыльной Москвы, не в дальнем Семеновском, а в Курове, в имении по реке Уче, «в 26 верстах от Троицкой заставы, по Ярославскому тракту влево 8 верст». Село Курово с деревнями (Акулово, Гора, Косвязино, Соколова, Суходол, Хохловка, Чепчикова) и сельцо Черкасова Гора в Московском уезде были приобретены в 1840 г. по крепостной купчей у Иосифа Альжаповича Де-Брикара с 660 душами и 3528,5 десятинами земли и «разных угодий в окружающих местах». В Курове стояла церковь и имелось 12 дворов, где проживали помимо крепостных крестьян (25 мужчин и 21 женщина) еще дворовые Черткова (33 мужчины и 32 женщины). По 9-й ревизии всего в имении насчитывалось 633 мужчины и 645 женщин. В Курове «к господскому дому был построен коридор», в имении — новая кирпичная теплица, новая водяная мельница с сукновальным инструментом. В конце XIX в. в Курове было 2 церкви, 250 жителей. Но ныне на карте это село Чертковых уже не отыщешь. В 1937 г. оно вместе с другими деревнями имения ушло под воду Пестовского, или Учинского, водохранилища, части системы канала имени Москвы. Посреди водохранилища воз-

вышается только село Черкасова Гора, переименованное в Пестово. В свое время Черкасова Гора с 29 крестьянскими дворами (86 мужчин, 103 женщины по 9-й ревизии), где живописно располагался господский дом и оранжерея, досталась дочери А.Д. Черткова Софье Александровне Ермоловой. Позднее село было продано ее наследниками фабрикантам Арманд. Сохранились двухэтажное здание усадьбы, перестроенное в середине XIX в., и пейзажный парк, переходящий в лес. В настоящее время здесь находится дом отдыха⁵⁵.

24 июня 1847 г. в Дмитровском уезде А.Д. Чертковым было приобретено на аукционном торге за 19 010 руб. серебром имение Мельгуновой – село Степановка при пруде с 55 душами «по последней 9-й ревизии, земли и угодий – 369 десятин»⁵⁶. Доход с имений А.Д. Черткова Ольховатка, Дегтярное, Семеновское, Сеньково, Курово, Степаново, московского дома с 1840 по 1849 г. варьировался от 126 594 руб. (1843 г.) до 373 442 руб. (1848 г.).

По достижении Григорием Александровичем Чертковым 21 года Александр Дмитриевич подарил своему сыну доставшиеся ему от отца имения в Московской губернии: деревню Обушково⁵⁷ Клинского уезда с 32 душами, деревню Костино Дмитровского уезда при прудах с церковью, с 58 душами, деревню Нестерцово при реке Кузминке с 20 душами; всего 110 душ крепостных и 705 десятин земли. «Цена оному подаренному мною имению серебром 16 500 руб.», что было подтверждено дарственным документом от 17 июля 1853 г.⁵⁸.

С годами Александр Дмитриевич все чаще стал задумываться о судьбе своих немалых владений и о будущем своего рода. На его глазах огромные состояния знатных дворянских фа-

милией уничтожались, причиной чему была не только разгульная жизнь и мотовство, нежелание заниматься собственным хозяйством, вверение своих дел недобросовестным управляющим-шарлатанам и т.п. Земельные владения дробились между наследниками, в виде приданого переходили в другие фамилии. На это явление обратил внимание еще Петр I, который попытался ввести закон о единонаследии, чтобы предупредить измельчание дворянских родов, разорение крестьян и вред государственным интересам. Но майорат тогда не прижился в среде русских дворян, не представлявших себе, как можно обделить других своих чад в пользу только одного. Усвоение привычек, мод, языка Франции и более близкое знакомство с аристократическими порядками Западной Европы делали идею о дворянском майорате достаточно приемлемой и на русской почве. Она была включена в проекты освобождения крестьян, предложенные П.Д. Киселевым и Е.Ф. Канкриним. С 1831 г. все чаще и чаще дворяне начали обращаться к верховной власти с просьбой об учреждении майората. В 1845 г. было издано положение о заповедных имениях. Заповедное имение признавалось собственностью не одного настоящего владельца, но целого рода. Оно могло учреждаться по утверждению государя при самом пожаловании имения или по воле владельца. Заповедные имения насчитывали не менее 400 и не более 4 тыс. крестьянских дворов, полагая от 4 до 5 ревизских душ на каждый двор, или включали не менее 10 тыс. и не более 100 тыс. десятин удобной земли, не обязательно заселенной, и при этом требовалось, чтобы оно приносило ежегодно доход не менее 12 тыс. и не более

200 тыс. руб. серебром. Впрочем, позволялось учреждать заповедные имения и в большем размере, если в них находились заводы, фабрики и иные заведения промышленности⁵⁹.

Опыт и глубокая осведомленность, приобретенные по должности губернского предводителя московского дворянства, стремление сохранить богатейшие воронежские поместья в своем роду привели Александра Дмитриевича к мысли о необходимости майората, согласно которому владение переходило к старшему сыну, не подлежало продаже и передавалось в наследство по нисходящей линии в мужском поколении. 9 сентября 1857 г. Чертков написал прошение московскому губернскому предводителю дворянства П.П. Воейкову о выдаче свидетельства для учреждения майората:

«Имею я родовое населенное недвижимое имение, Воронежской губернии в Острогжском уезде слободы Ольховатку и Россошь с принадлежащими хуторами в количестве 8787 душ мужского пола по последней 9-й ревизии. Имение сие желаю обратить в заповедное на основании Высочайше утвержденного 16 июля 1841 г. положения о заповедных наследственных имениях, которые после смерти моей должны перейти сыну моему, Стрелковского батальона императорской фамилии подпоручику Г.А. Черткову, как старшему в роде в нисходящем от меня мужском поколении.

Небезызвестно Вашему превосходительству, что кроме сына Григория я имею 3 дочерей: Елизавету, по мужу поручицу княгиню Голицыну, Софью, по мужу штаб-капитаншу Ермолову, и девицу Александру, для обеспечения участи которых остаются мои имения, не входящие в состав заповедного, а именно:

Родовые:

Воронежской губернии в Валуйском уезде сельцо Дегтярное и деревня Ивановка, в которых по 9-й ревизии мужеска 851 душа, женска 891 душа, земли и разных угодий в окружающих местностях — 8850 десятин.

Московской губернии в Дмитровском уезде село Семеновское с деревней Сальковою и Насоновою, по 9-й ревизии муж. 100, жен. 115, земли в окрестной — 675 десятин.

Владимирской губернии в Переяславле-Залесском уезде сельцо Лыченцы и деревня Пески, по 9-й ревизии муж. — 29 душ, жен. — 36 душ, земли к ним — 355 десятин.

Благоприобретенные, за мною состоящие:

Московской губернии в Московском уезде село Курово с деревнями, по 9-й ревизии муж. — 633 души, жен. — 645 душ, земли и разных угодий в окружающих местах — 3528 1/2 десятин.

[В] Дмитровском уезде сельцо Степаньково, в котором по 9-й ревизии муж. — 44 души, жен. — 53 души, земли и угодий 369 десятин.

Сверх того, родовое населенное имение жены моей Е.Г. Чертковой, урожденной графини Чернышевой, — Орловской губернии и уезда село Сеньково с деревнями: муж. — 778 душ, жен. — 831 душа, земли в окрестном месте — 4567 десятин.

А всего населенных имений, не входящих в состав заповедного — муж. — 2435 душ, жен. — 2571 душа, земли и угодий — 18 344 1/2 десятины.

Сверх того, в Москве, в Мясницкой части, в 2-м квартале, дом каменный 2-этажный, с 4 такими же флигелями. Имения сии, кроме Орловского, ни в каком залоге не состоят. Для установления майоратства в сказанной части моего имения я располагаюсь войти по сему предмету с

особым всеподданнейшим прошением к Его Императорскому Величеству».

Свидетельство для учреждения майората было выдано Черткову московским губернским предводителем дворянства 10 сентября 1857 г.⁶⁰. Однако Александру Дмитриевичу не удалось оформить майорат. Действие закона о майоратах было весьма ограниченным: до 1861 г. только 17 крупных родовых имений были объявлены не подлежащими дроблению.

Уезжая осенью 1857 г. за границу на длительный срок и «не зная, благоволит ли Всевышний продлить... жизнь до возвращения обратно в Россию», Александр Дмитриевич с согласия супруги Елизаветы Григорьевны составил в октябре 1857 г. духовное завешание своим детям. Родовые имения свои — слободы Ольховатку и Россошь в Воронежской губернии, село Семеновское с деревнями в Московской губернии, сельцо Лыченцы с деревнями во Владимирской губернии он отдавал своему сыну в потомственное владение. Трех дочерям, которые должны были, согласно его воле, тянуть жребий, он оставлял: 1) сельцо Дегтярное с деревнями в Воронежской губернии (досталось по жребию Александре); 2) село Курово с деревнями и сельцо Степаньково (владелицей стала Софья Ермолова) и 3) село Сеньково в Орловской губернии (перешло к Елизавете Голицыной), «с тем, чтобы тем из наших дочерей, которым достанется по жребию Курово и Сеньково, уже ничего не требовать из моего Александра родового имения».

Александр Дмитриевич по своей любви к дочерям желал, чтобы каждая получила по 1 тыс. душ крепостных, поэтому он намеревался по возвращении в Россию докупить

недостающую 691 душу (для сельца Дегтярное — 149 душ, для села Сеньково — 222 души, для села Курово — 320 душ). Однако в случае смерти в дальних краях Чертков предусматривал для покупки 691 души выдачу денег — по 300 руб. серебром за душу. Нужную сумму в 207 300 руб. следовало взять из капитала, собранного заботливым отцом в течение многих лет и хранимого в Московском Опекунском совете.

В селах Курово и Степаньково имелось 1065 десятин леса крупного и мелкого, оцененного до 250 тыс. руб. серебром. Александр Дмитриевич завещал той дочери, которая по жребию вытянет эту долю его наследства, выделить 500 десятин крупного и мелкого леса к своему Куровскому имению, а остальные 565 десятин «разделить на 3 равные части между 3 сестрами и выдать им принадлежащие натурою без земли или деньгами по добросовестной оценке избранных ими поверенных».

Александр Дмитриевич распорядился также «взнести в Сохранную казну на вечное время на имя 6 приходских церквей наших имений и одной московской по 1 тыс. руб. сер. с тем, чтобы проценты с оных ежегодно выдавались священно-церковнослужителям за поминовение покойных родителей наших и нас»⁶¹.

Мы видим, что А.Д. Чертков, несмотря на свои дорогостоящие ученые увлечения и благотворительность, не только не истощил родительское достояние, но значительно его приумножил, и не столько приобретением новых имений, сколько повышением их доходности за счет развития в них в первую очередь тонкорунного овцеводства и производства свекловичного сахара. В 1859 г. среди 63 крупнейших помещиков России, которым принадлежало

от 5000 крепостных, встречалось много имен потомков выдающихся вельмож XVIII в. — Потемкина, Шувалова, Меншикова, Воронцова, Панина, Безбородко, Чернышева, Орлова, Зубова, которые в эпоху Петра I, Елизаветы Петровны, Екатерины II, Павла I были фаворитами и государственными деятелями, щедро оделяемыми населенными имениями. В этом списке, который венчается фамилией графа С.Д. Шереметьева с 146 853 крепостными, А.Д. Чертков стоит на четырнадцатом месте при 13 888 крепостных.

После смерти Александра Дмитриевича Черткова его сын Григорий Александрович приступил к хозяйствованию в своих воронежских угодьях. (Раздельный акт состоялся 29 января 1860 г. во 2-м департаменте Московской гражданской палаты.) Начало было весьма успешным. В Ольховатке согласно 10-й ревизии (1858 г.) число жителей увеличилось до 7759 душ обоего пола. В слободе в 1866 г. имелась каменная церковь, 2 каменных общественных дома, 1 каменная и 7 деревянных лавок, ренсковый погреб⁶², 18 питейных домов, 7 постоянных дворов и 1278 частных домов, 7 маслобоен, кирпичный завод, 1 водяная и 43 ветряные мельницы. Для призрения немощных и больных в Ольховатке была даже богадельня, которая в 1860-е гг. содержалась за счет dobroxотов. В слободе работали 2 училища, где учились 89 мальчиков и 20 девочек. Жители были заняты главным образом хлебопашеством. Базары по воскресеньям и ярмарки, устраиваемые три раза в году, по-прежнему радовали своим изобилием.

В Воронежской губернии насчитывалось 14 свеклосахарных заводов, дававших 194 844 руб. прибыли. В Острогжском уезде было 2 завода,

которые принадлежали Г.А. Черткову, и они производили сахара на 95 500 руб. в год⁶³. Завод в Ольховатке, отличавшийся превосходным техническим устройством, ежегодно выпускал сахара на 60 000 руб. На нем работало 10 мастеров и 400 рабочих. Сахар сбывался преимущественно в Москву. Между Ольховаткой и Россошью Г.А. Чертков построил паровую мельницу, которая удивляла современников как своим устройством, так и обширностью производства (она изготавливала манную крупу и крупчатую по американскому методу), раструсную мельницу о 6 поставах, маслобойню и сукновальню⁶⁴.

В слободе Россошь, где в 1859 г. проживало 5544 человека (мужчин — 2701, женщин — 2843, всего 813 дворов), находилась 1 каменная церковь, 7 каменных зданий, 865 деревянных, 8 деревянных лавок, 6 постоянных дворов, 16 питейных заведений, из них 1 ренсковый погреб, оборот их достигал 22 850 руб. Здесь также имелся 1 кирпичный завод, 2 маслобойни, до 40 ветряных мельниц, 1 училище на 30 мальчиков, где за обучение взималась плата, 1 богадельня при Крестовоздвиженской церкви, которая содержалась на dobroxотные подаяния и проценты с капитала в 1000 руб., пожертвованных Г.А. Чертковым. В 1861 г. там жило 14 человек, стоимость земли и здания составляла приблизительно 2500 руб.⁶⁵. Помещик разводил в своих овчарнях тонкорунных овец-мериносов до 7000 голов, крестьяне выращивали только простых⁶⁶.

Воронежская губерния занимала едва ли не первое место во всей империи по количеству конных заводов — 170. В Острогжском уезде имелось 20 заводов, на которых разводилась исключительно порода рысистых лошадей, заводов верховых лошадей

было весьма немного. Лучшие частные заводы принадлежали князю Орлову, Тулинову, Казакову, Северцеву, Станкевичу, Черткову. Лошади с частных заводов главным образом продавались в Москве и Петербурге и частью на самих заводах, на местные же ярмарки лучшие заводские лошади не выставлялись. Цены на лошадей частных заводов составляли от 100 до 3000 руб. серебром и дороже⁶⁷. В 1866 г. в уезде их количество сократилось до 9. Лучшие заводы — завод Черткова в слободе Россошь, который был устроен еще Дмитрием Васильевичем, завод Фирсова в Ровеньках, завод у Мещерских и Винтуловых в Екатериновке⁶⁸.

Чем менее уезды были населены, тем они богаче были домашним скотом. Острогской уезд поражал количеством тонкорунных овец — 191 784, в чем безусловная заслуга принадлежала семье Чертковых и их ближайшим родственникам — семьям женщин из рода Чертковых. Благодаря их стараниям жители уезда получали дополнительный экономический стимул. Хутор Лизиновка (имение И.Д. Черткова) обладал при 2197 жителях церковью, заводами конским, кирпичным, овчарнями мериносов, в нем проводилась ярмарка; в слободе Александровка, имении Сонцовых, было 2156 жителей, заводы винокурный, кирпичный, конский, маслостойный, овчарня мериносов, имелась церковь и проводились 2 ярмарки. В Марьевке (имение Шеппинг) при 1219 жителях имелась церковь, были построены училище, больница, заводы винокурный, сахарный, кирпичный и, конечно же, овчарня⁶⁹.

Однако имение Г.А. Черткова в Воронежской губернии (более 29 тыс. десятин) со временем было

куплено братьями Плотичными, затем за долги перешло к Государственному банку, вновь выкуплено почетными гражданками, первой гильдии купчихами О.А. Овсянниковой (более 2 тыс. десятин) и А.А. Дьячковой... Менялись хозяйева, менялось государство, а сахарный завод в Ольховатке продолжает работать и поныне. Его доля по сбору сахарной свеклы и по производственным мощностям заводов Воронежской области составляла в конце 60-х гг. XX в. около 20%⁷⁰. Таким образом, А.Д. Чертков на века определил характер и направления экономического развития этого района.

На 25-летнем юбилее Московского общества сельского хозяйства в 1846 г. второй вице-президент Общества А.А. Прокопович-Антонский сказал: «Соединить теорию с самой практикой, науку с земледелием — цель Общества. Члены Общества предложили в собственных своих имениях принимать меры к совершенствованию того, что обществом могло быть признано полезным, и примером своим убеждать к улучшению хозяйства других соотечественников: введение во многих поместьях плодопеременного хозяйства, травосеяние, разведение для сахарного производства свекловицы, картофеля, научного пчеловодства, новых улучшенных орудий земледельческих. Имена графа Нессельроде, графа Бобринского, Рикорда, Броневского, Самарина, Черткова, Мальцова и др., употребивших свои капиталы и труды для различных полезных нововведений хозяйства и тем способствовавших усилению сельской промышленности, будут с признательностью повторяемы русскими хозяевами и любителями отечества»⁷¹.

ГЛАВА 3

А.Д. ЧЕРТКОВ И ЕГО ВОЗЗРЕНИЯ

Автор справочника «Собиратели и меценаты московского Английского клуба» А. Буторов упрекнул А.Д. Черткова, что тот в 1822 г. вышел в отставку и «вместо того, чтобы создавать тайные общества и масонские ложи, предпринял длительное заграничное путешествие, во время которого внимательно изучал памятники археологии», а «многие дворяне, его сверстники и даже близкие родственники, в это время бредили революционными идеями, “французской заразой”». «В 1828 г. Чертков возвратился в Москву, где в 1830 г. вступил в члены московского Английского клуба»¹. Доказывать современному историку Английского клуба незнание им как биографии А.Д. Черткова, так и конкретной ситуации в России 1822 г. — дело скучное. Важнее другое, что Буторов еще раз подтверж-

дает то правило, которое глубоко вошло в наше сознание: когда мы определяем свое отношение к представителям русского дворянства той эпохи, мы вольно или невольно «равняемся» на движение декабристов, оценивая современников исходя из того, на чьей стороне довелось им оказаться зимой 1825 года.

Движение декабристов, породившее поистине огромную литературу и, казалось, исчерпанное исследователями, сейчас вновь притягивает к себе внимание ученых. Из всего комплекса вопросов, вновь обсуждаемых специалистами, коснемся одного из основополагающих — вопроса о персональном составе декабристских обществ. Ныне ни у кого не вызывает сомнения, что помещенный в «Алфавите» А.Д. Боровкова перечень в 570 человек не полностью отражает реальный круг

декабристов. «В условиях следствия принадлежность к тайному обществу могла быть по разным причинам утаена; некоторые лица не названы вовсе». Историками отмечено, что подследственные, по крайней мере многие из них, старались не впутывать своих знакомых, мало замешанных в деле. В определенный момент Николай I посчитал нужным ограничить число лиц, привлеченных к следствию, отсесть второстепенных членов тайного общества, поэтому первоначальные общества декабристов не интересовали следствие, разбивавшего дела куда важнее: о двух реальных восстаниях и о бесчисленных «намерениях цареубийства». Те члены «Союза Благоденствия, или Общества Зеленой книги» (1818—1821), которые не принадлежали к Коренной управе и впоследствии не вступали в другие тайные общества, не попадали под следствие, как не участвовавшие в покушении на жизнь императора². Не привлеченные к следствию лица, как правило, не рвались афишировать свою принадлежность или причастность к преследуемым правительством тайным обществам ни в 1825—1826 гг., ни в последующую эпоху. Поэтому совершенно справедливо замечание академика М. В. Нечкиной: «Мы до сих пор не знаем ни общего облика, ни конкретной деятельности многих декабристов, особенно относившихся к “Союзу Благоденствия”», самой крупной, самой массовой организации декабристов. Точное число членов «Союза Благоденствия» неизвестно. В доносе М. К. Грибовского сообщалось, что в 1818 г. «число членов возросло более двухсот», и, по воспоминаниям И. Д. Якушкина, в 1819 г. превысило 200 человек. Благодаря кропотливой работе с мемуарной литературой, документами

судебных, следственных и полицейских органов, а также поискам новых материалов идет настойчивое выявление «безвестных декабристов»³.

Но фамилии А. Д. Черткова нет ни среди 570 имен «Алфавита» А. Д. Боровкова, ни в новых дополнениях. Ее не встретишь и в работах, в которых изучается так называемое «околодекабристское окружение». В архиве Александра Дмитриевича также не сохранилось бумаг, которые бы отчетливо свидетельствовали о причастности его к тайным организациям или масонству. Время было сложное, и не всеми документами дорожили. Известно, что многие члены декабристских организаций успели перед арестом уничтожить все компрометирующие их бумаги. Например, Н. М. Муравьев и граф З. Г. Чернышев были одновременно предупреждены орловским губернатором Сонцовым, мужем сестры А. Д. Черткова. Сонцов получил от дежурного генерала А. Н. Потапова предписание арестовать Муравьева, отобрать и запечатать принадлежащие ему бумаги. Замечательный историк Н. М. Дружинин, всесторонне исследовавший биографию Н. М. Муравьева, его взгляды, обратил внимание, что в приложении к следственному делу Муравьева отсутствуют какие бы то ни было личные документы, изъятые при обыске. В бумагах Н. М. Муравьева, сохраненных его потомками, содержатся в основном разнообразные исторические и военные записки. «Обзор этого семейного наследства, — подчеркивал историк, — внушает определенную мысль, что из него сознательно изъяты малейшие намеки на политические интересы и занятия арестованного декабриста»⁴.

Но ведь Чертков не просто был современником эпохи создания тай-

Екатерина Федоровна Муравьева с сыном Никитой. 1799—1800 гг.

Екатерина Федоровна Муравьева. 1827 г.

ных обществ, а служил в гвардии в самом Петербурге и при своей наблюдательности не мог не заметить этого явления, тем паче, что идеи «Союза Благоденствия» его члены не скрывали, а напротив, они являлись их глашатаями. «Участники тайных обществ, придерживаясь свободного образа мыслей, на публике тоже говорили так, как думали. И мысли свои они обычно выражали достойно, без страха не угодить одним, вызвать неудовольствие других или же скомпрометировать себя в глазах властей. Они и писали бы точно так же, если бы им это было дозволено», — подтверждал Н.И. Тургенев. В конце концов, причастность к тайным обществам делалась даже модной. Да и после 1825 г. декабристы не исчезли из русского общества. Поэтому вполне правомочен вопрос об отношении Черткова к декабристам и шире — к декабризму. За неимением прямых материалов нам придется оперировать в основном косвенны-

ми данными, поэтому результаты размышлений не могут претендовать на определенную завершенность и категоричность в выводах.

В 1828 г. А.Д. Чертков вошел в семью Е.Г. Чернышевой и добровольно принял на себя весь тяжкий груз ее проблем: отстаивание прав на чернышевский майорат, хлопоты о смягчении участи З.Г. Чернышева, что было описано нами прежде. Но и нелегкая доля Н.М. Муравьева и его семейства в далекой Сибири не оставляла Черткова безучастным, о чем глухо свидетельствуют некоторые уцелевшие документы.

Екатерина Федоровна Муравьева, мать Н.М. Муравьева, после отъезда невестки Александрины Григорьевны в далекую Сибирь переехала с тремя внучатами в Москву, в приготовленный для нее заранее В.А. Жуковским дом, и отсюда, пользуясь всяким представлявшимся случаем, посылала сыновьям деньги. Так как через III отделение

Никита Михайлович Муравьев

Александрина Григорьевна Муравьева, ,
урожденная Чернышева

М.М. Фролова. Александр Дмитриевич Чертков (1789 — 1858)

Церковь и могила А.Г. Муравьевой в Петровском заводе

можно было отправлять только ограниченные суммы, то Екатерина Федоровна пользовалась всяческими оказиями. Конечно, многое пропало, но все же сыновья ее получали около 40 тыс. в год, что позволяло А.Г. Муравьевой оказывать и широкую поддержку неимущим товарищам. Н.М. Муравьев в августе 1830 г. вместе с другими декабристами был переведен из Читы на Петровский завод. Здесь он был помещен в каземат вместе с младшим братом Александром, М.С. Луниным⁵ и Ф.Ф. Вадковским. Получая немалые суммы, А.Г. Муравьева выстроила себе просторный дом с садом, библиотекой и детской. В ее распоряжении были гувернантка, повар и горничная. Е.Ф. Муравьева непрерывно снабжала сыновей запасами провизии, мебелью, утварью, книгами. Иногда по сибирскому тракту направлялись целые обозы с разнообразными грузами для декабристов.

В Сибири у Муравьевых родились три дочери, две из них умерли, не прожив и года. В 1832 г. Н.М. Муравьева поразил двойной тяжелый удар: сначала умерла его недавно родившаяся дочь, а затем после продолжительной болезни ушла из жизни его супруга, которой в воспоминаниях ссыльных декабристов посвящались самые теплые, порой восторженные строки. Горе Н.М. Муравьева почти совпало с окончанием тюремного заключения его брата Александра. Он не пожелал оставить удрученного тяжкими потерями старшего брата, четырехлетняя дочь которого Софья жила за пределами каземата. Указом 14 декабря 1835 г. Н. Муравьев был освобожден от каторжных работ и «обращен на поселение». Благодаря настойчивым и заблаговременным ходатайствам Е.Ф. Муравьевой о том, чтобы обеспечить сыновьям более благоприятные

жизненные условия, братьев Муравьевых и доктора Христиана Вольфа, опытного врача, чья постоянная помощь могла обезопасить жизнь болезненной дочери, определили на жительство в селении Урик, в 17 верстах от города Иркутска – в том же месте, где устроился М.С. Лунин, а несколько позднее – Волконские.

Мать прислала на переезд 10 тыс. руб. ассигнациями, специально купленную карету и новый обоз вещей для домашнего обзаведения. Осенью 1837 г. Муравьевы устроились в новом, отстроенном по плану доме. Постройка дома обошлась в 23 тыс. руб. Муравьев вел оживленную переписку не только с матерью и детьми, но и с сестрами покойной жены. Получая множество книг и журналов, он был в курсе всех политических событий в России и в Западной Европе⁶. Весной 1843 г. Никита Муравьев заболел от случайной простуды и 28 апреля умер на руках своего брата и дочери. Известие о его смерти поразило тяжелым ударом престарелую Екатерину Федоровну.

А.М. Муравьеву (1802–1853) было позволено поступить на государственную службу; в 1837 г. он был определен канцелярским служителем в Тобольское губернское правление и дослужился до звания советника губернского правления. В 1837 г. А.М. Муравьев женился на жившей в семье декабриста С.Г. Волконского гувернантке немке Жозефине Адамовне Брахман, очень милой и образованной, которую любил страстно. У них было три дочери и сын, любимец отца. В сентябре 1853 г. А.М. Муравьев получил разрешение переехать в Курск, но воспользоваться им уже не смог. 14 ноября 1853 г. он умер в Тобольске⁷.

Без нежного внимания Александрины Муравьевой ее единственный

Александр Михайлович Муравьев

Николай Николаевич Муравьев-Карский

сын, оставшийся на попечении бабушки, Е.Ф. Муравьевой, вскоре умер, а дочери вдали от матери, лишенные ее забот, обе тяжело заболели. Одна (Елизавета) умерла совсем юной, другая — Екатерина (1824—1870) — «не вынесла тяжелого горя, висевшего мрачным покровом над осиротевшим домом, почти монашеского затворничества с ослепшей, убитой горем бабкой, тоски и постоянного ожидания свидания с любимой матерью и сошла с ума»⁸.

Освежая в памяти известные факты биографии Н.М. Муравьева, его удивительной супруги, читатель вправе задать вопрос: «Но при чем здесь А.Д. Чертков?» Сохранились некоторые документы, на основании которых мы можем предполагать, что роль А.Д. Черткова в судьбе Муравьевых была весьма существенна. Он был утвержден опекуном над «малолетними детьми бывшего капитана Никиты Михайловича Муравьева девицами Екатериною и

Елизаветою» вместе с тайной советницей Екатериной Федоровной Муравьевой и генерал-лейтенантом Николаем Николаевичем Муравьевым. Н.Н. Муравьев-Карский был в молодости членом «Священной артели» и, по воспоминаниям С.П. Трубецкого, членом тайного общества декабристов, но к следствию не привлекался и наказания не понес. Правительство доверило ему командовать в 1835—1837 гг. 5-м пехотным корпусом, в 1848 г. — гренадерским корпусом. В Крымскую войну 1853—1856 гг. он был заместителем на Кавказе и главнокомандующим Отдельным кавказским корпусом. Почетное добавление к своей фамилии — Карский он заслужил за взятие турецкой крепости Карс в 1855 г.

По указу Николая I от 24 апреля 1839 г. надлежало «имение малолетних детей умершей капитанши Александры Муравьевой, состоящее в Елецкого уезда слободе Засосенская — 386 душ, слободках Анненская

и Задонская — 183 душ, Рязанской губернии Ряжского уезда, взять в ведение Дворянской опеки с оставлением над малолетними опеки»⁹. За точным описанием имений, требовавшимся для Дворянской опеки, внимательно проследил Чертков. Он и впредь как опекун наблюдал за состоянием недвижимого имущества дочерей Н.М. Муравьева.

Семья Муравьевых с получением наследства после смерти деда, сенатора Ф.М. Колокольцева, в 1818 г. стала обладательницей 90 тыс. десятин земли и почти 5 тыс. душ¹⁰. Их владения находились в 14 уездах 11 губерний. Из некоторых воспоминаний декабристов явствовало, что А.М. Муравьев был богаче других, потому что мать его перевела всю следуемую ему часть имения на деньги, что составляло около 300 тыс. серебром, и посылала с них проценты, на которые он мог жить в Тобольске весьма хорошо¹¹. Приводимый ниже документ из фонда Муравьевых уточняет это свидетельство: «Вдова тайного советника Екатерина Федоровна Муравьева, имея в виду невозможность передать сыну ее Александру и семейству его недвижимое имение, единственною законною наследницею которого представлялась в то время умалишенная дочь старшего сына ее Никиты, рожденная в 1824 г., прежде лишения ее отца всех прав, в видах обеспечения семейства второго сына Александра заложила все свои недвижимые имения в 153 444 руб., положила этот капитал в сохранную казну для сына Александра, его жены Жозефины Адамовны и внука Михаила и, кроме того, выдала 11 октября 1844 г. г-ну Черткову 4 крепостных заемных письма на сумму 60 тыс. с тем, чтобы он передал их ее сыну Александру или его семейству»¹².

Чужому или равнодушному человеку, согласитесь, не доверяют обеспечение будущности своих бесконечно дорогих близких, страдавших вдали от отчего дома. Не кому-нибудь из многочисленной родни Чернышевых или Муравьевых, а именно Александру Дмитриевичу Черткову поручаются немалые деньги в полной уверенности, что он все исполнит в точности. Такое доверие не могло возникнуть вдруг, а выросло, думается, в совместной заботе о сосланных декабристах. Может быть, Чертков оказывал важную помощь при составлении тех обозов с вещами, провизией, которые несчастная мать переправляла своим сыновьям? Известно, что на поселении Н.М. Муравьев занимался сельским хозяйством. Он изучал новейшую агрономическую литературу, выписывал отборные семена, завел сельскохозяйственные орудия, построил мельницу. В литературе обычно в безличной форме отмечается присылка книг из далекой Москвы в Сибирь. Понятно, что сама Е.Ф. Муравьева была не компетентна в подборе специальной научной литературы. Скорее всего, этим занимался А.Д. Чертков. Собирая тщательно свою библиотеку, он не упускал из виду ни одной новинки, к тому же, состоя в Московском обществе сельского хозяйства, он был в курсе всех последних достижений науки. Чертков также через Общество мог заказывать самые лучшие семена и сельскохозяйственные орудия и т.п.

В 1848 г. Е.Ф. Муравьева умерла. М.П. Погодин в некрологе писал: «Какие горести, какие страдания, какие удары! Близких родных ее не много было в церкви»¹³.

После смерти Н.М. Муравьева его дочь Софья Никитична Муравьева (1829—1892) согласно воле государя

Софья Никитична Бибилова, урожденная Муравьева

была записана в Екатерининский институт. Еще прежде сестры Чернышевы не раз подавали прошения о возвращении Софьи, потерявшей

мать, из Сибири в Москву, на что получали неизменный отказ. Теперь «ее бабка и тетки ее матери, пользуясь сильными своими связями при

дворе и опасаясь за ее здоровье, стали хлопотать о разрешении увезти ее за границу. Софья долго жила со своей теткой графиней Чернышевой-Кругликовой в Италии, а потом в Висбадене. После ее смерти она осталась на попечении своих теток со стороны матери и очень их любила». Софья Никитична вышла замуж за своего дальнего родственника Михаила Илларионовича Бибикова, отец которого не был декабристом, но волей случая пострадал¹⁴. Михаил Илларионович служил сначала в Петербургском уланском полку, а потом, чтобы быть ближе к дяде, Матвею Ивановичу Муравьеву-Апостолу, и восстановить с ним хоть какую-нибудь связь, устроился адъютантом к генерал-губернатору Сибири графу С.Г. Строганову (1794—1882). В Сибири он впервые познакомился с Софьей Никитичной. После свадьбы он вышел в отставку и поселился в Москве¹⁵. В их доме на Малой Дмитровке по пятницам собирались декабристы: Волконский, Трубецкой, Свистунов, Оболенский, Поджио, барон Розен, Сутгоф, Якушкин и многие другие, вернувшиеся из Сибири. Бибикова также добавляла: «Вспоминались львиная голова А.П. Ермолова, характерная фигура Николая Николаевича Муравьева-Карского, Закревского, tante Nathalie, tante Lise и многих, многих других»¹⁶.

Однако связь А.Д. Черткова с декабристами простиралась далее семейного круга и она была гораздо глубже, нежели чем исполнение родственных обязательств, как можно воспринять заботу Черткова о З.Г. Чернышеве и о Муравьевых. Чертков служил в лейб-гвардии Конном полку, которого непосредственно коснулась политическая пропаганда, ведшаяся членами

«Союза Благоденствия», поставившими перед собой задачу привлечения большего числа новых членов. Хотя «тайные общества почитали непременною обязанностью иметь соумышленников во всех сословиях, во всех родах службы и даже между духовенством, но дух преобразования нашел отголосок только между военными, служащими или отставными, а из числа гражданских известны три или четыре человека; из прочих же сословий нет никого»¹⁷. Мало-помалу было привлечено множество офицеров Главного штаба, Измайловского, Семеновского, Егерского, Московского, Конногвардейского полков и гвардейской артиллерии. Гвардейские офицеры, по свидетельству Н.И. Тургенева, отличались «особенной свободой взглядов и смелостью, с которой они их высказывали»¹⁸.

«Главная мысль составлявших общество членов была... дать России конституцию... и что первую мерю к сему должно служить освобождение крестьян от крепостности помещикам». В ожидании многих реформ от правительства Александра I, которые должны были, как полагали декабристы, встретить мощное сопротивление помещиков-крепостников, члены тайной организации взяли на себя труд подготовить общественное мнение к восприятию ожидаемых преобразований. На этом этапе господствовало убеждение в его всесильности. «Мнение правит миром», — утверждала просветительная философия XVIII в. Следовало создавать могущественное передовое общественное мнение в России, незаметно управляемое, способное воздействовать на верховную власть, и подготовить страну и общество к восприятию будущей конституции. Практические методы совершения

«революции в умах» были развернуты в уставе «Союза Благоденствия», получившем по цвету переплета название «Зеленая книга».

«Союз Благоденствия» делился на управы, число членов каждой из которой должно было быть не менее 10 и не более 20 человек. В Петербурге, кроме Коренной, существовало еще несколько управ, одна из которых была организована в лейб-гвардии Конном полку П.И. Кошкулем (1786—1852) и А.Я. Мирковичем (1792—1888). Кошкуль, по свидетельству Трубецкого, был принят в «Союз Благоденствия» в Москве в 1818 г., но, став командиром лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка 5 ноября 1819 г., он вышел из Общества. Собрания проходили и у Мирковича, и на квартире Кошкуля, где рассуждали о способах благотворительности и «узнания» России. Однако подробными сведениями об управе в Конной гвардии мы не располагаем, поскольку не «Союз Благоденствия» и его члены занимали внимание Следственной комиссии. Поэтому Миркович был вызван на допрос всего лишь однажды и не получил ни одного вопроса. Следствие удовлетворило его пространное объяснение, в котором он, в частности, признавался: «...столь добрые начала, на коих общество сие было основано, не подавали мне ни малейшей причины подозревать в нем что-либо противное объявленной мне цели, и я охотно вступил в оное по части благотворения, полагая быть полезным человечеству; меня, одним словом, льстило быть в сословии добродетельных людей... От времени до времени управа наша собиралась и, действуя единомысленно по части благотворения, члены оной изыскивали и предлагали на общее

рассмотрение разные бедные семейства, положение коих требовало необходимых пособий... В 1821 г., когда политические известия начали открывать, что в некоторых европейских государствах от разных тайных обществ, скрывающихся под личиною благонамеренности, возникли беспокойствия, обратившие общее внимание держав, мы решительно положили оставить «Союз Благоденствия»». Следственным комитетом было вынесено решение «оставить Мирковича без внимания»¹⁹.

А.Х. Бенкендорф в своей «Записке о тайных обществах в России» в мае 1821 г., отмечая распространение офицерских обществ в гвардии, при упоминании Конного полка заметил, что «Орлов, узнав, что в его полку есть литературные общества офицеров, и не предвидя ничего доброго, созвавши их, объявил, что не допустит заводить никаких обществ и поступит по всей строгости, коли узнает впредь»²⁰. Но начальственный окрик А.Ф. Орлова, без сомнения, был закономерным следствием Семеновской истории. Известно благодаря воспоминаниям Н.И. Тургенева, что позиция А.Ф. Орлова относительно тайной декабристской организации была далеко не однозначной. «Как-то раз, когда мы были у N [М. Орлова], вошел его брат. Застав нас за чтением какой-то книги, он сказал нам своим обычным шутивым тоном: “Конспирируйте, конспирируйте, я в это не мешаюсь. Но когда понадобится помощь, — прибавил он, вытягивая свою мощную, словно у Геркулеса, руку и сжимая кулак, — можете рассчитывать на меня”. Мы расхохотались от этой неожиданной выходки, но такие слова, произнесенные человеком, носящим одно имя с деятельным участником общества, вполне могли навести на определенные мыс-

ли». Однако некоторые современники видели в А.Ф. Орлове двуличие: 14 декабря 1825 г. «полк свой он вывел на неподкованных лошадях, что в случае успеха заговорщиков могло служить ему заслугой перед ними»²¹.

Кто из конногвардейцев действительно состоял в управе своего полка, осталось неизвестным, но их должно было быть не менее 10 человек. Исследователями декабристского движения отмечается, что «сама политическая организация облекается в формы непосредственно человеческой близости, дружбы, привязанности к человеку, а не только к его убеждениям. Они были родственниками, однополчанами, товарищами по учебным заведениям, участвовали в одних сражениях или просто оказывались светскими знакомыми». Трубецкой на следствии говорил: «Связи, сплетенные на биваках, на поле битвы, при делении одинаких трудов и опасностей, бывают, особенно между молодыми людьми, откровеннее, сильнее и живее». Мы помним, что в дневниках Черткова крайне редко попадают фамилии сослуживцев, если речь идет о записях 1813–1814 гг., и еще реже имена соотечественников в путешествии 1823–1825 гг. Так вот, Чертков несколько раз упоминал Мирковича или Мирковичей, Кошкуля на страницах дневника зарубежных походов. Эти наблюдения, взятые в целом, также допускают слабую тень предположения, что Чертков мог быть одним из членов управы Мирковича.

А может быть, следует смотреть и на вступление Черткова в ложу «Трех добродетелей» в свете его причастности к «Союзу Благоденствия»? Давний масон высшей степени А.Н. Муравьев в 1817 г. хотел, чтобы тайное общество «Союз Спасения»,

которое он составил, действовало через масонскую ложу: «Хотя я и не был начальником ложи, называемой “Трех добродетелей”, а был оным князь Лопухин, я же был вторым по нем в ложе сей; но сознаюсь, что имел преступное намерение под покровом сей масонской ложи обезопасить членов общества, почему и старался привлечь в нее членов»²². Нечкина указывала на масонство как на средство конспирации, от которого, по ее мнению, вскоре отказались. А не может ли быть членство в масонах еще некой подстраховкой «на всякий случай», поскольку братья-масоны не оставляли друг друга в беде и обязаны были вызволить? И выбрана была ложа «Трех добродетелей», в которой зачиналось движение декабристов.

В 1821 г. «Союз Благоденствия» был закрыт и были сожжены все бумаги. Н.И. Тургенев, возвратясь в Петербург из Москвы, рассылал о том объявление: «Общество действовало для доброй цели и употребляло одни благородные средства. Правительство, подозрительное, особенно после новейших происшествий в Европе, не разбирает средств, готово всем пожертвовать, и неудивительно, если откроет»²³. Но «воспоминание прежнего» помогло Н.Н. Муравьеву в Петербурге снова собрать активных членов «Союза Благоденствия» и «возобновить прежнюю цель соединения». Впрочем, восстановленная организация, получившая теперь название «Северное общество», была невелика по своему численному составу. Кроме того, тщательно законспирированная, она действовала вяло и влияние ее на дворянское общество почти отсутствовало. Только вступление в «Северное общество» К.Ф. Рыльева в середине 1823 г. изменило ситуацию.

Но А.Д. Чертков в это время был уже далеко от Петербурга и России.

«Призрачный образ» члена «Союза Благоденствия» в лице Черткова обретает более краски при привлечении сведений о тесном общении Черткова с Н.И. Тургеневым, одним из идеологов декабристского движения, в 1824 г. во Флоренции. И Чертков, как мы помним, стал для Тургенева в этом городе «главным ресурсом из людей». Сколь это существенно было для Тургенева, указывает признание, вырвавшееся у него в Венеции: «Климата не довольно для жизни. Надобны люди! Где я их найду кроме России?»²⁴. Исходя из факта полного взаимопонимания и обоюдной симпатии, позволительно будет предположить, что убеждения и взгляды Александра Дмитриевича не противоречили мировоззрению Николая Ивановича, которое достаточно хорошо известно в историографии. Это прежде всего его последовательное и решительное неприятие крепостного права. Но падение его, как полагал Тургенев, должно было произойти по инициативе правительства, из единственного источника, «из коего может проистекать благо для моего отечества». «Все в России должно быть сделано правительством; ничто самим народом. Если правительство ничего не будет делать, то все должно быть предоставлено времени, ничто народу»²⁵. Однако при непременном освобождении крестьян помещики, «удержав за собою собственные земли», могли бы заключить с крестьянами «добровольные условия». По мысли Тургенева, крестьянам предоставлялось право приобретать землю в собственность. Разделяя русское дворянство на два рода — высшее и простое, Тургенев ориентировался на крупных землевладель-

цев, имевших средства для вложения в улучшение сельского хозяйства и в сельскохозяйственные предприятия. Это высшее дворянство должно было сохранять привилегированное положение в государстве, составляя «высшее законодательное сословие», служа «твердым оплотом престолу, и вообще [это дворянство] не только что полезно, но даже необходимо в монархиях конституционных». Поскольку мы не располагаем прямыми сведениями о мнении Черткова на сей счет, то примем за вероятное, что эти положения находили отклик у Черткова, в будущем крупного землевладельца.

Н.И. Тургенев был пламенным почитателем представительного правления, образцом которого ему казалась Англия. Он мечтал о конституционной монархии в России, в которой бы существовало разделение властей. Подобные взгляды были отнюдь не редкость в те годы. «Идея конституционного ограничения самодержавной власти носилась в воздухе послевоенной Европы. В 1815 г. была дарована конституция Царству Польскому, вошедшему в состав России после победы над Наполеоном, установлена конституционная монархия во Франции, конституционное устройство получили некоторые германские княжества, была подтверждена шведская конституция. Немалую роль в этом сыграла настойчивость российского императора. Введение конституции в Царстве Польском, которая полностью реализовывала те политические реформы, о которых мог мечтать любой сторонник преобразований в России той эпохи — от самого императора до самого радикального члена декабристских обществ, — было для Александра I не просто конституционное устройство новой

и особой части империи, но первый шаг на пути к конституции русской, было своеобразным экспериментом. Польша, где еще в 1807 г. было отменено крепостное право, стала как бы полигоном для проверки того, насколько реален задуманный императором симбиоз конституции с самодержавной властью»²⁶. Воззрения А.Д. Черткова на сей предмет не представляется возможным реконструировать в полном объеме, однако с уверенностью можно сказать, принимая во внимание многочисленные высказывания на страницах «Воспоминаний о Сицилии», что и для Черткова Англия благодаря своему законодательству, высокому уровню развития промышленности, просвещения была именно тем зримым примером, которому следовало подражать и другим странам.

Кроме того, напрашивается сама собой мысль, что особая задушевность бесед и взаимоотношений Черткова и Тургенева установилась между ними так быстро и легко потому, что они вполне обладали «декабристским» умонастроением, т.е. осознанием «необходимости тех или иных реформ и долга личного участия в осуществлении такой перемены», а также «размышлением о будущем России и своем достойном месте в желанном движении вперед». Вполне вероятно, что они были знакомы еще по Петербургу и что оба прежде принадлежали к одному тайному обществу — «Союзу Благоденствия».

Первая часть книги Черткова «Воспоминания о Сицилии» напрямую отвечала задачам, которые ставил Н.И. Тургенев перед так и не состоявшимся журналом «Союза Благоденствия». «Где русский может почерпнуть нужные для сего [гражданского просвещения, т.е. знания

своих прав и обязанностей] общие правила гражданственности? Наша словесность ограничивается донныне почти одною поэзиею. Сочинения в прозе не касаются до предметов политики... И русские хотят ныне участвовать в судьбе просвещенной Европы; хотят знать не только о ее благополучии, о ее бедствиях, но также и о причинах сего благополучия и сих бедствий»²⁷, — обосновывал Н.И. Тургенев насущную необходимость в содействии благомыслящим людям стать способными «судить о гражданском положении своего отечества». Если собрать воедино все разбросанные по дневнику путешествия Черткова высказывания относительно политического устройства и экономического развития Италии, Швейцарии, Австрии, то появится довольно объемная картина его воззрений в те годы. Все его упования и надежды на достижение благополучия и процветания страны возлагались на мудрое правительство и гражданские законы. Правительство должно поощрять активность «класса буржуа» в развитии промышленности, оно обязано заботиться о сельском хозяйстве, разработке недр, о строительстве путей сообщения, о покровительстве торговле. Правительству необходимо принять на себя попечение о бедных, а искоренение нищенства произвести путем предоставления рабочих мест для здоровых и богаделен для больных и престарелых. Культура страны, ее исторические памятники не должны быть в небрежении. Большое количество бесплатных школ в Женеве, внимание к женскому образованию и, как следствие широкого просвещения населения, высокая нравственность — вот что, по мнению Черткова, обеспечивает и безопасность жизни. Он старался показать, что «довольство

народа составляет богатство правительства» и что «не таможенные сборы, а промышленность жителей доставляет настоящий, никогда не иссякаемый доход». Итак, много раз на разные лады повторенное кредо Черткова: «просвещение, покровительство промышленности, устройство гражданское, мудрость законов могут доставить государству силу и богатство». Чертков, таким образом, присоединял свой голос к тем, кто надеялся, что «благоразумное» правительство их услышит и, осознав полезность предложенных мер на примере другого государства, последует совету.

К слову сказать, Бартенев, человек уже иного поколения, не разобрал вполне подспудного намерения автора, поэтому посчитал, что название книги «Воспоминания о Сицилии» Черткова не соответствовало ее содержанию, что следовало ее назвать археологическим путешествием по Сицилии. Бартенев только увидел, «как время и обстоятельства родины сильно действуют даже на археологию: в книге Черткова, писанной только лет через 10 по воцарении Николая, когда автор еще не освободился от идей эпохи Александровской, проскакивают оригинальные мысли: он осуждает деспотизм и монашество, гнетущее Сицилию. Но зато и новое время взяло свое». Далее Петр Иванович отмечал: «На стр. 198 первой части читаем следующий отзыв, безотрадный в самой, может быть, справедливости своей. “В них [в театрах] рассуждали о делах республики. Тут ораторы говорили речи к народу и демагоги всеми непозволительными средствами старались воспламенить низшее сословие граждан, зажечь страсти, обольстить народ блестящими своего красноречия и таким образом привлечь его на свою сторо-

ну, часто совсем противоположную истинной пользе их отчизны”»²⁸.

Однако не только в 30-е годы, но и в дни молодости Чертков был последователен в своем неприятии основ демократической республики, как тот же Тургенев. Во времена тайных обществ рассмотрение, защита или отрицание того или иного способа правления подразумевали в первую очередь «примерку» его на Россию. Впечатления от Французской революции еще не потускнели. Мысли о «пагубности вмешательства черни и необразованного класса народа в управление государством», следствием чего являлась непрочность «республик этого рода», Чертков развивал на ярком и «поучительном» примере истории Сиракуз. «Из нее мы также научаемся, что просвещение, науки, изящные искусства, богатства, обширная торговля, все утонченности образования и вкуса не могут спасти подобных государств от гибели, если в роковую минуту не явится исполин-преобразователь, могущий железною рукою и сильною волею остановить разрушение и дать новую жизнь политическому составу одряхлевшей республики». Но такое воздействие воли сильной и талантливой личности, которое не затрагивало «коренных начал правления», могло, по убеждению Черткова, принести лишь временное спасение, пока жил и действовал доблестный начальник (на примере Тимолеона)²⁹.

По общей тональности высказываний положительно нельзя сказать о Черткове, что он апологет революционных действий. Только однажды в своем дневнике он пожелал «какой-нибудь большой политической переворот», чтобы вывести Италию из апатии. В дальнейшем, особенно после 1825 г., он еще более утвердился в отрицании любых форм революции.

Неприятие восстаний против «законного государя» выявляется из анализа научного творчества Черткова и отчетливо выступает в его сочинениях по истории Болгарии. Соблюдение законности в государстве — важный аспект мировоззрения ученого. С этой точки зрения он рассматривал многие события, например, в истории Византийской империи и давал им оценку. Большое значение Чертков придавал нравственной стороне развития государства: «Совершенная безнравственность византийского двора, продолжавшаяся несколько столетий сряду», должна была «окончиться разрушением империи».

Вообще сочинение Черткова «Воспоминания о Сицилии» выбивается из общего ряда последовавших затем его научных публикаций. Изданием в середине 30-х гг. XIX в. части дневника 1824 г. с некоторыми сокращениями Александр Дмитриевич желал, похоже, напомнить соотечественникам прежние идеи «александровского», декабристского поколения. Самая книга неоспоримо свидетельствовала о приверженности ее автора прежним идеалам и о его трепетном отношении к воззрениям молодости, которые не утратили своей привлекательности и притягательности для него и в более зрелые годы. В качестве художественной аналогии духу этого сочинения напрашиваются с детства знакомые строчки из «Ариона» А.С. Пушкина: «Я гимны прежние пою...».

Нельзя не отметить плодотворность мысли о том, что при изучении жизни декабристов не стоит ограничиваться только временем их участия в тайных обществах. «Свойства природы дека-

бристов еще в большей мере проявились у декабристов и у приехавших к ним жен в последующие годы»³⁰. Если взглянуть на служебную и общественную деятельность Черткова в «московский период» в сопоставлении с основными положениями известного устава «Союза Благоденствия», т.е. «Зеленой книги», то эта деятельность раскрывает свою удивительную тайную грань активного следования идеалам декабристского движения, о чем, в частности, напомнили «Воспоминания о Сицилии».

Известно, что «в цель Союза» входили четыре «главные отрасли»: 1) человеколюбие, 2) образование, 3) правосудие, 4) общественное хозяйство. Вступивший в «Союз Благоденствия» мог избрать себе ту отрасль, которая «более с образом его занятий, способностями и проходимым им родом службы сообразна». Он мог принадлежать «к одной отрасли, или отделу, или к нескольким, или даже ко всем вместе»³¹. Отрасль «человеколюбия» предполагала поставить под «надзор Союза» все человеколюбивые заведения в государстве: больницы, сиротские дома, а также места, «где страждет человечество» — темницы, остроги и проч. Она ставила перед собой сложнейшую задачу искоренения зла нищенства, решить которую намеревалась осуществлением целого ряда мероприятий. Члены сей отрасли «угovarивают соотечественников» к образованию человеколюбивых обществ и заведений, сами «вступают во все уже ныне существующие», по возможности стараются их улучшать и учреждать новые. Они «стараются склонять помещиков к хорошему с крестьянами обхождению» и обращают их внимание «на отклонение крестьян бродить по миру». Члены отрасли «снабжают празднующихся людей работами, стараясь

помещать их сообразно их способностям и учреждая рабочие заведения, в которых бы упражняющиеся находили верное и безнуждное пропитание». «Для таких, которые уже не в силах кормиться трудом своим, устраивают пристанища». Члены «сей отрасли в путешествиях своих осматривают подобные заведения и о состоянии их уведомляют Союз». Та же задача — по возможности обозревать и описывать их — ставилась пред членами отрасли, находившимися в чужих краях. Они «также изыскивают способы к усовершенствованию человеколюбивых заведений в отечестве».

Многие практические параграфы отрасли «чело­веколюбия» «Союза Благоденствия» переложены в «Положение о Работном доме» в Москве, проект которого разрабатывался при активном участии А.Д. Черткова. Да и службу свою на гражданском поприще он начал в 1834 г. именно в Попечительном совете заведений общественного призрения в Москве и стал начальником Работного дома, который с 1838 г. перешел в ведомство Комитета для разбора и призрения просящих милостыню в Москве. Между прочим, плодотворную деятельность этот комитет развил исключительно под руководством его президента сенатора С.Д. Нечаева, масона и бывшего члена «Союза Благоденствия», который, правда, к следствию не привлекался.

В свете требований отрасли «чело­веколюбия» из устава «Союза Благоденствия» становятся понятными и обязательные посещения Чертковым во время его путешествия 1823—1825 гг. человеколюбивых заведений стран Западной Европы, о чем он записывал в путевой дневник. Разве обычный турист польстится тратить свое время на обозревание не богатств и красот музеев

и дворцов, живописных местностей, а на осмотр прибежища страданий человеческих? Словно далекое эхо «Зеленой книги» звучали в книге «Воспоминания о Сицилии» рассуждения Черткова о нищете и способах ее преодоления. Впоследствии Чертков стал еще и членом Комитета о тюрьмах.

Вторая отрасль «Союза Благоденствия», носившая название «образование», ставила также чрезвычайно обширные цели. Под надзор членов данной отрасли должны были попасть «все без исключения народные учебные заведения»: следовало «их обозревать, улучшать и учреждать новые». Члены этой отрасли должны были «стараться получить по знакомству или службе участие в управлении учебными заведениями, дабы воспитанию юношества дать надлежащее направление и дабы учебные заведения, распространяя полезные познания, наиболее внимания обращали на нравственное образование воспитанников». «Союз Благоденствия», «попирая невежество» и «обращая умы к полезным занятиям и особенно к познанию Отечества, старается водворить истинное просвещение» и истинную нравственность «во всех сословиях народа».

Желая распространить изучение грамоты в простом народе, Союз предписывал членам, имевшим поместья, «по возможности учреждать училища в деревнях своих и наблюдать, чтобы все шло надлежащим ходом». Члены «Союза Благоденствия» «по возможности обязаны сами заводить учебные заведения для воспитания молодых людей, и сии заведения должны быть склоняемы к целям Союза». Члены отрасли «образования» должны были также сами сочинять или переводить полезные научные книги и учебники.

Хотя женщины и не принимались в «Союз Благоденствия», но он должен был все время воздействовать на них, «отвращать женский пол от суетных удовольствий и предоставлять ему новое поприще действий в пространстве возвышенных чувствований, как-то: любви к отечеству и истинному просвещению».

Достижения и заслуги А.Д. Чертова в разработке исторических проблем, так же как и собирание знаменитой библиотеки и обращение ее в публичную, думается, не следует напрямую увязывать с уставом «Союза Благоденствия». Должность почетного попечителя московских губернских гимназий, которую Чертков занимал бессменно многие годы, вероятно, можно с определенными оговорками рассматривать в контексте «Зеленой книги». Школа для крестьян, которую завел Чертков у себя в Ольховатке (хотя, может, были и другие школы в других имениях, о чем нам пока неизвестно), тоже замечательным образом укладывается в рамки требований Союза. Но так, пожалуй, каждого дворянина из «александровской» эпохи, кто потрудился на поприще просвещения, можно записать в члены «Союза Благоденствия».

Однако в послужном списке Чертова значится Училище живописи и ваяния. Кто преобразовал Натурный класс в учебное заведение, открытое для всех слоев населения России, в котором на искусство возлагалась особая воспитательная роль юношества? Три директора: Ф.Я. Скарятин, М.Ф. Орлов и А.Д. Чертков. И созвездие это далеко не случайно. Участие Скарятина (члена Северного общества), художника-любителя, представляется вполне естественным и закономерным, но ведь он нашел деятельную

поддержку и понимание у Орлова и Черткова, далеких в принципе от увлечения рисованием. Следовательно, объединила этих людей отнюдь не особая любовь к живописи. Чертова и Скарятин связывали узы крепкой дружбы родственных семейств, и опять же из этого круга откликнулся лишь Чертков, хотя в благотворители задействовали Н.Г. Кругликова и князя Н.Г. Щербатова.

Чертков в течение многих лет работал вместе с М.Ф. Орловым. В Москве Михаила Федоровича любили, ценили его возвышенную честность, его рыцарское благородство. Т.П. Пассек вспоминала: «Его личность была столь привлекательна, что, познакомившись с ним, нельзя было не полюбить его. Но крайне увлекающийся и пылкий, он часто был неводержан в словах и действовал под влиянием первого впечатления»³². Однако существовала и затаенная неприязнь, даже враждебность к «опасному» Орлову, вызванная скорее его двойственным положением «помилованного декабриста». Она проскальзывала, например, в записях осторожного Снегирева, который, сторонясь Михаила Федоровича, отметил как-то, что на обеде у князя Д.В. Голицына Орлов «умствовал о состоянии русских крестьян», или, увидев как-то в приемной князя Голицына раздосадованного Орлова, с удовольствием констатировал, что московский военный генерал-губернатор его не принял. М.П. Погодин также отказывался встречаться с М.Ф. Орловым. Эта неприязнь многих лиц зримо выразилась в запрете печатать некролог М.Ф. Орлову, о чем известил А.И. Тургенев Вяземского: «...здесь, как слышно, боярин-цензор, не пропустив статьи Шевырева, назвал Михаила Орлова каторжным»³³.

В этой связи уместно вспомнить, что определенная символика, «знаковость» по отношению к декабристам пронизала все русское общество с того памятного дня. По самому отношению к декабристам судили даже о личных достоинствах человека той эпохи. Так, Бартеневу, например, в доказательство характеристики Елагина как «человека благороднейших правил и живой любознательности» потребовалось лишь заметить: «Достаточно сказать, что в царствование Николая Павловича он поддерживал дружбу с сослуживцем и приятелем своим декабристом Батеньковым»³⁴. И все.

Когда Скарятин не стало, Орлов и Чертков постановили «отложить выбор третьего директора на вакансию»³⁵. Только отъезд Александра Дмитриевича на длительное время за границу и серьезные осложнения в делах Художественного класса заставили их принять в свои ряды А.С. Хомякова, которому было проще выходить на официальный уровень, нежели опальному М.Ф. Орлову. Но и выбор Хомякова весьма не случаен. Он служил в лейб-гвардии Конном полку, уволившись 7 марта 1825 г. с чином поручика. В свое время Хомяков бывал на сходках у Мухановых, где спорил с К.Ф. Рылевым и А.И. Оболенским, отстаивая мнение, что «всякий военный бунт сам по себе безнравственен», ибо в случае успеха приведет к замене единодержавия «тиранством вооруженного меньшинства»³⁶.

Мысли Орлова о роли просвещения в государстве по многим позициям совпадали с мнением Черткова. Орлов полагал, что рост богатств и рост просвещения — процессы взаимообусловленные, ибо «просвещение, распространяя круг наших желаний и нашей деятельности, по-

ощряет образование общего богатства, а образование богатств, умножая число людей просвещенных, дает самому просвещению новые силы к его собственному распространению». Поэтому «покровительствуя земледелию, промышленности, торговле и ограждая собственность граждан, правительства действительно водворяют просвещение, а умножая учебные способы, воздвигая университеты, академии и школы, покровительствуя наукам и искусствам, они истинно обогащают своих подданных». К тому же, заключал Орлов, «истинное просвещение никогда не вооружится против благонамеренного правительства, которого значение в мире есть порядок и устройство. Без просвещения никакое правительство процветать не будет. Без правительства просвещение существовать не может»³⁷.

В новом деле сотоварищем Орлову был Чертков. Вместе они выработали широкую программу организации и целей Художественного класса, которая лишь однажды прозвучала в отчете 1835 г., и лейтмотив ее был близок «Зеленой книге» и прозрачно понятен современникам. Охватить художественным образованием все сословия России, привлечь к обучению живописи женщин, обратить внимание на детей в их свободные часы — такой масштаб может быть соотнесен только с грандиозностью планов отрасли «образования». Весьма красноречивы слова отчета: «Художественное образование общества есть дело государственное и одно из самых вернейших средств к достижению истинного и полезного просвещения. Живопись есть также язык — и язык красноречивый, выражающий много истин для тех, кои умеют

его понимать и им говорить»³⁸. Это не привычная аполитичная благотворительность, это ведь воскресенный призыв к преобразованию русского общества предложенными средствами «Союза Благоденствия». Именно с просвещением народа Чертков связывал надежду на достижение социальной гармонии в России, о чем он не раз писал на страницах «Воспоминаний о Сицилии»: «Чем народ просвещеннее, тем он не только богаче, счастливее, но и приверженнее к стране и государю, ею владеющему»³⁹.

Среди первых благотворителей Художественного класса мы видим имена членов тайных декабристских обществ — А.М. Исленьева, графа В.А. Мусина-Пушкина, члена Северного общества, и графа В.А. Бобринского, члена Южного общества.

Третья отрасль «Союза Благоденствия» — «правосудие» — имела неменьший круг действия. «Все дела по разным частям управления в отечестве состоят под надзором членов сей отрасли». В силу этого они «не только не отказываются и не уклоняются от должностей, особенно по дворянским выборам, но, напротив, ищут таковых мест; собственным непорочным и бескорыстным прохождением службы оные возвышают и сохраняют им всю их важность и достоинство. Строгое и ревностное исполнение возложенных обязанностей есть отличительная черта члена «Союза Благоденствия»». Они обязаны наблюдать за чиновниками, «вне Союза находящимися», вникать во все дела, «соглашать» «различные племена, состояния, сословия и роды службы, в отечестве находящиеся». А также они «истребляют продажу крепостных людей в рекруты, отклоняют вообще от продажи их поодиночке». Двадцатилетняя служба

Граф Владимир Алексеевич Мусин-Пушкин

А.Д. Черткова по дворянским выборам вполне соответствовала требованиям «Зеленой книги».

Отрасль «общественного хозяйства» ставила своей целью «надзор» за хозяйством, что подразумевало собирание сведений и описание промышленности, торговли, состояния земледелия, а также борьбу с монополиями, заведение «страховых приказов», учреждение вольных обществ для усовершенствования хлебопашества и прочих родов промышленности, издание литературных трудов на экономические темы. Участие Черткова в деятельности Московского общества сельского хозяйства, в «дворянском форпосте агрономических преобразований», можно также рассматривать в русле наказа «Зеленой книги». Именно в этом Обществе сконцентрировано было наибольшее число имен декабристов, которые обосновались в Москве: М.М. Нарышкин, И.А. Фонвизин, граф В.А. Мусин-Пушкин,

М.Ф. Орлов, П.А. Муханов, К.М. Полторацкий, граф В.А. Бобринский. В его членах состояли лица, очень близкие к декабристам, — В.П. Зубков М.П. Баратаев, Г.Ф. Олизар, Н.Н. Муравьев, М.Ю. Виельгорский, В.В. Капнист и пр.

К эффективному хозяйствованию на своих землях Чертков призывали не только идеи его молодости, но и естественное желание получать более дохода с имений. Однако его нововведения в сельском хозяйстве шли в духе и русле лучших пожеланий «Зеленой книги». Не являясь сторонником крепостного права и полагая, что крестьяне должны обрести свободу через выкуп, Чертков создавал благоприятные экономические условия для крестьян, чтобы они имели реальную возможность выкупиться.

Из всего сказанного напрашивается вывод, что Чертков, если сам не состоял в членах «Союза Благоденствия», то явно входил в круг лиц, знавших и разделявших основные положения его устава. Приверженность идеям своей эпохи явственно определяла его общественную деятельность и гражданскую службу. Самая обширность и разносторонность этих действий не является ли своеобразной данью «Зеленой книге», памяти о воодушевлении молодости и о пострадавших товарищах, или, вернее, выполнением нравственного долга перед ними? Многие члены декабристских обществ, в служебной карьере которых не было воздвигнуто заведомых препонов, не ограничивались только неперенным достижением безусловных высот по службе, но старались изыскивать более способов и возможностей, чтобы быть полезным отечеству, памятуя, может быть, предписания «Зеленой кни-

Степан Дмитриевич Нечаев

ги»: «Не расточать попусту время в мнимых удовольствиях большого света, но досуги от исполнения обязанностей посвящать полезным занятиям или беседам людей благомыслящих». Например, сенатор С.Д. Нечаев, президент Комитета для разбора и призрения просящих милостыню в Москве. Он поэт, переводчик, историк-археолог, член Московского общества сельского хозяйства. Он был еще действительным членом ОИДР, и именно ему Чертков поручил руководство Обществом на время своего отсутствия в 1838–1839 гг. Редкий декабрист развивал исключительно одностороннюю, только служебную деятельность. Разыскивать иных «неизвестных декабристов» по разнообразию талантов, обширности деятельности, активности жизненной позиции — путь очень сложный, но возможный, когда совсем иссякнут письменные свидетельства, дающие надежду на отыскание

новых имен членов того же «Союза Благоденствия».

С течением времени общественно-политические взгляды Александра Дмитриевича не претерпели резких изменений, хотя ситуация в стране менялась, возникали новые мнения и убеждения «людей сороковых годов» — славянофилов, западников, «охранителей»; появились также «разбуженные декабристами» А.И. Герцен и Н.П. Огарев... Идеи «утопического социализма», с которыми Чертков не преминул познакомиться, его не увлекли (он называл варварские народы «сен-симонистами средних веков, не признававшими ни права собственности, ни давности владения», которые «стремились поочередно на Рим и Царград всякий раз, когда имели надобность в деньгах или невольниках для своих домашних работ»⁴⁰). Чертков не участвовал в знаменитых словесных баталиях 40-х гг. XIX в., в которых выкристаллизовывались взгляды новой генерации русских общественных деятелей. По Обществу истории и древностей российских, по службе он более соприкасался со славянофилами, с Погодиным и Шевыревым, которые принадлежали к «охранителям». Однако отождествлять А.Д. Черткова со славянофилами или с «охранителями» не стоит, хотя в историографии имеются именно такие мнения. Советский исследователь В.А. Дьяков пишет, что «печально знаменитой триаде охранительной идеологии — “православие, самодержавие и народность” — во многом были созвучны ученые труды М.П. Погодина, О.М. Бодянского, М.И. Касторского, А.Д. Черткова и других русских славистов». Любопытно, что та же советская историография вовсе не упрекает «прогрессивных» англичан за подобный

охранительно-консервативный лозунг «монархия — церковь — порядок», нашедший в те же годы в их сердцах самый живой отклик. С другой стороны, в литературе Черткова часто называли славянофилом⁴¹. Это происходило, очевидно, потому, что его имя, повторяем, довольно часто встречалось рядом с именами членов кружка московских славянофилов и что долгое время к славянофилам причисляли и ученых, занимавшихся славянской проблематикой и испытывавших соответственно симпатии к зарубежным славянским народам.

Следует сразу оговориться относительно смысловой нагрузки термина «славянофильство», под которым надо понимать, как совершенно справедливо подчеркивали исследователи С.Б. Берштейн, Е.А. Дудзинская, Н.И. Цимбаев, течение русской мысли, представленное И. Киреевским, А. Хомяковым, К. Аксаковым... Членом известного кружка «славянофилов» Чертков не был. По терминологическому разграничению, предложенному Н.И. Цимбаевым, Чертков — ученый-славянолюб. Но вновь необходимо уточнение: многие суждения таких ученых-славянолюбов, как Ю.И. Венелин и его последователи — Ф.Л. Морощкин, И.П. Сахаров, Н.В. Савельев-Ростиславич и др., Чертков не разделял. Его взгляды на происхождение руссов, протоболгар, на этногенез болгарского народа сторонники Венелина решительно оспаривали. Однако скрупулезного и прямого сопоставления взглядов Черткова со взглядами славянофилов, а также «охранителей» в лице их яркого представителя М.П. Погодина не может быть проведено в силу простого обстоятельства — отсутствия у Черткова каких-либо политических статей, докладов,

заявлений, даже конкретных высказываний в письмах. Речь идет лишь о сочинениях Черткова по истории, которые весьма конкретны и предоставляют мало возможностей для подобного сравнения.

Одной из разграничительных линий в определении позиции историков первой половины XIX в. являлось отношение к преобразованиям Петра Великого. Известна трактовка их западниками, славянофилами, Погодиным. Мнения Черткова на сей счет были совершенно иными, о чем прежде уже говорилось.

Другим «пробным камнем» в определении позиции историков того времени являлось отношение к истории Европы и России в смысле их сопоставления, вернее противопоставления, которое зиждилось на известной концепции О. Тьери и Ф. Гизо. Погодин, славянофилы и некоторые ученые-славянолюбцы (Савельев-Ростиславич, Морошкин и др.) усердно противопоставляли друг другу прежде всего русские и западноевропейские институты — феодальную и удельную системы, православие и католицизм и т.п. Мысли Погодина и славянофилов во многом рознились, но сходились в самом главном: Западу присущи перевороты и революции, а в России нет для них почвы. Сравнения феодализма и удельной системы в сочинениях Черткова нет, но довольно отчетливо прослеживается негативное отношение историка к католицизму. Чертков обвинял католическую религию во всех беспорядках в Италии, порицая за одно лишь «соблюдение наружных форм» без «божественной нравственности Св. Писания». Он не принимал в истории Западной Европы жестокость, насилие, выразившиеся прежде всего в крестовых походах, порожден-

ных политикой римских пап, относя на их счет «потоки крови». Католицизм он считал препятствием на пути народов, особенно славянских, к просвещению. Чертков подчеркивал: «Папы настойчиво старались в продолжение веков отделять духовно народ от высшего класса людей, дабы таким образом держать первый в грубом невежестве и рабстве»⁴².

В то же время Чертков разделял тезис об исключительности России, занимавший важное место в исторической концепции славянофилов и «охранителей». «Одна Россия, — писал Чертков, — выдержавшая свою невзгоду в эпоху татар и нападения шведов и поляков, подвинутых латинским направлением, сохранила свою самобытность и чистый словенизм, без примеси чуждого элемента, она всегда служила убежищем для преследуемых собратий»⁴³. Так определил ученый особое положение России и ее значение для угнетенных славянских народов.

Чертков полностью соглашался с точкой зрения, выдвинутой впервые немецким ученым И.Г. Гердером, что славянам присущи высокие духовные качества. В своих работах Чертков буквально повторял идеи немецкого философа об особых качествах славян — «миролюбии, доброте, любви к труду», которые создали в прошлом условия для установления господства над ними чужеземных национальных государств. Эти же идеи и идеализация не были чужды и славянофилам, и «охранителям». Об этих нравственных добродетелях, присущих русскому народу, писал и Карамзин. В принципе во многом приближаясь к воззрениям славянофилов и «охранителей» в лице Погодина и Шевырева, Чертков тем не менее привносил в них

свои интересные нюансы и интонации, которые не позволяют ставить знак равенства между ними. Например, Чертков, выслушивая суждения Погодина о грядущем объединении славян под скипетром России и сочувствуя им, все же не верил в реальность подобных мечтаний. Но «идея славянского единения», обсуждавшаяся в русском обществе еще со времен его молодости, по всей видимости, была очень привлекательна и прочно вошла в сознание ученого. Он ищет и находит единственную историческую ситуацию (в случае победы русского князя Святослава над византийцами), когда, на его взгляд, было возможно объединение славян. «Панславизм» Черткова, таким образом, опрокинут в прошлое.

Как известно, понятиями «народность», «самобытность», введенными в литературу романтическим направлением, широко пользовались разные круги русской общественности. Историки-«охранители» руководствовались в своих работах триадой графа Уварова, провозглашенной в 1832 г., — «православие, самодержавие, народность», в которой все подчинялось центральному понятию «самодержавие». Чертков, как правило, оперировал только словом «народность», синтеза которого с другими компонентами триады в его работах не прослеживается. Вообще, в то время термин «народность» не имел конкретно установленного наполнения. Его понимали как призыв к национальной исключительности, замкнутости, или как отрицание Запада и его культуры, или как умиление стариной и призыв назад в древнюю Русь, реже как синоним крепостного права⁴⁴. В тексте сочинений Черткова «народность» употребляется в смысле «независи-

мость», «свобода», «государственность». («Болгаре... вознамерились возратить своему отечеству самобытность и народность, потерянные со времени присоединения его к Восточной империи...»; «словене завоевали свою самобытность...»; «к воссозданию подавленной словенской народности...» и т. п.).

Таким образом, можно заключить, что А.Д. Чертков принадлежал к тому поколению, которое, выработав свои главные воззрения в 1810-е гг., старалось воплотить их в жизнь — на статской службе, в своей хозяйственной, просветительской, общественной деятельности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Н ет большего наслаждения для ищущего духа, чем вынести на свет то, что ранее находилось в тени» — этот эпитафия, которым Александр Дмитриевич Чертков предварил свое первое исследование «Описание древних русских монет», без преувеличения и натяжек может служить ключом ко всему его научному творчеству. Его привлекали в основном обширные и никем не затронутые темы исторической науки или неразгаданные тайны, например, этрусков. Он выбирал не эффектные исторические вопросы, стремясь к громкой известности, но трудоемкие, требующие неимоверного терпения, усидчивости и кропотливости разделы исторической науки из только одного скромного желания — быть полезным отечеству. Нумизматическая коллекция Черткова, несмотря на включенные в нее великолепные античные монеты, заслужила признательность в научном мире редким собранием «невзрачных» русских копеечек, которые ученый сумел, систематизировав, превратить в твердое основание русской нумизматической науки. Преодолев высоту, заложенную нумизматическими каталогами Черткова, только замечательный русский нумизмат А. В. Орешников в конце XIX в.

Носившуюся в воздухе, но казавшуюся нереальной в осуществлении отдельным частным лицом идею создания особой библиотеки, которая вобрала бы в себя все, что касалось России, Чертков решил претворить

в жизнь и сделал это. Неустанная забота А. Д. Черткова по ее комплектованию, предоставление широкой возможности пользования книгами, стремление превратить ее в доступную для всех желающих и, наконец, завещание преобразовать в публичную бесплатную библиотеку — вот последовательные шаги ученого на этом поприще. После смерти Черткова его детище — библиотека — продолжало начатое им дело просвещения русского общества, способствуя углублению интереса к истории отечества и «соплеменных славян». Велика была культурно-просветительская роль Чертковской библиотеки, прославившей своего собирателя на века. Каталогами же своей уникальной библиотеки ученый создал основы научной библиографии.

Чертков чутко улавливал потребности науки и общества своего времени, и обращение его к болгарской проблематике тому свидетельство. Он был одним из первых славистов, попытавшихся систематизировать сведения о прошлом Болгарии, критически оценить и сопоставить византийские и русские источники и на этой основе представить целостную картину развития болгарского средневекового государства и его отношений с Византией и Древней Русью. Важной стороной исследований А. Д. Черткова явилась постановка проблемы образования болгарского государства и дальнейшая разработка вопроса складывания болгарской народности. Благо-

даря вовлечению в научный оборот значительного количества источников ученым выявлен ряд новых важных фактов из прошлого Болгарии, поставлен вопрос о правильности датировки многих событий болгарского средневековья, отмечены неясные и темные моменты в сведениях источников, которые не поддавались однозначному истолкованию. Впервые в русской историографии ученым было глубоко изучено восстание болгарского народа в 1186 г. против византийского господства, всесторонне рассмотрены история войн киевского князя Святослава в Болгарии и особенности сложных русско-болгаро-византийских отношений второй половины X в.

Предпринятое изучение научного творчества А.Д. Черткова как слависта позволяет прийти к выводу, что его работы по болгарской истории стояли на более высоком уровне, чем труды его предшественников. Ряд заключений историка не утратил в известной мере своего научного значения и в наше время. Чертков впервые ввел в научный оборот Московский список хроники Константина Манассии, способствовал опубликованию важных источников по русской истории, например Остромирова Евангелия, предполагал издать «Славяно-болгарскую историю» видного деятеля болгарского возрождения Паисия Хилендарского. Ученый стремился всемерно содействовать изучению истории Болгарии, призывал историков к созданию сводного труда о прошлом этой страны. Чертков работал в период становления русской славистической науки, и его сочинения по истории средневековой Болгарии явились вершиной начального этапа болгаристики, они поставили болгаристику на прочный научный фундамент.

А.Д. Чертков поддерживал тесные связи с болгарскими, которые приезжали в Россию, всемерно помогая им. Сочинения А.Д. Черткова по истории Болгарии, высоко оцененные деятелями болгарского возрождения, находили широкое распространение среди болгар и оказали большое влияние на развитие болгарского просвещения.

Поражает основательность, с которой Чертков подошел к проблеме дешифровки этрусского письма с помощью славянских (прежде всего русского) языков. Он последовательно доказывал, углубляясь в века, что предками славян являются пелазго-фракийские племена и этруски. И неважно, что впечатляющих успехов здесь он не добился: дешифровка этрусского языка все еще остается мечтой ученых.

Впрочем, все, за что принимался Чертков, обретало черты особой фундаментальности: раскапывал ли он Звенигородские курганы, стремясь к систематичности исследований и скрупулезности научных методик проведения археологических раскопок, задавался ли целью создать библиотеку, доводя ее фонды до невиданных в его время богатства и полноты, брался ли за раскрытие тайн этрусков... При этом Чертков всегда обязательно подчеркивал, что его слово отнюдь не последнее, что должны явиться новые исследователи, одаренные большей проницательностью, которые поведут дело дальше.

Современники и историки, изучая те или иные работы Черткова, не могли не отметить поразительную эрудицию ученого, глубокое знание источникового материала, умелое владение методами исторического исследования в сочетании с замечательно тонкой научной интуицией, умение подняться над фактами при их обобщении и систематизации.

Разносторонность и сочетание интересов и пристрастий Черткова просто удивительны — естествознание и история, а в истории — нумизматика, археология, библиография, прошлое России и славян. Пример Черткова воочию убеждает в сложном проявлении творческого потенциала ученого: в разные периоды научного творчества одна тема приобретала приоритет над другими, но при этом прежний спектр интересов отнюдь не исчезал из поля зрения ученого. Поэтому понимание творчества Черткова просто как механической смены тематик, о чем якобы свидетельствуют последовательно выходившие из печати его труды, никак не допустимо.

Научная работа ученого находилась в тесной связи с его деятельностью в Обществе истории и древностей российских при Московском университете, где его избирали вице-президентом, а затем и председателем. На этом посту А.Д. Чертков проявил себя как незаурядный руководитель, сумевший наладить и обеспечить работу Общества в трудные годы «безвременья».

С именем А.Д. Черткова связаны образование и первые самые непростые десятилетия в истории Училища живописи, ваяния и зодчества. Преодолевая все невзгоды, финансовые затруднения, первые директора Художественного класса А.Д. Чертков и М.Ф. Орлов, а затем Совет Московского художественного общества во главе с Чертковым претворяли в жизнь идею создания в Москве учебного заведения нового типа, основанного на демократическом принципе бессловного приема и обучения широких слоев населения.

Глубинное влияние на общественную и научную деятельность

А.Д. Черткова имела просветительская направленность его воззрений. Они были заложены еще в далеком детстве, когда его близкие родственники и учителя, воодушевленные идеями Просвещения, плодотворно трудились на поприще распространения знаний в русском обществе. Память о верном служении отечеству его славных предков и воспитываемая ответственность перед будущими поколениями формировали мировоззрение нашего героя. Юный Александр воспринял понимание обязательности деятельной жизненной позиции, сопряженной с неперенным выполнением своего долга дворянина перед отечеством. Александр Дмитриевич на всю свою жизнь усвоил почитаемый в его семье принцип социальной ответственности состоятельного гражданина перед страждущими, убогими и сирыми и связанную с ним обязательность выполнения своего социального долга перед своим народом. Не в этом ли секрет того, что он так много сумел сделать в своей жизни, что не погряз в безделье и расточительстве, столь частыми в дворянской среде? Дальнейшее развитие и осмысление эти идеи получили во время службы Черткова в лейб-гвардии Конном полку, и особенное значение имела здесь Отечественная война 1812 г. и Заграничные походы 1813–1814 гг. Будучи человеком действия, Чертков вряд ли остался вне сферы влияния самого массового декабристского общества — «Союза Благоденствия». По крайней мере, всю его последующую многоплановую общественную деятельность и гражданскую службу вполне закономерно рассматривать именно в этом свете.

Жизненный путь Черткова раскрывает перед нами человека, у ко-

того слова не расходятся с делом. Публично высказанные в сочинении «Воспоминания о Сицилии» политические симпатии и мысли по преобразованию экономики острова и его общества, отчетливо воспринимаемые как соответствующие рекомендации именно для России, Чертков неуклонно старался реализовывать на практике. Поэтому он становится начальником Работного дома, членом Комитета для разбора и призрения просящих милостыню в Москве, директором Попечительного комитета о тюрьмах, уездным, а затем губернским предводителем московского дворянства. Обладая значительным состоянием и радея о своем отечестве, Чертков не мог не быть благотворителем и меценатом. Только роль простого благодетеля, без разбору дающего деньги, поощряя тем самым паразитизм и нищенство, была для Александра Дмитриевича неприемлема. Не скупясь на пожертвования, например, при учреждении в Москве детской больницы, Чертков принимал на себя заботы по ее организации. Так было и с Художественным классом, который благодаря многолетним усилиям Черткова превратился в Училище живописи и ваяния и ему суждена была долгая жизнь. Эти же качества опытного руководителя и умного благотворителя проявились и при исполнении Александром Дмитриевичем должности почетного попечителя московских гимназий.

Используя передовые методы хозяйствования в своих обширных имениях, в первую очередь в Воронежской губернии, Чертков создал новую отрасль производства — сахароперерабатывающую и успешно вводил в крае тонкорунное овцеводство. Все это в совокупности меняло характер взаимоотношений с

крестьянами, повышало их благосостояние и образовательный уровень, в целом укрепляя экономический потенциал края. Не будучи апологетом крепостного права, Чертков полагал, что крестьяне должны были сами выкупиться на свободу, чему всемерно содействовал.

Александр Дмитриевич Чертков по рождению, воспитанию, имущественному положению, служебной карьере принадлежал всецело к высшему слою дворянства — аристократии. В литературе известен вывод о том, что «русская аристократия оказалась как носитель культуры гораздо интереснее и плодотворнее, чем прусская и английская»¹. Обладая богатством, досугом и образованием, русская аристократия взрастила не только видных государственных деятелей и воинов, как это было на Западе, но еще и талантливых поэтов, писателей, музыкантов. Пример А.Д. Черткова дополняет данное заключение тем, что и в науке русская аристократия также заняла достойное положение.

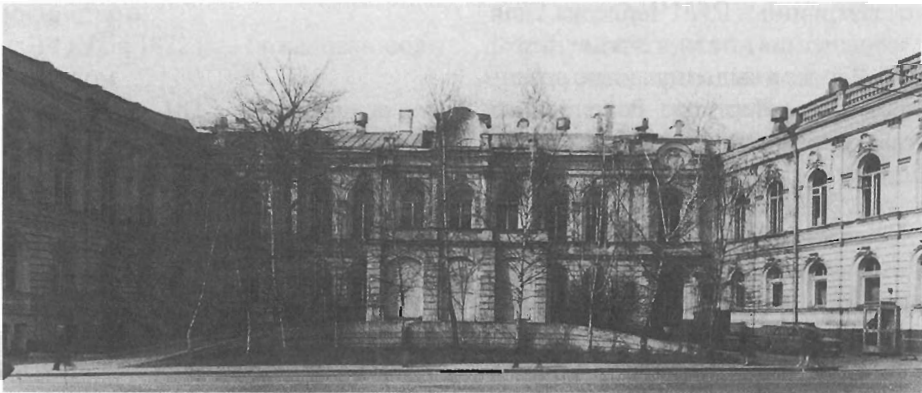
Завершая свое повествование об Александре Дмитриевиче Черткове, мы отнюдь не ставим точку в надежде, что другие исследователи продолжат поиск новых материалов и раскроют его личность в иных ракурсах, добавят новые черты в его образ и рассказ о его деятельности, которая поистине обширна и плодотворна.

Революционный смерч начала XX в. основательно разорил дворянские гнезда, не миновала эта злая участь и Чертковых, от мощного древа которых, похоже, уцелела в эмиграции лишь одна ветвь: ребенком покинул Россию Михаил Сергеевич Чертков и оказался вместе с родителями сначала в Румынии, затем во Франции. В супруги он избрал внучку М.В. Родзянко, последнего председателя Государственной Думы, — Анну Михайловну Родзянко, семья которой нашла приют в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Начавшаяся Вторая мировая война заставила Чертковых перебраться из Белграда снова в Париж. Здесь выросли и получили образование их 6 детей: Владимир и Александра, родившиеся еще в Белграде, Марина, Николай, близнецы Мария и Анна. Михаил Сергеевич, избрав поприще православного священника, возглавлял Русскую миссию в Иерусалиме, православную церковь в Тегеране, где основал Дом для русских престарелых и сумел добиться

от самого шаха выплаты им пенсий, причем эти деньги они продолжают получать, несмотря на смену режима. Жизнь раскидала и новое поколение Чертковых: Марина стала монахиней в Иерусалиме, Мария и Николай обосновались в США.

В перипетиях жизни в эмиграции Чертковы не утратили своей органической связи с русской культурой, впитывая отеческую духовность благодаря прекрасному знанию языка далекой и недоступной в те годы для них родины. Однако родовая нить, соединяющая их с замечательной фамилией Чертковых, оказалась разорванной. «Быть Чертковым», по искреннему признанию Николая Сергеевича Черткова, не имело для него «особого значения», поскольку он знал лишь об одном В.Г. Черткове, секретаре Л.Н. Толстого, о котором в семье не часто упоминали.

Знаменательно, что именно А.Д. Чертков помог современным потомкам своего рода восстановить генеалогическую память. В «Журнале Русского нумизматического

Дом Чертковых на улице Кирова (Мясницкой) в 1980-х гг.

общества», издаваемом в США, в штате Вирджиния, в 1990 г. была напечатана статья о выдающемся русском нумизмате А.Д. Черткове, и в его портрете Н.С. Чертков увидел характерные и столь родные черты своего отца. В июле 1993 г. Николай Сергеевич в первый раз приехал в Москву, восхитился чертковским особняком на Мясницкой, куда, впрочем, его не пустили, поскольку здание было сдано в аренду и началась его реставрация, чтобы в будущем здесь разместить отнюдь не просветительные учреждения.

Честь принадлежать к славному роду Чертковых обязала Н.С. Черткова вступить в борьбу не просто за сохранение памятника архитектуры XVIII в., но за возвращение Дому Черткова «его изначального замысла и назначения — служить полностью интересам развития российской культуры», для чего в ноябре 1993 г. им был основан мемориальный и культурный фонд А.Д. Черткова. Его цель — привлечь как внимание мировой общественности, так и капиталы для того, чтобы, отреставрировав все здание особняка, вернуть Чертковскую библиотеку на свое прежнее место, открыв ее, согласно завещанию Г.А. Черткова, для массового читателя. Кроме того, Н.С. Чертков выдвинул идею создания в Доме Черткова Российского культурно-экономического центра. С этими предложениями он выступал 20 декабря 1996 г. перед Государственной Думой Российской Федерации; его конструктивные идеи нашли понимание и словесную поддержку у президента В.В. Путина, в Министерстве культуры, у московской общественности, органов печати, а про Истори-

ческую библиотеку и говорить не приходится. Но «воз и ныне там», а Николая Сергеевича Черткова окрестили «американским Дон-Кихотом». В современной России, где разорвана связь времен, разрушена среда, из которой органично произрастали благотворители — дворяне, купцы, замысел Н.С. Черткова кажется почти неосуществимым, но тем блистательней и удивительней будет победа, в которую нам всем хочется верить.

ФОРМУЛЯРНЫЙ СПИСОК А.Д. ЧЕРТКОВА О СЛУЖБЕ И ДОСТОИНСТВЕ¹

31 января 1808 г. — в службу вступил в Департамент внутренних дел. Произведен в коллегии юнкера 1808 г. апреля 24 [27]².

Из одного департамента поступил в лейб-гвардии Конный полк эстандарт-юнкером 1809 г. сентября 11.

29 октября 1811 г. — произведен корнетом.

18 августа 1813 г. — произведен поручиком. За отличие в сражении под Кульмом награжден орденом Св. Анны 3-й степени и знаком отличия Королевского Прусского железного креста.

13 марта 1814 г. — за отличие в сражении при Фер-Шампенуазе награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом.

1814 г. — имеет медаль за взятие Парижа.

1815 г. — утвержден полковым казначеем.

18 августа 1816 г. — пожалован штабс-ротмистром с оставлением прежней должности [казначей].

25 октября 1819 г. — пожалован ротмистром.

14 июля 1822 г. — пожалован полковником.

18 ноября 1822 г. — уволен за болезнью с мундиром.

15 июня 1827 г. — по Высочайшему приказу вторично поступил на службу в гусарский эрцгерцога Фердинанда полк.

4 марта 1828 г. — утвержден командиром резервных эскадронов сего полка.

22 июля 1829 г. — из одного по Высочайшему приказу за болезнью

уволен тем же чином полковника с мундиром.

14 октября 1834 г. — Именным Высочайшим Его Императорского Величества указом определен членом Попечительного совета заведений общественного призрения в Москве и попечителем Работного дома с оставлением в чине полковника. В том же году устроил на 400 нищих работное заведение, начальником которого был до конца 1839 г., когда это учреждение было передано в ведение Комитета о просящих милостыню.

24 октября 1834 г. — назначен был начальником контроля для отчетности по заведениям, подведомственным Попечительному совету заведений общественного призрения в Москве.

11 июня 1835 г. — по предложению г-на московского военного генерал-губернатора определен в попечителя временного заведения для празднующихся и просящих милостыню в Москве.

22 октября 1835 г. — определен по кандидатству в московские уездные предводители дворянства. По сему званию исправлял должности губернского предводителя дворянства 1 ноября 1835 г. — 1 января 1836 г. (по случаю отъезда губернского предводителя дворянства в г. Клин для набора рекрутов); 1 ноября 1836 г. — 1 января 1837 г.; 18 мая 1838 г. — 20 августа 1838 г., в какое время окончил дело о господаре Шотт, начатое по Высочайшему повелению.

С 18 декабря 1835 г. назначен членом Комиссии для оценки домов, отходящих под Лефортовскую часть.

Председатель Комиссии о составлении именных списков лицам, потомственное дворянское звание носящим.

Член Рекрутского присутствия с 1 ноября 1835 г. до 1842 г.: с 1 ноября 1835 г. — по 15 января 1836 г.; по 15 января 1837 г.; с ноября 1840 г. по 1 января 1841 г.; с 1 ноября 1841 г. по 15 января 1842 г.

Член Комиссии народного довольствия.

Председатель Комиссии об оценке земель, отходящих под Брест-Литовское шоссе.

Председатель Комиссии об оценке земель, отходящих под Рязанское шоссе.

Председатель Комиссии об оценке земель, отходящих под Нижегородское шоссе.

Председатель Комиссии об оценке земель, отходящих под шоссе и аллеи близ Петровского парка.

Председатель Комиссии об оценке земель, отходящих под водоотводный канал по верховью Москвы-реки.

Председатель уездного Оспенного комитета.

Производил следствие над дворянами, не принадлежащими к Московскому уезду: Авдулиной и Михаревой, Жуковым, помещиком Дмитровского уезда; разбирая ссору, возникшую между г-ном Цветаевым и его женой несколько лет сряду и бывшую в рассмотрении Управы Благодичиния, успел совершенно примирить их так, что они все прежнее предали забвению и согласились впредь жить мирно и честно.

Председатель уездного Опекунского совета.

18 ноября 1835 г. — объявлено Высочайшее благоволение по званию

члена Императорского Московского общества сельского хозяйства.

26 мая 1836 г. — избран дворянством Московской губернии в почетные попечители двух московских губернских гимназий и Высочайше утвержден в сей должности.

Выбран вице-президентом Императорского Общества истории и древностей российских и утвержден министром народного просвещения 24 апреля 1836 г.

26 мая 1836 г. — неперменным членом Комитета, управляющего делами Императорского Общества испытателей природы, по назначению попечителя Московского учебного округа и утверждению того же министра.

26 мая 1836 г. — назначен в члены Статистического комитета Московской губернии.

28 сентября 1836 г. — по предложению губернского предводителя дворянства назначен членом Московской дорожной комиссии.

В небытность г-д губернского и русского предводителей еженедельно свидетельствовал в Губернском правлении дворян, подозреваемых в расстройстве умственных способностей.

По препоручению г-на московского военного генерал-губернатора произвел следствие о жестоком обращении штабс-ротмистра Подгаецкого и жены его с дворовыми людьми по принесенной отцом дворовой девки жалобе Его Императорскому Высочеству государю великому князю цесаревичу наследнику.

2 октября 1837 г. — объявлено Всемилостивейшее Его Императорского Величества благоволение за поднесение государю императору сочинения Черткова «Описание древних русских монет».

19 января 1838 г. — избран московским дворянством в уездные предводители и почетные попечители

ли московских губернских гимназий во второй раз.

20 июня 1838 г. — по положению Комитета г-д министров, состоявшемуся 4 июня 1838 г., за отлично усердную службу объявлено Высочайшее благоволение.

1839 г. — за отсутствием генерал-адъютанта графа Строганова с Высочайшего соизволения за границу исправлял должность президента ОИДР и исправлял оную всегда во время его отлучки по обязанностям службы из Москвы.

5 [15] декабря 1840 г. — членом Комитета, Высочайше утвержденного, для составления проекта нового положения о доходах и расходах Московской столицы.

Председатель Комитета, учрежденного для исправления натуральных повинностей в Московском уезде.

15 января 1841 г. — вновь на третьем 3-летнем избран в московские уездные предводители дворянства.

16 января 1841 г. — дворянством всей Московской губернии избран в почетные попечители московских губернских гимназий и в кандидаты для замещения должности московского губернского предводителя дворянства.

22 августа 1841 г. — Всемилоостивейше пожалован знаком отличия беспорочной службы за 15 лет.

23 сентября 1841 г. — в награду ревностной службы при усердном исполнении возложенных на него поручений и отличных его трудов, начальством засвидетельствованных, Всемилоостивейше пожалован в статские советники.

23 сентября 1841 г. — назначен присутствовать в Дорожной комиссии.

23 октября 1841 г. — Высочайше утвержден членом Комитета о тюрьмах.

А по положению Комитета г-д министров 31 марта, 14 апреля 1842 г. удостоенному Высочайшего утверждения, Всемилоостивейше пожаловано ему старшинство в чине статского советника со времени выслуги в чине полковника 4-летнего срока, установленного для чиновников 1-го разряда, т.е. с 5 апреля 1836 г.

30 декабря 1842 г. — избран Императорскою Академиею наук членом оной.

13 марта 1843 г. — объявлено чрез министра народного просвещения Высочайшее благоволение за поднесение государю книги «О переводе Манассиной летописи...».

Вновь назначен присутствовать в Дорожной комиссии и быть членом Комитета о тюрьмах.

8 октября 1843 г. — за ревностную службу и особые труды Всемилоостивейше пожалован в действительные статские советники.

5 декабря 1843 г. — состоя в звании члена Московского Художественного общества со времени открытия оногo, в чрезвычайном собрании общества избран в члены Совета сего общества.

8 декабря 1843 г. — Советом Московского Художественного общества избран единогласно в звание почетного члена Общества как оказавший важную пользу Обществу ревностным содействием к процветанию класса живописи и ваяния. В этом звании утвержден Обществом в чрезвычайном собрании 31 декабря 1843 г.

1 января 1844 г. — назначен членом 18-го округа путей сообщения и публичных зданий.

1844 г. — объявлено чрез министра народного просвещения Высочайшее благоволение за «Описание войны великого князя Святослава Игоревича...».

На четвертое 3-летие дворянством Московского уезда избран в уездные

предводители дворянства и утвержден в звании 15 января 1844 г.

24 января 1844 г. — по сему же выбору дворянством Московской губернии избран в почетные попечители московских губернских гимназий и в кандидаты на звание московского губернского предводителя дворянства.

18 февраля 1844 г. — Всемиловейше утвержден в звании московского губернского предводителя дворянства, по должности которой состоял председателем Московской губернской посреднической комиссии и членом Высочайше утвержденной Комиссии для построения в Москве храма во имя Христа Спасителя.

11 марта 1841 — 15 февраля 1844 г. — по званию московского уездного предводителя дворянства был членом Московской губернской посреднической комиссии, учрежденной по Высочайшему повелению для полюбовного специального размежевания дач общего и чрезполосного владения в означенной губернии.

На основании III ст. Высочайшего Манифеста 1 июня 1841 г. вместе с сенаторами и гражданским головою производил проверку кассы кредитных билетов и запасного фонда в Московской сохранный казне: в 1-й раз — 1844 (19 февраля — 17 марта), во 2-й раз — 1844 (14 октября — 25 октября), в 3-й раз — 10 февраля 1845.

13 января 1846 г. — в воздаяние отлично усердной службы Всемиловейше пожалован кавалером ордена Св. Станислава 1-й степени.

29 апреля 1846 г. — объявлена Высочайшая государя императора благодарность за поднесение Его Величеству записки о древностях, найденных в Звенигородском уезде, и приложенных к ней вещей и рисунков.

21 декабря 1846 г. — по 5-му выбору дворянством Московской губернии избран в губернские пред-

водители дворянства и в почетные попечители московских губернских гимназий.

1847 г. — Высочайшими приказами, отданными по гражданскому ведомству, утвержден в должностях: московским губернским предводителем дворянства 14 января 1847 г. и почетным попечителем московских губернских гимназий 14 марта 1847 г.

1847 г. — С.-Петербургское Археолого-нумизматическое общество избрало в почетные члены.

11 апреля 1848 г. — Всемиловейше пожалован орден Св. Анны 1-й степени, украшенный императорскою короною.

1848 г. — избран в председатели ОИДР.

13 марта 1849 г. — в торжественном собрании Московского Художественного общества избран в члены Совета этого общества вновь на 3 года.

13 апреля 1849 г. — Всемиловейше дозволено носить военный мундир, в коем уволен в последний раз из военной службы.

1 ноября 1849 г. — получил знак отличия беспорочной службы за 25-летнее достоинство на Владимирской ленте.

23 января 1850 г. — по 6-му выбору дворянством Московской губернии избран в кандидаты на должность губернского предводителя дворянства и в почетного попечителя московских губернских гимназий.

11 февраля 1850 г. — Высочайшим приказом, отданным по гражданскому ведомству, утвержден в звании московского губернского предводителя дворянства и (16 апреля) почетного попечителя московских губернских гимназий на 3-летие с 1850 г.

1 октября 1850 г. — Хорватским обществом древностей юго-словенских избран в почетные члены.

16 октября 1850 г. — Императорской Публичной библиотекой избран и г-ном министром Императорского Двора утвержден в звании почетного члена этой библиотеки.

1850 г. — Высочайшее благоволение за пожертвование им капитала на содержание во Втором Московском кадетском корпусе 13 воспитанников.

8 апреля 1851 г. — Высочайшим приказом, отданным по гражданскому ведомству, произведен в тайные советники.

12 декабря 1851 г. — Воронежским обществом охотников конского бега избран в почетные сего общества члены.

Апрель 1852 г. — по званию председателя ОИДР объявлено Высочайшее Его Императорского Величества благоволение.

14 января 1853 г. — по 7-му выбору дворянством Московской губернии избран в кандидаты на должность губернского предводителя дворянства и в почетного попечителя московских губернских гимназий.

31 января 1853 г. — Высочайшим приказом, отданным по гражданскому ведомству, утвержден в звании московского губернского предводителя дворянства и почетного попечителя московских губернских гимназий на 3-летие, в должность вступил 10 февраля.

8 октября 1854 г. — за отличные заслуги при общем стремлении всего дворянства Московской губернии к пожертвованиям на военные надобности и содействию распоряжениям правительства при передвижении войск и обеспечении семейств нижних чинов Всемиловейше пожалован кавалером ордена Св. равноапостольного князя Владимира 2-й степени.

22 октября 1854 г. — по званию председательствующего ОИДР в числе прочих членов сего Общества

объявлено Высочайшее Его Императорского Величества благоволение.

18 января 1856 г. — дворянством Московской губернии избран на должность почетного попечителя московских губернских гимназий. Высочайшим приказом по гражданскому ведомству утвержден почетным попечителем московских губернских гимназий 21 апреля 1856 г.

19 января 1856 г. по окончании 3-летия от должности московского губернского предводителя дворянства выбыл.

В походах и самых сражениях был: во вторую французскую войну, 1813 г., мая с 30, — за границу: августа 15 — во время сражения при г. Дрезден, 17 и 18 — в сражении при деревне Кульм; за отличие при оном награжден орденом Св. Анны 3-го класса, имеет знак отличия Королевского Прусского креста; октября 4, 5 и 6 чисел — при г. Лейпциге. 1814 г. — во Франции: января 20 — при Бриенне, марта 13 — при Фер-Шампенуазе и за отличие при оном награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом; 18 [марта] — при разбитии г. Парижа, а оттуда обратно в пределы России. С открытием войны против турок 1828 г. при движении войск с квартирного их расположения за границу под крепость Силистрию при отражении сильных неприятельских вылазок 23 [25] сентября, 16 и 29 октября.

В отпусках был: 1815 — с 5 января по 15 марта; 1817 г. — с сентября 28 на 4 месяца; 1821 г. — с февраля 28 и октября с 5, каждый раз на 28 дней.

В отставке был без награждения чином [с] 18 ноября 1822 по 15 июня 1827 г. и с 22 июля 1829 по 14 октября 1834 г.

К продолжению статской службы способен и достоин. Жалованья не получает.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ А.Д. ЧЕРТКОВА

1789 г., 19 июня, — родился в семье воронежского дворянина Дмитрия Васильевича Черткова.

1808 г., 31 января, — вступил на службу в Департамент внутренних дел.

1809 г., 11 сентября, — поступил в лейб-гвардии Конный полк эстандарт-юнкером.

1813–1814 гг. — находился в Заграничных походах Русской армии.

1813 г., 18 августа, — произведен поручиком, награжден орденом Св. Анны 3-й степени и знаком Королевского Прусского железного креста за отличие в сражении под Кульмом.

1814 г., 13 марта, — награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом за отличие в сражении при Фершампенуазе.

1814 г. — награжден медалью за взятие Парижа.

1819 г., 25 октября, — пожалован ротмистром.

1822 г., 14 июля, — пожалован чин полковника.

1822 г., 18 ноября, — уволен из лейб-гвардии Конного полка в чине полковника с правом ношения мундира.

1823–1825 гг. — совершил путешествие по Австрии, Италии, Швейцарии.

1827 г., 15 июня, — поступил на службу в гусарский эрцгерцога Фердинанда полк.

1828–1829 гг. — Русско-турецкая война.

1828 г., 9 мая, — женился на графине Елизавете Григорьевне Чернышевой.

1828 г., октябрь, — участие в осаде крепости Силистрия.

1829 г., 8 марта, — родилась дочь Елизавета.

1829 г., 22 июля, — уволен с воинской службы в чине полковника с правом ношения мундира.

1830 г. — поселился в Москве.

1831 г., 1 апреля, — кончина отца, Дмитрия Васильевича Черткова.

1831 г., 17 июля, — родилась дочь Софья.

1831 г., 12 августа, — куплен дом в Москве, на Мясницкой.

1832 г., 19 ноября, — родился сын Григорий.

1833 г., 23 марта, — внесен в VI часть дворянской родословной книги Московской губернии.

1834 г., 7 марта, — родилась дочь Александра.

1834 г., 14 октября, — определен членом Попечительного совета заведений общественного призрения в Москве и попечителем Работного дома с оставлением в чине полковника.

1834 г. — присуждение Академией наук половинной Демидовской премии за каталог «Описание древних русских монет».

1834 г. — вышло в свет сочинение «Воспоминания о Сицилии».

1835 г., 22 октября, — избран в московские уездные предводители дворянства.

1836 г., 24 апреля, — выбран вице-президентом Императорского Общества истории и древностей российских.

1836 г., 26 мая, — избран в почетные попечители двух московских губернских гимназий.

1838 г., 19 января, — вторично избран в московские уездные предводители дворянства и почетные попечители московских губернских гимназий.

1838 г. — издан каталог «Всеобщая библиотека России».

1838–1839 гг. — путешествие со всей семьей по Западной Европе.

1841 г., 15 января, — избран в московские уездные предводители дворянства на третий срок.

1841 г., 16 января, — избран в почетные попечители московских губернских гимназий и в кандидаты для замещения должности московского губернского предводителя дворянства.

1841 г., 22 августа, — пожалован знаком отличия беспорочной службы за 15 лет.
1841 г., 23 сентября, — пожалован в статские советники.
1841 г., 23 октября, — утвержден членом Комитета о тюрьмах.
1842 г. — издана книга «О переводе Манассиной летописи на словенский язык, по двум спискам Ватиканскому и Патриаршей библиотеки, с очерком истории болгар».
1842 г., 30 декабря, — избран членом Императорской Академии наук.
1843 г. — издана книга «Описание войны великого князя Святослава Игоревича против болгар и греков в 967–971 годах».
1843 г., 8 октября, — пожалован в действительные статские советники.
1843 г., 5 декабря, — избран в члены Совета Московского Художественного общества.
1844 г., 15 января, — избран в московские уездные предводители дворянства на четвертый срок.
1844 г., 18 февраля, — утвержден в звании московского губернского предводителя дворянства, по должности которой состоял членом Комиссии для построения в Москве храма во имя Христа Спасителя.
1846 г., 13 января, — пожалован кавалером ордена Св. Станислава 1-й степени.
1846 г., 21 декабря, — вновь избран в губернские предводители московского дворянства и в почетные попечители московских губернских гимназий.
1847 г. — избран в почетные члены Санкт-Петербургского археолого-нумизматического общества.
1848 г., 11 апреля, — пожалован орден Св. Анны 1-й степени, украшенный императорской короной.
1848 г. — избран в председатели Общества истории и древностей российских.
1849 г., 1 ноября, — получил знак отличия беспорочной службы за 25 лет на Владимирской ленте.
1850 г., 23 января, — в третий раз избран

на должность губернского предводителя московского дворянства и в почетные попечители московских губернских гимназий.

1850 г., 24 февраля, — венчание дочери Елизаветы Александровны с князем А.Н. Голицыным.

1850 г., 1 октября, — избран в почетные члены Хорватского общества древностей юго-словенских.

1850 г., 16 октября, — избран в почетные члены Императорской Публичной библиотеки.

1851 г., 8 апреля, — произведен в тайные советники.

1851 г. — вышла книга «О переселении фракийских племен за Дунай и далее на север, к Балтийскому морю, и к нам на Русь».

1852 г. — венчание дочери Софьи Александровны с С.А. Ермоловым.

1852 г. — вышла книга «Фракийские племена, жившие в Малой Азии».

1853 г., 31 января, — утвержден в звании московского губернского предводителя дворянства и почетного попечителя московских губернских гимназий.

1853 г. — вышла книга «Пелазго-фракийские племена, населявшие Италию и оттуда переселившиеся в Ретию, Венделикию и далее на север до реки Майна».

1853–1856 гг. — Крымская война.

1854 г., 8 октября, — пожалован кавалером ордена Св. равноапостольного князя Владимира 2-й степени.

1855 г. — вышла книга «О языке пелазгов, населивших Италию, и сравнение его с древлесловенским».

1857 г. — вышла книга «Продолжение опыта пелазгийского словаря».

1858 г., 25 мая, — кончина Елизаветы Григорьевны Чертковой.

1858 г., 10 ноября, — кончина Александра Дмитриевича Черткова.

1863 г. — в Москве открылась первая публичная бесплатная библиотека — Чертковская библиотека.

ПРИМЕЧАНИЯ

ЧАСТЬ I

ГЛАВА 1

1. Грамота на права, вольности и преимуществва благородного российского дворянства 21 апреля 1785 г. // Российское законодательство X–XX вв. М., 1987. Т. 5. Ст. 68, стр. 37–38.
2. Недавние исследования И.Г. Пономаревой уточнили обстоятельства переезда мценского воеводы Григория Протасьевича, которого считают своим родоначальником дворянские роды – Чаадаевы, Протасовы, Протасьевы, Борисовы-Муромские и Чертковы, на службу к московскому князю Василию II около 1438 г. При московском дворе он занимал видное положение. См.: *Пonomareva И.Г.* История одного выезда на московскую службу (о предках Чаадаевых) // Древняя Русь. 2005. № 4, стр. 41–50.
3. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 284. Л. 84.
4. ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2074. Л. 6–14.
5. Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи, начатый в 1797 г. СПб., 1798. Ч. 1, стр. 73.
6. *Лакиер А.Б.* Русская геральдика. М., 1990, стр. 273.
7. Общий гербовник... Ч. 1, стр. 73.
8. *Лобанов-Ростовский А.Б.* Русская родословная книга. СПб., 1895. Т. 2., стр. 361–366; *Савелов Л.* Воронежское дворянство: Случайные заметки. М., 1895. Вып. 1, стр. 10.
9. *Ключевский В.О.* Сочинения: В 8 т. М., 1958. Т. 4, стр. 12.
10. Там же, стр. 13.
11. Каптенармус – нижний чин, заведовавший обмундированием, снаряжением, оружейными припасами и т.п.
12. *Чичерин А., Долгов С., Афанасьев А.* История лейб-гвардии Преображенского полка. 1683–1883. СПб., 1883. Т. 4. Приложение, стр. 16.
13. Впрочем, мы не очень ошибемся, если предположим, что Н.Ф. Чертков был ровесником своей супруги или старше ее, следовательно, он родился ранее 1667 г., а умер, соответственно, после 1698 г.
14. Морской устав // ПСЗ-1. Т. VI. № 3485, стр. 2.
15. Материалы для истории русского флота. СПб., 1866. Ч. 3,

- стр. 290. Указ от 23 июня 1701 г.
16. Там же, стр. 241.
17. *Ключевский В.О.* Сочинения. Т. 4, стр. 237.
18. Материалы для истории продвижения в России в XVIII ст. СПб., 1858, стр. 21.
19. Материалы для истории русского флота. Ч. 3, стр. 315.
20. *Веселаго Ф.Ф.* Очерк истории Морского кадетского корпуса с приложением списка воспитанников за 100 лет. СПб., 1852, стр. 12.
21. Материалы для истории русского флота. Ч. 3, стр. 309, 314.
22. *Веселаго Ф.Ф.* Указ. соч., стр. 1–23, 26–30.
23. Братья Наум, Иван и Ульян Акимовичи Синявины были одними из первых русских морских офицеров. Наум и Иван стали адмиралами. Потомки их писали свою фамилию через «з» – Сенявины.
24. Материалы для истории русского флота. Ч. 3, стр. 75.
25. *Волков С.В.* Русский офицерский корпус. М., 1993, стр. 51.
26. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 284. Л. 109.
27. По «Табели о рангах», введенной в 1722 г., этот чин находился в XI классе, однако в армейской и гражданской службе чины XI класса отсутствовали, и он оказался настолько экзотическим, что к концу XVIII в. канул в Лету, хотя формально продолжал существовать (при этом переместившись в гражданские чины!). Следует также иметь в виду, что с самого начала флотские, а также артиллерийские чины считались на 1 класс выше пехотных, так что мичман соответствовал пехотному подпоручику (XIII класс), унтер-лейтенант или подпоручик флота – пехотному лейтенанту (XII класс), а лейтенант – пехотному капитану (X класс). Почему Черткову чины XII и XI класса присваивались в обратном порядке, мы сказать не можем, но возможно, что в те годы их старшинство было именно таким.
28. *Волков С.В.* Русский офицерский корпус, стр. 73.
29. *Попов Н.* Материалы для истории морского дела при Петре Великом, в 1717–1720 гг. М., 1859, стр. 1–4.
30. Гукор – небольшое двухмачтовое судно с широким носом и круглой кормой, использовавшееся в качестве транспорта, а также для дозорной и посыльной службы, отличался хорошими мореходными

- качествами, был послушен рулю и довольно быстроходен. Гукор «Ватер-Фалк» имел до 14 пушек. См.: Российский парусный флот. М., 2002. Т. 2, стр. 262.
31. Фрегат «Стор-Феникс» был взят в плен 27 июля 1720 г. в Гренгаемском сражении гребной эскадрой под командованием князя М.М. Голицына. Размеры фрегата: длина – 32,3 м, ширина – 8,6 м, осадка – 3,4 м, 32–34 орудия, 200 человек экипажа. См.: Российский парусный флот. М., 1997. Т. 1, стр. 279.
32. Производство военно-уголовного процесса согласно «Краткому изображению процессов» (приложение к «Воинскому уставу» 1716 г.) распалось на предварительное – фергер (Verhog – допрос) и судебное – в кригерехтах. Причем в военном суде, или кригерехтах, «определялось 13 особам сидеть».
33. Фрегат «Эсперанс» был куплен Ф.С. Салтыковым в Дюнкерке в 1712 г. Размеры фрегата: длина – 34,8 м, ширина – 10,1 м, осадка – 3,6 м, 44 орудия, 220 человек экипажа. Разобран после 1739 г. в Кронштадте. См.: Российский парусный флот. Т. 1, стр. 268.
34. «Новая Надежда» – корабль из серии 54-пушечных кораблей (43,6x10,5x4 м; 32 орудия), спущен на воду 9 июня 1730 г. См.: Российский парусный флот. Т. 1, стр. 31.
35. Общий морской список. СПб., 1885. Ч. 1, стр. 413–414.
36. *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XVIII в. М., 1958, стр. 360.
37. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 352. Л. 57, 57 об.
38. *Якимон Н.М.* Воронеж как военная верфь // Воронежский юбилейный сборник в память 300-летия города Воронежа. Воронеж, 1886. Т. 1, стр. 726–727; *Загорюцкий В.П.* Воронеж: Историческая хроника. Воронеж, 1989, стр. 52, 60, 62.
39. Российский парусный флот. Т. 2, стр. 242.
40. Там же, стр. 244.
41. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 284. Л. 107.
42. Там же. Л. 84, 85, 109, 130 об., 133 об. В статье Алексея Николаевича Черткова, двоюродного брата А.Д. Черткова, неверно указано, что А.Н. Чертков умер в 1735 г. на 45-м году от рождения. См.: *Чертков А.Н.* В.А. Чертков: Материалы для истории века

- Екатерины II // ОЗ. 1840. Т. 12. № 10, стр. 63.
43. Общий морской список, стр. 414.
44. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 284. Л. 134.
45. *Ключевский В.О.* Сочинения. Т. 4, стр. 309.
46. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 284. Л. 105.
47. *Троицкий С.М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.: Формирование бюрократии. М., 1974, стр. 275.
48. Там же, стр. 272–273.
49. *Висковатов А.* Краткая история Первого кадетского корпуса. СПб., 1832, стр. 109; *Романович-Славятинский А.* Дворянство в России. Киев, 1912, стр. 85; *Троицкий С.М.* Указ. соч., стр. 191, 271.
50. *Петров П.Н.* История Санкт-Петербурга с основания города. 1703–1782. СПб., 1885, стр. 576.
51. Нередко в исторической литературе можно встретить сообщение о том, что В.А. Чертков в начале своей служебной карьеры был «простым преподавателем математики» в «той же Навигацкой школе», в Сузаревой башне, которую закончил в свое время и его отец. См., например: *Акыншин А., Ласунский О.* Воронежское дворянство в лицах и судьбах. Воронеж, 1994, стр. 66; Воронежские губернаторы и вице-губернаторы. Воронеж, 2000, стр. 116; *Селина Т.А.* Портреты А.Д. Черткова работы художника П.Э. Рокштуля // Памятники культуры: Новые открытия: Письменность, искусство, археология. Вып. 1998. М., 1999, стр. 395; *Комаровский Е.А.* «В пример последователям...»: Штрихи к портрету основателя Кадетского корпуса в Воронеже генерал-майора Н.Д. Черткова // Клио. 2002. № 3 (18), стр. 182.
52. *Висковатов А.* Указ. соч., стр. 18.
53. *Шамрай Д.Д.* К истории цензурного режима Екатерины II // XVIII век. Сборник статей и материалов. Л., 1958. Сб. 3, стр. 192.
54. *Кондакова Т.И.* Становление издательского аппарата в структуре Сухопутного шляхетского кадетского корпуса (XVIII в.) // Книжное дело Петербурга–Петрограда–Ленинграда. Л., 1981, стр. 23–25.
55. *Шамрай Д.Д.* Об издателях первого частного русского журнала (по материалам архива Кадетского корпуса) // XVIII век. Сборник статей и материалов. М.–Л., 1935. Сб. 1, стр. 377–383; *Он же.* Цензурный надзор над типографией Сухопутного шляхетного кадетского корпуса // XVIII век. Сборник статей и материалов. М.–Л., 1940. Сб. 2, стр. 293–303.
56. История русского театра под редакцией В.В. Каллаша и Н.Е. Ефросы. М., 1914. Т. 1, стр. 103.
57. История русского театра. Л.–М., 1929. Т. 1, стр. 423.
58. История русской драматургии XVII в. – первой половины XIX в. Л., 1982, стр. 60.
59. Именной список всем бывшим и ныне находящимся в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе штаб-, обер-офицерам и кадетам. СПб., 1761. Ч. 1, стр. XXII.
60. *Троицкий С.М.* Указ. соч., стр. 258.
61. *Ключевский В.О.* Сочинения. Т. 4, стр. 344.
62. *Мельников А.С.* Петр III: Повествование в документах и версиях. М., 2002, стр. 119.
63. Там же.
64. *Мельничий Н.* Сборник сведений о военно-учебных заведениях в России. СПб., 1857. Т. 1, стр. 40.
65. *Романович-Славятинский А.* Дворянство в России, стр. 190.
66. *Философов М.М.* (1732–1811), произведенный в 1862 г. в генерал-майоры и назначенный начальником Шляхетского корпуса, был вскоре послан уполномоченным министром в Данию (1764–1774).
67. 125-летний юбилей Первого кадетского корпуса. 1732–1857. СПб., 1857, стр. 15.
68. Екатерина II говорила, что Мельгунов, бывший ее недоброхот, – «человек очень и очень полезный государству», поэтому уже в 1765 г. он был вызван в Петербург и назначен президентом Камерколлегии (1765–1777), а затем он стал наместником Ярославским (1777), Ярославским и Костромским (1778), Ярославским, Архангельским и Вологодским (1779).
69. *Хазин О.А.* Пажи, кадеты, юнкера. М., 2002, стр. 22.
70. *Евгений (Болховитинов).* Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. М., 1845. Т. 2, стр. 240–242.
71. *Скальковский А.* Хронологическое обозрение истории Новороссийского края 1731–1823 гг. Одесса, 1836, стр. 44, 64, 69.
72. О территориальных изменениях Новороссии см.: *Кабузан В.М.* Заселение Новороссии в XVIII – первой половине XIX в. М., 1976, стр. 53–54.
73. *Скальковский А.* Хронологическое обозрение..., стр. 100.
74. Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в. 1725–1800. М., 1966. Т. 3, стр. 74.
75. История русского театра. 1914. Т. 1, стр. 103, 120, 212.
76. *Анчиоловский З.* Старый театр. Воронеж: 1787–1917. Воронеж, 1996, стр. 15.
77. *Шамрай Д.Д.* К истории цензурного режима Екатерины II, стр. 192–193, 196; *Серман И.З.* Комедия Ф. Эмина «Ученая шайка» // XVIII век. Сборник статей и материалов. Вып. 3, стр. 208–209.
78. Сводный каталог русских книг гражданской печати XVIII в. 1725–1800. Т. 3, стр. 74.
79. *Ключевский В.О.* Сочинения. Т. 5, стр. 88.
80. *Керсновский А.А.* История русской армии. М., 1992. Т. 1, стр. 127–133.
81. *Новиков Н.И.* Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772, стр. 243.
82. *Анчиоловский З.* Старый театр, стр. 14–15.
83. *Скальковский А.* Хронологическое обозрение..., стр. 44, 64, 69.
84. *Кабузан В.М.* Заселение Новороссии..., стр. 84, 99, 101, 105–106, 257.
85. Пикинеры наряду с гусарами составляли легкую кавалерию. В допетровское время пикинеры назывались «копейщиками», потому что их главным оружием было копьё. В регулярной армии копьё было заменено пиками длиной до четырех метров.
86. Письмо Павла I к В.А. Черткову // ОЗ. 1840. Т. 8. № 1, стр. 2; Труды Рязанской ученой архивной комиссии за 1887 г. Рязань, 1888. Т. 2. № 6, стр. 124.
87. А.П. Мельгунов, генерал-губернатор Екатеринбургских времен // РА. 1865. № 7, стр. 940.
88. Десятина – мера площади, равная 2400 кв. саженей (1,09 га; сажень равна 3 аршинам, или 2,13 м).
89. *Новицкий Л.П.* История г. Александровска в связи с историей возникновения крепостей Днепровской линии 1770–1806 гг. Екатеринослав, 1905, стр. 105.
90. В 1764 г. вышел указ о разделе в Новороссийской губернии казенных земель для их заселения. Один участок составлял 26 десятин с лесом или 30 десятин без леса. Земля предоставлялась только в пользование на правах ранговой дачи: чем выше ранг и должность, тем больше земли (но не более 48 участков, т.е. до 1440 десятин) получал вельможа, чиновник или военный служащий при условии заселения ее новым хозяином в установленный срок «семейным народом» из расчета не менее 1 двора на участок.

- Согласно указу 1798 г. вся земля, полученная в пользование до 1788 г., признавалась частной собственностью помещика.
91. *Новицкий Л.П.* История г. Александровска..., стр. 149, 156.
92. В 1765 г. на территории 5 Слободских полков (Изюмского, Ахтырского, Острогского, Сумского и Харьковского) была образована Слободско-Украинская губерния, которая в декабре 1780 г. была преобразована в Харьковское наместничество.
93. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 284. Л. 130—133.
94. *Николайчик Ф.Д.* Город Кременчуг. Исторический очерк. СПб., 1891, стр. 63.
95. *Чертков В.А.* Обряд при Высочайшем шествии Ее Императорского Величества в Харьковское наместничество // *Осьмнадцатый век: Исторический сборник.* М., 1869. Кн. 1, стр. 371—385. 31 мая 1787 г.; Воронежские губернские ведомости. 1863. № 45, стр. 493. 10 июня 1787; *Артамонова И.Н.* Чертков В.А. // РБС. 1905. Т. 22, стр. 351—352.
96. *Веселовский Г.М.* Исторический очерк г. Воронежа. 1586—1886 гг. Воронеж, 1886, стр. 89, 98, 116; *Вейнберг Л.Б.* Город Воронеж. Исторический очерк // Воронежский юбилейный сборник в память 300-летия г. Воронежа. Воронеж, 1886, стр. 106.
97. Учреждения для управления губерний Всероссийской империи. 7 ноября 1775 г. // Российское законодательство X—XX веков. Т. 5, стр. 184. Ст. 92.
98. *Карнович Е.* Русские чиновники в былое и настоящее время. СПб., 1897, стр. 79; *Корф С.А.* Дворянство и его сословное управление за столетие. 1762—1855 гг. СПб., 1906, стр. 161.
99. *Болховитинов Е.* Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии. СПб., 1800, стр. 105.
100. *Веселовский Г.М.* Исторический очерк..., стр. 117.
101. *Болховитинов Е.* Историческое, географическое..., стр. 106.
102. Из рукописей, хранящихся в Воронежском губернском музее // Вестник постройки Воронежского губернского музея. 1914. № 2, стр. 8.
103. Историко-культурное наследие Воронежа. Воронеж, 2000, стр. 315.
104. *Крашенинников А.Ф.* Проекты архитектора Кваренги для Воронежа // Воронежский краеведческий сборник. Воронеж, 1985, стр. 185—189.
105. *Веселовский Г.М.* Исторический очерк..., стр. 121; *Болховитинов Е.* Историческое, географическое..., стр. 106.
106. *Болховитинов Е.* Историческое, географическое..., стр. 106.
107. *Корф С.А.* Дворянство и его сословное управление..., стр. 161.
108. Описание Воронежского наместничества 1785 г. Воронеж, 1982, стр. 41.
109. *Храповицкий А.В.* Дневник. М., 1901, стр. 1.
110. Материалы для истории просвещения в России в XVIII ст., стр. 96—97; *Пыльнев Ю.В., Рогачев С.А.* Школы и просвещение Воронежского края в XVIII в. Воронеж, 1997, стр. 38.
111. *Веселовский Г.М.* Воронеж в историческом и современно-статистическом отношениях. Воронеж, 1866, стр. 197.
112. В конце XIV в. Стефан Пермский, первый епископ Пермской епархии, на оригинальной графической основе составил коми алфавит и перевел на древний коми язык ряд церковных текстов, но эта письменность широкого распространения не получила.
113. *Акиншин А., Ласунский О.* Записки старого пешехода. Воронеж, 1995, стр. 75.
114. Александр Борисович Сонцов — в 1796—1797 гг. вице-губернатор, в 1797—1800 и 1805—1811 гг. губернатор Воронежа.
115. *Веселовский Г.М.* Воронеж в историческом..., стр. 198; *Он же.* Исторический очерк..., стр. 151; *Славинский М.И.* Историческое, топографическое и статистическое описание уездов Воронежской губернии // Записки воронежских краеведов. Воронеж, 1987. Вып. 3, стр. 184.
116. С 9 января 1782 г. по 1800 г. Е.А. Болховитинов (с 1785 по конец 1788 г. учился в Московской духовной академии), являясь преподавателем в Воронежской семинарии, затем префектом (т.е. заведующим учебной частью) и исполняющим деятельность ректора, превратил ее в одно из лучших учебных заведений того времени.
117. Высокопреосвященный Евгений, митрополит Киевский и Галицкий // Воронежский юбилейный сборник в память 300-летия г. Воронежа. Воронеж, 1886. Т. 2, стр. 607.
118. «Наместнический дом двухэтажный, строенный в 1782 г. и после обкладенный кирпичом. В нем доньше находился театр. Но сего 1799 г. Указом Правительствующего Сената велено оный дом продать с публично-го торгу». См.: *Болховитинов Е.* Историческое, географическое..., стр. 74—75.
119. *Веселовский Г.М.* Исторический очерк..., стр. 156.
120. Библиографические Записки. 1859. № 3. Стлб. 67; *Шмурло Е.* Митрополит Евгений как ученый: Ранние годы жизни: 1767—1804. СПб., 1888, стр. 176.
121. Драматический словарь, или Показания по алфавиту всех российских театральных сочинений и переводов, с означением имен известных сочинителей, переводчиков и слагателей музыки... СПб., 1787, стр. 3.
122. *Анциповский З.* Указ. соч., стр. 31—32.
123. *Средин В.* Провинциальные театры в России: Театр в Воронеже // Пантеон. 1852. Т. 4. Кн. 7, стр. 2—3.
124. Впоследствии дом наместника за ветхостью был разобран.
125. «...60-летний подвиг ее жизни ознаменован был каждый день новыми и совершенными примерами благочестия, верности, человеколюбия и чувствительности. Нет нужды нам восхвалять ее добродетели, они всем окружающим и знавшим ее известны. Свидетели ее ревностного благочестия суть здешние храмы, кои она с истинною набожностью посещала. Похвала ее верности и супружеской любви начпечатлена в сердце достопочтеннейшего и добродетельнейшего ее супруга, зрешего оные чрез 38 лет. Любезные их чада засвидетельствуют о ее матернем и благородном о их попечении. Ближние изъяснят нам ту ее привязанность и любовь, которую ничто, как едино добросердечие ее о них, умножило. Друзья восхвалят нам чистоту ее совести. Бедные и вдовы, облагодетельствованные ее даром, и многие сироты, воспитанные под ее благородным попечением и изведенные в свет ее щедротою, пред нами возвестят редкое ее человеколюбие...». Надгробное слово префекта Евфимия Болховитинова. 1790 // Богословский вестник. 1896. № 4, стр. 29; *Зерев С.Е.* Николай Дмитриевич Чертков: К 50-летию Михайловского Воронежского кадетского корпуса // РА. 1895. Кн. 3. № 11, стр. 374; Летописный Синодик г. Елисейевых. 1737—1800. Воронеж, 1886, стр. 63.
126. Летописный Синодик г. Елисейевых. стр. 69.
127. *Корф С.А.* Дворянство и его сословное управление..., стр. 168.

128. Архив Государственного совета. СПб., 1869. Т. 1. (Совет в царствование Екатерины II. 1768–1796). Стлб. 126, 127, 223, 359, 714, 811.
129. *Ключевский В.О.* Сочинения. Т. 4, стр. 353.
130. *Веневицинов М.* Из воронежской старины. М., 1887, стр. 46.
131. *Романович-Славатинский А.* Дворянство в России..., стр. 165.
132. *Семевский В.И.* Пожалования населенных имений в царствование Екатерины II. СПб., 1906, стр. 45, 66–67, 68.
133. Московский некрополь. СПб., 1908. Т. 2, стр. 287.
134. ШИАМ. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2074. Л. 12.
135. *Акиньшин А.Н.* Земельные владения семей Тевяшовых и Чертковых в Воронежской губернии (XVIII – нач. XX в.) // Формирование и развитие социальной структуры населения Центрального Черноземья. Тамбов, 1992, стр. 44.
136. *Чертков А.Н.* В.А. Чертков..., стр. 63–65; ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 284. Л. 130–132.
137. Там же. Л. 43.
138. ШИАМ. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2074. Л. 12.
139. *Недосекин В.И.* К истории формирования крупного дворянского землевладения в Воронежской губернии в XVIII в. // Известия Воронежского государственного педагогического института. Воронеж, 1958. Т. XXVI, стр. 90, 92.
140. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 352. Л. 36.
141. *Олейников Т.* Слобода Россошь Острогожского уезда и ее Крестовоздвиженская церковь // Воронежская старина. Вып. 14. Воронеж, 1915–1916, стр. 13.
142. Воронежское дворянство в Отечественной войне 1812 г. Воронеж, 1912, стр. 282–313.
143. Воронежские губернские ведомости. 1863. № 14. Ч. неоф., стр. 133.
144. *Бобринский А.* Дворянские роды, внесенные в Общий гербовник Всероссийской империи. СПб., 1890. Ч. 1.
145. *Барсуков А.* Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII ст. СПб., 1902, стр. 218.
146. *Михалевиц В.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. СПб., 1862. Т. 4, стр. 397.
147. *Щербина Ф.А.* Крестьянское хозяйство по Острогожскому уезду. Воронеж, 1887, стр. 18.
148. *Квитка И.И.* Записки о слободских полках с начала их поселения до 1766 г. Харьков, 1812, стр. 86.
149. *Лобанов-Ростовский А.Б.* Указ. соч., стр. 288; *Савелов Л.* Воронежское дворянство. Случайные заметки. М., 1895. Вып. 1, стр. 9.
150. *Петрухинцев Н.Н.* Два флота Петра I: Технологические возможности России // Вопросы истории. 2003. № 4, стр. 122.
151. Сведения исторические: Воронежская летопись // Воронежская памятная книжка на 1856 г. Воронеж, 1856. Отд. III, стр. 21.
152. *Олейников Т.* Слобода Россошь..., стр. 3; *Недосекин В.И.* Указ. соч., стр. 90.
153. *Акиньшин А., Ласунский О.* Воронежское дворянство в лицах..., стр. 107.
154. Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова. 1716–1720, 1726–1727 // Российский архив. М., 2000. Т. X., стр. 423. Таким образом, Арсеньева была не матерью, как полагали историки Акиньшин и Ласунский, а супругой И.И. Тевяшова.
155. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1993. Кн. X. Т. 20, стр. 396.
156. *Квитка И.И.* Записки о слободских полках..., стр. 48.
157. Материалы по истории Воронежа и соседних губерний: Акты XVII и XVIII ст. Воронеж, 1889. Вып. XVI, стр. 1938.
158. Казаки, которые были не в состоянии отбывать воинскую повинность из-за освобождения от ее тягот переходили в разряд владельческих посполитых, так стали называться казаки, которые занимались исключительно обработкой земли, т.е. стали крестьянами по преимуществу. Посполитые были лично свободны, владели землей, их закрепощение совершалось постепенно в течение второй половины XVII в. и в XVIII в. Продав свою землю, они селились на чужой земле под именем «подсосудков и сродников» и за пользование землей платили ее хозяину известную долю урожая.
159. *Веселовский Г.М.* Город Острогожск и его уезд. Воронеж, 1867, стр. 10.
160. Архив князя Воронцова. Т. 34. М., 1888, стр. 18.
161. Археографической комиссией г. Воронежа было опубликовано дело С.И. Тевяшова, впрочем, на нем не была проставлена дата и незаполненными остались многие графы. Но в нем указывалось, что С.И. Тевяшову от роду 50 лет, его дочери Авдотье 16 лет, поэтому можно установить, зная точно даты жизни его дочери, приблизительный год рождения С.И. Тевяшова – 1735-й. Далее. В формулярном списке Д.В. Черткова от 1790 г. указано, что он женат на дочери умершего полковника Степана Ивановича Тевяшова Евдотье. Следовательно, он умер до 1790 г.
162. *Лобанов-Ростовский А.Б.* Указ. соч., стр. 290–291.
163. *Альбовский Е.А.* История Харьковского полка. 1651–1765 гг. Харьков, 1895, стр. 134.
164. *Квитка И.И.* Записки о слободских полках..., стр. 77–78.
165. Там же, стр. 86.
166. *Акиньшин А., Ласунский О.* Воронежское дворянство в лицах..., стр. 108–109.
167. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 87. «О состоянии и переустройстве украинских полков в черновицах и копиях. 1732–1783 гг.»
168. Материалы для истории Комиссии о сочинении проекта нового уложения 1767–1774 гг. // Русский вестник. 1861. Т. 36. № 11. Приложения, стр. 46.
169. *Акиньшин А., Ласунский О.* Воронежское дворянство в лицах..., стр. 106–109.
170. *Любимов С.В.* Предводители дворянства всех наместничеств, губерний и областей Российской империи. 1777–1910. СПб., 1911, стр. 17.
171. *Каримов Г.А.* Крепости Коротояк и Острогожск в XVII в. // Воронежский край на южных рубежах России (XVII–XVIII вв.). Воронеж, 1981, стр. 20–41.
172. Воронежский край в XVIII в.: Документы и материалы по истории края. Воронеж, 1980, стр. 160.
173. *Никитенко А.В.* Моя повесть о самом себе и о том, «чему свидетелем в жизни был»: Записки и дневник (1804–1877). СПб., 1904. Т. 1, стр. 66–67.
174. *Никитенко А.В.* Моя повесть..., стр. 70; *Веселовский Г.М.* Город Острогожск..., стр. 33.
175. *Михалевиц В.* Указ. соч., стр. 399.
176. Материалы по истории Воронежа и соседних губерний. Вып. XVI. Акты XVII и XVIII ст. Воронеж, 1889, стр. 1944.
177. Там же, стр. 1945.
178. *Недосекин В.И.* Указ. соч., стр. 90, 92, 94.
179. *Халимонов А.Д.* Острогожск. Воронеж, 1978, стр. 12–13.
180. *Квитка И.И.* Записки о слободских полках..., стр. 45.
181. *Романович-Славатинский А.* Дворянство в России, стр. 99–104.
182. *Щербина Ф.А.* Крестьянское

- хозяйство по Острогжскому уезду. Воронеж, 1887, стр. 28—29.
183. Рукописи из собрания А.Д. Черткова сохранили прежнюю нумерацию, проставленную либо им самим, либо кем-то из его предков, а также приобрели и новые номера после передачи в ГИМ, под которыми они значатся в современных описях собрания Черткова, а также в основном каталоге Отдела рукописей и книг старой печати ГИМ.
184. *Черниловская М.М., Шульгина Э.В.* Описание рукописей собрания Черткова. Новосибирск, 1986, стр. 15—16, 45—51, 62—64, 65—67, 70, 72, 79.
185. *Дмитриев М.А.* Мелочи из записки моей памяти // Московские элегии. М., 1985, стр. 152, 174.
186. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 308. Л. 61; *Ковалинский М.И.* Житие Г.С. Сковороды // РА. 1911. Кн. 1. № 4.
187. *Лукомский В.К., Типолет Н.А.* Русская геральдика: Среда к составлению и описанию гербов. М., 1996, стр. 10.
188. ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 12. Д. 171. Л. 8.
189. *Черкас А. Санти Ф.М.* // РБС. 1904. Т. 18, стр. 197—198; *Лакиер А.Б.* Русская геральдика. М., 1990, стр. 222; *Лукомский В.К., бар. Типолет Н.А.* Русская геральдика: Руководство к составлению и описанию гербов. М., 1946, стр. 9—10; *Соболева Н.А.* Российская городская и областная геральдика XVIII—XIX вв. М., 1981, стр. 39—60.
190. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. XI. Т. 21—22, стр. 351.
191. Архив князя Воронцова. Т. 24. М., 1880, стр. 62, 67.
192. *Карнович Е.* Русские чиновники..., стр. 85.
193. ПСЗ-1. № 9249.
194. Гак (от нем. соха) составлял в Северной Эстонии в среднем 8—12 га посевной площади. Для сравнения: в 1755 г. по предложению Сената Елизавета Петровна пожаловала обрусевшим иноземцам — вице-президенту Юстиц-коллегии Ф.И. Эмме 12 гаков в Лифляндии, главному судье Монетной канцелярии И.А. Шлаттеру 10 гаков, так как «они собственным своим деревням и другим, кроме жалования, доходов не имеют». См.: *Троицкий С.М.* Указ. соч., стр. 260, 287, 264, 259.
195. ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 12. Д. 171. Л. 9.
196. *Арсеньев В.С.* Графы Санти и де Шамборон. Тамбов, 1906, стр. 2.
197. Архив князя Воронцова. Т. 33. М., 1887, стр. 26.
198. *Троицкий С.М.* Указ. соч., стр. 288.
199. *Висковатов А.* Указ. соч., стр. 39.
200. *Острецов В.* Массонство, культура и русская история. М., 1999, стр. 90.
201. [Ф.В.] Чертков Д.В. // РБС. Т. 22, стр. 353—354.
202. Петербургский некрополь. М., 1883, стр. 130.
203. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 352. Л. 36.
204. Там же. Д. 284. Л. 45, 134.
205. Там же. Д. 352. Л. 30.
206. [Без подписи.] Чертков А.Д. // Русский энциклопедический словарь, собранный И.Н. Березиным. СПб., 1878. Ч. 4. Т. 16, стр. 89; [Без подписи.] Чертков А.Д. // Настольный словарь для справок по всем отраслям знания Ф. Толля. СПб., 1864. Т. 3. Вып. IX, стр. 1001; *Геннадий Г.Н.* Краткие некрологи русских писателей, умерших в 1858 г. // Библиографические записки. 1859. Т. 2. № 20. Стлб. 646—662; *Межов В.И.* Жизнеописания и некрологи // Литература русской истории за 1859—1864 гг. СПб., 1866. Т. 1, стр. 312; *Савельев П.С.* А.Д. Чертков [Некролог.] // Известия Императорского археологического общества. СПб., 1859. Т. 1. Вып. 6, стр. 392. Кроме того, Б.Л. Модзалевский местом рождения А.Д. Черткова ошибочно назвал Париж. См.: *Модзалевский Б.Л.* Список членов Императорской Академии наук 1725—1907 гг. СПб., 1908, стр. 198.
207. ОР РГБ. Ф. 147. Д. 1941. Л. 18 об.
208. ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2076. Л. 74, 80.
209. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 352. Л. 31 об., 32.
210. Выдержки из дружеских писем Е. Болховитинова к В.И. Македону // РА. 1870. № 4, 5, стр. 781. 28 июня 1800 г.
211. *Жихарев С.П.* Записки современника. Л., 1989. Т. 1, стр. 259.
212. *Троицкий С.М.* Указ. соч., стр. 129.
213. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 291. Л. 2.
214. ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2074. Л. 14.
215. *Давыдов Д.* Военные записки. Воронеж, 1987, стр. 17.
216. *Дмитриев М.А.* Мелочи из записки моей памяти, стр. 152.
217. *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978, стр. 131.
218. *Дашкова Е.Р.* Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России. М., 1987, стр. 340.
219. См., напр.: *Греч Н.И.* Записки о моей жизни. М., 1990, стр. 96—97.
220. *Бартенев П.И.* А.Д. Чертков и его библиотека, // РА. 1863. Кн. 1, стр. 3—4.
221. *Багалей Д.И.* Кафедра русской истории: Г.П. Успенский // Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805—1905). Харьков, 1908, стр. 313.
222. *Успенский Г.П.* «Начальные основания латинского языкознания»; переводы с немецкого: «Космография, или Описание тел мира»; «Путешествие Николая Унштета по обороченному миру»; с французского: «Мифология аббата Трессипа». См.: *Веселовский Г.М.* Исторический очерк..., стр. 153; *Багалей Д.И.* Кафедра русской истории, стр. 313.
223. *Веселовский Г.М.* Исторический очерк..., стр. 152—153; *Багалей Д.И.* Кафедра русской истории, стр. 312—319; *Сухомлинов М.И.* Исследование и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889. Т. 1, стр. 87—90.
224. *Веселовский Г.М.* Воронеж в историческом..., стр. 198.
225. *Бартенев А.* Жизнь и воспоминания одного дворянина // Воронежские губернские ведомости. 1862. № 22. 2 июня, стр. 242—244.
226. *Сухомлинов М.И.* Исследования и статьи..., стр. 87.
227. *Багалей Д.И.* Кафедра русской истории..., стр. 315, 316.
228. *Сухомлинов М.И.* Исследования и статьи..., стр. 89.
229. *Евгений (Болховитинов).* Словарь русских светских писателей... Т. 2, стр. 227—228.
230. *Бартенев П.И.* А.Д. Чертков и его библиотека, стр. 4.
231. *Вигель Ф.Ф.* Записки. Т. 1. М., 1866. Ч. 1, стр. 138.
232. *Пыльнев Ю.В., Рогачев С.А.* Указ. соч., стр. 47, 61.
233. РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2994. Л. 370; Ф. 405. Оп. 2. Д. 1348. Л. 9.
234. *Шульгина Э.В., Черниловская М.М.* А.Д. Чертков и история его библиотеки // Труды Государственного Исторического музея. Вып. 65. М., 1987. Проблемы экспозиционной и фондовой работы, стр. 106.
235. *Немировский А.И.* Александр Дмитриевич Чертков (Опыт научной биографии) // Вопросы истории. 1988. № 10, стр. 46.
236. *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. СПб., 1994, стр. 62—63.

237. *Веселовский Г.М.* Исторический очерк..., стр. 267; *Воскресенский Н.В.* 50-летие Воронежских губернских ведомостей. Воронеж, 1888—1890, стр. 21.
238. *Шмурило Е.* Митрополит Евгений как ученый. СПб., 1888, стр. 182.
239. *Антохин Г.В.* Очерки истории печати Воронежского края. 1798—1917. Воронеж, 1973, стр. 11—20.
240. *Воскресенский Н.В.* Воронежские губернские ведомости // Воронежский юбилейный сборник в память 300-летия г. Воронежа. Т. 2, стр. 207.
241. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 160. Л. 2—3 об.
242. *Анчиоловский З.* Старый театр, стр. 34—46, 67.
243. Н.И. Новиков и его современники. М., 1961, стр. 268.
244. *Мешков И.И.* Записки // РА. 1905. Кн. 2. Вып. 6, стр. 186.
245. *Романович-Славатинский А.* Дворянство в России, стр. 505.
246. *Ливен Д.* Аристократия в Европе. 1815—1914. СПб., 2000, стр. 261—262.
247. *Корф С.А.* Дворянство и его сословное управление..., стр. 210, 214, 305; *Романович-Славатинский А.* Дворянство в России, стр. 432—509.
248. *Любимов С.В.* Предводители дворянства..., стр. 17.
249. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 7. Л. 2, 2 об.
250. Там же. Д. 290. Л. 14, 16 об., 17 об.
251. См. подробнее о деятельности предводителей дворянства в Воронежской губернии: *Литвинова Т.Н.* Дворянские сословные учреждения Воронежской губернии в 1801—1831 гг. // Из истории Воронежского края. Воронеж, 2002. Вып. 10, стр. 101—119.
252. В 1798 г. в связи с оккупацией Мальты Наполеоном Павел I, отличавшийся рыцарским духом, принял Орден Св. Иоанна Иерусалимского (Мальтийский орден) под свое покровительство и был избран его великим магистром. Орден Св. Иоанна Иерусалимского был включен в число российских орденов, имея 3 степени, и стал главной наградой за военные подвиги (упразднен в 1817 г.). Павел I смотрел на принадлежность к этому ордену «как на послушничество, в котором дворянство всех европейских государств должно почерпать чувства чести и верности, необходимые ему, чтобы противиться воцарению идеи равенства, которая уже готова охватить все слои общества». Чтобы стать юстицим кавалером, или кавалером «по праву», необходимо было иметь свидетельство о не менее чем 100-летнем дворянстве, внести орденскую плату 1200 руб. в казну ордена. Кроме того, кавалер должен был совершить на флоте или в армии 4 похода и не быть в долгу у казны. Сам Мальтийский орден как квазигосударственное экстерриториальное образование существует и поныне.
253. Из воспоминаний Михайловского-Данилевского. 1818 г. // РС. 1897. Т. 91, стр. 351.
254. *Славинский М.И.* Указ. соч., стр. 174.
255. *Заев С.Е.* Н.Д. Чертков..., стр. 387; *Веселовский Г.М.* Воронеж в историческом..., стр. 45; *Ласунский О.* Литературная прогулка по Воронежу. Воронеж, 1993, стр. 130—131.
256. Историко-культурное наследие Воронежа. Воронеж, 2000, стр. 165.
257. Из воспоминаний Михайловского-Данилевского, стр. 351; Дневники В.А. Жуковского. СПб., 1903, стр. 338.
258. *Веневитинов М.* Из воронежской старины, стр. 54.
259. *Вигель Ф.Ф.* Записки, стр. 146.
260. *Жихарев С.П.* Записки современника. Т. 1, стр. 117.
261. *Веселовский Г.М.* Воронеж в историческом..., стр. 99; *Вейнберг Л.Б.* Воронеж: Исторический очерк, стр. 173.
262. *Жихарев С.П.* Записки современника. Т. 2, стр. 79.
263. *Вейнберг Л.Б.* Воронеж, исторический очерк, стр. 175. См. подробнее: *Заев С.С.* Воронежское дворянство в Отечественной войне. Воронеж, 1912, стр. 6—12; *Литвинова Т.Н.* Деятельность воронежского дворянства по организации земской милиции в 1806—1807 гг. // Из истории Воронежского края. Воронеж, 2001. Вып. 9, стр. 47—50.
264. Выдержки из дружеских писем Е. Болховитинова к В.И. Македону, стр. 857, 866.
265. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 352. Л. 35, 35 об.
266. Выдержки из дружеских писем Е. Болховитинова к В.И. Македону, стр. 846.
267. *Пухов В.* Денис Давыдов. М., 1984, стр. 206.
268. Думается, что само расставание А.Д. Черткова с родным домом не намного отличалось от подобного, описанного в «Записках графа Д.Н. Толстого». См.: РА. 1885. № 5, стр. 8.
269. *Бартенев П.И.* А.Д. Чертков и его библиотека, стр. 3, 4.
270. *Греч Н.И.* Записки о моей жизни, стр. 158—159.

ГЛАВА 2

1. *Вигель Ф.Ф.* Записки. М., 1866. Т. 1. Ч. 2, стр. 16—17.
2. Там же, стр. 61.
3. *Бутурлин М.Д.* Записки. М., 2006. Т. 1, стр. 37—38, 398.
4. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 294. Л. 2—3 об.
5. Там же. Л. 10—29. (1808—1812 гг.)
6. Там же. Л. 35, 36.
7. Там же. Л. 37, 38, 38 об.
8. До военно-судебной реформы 1867 г. в России было несколько аудиториатов: при Военном министерстве — для сухопутной армии, при Морском — для флота, при Министерстве финансов — для чинов горного корпуса, при Министерстве государственных имуществ — для чинов корпуса лесничих, при Главном управлении путей сообщения и публичных зданий — для инженеров путей сообщения.
9. *Жихарев С.П.* Записки современника. Л., 1989. Т. 2, стр. 139—140.
10. Там же, стр. 34, 51.
11. *Смирнова-Россет А.О.* Воспоминания. Письма. М., 1990, стр. 291.
12. Знаменитые россияне XVIII—XIX вв. Биографии и портреты. СПб., 1995, стр. 510—514.
13. Лейб-гвардии Кавалергардский полк сформирован в 1800 г.
14. *Марин С.Н.* Полн. собр. соч. М., 1948, стр. 475.
15. Архив князя Воронцова. Т. 36. М., 1890, стр. 409.
16. Знаменитые россияне, стр. 496—497.
17. *Чиждова И.Б.* Хозяйки литературных салонов Петербурга первой половины XIX в. СПб., 1993, стр. 51.
18. *Вигель Ф.Ф.* Записки. М., 1928. Т. 2, стр. 322.
19. Там же, стр. 323.
20. Там же, стр. 332.
21. *Жихарев С.П.* Записки современника. Т. 2, стр. 179—180.
22. *Греч Н.И.* Записки о моей жизни, стр. 207—208.
23. *Варадинов Н.* История Министерства внутренних дел. СПб., 1858. Ч. 1, стр. 204.
24. История русской армии и флота. М., 1911. Т. 5, стр. 92.
25. *Шильдер Н.К.* Император Александр I. Его жизнь и царствование. СПб., 1904. Т. 2, стр. 236.
26. По Реомюру; -20 градусов по

- Цельсию. При Александре I Крещенский парад отменялся, если было более 17 градусов мороза; при Николае I — если было более 9 градусов. См.: *Бутурлин М.Д.* Записки. Т. 1, стр. 60.
27. *Жихарев С.П.* Записки современника. Т. 2, стр. 81. «Неприятно, как офицеры могли безредно выдерживать это», — с удивлением замечал граф М.Д. Бутурлин.
28. *Бутурлин М.Д.* Записки. Т. 1, стр. 181.
29. *Карнович Е.* Русские чиновники в былое и настоящее время. СПб., 1897, стр. 90; *Шенгелев Л.Е.* Титулы, мундиры, ордена. Л., 1991, стр. 119—121.
30. *Бакунина В.И.* «Двенадцатый год» // РС. 1885. Т. 47, стр. 394.
31. *Долгоруков И.М.* Капище моего сердца. М., 1997, стр. 254—255.
32. Знаменитые россияне, стр. 347—348.
33. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 291. Л. 5.
34. Выдержки из дружеских писем Е. Болховитинова к В.И. Македонцу // РА. 1870. № 4 и 5, стр. 867—868.
35. Архив князя Воронцова. Т. 37. М., 1891, стр. 208.
36. *Лалин В.* Семеновская история. 16—18 октября 1820 г. Л., 1991, стр. 41—42.
37. *Миркович Ф.Я.* Его жизнеописание, составленное по собственным его записям, воспоминаниям близких людей и подлинным документам. СПб., 1889, стр. 19—20.
38. *Голицын А.Н.* Из рассказов старого лейб-гусара // РА. 1887. Кн. 3. № 10, стр. 192.
39. *Безунова А.* Сабли остры, кони быстры... (из истории русской кавалерии). М., 1992, стр. 107, 113.
40. *Карнович Е.П.* Цесаревич Константин Павлович. 1779—1831 // РС. 1877. Т. 19. № 8, стр. 545—546.
41. *Михайловский-Данилевский А.И.* Мемуары. 1814—1815. СПб., 2001, стр. 152.
42. *Вяземский П.А.* Полн. собр. соч. СПб., 1883. Т. 8, стр. 108.
43. *Тургенев Н.* Россия и русские. М., 2001, стр. 67.
44. *Муравьев-Карский Н.Н.* Записки // РА. 1885. Кн. 3, стр. 54.
45. *Тимирязев Ф.И.* Страницы прошлого // РА. 1884. Кн. 1. № 1, стр. 162.
46. *Голицын А.Н.* Из рассказов..., стр. 196.
47. Записки графа Д.Н. Толстого // РА. 1885. № 5, стр. 8.
48. *Анненков И.В.* История лейб-гвардии Конного полка. 1731—1848 гг. СПб., 1849. Ч. 1, стр. 233—237; *Висковатов А.В.* История описания одежды и вооружения российских войск с рисунками. СПб., 1901. Ч. 15, стр. 12.
49. *Миркович Ф.Я.* Указ. соч., стр. 41.
50. *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XIX в. М., 1973, стр. 452.
51. *Анненков И.В.* Указ. соч., стр. 233—237.
52. Так описал начало своей службы Миркович. См.: *Миркович Ф.Я.* Указ. соч., стр. 20.
53. Там же, стр. 23.
54. *Анненков И.В.* Указ. соч., стр. 216.
55. *Миркович Ф.Я.* Указ. соч., стр. 24.
56. Там же.
57. *Тургенев Н.* Россия и русские, стр. 21.
58. *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XIX в., стр. 81.
59. *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание войны 1812—1815 гг. СПб., 1899, стр. 37.
60. *Греч Н.И.* Записки о моей жизни, стр. 179.
61. *Миркович Ф.Я.* Указ. соч., стр. 25.
62. *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание войны 1812—1815 гг., стр. 301.
63. РГВИА. Ф. 3543. Оп. 1. Д. 4608. Л. 79 об., 80; Д. 106. Л. 40 об.
64. *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1891. Т. 4, стр. 39; Советская историческая энциклопедия. М., 1974. Т. 15, стр. 877; Славяноведение в дореволюционной России. М., 1979, стр. 362; Москва. Энциклопедия. М., 1997, стр. 897. В.В. Литвинов ошибочно указал, что А.Д. Чертков принимал участие в сражении при Бородино. См.: *Литвинов В.В.* 1812—1912: К юбилею Отечественной войны. Воронеж, 1912, стр. 34.
65. *Сорокин В.* Улица Кирова, 7. Дом с 250-летней историей // Наука и жизнь. 1970. № 3, стр. 24; *Волович Н.* Пушкинская Москва. М., 1996, стр. 57.
66. *Шильдер Н.К.* Император Александр I. СПб., 1897. Т. 3, стр. 108.
67. Там же, стр. 116.
68. *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание войны 1812—1815 гг., стр. 276—277.
69. *Бескровный Л.Г.* К 150-летию Лейпцигского сражения // В освободительной войне 1813 г. против наполеоновского государства. М., 1965, стр. 96.
70. *Шильдер Н.К.* Император Александр I. Т. 3, стр. 134.
71. *Дружинин Н.М.* Освободительная война 1813 г. и русское дело // В освободительной войне 1813 г..., стр. 57.
72. Василий и Авраам Норовы. Оригинальные письма из армии 1812—1813 годов/ Публ. Ф.А. Петрова // Река времен. Книга истории и культуры. М., 1996. Кн. 5, стр. 68. Лагерь под Баушеном. 5 мая 1813 г.; стр. 66. 18 февраля 1813 г.
73. Конскрипт (от фр. conscript) — призывник, новобранец, рекрут.
74. *Норов В.С.* Записки о походах 1812 и 1813 гг. от Тарутинского сражения до Кульмского боя. СПб., 1834. Ч. 2, стр. 9.
75. *Чертков А.Д.* Дорожные дневники/ Перевод и публ. Ф.А. Петрова // Очерки по истории Отдела нумизматики ГИМ: Нумизматический сборник. Вып. 83. Ч. XII. М., 1993, стр. 88—113.
76. *Чертков А.Д.* Дорожные дневники, стр. 91.
77. Там же, стр. 92.
78. Там же.
79. Там же, стр. 93.
80. Там же, стр. 94.
81. РГВИА. Ф. 3543. Оп. 1. Д. 106. Л. 188 об.
82. *Голицын А.Н.* Из рассказов..., стр. 193.
83. РГВИА. Ф. 3543. Оп. 1. Д. 106. Л. 191 об., 205, 206 об., 209.
84. *Бескровный Л.Г.* Русское военное искусство XIX в. М., 1974, стр. 137.
85. *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание войны 1812—1815 гг., стр. 552.
86. *Норов В.С.* Записки о походах 1812 и 1813 гг... Ч. 2, стр. 68.
87. *Шильдер Н.К.* Император Александр I. Т. 3, стр. 160—163.
88. *Богданович М.И.* История войны 1813 г. за независимость Германии. СПб., 1863. Т. 2, стр. 209.
89. *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание войны 1812—1815 гг., стр. 563—564.
90. Герои 1812 года. М., 1987, стр. 588—589.
91. *Богданович М.И.* История войны 1813 г..., стр. 228.
92. *Петров Ф.А.* «Дорожные дневники» А.Д. Чертова // Очерки по истории Отдела нумизматики. Нумизматический сборник. Вып. 83. Ч. XII. М., 1993, стр. 82.
93. В 1815 г. 3-я степень ордена была преобразована в 4-ую, а знаком 3-й степени стал крест в петлицу.
94. Герои 1812 года, стр. 569—570.
95. Василий и Авраам Норовы. Оригинальные письма из армии 1812—1813 годов, стр. 64—65.
96. *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание войны 1812—1815 гг., стр. 564.
97. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 310 а. Ч. 302. Л. 29.
98. *Богданович М.И.* История вой-

- ны 1813 г..., стр. 2–6; *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание войны 1812–1815 гг., стр. 624.
99. РГВИА. Ф. 3543. Оп. 1. Д. 106. Л. 218 об.
100. *Богданович М.И.* История войны 1813 г..., стр. 435.
101. *Анненков И.В.* Указ. соч. Т. 1, стр. 85.
102. *Бескровный Л.Г.* Русское военное искусство XIX в., стр. 141–143.
103. *Анненков И.В.* Указ. соч. Т. 1, стр. 220.
104. Там же, стр. 92.
105. *Чертков А.Д.* Дорожные дневники..., стр. 95.
106. *Михайловский-Данилевский А.И.* Мемуары. 1814–1815 гг. СПб., 2001, стр. 28.
107. *Чертков А.Д.* Дорожные дневники..., стр. 95–96.
108. Там же, стр. 97.
109. Там же, стр. 98.
110. Там же, стр. 99.
111. *Миркович Ф.Я.* Указ. соч. Приложения, стр. 3.
112. *Богданович М.И.* История войны 1814 г. во Франции и низложения Наполеона I. СПб., 1865. Т. 1, стр. 488; *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание войны 1812–1815 гг., стр. 687.
113. Петр Петрович Пален (1778–1864), граф, генерал-инспектор кавалерии, с 1834 г. член Государственного совета, сын П.А. Палена (1745–1826), одного из организаторов и участников убийства Павла I. «Этот ливонский визирь», по словам графа С.Р. Воронцова, в 1801 г. был отправлен в ссылку в свои ливонские поместья, где жил безвыездно до самой смерти.
114. *Анненков И.В.* Указ. соч., стр. 96–97. *Богданович М.И.* История войны 1814 г. Т. 1, стр. 481–488.
115. *Батюшков К.Н.* Сочинения. М., 1896, стр. 493.
116. *Богданович М.И.* История войны 1814 г. Т. 1, стр. 98.
117. Там же, стр. 488.
118. *Чертков А.Д.* Дорожные дневники..., стр. 100.
119. Герои 1812 года, стр. 560–566.
120. *Михайловский-Данилевский А.И.* Мемуары. 1814–1815 гг., стр. 41.
121. Там же, стр. 35.
122. *Анненков И.В.* Указ. соч. Ч. 1, стр. 99.
123. *Михайловский-Данилевский А.И.* Мемуары. 1814–1815 гг., стр. 39.
124. *Богданович М.И.* История войны 1814 г., стр. 563.
125. *Голицын А.Н.* Из рассказов..., стр. 193.
126. *Тургенев Н.* Россия и русские, стр. 34.
127. *Греч Н.И.* Записки о моей жизни, стр. 213.
128. *Муравьев Н.Н.* Записки // РА. 1886. Кн. 1, стр. 106.
129. *Михайловский-Данилевский А.И.* Мемуары. 1814–1815 гг., стр. 67.
130. *Шильдер Н.К.* Император Александр I. Т. 3, стр. 223.
131. *Чертков А.Д.* Дорожные дневники..., стр. 101.
132. Там же, стр. 102.
133. Там же, стр. 103–104.
134. Эссен А.А. (1797 – после 1863), генерал-лейтенант, в 1814 г. – эстандарт-юнкер лейб-гвардии Конного полка.
135. *Чертков А.Д.* Дорожные дневники..., стр. 105.
136. Архив князя Воронцова. Т. 37, стр. 246.
137. *Чертков А.Д.* Дорожные дневники..., стр. 107. Мария Павловна (1786–1859) – великая княгиня, сестра Александра I, с 1804 г. замужем за великим герцогом Саксен-Веймарским Карлом-Фридрихом.
138. Дуров Д.Н. – с 2 февраля 1810 г. корнет лейб-гвардии Конного полка, участник кампаний 1812, 1813, 1814 гг. За Бородинское сражение награжден орденом Св. Анны 3-й степени, за Кульм – Св. Владимира 4-й степени с бантом.
139. *Чертков А.Д.* Дорожные дневники..., стр. 107–108.
140. *Волков С.В.* Русский офицерский корпус, стр. 160.
141. В 1816 г. жалованье было увеличено: полковникам с 1240 руб. 80 коп. до 1440 руб., ротмистрам с 920 руб. 20 коп. до 1200 руб., штаб-ротмистрам с 739 руб. 90 коп. до 900 руб., поручикам с 672 руб. 60 коп. до 780 руб., корнетам с 367 руб. 30 коп. до 690 руб. См.: *Анненков И.В.* Указ. соч. Ч. 1, стр. 244.
142. *Вигель Ф.Ф.* Записки. Т. 2, стр. 69–70.
143. Архив князя Воронцова. Т. 37, стр. 284, 290.
144. *Анненков И.В.* Указ. соч. Ч. 1, стр. 217.
145. *Каульбарс В.Р.* Мемуары отставного генерал-лейтенанта барона В.Р. фон-Каульбарс // Журнал Императорского русского военно-исторического общества. СПб., 1911. Кн. 1, стр. 5.
146. Архив князя Воронцова. Т. 37, стр. 304.
147. *Анненков И.В.* Указ. соч. Ч. 1, стр. 252.
148. Архив князя Воронцова. Т. 37, стр. 324, 327.
149. Из эпистолярного наследия декабристов. Письма к Н.Н. Муравьеву-Карскому. М., 1975. Т. 1, стр. 116.
150. *Анненков И.В.* Указ. соч. Ч. 1, стр. 259.
151. Записки барона Велио, со-
- общил Э.О. Лишин // РС. 1913. Т. 156. № 11, стр. 431.
152. *Вигель Ф.Ф.* Записки. Т. 2, стр. 157.
153. *Строев П.М.* Обзорение успехов российской словесности в продолжении первой половины 1815 г. // Современный наблюдатель российской словесности. 1815. Ч. II, стр. 143.
154. *Трубецкой С.П.* Записки // Мемуары декабристов. М., 1981, стр. 33.
155. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 310а. Ч. 302. Л. 6. Шишков А.С. (1754–1841) – писатель и общественный деятель, президент Российской академии (1813–1841), в 1824–1828 гг. министр народного просвещения и главноуправляющий делами иностранных вероисповеданий.
156. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 310а. Ч. 302. Л. 22.
157. Там же. Л. 14.
158. Там же. Л. 18.
159. Там же. Л. 15 об.
160. Там же. Л. 19.
161. Там же. Л. 42.
162. Остафьевский архив князей Вяземских: Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. СПб., 1899. Т. 2, стр. 355. 9 ноября 1836 г. Вяземский – Тургеневу.
163. *Черниловская М.М., Шульгина Э.В.* Описание рукописей собрания Чертова. Новосибирск. 1986, стр. 73. № 289.
164. *Аделунг Ф.* Предложение об учреждении Русского национального музея // Сын отечества. 1817. Ч. 37, стр. 58–59.
165. *Немировский А.И.* Александр Дмитриевич Чертков, стр. 48.
166. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 305. Л. 210.
167. *Чертков А.Д.* Описание древних русских монет. Прибавление III. М., 1842, стр. V, 16, 18, 35.
168. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 308. Л. 158.
169. *Орешников А.* Русские монеты до 1547 г. // Императорский Российский Исторический музей им. императора Александра III. Описание памятников. Вып. I. М., 1896, стр. VI.
170. *Ключевский В.О.* Сочинения: В 8 т. М., 1958. Т. 5, стр. 226.
171. *Вигель Ф.Ф.* Записки. Т. 2. М., 1928, стр. 115.
172. *Соколова Т.* Материалы по истории масонства в прежней русской армии // РС. 1907. Т. 131. № 7, стр. 206.
173. *Миркович Ф.Я.* Указ. соч., стр. 27, 41.
174. *Муравьев-Карский Н.Н.* Записки // РА. 1885. Кн. 3, стр. 60.

175. Записка о «Союзе Благодетствия», представленная А.Х. Бенкендорфом Александру I в мае 1821 г. // Декабристы в воспоминаниях современников, стр. 181.
176. Серков А.И. Из истории русского масонства (Ложа Трех добродетелей и декабристы) // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1988. № 5, стр. 78.
177. Дружинин Н.М. К истории идейных исканий П.И. Пестеля // Избранные труды. Революционное движение в России в XIX в. М., 1985, стр. 306.
178. Бакунина Т.А. Знаменитые русские масоны. М., 1991, стр. 78.
179. Сахаров В.И. Новое о масонских связях А.С. Пушкина // Хозяева и гости Вязем. Большие Вяземы, 1999, стр. 107.
180. Серков А. «Пророк» и «мастер стула»: Новое о масонстве Пушкина // Родина. 1997. № 5, стр. 48—49.
181. Лопарева Д. Знаки масонских лож Российской империи. М., 1994, стр. 40, 69—70.
182. Серков А.И. Из истории русского масонства, стр. 65.
183. Дружинин Н.М. К истории идейных исканий П.И. Пестеля, стр. 309.
184. Серков А.И. Из истории русского масонства, стр. 72.
185. ОР РГБ. Ф. 147. Д. 63. Л. 200 об., 204.
186. ПСЗ-1. Т. XXXVIII, стр. 579; Платонов О.А. Терновый венец России: Тайная история масонства 1731—1996 гг. М., 1996, стр. 82.
187. Соколовская Т. К закрытию масонства в России // РС. Т. 150. № 5, стр. 270.
188. Соколовская Т. Материалы по истории масонства в прежней русской армии, стр. 211.
189. Трусевич О.Г. П.И. Бартенев — библиотечарь и библиограф // Библиотека и история. Сборник научных трудов Государственной публичной исторической библиотеки России. М., 1994. Вып. 2, стр. 80.
190. Муравьев-Карский Н.Н. Записки // РА. 1885. Кн. 5, стр. 58.
191. За такую службу А.Ф. Орлов в 1825 г. был возведен в графское достоинство. В 1844—56 гг. шеф Корпуса жандармов, с 1844 г. главный начальник III отделения Собственной Его Величества канцелярии, в 1856 г. председатель Государственного совета.
192. Вигель Ф.Ф. Записки. Т. 2, стр. 107—108.
193. Шильдер Н.К. Император Александр I. Т. 4, стр. 527—532.
194. Там же, стр. 473, 548—550.
195. Тургенев Н.И. Дневники и письма за 1816—1824 гг. Т. 3 (Вып. 5). Пг., 1921, стр. 263, 265.
196. Анненков И.В. Указ. соч. Ч. 1, стр. 263.
197. Там же, стр. 263—264.
198. Каульбарс В.Р. Мемуары..., стр. 6.
199. С начала XIX в. чины майора и подполковника гвардии были упродолжены; чины полковника гвардии и армии совпали в VI классе.
200. Из эпистолярного наследия декабристов: Письма к Н.Н. Муравьеву-Карскому. М., 1975. Т. 1, стр. 144.
201. Записки барона Велю, стр. 232.
202. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 295. Л. 4, 4 об.
203. РГВИА. Ф. 3543. Оп. 1. Д. 1102. Л. 379.
204. Там же. Л. 40 об., 66, 69, 69 об.
205. Там же. Л. 194 об., 195.
206. Волков С.В. Русский офицерский корпус, стр. 168.
207. Столетие Санкт-Петербургского Английского собрания. 1770—1870. СПб., 1870, стр. 90.
208. Шильдер Н.К. Император Александр I. Т. 4, стр. 251.
- Л. 14 об.
15. Францев В.А. Из переписки гр. Н.П. Румянцева, стр. 58; ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 305. Л. 97.
16. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 305. Л. 59.
17. Там же. Д. 302. Л. 142; Чертков А.Д. Воспоминания о Сицилии. М., 1836, стр. 34.
18. Кеппен П.И. О первопечатных словенских книгах // Материалы для истории просвещения в России, собираемые П. Кеппеном. СПб., 1825. № 26. С. 377; Он же. Записка о путешествии по Словенским землям и архивам // Там же. № 33, стр. 489.
19. Исправник за ерети исповидницы, и за покорных. Пренесеннигда съ латинскаго языка у Словинский по попу Шмину Будинеу: а сала писменни глагольским исписан и напечатанн О. Рафаелом Леваковичем. 1635. См.: Кеппен П.И. Уведомления // Материалы для истории просвещения... 1825. № 39, стр. 585.
20. Францев В.А. Из переписки гр. Н.П. Румянцева, стр. 102—103 (20 апреля 1825 г. СПб.), стр. 105 (5 мая 1825 г. Гомель).
21. Бернштейн С.Б. «Библиографические листы» П.И. Кеппена // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1981. Т. 41. Вып. 1, стр. 56.
22. Кеппен П.И. Иностранная литература // Материалы для истории просвещения в России. 1825. № 40. Стлб. 599—600.
23. Бернштейн С.Б. Указ. соч., стр. 47, 56, 57; Достян И.С. Българите в руската литература и периодичен печат през първите десетилетия на XIX в. // Българското възраждане и Русия. София, 1981, стр. 208—209.
24. Бессонов П. Юрий Иванович Венелин // ЖМНП. Ч. 221. 1882. № 5, стр. 165.
25. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 402. Л. 51.
26. Там же. Л. 58.
27. Там же. Л. 58 об.
28. Там же. Л. 76.
29. Там же. Л. 62 об., 63, 72.
30. Там же. Д. 294. Л. 96, 97.
31. Там же. Д. 402. Л. 74.
32. Там же. Л. 99 об.
33. Там же. Д. 294. Л. 41 об., 42.
34. Там же. Д. 402. Л. 123 об.
35. Там же. Л. 141, 141 об.
36. Там же. Л. 142.
37. Там же. Д. 294. Л. 99 об.
38. Немировский А. Воронеец в Сицилии // Собеседник: Портреты: Этюды исторического повествования: Очерки. Воронеж, 1971, стр. 205—209; Трусевич О.Г. Путешествие А.Д. Черткова по Италии,

ГЛАВА 3

1. Шульгина Э.В., Черниловская М.М. А.Д. Чертков и история его библиотеки // Труды ГИМ: Проблемы экспозиционной и фондовой работы. М., 1987. Вып. 65, стр. 106.
2. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 304. Л. 13.
3. Там же. Д. 402. Л. 2.
4. Там же. Л. 10 об.
5. Там же. Л. 36 об.
6. АРАН. Ф. 30. Оп. 3. Д. 316. Л. 14 об.
7. Там же. Ф. 108. Оп. 2. Д. 36. Л. 11. 12 июня 1823 г.
8. Введение в славяноведение: Лекции, читанные проф. В.А. Францевым студентам I-го курса историко-филологического факультета Императорского Варшавского университета в 1914—1915 гг. Варшава, 1915, стр. 64.
9. Кеппен Ф.П. Биография П.И. Кеппена. СПб., 1911, стр. 51—52.
10. РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 4. Д. 7. Л. 5 об.
11. Кеппен П.И. А.С. Березин // Библиографические листы. 1825. № 15, стр. 218.
12. Францев В.А. Из переписки гр. Н.П. Румянцева: Граф Н.П. Румянцев и П.И. Кеппен. Варшава, 1914, стр. 58.
13. АРАН. Ф. 108. Оп. 2. Д. 36. Л. 12.
14. Там же. Ф. 30. Оп. 3. Д. 316.

Швейцарии и Австрии 1823—1825: По материалам личного архивного фонда // История, библиография, библиотечное дело. М., 1994, стр. 24.

39. *Келлен П.И.* А.С. Березин, стр. 219—220; *Евгений (Болховитинов)*. Словарь русских светских писателей... М., 1838. Т. 1, стр. 83—86.

40. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 305. Л. 66.

41. *Норов А.* Путешествие по Сицилии в 1822 г. СПб., 1828, стр. 73, 80.

42. Монахи Ордена траппистов давали обет молчания.

43. *Норов А.* Путешествие..., стр. 95; Анненков П.В. и его друзья: Литературные воспоминания и переписка 1835—1885 гг. СПб., 1892, стр. 168.

44. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 402. Л. 172.

45. Там же. Л. 173.

46. Там же. Л. 230 об., 232 об.

47. Там же. Л. 229, 229 об.

48. Там же.

49. Там же. Л. 206.

50. Там же. Л. 248.

51. Там же. Л. 164, 164 об.

52. Там же. Л. 183, 184.

53. Там же. Д. 303. Ч. II. Л. 24 об.

54. Там же. Л. 35.

55. Там же. Л. 51, 51 об.

56. Там же. Л. 70 об., 71.

57. Там же. Л. 73.

58. Там же. Л. 74, 74 об.

59. Там же. Л. 84.

60. Там же. Л. 77 об.

61. Там же. Л. 78 об.

62. Там же. Л. 89 об.

63. Архив князя Воронцова. Т. 35. М., 1889, стр. 405.

64. Там же. Т. 36. М., 1890, стр. 51.

65. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 303. Ч. II. Л. 80.

66. Там же. Л. 84 об.

67. Там же. Л. 85.

68. *Бартенев П.И.* А.Д. Чертков и его библиотека, стр. 4.

69. *Немировский А.И.* Александр Дмитриевич Чертков (Опыт научной биографии) // Вопросы истории. 1988. № 10, стр. 47.

70. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 302. Л. 214 об.

71. *Чертков А.Д.* Воспоминания о Сицилии, стр. 64.

72. Знаменитые россияне..., стр. 41.

73. *Бутурлин М.Д.* Записки. Т. 1, стр. 222.

74. *Вересаев В.В.* Спутники Пушкина. М., 1993. Т. 1, стр. 136.

75. *Вигель Ф.Ф.* Записки. Т. 2, стр. 106—107.

76. *Тургенев Н.И.* Дневники и письма. Пг., 1921. Т. 3, стр. 117. 25 февраля 1818 г., стр. 336.

77. *Тургенев Н.И.* Дневники за 1824—1826 гг. Б.м., Б.д. Т. 4, стр.

105, 108, 122, 129, 142, 145.

78. Там же, стр. 172.

79. *Тургенев И.С.* Н.И. Тургенев // Декабристы в воспоминаниях современников. М., 1988, стр. 50.

80. *Тургенев Н.И.* Дневники за 1824—1826 гг. Т. 4, стр. 164.

81. Там же, стр. 160.

82. *Тургенев Н.* Россия и русские, стр. 84.

83. *Тургенев Н.И.* Дневники за 1824—1826 гг. Т. 4, стр. 162.

84. Там же, стр. 118.

85. *Чаадаев П.Я.* Сочинения и письма. М., 1913. Т. 1, стр. 53, 352. Неаполь. 14/26 февраля 1825 г.

86. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 303. Ч. II. Л. 127.

87. Межязыковая игра слов: Il dolce faq piente — «сладкое безделье» (итал.).

88. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 303. Ч. II. Л. 190.

89. Там же. Л. 193 об. — 194 об.

90. Там же. Л. 244 и далее.

ГЛАВА 4

1. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 285. Л. 1.

2. *Бутурлин М.Д.* Записки. М., 2006. Т. 1, стр. 222.

3. П.А. Сонцов в 1830 г. вышел в отставку, в 1833—1849 гг. вернулся на службу, поскольку был избран курским губернским предводителем дворянства. В 1850 г. отъехал к дочери в Воронеж, где его немедленно выбрали воронежским губернским предводителем дворянства. Но должником он исполнял недолго, в мае 1850 г. он умер.

4. *Бутурлин М.Д.* Записки. Т. 1, стр. 222.

5. РГВИА. Ф. 395. Оп. 81. 1826 г. Отд. 2. Арх. № 654. Л. 2.

6. *Акиншин А., Ласунский О.* Воронежское дворянство в лицах, стр. 70.

7. Там же.

8. Таким образом, введенные нами данные о И.А. и Н.А. Хрущовых корректируют и уточняют сведения в «Родословном древе рода Хрущовых», составленном Ю.К. Хрущовым (М., 2000. Кн. 3).

9. Остафьевский архив князей Вяземских: Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. СПб., 1899. Т. 2, стр. 425.

10. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 294. Л. 45 об.

11. Там же. Л. 47 об., 48, 49, 49 об.

12. Болховитинов писал к В.И. Македону из Новгорода 4 декабря 1807 г.: «Нынешняя осенняя у вас грязь ужасна. Авось хотя она заставит поместить ваш город, которого

грязнее нет, думаю, в целой России. Но дорого это будет стоить» (РА. 1870. № 4, 5, стр. 861).

13. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 294. Л. 50 об.

14. *Бутурлин М.Д.* Записки. Т. 1, стр. 222.

15. *Дмитриев М.А.* Мелочи из записки моей памяти // Московские элегии. М., 1985, стр. 152.

16. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 294. Л. 51, 51 об.

17. Там же. Л. 109, 109 об.

18. Там же. Л. 130, 130 об.

19. Там же. Л. 111, 111 об., 124 об.

20. Там же. Л. 136, 145, 151, 152 об., 154, 158 об.

21. *Мирзоян Э.Н.* Московское общество испытателей природы. 1805—1995. М., 1996, стр. 15.

22. См.: Устав Императорского Московского общества испытателей природы. М., 1837; *Варсанофьева В.А.* Московское Общество испытателей природы и его значение в развитии отечественной науки. М., 1955.

23. Bulletin de la Société impériale des naturalistes. М., 1829. Т. 1, стр. 43, 108.

24. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 306. Л. 97. 31 декабря 1853 г.

25. Краткий отчет о трудах Императорского Московского общества испытателей природы, читанный по случаю 50-летнего юбилея 28 декабря 1855 г. вице-президентом общества А. Фишером фон Вальдгеймом // Московские ведомости. Литературное прибавление. № 2. 5 января 1855 г., стр. 5; Алфавитный список членов Императорского Московского общества испытателей природы. М., 1852.

26. Галатея. 1839. Ч. 1, стр. 408.

27. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 294. Л. 163.

28. Там же. Д. 293. Л. 27, 27 об.

29. РГАЛИ. Ф. 450. Оп. 1. Д. 17. Л. 1004 об.

30. *Гарский В. А.Д.* Чертков // РБС. 1905. Т. 22, стр. 347.

31. 7 ноября 1850 г. полк за смертью своего шефа стал называться по-прежнему Изюмским, но ненадолго, так как 25 марта 1851 г. он получил нового шефа — принца Фридриха-Вильгельма Прусского.

32. *Бутурлин М.Д.* Записки. Т. 1, стр. 226.

33. *Волков С.В.* Русский офицерский корпус., стр. 152.

34. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 294. Л. 111, 111 об.

35. П.Ф. Квашнин-Самарин, президент Юстиц-коллегии, был родным братом бабки графа М.Д. Бутурлина, в замужестве графини П.Ф. Воронцовой. Двоюрод-

- ные сестры: Елизавета Петровна Квашина-Самарина, в замужестве графиня Чернышева, и Анна Артемьевна Воронцова, в замужестве графиня Бутурлина, были к тому же, по определению того времени, «интимными» друзьями.
36. *Бутурлин М.Д.* Записки. Т. 1, стр. 184.
37. *Жихарев С.П.* Записки современника. Л., 1989. Т. 1, стр. 102.
38. Главный дом усадьбы сгорел вскоре после 1917 г., остатки усадьбы погибли во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.
39. *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 1994, стр. 87.
40. *Дружинин Н.М.* Семейство Чернышевых и декабристское движение // Революционное движение в России в XIX в. М., 1985, стр. 334.
41. *Бутурлин М.Д.* Записки. Т. 1, стр. 182, 184.
42. Письма К.Я. Булгакова к его брату. 1825 г. // РА. Кн. II. № 6, стр. 167. 26 июня 1825 г.; Знаменитые россияне XVIII и XIX вв.: Биографии и портреты. СПб., 1995, стр. 858—860.
43. *Бутурлин М.Д.* Записки. Т. 1, стр. 210.
44. Там же.
45. *Дружинин Н.М.* Семейство Чернышевых..., стр. 349—350.
46. *Бутурлин М.Д.* Записки. Т. 1, стр. 211.
47. Там же.
48. Мать Ф.Ф. Валковского была родной сестрой графа Г.И. Чернышева.
49. *Смирнова-Россет А.О.* Воспоминания. Письма. М., 1990, стр. 235.
50. ОР РГБ. Ф. 231. Разд. II. Картон 6. Д. 3. Л. 5.
51. Мать Е.П. Чернышевой, 90-летняя А.П. Квашина-Самарина (до замужества графиня Салтыкова), пережила дочь несколькими только месяцами.
52. *Павлюченко Э.А.* В добровольном изгнании. М., 1980, стр. 38.
53. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 294. Л. 55, 56.
54. *Бутурлин М.Д.* Записки. Т. 1, стр. 230.
55. *Волков С.В.* Русский офицерский корпус, стр. 248.
56. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 293. Л. 67, 75.
57. «Свидетельство. Я, нижеподписавшийся, даю сие свидетельство Гусарского эрцгерцога Фердинанда полка господину полковнику и кавалеру А.Д. Черткову в том, что с согласия родной дочери моей, девицы Двора Их Императорских величеств фрейлины графини Елизаветы позволяю ей вступить с ним, с полковником Чертковым, в законное супружество, на каковое никаких препятствий не имеется, в чем и удостоверяю. Март 26, 1828 г., граф Чернышев» (РГВИА. Ф. 25. Оп. 2/161а. Св. 195. Д. 1071. Л. 178).
58. РГВИА. Ф. 25. Оп. 2/161а. Св. 195. Д. 1071. Л. 177.
59. *Бутурлин М.Д.* Записки. Т. 1, стр. 234—235.
60. Там же, стр. 245—246.
61. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 293. Л. 72—79.
62. Бутурлин М.Д. был неточен, указывая, что обе свадьбы состоялись летом (Т. 1, стр. 235). Эту ошибку повторил Л.А. Черейский в книге «Пушкин и его окружение» (М., 1989, стр. 487).
63. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 294. Л. 57, 59, 59 об.
64. Там же. Л. 61, 61 об.
65. *Епанчин Н.* Очерк похода 1828—1829 гг. в Европейской Турции. СПб., Ч. 1, стр. 240—244, 298—301, 348—349.
66. *Сokolовский М.К., Эрстов А.С.* Славное прошлое изюмских гусар. СПб., 1912, стр. 34.
67. 25 сентября — РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 33. Л. 59 об., 60; РГИА. Ф. 733. Оп. 3. Д. 265. Л. 8, 21. В других копиях — 23 сентября — РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 1098. Л. 649 (532).
68. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 293. Л. 57.
69. Там же. Л. 99, 99 об.
70. Там же. Л. 106, 106 об.
71. Там же. Л. 109, 110.
72. Там же. Л. 111.
73. *Бутурлин М.Д.* Записки. Т. 1, стр. 249.
74. *Лукьянович Н.* Описание турецкой войны 1828 и 1829 гг. СПб., 1844. Ч. 2, стр. 276—277.
75. *Макаеве А.* Извлечение из походных записок русского офицера, вехенных во время войны с турками в 1828 и 1829 гг. // Военный сборник. 1860. Т. 11. № 2, стр. 447—448.
76. Между двумя войнами: Император Николай Павлович в виду французской революции 1830 г. // РС. 1881. № 7, стр. 371.
77. *Липранди И.П.* Обзорение пространства, служившего театром войны России с турками с 1806 по 1812 г. СПб., 1854, стр. 43.
78. *Бутурлин М.Д.* Записки. Т. 1, стр. 251.
79. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 293. Л. 113.
80. *Лукьянович Н.* Описание турецкой войны. Ч. 4. 1847, стр. 216.
81. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 294. Л. 124.
82. Там же. Л. 118 об.
83. *Павлюченко Э.А.* В добровольном изгнании, стр. 38.
84. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 294. Л. 105.
85. Там же. Л. 130 об.
86. Там же. Л. 63.
87. РГВИА. Ф. 405. Оп. 2. Д. 1348. Л. 1, 3.
88. Там же. Л. 14.
89. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 294. Л. 133.
90. ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2074. Л. 3 об.
91. Международные отношения на Балканах. 1815—1830 гг. М., 1983, стр. 256—258.
92. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 294. Л. 136.
93. Там же. Л. 67. 13 ноября 1830 г.
94. *Ермолов А.* Род Ермоловых. М., 1912, стр. 50.
95. Знаменитые россияне..., стр. 550—552.
96. *Датиева Н.С.* Дом Чертковых на Мясницкой улице // Русская усадьба. М., 1997. Вып. 3 (19), стр. 260.
97. Часто встречается ошибка, что Чертков в 1828 г. поселился в Москве, причём сразу в доме № 7 по Мясницкой, при этом, как правило, упускается из виду его служба во время Русско-турецкой войны 1828—1829 гг., о которой не упоминают. См.: *Полунина Н.М.* Кто есть кто в коллекционировании старой России. М., 2003, стр. 456; *Немировский А.И.* Александр Дмитриевич Чертков, стр. 46.
98. ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2076. Л. 28.
99. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 294. Л. 154, 158 об.
100. Там же. Л. 163.
101. ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2076. Л. 1—34.
102. Там же. Д. 2073. Л. 14, 69; Д. 2076. Л. 53.
103. Там же. Д. 2076. Л. 61, 70, 74, 82—85.
104. РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 115. Л. 303.
105. *Немировский А.И.* Александр Дмитриевич Чертков, стр. 48.
106. Евакия Ивановна Живская, которую Петр I шуточно называл «Авдотья-бой-баба», — дочь знаменитой «князь-игумены», повенчанной в 1715 г. при шутовской церемонии с «князь-папой» Н.М. Зотовым, бывшим учителем Петра I.
107. Черчерск — город-усадьба в Гомельском уезде Могилевской губернии был отстроен в 1770—1780 гг. графом З.Г. Чернышевым. Сохранились Преображенская церковь и здание ратуши.
108. *Вигель Ф.Ф.* Записки. Ч. 2, стр. 17.

109. *Карнович Е.П.* Замечательные богатства..., стр. 135, 137–138.

110. Декабристы в воспоминаниях современников, стр. 459; *Лорер Н.И.* Записки декабриста. Иркутск, 1984, стр. 105.

111. ГАРФ. Ф. 1713. Оп. 2. Д. 292. Л. 7–8.

112. Там же. Д. 300. Л. 1.

113. Знаменитые россияне..., стр. 689–691; Восстание декабристов. Т. 8, стр. 419–420.

114. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 317. Л. 2–5.

115. Там же. Д. 294. Л. 69.

116. Там же. Д. 317. Л. 31–36 об.

117. Там же. Л. 58, 65, 70, 87.

118. «Любезный друг Иван Гаврилович! Я не токмо предлагал сам всем наследникам в Яропольце, чтобы часть, Софье Григорьевне назначенная, была ей отдана во владение по должному отмежеванию, но и теперь и всегда буду того же мнения, и всем другим участникам можно отдать их части, если по какой-нибудь не от меня зависящей причине нельзя будет сделать в скором времени настоящего, законного в Гражданской палате раздела; ибо не могу предполагать, чтобы наследники между собою перессорились. Но из сего никак не следует, по моему мнению, чтобы Софье Григорьевне за сей 1835 г. была выдана третья часть Тагинских вместо шестой части всех вообще доходов чернышевских, потому именно, что когда я сие предлагал в Яропольце и все на это согласились (т.е. на отдачу каждой наследнице ей следующей части без законного раздела), то уже и тогда весьма ясно было предполагать, что возвращение землемеров из Чечерска и самое межевание всех трех тагинских участков не прежде может быть окончено, как весной 1835 г., то есть в такое время, когда все тагинские произведения будут проданы и все полученные за оные деньги сольются в одну массу доходов общих чернышевских. Вот почему единогласно и было положено всеми наследниками разделить на 6 равных частей все остающиеся за заплатою в Опекунский совет чернышевские доходы. Сие последнее даже было не мною предложено, а, сколько я могу упомянуть, гр. Паленом, и все, находя сие справедливым, согласились с его мнением. Что же касается до меня в особенности, то мне остается только как их доверенному исполнить в точности то,

что положено всеми. Невозможность окончить размежевание и отделение всех 3 Тагинских участков прежде весны (а теперь, может быть, и прежде осени) подтверждалась и на самом деле, как вероятно ты сам согласишься, ибо и теперь, то есть в апреле 1835 г., землемеры чернышевские не присланы из Чечерска. Впрочем, я уже писал к Палену и Муравьеву, что если по причинам, от меня не зависящим, и в нынешнем году мы не окончим дел чернышевских, то я прошу одного из них принять на себя полное распоряжение сими делами, ибо имею намерение будущей весной ехать в чужие края, да и самые дела сии слишком для меня обременительны, чтобы не желать избавиться от оных... Мы можем исписать целые листы бумаги, но подвинув одного ни на один шаг вперед, ибо изменение зависит совершенно от всех наследниц, а не от меня одного, и я тут не что иное, как исполнитель их общей воли... Я же с своей стороны вперед тебе даю слово исполнить безусловно все то, что ими будет положено или вновь изменено, хотя бы оно и противоречило моему собственному мнению, дабы только окончить елико возможно скорее сии несносные для меня чернышевские дела...» ГАРФ. Ф. 1713. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–2 об.

119. РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 2. Д. 705. Л. 1, 1 об. Октябрь 1839 г.

120. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 293. Л. 3–4 об.

121. *Бутурлин М.Д.* Записки. Т. 1, стр. 210.

122. Из записок архиепископа Леонида // РА. 1908. Т. 1, стр. 619.

123. Бибикова напутала, так как Наталья Григорьевна была супругой Н.Н. Муравьева-Карского, а Долгорукой в замужестве была ее сестра Надежда.

124. Чертова Е.Г. // Знаменитые россияне..., стр. 858–860; *Бутурлин М.Д.* Записки. Т. 1, стр. 411; *Бибикова А.* Из семейной хроники // Исторический вестник. 1916. № 11, стр. 418–419.

125. *Седов А.П.* Ярополец. М., 1980, стр. 25–27.

126. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 293. Л. 19, 19 об.

127. ОР ГПБ. Ф. 850. Д. 600. Л. 5.

128. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 293. Л. 29–32 об.

129. *Чертков А.Д.* Воспоминания о Сицилии. М., 1835, стр. 21.

130. *Карякина Т.Д.* Неоготика в

русском усадебном интерьере первой половины XIX в. // Русская усадьба. М., 1996. Вып. 2 (18), стр. 60, 64.

131. *Дамиева Н.С.* Дом Чертковых на Мясницкой улице, стр. 264–269.

132. ЦАНТДМ. Ф. 1. Оп. 7. Д. 97. Ед. хр. 7, 8.

133. *Бутурлин М.Д.* Записки. Т. 1, стр. 328.

134. ОР РГБ. Ф. 231. Разд. II. Картон 35. Д. 64. Л. 19.

135. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 294. Л. 89 об.

136. ЦИАМ. Ф. 380. Оп. 1. Д. 118. Л. 1.

137. *Бутурлин М.Д.* Записки. Т. 2, стр. 113, 114.

138. Некролог князя А.Н. Голицына // РА. 1911. Кн. 1. № 4, стр. 638.

139. Знаменитые россияне..., стр. 552.

140. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 295. Л. 123. Старшая дочь, Софья Северовна Ермолова (1853–1896), вышла замуж за барона Владимира Дмитриевича Шеппинга.

141. *Бутурлин М.Д.* Записки. Т. 1, стр. 411.

142. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 293. Л. 33–34 об.

143. ЦИАМ. Ф. 380. Оп. 1. Д. 133. Л. 1.

144. Там же. Л. 2, 6.

145. *Щепкин М.С.* Жизнь и творчество. М., 1984. Т. 1. Письма № 103, стр. 215; № 105, стр. 217.

146. *Бутурлин М.Д.* Записки. Т. 2, стр. 221.

147. От итал. pittore – художник, живописец; питорская шляпа – это шляпа, какую носили, как правило, художники в Риме.

148. Письма русских художников (1840-е – 1850-е гг.) // Река времени: Книга истории и культуры. М., 1995. Кн. 3, стр. 31.

149. *Мурзакевич Н.Н.* А.Д. Чертков (некролог) // ЗООИД. 1860. № 4, стр. 422.

150. Московские ведомости. 1858. № 136, стр. 1295; Московский некрополь. СПб., 1908. Т. 3, стр. 316.

151. *Загоскин С.М.* Воспоминания // ИВ. 1900. Т. 79. № 2, стр. 521–522.

152. *Бутурлин М.Д.* Записки // РА. 1897. Кн. 2. № 5, стр. 39, 40, 42.

153. *Загоскин С.М.* Воспоминания // ИВ. 1900. Т. 79. № 2, стр. 521–522.

154. Там же.

155. ОР РГБ. Ф. 261. Картон 18. Д. 5. Л. 60.

156. ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2078. Л. 8.

157. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 327. Л. 43.

158. В 1876 г. Г.А. Чертков согласно выраженному им желанию был перечислен из директоров Московского тюремного комитета в директора Петербургского комитета Общества попечительного о тюрьмах. См.: ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 327. Л. 29.
159. Московское дворянство: Списки служивших по выборам. 1782—1910. М., 1910.
160. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 327. Л. 84—87.
161. Там же. Л. 74—76.
162. Императорское Общество любителей садоводства под высочайшим покровительством императрицы Марии Александровны в 1863 г. наградило Г.А. Черткова малой серебряной медалью за культуру *Seratozamia mexicana*. См.: ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 327. Л. 59.
163. Там же. Л. 60.
164. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 327. Л. 57.
165. Там же. Л. 56.
166. Там же. Л. 39.
167. *Загоскин С.М.* Воспоминания // ИВ. 1900. Т. 80, стр. 523.
13. ОР РГБ. Ф. 231. Раздел II. Картон 15. Д. 24. Л. 1. 27 января 1837 г.
14. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 291. Л. 12.
15. [Рец.] Описание древних русских монет // Библиотека для чтения. 1834. Т. 6. № 10. Отд. VI, стр. 11—12; [Рец.] Описание древних русских монет. Прибавление I и II. М., 1837, 1838 // Библиотека для чтения. 1838. Т. 30. № 9. Отд. VI, стр. 13—14; *Срезневский И.И.* Обзор материалов для изучения славяно-русской палеографии // ЖМНП. 1867. Ч. 133. № 1, стр. 106—107.
16. [Рец.] Описание древних русских монет. М., 1834 // Библиотека для чтения. 1834. Т. 6. № 10, стр. 11.
17. *Строев П.* Описание древних русских монет. М., 1834 г. // Телескоп. М., 1834. Ч. 23. Отд. XVII. Критика, стр. 290.
18. Книжные редкости И.М. Остроглазова // РА. 1892. № 3, стр. 399.
19. *Срезневский И.И.* Обзор материалов..., стр. 107.
20. *Орешников А.В.* Русские монеты до 1547 г. // Императорский Российский исторический музей имени императора Александра III. Описание памятников. Вып. 1. М., 1896, стр. 1, VI.
21. *Орешников А.В.* Сообщение о заседании Московского Нумизматического общества 10 ноября 1908 г. // Нумизматический сборник. М., 1911. Т. 1, стр. 644.
22. *Арциховский А.В.* Археология // Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1. М., 1955, стр. 532—533.
23. *Федоров-Давыдов Г.А.* Монеты Московского Руси. М., 1981, стр. 8—9.
24. *Спасский И.Г.* Очерки по истории русской нумизматики // Нумизматический сборник. М., 1955. Вып. 25, стр. 34.
25. Там же, стр. 35.
26. О важнейших собраниях российских монет // Санкт-Петербургские ведомости. 1835. № 260 и 261, стр. 1043, 1049.
27. СПб. АРАН. Ф. 778. Оп. 2. Д. 348. Л. 1, 2 об., 3. 12 февраля 1835 г. Москва; Л. 5, 6, 6 об. 23 апреля 1835 г.
28. Там же. Л. 15. 29 августа 1837 г.
29. *Савельев П.С.* О жизни и ученых трудах Френа // Записки императорского Археологического общества. СПб., 1853. Т. 6, стр. 339—382.
30. СПб. АРАН. Ф. 778. Оп. 2. Д. 348. Л. 4 об.
31. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 305. Л. 121, 136, 144, 148. 1840 г.
32. СПб. АРАН. Ф. 778. Оп. 2. Д. 348. Л. 21. 31 марта 1838 г.
33. *Чертков А.Д.* Описание древних русских монет. Прибавление II. М., 1838, стр. VI, 29; *Мурзакевич Н.Н.* Записки // РС. 1887. № 4, стр. 133; *Он же. А.Д.* Чертков (некролог) // ЗООИД. 1860. № 4, стр. 420.
34. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 305. Л. 187 об.
35. ОР РГБ. Ф. 231. Раздел II. Картон 19. Д. 2. Л. 3. 7 октября 1841 г.
36. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 305. Л. 200 об.
37. Бекетов П.П. (1761—1836), один из учредителей Общества истории и древностей российских и его председатель, был страстным коллекционером рукописей, бумаг исторического содержания, автографов, монет, портретов и «всякого рода изображений замечательных русских людей». Он был издателем сочинений А.Н. Радищева, Д.И. Фонвизина, Н.М. Карамзина и др., намеревался издать 5 выпусков по 50 портретов в каждом. Умер в крайней бедности. Наследнику Платона Петровича, его племяннику А.А. Бекетову, эти коллекции были не нужны, и он их распродал.
38. *Чертков А.Д.* Описание древних русских монет: Прибавление I. М., 1837, стр. VIII.
39. *Чертков А.Д.* Описание древних русских монет: Прибавление III. М., 1842, стр. V, 16, 18, 35.
40. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 305. Л. 301, 301 об. 14 августа 1842 г. Одесса.
41. Книжные редкости И.М. Остроглазова, стр. 400.
42. *Сонцов Д.П.* «Деньги и пулы Древней Руси. Великокняжеские и удельные» (1860), «Роспись древнерусской утвари из церковного и домашнего быта до XVII в.» (1857), «О каменном веке» (1870), «Очерк истории русского народа до XVI ст.» (1875); *Уляницкий В.А.* Д.П. Сонцов // Труды Московского нумизматического общества. М., 1898. Т. 1, стр. 217—224.
43. Сонцов женился около 1840 г. на княжне В.П. Гагариной, «племинейшей», по мнению М.Д. Бутурлина, из всех московских красавиц того времени. См.: *Бутурлин М.Д.* Записки. Т. 1, стр. 622, 640.
44. Памяти А.Д. Черткова // Отчет Императорского Российского исторического музея им. императора Александра III в Москве за 1883—1908 гг. М., 1916, стр. 153; *Берестецкая Т.В.* К истории отдела нумизматики ГИМ (1918—1965) // Нумизматический сборник. М., 1993. Ч. XII, стр. 11.

45. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 327. Л. 72. Там же. Л. 96.
46. *Федоров-Давыдов Г.А.* Указ. соч., стр. 12.
47. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 305. Л. 212.
48. Там же. Л. 22.
49. *Шевырев С.П.* Воспоминания о Сицилии А.Д. Черткова [Реш.] // Московский наблюдатель. 1836. Ч. 6. Кн. I, стр. 251–253.
50. Воспоминания о Сицилии А. Черткова [Реш. без подписи.] // Библиотека для чтения. 1836. Т. 15. Ч. II. [Отд. VI.], стр. 51.
51. Отчет императорской Академии наук о седьмом присуждении учрежденных камергером П.Н. Демидовых премий // ЖМНП. 1838. Ч. XIX, стр. 140–142.
52. ОР РГБ. Ф. 47. Раздел I. Картон 19. Д. 6. Л. 11–18.
53. [Р.М.] Воспоминания о Сицилии. А.Чертков. М., 1836. (рец.) // Северная пчела. 1836. № 94, стр. 373–374.
54. Русская периодическая печать (1702–1894). М., 1959, стр. 188.
55. *Шевырев С.П.* Воспоминания о Сицилии..., стр. 251.
56. Отчет императорской Академии наук о седьмом присуждении..., стр. 142.
57. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 305. Л. 95 об. – 98. 29 мая 1836 г. Москва; Северная пчела. 1836. № 135, стр. 937–939.
58. *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. XVI, стр. 114, 116. 11 и 14 мая 1836 г.
59. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 305. Л. 100 об., 101. 27 мая 1836 г. Москва.
60. *Формозов А.А.* Страницы истории русской археологии. М., 1986, стр. 70–71.
61. *Немировский А.И.* Александр Дмитриевич Чертков, стр. 49–50.
62. *Ласунский О.* Литературная прогулка..., стр. 131.
63. А.С. Пушкин: Московские страницы биографии. М., 2000, стр. 79.
64. В 1827 г. после раздела имений с сестрами Софьей и Екатериной Наталья Ивановна Гончарова (1785–1848), мать Н.Н. Пушкиной, получила по наследству Ярополец и с 1832 г. стала жить там постоянно. Через 4 года после ее смерти дети поделили волоколамское наследство. Село Ярополец с деревнями, общим числом крепостных душ 522 и около 2300 десятин земли, отошло к И.Н. Гончарову.
65. Доклады министра народного просвещения С.С. Уварова императору Николаю I. О цензуре. 24 марта 1848 г. // Река времени. Книга истории и культуры. М., 1995. Кн. 1, стр. 73–75.
66. *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения, стр. 334–336.
67. *Вересаев В.В.* Спутники Пушкина. М., 1993. Т. 2, стр. 63.
68. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 307. Л. 46; Отчет Императорской Академии наук о седьмом присуждении..., стр. 142.
69. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 291. Л. 16; Д. 305. Л. 123.
70. Анненков П.В. и его друзья. Литературные воспоминания и переписка 1835–1885 гг. СПб., 1892, стр. 169.
71. *Чернышевский Н.Г.* Письма об Испании В.П. Боткина // Полн. собр. соч. М., 1948. Т. 4, стр. 223.
72. Всеобщая библиотека России. Отделение II. М., 1864, стр. 615–616.
73. РГАДИ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 557. Л. 118. 2 октября 1864 г.
74. Там же. Л. 133, 216.
75. 1 сажень равна 3 аршинам или 2,13 м; 1 аршин равен 71,12 см.
76. РИС. 1839. Т. III. Кн. 3, стр. 284–292.
77. *Арциховский А.В.* Археология, стр. 533.
78. Там же, стр. 533.
79. СПб. АРАН. Ф. 30. Оп. 3. Д. 316. Л. 2. 20 мая 1840 г.
80. *Чертков А.Д.* Всеобщая библиотека России. М., 1845, стр. 69.
81. *Забелин И.Е.* 80-летие императорского Общества истории и древностей российских // ЖМНП. 1884. Ч. 233. № 5. Отд. 4, стр. 5–6.
82. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 295. Л. 6, 90б.
83. Там же. Л. 8, 8 об.
84. Там же. Л. 12.
85. *Чертков А.Д.* Описание найденных в Звенигородском уезде древностей // Записки Санкт-Петербургского Археолого-нумизматического общества. СПб., 1849. Т. 1, стр. 242–243.
86. Там же, стр. 244–245.
87. *Савельев П.С.* Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. СПб., 1847. Ч. 1, стр. 162–163.
88. *Седов В.В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982, стр. 150.
89. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 291. Л. 31.
90. Там же. Д. 292. Л. 20 об.
91. Там же. Д. 305. Л. 323. 13 июня 1846 г.
92. СПб. АРАН. Ф. 30. Оп. 3. Д. 316. Л. 13 об. 25 октября 1846 г.
93. *Берг Л.С.* Всесоюзное географическое общество за 100 лет. М.–Л., 1946, стр. 22.
94. СПб. АРАН. Ф. 30. Оп. 3. Д. 316. Л. 8 об. 15 октября 1845 г.;
- ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 305. Л. 308. 27 августа 1845 г.; Л. 320, 322. 23 февраля 1846 г.; ЦИАМ. Ф. 380. Оп. 1. Д. 414. 8 ноября 1851 г.
95. СПб. АРАН. Ф. 30. Оп. 3. Д. 316. Л. 12–13 об. 18 мая 1846 г.; Ф. 1. Оп. 1а. 1846. Д. 74. Л. 72; ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 291. Л. 31.
96. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 291. Л. 39. (Диплом на звание члена Санкт-Петербургского Археолого-нумизматического общества получен в 1847 г.)
97. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 306. Л. 3.
98. О разрытии 10 курганов в Бронническом уезде // ЖМНП. 1855. Ч. 88. № 10–12. Отд. VII, стр. 88.
99. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 291. Л. 13, 18. Дипломы.
100. Там же. Д. 307. Л. 51, 51 об.
101. *Гатчук А.О.* некоторых древних вещей из Чертковского собрания // РА. 1864. № 7–8. Стлб. 1001–1004; *Он же.* Еще древние вещи Чертковского собрания // РА. 1864. № 11–12. Стлб. 1255–1258.

ГЛАВА 2

1. Дневники В.А. Жуковского. СПб., 1903, стр. 447, 454–460.
2. *Погодин М.П.* Месяц в Риме // Москвитянин. 1842. № 2, стр. 378.
3. *Смирнова-Россет А.О.* Воспоминания, стр. 311.
4. «Гоголь приехал в Москву 26 сентября 1839 г., и он немножко гримасничает. Аксаковы и я постарались, чтоб его вызвали в «Ревизоре». Загоскин [директор императорских московских театров] нарочно дал пьесу. Гоголь сидел в бенуаре у Чертковой. После 2 действия стали вызывать. Хотя в театре было немного, но публика приняла единодушное участие в вызове, а Гоголь посидел, посидел да и уехал, не показавшись. Загоскин лез на стены». См.: Письма Н.Ф. Павлова к С.П. Шевыреву (1838–1853) // РА. 1897. № 4, стр. 557. 20 октября 1839 г.
5. Из записной книжки «Русского архива» // РА. 1909. Кн. 6, стр. 301.
6. *Погодин М.П.* Письма профессора Московского университета Погодина к г-ну министру народного просвещения из Неаполя от 6/18 апреля 1839 г. // ЖМНП. 1839. Ч. XXIII. Сентябрь. [Отд. IV.], стр. 35.
7. *Шевырев С.П.* О словенских рукописях Ватиканской библиотеки // ЖМНП. 1839. Ч. XXII, стр. 104.
8. *Погодин М.П.* Год в чужих краях. 1839 г.: Дорожный дневник. М.,

1844. Ч. 2, стр. 150.
9. *Дуйчев И.* Миниатюрите на Манасиевата летопис. София, 1962, стр. 29.
10. *Чертков А.Д.* О переводе Манасииной летописи на словенский язык. М., 1842, стр. 2; *Он же.* Описание войны войны великого князя Святослава Игоревича против болгар и греков в 967—971 гг. М., 1843, стр. 113.
11. *Палацкий Ф.* Биография Й. Добровского. М., 1838, стр. 25.
12. Изданное в 1843 г. «парижским палеографом Сильвестром с высочайшего соизволения» при содействии Министерства народного просвещения Реймское Евангелие было прислано А.Д. Черткову, причем сохранилось даже сопроводительное письмо от 17 июля 1844 г., которое так и осталось вложенным в один из 2 томов.
13. *Бутурлин М.Д.* Записки. Т. 1, стр. 528—529.
14. Там же, стр. 530—531.
15. Дневники В.А. Жуковского, стр. 298.
16. *Бутурлин М.Д.* Записки. Т. 1, стр. 530; *Он же.* Бумаги Флорентийского центрального архива, касающиеся до России. М., 1871. Ч. 1, стр. 1, II, 302; *Бартевев П.* Несколько слов о графе М.Д. Бутурлине // РА. 1912. № 12, стр. 369—370.
17. *Чертков А.Д.* Описание посольства, отправленного в 1659 г. от царя Алексея Михайловича к Фердинанду II, великому герцогу Тосканскому. М., 1840, стр. IX.
18. *Корнилович А.О.* Сочинения и письма. М.—Л., 1957, стр. 131, 138, 253.
19. *Кафенгауз Б.Б., Грумм-Гржимайло А.Г.* Декабрист А.О. Корнилович // *Корнилович А.О.* Сочинения и письма. С. 440; *Волк С.С.* На путях исторического познания // Декабристы и русская культура. Л., 1975, стр. 75.
20. [*Катков М.Н.*] [рец.] Описание посольства, отправленного в 1659 г. от царя Алексея Михайловича к Фердинанду II, великому герцогу Тосканскому // ОЗ. 1840. Т. X. № 5. Отд. VI, стр. 29—31.
21. [*Бурчак С.*] [рец.] Описание посольства, отправленного в 1659 г. от царя Алексея Михайловича к Фердинанду II, великому герцогу Тосканскому // Маяк. 1840. Ч. X, стр. 68—76.
22. ОР РГБ. Ф. 231. Разд. II. Карт. 4. Д. 44. Л. 15.
23. *Бессонов П.А. К.Ф. Калайдович:* Материалы для жизнеописания и особенно для изображения ученой его деятельности // ЧОИДР. 1862. Кн. 3, стр. 185—186.
24. *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды П.М. Строева. СПб., 1878, стр. 234, 255.
25. *Строев П.М.* Библиологический словарь и черновые к нему материалы П.М. Строева, приведены в порядок и изданы под ред. акад. А.Ф. Бычкова // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1882. Т. 29. № 4, стр. 413.
26. ОР РГБ. Ф. 203. Кн. 6. Л. 208; *Чертков А.Д.* О переводе..., стр. 2.
27. Переписка А.Х. Востокова в повременном порядке с объяснительными примечаниями И. Срезневского. СПб., 1873, стр. 139, 430; *Востоков А.Х.* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея. СПб., 1842, стр. 382—391.
28. *Никитин С.А.* Славяноведение // Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 2, стр. 491—492.
29. *Дьяков В.А., Мыльников А.С.* Об основных этапах истории славяноведения в дореволюционной России // Славяноведение в дореволюционной России. М., 1979, стр. 29.
30. *Галейковский Н.К.* Чертков А.Д. // Славяноведение в дореволюционной России, стр. 362—363.
31. *Дроснева Е.* Александр Дмитриевич Чертков // Векове. София, 1980. № 1, стр. 71—76.
32. *Райков Д.* Болгарите и България в старата руска книжнина. София, 1983, стр. 30; *Цанев Д.* За българите. Чуждата историческа българистика през XVII—XIX век. София, 1981, стр. 101.
33. *Барсуков Н.* Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1889. Т. 2., стр. 379, 382, 388.
34. Там же, стр. 379, 388; Т. 3. 1890, стр. 108.
35. *Чертков А.Д.* Описание войны..., стр. 12.
36. ОР РГБ. Ф. 49. Карт. II. Д. 23. Л. 1.
37. *Мурзакевич Н.Н.* Записки..., стр. 126.
38. *Он же.* Нынешнее состояние просвещения у болгар // ЖМНП. 1838. Ч. 18. № 4, стр. 123.
39. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 305. Л. 200, 200 об.
40. *Раковски Г.С.* Показалец или ръководство как да ся изискват и издирят най-стари чърти нашего бития, языка народопокорения, старого ни правления, славнаго ни прошествия и проч. Част първа. Одесса, 1859.
41. Архив на Г.С. Раковски. Т. I. София, 1952, стр. 606—608, 611.
42. *Арнаудов М.* Творци на Българското възраждане. София, 1969. Т. 2, стр. 187.
43. *Чертков А.Д.* О переводе..., стр. 3.
44. *Дуйчев И.* Летописиста на Константин Манаси. София, 1963, стр. V—VI; *Кувев К.* Съдбата на старобългарските ръкописи през векове. София, 1979, стр. 193—194.
45. *Дуйчев И.* Летописиста..., стр. V; *Кувев К.* Указ. соч., стр. 193.
46. *Чертков А.Д.* О переводе..., стр. 10.
47. *Сиротенко В.Т.* Две българские глоссы в свете письменных источников IV—VI вв. // Ученые записки (Пермский университет). 1964. № 177, стр. 75—76; *Трифонов Ю.* Бележки към среднобългарския превод на Манасиевата хроника // ИБАИ. 1923/24. Т. 2, стр. 141—145; *Иванов Й.* Български старини из Македония. София, 1931, стр. 617.
48. *Дуйчев И.* Летописиста..., стр. XI.
49. *Чертков А.Д.* О переводе..., стр. 28—35, 157.
50. Там же, стр. 38.
51. *Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980, стр. 163—167; *Салмина М.А.* Хроника Константина Манасии как источник Русского хронографа // ТОДРЛ. 1979. Т. XXIII, стр. 279—297.
52. *Шафарик П.* Славянские древности. М., 1848. Т. 2, стр. 274.
53. История на България. София, 1981. Т. 2, стр. 60; Раннефеодальные государства на Балканах VI—XII вв. М., 1985, стр. 135.
54. *Дринов М.* Съчинения. София, 1909. Т. 1, стр. 66—67.
55. *Чертков А.Д.* О переводе..., стр. 63.
56. Раннефеодальные государства на Балканах..., стр. 142—143; *Цанкова-Петкова Г.* Бележки към началния период от историята на Българската държава // ИИБИ. 1954. № 5, стр. 334.
57. *Дринов М.* Съчинения. Т. 1, стр. 58; *Бурмов А.* Марин Дринов като историк на България // Изследвания в чест на Марин С. Дринов. София, 1960, стр. 109—110.
58. Римская провинция Мезия (Мисия, Мизия) — территория фракийского племени мезов севернее Балкан, примерно от современного Белграда до Черного моря.
59. *Чертков А.Д.* О переводе..., стр. 63.
60. *Бешевалиев В.* Първобългарин: бит и култура. София, 1981, стр. 28—32.

61. *Гильфердинг А.Ф.* Письма об истории сербов и болгар. М., 1855, стр. 176, 178, 210.
62. *Конев Ил.* Райко Жинзифов. Приложение. Неопубликованы письма на Р. Жинзифов // Известия на Института за българската литература. 1958. Кн. 7, стр. 211.
63. Архив на Г.С. Раковски. Т. 2, стр. 517.
64. Там же. Т. 2, стр. 428.
65. *Шафарик П.* Указ. соч., стр. 312; *Савельев-Ростиславич Н.В.* История Северо-Восточной Европы и мнимого переселения народов // Маяк. 1842. Т. 2, стр. 98.
66. *Чертков А.Д.* О переводе..., стр. 146; Ср.: *Дуйчев И.* Выстанието в 1185 г. и неговата хронология // ИИБИ. 1956. № 6, стр. 331, 345.
67. *Сиротенко В.Т.* Две болгарские глоссы..., стр. 76.
68. *Иречек К.* История Болгарии. Одесса, 1878, стр. 535.
69. *Гильфердинг А.Ф.* Письма об истории сербов и болгар. Соч. Т. 1. СПб., 1868, стр. 142, 144–145.
70. *Дринов М.* Сч. Т. 1, стр. 102.
71. *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1892. Кн. 6, стр. 390.
72. *Чертков А.Д.* О переводе..., стр. 36–38; *Он же.* Описание войны..., стр. 120.
73. [Рец.] О переводе Манассиной летописи на словенский язык... А.Д. Черткова // ОЗ. 1843. Т. 26. № 1. Отд. VI, стр. 25.
74. ЖМНП. 1843. № 2. Отд. VI, стр. 76–90; Библиотека для чтения. 1844. Т. 64, стр. 33–35; Современник. 1843. Т. 30, стр. 97–99; 1844. Т. 33. № 15, стр. 91–92; ОЗ. 1843. Т. 31. № 12, стр. 36–38; Маяк. 1844. Т. 13. Кн. 26. Гл. IV, стр. 53–72.
75. ОЗ. 1843. Т. 26. № 1. Отд. VI, стр. 25–26.
76. Библиотека для чтения. 1844. Т. 64, стр. 33–35.
77. Маяк. 1844. Кн. 26, стр. 53–72.
78. РГИА. Ф. 735. Оп. 2. Д. 393. Л. 1–3; ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 291. Л. 27.
79. РГИА. Ф. 735. Оп. 2. Д. 393. Л. 4 об.
80. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 291. Л. 25.
81. Там же. Д. 305. Л. 230, 230 об.
82. Там же. Ф. 445. Д. 291. Л. 23. 10 апреля 1843 г.
83. Там же. Л. 12.
84. *Ламбин Н.* О годе смерти Святослава Игоревича, великого князя киевского // Записки Императорской Академии наук. СПб., 1876, стр. 123, 151.
85. *Карышковский П.О.* Балканские войны Святослава в византийской исторической литературе // ВВр. 1953. Т. 6, стр. 41–55; *Он же.* К вопросу о первоисточниках по истории походов Святослава // КСИС. 1952. Вып. 9, стр. 54–55; *Сюзюмов М.Я.* Об источниках Льва Дьякона и Скилицы // Византийское обозрение. Юрьев, 1916. Т. 2. Вып. 1, стр. 144–145.
86. *Иловайский Д.И.* История России. М., 1906. Т. 1, стр. 685–686.
87. *Карышковский П.О.* К вопросу..., стр. 59–60; *Сахаров А.Н.* Дипломатия Святослава. М., 1982, стр. 39–43.
88. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. СПб., 1842. Т. 1. Кн. 1, стр. 180; *Полевой Н.А.* История русского народа. М., 1830. Т. 1, стр. 366; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1959. Кн. 1. Т. 1, стр. 161; *Гильфердинг А.Ф.* Письма об истории сербов... Т. 1, стр. 139–155; *Ламбин Н.* Указ. соч., стр. 119–151; *Знойко Н.Д.* О посольстве Калокира в Киев // ЖМНП. 1907. Апрель. Ч. 8. (Нов. сер.) (Отд. 2.), стр. 250; *Белов Е.А.* Борьба великого князя киевского Святослава Игоревича с императором Иоанном Цимисхием // ЖМНП. 1873. Декабрь. Ч. 170. (Отд. 2), стр. 177; *Лебедев И.* Войны Святослава I // Исторический журнал. 1938. № 5, стр. 47–61; *Мавродин В.В.* Образование Древнерусского государства. Л., 1945, стр. 267–285; *Левченко М.В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, стр. 259; *Сахаров А.Н.* Указ. соч., стр. 134–135.
89. *Чертков А.Д.* Описание войны..., стр. 152.
90. *Знойко Н.Д.* Указ. соч., стр. 243–247.
91. *Карышковский П.О.* Русско-болгарские отношения во время балканских войн Святослава // ВИ. 1951. № 8, стр. 104; *Он же.* Балканские войны..., стр. 53. Приложение 2.
92. *Левченко М.В.* Указ. соч., стр. 255; *Пауто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968, стр. 69.
93. История на България. София, 1981. Т. 2, стр. 390; *Иречек К.* Указ. соч., стр. 240.
94. *Сахаров А.Н.* Указ. соч., стр. 138.
95. История на България. София, 1954, стр. 141; История Болгарии. М., 1954. Т. 1, стр. 90; *Каждан А.П., Литаврин Г.Г.* Очерки истории Византии и южных славян. М., 1958, стр. 171; *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские князья XII–XIII вв. М., 1982, стр. 379.
96. *Чертков А.Д.* Описание войны..., стр. 24, 156–158; *Шлецер А.Л.* Нестор, летописец. Русские летописи на древнеславянском языке. Сличенные, переведенные и объясненные Шлецером. СПб., 1819. Ч. 3, стр. 158.
97. *Чертков А.Д.* Описание войны..., стр. 178–182, 52, 170.
98. *Дринов М.С.* Сч. Т. 1, стр. 331, 465; *Гильфердинг А.Ф.* Письма об истории сербов... Т. 1, стр. 141. Приложение 3; *Иречек К.* Указ. соч., стр. 240; *Белавенец П.И.* Материалы по истории русского флота. М.–Л., 1940, стр. 10.
99. *Забелин И.Е.* История русской жизни с древнейших времен. М., 1879. Ч. 2, стр. 211, 229, 235, 508; *Багалей Д.И.* История Льва Дьякона как источник для русской истории // Университетские известия. Киев, 1878. № 5. Прибавление I, стр. 5; *Соловьев С.М.* Указ. соч., стр. 167; *Погодин М.П.* Древняя русская история до монгольского ука. М., 1871. Т. 1, стр. 30, 35, 39.
100. *Греков Б.Д.* Указ. соч., стр. 330, 333–334; *Приселков М.Д.* Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам // УЗ ЛГУ. 1941. Т. 73. Вып. 8, стр. 243–245; *Он же.* Русско-византийские отношения в IX–XII вв. // ВДИ. 1939. № 4(9), стр. 102; *Левченко М.В.* Указ. соч., стр. 259–260, 283; *Мавродин В.В.* Указ. соч., стр. 269; История на България. София, 1954, стр. 141.
101. *Успенский Ф.И.* Значение походов Святослава в Болгарию // ВДИ. 1939. № 4(9), стр. 95; *Тихомиров М.Н.* Древняя Русь. М., 1975, стр. 284; Повесть временных лет. Приложения, статьи и комментарии Д.С. Лихачева. М.–Л., 1950. Ч. 2, стр. 317.
102. *Левченко М.В.* Указ. соч., стр. 264; *Сахаров А.Н.* Указ. соч., стр. 140; *Златарски В.Н.* История на България държава през средните векове. София, 1970. Т. 1. Ч. 1, стр. 560; *Мавродин В.В.* Указ. соч., стр. 278.
103. *Чертков А.Д.* Описание..., стр. 224–225.
104. Там же, стр. 33, 169, 218; *Мутаевичев П.* Руско-български отношения при Святослава // *Seminarium Kondakovianum.* Prague. IV. 1931, стр. 78–92.
105. *Левченко М.В.* Указ. соч., стр. 266–272; *Карышковский П.О.* Русско-болгарские отношения..., стр. 103–105; *Сахаров А.Н.* Указ. соч., стр. 171–173, 179.
106. *Лебедев И.* Указ. соч., стр. 253.
107. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 305. Л. 149. 16 октября 1840 г. Санкт-Петербург.

108. *Чертков А.Д.* Описание войны..., стр. 245; [Рец. без подписи.] Описание войны великого князя Святослава Игоревича против болгар и греков в 967—971 г-на А.Д. Черткова. М., 1843 // Современник. 1844. Т. 33, стр. 91—92.
109. *Чертков А.Д.* Описание войны..., стр. 245—250.
110. *Соловьев С.М.* Указ. соч., стр. 169.
111. *Александров А.В.* Современные исторические труды в России. СПб., 1845, стр. 85—87.
112. *Завитневич В.З.* Великий князь киевский Святослав Игоревич и историческое значение его богатырских подвигов // Труды Киевской духовной академии. Киев, 1888. № 3, стр. 390—391.
113. *Мауродин В.В.* Указ. соч., стр. 286; *Бахрушин С.В.* Держава Рюриковичей // ВДИ. 1938. № 2(3), стр. 95; *Пресняков А.Е.* Лекция по русской истории. Т. 1. М., 1938, стр. 85.
114. *Знойко Н.* Указ. соч., стр. 231; *Карышковский П.О.* Политические взаимоотношения Византии, Болгарии и Руси в 967—971 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1951, стр. 1.
115. [Менцов Ф.Н.] [Рец.] Описание войны великого князя Святослава Игоревича против болгар и греков в 967—971 г. А.Д. Черткова. М., 1843 // ЖМНП. 1844. Т. 41. Февраль. [Отд. VI.], стр. 57—72; [Галахов А.Д.] Описание войны... // ОЗ. 1843. Т. 31. № 12, стр. 36—38; [Рец.] Описание войны... // Современник. 1844. Т. 33. [Отд. VI.], стр. 91—92; [Рец. без подписи.] О переводе Манассиной летописи...; Описание войны... // Библиотека для чтения. 1844. Т. 64. № 5. [Отд. VI.], стр. 33—35; [Бурачек С.А.] Маяк. 1844. Т. 13. Кн. 26, стр. 53—76.
116. РГИА. Ф. 735. Оп. 2. Д. 393. Л. 7—8 об. 18 декабря. Получено 30 декабря.
117. Там же. Л. 12; ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 291. Л. 28.
118. РГИА. Ф. 735. Оп. 2. Д. 393. Л. 13, 13об.
119. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 305. Л. 251.
120. Письма М.П. Погодина, С.П. Шевырева и М.А. Максимова к князю П.А. Вяземскому (1825—1874). СПб., 1901, стр. 182, 146. 14 апреля 1844 г.
121. *Чертков А.Д.* Описание войны..., стр. 243—244.
122. АРАН. Ф. 30. Оп. 3. Д. 316. Л. 5, 5 об. 2 декабря 1842 г.
123. Там же. Л. 7 об. 5 февраля 1843 г.
124. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 305. Л. 252. 22 октября 1843 г.
125. Там же. Л. 268. 14 июля 1844 г. Митава.
126. ЖМНП. 1845. Ч. 45. Отд. III, стр. 91.
127. ОР РГБ. Ф. 231. Разд. II. Карт. 4. Д. 44. Л. 13. Январь 1843 г.
128. Там же. Л. 14.
129. *Чертков А.Д.* О Белобережье и 7 островах, на которых жили, по словам Димешки, руссы-разбойники // ЖМНП. 1845. Ч. XLVII. № 7, стр. 65—100; № 8, стр. 129—162.
130. *Хартанович М.Ф.* Ученое со словие России: Императорская Академия наук второй четверти XIX в. СПб., 1999, стр. 129.
131. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 310—315 (тетради 1—10, 1830—1850-е гг.).
132. *Чертков А.Д.* Фракийские племена..., стр. 102, 134. *Он же.* Пелазго-фракийские племена..., стр. 1.
133. *Он же.* Фракийские племена..., стр. 134.
134. *Он же.* О переводе..., стр. 88, 54; *Он же.* О переселении..., стр. 43—44, 53—54.
135. *Он же.* О переводе..., стр. 23, 40, 44.
136. ОР РГБ. Ф. 231. Разд. II. Карт. 4. Д. 44. Л. 9.
137. *Чертков А.Д.* Письмо к Я.И. Берендинову // РА. 1910. Кн. 2. № 7, стр. 460.
138. РГАЛИ. Ф. 450. Оп. 1. Д. 17. Л. 1003. 1851 г.
139. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 306. Л. 103 об. 4 января 1856 г.
140. АРАН. Ф. 778. Оп. 2. Д. 348. Л. 27 об.
141. *Чертков А.Д.* О языке пелазгов..., стр. 175.
142. Там же, стр. 13.
143. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 306. Л. 101. 25 декабря 1855 г. Санкт-Петербург.
144. Там же. Л. 103. 9 января 1856 г. Санкт-Петербург.
145. ВОИДР. Кн. 13. М., 1852 [Рец. без подписи.] // Известия Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности. СПб., 1852. Т. 1. Стл. 292.
146. ВОИДР. Кн. 16. М., 1853 [Рец. без подписи.] // Известия Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности. СПб., 1853. Т. 2. Стл. 237.
147. [Рец.] *Лешков В.Н.* Временник ОИДР. Кн. 25. М., 1857 // Русская беседа. М., 1858. Т. 1. Кн. 9, стр. 54.
148. [Срезневский И.И.] [Рец.] О языке пелазгов, населивших Италию, и сравнение его с древнеславянским. А.Д. Черткова. М., 1855 // Известия Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности. СПб. 1856. Т. 5. Стл. 95—96. Книга Я. Коллара (1793—1852) «Staroitalia Slavjanska» вышла после смерти автора.
149. *Чернышевский Н.Г.* «Временник императорского московского общества истории и древности российских». Кн. 16, 17, 18, 19. М., 1853—1854 // Полн. собр. соч. М., 1949. Т. 2, стр. 326.
150. *Мурзакевич Н.Н.* А.Д. Чертков (некролог), стр. 420.
151. *Раковский Г.С.* Счинения. София, 1984. Т. 3, стр. 380, 428—429; *Он же.* Показалец... Одесса, 1859, стр. XXI.
152. *Чертков А.Д.* О языке пелазгов..., стр. 17; *Он же.* Пелазго-фракийские племена..., стр. 52.
153. *Дринов М.* Поглед върхъ происхождения-то на българский народ и началото на българската история // Счъ. Т. 1, стр. 58; *Иречек К.* История Болгар, стр. 85—86; *Горина Л.В.* Марин Дринов — историк и общественный деятель. М., 1986, стр. 135.
154. *Кондратов А.* Этруски. Загадка номер один. М., 1977, стр. 25—32.
155. *Ивоичин В.Ф., Немировский А.И.* Начало русской этрусологии: А.Д. Чертков // *Немировский А.И., Харескин А.И.* Этруски. Введение в этрускологию. Воронеж, 1969, стр. 156—162; *Немировский А.И.* Этруски: От мифа к истории. М., 1983, стр. 9—10.
156. *Шербатов В.В.* Золотой чертог Посейдона // В поисках Атлантиды. М., 1986, стр. 304—306, 309.
157. *Гриневич Г.* Пращавяне в Этрурии // Московский журнал. 1994. № 10, стр. 53—56; *Он же.* Пращавяне. История письменности. М., 1993.
158. *Горина Л.В.* Марин Дринов..., стр. 176—177.
159. *Боград В.Э.* Журнал «Отечественные записки». 1838—1848 гг. Указатель содержания. М., 1985, стр. 627, 677; *Чертков А.* Политическая география Азии, Африки, Америки и Океании, составил кандидат философии А. Чертков. СПб., 1844; *Он же.* География. СПб., 1845.
160. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 305. Л. 237. 12 февраля 1843 г. Одесса.
161. Материалы для истории Императорского Общества истории и древности российских. Переписка гг. действительных членов Общества. Письма Н.Н. Мурзакевича к О.М. Бодянскому (1838—1866 гг.) // ЧОИДР. 1887. Кн. 1, стр. 194.
162. Государственный архив Одесской области. Ф. 93. Оп. 1. Д. 24. Л. 82, 90—95.
163. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 305. Л. 242.

164. Там же. Л. 264. 24 апреля 1844 г. Одесса.
 165. Там же. Л. 267.
 166. Там же. Л. 263. 16 марта 1844 г. Одесса.
 167. Там же. Л. 301, 301 об. 14 августа 1842 г. Одесса.
 168. Письмо Георгия Илиевича Бусулина от 10 мая 1843 г. настоятелю Карловского училища // Известия на Архивния институт на Българската академия на науките. 1959. Кн. II, стр. 193–196.
 169. Дроснева Е. Указ. соч., стр. 76; Фотинов К. Любословие // 1844. Декабрь, стр. 138–141.
 170. Априлов В. Мысли за сегашното българско учение // Събр. съч. София, 1940, стр. 311.
 171. Дроснева Е. Указ. соч., стр. 76.
 172. Бере Н.В. Записки // Русские мемуары. 1826–1856. М., 1990, стр. 369–370.
 173. ОР РГБ. Ф. 231. Разд. II. Карт. 21. Д. 68. Л. 15, 17 об. 23 июня 1848 г.; Л. 25. 30 декабря 1848 г.; Минкова Л. Осип Максимович Бодянский и Българското възраждане. София, 1978, стр. 131.
 174. Материалы для истории ОИДР, стр. 199; ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 306. Л. 10.
 175. Два письма Ю.Ф. Самарина к С.П. Шевыреву // РА. 1907. Кн. III, стр. 430.
 176. В 1840 г. Британское библейское общество снабдило греческую типографию в Смирне, городе, расположенном в Малой Азии, славянским шрифтом для печатания Нового Завета на болгарском языке. В 1844–1846 гг. К. Фотинов, учитель и автор учебников (например, «Общо землеописание», 1843), издавал в этой типографии «Любословие», первый в Болгарии журнал на болгарском языке.
 177. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 305. Л. 267.
 178. Там же. Д. 296. Л. 52, 53.
 179. Там же. Д. 295. Л. 17.
 180. История на България. София, 1985. Т. 5, стр. 299.
 181. Материалы для истории ОИДР..., стр. 205.
 182. Палаузов С. Избрани трудове. София, 1977. Т. 2, стр. 752. 4 марта 1846 г.
 183. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 306. Л. 13.
 184. Чертков А.Д. Всеобщая библиотека России. 1845, стр. 117–119, 381–382.
 185. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 305. Л. 263. 16 марта 1844 г. Одесса.
 186. Пашаева Н.М. Коллекция болгарской патриотической книги 30–70-х гг. XIX в. в фондах Госу-

дарственной публичной исторической библиотеки // Русско-болгарские связи в области книжного дела. София, 1987, стр. 167.
 187. Чертков А.Д. Всеобщая библиотека России. 1845, стр. 118–119. 188. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 305. Л. 264 об., 270.
 189. Там же. Л. 220.
 190. Там же. Л. 278 об.
 191. Там же. Д. 306. Л. 12.
 192. Чертков А.Д. Всеобщая библиотека России. 1845, стр. 102.
 193. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 305. Л. 266. 21 июля 1844 г. Одесса; Мурзакевич Н.Н. А.Д. Чертков..., стр. 422.
 194. РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 5. Л. 141. 6 декабря 1858 г.
 195. Там же. Д. 557. Л. 184. 20 февраля 1863 г. Царьград; Л. 438, 468.
 196. Пашаева Н.М. Коллекция болгарской..., стр. 167–171.
 197. Чертков А.Д. Всеобщая библиотека России. 1845, стр. 89.
 198. Он же. О переводе..., стр. 2.
 199. Письма В. Ганки к О.М. Бодянскому с примечанием проф. И.В. Помяловского // ЧОИДР. 1887. Кн. 2. (Отд. 2.), стр. 24, 27.
 200. ОР РГБ. Ф. 231. Разд. II. Карт. 4. Д. 44. Л. 22. 19 февраля 1851 г.
 201. Там же. Л. 5. 1840 г.
 202. РГИА. Ф. 732. Оп. 2. Д. 393. Л. 7 об.; ОР РГБ. Ф. 231. Разд. II. Карт. 35. Д. 64. Л. 5, 22.
 203. Чертков А.Д. Всеобщая библиотека России. 1845, стр. 396.

ГЛАВА 3

1. Труды и летописи ОИДР. 1828. Ч. 4. Кн. 1, стр. 283–284.
 2. Отчет по ОИДР с 1 ноября 1833 г. по 1 января 1835 г. // Труды и летописи ОИДР. М., 1837. Ч. 8, стр. 334.
 3. Труды и летописи ОИДР. Ч. 8, стр. 206.
 4. Там же, стр. 209, 212, 291.
 5. Там же, стр. 215, 218. 361; Чертков А.Д. Несколько слов вместо предисловия к описанию русских древних монет // Труды и летописи ОИДР. 1837. Ч. 7, стр. 1–57; Он же. О пяти русских деньгах XV в. // Там же, стр. 208–213.
 6. РГИА. Ф. 733. Оп. 7. Д. 183. Л. 3. (Департамент народного просвещения.)
 7. РИС. 1837. Т. 1. Кн. 1, стр. 115–116.
 8. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 307. Л. 21 об.
 9. Савельев П.С. О жизни и ученых трудах Френа, стр. 353.
 10. РИС. 1840. Т. 3. Кн. 4, стр. 417.
 11. Там же. 1843. Т. 6. Кн. 4, стр. 1.

12. Там же. 1837. Т. 1. Кн. 1, стр. 115, 117.
 13. ОР РГБ. Ф. 203. Кн. 5. Л. 367 об.
 14. РИС. 1840. Т. 3. Кн. 4, стр. 401.
 15. РИС. 1843. Т. 6. Кн. 4, стр. II; Русские достопамятности. М., 1843. Ч. 2.
 16. РИС. 1843. Т. 6. Кн. 4, стр. 16.
 17. Там же, стр. 1.
 18. Забелин И.Е. 80-летие Императорского Общества истории и древностей российских // ЖМНП. 1884. Ч. 233. № 5. Отд. 4, стр. 5–6.
 19. РИС. 1843. Т. 6. Кн. 4, стр. 21.
 20. Нечкина М.В. Движение декабристов. М., 1955. Т. 1, стр. 88.
 21. Герцен А.И. Дневник 1842–1845 // Собр. соч.: В 30 т. М., 1954. Т. 2, стр. 236–237.
 22. Пасек Т.П. Воспоминания. 1840–1845 гг. // РС. 1877. № 7, стр. 444.
 23. РИС. 1843. Т. 6. Кн. 4, стр. 20; ОР РГБ. Ф. 203. Кн. 7. Л. 124.
 24. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 305. Л. 202.
 25. РИС. 1840. Т. 3. Кн. 4, стр. 416.
 26. Там же. 1843. Т. 6. Кн. 4, стр. 20, 25, 51.
 27. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 307. Л. 81. 28 сентября 1853 г. Санкт-Петербург. Барон М. Корф.
 28. Там же. Д. 276. Л. 43.
 29. РИС. 1843. Т. 6. Кн. 4, стр. 11.
 30. Там же. 1840. Т. 3. Кн. 4, стр. 416; 1843. Т. 6. Кн. 4, стр. 417.
 31. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 307. Л. 53.
 32. РИС. 1843. Т. 6. Кн. 4, стр. 1.
 33. Ишутин В.В. Славянская проблематика в научных заседаниях Общества истории и древностей российских при Московском университете в первой половине XIX в. // Историкографические исследования по славяноведению и балканистике. М., 1984, стр. 97–115; Он же. Общеславянская проблематика, история и культура южных славян в изданиях ОИДР за 1815–1848 гг. // Историкография и источниковедение стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1986, стр. 6–22.
 34. РИС. 1843. Т. 6. Кн. 4, стр. 4, 15, 27, 29.
 35. Чертков А.Д. О переводе Манассиной летописи на словенский язык // РИС. 1843. Т. 4. Кн. 1–2. стр. 1–183; Он же. Описание войны великого князя Святослава Игоревича против болгар и греков // РИС. 1843. Т. 6. Кн. 3–4. стр. 187–467.
 36. РИС. 1843. Т. 6. Кн. 4, стр. 16.
 37. Там же, стр. 46.
 38. ВОИДР. 1851. Кн. 11, стр. II.
 39. Соколов Е.И. Библиотека ОИДР за 1901–1902 гг. М., 1903, стр. 2, 8.

40. Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1892. Т. 5, стр. 431.
41. Иванов П. Об Обществе истории и древностей российских // Прибавление к Московским губернским ведомостям. 1842. № 7, стр. 124.
42. Письма О.М. Диева к И.М. Снегиреву (1829—1845 гг.) // ЧОИДР. 1904. Кн. 4. Отд. II, стр. 56. 14 февраля 1840 г.
43. Барсуков Н. Русские палеологи 40-х годов // Древняя и новая Россия. 1880. Т. 16, стр. 534. 24 февраля 1845 г.
44. ЧОИДР. 1893. Кн. 3, стр. 67, 71.
45. Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Т. 8, стр. 150; ОР РГБ. Ф. 231. Разд. II. Карт. 4. Д. 44. Л. 19. 1845 г.
46. Материалы для истории ОИДР..., стр. 204. 14 марта 1847 г.
47. РИС. 1843. Т. 6. Кн. 4, стр. 8; ЧОИДР. 1846. Кн. 3, стр. II.
48. ОР РГБ. Ф. 231. Разд. II. Карт. 36. Д. 41. Л. 14 об.
49. ОР РГБ. Ф. 850. Д. 444. Л. 143. 1844 г.
50. Письма М.П. Погодина, С.П. Шевырева и М.А. Максимовича к князю П.А. Вяземскому. (1825—1874). СПб., 1901, стр. 42.
51. ЧОИДР. 1847. Кн. 3, стр. II.
52. Московские ведомости. 2 октября 1848 г. № 119, стр. 1076—1078.
53. *Рождественский С.В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802—1902. СПб., 1902, стр. 260.
54. *Снегирев И.М.* Дневник. М., 1904. Т. 1, стр. 417, 418.
55. *Лебедев К.Н.* Из записок сенатора // РА. 1888. № 3, стр. 483.
56. *Никитенко А.В.* Дневник. 1847—1849 гг. // РС. 1890. Т. 65. № 2, стр. 386—387.
57. *Лантеева Л.П.* Славяноведение в Московском университете в XIX — начале XX века. М., 1997, стр. 71—73; *Ишутин В.В.* Славянская проблематика..., стр. 111—112.
58. *Буслаев Ф.И.* Мои воспоминания. М., 1897, стр. 307.
59. Книжные редкости И.М. Остроглазова // РА. 1892. № 2, стр. 251.
60. ОР РГБ. Ф. 231. Разд. II. Карт. 36. Д. 45. Л. 8.
61. ВОИДР. 1849. Кн. 1, стр. 1.
62. ОР РГБ. Ф. 231. Разд. II. Карт. 17. Д. 50. Л. 13. 11 января 1849 г.
63. *Снегирев И.М.* Дневник. Т. 1, стр. 423.
64. *Барсуков Н.П.* Русские палеологи..., стр. 281, 518, 521, 534—535.
65. *Формозов А.А.* Страницы истории русской археологии. М., 1986, стр. 151.
66. *Тарасов Е.* Сахаров И.П. // РБС. Т. «Сабанеев — Смыслов», стр. 211—216.
67. *Барсуков Н.П.* Русские палеологи..., стр. 544, 730.
68. *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1896. Т. 10, стр. 182.
69. ВОИДР. 1850. Кн. 9. С. II.
70. Там же. 1855. Кн. 22, стр. 2.
71. Там же. 1855. Кн. 21, стр. 1.
72. РИС. 1843. Т. 6. Кн. 4, стр. 9.
73. ВОИДР. 1849. Кн. 1, стр. 1.
74. *Никитенко А.В.* Дневник. 1847—1849 гг. // РС. 1890. Т. 65. № 2, стр. 386. 1 декабря 1848 г.
75. *Энгельгардт Н.А.* Очерки Николаевской цензуры // ИВ. 1901. Т. 86. № 12, стр. 989.
76. ОР РГБ. Ф. 231. Разд. II. Карт. 21. Д. 68. Л. 24. 23 декабря 1848 г.
77. ВОИДР. 1849. Кн. 2, стр. II.
78. ОР РГБ. Ф. 231. Разд. II. Карт. 17. Д. 50. Л. 17—18. 14 февраля 1849 г. А.М. Кубарев — М.П. Погодину.
79. *Барсуков Н.П.* Русские палеологи..., стр. 730.
80. *Пичета В. К* 100-летию Императорского Общества истории и древностей российских // Летопись Екатеринославской ученой архивной комиссии. Екатеринбург, 1904. Вып. 1, стр. 49.
81. ОР РГБ. Ф. 231. Разд. II. Карт. 16. Д. 52. Л. 40.
82. РГИА. Ф. 735. Оп. 2. Д. 729.
83. *Лешков В.Н.* Временник ОИДР. Кн. 25. М., 1857 // Русская беседа. М., 1858. Т. 1. Кн. 9, стр. 54—55; *Попов А.* Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1858. Январь—март. М., 1858 // Известия Императорского археологического общества. СПб., 1859. Вып. 1. Стл. 267.
84. *Чернышевский Н.Г.* Временник ОИДР. Книги 16, 17, 18, 19. М., 1853—1854. // Полн. собр. соч. М., 1949. Т. 2, стр. 318—319.
85. *Забелин И.Е.* Указ. соч., стр. 7.
86. ВОИДР. 1849. Кн. 3, стр. II; 1856. Кн. 24, стр. III.
87. *Мурзакевич Н.Н.* Записки... // РС. 1889. Т. 61. № 2, стр. 232.
88. Копия с циркуляра имеется в архиве А.Д. Черткова. См.: ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 307. Л. 60—66; *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. 9. СПб., 1895, стр. 236; *Рождественский С.В.* Исторический обзор..., стр. 224.
89. *Францев В.А.* Очерки по истории чешского возрождения: Русско-чешские связи конца XVIII и первой половины XIX ст. Варшава, 1902, стр. 384—385.
90. ОР РГБ. Ф. 203. Кн. 169. Л. 88 об.; Кн. 170. Л. 3 об.
91. Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. Варшава, 1905, стр. 168.
92. ВОИДР. 1852. Кн. 14, стр. I; 1855. Кн. 23, стр. IV; 1850. Кн. 8, стр. II; 1857. Кн. 25, стр. XII, L; ОР РГБ. Ф. 231. Разд. II. Карт. 2. Д. 59. Л. 28.
93. ВОИДР. 1857. Кн. 25, стр. XXI.
94. Там же. 1856. Кн. 24, стр. IV. 27 сентября 1852 г.
95. ОР РГБ. Ф. 203. Кн. 52. Д. 7. Л. 4.
96. ВОИДР. 1855. Кн. 22, стр. III; ОР РГБ. Ф. 203. Кн. 58. Д. 6а. Л. 4; ВОИДР. 1857. Кн. 25, стр. XXIV, XLI—XLII, LXIII, LXX, LXXII.
97. РИС. 1843. Т. 6. Кн. 4, стр. 4.
98. ВОИДР. 1851. Кн. 10, стр. 1—134; 1852. Кн. 13, стр. 1—140; 1853. Кн. 16, стр. 1—102; 1855. Кн. 23, стр. 1—193; 1857. Кн. 25, стр. 1—150.
99. ВОИДР. 1850. Кн. 9, стр. II; 1851. Кн. 14, стр. I; 1857. Кн. 25, стр. XXIX, LII, LXXII.
100. ВОИДР. 1857. Кн. 25, стр. XXIX; ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 307. Л. 91.
101. *Бодянский О.М.* Дневник/ Публ. М.Г. Попруженко // ИВ. 1913. № 8, стр. 426.
102. ОР РГБ. Ф. 47. Разд. II. Папка 7. Д. 1. Л. 1.
103. ЧОИДР. 1858. Кн. I, стр. 147. 18 декабря 1857 г.; Кн. 4, стр. 160.
104. *Немировский А.И.* Александр Дмитриевич Чертков, стр. 51.
105. *Лантеева Л.П.* Славяноведение в Московском университете, стр. 73—74.
106. *Она же.* Павел Йозеф Шафарик и русское славяноведение первой половины XIX в. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1996. № 1, стр. 10—21.
107. 80-летие Императорского ОИДР // ЖМНП. 1884. Ч. 233. № 5. Отд. 4, стр. 5.
108. *Дмитриев М.А.* Мелочи из записки моей памяти // Московские элегии. М., 1985, стр. 250—252.
109. Словарь членов Общества любителей российской словесности при Московском университете. 1811—1911. М., 1911, стр. 308; *Клейменова Р.Н.* Общество любителей российской словесности. 1811—1930. М., 2002, стр. 81—87.

ГЛАВА 4

1. Опыт российской библиографии. СПб., 1813. Ч. 1, стр. XIII—XIV.
2. *Чертков А.Д.* Всеобщая библиотечка России. М., 1838, стр. IV.

3. *Аделунг Ф.* Предложение об учреждении Русского национально-го музея // *Сын отечества*. СПб., 1817. Ч. 37, стр. 58–60; *Сын отечества*. 1821. Ч. 33, стр. 297.
4. *Чертков А.Д.* Всеобщая библиотека России. М., 1838, стр. IV.
5. *Мурзакевич Н.Н.* А.Д. Чертков, стр. 421.
6. *Чертков А.Д.* О языке пелазгов..., стр. 173.
7. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 276. Л. 43.
8. *Бокачев Н.Ф.* Описи русских библиотек и библиографические издания, находящиеся в исторической и археологической библиотеке Н. Бокачева. СПб., 1890, стр. 15.
9. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 276. Л. 43 (февраль 1854 г.).
10. Там же. Л. 7, 7 об.
11. Там же. Л. 45.
12. Там же. Л. 4, 4 об., 9, 9 об. 10 февраля 1854 г., 26 мая 1854 г.
13. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 305. Л. 286, 286 об. Ответчено «3 апреля 1845 г. с посылкой каталога»; опубликовано: *Кушин В.В.* Библиофилы пушкинской поры. М., 1979, стр. 156–157.
14. РГАЛИ. Ф. 450. Оп. 1. Д. 17. Л. 1003, 1005 (18 мая 1851 г.), 1007 (12 октября 1851 г.).
15. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 305. Л. 315; Д. 306. Л. 9. 18 января 1846 г.
16. ЧОИДР. 1893. Кн. 3, стр. 67. 13 апреля 1846 г.; *Барсуков Н.П.* Русские палеологи..., стр. 739; РГАЛИ. Ф. 994. Оп. 4. Д. 190. Л. 1 об.
17. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 305. Л. 236, 239; Д. 306. Л. 91.
18. Там же. Л. 236, 239, 275, 285, 312.
19. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 306. Л. 20, 21, 23.
20. Там же. Л. 91.
21. РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 557. Л. 88 (М. Полууденский. 1864 г.); Л. 133 (Воронез. Н. Курбатов. 1864 г.); Л. 216 (Д. Сонцов. 1863 г.).
22. А.И. Кастерин – известный собиратель книг церковной печати.
23. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 305. Л. 187.
24. *Погодин М.* Примечательная библиотека в Москве // *Москвитянин*. 1841. Ч. 1. № 2. Л. 606.
25. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 307. Л. 81. 28 сентября 1853 г. Санкт-Петербург. Барон М. Корф.
26. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 291. Л. 38; ЦИАМ. Ф. 380. Оп. 1. Д. 345. Л. 1 об. 22 ноября 1850 г.
27. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 280. Л. 105–108.
28. *Разманова Н.А.* Из истории книжной коллекции А.Д. Черткова // К 50-летию ГПИБ. Сокровищница книги: Юбилейный сборник научных трудов ГПИБ. М., 1988. Ч. 1.
29. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 305. Л. 283. 8 марта 1845. Санкт-Петербург.
30. Там же. Д. 276. Л. 47.
31. *Чертков А.Д.* Письмо к Я.И. Бердникову // РА. 1910. Кн. 2. № 7, стр. 460.
32. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 305. Л. 280.
33. Используя титулование, положенное для особ IV класса, Сахаров, видимо, хотел польстить Черткову, так как он только что получил этот чин.
34. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 305. Л. 188.
35. Там же. Л. 205, 205 об.
36. Там же. Л. 209.
37. Там же. Л. 306.
38. *Срезневский И.И.* Обзор материалов для изучения славяно-русской палеографии//ЖМНП. 1867. Ч. 133. № 1, стр. 107.
39. *Белинский В.Г.* Русская литература в 1845 г. // *Собр. соч.*: В 9 т. Т. 8. М., 1982, стр. 27, 29.
40. *Здобнов Н.В.* История русской библиографии до начала XX века. М., 1955, стр. 274.
41. *Разманова Н.А.* Указ. соч., стр. 22.
42. РГАЛИ. Ф. 450. Оп. 1. Д. 17. Л. 1003 об.
43. Там же. Л. 1003.
44. ОР РГБ. Ф. 231. Разд. II. Карт. 3. Д. 28/6. Л. 37 об.
45. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 286. Л. 84.
46. Там же. Д. 326. Л. 52.
47. Там же. Д. 280. Л. 160.
48. ОР РГБ. Ф. 261. Карт. 18. Д. 5. Л. 12 об.
49. *Кушин В.В.* Библиофилы пушкинской поры, стр. 158.
50. *Бокачев Н.Ф.* Описи русских библиотек..., стр. XV–XVI.
51. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 280. Л. 82, 82 об.
52. *Бартенева П.И.* А.Д. Чертков и его библиотека // РА. 1863, Кн. 1, стр. 6.
53. Несколько слов о Чертковской библиотеке // *День*. 1862. № 51 (12 декабря), стр. 3; Чертковская библиотека и при ней периодическое издание // ЖМНП. 1863. Ч. 117. № 2. Отд. VI, стр. 115–116.
54. *Бартенева П.И.* Чертковская библиотека // РА. 1866. № 1. Стлб. 1.
55. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 326. Л. 9, 18.
56. *Латиева Н.С.* Дом Чертковых на Мясницкой улице, стр. 270.
57. Из описания интерьера библиотеки выпал зал Е. См.: *Бартенева П.И.* Несколько слов о Чертковской библиотеке // РА. 1864. № 1. Стлб. 5–12.
58. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 326. Л. 13.
59. *Бартенева П.И.* Несколько слов о Чертковской библиотеке. Стлб. 5–12; РА. 1866. № 1. Стлб. 2.
60. ОР РГБ. Ф. 261. Карт. 18. Д. 5. Л. 12.
61. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 326. Л. 46, 46 об.
62. РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 557. Л. 275.
63. *Шульгина Э.В., Черниловская М.М.* А.Д. Чертков и история его библиотеки // *Труды Государственного Исторического музея: Проблемы экспозиционной и фондовой работы*. М., 1987. Вып. 65, стр. 108.
64. РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 557. Л. 92, 245. Павловск. 18 июня. Вероятно, 1863 г., так как письмо лежит среди корреспонденции этого года.
65. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 743. Л. 1.
66. Там же. Д. 326. Л. 23. 8 декабря 1872 г.
67. РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 8. Д. 28. Л. 51.
68. *Бартенева П.* (младший). П.И. Бартенева (некролог) // РА. 1912. № 12, стр. 571.
69. *Зайцев А.Д.* П.И. Бартенева. М., 1989, стр. 33.
70. См. более подробное описание: *Иконников В.С.* Опыт русской историографии. Киев. 1892. Т. 1. Кн. 2, стр. 1242–1249.
71. *Миرونенко М.П.* Журнал «Русский архив»: организация издания, корреспонденты, источники публикаций // *Проблемы истории СССР*. М., 1978. Вып. 7, стр. 86; *Бартенева П.* (младший). П.И. Бартенева (некролог), стр. 572; *Зайцев А.Д.* П.И. Бартенева, стр. 99.
72. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 326. Л. 9.
73. *Барсуков Н.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Т. 16, стр. 482–483.
74. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 326. Л. 5. 31 августа 1865 г.
75. Там же. Л. 7 об.
76. РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 557. Л. 37.
77. Там же. Л. 25. 20 марта 1864 г.
78. Там же. Л. 91.
79. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 326. Л. 9, 9 об., 12 об. 26 августа 1866 г.
80. *Брюсов В.Я.* Обломок старых поколений // *За моим окном*. М., 1913, стр. 50; *Трусевич О.Г.* П.И. Бартенева – библиотекарь и библиограф // Библиотека и история: Сборник научных трудов ГПИБ. Вып. 2. М., 1994, стр. 75–84.
81. *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды П.М. Строева. СПб., 1878, стр. 273.

82. РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 558. Л. 169.
83. *Бокачев Н.Ф.* Описи русских библиотек..., стр. XV.
84. *Бартенева П.* Храм в память Крымской войны в Путивле // РА. 1898. Кн. 1, стр. 99.
85. *Датиева Н.С.* Дом Чертковых на Мясницкой улице, стр. 273.
86. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 280. Л. 160.
87. Там же. Л. 160. 7 декабря 1871 г.
88. Там же. Ф. 445. Д. 280. Л. 136. Приговор Московской городской общей думы № 44 (заседание 23 декабря 1871 г.).
89. Московские ведомости. 22 марта 1873 г. № 71, стр. 2–3.
90. ОПИ ГИМ. Ф. 450. Д. 743. Л. 1, 2, 2об.; Московские ведомости. 22 марта 1873 г. № 71, стр. 3.
91. ОПИ ГИМ. Ф. 450. Д. 743. Л. 4. 92. Там же. Л. 15.
93. Там же. Ф. 445. Д. 326. Л. 35 об. 31 мая 1873 г.
94. Там же. Д. 280. Л. 175 об.
95. Там же. Ф. 450. Д. 743. Л. 28 об.
96. *Бартенева П.И.* Несколько слов о Чертковской библиотеке. Стлб. 12.
97. Отчет Императорского русского исторического музея им. императора Александра III в Москве за 25 лет (1883–1908). М., 1916, стр. 150–151.
98. *Сакович С.И.* Частные коллекции документальных материалов // Письменные источники в собрании ГИМ. М., 1958. Ч. 1, стр. 65; Путеводитель по фондам личного происхождения ОПИ ГИМ. М., 1967, стр. 273–283; *Шульгина Э.В., Черниловская М.М.* Описание рукописей собрания Черткова. Новосибирск, 1986; *Щепкина М.В., Протасьева Т.Н.* Сохранившаяся древней письменности и старой печати. М., 1995, стр. 65, 84.
99. *Шульгина Э.В., Черниловская М.М.* А.Д. Чертков и история его библиотеки, стр. 110–112; *Разманова Н.А.* Указ. соч., стр. 18–26.
100. *Разманова Н.А.* Указ. соч., стр. 26.
101. *Бокачев Н.Ф.* Описи русских библиотек..., стр. 15.
102. *Буторов А.* Собиратели и меценаты Московского Английского клуба. М., 2002, стр. 139.
103. Несколько слов о Чертковской библиотеке // День. 1862. № 51, стр. 3.
104. Впоследствии Срезневский изменил о Черткове свое мнение.
105. *Срезневский И.И.* Путевые письма И.И. Срезневского из славянских земель. СПб., 1895, стр. 15, 16.
106. *Берг Н.В.* Записки // Русские меюары: 1826–1856. М., 1990, стр. 375–379.
107. *Барсуков Н.* Жизнь и труды М.П. Погодина. 1891. Т. 4, стр. 39, 166.
108. ОР РГБ. Ф. 231. Разд. I. Карт. I. Д. 32. Дневник 1829–1840 гг.; Карт. I. Д. 34. Дневник 1846–1852 гг.
109. ОР ГПБ. Ф. Тит. Д. 3544. Дневник Снегирева. 1834–1836; Д. 4054. Кн. V.
110. РИС. 1840. Т. 3. Кн. 4, стр. 410.
111. *Кавелин К.Д.* Авдотья Петровна Елагина // Русское общество 30-х годов XIX в. М., 1989, стр. 139; *Берг Н.В.* Записки, стр. 366–375.
112. *Белозерская Н.А.* Ф.Г. Солнцев // РС. 1887. Июнь, стр. 726–728.
113. Некролог В.П. Андросова // Москвитянин. 1841. Ч. 6. № 11, стр. 273.
114. *Берг Н.В.* Записки, стр. 368–369.
115. *Снегирев И.М.* Дневник. М., 1904. Т. 1, стр. 273, 274. 7 и 21 октября 1839 г.
116. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 305. Л. 65, 65 об. 6 ноября 1835 г. Санкт-Петербург.
117. Там же. Л. 93. Апрель 1836 г. Санкт-Петербург.
118. *Чертков А.Д.* Письмо к Я.И. Бердникову // РА. 1910. Кн. 2. № 7, стр. 460.
119. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 305. Л. 180.
120. Там же. Л. 232. 5 февраля 1843 г.
121. Там же. Л. 252.
122. Там же. Л. 93. Апрель 1836 г. Санкт-Петербург; Л. 100. 27 мая 1836 г. Москва; Л. 105. 26 января 1837 г. Санкт-Петербург.
123. *Мурзакевич Н.Н.* Записки // РС. 1887. № 4, стр. 133.
124. Там же, стр. 217.
125. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 305. Л. 176. 28 декабря 1840 г. Одесса.
126. Там же. Л. 188.
127. Там же. Л. 200.
128. Там же. Л. 221, 224 об. 20 ноября 1842 г. Одесса.
129. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 306. Л. 12 об. 1 марта 1846 г. Одесса.
130. Там же. Д. 305. Л. 226 (Одесса. 20 ноября 1842 г.); Л. 247 (Одесса. 5 июля 1843 г. Отв. 20 сентября 1843 г.).
131. Там же. Л. 302 об. 14 августа 1842 г. Одесса.
132. Там же. Л. 315 об. 5 октября 1845 г. Одесса.
133. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 306. Л. 9 об. 18 января 1846 г. Одесса.
134. Материалы для истории ОИДР, стр. 195.
135. Государственный архив Одесской области. Ф. 93. Оп. 1. Д. 24. Л. 32, 32 об.
136. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 306. Л. 11 об. 1 марта 1846 г. Одесса.
137. Там же. Д. 305. Л. 265 об.
138. Новороссийский календарь на 1849 г. Одесса, 1848, стр. 408.
139. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 305. Л. 242 об. 26 марта 1843 г.
140. Там же. Л. 245.
141. Там же. Л. 220 об.; *Чертков А.Д.* О числе русского войска, завоевавшего Болгарию и сражавшегося с греками во Фракии и Македонии в 967–971 гг. // ЗООИД. 1844. Т. 1, стр. 167–190.
142. ОР РГБ. Ф. 231. Разд. II. Карт. 35. Д. 64. Л. 1, 1 об. 20 марта 1846 г.
143. Дневники В.А. Жуковского. СПб., 1903, стр. 346.
144. *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1892. Т. 6, стр. 18, 19.
145. М.С. Щепкин Жизнь и творчество. М., 1984. Т. 1, стр. 115.
146. *Житомирский Д.* Роберт и Клара Шуман в России. М., 1962, стр. 13.
147. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 295. Л. 27, 27 об.
148. Госпожа Клара Вик-Шуман // Московские ведомости. 1844. № 41. Вторник 4 апреля, стр. 259.
149. *Житомирский Д.* Указ. соч., стр. 145, 151, 155–160, 168.
150. *Бартенева П.И.* А.Д. Чертков и его библиотека, стр. 6–7.

ГЛАВА 5

1. *Дмитриева Н.А.* Московское Училище живописи, ваяния и зодчества. М., 1951.
2. Московский Художественный класс // Художественная газета. 1841. № 24, стр. 5; Краткое историческое обозрение действий Московского Художественного общества, читанное в торжественном собрании 31 декабря 1868 г. М., 1868, стр. 3; Речь Сенявина И.Г. 5 декабря 1843 г. // Московские ведомости. 1843. № 148, стр. 896; Историческое обозрение Московского Художественного общества // Устав МХО. М., 1850, стр. 17; *Благовощенский А.А.* Училище живописи, ваяния и зодчества в Москве // РХА. 1894. Вып. 1, стр. 2.
3. *Vunner Ю.Ф.* Е.И. Маковский. М., 1883, стр. 10.
4. Там же, стр. 10.
5. РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 3. Д. 1. Л. 3–7.
6. Когда к умирающему Ф.Г. Орлову, не состоявшему в браке, но имевшему детей, привели 6 его «воспитанников», которым дво-

- ряство и фамилия отца были пожалованы в 1796 г., он сказал им: «Живите дружно, мы дружно жили с братьями, и нас сам Потемкин не сломил» (см.: Знаменитые россияне, стр. 63–64). А.Ф. Орлов умолил Николая I, выбрав минуту, когда царь шел причащаться, обещая за прощение брата посвятить Николаю Павловичу всю свою жизнь.
7. Знаменитые россияне. XVIII–XIX вв. Биографии и портреты. СПб., 1995, стр. 691–693; *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 2. М., 1954, стр. 201–203.
  8. ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 10. Д. 18. Л. 9; РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.
  9. *Петров П.Н.* Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии художеств за 100 лет ее существования. СПб., 1866. Ч. 2, стр. 296–297; Краткое историческое обозрение..., стр. 4.
  10. РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 3. Д. 1. Л. 7 об.
  11. Отчет Московского Художественного класса за 1834/35 год, читанный в годичном собрании директором М.Ф. Орловым // Московский наблюдатель. 1835. Ч. 2. Отд. 3, стр. 164.
  12. РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 3. Л. 1, 3, 3 об.; Отчет Общества поощрения художников за 1832 и 1833 гг. по 28 апреля 1834 г. СПб., 1835. Л. 17.
  13. *Петров П.Н.* Сборник материалов для истории... Ч. 2, стр. 319.
  14. Отчет Московского Художественного класса за 1834/35 год..., стр. 168.
  15. *Дмитриева Н. А.* Указ. соч., стр. 16. Примеч.
  16. Там же, стр. 23.
  17. *Vunner Ю.Ф.* Е.И. Маковский, стр. 12.
  18. Остафьевский архив. СПб., 1899. Т. 2, стр. 241, 251.
  19. *Вяземский П.А.* Полн. собр. соч. Т. 8, стр. 168. Ошибочны сведения о том, что Ф.Я. Скарятин умер в Москве от чахотки 11 апреля 1835 и погребен на Вагьянском кладбище (см.: Восстание декабристов. Т. 8, стр. 178, 396).
  20. Экстраординарное годичное собрание Художественного класса в Москве. 20 июня 1835 г. // Московский наблюдатель. 1835. Ч. II. Отд. VII, стр. 154–157.
  21. *Дмитриева Н. А.* Указ. соч., стр. 17.
  22. РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 3. Д. 1. Л. 14.
  23. Экстраординарное годичное собрание..., стр. 155.
  24. *Рамазанов Н.А.* Материалы для истории художеств в России. М., 1863, стр. 186, 189.
  25. Брюллов в Москве // Московский наблюдатель. 1835. Ч. 4, стр. 1–4.
  26. Московские ведомости. 1836. № 11, стр. 229–230.
  27. *Vunner Ю.Ф.* Е.И. Маковский, стр. 14.
  28. *Ацаркина Э. К.П.* Брюллов: Жизнь и творчество. М., 1963, стр. 160; *Степанова С.* «Я так полюбил Москву»: Первый приезд Брюллова в Москву // Мир музея. 2000. № 3, стр. 10–19.
  29. Письма А.И. Иванова к сыну // РХА. 1892. Вып. 3–4. № 15, стр. 177. 8 августа 1836 г.; *Рамазанов Н.А.* Материалы для истории..., стр. 50.
  30. ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 12. Д. 1790. Л. 2; *Петров П.Н.* Сборник материалов для истории... Ч. 2, стр. 348. 24 сентября 1836 г.
  31. *Петров П.Н.* Сборник материалов для истории... Ч. 2, стр. 350; Отчет Императорской Академии художеств за 1836–1837 академического года // ЖМНП. 1838. Ч. 17, стр. 139–140.
  32. Краткое историческое обозрение..., стр. 4; РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–19.
  33. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 296. Л. 21–22, 32–33.
  34. ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 10. Д. 18. Л. 28.
  35. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 296. Л. 29.
  36. Там же. Л. 35–43.
  37. *Свербеев Д.Н.* Записки. 1799–1826. Т. 2. М., 1899, стр. 309.
  38. РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 1. Л. 3 об.; *Дмитриева Н.А.* Указ. соч., стр. 20.
  39. РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–8.
  40. Там же. Д. 1. Л. 6, 6 об.
  41. ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 11. Д. 4. Л. 62.
  42. Там же. Л. 60.
  43. РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 1. Л. 16–19.
  44. *Рамазанов Н.А.* Материалы для истории..., стр. 37.
  45. *Благовещенский А.А.* Указ. соч. Вып. 1, стр. 9.
  46. *Добровольский А.* Об-учреждении в Москве картинной галереи и при ней выставки художественных произведений // Московский наблюдатель. 1836. Ч. 6, стр. 564–570.
  47. ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 11. Д. 4. Л. 2.
  48. Там же. Л. 54.
  49. Там же. Л. 11–13 об.
  50. Там же. Л. 19–24.
  51. Там же. Л. 65, 72–73, 79–80, 82, 86 об.
  52. Там же. Л. 59.
  53. Там же. Л. 68–70.
  54. В принципе распылчатость сведений о плане создания картинной галереи вполне выявляется по авторитетной работе Э. Ацаркиной, которая пишет, что группа московских художников, ставивших перед собой не только узкопрофессиональные, но и просветительские задачи, стремилась приобщить народ к художественной культуре, сделал искусство доступным народным массам. Одним из намеченных мероприятий была организация в Москве картинной галереи... Москвичам не удалось осуществить свои благие намерения (см.: *Ацаркина Э. К.П.* Брюллов, стр. 161).
  55. *Фролов А.И.* Московские музеи. М., 1999, стр. 69–70.
  56. ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 12. Д. 651. Л. 62.
  57. РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 3. Д. 3. Л. 19; *Дмитриева Н.А.* Указ. соч., стр. 19.
  58. Выставка картин в Московском художественном классе // Московский наблюдатель. 1839. Ч. 2. № 3, стр. 50.
  59. *Рамазанов Н.А.* Материалы для истории..., стр. 36, 37.
  60. *Дмитриева Н.А.* Указ. соч., стр. 23–24.
  61. *Петров П.Н.* Сборник материалов для истории... Ч. 2, стр. 391.
  62. ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 11. Д. 1927. Л. 21 об.; Краткое историческое обозрение..., стр. 6.
  63. РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 3. Д. 2. Л. 3.
  64. Там же. Д. 5. Л. 5.
  65. ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 12. Д. 1790. Л. 3 об.
  66. Московское Художественное общество // Московские ведомости. 1843. № 148. 11 декабря, стр. 896; Историческое обозрение..., стр. 19. Часть сведений имеется и у Благовещенского А.А. (См.: Указ. соч. Вып. 1, стр. 10).
  67. РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 3. Д. 3.
  68. Там же. Л. 23–31.
  69. ЦИАМ. Ф. 680. Оп. 12. Д. 1790. Л. 2–4.
  70. Речь Сенявина И.Г. 5 декабря 1843 г. // Московские ведомости. 1843. № 148, стр. 896; Краткое историческое обозрение..., стр. 7. См. также: *Благовещенский А.А.* Училище живописи, ваяния и зодчества в Москве // РХА. Вып. 2. 1894, стр. 75.
  71. Московские ведомости. 1843. № 143.
  72. РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 3. Д. 5. Л. 6 об., 7; Московское Художественное общество // Московские ведомости. 1843. № 148, стр. 896–897; Московское Художественное общество // Москвитанин. 1843. Ч. VI. № 11, стр. 531–537.

73. РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 3. Д. 5. Л. 15.
74. Там же. Л. 26—27.
75. РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 111. Л. 111.
76. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 291. Л. 26. Диплом от 3 апреля 1844 г.
77. РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 3. Д. 4. Л. 8; Историческое обозрение..., стр. 23.
78. РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 3. Д. 5. Л. 9, 23 об., 26 об.; Д. 6. Л. 73, 82, 196; Д. 7. Л. 34 об., 45; Д. 8. Л. 55; Д. 10. Л. 22, 31 об., 34; Д. 13. Л. 9; Оп. 1. Д. 188.
79. Историческое обозрение..., стр. 24; Краткое историческое обозрение..., стр. 9; *Благовещенский А.А.* Указ. соч. Вып. 2, стр. 77.
80. *Соловьев В.М.* Улица Кирова, 21. М., 1988, стр. 18, 19; *Неменов Г.Н.* Юшков дом: Материалы новых исследований // *Русская усадьба*. М., 1997. Вып. 3, стр. 243—254.
81. РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 3. Д. 7. Л. 23 об., 24.
82. Там же. Оп. 1. Д. 111. Л. 206.
83. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 294. Л. 89.
84. РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 3. Д. 4. 6—17. Протоколы.
85. Там же. Д. 6. Л. 82, 82 об.; Д. 13. Л. 9; Д. 14. Л. 39; Д. 16. Л. 21.
86. Там же. Д. 7. Л. 9, 9 об.
87. *Петров П.Н.* Сборник материалов для истории... Ч. 3, стр. 132—133.
88. РГАЛИ. Ф. 16. Оп. 16. Д. 1726. Л. 4.
89. *Благовещенский А.А.* Указ. соч. Вып. 2, стр. 82.
90. Письма русских художников (1840—1850-е гг.) // Публ. Н.А. Каргаполовой // *Река времени: Книга истории и культуры*. М., 1995. Кн. 3, стр. 16.
91. РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 23. Л. 10.
92. Москвитянин. 1844. № 5, стр. 188.
93. *Боткин М.А.* Иванов: Его жизнь и переписка. СПб., 1880, стр. 170, 225—226, 228—229; *Ляковская О.Я.* Московское Училище живописи и ваяния // *История Москвы: В 6 т. Т. 3*. М., 1954, стр. 712, 714.
94. РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 3. Д. 7. Л. 45.
95. *Благовещенский А.А.* Указ. соч. Вып. 2, стр. 77.
96. Письма русских художников..., стр. 12.
97. РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 38. Л. 32—33.
98. *Петров П.Н.* Сборник материалов для истории... Ч. 3, стр. 79.
99. Краткое историческое обозрение..., стр. 10.
100. Отчет Совета МХО за 1849 г., стр. 10.
101. *Собко Н.П.* Словарь русских художников. Т. 3. Вып. 1. СПб., 1899, стр. 88, 93.
102. РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 5. Л. 3—5.
103. ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 11. Д. 4. Л. 66 об.
104. РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 5. Л. 20.
105. Там же. Л. 2.
106. *Смирнова Е.* Герцен и художник Кирилл Горбунов // *А.И. Герцен*. 1812—1870. М., 1946, стр. 108—112.
107. РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 5. Л. 21—27, 33, 34, 36, 38, 44, 45.
108. Там же. Д. 12. Л. 5.
109. *Петров П.Н.* Сборник материалов для истории... СПб., 1866. Ч. 3, стр. 3; *Благовещенский А.А.* Указ. соч. Вып. 2, стр. 74.
110. *Дмитриева Н.А.* Указ. соч., стр. 26—27.
111. *Благовещенский А.А.* Указ. соч. Вып. 2, стр. 74.
112. РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 3. Д. 7. Л. 33.
113. ОР РГБ. Ф. 231. Разд. 2. Карт. 35. Д. 64. Л. 11.
114. *Дмитриева Н.А.* Указ. соч., стр. 74.
115. *Перов В.* Рассказы художника. М., 1960, стр. 109—110.
116. Краткое историческое обозрение..., стр. 11.
117. РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 3. Д. 7. Л. 23 об., 24.
118. Там же. Д. 8. Л. 57.
119. *Рамазанов Н.А.* Материалы для истории..., стр. 287—288.
120. Краткое историческое обозрение..., стр. 12; *Благовещенский А.А.* Указ. соч. Т. 2, стр. 81.
121. Историческое обозрение..., стр. 28; Отчет Совета МХО за 1849 г. М., 1850, стр. 7, 14—15, 18.
122. Письма русских художников..., стр. 13. В.Г. Худяков (1826—1876), профессор живописи.
123. *Петров П.Н.* Сборник материалов для истории... Ч. 3, стр. 18.
124. Там же, стр. 67.
125. *Дмитриева Н.А.* Указ. соч., стр. 49.
126. Краткое историческое обозрение..., стр. 14.
127. *Благовещенский А.А.* Указ. соч. Вып. 2, стр. 80.
128. ОР ГПБ. Ф. 850. Д. 600. Л. 2.
129. Краткое историческое обозрение..., стр. 10.
130. Москвитянин. 1851. Ч. V. Кн. 1—2. Сентябрь, стр. 110.
131. Московские ведомости. 25 сентября 1848 г. № 116, стр. 1045; 30 сентября 1848 г. № 118, стр. 1066; *Барсамов Н.С.* И.К. Айвазовский. М., 1962, стр. 69—70.
132. *Шевырев С.П.* Выставка в залах Художественного училища // *Москвитянин*. 1848. № 11, стр. 45—48.
133. Москвитянин. 1851. Кн. 1. № 7—8, стр. 199—210; Московские ведомости. 22 марта 1851 г. № 35, стр. 292—295; *Барсамов Н.С.* И.К. Айвазовский, стр. 78—79.
134. Московские ведомости. 22 марта 1851 г. № 35, стр. 293.
135. *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1897. Т. XI, стр. 26.
136. Московские ведомости. 22 марта 1851 г. № 35, стр. 290.
137. Отчет Совета МХО за 1849 г., стр. 21—23.
138. *Лецинский Я.Д.* П.А. Федотов: Художник и поэт. Л.—М., 1946, стр. 40.
139. *Ляковская О.Я.* Московское Училище живописи и ваяния // *История Москвы: В 6 т. Т. 3*, стр. 726; *Степанова С.С.* Собиратели западноевропейской гравюры и живописи из среды московской художественной интеллигенции второй четверти XIX в. // *Частное коллекционирование в России*. 1995. Вып. 27, стр. 137—138.
140. Обед, данный в Москве октября 21 в честь князя П.А. Вяземского // *Москвитянин*. 1850. Ч. VI. № 21, стр. 33—46; РГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Д. 699. Л. 1.
141. М.С. Шепкин Жизнь и творчество. М., 1984. Т. 2, стр. 57.
142. И.С. Аксаков в его письмах. Ч. 1. Т. 3. М., 1892, стр. 214—215; *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. Т. XIV, стр. 426—446; *Дружинин Н.М.* Москва в годы Крымской войны // *История Москвы: В 6 т. Т. 3*, стр. 769.
143. *Лебедев К.Н.* Записки // *РА*. 1889. Кн. 1, стр. 152.
144. ОР РГБ. Ф. 36. Д. 6. № 2. Л. 85.
145. Князь Б.В. Голицын (1769—1813), старший брат Д.В. Голицына, женат не был, но имел двух дочерей, «сестер Зеленских», которых после его смерти взяла на воспитание княгиня Т.В. Голицына, супруга светлейшего князя. Одна из них была замужем за С.П. Шевыревым.
146. *Бартенев П.И.* Воспоминания // *Российский архив*. М., 1991. Т. 1, стр. 69.
147. Записка С.П. Шевырева // *РС*. 1890. Т. 67. № 9, стр. 627—630.
148. *Снегирев И.М.* Дневник. Т. 2, стр. 72.
149. *Чичерин Б.Н.* Воспоминания // *Русские мемуары*. 1826—1856. М., 1990, стр. 206.
150. М.С. Шепкин Жизнь и творчество. Т. 1, стр. 263—264.

151. *Датиева Н.С.* Дом Чертковых на Мясницкой улице, стр. 264.
152. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 295. Л. 204.
153. РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 111. Л. 339–342.
154. ОР РГБ. Ф. 36. Д. 6. № 2. Л. 85.
155. М.С. Шепкин Жизнь и творчество. Т. 1, стр. 281.
156. РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 111. Л. 345, 349 об.
157. ОПИ ГИМ. Ф. 457. Д. 15. Л. 93, 93 об.
158. РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 188. Л. 1. 1860–1864 гг.
159. Краткое историческое обозрение..., стр. 20.
160. Там же, стр. 19.
161. ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 228. Д. 288. Л. 2–3. 24 мая 1895 г.
162. *Перов В.* Рассказы художника, стр. 118.
163. *Ляковская О.Я.* Живопись и скульптура // История Москвы: В 6 т. Т. 4. М. 1954, стр. 795.
164. *Перов В.* Рассказы художника, стр. 101, 109.
165. Начальное художественное образование // История Москвы: В 6 т. Т. 3, стр. 704.
166. Письма русских художников..., стр. 16–17.
167. *Репин И.Е.* Письма. Переписка с П.М. Третьяковым (1873–1893). М.–Л., 1946, стр. 163.
168. *Стасов В.В.* П.М. Третьяков и его картинная галерея // РС. 1893. Кн. 12, стр. 589.

ЧАСТЬ III

ГЛАВА 1

1. *Сперанский С.В.* К истории нищенства в России. СПб., 1897, стр. 36; *Он же.* Рабочие дома в России и за границей. СПб., 1896; *Герье В.И.* Записка об историческом развитии способов призрения в иностранных государствах и о теоретических началах правильной его постановки. СПб., 1897, стр. 103, 162; *Буксгевден О.* Об устройстве рабочих домов в Германии, Швейцарии и Австрии // Тюремный вестник. 1897. № 5, стр. 206–237.
2. *Власов П.* Обитель милосердия. М., 1991, стр. 150–151; *Храпоничева Е.В.* Дома трудолюбия // Московский журнал. 1999. № 9, стр. 42–47.
3. *Галкина М.* Работные дома: неудача трудотерапии // www.miloserdie.ru/История милосердия.
4. См.: *Сперанский С.В.* К истории

- нищенства в России, стр. 16–18; *Он же.* Рабочие дома в России..., стр. 17.
5. *Сперанский С.В.* Рабочие дома в России..., стр. 18. Шпингауз – прядильная мануфактура.
6. Цит. по: *Власов П.* Обитель милосердия, стр. 149.
7. О Попечительном комитете, учредившемся в г. Воронеже для вспоможения бедным // Журнал Императорского Человеколюбивого общества. 1818. Ч. 5. Июль, стр. 16, 19.
8. ПСЗ-2. Т. 4. № 2820, стр. 255.
9. *Варадинов Н.* История Министерства внутренних дел. СПб., 1862. Ч. 3. Кн. 1, стр. 600.
10. ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 10. Д. 622. Л. 32, 39, 40, 68.
11. А.И. Кошелев, которого князь уговорил стать советником в Московском губернском правлении, отметил для себя, что в нем собраны все порядочные люди. См.: *Кошелев А.И.* Записки. М., 1991, стр. 72.
12. Мысли Наполеона о нищих // Прибавление к «Московским губернским ведомостям». 1845. № 1, стр. 7.
13. *Герье В.И.* Записка об историческом развитии способов призрения..., стр. 42.
14. ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 10. Д. 622. Л. 70. 2 ноября 1834 г.
15. Там же. Л. 162, 163, 168.
16. Попечительный совет общественного призрения: кн. Д.В. Голицын, Н.А. Небольсин, гр. А.И. Гудович, Д.М. Львов, В.Д. Олсуфьев, А.С. Талызин, кн. В.И. Мещерский, П.А. Новиков, А.Д. Чертков.
17. Ступальная мельница приводит в движение «наступным» колесом, по которому ходит человек.
18. ПСЗ-2. Т. 11. Отд. 1. № 9470, стр. 876–880.
19. Знаменитые россияне..., стр. 647.
20. *Лауров А.* Юсупов дом у Харитонья в Огородниках // Современная летопись. 1863. № 4, стр. 13–16.
21. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 292. Л. 11 об.; РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 33. Л. 61 об.
22. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 291. Л. 17.
23. Благотворительные учреждения Российской империи. СПб., 1900. Т. 2, стр. 316.
24. Отчет московского обер-полицейстера за 1839 г. // ЖМВД. 1840. № 4, стр. 54.
25. ПСЗ-2. Т. 12. Отд. 1. № 11514, стр. 94–104.
26. Московский городской дом трудолюбия и Работный дом в

- его прошлом и настоящем. М., 1913, стр. 4–5.
27. ПСЗ-2. Т. 14. Отд. 1. № 12757.
28. Отчет московского обер-полицейстера за 1840 г. // ЖМВД. 1841. № 1, стр. 308.
29. Прибавление к «Московским губернским ведомостям». 1843. № 15, стр. 205.
30. Всеподданнейший отчет Московского комитета о просиявших милостыню за 1841 г. // ЖМВД. 1842. № 3. Ч. 43, стр. 222–228.
31. *Варадинов Н.* Указ. соч. Ч. 3. Кн. 2, стр. 533, 541.
32. Царя Бориса Годунова, который также устраивал столы для голодных, в 1839–1841 гг. не упоминали.
33. *Сивков К.В.* Управление и хозяйство Москвы // История Москвы: В 6 т. Т. 3. М., 1954, стр. 343.
34. Б.В. Страхов (некролог) // Прибавление к «Московским губернским ведомостям». 1842. № 28, стр. 659.
35. *Глинка Ф.Н.* Обед, какого не было. М., 1839, стр. 7, 15–17.
36. Сейчас это стихотворение Ф.Н. Глинки можно найти с величайшим трудом, поэтому предлагаем отрывок из него:

...А Москва цветет все та же!
И с кудрей стряхнувши прах,
Стала чище, стала глаже,
Все ж на тех родных холмах.
Отчего ж легко так снова
Так роскошно зашвела?
Оттого, что век была
И радушна, и готова
Делать добрые дела.
Ты к Царям благоговеешь,
Повинуешься властям
И делить кусок умеешь
С нищим братом пополам!
Ты застольничаешь славно,
И радуешь праотцов
Поновила нам недавно:
Вот наставила столов,
И скликает хлебосолье
(И в невзгодке на приволье)
И калеку, и слепца.
Не озябли, знать, сердца
У людей Москвы старинной.
Тут душа, как встарь, кипит:
Много доброго таит
Град наш древний, град картинный!
О, низойди ж с небес благословенье
От лона шедрого Отца
На град, где так цветет благотворенье
И верою теплы сердца!

37. ОЗ. 1840. Т. X. № 5. Отд. VI, стр. 12–13.
38. *Варадинов Н.* Указ. соч. Ч. 3. Кн. 2, стр. 601, 609–610.
39. Концерт 2 апреля в пользу нищих // Москвитянин. 1841. № 5,

- стр. 239—240; № 6, стр. 550.
40. Нищие в Москве и действия Комитета для разбора и призрения просящих милостыни // Прибавление к «Московским губернским ведомостям». 1841. № 41, стр. 629—639.
41. Прибавление к «Московским губернским ведомостям». 1843. № 42, стр. 569.
42. Всеподданнейший отчет Московского комитета о просящих милостыню за 1840 г. // ЖМВД. 1841. № 1, стр. 308—330; Нищие в Москве и действия Комитета для разбора и призрения просящих милостыни..., стр. 629—639; Всеподданнейший отчет Московского комитета о просящих милостыню за 1841 г. // ЖМВД. 1842. № 3, стр. 221—261; *Гастев М.* О нищих в Москве // Прибавления к «Московским губернским ведомостям». 1842. № 49, стр. 1017.
43. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 291. Л. 21.
44. *Кузнецов А.* Энциклопедия русских наград. М., 2002, стр. 21—22.
45. Извлечения из Отчета Московского комитета для разбора и призрения просящих милостыни за 1846 г. // Московский городской листок. 1847. № 195. 9 сентября, стр. 778; № 197. 11 сентября.
46. Московский городской дом трудолюбия и Работный дом в его прошлом..., стр. 5.
47. *Варадинов Н.* Указ. соч. Ч. 3. Кн. 3, стр. 681.
48. ПСЗ-2. Т. 27. Отд. 1. № 26503.
49. *Варадинов Н.* Указ. соч. Ч. 3. Кн. 3. стр. 675.
50. *Лауров А.* Юсупов дом и призреваемые в нем // Современная летопись. 1863. № 3, стр. 12—15.
51. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 291. Л. 22. 17 ноября 1841 г.
52. Там же. Л. 46.
53. *Виноградов В.Н.* Бенджамин Дизраэли и Фея на престоле. М., 2004, стр. 59—60.
54. *Снегирев И.М.* Дневник. Т. 2, стр. 2.
55. *Романович-Славатинский А.* Дворянство в России. Киев, 1912, стр. 507.
56. ПСЗ-2. Т. 6. Отд. 2. № 4989.
57. *Романович-Славатинский А.* Дворянство в России, стр. 473.
58. Там же, стр. 626.
59. *Корелин А.П.* Институт предводителей дворянства: О социальном и политическом положении дворян // История СССР. 1978. № 3, стр. 31—48.
60. *Романович-Славатинский А.* Дворянство в России, стр. 287, 327, 357.
61. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 297. Л. 1.
62. Это обнаруживается при сопоставлении «Систематического каталога дел архива Московского дворянства с предисловием составителя каталога проф. Н.Я. Грота» (М., 1898) с современными описями указанных фондов 380 и 383.
63. ЦИАМ. Ф. 380. Оп. 4. Д. 19. Л. 1, 1 об.
64. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 297. Л. 84—89 об.
65. Там же. Л. 46, 46 об.
66. Там же. Л. 187.
67. И.С. Аксаков в его письмах. М., 1896. Ч. 1. Т. 3, стр. 120.
68. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 298. Л. 164—182; *Грот Н.Я.* Указ. соч., стр. XIV—XVI.
69. *Литвинова Т.Н.* Дворянские сословные учреждения Воронежской губернии в 1801—1831 гг. // Из истории воронежского края. Воронеж. 2002. Вып. 10, стр. 114.
70. *Барсуков А.* Российское городское собрание в Москве. М., 1886, стр. 32.
71. ЦИАМ. Ф. 380. Оп. 1. Д. 63. Л. 1.
72. *Никифоров Д.* Из прошлого Москвы. М., 1901, стр. 12.
73. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 292. Л. 96 об., 99 об.; Д. 297. Л. 56.
74. ПСЗ-2. Т. 3. 1828. № 2502; ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 299. Л. 120—168.
75. *Гобза Г.* 100-летие Московской первой гимназии. 1804—1904. М., 1903, стр. 71, 72, 86, 93, 149, 324.
76. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 299. Л. 182.
77. *Снегирев И.М.* Дневник. Т. 1, стр. 237.
78. РГИА. Ф. 733. Оп. 30. Д. 265. Л. 291—293.
79. Открытие детской больницы в Москве // Прибавление к «Московским губернским ведомостям». 1842. № 15, стр. 339—342.
80. Маскерады // Москвитянин. 1842. № 2, стр. 694.
81. ОПИ ГИМ. Ф. 14. Д. 4005. Л. 20—21.
82. Письма русских художников (1840—1850-е гг.) // Река времени: Книга истории и культуры. М., 1995. Кн. 3, стр. 12—13.
83. *Зверев С.Е.* Юбилейный сборник Михайловского Воронежского кадетского корпуса (1845—1895). Воронеж, 1898, стр. 5.
84. *Де-Пуле М.Ф.* Николай Иванович Второв // РА. 1877. № 8, стр. 442.
85. *Абакумов В.М.* Книги Кадетского корпуса в фондах библиотеки Воронежского университета // Из истории Воронежского края. Вып. 7. 1998, стр. 108—109.
86. *Зверев С.Е.* Николай Дмитриевич Чертков: К 50-летию Михайловского Воронежского кадетского корпуса // РА. 1895. Кн. 3. № 11, стр. 375—399; *Зверев С.Е.* Юбилейный сборник Михайловского Воронежского кадетского корпуса, стр. 159.
87. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 292. Л. 12.
88. Там же. Л. 8—9.
89. РГИА. Ф. 733. Оп. 3 (1836—1845). Д. 148.
90. ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 15. Д. 9044.
91. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 292. Л. 37.
92. Международные отношения на Балканах. 1830—1856 гг. М., 1990, стр. 272.
93. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 297. Л. 113, 132; *Дружинин Н.М.* Москва в годы Крымской войны // История Москвы: В 6 т. Т. 3, стр. 746.
94. РГИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 1096. Л. 1, 1 об.
95. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 297. Л. 146.
96. *Дружинин Н.М.* Москва в годы Крымской войны, стр. 746.
97. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 297. Л. 148.
98. Там же. Д. 292. Л. 38.
99. Международные отношения на Балканах. 1830—1856 гг. М., 1990, стр. 275—276.
100. *Бескровный Л.Г.* Русское военное искусство. XIX в. М., 1974, стр. 225.
101. *Самохвалова Л.Н.* Вятское ополчение 1855—1856 гг. (по материалам Государственного архива Кировской области) // М.Е. Салтыков-Щедрин в зеркале исследовательских пристаний. Тверь, 1996, стр. 256; *Годин В.С.* Пензенские ополченцы в Крымской войне // Поиски и находки: Из записных книжек краеведов. Саратов, 1984, стр. 90; *Николаев Д.А.* Формирование Нижегородского ополчения в 1855 г. // Нижегородский альманах. Вып. 1. Нижний Новгород, 1995, стр. 99.
102. *Лебедев К.Н.* Из записок сенатора. 1855 г. // РА. 1888. Кн. 3, стр. 259—260.
103. *Барсуков Н.П.* Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1899. Т. 13, стр. 382.
104. *Аксакова В.С.* Дневник. СПб., 1913, стр. 50, 56, 57.
105. РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 5. Л. 188. Баргтенев П.И. 19 августа 1855 г.
106. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 299. Л. 71.
107. *Ермолов А.* Род Ермоловых. М., 1912, стр. 135.
108. *Лебедев К.Н.* Из записок сенатора. 1855 г., стр. 267.
109. Архив князя Воронцова. Т. 36.

М., 1890, стр. 417.

110. *Попов М.М.* А.П. Ермолов в ополчении // РС. 1893. № 12, стр. 629–633; Московские ведомости. 1855. № 64. 28 мая, стр. 530.
111. *Романович-Славатинский А.* Дворянство в России, стр. 209–211.
112. *Аксакова В.С.* Дневник, стр. 58, 59, 102.
113. *Кошелев А.И.* Записки, стр. 94.
114. Прикладные чиновники – безработные чиновники, зарабатывавшие составлением документов для частных лиц; предлагали свои услуги у Иверской часовни, так как там располагалась долговая тюрьма («яма»).
115. *Лебедев К.Н.* Из записок сенатора, стр. 267, 456.
116. *Решетов Н.* Дела давно минувших дней // РА. 1885. Кн. 2, стр. 435–436.
117. *Давыдов В.* Самарин – ополченец // РА. 1877. Кн. 2. № 5, стр. 44, 46.
118. Государственное подвижное ополчение Владимирской губернии. Владимир, 1900, стр. 117.
119. Там же, стр. 54–56.
120. *Давыдов В.* Самарин – ополченец, стр. 44.
121. *Лебедев К.Н.* Из записок сенатора // РА. 1888. Кн. 1, стр. 485.
122. И.С. Аксаков в его письмах. Т. 3, стр. 127 (29 мая), 129 (22 июня), 131 (3 июля).
123. Мать графини Н.П. Строгановой, супруги С.Г. Строганова, С.В. Голицына (1774–1845) приходилась близкой родственницей В.Д. Голицыной, матери князя А.Н. Голицына – мужа дочери А.Д. Черткова. Кроме того, покойная жена И.Д. Черткова была единственной сестрой пяти братьев Строгановых, в том числе и С.Г. Строганова.
124. ОР РГБ. Ф. 36. Д. 6. № 2, стр. 57.
125. *Лебедев К.Н.* Из записок сенатора. 1855 г., стр. 463.
126. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 299. Л. 51.
127. Там же. Л. 60–62.
128. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 295. Л. 164–169.
129. Император Александр II в эпоху войны 1855 г. // РС. 1883. Т. 37. № 9, стр. 130.
130. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 295. Л. 201.
131. *Лебедев К.Н.* Из записок сенатора // РА. 1889. Кн. 1, стр. 141.
132. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 299. Л. 78.
133. *Лебедев К.Н.* Из записок сенатора // РА. 1888. Кн. 2. № 6, стр. 240.

134. И.С. Аксаков в его письмах. Т. 3, стр. 108, 111.

135. *Дружинин Н.М.* Москва в годы Крымской войны, стр. 746.
136. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 292. Л. 43–44.
137. Там же. Д. 295. Л. 137, 140.
138. *Заоскин С.М.* Воспоминания // ИВ. 1900. Т. 80. № 5, стр. 407, 409.
139. Там же, стр. 405, 406, 412.
140. Государственное подвижное ополчение Владимирской губернии, стр. 117.
141. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 294. Л. 1. (Приказ от 14 ноября № 62. «Переверден Ополчения Московской губернии дружины № 115 прапорщик Чертков в дружину № 122 Ополчения Владимирской губернии»); Государственное подвижное ополчение Владимирской губернии, стр. 28. Приложение.
142. *Годин В.С.* Пензенское ополчение..., стр. 93.
143. ЦИАМ. Ф. 371. Оп. 2. Д. 260. Л. 26 об.
144. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 292. Л. 46, 48.
145. Высочайше утвержденный церемониал торжественного въезда в первопрестольный град Москву и коронация Его Императорского Величества Государя Императора Александра II 26 августа 1856 г. СПб., 1856.
146. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 300. Л. 2–15.

ГЛАВА 2

1. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 285. Л. 118, 120–122.
2. *Дружинин Н.М.* Декабрист Никита Муравьев // Революционное движение в России в XIX в. М., 1985, стр. 41–42.
3. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 298. Л. 68–69.
4. Там же. Д. 294. Л. 45, 46, 47.
5. Там же. Д. 291. Л. 9, 10.
6. Петр Александрович Толстой (1769–1844) в 1816 г. был назначен командиром 4-го пехотного корпуса, в 1823 г. пожалован в члены Государственного Совета, в 1825 г. награжден орденом Андрея Первозванного. «Граф Толстой был человек усердный, верный, на которого совершенно было можно положиться: русский в душе и русский по уму, т.е., как говорится, из проста лукав. Такие люди с притворною рассеянностью, как бы ничего не помня, ничего не замечая, за всем следят глазами зоркими и наблюдательными, ни на минуту не теряя из виду пользы и чести своего отечества». См.: Зна-

- менитые россияне..., стр. 745–747.
- Князь С.И. Гагарин (1777–1862), сенатор (1811), действительный тайный советник (1831). Выйдя в отставку в 1817 г., он только в 1826 г. вновь поступил на службу почетным опекуном по Московскому опекуному совету, в 1827 г. – член Совета Екатеринбургского и Александрийского институтов. Был назначен заведующим домом призрения сирот при Воспитательном доме в 1830 г. Князь Гагарин был исконым москвичом, прожившим всю жизнь в своем громадном доме на Знаменке, владел 5 тыс. душ и 30 тыс. дес. земли. См.: Знаменитые россияне..., стр. 352–354.
7. *Перепелкин А.П.* Историческая записка об учреждении Императорского Московского общества сельского хозяйства и воспоминания о действиях и деятелях Общества за истекшее 70-летие с 20 декабря 1820 по 20 декабря 1895 г. М., 1895, стр. 38–39. Приложение.
8. *Горбунов Н.П.* Краткий обзор 50-летия деятельности Императорского Московского общества сельского хозяйства с 1820 по 1870 гг. М., 1871, стр. 1.
9. *Перепелкин А.П.* Историческая записка..., стр. 46, 55.
10. *Некчина М.В.* Движение декабристов. М., 1955. Т. 1, стр. 176–179.
11. *Перепелкин А.П.* Историческая записка..., стр. 36; *Чернояров Н.И.* Исторический очерк развития тонкошерстного овцеводства в России и обозрение нынешнего положения его. М., 1873, стр. 29.
12. Московские ведомости. 1836. № 1, стр. 14–16; ЦИАМ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2867. Л. 54; ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 305. Л. 53; *Маслов С.А.* Историческое обозрение Императорского Московского общества сельского хозяйства со времени его основания до 1846 г. М., 1846, стр. 121, 285.
13. ЦИАМ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 2871. Л. 41; Д. 2985. Л. 3 об., 55.
14. Журнал сельского хозяйства и овцеводства. 1847. № 2, стр. 40.
15. ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 9. Д. 486.
16. *Андросов В.П.* Отчет Главного Московского общества овцеводов за 1840 г. М., 1841, стр. 45.
17. Юбилей 25-летних трудов Императорского Московского общества сельского хозяйства и выставка сельских произведений на хуторе общества. М., 1846, стр. 37.
18. *Веселовский Г.М.* Город Острогжск и его уезд, стр. 85.

19. Ковальченко И.Д. К истории скотоводства в Европейской России в первой половине XIX в. // *Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР*. М., 1960. Сб. IV, стр. 178, 187, 197.
20. Россия: Полное географическое описание нашего отечества: Настольная книга для русских людей под ред. В.П. Семенова. СПб., 1899. Т. 1, стр. 254.
21. И.А. Мальцов — промышленник, из купеческого рода, который был возведен в дворянство именным указом Екатерины II. Мальцов женился на К.М. Вышеславцевой, расторгшей брак с В.Л. Пушкиным, дядей А.С. Пушкина. Его двоюродный брат Мальцов С.А. — восприемник при рождении брата Пушкина Николая 24 марта 1801 г.
22. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 294. Л. 63 об.
23. Записки Второго комитета сахароваров // *Московский наблюдатель*. 1835. Кн. 1, стр. 117.
24. *Котц В.М.* Исторический взгляд на свеклосахарное производство в Европе до наших времен // *Журнал сельского хозяйства и овцеводства*. 1847. № 3, стр. 207—222; *Шишков Н.П.* Последовательный ход усовершенствований свеклосахарной промышленности в России // *Там же*, стр. 223—242; *Маслов С.И.* О Высочайшем покровительстве свеклосахарной промышленности в России // *Там же*, стр. 243—253.
25. Берковец, или четверть, свекловицы равен 10 пудам, или 163,8 кг.
26. Московские ведомости. 1838. № 14. 16 февраля, стр. 111.
27. *Перепелкин А.П.* Историческая записка..., стр. 103. Приложение.
28. Московские ведомости. 1844. № 37, стр. 237. Десятина — мера площади, равная 2400 кв. саженей (1,09 га), четверть = 1/2 десятины.
29. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 295. Л. 38 об.
30. Там же. Л. 60—61.
31. Воронежская памятная книжка на 1856 год. Воронеж, 1856. Отд. IV, стр. 15, 19, 38—41.
32. *Михалевич В.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Т. 4. СПб., 1862, стр. 295—298.
33. *Турганев Н.И.* Россия и русские. М., 2001, стр. 223.
34. *Корыстин И.* Раскольники Валуйского уезда // Воронежские губернские ведомости. 1866. № 12.
35. Воронежская памятная книжка на 1856 год. Отд. IV, стр. 39.
36. *Чехов М.П.* Вокруг Чехова. Встречи и впечатления Е.М. Чехова. Воспоминания. М., 1981, стр. 23—24; «Таганрога я не мину»: Чехов в Таганроге. Ростов-на-Дону, 1985, стр. 18, 19, 20.
37. *Дудзинская Е.А.* Славянофилы в общественной борьбе. М., 1983, стр. 69, 75.
38. *Вяземский П.А.* Полн. собр. соч. Т. 7. СПб., 1882, стр. 220.
39. *Перепелкин А.П.* Историческая записка..., стр. 117.
40. *Греч Н.* Записки о моей жизни, стр. 546.
41. *Маслов С.А.* О свеклосахарной промышленности // *Московский городской листок*. 1847. № 162, стр. 648—650.
42. *Московский городской листок*. 1847. № 142, стр. 567—568; № 147, стр. 587—588; № 162, стр. 648—650; № 173, стр. 692—694; № 182, стр. 728—729; № 220, стр. 879—881.
43. *Маслов С.А.* О Высочайшем покровительстве свеклосахарной промышленности в России, стр. 251—252.
44. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 298. Л. 21—42.
45. ЦИАМ. Ф. 380. Оп.1. Д. 1010. Л. 5; Воронежские губернские ведомости. 1850. № 49, стр. 407.
46. *Красочкин В.Т.* Из истории возделывания свеклы // *Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР*. М., 1960. Сб. IV, стр. 487, 492, 495.
47. Юбилей 25-летних трудов ИМОСХ и выставка..., стр. 50—52; Исторический взгляд на сахарную промышленность в России // *Московские ведомости*. 1844. № 37, стр. 237; Из доклада министра государственных имуществ за 1846 г. // *Московский городской листок*. 1847. № 274; *Маслов С.А.* О свеклосахарной промышленности, стр. 649.
48. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 288. Л. 8.
49. Сельцо Чернево (24 версты от столицы, 11 верст от уездного города Подольска на проселке близ Серпуховского шоссе; в 4 км. на юго-запад от ст. Бутово) — в начале XVIII в. вотчина стольников Таракановых, в середине XIX в. — Н.Д. Черткова. В 1851 г. здесь проживало в 32 дворах крепостных крестьян: 103 мужчины, 126 женщин. От господского дома ничего не осталось, и о былом великолепии усадьбы с роскошным парком и системой каскадных прудов напоминают лишь остатки липового парка с прудами. Сохранилась церковь Рождества Христова 1709—1722 гг. с колокольней первой половины XIX в. С 1995 г. здесь находится Патриаршее подворье. См.: *Нистрем Н.* Указатель селений и жителей уездов Московской губернии. М., 1852, стр. 928; *Чижков А.Б.* Подмосковные усадьбы сегодня. Путеводитель с картой-схемой. М., 2000. № 196; *Полякова Г.А.* Флора и растительность старых парков Подмосковья. М., 1992, стр. 112—113.
50. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 286. Л. 3—7.
51. *Акиншин А.Н.* Земельные владения..., стр. 44.
52. *Седов А.П.* Ярополец. М., 1980, стр. 35.
53. *Олейников Т.* Слобода Россош..., стр. 6—18.
54. Список населенных мест по сведениям 1859 г. СПб., 1862. Т. 24. Московская губерния, стр. 8, 101, 102 (№ 137, 188, 121, 2473, 2536, 2572, 2573).
55. *Нистрем Н.* Указатель селений и жителей уездов Московской губернии, стр. 13, 29, 44, 48, 76, 79, 87, 89, 90; *Чижков А.Б.* Подмосковные усадьбы сегодня, стр. 128. № 385; *Полякова Г.А.* Флора и растительность..., стр. 121.
56. ЦИАМ. Ф. 380. Оп. 1. Д. 341. Л. 3, 4, 8.
57. Встречается также и название «Абушково» (муж. 77 душ, жен. 80 душ, 11 дворов, 75 верст от столицы). См.: *Нистрем Н.* Указатель селений и жителей уездов Московской губернии, стр. 424.
58. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 286. Л. 1.
59. ПСЗ-2. Т. 20. Отд. 1. 1845 г. № 19202.
60. ЦИАМ. Ф. 380. Оп. 1. Д. 1267. Л. 1—4.
61. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 286. Л. 81—84.
62. Ренсковый погреб (от «рейнское [вино]») — распивочное заведение, в котором торговали виноградными винами.
63. *Михалевич В.* Материалы для географии и статистики России... Т. 4, стр. 233—235.
64. *Веселовский Г.М.* Город Острогжск..., стр. 208—209.
65. Воронежский юбилейный сборник в память 300-летия г. Воронежа. Воронеж, 1886. Т. 1, стр. 675; Благотворительные учреждения Российской империи. СПб., 1900. Т. 2, стр. 127.
66. *Веселовский Г.М.* Город Острогжск..., стр. 210.
67. *Михалевич В.* Материалы для географии и статистики России... Т. 4, стр. 223, 227.
68. *Веселовский Г.М.* Город Острогжск..., стр. 85.
69. Список населенных мест по сведениям 1859 г. СПб., 1865. Т. 9. Во-

ронежская губерния, стр. 123—125.
70. Рыбин Ю.В. Сахарная промышленность Воронежской области и ее влияние на формирование городских поселений // Вопросы географии населения. Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена. Л., 1966. Т. 279, стр. 221—228.
71. Юбилей 25-летних трудов Императорского Московского общества сельского хозяйства и выставка сельских произведений на хуторе Общества. М., 1846, стр. 26.

ГЛАВА 3

1. Буторов А. Собиратели и мещанаты московского Английского клуба. М., 2002, стр. 139.
2. Краткое описание различных тайных обществ, кои действительно или мнимое существование обнаружено Следственною комиссиею // Декабристы в воспоминаниях современников. М., 1988, стр. 190—191.
3. Ильин П.В. Бесвестные декабристы: о лицах, не вошедших в «Алфавит» А.Д. Боровкова // 14 декабря 1825 г.: Источники, исследования, историография, библиография. Вып. 4. СПб., 2001, стр. 434—436; Ильин П.В. Предполагаемые декабристы: Обзор указаний источников о возможных участниках тайных обществ и военных выступлений. 1825—1826 гг. // Там же. Вып. 5. СПб., 2002, стр. 98.
4. Дружинин Н.М. Декабрист Никита Муравьев // Избранные труды. Революционное движение в России в XIX в. М., 1985, стр. 119—120, 197.
5. 14 декабря жестоким ударом поразило семью Муравьевых. Семь членов ее было арестовано: Никита Михайлович Муравьев и младший брат его Александр, корнет Кавалергардского полка, Сергей, Матвей и Ипполит Муравьевы-Апостолы, Артамон Захарович Муравьев и Александр Николаевич Муравьев. Ипполит застрелился под Белой Церковью, Сергей Иванович был повешен, Артамон Захарович скончался в Сибири, там же умер и Александр Михайлович. Из ссылки вернулись только Матвей Иванович да Александр Николаевич. М.С. Лунин был двоюродным братом Н.М. Муравьева.
6. Мемуары декабристов: Северное общество. М., 1981, стр. 391.
7. Там же, стр. 343.

8. Бибикова А. Из семейной хроники // Исторический вестник. 1916. № 11, стр. 414, 418.
9. ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 317. Л. 1—109.
10. Мемуары декабристов. Северное общество, стр. 390.
11. Из воспоминаний М.Д. Францевой // Декабристы в воспоминаниях современников, стр. 388.
12. ГАРФ. Ф. 1153. Оп. 1. Д. 168. Л. 2—3.
13. Московские ведомости. 1848. № 51, стр. 413.
14. Илларион Михайлович Бибикова был женат на Екатерине Ивановне Муравьевой-Апостол, сестре декабристов Сергея и Матвея Ивановичей. Сестра И.М. Бибикова была замужем за героем Отечественной войны полковником А.С. Фигнером (1787—1813). Причисленный к лейб-гвардии Гусарскому полку, полковник свиты государя, «И.М. Бибиков был на пороге блестящей карьеры. Когда разразился бунт, он вышел к Гвардейскому экипажу, уговаривая солдат разойтись. Те приняли его в палати. Рылеев и некоторые другие офицеры, зная его как зятя Муравьевых-Апостолов, закричали солдатам: “Стойте, братцы, это наш!”. В беспамятстве удалось им спасти Иллариона Михайловича, накрыв его солдатской шинелью, чтобы не было видно вензелей на эполетах, отнесли его во двор Семеновских казарм. Но нашлись “добрые люди”, донесшие обо всем государю. Слова “он из наших” погубили его. Николай Павлович снял с него вензеля и всю жизнь не давал ему ходу по службе, мытаря его губернатором то калужским, то саратовским. Так как у него состояния не было никакого, но была большая семья, то ему приходилось очень плохо. К концу царствования Николая Павловича прадед был самым старым генерал-майором во всей русской армии. Только с воцарением Александра II с него была снята опала. Его произвели в генерал-лейтенанты, потом назначили сенатором» (см.: Бибикова А. Из семейной хроники, стр. 414—425).
15. Бибикова А. Из семейной хроники, стр. 414—425; Декабристы в воспоминаниях современников, стр. 150—151.
16. Бибикова А. Из семейной хроники, стр. 417, 425.
17. Из воспоминаний правителя дел Следственной комиссии А.Д. Боровкова // Декабристы в воспоминаниях современников, стр. 299.
18. Турганев Н. Россия и русские.

М., 2001, стр. 49.
19. ВД. Т. 1. М.—Л., 1925, стр. 10, 132; Т. 3, стр. 31; Т. 20, стр. 460—461.
20. Шильдер Н.К. Император Александр I. СПб., 1898 Т. 4, стр. 472.
21. Турганев Н. Россия и русские, стр. 57, 667, примеч. 75.
22. Нечкина М.В. Движение декабристов. М., 1955. Т. 1, стр. 150.
23. Записка о «Союзе Благоденствия», представленная А.Х. Бенкендорфом Александру I в мае 1821 г. // Декабристы в воспоминаниях современников, стр. 182—185.
24. Турганев Н.И. Дневники и письма за 1824—1826 гг. Т. 4, стр. 93
25. Ланда С.С. Дух революционных преобразований: Из истории формирования идеологии и политических организаций декабристов. 1816—1825. М., 1975, стр. 97; Турганев Н.И. Дневники и письма за 1811—1816 гг. Т. 2. СПб., 1913, стр. 302.
26. Мироненко С.В. Страницы тайной истории самодержавия: Политическая история России первой половины XIX столетия. М., 1990, стр. 16.
27. Турганев Н.И. Дневники и письма за 1816—1824 гг. Вып. 5. Т. 3, стр. 369—370.
28. Всеобщая библиотека России. Отделение II. М., 1864, стр. 615—616.
29. Чертков А.Д. Воспоминания о Сицилии. М., 1836. Ч. 2, стр. 60, 85—86.
30. Шмидт С.О. «Предстатели перед самодержцем»: декабристы в представлении людей рубежа XIX и XX столетий // 14 декабря 1825 г... Вып. 4, стр. 41—42.
31. Устав «Союза Благоденствия» // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. 1, стр. 242, 261.
32. Гершензон М.О. М.Ф. Орлов // Грибодовская Москва. М., 1989, стр. 285—287.
33. Снегирев И.М. Дневник Т. 1, стр. 272; Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Т. 5, стр. 478; Чаадаев П.Я. Сочинения и письма. Т. 1, стр. 401.
34. Зайцев А.Д. П.И. Бартнев. М., 1989, стр. 72—73.
35. РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 3. Д. 1. Л. 14.
36. Дудзинская Е.А. Славянофилы в общественной борьбе. М., 1983, стр. 23.
37. Орлов М.Ф. Капитуляция Парижа: Политические сочинения. Письма. М., 1963, стр. 140, 141.
38. Отчет Московского художественного класса за 1834/5 год,

читанный в годичном собрании директором М.Ф. Орловым // Московский наблюдатель. М., 1835. Ч. II. Отд. III, стр. 161–174.

39. *Чертков А.Д.* Воспоминания о Сицилии, стр. 69–70.

40. *Чертков А.Д.* Описание войны в. кн. Святослава..., стр. 138.

41. *Дьяков В.А.* Политические интерпретации идеи славянской взаимности // Методические проблемы истории славистики. М., 1978, стр. 240; *Мурзакевич Н.Н.* Записки // РС. 1889. № 2, стр. 251; *Терновский Ф.А.* Изучение Византийской истории и ее тенденциозное приложение в Древней Руси. Киев, 1875, стр. 299.

42. *Чертков А.Д.* Всеобщая библиотека России. 1845, стр. 311.

43. Там же, стр. 308.

44. *Дудзинская Е.А.* Славянофилы..., стр. 37.

Заключение

1. *Ливен Д.* Аристократия в Европе. 1815–1914. СПб., 2000, стр. 216–219.

Формулярный список

1. В список включены данные формуляров (см.: ОПИ ГИМ. Ф. 445. Д. 292. Л. 79–102 об.; РГАЛИ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 33. Л. 61–69 об.; ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 530. Л. 2, 2 об.; Ф. 16. Оп. 15. Д. 648. Л. 14–18 об.; Ф. 371. Оп. 2. Д. 260; РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 1098. Л. 649–652; Ф. 733. Оп. 3. Д. 265. Л. 8, 21).

2. Здесь и далее расхождение в датах вызвано несопадением сведений в разных формулярных списках.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АРАН** – Архив Российской академии наук
ВВр – Византийский временник
ВД – Восстание декабристов
ВДИ – Вестник древней истории
ВЕ – Вестник Европы
ВИ – Вопросы истории
ВОИДР – Временник Общества истории и древностей российских при Московском университете
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ГПИБ – Государственная публичная историческая библиотека
ГПИБР – Государственная публичная историческая библиотека России
ЖМВД – Журнал Министерства внутренних дел
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей
ИБАИ – Известия на Българския археологически институт (София)
ИВ – Исторический вестник
ИИБИ – Известия на Института за българската история (София)
КСИС – Краткие сообщения Института славяноведения
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
МОСХ – Московское общество сельского хозяйства
МХО – Московское художественное общество
ОЗ – Отечественные записки
ОИДР – Общество истории и древностей российских
ОЛРС – Общество любителей российской словесности
ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного Исторического музея
ОР РГБ – Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина (ныне – Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург)
ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
РА – Русский архив
РБС – Русский биографический словарь А.А. Половцева
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
РГИА – Российский государственный исторический архив
РИС – Русский исторический сборник
РС – Русская старина
РХА – Русский художественный архив
ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы
УЗ – Ученые записки
ЦАНТДМ – Центральный архив научно-технической документации Москвы
ЦИАМ – Центральный исторический архив Москвы
ЧОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете
Ф. – фонд
Оп. – опись
Д. – дело
Л. – лист

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ 3

ЧАСТЬ I

ГЛАВА 1. В Воронеже 7

Чертковы 7

Тевяшовы 45

Детство и юность А.Д. Черткова 61

ГЛАВА 2. А.Д. Чертков — конногвардеец 97

Новые впечатления 97

В лейб-гвардии Конном полку 106

Отечественная война и Заграничные походы 1813—1814 гг. 113

Петербург 1815—1822 гг. 137

ГЛАВА 3. Зарубежное путешествие 1823—1825 гг. 155

А.Д. Чертков и П.И. Кеппен 155

Путешествие по Сицилии 162

И вновь Италия, Швейцария, Италия 169

ГЛАВА 4. Дела семейные 181

В Орле 181

Женитьба 188

Русско-турецкая война 1828—1829 гг. 195

В домашнем кругу 201

«Чернышевские дела» 205

Обособник на Мясницкой и его обитатели 211

ЧАСТЬ II

ГЛАВА 1. Научная деятельность А.Д. Черткова 227

Нумизматика 227

«Воспоминания о Сицилии» 238

Археология 246

ГЛАВА 2. Славистика 255

Путешествие в Италию 255

«О переводе Манассиной летописи...» 264

«Описание войны великого князя Святослава Игоревича...» 280

В поисках предков славян 290

А.Д. Чертков и болгарское просвещение 299

ГЛАВА 3. Императорское общество истории и древностей российских	309
Вице-президент	309
Председатель ОИДР	324
ГЛАВА 4. Чертковская библиотека	337
«Всеобщая библиотека России...»	337
А.Д. Чертков и его современники	359
ГЛАВА 5. Училище живописи и ваяния	373
Первые успехи	373
Первый праздник искусств	382
На грани исчезновения	385
О картинной галерее в Москве	390
Новые надежды	395
Заботы Совета Московского Художественного общества ..	402
Преподаватели Училища живописи и ваяния	407
«Какая смесь одежд и лиц...»	410
Выставки, лотереи, чествования	419
Роковая драма в доме Черткова	424

ЧАСТЬ III

ГЛАВА 1. На статской службе	433
Работный дом	433
Предводитель московского дворянства	453
А.Д. Чертков и московское ополчение в Крымскую войну	472
ГЛАВА 2. А.Д. Чертков — предприниматель	493
Тонкорунное овцеводство	493
Сахарная промышленность	500
ГЛАВА 3. А.Д. Чертков и его воззрения	523
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	547
P.S.	551
Формулярный список А.Д. Черткова о службе и достоинстве	553
Основные даты жизни А.Д. Черткова	558
Примечания	560
Список сокращений	589

Фролова Марина Михайловна
Александр Дмитриевич Чертков (1789–1858)

Редактор: Л.В. Пушков
Арт-директор: Г.В. Масленникова
Компьютерная верстка: Н.С. Ворламова
Корректор: Л.Л. Пушкова

Подписано в печать 27.12.2007 г.
Формат 70x100/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Печ. л. 37,0.
Гарнитура «PragmaticaС», «NewtonС».
Тираж 2000 экз. Заказ №9857.

Полиграфические работы выполнены
ОАО «Московские учебники и Картолитография».

122522, Москва, ул. Зорге, 15; Тел.: 8 (499) 195-86-47
Генеральный директор С.М. Линович.

М.М. Фролова

Александр Дмитриевич Чертков
(1789—1858)

М.М. Фролова
Александр Дмитриевич Чертков (1789—1858)